

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД ВИЛОЯТИ ҲОКИМЛИГИ
ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ТАШҚИ ИШЛАР ВАЗИРЛИГИ
ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ
ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ЮНЕСКО ИШЛАРИ
БЎЙИЧА МИЛЛИЙ КОМИССИЯСИ**

САМАРҚАНД ШАҲРИНИНГ УМУМБАШАРИЙ МАДАНИЙ ТАРАҚҚИЁТ ТАРИХИДА ТУТГАН ЎРНИ

Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган
халқаро илмий симпозиум материаллари

Тошкент — Самарқанд
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
«Фан» нашриёти
2007

Ушбу тўплам дунёнинг энг кўхна ва бетакрор шаҳарларидан бири, ўзида бир неча минг йиллик тарих, юксак цивилизация намуналарини мужассам этган, инсониятнинг маданий тараққиётида алоҳида аҳамиятга эга бўлган Самарқанднинг 2750 йиллик юбилеи муносабати билан ўтказилаётган халқаро симпозиум материалларини ўз ичига олади.

Тўпламда Зарафшон воҳасида ибтидоий маданиятнинг қарор топиши, деҳқончилик манзилларининг пайдо бўлиши, тарихий тараққиёт давомида маданиятларнинг алмашинуви каби илмий муаммолар ечимига кенг ўрин берилган. Ўрта Осиё халқларининг илк ёзма ёдгорлиги «Авесто»да қадимги Сўғд ҳақидаги маълумотлар, Самарқанднинг шаҳар сифатида шаклланиши, унинг Эрон аҳамонийлари ва Александр Македонский салтанати, эфталийлар, Турк ҳоконлиги давлатлари таркибидаги тарихи, шаҳарнинг топонимикаси, манбашунослиги, сўғдийларнинг Буюк ипак йўлидаги фаолияти, илк ўрта асрлардаги диний толерантлик масалалари бирламчи манбалар ҳамда моддий маданият намуналари орқали ёритилган ва таҳлил қилинган. Бир қатор мақолалар Сўғдда ислом динининг ёйилиши, IX-XII асрларда шаҳарнинг Шарқ ренессансининг маркази сифатида ривожланиши, мўғуллар истилосидан кейинги инкироз, Амир Темур ва Темурийлар даври ренессанси масалалари янги археологик топилмалар, мавжуд меъморий обидалар мисолида ўрганишга бағишланган. Тўпламдан жой олган туркум мақолаларда Самарқанднинг Ўрта Осиё хонликлари, Чор Россияси, совет тузуми даври тарихи ва Ўзбекистон мустақиллиги йилларидаги иқтисодий ва маданий тараққиёти ютуқлари таҳлил қилинган.

Лойиҳа раҳбари - академик Ш.И. Салихов

Таҳрир хайъати:

академик С.С. Гулямов, А.А. Баҳромов, проф. Т.М. Мирзаев, проф. Д.А. Алимова, т.ф.н. А.А. Раимқулов, т.ф.н. Дж.К. Мирзааҳмедов, т.ф.н. А.М. Маликов, т.ф.н. А.Х. Атаходжаев, т.ф.н. А.А. Грицина, ф-м.ф.н. М.Қ. Қодиров

Масъул муҳаррирлар:

проф. Т.Ш. Ширинов, т.ф.н. Ш.Р. Пидаев

**ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
SAMARKAND PROVINCE KHOKIMIYAT
MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
MINISTRY FOR HIGHER AND SECONDARY SPECIALIZED EDUCATION
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
NATIONAL COMMISSION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN ON UNESCO**

THE ROLE OF SAMARKAND IN THE HISTORY OF WORLD CIVILIZATION

Materials of the International Scientific Symposium
devoted to the 2750th Anniversary of the City of Samarkand

Tashkent–Samarkand
«Fan» Publishing House
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
2007

This book contains the materials of the International Symposium on results of studies of one of the most ancient urban centers with multi-thousand-year history – the 2750-years-old Samarkand, which holds the original samples of material culture and which has made a valuable contribution to the world civilization.

The problems of pre-historic cultures of Zarafshan valley and formation of centers of early sedentary culture are discussed in the book. The data about Soghd in Avesta, the earliest Central Asian written source, and about the process of establishment of Samarkand as a capital urban center, its role in the Empires of Achaemenids, the Great Alexander, Ephtalites, Turkic Kaganate are analyzed. Some questions of history, toponimics, source studies, and the role of Soghdians in forming of the Great Silk Road, and the problems of social and spiritual history are enlightened. A number of articles is devoted to Islamic expansion in Soghd, turning Samarkand into one of the largest centers of the Eastern and later the Timurid Renaissances in the 9th-12th centuries and also to the tragic events of the Mongol invasion and its critical consequences. Additionally, the materials of the book deal with the wide spectrum of questions related to the monumental architecture during the developed and late Medieval periods, the role of Samarkand in the history of the Central Asian Kaganates, the colonial period, and the Soviet Era. The deep reforms in the economics and worldwide recognition of Uzbekistan during the Independence are also discussed in the book.

Head of the Project – academician Sh.I. Salihov

Editorial Board:

Academician S.S. Gulamov, A.A. Bahromov, Prof. T.M. Mirzayev, Prof. D.A. Alimova,
Dr. A.A. Raimkulov, Dr. D.K. Mirzaahmedov, Dr. A.M. Malikov, Dr. A.H. Atakhojayev,
Dr. A.A. Gritsina, Dr. M.K. Kadirov

Editors-in-chief:

Prof. T.Sh. Shirinov, Dr. Sh.R. Pidayev

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ХОКИМИЯТ САМАРКАНДСКОГО ВИЛОЯТА
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМИССИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО**

РОЛЬ ГОРОДА САМАРКАНДА В ИСТОРИИ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Материалы Международного научного симпозиума,
посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда

Ташкент – Самарканд
Издательство «Фан»
Академии наук Республики Узбекистан
2007

Настоящий сборник содержит материалы международного симпозиума по результатам исследований одного из древнейших городских центров с многотысячелетней историей – 2750-летнего Самарканда, вобравшего в себя образцы оригинальной материальной культуры и внесшего значительный вклад в мировые цивилизационные процессы.

В сборнике отражены проблемы первобытной культуры Зарафшанской долины, формирования очагов раннеземледельческих культур. Анализируются сведения о Согде в наиболее раннем среднеазиатском письменном источнике – Авесте, периоде становления Самарканда как столичного городского центра и его месте в империях Ахеменидов, Александра Македонского, Эфталитов, Тюркского каганата. Освещаются отдельные вопросы истории, топонимики, источниковедения, роль согдийцев в становлении Великого шелкового пути, проблемы социальной и духовной истории. Ряд статей посвящен внедрению на территории Согда ислама, превращению Самарканда в IX – XII вв. в один из крупнейших центров восточного, а затем тимуридского ренессанса, трагическим событиям монгольского завоевания и преодолению его глубоких кризисных последствий. Материалы сборника отражают широкий спектр вопросов, связанных с монументальным зодчеством как развитого, так и позднего средневековья, ролью Самарканда в истории Среднеазиатских ханств, колониальным периодом, советской системой, а также крупными преобразованиями в экономике, культуре, а также о широком международном признании в годы независимого Узбекистана.

Руководитель проекта - академик Ш.И. Салихов

Редколлегия:

академик С.С. Гулямов, А.А. Бахромов, проф. Т.М. Мирзаев, проф. Д.А. Алимова, к.и.н. А.А. Раимкулов, к.и.н. Дж.К. Мирзаахмедов, к.и.н. А.М. Маликов, к.и.н. А.Х. Атаходжаев, к.и.н. А.А. Грицина, к.ф.-м.н. М.К. Кадыров

Ответственные редакторы:

проф. Т.Ш. Ширинов, к.и.н. Ш.Р. Пидаев

ШАҲАРСОЗЛИК ВА ДАВЛАТЧИЛИКНИНГ ИЛК ШАКЛЛАРИ

*М. Жўракулов, Д.М. Жўракулова
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНД ХУДУДИНИНГ ЭНГ ҚАДИМГИ МАДАНИЯТ ТАРИХИ САҲИФАСИ

Самарқанд шаҳри Зарафшон ҳавзасининг ўрта воҳасида жойлашган бўлиб, қадимдан ўзининг табиий-жўғрофий жойлашиши, унумдор тупроғи, мўътадил иқлими ва экологик шароити, серсув сойлари, барқарор зилол сувли чашмалари ҳамда тирикчилик озуқалари ва бошқа ресурсларга бойлиги палеолит (қадимги тош) давридан бошлаб одамзод эътиборини тортди келган.

Самарқанд худудида яшаган ибтидоий одамларнинг излари ҳақидаги дастлабки маълумотлар XIX асрнинг 80-йилларига бориб тақалади. Олимларимиз Самарқанд худуди ва у билан боғлиқ воҳада, асосан XX асрнинг 40-йилларидан бошлаб, унинг ибтидоий маданият тарихини ўрганишга астойдил киришдилар. Самарқанд Давлат университети ва ЎзФА Археология институти ҳамкорлигида олиб борилган тадқиқот ишлар туфайли бу ерда ибтидоий жамоалар тарихининг барча тараққиёт босқичларига тегишли ёдгорликлар, тош ва жез даврлари жамоаларига тегишли қатор манзилгоҳлар кашф қилинди. Ургут тоғининг шимоли-шарқий қиялари дараларида Омонқўтон, Такалisoй, Гўрдара ғор типидagi маконлар, воҳанинг пастки оқими билан боғлиқ Зиёвутдин ясси тоғи этакларида Зирабулоқ, Қўтирбулоқ маконлари топилиб текширилди ва бу ёдгорликлар палеолитнинг ўрта босқичи (100-40 минг йиллар аввал)га тегишли эканлиги, ижтимоий жиҳатдан эса ибтидоий тўда-овчи гуруҳ кишиларига мансублиги аниқланди. Бу маконлардан топилган меҳнат қуроллари, уларга замондош ҳайвонот дунёси қолдиқлари, гулхан излари уларнинг турмуш тарзидан маълумот берарди. Меҳнат қуроллари таркибида дид билан ишланган найза тиғлари, кирғичлар, рандалар, турли хилдаги кескич ускуналар, ўзақлар сингари ашёлар бу жамоаларнинг турмушбоп турли хил қуроллар ясаганликлари ўз даврига мос ва хос юксак маданият соҳиблари бўлганлигидан гувоҳлик берарди. Бу жамоаларнинг ҳаёти, хусусан, овчилик ва терим-термачиликка асосланган бўлиб, улар муайян ижтимоий бирликни, яъни бирлашиб меҳнат қилишни ва турмуш кечиришни йўлга қўйиб яшаганлар. Маконлардан топилган инсон турмуши билан боғлиқ маданий қатламларнинг топилмаларга сероблигига қараганда бу жамоалар ўрта палеолит давридан бошлаб, оддий кулбалар тиклаб, муҳим экологик бурчакларни ўзлаштириб яшаганлар. Ўша замонларда ҳам тоғлик ва текисликларда яшаган аҳолининг турмуш тарзи экологик муҳитга нисбатан муайян даражада фарқланган. Масалан, Омонқўтон ғор маконида яшаган инсон гуруҳлари айик, муфлон (тоғ қўйи), ибтидоий буқа, бўри, буғу, жайрон сингари жониворларни ов қилишган бўлса, текис музофотдаги Зирабулоқ, Қўтирбулоқ каби макон эгалари эса ибтидоий от, туя, буқа, фил, қулон, буғу каби жониворларни гуруҳларга бирлашиб ов қилишганлар. Олимларнинг қиёсий хулосасига кўра, ҳар бир маконда ўртача 20-25 кишидан иборат тўда овчилар яшаган.

Шуни қайд этиш лозимки, мамлакатимизнинг Фарғона воҳасидаги Селунғур ғор макони манбалари 1 млн. 300 минг, Зарафшон воҳасининг қуйи сарҳадларидан топилган одам излари 350-500 минг йилликлар билан саналанганлиги Самарқанд худудида яратилган палеолит даври маданияти ўзга юртлардан кириб келган эмас, балки, туб маҳаллий, автохтон замижда содир бўлганлигини кўрсатади.

Сўнги палеолит (бундан 40-12 минг йиллар) даврига келиб, ҳозирги замон ақлли одамлари (*homo sapiens*) тўла шаклланди, маданиятнинг муайян куртаклари вужудга келди, маъноли нутқ пайдо бўлди, ижтимоий муносабатларда ҳам муҳим ўзгаришлар юз берди, хусусан, она уруғчилик тузуми қарор топди, матриархат даври бошланди. Бу тарихий ҳодисалар эса тўда гуруҳлари замирида уруғчилик жамоаси тарихининг бошланиши билан характерланарди.

Самарқанд худудида бу даврга доир Сиёбча, Булунғур туманидаги Хўжамазгил, Сазагон қишлоғи атрофида жойлашган Олмабулоқ каби маконлар топилиб ўрганилди.

Самарқанд маконида 1939, 1958-1973 йилларда 3 та маданий қатламдан археологик ва палеонтологик топилмалар қўлга киритилди. Унда тош ашё нусхалари 8 мингдан ортиқ бўлиб, унинг таркибида пичоқсифат қурооллар, қўл чопқилари, қирғич ва рандалар, найза тиғлари, чопкич қурооллар – болталар, турли шакл-шамойилга эга ўзаклар, кескич ва тешгич қурооллар, гулхан, ўчоқ, жамоанинг кулба қолдиғи, қизил бўёқ излари, суяқдан ва чиғаноқдан ясалган тақинчоқлар, шунингдек, 30-35 ёшли одам қолдиғи топилди. Макон жамоалари ёввойи от, бука, бухоро буғуси, кулон сингари жониворларни ов қилишиб, она уруғдошлик тизими замирида бирлашиб яшаганлар ва улар узоқ-яқинда яшаган жамоалар билан қизгин кўшничилик алоқалари ҳам олиб борганлар. Масалан, макондан топилган чиғаноқларнинг асл жойи Ҳинд уммони ва Қизил денгиз кўрфазлари ҳисобланади. Самарқанд макони меҳнат қуроолларининг ясаиш услуб технологияси ўз даврига нисбатан юксак бўлиб, ҳар жиҳатдан бу макон манбалари Марказий Осиёда эталон ва андоза ёдгорлик саналади.

Сиёбча макони Самарқанд маконига яқин жойда, Чашма Сиёб жарлигининг ўнг соҳилида, унинг Сиёб дарёчасига туташган қирғоғида жойлашган. Текширув ишлари натижасида макондан маданий қатлам билан боғлиқ турли меҳнат қурооллари, жумладан, найза тиғлари, дағал ишланган рандалар, қирғичлар, муайян мақсадлар учун қўлланилган бошқа турли-туман ускуналар, ўзаклар топилган бўлиб, уларни ишлашда қўлланилган техник-технологик услуб айнан Самарқанд маконини эслатади. Бундан ташқари Самарқанд шаҳри худудининг бир неча жойларидан, жумладан, ҳозирги М. Қошғарий кўчаси, Динамо ўйингоҳи, Дахбед кўчаси, Регистон майдони, Афросиёб шаҳарчаси худудида ва бошқа жойлардан алоҳида тарзда топилган палеолит ашёлари шаҳар худудининг қадимдан одамзод томонидан муайян ўзлаштирилганлигини кўрсатмоқда.

Самарқандга яқин Булунғур туманидаги Хўжамазгил сўнгги палеолит даври макони, манбалари, жумладан, турли шакл-шамойилга эга меҳнат қурооллари, гулхан ва табиий бўёқ излари ҳам Самарқанд маконини эслатади.

Хуллас, қўлга киритилган археологик манбалар Самарқанд ва унинг атроф худудида палеолит даврида юз берган ижтимоий ва маданий тараққиётни ифодалаб беришда муҳим илмий аҳамиятга эгадир.

Самарқанд худуди билан боғлиқ тош асри ёдгорликлари, яъни палеолит жамоаларининг меросхўрларига тегишли мезо-неолит даври макону манзилгоҳлари воҳа бўйлаб содир бўлган узлуксиз тараққиёт жараёнидан гувоҳлик беради. Мезолит (ўрта тош асри) мил. авв. 12-7 минг йилликларни ўз ичига олади. Бу даврга доир қатор ёдгорликлар Қоратепа тоғининг шимолий қиялари бўйлаб жойлашга Сазағон-1, Замичатош, Оҳалик маконлари бу давр воҳа тарихи бўйича қизиқарли манбалар берди. Мезолит жамоалари меҳнат қуроолларини такомиллаштиришда муайян ютуқларга эришиб, жумладан, ўқ-ёйни кашф қилишди, ҳайвонларни хонакилаштиришни бошлаб, маҳсулот ишлаб чиқаришнинг куртаклари вужудга келди.

Самарқанд воҳаси бўйлаб узлуксиз тараққиётни неолит ёдгорликлари замирида тиклаш мумкин. Аслида, неолит - янги тош асрининг сўнгги босқичи бўлиб, мил. авв. 6-4 минг йилликларни ўз ичига олади. Бу даврда одамзод турмушида муҳим ўзгаришлар юз берди. Аввало, меҳнат қурооллари такомиллашуви замирида ишлаб чиқарувчи хўжаликка асос солинди, зиратчилик, кулолчилик ва оддий тўқимачилик кашф қилиниши сингари тадрижий жараён билан боғлиқ ўзгаришлар юз берди, она уруғчилиги жамоа тузуми гуллаб-яшнади.

Самарқанд воҳасининг туташ минтақаси бўлган Қоратепа тоғи шимолий ёнбағирларида 30 дан зиёд неолит даври ёдгорликлари топилиб ўрганилди. Булар, Сазағон-2, Жангал, Тепакул сингари маконлардир. Тош ашёлар таркибида турли-туман қурооллар, жумладан, ўқ-ёйлар, қирғичлар, пичоқсимон қурооллар, ўроқ учун қадама тошлар, рандалар, силлиқланган болталар, ёрғучоқлар, жуводиз ва бошқалар, шунингдек, сопол идишлар, тақинчоқлар, санъат намуналари, қабр, кулбалар қолдиғи, шунингдек, замондош ҳайвонот олами қолдиқларидан иборат. Бу «Сазағон маданияти» номи билан фанга кирди.

Воҳанинг неолит даври ворислари бўлган жамоалари металл даврида ҳам бу худудларни ўзлаштириб яшаганлар. Бу давр мил. авв. II-I минг йиллик бошлари тарихини ўз ичига олиб, ибтидоий жамоалар турмушида кескин ўзгаришлар юз берди. Бинобарин, металлнинг кашф

қилиниши, хусусан, ундан ишлаб чиқарилган воситаларнинг турмушга тадбиқ қилиниши давр иқтисодий, ижтимоий ва маънавий ҳаётини ларзага келтирди. Меҳнат унумдорлиги ошиб, мулкӣ табақаланишнинг иқтисодий базаси яратилди. Умуман қаралганда, воҳанинг бу давр тарихини ўрганиш ишлари 1960-2005 йиллар давомида бажарилган бўлиб, қатор ёдгорликлар Мўминобод, Чакка, Сойғус, Жом, Сиёб, Тўқайли сингари қабр ва қишлоқлар қолдиқлари ўрганилди

Мўминобод қабристон туридаги ёдгорлик Ургут тоғи даралари атрофида жойлашган бўлиб, бу ерда яқка тарзда дафн қилинган 6 та қабр ўрганилди. Топилмалар - зебу зийнат буюмлари, жумладан, жез ойна, қумуш ва олтин сири берилиб ишланган исирғалар, мунчоқлар, билагузуклар, сопол идишлар, шунингдек, қабрларнинг бирида суяқдан ясалган сибизғалар (найлар) воҳада яшаган аҳолининг юксак заргарлик санъати маданиятидан, шунингдек, мусиқа санъатидан гувоҳлик беради. Ёдгорлик мил. авв. 14-13 асрларга оид. Ургут тумани Сойғус қишлоғи атрофида топилган қабр ҳам мил. авв. II минг йилликнинг I-ярмига тегишли бўлиб, ундан зеб-зийнат буюмлари топилди.

Самарқанд давлат хўжалиги худудида жойлашган Тўқайли қишлоғидан қадимги металлургиянинг қароргоҳи топиб ўрганилди. Турли-туман безаклардан ташқари қадимги темирчи - металлург, хунармандлар ҳаётини ифодаловчи топилмалар, жумладан, металл эритадиган, маъдан майдалайдиган ускуналар, тошқол қолдиқлари, хунармандлар кулбаси, турли қуроллар ва бошқа ашёлар мил. авв. 2-минг йилликда яшаган қабилаларнинг турмуш тарзи тарихини тиклашда муҳим манба ҳисобланади.

Нуробод туманига қарашли Жом қишлоғи атрофидан жез даври буюмлари топилди. Бундан ташқари қадимги қабристон қазиб ўрганилди. Топилмалар орасида пардоз-андоз буюмлари, жумладан, турли жез ойналар, тақинчоқлар, тўғноғич ва бошқа ашёлар топилган.

Зарафшоннинг сўл қирғоғида, Самарқанддан 9 км ғарбда жойлашган Чакка қабристонидан 4 та яқка ҳолатда дафн қилинган мил. авв. 14-13 асрларда яшаган аёллар қабрлари текширилди ва улардан жез билагузуклар, олтин суви берилган жеваклар, шокила, майда мунчоқлар ва бошқа ашёлар топилди. Бу манбалар қадимги Афросиёб шаҳарчаси шарқий дарвозасидан бир неча метр нарида жойлашган қабрдан ғужанак ҳолатда дафн қилинган одам скелети, жездан ясалган шокила-чўлпи, ҳар хил зеб-зийнат безаклари – таниқчоқлар, мунчоқлар, феруза, ложувард тошидан ишланган маржонлар ҳамда нақшланган сопол идишлар топилган. Бу ашёлар мил. авв. 19-18 асрларга тегишлидир. Бу давр ёдгорликлари маҳаллий чорвадор-деҳқон жамоаларга тегишли бўлиб, уларда андронова маданияти излари ҳам кузатилади.

Хуллас, юқорида қайд этилган ёдгорликлар мил. авв. 2-минг йилликда Самарқанд ва унинг худудида яшаган чорвадор-деҳқон аждодларимизнинг ўз даврида юксак маданият соҳиблари бўлганлигидан гувоҳлик бериб, Самарқанд шаҳрининг илк илдизларининг вужудга келишида бу атрофда мавжуд бўлган қишлоқлар асос бўлган деган илмий фаразга олиб келади. Шундай қилиб, шаҳарлашиш давригача бўлган Самарқанд худуди ва унга ёндош музофотда ўрта палеолит давридан буён одамзод яшаб келган, ўз даврига хос юксак маданият яратган. Аждодларимиз, мил. авв. II минг йилликда қишлоқлар бирлашмасидан Кўктепа ва Самарқанддек илк шаҳарларга асос солганлиги исботланмоқда

M.D. Djurakulov - History Pages of Samarkand Valley's Ancient Culture

The article is devoted to archeological aspects of the vicinities of Samarkand during the Stone and Bronze ages. All known scientific achievements as well as the latest discoveries on the ancient culture of Samarkand and its suburbs are discussed. The article describes the pre-urban cultures of the area's communities. Numerous anthropological materials and interesting stone tool complexes were collected as a result of the latest studies of the Paleolithic stands of Samarkand. The article focuses on the importance of the Bronze age monuments such as Siabcha, Chakka, Tukali and Muminobod. It is observed that the earliest urban processes occurred on the basis of these monument's. the study results show that urbanization process have been continuing from the Bronze age. The archeology researchers of the Samarkand State University have played an important role in the pre-history studies. Particularly the earliest samples of metal products in Soghd were found in the Tulayli Valley by these researchers. These findings show that the urbanization process was based on the culture of the region.

САМАРҚАНД ҲУДУДИ БИЛАН БОҒЛИҚ ЖОЙЛАР: ТОШ ДАВРИ ЖАМОАЛАРИ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ

Мустақил Республикамиз ўз тараққиётининг барча жабҳаларида жаҳон андозалари сари юз тутмоқда. Хусусан, жаҳон халқлари билан ижтимоий, иқтисодий, сиёсий ва маданий соҳалар бўйича алоқаларда ҳам янгидан-янги саҳифалар очилмоқда. Шубҳасиз, бундай алоқалар негизда Ватанимиз ҳудуди жаҳон халқлари цивилизациясининг кўҳна маданият марказларидан бири эканлиги ўлкамиз тарихий, маданий ёдгорликларга бой эканлиги, ҳамда халқимиз бой маданий меросга эга эканлиги каби масалалар муҳим аҳамият касб этади.

Ватанимиз миқёсида Қадимги Хоразм, Бактрия, Сўғд, Фарғона каби илк цивилизация ўчоқлари мавжудки, шубҳасиз, шу ўчоқлар негизда илк шаҳарсозлик маданияти, давлатчилигимизнинг эса “воҳа давлатлари” шаклида илк кўринишлари вужудга келган (бундан 3-3,5 минг йиллар олдин). Шу нуқтаи назардан Самарқанд шаҳри ҳам шундай “воҳа давлатлари” марказларидан бири бўлган. Самарқанд шаҳрининг пайдо бўлиши санаси 2750 йил деб мутахассислар томонидан эътироф этилиши адолатли хулоса ва бу хулоса тўлиқ илмий асосга эга.

Самарқанд шаҳри жойлашган жой, одамзод яшаши учун маъқул бўлган қулай экологик шароитга эга бўлганлиги учун қадимдан (сўнгги палеолит даври – Самарқанд макони, Сиёбча макони) ибтидоий одамзоднинг диққатини ўзига жалб этган. Тарихий тараққиётнинг кейинги босқичларида одамзод бу ерда истиқомат қилиб, бу ҳудуд ўзига хос равишда узлуксиз маданият маркази бўлиб келган.

Биз, ўз тадқиқотимизда Самарқанд шаҳри жойлашган Зарафшон воҳаси тош даври моддий маданиятининг ўзига хос хусусиятларига тўхталган ҳолда, қуйидаги масалаларни ёритишни мақсад қилиб олдик: Зарафшон воҳаси одамзод томонидан ўзлаштирилиши (антропогенез) масаласи; Воҳада кишилиқ тарихи ибтидоий даври тош асри барча тараққиёти босқичларида узлуксиз, маҳаллий маданиятлар негизда ворисийлик асосида маданиятлар яратилганлиги масаласини кўрсатиш; Самарқанд шаҳрига жануби-ғарбий томондан туташ бўлган Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида СамДУ археологлари томонидан тош даври жамоаларига тегишли бўлган маконларнинг ўрганилиши ва тадқиқотларнинг энг сўнгги натижаларини баён этиш, шунингдек мазкур минтақа тош даври жамоаларининг моддий маданиятини ўрганишда истиқболли эканлигини кўрсатишдан иборат.

Самарқанд атроф ҳудуди билан боғлиқ тош даври жамоаларининг моддий маданиятини ўрганар эканмиз, шубҳасиз Зарафшон воҳасининг одамзод томонидан ўзлаштирилиши (антропогенез) масаласига дуч келамиз. Ватанимиз миқёсида бу масала Ўткир Исломов томонидан Селунғур ғор маконининг тадқиқоти натижалари билан (Фарғона одами - 1 млн. 200 минг йил) ўз илмий ечимини топган бўлса, воҳа миқёсида эса сўнгги йиллар мабойнида Ўзбек-Польша археологик экспедицияси томонидан Кўкаяз, Оёқагитма каби ашель даврига оид маконларнинг кашф этилиши билан мазкур минтақа одамзод томонидан илк палеолит давриданок (350-500 минг йил) ўзлаштирилганлиги маълум бўлди (Хўжаназаров, Сайфуллаев, 2001); Зарафшон воҳаси тош асри кейинги тараққиёт босқичи бўлган ўрта палеолит, яъни мустье даври жамоалари моддий маданияти ҳам яхши тадқиқ этилиб, қизиқарли археологик манбалар қўлга киритилган. Хусусан, Кўтирбулоқ, Зирабулоқ каби мустье даврига оид маконларда археологик текширув ишлари амалга оширилиб, бу маконлардан леваллуа типига тош ўзаклари, дисксимон ўзаклар, учбурчаксимон пайконлар, арра тишли услубда ишлов берилган отшеп қуроллари, турли шаклдаги иш майдонига эга бўлган қирғичлар, архаик кўринишдаги парақа қуроллари каби кўплаб қизиқарли археологик манбалар қўлга киритилган (Тошкенбоев, Сулаймонов, 1980). Воҳанинг сўнгги палеолит даври жамоалари моддий маданияти эса Самарқанд макони, Сиёбча ва Хўжамазгил маконлари тадқиқотлари натижасида маълум бўлди. Бу маконлар тадқиқоти жараёнида тош қуроллар - қирғичлар, тешгич қуроллари, понасимон қуроллар, рандасимон қуроллар ҳамда ўзаксимон қирғичлар,

қайроқтош қуроғлари кўплаб топилган. Бу қуроғлар шакли, ишлов берилиш услубларида мустъе даврига хос техникавий услублар сақланиб қолганлиги кузатилган (арра тишли услубда ишлов бериш, қайроқтошли элемент). Шунингдек, Афросиёб шаҳарчаси ўрнидан, Регистон майдонидан, Самарқандга яқин Дарғом каналининг ёнларидан кўплаб тош даври жамоаларига тегишли қизиқарли археологик манбалар ҳам қўлга киритилган (Джурақулов, 1987; Жўрақулов, Холматов 2000, 50-52 - бетлар).

Зарафшон воҳаси мезолит даври жамоалари моддий маданияти масаласига келганимизда сўнги йиллар мобайнида Зарафшон дарёсининг қадимги, қуйи ўзани бўлган Чорбақти воҳасининг (Газли шаҳри яқинида) кашф этилиши ва ундан 60 дан ортиқ мезолит, неолит даври жамоаларига оид маконлар топилиши муҳим аҳамият касб этди. Чорбақти мезолит маконлари (Чорбақти 11, 23, 27, 41) тадқиқоти мазкур жамоалар моддий маданиятининг маҳаллий неолит жамоалари (калтаминор жамоалари) моддий маданиятидан кескин фарқи борлигини кўрсатди. Тош қуроғлари типологик таҳлили мазкур маконлар тош индустрияси отшепли – парақали индустрия эканлигини кўрсатиб, ўз хусусиятлари билан Ўрта Осиё тоғ, тоғ ён бағри минтақаси сўнги палеолит (Самарқанд макони, Шугнов), мезолит жамоалари маданиятига яқин бўлганлиги ҳақида хулоса чиқариш имконини берди (Холматов, 2000, 38-50-бетлар). Шунингдек, Ўрта Зарафшон воҳасида тадқиқ этилган Сазағон 1, Замичатош ҳамда Қорақамар ғор маконларининг моддий маданиятлари ҳам мезолит жамоаларига тегишли ҳисобланади (Джурақулов, Холматов, 1991; 2001, 72-78-бетлар; Худойбердиев, Гречкина, 1992, 38-40-бетлар). Зарафшон воҳаси тош асри неолит даври жамоалари моддий маданияти Ўрта Зарафшон миқёсида Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида Сазағон неолит жамоалари, Қуйи Зарафшон воҳасида эса Калтаминор тарихий-маданий жамоалари мисолида яхши ўрганилган (Джурақулов, Холматов, 1991; Виноградов, 1981). Юқорида зикр этилган фактлардан равшанки, Зарафшон воҳасида кишилиқ тарихи ибтидоий даври тош асри тараққиётининг барча босқичларида узлуксиз равишда маҳаллий, туб жойли маданиятлар негизида ўзига хос хусусиятларга эга бўлган моддий маданиятлар яратишган.

Самарқанд шаҳрига жануби-ғарбий томондан туташ бўлган Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағрида сўнги йиллар мабойинида тош даври жамоалари моддий маданиятини ўрганиш борасида муҳим кашфиёт ва ютуқлар қўлга киритилган. Хусусан, ўтган асрнинг 80-90-йилларида олиб борилган неолит жамоаларига тегишли қатор маконларнинг тадқиқоти натижасида Сазағон неолит жамоалари маданияти илмий асосланган эди. Сўнги йиллар мабойинида эса шу Сазағон неолит жамоалари маданиятига тегишли янги маконлар (Тепакул 3,4,5, Лолаб ғор макони) кашф этилиши билан бир қаторда, тадқиқотларда мазкур минтақада нафақат неолит даври жамоалари, балки мезолит ва, ҳатто палеолит жамоалари ҳам яшашиб, ўзига хос моддий маданият яратишганликлари маълум бўлди. Янги кашф этилган мезолит ёдгорликлари Қорақамар, Очил ғор маконлари, палеолит макони эса Олмабулоқ макони ҳисобланади. Макон тадқиқоти жараёнида қўлга киритилган тош қуроғлари леваллуа – мустъе технологик услубига эга бўлиб, улар ўз жиҳатлари билан Зирабулоқ, Омонқўтон каби палеолит маконлари тош қуроғларига ўхшайди. Баъзи тош қуроғлари шакли ва ишлов бериш услубларида Самарқанд макони тош қуроғларига хос технологик услуб ва хусусиятлар сақланиб қолганлиги ҳолатлари кузатилади (Джурақулов, Холматов 2001, 72-78-бетлар; 2002, 56-58-бетлар). Мазкур минтақада амалга оширилган тадқиқотлар кўрсатишича, тош даври жамоалари бу жойларга нафақат йирик сойлар ён қайирларини, балки йирик сойлар ён дараларидаги ғор ва унгуларни ҳам ўзларига макон қилиб яшаганлар. Бу илмий фактлар 30 дан ортиқ ибтидоий одамзод яшаши эҳтимоли бўлган ғор ва унгулар кашф этилиши билан ўз исботини топди (Холматов, 2006, 24-35-бетлар). Хусусан, мазкур жамоалар моддий маданияти ўзига хос хусусиятлари, маконлар тош индустрияси характери, жамоалар кундалиқ турмуш тарзи, маънавий кечинмалари, хўжалиқ юмушлари, Сазағон жамоаларининг Калтаминор, Ҳисор, Марказий Фарғона жамоалари билан ўзаро кўни-қўшничилик маданий алоқадорликлари ва энг муҳими мазкур минтақа тош даври жамоалари маданиятларининг келиб чиқиш илдизлари борасида қимматли маълумотлар қўлга киритилди. Айниқса, бир минтақанинг ўзида палеолит, мезолит ва неолит даври жамоаларига тегишли маконларнинг

(Олмабулоқ, Сазоғон 1, Қоракамар, Сазоғон 2, Жангал 1, Тепакўл 3,4) ёнма-ён топилиши маданиятлар келиб чиқиши илдизлари масаласининг ечимида муҳим ҳисобланади. Таъкидлаш жоизки, Сазоғон мезолит-неолит жамоалари маданиятларининг шаклланишида, шубҳасиз Самарқанд макони, Чорбақти мезолит жамоалари моддий маданиятлари асос бўлган. Бу масалалар соҳа тадқиқотчилари томонидан ўз вақтида эътироф этилган эди (Джуракулов, Холматов, 1991. 113 бет). Аниқроғи, Сазоғон жамоалари маконлари тош индустриясида Самарқанд макони тош қуроолларига хос хусусиятлар, яъни техникавий услублар сақланиб қолинганлиги кузатилган. Бу ўхшашликлар Сазоғон жамоаларининг понасимон қурооллари, тик иш майдонига эга бўлган отшепдан ясалаган қирғичлари, тешкич қурооллари, кескич қурооллари, тош ўзаклари, архаик кўринишдаги парақалар шакли ва ишлов берилиши услубларида намоён бўлган. Худди шу хусусиятлар Чорбақти мезолит маконлари тош индустриясида ҳам мавжуд. Шу нуқтаи назардан келиб чиқиб, Сазоғон неолит жамоалари моддий маданияти Олмабулоқ, Самарқанд маконлари, Чорбақти мезолит маконлари жамоалари маданиятлари негизида, ворислик асосида вужудга келган деб айта оламиз. Мил. авв. 6-4 минг йилликларда Сазоғон жамоалари ўзларига хос, ўз даврига нисбатан илғор маданият яратганлар ва ўзидан олдинги давр жамоаларининг ворислари бўлишиб, воҳада узлуксиз маданият тараққиётини таъминлашга ҳисса қўшганлар. Сазоғон неолит жамоалари маданияти тадқиқот этилган худуд тоғ ён бағрилари бўлиб, жўғрофий жиҳатдан Ўрта Осиё тоғ ва пасттексислик минтақаларининг оралиқ худуди ҳисобланади. Шу нуқтаи назардан ҳамда тош даври турли босқичларига оид маконлар мавжудлиги билан ҳам мазкур худуднинг археологик жиҳатдан ўрганилиши истиқболлари белгиланади.

Хуллас, Самарқанд шаҳри билан боғлиқ жойлар ибтидоий одамзод томонидан кишилиқ тарихи тараққиёти тош асри илк палеолит давридаёқ ўзлаштирилиб, улар кейинги тош даври тараққиёти кетма-кетлиги босқичларининг барчасида узлуксиз равишда маҳаллий маданиятлар негизида, ворисийлик асосида ўзига хос хусусиятларга эга бўлган маданиятлар соҳиблари бўлганликлари энг сўнгги археологик тадқиқотлар натижасида маълум бўлди. Бу моддий маданият, шубҳасиз, мазкур минтақа аҳолисининг кейинги тарихий тараққиёти босқичларидаги маданияти ривожига асос бўлган.

Фойдаланилган адабиётлар

- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.
Джуракулов М.Ж. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. Ташкент, 1987.
Джуракулов М.Ж. Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарқанднинг илк маданияти тарихидан (Шаҳарнинг санаси ҳақида баъзи мулоҳазалар) // СамДУ “Илмий тадқиқотлар ахборатномаси”. 2000, 2-сон.
Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарқанд университети тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар - 2000 йил. Самарқанд, 2001.
Тошкенбаев Н.Х., Сулаймонов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зеравшана // ИМКУ. Вып. 31. Ташкент, 2000.
Холматов Н.У. Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағри ғор типидagi маконларнинг ўрганилиши тарихидан // Археология, Қадимги дунё тарихи ва этнография масалалари. Самарқанд, 2006.
Холматов Н.У. Очил ғор макони тадқиқотлари // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2004-2005. 5-сон. Тошкент, 2006.
Худойбердиев Р.А., Гречкина Т.Ю. Замчаттош – новый памятник каменного века // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. ТДК, Самарқанд, 1992.
Хўжаназаров М., Сайфуллаев Б. Кук-аяз – новый палеолитический памятник в Северо-Западных Кызылкумах // ИМКУ. Вып. 31. Самарқанд, 2001.

N.U. Holmatov - Material Culture of the Stone Age Population Groups on the territory of Samarkand

The paper is devoted to the cultural problems of the communities living around Samarkand during the Stone Age. This culture, as an autochthonous process have been continuously developing since the Paleolithic period. The roots of cultural development of the ancient Samarkand was originated from these processes. The material culture of the Stone age communities of Zarafshan valley was revealed by the latest archaeological sources, which certify that people have been living here from the Early Paleolithic period (Kukayaz, 1,2). However in the region of Samarkand people have settled during the late Paleolithic which is certified by studies conducted in the area. The cultures of Char Bakti, Sazagan, Mesolithic and Neolithic were developed in the Samarkand

region. The Neolithic culture of Sazagan was recently studied by the archeologists of the Samarkand State University; the study shows that the culture of Sazagan have been forming on the basis of the local cultures (Samarkand, Chor Bakti).

*Б.К. Сайфуллаев, Н.Х. Ташкенбаев
(Узбекистан)*

ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЗАРАФШАНА

История культуры в среднем течении Зарафшана начинается с эпохи среднего палеолита. Здесь обнаружено и изучено много богатых и интересных среднепалеолитических материалов.

Одним из базовых памятников этого времени в Самаркандской впадине является Кутурбулак, находящийся в 100 км к северо-западу от г. Самарканда, вблизи села Чархин. Памятник открыт в 1971 г. отрядом Института археологии АН РУз под руководством Ю.Ф. Бурякова (Буряков и др., 1972. С. 507-508). Исследования памятника проводились в 1971-72 гг. Н.Х. Ташкенбаевым, а результаты были опубликованы в ряде статей (Ташкенбаев, 1971. С. 8-13; 1972. С. 4-16; 1972. С. 212; 1973. С. 9-18; 1973. С. 11-14) и монографии «Культура древнекаменного века долины Зарафшана» (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 36).

Стратиграфическое положение Кутурбулака с самого начала работ интерпретировалось по-разному. Одни исследователи (Тетюхин, Ташкенбаев, Сулейманов, 1978) высказывали мнение об инситуности культурных слоев памятника, в то время как другие (С.А. Несмеянов, В.А. Ранов, С.М. Цейтлин) считали их переотложенными (Ранов, Несмеянов, 1973. С. 88).

Проведенный нами анализ индустрии Кутурбулака с помощью новой технико-типологической методики показал наличие разной степени окатанности у всех артефактов и значительной зазубренности (сопсасаге) на большинстве ретушированных предметов, а также присутствие весьма незначительного количества чешуек. Кроме того, полученная радиоуглеродная датировка в 32 т. л.н. (Shimchak K. et al., 2000, vol. 1. P. 135) вызывает определенные сомнения и требует дополнительного обоснования. Вышеуказанные факторы подталкивают нас придерживаться второй точки зрения, высказанной В.А. Рановым, С.А. Несмеяновым и С.А. Цейтлиным и, соответственно, рассматривать каменную индустрию Кутурбулака в качестве единого комплекса.

Каменный набор Кутурбулака превышает 10000 экз. Большая часть из них является обломками галек, отходами и отбросами производства. Нами выбраны те изделия, которые поддаются типологическим определениям – 5519 экз. Из них нуклеусы – 818 экз. (14%), сколы – 4281 экз. (78%) и орудия – 420 экз. (8%) (Сайфуллаев, 2001. С. 46-66; 2002. С. 12-24).

В коллекции Кутурбулака представлены 10 основных и ряд комбинированных типов каменных орудий (420 экз.). Орудийный тип-лист стоянки Кутурбулака, в основном, состоит из 11 категорий. Среди них самое большое процентное соотношение имеют скребла (IR=39%), за ними следуют зубчатые элементы – 29% (зубчатые - 12%, выемчатые - 15% и клювовидные - 2%). Третье место по количеству занимают предметы с утонченным корпусом – 15%. В коллекции также имеются галечные орудия (3%). Группа позднепалеолитических орудий составляет - 18% (скребки - 12%, резцы - 3% и проколки - 3%).

В отложениях стоянки Кутурбулак, наряду с многотысячными каменными артефактами, обнаружены остатки кострищ и фаунистический материал. Среди определимых фаунистических остатков почти половина (49,3%) принадлежит лошади. Встречены также кости турабыка, кулана и оленя. Интересна находка фрагментов челюсти слона, который первоначально был определен как трогонтериевый, что предполагало раннеплейстоценовый возраст памятника. На настоящий момент считается, что данная челюсть либо является намного древнее сопутствующих отложений, либо же она принадлежала хазарскому мамонту, являвшемуся прямым потомком раннеплейстоценового трогонтериевого слона.

Помимо памятников открытого типа, в Самаркандской впадине среднепалеолитические

находки были обнаружены также в пещерах, выявленных на западных отрогах Зарафшанского хребта. Одной из них, открытой в 1947 г., являлась пещера **Аман-Кутан**, полностью раскопанная Д.Н. Львом до 1957 г. (Лев, 1949. С. 11),.

Пещера Аман-Кутан карстовая, коридорного типа, расположена в 45 км к югу от г. Самарканда в горах Чакулкалян, на высоте около 1300 м над уровнем моря. Вход в нее имеет ширину 1,5 м и высоту 0,9 м. Пещерные отложения сконцентрированы у входа. Находки содержались в туфах и пещерной глине, покрытых натечной коркой. Мощность напластований, включающих культурные остатки, составляла от 0,25 до 1,5 м. Исследователями были выявлены следы кострищ и очагов, собрана богатая коллекция фаунистического материала (Лев, 1949. С. 46). К сожалению, фаунистический материал был представлен, в основном, мелкими фрагментами костей, определяемыми менее, чем в половине случаев. Среди последних 60% принадлежат муфлону, относительно многочисленны также кости бурого медведя и марала. Встречаются кости сибирской косули, сибирского горного козла, пещерной гиены, лисицы, кулана и еще примерно полутора десятков видов млекопитающих. В составе фауны также выделены два вида птиц и степная черепаха. Палеозоологические данные указывают, по мнению В.И. Бибиковой (Бибикова, 1958. С. 229-233), на значительное развитие в районе открытых травянистых пространств, перемежающихся с древесной и кустарниковой растительностью.

Коллекция каменных изделий относительно невелика и включает в себя немногим более 200 предметов из кремня, кремнистого известняка, диорита и кварцита. Среди нуклеусов имеется одно выразительное дисковидное ядрище. Пластинчатые сколы занимают подчиненное положение, собственно пластин фактически нет. Преобладают отщепы и их обломки. Часть отщепов имеет следы использования. Имеются простые выпуклые скребла. Сообщается также об остроконечниках, скребках и проколах.

З.А. Абрамова, вслед за Д.Н. Львом, допускает, что материалы Аман-Кутана близки Тешик-Ташским (Абрамова, 1984. С. 149). Для обработки каменных изделий на стоянке использовался кварцит. Малое количество изделий вообще и выразительных форм среди них - в частности затрудняет сколько-нибудь обоснованное сопоставление индустрии Аман-Кутана с другими известными памятниками. С определенной степенью уверенности можно говорить лишь о том, что пещера Аман-Кутан, где на одно каменное орудие приходится около 80 костей животных, служила охотничьим лагерем.

Проводившиеся разными специалистами геологические исследования (Н.П. Костенко, А.А. Юрьев, С.А. Несмеянов) (Юрьев, 1964. С. 128-130), равно как и анализ видового состава фауны Аман-Кутана, не позволяют однозначно определить возраст отложений, вмещающих культурные остатки. Высказывавшиеся по данному вопросу мнения сводятся к тому, что отложения сформировались либо в конце среднего плейстоцена, либо в начале позднего.

Пещера **Такаликсай** (Лев, 1967. С. 107), открытая и исследованная Д.Н. Львом в 1951г., находится в 50 км юго-восточнее г. Самарканда на высоте более 2000 м над уровнем моря. Пещера карстовая, образована в массиве мраморизированных известняков. Культурные остатки залегают в лёссовидном суглинке. Вместе с древесными угольками и фрагментами костей животных были найдены 3 отщепа (два кварцитовых, один диоритовый) и 2 мелких кварцевых осколка. Какие-либо сопоставления на основе столь скудного материала невозможны, хотя Д.Н. Лев сближал Такаликсай с Тешик-Ташем (Лев, 1967. С. 105), а Н.Х. Ташкенбаев и Р.Х. Сулейманов - с Кутурбулаком (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 71).

Пещера **Гурдара** (Лев, 1967. С. 66) расположена на северном склоне Зарафшанского хребта в 75 км юго-восточнее г. Самарканда. Исследовалась в 1966 г. Н.Х. Ташкенбаевым, заложившим здесь шурф размером 3x2 м и глубиной до 3 м. На глубине 2-2,3 м в суглинке темно-зеленого цвета были найдены кости животных, 4 кремневых отщепа и сланцевое скребло с выпукло-вогнутым рабочим краем, оформленным крутой чешуйчатой ретушью. Культурно-хронологическая привязка этих материалов столь же сложна, как и в случае с пещерой Такаликсай.

Находки единичных каменных изделий, относимых к среднему палеолиту, были в разные годы сделаны в ряде пунктов на территории г. Самарканда и близ него.

В 1940 г. в селевых отложениях оврага, впадающего в арык Сиабча, Г.В. Григорьев обнаружил остроконечник и отщеп (Григорьев, 1941. С. 4).

В 1963 г. при строительстве дома по улице Дагбитской было найдено «скребло мустьерского облика» из отщепа, сколотого с зеленой кремневой гальки (Лев, 1965. С. 4).

В 1967-1970 гг. на территории городища Афрасиаб была собрана коллекция более чем 30 каменных изделий, включающих в себя нуклеусы дисковидной формы, отщепы, скребла «с типично мустьерской ретушью» (Ташкенбаев, 1971. С. 3-7).

На левом берегу канала Даргом, в 4 км южнее Самарканда, найден, как сообщается, «кремнистый отщеп светло-коричневого цвета архаичного облика», залегающий на глубине 2 м от поверхности (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 4).

Наконец, в 50 км восточнее Самарканда, вблизи Ургута, Н.Х. Ташкенбаевым в 1965 г. была собрана небольшая коллекция кремневых артефактов, датируемых им финальным мустье (Ташкенбаев, 1971. С. 53).

В 2000 г. Б.К. Сайфуллаевым найден в песчаных карьерах на территории Фаришского района Джизакской области нуклеус из песчаника, оформленный на отщепе. По виду сырья и технике обработки нуклеус очень близок кутурбулакским экземплярам. Эта находка свидетельствует о существовании палеолитических комплексов на территории Джизака, имеющих близкое сходство с самаркандскими материалами.

В Средней Азии мустьерские памятники принято делить на две культурно-генетические группы – А и Б. Материалы памятников первой группы имеют элементы сходства с переднеазиатскими индустриями, второй – с восточноазиатскими. Внутри группы выделяют различные варианты (Сулейманов, 1968. С. 18). При этом исследователи исходят из разных критериев. Так, В.А. Ранов, выделяя фации среднеазиатского мустье или его технические варианты, руководствуется, в первую очередь, признаками технического порядка (Ранов, 1977. С. 89).

В отличие от предыдущих исследователей М.Р. Касымов классифицирует материал по преобладанию различного рода зубчато-выемчатых орудий, фация – зубчатое мустье (Касымов, 1972а. С. 78; 1990. С. 40; 1990а. С. 12).

Иной подход к классификации среднеазиатского мустье предлагает Р.Х. Сулейманов. На основании различий в приемах расщепления камня и набора орудий он выделяет памятники зубчатых (Кульбулак) и леваллуазских (Тешик-Таш, Ходжикент, Кутурбулак и т.д.) групп. Последнее включает в себя локальную Обирахматскую культуру (Сулейманов, 1972. С. 90).

Другое предположение выдвигает один из исследователей зубчатого мустье Узбекистана Т. Оманжулов (Оманжулов, 1980. С. 17), а вслед за ним Л.В. Кулаковская (Кулаковская, 1990. С. 111-114). По их мнению, индустрии Кутурбулака и Зирабулака относятся к зубчатому варианту мустье. Авторы же тома палеолита СССР предложили отнести индустрии Кутурбулака к типичному мустье (Абрамова, 1984. С. 144).

Трудно размещать индустрию Кутурбулака в рамках леваллуазской фации (Ранов, Несмеянов, 1973. С. 88-89), так как его изделия в технике леваллуа, составляющую малый процент.

Относительно определения индустрии Кутурбулака как зубчатого мустье (Оманжулов, 1980. С. 18), то необходимо учитывать более чем возможную переотложенность и конкасажированность индустрии Кутурбулака, что, на наш взгляд, и способствовало увеличению индекса зубчатости за счет природных факторов.

В результате проведенных нами исследований мы не можем отнести индустрию Кутурбулака и других памятников Самаркандской впадины к какой-нибудь фации мустье. Однако, исходя из техники расщепления и характеристики орудийного набора, можно (вслед за З.А. Абрамовой) определить среднепалеолитическую индустрию данной территории как развитого типично-мустьерского варианта мустье с примесью техники леваллуа.

Использованная литература

- Абрамова З.А. Ранний палеолит азиатский части СССР. Палеолит СССР. М., 1984.
Бибикова В.И. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан // СА, 1958. №3.
Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии. Санкт-Петербург, 1996.
Григорьев Г.В. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде // КСИИМК. Вып. 8. М., 1941.

- Джуракулов М.Д. История изучения каменного века Средней Азии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Самарканд, 1966.
- Джуракулов М.Д. Каменный век бассейна Зарафшана. Автореф. дис. докт. ист. наук. Самарканд, 1992.
- Кулаковская Л.И. Мустье Азии: Взгляд из Европы // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.
- Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (предварительное сообщение). Самарканд, 1949.
- Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования 1953-1954 гг.) // Труды Узбекского гос. ун-та. Новая серия. Вып. 61. 1956.
- Лев Д.Н. Новые памятники палеолита в Узбекистане // ТКИЧП. Вып. 13, 1957.
- Оманжулов Т. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса (технико-типологическое исследование): Автореф. дис... канд.ист. наук. Л., 1984.
- Оманжулов Т. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса и их место в палеолите Средней Азии // Проблемы взаимодействия природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Ранов В.А. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии // Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965.
- Ранов В.А. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Известия отделения обществ. наук АН ТаджССР. Вып. 3, 1968.
- Ранов В.А. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии // МИА, 173. М., 1971.
- Ранов В.А. К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
- Ранов В.А. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // УСА. Вып. 2. Ташкент, 1972.
- Ранов В.А. Основные черты периодизации палеолита Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Ранов В.А. Перспективы изучения каменного века в горной части бассейна р. Зарафшан // МКТ. Вып. 3. 1978.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Сайфуллаев Б.К. Каменная индустрия среднепалеолитического местонахождения Кутурбулак (в свете новых исследований) // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Сибирское отделение РАН, Институт археологии и этнографии. Новосибирск, 2001.
- Сайфуллаев Б.К. Каменная индустрия среднепалеолитического местонахождения Кутурбулака (в свете новых технико-типологических исследований) // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд, 2002.
- Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
- Ташкенбаев Н.Х. Новые памятники древнекаменного века в Самаркандской области // ОНУ. №11, 1971.
- Ташкенбаев Н.Х. О новых памятниках эпохи палеолита на территории Самаркандской области // УСА, вып. 2. Ташкент, 1972.
- Ташкенбаев Н.Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
- Ташкенбаев Н.Х. Кутурбулак - новый мустьерский памятник Узбекистана // ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
- Ташкенбаев Н.Х. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.
- Ташкенбаев Н.Х. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
- Ташкенбаев Н.Х. О новых палеолитических местонахождениях в Самаркандской области // ОНУ. №1. 1985.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
- Тетюхин Г.Ф., Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Геоморфологическое положение мустьерского местонахождения Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 14, Ташкент, 1978.
- Shymczak et al. Kuturbulak Revisited. A middle Paleolithic Site in Zeravshan River valley, Uzbekistan. Central Asia // Prehistoric Studies, vol. 1, 2000.

B.K. Saifullaev, N.H. Tashkenbaev - Ancient cultures of the mid-stream of the Zerafshan river

The cultural history of the mid-stream Zerafshan River starts from the epoch of the middle Paleolithic and one of its major monuments is considered to be the Kuturbulak Site. Analysis of its industry with the use of the newest methodologies allowed to consider it as a single complex. Investigation of tools and findings from the Aman-Kutan Cave makes it possible to define the age of the site. Some other monuments, including that of Djizak district certifies the fact of spreading the Paleolithic complex which have a lot of common features with the Samarkand complexes. Investigation of the material enables to define the middle Paleolithic industry of the region.

САМАРКАНД В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ УРБАНИЗАЦИИ

Согласно одной из легенд, Самарканд был построен братьями Самаром и Камаром. Это удивительно перекликается с преданием об основании Рима братьями Ромулом и Ремом. В числе основателей Самарканда легенды называют царя Турана Афрасиаба и царя Кайкауса. Имена этих правителей фигурируют в древнейших частях Авесты, которые датируются IX-VIII вв. до н.э.

Многие историки еще в средневековье пытались определить время основания города и объяснить происхождение его наименования. Насафи писал, что ко времени появления арабов в Мавераннахре Самарканд уже насчитывал 2500 лет своей истории. Беруни и Махмуд Кашгарский называли Самарканд “Семизкент” – “богатый город”. Это же понятие приводится в китайских источниках. О древности Самарканда писали Клавиho и Бабур.

Известно, что на согдийском языке название города передавалось в форме “Смараканса”, “Смараканда”, что, по мнению исследователей, означает “место встреч, собраний”. Такое название город, видимо, получил потому, что в нем сходились древние пути, сюда приезжали торговцы из разных городов и областей, здесь шла оживленная торговля.

В среде ученых, специально занимавшихся прошлым Самарканда, не было единого мнения в вопросе о возрасте города. В 60-е годы прошлого века археологи считали, что Самарканд существует как город 2500 лет. Затем были получены новые археологические материалы, которые позволяли удревнить дату основания города.

В годы независимости Узбекистана на древнем городище Самарканда–Афрасиабе проводятся широкие археологические исследования. В них приняли участие и ученые Франции. Новые археологические материалы и новые методы определения возраста находок позволили ученым сделать вывод, что Самарканду не менее 2750 лет. Это один из древнейших городов мира, о чем свидетельствуют не только археологические данные, но и письменные источники.

Начиная с VII в. до н.э., Самарканд был центром Согдианы, а затем столицей государств различных древних и средневековых династий.

Возникновение города Самарканда в столь древние времена является далеко не случайным. Благодаря плодородию земель и теплomu климату долина Зарафшана уже многие тысячи лет назад позволяла людям вести оседлый образ жизни. Еще 4-5 тысяч лет назад в плодородных оазисах бассейна реки получила развитие земледельческая культура, которая была ровесницей знаменитых цивилизаций долины Нила, междуречья Тигра и Евфрата, долины Инда, Хуанхэ и Янцзы. Развитие производящих форм хозяйства, ремесел и торговли стало основой для формирования раннегородской культуры в долине Зарафшана.

В настоящее время на территории Согда–в долине Зарафшана и Кашкадарья известны четыре крупных городских центра–Афрасиаб, Коктепа, Еркурган и Узункыр. Все они укреплены оборонительными стенами и имеют цитадели. Развитие этих центров было связано с рядом социально-экономических и политических факторов. Археологические данные позволяют проследить их эволюцию: первоначально небольшие земледельческие поселения, площадью 2-3 га, затем к VII в. до н.э. – военно-опорные пункты, укрепленные убежища для населения земледельческой округи, административные и экономические центры отдельных районов и областей, открытие в пригороде Узункыра крепости–храма и считать их также культовыми центрами.

Самарканд занимал особое место в системе древних городских поселений Согда. Город располагался на перекрестке важных путей, которые вели в Маргиану, Бактрию, Чач и Фергану. Обращает внимание, что отдельные согдийские крепости и поселения контролировали перевалы и проходы в горные ущелья (Узункыр и Даратепе, расположенные соответственно в 70-105 км к югу от Самарканда), степные пути (Еркурган и крепость Баги античных авторов, которая находилась в Бухарском оазисе). И наконец, с севера подступы к Самарканду прикры-

вала Коктепа. Таким образом, археологическая география показывает довольно сложную систему расположения укрепленных согдийских центров, что было связано также с военно-стратегическим фактором. Аналогичная ситуация проявляется и на археологической карте Бактрии VII-VI вв. до н.э.

Процессы урбанизации, протекавшие в Согде в VIII-VI вв. до н.э., тесным образом были связаны с развитием государственности, что определялось как внутренними закономерностями социально-экономической динамики, так и внешним влиянием.

Одним из факторов, стимулировавших формирование политического объединения оседлых областей, расположенных на смежных территориях расселения, служила всегда внешняя угроза нападения, исходившая часто со стороны кочевых племен степной периферии Средней Азии. В рассматриваемое время, когда эта угроза была вполне реальной, во многих степных областях региона широкое распространение получают коневодство и подвижные формы хозяйства, а сами кочевники достигают большого прогресса в развитии наступательного оружия и превращаются в грозную военную силу.

Не случайно поэтому в планировочной схеме поселений Согда и Бактрии VII в. до н.э. первостепенное значение приобретает фортификационный аспект (мощные стены, рвы, башни, стрелковые галереи). Уже по внешним признакам указанные выше качественно новые явления свидетельствуют о наличии внешней угрозы и военных столкновений.

Древний Самарканд являлся не только военно-административным столичным центром, но и крупным городом с высоким уровнем развития ремесленного производства и торговли.

A.S. Sagdullaev - Samarkand in the system of Ancient Urbanisation

In the 1960's it was considered that Samarkand had existed as a city for 2500 years, however new discoveries now lead us to suggest that the city's true date of foundation goes back to 2750 years. Samarkand is thus one of the oldest cities in the world – it was first the centre of the Soghdiana and later became the capital for various ancient and medieval dynasties. Samarkand occupies a special place within the ancient urban system of Soghd because of its situation at a major crossroads of trade routes. Its location was also highly strategic and militarily advantageous. The urban processes in the 8th-6th centuries BCE were closely related to development of statehood and determined by internal socioeconomic dynamics as well as external factors.

*М.Х. Исамиддинов
(Узбекистан)*

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА НА АФРАСИАБЕ

Долина Зарафшана не входит в зону распространения протогородской культуры типа Сапалли. Здесь выявлены только отдельные элементы этой культуры. Однако на этой территории вполне могла бы возникнуть подобная культура. Об этом говорит обнаружение в верхней части долины Зарафшана раннеземледельческой культуры Саразма, относящейся к IV-III тысячелетию до н.э. (Исаков, 1990). Аналогичные культуры юга Туркменистана - Намазга I-III - в своём дальнейшем развитии перешли к протогородским культурам типа Алтын или Сапалли (Массон, 1981; Аскар, 1977).

Культура Саразма в долине Зарафшана прекратила свое существование в конце III - начале II тысячелетия до н.э. Видимо, она погибла под давлением степных племён. Такие степные скотоводческие племена, жившие вместе с земледельцами саразмской культуры, были зафиксированы на поселении Тугайное на берегу реки Зарафшан (Аванесова, 1995).

Культура Заманбаба, развивавшаяся в нижнем течении реки Зарафшан, в отличие от культуры Саразма больше впитала в себя элементы культуры скотоводческих племён и была достаточно далека от процессов урбанизации (Гулямов, Исламов, Аскар, 1966). В районах распространения культуры Заманбабы совершенно отсутствуют даже элементы культуры Сапалли.

Как в долине Зарафшана, так и в долине Кашкадарьи городская культура развивалась из

культуры древнеземледельческих племён эпохи раннежелезного века типа Коктепа, Еркурган или Сангиртепа. Во всех вышеотмеченных памятниках процесс урбанизации наблюдается с VIII-VII вв. до н.э. (Сагдуллаев, 1989; Сулейманов, 2000; Исамиддинов, 2002).

В формировании на территории Самаркандского Согда ранних городов существенную роль несомненно играло несколько крупных факторов: 1) плодородие земли, многоводье горных рек и теплые климатические условия; 2) высокоразвитые земледелие и ремесла; 3) наличие меднорудных баз; 4) удобное расположение долины на торговой трассе; 5) соседство с кочевой степью (Исамиддинов, 2002).

В самом деле, вышеотмеченные факторы действительно являлись решающими в процессах формирования городов. О хороших природно-климатических условиях Самаркандского Согда отмечалось еще в древнейших частях Авесты. В оазисе развивалось высокоразвитое земледелие еще с эпохи энеолита.

С эпохи энеолита и бронзы Самаркандский Согд являлся одним из основных металлургических центров Среднеазиатского Междуречья, куда постоянно стекались разные по происхождению племена (Аванесова, 1995). Именно эта металлургическая база стала одной из основных факторов экономических процессов урбанизации в Самаркандском Согде.

Расположение Самарканда в центре Среднеазиатского Междуречья само диктовало дальнейшую судьбу города как крупного торгового центра на перекрестке торговых путей. Еще до сложения Великого шелкового пути в Самарканде и Коктепа активно развивалась торговля, в связи с чем темпы развития города ускорялись.

Самаркандский Согд всегда граничил со скотоводческой степью, где реализовывались земледельческие и ремесленные товары. В то же время отсюда земледельческому населению поступали скот, шерсть, кожа, товары, столь необходимые для ремесленников земледельческих районов. Оседлый образ жизни способствовал росту продукции, процессу развития производства и углублению специализации. Все это, безусловно, приводило к накоплению богатства, т.е. получению избыточного продукта и в конечном итоге ускорению процесса урбанизации и сложению государства.

Соседство с кочевой степью не всегда было мирным. Накопление у земледельческого населения готового товара, богатства, часто притягивало к себе заинтересованных соседей. В связи с этим почти во всех регионах Средней Азии в пограничных районах с кочевой степью сооружались мощные крепости, города укреплялись дополнительными крепостными сооружениями. Одним из таких ранних городов, имевшим оборонительную стену, окружавшую около 100 га земли, являлось городище Коктепа. Начиная с эллинистического периода и вплоть до раннего средневековья, такими длинными крепостными стенами окружались целые оазисы. Все эти мероприятия, в конечном итоге, ускорили процесс урбанизации.

Кроме вышеотмеченных факторов, в возникновении городской культуры на территории Согда существенный импульс был дан со стороны Бактрии. Именно отсюда на территорию Согда стала проникать передовая технология, каковой являлись гончарные печи и гончарный станок, городская архитектура, мощные крепостные стены и крепости, а также монументальные культовые здания.

В своем развитии сапаллинская культура на моллалинском этапе как бы временно прервалась в ходе проникновения в эту зону культуры лепной расписной керамики РЖВ, которая охватывала не только Бактрийский регион, но и крупные оазисы Средней Азии. Только со второй половины VIII в. до н.э. сохранившаяся в памяти профессионалов-ремесленников старая древнебактрийская традиция стала возрождаться и постепенно распространяться в соседние регионы.

Среди бактрийской традиции самым устойчивым оказалось изготовление керамической посуды на гончарном круге, имеющей баночную форму с цилиндрическим основанием. Безусловно, эти ранние формы посуды тяготеют к сапаллинским традициям. Однако датировка этих комплексов слабо связана с фактическими данными. Всё дело в том, что самые ранние цилиндрические сосуды на территории Согда датируются VII-VI вв. до н.э. В то же время мы говорим о том, что баночная форма керамики раннежелезного века, так называемая

«ахеменидская», берёт своё начало из гончарной посуды сапаллинской культуры. Если самый последний этап сапаллинской культуры датируется XII в. до н.э. и появление на территории Согда самой ранней формы цилиндроконических сосудов относится к VII в. до н.э., то становится ясным, что разрыв между этими комплексами получается где-то в 500 лет. Население, которое в VII в. до н.э. производило цилиндрико-коническую посуду, должно было сохранить в своей памяти способы керамического производства на гончарном круге не менее, чем за 500 лет. Если принять датировки наших европейских коллег, то разрыв между комплексами Сапалли и самыми ранними «ахеменидскими» формами будет не менее 800 лет.

В связи с вышеотмеченными доводами мы считаем, что керамические комплексы Средней Азии, которые археологи датируют, в основном, «ахеменидским» временем, должны быть подразделены на более детальные, мелкие слои и комплексы. Начало этих комплексов должно относиться ближе к сапаллинской культуре.

На территории Самаркандского Согда наиболее подготовленным к формированию городской культуры было население, жившее на естественном холме на месте Афрасиаба, обживавшегося еще со времени РЖВ, укрепленного оборонительным валом и обеспеченного постоянным многоводным источником Новадоном. Самые ранние племена на Афрасиабе имели многовековую традицию земледельческой культуры, уходящую своими корнями к земледельцам Коктепа и Саразма. Об этом говорят найденные в большом количестве каменные орудия, лепные сосуды эпохи РЖВ как на Афрасиабе так и на Коктепа.

Сооружение мощной крепостной стены, превышающей в толщину 7 м и окружающей площадь свыше 220 га, выделение отдельной стены акрополя в северной части Афрасиаба площадью 19 га было произведено одновременно из кирпичей плоско - выпуклой формы. Это говорит о достаточно мощной власти правителя, его организационных способностях.

Керамические формы и плоско-выпуклый кирпич датируются не позже середины VIII в. и началом VII в. до н.э. Вместе с тем, первоначальный город на месте Афрасиаба мог возникнуть из отдельно стоящих двух крупных зданий: кёшка правителя со дворцом и культового центра. В дальнейшем своём развитии эти два крупных здания могли быть обведены отдельной стеной и превратиться в акрополь города. Такой же путь развития мы видим и на остальных ранних городищах Согда - Коктепа, Сангире и Узункыре. Возможно, таким же путём развивалось и городище Еркурган. Однако для проверки данной точки зрения необходимо произвести широкие раскопочные работы на этих городищах.

Археологические материалы VIII-VII вв. до н.э. долины Зарафшана и Кашкадарья указывают на то, что процессы урбанизации и сложения государственности на территории Согда происходили ещё до вхождения этих территорий в состав Ахеменидской империи.

Использованная литература

- Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племён бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК 11-14 апреля 1995 г. СПб., 1995.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура Южного Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.
- Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
- Массон В.М. Алтын-Депе // Тр. ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л., 1981.
- Сагдуллаев А.С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1989.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб (проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. - VII в. н.э.). Ташкент, 2000.

M. N. Isamididinov - On the Emergence of the Ancient City of Afrasiab

The Zarafshan valley was situated beyond the spread of the proto-urban culture of Sapalli type, even if isolated elements of this culture have been found here. Nonetheless, starting from the second half of the 8th century BCE the ancient Bactrian traditions gradually spread to neighbouring regions including Samarkand Soghd. Here the population living around the Afrasiab hill were the most adapted for a transition towards the Early

Urban Culture. Nearby, at Kok Tepe and Sarazyk, the population had erected fortifications which included an area of some 220 hectares, whilst simultaneously building a 19-hectare citadel. According to archaeological data, all this took place no later than the mid 8th-beginning of the 7th century BCE, before the Soghdian integrated into the Achaemenid empire.

*Ф. Грене, Ш. Рахманов
(Франция, Узбекистан)*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДАТЕ ПЕРВОЙ СИСТЕМЫ ФОРТИФИКАЦИИ АФРАСИАБА (СЕРЕДИНА ИЛИ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В. ДО Н.Э.)

Городище Афрасиаб и, в частности, его северная часть на обрывистом берегу Сибаба были заняты небольшими поселениями еще с эпохи бронзы. Однако его истоки также, как, и собственно, возникновение самого города связаны с регулярной застройкой крепостной стены на вершине плато в 219 га.

До недавнего времени археологическая ситуация представлялась не совсем четкой:

- Архитектурные данные древнего города стали достаточно ясными с 1970-х годов (работы Г.В. Шишкиной, М. Туребекова) (Туребеков, 1980) и в особенности со времени экспедиций 1990-1994 гг. Французско-Узбекской археологической миссии (MAFOUZ) (Иневаткина, 2002. С. 24-46); самое древнее укрепление города было сооружено одновременно по всей окружности плато (крепостная стена IV), а также между городом и акрополем (крепостная стена I), и возведено оно было из кирпичей булкообразной формы, на каждом из которых имелся знак бригады и была очевидна одна и та же техника изготовления.

На некоторых участках стена возведена на валу из комков глины, что было истолковано либо как первая общая фортификация, либо как основание предварительной нивелировки рельефа под первую крепостную стену. Эта крепостная стена «Афрасиаб-0» просуществовала некоторое время, прежде чем была в скором времени заменена стеной, сооруженной из квадратных кирпичей, которые связываются с керамикой типа «Афрасиаб-1» (середина или конец эпохи Ахеменидов).

- Однако данных для абсолютной хронологии ранних этапов нет. Их нет ни в больших зольных скоплениях, поддающихся радиоуглеродной датировке (использование которой все-таки проблематично для периода VIII-IV вв. до н.э.), ни в не менее больших керамических комплексах. До сезона 2006 года наиболее точные данные были получены О.Н. Иневаткиной в шурфе, в восточной оконечности цитадели, прямо к северу от «крепостной стены I»: отложения, связанные со стоками искусственных вод, предшествующие крепостной стене, предоставили фрагменты полусферической чаши типа Тагискен (X-VIII вв. до н.э.), между тем как слой, над которым возводилась сама крепостная стена, дал один фрагмент хума, датированный концом VII-VI вв. до н.э. На раскопе Р-27 (юго-западный участок «крепостной стены IV»), вскрытым М. Туребековым, культурные слои, связанные с внешней стороной самой древней стены, дали керамику типа «Афрасиаб-1» с одним единственным фрагментом лепной расписной керамики доахеменидского времени.

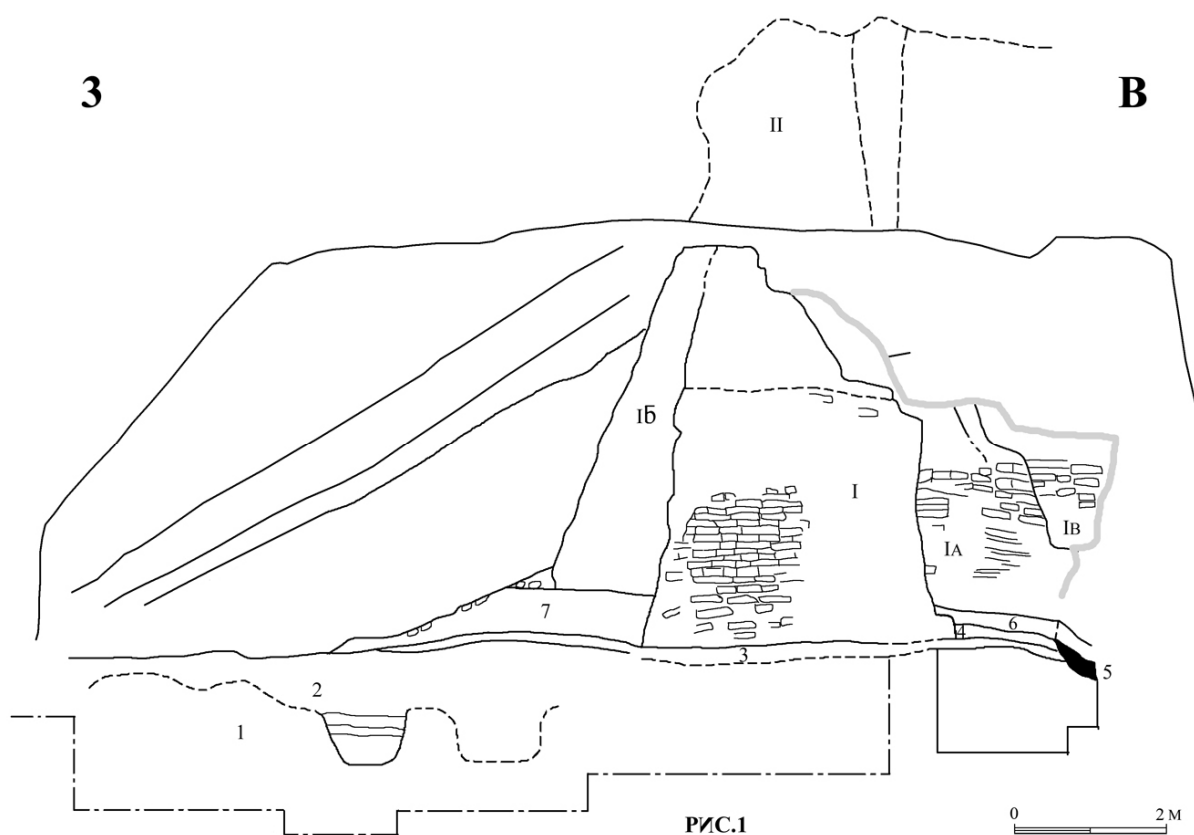
Именно этот раскоп был возобновлен летом 2006 года MAFUZ-ом (Ф.Грене, Ш.Рахманов). Топографический план 1985 г. и археологические раскопки, проведенные в 1999 г., чуть южнее раскопа Р-27 (И.Д. Иваницким и Л.Ю. Шпеновой), дают основание полагать, что здесь открывался вход в город, по крайней мере, для определенных периодов.

Ниже мы даем комментарий к рис. 1 (северная сторона разреза стены):

Слой 1 : материковый лёсс, размытый водой и прорезанный в верхней части (слой 2) для нивелировки перед возведением стены. На этом участке наличие вала, предшествовавшего возведению крепостной стены, как на других местах городища, не подтверждается.

2) Слой 3: утрамбованный слой под крепостной стеной (грунт серовато-зеленый).

3) Структура I: первая крепостная стена, толщина у основания 4,40 м, из больших булкообразных кирпичей (длина от 42 до 60 см, ширина от 25 до 30 см, тол. от 7 до 10 см на каждом из которых стоит клеймо (в данном случае: круг или двойной круг).

- 4) Слой 4, заключающий первый пол внутреннего пространства за крепостной стеной.
 5) Яма 5, заполненная золой, горелой землей, выкопанная с уровня слоя 4, менее вероятно с уровня крошащего слоя 6.
 6) Слой 6: первое скопление у подножия крепостной стены (внутренняя сторона).
 7) Слой 7: скопление напротив внешнего фаса первой стены.
 8) Структура I А: рубашка изнутри, посредством «ленточной пахсы» в основании, и выше с включением разрозненных кирпичей (кладка, относящаяся к средне- или позднеахеменидской эпохе согласно наблюдениям на других участках стены).
 9) Структура I Б: внешняя рубашка (прямоугольные кирпичи).
 10) Структура I В: 2-я рубашка внутренней стороны (следующая фаза - стена с внутренним коридором позднеахеменидского времени, посаженная на массивную кладку крепостной стены более древнего периода, разрушенная здесь эллинистической стеной).
 11) Структура II, стена с уступами (относится к эллинистической эпохе),

Возведенная на склоне, образованном слоями предшествующих стен. (Здесь стена была реконструирована в 1980-е годы для туристического обозрения).

Материал, найденный в яме 5, имеет особую важность : впервые в изучении Афрасиаба здесь получен хорошо стратифицированный комплекс, который датирует первую фазу использования первой крепостной стены (если яма выкопана на уровне первого пола), или, по крайней мере - древняя фаза (если яма выкопана на уровне второго пола, в любом случае предшествующая сооружению рубашки крепостной стены).

Этот комплекс керамики включает биконическую чашу и множество хумча с клювовидными венчиками, среди которых один целый (рис. 2, снизу, справа).

Первоначальная камеральная обработка Л.Ю. Шпеновой (над материалом) и Б. Лионе (над чертежами) привели к одному и тому же заключению: этот материал может быть датирован в пределах середины VI и концом V вв. до н.э., более вероятно, второй половиной VI в., т.е.

древнеахеменидским периодом. Большая часть форм существует в предшествующий период, однако датировка ахеменидского времени хорошо согласуется с формами, изготовленными на гончарном круге (за исключением хумов, тулово которых изготовлено лепным способом, а горловина на гончарном круге) так же, как и присутствие поддона в виде усеченного конуса. В материалах более южных областей близкими аналогиями являются комплексы фаз Талашкан-1 и Кучук-4 (Шайдуллаев, 2000, рис. 15 (Кучук-4, поддон). Целый хум находит свою точную аналогию в материалах Яз-2 Яздепе (Массон, 1959, табл. XXXXVIII: 8). На Коктепа формы, изготовленные на гончарном круге, появляются лишь в ахеменидскую эпоху.

Это подкрепляет наше мнение относительно процесса городского развития, к схеме которого MAFOUZ склоняется в настоящее время: монументальное огражденное пространство Коктепа в значительной степени предшествовало (на один или два века) фортификации Афрасиаба, первая крепостная стена которого возобновляет использование булкообразных кирпичей со знаками, и следовательно, можно полагать об аналогичной системе организации их производства. Решение укрепить Афрасиаб - городище, более оснащенное чем Коктепа с точки зрения обороны, но более дорогостоящее, с точки зрения обеспечения водой (с сооружением канала Даргом, несущего воду из Зарафшана на 40 км) отмечает инициативу новой имперской власти Ахеменидов.

Использованная литература

- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1980.
 Иневаткина О.Н. Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э.// Материальная культура Востока. М., 2002. № 3.
 Шайдуллаев Ш. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
 Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.Л., 1959.

*Н. Алмазова
(Узбекистан)*

ТКАЧЕСТВО В САМАРКАНДЕ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Среди обилия находок, обнаруженных на городище Афрасиаб за годы работы совместной Узбекско-французской экспедиции (1989–2006 гг.), выделяется большая группа предметов, связанных с ткацким производством. Это грузила для ткацких станков и пряслица для прядения нитей.

Грузила представляют собой сформованные из необожженной глины подвески различной формы с отверстием. По форме было выделено их несколько типов: дисковидные, пирамидальные, чечевицеобразные, биконические, цилиндрические и нетипичные.

Дисковидные грузила, самая многочисленная группа, - более 120 экземпляров (на Р-2 - 62 целых и 30 фрагментов, на Р-9 - 31 экз.). По размеру и весу выделяются три подгруппы: крупные, средние и маленькие. Крупные грузила имеют вес 500-700 г., диаметр – 11-16 см, толщину – 3,5-5,5 см. Средние грузила имеют диаметр 8,8-10 см, толщину—2,5-5 см и вес – 231-500

г. Мелкие – диаметр 6,6-7,8 см, толщину—2,5-3,5 см, вес—132-187 г.

Пирамидальные грузила имеют вид усеченной пирамидки с четырехугольным основанием и сквозным отверстием у вершинки. На Афрасиабе они представлены в небольшом количестве. На Р-2 было найдено 16 экз., 1 экз. - на Р-15 и 2 экз. - на Р-9. Высота грузил — 7-9 см, размер основания: - 3,5-5,5х3,5-5,5 см., вес - 106-215 г.

Биконические грузила — найдено 73 экз. (на Р-9 – 23 экз.; на Р-2 -50 экз.). Размеры: диаметр – 4–7,5 см, высота - 2-5,8 см. Вес -39,7 - 185,6 г.

Чечевицеобразные грузила – найдено 67 экз. (36 экз. – на Р-2 и 31 экз. – на Р-9). Их размеры: диаметр –от 4,5 см до 8 см, высота –3-4 см. Вес –30-140 г.

Цилиндрические грузила (редкая форма). Всего найдено 14 экз. (10 экз. –на Р-2 и 4 экз. –на Р-9). Размеры: высота -3,7-5,5 см, диаметр – 4,5-5,6 см, вес - 36-64 г.

Нетипичные грузила (произвольно сформованные из глины грузила) - 10 экз. Встречаются грузила конусовидной, округлой, подтреугольной формы.

Изредка встречаются грузила из обожженной глины. Как показали раскопки, они получили случайный обжиг в результате сушки у очага, так как часть грузил была расположена ближе к огню (рис. 1). На Р-9 были открыты помещения, где у очага располагались целые группы грузил (до 30 экз.) (Baratin, Bollati, Almazova, 2003).

Таким образом, на трех раскопах экспедиции было найдено более 300 целых грузил и большое количество их обломков. Наибольшее их количество зафиксировано во время раскопок Поля Бернара на Р-2А и Р-2Б. Это большие скопления грузил на полах помещений. В этих же помещениях обнаружены отверстия в полу для установки и перестановки вертикального ткацкого станка (Bernard, 1996. P. 357-359, fig. 11, 12).

Следующий пункт, где найдено значительное количество грузил – это Р-9 (раскопки Лориан Мартинез, Шарлот Баратен, Н. Алмазовой). Здесь в слое после периода запустения греческого зернохранилища были открыты жилые помещения с отверстиями в полу и грузилами у очагов. Датируются грузила по стратиграфическим данным и сопровождающему керамическому материалу временем Афрасиаб – IIБ (Baratin, Bollati, Almazova, 2003. P. 11).

Грузила были найдены и на Р-3 (Бухарские ворота, раскопки К. Рапена).

На этих же раскопах было найдено большое количество пряслиц для веретен, основная масса которых сделана из стенок керамических сосудов.

Таким образом, образуется треугольник из Р-2, Р-9 и Р-3 на северо-западе Афрасиаба, очерчивающий территорию квартала ткачей античного и кушанского времени.

Первые находки ткацких грузил на Афрасиабе были отмечены А.И. Тереножкиным еще в 1946 году в трех пунктах: № 16 (северо-западный угол третьего укрепления Афрасиаба), № 2 (первое укрепление, место шурфа 1945 года и раскопок 1946 года) и № 21 (к северу от еврейского кладбища в восточной части 4-го укрепления) (Тереножкин, 1946. С.14; 1950. С.154, табл. 69. VI. 12, V. 12, 13; 1950. С. 154, табл. 69. IV. 10, 11). А.И. Тереножкин относит появление ткацких грузил на Афрасиабе к IV-II вв. до н.э. и считает появление ткацкого станка с вертикальной основой одним из важных культурных достижений на стадии Афрасиаб – III (Тереножкин, 1950. С.157).

В последующие годы работы на Афрасиабе дали еще несколько пунктов с находками ткацких грузил. Это раскопки С.А.Кабанова на Р-25/VI (в западной части на восточной стороне дороги в аэропорт) (Кабанов, 1981. С. 45, рис.18.25. С. 51, рис. 22. 14-18). С.К. Кабанов дати-

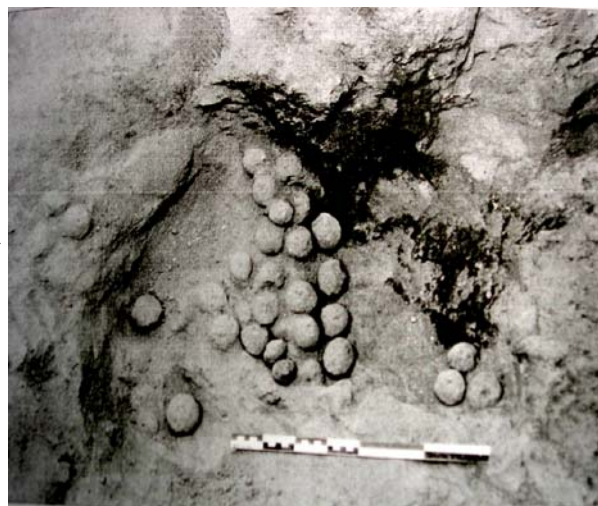

Рис. 1

рует грузила IV-III вв. до н.э. Находки грузил были зафиксированы С.А. Кабановым и на Р-6 (северо-западная окраина городища), на одной из находок был оттиск штампа с зооморфным изображением (Кабанов, 1973. С. 67).

Во время раскопок Г.В. Шишкиной грузила были обнаружены на Р-9 (у западного края дороги на аэропорт). Они датируются Г.В. Шишкиной III этапом II периода, т.е. Афрасиаб – III (Шишкина, 1969. С. 231, рис. 3. 123, 124).

М.К. Пачос обнаружил грузила в двух пунктах: на Р-15а (на угловой юго-восточной башне цитадели) (Пачос, 1966, с.40-41) и на Р-12а (в 100 м к северу от юго-западного угла первой стены над обрывом Сиаба) (Пачос, 1966. С. 47).

Раскопками М. Садиева (раскоп в 30 м от шоссе-ной дороги Самарканд-Ташкент) грузила были зафиксированы на месте строительства Музея истории основания Самарканда (Садиев, 1973. С. 100).

На Р-6, где раскопки были продолжены в 1984-1986 годах Т.И. Лебедевой, также обнаружено большое количество ткацких грузил (Лебедева, 1986).

На этом же раскопе и рядом с ним работы были продолжены в 1989 году узбекско-французской экспедицией Полем Бернаром Р-2А и Р-2Б (Bernard, 1996).

Всего до настоящего времени зафиксировано 12 пунктов с находками грузил (см.рис. 1). Из них самым крупным является Р-6 (раскопки С.К. Кабанова, Т.И. Лебедевой) и расположенные рядом с ним Р-2А и Р-2Б (раскопки узбекско-французской экспедиции под руководством Поля Бернара).

На территории Средней Азии находки ткацких грузил зафиксированы также в Бактрии (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 76; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978. С. 203-204, рис. 36.1; 137, 36. 2-4, 44). Большая часть их имеет пирамидальную форму, которая была широко распространена в греческом мире, в том числе в греческих городах северного Причерноморья (Гайдукевич, 1952). Известны находки грузил в Кашкадарье (Кабанов, 1956. С.167; 1964. С.78; Пырин, 1990. С. 124). В Таджикистане грузила известны на городище Узбекон-тепе (Зеймаль, 1961. С.122-135), Мунчак-тепа (Мандельштам, Певзнер, 1958. С. 314), поселении Джаманбулак (Юркевич, 1964. С. 131-133). В Туркмении - на городище Гяур-кала (Усманова, 1963. С.172).

Таким образом, находки прямо указывают на существование в Средней Азии ткацкого станка вертикального типа. Станки этого типа известны в Древнем Египте и Греции (Цейтлин, 1940. С. 36-37, 44). Изображения вертикальных станков есть на греческих вазах (Гайдукевич, 1952. С. 403, рис. 1. С. 404, рис. 3). Особенно интересно изображение ткацкого станка на афинском лекифе VI в. до н.э., позволяющее полностью реконструировать конструкцию станка. Вертикальный ткацкий станок состоял из двух вертикальных стоек, скрепленных наверху поперечиной, под которой находится вал (навои) с намотанной частью готовой ткани. С вала спускаются нити основы, к которым внизу подвешены грузила круглые или пирамидальные. Приблизительно посередине станка изображены две деревянные рейки, служившие для образования зева. Одна из реек была соединена с четными нитями основы, другая – с нечетными. Выдвигая вперед попеременно то одну, то другую рейки, ткачиха создавала зев, в который пробрасывала уток. Нити основы не прямо подвязывались к грузилам, в этом случае они быстро бы перетирали отверстие грузил, а при посредстве петли из веревки или ремешка. След стертости от этой веревки или ремешка хорошо виден на грузилах в виде широкой полосы у

отверстия. У петли виден узел с запасом основы. Такой запас позволял производить ткани достаточной длины. Что касается ширины станка, то, похоже, она не превышала 1,5 метров (ширину распахнутых рук ткачихи), а ширина ткани была не более 70 см (Штакельберг, 1962. С. 114).

Открытие в северо-западной части Афрасиаба крупного квартала ткачей античного времени говорит о хорошо организованном производстве и ставит перед нами ряд вопросов. Для чего был необходим такой крупный производственный комплекс? Какие ткани производили в Самарканде? Судя по различному удельному весу грузил – несколько различных сортов. Так, крупные дисковидные грузила весом – 500-700 г., очевидно, служили для производства толстых прочных тканей. Грузила весом около 200 г. служили для производства более тонких тканей, возможно, хлопчатобумажных или шелковых. Что касается шерстяных тканей, то по этнографическим данным для их производства использовали другие орудия. Интересно в связи с этим замечание известного этнографа О.А. Сухаревой о том, что существовали разные традиции в производстве шерстяных и хлопчатобумажных тканей: «одна и та же ткачиха, владея обеими техниками, изготавливала шерстяную пряжу и ткань при помощи совершенно примитивных орудий, а хлопчатобумажные ткани и мату – при помощи более совершенных, никогда не пытаясь использовать их также для обработки шерсти» (Сухарева, 1944. С. 4). К сожалению, без находок тканей, ответить на вопрос о том, какие ткани производили в античном Самарканде, не удастся. Можно только предполагать, что согдийцы не только импортировали ткани из Китая, но и производили их на месте для вывоза в другие страны.

Культура разведения шелковичных червей распространяется из Китая в Тибет, Западную Азию и Северную Африку. Походы Александра Македонского познакомили с ней и греков (Цейтлин, 1940. С. 37). Естественно, что и жители Средней Азии после походов Александра, а возможно, и раньше были знакомы с шелком. Находки шелковых тканей были сделаны на поселениях эпохи бронзы (Аскарлов, 1973. С. 133-134; Аскарлов, 1977. С. 126), но их местное производство подвергается сомнению (Майтдинова, 2004. С. 27). Первая находка шелка бесспорно местного производства была сделана в Бактрии на Кампыр-тепа. Здесь в одном из захоронений на глиняной фигурке богини были обнаружены кусочки красной шелковой ткани, датированы монетой Хувишки рубежом нашей эры (Левушкина, 1986. С. 48-49; 1989. С. 34-36). В Мерве шелковые ткани известны для II-III вв. н.э. (Усманова, 1963. С. 20-94. С. 68-69).

В Египте хлопок и шелк стали употребляться в качестве текстильного сырья в эллинистическую эпоху: хлопок со II в. до н.э., а шелк — с IV в. до н.э. (Цейтлин, 1940. С. 33). Очевидно, что и Средняя Азия не оставалась в стороне от этих новшеств в текстильном производстве.

Использованная литература

- Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях. МИА № 25. М; Л., 1952.
Зеймаль Е.В. Археологические разведки в Гиссарской долине // Археологические работы в Таджикистане. Вып. VI. 1961.
Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшеба в III-V вв. // ВДИ. 1956. № 2.
Кабанов С.К. Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952-1953 гг. // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб II. Ташкент, 1973.
Лебедева Т.И. Алтари огня в помещениях жилого квартала I-IV вв. н.э. на севере Афрасиаба // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н.э. – VIII в. н.э. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 августа 1986 г. Ташкент, 1986.
Левушкина С.В. Когда появился шелк в Средней Азии // Вехи времен (рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана). Ташкент, 1989.
Левушкина С.В. К истории ткачества античной Бактрии // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Ташкент, 1986.
Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т.1. Душанбе, 2004.
Мандельштам А.М., Певзнер С.В. Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. // МИА 66. М., 1958.
Пачос М.К. Оборонительные сооружения Афрасиаба: Дис... канд. ист. наук. Архив Института археологии. Д-45а, 1966.
Садиев М. Археологическое наблюдение на территории строительства здания Музея истории основания Самаркан-

- да // Афрасиаб II, 1973.
- Сухарева О.А. Ткацкие ремесла в Самарканде, 1944 // Дело № 603. Архив Гос. музея истории культуры Узбекистана.
- Тереножкин А.И. Исследования на городище Афрасиаб в 1946 году. Архив Института археологии. Ф-4. Д-19.
- Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК XXXIII. М., 1950.
- Усманова З.И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ, т. XII, М., 1963.
- Цейтлин Е.А. Очерки истории текстильной техники. М.; Л., 1940.
- Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб I. Ташкент, 1969.
- Штакельберг Ю.И. Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. № 4.
- Юркевич Э.А. Разведки в Даванском районе // Археологические работы в Таджикистане. Вып. IX. М., 1964.
- Bernard P., Maracanda-Afrasiab colonie greque // La Persia e l'Asia Centrale. Atti dei convegni lincei 127, Roma, 1996.
- Baratin Ch., Bolatti A., Almazova N. Rapport 2003. Afrasiab, le grenier hellenistique.

N. Almazova - Weaving in Samarkand in Ancient Times

For many years the joint Uzbek-French expedition at the site of Afrasiab has been uncovering findings which can be related to weaving. These finds clearly show the existence of looms of vertical type in Central Asia during the ancient times. Taking into account their different weights we can assume that they produced different kinds of textiles: woollen cloth, cotton and possibly silk. In the North-Western part of Afrasiab a large textile producing area was discovered, which shows that weaving was a highly organised and specialised activity in Samarkand. The production of textiles in Samarkand was oriented not only for internal consumption but was also exported to other countries on a large scale.

В. Рузанов
(Узбекистан)

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА НА АФРАСИАБЕ В АНТИЧНОМ ПЕРИОДЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

По сравнению с другими отраслями древнего хозяйства жителей городища Афрасиаб, например керамическим производством (Ахунбабаев, 1999; Исамиддинов, 2002), каменной индустрией (Алмазова, 2002) и т.д., цветная металлообработка этого экономического и политического центра Центрального Согда изучена слабо. Чтобы восполнить этот пробел, с помощью спектрального метода анализа был изучен химический состав металла 21 находки¹. Среди них 20 изделий представляют собой медь и ее сплавы, один предмет изготовлен из свинца. Исследованный комплекс, датированный I-VII и IX-XII вв., представлен орудиями труда, украшениями, бытовой утварью, туалетными принадлежностями и монетой.

Из украшений проанализированы серьги, подвески, пуговица и элементы пояса (пряжки и кольца) и из орудий труда – шило и ювелирный топорик, а из предметов туалета – лопаточка. Кроме того, изучен химический состав ложки, монеты, фрагментов изделий с неопределенным функциональным назначением и остатков литья.

Гистограммы олова, свинца, цинка и корреляционные графики пар этих примесей показывают, что афрасиабская коллекция расчленяется на 7 металлургических групп: оловянистые, оловянно-свинцовистые, оловянно-свинцово-цинковые, цинково-свинцовистые, цинковые, свинцовистые сплавы и чистую медь. Из них основными типами сплавов являются многокомпонентные оловосодержащие сплавы, в которых, кроме олова, были сделаны добавки свинца и цинка. Таких находок в коллекции насчитывается 12 или 60% от общего количества предметов. Границы выделения сплавов, легированные оловом, свинцом и цинком, как показывают корреляционные графики этих примесей, различны. Для олова граница равна 0,8%, для свинца –1% и цинка – 3%. Статистический анализ установленных групп позволяет выделить две металлургические особенности коллекции Афрасиаба. Во-первых, большинство оловосодержащих сплавов относится к низкооловянистым бронзам с содержанием олова от 0,8 до 4%. Во-вторых, в многокомпонентных сплавах концентрации свинца и цинка значительны и колеблются в пределах от 9% до 30%, иногда и выше.

В химическом отношении афрасиабский комплекс подразделяется на две химические груп-

пы. Из них первая, скорее всего, является химико-металлургической, так как ее изделия изготовлены из меди, полученной при выплавке мышьяково-сурьмянистых руд. Эта группа насчитывает 10 образцов. Вторая химическая группа, состоящая из 6 образцов, отличается от первой пониженным содержанием мышьяка, сурьмы, висмута и серебра. При этом следует отметить положительную взаимосвязь между серебром и висмутом, мышьяком и сурьмой, мышьяком и никелем, а также висмутом и серебром. Три предмета коллекции отнесены к химически неопределенной группе.

Интересные выводы получены при сопоставлении химического состава изделий Афрасиаба с металлом других памятников Согда эпохи античности и средневековья. Для этого были использованы материалы городищ Еркурган (Сулейманов, Рузанов, 1986; Рузанов, 1991; 2001) и Каратюбе, поселений Каратепа (Рузанов, 1999), Киндыктепа, Хантепа и Турткультепа, а также могильника Калконата. Кроме того, привлекались сведения о металле памятников Северной Бактрии античного времени. Проведенный анализ указывает на то, что в I тыс. н.э. согдийские кузнецы-литейщики использовали металл трех месторождений. Кроме того, в коллекциях Афрасиаба и Еркургана фиксируется небольшая серия изделий, химически сходных с металлом Северной Бактрии, что указывает на металлургические связи между памятниками Согда и южными областями. В кругу согдийских памятников коллекция из Афрасиаба по своим химическим показателям находит как сходные черты, так и различия. Сходство определяется наличием импортной меди из Северной Бактрии. Правда, надо отметить, что поставки в Афрасиаб такого сырья были не столь значительными, как это наблюдается в металлообработке памятников юго-западной зоны Согда. Афрасиабские мастера пользовались преимущественно медью собственного источника, локализация которого остается для нас пока неизвестной.

В Согде в I-IV вв. орудия и оружие, украшения и предметы туалета отливались из оловянистых, оловянно-свинцовистых бронз, реже – из чистой меди и свинцово-цинковых сплавов. В V-VII вв. в традиции использования сплавов наблюдаются изменения. Так, в производстве украшений теперь намного чаще применяются бронзы с добавками цинка – оловянно-свинцово-цинковые, оловянно-цинковые и цинковые сплавы. Примерно такую же картину употребления сплавов мы наблюдаем здесь в развитом средневековье. В это время в согдийской металлообработке доминируют сплавы, содержащие олово и цинк.

Концентрация металлических находок и образцов химических групп на городищах Афрасиаб и Еркурган, наличие остатков металлообрабатывающего производства выделяют эти города в металлообрабатывающие центры Согда. Наблюдаемое многообразие типов сплавов указывает на высокий уровень развития цветной металлообработки в этих центрах и в Согде в целом. Использование сходной рецептуры сплавов мастерами Центрального и Западного Согда свидетельствует в пользу существования единой металлообрабатывающей традиции на данной территории в позднеантичном периоде, раннем и развитом средневековье.

Примечания

¹Спектральный анализ изделий произведен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Использованная литература

- Алмазова Н.И. Каменные орудия древнего и средневекового Согда /По данным комплексного изучения: Автореф. дис... канд. ист. наук. Самарканд, 2002.
- Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе // МИЦАИ. Самарканд, 1999.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры самаркандского Согда // Проблемы взаимодействий культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности. Ташкент, 2002.
- Сулейманов Р.Х., Рузанов В.Д. Химико-металлургическая характеристика меди и бронзы из городищ Еркурган // ИМКУ.- Вып. 20.- Ташкент, 1986.
- Рузанов В.Д. К вопросу об источниках металла Еркургана // ИМКУ. Вып.25. Ташкент, 1991.
- Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитического исследования цветного металла из Каратепе // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию д.и.н. Р.Х.Сулейманова. Самарканд, 1999.
- Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитических исследований меди и бронзы из квартала «металлистов», раскопов Р-14 и Р-15 городища Еркурган // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд, 2001.

V. Ruzanov — Metalworking in Afrasiab in Ancient and Medieval times

Chemical analysis of twenty metal objects of the 1-7th and 9-12th centuries found at Afrasiab have been done in the laboratory of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Interesting conclusions were reached by comparing the material from ancient Samarkand with that from other Soghdian and Northern Bactrian sites. These showed in particular that a number of articles from Samarkand and Afrasiab had the same chemical signature as those from Northern Bactria.

*К. Рапен
(Франция)*

КОКТЕПА В ПЕРИОД ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДО ПРИХОДА АХЕМЕНИДОВ

Расположенное в тридцати километрах на север от Самарканда, рядом со степным коридором и недалеко от канала Булунгур Коктепа является ключевым городищем для понимания процессов сосуществования кочевников и оседлых и реконструкции генезиса урбанизации равнины Зарафшана в эпоху железного века (рис. 1). Программа исследований, предпринятая на городище¹, была продиктована вопросами, возникшими в ходе исследования урбанизма городища Афрасиаб, в частности по поводу датировки его возникновения, которое обычно связывается со строительством большой крепостной стены (IV)².

Интерес проведения раскопок на Коктепа был обусловлен тем, что с момента первых рекогносцировок это городище дало находки, хронологически соответствующие наиболее древ-

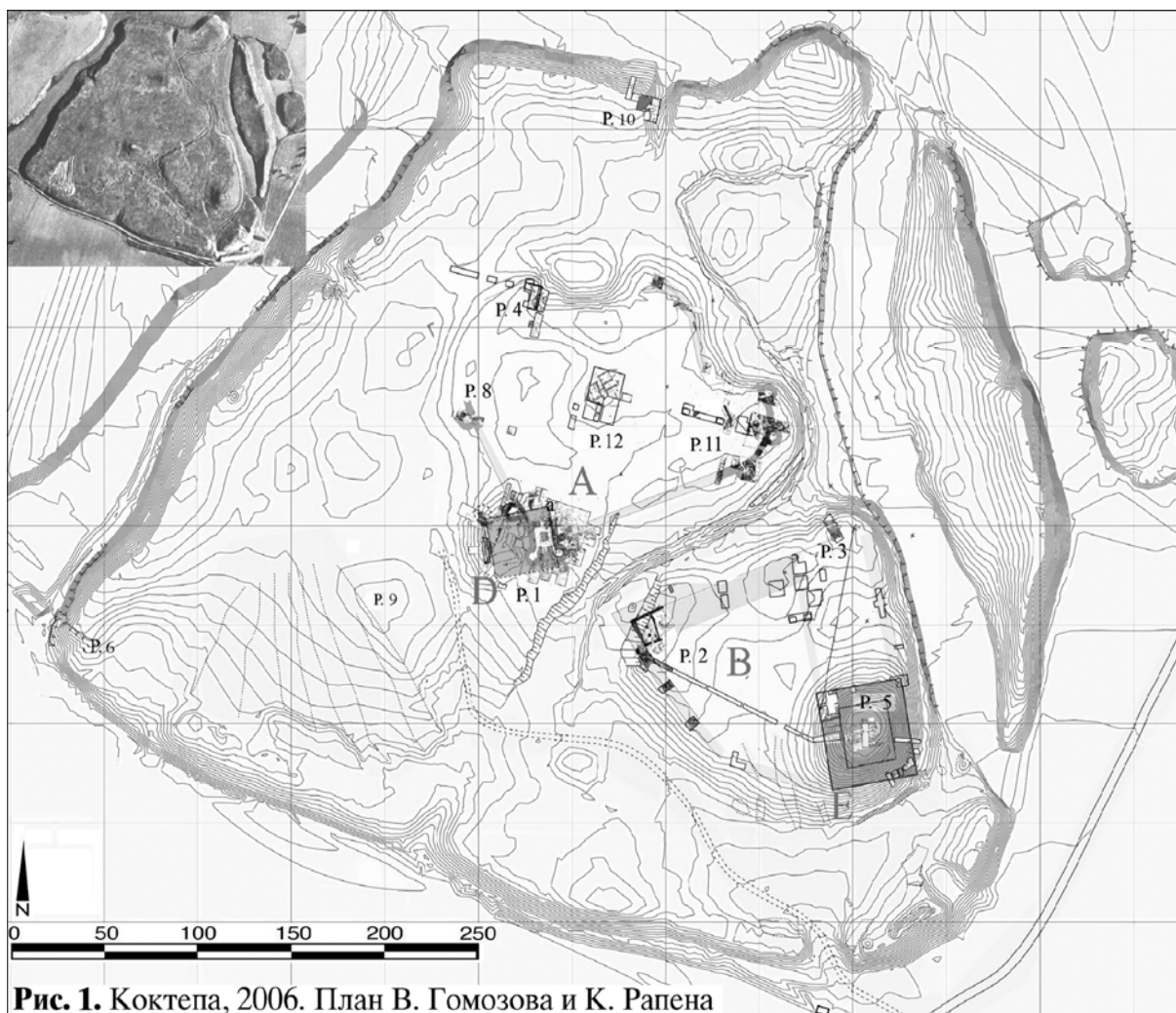

Рис. 1. Коктепа, 2006. План В. Гомозова и К. Рапена

ним слоям Афрасиаба, но в отличие от этого последнего городища Коктепа было покинуто очень рано. И действительно, последние следы его урбанистического обживания не поднимаются выше начала эпохи Селевкидов и свидетельства последующего присутствия населения ограничиваются несколькими захоронениями «кочевников» III-II вв. до н.э., захоронением принцессы кангюйско-протоаланского происхождения I в. н.э. (Rapin, Isamididinov, Khasanov, 2001; Исамиддинов, Рапен (Rapin), Грене (Grenet), 2001), а также отдельными следами полуземлянок эпохи средних веков домонгольского времени и кладбищем. Таким образом, на этом городище были объединены наилучшие условия с тем, чтобы обеспечить более легкий доступ к наиболее глубоким слоям, которые могли бы проиллюстрировать первые этапы формирования города. Единственный недостаток, которым, впрочем, страдают все городища, относящиеся к этому историческому отрезку, заключается в присутствии на Коктепа так называемой лакуны «Гальштата» между VIII и IV веками до н.э., которая не подлежит радиоуглеродному анализу.

Если гипотетически мы связываем статус города с присутствием, с одной стороны, сложного урбанистического ансамбля и с другой – системой фортификационных укреплений, то Коктепа объединяет в этом смысле ряд условий, интересных тем, что они дают возможность выделить несколько репрезентативных этапов его эволюции на протяжении длительного времени. Как это можно вычитать в рельефе городища, собственно тепа, которое занимает со своим возвышенным плато около 17 гектаров и представляет собой своего рода «высокий город», было защищено мощными крепостными стенами, прорезанными несколькими воротами. Вместе с тем, в пространстве прилегающей равнины сохранились следы крупной фортификационной стены, которая могла защищать более широкий урбанистический ансамбль, чьи размеры, даже если мы не можем их определить с безупречной точностью, занимали площадь приблизительно в 100 гектаров, достигая той же величины, которую мы имеем в отношении урбанизированного пространства Афрасиаба, заключенного внутри фортификационной стены IV. Оборонительные линии Коктепа, которые мы можем приблизительно датировать, исходя из археологических и исторических параллелей, представляются репрезентативными для главных этапов развития урбанизма этого городища, которые прошли через повторяющиеся не в линейном порядке фазы уменьшения в пространстве, запустения и заселения в традициях кочевников. Отталкиваясь от идеи, что мы имеем дело с городищами-близнецами, эта реконструкция должна быть принята во внимание в ходе дискуссий о хронологии Афрасиаба.

Коктепа I

С самого начала раскопок значительное количество шурфов позволило выявить фрагменты лепной расписной керамики, характерной для раннежелезного века, которая встречается на обширном пространстве, начиная с северных районов Средней Азии, в Синьзяне, Чаче и Фергане (бургулюкская и чустская культуры), а также в Уструшане и заканчивая южными районами Средней Азии, т.е. Кашкадарьей (Еркурган, Чиракчи и т.д.), бактро-согдийской низменностью между хребтами Гиссара и Гиндукуша (Кучуктепа, Бандыхан и т.д. в Сурхандарье в южной Согдиане³ и Тилля-тепа в Бактриане в Афганистане), вплоть до Маргианы (Яз I) и до предгорий Копет-Дага (Гонур-депе и т.д.).

Таким образом, для этого периода, который можно датировать между второй половиной II тысячелетия и началом I тысячелетия до н.э. (Francfort, 2001. С. 221-235), Коктепа занимает географически центральное место в этой обширной культурной области, отмеченной расписной керамикой.

Последние сезоны раскопок были особенно удачны с точки зрения изучения урбанизма начального периода (Коктепа I). В отличие от того, что мы думали в ходе первых раскопочных сезонов, плато вполне могло иметь с самого начала его обживания фортификационную стену, один из сегментов которой был обнаружен недавно М. Хасановым на восточной оконечности этого внутреннего пространства, впоследствии трансформированного в «дворцовую» зону (см. рис. 2). Конструкции, заключенные в лимите города, можно подразделить на различные специфические категории. В шурфе, заложенном в 2006 г., А. Грицина обнаружил на уровне, непосредственно следующим за материком, следы круглой постройки диаметром

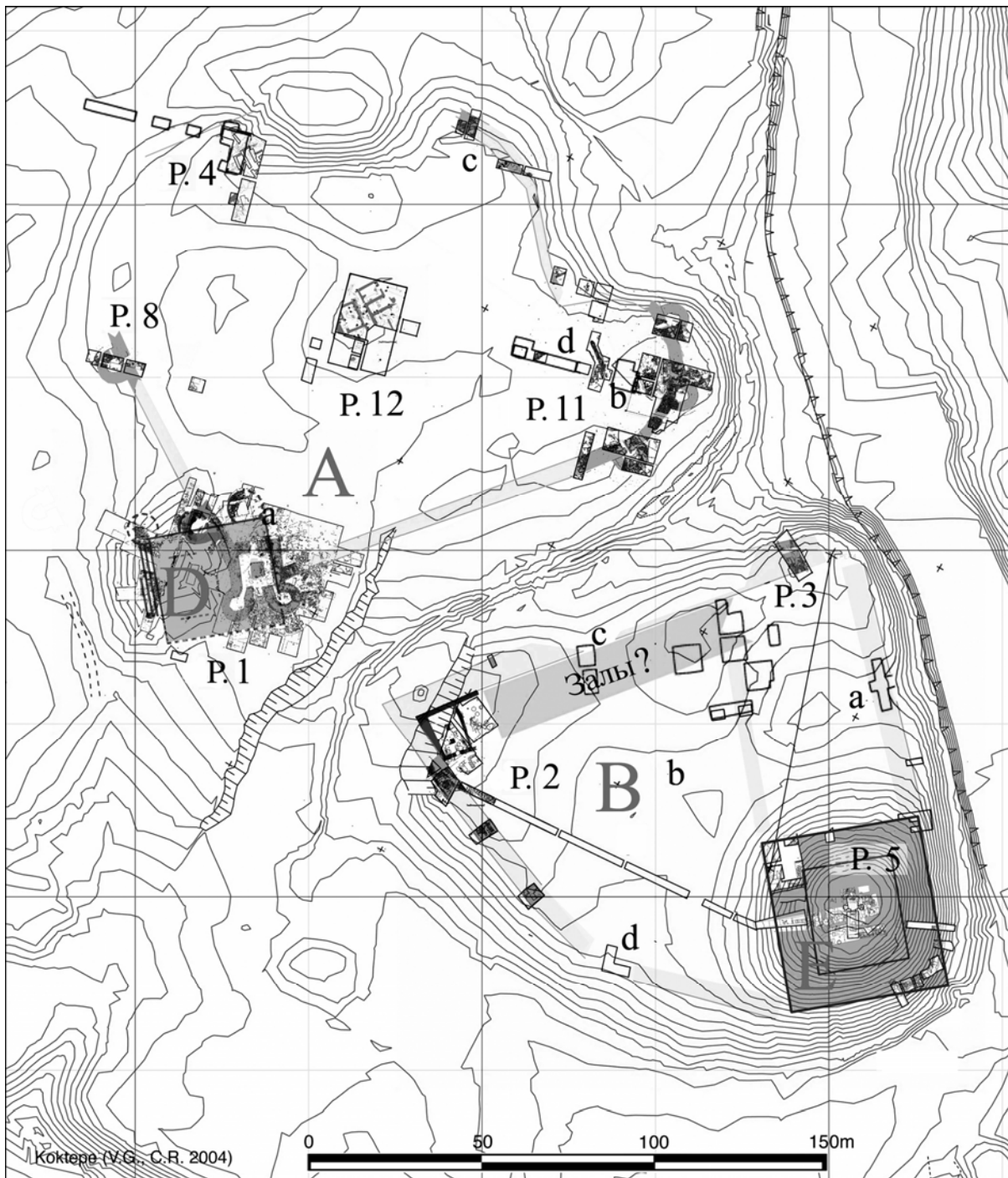

Рис. 2. Коктепа, 2006.

приблизительно 7 метров, снабженной, как думается, бойницами (рис. 3). Помимо этого впечатляющего здания многочисленные раскопки открыли на плато присутствие плотного заселения, сотканного из более скромных домов, отдельные из которых состояли из коридора. От него отходили небольшие комнаты размером 2-3 метра по стороне. Открытие следов подобной монументальной архитектуры симптоматично для появления власти достаточно сильной, начиная, как минимум, с этой эпохи.

Вместе с тем, одно из наиболее важных открытий было сделано на северной оконечности будущей «сакральной» зоны, где в большом шурфе, заложенном первоначально в 2003-2004 гг. И. Иваницким, в ходе работ 2006 г. Ж. Люилье и Ж. Раевски открыли жилое помещение,

которое служило, скорее всего, как металлургическая мастерская. С мастерской связана яма, заполненная мусором, фрагментами литейных форм (в том числе формами для отливки бронзовых ножей) и шлаками, ассоциируемыми с черепками лепной расписной керамики, а также молотком из камня биконической формы.

Рис. 3. Раскоп 11, шурф 22 : Круглое здание.

Эти находки тем более важны, что они следуют сразу за эпохой бронзы, традиции которой были еще узнаваемы в металлургической

технике раннежелезного века. Учитывая, что период бронзы отсутствует на Коктепа как отдельно вычленимый слой, любые отдельные находки очень ценны. В частности, находка в 2000 г. каменной дисковидной гири с ручкой у края (Исамиддинов, Грене, Грицина, 2001), которую А.-П. Франкфор датирует XVIII в. до н.э., позволила предположить наличие где-то рядом городища эпохи бронзы. Городище Киндыклытепа в 13 км к востоку от Коктепа могло бы в этом смысле дать важную информацию в отношении различных аспектов цивилизации эпохи бронзы и ее взаимодействия с раннежелезным веком, также по этапам развития больших каналов Булунгура и Пайарыка, которые орошали окружающую Коктепа равнину.

Коктепа II

Согласно тому, что оставляют предполагать последующие ямы от столбов, эта первая фаза урбанистического развития Коктепа заканчивается периодом оккупации территории кочевниками, которые, согласно Б. Лионэ, спровоцировали здесь резкий обрыв традиции лепной расписной керамики.

После интервала, длительность которого мы не можем определить, плато Коктепа пережило заселение абсолютно иного характера. Вместо частой постройки эпохи раннежелезного века центральная часть урбанизированного плато была занята двумя укрепленными дворами, возможно, одного времени, несмотря на относительные различия их характеров.

На юго-востоке плато на широкой террасе возвышалось монументальное здание, окруженное очень мощной фортификационной стеной (шириной 6 метров в одном из сегментов, раскопанных на западе). Шурфы, заложенные внутри здания, показали, что оно состояло из двора без каких-либо иных конструкций, за исключением северного фланга: вдоль него располагалась серия помещений, среди них некоторые, иногда довольно значительного размера, имели квадратные опоры, выложенные из сырцового кирпича (рис. 4). Назначение этого здания не может быть определено по находкам, тем более, что, как показывает доминирующая на уровне пола керамика завершающей фазы существования постройки, здание, возможно, функционировало в течение очень короткого времени в момент появления Ахеменидов в конце VI в. до н.э. Вместе с тем, взаиморасположение структур напоминает схему складских помещений, что дает возможность предположить светское назначение здания, не исключено, в контексте ансамбля дворцового характера.

Расположенный на северо-западе от первого памятника, второй большой укрепленный двор, также возведенный на террасе, имеет иной характер. Ориентированный по диагонали по отношению к основным точкам координат, двор охватывает практически квадратное пространство, имеющее 125 метров по стороне (см. рис. 2); все фасады были отмечены серией мощных полукруглых башен, расположенных каждые 25 метров. Вход находился в южном углу двора и был спроектирован в виде монументальной двери квадратного плана, выстроен-

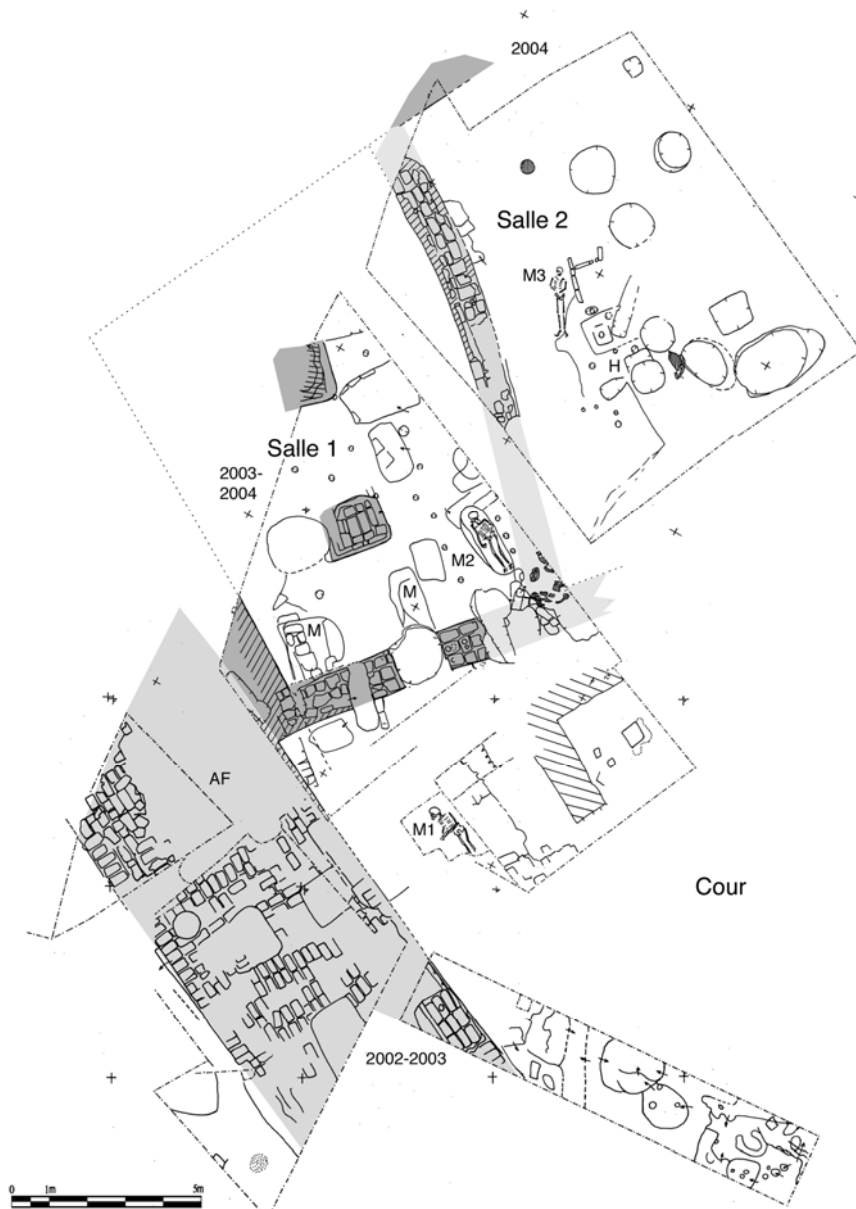

Рис. 4. Коктепа, дворец (доахеменидский период).
План Е. Куркиной и К. Рапэна (2004)

тальным характером здания. Однако далее завалы следующего над полом уровня включают в себя большой слой галек, перемешанных с карбонизированным деревом и фрагментами обожженной до красноты глины. Состав этого завала может быть сравнен с аналогичным открытием, сделанным в святилище вне стен античной Наутаки-Шахрисабза на городище Сангиртепа, где был обнаружен большой очаг на гальках, который М. Хасанов датирует ахеменидским временем (Хасанов, Механдели, Гударзе, 2005). Остатки очага Коктепа были также перемешаны с карбонизированными балками с крыши башни. Учитывая большой объем этих археологических артефактов, представляется сомнительным, что вся эта инсталляция сгорела где-то исключительно на верхнем этаже. Большое скопление свидетельств пожара в этом месте можно объяснить исключительно как комплекс здесь сгоревших элементов, происходящих из иного месторасположения. Несмотря на то, что этот памятник, как думается, был предназначен для проведения ритуала вокруг большого очага в период, предшествующий его разрушению, которое началось одновременно с прибытием сюда иного, скорее всего кочевого по происхождению, населения, предпринятые раскопки в различных частях двора, особенно в его центре и

ной вокруг центрального столба, который перекрывал нескромный взгляд с улицы в сторону двора; проход был лимитирован снаружи двумя круглыми в плане башнями в форме улитки (рис. 5). В восточном углу, направо от входа, двор был удлинен благодаря выступающему пространству, которое образовывало полукруг диаметром приблизительно 53 метра, также снабженный башнями. Учитывая размер финансовых затрат, которые должна была потребовать реализация подобной архитектурной программы, указанные характеристики не являются простой случайностью. Это диктуют различные находки, сделанные в районе монументального входа, не исключено, что этот ансамбль мог иметь культовое назначение. В башне направо от входа первоначальный уровень пола сохранил следы небольших очагов, связанных с ремесленной деятельностью, что не соотносится с монументальным характером здания.

в восточной полусфере, не позволили выявить какую-либо структуру, безоговорочно репрезентативную для алтаря. Вместе с тем, благодаря совершенно иной серии находок, связанных с последующей фазой развития Коктепа, представляется возможным говорить более уверенно о религиозной функции этого монументального комплекса.

Коктепа III

Период, который следует за временем существования укрепленных дворов, дает радикальное изменение урбанизма, благодаря строительству двух платформ и возведению новой мощной крепостной стены на территории равнины, прилегающей к террасе Коктепа. Это резкое изменение произошло после очень короткого переходного момента.

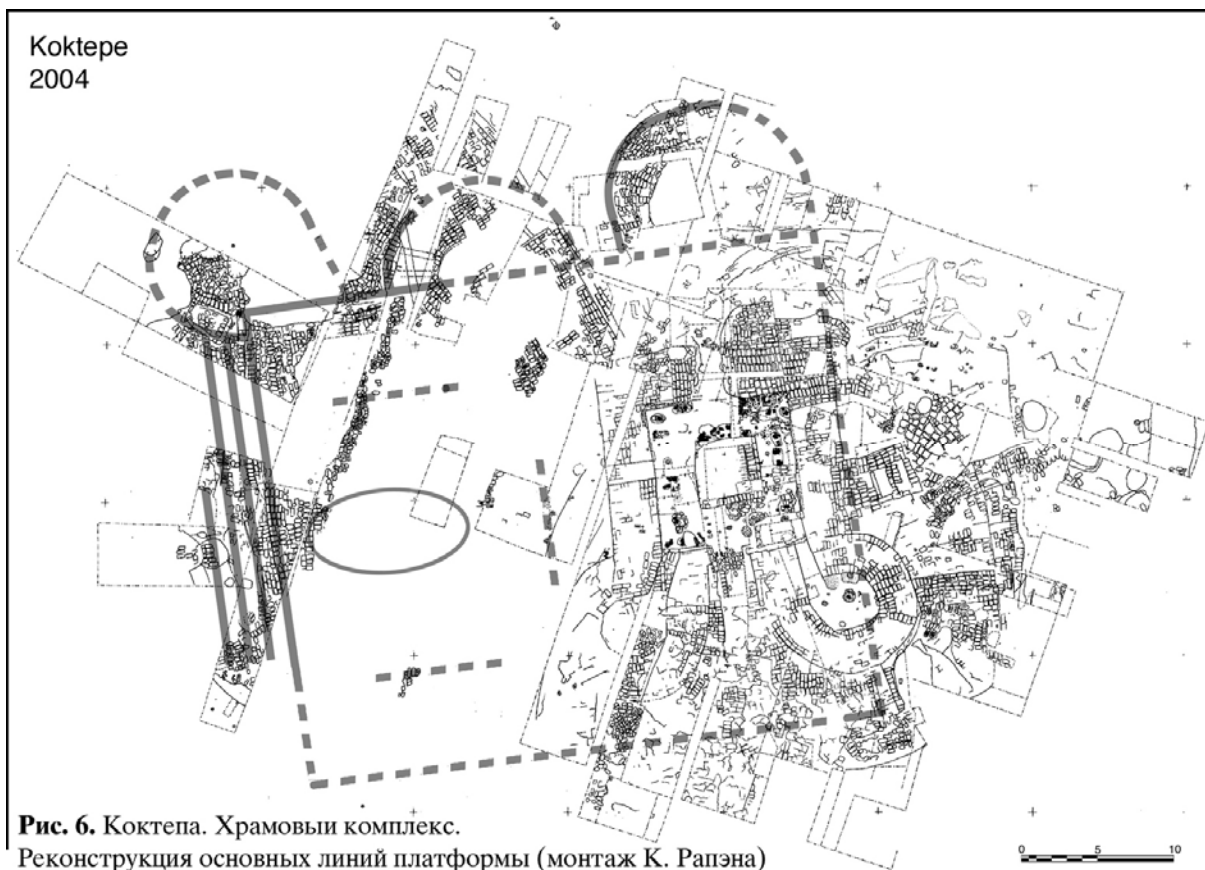
Упомянутые выше платформы, характерные для этого периода, представляют завершающую фазу монументальной архитектуры в центре плато Коктепа. Первая, выстроенная на юго-востоке на месте «дворцового» укрепленного пространства, формирует собой квадратный двухступенчатый массив, что придает постройке характер «зиккурата», хотя мы и не можем определить его истинную функцию. Его объем (11 000 куб. метров) представляется не очень значительным, чтобы говорить об этом здании, как о постройке военного назначения, но в то же время достаточно большим, чтобы придать ему как минимум символическое значение, будь оно религиозного или политического назначения. Возведение этой платформы совпадает по времени с разбором строительной кладки «дворцовой» зоны. В то же время керамика из западных складов, которую М. Хасанов датирует началом ахеменидской эпохи, показывает, что в период, когда новые хозяева обустроивались в городе, большие дворы Коктепа не были окончательно разрушены и могли еще служить прибежищем.

Вторая платформа на северо-западе возвышается на месте второго фортифицированного двора и вписана в похожую стратиграфическую схему. Границы этого нового памятника, который сегодня практически полностью разрушен, могут быть приблизительно реконструированы, по аэрофотосъемке 1970 г., когда различные сельскохозяйственные работы, инициированные в рамках экономического развития региона, нанесли серьезный ущерб городищу (рис. 6). Менее высокая, эта платформа занимала квадратную в плане территорию со стороной 40 метров. Конструкция с наклоненными внешними стенами была укреплена полукруглыми башнями, которые раскрывают, без сомнения, часть оригинальной архитектурной программы. Старая аэрофотосъемка показывает на платформе овальный холм, происхождение которого невозможно определить. Западный фланг платформы укреплен, как минимум, тремя параллельными стенами, которые, возможно, могли служить фундаментом для лестницы. Подъем на вершину платформы с западной стороны позволяет думать о наличии религиозных практик, (ритуала) в ориентации на восток, в сторону восходящего солнца.

Архитектурные данные, перечисленные выше, уже достаточно точны для того, чтобы констати-

Рис. 5. Коктепа. Ворота доахеменидского храма.

ровать религиозный характер ансамбля. Серия же находок, сделанных под цоколем платформы, не оставляет уже никаких сомнений по поводу ее культового статуса.

Действительно, в то время как в одной из башен фортифицированных ворот были выявлены признаки разграбления кочевниками (см. выше), крыша здания была разобрана для того, чтобы заново использовать ее балки. Развалины, соответствующие этой операции, группируются в коридоре и формируют новый уровень пола, в котором находится некоторое количество ям разных типов: небольшие, круглые, диаметром от 20 до 30 см, заполненные иногда гальками или песком, и более крупные, вытянутой формы и длиной около 1 метра. Наполнение первого типа ям, аналогичное находкам, сделанным М. Хасановым на Сангиртепа, позволяет говорить об их сакральном характере и связывать их с ритуалом очищения. Эта гипотеза тем более правдоподобна, что вытянутые ямы второго типа расположены строго параллельно восточной, северной и западной плоскостям центрального столба. Их заполнение включало в себя землю, перемешанную с отходами, в том числе с небольшими фрагментами костей (которые пока не идентифицированы), черепками керамики и плоскими камнями. Эти последние не были разбросаны случайно. Напротив, кажется, что они были расположены со специальным умыслом по дну и по стенкам ям с короткой стороны овала. В нескольких случаях их расположение было асимметрично согласно двум типам: в одном случае 2-3 камня были сгруппированы в одном конце ямы; в другом, наиболее важном – в другой оконечности. Исходя из их расположения, можно предположить, что эти камни имитировали усопшего человека, расположенного на спине. В таком случае мы не можем исключить, что посредством подобного кенотафа жители Коктепа символически инициировали забытую практику человеческих жертвоприношений.

Этот ритуал вполне вероятно отсылает нас к древним формам зороастризма, которые могли быть в плане ритуала достаточно близки общей индо-иранской религии. В любом случае наиболее значительные параллели находятся в отдельных ритуальных трактатах ведической рели-

гии, таких как *Agnicayana*, где указывается, что ритуал освещения территории обязательно предшествует возведению алтаря огня (Renou & Filliozat, 1985, § 729; Staal, 1983).

Из соображений стратиграфического уровня нет никаких сомнений в том, что выявленные следы передают ритуал основания северо-западной платформы, которая, как и ее соседка, была возведена под властью Ахеменидов. Большое количество кенотафов на Коктепа может быть связано с ритуалом, воспроизведенным несколько раз в процессе ряда последовательных церемоний или же совершенным в ходе одной большой церемонии, проводимой при присутствии нескольких сообществ (кланов), которые еще могли в ахеменидскую эпоху нести на себе отпечатки социальной организации, сформированной в предыдущую эпоху (Коктепа II).

В то время как укрепленные дворы были самодостаточны в плане защиты, новые платформы не имели подлинно военного значения. Это может означать, что эпоха их возведения совпадает со временем строительства большой фортификационной стены в окружающем равнинном пространстве. Вместе с тем, как для других больших городов Средней Азии, гипертрофированные размеры этой оборонительной крепостной стены превосходят исключительно локальные рамки Коктепа: это защитное сооружение могло служить убежищем не только для локального и регионального населения, но так же и для стад животных, не исключая и развитие садоводства внутри этих оборонительных стен. Эта система фортификации свидетельствует о наличии в регионе кочевников, угроза нашествия которых пугала сообщество живущих на Коктепа гораздо сильнее, чем в предыдущие эпохи, и воспоминания о которых отразились в исторических источниках эпохи Кира и Дария⁴. В этом же смысле должно быть интерпретировано в отношении данного периода назначение оборонительной стены IV городища Афрасиаб, как это было показано на основе последних открытий в раскопе 27, представленных в данном сборнике в статьях Ф. Грене и Ш. Рахманова.

Заключение

С точки зрения архитектуры, открытые на Коктепа памятники не позволяют легко провести параллели с другими городищами Средней Азии, где обнаружены крупные памятники, особенно по отношению к ее южным районам. Так, в Кашкадарье храм ахеменидской эпохи, недавно открытый на Сангиртепа, имеет форму закрытого здания, выстроенного без платформы; памятники Кучуктепа в Сурхандарье (Аскарлов, Альбаум, 1979) и Тиллятепа в Бактриане (Сарианиди, 1989) представлены как закрытые здания, связанные с платформой; платформа же Мерва представляет несколько иную по сравнению с предыдущими ситуацию (Усманова, Филанович, 2002). На Коктепа платформа не несет на себе никакого здания в подлинном смысле этого слова, что позволяет предположить наличие здесь места проведения ритуала под открытым небом. Разнообразие этих планов до и после прибытия Ахеменидов показывает сложность культурных течений, которые многократно взаимопересекались в древние периоды в одном и том же географическом регионе. Эти сравнения тем более сложны с учетом неясности элементов хронологии, страдающей от отсутствия хронологически точной системы для определения керамики как типа лепной и расписной (Яз I), так и лепной или гончарной последующих периодов (Яз II-III).

В этом смысле значение городища Коктепа особенно важно, так как эволюция керамики может быть сопоставлена здесь с эволюцией урбанизма большого масштаба, отмеченного чересполосицей между крупными архитектурными программами и периодами свертывания поселений, когда появляются легкие конструкции, связанные с присутствием кочевников. Из-за невозможности получения результатов радиоуглеродного анализа наша хронологическая система основывается на ахеменидских источниках, которые позволяют зафиксировать захват Скифии приблизительно к 520 г. до н.э. Вместе с тем, на основе археологических свидетельств можно констатировать, что период кочевников, который выделяется в одной из башен укрепленного западного двора, показывает, что этот ансамбль культового назначения был уничтожен народом, происходящим из другого региона и исповедующим иную религию. Возможно ли в данном случае связывать разрушение Коктепа с набегами Скунаха, вождя скифов в «остроконечных шапках» (*tigraxauda*), которого Дарий в своей Бехистунской надписи укоряет

в непочитании Ахура-Мазды? Это умозаключение пока остается гипотезой, хотя и очень правдоподобной.

Возвращаясь к начальной идее сравнения Афрасиаба и Коктепа, отметим в заключении, что на данный момент исследовательских работ первое видимое большое усилие в урбанизации Афрасиаба, кажется, не может датироваться ранее эпохи пришествия Ахеменидов. Мы не знаем, если по примеру Коктепа этой эпохи, городище Афрасиаб находилось под властью достаточно сильной, чтобы возводить подобные как на Коктепа фортифицированные большие дворы (Коктепа II), или же нет. В случае положительного ответа датировка Афрасиаба может быть заглублена на несколько лет.

Эту гипотезу не стоит полностью сбрасывать со счетов до того момента, пока специальные раскопки, предпринятые с этой единственной целью, не будут произведены в центре плато Афрасиаба или в наиболее глубоких слоях высокого города. Вместе с тем, подчеркнем сложность этих гипотетических работ, напомнив, что даже на Коктепа мы имеем дело с незначительным слоем на уровне пола в укрепленных дворах; это свидетельствует, что период Коктепа II длился недолго, максимум один век, начиная, возможно, уже с VII века. В то же время, думается, что из-за своей зависимости от Даргома Афрасиаб отвечает тем же естественным условиям возникновения города, что и его близнец на Булунгуре. Но для того, чтобы это доказать, зная размеры самаркандского городища, можно рассчитывать только на удачу.

Примечания

¹. На этом городище, впервые обследованном в начале 1980-х годов Г.В. Шишкиной, О.Н. Иневаткиной и И. Ивановичем, начиная с 1994 г. было проведено около двенадцати сезонов археологических раскопок под руководством М. Исамиддинова (Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан, Самарканд) и К. Рапена (Французско-узбекская археологическая миссия в Согдиане – МАФУЗ, CNRS) с участием М. Хасанова, И. Иваницкого, А. Грицины, Ш. Рахманова, Л. Шпеновой, Ж. Раевски, Ж. Люилье, а также других европейских и узбекских археологов. Керамика была также проанализирована Б. Лионнэ. См. Исамиддинов, Рапен, 1999; idem, 2000; Исамиддинов, 2002; Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003; idem, 2004; Исамиддинов, Рапен, Рахманов и др., 2006. Последний синтез см. Rapin, 2007.

². См. в этом же сборнике статьи Ф. Грене и Ш. Рахманова.

³. Мы располагаем границу между Бактрианой и Согдианой по Оксу (Амударья и Вахш) согласно теориям, представленным в предыдущих публикациях; см. последнее исследование Рапен (Rapin), Бо (Baud), Грене (Grenet), Рахманов, 2006.

⁴. Власть Ахеменидов могла реализовываться в прерывистой манере до прибытия Александра Великого, как показывают ямы, заполненные керамикой, выполненной в традициях скорее кочевников, чем оседлых. Ахеменидский период заканчивается на Коктепа программой реставрации платформ, возведением фортификационных укреплений тепа (раскопки Ш. Рахманова) и сооружением зданий, похожих на казармы (раскопки М. Исамиддинова), которые возводят приближение Александра Великого в 329 и 328 гг. до н.э. (Коктепа IV).

Использованная литература

Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа, Ташкент. 1979.

Исамиддинов М., Рапен К. (Rapin). К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 68-79.

Исамиддинов М., Рапен К. (Rapin). Городище Коктепа и некоторые вопросы ранней урбанизации Самаркандского Согда // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной, М., 2000. С. 203-204.

Исамиддинов М., Рапен К., Грене Ф. (Grenet). Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2000 год. Самарканд, 2001. С. 79-86.

Исамиддинов М. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (Проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности), Ташкент. 2002.

Исамиддинов М.Х., Грене Ф., Грицина А.А. Работы узбекско-французской экспедиции на городище Коктепа в 2001 году // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год, Ташкент, 2002. С. 68-76.

Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Хасанов М. Раскопки северной части 'культового комплекса' и в 'резиденции правителя' городища Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003. С. 68-77.

Исамиддинов М., Рапен К., Рахманов Ш. и др. Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2004-2005 годы. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 104-115.

Рапен К. Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Раскопки в центральной части городища Коктепа (P-1) // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003. С. 143-150.

Рапен К., Исамиддинов М., Грицина А.А. Раскопки на городище Коктепа (раскопы 11 и 1) // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 158-170.

- Сарианиди, В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе, М. 1989.
- Усманова З.И., Филанович М.И. Алтари огня древнего Мерва // ИМКУ, Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 154-160.
- Хасанов М., Механдели С., Гударзе Ш. О работах на Сангиртепа в 2004-05 гг. // Археологические исследования в Узбекистане – 2004-2005 годы. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 208-220.
- Francfort H.-P. The Cultures with Painted Ceramics of South Central Asia and their Relations with the Northeastern Steppe Zone (Late 2nd-Early 1st Millennium BC) // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt. 2004. P. 221-235.
- Rapin C. Nomads and the Shaping of Central Asia (From the Early Iron Age to the Kushan Period) // Proceedings of the Conference After Alexander: Central Asia Before Islam (London, British Academy, 23-25 June 2004). 2007.
- Rapin C., Baud A., Grenet F., Rakhmanov Sh.A. Les recherches sur la région des Portes de Fer de Sogdiane: bref état des questions en 2005 / Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы 2005 г. // ИМКУ. Вып. 35. 2006. С. 48-72.
- Rapin C., Isamiddinov M., Khasanov M. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 2001. С. 33-92.
- Renou L., Filliozat J. L'Inde classique. Manuel des études indiennes, Paris. 1985.
- Staal F. Agni, the Vedic ritual of the fire altar. Vol. 1 by F. Staal in collab. with C.V. Somayajipad and M. Itti Ravi Namudiri; vol. 2 ed. by F. Staal, Berkeley. 1983.

М. Хасанов
(Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ К СТАНОВЛЕНИЮ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОГДЕ

Оборонительные стены являются одним из основных элементов становления городской культуры и государственности

На территории Южного Согда, вдоль реки Кашкадарья с древнейших времен образовались два оазисных столичных центра. В ее верхней части Сангиртепа-Узункыр-Подаятактепа - как древний столичный город Наутака и в ее среднем течении Еркурган - центр долины Нахшаба. Оба города - ровесники, расположенные вдоль одной реки, типологически резко отличаются друг от друга. Например, столичный город Наутака состоит из нескольких отдельно стоящих памятников. В результате археологических работ на городище Сангиртепа выявлено четыре строительных периода. Ранний Сангир I характеризуется наличием расписной керамики и керамики, изготовленной на гончарном круге; Сангир II - керамикой типа Кучук II, цилиндрико-конические сосуды в сечении с клювовидным венчиком и Сангир III - комплексом цилиндрико-конических сосудов с манжетовидным венчиком. По этому периоду открыт храмовый комплекс раннеахеменидского периода. Предполагаем, что обведенная крепостной стеной территория площадью в 3 га была традиционно культовым центром с его ранних этапов. Она осталась в 650 м к югу от крепостной стены города Узункыр, обводящей 70 га площади. До освоения внутренних земель Узункыра, Н.И. Крашенинниковой зафиксированы один крупный и несколько небольших холмов. По произведенным археологическим работам на обводной стене Подаятактепа прослеживаются четыре строительных горизонта, хронологически охватывающие с VIII-VII вв. до н.э. по IV-III вв. до н.э. Подаятактепа, как считает Н.И. Крашенинникова, является цитаделью древнего города (Крашенинникова, 1984. С. 461). Обводная стена Подаятактепа еще функционирует в греко-бактрийское время, в то время как Узункыр был разрушен при Ахеменидах.

В 240 м к юго-востоку от городища Сангиртепа расположен другой памятник Наргизтепа, овальной в плане формы, размерами 60x30 м. Предварительно заложенный шурф и небольшие археологические работы по верхнему строительному горизонту произведены Н.И. Крашенинниковой в начале 1980-х годов, но к сожалению, не опубликованы. Мы предполагаем, что Наргизтепа является синхронным памятником по стратиграфии с Сангиртепа. Еще два тепа, разрушенные до основания, возможно, входили в эту древнегородскую систему. Один из этих памятников – Гаровтепа, имел аналогичную форму как Наргизтепа, находился в 600 м к востоку от Сангиртепа. На месте тепа среди хлопковых полей до сих пор встречаются фрагменты

цилиндрикоконических сосудов ахеменидского типа. По рассказу очевидцев, другой памятник, расположенный в 500 м к югу от Сангиртепа, снесен до основания при реконструкции новых земель в начале 1970-х годов.

Если городскую систему городища Еркурган сравнить с городским центром Наутаки, то оно имеет очень простую планировку и окружено двумя рядами мощных крепостных стен с остатками башен. Площадь его в пределах внешней стены около 150 га, внутренней—40 га. Почти весь городской организм античного периода читается в современном рельефе города. О системе древнего города по произведенным археологическим раскопкам в данное время судить сложно.

До недавних пор фортификация этих двух центров была изучена фрагментарно. Например, крепостной вал Узункыра (ее опубликованный разрез) до сих пор не сопоставлен с другими памятниками Согда. Та же самая картина происходила и на городище Еркурган, там почвенная вода не дала возможность проследить все строительные периоды до материка. Возможно, поэтому нам было сложно на примере этих двух столичных памятников решить вопросы периодизации и систематизации городского организма с древнейших времен.

В последние годы на оборонительных стенах в центрах оазиса произведены небольшие археологические работы и получены новые материалы, позволяющие проследить этапы развития фортификационной системы и строительной техники.

Ранний этап монументальной стены на территории древней Наутаки получен из нижних слоев раскопа 3 поселения Сангиртепа. Над материком прослежено два этапа обживания периода расписной керамики толщиной слоя более 3 м. Нижний горизонт состоит из хозяйственных отходов, а второй этап выделяется уровнем пола с общественным зданием шириной 1 м. Оно сооружено из ленточных слоев глины и лёсса.

Одним из ранних объектов на территории Наутаки является обводная стена городища Сангиртепа, где в 1984 году Н.И. Крашенинникова выделила два строительных периода, кладки из гувальякообразных кирпичей (Крашенинникова, 1985. С. 486).

В 1999 году совместной экспедицией Института археологии АН Узбекистана и Университета Беркли расчищена в одном из разрушенных мест до материка обводная стена Сангиртепа. В результате открыта стена шириной 3,5 м из гувальякообразных крупных булыжников. Местами внутренность стены заполнена бытовыми отходами - зольные слои. В этих слоях обнаружено два фрагмента расписной керамики.

Таким образом, на памятниках древней Наутаки, на ранних этапах городской культуры в жилой или общественной архитектуре прослеживаем применение ленточной кладки, а в оборонительных стенах, кирпичей, гувальяка, а также способа заполнения бытовыми отходами.

Монументальная стена эпохи расписной керамики на территории Нахшаба открыта на раскопе 13 городища Еркурган. Там на глубине 7,5 м от реперной точки открыли арык, вырытый в материковом слое шириной 90-100 см, глубиной 20 см. Он имеет несколько ремонтных этапов в виде образовавшегося бортика по его берегам. Арык берет свое начало от водоема, находящегося вдоль восточной оборонительной стены городища Еркурган.

На месте арыка сооружена монументальная стена из чередующихся слоев желто-коричневого цвета лёсса и более пластичной и сероватой-песчанистой глины, взятой, по всей видимости, из рва или канала. Также это перемежалось кусочками и тонкими слоями битой глины и гувальяками из желтой глины. Эта стена клалась в сыром виде, что и проявилось в нечеткости ее формы. Основание первой стены прослеживается в начале XIV яруса шириной 380 см, сохранившейся высотой 250 см. Примерно на этом же уровне прослеживается ремонтная кладка с восточной стороны шириной 0,8 м. Она, как монументальная стена на раскопе 13 Еркургана и ремонтная, сооружена ленточным способом. Длина раскопанной части стены 6 м. В прилегающих слоях стены найден комплекс расписной посуды, сосудов с цилиндрикоконической формой, подтреугольным в сечении венчиком. По последней керамической колонке городища Еркурган, комплекс расписной керамики представлен по материалам Чимкурганского водохранилища (Сулейманов, 2000. С. 161-162). Возможно, поэтому комплекс типа Кучук I или турткультепинская керамика здесь маловыразительны. Комплекс ЕК-2 представлен толь-

ко из керамики цилиндроконической формы с манжетовидным или подтреугольным в сечении венчиком (Сулейманов, 2000, рис. 89). Р.Х. Сулейманов комплекс ЕК-1 датирует VIII-VII вв. до н.э., а комплекс ЕК-2 - VI-V вв. до н.э. (Сулейманов, 2000. С. 160-163). Нам кажется, что керамический комплекс из ранних слоев раскопа 13 заполняет лауну между комплексами Ек-I и Ек-II.

В 2006 году на двух старых раскопках внутренней оборонительной стены городища Еркурган археологи впервые углубились до материка и расчистили разрез, охватывающий все его периоды. На раскопе внутренней стены вдоль автодороги песчаный материковый слой прослеживается на глубине 10,5 м от реперной точки раскопа. По всему разрезу стены над материком прослеживается насыпной слой земли толщиной около 70 см.

Первый этап. Внутренняя крепостная стена с первого этапа сооружений имеет внутренний коридор. Ее общая ширина достигает 13 м. Она сооружена из пахсы по основанию шириной около 4 м, высотой 130 см. Судя по сохранившейся части южной стены, она сооружена из разного формата кирпичей (30x40x8-9 см; 36x48x9 см; 52x48x10 см). Между горизонтальными рядами кладки насыпан слой песка толщиной 2-3 см. Кладка кирпичей аналогичной техники на северной стене сохранилась частично. Ширина коридора около 4 м. Основание стены прослеживается на 930 см глубины от реперной точки. Из тела стены и из прилегающих слоев происходит керамика типа Кучук II и III. Аналогичный комплекс керамики в изолированном виде происходит из поселения Пашмактепа (Пидаев, 1974. С. 37, рис. 4).

Второй этап сооружается с внутренней стороны южной стены первого периода, и она сильно повреждена еще в древности. В основании ширина более 5 м. Она сооружается забутовкой болотистого цвета и двумя рядами кладки чередующейся пахсы. Первая кладка из песчаного кирпича шириной 36-38x8-9 см. Еще три ряда кладки кирпичей шириной 50-48 см, толщиной 9-12 см, которая проходит по верху первой стены. Кладка аналогичного формата кирпичей прослеживается и на северной стене в два или три ряда кладки. Основание стены прослеживается на глубине 830 см от реперной точки. В завале коридора встречаются обломки плоско-выпуклых кирпичей.

Третий этап стены сооружается с внешней стороны второго периода стены на узкой платформе болотистой глины толщиной 25 см и из пахсы толщиной 150 см. Верхний ярус стены из сырцового кирпича размерами 57x28x9 см, формат кирпича - древнебактрийский. Ширина стены в основании 3,5 м. Ее фасадная сторона сильно повреждена. С внутренней стороны она имеет два уровня пола. На уровне второго пола был коридор шириной 2 м. Кладка третьего периода на северной стороне стены не прослеживается, возможно, в это время она не функционировала.

На четвертом этапе стена капитально обретает новую планировку. Заново сооружена северная и южная стена, которая вновь обретает внутренний коридор шириной 370 см. Все перечисленные периоды внутренней стены городища Еркурган ранее не были известны и она была принята как стена первого периода внутренней оборонительной линии и датирована VII-VI вв. до н.э. (Сулейманов, Турбеков, 1978. С. 60-65; Турбеков, 1990).

В полевом сезоне 2006 г. зачистили поверхность разреза стены верхних ярусов и в результате выявили еще три ранее неизвестных строительных периода.

Внешняя стена городища Еркурган М. Турбековым обследована в двух местах. На раскопе 9 под стеной прослеживается культурный слой. На другом разрезе раскоп не доведен до материка. В зачистке № 2 внешней стены Еркургана прослеживаются три строительных периода. Ширина на уровне основания пахсовой стены 3,5 м. В 2002 году на западной стороне близ железной дороги нами заложен шурф длиной 12 м, доведенный до материка. В результате прослеживаются три строительных горизонта пахсовых кладок, растающие во внутреннюю сторону от первой стены. При сооружении внешней стены в разных местах применяли разного вида технику кладки пахсы или сырцовых кирпичей.

Таким образом, ранние города периода Кучук II на территории Согда на примере раскопа 3 Сангиртепа, монументальной стены на раскопе 13, Еркурган, до сооружения внутренней стены (40 га) не имели обводной стены, как в Маргиане (Яз-депе), Бактрии (Джаркутане), а со-

стояли из нескольких отдельно стоящих холмов. Видимо, на Афрасиабе стена, построенная по лумбозной технике кладки, также относится ко второму этапу расписной керамики и предшествует древнебактрийскому периоду.

Использованная литература

1. Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. (Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана). Ленинградское отделение, 1974.
2. Сулейманов Р.Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
3. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.

M. Khasanov - Several New Facts About the Formation of the Urban Culture of Ancient Soghd

This article deals with fortification walls and the new data which they bring to our understanding of the urban culture of Soghd. The construction of fortification walls is one of the main visual elements of development of urban culture and statehood. In southern Soghd, there are two main centres, one in the upper part of the valley at Sangirtepa – Uzunkyr-Podajaktepa-Nautaka and the other one in the lower part – Erkurgan-Ksenipa-Nakhshab. The date of the city walls of these sites span several centuries and in different parts they used different techniques of construction with pakhsa or mudbricks. It appears that the fortification wall of Afrasiab used a technique characteristic of the second stage of decorated ceramics and preceding the ancient Bactrian period.

*Ш.Б. Шайдуллаев
(Ўзбекистон)*

ҚАДИМГИ СЎҒД ХУДУДИДА ИЛК ШАҲАР МАДАНИЯТИНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ҲАҚИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Ўзбекистон худудида илк шаҳар маданияти бронза даврида, Бактрия худудида шаклланганлиги Т.Ш.Ширинов томонидан исботлаб берилган. Илк темир даврига келиб бу жараён Сўғд худудида ҳам бошланганлиги Р.Х. Сулаймонов, А.С. Сағдуллаев ва М.Х. Исомиддинов тадқиқотларидан маълум.

Сўғд худудида нафақат илк шаҳар маданиятининг, балки илк деҳқончилик маданиятининг пайдо бўлиши масаласи ҳам ўз ечимини кутаётган масалалардан бири ҳисобланади. Сўғд худудидаги энг қадимги деҳқончилик манзилгоҳи ҳисобланган, моддий маданияти Қадимги Шарққа хос бўлган Саразм ёдгорлигининг пайдо бўлиши масаласи ўз ечимини топсагина бу масала ҳам ойдинлашади. А. Исҳоқовнинг маълумотларига кўра энеолит даврида Саразм аҳолиси уруғ-жамоа бўлиб, бронза даврида эса қишлоқ-жамоа шаклида ҳаёт кечиришган. Фикримизча, Қадимги Шарқ цивилизацияси соҳиблари янги ерларни ўзлаштириш, лалмикор деҳқончиликка, айниқса, суғорма деҳқончиликка қулай бўлган худудларни топиш, металлга ёки маъданга бой ўлкаларни эгаллаш билан доимий равишда машғул бўлиб келишган. Бу фикр хараппа маданиятига хос бўлган Шўртўғай ёдгорлигининг Бактрияда ёки Саразм ёдгорлигининг Сўғд худудида пайдо бўлиши мисолида исботланади.

Сўнги бронза ва илк темир даврларида кўчманчи чорвадор халқларнинг Сўғд худудига келиб, ўтроқлашиш жараёни кузатилган (Замонбобо, Мўминобод, Чироқчи, Сангиртепа, Кўктепа, Тўрткўлтөпа ва бошқалар).

Сўғд ўзининг географик жойлашувига кўра, маданиятларнинг ўзаро қоришуви кечган минтақадир. Сўнги бронза даврига оид Зарчаҳалифа, Жом қишлоқларидан олинган археологик маълумотлар, яъни бир ёдгорликдан, ҳаттоки, бир қабрдан турли маданиятларга - шимолий худудларга хос бўлган кўчманчи андронов, жанубий ўтроқ сополли маданиятларига хос бўлган моддий маданият намуналарининг топилиши маданиятлар синтези жараёнини кўрсатади. Бу жараён илк темир даврида ҳам давом этган. Чироқчи қишлоғи ёдгорлигидан дашт қабилаларга хос ашёвий далилларнинг топилиши, Тўрткўлтөпа ёдгорлигидан сўнги чуст ва қадимги бактрия маданиятлари кулолчилиги намуналарининг аралаш учраши Сўғд худуди бронза ва илк темир даврида доимий равишда маданиятлар қоришуви кечган худуд эканлигини кўрсатади.

Кучук III давридан бошлаб қадимги бактрия маданиятининг Сўғд худудига ёйилиш жараёни кузатилади. Натижада, ривожланган фортификация элементларига эга бўлган ёдгорликлар пайдо бўлади. Шахрисабз ва Қарши худудларидаги илк темир даври харобалари (Даратепа, Узунқир Сангиртепа, Ерқўрғон) Бактриянинг маданий таъсирида вужудга келган. Бу ерда илк шаҳар маданиятининг шаклланиши ва илк давлатчилик формаларининг пайдо бўлиш жараёнлари кузатилган. Қарши воҳасидаги Ерқўрғон, Челак туманидаги Кўктепада илк шаҳарларнинг арк ва шахристон қисмлари таркиб топган.

Кўчманчи халқларнинг ўтроқ ҳаётга ўтиши, бир худудда яшаб қишлоқларнинг барпо этилиши Сўғдда илк шаҳар маданиятининг шаклланишида биринчи қадам бўлган бўлса, Қадимги Шарқ цивилизацияси аҳли билан кечган ассимиляция жараёни иккинчи фактордир. Энг асосий ва ҳал қилувчи фактор эса қадимги бактрия маданиятининг бевосита маданий таъсирида Сўғдда илк шаҳар маданиятининг шаклланишига йўл очган.

Сўғд шаҳарсозлиги тарихида Афросиёбнинг алоҳида ўрни бор. Афросиёб ёдгорлиги ҳам ўзининг илк даврида воҳа-давлат, сўнг эса бутун Сўғд мамлакатининг пойтахти вазифасини бажарган.

Sh.B. Shaydullaev - Some Speculations on the Formation of Early Urban Cultures in Ancient Soghd

At the end of the Bronze period and during the Early Iron Age the nomad cattle breeders entered the territory of Soghd and settled there. However the formation of the first urban cultures in Soghd was mostly related to the early migrations of Bactrian culture bearers. When recounting the history of ancient Soghdian urbanization, a special role is accorded to the town of Afrasiab.

*H.-P. Francfort
(France)*

TROIS SCEAUX DE SAMARKAND «ACHEMENIDE» ET «PRE-ACHEMENIDE» ET LA GLYPTIQUE DE L'ASIE CENTRALE A L'AGE DU FER.

Les deux cachets d'Afrasiab publiés jadis par G. Pugachenkova (Pugachenkova et Rempel', 1965) ont été récemment l'objet d'une nouvelle étude qui en a précisé bien des points (Berzina, 2000). Le troisième cachet, acquis jadis à Samarkand et publié par Delaporte (Delaporte, 1909), a été également republié (Collon, 1987, n°602).

Le présent article propose une nouvelle analyse de ces cachets qui les met en relation avec le corpus de glyptique centrasiatique (Sogdiane, Bactriane, Margiane, Chorasmie) datable de l'époque achéménide et jusqu'à la fin du 4ème siècle, mais qui se rattache toujours à cette tradition achéménide d'Asie centrale.

Deux aspects sont à prendre en compte dans l'analyse. Le premier est celui des rapports avec la glyptique achéménide dynastique et satrapique, telle que nous la font connaître les découvertes des villes capitales de l'empire et celles des chefs lieux des satrapies. Le second aspect est celui qui révélerait une dimension proprement centrasiatique ou régionale (au sens de « satrapique ») à l'art de ces cachets.

Deux conclusions sont obtenues à partir de l'analyse. D'abord elle révèle la possibilité de mettre en évidence une véritable école centrasiatique de glyptique, et plus généralement de lapidaires. Ensuite, elle ouvre la perspective de formuler l'hypothèse d'une origine pré-achéménide de cette glyptique.

Le sceau à l'archer d'Afrasiab représente un souverain ou un héros royal à pied, bandant son arc (fig 1). Il s'agit d'une iconographie royale de type achéménide, mais exécutée dans un style centrasiatique. Le type du roi archer à pied se retrouve fréquemment. Il peut être représenté sur des cachets ou des sceaux cylindres, seul (Boardman, 1970, n°892, 876) ou chassant le lion (Curtis et Tallis, 2005, n° 74, 75) ou encore combattant des ennemis (Curtis et Tallis, 2005, n°414). Sur les monnaies, où le type du roi archer avec un genou en terre prédomine, la figure debout marchant apparaît pourtant sur des émissions d'argent d'Hecatomnus (?) (Curtis et Tallis, 2005, n°345), ainsi que sur des

Fig. 1

statères d'Alexandre dits « de Poros » (frappés vers 323 av. J.-C.) (Bopearachchi, Landes, et Sachs, 2003, n°34). La forme de l'objet, un tronc de pyramide percé, ainsi que la technique de taille, en petits coups obliques, sont bien locales et diffèrent des productions perses et gréco-perses.

Des cachets de cette forme ou de forme proche se trouvent au Tadjikistan et en Afghanistan. Ils portent des décors soit d'iconographie achéménide comme le sphinx ou le félin ailé (Sarianidi, 1998, n°1376, 1378, 1379), soit d'iconographie centrasiatique, toujours dans le style local. On trouve ainsi des représentations animalières (Sarianidi, 1998, n°1382, 1388, 1399), un Gopatshah (Sarianidi, 1998, n°1371) dont le corps taurin est reconnaissable à l'absence de griffes, remplacées par les sabots d'un ongulé, et dont la tête barbue et couronnée rappelle

celle du célèbre anneau du trésor de l'Oxus (Curtis et Tallis, 2005, n°296 ; Dalton, 1964, fig. 105, pl. XVI), et un cheval cornu et ailé (Denisov, 1996 ; Francfort, 2002, fig. 24, 70). Cette dernière image, le cheval cornu, nous montre un indiscutable rapport entre cet art de l'Asie centrale sédentaire des satrapies et l'Asie centrale des nomades des steppes dans laquelle l'image du cheval cornu est répandue jusqu'au Kazakhstan et l'Altaï (Francfort, 1997). Sur des amulettes ou des sceaux coniques, le sphinx se retrouve dans une stylisation propre à l'Asie centrale, très schématique, en Bactriane (Sarianidi, 1998, n°1369, 1370, 1372, 1373) et à Ai Khanoum même sur un sceau conique (Francfort, 2002, fig. 16, p. 68). Les griffes et la queue du félin, ainsi que sa patte levée, aussi bien que sa couronne gaufrée, transformée en ramure de cervidé, trouvent leur origine sur des bractées achéménides au sphinx du trésor de l'Oxus (Dalton, 1964, fig. 27, pl. XXI). En revanche, le style et la facture peuvent être rapprochés aussi bien de l'art rupestre des pétroglyphes d'Asie centrale que de l'imagerie des objets de schiste de Bactriane et de Chorasmie (4-3ème siècles), comme nous le verrons plus bas.

Le sceau au taureau et au bouquetin d'Afrasiab a été récemment publié en détail (Berzina, 2000) (fig 2). Il porte sur une face une sorte de bouquetin courant, avec un motif en peigne, survolé par une pointe de lance ou de flèche. Sur l'autre face, moins bien conservée, apparemment un taureau ailé est malaisé à reconnaître sur la photographie publiée. Il s'agit d'une iconographie de type centrasiatique (peut-être d'origine moyen-orientale comme nous le verrons) placée sur un objet à la mode achéménide, une amulette rectangulaire, objet bien connu aussi en Asie centrale. Le meilleur rapprochement est avec un cylindre de Pastdargom (Isamidinov, 2002, fig. 92, 93, p. 103) (fig 3) qui représente à la fois un motif en peigne, un taureau (?) ailé et un bouquetin atteint par une flèche. L'objet, un sceau-cylindre, est de type moyen-oriental (achéménide à cette époque ?), mais le style de la représentation est typiquement centrasiatique. Des cachets de ce type se trouvent en Afghanistan, notamment à Ai Khanoum, où un fragment de sceau-cylindre représente un tigre dans une stylisation absolument comparable à celle de l'art rupestre d'Asie centrale et à des félins sur d'autres cachets de Bactriane (Francfort, 2002, fig. 18-22 p. 69). En revanche, des cylindres de Bactriane, dont la provenance n'est pas assurée et qui ne trouvent pas de parallèles parmi les objets de provenance certaine ne pourront pas être pris en compte ici.

Le cachet au taureau et au bouquetin d'Afrasiab a bien été rapproché par Berzina des sceaux chorasmiens de Koj-Krylgan-Kala principalement, mais ils évoquent aussi ceux

Fig. 2

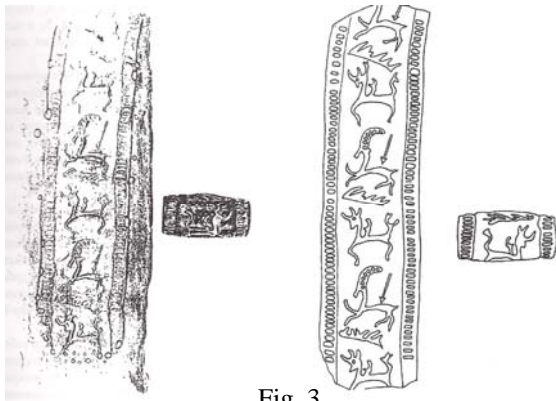

Fig. 3

de Kaunchi (Gricina et Alimov, 1986). A propos de la face au bouquetin et à la flèche (ou javelot), Berzina opère toute une série de rapprochements avec les chasses au bouquetin par des « dieux chasseurs » depuis la Mésopotamie et le Mitanni jusqu'aux cachets assyriens en passant par le Luristan. Tous ces parallèles ne sont pas faux, mais ils laissent malheureusement de côté toutes les magnifiques scènes de chasse au bouquetin de l'âge du bronze de la Bactriane et de la Margiane, qui apparaissent sur des sceaux ou des vases d'argent issus de fouilles non officielles ou des travaux de V. Sarianidi (Francfort, 2005a, avec les illustrations et les références aux

fouilles de V. Sarianidi ; 2005b). Toutes ces chasses au bouquetin sont parfaitement profanes, nobiliaires, et remontent à des prototypes mésopotamiens, akkadiens pour ce qui est de leur composition. Quant à l'Asie centrale, à l'époque achéménide, la chasse au bouquetin à cheval se trouve naturellement sur le disque bien connu du trésor de l'Oxus (Dalton, 1964, n°24, pl.X), mais il importe aussi de rappeler les représentations de la glyptique perse (Boardman, 1970, n°297). Le style du bouquetin d'Afrasiab, avec ses quatre pattes raides parallèles et son arrière train épais, son corps à taille de guêpe, rappelle beaucoup plus celui de certains des sceaux de Bactriane (Sarianidi, 1998, n° 1375, 1382, 1388), ainsi que celui du taureau ailé du troisième sceau de Samarkand (voir ci-dessous) que le style des gourdes à reliefs de Chorasmie, plus fluide et influencé par l'hellénisme même si les thèmes demeurent locaux.

Le troisième sceau de Samarkand représente, dans un cadre à tirets, un lancier à la coiffure en esse, vêtu d'une longue robe, qui fait face donc à un taureau à la taille fine, pattes repliées, queue en crosse et cornes en oves, à (Collon, 1987, n°602, qui le qualifie de « very strange ») (fig 4). La manière de représenter le bovin correspond bien à celle des animaux du second sceau de Samarkand, et de certains cachets de Bactriane, notamment à celui au sacrificateur (Sarianidi, 1998, n°1364, voir plus bas) (fig 5) : encolure courbe, queue relevée, taille fine, aile en faucille (Sarianidi, 1998, n°1394, 1399), museau inscrit dans un rectangle. Quant au lancier, sa coiffure en esse est réalisée d'une façon qui rappelle celle du roi du premier sceau de Samarkand et celle du sacrificateur du cachet bactrien. Enfin, et c'est là un élément très important, le motif de tirets qui encadre la scène trouve un parallèle exact dans la bordure du cylindre de Pstdargom (fig 4). Nous reviendrons plus bas sur d'autres rapprochements iraniens anciens qui éclairent les origines de ce style.

Donc, le style et le traitement des thèmes et des motifs, aussi bien locaux et qu'achéménides, rappellent l'art rupestre centrasiatique, comme nous l'avons vu avec le félin et comme le montre le rap-

Fig. 4

Fig. 5

Fig. 6

prochement d'un cachet bactrien au cheval cornu et ailé, avec une jambe antérieure repliée (fig 6) qui semble en rapport étroit avec des reliefs rupestres de Thalpan dans le Haut Indus pakistanais (Francfort, 2002, fig. 12-14, p. 67). Mais le répertoire en est partiellement différent, ce qui est normal dans la mesure où la fonction de ces images n'est pas identique. Cela est confirmé, toujours à Thalpan, par la représentation sur une paroi rocheuse d'un sacrificateur en costume mède (pantalon à sous-pied et tunique à galon brodé) et coiffé du bonnet mède, qui tient sa victime caprine par une patte arrière (Bandini-König, 2003), et qui est à rapprocher de semblables sacrificateurs sur des sceaux achéménides, notamment celui de Pasargades (Collon, 1987, n°425, n°428 cylindre de Borsippa). De manière remarquable, le cachet de Bactriane de notre figure n°6 présente aussi une scène analogue de sacrificateur face à un caprin dressé, mais dans le style caractéristique de notre glyptique centrasiatique ancienne : le rendu du bouquetin n'est pas éloigné de celui du taureau ou du bouquetin des sceaux de Samarkand (Sarianidi, 1998, n°1364).

Il importe donc de faire le parallèle entre les sujets de ces cachets et la manière dont ils sont traités avec non seulement l'art rupestre centrasiatique mais aussi l'orfèvrerie achéménide de facture locale, comme nous l'avons vu ci-dessus avec le sphinx et la chasse au bouquetin.

Mais il est encore un domaine de l'art centrasiatique de cette époque qu'il est essentiel de ne pas oublier, celui des décors des couvercles de pyxide en schiste de la Bactriane. Il devient ainsi possible de clairement faire le lien entre les sceaux, l'art rupestre et l'art des lapidaires qui ont orné les pyxides de la Bactriane. L'exemple du cheval le montre bien. Son style assez raide mais animé présente les quatre pieds, une crinière détachée du cou et des plages en réserve pour figurer certaines parties du corps ; la taille est oblique. Nous le trouvons ainsi gravé sur un cachet py-

Fig. 7; Fig.8

ramidal d'Aï Khanoum (Francfort, 2002, fig. 15, p. 68), sur un autre de Bactriane (Sarianidi, 1998, n° 1373.2), ainsi que sur des couvercles de pyxides d'Aï Khanoum (Francfort, 2002, fig. 10, 11, p. 67), mais également sur le rocher de Thalpan (Francfort, 2002, fig. 12, p. 67). Et l'on pourrait ainsi donner d'autres exemples.

Il s'agit en fait d'une véritable école de lapidaires, propre à la Bactriane, et même, pensons-nous, à l'Asie centrale. Bien que la plupart des trouvailles faites en contexte de fouilles scientifiques indiquent la période hellénistique (4-3ème siècle), nous pensons que cette école s'est développée à la période achéménide, mais que son origine peut remonter à une plus haute antiquité. C'est la question que nous devons examiner maintenant.

Le problème se pose donc de savoir si cette école est née sous l'impulsion de la conquête achéménide, ou si elle peut être plus ancienne. Dans tous les cas, nous savons que cette tradition a pu poursuivre son existence au 3ème siècle sous la domination grecque, comme le montrent les découvertes en stratigraphie d'Aï Khanoum.

Historiquement, avant les Achéménides, une inspiration pourrait aussi être cherchée dans la glyptique assyrienne (mais elle présente peu de rapports avec nos sceaux) ou dans celle des Mèdes, qui est totalement inconnue. Une invention purement locale de cette glyptique est difficile à concevoir, dans la mesure où le lien historique a été perdu avec le grand et riche corpus des sceaux de l'âge du bronze de la civilisation de l'Oxus. A notre connaissance, aucun sceau n'a été trouvé dans les fouilles des couches d'habitat des sites d'époque Yaz-1/Kuchuk-1/Tillia-1 en Asie centrale, qui sont les seules connues en l'absence de toute tombe. En faveur d'une origine moyen-orientale, on peut mentionner tout de même les formes des cachets, qui sont bien les mêmes que celles du Moyen-Orient du 1er millénaire, et ensuite du reste de l'empire achéménide : cylindre, pyramide, cône, « amulette », cette dernière, à deux faces, paraissant plus locale et dans la tradition, peut-être (?) de la Civilisation de l'Oxus. Quels sont donc les éléments dont nous disposons en faveur de l'hypothèse d'une glyptique locale centrasiatique pré-achéménide, qui serait donc à relier à l'époque dite de Yaz-2/3, qui débute, dans la chronologie actuelle, vers 1000 avant notre ère ?

En première approximation, comme nous l'avons dit, rien hors de la forme, dans la mesure où aucun cachet n'a été trouvé in situ dans une fouille régulière.

Pourtant, une réflexion un peu plus approfondie permet de formuler l'hypothèse d'une origine pré-achéménide du style de nos sceaux, sinon même de la présence et de l'usage de ces cachets en Asie centrale avant l'arrivée des Perses. Nous disposons de trois sortes d'arguments.

Le premier, le moins décisif, porte sur le costume des personnages de certaines représentations, qui peut être qualifié de « mède », avec tunique et pantalon et une coiffure en bonnet arrondi. Nous l'avons vu à Thalpan et nous le retrouvons sur une empreinte de sceau de Margiane (Collon, 1998). Toutefois, le costume « mède » a été porté au cours de l'époque achéménide et les objets mèdes d'Asie centrale, tel le fourreau du trésor de l'Oxus, restent isolés.

Le second argument, meilleur, met en avant des trouvailles récentes de scellements en argile, bien datés par la stratigraphie et le matériel de l'époque de Yaz-2/3, sur le site d'Ulug Dépé au Turkménistan, apparemment au 8ème siècle avant notre ère (Lecomte, 2005). Ces empreintes proviennent toutes de la citadelle, centre administratif d'Ulug Dépé, mais, malheureusement, aucun d'entre elles ne rappelle, par sa forme, ni surtout par son décor celles des sceaux de Samarkand et de la Bactriane. Une découverte récente faite sur ce site présente une empreinte à motif de rapace, dans un style de l'art des steppes ancien qualifiable de « scythe ancien » ou même de « cimmérien » (Lecomte, 2007). Nous retrouvons là le rapport vu ci-dessus en Asie centrale entre la glyptique des agriculteurs sédentaires et l'art des nomades des steppes arrivés dans la région au 1er millénaire. Les trouvailles d'Ulug Dépé sont d'une importance capitale, dans la mesure où elles nous montrent qu'à la même époque que celle où fonctionnaient les sites dits « mèdes » en Iran (Tépé Nush-i Jan, Godin Tépé, Tépé Oz-baki, etc.), la pratique du scellement, et donc l'usage des sceaux était répandu en Asie centrale.

Le troisième argument, à mon avis le plus fort, prend en compte la stylisation si particulière des sceaux d'Asie centrale, et donc de ceux de Samarkand. Le style de nos sceaux n'est pas analogue à celui de Hasanlu IVB, en général plus néo-assyrien, syro-palestinien, iranien ou « local » (Marcus, 1989). Il n'est pas semblable non plus à ce que l'on connaît des sceaux néo-élamites de l'Iran occi-

dental ni à ceux du Louristan. En revanche, il est fort semblable à celui d'un art peu connu, celui de Sialk, en Iran centre oriental.

Dans la nécropole B, datable des 9-8ème siècles av. n. è. les peintures sur céramiques comme les sceaux fournissent des parallèles stylistiques de premier choix pour notre corpus. Sur un cylindre aux cavaliers (fig 7) et sur un cylindre au taureau et au lion (fig 8) (Collon, 1987, n°416, 417, « lively local styles », datés du 8ème s.), nous retrouvons des ornements en tirets, des personnages stylisés aux coiffures en esse, des animaux à la taille fine, l'encolure courbe, le museau rectangulaire, l'aile en faucille. Les aplats, la raideur des pattes, bref l'ensemble est proche des sceaux de Sogdiane et de Bactriane. Sur les vases peints de Sialk, nous retrouvons des animaux et des personnages dans le même style, et notamment un lancier debout, mais en tenue de chasseur et non en robe, et qui, tout comme celui de Samarkand, porte une coiffure en esse sur sa tête de profil ; son corps est schématisé de face, ses deux pieds sont représentés l'un derrière l'autre (Ghirshman, 1963, fig. 7).

Ces observations n'autorisent pourtant pas à imaginer un lien direct avec l'Iran central et le site de Sialk B, dont la culture est différente par ses céramiques et par sa variété même, pas plus qu'elles ne permettent d'avancer des hypothèses sur la nature de la composition ethno-linguistique de la population, ni sur la forme de l'organisation socio-politique de l'Asie centrale pré-achéménide (Briant, 1984). Si nos conclusions et hypothèses donnent plus de corps et d'ampleur aux conjectures avancées jadis par E. Kuz'mina sur les relations entre l'Iran et la Bactriane (Kuz'mina, 1977), elles leur donnent en revanche plus de complexité.

En effet, elles apportent des preuves supplémentaires de l'existence à date ancienne d'un lien culturel entre l'Asie centrale et le plateau Iranien, malgré les différences des assemblages de céramique. Elles renforcent aussi l'idée d'un conservatisme de cette tradition, qui devint un art populaire, relativement peu affecté par les apports des empires conquérants des Perses et des Grecs. Ce lien culturel, qui fut très fort à l'âge du bronze, à la fin du 3ème et au début du 2ème millénaire, se défit vers 1700, si bien que rien ne paraît plus l'attester entre 1700 et l'apparition de l'art de nos lapidaires. Cet art est le résultat d'un nouvel élan dans ces relations, à partir du 9ème siècle, sinon plus tôt, comme le sont l'architecture « mède » de la citadelle d'Ulug Dépé (Lecomte, 2007) ou les techniques des potiers de Yaz-2/3 (Boucharlat, Francfort, et Lecomte, 2005). Finalement, si nos remarques sont exactes, ces relations sont plus anciennes que l'expansion des Mèdes ou des Perses en Asie centrale. Cependant, si la polarité culturelle s'exerce bien d'ouest en est, il n'en va pas nécessairement de même des mouvements de population qui, tout porte à le croire, ont fonctionné dans les deux sens. Mais ce sont là des problèmes que nous ne pouvons pas aborder ici et que la suite des fouilles sur le terrain permettra de résoudre à nouveaux frais.

Les conclusions à tirer de cette étude sont par conséquent à notre avis les suivantes :

- le style centrasiatique (Bactriane, Margiane, Sogdiane) de glyptique et d'art lapidaire s'est formé vers entre le 9ème et le 7ème siècle av. J.-C., soit sur place, soit en Iran, soit dans les deux régions;
- ce style, dans tous les cas, était présent en Asie centrale avant l'arrivée des perses achéménides et de leur art, dont il s'est approprié certains thèmes iconographiques;
- ce style, en fait une véritable école, a évolué et a perduré comme une tradition artistique jusqu'à l'époque hellénistique, parallèlement aux arts monumentaux ou mineurs, aulique ou satrapique des pouvoirs perse ou grec;
- parmi les trois sceaux de Samarkand objets de cet article, le premier est de date achéménide, le second est malaisé à dater (mais il peut être pré-achéménide), quand au troisième, celui au taureau et au lancier, rien ne s'oppose à le dater des 7ème-8ème siècles bien que sa provenance exacte ne soit pas connue (Afrasiab ?).

Bibliographie

- Bandini-König, D., 2003, Die Felsbildstation Thalpan. I Kataloge Chilas-Brücke und Thalpan (Steine 1-30), Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans, vol. 6, Mayence, Verlag Philipp von Zabern.
- Berzina, S. Ja., 2000, "Keramicheskaja pechat' iz Samarkanda", in: Srednjaja Azija Akheologija Istorija Kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj konferencii posvjashchennoj 50-letiju nauchnoj dejatel'nosti G. V. Shishkinov, T. G. Alpatkina et O. N. Inevatkina (Dir.), Moscou, Gosudarstvennyj Muzej Vostoka, p. 19-25.
- Boardman, J., 1970, Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical, Londres, Thames & Hudson.
- Bopéarachchi, O., Landes, C., et Sachs, C., (sous la direction de), 2003, De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale.

- Catalogue de l'exposition, Lattes, Association IMAGO - musée de Lattes.
- Boucharlat, R., Francfort, H.-P., et Lecomte, O., 2005, "The citadel of Ulug Depe and the Iron Age archaeological sequence in Southern Central Asia", in: Proceedings of the International Conference "The Iron Age in the Iranian World" at Ghent (17-20 November 2003) (Iranica Antiqua, vol. XL), A. Daems, E. Haerinck, et B. Overlaet (Dir.), Gand, Peeters, p. 479-514.
- Briant, P., 1984, L'Asie centrale et les royaumes proche-orientaux du premier millénaire (c. VIIIe-IVe siècles avant notre ère), Paris, E. R. C.
- Collon, D., 1987, Firts Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East, Londres, British Museum Press.
- , 1998, "A clay sealing from site 237", in: The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95, (Reports and Memoirs, vol. Series Minor Volume III), A. Gubaev, G. A. Koshelenko, et M. Tosi (Dir.), Rome, Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, p. 137-139.
- Curtis, J., et Tallis, N., (sous la direction de), 2005, Forgotten Empire. The World of Ancient Persia, Londres, The British Museum.
- Dalton, O. M., 1964, The Treasure of the Oxus, édition 3e édition, Londres, The British Museum.
- Delaporte, L., 1909, Catalogue du Musée Guimet. Cylindres orientaux, Annales du Musée Guimet, vol. 33, Paris.
- Denisov, E., 1996, "Ch'i-Lien, Mao-Mond. Masken aus den Kurganen von Pazyryk und die Yüetschi-Tokharer - zur Einordnung eines Steinsiegel - Intaglios aus dem Beshkent - Tal in Süd - Tadjikistan", A. M. I., 28, p. 329-336.
- Francfort, H.-P., 1997, "Note sur les animaux composites de Tamgaly: Le Cheval cornu", Bulletin of the Asia Institute, 9, p. 185-198.
- , 2002, "Rock art on the rocks; rock art off the rocks: Iron Age petroglyphic images and agricultural societies in Xinjiang and Bactria", Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia, 4 (12), p. 62-73.
- , 2005a, "L'art de l'Âge du Bronze", in: L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours, CEREDAF (Dir.), Paris, CEREDAF, p. 17-30.
- , 2005b, "Observations sur la toreutique de la civilisation de l'Oxus", in: Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest, (Indicopleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean, vol. 3), O. Vopearachchi et M.-F. Boussac (Dir.), Turnhout, Brépols, Topoi, p. 21-64.
- Ghirshman, Roman, 1963, Perse. Proto iraniens, Mèdes, Achéménides, L'univers des formes, Paris, Gallimard.
- Gricina, A. A., et Alimov, K., 1986, "Kaunchinskije pečati", Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana, 20, p. 36-35-45.
- Isamiddinov, M. Kh., 2002, Istoki gorodskoj kul'tury samarkandskogo Sogda, Tachkent, Izd. narodnogo nasledija im. A. Kadyry.
- Kuz'mina, E. E., 1977, "Les relations entre la Bactriane et l'Iran du VIIIe au IVe siècle BC", in: Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique, J. Deshayes (Dir.), Paris, CNRS, p. 201-214.
- Lecomte, O., 2005, "A group of Yaz II-III stamp-impressions from Ulug Depe (Turkmenistan)", in: U istokov civilizacii. Sbornik statej k 75-letiju Viktora Ivanovicha Sarianidi, M. F. Kosarev, P. M. Kozhin, et N. A. Dubova (Dir.), Moscou, Kollektiv avtorov, p. 168-181.
- , 2007, "Entre Iran et Touran : recherches archéologiques au Turkménistan méridional, 2001-2006", C. R. A. I., sous presse.
- Marcus, M.I., 1989, "Emblems of Authority The seals and Sealings from Hasanlu IVB", Expedition, 31 (2-3), p. 53-63.
- Pugachenkova, G. A., et Rempel', L. I., 1965, Istorija iskusstva Uzbekistana s drevnejshikh vremen do serediny XIX v., Moscou, Nauka.
- Sarianidi, V. I., 1998, Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets, Moscou, Pentagraphic Ltd.

*A.V. Омельченко
(Россия)*

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО СОГДА КОНЦА IV ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ – IV ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Восточная Кашкадарья, которую в исторических источниках разного времени называли Наутака-Су-Се-Кеш, охватывает Китабо-Шахрисабзскую котловину и прилегающие отроги Зарафшанского и Гиссарского хребтов. Анализ письменных источников и материальных комплексов позволяет прийти к выводу о ее вхождении в IV в. до н.э. - IV в. н.э. как особой подобласти в согдийскую культурно-историческую общность. Современные исследования показывают, что немаловажным фактором в сложении и развитии последней являлось воздействие скотоводческих племен – соседей оседлых земледельцев Согдианы. С этой точки зрения можно рассмотреть известное свидетельство Страбона (Страбон. Кн. 11, XI, 3) о близком в прошлом образе жизни бактрийцев, согдийцев и кочевников. Влиянием древних традиций народов Евразийской степи, скорее всего, объясняется специфика планировки и конструктивных

особенностей ранних укреплений крупных городищ Согдианы: Коктепы, Узункыра, возможно, Еркургана и Афрасиаба.

Наиболее ярко взаимодействие племен, ведущих преимущественно кочевое хозяйство, и оседлоземледельческих народов Среднеазиатского Междуречья, которое отражало, по-видимому, и наличие этнических связей, проявилось в ходе борьбы местных народов с греко-македонцами (Арриан, IV,5,3-7; 16,4-7; 17,1-2; 3,6; 4,2-9; Курций Руф, кн. VII, VII-1; IX; кн. VIII, III-1).

Описание истории районов Средней Азии к северу от Амударьи после походов Александра приводится у греко-римских авторов достаточно коротко. Известно, что в Бактрии и Согдиане для обеспечения покорности областей и защиты от кочевников были оставлены греко-македонские воинские соединения значительной численности. Об этом, в частности, говорят два больших - 323 г. и 321 г. до н.э. восстания солдат и помощь сатрапа Стасанора войсками Эвмену в период войн диадохов. На присутствие какого-то количества греческого или грецизированного населения в ряде областей Средней Азии указывают и пока еще немногочисленные археологические материалы (Афрасиаб, Коктепа, Нуртепа, Подаятактепа).

Поход Демодама за Яксарт, направление Антиоха, наполовину согдийца, в восточные провинции и его последующие действия как сопровителя Селевка I преследовали цели защиты границ империи от кочевников и консолидации местной знати вокруг династии. На какое-то время это удалось, однако уже после смерти Антиоха I ситуация вновь становится угрожающей. По-видимому, правы исследователи, полагающие, что изменение политической карты региона и включение Средней Азии в орбиту влияния эллинистического мира привели к разрыву традиционных этнических и хозяйственных связей населения оазисов и степи, что вызвало активизацию кочевников на северных рубежах Средней Азии. По нашему мнению, свою роль играло и представление о незаконности власти новых правителей Бактрии и Согда после выхода этих областей из состава Селевкидской империи.

Скудность письменных данных не позволяет четко обрисовать дальнейшие события. Нумизматические данные допускают возможность отпадения Согда одновременно с Греко-Бактрией (Мусакаева, 1999. С.79; Пилипко, 2002. С.209). Евтидем (235-200 гг. до н.э.), отнявший при поддержке греческих переселенцев власть у сына Диодота I - основателя Греко-Бактрийского царства, мог быть сатрапом Согдианы (Гафуров, 1989. С.133). По другой версии, Согд обрел самостоятельность значительно позже, в период, когда основное внимание царей Бактрии было направлено на завоевание Индии и осложнилась внутривосточная ситуация из-за борьбы между Деметрием и Евкратидом.

На наш взгляд, Согдиана из-под власти эллинистических правителей освобождается, по-видимому, уже в конце III - начале II в. до н.э. Значительную роль в сложении самостоятельных согдийских владений сыграли скифские (сакские) племена сакарауков (сакараулов) и асианов (отождествляются с частью аланского племенного союза), о которых говорят Юстин и Страбон (Юстин. Пролог к кн. XLI; Страбон. Кн. 11. VIII. 2). Эти сведения отражают ранний (до юэчжей) этап завоевания районов Средней Азии племенами сако-сарматского круга в конце III - начале II в. до н.э., об опасности которого Антиоха III предупреждал Евтидем (Лунин, 1984. С.184; Обельченко, 1992. С.224).

Для реконструкции политических процессов в Южном Согде в этот период решающее на сегодняшний день значение имеют нумизматические материалы. Общие закономерности политической истории в долинах Зарафшана и Кашкадарьи на данном этапе отражают синхронные изменения в их монетном чекане. В областях Согда к власти приходят, по-видимому, представители местной знати, претендовавшие на династические связи с Селевкидским домом. Так, самостоятельный чекан Восточной Кашкадарьи (возможно, как и области среднего Зарафшана) восходит непосредственно к подражаниям монетам с «изображением Александра», выпускаемым Селевком и Антиохом I. Выпуск монет с изображением владетеля в образе Александра означал подтверждение легитимности власти правителей Восточной Кашкадарьи. К утверждению новых владений, скорее всего, имели отношение и многочисленные войны Евкратида (ок. 171-155 гг. до н.э.) с соседями, в том числе согдийцами (Юстин. Кн. XXXVI,

гл. 6, 1-5) (монеты Евкратиды являются последними из тех, что в большом количестве встречаются в Восточной Кашкадарье). С этими событиями, возможно, было связано кратковременное запустение ряда оазисов и городищ Центрального (Лионе, 2000. С.75-77) и Южного (Подаятактепа) Согда.

В результате политических неудач греко-бактрийских царей в юго-восточных районах Средней Азии значительно усилили свое присутствие парфянские династы (Тер-Мкртчян, 1979. С. 39, 41; Пилипко, 2002. С.210), монет которых достаточно много в Бактрии II-I вв. до н.э. Есть и определенное сходство между элементами археологических комплексов этого времени долины Мургаба, завоеванной парфянскими царями, и средней Амударьи (Ртвеладзе; Пилипко, 1985), а также Восточной Кашкадарьи.

Следующий этап политических изменений в регионе, отраженный в основном в китайских хрониках, связан с новой волной движения кочевников и образованием государства Канцзюй (Бичурин, 1950. С.151). Среди зависимых от него владений упоминается область Су-Се (Боровкова, 1989. С. 6, 7, 30, 65, 66), локализуемая в Восточной Кашкадарье. По-видимому, к этому этапу относится утверждение у власти в области новой династии, происходящей из юэчжуйской среды или племен, этнически близких юэчжам, что подтверждают более поздние источники (Малявкин, 1989. С. 223). Законную передачу власти новой династии знаменовало появление на аверсе местных монет фигуры Геракла с инвеститурным кольцом и сохранение изображения Зевса на реверсе. По нумизматическим данным фиксируются связи новых правителей Кеша, ведшие, с одной стороны, к Фсейгахарису - юэчжуйскому владельцу к северу от Гиссара (Ртвеладзе, 1999. С.82), с другой - к дому Гиркода, владение которого локализуется по Зарафшану.

После рубежа нашей эры в Кеше усиливаются тенденции к консолидации власти: в головных частях распределителей, на окраинах оазиса, на границе со степью и в предгорьях (на важнейших путях, проходящих через Восточную Кашкадарью) появляется новый тип пунктов - правильно спланированные укрепленные поселения. Помимо защиты населения округи и подступов в центральную часть долины, они, по-видимому, выполняли также функции административных центров оазисов и контролировали головы каналов.

При Виме Такто могла иметь место кратковременная зависимость Восточной Кашкадарьи от Кушанского царства. Однако в целом, несмотря на наличие достаточно мощных укреплений по обоим склонам западных отрогов Гиссара, служивших границей (Массон, 1968): в Бактрии - оборонительной системы Дарбанда и др. (Ртвеладзе, 2000; Рапен, Рахманов, 2002), в Восточной Кашкадарье - вышеупомянутых крепостей, - отношения между Кангюйской конфедерацией и Кушанской империей носили мирный характер, что подтверждается археологическими данными. На развитие культурных и экономических связей указывает ряд находок и иконография восточнокашкардарьинской терракоты, хотя в целом материальные комплексы, датированные временем после рубежа I-II вв. н.э., демонстрируют все большие различия.

Усиление угрозы со стороны северных и восточных соседей и претензии на земли Средней Азии быстро расширяющегося Сасанидского Ирана, разгромившего государство кушан, по-видимому, вынудили правителя Кангюя перенести свою ставку с Сырдарьи в долину Кашкадарьи (Массон М.Е., 1977. С.29). В отличие от степной зоны Кашкадарьи проникновение нового населения не было массовым, хотя элементы каунчинского культурного комплекса чачского варианта имеются.

Иранские источники говорят о покорении Каша. Однако продолжение чекана собственной монеты при отсутствии сасанидских не подтверждают факт захвата области войсками Шапура I. В поисках союзников правители Кангюя обращаются на восток, о чем свидетельствуют отправка в Китай в середине эры Тай-ши лошадей и посольства из этой страны в 287 г. (Боровкова, 1989. С. 98, 99, 103). Династы из Восточной Кашкадарьи в этот период распространяют свою власть на весь Южный Согд, что подтверждают монеты из западной части долины (Нахшаба) с надписью, читаемой как «кешский царь» (Ртвеладзе, 2000. С. 109-110), и анализ китайских источников.

Внутренние центробежные тенденции и внешние войны, скорее, связанные с новой кочевой волной, нежели с активизацией сасанидского Ирана (Зеймаль, Седов, 1979. С.122), приводят к распаду Кангюйской конфедерации, на смену которому приходит другое государство - Чжэшэ. В Восточной Кашкадарье, известной в данный период также под новым названием Ши (позднее Цзешуанна), пока нет ярких свидетельств, говорящих об упадке экономики в «переходный» период. Многие поселения V-VI вв. возникают на месте позднеантичных, причем ряд из них был основан выходцами из соседних согдийских земель (Кабанов, 1981. С. 68-69, 119), привлеченных более стабильной политической и экономической ситуацией. Для защиты новых земледельческих районов, пограничных со степью, по-видимому, в это время начинают возводить участки стены «Чим» (Якубов, 1995). Выгодное стратегическое положение, развитие ирригации и горного дела (Пругер, 1986) также способствовали экономическому и политическому подъему области, когда на некоторое время Кеш становится центром Кангюйской конфедерации, а в раннем средневековье - всего Согда.

В целом весь комплекс материалов: наличие достаточно устойчивых во времени границ, столичного центра и связанных с ним городков и крупных поселений - центров оазисов, своей денежной единицы, а также сходство культовых воззрений и облика объектов материальной культуры, - свидетельствует о существовании на всем протяжении античного периода на территории Восточной Кашкадарьи отдельного государства-владения. Географически располагаясь между такими мощными центрами притяжения, как Центральный Согд и Бактрия и пережив вместе с ними многие внешнеполитические катаклизмы, Кеш сохранял своеобразие культурного комплекса, что зафиксировали древние и средневековые источники, выделяющие его в качестве особой исторической области Среднего Востока.

Использованная литература

- Ариан. Походы Александра / Пер. М.Е. Сергеенко. М.;Л., 1962.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.;Л., 1950.
- Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнеки-тайским источникам). М., 1989.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Под ред. Литвинского Б.А. Т. I Душанбе, 1989.
- Зеймаль Т.И., Седов А.В. Комплексы кушано-сасанидского времени в Южном Таджикистане // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тез. док. Всесоюзного научного совещания. Ташкент, 1979.
- Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. н.э. Ташкент, 1981.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Под ред. В.С. Соколова. М., 1963.
- Малаякин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Массон М.Е. К вопросу о северных границах государства «Великих кушан» // ОНУ. 1968. № 8.
- Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области // Археология Средней Азии. Сб. науч. тр. ТашГУ. Ташкент, 1977.
- Мусакаева А.А. Древнебухарский чекан Согдианы (к вопросу о начальной дате правления Евтидема) // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Тез. док. науч. конф., посвященной 60-летию Р.Х. Сулейманова. Самарканд, 1999.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда по археологическим данным (VII в. до н.э. - VII в. н.э.) М., 1992.
- Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Пилипко В.Н. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
- Пругер Е.Б. Горный промысел Южного Согда. Ташкент, 1986
- Рапен Кл., Рахманов Ш. Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида туган ўрни: Тез. док. межд. конф. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В. Новый тип монет Фсейгахариса // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 1999. Вып. 4.
- Ртвеладзе Э.В. Этнод по исторической географии Бактрии и Согдианы во время похода Александра Македонского // ВДИ. 2000. № 4.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. М., 1964.
- Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии (V-VIII вв.) М., 1979.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского и М.Ц. Рижского // ВДИ. 1954. № 3.
- Якубов Б. Позднесредневековая фортификация долины Кашкадарьи // Археология и художественная культура Центральной Азии: Тез. док. науч. конф., посвященной юбилею проф. Г.А. Пугаченковой. Вып. 2. Ташкент, 1995.

**A.V. Omelchenko - Reconstructing the Political History of the Eastern Part of Southern Soghd
(end IV th c. BCE – IV th c. CE)**

This article attempts to reconstruct the political processes of this area on the basis of numismatic and archaeological material, from the moment when the region recovered its independence from the Greek rulers and local elites begun to emerge. The material complex shows the existence of stable borders and a network of interconnected cities and towns, a unified monetary system and elements of material culture. This makes it possible to suggest the existence of an independent government in the Eastern part of the Kashka Darya region.

*Г.А. Кошеленко
(Россия)*

**НОВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В ДРЕВНОСТИ**

Всем специалистам хорошо известно, в каком сложном положении оказались сейчас памятники прошлого Афганистана. Одним из аспектов этой печальной ситуации является повсеместное распространение самовольных раскопок. Объекты, извлекаемые из земли в результате этих действий, попадают на антикварные рынки, главным образом в США и Великобританию.

В данной статье речь пойдет о коллекции документов, происходящих из Северного Афганистана и поступивших в Лондон, где она была приобретена известным коллекционером Нассером Д. Халили. Всего в ней имеется 30 документов на коже и 18 – на дереве, и в том и в другом случае текст написан чернилами. За исключением одного документа, который датируется V в. до н.э., все остальные относятся к IV в. до н.э. Они охватывают период в 29 лет (353-324 гг. до н.э.), то есть время царствования следующих царей: Артаксеркса III, Дария III, Бесса-Артаксеркса [V] и Александра Македонского.

Исследованием данной коллекции занимаются два известных исследователя из Израиля: Шэкед Ш. и Наве Д. Сравнительно недавно Шэкед Ш. прочитал два доклада в Париже в Коллеж де Франс, и текст их был опубликован в виде небольшой книги с предисловием известного специалиста по истории Ахеменидов П. Бриана (Shaked Sh. *Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane (Persika 4)*. Paris, De Boccard, 2004. 62 p.). Книга состоит из двух частей: 1) «Новые документы: общий взгляд»; 2) «Проблемы администрации и истории». Завершается она небольшим «Заключением», несколькими фотографиями документов и «Библиографией».

Содержание документов показывает, что все они происходят из одного архива. Самое важное в этих документах состоит в том, что при их составлении использовался тот же самый язык, то же самое письмо, та же самая орфография и тот же самый стиль, что и в арамейских ахеменидских документах из Египта, несмотря на огромное расстояние, которое разделяло Египет и Афганистан.

В настоящее время, по мнению Ш. Шэкеда, основное содержание документов уже понято, хотя многие детали остаются еще не совсем ясными. Автор указывает (с чем нельзя не согласиться), что значение этих документов очень велико, так как они представляют собой первые документальные письменные материалы, происходящие из Бактрии - самой восточной части державы Ахеменидов.

Все документы можно разделить на четыре группы. Первая из них представляет собой письма, которые написаны от лица государственного чиновника очень высокого ранга по имени Ахвамазда. Они адресованы чиновнику более низкого ранга по имени Багавант.

Вторая часть архива состоит из деловых писем, в которых не упоминается ни Ахвамазда, ни Багавант. Однако, как правило, эти документы – плохой сохранности, в силу чего трудно решить, кем были их авторы и адресаты. Наконец, третья группа текстов – это документы о выдаче провизии. Четвертую группу составляют документы, написанные на дереве (их 18). В данном случае все документы представляли собой нечто вроде долговых расписок. Все эти документы относятся к одному и тому же году – третьему году царствования Дария III (то есть 333-332 г. до н.э.).

Эти документы чрезвычайно важны для понимания истории юга Средней Азии и севера Афганистана в критический период конца ахеменидской и самого начала эллинистической эпох. Они дают сведения, как об общей структуре общества, так и по ряду конкретных проблем.

Подчеркивая то обстоятельство, что язык документов и система письма – арамейские, Ш. Шэкед несколько раз возвращается к практике ахеменидских канцелярий, которая в Бактрии ничем не отличалась от того, что известно в других частях державы. Мы можем продолжить эту мысль и подчеркнуть, что общественная структура бактрийского общества выглядит благодаря этим документам много более сложной, чем мы это обычно представляли.

Однако, необходимо указать, что при интерпретации документов Ш. Шэкед иногда допускает ошибки, порожденные недостаточным знанием исторической ситуации в данном регионе в данное время. В частности, нельзя принять его определение постов, которые занимали Ахвамазда и Багавант – главные участники переписки. С его точки зрения, Ахвамазда – сатрап Бактрии (и Согдианы), а Багаванд – правитель отдельного города (и области) в ее границах. Но сатрапом в это время был Бесс, который после убийства Дария провозгласил себя царем. Таким образом, вероятнее всего, административная схема была следующей: 1) сатрап; 2) правитель области в пределах сатрапии; 3) правитель отдельного города и его округа. Отметим, что при таком подходе административная система очень напоминает ту, которая может быть воссоздана на основе анализа сообщений античных авторов о походе Александра Македонского.

Кроме того, в текстах содержится масса информации о конкретных ситуациях. Приведем примеры такой информации.

Багавант выполнял не только свои прямые обязанности, как правитель особой «провинции» в составе бактрийской сатрапии, но также следил и за поместьями Ахвамазды, которые находились в различных местах этой провинции. Из документов создается впечатление, что для Ахвамазды не существовало четких границ между «частным» и «общественным». Письма, которые сатрап отправляет Багаванту, показывают, какие задания получал последний: ремонт крыш каких-то старых зданий, принадлежащих сатрапу; доставка на мельницу, принадлежащую сатрапу, зерна и кунжута; доставка определенного количества уксуса, находившегося в одном из поместий сатрапа, для снабжения каравана. Поместье находилось в местности, носящей название «пустыня Артадатаны». Ахвамазда также ставит задачу двум группам солдат, каждая из которых представляет отдельный этнос.

Два письма говорят о строительстве укреплений вокруг некоторых городов. Один из таких городов носит название Нихшапайя. Автор считает, что его можно отождествить с городом Нахшебом (Насафом), находившимся в Согдиане. Багаванту было приказано построить стену вокруг города и выкопать ров. Однако по просьбе тех, кто должен был выполнять эту задачу, строительство было перенесено на более поздний срок. Причиной этого стала угроза урожаю со стороны появившейся в этом районе саранчи. В другом письме присутствует сходный сюжет: в городе Киш, который, по мнению автора, также должен был находиться в Согдиане, необходимо было построить стену, но работы были передвинуты на более поздний срок. Основание для этого переноса сообщалось в предыдущем письме, которое до нас не дошло. В данном же письме повторялся прежний приказ о строительстве, которое должно быть осуществлено наилучшим образом.

Еще один документ упоминает Александра Македонского. Начало документа выглядит следующим образом: «[Месяц] Сиван, 15 число, 7-ой год царя Александра. Отпуск ячменя». Следом идет длинный список распределения сельскохозяйственных продуктов различным лицам (или группам лиц), а также их рабам и слугам, как мужчинам, так и женщинам. Распределяются: ячмень, пшеница, просо. Список охватывает три месяца. Местами, откуда должны поступать продукты, названы два пункта: Арайвант и Варайна. Согласно расчетам Ш. Шэкеда, документ составлен 9 июня 324 г. до н.э.

Одно из писем позволяет предполагать, что в ахеменидской Бактрии существовал институт «глаз и ушей» сатрапа, в подражание «глазам и ушам» царя. Названо даже имя этого важного функционера – Вайю-Атру. В этом же письме упоминаются следующие населенные пункты:

Дастакани, Вахумати, Артуки.

Документы из архива дают определенную информацию относительно хозяйственной жизни области. В текстах упоминаются следующие животные: лошади, ослы, верблюды. Для суждения о сельскохозяйственной продукции наиболее важны списки получателей продуктов питания. Качество продукта, которое выдается для пропитания, зависит от ранга человека. Слуги обычно получают просо, а лица более высокого ранга – ячмень. Пшеница упоминается в документах два раза, но она никогда не присутствует в списках распределяемых продуктов. Мука была двух сортов: «обычная» и «белая», при этом для религиозных жертвоприношений использовалась только последняя, а для питания жителей населенного пункта Аспараста выдавалась «обычная». Что касается крупного и мелкого рогатого скота, то он делился на две категории: тех животных, которые находились обычно на пастбищах, и тех, которые содержались при домах в хлевах. Упоминаются также курицы и гуси. В списках по распределению питания присутствует и вино. Его было несколько сортов, разделяемых, возможно, по их месту производства. Среди продуктов питания упоминается также кислое молоко. Часто в текстах присутствует уксус, возможно для того, чтобы размачивать хлеб.

При датировке документов использовался, как и в других ахеменидских канцеляриях, вавилонский календарь. Только в одном случае – зороастрийский. В связи с этим необходимо указать, что в одном из документов говорится о жертвоприношениях фравашам, кроме того, здесь же находится слово *уафта* – в данном случае эквивалент слова *уасна*, которое обозначает главнейший религиозный праздник зороастрийцев. В этом же документе, но, к сожалению, в очень пострадавшем контексте использован иранский термин *bagina*, обозначающий храм, но божество этого храма семитское – Бел. В другом месте этого текста упоминается зороастрийский бог Вайу. Распространение зороастризма подтверждается и рядом теофорных имен (Ахурадата, Атропата, Атруваза, Михрапата, Тиривахишта, Багаяза, Хаумана, Кшатрака).

Мы привели только несколько примеров той информации, которая содержится в данном архиве. Думаем, что этого достаточно для того, чтобы показать огромное значение его для понимания процессов, происходивших в древней Центральной Азии.

Можно наметить следующие направления дальнейших исследований этого комплекса документов. После окончательной публикации его видимо следующим этапом будет детальное сравнение с текстами античных авторов, описывавших поход Александра Македонского. Не сомневаемся, что в этих хорошо известных текстах благодаря сравнению с данными архива выявятся новые нюансы. Затем придет пора сопоставления этих данных с археологическими материалами.

G.A. Koshelenko - New written documents on the history of Ancient Central Asia

This paper is based on the collection of documents recently discovered in northern Afghanistan. These documents are of great importance since they represent the first written material to originate from Bactria. They date to the third year of ruling of the last emperor of the dynasty – Darius III – when the area was a part of the Achaemenid empire. They give general information about the structure of society and mention a number of concrete problems. In particular they mention the city of Nakhshapaya which can be identified with Nakhshab. The paper also describes evidence for daily life, religion, cultic objects, etc. Work on these documents is being undertaken by Israeli scholars Shaked and D. Nave. Finally, detailed comparisons of these texts with those from other ancient sources as well as archaeological data is given.

*М.Х. Пардаев, Ф.Э. Тошбоев
(Ўзбекистон)*

СЎҒД ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ ТИЗИМИДА КЎЧМАНЧИ ЧОРВАДОР ХАЛҚЛАРИНИНГ ЎРНИ

Ўрта Осиё, жумладан, ўзбек халқининг қадимий ва бой ўтмишини ўрганишда Зарафшон ҳавзасида қайд этилган ва ўрганилган археологик ёдгорликлар муҳим илмий аҳамиятга эга. Зарафшон дарёсининг ўрта қисмидаги кенг водийда дехқончилик қилиш учун жуда унумдор

алювиал – пролювиал ёткизиқлар вужудга келган. Бу ҳолат Сўғд воҳасида қадимги аҳолининг турли хўжалик соҳасидаги (деҳқончилик, чорвачилик) дастлабки ютуқларига сабаб бўлган. Сўғд воҳаси асосан деҳқончилик ҳудуди ҳисоблансада, бу ҳудудда андронава чорвадор жамоалар маданий таъсири ҳам сезилиб туради.

Милодий эрадан аввалги II минг йилликда Евроосиёнинг бепоён кенгликларида иккита йирик маданият шаклланган. Улардан бири Днепрдан Уралгача бўлган минтақада “ёғочбанд” маданияти ва иккинчиси Уралдан Енисейгача бўлган ҳудудда Андронава маданияти (Андрианов, 1989. С. 8-11). Милодий эрадан аввалги I минг йилликларда эса бу ҳудудда яшовчи чорвадор аҳоли ўзининг сўнгги шаклланиш (скиф гуруҳига ажралиш) босқичида бўлиб, бир хил табиий-географик шароит ва иқтисодий боғлиқлик натижасида этник ва маданий жиҳатдан бир-биридан кам фарқ қилган. Чунки чегара билмас кўчманчи ҳаёт тарзи уларнинг иқтисодий, сиёсий, маданий ва этник алоқада бўлиб туришини тақозо этган.

Милодий эрадан аввалги II минг йилликнинг иккинчи ярмида Евроосиёнинг бепоён кенгликларидан жанубга томон силжиган ва деҳқончилик воҳаларига шиддат билан кириб келган кўчманчилар (орийлар) Зарафшон воҳасида бронза давриданок янги ерларнинг ўзлаштирилиши, аҳоли гавжумлашуви, иқтисодий ҳаёт жонланиши, ижтимоий-сиёсий ва этно-маданий тамаддуннинг шаклланишига кучли таъсир ўтказган.

Зарафшон воҳасидаги Гужайли, Мўминобод, Қизилқир, Сайгус, Чаққа, Сиёб, Дашти Ашт, Тўқай макони ва Моҳандарё каби чорвадор жамоаларга мансуб қабрлар конструкцияси, дафн этиш урф-одати, оловга сиғиниш излари, сопол идишларнинг шакли ва нақшлари, марҳумнинг антропологик тузилиши каби ҳолатлар андронава жамоаларининг шу каби хусусиятларига ўхшаб кетади. Масалан, Панжикент шаҳри яқинида жойлашган Дашти Қози қабристонидаги қабрларда жасадларнинг кўпчилиги чап томонига ёнбошлатиб, оёқлари букилган ҳолда, боши ғарбга қаратилиб дафн қилинган. Қабрлардан оҳра ҳамда кўмир кукуни ва бўлакчалари, турли хилдаги буюмлар (асосан безак ва сопол идишлар) топилган. Сопол идишлар қўлда ясалган бўлиб, улар асосан цилиндрсимон шаклда, идишларнинг кўпчилиги нақшли. Уларнинг нақшлари учбурчак ва арчасимон шакллардан, кертик, тарновчасимон безаклардан иборат бўлиб, чизиш ва босма нақш бериш йўли билан бажарилган. Бу шакллар Қозоғистондаги андронава маданиятининг сўнгги босқичларига оид маконлар ва Тозабоғёб сопол идишларига ўхшашдир. Антропологик хусусиятига кўра иккита марҳумнинг андронава жамоаларига мансублиги аниқланган. Ўз навбатида бу ердан деҳқон жамоалар маданиятига хос шаклда ясалган сопол идишлар ҳам топилган.

Зарафшоннинг ўрта ва қуйи оқимидаги ҳамда Моҳандарё ўзанидаги қабр ва мазорқўрғонлардан топилган моддий маданият намуналари андронава жамоаларига оид топилмалар билан деярли бир хиллиги, бу маданиятга тааллуқли чорвадор қабилаларнинг шимолий дашт минтақаларидан Ўрта Осиё деҳқончилик воҳаларига келиб жойлашганлиги тўғрисидаги илмий фикрларни яна бир бор тасдиқлайди.

Илк темир давридан бошлаб Ўрта Осиё ҳудудида деҳқончилик соҳасидаги ютуқлар натижасида ижтимоий муносабатлар жадаллашиб, илк давлат уюшмаларига асос солинади. Тарихий ёзма манбаларда кўп бора таъкидланган Сўғд воҳасида ҳам бу пайтда давлатчилик аъналарига асос солинган ва бунда ўтроқлашган чорвадор жамоаларнинг ҳам таъсири ва ўзига хос ўрни мавжуд бўлган.

Милодий эрадан аввалги II ва милодий III асрда Евроосиёнинг чўлли минтақаларида содир бўлган сиёсий, иқтисодий ва экологик ҳолат кўплаб чорвадор аҳолининг Ўрта Осиё деҳқончилик воҳалари томон кириб келиши ва ўз хўжалик юритиш шаклини ўзгартиришига сабаб бўлган (Пардаев, 2003). Бу ҳолат милод бошлари ва, айниқса илк ўрта асрларда Ўрта Осиёнинг деҳқончилик воҳаларида аҳоли сонининг ортиши, янги ерларнинг оммавий суръатда ўзлаштирилиши, қишлоқ маконлари сонининг кескин кўпайишига сабаб бўлган. Зарафшон воҳасидек деҳқончилик учун жуда қулай шароитга эга бўлган ҳудудда бундай жараёнлар айниқса жадал кечган.

Қуйи Зарафшон воҳасида антик ва илк ўрта асрларга оид Лавандак, Қуйимозор, Қалқонсой, Ҳазора, Шахривайрон, Қизилтепа каби манзилгоҳлар яқинидан чорвадорларга мансуб кўплаб

қабрлар очиб ўрганилган. Улар қабр тузилиши, мурданинг ҳолати ва буюмларига кўра хронологик жиҳатдан учта гуруҳга бўлинган (Обельченко, 1982). Биринчи гуруҳга мансуб кўрғонлар милоддан аввалги VII–III асрларга оид. Бу қабрлар асосан оддий усти тупроқ уюми билан ёпилган бўлиб, улар тузилишига кўра айлана, тўғри бурчакли ва тўрт бурчаги цилиндрик шаклда. Марҳумлар кўпроқ якка ҳолда, ғарбий йўналишда дафн этилган, уларнинг тагига қамиш тўшалган, баъзан бошига қамишдан ёстиқ қўйилган (Ҳазора). Қизил оҳор бериш, синиқ бошли сопол, қурбонлик тоши, бўрли таёқча, қилич ва ханжарлар (Лавандак) қўйилиши кузатилади.

Қабрларнинг иккинчи гуруҳи милоддан аввалги II–I асрларга мансуб бўлиб, улар шимоли-жануб йўналишида, ғарбга бироз оған тарзда ясалган. Марҳумлар кўпроқ жануби-ғарбий йўналишда дафн этилган. Шимолий девордан лаҳадга туйнук қўйилган. Кўпчиликни ташкил этадиган ёрма қабрларда ғарбий узун девор тагидан лаҳад қазилган ва зина қолдирилган. У қабр айвонидан қамиш ва гипс бўлаги билан ажратилган.

Учинчи гуруҳ эса милодий эранинг I–VII асрларига мансуб бўлиб, энди лаҳад қабр айвонидан хом ғишт билан ажратилган. Қуроллар кам учрайди. Марҳум олдинги йўналишда дафн этилиб, гилам тўшамага ётқизилган. Ёрма қабр олдингиларга ўхшасада, энди тушувчи мослама пастда жойлашган. Қабрларга қўйилган буюмлар ҳам олдингидай. У ерларда қўйнинг олд оёғи, турли хил ҳажмдаги кўзалар, баъзан тухум ҳам учрайди.

Барча гуруҳдаги дафн турларида ингумация кузатилади. Марҳумлар якка ва жуфт ҳолда дафн этилган, кўп марта ишлатилган қабрлар ҳам мавжуд. Марҳумлар асосан чўзилтирилган ҳолда чалқанча ётқизилган, букчайтирилган, тизза икки томонга ётқизилган ҳолда дафн этилган. Улар милоддан аввалги VII–III асрларда кўпроқ шимолий, милоддан аввалги II–I асрларда жанубий, милонинг I–VII асрларида асосан шимол ва шарқий йўналишда дафн этилган (Обельченко, 1982). Ушбу қабрлар Сўғд воҳаси аҳолисининг кўчманчи дашт қабилалари билан алоқалари қай тарзда кечганлиги ва уларнинг ўтроқлаша борганлиги ҳақида маълумотлар беради.

Зарафшон воҳаси чорвадорларининг вақт ўтиб бориши билан ўтроқлашиши ёки воҳа атрофларида кўчманчилик ҳаёт тарзини давом эттириши каби жараёнлар Ўрта Осиёнинг бошқа ҳудудлари билан умумий хусусиятларга эга. Тошкент воҳасидаги Шоштепа ва Бурғулуқ манзилгоҳларидан топилган рангдор сополлар, саразм ва чуст маданиятининг сўнгги босқичларига мансуб сополларга ўхшаш, саразмдаги яшаш уйлари ёки Далварзинда ишлатилган ғиштлар оҳангаронликларниқига яқин. Шош I сополларининг Фарғона ва Сўғддан топилган сополларга ўхшашлиги, Ўрта Сирдарё бўйи халқларининг икки томондан Зарафшон ва Фарғона водийси билан кучли маданий алоқада бўлиб, улардан ўтроқликка хос хусусиятларни қабул қилганлигини кўрсатади. Ўз навбатида Шош II дан топилган чорвадорларга мансуб кўп марталик ёрма қабрлардаги дафн одатлари Янгийўл, Қовунчитепа, Ширинсой ва Мунчоктепа манзилгоҳлари қабрларидаги сопол буюмларнинг ясалиши ва улардаги нақшлар Қуйи Зарафшон воҳаси қабрлари билан моддий-маданияти айнан ўхшашдир (Григорьев, 1948, Воронеж, 1982, Гайдукевич, 1952; Филанович, 1983).

Орол бўйи сак ва массагетларининг яшаш тарзида Қозоғистон, Урал, Волга бўйи халқлари билан кучли алоқа ҳақида (Смирнов, 1964) Тагискен, Уйгарак, Чирикработ, Баланди каби ёдгорликлардан топилган манбалар гувоҳлик беради (Толстов, Воробьева, 1960). Ўз навбатида бу халқларнинг катта қисми, Зарафшон воҳаси чорвадорлари каби Ўрта Осиёнинг деҳқон аҳолиси билан кучли маданий ва этник алоқа сабабли ўтроқликка ўтиб, муҳим ирригация иншоотлари ва шаҳарлар кура бошлаганлар. Улар Ўрта Осиёнинг дастлабки кулдорлик давлати асосчилари ҳам бўлишган.

Ушбу ҳолатни Ўрта Сирдарё бўйларида Қанғ, Қозоғистон ҳудудларида Усун каби давлатларга асос солган сак қабилалари ижтимоий ҳаёти, хўжалик юритиши ва яшаш тарзида кечган ўзгаришлар билан таққослаш мумкин. Бирок, Сўғд воҳасида ўрганилган моддий маданият намуналари бу ерда чорвадорларнинг хўжалик юритиш шаклини эртароқ ўзгартирганлигини кўрсатади.

Ўрта Осиё ҳудудидан кўчманчилар билан боғлиқ кўплаб, қабрлар очиб ўрганилган.

Қабрлар ўзида бронза даври андронва кўчманчи ва ўтроқлашган жамоаларининг қабр тузилиши ва дафн одатларини сақлаган ҳолда илк темир давридан янги эра бошларигача турли кўринишларга эга бўлиб борган. ЕврооСИё скифлари, жумладан саклар учун (мил. ав. VII-VI асрда) ёрма қабрлар хос эканлиги кўп бора таъкидланган (Литвинский, 1972; Горбунова, 1981; Оболдуева, 1948). Фарғонада сакларга хос уч хил ёрма қабрлар тааллуқли бўлиб, улар бронза даврида пайдо бўлган. Милодий эрадан аввалги I минг йилликнинг сўнги чорагидан бошлаб эса улар кенг ёйилган. Бирок, милодий эрадан аввалги I минг йилликнинг сўнги чораги ва милод бошларидан Ўрта Осиёнинг турли жойларида Зарафшон воҳасидаги каби кўплаб лаҳадли қабрлар учрай бошлайди.

Шу пайтгача милод бошларидаги кўчманчиларга тааллуқли моддий маданият намуналарининг аксариятини совраматлар, прохоровск-сарматлар (Обельченко, 1982; Филанович, 1983), шимолий хунлар (Бернштам, 1950), юечжилар (Заднепровский, 1956) ва маҳаллий илдизлар (Литвинский, 1968) билан боғлиқ деб таъкидлаб келинган. Ўрта Осиё худудидан топилган лаҳад ва ёрма кўринишидаги қабрлар ва улардаги ашёвий манбаларнинг соҳиблари кимлар? Бизнингча, бу саволга ўзбек халқининг тарихий шаклланиши асосида холис фикр айтиш керак.

А. Асқаровнинг таъкидлашича, жуда қадимий ва мураккаб этник тарихга эга бўлган ўзбек халқи этногенезининг иккинчи босқичи, Ўрта Сирдарё бўйларида, қарийб беш юз йил ҳукм сурган Қанг давлати пайтида жадал кечган (Асқаров, 2004). Ушбу фикрни Ўрта Осиё худудидан топилган археологик манбалар тўлиқ тасдиқласада, ҳали бу мавзу юзасида кўпгина изланишлар олиб бориш зарур.

Ўрта Сирдарё бўйи худудида шаклланган, қовунчи маданияти соҳиблари биринчи ва иккинчи босқичлар чегарасида жанубга силжиган. Зарафшон воҳасидаги шу даврга оид Кофир қалъа, Тали Барзу, Оқжартепа каби ёдгорликларда қовунчи маданиятининг таъсири сезилиб туради. Қовунчи маданиятининг учинчи босқичида эса (милодий VI-VIII асрлар) Ўрта Сирдарё бўйларига Сўғд маданияти кучли таъсир кўрсатган (Левина, 1971).

Страбон Бактрияни юнонлардан озод қилган қабилаларни Сирдарё нарёгидан кўчган, сак ва сўғдликлар билан ёнма-ён яшаган асии, пасиан, тоҳар ва сакарауллар деб таъкидлайди. Помпей, асиилар тоҳар подшолари сакараулларни мағлуб қилганлиги, Бактрия ва Сўғдиёнани скиф қабилаларидан сараук ва асианлар забт этганлигини ёзади. Хитой манбаларида эса ушбу халқлар усун, сэ ва даюечжи деб аталган. Юнон, Рим ва Хитой манбалари таҳлил қилинганда фақат тоҳарлар, даюечжи ва сакараулар сэга мос келади. Асии, асианларнинг усунлар билан бир элатлиги ҳақида ҳозирча бирор фикр билдира олмасакда, Хитой манбаларида усунларнинг Ўрта Осиё шимоли-шарқида ўз ватанида қолгани, антик муаллифлар эса асиилар жанубга ҳаракат қилиб, Юнон- Бактрия билан тўқнашганлиги қайд этилган.

Зарафшон воҳасидан топиб ўрганилган кўчманчиларга мансуб моддий маданият намуналари бронза давридан то ўрта асрларга қадар ҳам чорвадор аҳолининг тинимсиз равишда бу ўлкага кириб келганлиги ва ўтроқлаша борганлигини кўрсатади. Бу тарихий жараёнлар қуйидаги хулосаларга асос бўлади:

1) Бронза давридан бошлаб Зарафшон воҳасида ҳам деҳқончиликка қулай худудлардаги зироатчи жамоалар томонидан қишлоқларга асос солинган. Уларнинг сони ортиб борган, майдони кенгайган ва илк шаҳар маданияти шу тарзда вужудга келган. Ушбу жараёнларда воҳага кириб келиб ўтроқлаша борган чорвадор қабилаларнинг ҳам ўз ўрни бор. Фикримизни Зарафшон воҳасидаги бронза даврига оид Гужайли, Мўминобод, Қизилқир, Сайгус, Чаққа, Сиёб, Дашти Ашт, Тўқай макони, Моҳандарё каби манзилгоҳларда ўрганилган мазоркўрғон ва қабрлар тасдиқлайди.

2) Антиқ ва илк ўрта асрларда кўчманчиларнинг Сўғд воҳасига кириб келиш жараёнлари тезлашади, ўз хўжалик юритиш шаклини ўзгартирган чорвадор қабилалар деҳқон аҳоли сонининг ортишига сабаб бўлади. Ушбу фикрни Қуйи Зарафшон воҳасидаги Лавандак, Қуйимозор, Қалқонсой, Ҳазора, Шаҳривайрон, Қизилтепа каби кўчманчиларга мансуб ёдгорликлар тасдиқлайди.

3) Зарафшон воҳасида илк ўрта асрларда кўчманчиларнинг ўтроқ аҳоли билан маданий ва

этник алоқалари айниқса кучаяди. Ўлкада кечган сўғд ва турк симбиози жараёнлари натижа-сида моддий ва маънавий ҳаётда ягона маданият юзага келади. Бу эса истиқболдаги Ўрта Осиё цивилизацияси тараққиёти учун муҳим аҳамият касб этади.

Инсоният цивилизациясида ўзига хос мақомга эга бўлган Зарафшон воҳасининг ўзлаштирила бошланишида, аҳоли гавжумлашган, обод воҳага айланишида, шаҳар маданияти ривожланишида воҳа атрофида истиқомат қилган босқичма-босқич ўтроқлашиб борган кўчманчи чорвадор халқларнинг ўрни ва хизмати беқиёсдир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Бернштам А.Н. Чуйская долина - МИА СССР. №14. М-Л., 1950.
Григорьев Г.В. Келеская степь в археологическом отношении. ИАН Каз.ССР. Вып. 1. Алматы, 1948.
Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширинсыя в Узбекистане // Советская археология. Вып. XVI. М., 1952.
Горбунова. Н.Г. О типах Ферганских погребальных памятников первой половине I тыс. н.э. Археологический сборник. Вып. 22. Л., 1981.
Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Советская археология. М., 1956.
Литвинский Б.А. Древние кочевники "крыши мира. М., 1972.
Литвинский Б.А. Кангюйско-Сарматский фарн. Душанбе, 1968.
Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первой половине I тысячелетия. М., 1971.
Оболдуева Т.Г. Курганы каунчинской и джуньской культур в Ташкентской области // КСИИМК. Вып. XXIII. М., 1948.
Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1991.
Пардаев М.Х. Қадимий Жиззах воҳасида ўтроқ деҳқонлар ва кўчманчи чорвадорлар маданияти // Ўзбекистон моддий маданияти тарихи. 33-сон. Самарқанд, 2003.
Смирнов К.Ф. Совраматы. М., 1964
Толстов С.П., Воробьев М.Г. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Материалы ХАЭЭ. М., 1960. №4.
Аскарлов А.А. Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндошувлар, этногенетик ва этник тарих” мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. Тошкент, 2004.

M.H. Pardaev, F.E. Tashbaev - Role of Nomadic Cattle-Breeders in the System of the Soghd Civilization

Penetration of nomads into the Zarafshan Valley occurred in the epoch of Bronze Age, and it is represented by a numerous monuments of the Andronovo culture circle, in particular, in lower reaches of the river. The process continued in the epoch of the early Iron-Age period and the ancient times; as an example, one may mention burials in eastern suburbs of Bukhara oasis: Kuyi-Mazar, Lavandak, Hazarin, Shahrivairon, etc. On the boundary of ancient and early middle ages mutual influence and contacts between settled and nomadic population were intensified. As a result of such a synthesis a common early medieval Soghdian culture was formed. That is why it's hard to overestimate the role of nomadic ancestors of our people in the above-mentioned process.

*C. P. Баратов
(Ўзбекистан)*

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ В РАЗВИТИИ АРХАИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОГДА И ХОРЕЗМА

Период истории зарождения древнейших урбанизированных центров на территории Средней Азии, являвшихся материальным воплощением интенсивных процессов развития социально-политических и экономических отношений в обществе, образования первых известных нам по письменным источникам государственных объединений занимает важное место в исторической науке.

Согд и Хорезм упоминаются в самых древних письменных памятниках. Одно из древнейших упоминаний Согда и Хорезма, содержащееся в Авесте в Яште 10: «Михр-яшт», Гимн 4: строфа 14, которое определяется специалистами в качестве древнейшего из всех Яштов, а строки, в которых упоминается Согд, относят к числу самых ранних в структуре самого Яшта:

Большинство исследователей сходятся во мнении, что данный текст относится к доахеменидскому времени - вероятно, к концу VII в. до н.э., когда на территории Согда и Хорезма складывается и развивается культура архаического типа, возводятся первые города, сооружа-

<p>«Где храбрые владыки Сбираются на битвы; Где на горах высоких, Укромных, полных пастбищ, Пасется скот привольно; Где на озерах волны Вздываются глубоких</p>	<p>И где рек судоходных Широкие потоки Стремят своё теченье И к Ишкате Парутской, И к Мерву, что в Харайве, И к Гаве¹, в Согдиане, Или текут в Хорезм.» (Авеста, 1990).</p>
---	--

ются искусственные оросительные системы и расцветает ремесленное производство.

Археологическими исследованиями установлено, что в Согде в этот период уже существовали сформировавшиеся города и поселения: в Южном Согде – Сангиртепа, Узункыр, Даратепа и Еркурган; в Центральном Согде – Коктепа, Афрасиаб и Лолазор.

Благодаря археологическим исследованиям известно, что урбанизированные культуры Согда и Хорезма имеют разные истоки. Архаические памятники Древнего Согда, как и синхронные комплексы Бактрии и Мерва, генетически связаны с «культурой расписной керамики» типа Яз I. Многослойные памятники на их территории: Коктепа, Афрасиаб, Еркурган, Яздепе, Кучуктепа, Бандихан и др. иллюстрируют непрерывную линию развития культуры во всех ее проявлениях от эпохи поздней бронзы, представляя собой почти родственный в культурном и вероятно в этническом отношении регион. Своеобразие материальной культуры Согда периода Яз I и его некоторое отличие от бактрийской может, по-видимому, объясняться тем, что первый непосредственно соприкасался с границами распространения чувской культуры². Памятники Согда периода Яз II (Коктепа II и Афрасиаб-0B) иллюстрируют, что тенденции развития его материальной культуры в VII-VI вв. до н.э., как в Бактрии, так и в Маргиане, продолжились по линии развития «культуры расписной керамики».

Истоки архаической культуры Хорезма до сегодняшнего дня продолжают быть предметом дискуссий. Сообщения о Хорезме и населявших его хорасмиях, оставленные Гекатеем Милетским (конец VI в. до н.э.) и Геродотом, проанализированные В. Тарном, Ф. Альтхаймом, Дж. Марквартом, В. Хеннингом, И. Гершевич и В. И. Пьянковым, позволили заключить, что в доахеменидское время существовавшее Хорезмское царство граничило на западе с Мидией и на востоке с Бактрией; оно включало северные предгорья Копетдага, Кучано-Мешхедскую долину, область Нишапура и долину Теджена-Герируда. Царство это было уничтожено Киром, и хорасмии под давлением персов, отнимавших у них южные области, постепенно отступали на север вдоль по Амударье, основывая поселения и города, создавая ирригационные сооружения. Эти же исследователи предложили отождествление реконструируемого ими Хорезмского царства со страной Арьяна-Вайджа (Aryānam vaējō), где действовали Виштаспа и Заратуштра. Их предположения получили название в литературе как гипотеза о «Большом Хорезме», до сих пор дискусируемая в научной литературе.

Облик архаической культуры Хорезма на территории современного Хорезмского оазиса в достаточной степени известен и изучен благодаря работам Российской Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова (Кюзелигыр, Калалыгыр, Дингильдже). Результаты исследований иллюстрируют, что в VIII- начале VII в. до н.э.³ на территорию современного Хорезмского оазиса переселяется совершенно новый этнос, который принес с собой высокоразвитые технологические знания, позволившие ему почти сразу на «целинном» пространстве возвести селения, города, храмы, провести широкомасштабное ирригационное строительство и организовать ремесленное производство. Новый этнос не имел ничего общего с аборигенным населением. Существовавшие в предшествующий исторический период (XII-IX вв. до н.э.) на территории оазиса скотоводческие племена, представленные материалами амирабадской культуры, не имеют генетической связи с архаической культурой.

Археологические комплексы, которые могли бы проиллюстрировать пришедших в современный Хорезмский оазис «хорасмиев» накануне сложения здесь городской культуры, изучены крайне слабо. До последнего времени культура Хорезма доахеменидского времени была представлена исключительно материалами памятников куюсайской культуры (VIII-V вв. до

н.э.), имевшей распространение на территории Сарыкамышской дельты и по Узбою. Их исследователь - Б. И. Вайнберг выдвигает идею о мидийском происхождении хорасмиев, отождествляя с ними куюсайские скотоводческие племена, селившиеся в VIII – V вв. до н.э. по Узбою и локализует авестийскую страну Арьяна-Вайджа в Восточном Приарале.

В настоящее время на крайнем юге Хорезмского оазиса автором обнаружены и исследуются некрополи доахеменидского времени Мешекли и Уч очаг, синхронные комплексам из могильника и поселения Куюсай 2 (VIII-VI вв. до н.э.). Материалы репрезентируют наземные погребальные сооружения, сложенные из камня с центрально расположенной погребальной камерой. Погребения сопровождаются бронзовыми наконечниками стрел «жаботиновского» типа, датирующиеся концом VIII – началом VII в. до н.э. Керамическая посуда - в основном красно-ангобированная. Аналогичная конструкция погребальных сооружений известна на территории Узбоя и плато Устюрт, где она имела распространение в V-IV вв. до н.э. Племена, оставившие курганные группы Мешекли и Уч очаг, по нашему мнению, могли иметь непосредственное отношение к племенам, принявшим участие в создании ранней урбанизированной культуры Хорезма.

Археологические комплексы архаической культуры Хорезма чрезвычайно близки синхронным комплексам Северной Бактрии, Мерва и Согда. Последние генетически связываются с населением-носителем культуры «расписной керамики» финального этапа эпохи бронзы, оставившего памятники типа Яз I. По нашим сведениям, памятники этого типа имели распространение и на территориях северных предгорий Копетдага, Кучано-Мешхедской долины, области Нишапура и бассейна Теджена-Герируда. Данное важное обстоятельство, на наш взгляд, позволяет со значительной долей вероятности предполагать генетическую связь архаической хорезмийской культуры с последними культурно-историческими областями и противоречит мнению о мидийском происхождении «хорасмиев».

Отсутствие на территории Хорезмского оазиса памятников периода Яз I, по нашему мнению, позволяет считать вероятным, что переселение «хорасмиев» на новые территории началось в начальный период Яз II. Очевидно, что освоение Хорезмского оазиса, начавшееся в конце VIII- начале VII в. до н.э., в середине VI в. до н.э. могло быть усилено последствиями агрессивной и жестокой завоевательной политики Ахеменидов. На территорию Хорезма, спасаясь от жестоких расправ Кира II и впоследствии Дария, вероятно, устремлялись многочисленные беженцы, среди которых могли быть мидийцы, парфяне, маргианцы и согдийцы. Вероятно, именно этим обстоятельством может объясняться синкретический характер архаической культуры Хорезма, вобравшей в себя интеллектуальные и технологические достижения Парфии, Мидии и Вавилона, Бактрии и Согда.

Примечания

¹ По мнению В. Абаева, проанализировавшего этимологию слова „gawa“, последнее имеет древнеиранское происхождение и происходит от скифского *gawa- или *gavya- «скот», «пастбище». По его же мнению, это слово в древности имело также значение «сезонное пастбище», а также могло означать «поселение». В языке готов, составлявших часть древнегерманских племен и имевших активные «культурные» контакты с сарматскими и аланскими племенами в период III-VI вв. н.э., сохранилось слово „gawi“, „gawa“, „gawia“, означавшее «поселение», «страна», «окраина» – последнее в значении «крайний рубеж страны». В. Абаев предполагает заимствование этого слова у скифов германскими племенами. (Абаев, 1973. С. 299). Анализ эти данных позволяет предположить, что под «Гавой, в Согдиане» мог подразумеваться массив Вабкентдарьи (Гау-хитфар), функционировавшее вплоть до IV в. н.э. и обильно орошавшее степи к западу от Бухары. Данные последних археологических разведок свидетельствуют о заселенности и активной жизнедеятельности в этом районе Бухарского Согда в архаический период. (Адылов, 2002, С. 72-80).

² Автор придерживается точки зрения о том, что бургулюкская культура является провинциальным - северным вариантом чувской культуры, на формирование которой могли оказать влияние племена андроновской культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы.

³ Автор придерживается абсолютной хронологии, основанной на серии калиброванных дат, произведенных по С 14, которые были получены благодаря результатам анализов с поселения Хумбузтепа. Автор приносит благодарность Германскому Институту археологии (г. Берлин) за возможность произвести эти анализы.

Использованная литература

Абаев В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том. 3, Ленинград, 1973.

Адылов Ш.Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ИМКУ, Вып. 33. Ташкент, 2002.

Авеста. Избранные Гимны / Перевод с авестийского и комментарии проф. Стеблин-Каменского И.М. Душанбе, Адиб, 1990.

S.R. Baratov - The General and Specific Characteristics of Archaic Culture of Soghd and Khorezm

The article is devoted to the study of the origins of the Soghdian and Khorezmian archaic cultures. The author introduces the new materials from the pre-Achaemenid necropolises of the Southern Khorezm – Meshekli and Uch Ochaq — into the scientific turn. According to the author, analysis of these complexes alongside with the well-known data of written sources suggests the genetic relation of the Khorezmian archaic culture with the cultural-historical regions of the Northern foothills of Kopetdag, Kuchan-Meshhed Valley and the Tejen-Gerirud and doubts the theory by B.I. Vainberg about the Midian origin of the “Khorasmis”. The article underlines that although there were different genetic lines, the facets of the Soghdian and Khorezmian archaic urban cultures in pre-Achaemenid period are similar. Additionally the author suggests the possible localization of the “Ghava in Soghdiana” on the territory of the Bashtepe massive of Vakentdarya River.

*Ю.Ф.Буряков
(Узбекистан)*

СОГД И ЧАЧ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР ДРЕВНЕГО УЗБЕКИСТАНА

Согд и Чач – два крупных региона Средней Азии, история и культура которых сыграли важную роль в формировании и развитии узбекского народа.

Занимавший выгодное географическое положение в центре Среднеазиатского Междуречья, Согд получил в древности имя «одной из лучших стран для жизни человека» и «места услады на земле». А столица его Самарканд характеризовался как «Ровесник Рима», «Рим Востока», «Сияющая точка земного шара».

Влияние культуры этого направления проникало в Согд, куда с эпохи энеолита и ранней бронзы продвинулись земледельцы с характерной для южных районов Средней Азии архитектурой и материальной культурой. Это памятник IV – II тыс. до н.э. Саразм на выходе из предгорий Зарафшанского хребта (Исаков, 1986). Импульсы этих культур прослеживаются в низовьях древних русел Зарафшана, в поселениях Заманбабинской культуры.

Свидетельством этих связей является и тот факт, что носители саразмской культуры в изготовлении медных и бронзовых орудий труда и украшений, судя по химическим анализам, использовали металлы, характерные для южных районов, связываемые, вероятно, с иранской рудной базой (Рузанов, 2006. С. 31).

На Ближнем Востоке в это время формируются города, важной функцией которых являлось, помимо несения административных обязанностей, выполнение храмовых, культовых церемоний. Влияние ведущей роли храмовых функций прослеживается в ранних городских центрах Южной Туркмении. Здесь при исследовании крупнейшего центра раннегородской культуры Алтындепе в жреческой усыпальнице храма были выявлены знаковые votivные предметы – голова золотого быка с вставными серебряными рогами, обвитыми золотой лентой. На лбу, в глазах и ушах этой головы были бронзовые инкрустации. Золотая голова волка также имела бирюзовые инкрустации глаз. Аналогии этим предметам мы встречаем в храмах Месопотамии (Массон, 1981. С. 65).

В центре Южного Узбекистана Джаркургане храм занимает центральное место в планировке раннегородской структуры, что также говорит о ведущей роли храмовой функции. Вероятно, эта тенденция намечалась и в Согде, заслужившем в гимнах Авесты название «Священная Сугуда».

Однако с поры развития бронзы в жизни Согда все ярче проявляется второй культурный компонент, представленный комплексами материалов пастушеско-скотоводческой культуры андроновского типа. Памятники этой культуры выявлены в Северном Согде – в Южных Кызылкумах на памятниках Лявлякана, Аекагитма, на стоянке Сиабча в Самарканде, погребения

Саразма (Джуракулов, Аванесова, 1999. С. 37-38).

Это направление начинает преобладать с эпохи развитой бронзы с продвижением с севера племен андроновской культурной общности, хорошо знакомых с производством цветных металлов. Их металлургия складывается на базе богатых рудой Южного Приуралья (Черных, 1997) и Центрального Казахстана (Черников, 1949. С. 9).

Исследователи Согда отмечают с середины II тыс. до н.э. возрастание скотоводческого уклада, становящегося более специализированным и устойчивым, чему благоприятствовали географические условия с надежной кормовой базой для скота в течение всего года. Положительную роль играли и ландшафтные особенности, создавшие своеобразный коридор, по которому осуществлялись коммуникативные связи не только с севером и югом, но и с западом и востоком (Джуракулов, Аванесова, 1999. С. 119-120).

В это время начинается знакомство с рудными ископаемыми Согда. В Южных Кызылкумах еще с позднего неолита шло извлечение самоцветов, главным образом бирюзы, а с поры палеометалла – добыча и обработка меди. В Лявлякане в некоторых пунктах с конца III – начала II тыс. до н.э. были найдены следы медеплавильного производства, литейные формы, тигли, шлаки, капли металла (Виноградов, Мамедов, 1975. С. 228).

С эпохи развитой бронзы Самаркандско-Навоийская историко-культурная область превратилась в значительный центр добычи и переработки руды цветных металлов. Исследования геологов во второй половине XX в. показали, что невысокие горы Южных Кызылкумов Коктау, Аумингзатау, Тамдытау, Букантау обладают довольно крупными запасами руд цветных металлов, разрабатывавшимися в древности (Баскаков, Абрамов, Пругер, 1974. С. 76-77). А участие археологов позволило соотнести эту добычу с пунктами плавки, сосредоточенной вдоль древних речных русел, близ данных разработок, отнесенных к эпохе андроновской культуры.

Предварительное исследование этого района узбекско-германской археологической экспедицией выявило новые участки добычи и плавки. Были вскрыты плавильные горны, получены новые материалы добычи и плавки, датированные второй половиной II тыс. до н.э. (Буряков, 2000. С. 29-30).

В левобережье Зарафшана в Зирабулакских горах к западу от Самарканда изучались древние рудники по добыче оловянной руды – касситерита, важной составной части производства бронзы. Наиболее крупным центром был древний Карнаб, в котором раскрыты три крупных линии шахт и щелей, т.к. формы разработок были связаны с мощностью рудных тел. В отвалах найдены тысячи обломков каменных молотов, жернова для размола руды. Открыто поселение с комплексом керамики андроновского типа и крепость I тыс. до н.э., связанная с разработкой касситерита (Alimov, Voroffka, Buryakov, 2003. S. 15-225).

К востоку от Самарканда изучено горно-металлургическое поселение Тугайное со следами медеплавильного сооружения, в котором проводились обогащение и плавка меди. Образцы рудной породы, шлаки позволяют связать с ближайшими рудниками гор Каратюбе, Мальгузар имеющиеся находки кусков золотой руды, близкой к проявлению Алтынказгана (Аванесова, 1994. С. 31-32).

Изучение других памятников, в частности, Даштиказы, показало, что наряду с собственной рудой литейщики Согда применяли медь и бронзу дальверзинско-бургулюкских металлургических баз Ферганско-Ташкентского горно-рудного региона (Рузанов, 2006. С. 31-32).

Эти материалы говорят о том, что с эпохи развитой бронзы отмечаются связи Согда с восточными регионами бассейна Сырдарьи – Ташкентским и Ферганским.

В ранних слоях Афрасиаба в Самарканде встречена кладка стен из кирпича округло-выпуклой формы, аналогичная кладке стен Чустского поселения, и встречались фрагменты бургулюкской керамики. При раскопках Коктепа близ Челека также встречены и фрагменты бургулюкской лепной керамики, и кирпичи плоско-выпуклой формы. Культуры с комплексами лепной расписной керамики конца II – начала I тыс. до н.э. охватили территорию от Восточного Туркестана на востоке до Копетдага на западе, а на юге прошли до Северного Афганистана, что, по мнению ученых, привело к ослаблению в этих областях развития урбаниза-

ции древневосточного типа.

В Согде, как и в Маргиане на слоях поселений с землянками и лепной керамикой формируются города с возрастающей военной функцией: цитадели на стилобатах, развитая фортификация; складывается профессиональное гончарное ремесло со стандартными формами керамики, формовавшейся на гончарном круге.

Согд входит в состав Ахеменидской державы, затем в круг эллинизированных стран. Владения Сырдарьи остаются в системе кочевых народов. Как сообщают античные авторы, «Яксарт является границей согдийцев и кочевых народов, которые отняли у эллинов Бактрию» (Страбон, 1964. IX, 2). Правда, в ее среднем течении, на юго-западной окраине Ташкентского оазиса в ядре его крупнейшего и самого древнего городища Канка, в его ранних слоях открыта выросшая на месте бургулюкских жилищ небольшая, но мощная крепость, возведенная в эллинских традициях. Крепость подквадратной формы с мощной цитаделью, могучими оборонительными стенами, с башнями, внутрисканной галереей, выступающей бермой и глубоким рвом. В свете античных данных, упоминающих поход за Яксарт полководца Селевка и Антиоха Демодама, сообщившего о возведении там «алтаря Апполону» и появлении на античных картах Антиохии Заяксартской. Последнюю мы помещаем на Канке. Интересна находка в этих ее слоях керамики согдийского типа, характерной для III в. до н.э.

Однако в это время происходит новый виток аридизации климата, вызвавший активизацию движения кочевых племен сако-сарматского круга в южном направлении вверх от русла Амударьи и Сырдарьи. В бассейне средней Сырдарьи складывается один из союзов племен с материальной культурой, получившей название каунчинской, три этапа которой отнесены ко времени III – II вв. до н.э. – IV – V в. н.э.

В это время складывается одно из могучих государств – Кангюй, ядро которого исследователи помещают в бассейне Сырдарьи, а вокруг него отмечают пять «малых владений». Одно из них, носившее в китайских источниках название Юни, а затем Ши-Чжеше, а в западных – Чач, ядром своим имело Ташкентский оазис. Его культура, известная под именем каунчинской, отличается от бургулюкской. Она также связана с рядом городов и укрепленных поселений, сочетающихся с курганами кочевников. Комплекс ее представлен плоскодонной лепной и станковой посудой, железными орудиями труда и оружием. В это время в Чаче начинается активное горнорудное производство с добычей бирюзы, вероятно, давшей имя государству (по древне-тюркски Чач – че-че) (Древнетюркский словарь, 1963. С. 143).

Китайские летописи сообщают об активной добыче в Ши самоцвета сэ-сэ, относимого к числу элитных драгоценностей международной торговли (Бичурин, 1950. Т. II. С. 313). Кроме того, начинается извлечение золота и особенно серебра, которые позже станут основным компонентом горнорудного ремесла Чача.

Согд также входил в состав Кангюя. Интересны находки в слоях его поселений, городов и в курганах фрагментов сосудов и других предметов каунчинской культуры. О взаимодействии владений сообщает также находка, полученная при раскопках крепости Культобе на берегу р. Арысь, правого притока Сырдарьи. На жженных кирпичках, служивших, по мнению исследователя, облицовкой входа в крепость, древнесогдийским почерком была сделана надпись, сообщающая, что «предводитель народа Чача» построил этот город для охраны земель Согда, Киша, Нахшапа и Наванктстана, на границе между ними и землями, назначенными номадам». Согдологи датируют надпись началом III в. н.э. или одним-двумя столетиями раньше (Грене, 2006. С. 35-36).

Согд в это время складывается как крупный центр Центральной Азии на трассах формирующегося Великого шелкового пути

Уже в античную эпоху по письменным и археологическим источникам прослеживаются пути в Согд из Бактрии и Северной Индии.

А в эпоху раннего средневековья согдийские трассы вырастают севернее сасанидских, уходя через Кавказ. На востоке складывается несколько путей через Фергану. И важную роль начинает приобретать северный путь через Чач в тюркские степные районы, что способствует урбанизации этих земель и проникновению в них согдийского эталона культуры и самих со-

гдийцев, возникновению согдийских кварталов и поселений, освоению контактных с Китаем территорий Восточного Туркестана с основанием там колоний и городков купцами среднеазиатских владений, ведущую роль среди которых играли согдийцы, бухарцы, чачцы.

В последующий период наряду со значительным ростом городов Мавераннахра как ремесленных центров с определенной специализацией происходит развитие внутренней и внешней торговли, упорядочение путей главных линий транзитных связей с явным перемещением важнейших трасс на север через Фергану, Чач, Семиречье и закрепление Самарканда как главного центра торговли Мавераннахра.

Основные трассы охарактеризованы восточными географами, главным образом арабо- и персоязычными авторами IX-XI столетий. Однако археологические исследования открывают много нового в конкретике связей и новые пункты и направления, неизвестные по письменным данным, раскрывают причины перемещения основных направлений на трассах Согда и Чача.

Использованная литература

- Аванесова Н.А. Тугайное – металлургическое поселение эпохи бронзы Зарафшана // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Худжанд, 1994. С. 31-32.
- Баскаков Ю.Ф., Абрамов Р., Пругер Е.Б. Древние медношлаковые плавильни в Кызылкумах // Узбекский геологический журнал. 1974. № 4. С. 76-77.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М; Л., 1950. Т. II. С. 313.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и развитие городской культуры... С. 106.
- Буряков Ю.Ф. Горно-металлургическая база Кызылкумов в формировании государственности Хорезма и Согда // Международный симпозиум «Цивилизации древнего Хорезма в контексте мировой культуры». Нукус: Бустон, 2000. С. 29-30.
- Виноградов А.В., Мамедов З.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. С. 228.
- Воронец М.Э. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН РУзССР // Труды ИИИА АН УзССР. Ташкент, 1948. Вып. 1.
- Грене Ф. Новые свидетельства о Нахшабе и Кеше античного периода // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент-Карши, 2006. С. 35-36.
- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Доурбанистический Афрасиаб // Сугд Марказий Осиё маданият алокалари тизимида. Самарканд, 1999. С. 37-38, 119-120.
- Древнетюркский словарь. Л., 1963. С. 143.
- Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979. С. 10-16.
- Дуке Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982. С. 90.
- Исаков А. Саразм – новый древнеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. № 1.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002. С. 59-62.
- Комиссаров С.А. Культура раннего железного века в Южном При Тяньшанье на территории Восточного Туркестана (Синьцзян) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI Новосибирск, 2000. С. 106-108.
- Максимова А.Г. Могильник Жаман-тогай // Древности Чардары. Алма-Ата, 1968;
- Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Таутары // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. Алма-Ата, 1962. Т. 14.
- Массон В.М. Алтындепе. Л., 1981. С. 65.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Ферганы /МИА 73. М., 1959. С. 62.
- Рузанов В.Д. О металле памятников эпохи бронзы верхнего бассейна Зарафшана // Зарафшон вохаси ва унинг тарихидаги урни. Самарканд, 2006. С. 31-32.
- Страбон. География в 17 книгах. / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964. IX, 2
- Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII. М; Л., 1950. С. 153-155.
- Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949. С. 9.
- Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.
- Alimov K., Boroffka N., Buryakov Ju/. Siedlungs Archeologieforschungerstadten im Umfeld der Zinnlagerstadten von Karnab // Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien. I. Archeologie in Iran und Turan. Band V. - Mainz, 2003. - S. 15-225.

Ju. F. Burjakov - Soghd and Chach. Interactions and Mutual Influences Between the Two Ancient Uzbek Centres of Civilizations

This article analyses the history and culture of the two large regions of Uzbekistan: Chach and Soghd and takes into account materials that show links between Soghd and the Eastern regions of the Syr Darya such as Tashkent and Ferghana from the Bronze Age onwards. Artefacts of Soghdian origin made of bronze and copper have been found in Chach and Ferghana, bricks in the upper layers of Afrasiab are analogous to those of the

Chust complex and discoveries of the Burguluk ceramics have been made at Kok Tepe not far from Chelek. Later, in the 3rd century BCE artefacts such as Soghdian types of ceramics have been found in the lower levels of Kanka, the first capital of Chach. All these elements indicate the inclusion of Chach and Ferghana in the Kangui State.

*М.И. Филанович
(Узбекистан)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛИТНЫХ СУБКУЛЬТУР СОГДА И ЧАЧА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В 40-е годы XX в. сопоставление этих двух регионов впервые прозвучало в работах А.И. Тереножкина. Оно отражало тогда скорее географический горизонт интересов автора, первооткрывателя бургулюкской культуры в Чаче и «ахеменидского» периода жизни на городище Афрасиаб (в то время древнейшего). Им же пристально изучалась каунчинская культура Чача и впервые подмечено влияние её на согдийские памятники.

В настоящее время археология располагает значительным арсеналом артефактов, полученных в том и другом регионе. В Самаркандском Согде открыта культура, идентичная бургулюкской, а в Чаче изучены светские и культовые памятники, в структурном построении следующие основным принципам согдийской архитектуры. Предложенное сопоставление теперь наполнилось достаточно глубоким содержанием, чтобы возникло представление о том, что оба региона тесно взаимодействуя, шли близкими путями развития. Это привело в эпоху раннего средневековья к сложению некой культурной общности. Это не означает, что оба региона не были лишены своеобразия, что особенно четко видно в Чаче, на культуру которого налагало отпечаток его тесное взаимодействие с заяксартскими степными районами, населенными кочевниками-скотоводами.

В науке устоялось мнение, что в эпоху раннего средневековья в согдийской культуре процесс стандартизации и типизации материального проявления, гражданского и культового строительства, архитектуры и искусства достиг наивысшего развития. Этот культурный комплекс стал своего рода эталоном для оценки достижений в культурогенезе других среднеазиатских областей (Массон, 1977, С. 5-6). Эталоны согдийской культуры распространялись по трассам Великого шелкового пути (которые пролегали и через Чач) на Восток вместе с согдийскими купцами, общинами согдийского народа, оседавшими вдоль этих трасс. «Старые согдийские письма», которые В. Хеннинг датировал началом IV в. н.э. (Henning, 1948, p. 5) свидетельствуют о том, что в этом потоке колонистов из собственно согдийских земель (Самарканда и Бухары) активно участвовали выходцы из Чача. По количеству населения в согдийских колониях Восточного Туркестана они занимали третье место. Китайские источники, повествуя о границах Су-лу (Согда) называют территорию от реки Чу до Железных ворот, что побудило уже некоторых исследователей включить часть территории по Средней Сырдарье с Чачем в границы Согда (Grenet, 1985, p. 32-33).

По данным нумизматики и находкам надписей можно говорить о распространении согдийского языка и письменности в Чаче, как и в Согде. Со второй половины III в. н.э. известны монеты, выпускавшиеся государством на территории Чача, возникшим в ходе распада конфедерации Кангюя (Ртвеладзе, 2006, С. 28-29). В его канцеляриях пользовались согдийским письмом. Надписи на кирпичных блоках, обнаруженных на городище Культобе в Южном Казахстане, по палеографии старше «Старых согдийских писем». Они не только донесли раннее название этого государства – Чачанап, но показывают, что государственные чиновники от лица бывших конфедератов Кангюя следили за демаркацией границы с кочевой степью. Для чего на воротах приграничных крепостей, очевидно, и укреплялись кирпичи с надписями (Подушкин, 2005, С. 134-139; Grenet, 2006, p. 34-36). Таким образом, находки в Культобе – важный источник сведений, уточняющих северные пределы Чача, его территориальные притязания за Яксартом.

Материалы археологических раскопок в Согде и Чаче также позволяют судить о единых

путях развития культуры от Центрального Согда до сырдарьинских земель, ярко проявляющегося в элитных субкультурах этих регионов. При этом возникает вопрос о роли Чача в потоке согдийской колонизации – насколько он был ретранслятором согдийской культуры и насколько метрополией.

Наиболее ярко признаки этих субкультур воплощены в архитектурных престижных сооружениях, их планировке и декоре. Это – дворцы правителей, богатые домовладения, замки знати, а также культовые памятники – храмы и святилища.

В Чаче, Согде и Уструшане в VI-VIII в. н.э. выдерживался принцип сооружения дворцовых комплексов у подножия замка-цитадели. Они делятся на официальные дворцы, расположенные в городах и загородные летние резиденции. Дворцы первого типа изучены в Пенджикенте (столице владения Деваштича) и Бунджикате (столице афшинов Уструшаны). В Чаче – это дворцовое здание, исследованное на городище Минг-Урюк (в центре современного Ташкента) и дворец цитадели Канки.

Ко второму типу – загородных резиденций относится здание дворцового типа в усадьбе Актепа Юнусабад в Ташкенте. К ним же причисляются комплексы Варахши (летний дворец правителя Бухары), Кафиркалы (в Северном Тохаристане), летняя резиденция Деваштича в Куме, ряд пунктов Южного Казахстана.

Остатки дворца, раскрытые на Минг-Урюке принадлежали масштабному сооружению, располагавшемуся вплотную к замку-цитадели на массиве древней городской стены. По размерам оно превышало дворцовое здание Бунджиката (Негматов, Хмельницкий, 1966) и Пенджикента (Исаков, 1977, С. 86) было равно или мало уступало дворцу Варахши (Шишкин, 1963; Нильсен, 1966). Со зданиями Согда и Уструшаны дворец Минг-Урюка сходен основными принципами планировки, приемами строительства и декора. В основе его плана – чередование залов и комнат, объединенных широкими коленчатыми коридорами, функциональная разграниченность помещений.

К началу VIII в. н.э. дворец делился на парадную, жилую, культовую и хозяйственно-складскую части. Кулуары перекрывались сводами, а залы плоским потолком, опиравшимся на четыре колонны. Глинобитные суфы вдоль стен с выдвинутой «эстрадой» в залах, невысокие глинобитные «столы» в хозяйственных помещениях – характерный прием внутреннего оборудования постройки, как и её согдийских аналогов. Стены помещений были богато украшены настенной живописью, почти полностью уничтоженной пожаром и разрушением здания. Куски полихромных штукатурок в завале и участок нижнего бордюра на стене с растительным побегом, лентами и перлами – все, что осталось от живописи, аналогичной сюжетным панно дворцов Согда и Уструшаны.

К типу загородных резиденций относится ансамбль Актепе Юнусабадского в Ташкенте. В VII – начале VIII в. н.э. его замок, у подножия которого располагался дворцовый комплекс, имел вид ступенчатой пирамиды с квадратными башнями на углах и встроенной башней-донжоном. Терракотовое оформление фасадов типично для декора крепостей этого же времени в Согде и его колониях.

Всю северо-западную часть усадьбы Актепа в пределах обводной стены с крепостным рвом у её основания занимал парадный ансамбль, состоящий из двух изолированных комплексов (Ильясова, 2004, С. 207-214). Черты парадности западного комплекса, включавшего два зала, обведенных суфами, главный кулуар и мелкие комнаты выражаются в их монументальности, окраске стен в одном – в красный цвет, и фризе из резной глины – во втором. Восточный комплекс построен на сочетании двора, зала и кулуара. Зал несет явные признаки основного назначения – место приемов и торжественных собраний. Он обведен ступенчатой суфой для участников собраний, согласно их ранга, и почетной суфой – «эстрадой» на главной оси, на которой был некогда балдахин. Оба комплекса датируются VII – началом VIII в. н.э. и погибли в огне пожара в ходе арабского завоевания Чача.

Все архитектурно-планировочные приемы позволяют включить резиденцию Актепа Юнусабад в широкий круг подобных сооружений Согда, Уструшаны и Южного Казахстана, в частности Костобе и Куйрыктобе (Байпаков, Шарденова, Перегудова, 2001, С. 63-75, 120). Устрой-

ство ступенчатых суф с зале особенно роднит его с дворцовыми комплексами Бунджиката и Пенджикента (во дворце Пенджикента почетное сиденье, правда, не на «эстраде», а в углубленной нише). Площадка перед ней, на которую ведет узкий пандус, цоколь на ней для выставления переносного алтаря абсолютно идентичны и в Согде, и в Чаче.

Анализ планировки схожих комплексов показывает, что залы в них функционально разделялись, хотя культовые действия входили во все церемонии в них. В большом зале дворцов отмечались крупные праздники и происходили собрания более светского характера с расширенным числом участников. В меньших по размерам залах, как правило, квадратных, где устроены суфы вдоль стен и «эстрада», а также четыре столба поддерживают кровлю, в центре размещался полуовальный формы алтарь со следами длительного горения. Это мы видим в Чаче (Канка) и таковы залы Пенджикента, Бунджиката, Кума, горных замков Паргара (Якубов, 1979, С. 126-166) и др.

Эти сооружения свидетельствуют о процессе планировочной типизации, в основе которой лежало функциональное назначение.

И городские, и загородные резиденции Согда и Чача, как и замки, имели в своем составе святилища, связанные с возжиганием огня, построенные по единому принципу. Это – система, состоящая из центрального квадратного помещения, смежного с ним небольшого подсобного, коленчатого коридора, связующего всю ячейку с остальной частью постройки. Плоское балочное перекрытие часто двойное, иногда опирается на четыре колонны. В центре помещения – сырцовый подиум-алтарь с углублением, полным чистой золы. Такое святилище открыто в самом замке Актепе Юнусабад. Ту же планировку мы находим в Западном (Варахша), Центральном (Пенджикент) и Восточном (замки Паргара) Согде. К этому кругу можно причислить Уструшану.

Святилища Согда и Чача свидетельствуют о распространении зороастризма в этих регионах. Уже было отмечено, что согдийцы были хорошо знакомы с Гатами Заратуштры, а в Чаче на монетах присутствует термин Язатпир, употребленный в Авесте. О том же свидетельствует имевший место в этих регионах оссуарный способ погребения, который датируется VII-VIII вв.

Возведение отдельно стоящих храмов, связанных с зороастризмом и огнем, также выстраивает единую линию развития в Согде, Уструшане и Чаче. Это – квадратное здание с внутренним помещением, обведенным со всех сторон коридором, и оформленное по типу замка полу-круглыми и овальными башнями на четырех углах. Это – сооружения IV-VI вв. н.э.: храм второго этапа Джартепа в Самаркандском Согде (Бердимуратов, Самибаев, 1992, С. 77-92), так называемый «Дом огня» в Уструшане на городище Нау (Пулатов, 1977, С. 77-79), храм на Актепе Чиланзар в Ташкенте (Филанович, 1987, С. 148). Во всех этих регионах отмечается близкородственное дальнейшее развитие культового строительства с утверждением крупного центрального зала с суфами и «эстрадой», обведенного кулуарами и предваряемого широким колонным портиком.

Общим моментом развития искусства этих регионов являются сюжетные росписи в интерьерах престижных сооружений и храмов от правобережья Сырдарьи до Южного Согда.

Уже краткий обзор основных параметров и артефактов элитных субкультур Чача и Согда приводит к выводу о том, что они развивались по единым принципам на базе зороастрийских представлений и ритуалистики.

На позднейших этапах развития, прерванного арабским завоеванием, их пути настолько сблизилась, что не будет большой ошибкой говорить о сложении единого типизированного комплекса престижной субкультуры обширного региона, включавшего в себя Согд и Чач. Он был видимо, общей метрополией для согдийских колоний Семиречья и Восточного Туркестана.

Использованная литература

- Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Согда и Южного Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 2001.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Результаты раскопок храма на Джартепе II // ИМКУ. Ташкент, 1992. Вып. 26.
- Грене Ф. Новые свидетельства о Нахшабе и Кеше античного периода (Арамейский архив сатрапа Балха и согдийские надписи из Культобе) (Казахстан) // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент-Карши, 2006.

- Grenet F. Samarkande et la route de la soie // L'histoire. № 77. Paris, 1977.
- Ильясова С.Р. Раскопки парадного комплекса Актепа Юнусабадского // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004.
- Исаков А.И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
- Henning W.B. The date of the Sogdian Ancient letters // BSOAS. 1948, V. 12.
- Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый шахристан // Материальная культура Уструшаны. Душанбе, 1966.
- Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VII вв.). Т., 1966.
- Подушкин А.Н. Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // SHYGYS. Алматы. 2005. № 2.
- Пулатов У.А. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
- Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Якубов Ю.Я. Паргар в VII-VIII вв. н.э. Душанбе, 1979.

M. I. Filanovich - Interactions Between the Elite Subcultures During the Early Medieval Period of Soghd and Chach

This paper strives to compare elements of Early Medieval Culture such as palaces, rich households, citadels, cultic constructions and other prestigious architectural constructions. The author can thus show how Chach played a role of translator of Soghdian culture but that both developed on a common basis, reposing on Zoroastrian cults and rituals.

*M. Tosi, A. Berdimuradov, F. Franceschini,
D. Giorgetti, S. Mantellini, B. Rondelli
(Italy, Uzbekistan)*

LA CARTA ARCHEOLOGICA DELLA MEDIA VALLE DELLO ZERAVSHAN: STRATEGIE E METODI PER LA STORIA DEL POPOLAMENTO NELLA REGIONE DI SAMARCANDA

Premessa (1)

Il Progetto “Carta Archeologica della Media Valle dello Zeravshan” è stato avviato nel 2001 (2) con una doppia finalità (Tosi et al. 2002; Shirinov, Tosi 2003; Bonora et al. 2003):

- 1) Recupero, tutela e valorizzazione della città di Samarcanda e del suo territorio;
- 2) Studio del popolamento antico e delle sue dinamiche insediamentali.

Questi due aspetti, apparentemente distinti, risultano essere strettamente connessi e relazionabili tra loro, nell’ottica di un unico e preciso percorso logico e metodologico che preveda l’acquisizione e il trattamento del dato.

Se per la fase di acquisizione ci si avvale, ormai da tempo, di un approccio multidisciplinare e per le fasi di trattamento (archiviazione, gestione, analisi e fruibilità) il GIS (Geographic Information System) rappresenta uno strumento insostituibile, resta ancora aperta la questione in merito al “valore”, all’“attendibilità” e alla “reperibilità” del dato.

Appare ormai chiaro il limite di un approccio deterministico e l’impossibilità di un approccio oggettivo al dato impone una strategia basata sull’impiego di modelli di indagine e di rappresentazione, allo scopo di verificare, smentire e incrementare basi teoriche di partenza.

Lo scopo del modello è pertanto quello di dare una rappresentazione ordinata di un insieme di dati apparentemente caotici, dando una descrizione schematica della realtà, e quindi certamente semplificata del sistema oggetto di studio (Haggett 1983). Il modello può perciò intendersi come utile strumento di comprensione e fonte di ipotesi per la ricerca, pur non trasmettendo tutta la verità, ne esplicita un’utile e comprensibile parte di essa, senza tuttavia trascurare la verifica, l’implementazione, il grado di interpolazione e la risoluzione delle analisi, elementi imprescindibili per l’affidabilità e utilità del modello stesso, correlati alla fase di acquisizione e di “pesatura” (risoluzione e attendibilità) del dato. Il rapporto tra modello e metodologia di ricerca avanzata rappresenta un binomio obbligato. Né un modello senza verifica scientifica, né una ricerca accurata e meticolosa senza un modello teorico di partenza possono considerarsi completi.

Inquadramento geografico

Il fiume Zeravshan nasce dalla catena del Tian-Shan in Tajikistan, ha una lunghezza complessiva di 781 km mentre il bacino copre un'area di 41.860 kmq. Il corso è geograficamente diviso in tre parti: alto, medio e basso. Il medio corso definisce anche l'omonima valle compresa tra le località di Pendjikent e Khazarin, per una lunghezza complessiva di 230 km. Il dislivello scende dai 990 m. di Pendjikent ai 270-280 m. di Abumuslim (Djurakulov, Mamedov 1986).

Il corso dello Zeravshan è circondato lungo tutto il tratto iniziale dalle alte catene montuose del Turkestan e dei Monti dello Zeravshan. Immediatamente dopo il confine tra Tagikistan e Uzbekistan, la catena del Turkestan, a Nord, si interrompe, mentre a Sud la valle si allarga di circa 40-50 km fino alla Catena dei Monti Chakylalyan e dei Monti Karatyube, ultima propaggine della catena dei Monti Zeravshan, che segnano la demarcazione naturale tra le valli dello Zeravshan a nord e del Kashkadarya a sud.

Proprio nel territorio compreso tra il fiume Zeravshan e le catene montuose di Karatyube e Chakylalyan si sono concentrate le indagini condotte nelle due campagne effettuate.

Il paesaggio attuale è caratterizzato da una rete idrografica particolarmente complessa ed articolata, che si estende su tutta l'area grazie a canali artificiali dalle dimensioni progressivamente ridotte. L'ambiente arido della regione, con precipitazioni inferiori ai 300 mm/anno, ha indotto, fin dall'antichità, lo sviluppo di un ampio sistema d'irrigazione basato sui principali collettori dello Zeravshan, il Dargom a sud e il Bulungur a nord (3).

Tuttavia, proprio la creazione dell'impianto idrografico e la trasformazione in campi coltivabili sono il risultato di grandi attività di bonifica condotte in maniera continua e sistematica durante il periodo sovietico, in particolare nei decenni '60 e '70. Le attività di sbancamento, la creazione di terrazzi artificiali e le grandi opere di canalizzazione hanno così alterato e cancellato numerosi record archeologici modificando in maniera definitiva il paesaggio, antico e moderno. Tale situazione è particolarmente evidente nelle province di Taylak ed Urgut, a sud-est di Samarcanda (Figura 1), dove le indagini territoriali abbinate allo studio della cartografia storica hanno dimostrato un livello di distruzione dei siti pari al 38 % (138 siti distrutti su un totale di 511 presenti in passato)

Anche attualmente si assiste ad un uso indiscriminato del suolo e le coltivazioni estensive di cotone e tabacco continuano a causare la perdita di innumerevoli informazioni archeologiche. Infatti, non è difficile incontrare siti archeologici che si presentano in gran parte distrutti dagli interventi agricoli, altre volte ne rimane memoria in luoghi isolati e abbandonati che nei toponimi evocano racconti mitici e leggende; in molti casi, invece, la persistenza dei siti è dovuta al riutilizzo di questi come cimiteri.

Metodologie di indagine per l'individuazione dei siti

Alla luce di queste considerazioni e in riferimento alla grande estensione dell'area di indagine è stato necessario avvalersi di un approccio metodologico diversificato, procedendo attraverso:

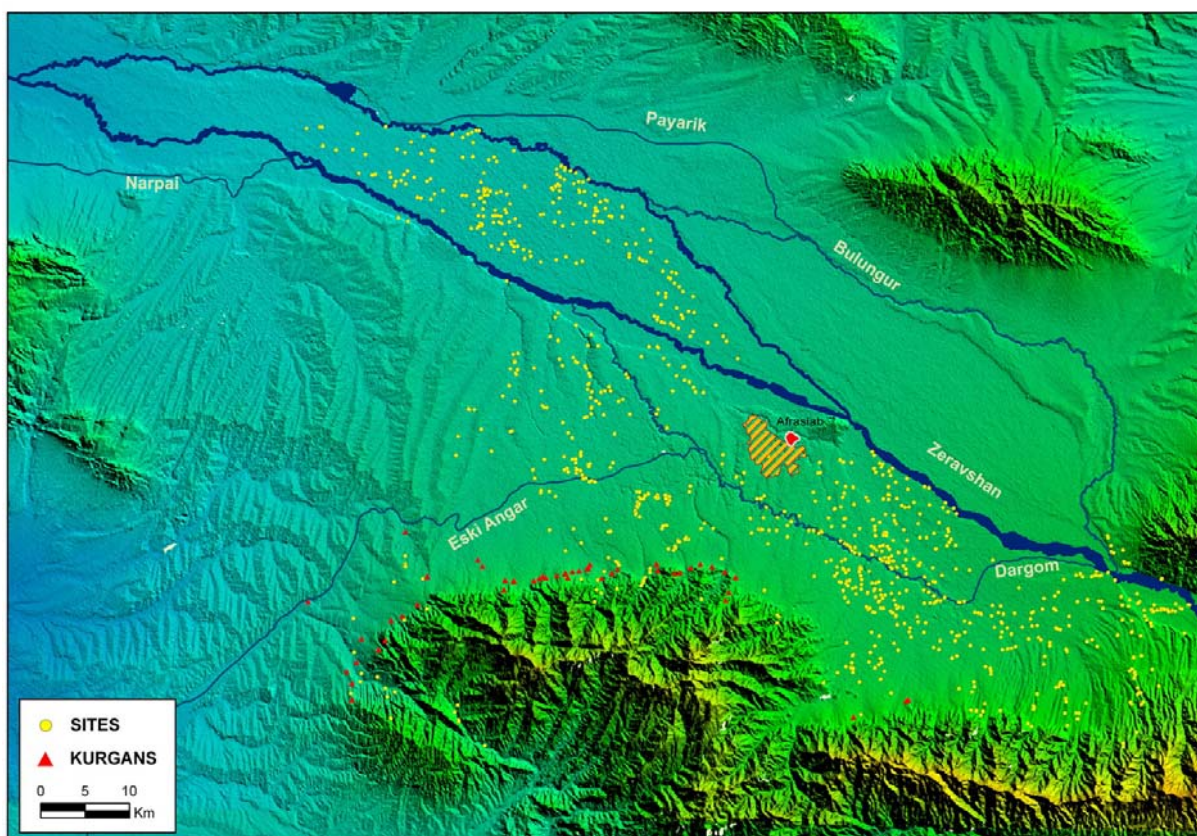
Ricognizioni sistematiche.

Studio e analisi delle cartografie storiche;

Studio e analisi delle immagini satellitari;

Rilevamento topografico dei siti.

Le ricognizioni sistematiche si sono concentrate sul riconoscimento e sulla documentazione di tutte le evidenze archeologiche strutturali presenti, arrivando così ad un vero e proprio censimento di tutti i siti presenti (Figura 2), che localmente sono identificati dal termine iranico *tepa*. La pratica del *field walking* intensivo è stata applicata solamente nel caso di transetti o siti-campione mentre è difficilmente eseguibile sull'intera area a causa dei notevoli depositi alluvionali stimati in alcuni metri e delle già citate trasformazioni agricole. Ad ogni sito individuato è stata associata una scheda, poi informatizzata, comprendente indicazioni diversificate per poter sviluppare analisi distributive e relazionali. Oltre alle informazioni locative e descrittive del sito, particolare attenzione è stata riservata alla metodologia di raccolta dei materiali diagnostici e alle informazioni topografiche e funzionali del sito (aspetto soprattutto valido e riscontrabile per i siti altomedievali, dato lo stato di conservazione). Tutti i parametri sono poi stati comparati con i valori di esplorabilità e di stato di conservazione del sito per stabilire l'affidabilità del dato di superficie, elemento fondamentale nell'intento di confron-

tare e analizzare dati di diversa origine, tipologia e formato.

Le considerazioni relative ai drastici cambiamenti ambientali e paesaggistici hanno però spinto la metodologia di indagine verso l'impiego della cartografia storica e delle immagini satellitari telerilevate. A tale proposito si segnala, per l'affidabilità e per la precisione, la cartografia sovietica alle scale 1:25.000 (curve di livello a 5 m) e 1:10.000 (curve di livello a 1 m) del 1954 dove i siti sono rappresentati da figure geometriche circolari o con la loro effettiva articolazione interna (ad es., nucleo centrale-fossato-terrapieno). L'impiego della cartografia del 1922 (scala 1:450.000) e della cartografia tedesca del 1942 si è rivelato molto utile per la toponomastica storica, mentre la carta del 1868 lasciataci da Fedchenko ha fornito importanti indicazioni sulla viabilità antica (Fedchenko 1868).

Anche il Telerilevamento ha permesso, in diverse forme e misure, di risalire a informazioni importantissime per lo studio del paesaggio antico e per la distribuzione delle evidenze archeologiche.

Si è operato principalmente su due tipologie di immagini:

Immagine multi-spetttrale Landsat TM7

Immagini Corona

L'immagine Landsat TM7 (fine anni '90), con risoluzione di 20-25 m, risulta particolarmente utile per l'individuazione di sistemi viari, canalizzazioni, paleoalvei, paleoconoidi, meandri dei principali corsi d'acqua, in particolare quelli pedemontani e il Dargom, e tutta quella serie di informazioni topografiche e geomorfologiche percepibili a piccola scala, con la possibilità di fornire tavole e vedute di aree molto estese. Per quanto concerne l'indagine condotta nella media valle dello Zeravshan, l'uso di tale immagine ha fornito importanti informazioni circa il sistema idrico precedente alle canalizzazioni agricole di questo secolo.

Le immagini pancromatiche Corona sono state scattate dai satelliti spia del Dipartimento Americano della Difesa tra il 1960 e 1974 e commercializzate dallo United States Geological Survey (USGS) a partire dal 1995. L'utilizzo di queste immagini si è rivelato assai prezioso per l'alta risoluzione spaziale, variabile tra gli 8, 5, 3 m, e per il valore storico, essendo queste immagini prece-

denti alle grandi bonifiche. Attraverso la digitalizzazione delle immagini e l'utilizzo di software specifici è stato possibile individuare diversi siti, oggi distrutti, ricavandone informazioni topografiche ed areali. Successivamente, nelle aree individuate sono state effettuate ricognizioni allo scopo di verificare l'effettiva presenza di siti e il loro stato di conservazione.

La rete idrica della Media Valle dello Zeravshan

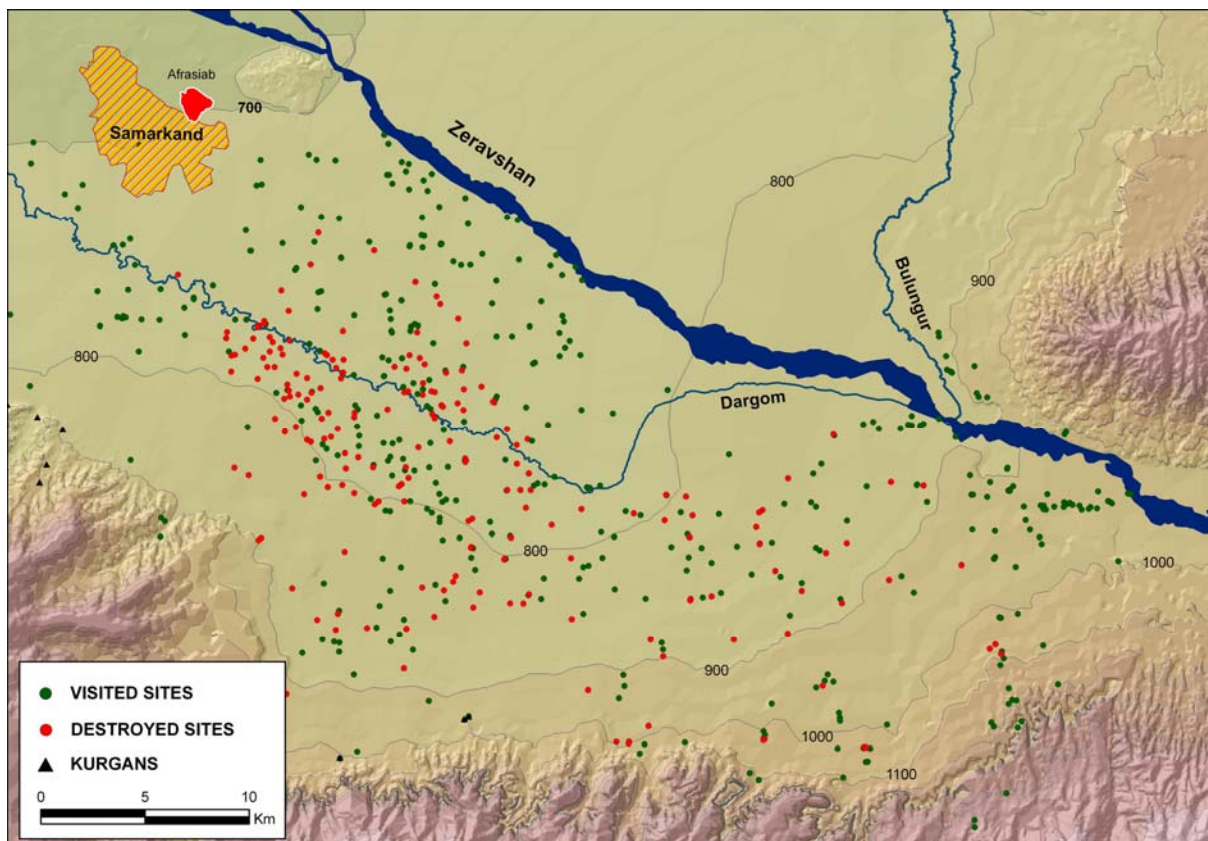
All'interno del Progetto della Carta Archeologica, uno dei settori d'indagine specifico è stato indirizzato allo studio della rete idrografica della regione di Samarcanda, un tema trattato solo marginalmente finora nonostante l'importanza primaria rivestita dal sistema d'irrigazione nello sviluppo urbano ed agricolo di Samarcanda nel corso del tempo (Isamidinov 2002; Mantellini 2003). Le attenzioni principali si sono focalizzate sul Dargom, che con 100 km di lunghezza rappresenta il canale artificiale più lungo di tutta la valle, oltre ad essere il principale rifornimento idrico di Samarcanda e dell'intera area a sud dello Zeravshan. Le informazioni principali per comprendere le origini del Dargom sono state fornite combinando lo studio del modello digitale del terreno all'immagine satellitare RADAR e del modello digitale del terreno, seguite da un'opportuna verifica delle informazioni raccolte sul campo. È stato così possibile individuare alcuni punti chiave in prossimità della confluenza dei corsi provenienti dalle pendici della catena del Karatyube, denominati *sai*, che, nel sistema idrografico originario della valle, correvano indisturbati fino a raggiungere lo Zeravshan. Ad un certo punto, probabilmente in seguito alla necessità di un maggiore apporto idrico per la città di Samarcanda e per irrigare le aree limitrofe, si è reso necessario realizzare un corso d'acqua che, oltre a catturare l'acqua dello Zeravshan, fosse in grado di drenare anche le acque dei fiumi pedemontani. Rimane tuttora aperta la questione relativa alla datazione dell'epoca in cui tali opere furono realizzate. Un confronto con il materiale proveniente dalle ricognizioni suggerisce che l'occupazione dell'ampia zona tra la pedemontana e Samarcanda sia avvenuta a partire dall'epoca Achemenide (VI secolo), per cui gli interventi antropici sul Dargom potrebbero risalire a tale periodo. Tale ipotesi trova un primo riscontro con le ipotesi proposte da altri studiosi che si sono occupati del Dargom (Shishkлина 19897, Isamidinov 2002) ma ulteriori indagini sono necessarie anche alla luce dei già citati problemi relativi allo studio dello sviluppo insediamentale. Oltre alla mancanza di dati causata dalla distruzione del *record* archeologico causato dalle bonifiche del periodo sovietico, va anche segnalato che la morfologia dei siti, caratterizzata da una complessa stratificazione di orizzonti culturali, spesso consente di raccogliere solo il materiale presente in superficie appartenente all'ultima fase di occupazione del sito stesso.

Il GIS per la gestione e l'analisi dei dati

Tutti i dati raccolti sono confluiti nell'archivio GIS creato con la possibilità di realizzare elaborazioni, analisi e modellazioni accurate del contesto storico-archeologico (Mantellini, Rondelli 2004). Base di partenza per le analisi distributive è l'applicazione dell'*overlay mapping*, che rappresenta la costruzione di piani cartografici costituiti da livelli geografico-ambientali diversi (geologia, pedologia, morfologia, vegetazione, idrografia, demografia, ecc.) insieme alla sovrapposizione dei record archeologici. Si possono effettuare così analisi sincroniche e diacroniche sovrapponendo i dati in successione. Si stanno così sviluppando applicazioni di sistemi teorici geografici e l'applicazione dei cosiddetti "martelli del potere" (De Guio 2003), ovvero Poligoni di Thiessen, Modelli Rango/Grandezza, Analisi di Visibilità, ecc..., per la lettura di situazioni insediamentali sincroniche. Inoltre, la gestione dei dati in ambiente GIS risulta funzionale all'individuazione di alcuni aspetti o ambiti territoriali da investigare in maniera più dettagliata per le proprie peculiarità geografiche o culturali, come, ad esempio, la ricostruzione delle varianti locali dell'antica Via della Seta (3).

L'utilizzo dei sistemi e dei modelli geografici, matematici e quantitativi (dalle funzioni di connettività a livello di mercato, traffico e amministrazione, alle applicazioni di sistemi dinamici e fluidodinamici nella ricostruzione dell'evoluzione territoriale) trova ormai nella ricerca archeologica larghissima tradizione e proprio nell'impiego del GIS un'ottima soluzione. Il trattamento del dato statistico, processato secondo relazioni e combinazioni, può fornire la formulazione di modelli insediativi e predittivi, con tutti i vantaggi che ne conseguono, sia dal punto di vista prettamente conoscitivo, sia per l'aspetto di tutela e valorizzazione.

Bisogna comunque evidenziare la preliminarità di queste analisi, in quanto attraverso le ricognizioni

oni e la cartografia è stato possibile creare una mappatura completa dei siti (presenti e distrutti), ma l'esplorazione diretta è avvenuta solo per una minima parte di questi e, come scritto in precedenza, sarebbe necessario indagare stratigraficamente alcuni siti campione.

Le ricognizioni consentono comunque di esporre alcune conclusioni preliminari. In merito alla cronologia dei siti è, infatti, possibile vedere uno sviluppo insediamentale praticamente continuo della regione di Samarcanda dal periodo achemenide e quello altomedievale.

La Carta Archeologica per la gestione e la valorizzazione del patrimonio culturale

Lo sviluppo del progetto e la necessità di disporre dei dati diversificati descritti sopra hanno reso indispensabile la collaborazione tra la nostra équipe e alcune istituzioni locali, tra le quali segnaliamo l'Istituto di Geografia dell'Università Statale di Samarcanda e il Dipartimento di Geologia di Tashkent. Il primo risultato concreto è stato l'avvio di un Master in Conservazione dei Beni Culturali presso l'Università di Samarcanda, con l'obiettivo di formare tra gli studenti locali nuove professionalità rivolte alla tutela e alla salvaguardia del patrimonio culturale sulla base delle esperienze, delle leggi e degli strumenti adottati nel mondo occidentale. Per una maggiore valorizzazione dell'area si stanno progettando dei percorsi turistici mirati, visto che attualmente il turista si ferma il tempo necessario per visitare il centro storico di Samarcanda (1/2 giorni) senza considerare il territorio circostante. In questo caso, alcuni siti localizzati in ricognizione presentano le condizioni adatte per ospitare aree attrezzate per viste panoramiche suggestive. Infine, è in fase realizzativa presso il Comune di Samarcanda la creazione di un ufficio SIT (5), sul modello di quelli esistenti in Italia, per una gestione mirata dei dati relativi al territorio di Samarcanda e che avrà come base di partenza la stessa Carta Archeologica.

1. Un doveroso ringraziamento va al Prof. Timur Shirinov, Rettore dell'Università Statale di Samarcanda SamGU, al Prof. Shakhyor Safarov, Rettore dell'Istituto Statale di lingue Straniere di Samarcanda, a Piera Viale e Massimo Toscani, Dipartimento di Lingua e Cultura Italiana dell'Istituto Statale di lingue Straniere di Samarcanda, e ai numerosi studenti della Facoltà di Conservazione dei Beni Culturali dell'Università di Bologna, sede di Ravenna, che hanno partecipato alle attività di ricerca sul campo e laboratorio.

2. Il Progetto, diretto dal Prof. Shakir Pidaev (Istituto di Archeologia di Samarcanda, Accademia delle Scienze dell'Uzbekistan) e dal Prof. Maurizio Tosi (Università di Bologna), è finanziato principalmente dal Ministero degli Affari Esteri, dall'IsIAO (Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente) di Roma con il contributo dei seguenti enti: Facoltà di Conservazione dei Beni Culturali dell'Università di Bologna, sede di Ravenna; Fondazione Carisbo di Bologna; Fondazione Flaminia di Ravenna; Polo Scientifico-Didattico di Ravenna.

3. Attualmente i due canali sono alimentati dalla Diga del 1° Maggio, costruita all'inizio del secolo scorso al confine tra Uzbekistan e Tajikistan.

4. A tale proposito si segnalano gli scavi in corso nella necropoli di Boyssar tepa in località Sazagan e nella fortezza sogdiana di Kafir Kala (per le nuove indagini a Kafir Kala si veda Berdimuradov, Mantellini 2005; Cazzoli, Cereti 2005).

5 Sistema Informativo Territoriale.

Bibliografia

Berdimuradov, Mantellini 2005. A. Berdimuradov, S. Mantellini, Archaeological Explorations in the Sogdian Fortress of Kafir Kala, IN Ancient Civilizations from Schytia to Siberia, vol. 11, 1-2, Leiden.

Bonora et al. 2003. G. Bonora, F. Franceschini, S. Mantellini, B. Rondelli, Carta Archeologica della Media Valle dello Zeravshan: aspetti diversificativi per una comprensione diacronica del popolamento antico. Missione archeologica italo-uzbeka a Samarcanda: campagna 2002, IN OCNUS 11, BOlogna

Cazzoli, Cereti 2005. S. Cazzoli, C. Cereti, Sealings from Kafir Kala: Preliminary Report, IN Ancient Civilizations from Schytia to Siberia, vol. 11, 1-2, Leiden.

De Guio 2002. A. De Guio, Dinamiche non-lineari del potere: teorie-metodi di riferimento e caso di studio dall'età del Bronzo della Pianura Padana (Italia), IN Primi Popoli d'Europa, proposte e riflessioni sulle origini della civiltà nell'Europa mediterranea, Atti delle Riunioni di Palermo (14-16 ottobre 1994) e Baeza (18-20 dicembre 1995), a cura di Molinos M., Zifferero A., Firenze.

Djurakulov, Mamedov 1986. M. D. Djurakulov, E. D. Mamedov E.D, Geologiya arkhologicheskikh pamyatnikov Zeravshana, Baku.

Haggett 2001. P. Haggett, Geografia. Una sintesi moderna, Bologna

Isamiddinov 2002. M. Kh. Isamiddinov, Istoki gorodskoj kul'tury Samarkandskogo Sogda, Tashkent.

Mantellini 2003. S. Mantellini, The Dargom Canal and the Early Settlement of the Middle Zeravshan Valley, IN S. Pagani (a cura di), Italo-Uzbek Scientific Cooperation in Archaeology and Islamic Studies: An Overview, Papers from the International Conference (Rome, January 30, 2001), Roma.

Mantellini, Rondelli 2004. S. Mantellini, B. Rondelli, Methods and Perspectives for Ancient Settlement Studies in the Middle Zeravshan Valley, IN The Silk Road, Vol. 2, Num. 2.

Online all'indirizzo <http://www.silkroadfoundation.org>

Shishkina 1987. G. V. Shishkina, Drevnii Samarkand i ego okrug, IN Gorodskaja kul'tura Baktrii-tocharistana i Sogda, Tashkent.

Tosi 2002. M. Tosi, Primi popoli d'Europa: quasi un'introduzione, IN M. Molinos, A. Zifferero (a cura di), Primi Popoli d'Europa, proposte e riflessioni sulle origini della civiltà nell'Europa mediterranea, Atti delle Riunioni di Palermo (14-16 ottobre 1994) e Baeza (18-20 dicembre 1995), Firenze, 2002.

Tosi et alii 2002. M. Tosi, B. Rondelli, E. Menghi, S. Mantellini, Interventi Archeologici in Uzbekistan, IN Ocnus 9-10, Bologna.

Shirinov, Tosi 2003. T. Shirinov, M. Tosi, Land behind Samarkand, IN S. Pagani (a cura di), Italo-Uzbek Scientific Cooperation in Archaeology and Islamic Studies: An Overview, Papers from the International Conference (Rome, January 30, 2001), Roma.

***A. Бердимуратов, С. Мантеллини, Б. Матбабаев
(Узбекистан, Италия)***

КАФИРКАЛА - ЗАГОРОДНЯЯ РЕЗИДЕНЦИЯ САМАРКАНДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Городище Кафиркала расположено на левом берегу древнего канала Даргом, в 12 км к югу от городища Афрасиаб – древнего Самарканда и 50 км к западу от древнего Пенджикента. Памятник имеет общую площадь 16 га, состоит из цитадели, шахристана и рабада. Цитадель и шахристан составляют единый четырехугольник с длиной сторон 360 м. Цитадель имеет квадратную форму размерами 76x76 м, при высоте 20-25 см. Городище Кафиркала в 20-х годах XX века привлекло внимание археологов. Археолог М. Массон во время поисков сада Амира Темура под названием Давлатабад, на левом берегу канала Даргом, обратил внимание на высокий холм, расположенный на берегу канала и датировал его дотемуридским периодом. Члены Зарафшанской экспедиции под руководством А. Якубовского, проводя разведки археологических памятников в 1939 г., заложили маленький раскоп на шахристане Кафиркала. В результате были обнаружены материалы сасанидского периода.

Как известно, археолог Г. Григорьев в 1937-1940 гг. проводил раскопки на памятнике Тали-Барзу, расположенном на правом берегу канала Даргом, одновременно он изучал археологические памятники в его окрестности. Он заложил маленький раскоп в восточном углу памятника Кафиркалы и обнаружил несколько керамических печей, датированных VI-VIII вв. н.э. Вскрытые в восточном углу памятника Кафиркалы керамические печи имеют большое значение для изучения керамического производства Самаркандского Согда.

В 1956-1957 гг. отряд в составе О. Обельченко, Г. Шишкиной и В. Нильсена исследовал памятники Придаргомской степи, расположенные между каналом Даргом и хребтом Каратепа. В этой зоне были встречены в большом количестве маленькие и большие памятники, свидетельствующие о том, что степь в древности была довольно густо населена, но уже давно опустела за исключением отдельных оазисов. Тогда же было исследовано городище Кафиркала и усадьба близ Кафиркалы. Раскопки 1956-1957 гг., проводимые О. Обельченко, носили предварительный, разведочный характер. Было выяснено, что вал, окружавший цитадель, представляет собой развалины построек. Здесь был вскрыт жилой комплекс, состоящий из нескольких соединенных между собой помещений. Жилой комплекс был датирован V-VI вв. н.э. В XI-XII вв. над этими помещениями были построены дома, от которых сохранились лишь незначительные остатки.

Усадьба близ Кафиркалы была полностью раскопана Г. Шишкиной в 1956-1957 гг. Вскрытое здание отличалось очень своеобразной, строго симметричной планировкой. О назначении вскрытого здания были разные мнения и до сих пор спор об этом продолжается. На цитадели Кафиркалы отрядом Института археологии АН РУз под руководством А. Бердимуратова в 1990 г. впервые были начаты раскопки. В 1990-1992 гг. была раскопана единственная угловая башня цитадели, расположенная в северо-западном углу и был обнаружен единственный вход в цитадель.

Раскопки на цитадели Кафиркалы возобновлены в 2001 г. сотрудниками совместной узбекско-итальянской экспедиции. Было решено расширить раскоп 1991 г. до размеров 10x11 м. В последующие годы площадь раскопа расширена до 11x30 м. В процессе археологических работ зафиксированы остатки трёх строительных горизонтов. Первый строительный (верхний) горизонт выделен условно, так как на этом уровне строительных остатков не сохранилось. В перемешанных слоях встречаются фрагменты керамики X-XI вв. Во втором строительном горизонте верхний пол вскрыт на глубине 5-5,20 м от реперной точки. Пол отмечается по всей площади раскопа, а в углу юго-восточного сектора удалось выявить строительные остатки, связанные с сооружением временного жилища. Жилище это имело столбовую конструкцию, так как на полу сохранились ямки от деревянных столбов, которые имеют круглую в плане форму. Как показало расположение ямок от деревянных столбов, вышеупомянутые жилища были легкого типа наподобие айвана.

Как показали раскопки, в этом периоде осуществлены строительные работы на цитадели. В частности, подвергалась ремонту юго-западная внешняя стена. В этот же период был отремонтирован и вход в цитадель. На этом же горизонте вдоль юго-западной внешней стены городища зафиксированы три очага. Все три очага возведены в теле внешней стены путем горизонтального углубления и имеют полукруглую в плане форму.

Третий строительный горизонт связан с основным этапом жизнедеятельности цитадели и соответствует второму полу. С 2001 по 2006 год на цитадели Кафиркалы вскрыта часть монументального сооружения периода раннего средневековья. В настоящее время на цитадели с внутренней стороны почти полностью вскрыты юго-западная стена и ворота. Как показали результаты раскопок, вдоль юго-восточной и юго-западной частей цитадели было возведено большое здание дворцово-айванного типа, перекрытие которого держалось на многочисленных деревянных колоннах. Внутренние части этого сооружения были богато украшены деревянной резьбой, о чем свидетельствуют многочисленные полуобгорелые деревянные балки и доски. Естественно, в результате сильнейшего пожара колонны, балки и базы колонн сгорели. От баз колонн сохранились только их основания, они располагались в юго-западной части в два ряда в количестве 12 шт., а также в западной части в один ряд в количестве 6 шт.

В местах расположения баз от колонн в результате сильного пожара пол прокален до красного цвета: вследствие этого некоторые участки пола частично разрушены. Пол цитадели не был ровным и имел плавный уклон к центру. В центре зала обнаружены остатки водоотвода. Водоотвод состоит из горизонтально уложенных в один ряд керамических кубуров. Одной из особенностей цитадели является то, что вдоль внутренней части южной стены параллельно к нему возведены суфы. Эти суфы возведены монолитно, видимо, из пахсовых блоков.

В строительстве айвана по периметру цитадели использована сложная деревянная конструкция, остатки которой зафиксированы на полу в виде обугленных деревянных балок. Во время раскопок на цитадели Кафиркалы обнаружены многочисленные фрагменты керамики, монеты и находки из камня, бронзы, железа и дерева. Среди находок нужно особо отметить буллы, которые дают ценную информацию для изучения административного управления и внешних связей раннесредневекового Согда. Всего было обнаружено булл около 500 шт.

Буллы представляют собой уплощенные, округлые или овальные по форме глиняные «цилиндрики», изготовленные от руки из хорошо отмученной особой глины. Размеры их колеблются по диаметру от 1,5–3 см, по высоте 1–1,3 см. На оборотной стороне булл вдоль длинной оси проходит продольный желобок – след от шнурка. При помощи этих шнурков буллы прикреплены к документу. Большинство булл обгорели при пожаре и поэтому имеют черный, закопченный цвет.

По сюжетам изображений буллы можно разделить на три группы. Первая группа: буллы антропоморфные, которые преобладают в коллекции. Большинство фигур на буллах изображено в профиль, голова повернута вправо. Некоторые персонажи имеют усы и длинные бороды, без головного убора. На одной булле изображена женщина, головой повернутой в профиль. Волосы короткие, концы с завитками. На шее ожерелье из круглых бусин. С правой стороны против лица женщины имеется надпись. На другой булле изображен мужчина в полный рост. Правая рука вытянута вперед, левая нога согнута в колене. Особо подчеркнуты его сильные мускулы. По всей видимости, на этой булле изображен греческий герой Геракл. На некоторых буллах изображение царя с короной, над его головой солнечный диск, как на монетах сасанидских царей.

Вторая группа: буллы зооморфные. Надо особо подчеркнуть, что группа зооморфных сюжетов очень богата и разнообразна. Здесь можно увидеть изображение пары оленей, кабанов, львов, коней, верблюдов, слона и петуха. Подбор животных отвечает составу среднеазиатской фауны, кроме слона. Изображение льва можно встретить в согдийской настенной живописи. При раскопках Пенджикента найдена булла с изображением кабана, туловище которого скрыто тремя стеблями камышевидного растения. Изображение кабана широко распространено в искусстве раннесредневекового Согда и Тохаристана.

Третья группа: буллы с изображением тамг и знаков. На некоторых буллах хорошо сохранилась V-образная тамга, известная по согдийским монетам. Как показали результаты исследования, большинство кафиркалинских булл относится к VII-VIII вв. н.э. Как известно, печати, особенно закрепленные на драгоценных перстнях, переходили из поколения в поколение и использовались в качестве личных печатей владельцев. Как показал анализ антропоморфных сюжетов, на буллах изображены портреты реальных лиц, может быть царей и богатых вельмож. Большинство портретов имеют черты европейского облика, но среди них встречаются портреты с монголоидной внешностью. На некоторых портретах явно прослеживается греческий тип лица. Профильное изображение человеческих фигур характерно для сфрагистики Средней Азии эпохи раннего средневековья.

Говоря о географии кафиркалинских булл, можно предположить, что они происходят из Бухарского и Кашкадарьинского Согда, Пенджикента, Тохаристана, Афганистана и Ирана. Буллы Кафиркалы свидетельствуют о высоких навыках и традициях согдийского камнерезного мастерства. В целом, кафиркалинские буллы являются ценным археологическим источником и находят аналогии в коллекции пенджикентских и мугских булл, которые датированы переходным этапом к раннему средневековью.

Большой и разнообразный набор гончарных изделий характеризуется преобладанием, пре-

жде всего, столовой парадной посуды, что вполне естественно для цитадели. VII в. н.э. был периодом больших перемен в гончарном производстве Согда. Именно в этом периоде появляются целые кварталы гончаров возле маленьких городищ и поселений, в том числе и на Кафиркале. Появляются богато украшенные новые формы сосудов, предназначенные для внешней торговли и знати. На Кафиркале появляются чаши, тарелки, кружки и кувшины, которые изготавливались в подражание металлическим образцам, так называемый «Сасанидский металл». А также на Кафиркале была широко распространена посыпка керамики слюдой, придававшая поверхности сосудов почти металлический блеск. Поверхность сосудов была богато украшена разным геометрическим и растительным орнаментом, а также налепами антропоморфных и зооморфных сюжетов.

Раньше большинство исследователей считали, что эти керамические формы были изготовлены в подражание сасанидским серебряным изделиям. Но, как показывают исследования последних лет, объектом подражания для кафиркалинских гончаров служила не сасанидская металлическая посуда, а местное, высокохудожественное согдийское серебро.

Археологические комплексы городища Кафиркалы с учетом стратиграфических наблюдений и анализа находок можно сгруппировать по следующим хронологическим этапам:

Первая половина VIII в. (III строительный горизонт).

Вторая половина (VIII в. - начало IX века (II строительный горизонт)).

Первая половина IX - конец X в. (I строительный горизонт).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Кафиркала была сожжена где-то между 712 и 738 гг., о чем свидетельствуют найденные здесь две медные монеты Тургара. Именно в это же время были сожжены документы, скрепленные буллами (III строительный горизонт).

Затем после недолгого запустения строительные остатки и горелый слой были сnivelированы, утрамбованы и на этом месте возведены сооружения II строительного горизонта. Сооружения II строительного горизонта погибли, по-видимому, в начале IX века. Об этом говорят найденные здесь серебряные аббасидские монеты в количестве 131 экз., которые датируются 806 г. нашей эры.

По-видимому, гибель II строительного горизонта связана с событиями 806 г., как известно, в том году в Средней Азии вновь вспыхнуло антихалифатское восстание. Во главе этого восстания стоял мятежный арабский военачальник Рафии ибн Лайс. Он захватил Самарканд и отсюда руководил восстанием.

Наместник Хорасана и Мавераннахра ал-Мамун принял ряд энергичных мер против восставших и с помощью ряда местных феодалов подавил восстание. Несомненно, жители Кафиркалы тоже не стояли в стороне от этого восстания и в итоге были жестоко наказаны. После этих событий цитадель была заброшена. Спустя некоторое время здесь вновь появились жители, но капитальных строений уже не возводилось.

Как показал архитектурный анализ, застройка цитадели Кафиркалы относится к кругу зданий дворцово-айванной системы планировки. Аналогичные здания известны в доисламской архитектуре Хорезма, Согда и других регионов. Такая планировка встречена как в культовых, так и в светских зданиях. Среди них можно отметить ближайшую аналогию в архитектуре дворца бухархудатов – Варахшы (Бухарский Согд) и храма Джартепа на территории Самаркандского Согда.

В заключении отметим, что обнаруженный на Кафиркале большой айван (вестибюль) с деревянными колоннами и суфами выделяется своей грандиозностью и монументальностью. Мы думаем, что городище Кафиркала расположено на месте раннесредневекового Ривдад. По сообщениям арабского географа ибн Хаукаля, он мог быть местопребыванием самаркандских правителей – ихшидов и здесь же находились ихшидские замки. Кафиркала является замком, в котором жили ихшиды, о чем свидетельствует мощная фортификация, парадная архитектура, высококачественная керамическая посуда, а также наличие многочисленных булл. Некоторые исследователи идентифицируют селение Ривдад с памятником Тали Барзу, расположенным на правом берегу канала Даргом. При этом исследователи забывают об одном важном сообщении ибн Хаукаля о том, что селение Ривдад входило в состав согдийского рустака Маймург,

границы которого ограничиваются левым берегом Даргома. Рустак Маймург был расположен между Даргомом и Шавдарскими горами, на современной территории Ургутского района Самаркандской области.

A.E. Berdimuradov, S. Mantellini and B. Matbabaev — Kafir Kala - the Rural Residence of the Samar-kand Rulers

This article presents the latest results of the Italo-Uzbek archaeological investigations at the citadel of Kafir Kala site. Here excavations led to the discovery of nearly 500 bullas used for administrative purposes and the majority of which were burned in a fire. The bullas can be divided into three main groups; the first type are anthropomorphic, the second — zoomorphic, and the third — with some kind of symbol. They are all dated to the first half of the 8th century when the site was burned, probably as a result of a military clash. According to the authors, Kafir Kala may be identified with the Early Medieval Rivdad, known to be the residence of the Ikhshids of Samarkand.

*Г.И. Богомолов
(Узбекистан)*

ИЗ ИСТОРИИ ЗОРОАСТРИЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Самаркандский Согд традиционно относится к регионам, где был распространен зороастрийский обряд погребения. Однако, кроме погребальных памятников кочевников-скотоводов, населявших окраины оседлых оазисов, некрополи оседлого населения Согда эпохи античности до сих пор не известны, хотя считается, что зороастрийский погребальный обряд распространяется здесь уже в первых веках до нашей эры. На весь регион экстраполируются указания письменных источников и материалы раскопок дахмы Еркургана. Не исключается вероятность одновременного сосуществования различных видов погребений. Тем более, что мест захоронений очищенных костей среди памятников античного Согда пока не обнаружено. В то же время два грунтовых погребения выявлены при раскопках Афрасиаба. Первое из них, видимо, V в. до н.э. сохранилось только частично. Большая часть могилы вместе со скелетом рухнула в обрыв. Другое погребение времени Афрасиаб II было расчищено в западной части городища. Сохранилась овальная камера, ориентированная по линии С-Ю и часть кирпичного заклада вдоль западного края погребальной камеры. Череп лежал в южной части камеры и возле него стоял кубок (Шишкина, 1969. С. 227-228). В эпоху раннего средневековья для Самаркандского Согда, как впрочем, и для всего Согда, ведущим типом погребальной обрядности становится обряд, состоявший из двух этапов: предварительное выставление трупов и затем захоронение очищенных от мягких тканей костей. Нередко кости помещались в специальные сосуды – оссуарии или однокамерные наземные сооружения – склепы – наусы, реже в грунтовые могилы.

Генезис самаркандских оссуариев и наусов остается открытым. Высказывались предположения, что по своему происхождению они связаны с Хорезмом, откуда в Согд пришла сама идея изготовления специальных емкостей для хранения очищенных костей, и форма – прямоугольные ящики со скатной крышей (Мкртычев, Наймарк, 1991. С. 66). Однако отнесение Хорезмийских оссуариев к начальному прототипу всех среднеазиатских оссуариев не является очевидным. Напротив, их датировка излишне занижена. Предложенная Ю.А. Рапопортом в свое время их датировка IV – II вв. до н.э. опиралась на находки оссуариев в окрестностях Койкрылганкалы, то есть временем основного функционирования памятника. Но руины Койкрылганкалы продолжали обживаться и позже во II – IV вв. н.э. Именно к этому времени, скорее всего, и относятся найденные здесь оссуарии.

Вероятно, в первые века н.э. в Согде, как и в Хорезме, активно разрабатывается идея необходимости помещения очищенных костей в специальные сосуды. Причем первоначально их помещали в крупные сосуды бытового назначения. В Бухарском Согде известны находки уже специально изготовленных хумов-оссуариев, где верхняя часть сосудов была украшена резным орнаментом или рядами сквозных стреловидных и щелевидных бойниц (Обельченко,

1959. С. 58). Параллельно с этим появляются прямоугольные оссуарии, прообразом которых, видимо, тоже послужила бытовая утварь – кожаные или деревянные сундуки. Прямоугольные оссуарии позже становятся ведущим типом для районов Центрального Согда и долины Кашкадарьи. Оформление внешних поверхностей сосудов отличалось большим разнообразием. Это налепные валики с зашипами, оттиски эллинизированных головок, процарапанные растительные и антропоморфные фигуры, а также штампованные композиции (например, со сценами божественной литургии, эсхатологическими сюжетами или просто изображениями богов). В это же время появляются овальные оссуарии. В Самарканде известны оба типа оссуариев. Вероятно, в IV в. между второй двойной и внешней крепостной стенами городища Афрасиаб, на месте опустевших к тому времени городских кварталов, возникает большой некрополь, где захоронения совершались в оссуариях и хумах. Кладбище функционировало до начала VIII в. (Пачос, 1973. С. 110-116). Позже при новом росте городской территории уже в арабскую эпоху пахсовые склепы – наусы были разрушены до основания, а оссуарии разбиты.

В истории любого общества погребальный обряд всегда являлся важной частью религиозных представлений и определялся верой в загробное существование. Изменяясь вместе с обществом, погребальный обряд отличается консервативностью, что делает его одним из устойчивых элементов традиционной культуры. Наличие же архаичных элементов, нередко восходящих к глубокой древности, придают обряду специфические черты.

Все это в полной мере касается зороастризма. Первоначально, особенно на ранних этапах развития религии, согласно собственным авестийским текстам, были известны и применялись различные виды погребального обряда: ингумация, кремация и выставление трупов. Однако уже в эпоху раннего средневековья предпочтительным становится обряд выставления.

Идеологическая основа погребального обряда и всего круга связанных с ним похоронно-поминальных и очистительных церемоний и ритуалов была обусловлена общей концепцией жизни и смерти. Как и в других древних религиозных системах в зороастризме эти представления о жизни и смерти теснейшим образом взаимосвязаны. Причем это не просто два полярно противоположных состояния, в зороастризме они воспринимались как составляющие этапы одного существования, выраженного общей концепцией: рождение (жизнь) – смерть – реинкарнация, то есть, возрождение в грядущем. Зороастрийский погребальный обряд прошел ряд этапов и отражал сложную мировоззренческую систему, где сохранялись следы ранних еще дозороастрийских представлений о подземном царстве мертвых – царстве Йимы, метемпсихозе, т.е. о переходе душ умерших во вновь рождающиеся существа. Последнее получило дальнейшее развитие в представлениях митраизма и манихейства, но еще раньше и новых догматических постулатах Заратуштры о возрождении праведников в новом обновленном мире после Страшного Суда. Так, в текстах раннего периода, например, в Гатах, вера в будущую жизнь как вознаграждение или наказание прослеживается нечетко. Но, видимо, базовыми были представления метемпсихоза – перевоплощения умершего в будущем. Так, в близкой индийской традиции считалось, что в течение года после смерти кости вновь облекутся плотью и соединятся с душой на небе.

Именно вследствие этих представлений плоть считалась нечистой и от нее следовало, как можно скорее, освободить кости. Наиболее действенным способом считалась кремация, когда тленная плоть быстро уничтожалась в пламени костра, а душа вместе с дымом устремлялась вверх на небо. Кости после кремации собирали и погребали в надежде на воскрешение. Именно поэтому обряд кремации получил широкое распространение от Европы до Индии и устойчиво сохранялся длительный период. Кстати, возможно, дым такого погребального костра, устремленный вверх, воспринимался как временная дорога-переход в другой мир, по которому живому существу из плоти путь заказан, но легко преодолим для невесомой, освобожденной от плоти души. И зороастрийской догматике этому переходу отведено особое значение. Это место суда над душами. Да и сам он стал мыслиться в виде моста Чинвато-перето (дословно переход – разлучатель), перекинутого с вершины первозданной горы Хара на небеса.

Еще большее распространение получила ингумация, т.е. погребение в земле. Наряду с кре-

мацией и выставлением об ингумации упоминается в Атхарваведе 18.2. (Лелеков, 1992. С. 195) и в более позднем Видевдате. Причем в Видевдате о погребенных в земле говорится, что через пятнадцать лет помещенные там трупы превращаются в прах (Лелеков, 1992. С. 197). Больше того, по мнению исследователей, речь идет именно об ингумации в ранних частях Авесты, когда единственный раз в Гатах (Ясна 30.7) всплывает мотив с намеками на тематику погребальной обрядности (Лелеков, 1992. С. 197). О погребениях в земле сообщается и в Яштах (например, Яшт. 13).

Видимо, первоначально в зороастрийском обществе существовали и потом еще долго сохранялись представления, что покойник для перерождения ввергается Матери-Земле, как прародительнице всего сущего. Эти еще дозороастрийские идеи отражены в Ригведе. где в одном из гимнов, обращаясь к земле, просят ее успокоить погребенного так, как мать укутывает сына в свои одежды (Ригведа 10, 11, 18). Следы этих представлений о Матери-Земле, о возвращении в ее лоно человека после смерти, восходящие к эпохе индоиранской общности, сохраняются в народных верованиях до сих пор (Литвинский, 1975. С. 255-256; Литвинский, 1981. С. 92-93). Видимо, проявлением этих же представлений был обычай раннесредневекового населения Узбекистана помещать оссуарии с очищенными костями в подземные склепы (Чач) или закапывать их в землю отдельными группами, рядами или цепочками (Хорезм, Чач).

О знакомстве зороастрийцев с ингумацией свидетельствует один из пассажей Видевдата, где красочно приводится угроза нечестивцу - «ввергнуть его во тьму Спента Армайити» (т.е. одному из божеств Амеша Спента, чей образ восходит к мифологеме Великой Матери-Земли, а в Младшей Авесте прямо персонифицирует Землю). Некоторые из исследователей рассматривают это как намек на один из распространенных в Иране и Средней Азии способов казни – закапывания виновного с головой в землю заживо. Известно, что к этому способу казни прибегали Камбис, Ксеркс и Варахран I. Вместе с тем это был и один из видов жертвоприношения богам. Геродот прямо указывает – закапывать жертвы живыми – персидский обычай. Тот же Ксеркс после удачной переправы через реку Стримона приказал принести в жертву 9 мальчиков и девочек, закопав их заживо. А его супруга Амстрида, достигнув преклонного возраста, в благодарность богу велела закопать живыми 14 сыновей знатных персов, видимо, все той же богине Матери-Земле (Геродот, VII, 114, 1972. С. 342).

Ту же цель – скорейшее очищение костей от мягких тканей преследовал обряд выставления трупов, который традиционно считается классическим и единственным способом погребения у зороастрийцев. О нем несколько раз говорится в Видевдате, одной из частей Авесты, где он противопоставляется ингумации и кремации (Видевдат 3, 9, 10, 6, 44). Выставление, как обычай присущий магам, упоминается у Геродота (Геродот, кн.1, 140, 1972. С. 56). Однако материалы археологии и письменные источники показывают то, что этот обряд не был присущ лишь зороастрийцам. О выставлении упоминается в Ригведе 8.51.2, неоднократно говорится в Махабхарате, Дхармасутрах и палийских текстах.

Самым ранним достоверным зороастрийским погребением английская исследовательница М. Бойс считает погребение ахеменидского наместника Лидии Артима, для которого в скале был высечен склеп-оссуарий около 400 г. до н.э. (Бойс, 1988. С. 74). Примерно этим же временем и немногим позже датируются старейшие наусы, относимые исследователями к зороастрийским, из Хорезма (Рапопорт, 1971. С. 38; Толстов, 1948. С.73-82) и Бактрии (Литвинский, Седов, 1983. С. 41-60, 111; Ртвеладзе, 1978. С. 113; Мейтарчян, 1999. С. 60-63, 84).

Вероятнее всего, истоки этого обряда связаны с возникновением тотемических и анимистических представлений, получивших дальнейшее развитие в идеях метемпсихоза, когда поедание умерших животными и птицами рассматривалось как обряд, обеспечивавший возможность возрождения умершего в тотемном существе, возврат его души к первопредку или просто переход его души в другое существо (Рапопорт, 1971. С. 27; Рапопорт, 1996. С. 73). Об устойчивости этих представлений свидетельствуют сообщения античных источников, что персы предают погребению тела умерших только после того, как их растерзают хищные птицы или собаки (Геродот, I, 10). То же самое сообщает Онесикрит о бактрийцах (Страбон, XI, II, 3), Помпей Трог – о парфянах (Юстин, XLI, 3, 5), а информаторы об обычаях маздеистов начала

XX века полагают, что считалось хорошим признаком, если коршун выклюет сначала правый глаз покойнику – «значит умерший попадет обязательно в рай». Причем родственники следят за птицами через щели в ограде (Терапиано, 2002. С.273). Видимо, предпочтительное отношение к птице в позднем зороастризме отражает не столько осуждение использования собаки окружающим мусульманским населением (Мейтарчиан, 1999. С. 106), сколько старой традицией, согласно которой птицы более всего пригодны для очистки трупов. Так как считалось, что, поднимаясь к небу, они очищаются солнечным светом. В пехлевийском Дадастан-и Дениг так и говорится – «ворона и подобные ей посредством опаления огнем (лучей) светила становятся достойной». Вероятно, именно эти представления послужили толчком к появлению изображения птиц на оссуариях. Иногда это павлины, чаще – обобщенная фигурка птицы в виде ручки на крышке оссуария.

В распространении обряда выставления в Средней Азии к эпохе раннего средневековья существенное значение имела доминирующая роль зороастрийских верований, где он все больше становился признаком конфессиональной принадлежности. Часть современных исследователей считает доктринальным обоснованием этого обычая стремление предохранить священные стихии – землю, воду, огонь и воздух от осквернения мертвым телом. Отсюда отказ от кремации и погребения в земле. Вероятно, в их осуждении проявилась борьба зороастрийского жречества с дозороастрийскими языческими представлениями, согласно которым придание тела земле ассоциировалось с отправлением души в подземное царство Йимы. Зороастрийцы стали помещать под землей ад, где вечно темно, мерзко, холодно и дайвы мучают души грешников.

Еще одним преимуществом выставления считалось то, что в этом случае душе умершего легче было найти путь к мосту Чинват и подняться вверх по солнечным лучам. Тогда как при погребении в землю эта возможность затруднена: душа получала мало шансов подняться вверх, к свету и найти свой путь в небеса (Бойс, 1975. С.328). По мнению других исследователей – главным было сохранение костных останков как неперемного условия воскрешения за гробом (Лелеков, 1992. С. 197). С этим же тесно переплетается идея загробного суда за свой выбор и поступки, и последующее воскрешение в грядущем обновленном мире. Причем для этого вовсе не надо было сохранять скелет полностью, достаточно было даже небольшое количество костей. В более позднем Бундахишне уже говорится о способности Ормузда (Ахурамазды) воссоздать из стихий полностью исчезнувшие элементы человеческого тела (Рапопорт, 1971. С. 8). Вместе с тем уже в Видевдате появляется идея, что земное существование это всего лишь временное пристанище, а настоящая жизнь ожидает только после смерти.

Все это показывает, что зороастрийская погребальная обрядность - сложная система представлений, связанных с разработкой веры в конечное воскрешение. Главная задача погребального обряда – очищение тела и души умершего, помощь ей в обеспечении лучшей участи и, самое главное, достойного возрождения. Оссуарии, в том числе и Самаркандского Согда, становятся практическим воплощением эволюции идеи о воскрешении умерших в день всеобщего Последнего Суда и о вечной жизни воссоединившихся души и тела. Видимо, поэтому ряд сцен на оссуариях (из Красной Речки, Муллакурмана) были призваны проиллюстрировать картины фраша-керети – будущего конечного воскрешения и эсхатологического очищения Мира.

Использованная литература

- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 1. Leiden-Köln, 1975.
Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. Послесловие Э.А. Грантовского. М., 1988.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. и примечания Г.А. Страгановского. Л.; 1972.
Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. М.,1992.
Литвинский Б.А. Памирская космология (опыт реконструкции) // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. М., 1975.
Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983.
Мейтарчиан М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.,1999.
Мкртычев Т., Наймарк А. Оссуарии // Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М.,

1992.

Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.

Пачос М.К. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1977 году // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1977.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии). М., 1977.

Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма. Некоторые итоги исследований // Этнографическое обозрение. 1996, №5

Ртвеладзе Э.В. Дальверзинский наус // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Терапиано Ю. Маздеизм. Современные исследователи Зороастра. – Катехизис зороастризма. Древняя религия магов. Пер. с англ. С.П. Евтушенко. М., 2002.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

G.J. Bogomolov - From the History of Zoroastrian Funeral Rite

The Samarkand Soghd was known as the region, where Zoroastrian burial customs were prevalent during the pre-Islamic times. This article is devoted to study of some problems of burial rites. According to it, the bodies of dead were exposed at special places, where they were removed of the flesh. Then the purified bones were collected and moved to family storage buildings (nauses) or placed to big jars and ossuaries. That funeral rite represented a complex system that related to the cultivation belief of the final resurrection. The main aim of the funeral rite was a purification of body and soul of dead, helped to it attain a better future in revealing future life.

*A.A. Раимкулов
(Узбекистан)*

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ РЕЛИГИЙ САМАРКАНДА (ХРИСТИАНСТВО)

Интерес к исследованиям истории христианства в Средней Азии продолжается на протяжении более ста лет. Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о значительном распространении этой религии среди населения древней Средней Азии, в том числе и Самарканда.

В истории восточного христианства Согд, а в истории Согда христианство играли особую роль. Находясь на перекрестке торговых и культурных трасс, соединяя высокоразвитые области Запада и Востока, северного кочевого мира и цивилизованного юга, имея благоприятное географическое и демографическое положение, эта веротерпимая страна в течение нескольких столетий играла выдающуюся роль в развитии и распространении христианской религии в Центральной Азии и Китая.

До проникновения ислама народы Согда, часть которых исповедовали огнепоклонничество, зороастризм, манихейство, маздакизм, а также разные языческие культы и шаманизм, начали принимать и новую религию - христианство.

В течение более тысячи лет несториане, мелькиты, яковиты и другие являлись участниками самобытной цивилизации Центральной, в том числе и Средней Азии, оказывая прогрессивное влияние на формирование ее облика и индивидуальных особенностей.

Христиане – ученые, получившие блестящее образование в раннесредневековых сирийских институтах, образованных на основе античной греческой философии, математики и медицины, заняли особое место в развитии среднеазиатской философии, математики и медицины, в формировании местной научной общности, к которым принадлежали такие гиганты мировой науки, выходцы из Средней Азии, как Абу Райхан Беруни, Абу Али Ибн Сина (Авиценна), Абу Наср аль-Фараби, аль-Хорезми, аль-Фергани и многие другие.

Письменные исторические источники выявляют широкое распространение христианства, христианских диаспор, ученых, имена отдельных проповедников и наставников, церквей и монастырей, о политических взаимоотношениях к христианству и христианам Средней Азии (Бартольд, 1964, 1968; Пигулевская, 1979; Булгаков, Вахабова, 1978; Багирова, 1987; Ibn Nauqal, 1964).

В 431 г. на Эфесском и в 451 г. на Халкедонском соборах происходит раскол восточной

Сирийской церкви (несторианской) и Константинопольской православной. Обвиняемые в ереси несториане подверглись гонениям и переселились на восток, где нашли приют в Нисибине, являвшемся одним из древних культурных центров Сирии и находившемся в это время под властью Сасанидов.

Среди несториан было очень много государственных деятелей, дипломатов, ученых, врачей, юристов, теологов, философов и специалистов в различных отраслях техники. Несторианские купцы активно действовали в международной торговле по Великому шелковому пути. По этому пути за ними шли миссионеры и проповедники, которые распространяли свою религию на огромной территории Средней, Центральной Азии и Китая. В отдельные, неблагоприятные периоды гонений в Сасанидском Иране несториане большими группами - общинами, составлявшими до нескольких сот человек, переселялись на Восток. Таким образом, в Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае появились христианские диаспоры - селения и кварталы в городах.

После арабского завоевания из домусульманских религий Средней Азии сохранилось лишь христианское вероисповедание, так как ни в Коране, ни в хадисах, ни в проповедях мусульманских наставников не было ориентации, направленной против христиан, а ее пророк Иисус Христос всегда упоминается в Коране с большим уважением как Иса Алайхиссалам.

Одним из таких центров несторианства на территории Средней Азии являлся и столичный город Согда - Самарканд, где уже в V в. была утверждена митрополия и отмечавшаяся еще в IX-XII вв. (Никитин, 1984).

Арабский путешественник Абуль Касым ибн Хаукаль в X в. на юге Самарканда, в горной местности Шавдар встретил иракских христиан. Их селение называлось Вазкард, где имелись церковь, монастырь и кельи (Ibn Nauqal, 1964. P. 478; Бетгер, 1957. С. 18). Марко Поло упоминает церковь Св. Иоанна Крестителя в Самарканде, построенную во второй четверти XIII в. По нашему мнению, эта церковь существовала очень недолго, поскольку согласно Джузджани, «он (имеется в виду золотоординский хан Беркай, который наследовал власть в 1257 г. - Р.А.) лично посетил Бухару и оказал большие почести ученым этого города. По его распоряжению были строго наказаны христианские жители Самарканда, которые совершали беззакония по отношению к своим мусульманским согражданам и их церковь была разрушена» (Бартольд, 1968. С.503-507).

Как сообщает В.Л. Вяткин, в «Малой Кандии» говорится о подземных катакомбах в Самарканде, использовавшихся как святилища (Вяткин, 1906.С. 206).

Археологические исследования на Афрасиабе и на памятниках Самаркандского региона также подтверждают, широкое распространение христианской религии. При строительных работах в Самаркандском Регистане были обнаружены подземные сооружения. На глубине 4,5-5,5 м зафиксировано несколько прямоугольных сооружений из жженого кирпича, внутри которых имелись человеческие кости. Около одного из останков найден металлический крестообразный инвентарь. Рядом с этим сооружением вычищено одно помещение, на полу которого из майоликовых жженных кирпичей был выстлан крест. По мнению авторов раскопа, эти сооружения являлись погребениями и частью церкви христиан несторианского толка. Они датируются IX-XIII вв. (Бурякова, Буряков, 1973. С. 209-210).

На Афрасиабе, в раскопе 31, где выявлены остатки одного домовладения, найдено подвальное помещение, в котором обнаружены терракотовый очаг со штампованным орнаментом в виде стилизованного несторианского креста и миниатюрные медицинские сосуды - реторта и аламбик. Домовладение датировано IX-X вв. (Гулямов, Буряков, 1969. С. 277-278).

Недавно нами была обследована небольшая часть крупного пещерного комплекса на западной окраине городища Афрасиаб. Пещерный комплекс находился под крепостными стенами городища и вырублен в естественном лёссе под культурными слоями городища, на глубине около 10 м от современной поверхности. Комплекс состоит из десятков узких, вытянутых помещений, расположенных параллельно в коридорно-гребенчатом порядке. Установленная длина пещерного комплекса достигает пока более 80 м.

Комплекс двухчастный. Южная часть его более «парадная». Здесь подземные помещения

расположены с двух сторон от центрального коридора. В западной части от коридора имеются четыре помещения, расположенные гребенчато, а в восточной части - два. Все четыре западных помещения были полностью засыпаны очень рыхлым грунтом еще в древности

Северная часть комплекса имеет несколько иную планировку. Здесь помещения расположены тоже гребенчато, но соединяющий их коридор отсутствует. В отличие от помещений южного комплекса они почти в два раза длиннее - 16-19 м при ширине от 07- до 2,5 м и соединены между собой узкими искривленными ходами шириной 60-80 см, проходившими по их середине. Здесь западная часть некоторых помещений до потолка была специально засыпана рыхлым грунтом.

Время появления пещерного комплекса пока не уточнено, поскольку в нем археологические раскопки не проводились. При разведочных работах отмечена керамика с VIII-IX по XIII-XIV вв. Видимо, пещерный комплекс появился после разрушения крепостных стен Афрасиаба, т.е. во время монгольского владычества. Исходя из того, что монгольское время является временем активизации христианской религии на территории Средней Азии и в это время в Самарканде была построена церковь, упомянутая в дневниках Марко Поло, то, видимо, пещерный комплекс просуществовал до тимуридского периода. На последнем этапе функционирования многие, видимо, в основном культовые помещения, были заполнены рыхлым грунтом. Пещерный комплекс, возможно, являлся крупным подземным монастырем древних несториан Самарканда (Раимкулов, 1999). В период его существования Самарканд, как город, функционировал уже к югу от Афрасиаба, т.е. комплекс, как, практически и все христианские монастыри, находился вне города.

Многие археологические памятники, связанные с христианством, сосредотачивались в Ургутском районе Самаркандской области. На месте христианского селения Вазкард, упомянутого Ибн Хаукалем, в настоящее время существует кишлак Суфиён к востоку от города Ургут. В центре кишлака на вершине высокого естественного холма археологами обнаружены остатки христианской церкви из жженого кирпича. Недалеко от кишлака, в местности Кызылкая (красная скала—Р.А.) имеются наскальные процарапанные сирийские надписи с более чем десятка изображений несторианского креста.

Между Самаркандом и Ургутом, на берегу старого русла Даргома, близ кишлаков Акмачит и Утамас во время раскопок на памятнике Коштепа был обнаружен христианский храм со святилищем округлой формы. Среди археологических находок встречен фрагмент венчика хума с тремя оттисками печати, изображавший обряд крещения (Исаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977. С. 93).

После прекращения существования данного храма на его руинах построено монументальное здание, от которого «... в южной части сохранились остатки крупного помещения со стеной в виде полукруга, выявлены основания колонн из уплотненной лёссовой глины и крупных булыг. Вероятно, на втором этапе эта часть памятника была большим открытым на юг навесом» (Исаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977. С. 90). По всей вероятности, это полукруглое помещение не является открытым навесом, а скорее всего, остатком абсиды трехнефной церкви с колоннами, поскольку топография самого памятника Коштепа I (длина 50 м, ширина в самом широком месте 18-20 м) позволяет сделать такой вывод.

Близ города Ургута найдено бронзовое кадило с изображениями встречи Сария и Елизаветы при зове на молитву, рождения и распятия Иисуса Христа и т.д. (Залеская, 1972).

Недавно на территории городища Рабинжан, являвшемся остатками средневекового города Арбинжан, расположенного на территории Каттакурганского района Самаркандской области, была найдена уникальная керамическая плакетка с изображением «мальтийского креста», которую можно датировать в пределах X-XII вв. Эта находка свидетельствует о новом местонахождении христианского населения средневекового Самарканда.

Использованная литература

- Багирова С.Г. Сочинение «Татимма сиван ал Хикма» ал Байхаки как образец средневекового энциклопедического справочника. Ташкент, 1984.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Сочинение. Том II. Ч. 2. Москва, 1964.

- Бартольд В.В. Статьи из „Энциклопедии ислама„ Беркай// Сочинение. Том V. М., 1968.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны Абуль-Касыма ибн Хаукаля// Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Археология Средней Азии, Том. IV. Ташкент, 1957.
- Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969-1971 гг.)// Афрасиаб, Вып. II. Ташкент, 1973.
- Булгаков П.Г., Вахабова Б.А., Средневековые ученые из Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XVI. Ашхабад, 1978.
- Вяткин В.Л. Малая Кандия // Справочная книжка Самаркандской области, Вып. VIII. Самарканд, 1906.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф., Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб, Вып. I, Ташкент, 1969.
- Залеская В.Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута// Средняя Азия и Иран. Ленинград, 1972.
- Исаков М.М., Ташхождаев Ш.С., Ходжайов Т.К. Раскопки Коштепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13, Ташкент, 1977.
- Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии// Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века // М., 1979.
- Раимкулов А.А. Пещерные архитектурные сооружения Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 1999.
- Ibn Nauqal., Configuration de la terre (Kitab surat al-ard)// Introduction et traduction, avec index par J.H.Kramers et G. Wiet, tome II, Bayrouth - Paris, 1964.

A.A. Raimkulov - From the History of Ancient Religions of Samarkand (Christianity)

The article is about the written data and archeological materials from Afrasiab, Koshtepa (Urgut region), Rabinjan site (medieval city of Arbinjan), which vividly proof the fact of spread of Christianity among the population of these places and settlements in the 7th-13th centuries. According to the author, not far from Koshtepa there existed a Christian church. A unique ceramic work (fragmented) representing the “Maltian Cross” from Rabinjan testifies the fact there was a settlement confessing Christianity in medieval Samarkand region.

*A.A. Грицина, И.Д. Иваницкий
(Узбекистан, Германия)*

КИРТИМУКХА ИЗ АФРАСИАБА

В 2002 г. при раскопках дворца Насра бин Сайра и так называемого Северного дома была найдена керамическая плакетка с изображением т.н. Киртимукхи¹. Она находилась в мощных натеках, образовавшихся в проходе, а точнее, узкой улице, разделяющей строения. Натёки образовывались в течение длительного периода, после того, как в 70-х годах VIII в. дворец был заброшен. Кроме плакетки, в натеках найдено достаточно много керамики, в том числе слив от сосуда в виде головы быка с лунным символом и фрагмент кружки с оттиснутыми изображениями граната со следами обсыпки слюдой. Все эти находки по аналогиям из самого городища достаточно уверенно датируются первой половиной VIII в. н.э. (Грене, Грицина, Иваницкий, 2003. С. 51-53; Буряков, Грицина, 2006. С. 71).

Центральное изображение, которое выдвигается из основания плакетки, сохранилось полностью. Само изображение, скорее всего, оттиснуто в матрице, а потом прилеплено к заранее подготовленному основанию и только потом были нанесены «перлы» вокруг него. Основание представляет собой плоскую плитку толщиной 0,5 см. Плакетка изготовлена из хорошо отмученной глины без посторонних примесей, качественного обжига. При этом плохо отпечатавшиеся части были подправлены стеклой. Поверхность светло-коричневого цвета. С тыльной стороны сохранились следы от пальцев рук мастера, выравнивавших или придерживающих поверхность при нанесении на нее штампа. Оттиск имеет подтреугольную форму, которую повторяет бордюр из продавленных «перлов» (в отличие от других известных изображений, где перлы выполнены в виде шаровидных налепов). Образ представлен в виде львиноподобного существа, с «надутыми» щеками, грубыми носом и губами, с четко выделенными клыками, борода показана вьющимися прядями волос. При этом активно использовался мотив пальметты, а также Г-образные фигуры и «перлы», которые венчают изображение (рисунок). Средняя и нижняя часть морды слегка повреждена, тем не менее, отпечаток очень четкий и по качеству исполнения может сравниться с известным налепом из Пенджикента и отнесен к

образцам «изысканного орнаментализма» (Мешкерис, 1989. С. 302).

Особенностью нашей находки является то, что она являлась не на лепом, а плакеткой и могла прислоняться к стене или подвешиваться.

Подобная плакетка могла также подкладываться под подушку, как, согласно этнографическим данным, подкладывались стручки перца или острые предметы с охранной целью. Но в любом случае наша находка по качеству художественного оформления и завершенности идейной миссии может быть отнесена ко времени расцвета культур стран Среднеазиатского Междуречья во второй половине VII - начале VIII в. н.э. (Маршак, 1971).

Считается, что образ этот был заимствован из индийской иконографии и начал широко распространяться, начиная с кушанского времени (Маршак, 1971. С. 59). Назначение его магически-заклинательное, направленное против врагов, сглаза и т.п. (Пугаченкова, Ремпель, 1960. С. 147). Есть предположение, что появление гротескных изображений связано с внедрением кочевнических элементов в сферу пластического искусства. Это возможно по отношению к предметам малой пластики Согда, но не изображениям Киртимукхи (Абдуллаев, 1980. С. 18), которые в рассматриваемое время выполнялись на очень высоком техническом и художественном уровнях. Малоубедительными кажутся сравнения с Медузой Горгоной, как достаточно отдаленным и чуждым образом, и образом индийского божества Асура Раху (Богомолов, 1995. С. 155) - более «молодого» и иконографически менее распространенного как в самой Индии, так и за ее пределами. Другое дело, «страшная голова» Киртимукхи (что означает «прославленный лик»), которая постоянно находится над входом в храмы Шивы и других индийских храмов и должна была отстранять от них всякое зло (Мончадская, 1960. С.129-130). Все же нам представляется наиболее плодотворной точка зрения, высказанная еще первыми исследователями о том, что эти изображения являются демонами, известными по настенной живописи, предметам торевтики, керамики, а также древним образам мифологии (Мончадская, 1960. С. 129-132; Муродов, 1979. С. 28-88). Поскольку у согдийцев не был выработан собственный обобщающий иконографический образ демона, они использовали этот, удачно воплощая в нем свои древние религиозные представления.

Другой находкой, как нам кажется, также из круга оберегов, является изображение «страшной» личины на фрагменте жженого кирпича из дворца Насра бин Сайара. Личина выведена пальцем руки еще до обжига по сырой глине, достаточно схематично и без глаз. Однако устрашающий вид и свирепость переданы весьма выразительно. Возможно, отсутствие глаз связано уже с мусульманскими веяниями, предписывающими избегать взглядов идолов и человеческих изображений. Именно поэтому в настенных росписях Самарканда и других городов завоеватели-мусульмане выкалывали человеческие глаза. Подобными кирпичами был выстлан пол дворца Насра бин Сайара, их размеры составляли около 44x38x6 см. Поскольку дворец возводился согдийцами и в традициях согдийской архитектуры (Грене, Иваницкий, 2000. С. 66, 68-69), видимо, кто-то из местных строителей, следуя древним представлениям, использовал при строительстве этот кирпич с охранной целью.

Примечания

¹Работы проводились в рамках совместной Узбекистанско-Французской экспедиции. Руководители экспедиции проф. Ф. Грене и проф. М.Х. Исамидинов. В раскопках принимала участие сотрудник Государственного музея-заповедника г. Самарканда Е. В. Лушникова.

Использованная литература

- Абдуллаев К. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.
- Богомолов Г.И. О некоторых образах народных представлений раннего средневековья // ОНУ. 1995. 5-6-7-8.
- Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Мавераннахр на Великом шелковом пути. Самарканд; Бишкек, 2006.
- Грене Ф., Иваницкий И.Д. Дворец омейядского наместника под аббасидской мечетью на Афрасиабе // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения док. ист. наук Б.Д. Кочнева. Самарканд, 2000.
- Грене Ф., Грицина А.А., Иваницкий И.Д. Раскопки дворца Насра бин Сайра // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
- Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
- Мончадская Е.А. Глиняный налеп с пенджикентского оссуария. (К вопросу об оберегах в Средней Азии) // Труды Академии наук Таджикской ССР, Т. СХХ, 1960.
- Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнографические исследования к истории религии и атеизма). Душанбе, 1979.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.

A.A. Gritsina, I.D. Ivanitski - Kirtimukha from the Afrasiab Site

The article is devoted to plaque finding with the image of characters from the Hinduism mythology found at the site of Afrasiab. The image of Kirtimukha was borrowed from Indian iconography and gradually, beginning from Kushan period, penetrated into central districts of Central Asia. Most expressive samples of such a furious face image were found in Penjikent and Samarkand. According to the material, plaque (tile) is dated to the second half of the 7th-first half of the 8th century A.D. and was used as a symbol, which should have protected members of family from evil forces.

*М. Хўжаназаров
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНД АТРОФИДАГИ ҚАДИМГИ САНЪАТ ОБИДАЛАРИ

Самарқанд шахри ва унинг атрофларида тоғлар ён бағирлардан оқиб тушаётган Оҳаклисой, Севасой, Илонлисой, Окбўйрасойда энг қадимги санъат дебочаси бўлмиш қоятош суратлари топилган. Ибтидоий ва тасвирий санъатнинг ушбу илк намуналари Самарқанд қадимий тарихининг бир бўлагидир.

Ибтидоий санъат бутун дунёдаги каби Ўзбекистонда ҳам юқори палеолит (милоддан аввалги 45-15 минг йилликлар) давридан бошлаб шакллана бошлаган. Тасвирий санъат билан бир вақтда ашула, рақс, мусика, шунингдек, пантомима каби санъат турлари пайдо бўлган. Бу ибтидоий санъат намуналари кейинчалик (мезолит, неолит, илк темир ва ўрта асрларда) янада ривожланиб борди.

Қоятош расмлари мазмунан қадимги кишиларнинг турли эътиқодлари, касб-хунарлари билан чамбарчас боғлиқдир. Масалан, одамлар тошга ишланган ҳайвон тасвирлари овнинг ўнгидан келиши ёки чорванинг кўпайишига ёрдам беради, деб ишонишган. Ундан ташқари улар овчилик, чорвачилик ва бошқа касблар билан шуғулланганлигини ва ўша замон ҳайвонларини турлари нақадар бой бўлганлигини шу расмлари орқали баён этишган. Тарихий даврларнинг кейинги босқичларида ҳам бу санъат уруғчилик тузумидан қолган эътиқод ифодаси сифатида давом этаверди.

Қоятош расмлари реалистик санъат намуналари эканлиги учунгина эмас, шу билан бирга улар ўша давр одамларининг фикрлаш даражасини ифода этиши билан ҳам қадриlidir. Фикрлаш, маслак, жамият моддий шароитларига боғлиқ бўлади. Бинобарин, мазкур обидалар ана шу моддий шароитлар келтириб чиқарган тарихий давр маданиятини англашга ёрдам беради.

Қоятош расмлари орқали қадимги воҳаларни, сув ва қуруқлик йўлларни, ўтроқ ҳаёт вужудга келгандан кейин барпо қилинган муҳим манзиллар, шаҳар, қаср ва қалъаларни билиб олиш мумкин.

Самарқанд атрофидаги Қоратепа, Чакаликалон, Ғўбдин ва Оқ тоғ ён бағирларида кўплаб қоятош расмлари борлиги аниқланган. Булар, бу жойларда қадимдан одамларнинг манзиллари бўлганлигини, улар овчилик ва чорвачилик билан шуғулланганлигидан хабар беради. Аммо бу ёдгорликлар жуда кам ўрганилган. Юқорида қайд этилган тоғлардан неолит даври манзилгоҳлари, ўрта асрларга тааллуқли тепалар, қишлоқ ўринлари, мазор-кўрғон, шу жумладан кўплаб қоятош расмларини археологик мажмуа сифатида ўрганишга киришилди ва уларнинг археологик харитаси тузилди (Хўжаназаров, 1992. 3-10-б.).

Самарқанддан 15-18 км жанубда жойлашган, Оҳаклисой, Илонлисой ва уларнинг атрофидаги Бўрибўйи, Сандиктош, Тамғатош, Сангидара, Қатортут, Бойчакосой қоятош расмлари фанга 1936 йилдан бери маълум. Бу ердаги баъзи суратларни 1936 йилда И.А. Сухарев раҳбарлигидаги археология экспедиция аъзолари қисман ўрганишган. И.А. Сухаревнинг ёзишча, бу ердаги қоя тошларига одамлар, уларнинг қўллари, тоғ эчкилари, архарлар, буғулар, итлар, илонлар, туялар, милтиқ ва тушунарсиз нарсаларнинг тасвирлари ўйиб чўкичланган. У расмларнинг ишланиш услубини, қуёшда куйишини ҳисобга олиб, уларнинг энг қадимгилари милоддан олдинги биринчи минг йилликда, қолганлари эса милоднинг биринчи минг йиллигида уриб чўкичланган бўлса керак, деган фикрни ёзган (Сухарев, 1938. С. 61-67).

Бундан ташқари И.А. Сухарев бу ерда яшовчи маҳаллий аҳолидан этнографик маълумотлар тўплаган ва ёзиб олган. Уларнинг хикояларига қараганда, Илонлисой «илонлар шоҳига қарашли ер бўлиб, у бу ерларни бошқарган. Улар бу жойларни бутунлай тарк этмагунча одамлар бу ерларга кела олмаганлар». Бу афсонанинг халқ орасида юриши қисман ҳақиқат бўлиб, бу жойларда ҳақиқатан ҳам ҳар хил турдаги илонлар кўплаб учрайди. Илонларни бу ерларда кўплигини ҳисобга олиб, улардан одамлар эҳтиёт бўлишини билдириш учун бўлса керак бу жойлар «Илонлисой» деб аталган.

Илонлисой ва Оҳаклисой расмлари тўғрисида зоолог Г.В. Шацкий ҳам ўз фикр ва мулоҳозаларини ёзиб қолдирган. Унинг мутахассислиги зоолог бўлгани сабабли бу расмларни чорвачилик соҳаси ва ҳайвонларни ов қилиш, қўлга ўргатиш томонларига кўпроқ эътиборини қаратган (Шацкий, 1973. С. 70-133). У расмлардан фотосуратлар ва кўчирмалар олган, лекин мутахассис бўлмаганлиги учун суратга олишда аҳамиятини йўқотган эски услублардан фойдаланган. Яъни, у расмларни бўр, тиш пастаси, рангли клей билан бўяб, сўнг суратга олган ва ундан кўчирма олишда фойдаланган. Бундай услуб расмларнинг асл нусхасини бузади, унинг мазмунига путур етказди, урилиш техникасини текширишга ҳалал беради. Оқибат натижада қоя тош суратларини ўрганиш ишига зарар келтиради, ҳатто баъзи тасвирларнинг умуман йўқ бўлиб кетишига ҳам олиб келади. Баъзи бир суратлар тош сиртига шунчалик сингиб кетганки, уларни чизиб олиш анча қийин. Лекин, бу расмлар куннинг маълум бир вақтида албатта кўзга яхши ташланади. Баъзи ҳолларда сурат сиртига ювилиши мумкин бўлган бўр суртиб расмга олса ҳам бўлади, аммо фотосуратдан кейин тошнинг сирти албатта ювиб ташланиши шарт.

Оҳакли қишлоғининг жануби-ғарбий қисмида, сойнинг ўнг ирмоғида «Шоҳ тош» деб аталган тошнинг тагида неолит даври ёдгорлиги жойлашган. Шу ёдгорликдан 1-1,5 км жануби-ғарбда жойлашган улкан гранидиорит тоши сиртидан милоддан олдинги I минг йиллик ўрталарига оид бир неча суратлар топдик. Бу расмлар тошнинг юқори ва ўрта қисмида жойлашган. Расмлар ранги тошнинг сирти рангидан фарқ қилсада, уларни ажратиб олиш жуда қийин. Чунки улар қуёш нури ва бошқа табиат ҳодисалари таъсирида жуда қорайиб, ҳатто бузилиб кетган. Бу тошдаги тўртта суратда, асосан геометрик шакллар акс эттирилган. Тошнинг юқори қисмидаги расм ромба шаклини эслатади. Афсуски, унинг юқори қисми синиб тушганлиги учун уни тўлиқ қандай шаклда эканлигини айтиш қийин. Унинг ўртасида айлана чизилган, ундан йўналтирилган чизиклар «ромб»нинг чеккаси билан туташтирилган. Унинг пастадаги қолган учта расм ҳам мавҳум нарсаларнинг тасвирларидир. Фикримизча, бу расмлар оғизлари ҳар хил нарсалар билан беркитилган хумларни эслатади. Уларнинг ўрта қисмидан ҳар иккала томонга чиққан чизиклар уларни кўтариш учун боғланган арқон иплар бўлиши мумкин. Уларнинг бирининг юқори қисмида бешта панжа шаклидаги чизикчалар, қандайдир маънони англатиш учун чизилган бўлиши керак. Бундай шаклдаги расмлар Марказий Осиёдан топилган бошқа суратлар орасида учрамайди. Шунинг учун ҳам улар тўғрисида ҳозирча бирон

аниқ фикр айтиш жуда мушкул. Лекин уларнинг чизилиш услуби, урилиш техникаси, куёш нурида қорайиши бошқа жойлардаги милоддан олдинги биринчи минг йиллик ўрталарида чизилган расмлардан фарқ қилмайди.

Бу жойдан 500 м жануби-шарқда Оҳаклисойнинг ўнг ирмоқларидан бири Бузуксойда ҳам милоддан аввалги I минг йилликка тааллуқли тоғ такалари, отлар, ўрта асрларда чизилган эчки, от, туя ва одам расмлари оддий схематик тарзда уриб чўкичланган. Шу сойнинг шарқий қисмида жойлашган Оқбўйрасой қоя тошларида ҳам Бузуксойда учратилган расмларга ўхшаш ҳайвон ва одам тасвирлари уриб чўкичланган.

Илонлисойнинг I минг йилликка оид расмлари бошқа сойлардагидан қисман бўлсада фарқ қилади. Улар жуда жонли ва ҳаракатчан қилиб ишланган. Уларнинг кўпчилиги силуэт услубида, ўз касбининг уста рассомлари томонидан уриб чўкичланган. Расмларнинг асосий мавзу ва мазмуни овчилик, чорвачилик билан боғлиқ. Бу далилларни шу даврдан қолган моддий-маданий ёдгорликларда ҳам, қадимги грек, лотин, хитой тарихчилари ва сайёҳларининг йилномаларида ҳам учратиш мумкин. Қоятош расмлари ҳам бу далилларни исботлайди. Худди шунга ўхшаш тасвирлар республикамизнинг бошқа жойларидан, яъни Тожикистон, Қирғизистон, Қозоғистон ҳудудларидан ҳам топилган.

Бу ерда ўрта асрларга тааллуқли оддий схематик тарзда ишланган уй эчкилари, отлар, туялар, итлар, илонлар, от, эшак минган чўпон ва подачилар, араб ёзувлари, геометрик чизмалар, XVI асрда пайдо бўлган милтиқлар одам қўллари тасвирланган. Уларнинг асосий мавзуси уй ҳайвонларини боқиш билан боғлиқ. Расмларнинг мавзусига қараганда бу пайтда от ва эшак миниб молларни боқиш анча ривожланган. От ёки эшак устидаги чўпонларнинг, оёқлари кўрсатилмаган, қўлларида узун чўпон калтаклари, қамчилари акс эттирилган.

Илонлисой расмлари орасида араб-куфий ёзувида битилган беш қатор ёзув киши диққатини тортади. Улар жуда уста рассом томонидан бу ердаги тик тошнинг сиртига уриб чўкичланган. Бу ёзувларни ўқиган академик М.Е. Массоннинг ёзишига қараганда, улар Қуръон оятларидан бўлиб, XII-XIII асрларда битилган. Баъзи маълумотларга қараганда, бу ёзувлар сомонийлар даври билан боғлиқ. Уларнинг ёнидаги ётиқ тошларда (горизонтал), икки катта айлана ва уларнинг ўртасида уйнинг режасига ўхшаш чизманинг ичида яна икки айлана чизилган. Айланаларнинг катталиги ҳар хил бўлиб, ўрталарида айлана чуқурчалар чизилган. Булар қурбонлик қонлари йиғиладиган чуқурчаларни эслатади. Улар билан биргаликда эчки ва илон расми ҳам тасвирланган. Бу сураатларнинг ишланиш техникаси, куёшда қорайиши бир хил. Афтидан, улар ҳам эпиграфик ёзувлар билан бир вақтда уриб чўкичланган.

Юқорида баён этилган ёдгорликлар, бизга Самарқанд атрофида қадимдан тасвирий санъатнинг илк намуналари бўлиши қоятош расмларининг асрлар оша қандай ривожланганлигидан хабар беради. Бизнинг вазифамиз бу ёдгорликларни асраб-авайлаб келгуси авлодга қолдириш мақсадида бу ҳудудда кенг археологик ишларни олиб бориш, уларни давлат муҳофазасига ўтказиш, қаровсиз қолган ва таъмир талабларини таъмирлаш, уларни илмий жиҳатдан ўрганиб, альбомларини яратишдан иборат деб ҳисоблаймиз.

Фойдаланилган адабиётлар

Хужаназаров М. Наскальные изображения Узбекистана. Ташкент. 1992.

Сухарев И.И. Наскальные изображения Илансая // СНТ. Ташкент. 1938, № 3.

Шацкий Г.В. Рисунки на камне. Ташкент, 1973.

Массон М.Е. Львы в составе былой фауны Южного Туркменистана и областей к северу от Аму-Дарьи // ИАН ТуркССР, серия общ. наук. 1971. № 2.

M.Khodjanazarov - Ancient Sites of Art around Samarkand

The article deals with the questions of history of development and motivation of one of the oldest types of the art – rock painting. The origins of this art in Central Asia are dated back to the Upper Paleolithic Age. Until the developed Medieval Period the main subjects of the rock painting always were the domestic animals. Another typical feature of this art which is dated to the wide chronological diapason is its analogous technique of creation.

КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ К СОБЫТИЯМ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ САМАРКАНДА (АФРАСИАБА)

При археологических обследованиях неглубоких склонов оврага в 100 м к юго-западу от мазара Ходжа Данияра нами в 1970 г. были выявлены остатки бадраба, устье которого упиралось в дерновый слой верхнего культурного горизонта городища.

Структурно бадраб состоял из гумуса зеленоватого цвета и пепельного слоя золы с угольками, видимо, сметённого в яму на одном из последних этапов его функционирования.

Среди находок, полученных после проклейки, были выявлены небольшой, по-видимому, игрушечного назначения неглазурованный детский кувшинчик (рис. 1, 2), с округлым туловом, на плоском поддоне и вертикально поднимающейся к венчику ленточной ручкой без какой-либо орнаментации (высота - 13,1 см, диаметр донца - 4 см, диаметр венчика - 2,7 см и ширина по тулову - 8 см) (Terres secretes de Samarcand, 1992. P. 110-111). Подобные кувшинчики не единичны среди игрушечной посуды Афрасиаба. Вторым неглазурованным предметом в комплексе оказался расширяющийся к верху усечённо-конической формы кружкообразный сосуд (рис. 1,1) на плоском, подрезанном ниткой поддоне (высота - 7,3 см, диаметр венчика - 10,7 см, диаметр донца - 5 см). Не исключено, что и второй предмет мог иметь игрушечное назначение, на что могут указывать простота формы, отсутствие ручки и какой-либо орнаментации, наличие заметной трещины на корпусе сосуда, незаглаженность дефектов и рельефных пальцевых вдавлений по внутренней поверхности, а также отсутствие глазури, то есть те особенности, которые обычно отличают подобные формы столовой посуды от остальных специализированных по назначению групп керамических изделий.

Третьим керамическим предметом, полученным из комплекса, является, блюдо на кольцевом поддоне, с косо отходящими стенками, гранёным перегибом у венчика вверх (рис. 2). По центру днища отмечены две последовательные концентрические вдавленные линии с небольшим рельефным понижением по её внутренней плоскости (диаметр венчика - 25 см, диаметр донца - 8,5 см, высота - 6 см). Цвет теста черепка розовый, ангоб белый, покрывает посуду вплоть до поддона внешней поверхности. Прозрачная, тонкая, с оливковым отливом полива, нанесённая по внутренней и наружной стороне частично сошла по закраине венчика. Сильно стилизованная секторная орнаментация делит её на четыре части, состоя из

повторяющихся условно-символических псевдоэпиграфических, растительных, геометрических мотивов, нанесённых по центру и венчику внутренней плоскости блюда тёмно-коричневыми, красновато-коричневыми, бежевой и зелёной красками. Отмеченная здесь композиция псевдонадписи получает распространение ещё с X века (Шишкина, 1979, табл. LVII: 1-3), но лишь к XII столетию определяются столь характерная форма,

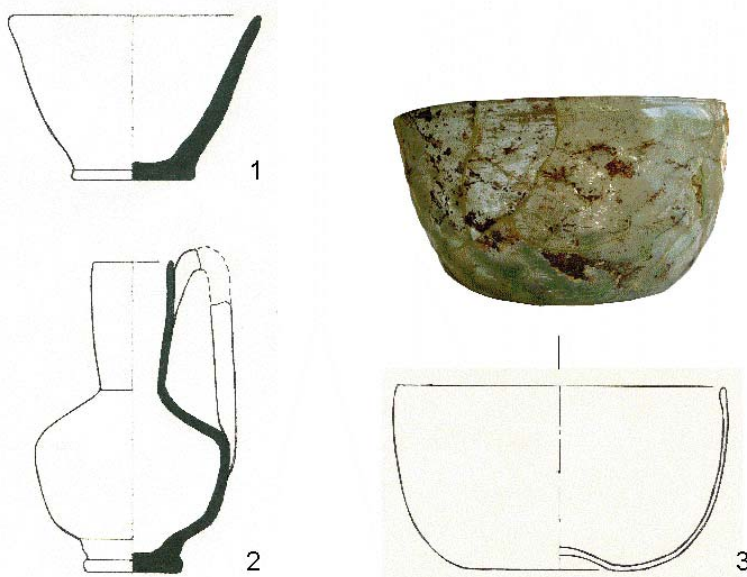

Рис. 1

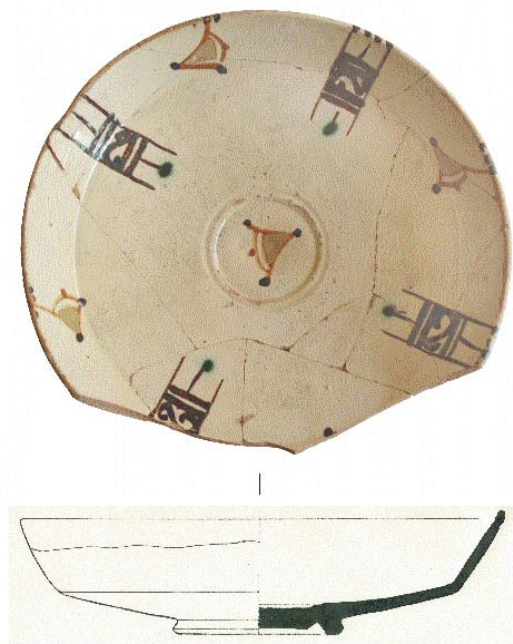

Рис. 2

цветовая гамма, стиль (Брыкина, 1974, рис. 49:3; Керамика средневекового Отрара, 1991, с. 132). Интересен также и повторяющийся треугольный стилизованный мотив, возможно, восходящий к другим образцам псевдонадписи на ахсикетской керамике XII в. (Анарбаев, 1996, рис. 3:3-5).

К керамическим находкам можно также отнести несколько мелких, не дающих формы, фрагментов от венчика блюда, покрытых коричневой глазурью и красновато-коричневым ангобом по внешней, непокрытой поливой поверхности стенок.

Следующим предметом, полученным из комплекса, оказалась стеклянная чаша со слегка загнутым внутрь венчиком, выполненная тиходутным способом в форму, с рельефной чешуйчатой орнаментацией (рис. 1, 3). Последняя, вокруг понтии донца, выражалась в небольших округлых мотивах, по тулову из ромбоидальных скругленных по краям форм. Стекло прозрачное, с небольшим зеленоватым отливом и следами ирризации, пузырьки мелкие (диаметр венчика - 14,5 см, диаметр донца - 7 см, высота - 7,5 см). Формы с орнаментацией, напоминающей нашу чашу, отмечены среди мате-

риалов Афрасиаба (Шишкина, 1986, рис. 1:10; Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963. С. 115), Египта, Ирана (Islamische Kunst, 1984. С. 73, 91) и т.д.

Но наибольший интерес среди находок представляли полученные из верхних зольных слоев бадраба археологически целые и фрагменты металлических изделий в виде наконечников стрел различных форм, небольшие ножи и другие предметы, выполненные из железа и бронзы.

Все наконечники стрел железные, черешковые, с упором, образуют единый комплекс. Три наконечника крупных размеров и пять мелких, типологически составляют несколько групп.

Группа I. Плоские (3 шт.). Подразделены на два типа.

Тип. 1. Асимметрично-ромбические (2 шт.). Наконечники стрел с широким плоским пером, завершающимся невысокой шейкой с упором кольцевой формы.

а. Боевая головка с равносторонним углом атаки, нижняя часть вытянута к черешку. Сам черешок в сечении округлый, нижняя часть утрачена. Предположительная длина черешка составляла не менее 4,5 см. Таким образом, общая длина наконечника достигала 10,6 см, наибольшая ширина по углу атаки - 4 см, толщина по основанию боевой головки - 0,4 см, диаметр черешка - 0,6 см.

б. Имеет фигурную форму головки, в виде скругленного шестигранника, что приближает его к листовидным образцам. В основании имеет кольцевой упор-уступ. Черешок в сечении округлый, основная часть утрачена. Последняя могла иметь длину около 4 см. Исходя из этого общая длина наконечника стрелы достигала 9,5 см, наибольшая ширина по углу атаки - 3 см, толщина по основанию боевой головки - 0,2 см, диаметр черешка - 0,4 см.

Наконечники данного типа функционально предназначались для поражения не защищенного доспехом противника и нанесения широкой кровоточащей раны боевому коню. Получили широкое распространение с начала II тысячелетия, особенно в монгольскую эпоху (Киселёв, Мерперт, 1965. С.192; Кызласов. 1969, табл. IV, рис.13-15).

Тип. 2. Узкие ромбовидные (1 шт.). Наконечник с выделенной ромбоидальной остроугольной боевой головкой, видимо, имел двойную заточку и утончался к острию. Более широкая часть располагалась ближе к основанию боевой головки. Последняя завершается упором кольцевой формы, черешок в сечении округлый, сохранился полностью. Длина наконечника со-

ставляла 9,3 см, наибольшая ширина боевой головки - 1,8 см, толщина по основанию боевой головки - 0,4 см, диаметр черешка - 0,6 см.

По данным литературы узкие ромбоидальные наконечники предназначались для поражения не защищённого доспехом противника. Имели хождение наряду с вышеописанными широкими асимметрично-ромбическими формами.

В целом представленные плоские наконечники имели массовое распространение на огромных просторах лесостепной евроазиатской полосы, в широких хронологических рамках средневековья. Использовали их вплоть до XIX века (Конилов, Худяков. 1981, рис.1-2; Худяков. 1981, рис. 4:9, 10; Соловьёв, 1987, табл. IV:2, 3, 6; Худяков, 1980, табл. XXXIV:1, 2; Носкова, 2005, рис. 2:18; Худяков, 1982, рис. 124; Соловьёв, 1987, табл. IV:4, 5, 12). Из оазисов Средней Азии они известны по материалам городища Карабулак (Фергана), Пилькала (Хорезм), относящихся к XII- нач. XIII в. (Брыкина, 1974, рис. 60:10; Кдырнязов, 1984, рис. 2:25).

Группа II. Трёхгранные наконечники стрел.

а. Наконечник имеет пирамидальную форму боевой головки, с цилиндрическим основанием, переходящим в кольцевой упор и короткий черешок. Последний, круглый в сечении, постепенно утончающийся от упора к основанию. Его длина – 6,3 см, наибольшая ширина боевой головки -1,3 см, диаметр по основанию боевой головки - 0,5 см, диаметр черешка - 0,4 см. Наконечник броневой, но мог использоваться и для поражения незащищённого бронёй противника. Близкие по форме наконечники для развитого средневековья отмечены и по материалам Южной Сибири (Овчинникова, 1981, рис. 1:1), но в силу сложности их изготовления встречаются они реже.

б. Переходный тип. Боевая головка короткой ромбовидной формы, с уплощённой верхушкой. Основание его утолщено и приобретает цилиндрическую форму, переход к черешку ограничен кольцевым уступом. Черешок округлый в сечении, утончающийся к основанию. В целом утяжелённый наконечник имел явно броневой назначение. Длина его достигала около 7 см, наибольшая ширина боевой головки - 1,7 см, диаметр по основанию боевой головки - 0,6 см, диаметр черешка - 0,5 см. Идентичные параллели просматриваются недостаточно чётко, хотя близкие по форме образцы имели распространение в евроазиатских степях в XI-XIV вв. (Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981, рис. 90:30).

Группа III. Наконечники с уплощённой боевой головкой.

Отличаются мелкими размерами.

а. Боевая головка наконечника своеобразной ромбовидной формы, вытянутой и утяжелённой к острию. Выкованное перпендикулярно корпусу наконечника остриё сильно сжато с боков, образуя плоское короткое лезвие жала. Основание головки завершается кольцевым упором. Черешок округлый, в сечении постепенно утончается к основанию. Длина наконечника - 7,3 см, наибольшая ширина боевой головки - 1,2 см, диаметр по основанию боевой головки - 0,6 см, диаметр черешка - 0,5 см.

Вариантом этого типа является следующий наконечник. Он имел более узкую боевую головку уплощенной формы с заметным сдавливанием с боков в районе жала. Основание выделено упором цилиндрической формы. Черешок тонкий, округлый в сечении, сильно смятый в узел. Длина наконечника может быть реконструирована в 7 см, наибольшая ширина боевой головки - 1,2 см, диаметр по основанию боевой головки - 0,7 см, диаметр черешка - 0,6 см.

Среди рассмотренных нами материалов прямых параллелей представленным образцам мы не встретили. Прежде всего, обращает внимание их боевое жало, имеющее плоский наконечник, выкованный перпендикулярно массивной основе корпуса. Вместе с тем, ромбоидальная форма боевой головки, наличие хорошо выраженного упора, длинный черешок, а также плоское лезвие жала свидетельствуют об их синхронности с другими наконечниками комплекса.

б. Наконечник с плоской боевой головкой - секторовидный срезень. От жала к основанию боевой головки уплощённая часть переходит к почти шаровидному утолщению, напоминая кольцевые упоры. Черешок округлой в сечении формы, утончающийся к основанию. Длина наконечника-5,4 см, наибольшая ширина боевой головки - 1,7 см, толщина по основанию боевой головки - 0,4 см, диаметр черешка - 0,6 см. Подобные наконечники с плоской боевой го-

ловкой также были нередки в исследуемый период для лесостепной зоны XI-XII вв. (Худяков, 1982, рис. 152; Худяков, 1980, табл. 9). Для земледельческих регионов интересно отметить вельможного тюркского персонажа в сцене охоты, натягивающего лук с наконечником в виде срезня, происходящего с настенной живописи Караханидского дворца (нач. XIII в.) на цитадели Афрасиаба (Karev, 2005, рис. 10).

Эта группа наконечников явно имеет незавершенную обработку мастером. Нет следов заточки, они откованы, но недообработаны. Возможно, это следствие поспешности их использования. Все наконечники этого типа имели охотничье-промысловое назначение. Об этом говорят их мелкие размеры, специфическая форма (срезень, утолщение жала), хотя возможность их использования против незащищённого доспехом противника или боевого коня исключать также нельзя.

В целом необходимо отметить, что комплекс достаточно уникален тем, что наконечники стрел больше известны по погребениям в степной зоне. В городских центрах и поселениях они малочисленны. Среди образцов, отмеченных для оазисов, характерен комплекс наконечников XI-XII вв. из городища Карабулак, где присутствуют как четырёхгранные бронебойные, так и плоские, ромбоидальные (Брыкина, 1974, рис. 60). Другой комплекс наконечников из городища Халчаян предположительно относится к погребению воина кочевника и датируется началом XIV в. (Пугаченкова, 1967, рис. 1). Здесь из семи наконечников шесть плоские ромбоидальные, один круглый бронебойный. Несмотря на общность для комплексов из Карабулака, Халчаяна и Афрасиаба наличия черешков, упоры полностью отмечены лишь для Халчаяна и Афрасиаба. На Карабулакских они присутствуют не на всех образцах. Вместе с тем, все основные формы их принадлежат к типам, широко распространенным в эпоху средневековья у кочевников Евразии.

Следующими металлическими предметами, полученными из слоя золы в бадрабе, оказались остатки двух ножей, трёхгранных, однолезвийных.

Первый, археологически целый, имел слегка выгнутую спинку и, соответственно, загнутую внутрь линию лезвия. При переходе от лезвия к черешку наблюдается рельефно выступающий ободок-уступ. Черешок плоский у основания лезвия, постепенно к завершению сужаясь, приобретает округлую форму. Длина ножа - 14,3 см, ширина по основанию лезвия - 1,8 см, длина самого лезвия - 10,3 см, ширина в сечении по черешку - 0,7 см.

Второй нож с прямой спинкой, трёхгранный, однолезвийный с двумя уступами при переходе от лезвия к черешку, но выраженного кольцевого ободка как на первом ноже нет. Черешок сохранился частично и искривлён у основания лезвия, имея в сечении сохранившейся части плоскую форму. Оба ножа имели, видимо, одинаковые размеры и обычно подвешивались к

Рис. 3

поясу. Его сохранившаяся длина - 12 см, ширина по основанию лезвия - 1,7 см, длина лезвия - 10,1 см, ширина черешка - 0,8 см.

Ещё одним предметом, скорее всего, имевшим отношение к ножам, можно отнести небольшое тонкое бронзовое навершие для насадки деревянной рукоятки или наконечник ножен, имевшее в длину 1,5 см и в ширину 1,6 см.

На лезвии ножей, черешках и, особенно, бронзовом навершии сохранились следы от деревянных обкладок ручек или ножен.

Формы ножей также имеют хождения в широких рамках средневековья на пространствах евразийских степей (Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981, рис. 28:29; рис. 52:39; Соловьёв, 1987, рис. 24:3).

Из других предметов комплекса можно выделить толстый, сильно согнутый от основания гвоздь, с массивной шляпкой. Его длина приблизительно равнялась 6 см, ширина шляпки - 0,6 см.

Небольшое в диаметре толстое колечко с припаянным к нему штырём, предназначенным, видимо, для крепления. Диаметр колечка - 1,3 см, длина штыря - 0,8 см. По характеру очень напоминает кольчужные кольца небольших размеров (Распопова, 1980, рис. 53:9-15; рис. 54:1-4), но наличие штыря, на нашем образце свидетельствует, что к нему что-то привинчивалось.

Последним предметом в комплексе является фрагмент литой фигурной бронзовой бляшки со схематической растительной орнаментацией и круглым отверстием в центре, а также одним небольшим сохранившимся штырём для крепления с обратной стороны. Диаметр накладки - 3 см, ширина - 0,4 см. Напоминает наш хронологический близкий образец из Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис. 36:16).

Для характеристики комплекса имеет значение и находка монеты неправильной округлой формы. После зачистки оказалось, что она полностью стёрта. По любезному определению А. Атаходжаева, визуально, монета представляет собой билонный дирхем (сплав меди с небольшим процентом серебра) и относится к чекану Караханидов. Имел хождение в Центральном и Северо-Восточном Мавераннахре со второй четверти XI-по первую половину XII века.

Исходя из этого, попытаемся сопоставить эту дату с хронологией остальных материалов комплекса. Прежде всего, она не совсем стыкуется с данными стратиграфии, где устье бадраба достигало дернового слоя, который может быть хронологически отнесён к предмонгольскому культурному горизонту. Если добавить, что все наконечники стрел и ножи были получены из слоя золы, сметённой, видимо, после пожара, то эти события, скорее всего, можно приурочить к трагическим дням обороны Самарканда, при его захвате войсками Чингиз-хана в 1220 г.

Несколько менее вероятным нам представляется другой, хронологически близкий по времени, вариант погрома Самарканда войсками Хорезмшаха Мухаммада в 1212 г. (История народов Узбекистана. Т. I, 1950. С. 305).

В данном случае, нам кажется, необходимым обратить внимание на незавершенность обработки отдельных наконечников стрел, поспешность их использования, зольный слой пожара и, исходя из этого свидетельство военно-оборонительных столкновений в этой части городища, что, в большей степени, может быть связано с событиями монгольского захвата Самарканда.

Сами наконечники стрел и ножей, наряду с тем, что часто встречаются, являясь достаточно характерными, в находках из погребений тюркского и монгольского времени, распространены в Средней Азии, Восточной Европе и Южной Сибири, показательны также широким хронологическим диапазоном их функционирования с X по XIV век, а отдельные их типы известны как ранее, так и позже (Большаков, Негматов, 1958, рис. 37, 38; Ставиский, 1964, рис. 32).

Другие мелкие поделки из металла, а также стеклянная чаша и два неглазурованных сосуда не дают безусловной хронологической даты, хотя и, определённо, использовались в пределах IX - нач. XIII в. Наиболее близко к решению вопроса о времени бытования комплекса стоят археологически целое блюдо и фрагменты венчиков от сосуда с коричневой глазурью. В представленной археологической литературе по Афрасиабу эти типы художественного оформления посуды практически не нашли отражения (Шишкина. 1979; Шишкина. 1986).

Возможно, это связано со смытостью верхних культурных горизонтов городища и переселением значительной части её населения в XI-XII вв. в более обводнённые и не столь скученные по площади территории южного рабада, ныне полностью находящиеся под современной застройкой. Как бы то ни было, но фрагменты поливных чаш и блюд с коричневой поливой нередко встречаются в комплексах из верхних культурных горизонтов ныне раскапывающихся частей площадки перед цитаделью, обживавшихся вплоть до захвата города монголами. Образец блюда с оригинальной для Афрасиаба художественной росписью по своей форме, цвету поливы, гамме росписи и характеру орнаментации близко стоит к материалам из верхних культурных горизонтов крупных средневековых городских центров Ферганы-Ахсикента, Карабулака, Кувы, датируемых также предмонгольским периодом (Брыкина, 1974, рис. 49:3).

Учитывая все эти данные, можно предположить, что полностью стёртая билонная монета эпохи Караханидов могла выйти из употребления и попала в комплекс случайно.

Таким образом, в заключении необходимо отметить, что полученный из верхнего культурного горизонта Афрасиаба комплекс предметов предмонгольского периода раскрывает ряд интересных сторон её истории, культуры, ремесла, ранее слабо или совсем не отражённых в литературе.

Прежде всего, это касается художественно-стилевых особенностей блюда, слабо представленного по материалам Афрасиаба, но тип которого широко встречается по публикациям из Ферганы и, прежде всего, Ахсикета.

Это, видимо, указывает на то, что крупнейшие законодатели мод в производстве художественной поливной керамики Мавераннахра - Афрасиаб и Ахсикет к началу XIII в. значительно потеряли столь характерную для эпохи Саманидов и Караханидов роль проводников и ретрансляторов новых глобализационных веяний, единый имперский стиль, теперь больше выражая свои локальные региональные особенности. Предметы из металла, состоящие в основном из боевых и охотничьих наконечников стрел и ножей, представляют собой интересный, единовременный набор оружия, широко известный по тюрко-монгольскому кочевому окружению степи, но редко встречающийся среди материалов городов и земледельческих поселений оазисов. Вместе с тем это оружие дистанционного и ближнего боя как нельзя лучше является показателем ожесточённых трагических дней обороны Самарканда при монгольском нашествии.

Использованная литература

- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
Керамика средневекового Отрара. Алматы, 1991.
Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
Islamische Kunst. Band 1. Glas. Main Rhen. 1984
Кисилёв С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980.
Кдырнязов М.-Ш. Культурные связи средневековых городов Хорезма // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент, 1984.
Овчинникова Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Худяков Ю.С. Кыргызы на Тибете. Новосибирск, 1982.
Пугаченкова Г.А. Погребение монгольского времени в Халчае // Советская археология. 1967. № 2.
История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950.
Большаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. III. МИА, № 66. М; Л., 1958.
Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища // Труды таджикской археологической экспедиции. Т. IV. МИА № 124. М; Л., 1964.

- Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на реке Пшиш в Адыгее // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2002.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б. Отрар в XIII-XIV веках. Алма-Ата, 1987.
- Karev Y. Qarakhanid wall paintings in the citadel of Samarkand: First report and preliminary observations // Mukarnas. Leiden Brill. Volume 22. 2005.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Анарбаев А.А., Ильясова С.Р. Раскопки ремесленного квартала на городище Эски-Ахси // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
- Terres secretees de Samarkand. Ceramiques du VIIIe au XIIIe siecle. Paris, 1992.

Dj.K. Mirzaakhmedov - Complex of materials dealt with events of mongol conquest of Samarkand (Afrasiab)

The paper considers questions dealing with subjects of material culture of the XII- beg.XIII cc. Samarkand like ceramics, glass, complex of arrow tips, knives and belts which, probably, had a certain relation to tragic events of the city defence during mongol invasion. A certain interest arise some artistic peculiarities of ceramics and arrow tips; the latter had a wide geographical area of spread among the steppe Turkic-mongols and Central Asian oasis of the mentioned epoch. For the urban centres of Maveraunnakhr such findings are not characteristic though a definite part of them represent complex of hunting arrow tips; nevertheless, they are a vivid proof of tragic events of the last hours of heroic defence of Samarkand (Afrasiab).

*Г.Б. Нормуродова
(Ўзбекистон)*

**ЎЗБЕК ДАВЛАТЧИЛИГИ РИВОЖЛАНИШИДА
САМАРҚАНД ШАХРИНИНГ ТУТГАН ЎРНИ**

Ўзбек давлатчилиги ривожланиши тарихида Хоразм, Самарқанд каби энг кўхна ва қадим шаҳарларнинг ўрни бекиёсдир. Археологик қазिशмалар, моддий, ашёвий ва ёзма манбаларнинг гувоҳлик беришича, Самарқанд милоддан аввалги VIII-VII асрлардаёқ шаҳар қиёфаси ва мақомини олганлиги таъкидланади.

Самарқанд Сўғд давлатининг қадимги пойтахти бўлиб, Шарқнинг маданий ва илмий маркази ҳисобланган. Тахминан милоддан аввалги I асрда оромий ёзуви асосида сўғд ёзуви яратилган. Милодий IV асрга оид «Эски сўғд хатлари» сўғдликларнинг юксак маданий тараққиётдан далолат беради.

Араб босқинидан сўнг сўғд ёзуви истеъмолдан аста-секин чиқиб кетади. Унинг ўрнига худудимизга араб ёзуви кириб келади.

IX-XII асрларда Самарқандда иқтисодий ва маданий ҳаёт анча юксалди. Бу даврда шаҳарда ўрта ва олий таълим тизими қарор топди. XI асрда Самарқандда 17 мадраса бўлганлиги таъкидланади. Шаҳардаги машҳур мадрасалардан бири Иброҳим Тамғачхон томонидан барпо қилинган эди. Ушбу мадраса ҳозирги Шоҳизинда меъморий мажмуаси таркибига кирган.

Самарқанд дунёнинг қадимги маданият ўчоқларидан бири бўлганлигини Работи Ғозиён мадрасаси мисолида ҳам кўришимиз мумкин. Бу мадрасада Имом ал-Мотуридий ва Абулқосим ал-Ҳаким ёшлиқларида илм таҳсилани Муҳаммад ибн Фазл Балхийдан олганликларини тарихий манбалар тасдиқлар экан, демак бу мадраса нафақат юртимизда, балки дунё тарихидаги илк мадрасаи олия бўлганлиги, бу билан Самарқанд олий таълим тизими ўрта асрларда ривожланганлигидан далолат беради (Каттаев, 2003. 9-б.).

Самарқанддаги олий таълимнинг юксак даражада тараққий этиши Амир Темур ва Темурийлар даврига тўғри келади.

Ўлкамизда миллий давлатчиликнинг ривожланиши тарихида Самарқанд географик жойлашиши, иқлими мўътадиллиги ва табиатини гўзаллиги Амир Темурни мафтун этган эди. Шунинг учун Амир Темур ҳукмронлиги даврида, Самарқанд улкан салтанатнинг пойтахти қилиб олинди. Бу эса Самарқанднинг доврўғини дунёга яна ёйди. Бу ерда турли хил этник гуруҳлар ва диний жамоалар ўзаро тотув яшаганлар. Улар ўртасида этник ва диний негизда зиддиятлар, тўқнашувлар бўлмаган. Улар ўзларини шаҳарнинг тенг ҳуқуқли фуқаролари ҳисоблаганлар ва

бу билан фахрланганлар.

Амир Темур ва Темурийлар даврида Самарқандда катор мадрасалар курилди. Булардан Сароймулкхоним, Муҳаммад Султон мадрасаларини тилга олиш мумкин. Мирзо Улуғбек даврида Регистон майдонида янги мадраса барпо этилди. У ўша даврдаги инсоният цивилизациясининг йирик илмий марказларидан бирига айланди. Сўнгги ўрта асрларда Самарқандда бир нечта янги мадрасалар курилади. Булардан энг машхурлари Хўжа Аҳрор, Меҳр Султонхоним, Шердор, Тиллакорилар ҳисобланган. Бу мадрасаларда кўплаб йирик олиму уламолар ва шоирлар таҳсил олганлар. Масалан, Шердор мадрасасида машхур татар олими Шаҳобиддин Маржоний 2 йил таълим олган. У самарқандлик тарихчи Абу Тохирхожадан тарихдан сабоқ олиб бу фанга қизиқа бошлади. Ҳозирги кунда Қозондаги Тарих институти Шаҳобиддин Маржоний номи билан аталади.

Шундай қилиб, Самарқанднинг иқтисодий ва маданий ибратли тарихи миллий давлатчилигимиз тарихида абадий муҳрланган, халқимизнинг шон-шухрати, миллий ғурури ҳамда ифтихори ҳисобланган Самарқанд Шарқнинг кўрки бўлиб қолаверади.

Фойдаланилган адабиётлар

Истахрий. Китоб ал-масолик ва-л-мамолик. Худуд ал-олам. Техрон, 1340 (X).
Катаев К. Самарқанд мадрасалари ва илму фан ривожини. Самарқанд, 2003.

G.B. Normurodova - Role of Samarkand in Development of Uzbek Statehood

This article is about the place and the role of Uzbek National statement. The becoming and developing of Uzbek national statement is connected with complicated and contradictory process. Only in the period of A. Temur's ruling was created centralized state, which pointed out the further developing of the state and in this process the role of Amir Temur and Samarkand is very great.

САМАРҚАНД БУЮК ИПАК ЙЎЛИДА. ХАЛҚАРО САВДО

*Л.Б. Кирчо
(Россия)*

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV–III ТЫС. ДО Н.Э.)

1. Близкие аналогии ряда компонентов культурных комплексов памятников долины Зарафшана и памятников эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана привлекли внимание специалистов еще в 1960-х — начале 1980-х годов, сразу после открытия культуры Заман-баба и поселения Саразм. Новые материалы, полученные на Илгынлы-депе, Алтын-депе и памятниках эпохи бронзы Маргианы, позволяют уточнить характер и направления культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана во второй половине IV–III тыс. до н.э. Рассмотрим южнотуркменистанские и некоторые другие аналогии основным компонентам культурного комплекса древнеземледельческого поселения Саразм.

2. Особенности техники и технологии строительства ранних комплексов Саразм I и II — массовое возведение стен домов из пахсы и каменные и пахсовые криволинейные ограды участков поселения и могильника практически неизвестны в Южном Туркменистане. Характерный для строений периода среднего и позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана короткий (длиной 35–44 см) кирпич встречен в Саразме только один раз (раскоп VII, горизонт 1/3, начало периода Саразм II). Размеры и пропорции прямоугольного сырцового кирпича, из которого возведены строения комплексов Саразм II–IV, в целом соответствуют размерам и пропорциям кирпича, использовавшегося в Южной Туркмении в эпоху бронзы. Однако кирпич Саразма несколько крупнее и имеет очень большой разброс значений размеров (47–59x25–37x 10–12 см), превышающий допустимый разброс значений вследствие деформации при сушке и давлении в кладке, что свидетельствует о нестандартизированном производстве строительных материалов.

Как показывают стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях-тепа, характер планировки — правильность и пропорциональность дома в целом — зависят прежде всего от места возведения строения — включения его в систему уже существующей застройки или использования незастроенного участка-двора. Чёткость планировки основной массы зданий Саразма свидетельствует, с одной стороны, о предварительной разбивке плана на местности и наличии удобных для строительства свободных участков и, с другой, видимо, о своеобразном характере условий существования и организации общественных коллективов (децентрализация? рассредоточенная система расселения?), возводивших эти здания.

Значительные размеры (площадь более 45 м²) и, особенно, большая ширина (свыше 4 м) целого ряда помещений говорит о наличии в районе Саразма массивов крупных деревьев (арчи?), необходимых для изготовления балок плоских перекрытий. Помещения площадью свыше 30 м² в Южной Туркмении представлены только в комплексах раннего и среднего энеолита (середина V — вторая половина IV тыс. до н.э.) и неизвестны в более позднее время, что обусловлено, видимо, процессом аридизации климата и изменения характера растительности в III тыс. до н.э.

Таким образом, основные характеристики строительного комплекса Саразма — материал и технология строительства, размеры и особенности местоположения зданий — определялись в первую очередь местными условиями и общими традициями сырцовой архитектуры. К тому же архитектурные формы строений, исследованных на раскопах 3 и 5 в Саразме (здание на платформе и круглое сооружение из двух колец кирпичей), уникальны для Средней Азии IV–

III тыс. до н.э. и прототипы их, скорее всего, нужно искать за ее пределами.

3. В то же время основная планировочная единица жилых комплексов периодов Саразм II и III (раскопы 2 и 4) — двухкомнатные дома, состоявшие из входного помещения-вестибюля и комнаты (как правило, с очагом), полностью аналогична домам-блокам периода позднего энеолита и начала ранней бронзы на Алтын-депе. Представлены однако и более сложные по плану комплексы из 4–5 помещений (раскопы 4 и 7), причем именно в этих комплексах находились самые большие комнаты с разнообразными деталями интерьера, позволяющие рассматривать их как святилища. Эти детали интерьеров домов Саразма — окраска стен и полов в красный цвет, стенная геометрическая роспись геоксюрского стиля (на желтом фоне нанесены узоры из красных треугольников, заполненных линиями или сеткой и обведенных контурными коричневыми линиями), и, в особенности, очаги-алтари имеют точные южнотуркменистанские соответствия.

Наиболее ранние круглые очаги-жертвенники ялангачского и раннегеоксюрского времени на Айна-депе, Геоксюр 7 и Илгынлы-депе практически не возвышались над поверхностью пола и имели либо невысокий бортик, либо покатое к центру основание диаметром около 1 м и высотой 2–3 см. Лунка в центре очага была неглубокой (1–3 см) и небольшой по диаметру (соотношение диаметра лунки и основания очага — 1: 4,5–5). Близкие пропорции имели круглые очаги поселения Геоксюр 1. Но эти очаги геоксюрского времени (раннее Намазга III) уже имели выраженный бортик по краю высотой 5–8 см и небольшое сырцовое основание, возвышавшееся над полом. Чуть более поздние очаги Чонг-депе (периода Намазга III), также с бортиком по краю, имели несколько другие пропорции (соотношение диаметра лунки и основания очага 1 : 3) и лунку глубиной 10–30 см.

Позднеэнеолитические очаги Алтын-депе (11–10 горизонты раскопа 5, позднее Намазга III) на круглом сырцовом основании (диаметром около 1 м, высотой 5–10 см, с бортиком высотой 4–5 см) имели соотношение диаметров лунки и основания 1:2, 1:3 и глубину лунки 34 и 47 см. Круглые очаги периода ранней бронзы Алтын-депе (горизонты 7–4) имели уже основание диаметром 0,6–0,9 м и высотой до 15–20 см.

Квадратные очаги-алтари на невысокой платформе, окруженной бортиком, с лункой диаметром около 20 см и глубиной около 35 см в центре очага в энеолите Южной Туркмении встречены только в комплексах верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 1. Единственный такой очаг на Кара-депе (раскоп 4), к сожалению, очень плохо сохранился и детали его устройства, кроме прослеженного с трёх сторон бортика, неизвестны. На Алтын-депе широко представлены подквадратные очаги-алтари с бортиком по краю и рогообразными возвышениями на углах. Такие очаги имели основание-платформу размерами 0,7–0,9х0,8–1,04 м, высотой 18–22 см и лунку в центре платформы диаметром 29–35 см и глубиной 25–30 см. Однако все эти очаги относятся уже к периоду ранней бронзы. Таким образом в среднем и позднем энеолите и ранней бронзе Юго-Восточного Туркменистана прослеживается тенденция развития круглых очагов-алтарей по двум параметрам: от появления бортика по краю и сырцовой платформы до постепенного увеличения высоты основания-платформы (до 22 см) и увеличение диаметра (с 15–20 до 35 см) и глубины (с 1–3 до 35 см) лунки очага. Аналогичную тенденцию развития имели, видимо, и подквадратные очаги, однако, в Южном Туркменистане пока неизвестны очаги с бортиком, но без платформы, представленные в святилище раскопа 4 периода Саразм III. Очаги-алтари Саразма и круглые, и подквадратные, встреченные в зданиях периодов Саразм II–III, по своим параметрам (размеры и небольшая по диаметру лунка) и особенностям устройства идентичны очагам верхнего горизонта поселения Геоксюр 1 (раннее Намазга III).

4. Керамика Саразма подробно исследована в специальной работе французского специалиста Б. Лионне, причем ею прослежены как южнотуркменистанский, так и белуджистанский компоненты керамических комплексов Саразма, а также выделена тазабагыбская, степная и серая (горганская) посуда.

Комплекс столовой керамики раннего Саразма (Саразм I и, частично, Саразм II) фактически идентичен керамическому комплексу времени позднего Намазга II — раннего Намазга III

(Геоксюр 1 — Кара 3–2–1Б) Южной Туркмении. Состав теста, техника изготовления и обработки поверхности, формы сосудов и орнаментация позволяют говорить о заимствовании керамического комплекса Саразм I в целом. Сходство керамики тем больше, чем лучше сохранность форм и орнаментов сосудов. Отдельные фрагменты керамики с росписью геоксюрского стиля представлены и в комплексе Саразм III. В то же время в Саразме найдены только два-три фрагмента сосудов типа Намазга III и полностью отсутствует расписная керамика конца периода позднего энеолита — начала ранней бронзы Юго-Восточной Туркмении (сосуды с измельченной геометрической монохромной росписью «коврового» стиля). Аналогии в формах нерасписной посуды комплексов Саразм III и IV и эпохи бронзы Южного Туркменистана носят общетехнологический характер, за исключением трёх фрагментов: поильничек с трубчатым носиком, чашечка с оттянутым краем венчика (сливом) и биконическое тулово горшковидного сосуда имеют соответствия в формах сосудов Намазга-депе и Алтын-депе поздних этапов периода ранней бронзы.

5. Немногочисленные антропоморфные терракоты Саразма также, видимо, имели южно-туркменистанское происхождение. Фрагментированная женская фигурка из заполнения некрополя периода Саразм I по статуарной позе, общим пропорциям и моделировке головы чрезвычайно близка раннегеоксюрским статуэткам из Илгынлы-депе. Сидящие фигурки с раздвинутыми ногами, идентичные саразмской статуэтке из раскопа 2, найдены в слоях геоксюрского времени на Алтын-депе. Миниатюрные же фигурки без рук (из погребения женщины в могиле 5 некрополя) периода Саразм I, находя статуарные аналогии в миниатюрных фигурках эпохи среднего энеолита — ранней бронзы Илгынлы-депе и Алтын-депе, отличаются от южно-туркменистанских в передаче формы головы (причёски?), носа и шеи и имеют своеобразный облик. В погребальной практике населения Южного Туркменистана обряд помещения одной или двух антропоморфных фигурок в могильное сооружение зафиксирован как в индивидуальных, так и в коллективных погребениях эпохи позднего энеолита — средней бронзы (Кара-депе, Хапуз-депе, Алтын-депе).

6. Еще одна яркая черта погребального инвентаря захоронений в некрополе древнейшего Саразма — обилие бус из поделочных камней (халцедон, бирюза, сердолик, лазурит) и обожженного стеатита находит аналогии в инвентаре захоронений конца периода среднего энеолита (Кара 3–2) на Кара-депе. Показательно также, что именно к периоду Кара 2 и времени существования комплекса верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 1 относятся самые ранние в Южном Туркменистане массовые находки бус и подвесок из лазурита.

7. Конусообразные глиняные предметы неизвестного назначения с несквозными отверстиями, которые А. И. Исаков считал очажными подставками, идентичны предметам, найденным на Илгынлы-депе (тракуемым Н.Ф. Соловьевой как предположительные антропоморфные изображения) и Геоксюр 1.

Среди мелких терракотовых изделий Саразма необходимо отметить и так называемые наверхшия, появляющиеся в Южном Туркменистане в конце периода среднего энеолита. Однако на юго-западе Средней Азии совершенно неизвестна традиция использования в качестве пряслиц обработанных фрагментов столовой керамики, столь характерная для Саразма. С другой стороны, в Саразме отсутствуют орнаментированные пряслица и «наверхшия», широко распространённые в древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана.

8. Сосуды из мраморовидных пород камня, найденные в Саразме, среди которых абсолютно преобладают открытые конические и полусферические чаши с простым приотстрённым или закруглённым венчиком, имеют широкие аналогии в комплексах памятников Белуджистана (Мундигак I–IV), Юго-Восточного (Шахри-Соخته I–III) и Северного Ирана (Гиссар III), древних Элама (Сузы) и Месопотамии (Ур, Киш, Тепа Гавра) IV–II тыс. до н. э. Одна такая коническая чаша найдена и на Геоксюр 1. В Южном Туркменистане каменные косметические сосуды появляются в период раннего Намазга III (Геоксюр 1, Алтын-депе, Кара-депе), причем изготовлены они почти исключительно из алебаstra (кристаллического гипса), кроме уже упомянутой чаши из Геоксюра 1 и миниатюрной чашечки из Кара-депе. Представлены как открытые (конические, полусферические и подцилиндрические) сосуды, так и сосуды типа флако-

нов с усечённо-коническим или кубовидным туловом (часто украшенным рельефным орнаментом в виде желобков или прочерченных линий), узким горлом и отогнутым венчиком. Косметические сосуды из мраморовидного известняка (доломита) характерны для комплексов периодов ранней и средней бронзы (Алтын-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе), однако в это время уже преобладают усеченно-конические, полусферические и подцилиндрические сосуды с уплощенным, выступающим наружу подтреугольным венчиком.

9. Каменные овальные гири с оформленной ручкой периода Саразм II также имеют широкий круг аналогий. Такие изделия представлены в комплексах времени Намазга II на Северном холме Анау, Кара-депе и Илгынлы-депе, в Сиалке III-4, Гиссаре IC и Мундигаке I, то есть на памятниках второй половины IV тыс. до н.э., а также в слоях периода позднего энеолита и ранней и средней бронзы Алтын-депе.

10. Прямые аналогии в материалах конца периода среднего энеолита Южного Туркменистана находят и четыре категории металлических изделий Саразма — втульчатые топоры-тесла, ножи или наконечники копий с длинным, изогнутым на конце черенком, косметические стержни с утолщением на одном конце и навершием — на другом (в виде лопаточки, конуса, ступенчатого креста или из двух повернутых перпендикулярно друг к другу плоскостей) и крупное круглое зеркало без ручки (диаметром 17 см). Стержни с навершием-лопаточкой или конусом и зеркало широко известны по раскопкам некрополя Геоксюра I, стержни с навершием-лопаточкой и из двух перпендикулярных плоскостей найдены на Кара-депе, а втульчатый топор-тесло, двулезвийные ножи-копья с крючком на конце насада и зеркало диаметром 13 см — в позднеялангачских-раннегеоксюрских комплексах Илгынлы-депе. На Алтын-депе в погребениях конца позднего энеолита — начала ранней бронзы встречены стержни с навершием-лопаточкой и в виде ступенчатого креста.

Металлическая, терракотовая и костяная печати-пуговицы из Саразма также близки печатям начала ранней бронзы Алтын-депе, а золотая овальная бусина с цилиндрической пронизкой в центре из раскопа 5 (комплекс Саразм III) идентична бусинам, широко представленным на поселениях хараппской цивилизации (Мохенджо-Даро, Хараппа, Лотхал, Шортугай II), в Гиссаре ШВ и найденным также в «гробнице жрецов» Алтын-депе начала периода средней бронзы и могильнике Сумбар I эпохи поздней бронзы. Однако широкие аналогии престижным предметам (печати, украшения из поделочных камней и драгоценных металлов) свидетельствуют скорее о хронологической, чем о культурной принадлежности.

11. Таким образом, тесные непосредственные контакты с южнотуркменистанскими общинами прослеживаются прежде всего на ранних этапах развития культуры Саразма и относятся к сравнительно узкому хронологическому промежутку — периоду позднего Намазга II — раннего Намазга III (около 3400/3300–3100/3000 л. до н.э.). О прямых контактах или вернее продвижении группы населения из Юго-Восточного Туркменистана в Саразм этого времени свидетельствуют комплекс керамики (технология, формы и орнаментация сосудов), очаги-алтари, металлические изделия, антропоморфная терракота, «навершия» и глиняные предметы (подставки?), каменные гири с ручками — предметы бытовой культуры и идеологии, имеющие выраженную культурно-хронологическую принадлежность. В значительно меньшей степени имеются соответствия комплексу времени Намазга III (отдельные фрагменты керамики, статуэтка с раздвинутыми ногами) и начала ранней бронзы (стержни с навершием в виде ступенчатого креста, печати-пуговицы). Аналогии же комплексам эпохи ранней и средней бронзы Южной Туркмении в Саразме (появление гончарной керамики, некоторые детали форм сосудов — носик, слив, каменные флаконы, бусы, ряд типов металлических и каменных орудий труда) носят хронологический характер. Фактически для III тыс. до н. э. можно говорить только об общем для культур верховьев Зарафшана и Южного Туркменистана направлении развития культурных комплексов.

12. Как показало трасологическое изучение орудий труда и специальные обследования горных массивов региона, основу экономики Саразма, помимо земледелия и скотоводства, составляли добыча и обработка минеральных ресурсов (полиметаллических руд и каменного сырья). Поскольку именно на памятниках второй половины IV тыс. до н. э. Юго-Восточного

Туркменистана засвидетельствовано наибольшее количество крупных медных предметов (топоры, ножи, зеркала, стержни и т. д.), а также найдены многочисленные орудия труда для изготовления и обработки металлических изделий, можно с большой долей уверенности считать, что верховья Зарафшана в это время были основным источником меди (и медной руды?), а возможно и других видов минерального сырья для юго-запада Средней Азии. Непосредственное взаимодействие населения Саразма и Южного Туркменистана продолжалось не менее 300 лет и, вероятно, представляло собой систематические торгово-обменные связи. Учитывая большую обводненность региона в IV тыс. до н. э., можно предполагать, что передвижение сырья и изделий осуществлялось с помощью тягловой силы быков. Во всяком случае первые колеса моделей повозок появляются в Южном Туркменистане в период Намазга II, а на Алтын-депе в слоях геоксюрского времени (12 горизонт) и более поздних найдены глиняные модели одноосных и дуосных однодышловых повозок. В предварительном порядке намечаются и направления торговых путей. Так, в северной части древней дельты Мургаба отмечены отдельные пункты с нерасписной керамикой времени позднего Намазга II (Ерги-богазский оазис), а переотложенная расписная керамика геоксюрского стиля представлена и в Гонур-депе — столице Маргианы эпохи бронзы. Кроме того, в 2005 г. на правом берегу Шерабаддарьи найдено поселение с керамикой времени Намазга III. Через Маргиану торговые экспедиции могли двигаться как в северо-восточном, так и в восточном направлении до Амударьи и далее по долине Зарафшана или по предгорьям. Возможно, существовал и южный путь — вверх по Мургабу и затем на северо-восток по предгорьям Северного Афганистана через дельту Акчи на Термез. Во всяком случае это направление взаимодействий весьма вероятно для эпохи бронзы.

13. В конце III – начале II тыс. до н.э. по северо-восточному пути осуществлялись контакты населения Южного Туркменистана и культуры Заман-баба низовий Зарафшана. Несомненное южнотуркменистанское происхождение расписного сосуда типа позднего Намазга IV, косметических стержней, «наверший» и антропоморфной терракоты, сероглиняная керамика горганского типа, почти полная идентичность типов и набора украшений (бус) из погребений могильника Заман-баба и захоронений периода средней бронзы на Алтын-депе и долины Сумбара (периода ЮЗТII), а также несомненные свидетельства массового производства этих украшений на поселении Заман-баба, позволяют рассматривать низовья Зарафшана как один из важных районов, через который шло снабжение Южного Туркменистана минеральным сырьем и изделиями из поделочных камней.

L.B. Kircho - Beginning of Forming of Trade Routes in Central Asia (cultural interactions of population of Southern Turkmenistan and Zarafshan valley in the second half of the 4th – 3rd centuries B.C.)

The author was able to observe the characteristics and directions of the cultural inter-actions between the populations of the Southern Turkmenistan and the Zarafshan Oasis in the 4th-3rd millennia B.C. on the basis of the comparative analysis of the new archaeological materials from the Ilgyn-Depe and Altyn-Depe sites with the well-known cultures of Zamanbaba and Sarazm. The wide spectrum of the archaeological data of residential architecture (heating system, pottery, stoneware, ivory, terracotta, weapons, and agriculture tools) was used for the analogical analysis. As a result there were identified similar directions in the development of cultural complexes in the 3rd millennia B.C. Also there were revealed some traces of trade inter-relations at the end of the 3rd millennia B.C.

*У. Мавланов
(Узбекистан)*

**САМАРКАНД В СИСТЕМЕ ДРЕВНИХ ПУТЕЙ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Древние пути играли важную роль в процессе урбанизации, возникновения и развития городской цивилизации Средней Азии. Это можно увидеть на примере Зарафшанской долины и её главного города - Самарканда.

Древние поселения на территории Самарканда и его округи (Аманкутан и др.) свидетельствуют о ранних этапах освоения данного района (Сагдуллаев, 2004. 14–бет). Этому способство-

вали природно-географические условия, близость горных и предгорных районов с богатыми водными и природными ресурсами, а также степных районов с разнообразной фауной и флорой. В эпоху новокаменного века на северных склонах Зарафшанского хребта возникла Сазанганская культура древних охотников и собирателей. Связи сазанганцев с Ферганской долиной, Гиссарской культурой в долине Вахша и Кафирнигана, а также с Калтаминарской культурой (Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов. 1992, 2005. 106-бет., 2000) свидетельствуют о том, что, начиная с этого времени, через горные и предгорные районы Зарафшана пролегают транзитные пути, играющие важную роль в связях северо-восточных, южных и западных районов Средней Азии.

В эпоху энеолита и бронзы усилился процесс освоения долины древними земледельцами, скотоводами и металлургами, в результате которого в верховьях Зарафшана возникла оседло-земледельческая культура Саразм (Исаков, 1986, 1991; Массон, 2000. С.114; Ширинов, 2000. С.118; Исамиддинов, 2002) и поселения Тугайли, основанных древними скотоводами (Аванесова, 1995. С. 82-86). В это время район будущего города Самарканда, вблизи которого находилась удобная переправа через Зарафшан, а также пресекались важные пути, идущие, с одной стороны, из верховьев реки (поселение Саразм и Тугайли) в сторону северных степных районов, с другой - из южных районов Средней Азии в Саразм и в долину Ферганы, становится важным центром в экономических и культурных связях Средней Азии. Все это заложило основу для возникновения городского центра, который с момента основания до наших дней развивался, в отличие от других древних городов региона, фактически на одной территории.

Самарканд возник как главный город древнего Согда в первой четверти I тысячелетия до н.э. Через него, начиная с раннежелезного века, проходили главные караванные дороги, имевшие важное транзитное значение не только для Среднеазиатского региона, но также для соседних и отдаленных стран.

В начале и середине I тысячелетия складываются основные направления караванных дорог, которые играли важную роль в течение всего древнего и средневекового периода в связях Самарканда с южными районами региона. Одни из них шли через степи Джама и низовья Кашкадарьи в сторону переправ Келиф и Керки в среднем течении Амударьи. Не менее важной была и дорога, идущая по левобережью р. Зарафшан в Бухару и через переправу Амуйль (Камалиддинов, 1993. С.53; 2006. С.27-28) в древний Мерв. Уже в эпоху бронзы, возможно, и ранее были освоены горные перевалы Зарафшана, через которые Самарканд был связан с юго-восточными горными районами Средней Азии. В частности, через перевал Тахтакарача¹ (Бартольд, Т. 3, 1965. С.195) проходил самый короткий путь в Бактрию через восточную часть Кашкадарьинского оазиса и знаменитые Железные ворота. Среди горных дорог можно упомянуть также путь, идущий по верховью реки Зарафшан через перевал Кштут в северо-восточной части Искандаркуля и через перевал Мура² (Стеткевич, 1894. С.217-233.) в бассейне Каратагдарьи.

Самарканд был крупным городом Средней Азии, без которого были немыслимы широкомасштабные торгово-экономические связи южных и северо-восточных частей региона. Это было обусловлено несколькими факторами, среди которых важное значение имело то, что этот город контролировал единственную колесную дорогу, идущую из южных районов Средней Азии в Фергану и Чач через ущелье Илонутти³.

Из Самарканда в древности и средневековье начинались дороги и в северные степные районы Средней Азии. Это привело к освоению невысоких перевалов Нуратинских гор. Возможно, было несколько направлений дорог, одно из которых шло через крупный древний город Центрального Согда – Куктепа⁴ и через перевал Бел⁵ выводил в район Нураты⁶ и далее в степи Центрального Казахстана. Еще одна дорога через перевал Саврбел выводила в район Фариша и к переправе в среднем течении Сырдарьи, к древнему городу Отрару. Это направление дороги особенно активно использовалось в средние века. В частности, известно, что по этой дороге в средние века из местности Тузкан у Айдаркуля в Самарканд доставлялась соль.

Удобное географическое расположение города на перекрестках главных торговых дорог Средней Азии было одним из факторов развития города как крупного торгово-

экономического центра региона. Об этом свидетельствуют и данные письменных источников. В древнекитайских источниках Самарканд описывается как крупный торговый город, жители (мужчины) которого искусны в торговле и мужчины по достижении двадцатилетнего возраста путешествуют в торговых целях (Бичурин, 1998. С.281, 323.). Самарканд описывался как крупный торговый город и в средние века. В частности, в источниках эпохи развитого средневековья описываются крытые базары, торговые лавки и сооружения города, связанные с торговлей (Мавлонов, Махкамова, 2004. 82-бет). В названиях городских ворот (в городе имелось 4 ворот, кроме того, были и ворота рабада) запечатлены направления связей города. В частности, по Ибн Хаукалю, восточные ворота назывались Китайскими, северные - Бухарскими и южные - Большими (Бетгер, 1957. С.14). Южные ворота назывались также Кешскими или Железными (Камолитдинов, 1993. С. 84).

В отдельные периоды значение Самарканда как крупного торгового центра Средней Азии было на некоторое время утрачено в связи с разрушением города иноземными захватчиками. Но его всегда восстанавливали, так как этого требовали интересы политики и торговли в данном регионе⁷ (Рустикана. 1990. С 19, 40; Мавлонов, Махкамова. 93-бетлар).

Значение Самарканда особенно усилилось в период правления Амира Темура и Темуридов. Заново построенный Амир Темуrom город стал столицей огромной империи и все дороги, образно говоря, «вели в Самарканд» (Руи Гонзалес де Клавихо. 1881; Ёринбобев, Бёриев, 1991; Бёриев, 1997. 126-133-бетлар). Этому способствовало обеспечение безопасности караванных путей⁸ (Низомиддин Шомий. 1996. 56-бет), строительство придорожных сооружений (караван-сараяв, рабатов, сардоба), мостов и т.д. Значение Самарканда как крупного торгового города сохранилось и в последующие периоды, что было связано с функциями главных караванных путей Среднеазиатского междуречья.

Таким образом, Самарканд возник как главный город Древнего Согда и, развиваясь, не только сохранил это статус, более того, стал особенно в развитом средневековье крупным политическим, экономическим и культурным центром Средней Азии.

Примечания

¹. Древнее название данного перевала не сохранилось. Термин Тахтакарача известен с эпохи Амира Темура, по приказу которого был построен дворец в горах Зарафшана, где проходила дорога из Самарканда в Кеш.

². Перевал Мура расположен в горах Гиссара, который является водоразделом бассейна Зарафшана и Амударьи. Через этот перевал можно было вьючным способом, основным в летние периоды, попасть в долину Сурхана и Кафирнигана

³. Ущелье Илонутти, по которому протекает р.Сангзор, расположено в южной части Нуратинских гор. С востока от ущелья начинаются горные цепи Сангзор, считающиеся западными отрогами Туркестанского хребта.

⁴. Остатки этого города, именуемого местным населением Куктепа, сохранились в Челекском тумане Самаркандского вилайята. С конца XX века начато археологическое изучение городища.

⁵. Здесь приводятся современные названия данного перевала. Он находится в горах Актаг Нуратинского хребта и по нему в середине XX века была построена автомобильная дорога, связывающая Самарканд с Нуратой.

⁶. Основание города Нурата, видимо, относится к середине I тысячелетия до н.э. По сведениям Наршахи, он считался древнее Бухари. Об этом. См: Наршахи. Бухоро тарихи.

⁷. Известно, что город был разрушен Чингиз-ханом в 1220 году. В середине XIII века он стал восстанавливаться и в него приходили путешественники, члены посольских миссий и т.д. В частности, возможно, братья Поло (Отец Марко Поло Николло Поло и его дядя Меффео Поло) в 1260 году проходили по пути из Венеции в столицу империи Чингизидов Каракурум, через Самарканд.

⁸. По свидетельству официальных хроник того периода не только в Маверауннахре, но в самых отдалённых частях огромной империи (от границ Хатана до Дели и Конбайит, от Бобила до Египта и Рума) были созданы условия для безопасной торговли.

Использованная литература

Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы и новые археологические открытия // Материалы пленума ИИМК 11-14 апреля 1995 г. СПб., 1995.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. 3. М., 1965.

Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Часть II. Алматы, 1998.

Бёриев О. Темурийлар даври ёзма манбаларида Марказий Осиё. Тошкент, 1997.

- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зерафшана. Тошкент, 1991.
- Исаков А.И. Саразм – новый земледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. №1.
- Исаков А.И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины. Раскопки, 1977-1983 гг. Душанбе, 1991.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Камалиддинов Ш. «Китаб ал Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Камалиддинов Ш. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент, 2006.
- Книга Марко Поло о разнообразии мира, написанная пизанцем Рустикана в 1298 г. от . Х. Алма-Ата, 1990. Мавлонов Ў., Махкамова Д. Маданий алоқалар ва савдо йўллари.
- Мавлонов Ў., Махкамова Д. Маданий алоқалар ва савдо йўллари. Тошкент, 2004.
- Массон В.М. Средняя Азии и Индия. 5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
- Низомиддин Шомий Зафарнома. Тошкент, 1996.
- Руи Ганзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. 1403-1407 гг. Перевод со староиспанского. СПб., 1881.
- Сагдуллаев А. Қадимги Ўрта Осиё тарихи. Тошкент: Университет, 2004.
- Стеткевич. Описание пути от г. Самарканда къ г. Каратагу чрезъ переваль Мура 296 версь. 1889 г. // Сб. геогр., топогр и стат. материаловъ по Азии. Вып. LVII . СПб., 1894.
- Ўринбобев А., Бўриев О. Ғиёсиддин Наққошнинг Хитой сафарномаси. Тошкент, 1991.
- Холматов Н.У. Маданий алоқадорлик. Сазагон ва Калтаминор // «Жаҳон маданияти тарихи тизимида Хоразм цивилизациясининг ўрни». Халқаро симпозиум материаллари. Нукус. Бўстон., 2000.
- Холматов Н.У. Общее и особенное центральноферганского и сазганского неолита. // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Самарканд., 1992.
- Холматов Н.У. Ўрта Осиё неолит жамоалари тарихий-маданий алоқалари саҳифасидан //Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар (халқаро конференция материаллари) I қисм. Тошкент, 2005.
- Ширинов Т.Ш. Связи Средней Азии и Индийского субконтинента во II тысячелетии до н.э. // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.

U. Mavlanov - Samarkand's Role in the Ancient Trans-regional Routes of Central Asia

This article considers Samarkand's historical-geographical role within the network of ancient routes of Central Asia. It shows how the favourable geographical location of the city at a crossroads of both regional and supra regional routes made it possible for Samarkand to become one of the main political, economical, trading and cultural centre of ancient and medieval Central Asia.

*Г.Ф. Коробкова
(Россия)*

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ САМАРКАНД НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА АФРАСИАБА)

Самарканд издревле являлся крупным культурным, политическим и экономическим центром не только древнего Согда, но и всей Центральной Азии. Его знаменитое городище Афрасиаб снискало славу среди самых известных древних и средневековых городов мира благодаря своей яркой художественной монументальной росписи, создавшей портретную галерею представителей того времени и воспроизведшей реальную картину, отражающую политическую, экономическую, культурную, идеологическую обстановку той эпохи (Шишкин, 1966; Альбаум 1971; 1975). Этот многоплановый информационный источник дополнили остатки величественных дворцовых, храмовых, элитных сооружений. Сохранились следы многочисленных ремесленных мастерских, кварталы рядовых горожан, сельскохозяйственные угодья. Привлекает внимание продукция ремесленников: изделия из стекла, кожи, кости, рога, металла, камня, мрамора, полудрагоценных камней, богатая керамика, орудия труда и инструментарий. Многие из них являлись предметами оживленного обмена и торговли с населением, обжившим территории на Великом шелковом пути.

Дошедший до нас огромный пласт культурного наследия обитателей Афрасиаба стал подлинным кладом для воссоздания исторического прошлого древнего и раннесредневекового города. Эта информация была собрана за более чем 30 лет систематических исследований, проведенных учеными на Афрасиабе в разное время и внесшими свой научный вклад в вос-

создание истории Согда. Среди них выдающиеся исследователи В.П. Вяткин, В.В. Бартольд, А.И. Тереножкин, Н.И. Веселовский, В.В. Шишкин, Я.Г. Гулямов, С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина, Ш.С. Ташходжаев, Х.Г. Ахунбабаев, О.Н. Иневаткина, И.В. Иваницкий и многие другие. В последние десятилетия появилась новая значимая информация об Афрасиабе, полученная в результате масштабных раскопок узбекско-французской экспедиции, возглавляемой академиком П. Бернардом и позднее — Ф. Грене, а от узбекской стороны М. Исамиддиновым (Bernard, Grenet и др. 1990; 1992).

Полученный грандиозный информационный пласт по-новому раскрыл историю Афрасиаба, насытив ее разноплановыми и принципиально важными фактами, показав город во всей полноте и конкретности.

Таким образом, Афрасиаб оказался достаточно хорошо изученным памятником, представленным разными видами источников, как археологических, так и письменных.

При знакомстве с информацией об истории становления и развития города бросается в глаза неравномерная оценка источниковой базы. В первую очередь следует отметить недостаточное внимание изучению каменных изделий, которые затмила информация о великолепии и богатстве архитектуры, художественной монументальной росписи, городских магистралей, кварталов рядовых и знатных горожан, ремесленных мастерских, керамической продукции, изделий, сделанных из дифференцированного сырья, включая металл, стекло, терракоту, кость, дерево, драгоценные и полудрагоценные камни и многие другие. Используя в своих работах данные анализа готовой продукции, полевых наблюдений, археологических артефактов, письменных источников, ученые практически игнорировали такой принципиально важный показатель древнего и средневекового Афрасиаба, каким являются каменные изделия, которые играли немаловажную роль в хозяйственно-производственной деятельности населения этого знаменитого городища.

Вместе с тем данный источник может служить необычайно ярким свидетельством хозяйственной и бытовой жизни обитателей Афрасиаба на протяжении древней, античной и средневековой истории города.

До работ узбекско-французской экспедиции информация об отдельных каменных изделиях, встреченных на Афрасиабе, появлялась на страницах печати. Но их интерпретация давалась на уровне типологического метода, не раскрывающего их внутреннего содержания, а, стало быть, и функции. Базовым материалом для комплексного изучения каменных изделий явились коллекции узбекско-французской экспедиции П. Бернара, Ф. Грене, С. Исамиддинова и И. Иваницкого. Для полноты картины мною проанализированы более ранние материалы из соседних памятников: Коктепа, Лолазор, Саратепа 2. В целом это 318 изделий из Афрасиаба, 141 из Коктепа 1 (IX–VIII вв. до н. э.), 49 из Лолазора (VI–IV вв. до н. э.), 69 из Саратепа 2 (IV в. до н. э.). Хронологически материал Афрасиаба распадается на ранний этап (VI–IV вв. до н. э.) — 25 единиц, античный — 279 и раннесредневековый — 14 экз. Из них больше половины орудий представлены предметами без какой-либо вторичной обработки. Сырьем для них служили разные породы камня: песчаник, диорит, кварцит, гранит, сланец, порфирит и др. Исходными заготовками были гальки или их осколки, реже — плитки. При выборе заготовок учитывались естественные характеристики: удобная форма и гладкая поверхность.

Впервые этот источник наиболее полно был озвучен благодаря работам узбекско-французской экспедиции. В результате нескольких полевых сезонов была собрана самая крупная в настоящее время коллекция каменных изделий — свыше 800 единиц. Часть из них (около 200 экз.) не носила следов сработанности, т. е. не находилась в использовании. А примерно половина изделий со следами изнашивания не имела признаков обработки. Возможно, именно по этой причине многие археологи не обращали на них внимания. Комплексный подход к их изучению, проведенному автором в течение ряда полевых сезонов в составе узбекско-французской экспедиции и включающий трасологический, технологический и типологический методы исследования, с применением бинокулярного микроскопа МБС-1 с увеличением в 16–56 раз, позволили впервые получить информацию о функциях орудий, обрабатываемых ими материалах, о производствах, с которыми эти орудия были связаны.

Но, самое главное, этот анализ был бы не возможен без экспериментов, с помощью которых можно было бы добиться получения диагностических признаков для изучаемых с Афрасиаба каменных артефактов. Нами были проведены серии повторяющихся опытов в целях изготовления эталонов дифференцированных орудий, использованных в разных операциях, по обработке разных материалов, в одинаковые отрезки времени, сделанных из сырья, близкого к тому, что применялось во времена от эпохи бронзы до средневековья (Коробкова, 1999). В итоге проведенных экспериментов были впервые выявлены диагностические признаки следов изнашивания для определения функций орудий эпох палеометалла — средневековья в полном объеме, которые открыли неисчерпаемые возможности для комплексного изучения каменных орудий позднего времени и реконструкции хозяйственно-производственных систем и установления уровня развития обществ прошлого. Разработка экспериментальных эталонов и использование комплекса других современных методов изучения каменных орудий дали возможность впервые осуществить Г.Ф. Коробковой сложный анализ материалов из Афрасиаба, Коктепа 1, Лолазор, Саратепа 2, определить функции и восстановить производства, функционировавшие на территории этих городищ. В этом новаторский подход узбекско-французской экспедиции, впервые привлекая к исследованию в качестве особого вида источника каменные изделия. И во-вторых, пригласившей специалиста, владеющего современными методами.

В результате экспериментов удалось восстановить функции исследуемых предметов, характер обрабатываемых ими материалов, установить связь их с конкретными производствами. Это явилось основой для реконструкции всей производственной системы населения Афрасиаба, ориентированной на самообеспечение, выпуск обменной и торговой продукции, создание фонда ценностей и обеспечение дальнейшего развития благосостояния общества и культурно-экономический рост столичного города Согда. Именно через восстановление функций изделий и обрабатываемых ими материалов можно воспроизвести весь цикл функционировавших там индивидуальных и ремесленных производств и обозначить выпускаемую ими продукцию (с учетом археологического контекста). Тем самым восстанавливаются как сами орудия и связанные с ними производства, так и продукты их изготовления. Именно они могут служить источником для сравнительных сопоставлений с аналогичными предметами, найденными вдоль всей торговой магистрали Великого шелкового пути и в более отдаленных районах, где сохранились следы этих многогранных и многодифференцированных связей и взаимодействий.

В основу нашего исследования положены все имеющиеся в коллекции Афрасиаба каменные изделия, относящиеся к эпохам железа, античности и раннему средневековью. Под микроскопом были проанализированы 896 предметов. Из них со следами сработанности оказалось около 600.

Уже первые результаты анализа каменных артефактов из Афрасиаба показали, что изделия, выполненные из разных пород камня, являлись одним из лидирующих компонентов индустрии жителей города, задействованных в хозяйственно-производственной сфере.

Оказалось, что с помощью каменных орудий обрабатывалась почва (найлены мотыги типа кетменей, а по другим сведениям согдийцы владели деревянным плугом; Семенов 2002: 24), растиралось зерно (на Афрасиабе выявлены крупные зернотерки — 15, куранты — 31, песты — 2, гранитный жернов; на других согдийских городищах — мельничные жернова), убиралась злаки (вкладыши серпов — 13 экз. обнаружены мною на поселении Коктепа 1, а железный серп — на Афрасиабе). Естественно, их дополняли металлические орудия, известные по Пенджикенту и Ак-Бешиму VIII в. Каменные орудия использовались в кожевенном деле (обнаружены скребла — 6, лошила для кожи — 16, стамеска для снятия мездры — 1), в изготовлении ремней и кожаных поясов (на Афрасиабе выявлено 5 каменных разбивальников, с помощью которых вытягивались и смягчались ремни, тонкие шкурки и кожи), мягкой кожаной обуви (на что указывают находки активных абразивов: на Афрасиабе — 2, Лолазоре — 17, Саратепа — 2, использованных для заострения рабочих концов шильев, игл, которые еще недавно употреблялись местными сапожниками). Каменными орудиями осуществлялись плотницкие и косторезные работы (с первыми было связано 31 орудие, со вторыми — 9), производились оружие и орудия, изящные ювелирные изделия и бытовые предметы (в камнеобраба-

тывающих производствах было занято 60 разнообразных орудий). Даже растирание краски и ее разведение, включая палитры, осуществлялись с помощью каменных заготовок (14 экз.). Подготовка же грунта под настенную живопись тоже производилась каменными мастерками, коих обнаружено на Афрасиабе 2 экз.

Широкое применение камня было замечено в металлургии и металлообработке, хотя в коллекции Афрасиаба встречены готовые металлические изделия. По сведениям Х. Ахунбабаева (1999: 83–94), их было 218: наконечники стрел, ножи, ключи, ножницы, топоры, крицы, навершия, равноплечные весы, чаши, ручки, браслеты, бляшки, украшения и др., а в Пенджикенте найдены даже наковальни, молотки и молоточки дляковки металла (Распопова 1999: 15). Однако в количественном плане металлические орудия заметно уступали каменным, хотя качественно и выигрывали.

Вместе с тем именно каменные орудия и их разнообразие служат наиболее полным свидетельством того, каким орудийным набором владели афрасиабские кузнецы и ювелиры. Поэтому каменные орудия стали незаменимым информативным источником, раскрывающим конкретный ассортимент изделий, задействованных в обработке металла. Таковы молотки, молоточки, подставки-наковаленки, гладилки-выпрямители, матрицы, разнообразные абразивы и другие инструменты (120 единиц). На Афрасиабе изготовляли металлические орудия, конское снаряжение, доспехи, бытовые предметы, делали фольгу из золота и серебра, разнообразные украшения.

Зафиксировано производство по обработке шкур и выделке кож, в котором были задействованы разбивальники для придания коже водонепроницаемости и эстетичности, скребла для грубой первичной обработки шкур и получения полуфабрикатов из меха и кожи, стамесочки, участвовавшие на всех стадиях изготовления кожного сырья, в том числе тончайшей кожи особой выделки. Есть свидетельства окрашивания шкур и кож. Таким образом, как и в металлообработке, так и в кожевенном деле выявилась специализированная дифференциация, свидетельствующая о высоком уровне развития этих производств.

Такого же уровня достигло камнеобрабатывающее ремесло, носящее разнонаправленный характер. Среди мастеров были камнетесы и камнерезы, художники и скульпторы, оружейники и производители орудий, изготовители изящной каменной парадной декоративной посуды, бытовых предметов. Из камня делали зернотерки и куранты, ступки и песты, мукомольные жернова и подпятники для дверей, гири, формы для литья, палитры и краскотерки, металлообрабатывающие орудия. Особое место занимало ювелирное производство по изготовлению разнообразных украшений, нередко отделанных тончайшей инкрустацией, относящееся уже к художественному камнерезному ремеслу, куда входит и изготовление камей и печатей.

Многообразие каменных предметов, их серийность и целенаправленность, высокий уровень мастерства кожевников, камнетесов и камнерезов, художников и мастеров по камню, кости, дереву, архитекторов и строителей, ювелиров, металлургов и кузнецов, работавших в разных сферах металлообработки, художников-оформителей, изготовителей минеральных красок, высокоспециализированных гончаров, стеклодувов, ткачей, прядильщиков, сапожников, ковровщиц и изготовителей головных уборов и др. — все это говорит о производственном могуществе Афрасиаба, ставшего одним из центров ремесел разнохарактерного и высокохудожественного уровня. Об этом свидетельствуют как дифференцированный набор каменных орудий и готовых изделий, так и их разнообразие и специализация. Такое изобилие каменного инструментария целенаправленного действия явно указывает на широкий ассортимент выпускаемой продукции, сделанной в том числе с помощью каменных орудий. Работа ремесленников, ориентированная на получение массовой и индивидуальной продукции, была явно направлена не только на удовлетворение нужд местного городского населения и приобретение товаров на внутреннем рынке, на что указывают находки каменных гирь в виде правильного шара равного диаметра, использованных при розничной торговле, но и на торговобменные операции, связанные с внешним рынком. Недаром на территории Ирана, Индии, Китая, Рима, Византии, Кавказа и других регионов обнаружены предметы среднеазиатского происхождения, в том числе и самаркандского. Натуральный обмен товарами был дополнен и

впоследствии полностью заменен денежной системой, свидетельствующей о расцвете внутренней и внешней торговли Самарканда в период раннего средневековья. Большим спросом пользовались шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, востребованные населением, осевшим вдоль трассы Великого шелкового пути. Особое место среди них занимала ткань заданачи, изготовленная из шелка сложной технологической конфигурации с богатым орнаментом (Бентович, 1958. С. 362; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 98–99). Масса глиняных грузиков, найденных в культурных слоях Афрасиаба, свидетельствует о широком использовании ткацких станков, а находки напрядел (маховичков) — о прядении нитей из шерсти, шелка и растительных волокон.

Судя по ремесленной продукции Афрасиаба, продуктам сельского хозяйства, письменным источникам и другой информации, полученной по данным анализа каменных орудий труда, самаркандские купцы торговали меховыми и кожаными изделиями, нередко окрашенными и инкрустированными драгоценными и полудрагоценными камнями, золотыми и серебряными сложносоставными украшениями. Большим спросом пользовались ремни, изготовленные с помощью каменных орудий, и наборные пояса, особенно популярные у кочевых народов, с которыми активно торговали согдийцы. Не меньшим успехом пользовалась мягкая кожаная обувь, окрашенная в красный цвет. На изготовление указывают находки каменных абразивов со следами от заточки острий металлических шильев, с помощью которых изготавливали обувь. А на поселении VI–IV вв. до н.э. Лолазор (в 2,5 км от Афрасиаба) обнаружена целая мастерская по изготовлению обуви, где мною выделены 17 абразивов для заточки шильев. И что удивительно — подобными орудиями местные сапожники пользовались еще в недалеком прошлом. О моделях обуви того времени можно судить по настенной росписи Афрасиаба, упоминаниям географов, путешественников, арабских историков, китайским хроникам и др. По данным И.Б. Бентович, обнаружены и сами сапоги (Бентович, 1958. С. 362, 371, 372).

Разноцветной кожей отделывались шкатулки, крышки корзин, воинские щиты и другие вещи.

Такой ассортимент кожаной продукции выполнялся не одной мастерской. Подтверждением служит разнообразный набор кожеобрабатывающих орудий, свидетельствующих о дифференциации скорняжно-кожевенного дела, ориентированного на изготовление предметов разного функционального назначения. В нем выделялись мастерские по изготовлению ремней и поясов, конского снаряжения, воинских доспехов, обуви, художников-оформителей престижных, культовых и бытовых изделий.

Кожаные ремни служили основой знаменитых в кочевническом мире наборных поясов, украшенных металлическими нашивками. Богатство их отделки указывает на престижно-знаковую роль этих вещей в кочевых обществах домонгольской эпохи. Постоянное взаимодействие с ними и оседание части кочевников в городах стимулировали развитие производств, связанных с традициями номадов.

По данным археологических и письменных источников, оживленная торговля Самарканда наблюдалась с сарматскими обществами Приуралья и Поволжья. Через их территорию шли операции с Кавказом и Причерноморьем. Вдоль торговых путей основывались фактории, расцвет которых приходился на VI–VIII вв. н. э. (Кляшторный 1964). Вместе с торговлей усиливалось влияние согдийской культуры на культуру других народов, в том числе кочевническую. Согдийский язык стал основным на караванных дорогах Центральной Азии (Шеффер, 1981. С. 27). Происходил процесс слияния культур, взаимообогащающих население Согда и кочевников. Результатом явилось оседание последних в городах и формирование поселков оседлого типа в Чуйской долине (Бернштам, 1940. С. 34–43). Кочевники получали изготавливавшийся в Афрасиабе сложносоставной лук, отделанный костяными или роговыми декоративными пластинами, который являлся изобретением кушано-сасанидских обществ Средней Азии (Литвинский, 1966). Есть сведения, что от кочевников согдийцы заимствовали сапоги, ставшие атрибутом воинской одежды (Шеффер, 1981. С. 148), а кыргызы и казахи восприняли от согдийского населения высокие белые войлочные шляпы (Шеффер, 1981. С. 267).

Обширные обменно-торговые связи оседлых земледельческих оазисов с кочевническим

миром, наблюдаемые на протяжении античного и средневекового периодов, способствовали взаимообогащению их народов в области культуры, экономики, строительства, науки, культурно-хозяйственных связей, интеллекта и общего развития в целом. В результате таких взаимодействий и взаимообогащения создавались общие культурные ценности, являвшиеся достоянием их общей культуры, то есть они становились культурным наследием и кочевых, и согдийских народов.

**G.F. Korobkova - Ancient and Medieval Samarkand on the Great Silk Route
(on materials of craftsmanship of Afrasiab).**

Afrasiab site is a wide informative source with traces of numerous craft workshops. The article deals with detailed analysis of the Stone Age articles which played an important role in economic-production activity of ancient and medieval people. Different kinds of stone tools were used by jewelers and blacksmiths; they were also used in leather and flour production, weaving, etc. It is specially stressed that stone was widely used in metallurgy and metalworking, though qualitatively it was less effective than metal was.

*Э.В. Ртвеладзе
(Узбекистан)*

САМАРКАНД НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Согд и его столичный центр - Самарканд на всех этапах своего исторического развития играл важнейшую роль во взаимоотношениях народов Востока и Запада, в установлении торговых и культурных контактов между ними.

Особую значимость имело то обстоятельство, что Самарканд (древняя Мараканда) занимал выгодное географическое положение на пересечении караванных путей, шедших с севера на юг и с запада на восток, что определило его как доминирующий центр, аккумулирующий и ретранслирующий культурные достижения великих цивилизаций древности и средневековья. Но и сами согдийцы, в свою очередь, распространяли достижения своей цивилизации дальше на Запад - в Европу, и на Восток до Японии. Это было возможным благодаря созданию огромной трансконтинентальной дороги, получившей в науке название Великого шелкового пути. Начало его функционирования относится, по-видимому, ко второй половине II в. до н.э. В это время дипломат и разведчик Чжань Цзянь открыл для Китая прежде неизвестный ему «Западный край»: страны Восточного Туркестана и Средней Азии.

Еще ранее, во время походов Александра Македонского, эллины дошли до Яксарта – Сырдарьи, после чего предметы эллинской цивилизации стали попадать в Китай и даже в Корею. Тем самым были соединены в одно целое две великие дороги. Одна, шедшая с Запада из стран Средиземноморья в Среднюю Азию и дальше в Серику, разведанная и протянутая эллинами и македонянами; а другая, ведшая с Востока из Ханьской империи в Среднюю Азию, давно уже протоптанная кочевыми народами, но впервые описанная Чжан Цзяном. Дорога эта функционировала издревле. Так уже в I в. до н.э. македонский купец Маэс Татианос составил первое описание огромной ее части от сирийского города Hieropolis (Гиерополис) до Sera Metropolis (Китай). Выдающаяся роль в соединении двух великих дорог, двух великих гиперцивилизаций – западной и дальневосточной - принадлежит народам Средней Азии: бактрийцам, парфянам, хорезмийцам, и, в особенности, согдийцам, которые не были просто проводниками торговых караванов. В оазисы Восточного Туркестана и в города Китая они принесли многие культурные достижения своих цивилизаций. Согдийцы создали в этих местах свою цивилизацию, влияние которой здесь было огромным, а согдийский язык стал на огромной части Великого шелкового пути языком общения, по степени распространения подобный «lingua franca» в Европе нового времени.

Считается (по мнению В. Хеннинга и Г. Халгуна, широко распространенному в исторической науке), что переселение согдийцев на Восток началось после походов Александра Македонского в Согдиану и массового истребления ее жителей. Но столь ранняя дата не подтверждается пока фактическими данными. Более вероятно датировать время переселения согдий-

цев на Восток I в. до н.э. – I в. н.э., когда открылась регулярная торговля, дипломатические и культурные взаимоотношения на Великом шелковом пути, и в особенности, торговля шелком, который производили в то время только в Китае. В этой торговле основную посредническую роль играли согдийцы, через которых и, в частности, через Самарканд, проходила очевидно, важнейшая трасса Великого шелкового пути. Причем основной путь согдийцев на Восток проходил, как сейчас выясняется, через Чач (современная Ташкентская область), который, по-видимому, с первых веков до н.э. стал форпостом согдийской цивилизации и отправной точкой переселения согдийцев на Восток. Как показывают нумизматические данные, уже во второй половине III в. н.э. в Чаче начинают чеканить монеты с надписями, выполненными хорошо развитым согдийским курсивом, что свидетельствует о достаточно раннем проникновении согдийского письма в эту область. Этого мы не наблюдаем в других областях, через которые проходил Великий шелковый путь. В Чаче нередко находки кушанских монет и монет Китая Ханьского времени.

Вероятно, движение согдийцев на Восток не было стихийным процессом, а управлялось из метрополии, каковой был столичный город Согда – Самарканд. Об этом свидетельствуют согдийские «Старые письма», открытые А. Стейном в 1907 г. Одно из них, так называемый «отчет Нанайвандака», было предназначено **главе купцов в Самарканде (подчеркнуто нами – Э.В.)** Нанайдвару. Содержание писем разнообразно. В них содержатся подробные сведения о жизни согдийских колоний в Восточном Туркестане, о тех тяжелых бедах и невзгодах, которые они перенесли из-за нашествия гуннов. Содержатся данные о торговых операциях, связанных с продажей шелка, тканей, перца, парфюмерных веществ, покупкой и продажей серебра. Причем, торговые операции, осуществляемые здесь согдийцами, субсидировались крупными самаркандскими купцами, которые предоставляли кредиты и распределяли торговые сделки. По наиболее достоверным данным, согдийские «Старые письма» датируются началом IV в. н.э. (В. Хеннинг) и, следовательно, являются наиболее ранними согдийскими письменными памятниками в Восточном Туркестане и Китае.

Наряду с торговыми контактами в ранний период устанавливаются и духовные связи Согда с Дальним Востоком. Согдийцы сыграли немаловажную роль в распространении буддизма в Китае. Китайские письменные источники называют четырех согдийских монахов-буддистов, роды которых, судя по их прозвищу Канн, происходили из Самарканда. Самым знаменитым из них был K'ang-Seng-hui (умер в 280 г. н.э.), родители которого из Согда переселились в Индию, а затем в Гонкин, где и родился знаменитый монах. После смерти отца он покинул мирскую жизнь и стал монахом. В 247 г. н.э. переехал в Нанкин, где основал монастырь и буддийскую школу. Кан-Сей-Ху был первым проповедником буддизма в Южном Китае. Ему приписывается обращение в буддизм императора Сунь Хао, строительство множества монастырей и ступа, переводы на китайский язык многих буддийских сочинений и комментариев к ним.

В ранне средневековье еще более усиливаются торговые и культурные контакты Согда и стран Дальнего Востока. С этого времени можно говорить о процессе настоящей мирной иммиграции согдийцами восточной части Великого шелкового пути. Многочисленные согдийские диаспоры возникают вдоль всей его трассы от Кучи и Турфана и вплоть до Лояна и Чаньяня (около Пекина), а возможно, и до Желтого моря и Тихого океана. Есть свидетельства, что в это время согдийцы проникают в Корею и Японию, осваивают Юго-Восточный Китай и Гонкин, где найдены предметы согдийского происхождения. Они попадали туда морским и сухопутным путями, а возможно, и с согдийскими купцами. Свидетельством связей Согда с Кореей и Китаем являются знаменитые настенные росписи, найденные на городище Афрасиаб (древний Самарканд) при раскопках дворцового здания.

На них изображены посольства из разных стран, в том числе из Кореи и Китая, прибывших ко двору самаркандского правителя, согдийского ихшида Вархумана (конец VII в. н.э.).

Согдийцы внесли огромный вклад в распространение несторианства, манихейства и зороастризма в Китае. Они способствовали распространению здесь новых для Китая музыкальных инструментов, таких как лютня, арфа, поперечная флейта, сиринкс (флейта Пана). Особой популярностью пользовались в Китае музыканты и танцоры из различных областей Средней

Азии, в том числе из Самарканда. Музыкантов из Кабудана (область вблизи Самарканда), получивших в Китае фамилию Цао, было больше, чем музыкантов из других стран, вместе взятых. Музыка Самарканда в Китае входила в официальный придворный репертуар.

Значительная роль принадлежит согдийцам, в частности выходцам из Самарканда, во внедрении в Китай отдельных сельскохозяйственных культур и пород животных. Так, к примеру с культурой винограда, а, следовательно, и вина, китайцы познакомились, по-видимому, после посещения Чжан Цзяном Ферганы и Согда в 128 году до н.э., причем название винограда и вина р'и-тао китайцами заимствовано из согдийского слова bu-dav. Впоследствии оно вошло и в японский язык.

Согдийцы создавали вдоль восточной части Великого шелкового пути поселения, основанные и управляемые семи согдийцами. В 627–644 годах несколько согдийских поселений возникло вокруг озера Лобнор. Одно из них было основано на месте покинутого китайского города великим вождем из царства Кан (Самарканд) Кан – Яньтянем, вскоре здесь же возникли три укрепленных согдийских поселения, одно из которых называлось Путночен – «город виноградников».

Значительные согдийские поселения, основанные выходцами из Ши (Кеша), возникли и в нынешней китайской провинции Гиен. Собственно согдийские поселения основываются и в других местах восточной части Великого шелкового пути.

Согдийцы селились и внутри китайских городов. Особенно большие согдийские диаспоры были в таких городах, как Чаньань, Дуньхуань, Лянчжу, где согдийцы жили отдельными общинами. Только в Дуньхуане согдийские общины в начале VI в. насчитывали около 1000 человек.

Словом согдийцы, в том числе и выходцы из Самарканда, оказывали огромное влияние на освоение новых караванных путей, входивших в общую систему Великого шелкового пути, благодаря чему в Восточный Туркестан, Китай и другие страны Дальнего Востока согдийцами или через посредство согдийцев внедрились религиозные воззрения, достижения материальной и художественной культуры Западного мира.

Начиная со второй половины VI в. н.э., согдийцы стали осваивать и новые дороги, ведущие в страны Средиземноморья, чему способствовали сложившаяся политическая ситуация в то время – враждебные отношения между Сасанидским Ираном и Великим Тюркским Каганатом. Во второй половине VI в. н.э. в Самарканде жил знатный купец Маниах. К этому времени в Согде уже было налажено собственное производство шелка, торговлю которым контролировал Маниах и его семья. Маниах обратился к тюркскому кагану Истеми с предложением отправиться к Хосрову I Ануширвану (531-579) для урегулирования вопроса о торговле и провозе шелка в Византию. Однако персы не только не подписали соглашение, но и сожгли привезенный согдийцами шелк. В сложившейся обстановке, благодаря посредничеству тюрков в Византию из Согда было отправлено посольство, возглавляемое Маниахом, чтобы выяснить возможность вывоза шелка из Согда и продажу его в Византии, минуя владения Сасанидского Ирана. Посольство Маниаха в 568 году отправилось из Самарканда через Хорезм, обогнув Каспийское море; затем через степи и горы Северного Кавказа достигло города Себастопольса (современный Сухуми). Оттуда по Черному морю посольство прибыло в столицу Византии – Константинополь. Миссия самаркандского купца Маниаха была успешной. Византийский император, дабы укрепить союз с тюрками, отправил к Истеми-кагану с ответным визитом полководца Земарха. Византийский историк Менандр сообщает, что и в последующем осуществлялся обмен посольствами между Византией и тюркютами, причем ведение дипломатических и торговых дел после смерти Маниаха было поручено его сыну – самаркандцу по имени Тагма Гархан.

Одним из важнейших результатов этой миссии стало освоение так называемого «Кавказского шелкового пути», по которому шел экспорт в Византию и страны Западной Европы согдийских тканей «занданечи», изготовленных в селении Зандана вблизи Бухары. Это подтверждают находки одежды из «занданечи» в аланских могильниках Северного Кавказа в Хрущевой Балке, расположенной в верховьях р. Лабы, и в Хасауте неподалеку от Кисловод-

ска, а также одежда из ткани «занданечи», выявленная европейскими учеными в монастырях Западной Европы.

Не исключено, что в это же время в Крыму был основан (или переименован) город Судак, название которого, по мнению В.И. Абдева, восходит к слову «Sogdak» - «маленькая согдийская колония».

Итак, очевидно, что согдийцы и, в первую очередь жители Самарканда – «Самарканди», занимают выдающееся место в истории Великого шелкового пути. Как я уже писал выше, они являлись не только и не столько посредниками в торговле шелком, но и первопроходцами-пионерами, прокладывающими новые караванные трассы, по которым они переносили культурные ценности своей цивилизации в «Неведомые земли».

E.B. Rtveladze - Samarkand on the Great Silk Road

The article considers the problem of Samarkand's role in interconnections of peoples of the East and West, in establishment of trade and cultural contacts between them. Soghdians, first of all, citizens of Samarkand, possessed leading place in the process. They were not only the mediators in silk trading, but also the pioneers of the new caravan routes used to transport cultural values of their civilization to the "lands unknown". Soghdians contributed much to the spread of Nestorianism, Manikheism and Zoroastrianism in China and Eastern Turkestan. Probably, move of Soghdians to East was not a spontaneous process, it was regulated from the metropolises as they are reflected in the "Old Letters" of Soghdians.

*Dario Giorgetti
(Italy)*

SAMARKAND CROSSROAD OF CULTURES BETWEEN EAST AND WEST

During Timurid Renaissance Samarkand became one of the main cultural centres of Central Asia with organisation and possibility in economics, technique, literature, and the science in the 15th and 16th centuries was beyond comparison even with the level of contemporary Europe. The social development of each structure of society flows through an arch of temporary and changeable ray between beginning and decline; the history of Samarkand as other cultural centres of Ancient world was developed throughout many components. In our retracing research one of these components is certainly the fundamental influence of the Arabic culture, from which the deep knowledge of ancient tradition, especially in geography, mathematic, astronomy and Sciences in general, took on special significance (1).

An extraordinary phase concerning particularly to the history of the science and the astronomical research, which is an object of interest and renewed attention paid by the part of international doctrine was found in Samarkand and in Ulug Beg's Observatory (2) as one of the biggest centre of study and diffusion of the science, so as it took place before in Alexandria in Egypt, Byzance, Milet and Halicarnassus.

Geography and astronomy are two main points in this short report observing in Central Asia the centres of interrelated influences in different historical periods placed between East and West. The discussion between Herodotus and Hecateus on definition and location of lands relative to Asia or to Europe broken out from the pre-Cartesian quadrants produced by Hecateus, gives us the possibility to understand the growing attention for the Greek culture starting from the 5th century B.C. in the direction of Oriental sectors, and particular are the pages, which Herodotus himself dedicates to Sogdiana in his typical ethnogeographic style (3).

But, as it is known, it was the great expedition of Alexander the Great to open the first definite knowledge about Indian and Central Asian lands for Hellenic and Occidental Worlds; surely the descriptive, scientific, catalogical, geographical apparatus in those years obtained by the chosen group of scholars among the most eminent ones accompanying the expedition were extraordinary in the past. If the fragments from *Geography Graeci Minores* collected by Carol Myller and *Periplus Mari Aeriethraei* (4) remind us a part of that great experience we must only feel pity that this first encyclopaedia was lost in the time.

The presence of Greek culture, in any case, remained for a long time on the territory of Central Asia through the “diaspora” of several Hellenistic kingdoms formed after Alexander’s death. For the first Sogdiana was the part of Seleucid state (312-265 B.C.), then was absorbed into the Greek state of Bactria (250-50 B.C.). The population of Greek origin and tradition remained for more than one century and was the raising and dominating class with strong connections of reciprocal interest with the Iranian and Central Asian peoples, such as the Sogdians and Bactrians. One proof of this deep influence is got from numerous archaeological researches conducted by Russian colleagues (5) in recent years.

On the other hand, it is well known that the attention of the Chinese world paid to the lands placed behind its Western borders was particular, not only because of the reason to defend China against *Xiong Nu*’s raids and military movements, but also for evident economical opportunities, which could take place throughout the control of the commercial roads crossing entire Central Asia and reached the oriental Provinces of the Roman Empire.

A slow march was started in 128 B.C., when on behalf of Emperor Wu Di, the general Zhang Qian, after the successful military campaigns in extreme western areas of the Empire, arrived to Sogdiana with the request of *Yue Si*’s people to help him against *Xiong Nu*. He was not able to get this collaboration, but the Chinese sources informed us that he returned to his residence with a great number of information on the lands known from that moment as *Xiyu* (means Central Asia) being fundamental for successive expansions to the western sectors (6).

Besides the issue on the origin of Kushan kingdom in Bactria and north-western India, which could be attributed to one of five clans composed people of *Yue Si* and apart from the hypothesis on Kushana growing cultural and economical influence on Sogdiana and Khorezm (7) we are in the know that starting from late 1st century A.D. to more than 3rd century A.D. Sogdiana under control and protection of Kushan kingdom was in a long period of peace and prosperity.

The caravan routes placed along on many lines crossing Central Asian extensions put the commercial contacts between two most mighty Empires of China and Rome, suggesting to Richtofen to introduce the evocative term “Silk Road”, and increased importance from the 1st century B.C. in parallel with the maritime ways, which had been already opened as the connection of China through the coast line of south-eastern Asia, India (8), Ceylon, Persia, Ethiopia and Egypt reaching South-Eastern areas of the Mediterranean Sea. The Sogdian merchants were the main force to organise the network, and there is no doubt that for a long period they were able to have some benefits from the administration structure of Kushana, which was trustworthy for them like the Roman and Chinese Empires, which were politically stable in late 1st B.C. and the 2nd A.D.

Two centuries after Alexander’s campaign the Chinese world paid a great attention from the West to the big economical and political opportunities provided by the Silk Road. Already at late 2nd century B.C. the agreement between Wu Di and Mithridates II in Parthia initiated a sort of collaboration and reciprocal exchange between these two mighty powers providing the Persian world with implicit possibilities and permission to control the trade and goods along Silk Road in reciprocal exchange between West with East.

During a long period the system was stable for the interest and necessity of Parthia and Persians to exclude engagement between China and Rome, because they were in risk to be like a terracotta vase between two metals. The Chinese interest directed to the West was quite explicit, when the well-known *Kan Ying*’s mission (97 A.D.) led him and his army to entire Central Asia following the caravan routs opened by the Sogdian merchants with precise idea to reach the lands of *Ta-tsin* (borders of eastern Provinces of the Roman Empire) (9). We do not know for sure *Kan Ying*’s route, but he passed, perhaps, Ferghana, Sogdiana, Bactria, reached Alexandria of Arachosia and from that place the Persian Gulf and one place called as *Tiao-chich* in the *Han-shu* catalogue (10).

As we know he was misled and dissuaded by the Parthians, who told him that the voyage to the West took up two years and that the sea ways via the Persian Gulf, Indian Ocean, the Red Sea were also dangerous before he could reach *Myos Hormos* and from that point Petra or Alexandria in Egypt. On the contrary he could reach Selucia city and Palmyra in few days by land, if he went along the Euphrates upstream. *Kan Ying* failed to reach the goal of his travel and he lost the great opportunity

to meet the Roman world; he returned homeland by north-eastern roads through Parthia and Kushana territories (11).

On the other hand the Roman world through fundamental mediation of the Oriental provinces of the Empire progressively increased between late 1st B.C. and 2nd A.D. the request of import of the precious goods such as silk (the real *status symbol*) (12), textiles, spicery, flavoring agents, perfumes unknown before that period. The high classes were disposed to waste foolishly a lot of money to get these materials. As we know it began the progressive financial indebtedness of the West in relation with the East by huge expenses of 100 million sesterces each year, as we are informed by Plinius (13) in the mid-1st century A.D.

The Romans always used the maritime trade ways with more confidence, especially after discovery of the use of monsoons for sailing in the 1st century A.D. providing the stable contacts in the period of military crises with the Parthia (14). We may also remember one more trade line by land, which provided free connections between East and West through the Silk Road during the 1st and the 2nd centuries A.D. getting profit for a long period tranquillity and peace between the Rome world and Parthia.

I mean one powerful caravan transport company controlled by rich Roman entrepreneur *Maes Titianos* well-known from the Roman historical sources informing us that he was Macedonian by origin, who collaborated and informed Marinus of Tyrus, and for this reason Claudius Ptolomaeus often referred to him. The personality, activities, economic results with geographic and politic reflections of this entrepreneur attracted the attention of J. Needham and M. Cary (15) and recently received importance for the international study (16).

Our *Maes Titianos*, whose onomastics gives us possibility to identify him juridically as Roman citizen, but in reality he could be a Greek from one of Selucid colonies, perhaps, *Hierapolis* in Syria. He created between the 1st century A.D. and the middle 2nd century A.D. the fruitful import-export activities with the lands of *Seres* crossing by the caravan routes the territories of Arachosia and reaching *Antiochia Margiana* (Merv). From that place they were able to choose different lines depending on situation and the moment to reach through Sogdiana (Samarkand), Ferghana, the North-East lands and through Kashgar, Kusha, Karashar, Lulan entering Ordos region across the Huang-Ho River near Lan-chou.

A different southern way ran in parallel to Merv through Bactria along the Murgab Valley (17) to Bala Murghab and Bactres; after that it proceeded along the Surkhan-darya Valley to Termez, Dushanbe, *Lithinos Pyrgos* (Stone Tower), which was generally located near Daraut-Kurgan (18). Then it came through Kashgar, Yarkand and finally to the *Sera Metropolis* named so by Ptolomaeus in his work (19). Probably, if Ptolomaeus was right, *Maes Titianos* never took part in these exhausting marches lasted more than seven months from the start in *Hierapolis* of Syria to *Sera Metropolis*, but he reported to Marinus of Tyrus all data such as halts, distances, periods and places given to him by his agents from time to time (20).

In the ancient descriptive geography the best method, if it is approximate, was to believe in registrations of diurnal interval of navigation or the daily fractions of caravan movements in order to calculate the distances and to draw acceptable maps; and as we know Marinus of Tyrus accepted *Maes Titianos*' data as trustworthy. On the contrary they were transformed by Ptolomaeus (21) in his last work, which in reality was the greatest corography all over the world known in that time covering 180° of extension from the Western extremity on *Insulae Fortunatae* (the Canary Islands) to Cattigara (probably, one place in the Tonkino Gulf) (22).

The extraordinary work by Ptolomaeus (23) formed the highest point of geographical science in that time; in that work passing over the method of "Epicycles" and "Deferentes" and composing the system named "Equante", which means an external point from which he observed the Earth he arrived very closer to "the great erness" of heliocentric concept. Ptolomaeus, as devoted pupil to Aristoteles's doctrine, failed to overcome it, but his works remained in the memory of ancient science through the activity of unknown copyists of Late Antiquity and the Middle Ages, who gave possibility to transfer them to the great tradition of mathematics and astronomy of the Arab culture.

We can not say whether during that fruitful period of fifty years of *Maes Titianos*' activities, cor-

responding to the period when Ptolomues published his works, apart from these commercial and precious materials, the first copies of Ptolomaeus' works travelled in his caravans. However, certainly in the following ages a part of cultural traditions of western science, saved from disaster following the fall of the Roman Empire, was delivered through the Silk Road routes to the East both via the Byzantine and the Arab cultures and sciences.

As for now we are recurring again to Samarkand, new Alexandria, where the splendid Temurid phase, as every Renaissance, based its knowledge on the culture of the past to advance further in the field of science.

Ulug Beg, Ghiyath-al-Din al K̄bchi, Ali ibn Mohammad Kushchi, Mansur Kachi, Mawlana Mohammad, Ali Birdjandi, Kadi-Zad̄ Rumi founded in Samarkand, with the Observatory, the most advanced academy of astronomical-mathematics known in the civil world in the 15th century; they organised the astronomical studies of the highest level and, overall, pointed their eyes to the movement of external planets, it means arriving very closed to the perception of heliocentric concept. Only the untimely death, perhaps, prevented Ulug Beg being the first astronomer in the world, who came near this concept from this discovery (24). Only few fragments of works and "codices" were saved, but proceeding back along the caravan roads from East to West they came to the great European cultural centres. One manuscript with miniatures is kept in the National Libray in Paris; some of his scripts, sparsed and miscellaneous, are conserved in the Libraries of Padova and Bologna Universities in Italy.

In the same Universities in the 16th century studied one young Polish student: Nicolaus Copernicus. Returned to his homeland he published in 1543, approximetly a century after Ulug Beg's death, the volume of *De revolutionibus Orbium Coelestium* fundamental for the new theory further embraced and improved by Galileo Galilei, for the first time with *Sidereus nuncius* (1610) and for the second one with *Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo* (1632).

We do not know for sure when Ulug Beg's scripts were brought to Italy; neither it is possible to say if Nicolaus Copernicus might see or give those lists to someone to translate, but certainly the seed of the new astronomical science flourished in the cultural centre of Samarkand a century before Europe.

Literatura

1. D. GIORGETTI, *Il Sole a destra. Scienza e tecnica nella geografia storica del mondo antico*, Agora' Ed., Sarzana 2004, pp. 219-235.
2. *Ulug Beg le Prince astronome*, (num. Spec. de la *Timuride*, sous la dir. De F. Beaupertuis-Bressand), Ass. Art et Hist. Timurides, La Frette-sur-Seine, 1994.
3. HEROD., *Hist.*, VII, 66, 93.
4. L. CASSON, *The Peryplus maris Erythraei*, Princeton 1989.
5. V.M. MASSON, *I monumenti archeologici dell'Asia Centrale. Influenze e relazioni greco-romane*, "La Persia ed il Mondo Greco-Romano" (Atti del Convegno), Roma 1966, ss. 357-381; G.V. SHISHKINA, *Ancient Samarkand: Capital of Soghd*, "Bull. Asia Institute", n.s., vol. 8(1994), pp. 81-99; N.G.L. HAMMOND, *The Branchidae at Didyma and in Sogdiana*, "The Classical Quarterly", n.s., 48(1998)2, pp. 339-344. See also di W.W. TURN, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge University Press, 1951.
6. E. ZBIRCHNER, *Papers on the date of Kanishka* (A.L. Basham Ed.), Leyde 1968, pp. 359-361 (= *Shiji*, 123,1a, 3B, 5b); Fr. THIERRY, *Afghanistan. Ancient carrefour entre l'Est et l'Ouest* (O. Bopearachchi et M-fr. Boussac Ed.), Turnhout 2005, pp. 453-57; 498-99; 513-15. On the voyage of Chang Ch'ien cf. the Catalogue *Han-shu* in A.F.P. HULSEWE' – M.A.N. LOEWE, *China in Central Asia. The early Stage: 125 B.C. – A.D 23*, Leyde 1979, pp. 208-09.
7. S.K. KABANOV, *Arkheologicheskie dannie k etniceskoy istorii yujnogo Sogda v III-VI vekakh*, "Sovetskaya Arkheologiya", (1963)1, pp. 219-230; B.J. STAVISKIJ, *La Bactriane sous les Kushans. Problèmes d'histoire et de culture*, Paris 1986; M. COMPARETI, *Introduction to the History of Sogdiana*, "The Turks (Early Ages)", I, Ankara 2002, pp. 373-381.

8. On the commercial trade between Rome and India see P. CALLIERI, *La presunta via commerciale fra l'India e Roma attraverso l'Oxus e il Mar Caspio*, "Topoi" 11(2001) [2003], pp. 537-545.
9. M. KORDOSIS, *China and the Greek World*, Thessaloniki, 1992; D.F. GRAF, *The Roman East from the Chinese Perspective*, in "Palmyra and the Silk Road", *Ann. Archéol. Syriennes* 42(1996), pp. 196-216. See also M.P. CHARLESWORTH, *Le vie commerciali dell'Impero Romano*, Milano 1940; A. FOUCHER, *La vieille route de l'Inde de Bactres a Taxila*, I-II, Paris 1942-47; F.J. TEGGART, *Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events*, Berkeley 1969; J. FERGUSON, *China and Rome*, *ANRW* II, 9.2 (1978), pp. 581-603.
10. It is not easy to locate correctly this place; perhaps, it was somewhere in Bushire region (A. Hermann, P. Bernard), in the Caracene (Chavannes, Hirth) or in southern Mesopotamia.
11. *Han-shu*, 118 (Chavannes, *T'oung Pao*, 8, 1907, s. 185); M.G. RASCHKE, *New Studies in Roman Commerce with the East*, in *ANRW* II, 9.2 (1978), n. 796, 850.
12. Dio Cassio asserts (XLIII, 24) that Julius Caesar was accustomed to dress a *toga* made of pure silk and wearing it entered the Curia, receiving the caustic reprimands from the traditionalist Roman senators.
13. PLIN., *Nat. Hist.*, XII,41,84: "And by the lowest reckoning India, China and the Arabian peninsula draw from our Empire 100 million sesterces every year, that is the sum which our luxury and our women cost us; but what fraction of these imports, I ask You, now goes to the gods or to the powers of the lower world?". See also A. INNES MILLER, *The Spice-Trade in the Roman Empire*, Oxford 1969. The Roman Senate issued, in vain, several edicts to prohibit the wearing of silk, on economic and moral grounds. The importation of Chinese silk caused a huge outflow of gold, and silk clothes were considered to be decadent and immoral. The price of the best Chinese bark, which is a particular kind of silk, was extremely high in Rome, till to 300 *denarii*, that was a Roman soldier's salary for an entire year. Seneca (*Declamations*, vol. I) wrote hard words on the female moda to dress *tunicae* of silk: "I can see clothes of silk, if materials that do not hide the body, nor even one's decency, can be called clothes... Wretched flocks of maids labour so that the adulteress may be visible through her thin dress, so that her husband has no more acquaintance than any outsider or foreigner with his wife's body". The first direct contact between China and Rome only happened in the second century after the Rome Empire defeated Parthia and controlled the Persian Gulf. In 166 A.D. the first Roman envoy was sent by Roman emperor Marcus Aurelius, from the Persian Gulf and successfully arrived in China. Furthermore we may remind, here, a particular archaeological datum as a Roman inscription of 2nd - 3rd centuries which has been found in Uzbekistan, in the Kara-Kamar cave complex, belonging to some Roman soldiers from the Pannonian *Legio XV Apollinaris* (Y. USTINOVA, *New Latin and Greek Rock-Inscriptions from Uzbekistan*, "Hephaistos: New Approaches in Classical Archaeology and related Fields", 18(2000), pp. 169-179.
14. STRABO, *Geographia*, II,5-12: "...and he (Eudoxus) put music-girls on board, and physicians, and other artisans, and finally set sail on the high sea on the way to India, favoured by constant western breezes. Probably, along these routes in 120 A.D. some musicians and jugglers coming from Ta-tsin reached Birmania.
15. J. NEEDHAM, *Science and Civilisation in China. I. Introductory Orientations*, Cambridge 1954, s. 170-172; M. CARY, *Малс*, *Qui et Titianus*, "The Classical Quarterly", n.s., vol. 6, (1956)3/4, pp. 130-134. See also J. THORLEY, *The Silk Road between China and the Roman Empire at its Height, circa A.D. 90-130*, "Greece & Rome" 18(1971)1, pp. 71-80.
16. A. ALEMANY i VILAMAJO', *Maes Titianos i la Torre de Pedra (I): una font grega sobre els orogens de la ruta de la seda*, "Faventia" 24(2002)2, pp. 105-120; P. BERNARD, *De l'Euphrate a la Chine avec la caravane de Maus Titianos (C. 100 AP. N. II.)*, "Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions & Belles Lettres" (2005), pp. 929-69.
17. M. TOSI, *The archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995*, IS-MEO Reports and Memoirs III, Rome 1998. See also in the Review "Iran" 31(1992), pp. 39-62; 32 (1993) pp. 53-75; 34(1996) pp. 1-22; 35(1997) pp. 1-33; 36(1998) pp. 53-75; 37(1999) pp. 1.24; 38 (2000) pp. 1-31.

18. Other localisation is proposed by Cl. Rapin in the mountain over Orsh (*Alexander's Legacy in the East. Studies in Honour of Paul Bernard*, "Bulletin Asia Institute", 12,1998, p. 218).

19. PTOL., *Geogr.*, I,11,4.

20. ID., *ibid.*, I,11,7: *Marin says that a certain Maes, named also Titianos, macedonian and merchant as his father, gave him the distances having never been in the land of Seres, but referring him the data scheduled and transcribed by his agents.*

21. PTOL., *Geogr.*, VI,11,8. The distance between the Euphrates and *Lithinos Pyrgos*, as *Maes Titianos* referred to Marinus of Tyrus was 876 *scheni* (=26.280 *stadia*), but it was taken by Ptolomaeus as 800 *scheni* (= 24.100 *stadia*). He refused, because it was too long in his opinion, to get the total time of seven months for the entire travel and he reduced the distance given by Marinus as 36.200 *stadia* to 18.100 *stadia*. It means that total distance was about 3.350 km, if the oriental *stadium* was accepted as 185 m. A measurement certainly was closer to the actual distance from Daraut Kurgan to Liang-chou (3.600 km given in the modern travellers' maps). Halving the time to 110 days journey from start to destination Ptolomaeus assumed an average of 37 km per day. It is possible to accept it, if we find *Sera Metropolis* in the place of Liang-chou; but it would be on the contrary, if we localise it in Loyang, then the measurement is incorrect.

22. The geographic coordinates of Ptolomaeus are related exactly to Latitude on the base of the well known *data* offered by the maritime Greek experience of the 4th century B.C. (Peryplus of Pythias), but as for Longitude (in order to understand the Ptolomaeus' calculations we should add +18° as the difference between *Insulae Fortunatae* and Greenwich) it was impossible to solve this problem for the ancient geographer. The correct "chronographical" concept of Longitude was resolved only in the 17th century by John Harrison, a Londonian watchmaker, who participated the competition induced in 1714 by the British Parliament and the "Longitude Act" Committee. The contemporary scientists of that Committee (including Newton, Halley, Flamsteed) refused every time to recognize Harrison's merits and his chronograph H5 or give him the fixed praemium of 20.000 pounds. Only in 1773 at the personal will of King George III he was rewarded with a "consolation" praemium of 8.500 pounds.

23. C.F.A. NOBBE, *Claudii Ptolemaei Geographia*, Leipzig 1843; C. MÜLLER, *Claudius Ptolemaeus. Geographika Hyphegesis*, Paris 1883-1901; H. HERMANN, *Marinus, Ptolomaeus und ihre Karten*, Berlin 1914; O. CUNTZ, *Die Geographie des Ptolomaeus*, Berlin 1923; W.H. STAHL, *Ptolemy's Geography. A select Bibliography*, New York 1953; L.C. TAUB, *Ptolemy's Universe: the natural philosophical and ethical Foundation of Ptolemy's Astronomy*, Chicago 1993; G. AUJAC, *Claude Ptolemée: astronome, astrologue, géographe. Connaissance et représentation du monde habité*, CTHS, Paris 1993; J.L. BERGGREN-A. JONES, *Ptolemy's Geography: an annotated Translation of Theoretical Chapters*, Univ. Press, Princeton 2000.

24. L.P.A. SEDILLOT, *Tables astronomiques d'Oloug Beg, commentées et publiées avec le texte en regard*, F. Didot. Ed. Paris 1839; ID., *Prolegomenes de Tables astronomiques d'Oloug Beg*, F. Didot Ed., Paris 1847-1853; F. BEAUPERTUIS-BRESSAND, *Le Prince Savant annexe les étoiles, in "Samarcande 1400-1500. La cité-oasis de Tamerlan: coeur d'un Empire et d'une Renaissance"*, Autremont Ed., 1995; AA.VV., *Ulug Beg and his astronomical activities. Textes and Studies*, Institute for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, Frankfurt am Main 1998; A. GAUTIER, *L'âge d'or de l'astronomie ottomane*, in "L'Astronomie", 12 (2005) vol. 119.

*Сунь Сян
(Китай)*

САМАРКАНД И ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Исторически Самарканд являлся сердцем региона Центральной Азии. С древних времен между Китаем и Самаркандом поддерживались очень тесные связи,

С V до X века песни и пляски согдийцев из Самарканда и их инструменты постепенно распространились по дворцам и улицам Китая, стали особенно популярными у китайцев.

В сфере материальной культуры изобретенная в Китае бумага в 753 г. перешла к жителям Самарканда, после чего изготавливавшаяся здесь «самаркандская бумага» стала широко известной во всех странах.

В знаменитом каноне китайской медицины «Бен Цао Ган Му» (Сборник лечебных трав) записано множество лечебных трав, выпускавшихся в Самарканде.

В эпоху династии Мин торговля и обмен дарами между Самаркандом и Китаем стали особенно интенсивными. Поэтому в «Летописи династии Мин» (Дипломатический архив династии Мин) сохранились имена правителей Самарканда, включая Темура и Улугбека, а также Бабура. Кроме того, в летописи также остались имена самаркандских послов и торговцев..

Многие известные в истории Китая деятели длительное время жили в Самарканде и в своих многочисленных записках описали изготавливавшиеся в Самарканде предметы, описали в стихах жизнь городских улиц и виды полей и садов.

История свидетельствует, что располагавшийся на Шелковом пути Самарканд являлся местом пересечения различных мировых цивилизаций, древним городом, оказавшим влияние на развитие истории человечества. Поэтому Самарканд принадлежит всем народам мира.

*Xinru Liu
(China)*

SAMARKAND AND INDIA

Sogdian merchants made many trips to India to trade since as early as the first couple of centuries CE. They were among the earliest Buddhists outside the Indian subcontinent. The cultural influence of Sogdiana, Samarkand in particular, on India is not as well known as their commercial activities in Central Asia, China, and even their dealings with the Byzantine Empire. After the rise of the Turkish confederations in Central Asia from 6th century CE. Sogdians traded with the Turkish tribes and meanwhile the latter gradually migrated and occupied the land of Sogdiana. Arab conquests reached Central Asia in the 7th century. Since then, the land of Sogdiana had transformed into the large Landscape of Khorasan in the Abbasid Caliphate. Samarkand and Bukhara became the centers of Islamic learning and both Sogdians and Turks became Muslims. From this time on, Samarkand and Transoxiana (the land of former Sogdiana and Bactria) as a whole exerted more obvious impacts in Indian culture. Developed from both Arab tradition and the rich local heritage, Islamic culture in Transoxiana gained preeminence in the 1st millennium world. Following Islamic Turkish powers' conquests of India, this version of Islamic culture molded the Islamic culture in South Asia and forever changed Indian culture in general.

When Islamic Turkish chiefs invaded India, many Islamic priests and scholars and dervishes followed their steps to migrate and settled in the subcontinent. Sultans in Delhi and later on most part of north India and Deccan brought with them gardens, drinking, music and dance, in addition to technological novices such as the Persian wheel for water lifting. While Ulemas were official consultants for the sultans in Delhi. Sufi saints settled in their gardens to teach their disciples. The Sufis are known for their mystical practices of Islamic religion. Among the special practices only pertain to the Sufis was Sama', or striving to reach the union with the god through music and dance. When Sufism became an established institution in north India and north Deccan region, swirling

dance or dervishes prevailed in Sufi hostels. Though in different cultural and geographical contexts, the style and vigor of dervish dance and music echoes back to the music and swirling dance of Samarkand.

Когучи Ясуо
(Япония)

СОГДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И СОГДИЙЦЫ В ЯПОНИИ

1. Великий шелковый путь и система взаимосвязей между народами Узбекистана и Японии.

Великий шелковый путь – это проложенная на Евразийском континенте трасса торговых и дружеских отношений, где шелк – ведущая экспортная продукция Китая определял роль торговли между Востоком и Западом. Одновременно происходило расширение культурных связей и распространение обычаев, нравов и религиозных учений. Культура Шелкового пути подобна культуре города Сиан (Китай), которая начиналась в Риме, шла через Самарканд, и вела дальше в конечный пункт - город Нара (Япония).

Согдиана, с центром в Самарканде, территориально занимала юго-восточные области Узбекистана и северную часть Таджикистана. Несмотря на то, что эти земли считались очень плодородными и вполне обеспечивали проживание ее жителей, тем не менее, они предпочитали заниматься торговлей, так как Согд располагался на перекрестье торговых трасс, следовавших между странами Востока и Запада, древних государств Юга и просторов стран Севера (Мирзаахмедов, Мухамеджанов, 1990. С. 113).

Активную торговлю на Шелковом пути они начали с IV века и эта деятельность достигла пика в VII-VIII вв. И хотя китайцы подшучивали над согдийцами, клавшими мед новорожденному на язык и клей в ладошку, чтобы он всегда говорил сладкие речи, а деньги липли к рукам, тем не менее, они поражались и отдавали должное успешным достижениям согдийцев. Население стран, окружавших Согд, у которых дух сопернических отношений связанный с торговлей, был не так выражен, как у китайцев, отзывались о согдийцах как о гостеприимных, общительных, уравновешенных и религиозных людях (Мано Эйжи, 1977; NHK “Special”, 2003).

В дальнейшем согдийцы не только монополизировали торговлю на Шелковом пути, но также способствовали распространению идеологических воззрений - зороастризма, манихейства и буддизма в Китае, а также письменности на просторах Монголии, среди племен тюрков и уйгуров (Мано Эйжи, 1992; Комацу Хисао, 2005). Среди согдийцев были и те, кто переселился в Китай, основали согдийские фактории по Великому шелковому пути, а также оставили после себя курганные погребения. За последние годы началось исследование этих захоронений, успешно продвигается расшифровка большей части выявленных эпитафий, а также, в определенной степени, распознавание деятельности согдийцев, оказавших большое влияние на придворную культуру Китая, на ее внешнеполитическую и военную стратегию (NHK “Special”, 2003).

После провозглашения в 1991 г. независимости Узбекистана неизмеримо возрос интерес к прошлому республики и в том числе к наследию Великого шелкового пути. Сегодня ее значение определяется в переименованных названиях улиц, станций метро, названиями гостиниц и туристической фирмы «Silk Road Tour», публикациями книг и карт, связанных с Великим шелковым путем (Ртвеладзе, 1999; Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути, 1991).

При благотворительной помощи главы Академии искусств Токио Хираяма Икио был построен научно-исследовательский центр «Караван-сарай» в Ташкенте, получивший подробное освещение в журнале авиалиний Узбекистана «Uzbekistan Airways».

Первые исследования по трассе шелкового пути японскими учеными начались в период Мейжи (1868-1912), интерес к которым обуславливался проникновением в Японию по этой

магистрали буддизма и других достижений культуры. Так, с 1902 по 1914 г., исследователем Отани Козуи, служившим в храме Нишихонганди в городе Киото, было проведено несколько экспедиций в Центральную Азию. Впоследствии японская исследовательская группа Центральной Азии, изучив наследие буддизма в восточной части Великого шелкового пути, высоко оценила этот труд.

У японцев огромный интерес вызывают и экзотические изделия прикладного искусства, происходящие из Рима, Персии, Центральной Азии и Китая, хранящиеся в храме Шесоин в городе Нара. Здесь при ежегодно проводимых осенних мероприятиях «выставки Шесоин» число посетителей в день достигает более 10 000 человек (Тоно Харуюки, 1988). Вместе с этим по японскому телевидению NHK.TV дважды передавали полнометражный документальный фильм «шелковый путь» или «Новый шелковый путь».

Повышение интереса к Шелковому пути привело к тому, что в разных городах Японии проводились, посвященные ему выставки. Так, в музее древнего Востока в Токио проводились выставки «Отзвук шелкового пути – Персия, Дунхуан, сокровищница Шесоин» и «шелковый путь – великолепие растительного мира». Следует особо отметить выставку «Великий шелковый путь и его наследие», проводившаяся пять раз в 2005 году в музее культуры Киото. При ее проведении культура и история Узбекистана и Таджикистана были представлены многогранно, а их значение определялось тем, что наследие этих стран, связанное с Шелковым путем, стало общедоступно японскому народу.

2. Согдийцы в Японии.

Рассматривая отношения Японии с Центральной Азией и Западными регионами, главным направлением которых был торговый обмен, связанный с зарубежной деятельностью древних японцев, отметим, что в период VII-VIII вв. было достаточно много японцев, поддерживавших связь с Китаем и Кореей, но, к сожалению, нет ни одного из отличившихся наших соотечественников, оставившего свое имя в истории. Отсюда возникает другой вопрос, а были ли представители из Центральной Азии и Западных регионов, которые посетили Японию? (Тоно Харуюки, 1988).

В VIII в. столицей Японии был город Нара, поэтому иностранцы часто посещали его. Однако очень мало тех, оставил о себе информацию. Сохранились записи только двух путешественников – человека по имени Рицуй из Персии, посетившего Японию в 736 г., и Аннехо из Согда, побывавшего в Наре в 754 г. (Тоно Харуюки, 1988).

Из источников известно, что согдийцы, успешно монополизировав международную торговлю, тем не менее сами не смогли создать у себя сильного централизованного государства. Каждый оазис делился на несколько княжеств, во главе всех номинально стоял правитель Самарканда, которого называли «Самаркандский царь – Согдийский государь». Название городов были соответственно: Самарканд – Кан, Бухара – Ань, Ташкент – Секи, Кеш – Ши, Кабутан – Цзевудана, Кушания – Цуйшуанницзя, Маймург – Ми (Гафуров, 1989. С. 314-315). Аннехо был родом из Бухары (Комацу Хисао, 2005). Его приезд в Японию был связан с сопровождением высокопоставленного духовного буддийского лица Ганжин (в период династии Тан – 618-907), о котором пишется в одном из исторических произведений Иноуэ Ясуши «Черепица периода Тенпе». Целью поездки Ганжина в Японию, несмотря на государственный запрет Китая, являлось распространение заповедей буддизма. Он сделал пять безуспешных попыток переплыть море, причем в одном случае из-за доноса ученика, в других из-за стихийных катаклизмов. И лишь через 12 лет, на шестой попытке, в 754 году он попал в город Нара.

В Японии Ганжин обучал заповедям буддизма императора Шему в храме Тодай, Аннехо помогал при постройке храма Тошедайжи. Но, после этих событий известия о нем прекращаются. Тем не менее, вряд ли стоит сомневаться, что он находился рядом со своим учителем Ганжином в храме Тодайжи вплоть до его кончины в 763 году.

3. Согдийская культура в Японии.

Храм Хорюжи, находящийся в префектуре Нара, занесен в списки мирового наследия ЮНЕСКО как самое старое деревянное здание в мире. Обращает на себя внимание выявленные здесь два деревянных сандаловых бруска с согдийской письменностью. В эпоху средневе-

ковья их прозвали «Принцы», так как их считали лучшими деревьями-ароматизаторами. В 1876 году, когда храм оказался в тяжелом материальном положении, было решено преподнести унаследованные сокровища семейству императора в целях получения ссуды. Они одинаковы по высоте, составляющей более 60 см. На поверхности первого просматриваются несколько букв, написанных чернилами. На втором есть надпись, указывающая на дату – 761 год. Второй брусок стал собственностью храма Шесоин, почти в один период с его строительством. Хотя родиной сандалового дерева является Индонезия, его производством особенно славилась Индия. Сердцевина дерева вначале бледно-желтого цвета, постепенно меняет цвет на коричневый и приобретает стойкий, приятный запах. Сандаловое дерево в качестве ароматизатора издревле привозилось в Японию (Тоно Харуюки, 1988).

Согдийские надписи, представленные на обоих брусках в виде клейм, сохранились частично и могут быть реконструированы лишь при их сопоставлении один с другим. Эти «клейма» получили известность еще со времени династии Эдо (1603-1867), но долгое время их значение оставалось загадкой. Судя по начертанию клейм, можно не сомневаться, что буквы прописаны горизонтально, а крестообразный знак внизу имеет характер украшения. Их изучение и определение как «согдийских» принадлежит трем известным лингвистам иранских и среднеазиатских языков во главе с профессором Ешида Ютака, а перевод читался как «ниму-ширу». При этом «ниму» означает «одно из двух частей» (половину), а «ширу» означает «денежную единицу и вес». Наряду с клеймами на брусках сохранились надписи на древнеиранской письменности пехлеви – «бофутои», означающие имя владельца (Тоно Харуюки, 1988).

Ранее считалось, что эти предметы с согдийскими надписями были ввезены в Японию лишь в XX веке, благодаря экспедиции Отани. Исходя из того, что в мире не существует других сандаловых деревьев с клеймом, заключающем согдийскую письменность, а также надписи на пехлеви, можно предположить, что бруски были перевезены из Индонезии или Индии в Иран, а оттуда по Шелковому пути через Среднюю Азию попали в Китай. При этом имя владельца, видимо, было написано в Иране, а в при перевозке в Китай согдийскими купцами было выжжено их клеймо. Есть и другие предположения, по которым бруски были ввезены в Японию представителями различных, в том числе и японских посольств. Но, принимая во внимание огромную активность согдийцев по Шелковому пути, нельзя исключать и, казалось бы, невероятного факта приезда в Японию самих купцов или хотя бы, буддийских проповедников согдийцев, об одном из которых упоминалось выше (Тоно Харуюки, 1988).

В храме Тодай города Нара хранятся, считающиеся редкостными древностями, согдийский кувшин, бочонок, а также маски царя и слуги. Причиной собрания редкостей послужила смерть в 756 году императора Шему, в связи с чем его жена императрица Комё, желая мира душе усопшего, преподнесла огромной статуе Будды в дар 600 предметов, в основном, состоявших из любимых вещей ее мужа. Кроме того, были преподнесены подарки со стороны и других императорских семей, а также буддийские алтарные принадлежности, предметы, используемые во время религиозных церемоний, старинные документы из храма Тодай, ставшие затем основой возникновения сокровищницы Шесоин, ныне достигшей громадных масштабов.

Шесоин является величественным историческим архитектурным сооружением высотой в 14 м. Его часто называют «капсула времени древней культуры Тан» или «Конечный пункт Великого шелкового пути». Причиной этому служит то, что в Шесоин хранятся единственные в своем роде предметы, повествующие об отношениях Запада и Востока, некогда следовавшие по Шелковому пути. В последние годы делаются все новые открытия в сфере культуры Китая, Кореи, Японии и, в этом плане, сокровища в хранилищах Шесоина, насчитывающие более чем тысячелетнюю историю, играют важную роль (Тоно Харуюки, 1988).

Но вернемся к согдийскому кувшину, бочонку и маскам. Издавна велись дискуссии об их определенной связи с династией Сасанидов и западных регионов. Особенно в эпоху Тан под словами «Ко» и «Кожин», в большинстве случаев, подразумевалась народность древнеиранского происхождения. Но в настоящее время эти понятия изменились и я полагаю, что эти предметы являются согдийской продукцией, модели которых были давно выработаны в Согде.

Благодаря последним исследованиям доктора Ешида Микиносукэ, мы предполагаем, что люди, пришедшие в Сиан в эпоху Тан и названные как «Кожин», были согдийцами, а вовсе не персами (NHK “Special”, 2003).

Согдийский лакированный кувшин VIII в. Высота 41,3 см. Это определение основывается на занимаемом им одним из первых мест в списке каталога сокровищницы Шесоин, где дано его описание как «лакированный согдийский кувшин, украшенный цветами и птицами». Крышка в виде головы птицы, закреплена к кувшину при помощи тонкой серебряной цепочки. Согласно исследованиям, при изготовлении кувшина использовался тонкий металлический лист стандартных размеров, свертывавшийся в форме кругов, и сверху покрывавшийся лаком. Слово «согдийский кувшин» неоднократно встречается в литературных памятниках эпохи Тан. Кувшин такой формы выставлен в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте. Даже сейчас такие кувшины широко распространены в Узбекистане и используются для мытья рук (Еженедельная энциклопедия Асахи, 1980).

Согдийский лакированный бочонок в виде рога VIII в. Длина 92,0 см. Бочонок изготовлен из вычищенного изнутри куска дерева «полония», а сверху вставлена деревянная крышка, покрытая лаком. К поверхности прикреплены кольца для подвески. Так как подобных предметов в Шесоин два экземпляра, предполагается, что они выючилились по обоим бокам верблюда и крепились при помощи веревок, привязанных к кольцам. Возможно, образцами для их изготовления послужили кожаные ёмкости (бурдюки) для питьевой воды, устанавливавшиеся на верблюдов согдийских купцов. Они также являются прототипом тех маленьких фляжек, которые мы используем и сейчас. В музее Тенрисанко (префектура Нара город Тенри) имеется глиняная статуэтка согдийца с флягой в руке (высота 26,7 см). Здесь, видимо, представлен характерный образ сгорбленного согдийца с тяжелой ношей на спине, прибывшего по торговым делам в Сиан. После долгого путешествия выражение лица очень изможденное, но кожаный бурдюк с водой крепко сжат в левой руке. В этом же плане необходимо сказать о двух разных по размеру древних выючных глиняных флягах (мустахара), экспонируемых в Музее истории народов Узбекистана (Происхождение и развитие сокровищницы Шёсоин, 2006).

Маска опьяневшего согдийского царя (суикомен) VIII в. Высота - 37,0 см, глубина - 29,4 см. Эта маска, как и описываемый ниже другой образец, использовалась для исполнения пантомимных ролей в драме «гигаку». «Гигаку» - музыкальная драма без слов, которая исполняется актерами в масках под открытым небом. По данным японской хроники «Нихон шёку», маску передал человек по имени Мимаши, прибывший из древнекорейского города Кudara в 612 году, в эпоху правления императора Суико. Предполагается, что происхождение этого представления с масками имеет отношение к Древней Греции, Западным регионам, Тибету или Китаю. Драма была очень популярна во второй половине VIII века и ныне в сокровищнице Шесоин хранятся около 162 разновидностей масок. Одна группа исполняла 14 ролей в 23 масках. В конце драмы комический актер выступает в роли опьяневшего согдийского царя в первой маске, а остальные 6-8 актеров в масках (суикожумен) играют роль его свиты. У «маски опьяневшего согдийского царя» (суико омен) большой выступающий нос, густая черная борода и характерный головной убор, действительно напоминающий согдийца. Его взгляд полон величественности. Маска изготовлена из дерева полония (лишь верхняя часть головного убора из другого дерева). Чтобы придать пьяный вид лицу, она подкрашена красным цветом, брови нарисованы тушью. Борода была приклеена лаком, но с течением времени часть волосков отклеилась. Узор на головном уборе состоял из полевых цветов зеленого, красного, фиолетового и золотистого цвета на красном фоне. По мастерству резьбы, а также по искусной окраске масок, можно судить о выдающемся таланте мастера (Коллекция японского искусства. Т. 5, 1978).

Маска опьяневшего согдийского слуги VIII в. Высота - 26,1 см, глубина - 22,3 см. Здесь изображен согдиец, прислуживающий пьяному согдийскому царю. На правой щеке с внутренней стороны маски написано имя автора (Шерино Онари). Маска изготовлена из нескольких слоев холста, проклеенных лаком и высушена по технике Каншицу, поэтому она очень хорошо сохранилась. Как и маска главного героя, согдийского царя, она подкрашена в красный

цвет, для придания пьяного вида. Густые волнистые брови и контур губ прорисованы чернилами. Глаза и зубы окрашены порошком из смеси серебра и золота, смешанного в воде с клеем. К голове, в три ряда, приклеены волосы коричневого цвета, а фон между волосами окрашен чернилами (Еженедельная энциклопедия Асахи. «Мировое искусство» - 107, 1980).

Парча с круговыми узорами и серебряное блюдо с изображением оленя.

Эти редкости также являются сокровищами храма Шесоин. В начале остановимся на «парче с круговыми узорами». В городе Пенджикенте (Таджикистан) сохранились остатки древнего города согдийцев, получившие название «Среднеазиатская Помпея». В процессе раскопок мастерских и больших домовладений здесь была выявлена высокоразвитая кустарная промышленность. Китайские исторические хроники также свидетельствуют о высоком мастерстве согдийцев в ткацком ремесле. В церкви Нотр Дам бельгийского городка Юи сохранилась коробка с вещами святого, в которой была найдена ткань, изготовленная из шелка. Эта материя, называемая парчой, считалась самой лучшей и пользовалась огромной популярностью среди знати. Длина материи - 192 см, ширина - 122 см. На подкладке материи сохранилась согдийская надпись «Занданача», указывающая на ее изготовление в Узбекистане, в одном из бухарских селений Зандана.

Существует предположение, что согдийцы не только принесли на Запад самую лучшую шелковую ткань, но также распространили в Китае так называемую технику ткачества «Банкин», впоследствии переделанную в Китае и исполнявшуюся необычными «узорами горизонтально». Переходя к описанию фрагмента парчи отметим, что по центру большого круга, украшенного мелкими кружочками, нанесена сцена охоты, очень популярная в этот период. Необходимо обратить особое внимание на манеру исполнения, очень схожую с дизайном согдийского текстиля. Недавно в китайском городе Турфан был найден еще один фрагмент парчи с круговыми узорами эпохи раннего средневековья. Она также, возможно, имеет согдийское происхождение. Если даже предположить, что парча была выткана в Китае, то игнорировать согдийский дизайн сложно.

Следующим предметом для рассмотрения является «блюдо с изображением оленя». Середина VIII века, высота - 13,2 см, диаметр - 61,5 см, вес - 4500 г. По центру блюда, в очень реалистичной барельефной технике нанесено изображение оленя с рогами в виде цветов, а по бортику также барельефно нанесены повторяющиеся растительные мотивы. На обратной стороне блюда выгравировано название мастерской династии Тан. Отдельные исследователи полагают, что многие образцы подобной посуды, найденные в Китае, Средней Азии и на юге России, были изготовлены в согдийском стиле. Также хорошо известно, что изготовление серебряной посуды эпохи династии Тан основывалось на технологии сасанидского и согдийского металлов. Почти идентичное нашему серебряное блюдо найдено и на юге России. На представленном образце безусловно присутствие китайского стиля, но в то же время наличие согдийских традиций в исполнении указывают на процессы синкретизации в культуре и искусстве Китая и Согда (Коллекция японского искусства. Т. 5, 1978).

Парча с изображением всадников, охотящихся на львицу (шикишишикаримон).

Остановимся еще на одном фрагменте хорошо сохранившейся парчи с особой конструкцией дизайна и изображением всадников, охотящихся на львицу, хранящуюся в храме Хорюжи (Нара) VII в. Длина - 250,0 см, ширина - 134,0 см. Ее художественное оформление состоит из крупных кругов диаметром 45 см, с заполнением по центру древа жизни и четырех всадников, симметрично расположенных с обеих сторон. Выполненная очень искусно повторяющаяся сцена изображает наклонившегося в сторону добычи всадника, стреляющего в львицу. Остальные части парчи вытканы теми же круговыми узорами и окружены арабесками.

Интересно наличие крыльев у лошадей. Всадники имели орлиный нос, большие глаза, густые брови и бороды. Изображения всадников напоминают согдийцев, но круговые узоры и арабески являются традиционными как для текстиля княжеств Согда, так и Сасанидского Ирана. Имеется также точка зрения, по которой данный фрагмент является продукцией династии Тан, но важно то, что парча выполнена в дизайне и технике «ткачества по вертикали», связываемой с согдийской традицией. Поэтому, видимо, не случайно, имея столь основательную

производственную базу, в IX-X веках знаменитая самаркандская парча становится ведущей экспортной продукцией Центрального Согда, пользуясь особой популярностью среди населения тюркской кочевой степи (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 273; Основной цвет Японии, 1966).

Панель надгробия.

На севере Китая найдено несколько погребений согдийцев, относимых к VI-VII векам. Чтобы трупы не оскверняли землю, гробы устанавливались на специальные подставки. Такой вид захоронения называется «Канцё» и соответствует учению зороастризма. В одной из могил выкопана панель надгробия, представляющая нам сведения о жизни и быте согдийцев в Китае. находка хранится в музее Мико города Кого префектуры Шига. Картина выполнена на раскрашенной мраморной плите (высотой 61,5 см) с изображением проживающего в своем домовладении состоятельного согдийца.

На плите изображена пиршественная сцена богатого согдийца с супругой в окружении слуг на верхнем плане и музыкальной труппы на втором, нижнем плане. 7-8 музыкантов исполняют согдийскую музыку на таких инструментах, как арфа, 4-х и 5-и струнные бивы и флейта, танцовщица танцует под быстрый ритм музыки. Одевшись в просвечивающий наряд из тонкого шелка, она очаровала гостей своим страстным танцем, называемым «согдийский танец вихря». В Китае особенно горячо почиталась согдийская танцевальная культура, а в эпоху династии Тан этот танец часто воспевался в стихах и даже известный согдиец Анрокузан станцевал его перед императором Генсо. Часто танцовщица и ковер для танца представлялись в качестве подарка от посольств согдийских княжеств, а музыка Бухары и Самарканда была включена в музыкальный репертуар дворца династии Тан. Далее на нижнем плане мраморного панно прислуга разливает вино, а рядом установлен согдийский кувшин, неоднозначно подчеркивающий на отношении всей сцены к согдийской культуре.

Ранее предполагалось, что здесь изображена сцена свадебного вечера, но мешали расхождения мнений в отношении национальности этих женщин, одежда которых очень напоминает китайские образцы этой эпохи. Мужчины же с острыми шапками, отрастившие длинные бороды, несомненно, указывают на согдийцев. На основании тщательного изучения письменных источников и надгробных камней все же выяснилось, что китайские согдийцы вступали в брак в основном только с согдийцами. Поэтому вопрос о китайском или согдийском происхождении этих женщин продолжает волновать исследователей согдийской цивилизации по всей трассе Великого шелкового пути (Эхо Шелкового пути, 2002).

Использованная литература

- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973.
Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999.
Города и каравансарай на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 1991.
Мирзаахмедов Д.К., Мухамеджанов А.Р. Бухара на трансевразийских коммуникациях Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докл. Международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.
Мано Эйжи. История Средней Азии. Токио, 1977.
NHK "Special" // Путь цивилизации. Т. 3. «Шелковый путь – морской и сухопутный». Токио, 2003.
Мано Эйжи. Внутренние районы Азии. Токио, 1992.
Комацу Хисао. Энциклопедия Средней Азии. Токио, 2005.
Тоно Харуюки. Древнейшая сокровищница Шесоин. Токио, 1988.
Гафуров Б.Г. Таджики. Душанбе, 1989.
Еженедельная энциклопедия Асахи. Мировое искусство. № 107. Токио, 1980.
Происхождение и развитие сокровищницы Шесоин (Музей Тенри Сынко). Токио, 2006.
Коллекция японского искусства. Т. 5. Токио, 1978.
Основной цвет искусства Японии. Т. 2. Музей Шогакукан. Токио, 1966.
Эхо Шелкового пути. Токио, 2002.

Koguchi Yasuo - Sogdian culture and Sogdians in Japan

The article deals with influence of Sogdian culture on the East, including ; Japan. Sogdians founded trading stations along the Great Silk Route; they left, as a result, burial mounds. They also promoted spread of ideo-

logical ideas – Zoroastrianism, and Buddhism. The author brings facts concerning Sogdians visits of Japan, subjects dealt with Sogdian culture. Of special interest are rarities from the Shesoru temple; they include: brocade with circular patterns, silver plates with deer image. In the Todai temple of Nara there are a number of rare things: Sogdian jug; keg and tsar works, Sogdian cloth of early medieval period can be found in some other Japanese temples, for example, in Khotuji temple (Nara).

*TakaoUno
(Japan)*

SOGDIAN TOMBS EXCAVATED IN CHINA

Since the last century, we could notice the importance of exchanges between Central Asia and Eastern Asia, from the archaeological remains like three-color glazed figurines of western people (maybe Sogdian) and camels, which have been excavated from tombs in China.

On the other hand recently, Sogdian tombs excavated in China. I would like to introduce two Sogdian tombs reported in detail in this presentation,. One example is the Anjia tomb excavated in Xian China, and another one example is the Yu Hong tomb excavated in Taiyuan Shanxi province China.

In the case of the tomb where man of nobility was buried, an epitaph was set in the chamber of the tomb in Ancient China, so we could know the personal name, career and the date of death of the master of the tomb.

Anjia Tomb (571 AD, The Northern Zhou dynasty, Xi'an)

Anjia tomb was found at the northern area of Xian city in May 2000 (Shanxi Provincial Institute of Archaeology 2003). It was 3 kilometers north from the northern city wall of Xian of Ming Dynasty. This area had been one of the main burial zone of Changan castle the capital city of Ancient China.

Tomb Structure

Anjia was buried in typical Chinese style of single-chamber brick tomb. The chamber faces south at an orientation of 180° with 35 meters in length, and composes of a long sloped entrance passage, arched tunnel separated by five vertical airshafts, and a brick vaulting chamber. There are wall decoration of warriors and flowers along the walls of vertical airshafts, and arched tunnel.

There are brick sealing door and stone sealing door at the end of the passage, and there is a excellent wall decoration of worshipping ceremony of Parseism on the top of the stone door. There are two priests of eagle body, Music Gods, and at the center, there is the dish burning charcoal inside held by camels on a petal of lotus.

There is a short stone brick passageway behind the stone gate and a square stone epitaph was put in the middle of the alley. There is a skeleton of the tomb occupant lying on the north side of it disorderly.

The chamber was made of brick, square and vaulting, 3.68 meters wide and 3.64 meters depth and 3.3 meters height. There is a stone bed surrounded by screens in the center of the chamber. These stone screens contain twelve pictures about guard of the honor, hunting and picnic, music and dance, feasting and hunting, and meeting of the host and guest. These pictures were represented by the technique of low relief and painting.

Human bones found near the epitaph, although many bones were found in regular, but some bones of foot and hand couldn't find. It is believed that his body had been all ready undergone after terrace-exposed burial.

burial goods

Burial goods are very few in Anjia tomb, but one set of gilt bronze belt buckle and sash ornaments were excavated at the passage way.

The career of Anjia

According to the epitaph, Anjia was from Changsong Guzan (Gansu Province, China). He was appointed to be 'Sabao' and 'Dadudu', the Administrator of visiting people to China, and the governor of Northern Zhou dynasty. He was 62 years old and died in May 517 AD. Then, he was buried in the Anjia tomb, 7 kilometers eastward from Chang'an castle. Sabao's main duties were manage foreign trade, handle the settlement of the people from Western Territory in Chinese border, and hold the ritual activities during Northern Zhou period.

2. Yu Hong tomb (592 AD, The Sui dynasty, Taiyuan)

Yu Hong tomb was found at Wangguo village, Taiyuan, Shanxi province in July 1999. The Northern Qi tomb of Luo Lue, Prince of Dongan is located 600 meters southwest of this tomb. Yu Hong tomb was pillaged in the late Tang dynasty.

Tomb Structure

Yu Hong tomb is also a typical Chinese style of single-chamber brick tomb. It faces southwest at an orientation of 205° with 13.65 meters in length, and composes of a long slopping, horizontal corridor, tomb door, and chamber.

The remaining passage is 8.5 meters long, 2.0 meters wide, and the slope is about 15°. The horizontal corridor is 0.8 meters wide, 1.25 meters in length, and the ceiling was already collapsed. The door to the chamber is 0.8m wide.

The plan of chamber is a square with bowed edges, 3.9 meters wide and 3.8 meter in length, but the distance between corners is 3.66 meters wide, and 3.66 meters in length. There were no traces of plaster of the surface of brick wall, and above a height of 1.65 meters the brick wall of the chamber was collapsed.

A white marble sarcophagus was set at the center of the chamber. The lower portion of the sarcophagus is a base, and two stone lion heads were placed under each of the four sides of the base. The base with the lion head measures 1.38 meters wide, 2.48 meters in length and 0.57 meters height. The exterior of the sarcophagus is modeled after a wooden palace, and it is 1.37meters wide, 2.46 meters in length, and 0.96 meters in height.

Both the interior and the exterior of four sides of the stone sarcophagus were carved and painted. The images is rich including scenes of a banquet, entertainment, hunting, daily life, excursions, etc.

Two square stone epitaphs were excavated from the bottom layer of the burial chamber. One was the epitaph of Yu Hong, the male tomb occupant. The other was the epitaph of Yu Hong's wife.

Human bones were broken fragments and scattered, but the bones examined and determined to be from one male and one female.

b) Burial Goods

Stone figurines, Clay figurines, a white porcelain bowl, a stone lamp stand, bronze coins were excavated in Yu Hong tomb.

Stone figurines are made from marble or sandstone. These can be divided into attendants, musicians, and sword bearing warriors. Clay figurines are of horses and other domestic animals.

c) The career of Yu Hong

Yu Hong was styled Mopan and was from Weihelin city in the Yu kingdom. Under order of the Ruru Khagan, he once served as enjoy to Persia, Tyyuhun, Anxi, and Rouzhi, among other kingdom, and then to the Northern Qi China. Later he served as an official under the Northern Qi, Northern Zhou and Sui dynasty of Ghina. Under the Northern Zhou dynasty he was a provincial general, governor and Sabao the Administrator of visiting people to China.

Yu Hong was buried on 592 AD in Taiyuan, and his wife buried together 598 AD.

3 Conclusion

Sogdian leaders got formal status in ancient Chinese society and adopted Chinese traditional style of single-chamber brick tomb. The tomb structure was completely different from those in Central Asia/

On the other hand they didn't adopt the custom of inhumation, so they didn't use Chinese wooden coffin for inhumation. They adopted stone bed, and represented their identity on the wall decoration in the tomb. The scenes of religious ceremony, banquet, entertainment, hunting, daily life, excursions, etc were exotic in East Asia.

These tombs with stone bed are mainly Northern Qi, (550AD- 577AD) Northern Zhou,(556AD-581AD), Sui (581AD-619AD), and practiced in Yellow River valley in Northern China. It is supposed that most of the occupants are Sogdian aristocracies who were immigrated and settled down in China.

We believe that Sogdian people played important part in the social development in East Asia.

Bibliographie

- Shaanxi Provincial Institute of Archaeology 2003, Anjia Tomb of Northern Zhou at Xi'an, Beijing: Cultural Relics Publishing House.
- Shanxi Provincial Institute of Archaeology, Taiyuan Municipal Institute of Archaeology and Bureau of Cultural Relics and Tourism Jinyuan District Taiyuan 2005. Sui Dynasty of Tomb Yu Hong in Taiyuan, Beijing: Cultural Relics Publishing House.

*Б. Абдулгазиева
(Узбекистан)*

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Велика была роль Великого шелкового пути в установлении контактов между разными странами и народами, налаживании дипломатических связей и торговых отношений. Исследователи при изучении этих вопросов в основном обращают внимание на товары, которыми торговали, описывают диковинные дары, преподносившиеся послами иноземным правителям. Однако в них нет сведений о духовной культуре, которая является не менее ценным народным творчеством.

Археологические данные позволяют судить о распространении на территории Средней Азии легенд и мифов западных и восточных стран.

Самые популярные легенды античного мира – о подвигах Геракла, основателях Рима – братьях Ромуле и Реме и другие получают распространение в Средней Азии уже в эпоху ранней античности. Культ древнегреческих богов-близнецов Диоскуров был популярен в древнебактрийском городе Дильберджине, где в их честь был построен храм. В этом же городе почитали Геракла, который, по всей видимости, пользовался большой популярностью среди военных – большая глиняная статуя этого героя была найдена в одном из помещений мощных привратных укреплений около южных городских ворот (Пугаченкова, 1977, С.83).

Около Ходжента (бывший Ленинабад) найден бронзовый кратер (конец I I – I вв. до н.э.) с изображением вакхической сцены (Литвинский, Турсунов, 1971). Привлекают внимание две импортные вещи (I – II вв. н.э.) из Римской империи, найденные на Афрасиабе: скульптурное глиняное изображение повозки с тремя грациями и возницей – Бесом, и светильник, на котором изображена борьба Геракла с гидрой (Ставиский, 1964. С.179, 180, рис.25). В замке Тудаи Калон (западная Фергана) найден фрагмент облицовки ларца V – VI вв.н.э. из слоновой кости с изображением двух летящих Ник, несущих царское ожерелье Салтовская, 1968).

В позднекушанскую эпоху античные традиции сочетались с традициями местной культуры, роль которых все более усиливалась. Среди «греко-бактрийских» чаш имеются широко известные три экземпляра» раннесредневекового времени, на которых, как доказал К. Вейцман, изображены иллюстрации к трагедиям Еврипида и здесь же помещены местные сюжеты, и, как он считает, на этих чашах отражено начало того явления, когда греческие фигуры были не трансформированы, а заменены местными типами (Weitzmann, 1943, p. 320).

На дне серебряной чаши (I – III вв.н.э.) символ Сасанидов - орел с полураспахнутыми крыльями (из коллекции Кеворкиана в Нью-Йорке). 2. На Кустанайской чаше IV в.н.э. (хранится в Эрмитаже) (Смирнов, 1909, табл. СХIII, № 287) в изображении сцен торевет следует в основном традициям античности, но при этом он внес в композицию и местный сюжет – в сцене об Алопе в роли судьи изображена кушанская богиня судьбы Ордохшо, тогда как, согласно содержанию драмы, здесь следовало бы видеть отца Алопы Керкиона (Cercyon), который вершил суд и Алопу посадили в тюрьму (Weitzmann, 1943, p.295-320, fig. 5). 3. На серебряной чаше с позолотой (Эрмитаж, из собрания Строгановых) вставлена сцена пира или бракосочетания, на которой также явно проступает следование запросам местных вкусов. Как отмечает К. Вейцман, одежда мужчины и женщины с широким вышитым лацканом, характерным для согдийцев (Weitzmann, 1943, з.320). Этот фасон костюма был широко распространен в Средней Азии и имеет, как отметил Л.И.Альбаум, полные аналогии в одежде персонажей, изображенных в росписях Балалыктепа V – VI вв.н.э. на юге Узбекистана (Альбаум, 1960. С.176-178, рис.112), Пенджикента – в росписях зала № 7 объекта III, на монетах Согда (Ставиский, 1960. С. 71).

Большой интерес представляет керамическая чаша с рельефными изображениями (VI – VII вв.н.э.), найденная на сельском поселении Лумбитепе во время археологических раскопок,

поскольку представляет новый материал о распространении античной литературной и художественной традиции в Средней Азии (Абдулгазиева, 1999. С.126-127).

Чаша изготовлена на гончарном станке, из теста хорошей отмучки, снаружи сохранились следы тусклого красного ангоба. Сама чаша имеет форму сегмента, венчик слегка вогнут, на кольцевом поддоне, украшена рельефными изображениями, выполненными в технике лепки и штампа. Рельеф высокий. Размеры сосуда: диаметр венчика 16,5 см, диаметр дна 6 см, высота 7 см, высота поддона 0,7 см.

По форме, размерам и приему расположения рельефных сцен - на дне и широкого пояса вокруг него на тулове, чаша аналогична металлическим чашам, известным в литературе под названием «греко-бактрийских» (Тревер, 1940. С. 41-73, табл.15,18, 80-82). Сохранившаяся часть чаши позволяет предполагать, что на ней были изображены три сцены. Одна из них представлена полностью (рис. 1). На ней изображена борьба героя с вепрем. В композиции все дано условно: пропорциональное соотношение фигур человека и животного и частей тела нарушены, изображения схематичны, отсутствует пейзаж.

Туловище героя изображено в фас, ноги в профиль, носками влево, обуты в сапоги без каблучков, с острым носом, с голенищами, достигающими до колен, голова выполнена штампом, повернута влево в три четверти. Герой изображен безбородым, лицо круглое, короткие кудрявые волосы обрамляют лоб, небольшой рот, едва заметная улыбка на губах, черты лица лишены индивидуальности. На голову надет львиный скальп со шкурой, спускающийся ниже плеч,

торс обнажен, но ниже идет юбка (или набедренная повязка) до колен, подпоясанная широким поясом, подол оторочен каймой. Крупные пластины набедренника выполнены штампом в виде четырехлепестковой розетки, расположенной в один ряд.

На чаше показан кульминационный момент борьбы героя с вепрем. Перед ним мы видим ошетилившегося кабана с разъяренно раскрытой пастью. Правой, вытянутой вперед рукой, герой схватил вепря за голову, а левой вонзает меч ему в пасть. Морда животного исполнена в гротескном стиле, распространенном в коропластике Согда V-VIII вв.н.э. (Мешкерис, 1989. С.17-18) - правый глаз изображен наклепным кружочком с углублением в центре, пасть напоминает бруска, клык прочерчен изогнутой линией, горизонтальными насечками выделены копыта. Руки человека трактованы схематично, кисти рук в виде ласты с трех-четырепальными пальцами. Аналогичным образом показаны пальцы на некоторых архаичных типах статуэток богини-матери из Афрасиаба с одной рукой у груди, другая - опущенная вниз, в традиции, восходящей к эпохе бронзы. Пальцы поднятой руки растопырены, кисть плавно сужается к тонкому запястью (Мешкерис, 1989. С.95-96, рис.6.1). С аналогичными пальцами встречаются статуэтки и в эпоху поздней античности. Так же показаны руки у статуэтки богини, найденной в окрестностях Самарканда, оттиснутой в открытой форме (Мешкерис, 1989. С.153-154, рис. 57). Схематично трактованные руки встречаются среди статуэток и в эпоху раннего средневековья -V-VIII вв., происходящих из Афрасиаба. (Там же. С.172, рис.77,14). Интересно, что примитивно проработанные кисти очень характерны для ряда восточнотуркестанских каменных изваяний (Литвинский, Лубо-Лесниченко, 1995. С. 301), такой же прием встречается и на некоторых каменных статуях с сосудом в руках тюркского времени (VII – IX вв.) из Алтая, Тувы, Хакасии (Евтюхова, 1952, рис.3; 22.2; 23.1; 32,43). За кабаном на арке сохранилась часть прямоугольного предмета с орнаментом. Возможно это палица, или колчан.

В Фергане, Чаче и Уструшане, мелкая терракотовая пластика не известна, и до сих пор не найдено ни одной статуэтки женского божества. В других регионах Средней Азии она была распространена с глубокой древности и дожила вплоть до поздней античности, а в Согде бытовала еще и в период раннего средневековья (Мешкерис, 1989. С.19-20). И появление ее в Фергане эпоху раннего средневековья представляет особый интерес.

Композиция изображений на чаше не находит прямых аналогий в искусстве Средней Азии. Техника исполнения и стиль изображения сцен на ней имеют много общего в мелкой пластике поздне согдийской коропластики, для которой характерны комбинированная техника (ручная лепка с применением штампа), изготовление статуэток с непропорционально большой головой по отношению к туловищу, изображение зрачков глаз в виде углублений, гротескный стиль (Мешкерис, 1977. С. 94,95). Здесь явно выступают местные традиции.

В данной сцене для интерпретации героя важным является наличие львиного скальпа и сама композиция изображения борьбы героя с вепрем.. Львиный скальп - неперенный атрибут древнегреческого героя Геракла, и здесь можно было бы видеть выполнение им одного из подвигов – поимку Эриманфского вепря: - третьего по В.Д. Блаватскому (1941).

Местный восточный стиль сказывается в том, что борющийся герой вылеплен не атлетически сложенным, как это принято в античной традиции, а с узкими плечами и тонкой талией, то есть именно так, как изображены мужчины в памятниках искусства Средней Азии. Такими мы их видим в настенных росписях VI-VIII в.н.э. Пенджикента (Скульптура и живопись древнего Пенджикента, 1959, табл. VII, VIII), Балалыктепе на юге Узбекистана (Альбаум, 1960, рис. 96-121), на деревянном резном панно дворца афшинов Уструшаны VIII - IX вв. (Негматов, 1977. С.354), терракотовых статуэтках, образках и плитках Согда V-VIII вв.н.э. (Мешкерис, 1977, рис. 5, табл. XXVIII, 24, 28, 37, табл. XXX, 98, 99).

Композиция изображения третьего подвига Геракла на нашей чаше также не имеет ничего общего со скульптурной группой с Эриманфским вепрем в греко-римском искусстве, где по традиции обнаженный герой несет на плече связанного кабана (Блаватский, 1941. С.194, рис.3; Масленников, 1986. С.175, рис. 1д. С.177,рис.2б; Ляпунова, 1939. С.216). Несоответствие заключается также и в том, что Геракл закалывает кабана мечом, тогда как, согласно античному мифу, он должен не убивать его, а связать и доставить живым. Это явное отступление

ние от сюжета сближает нашу сцену с изображениями иранских шахиншахов на охоте, хорошо известными по серебряным сосудам сасанидского круга. Особый интерес представляют аналогии в той композиции единоборства, где герой одной рукой хватает хищника за голову, а другой наносит ему поражающий удар мечом. В такой, возведенной в канон сцене, могут изменяться поза героя, отдельные элементы, вид животного, но неизменным остается их взаимодействие. Именно такая композиция могла послужить прототипом для сцены с героем на лумбитепинской чаше, но опосредованно через сасанидское искусство. В этом отношении для аналогии более важными являются сцены на двух серебряных чашах. На одной из них пеший Шапур III (383 - 388 гг) убивает мечом леопарда. Поза Шапура III почти как в сцене на нашей чаше, но хищник здесь стоит на задних лапах спиной к охотнику (Смирнов, 1909, СХХII, 308). На другой чаше (середина III в.н.э., частная коллекция, Япония) Пероз I (или один из его сыновей, или наследник) убивает тигра. Хотя здесь царственный охотник воспроизведен на коне, но его взаимодействие со зверем представляет более близкую параллель композиции на нашей чаше (Tanabe, 2001, p.169-171, color pl.I, fig. 5). Представляет интерес то, что на обеих чашах цари показаны обращенными вправо и с мечом в правой руке, т.е. противоположно сцене на нашей чаше. Это кажущееся противоречие станет понятной, если учесть, что перед нами образ, трактованный с местными традициями. и в связи с этим возникает вопрос: был ли он «левой»? Это как будто подтверждается тем, что среди тюрков особенно славились воины - левши (Пугаченкова, Ремпель, 1960. С.56, табл. 48), так как умение владеть оружием обеими руками одинаково высоко ценилось в воинском искусстве. Этот прием имеет свою глубокую традицию. Истоки композиции с «левой» ведут в предахеменидский Иран. На золотой пластине VIII-VII вв. до н.э из Зивие трижды дублировано зеркально- симметричное противопоставление сцены борьбы одного и того же царственного героя, сражающегося со львом: в левой колонке он замахивается правой рукой с мечом на зверя, а в правой колонке - левой (Фрай, 1972, рис. 20). И Ахеменидский царь, борющийся с фантастическим зверем, показан «левой» на рельефе из Персеполя (Лосева, Дьяконов, 1956. С. 387, илл. 333). Известно, что симметричность, зеркальное повторение одних и тех же сцен - это один из принципов искусства Ахеменидов, что оказало влияние и на сасанидское искусство (Луконин, 1977. С. 68, 180). Отразился он и в композиции с героем на лумбитепинской чаше, но опосредовано через сасанидское искусство. В этой связи особый интерес представляет деревянное резное панно VII в.н.э. из Пенджикента, на котором герой тоже левой рукой убивает фантастического чудовища (Маршак, 1985, № 585).

Зеркально-симметричное удвоение применялось в разных видах искусства. При раскопках в замке Тудаи-Калон (V-VI вв. н.э.) в северо-западной Фергане найдена облицовка ларца из слоновой кости, украшенная гравированным изображением двух летящих Ник, несущих в вытянутых руках царское ожерелье (Салтовская, 1968. С. 109). Такой прием использован и в архитектурном оформлении дворца афшинов Уструшаны VII -IX вв., но с большим количеством участников. Здесь на деревянном резном панно в полукруглой арке расположены в три ряда скульптурные изображения. В центре нижнего ряда помещена фронтальная фигура фантастического существа с человеческим обликом, с двух сторон к нему скачут конные всадники - по четыре с каждой стороны. Кони расположены в один ряд и на одинаковом расстоянии друг от друга. Фантастическое существо показано зажатым между нападающими справа и слева всадниками: передние копыта лошадей упираются в пояс, а морды - на его плечах (Негматов, 1977. С. 354-355).

В эпоху раннего средневековья симметричное удвоение рисунка получает широкое распространение во всех видах искусства. В Византийском текстильном производстве этот прием становится традиционным и оказал сильное влияние на согдийское шелкоткачество, где преобладают симметричные зеркальные композиции в медальонах (Иерусалимская, 1972. С.12, 24).

Обращает внимание, что зеркальный вариант, как на нашей чаше, представляет бронзовая статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары (VI - VII вв.) с городища Новопокровское в Киргизии. У этого Авалокитешвары опухало в левой руке, тогда как, согласно классической иконогра-

фии, этот атрибут должен быть в правой руке, а в левой - касало (Горячева, Перегудова, 1996, рис.10а) и мнению Т.К. Мкртычев, представляет собой отливку с редуцированной модели и является зеркальным вариантом классического оригинала Авалокитешвары (Мкртычев, 2002. С.164). Следовательно, в сцене на нашей чаше мы видим то же явление.

Несмотря на сохранение неперменного атрибута - львиного скальпа и некоторых присущих Гераклу в греческом искусстве черт, но стиль исполнения и композиция в целом среднеазиатские.

Исследователи культов эллинизированного Востока приходят к выводу, что Геракл здесь сливается с божествами местного пантеона, сохраняя свою традиционную, хотя и заметно огрубленную пластическую иконографию (Пугаченкова, 1977. С. 86). Сцена на чаше с Гераклом тоже позволяет говорить о том, что его образ в Средней Азии ассоциировался у местного населения с образами эпических героев. В эпоху становления феодальных отношений были широко распространены легенды и мифы, героические эпосы о богатырях Рустеме, Исфендиаре, Гоштаспе и многих других, воспетых в бессмертной поэзии Фирдоуси «Шахнаме». Они тоже, подобно Гераклу, совершали немало подвигов (Иоселева, 1965, с. 240, 241). Об их популярности среди народа говорят памятники монументального и прикладного искусства. В Пенджикенте изображен целый цикл подвигов Рустема. Известны они и в Восточном Туркестане, где сохранился отрывок текста на согдийском языке, в котором один из эпизодов о Рустеме, датируется временем, близким пенджикентским росписям (Беленицкий, 1973, с. 47, со ссылкой на Benveniste E).

Для сцены на нашей чаше особый интерес представляет подвиг богатыря Бижена, который смело вступает в единоборство не с одним, а с целым полчищем чудовищных кабанов, опустошавших страну (Фирдоуси, 1965. С.116 - 119) и сцена на нашей чаше показана как битва с кабанами, а не как поимка Эримафского вепря. Герой облачен в панцирный набедренник. Здесь изображен местный герой, борющийся с дикими, свирепыми животными. В среднеазиатских эпосах известен только один богатырь, имя которого прославлено борьбой с кабанами. Это Бижен. Вполне возможно, что на чаше запечатлен подвиг этого героя.

Лумбитепинская чаша с наклепными изображениями - это уникальное произведение местного искусства. Композиции сцен на ней представляю собой синтез античных, среднеазиатских и иранских традиций. Не вызывает сомнения, что чаша изготовлена в подражание металлическим изделиям, до нас не дошедшим, с которых короoplast, видимо, копировал сюжеты, внося изменения соответственно местным запросам. Прототипом могли послужить как местные изделия, а также привозные, как известно, через Фергану проходил Великий шелковый путь и часть товаров, провозимых караванами в обоих направлениях оседала здесь. Изделия своих местных торевтов были широко известны и, возможно, была своя школа торевтики. Об этом позволяют судить китайские письменные источники (Шиц-зи, 14-135 гг. до н.э.) : « В тамошних странах (от Давани до Аньси -Б.А.) нет ни шелка, ни лака, не умели отливать ни монеты, ни посуды.а когда получали от китайцев золото и серебро, то употребляли их на посуду, а не на монету (Бичурин, 1950. С.162).

Героические легенды и мифы древней Греции и Рима, видимо, были хорошо известны в Средней Азии не только устно, но и в переводе на местные языки. Об этом позволяют говорить археологические материалы. В восточном Туркестане найдены отрывки сборника басен Эзопа на согдийском языке (Беленицкий 1973. С. 49). Хорошо известная басня о гусыне, несущей золотые яйца, изображена в живописи Пенджикента, где показан юноша, убивший птицу, чтобы сразу разбогатеть, но лишился источника обогащения (Беленицкий, 1973. С. 49, илл. 33). Легенда об основателях Рима Ромуле и Реме расписана в настенной живописи дворца Уструшанского правителя Калаи Каххаха I VII - VIII вв.н.э. (Негматов, 1975. С. 443-445).

Популярность образов героев греческих легенд в Средней Азии, как усматривают исследователи, связана с тем, что они сливались с образами местных богатырей, что подтверждается также и сюжетом на лумбитепинской чаше.

Широкое распространение на территории Средней Азии античной литературной традиции в эпоху раннего средневековья свидетельствует о тесных торговых связях с Византией, воз-

никшей после установления дипломатических отношений между Западнотюркским каганатом и Византией в VI в.н.э.. С другой стороны, более тесные связи имела Фергана с Восточным Туркестаном. Именно оттуда началось распространение буддизма здесь в эпоху раннего средневековья, судя по буддийскому храму в Куве. Но связи эти имели более древние корни. Об этом свидетельствуют некоторые параллели в погребальном обряде - применение шелковых покрывал с наглазниками на лица погребенных в ряде могильников Ферганы, таких как: Карабулак III-IV вв. н.э., где найдены шелковые лицевые ткани с характерными для Китая изображениями женских божеств, держащих змей в вытянутых руках (Баруздин, 1957. С.96-102; Он же, 1961. С.43-82).

Использованная литература

- Абдулгазиева Б. Античная литературная традиция в искусстве Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1999.
- Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
- Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // КСИЭ, 1957, вып. XXVI, М., 1957.
- Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Известия Академии Наук Киргизской ССР. Серия общественных наук, т. III, вып. 3 (История). Фрунзе, 1961.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., т.2, 1950.
- Блаватский В.Д. Акарнанские бронзы Лисиппа // СА. № VII, 1941.
- Горелик М.А. Кушанский доспех // Древняя Индия. М., 1982.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ, № 2, 1996.
- Иерусалимская А.А.. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Литвинский Б.А., Гурсунов Н.О. Ленинабадский кратер и Луврская ваза Сосибия // ВДИ, № 3 (117), 1971.
- Лосева И.М., Дьяконов М.М. Искусство древнего Ирана // Всеобщая история искусств. М., 1956.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Маршак Б.И. Панно со сценой битвы героя с чудовищем // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Мешкерис В.А. Керамика Согда. Душанбе, 1977.
- Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I - X вв.). М., 2002.
- Негматов Н.Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1976.
- Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии // ВДИ, № 2, 1977.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Салтовская Е.Д. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашга (Древняя Фергана) // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, № 2 (52). Душанбе, 1968.
- Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. Санкт-Петербург, 1907.
- Ставиский Б.Я. О датировке и происхождении Эрмитажной чаши с изображением венчания царя. СГЭ, вып. XVII, 1960.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия, Индия, Рим. // Индия в древности. М., 1964
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.
- Фирдоуси. Биджен отправляется на битву с вепрем // Фирдоуси. Шахнаме, т. 3. М., 1965.
- Фрай Р.Н. Наследие Ирана. М., 1972.
- Щеглов А.Н. Подвиги Геракла. Л., 1964.
- Tanabe K. Kushano-Sasanien Silver plate and Central Asian Tigers // SRAA. V. 7, 2001.
- Weitzmann K. Three 'Bactrian' Silver Vessels with Illustrations from Euripides // The Art Bulletin. Vol. XXV, № 5, 1943.

М-Ш. Кдырнязов
(Узбекистан)

САМАРКАНД И ХОРЕЗМ (О связях столицы Амира Темура с Хорезмом)

Накопленный к сегодняшнему дню источниковедческий материал свидетельствует о том, что урбанизационные центры Узбекистана имели общие культурные корни, постоянные исто-

рико-культурные связи. Исторически эти области часто входили в состав единого государственного объединения. Единство веры, схожие социально- исторические условия, общность в культурных традициях можно проследить по традиционным культурным связям Согда и средневековых городов Хорезма.

Самарканд и Хорезм во времена Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231), Джагатаидов (1221-1370) и Темуридов (1370-1505) тесно соприкасались в культурном взаимодействии. Надо отметить, что средневековые источники еще до образования феодальных государств Средней Азии отмечали традиционную близость этих областей. Истахри относит Хорезм к Мавераннахру, при этом отмечает, что «главный город его (Кят) за рекой ближе к Бухаре, чем города Хорасана» (Материалы... Т. I. С.202). Территориальная близость способствовала сложению и укреплению культурных связей Хорезма и Согда, причем Самарканд занимал главенствующее положение.

Ставшая традиционной культурная связь Хорезма с Самаркандом особенно усилилась во времена правления Амира Темура. Как в письменных источниках, так и в исторической литературе до недавнего времени существовали противоречия в оценке деятельности Сахибкирана в отношении Хорезма. Общеизвестно, что Амир Темура в промежуток времени между 1372 и 1388 гг. несколько раз организовал военные походы против джучидского Хорезма. Результаты этих походов в историографической науке XX в. оценивались односторонне, как правило, негативно. Однако, по данным письменных источников, Амир Темура, включив в свои владения земли Кавказа, Хорасана, Мервского оазиса, издал указ об их благоустройстве, осуществил крупные оросительные работы, построил мосты, осуществил крупные строительные работы, наладил работы ремесленных мастерских (Мухамеджанов, 1996. С.62). То же можно сказать и о Хорезме.

Для Хорезма большое значение имел указ Амира Темура от 1391 г. о восстановлении Ургенча. В том году Сахибкиран, возвращаясь из Дешти- Кипчака поручил Мусикакиму, сыну Ханки Кавчина, восстановить Гургандж (Йазди, 1997). В результате вновь ожили некоторые города южного и северо-западного Хорезма. В ходе археологических работ в Хиве в 1984-1990 гг. вскрыты культурные слои и сооружения темуридского времени. В частности, обнаружены остатки оборонительных стен со следами реставрации времен Амира Темура (Ртвеладзе, Мамбетуллаев, 1997. С. 22-30).

Археологические работы на городище Кят засвидетельствовали существование этого города в эпоху Темуридов (Манылов, 1966. С.56). Начиная с 1985 г., на городище Миздахкан проводятся стационарные археологические работы. За это время наряду с материалами хорезмшахской и золотоордынской культуры обнаружены архитектурные сооружения и городские жилые постройки конца XIV - нач. XV в. Среди этих объектов можно назвать жилище «северного квартала», Джума мечеть, мавзолей и ремесленные мастерские стекольного, металлообрабатывающего производства. Следует также отметить новые находки темуридской керамики (Кдырнязов, 2005. С. 119-121). Материалы темуридского времени встречаются и в Джампыккале.

В XIV-XV вв. процветали не только южные (т.е. джагатаидские или темуридские), но и северо-западные города Хорезма. По данным письменных источников и археологии, главными городами этого региона были Шемаха кала (Терсек), Адак (Янги Шехр), Везир-Дэв кескен. Каждый из них был центром сельскохозяйственного оазиса. Археологические работы, проведенные в 1948 и 1990-х годах, показали, что Шемаха кала существовала в XII-XIV и XV вв. (Вактурская, 1952. С. 190-191). По археологическим данным, Везир-Дэв кескен возник в XV в. на развалинах античного города. По свидетельству письменных источников (Абулгази), в Темуридскую эпоху число городов и селений в районе Везир-Дэв кескен было довольно большим. Адак (Ак кала, Янги Шехр) XIV-XV вв. также являлся центром агроиригационного оазиса (Вайнберг, 1989. С.122-138). На склоне плато Устюрт расположено городище Пульжай (Гит). Памятник наряду с предметами хорезмшахской и золотоордынской культур дал также материалы темуридского времени. В частности, здесь часто встречается поливная керамика - кашин с орнаментацией и колоритом, характерными темуридской керамике Самарканда.

Керамический материал Хорезма XIV-XV вв. также позволяет исследовать ремесленный потенциал области в эпоху Амира Темура и Темуридов. В этом плане изучение темуридской керамики Хорезма позволяли определить культурное развитие области в период «мусульманского Ренессанса». В конце XIV в. и в XV в. начался новый этап в развитии поливной керамики Средней Азии. Среди них резко выделяется керамическая посуда и архитектурный декор с кобальтовой росписью под прозрачной (или чуть голубой) бесцветной глазурью. Такая керамика сначала зарождалась в Самарканде, и благодаря коммуникационным воздействиям Великого шелкового пути распространилась в различные регионы Мавераннахра, Хорезма, Казахстана, Золотой Орды, Кавказа и Руси. Раскопки, произведенные в Хиве (1984-1992), Миздахкане (1985-2006), дали значительное количество темуридской керамики. Ранее темуридская керамика зафиксирована в средневековых городах Хорезма - Шемаха кала (1948), Куня-Ургенч (1952), Вазир (1958), Шехрлик (1963). В хорезмских памятниках XIV-XV вв. материалом для этой керамики часто служил кашин, реже - простая глина. Кашинные изделия Хорезма отличаются и более высоким процентом кремнезема. В хорезмских памятниках (Миздахкан) темуридская керамика на кашинной основе представлена нарядными и столовыми сосудами типа блюд, кувшинов, чаш и горшков. Подглазурные монохромные росписи включают геометрический орнамент (кобальтовые пятна «мадахиль», тонкие линии - бордюры, точки, волнообразные побеги «качающиеся волны»), растительный («ростки-листочки», пальметты, трехлепестковые бутоны, «кольцо-локоны», «сарлаухи») и зооморфные (птицы) орнаменты. Новые находки темуридской керамики на Миздахкане свидетельствуют о влиянии самаркандской школы на появление художественной посуды Хорезма.

Монохромная роспись темуридской керамики Хорезма мало отличается от самаркандской. Она возникла как бы в подражание мавераннахрской керамике, на основе местных материалов. По составу хорезмская кашинная глазурь близка к основной массе керамики Самарканда темуридской эпохи (Абдуразаков, 1996. С.59-62).

Все эти находки свидетельствуют о том, что привозная керамика была для Хорезма не только обычным продуктом торговли, но и одним из элементов культурного взаимодействия, так как оказывала постоянное воздействие на сложение художественного вкуса местных гончаров. Это влияние особенно усилилось с вхождением Хорезма в состав централизованного темуридского государства. В целом новые археологические исследования показывают, что после восстановительных работ 1391 г. жизнь Гурганджа и других городов была налажена, местное ремесленное производство вновь достигло своего высокого уровня.

Общность культурных традиций Самарканда и Хорезма наблюдается и в архитектурных сооружениях столичного города XIV-XV вв. В архитектурном оформлении комплекса «Гури Эмир» (Мухаммад-Султон - 1404 г.), Шахи-Зинда (Туман Ака - 1405 г., Ширин бика-Ака - 1385 г., «Безмянный I», Амира Бурундука) и медресе Биби Ханум (1399-1404) использована декоративная керамика с ярко-синей росписью растительного характера в технике «резерва». Рельефная многоцветная майолика использована в оформлении мавзолея Кусамы ибн Аббаса. Мозаике Самарканда и архитектурной керамике Хорезма (Тюрабек Ханум и Мазлумхан сулу) одинаково присуще применение поливы красного цвета и обильной высококачественной позолоты (Якубовский, 1939. С.26, 37).

Связи Самарканда и Хорезма XIV-XV вв. подтверждаются и нумизматическими материалами. В 1984-1985 гг. в Хиве обнаружен клад монет, в составе которого преобладали монеты Джагатаидов и Темуридов. Клад состоит из 248 серебряных (таньга, мири) монет, из них 158 (63,67%) выбиты в Самарканде (клад определен Г.А. Федоровым-Давыдовым). Остальные выпущены в Азербайджане, Ардебиле, Астрабаде, Багдаде, Баку, Бамиане, Герате, Дербенте, Йазде, Казвине, Кашане, Кермане, Кумме, Саваке, Султании, Шабанкаре, Шемахе, Харране, Гисаре и некогда находились в торговом обороте (Мамбетуллаев, Хожаниязов, 2004. С.106-110). Все эти города расположены вне пределов Мавераннахра и являлись подвластными Амиру Темуру и Темуридам. Они же были центрами международной торговли, связанными с Великим шелковым путем. Хивинский клад темуридских монет свидетельствует о тесных торговых связях Хорезма со странами Востока, прежде всего с Самаркандом. В Вазир-Дэв кеске-

не, Миздахкан, Гургандже также встречаются медные монеты, выпущенные в конце XIV- второй половине XV в. в Самарканде, Балхе и Бухаре (Федоров-Давыдов, 1958. С. 521).

Данные археологии подтверждаются письменными источниками. В начале XV в. Гургандж еще считался центром международной торговли. В 1438 г. здесь торговал купец из Шираза Шамсуддин Мухаммед Ходжа. В ассортименте его товаров были жемчуг, амбра, алоэ, сандал, перец, имбирь, мускатный орех, гвоздика, «бразильское» дерево, эбеновое дерево, индиго (Заходер, 1967. С.166-167). С этими товарами он побывал в Абаркухе, Йазде, Герате, Ургенче и столице Золотой Орды Сарайе. Купец из Гурганджа в Сарай последовал прежней торговой дорогой: Ургенч-Арал-Каспийское Междуморье (Устюрт)-Сарайчик- Сарай. К этому времени относятся и сведения Иоганна Шильтбергера (1394-1427) о торговом городе *Nogasma Urgendze* (Путешествия...С.7, 60, 162). Этот торговый путь был известен и в последующие века. Так, в 1558 г. этой трассой воспользовался Антонио Дженкинсон, проследовавший из Руси через Каспий, Устюрт в Хорезм (Дженкинсон, 1938. С.178). По данным Ибн Баттуты (1333 г.) и Низам ад-Дина Шами (1372 г.), из Самарканда и Бухары в Хорезм трасса торгового пути проходила «по дороге, известной как Сибайа (Се-поя)». Далее она через Хорезм шла к городам Золотой Орды и Поволжья.

Таким образом, археологические данные свидетельствуют о связях Самарканда и Хорезма. Взаимоотношения столицы Темуридов и Хорезма на протяжении веков в основном осуществлялись мирным путем.

Использованная литература

- Абдуразаков А.А. Амир Темур даврида шишасозлик ва кошинкорлик сохасидаги янгиликлар // Общественные науки в Узбекистане. 1996. № 4-5.
- Вайнберг Б.И. Новые материалы к истории западных районов Хорезма в XIV-XV вв. // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на городище Шемаха кала // Труды ХАЭЭ. Т.1. М., 1952.
- Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1958-1959 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1939.
- Заходер Б.Н. Ширазский купец в Поволжье в 1438 г. // Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967.
- Кдырнязов М.-Ш. Темуридская керамика Хорезма // Вестник Каракалпакского отделения АН РУ. 2005. № 1-2.
- Мамбетуллаев М.М., Хожаниязов Г.Х. Хивинский клад // Вестник Каракалпакского отделения АН РУ. 2004. № 1-2.
- Маньолов Ю.П. К изучению городища Кят // Вестник Каракалпакского отделения АН РУ. 1966. № 2.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М; Л., 1939.
- Мухамеджанов А.Р. Из истории благоустройства и строительных работ в государстве Амира Темура // Общественные науки в Узбекистане. 1996. № 11-12.
- Путешествия Иоганна Шельтбергера по Европе, Азии, Африке (с 1394 по 1427 г.). Ташкент, 1997.
- Ртвеладзе Э.В., Мамбетуллаев М.М. Қадимги ва ўрта асрлардаги Хива // Хива минг гумбаз шаҳри. Тошкент, 1997.
- Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV-XVII вв. на городище Таш кала // Труды ХАЭЭ. Т.1. М., 1958.
- Шарафуддин Али Яздий. Зафарнома. Тошкент, 1997.
- Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1939.

Д. Раҳмонова, Н. Кучимов
(Ўзбекистон)

АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ТАШҚИ САВДО ВА БОЖ СИЁСАТИ

Ташқи иқтисодий ва сиёсий алоқалар муаммоси қадимги даврдан то шу кунгача муҳим аҳамият касб этиб, иқтисодчи, сиёсатчи ва давлат арбобларининг доимий эътиборида бўлиб келган. Чунки, бу борадаги мавжуд муаммоларни бартараф этмасдан туриб, ижтимоий - сиёсий, иқтисодий барқарорликка эришиб бўлмаган. Жумладан, иқтисодий алоқаларда ташқи савдодан олинадиган бож сиёсатини тўғри ташкил қилиш муҳим ҳисобланади.

Бож йиғимларининг давлат хазинаси учун аҳамияти катталигини тушунган маърифатли хумдорлар имкон қадар савдо-сотик учун қулай имконият яратишга катта эътибор қаратишган ҳамда йўллар, қарвонсаройлар қуришга ва қарвонларнинг ҳавфсизлигини таъминлашга хизмат қилувчи қўриқчиларни кучайтирганлар. Бундай сиёсат жаҳон тарихида буюк саркарда ва дав-

лат арбоби сифатида ном қолдирган Амир Темур ҳукмронлиги даврида айниқса ката аҳамият касб этган.

XV асрда Шарқ ва Ғарб ўртасидаги савдо алоқалари жадал суръатлар билан тараққий этган бўлиб, бу алоқалар ривожига эса буюк давлат арбоби Амир Темурнинг адолатли сиёсати билан боғлиқ эди. Эътиборли томони шундаки, ўрта асрларда Европа мамлакатларида ҳам, Шарқ мамлакатларида ҳам Амир Темур каби ташки савдонинг барқарорлигига катта эътибор берган ҳукмдорларни учратиш мушкул. Амир Темур чексиз урушлар ва кўчманчиларнинг ҳужумлари оқибатида фаолияти деярли тўхтаб қолган Буюк ипак йўли ва савдо қарвонлари ҳаракатини яна тиклади. Ўз даврида Европа мамлакатлари билан энг яқин муносабатларни ўрната олган Соҳибқирон ўзига тегишли ҳудуддаги қарвон йўллари бирлаштириш ва ҳимоя қилиш натижасида давлат хазинасига катта миқдордаги маблағлар тушишини таъминлади.

Ҳар йили Самарқандга Хитой, Ҳиндистон, Дашти Қипчоқ ва бошқа кўп мамлакатлардан тижоратчилар келишган, чунки Самарқанд атрофидаги шаҳарларда савдо-сотик гуллаб-яшнаган эди. Бу шаҳарга қарвонларда Каспий бўйи вилоятларининг ажойиб ипаклари, Султониядан шухрати таралган бриллиантлар, олтин ва кумуш буюмлар, Ҳиндистондан зираворлар - мускат ёнғоқ, мурч, занжабил, долчин ва қалампирмунчоқ етказилган. Кўплаб газлама, шиша ва металл буюмлар Сурия ва Кичик Осиёдан келтирилган. Мўйна, чарм буюмлар, бўз Дашти Қипчоқдан олиб келинган. Хитойдан чет эл маҳсулотларидан энг қимматбаҳолари: энг яхши ипак, чинни, қимматбаҳо тошлар, шу жумладан ақиқ ва марварид, тиббий равоч, зиравор ва Тибет мускусидан кейин энг яхши ҳисобланган Чин мускуси олиб келинган.

Кастилия элчиси Руи Гонзалес де Клавихо ўз эсдаликларида “Темир дарвоза” деб аталган, мамлакат сарҳардларига ўтишда божхона маскани хизматини ўтаган иккита иншоот тўғрисида ёзади. Ўз даврида давлат хазинаси учун катта даромад келтирган божхоналардан бири Кавказ тизмасининг шарқий тоғ тармоғи Каспийга тушадиган Дарбандда жойлашган эди. Божхонанинг иккинчи маскани эса Самарқанд ва Балх ўртасидаги тоғ тизмасида, Шаҳрисабздан икки кунлик йўлда жойлашган эди (ҳозирги Сурхондарё вилояти ҳудудида). Кастилия элчиси уни “Салтанат шаҳрининг кордегардияси” деб атади: “Ҳиндистондан Самарқандга борувчи барча сайёҳлар фақат битта ўтиш жойидан ўта оладилар. Салтанат шаҳридан Ҳиндистонга саёҳат қилишга борувчилар ҳам бошқа йўлдан юра олмайдилар” (Клавихо, 1990).

Амир Темур даврида у эгалик қилган улкан салтанатда йўллар ўша давр имкони доирасида намунали ҳолатда сақланган. Йўлларнинг бир кунлик масофалари орасида қарвонсаройлар жойлашган бўлиб, савдо қарвонларини кейинги дам олиш жойигача кузатиб қўйишга тайёр бўлган қўриқчилар кутиб олишарди. Мамлакатда барча солиқ ва бож тушумларини ва бу борадаги тартиб - қоидаларни назорат қилувчи вазир ҳам тайинланган (Амир Темур сабоқлари, 1999. 6-б.).

Амир Темур даврида бож имтиёзлари ҳам мавжуд бўлган. Масалан, “қизил товар” деб аталган маҳсулотлар бож тўловидан озод қилинарди. Ушбу молларга раҳнамоларнинг йўл ёрлиғи оддий эмас, балки қизил, яъни шоҳ муҳри билан тасдиқланар эди. Бу эса бу моллар ҳукмдорга ҳадя эканлигидан далолат беради. Демак, амалдаги қоидаларга асосан совғалар божга тортилмаган.

Амир Темур хорижий мамлакатлар билан муносабатда савдо-иқтисодий алоқаларга ҳам эътибор қаратган. Европа қироллари билан олиб борилган ва бизгача етиб келган ёзишмаларнинг барчасида ҳар икки мамлакат ўртасида савдо-тижорат алоқаларини йўлга қўйиш, савдогарлар қатнови учун қулай имкониятлар яратиш масалалари қайд этилади. Соҳибқироннинг ўз давлати ҳудудида амалга оширган хайрли тадбирлари, савдо йўлларига берган аҳамияти унинг хориж ҳукмдорлари билан ёзишмаларида савдо муносабатларини йўлга қўйиш билан боғлиқ таклифларидан яққол кўриниб туради.

Низомиддин Шомийнинг “Зафарнома”сига Ҳофиз Аbru қилган «Илова»да («Ҳазрат соҳибқироннинг Озарбайжон ва Ироқи Ажам мамлакатларини амирзода Умарга берганлиги баёни қисмида) Амир Темурнинг мазкур амирзодага қилган насиҳатлари, хусусан давлат бошқарувида зарур бўлган бир қанча ўғитлар мавжуд: «...Йўлларни қўриқлашда имкони

борича ҳаракат қилсин ва уларни муҳофаза қилишни мамлакатни идора этмоқ шартларидан бири деб билсин. Савдогарлар ва йўловчиларнинг дилларига озор етишига асло йўл қўйилмасин” (Зафарнома, 1996. 383-б.). Ушбу мисолдан ҳам Амир Темурнинг ўз мамлакатида тинчликни таъминлаш, савдо ва элчилар қарвонларининг тинч ва эркин ҳаракатларини муҳофаза қилиш борасида амал қилган тамойиллари кўриниб туради.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, Амир Темур томонидан олиб борилган бож сиёсати ва савдо-сотик ривожига эътиборнинг кучайтирилиши бир томондан хорижий мамлакатлар билан ҳамкорликнинг чуқурлашувига хизмат қилган бўлса, иккинчи жиҳатдан мамлакатда хорижий савдогарлар хавфсизлигини таъминлаши натижасида хориждан келтириладиган маҳсулотлар таннархининг арзонлашишини таъминлаган. Бу эса ўз навбатида халқ фаровонлиги ва турмуш тарзининг яхшиланишига, пойтахт шаҳар Самарқанднинг гуллаб-яшнашига хизмат қилган.

Фойдаланилган адабиётлар

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990.
Амир Темур сабоқлари. Тошкент, 1999.
Низомиддин Шомий. Зафарнома. Тошкент, 1996.

Ш.Т. Холиқулов, А.Э. Қураҳмедов
(Ўзбекистон)

ХІХ АСР ОХИРИ – ХХ АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНД ШАҲАР САВДОСИНИНГ ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ

Самарқанднинг бутун жаҳон тарихида тутган ўрни буюқдир. Чунки Самарқанд дунё цивилизациясига муҳим ҳисса қўшган шаҳарлардан биридир. Шаҳарнинг ривожига, айниқса, ички ва ташқи савдо алоҳида аҳамиятга эга бўлган. Қадимдан равақ топган Самарқанд бозори шаҳарнинг тахминан $\frac{1}{3}$ қисмини ташкил этиб, бир томони Регистон майдонидан Шоҳизинда дарвозасигача, иккинчи томони Қаландархона ва Сўзангарон дарвозаларигача чўзилган эди. Ҳар куни чакана савдо, чоршанба, якшанбада эса катта бозор бўлган. Н.Хаников бу ҳақда шундай ёзган: «Ҳар кунги савдодан ташқари, Самарқанд шаҳрида ҳафтада 2 та катта бозор кунлари бўлиб, унда вилоятнинг ҳамма туманларидан одамлар келишиб, савдо қилганлар. Бозор жуда гавжум бўлиб, моллар хилма-хил турларда бўлган» (Хаников, 1868. С. 139). Шаҳар томондан бозорга кириш жойида асосан от, эшак, сигир, қўй бозори жойлашган, бу ерда яна буғдой, арпа билан ҳам савдо қилганлар.

Регистон майдонида чиқишда мадрасалар қаторида жанубий томондан дўконлар жойлашган. Бу майдон ҳамма вақт одамлар билан гавжум бўлиб, бу ерда кундалик эҳтиёж моллари сотилган. Майдоннинг асосий қисмини нон сотувчилар эгаллаб, хилма-хил нонларни сотганлар. Нон сифатига кўра баҳоланиб, $\frac{1}{3}$ дан 1 тангагача турган (Иванов, 1872-73. С. 139). Самарқанд нонлари қадимданок Туркистон ўлкасида шуҳрат қозонган. Регистонда мевасабзавот сотувчилар турли хил мевалар, сабзавот билан бирга қуритилган меваларни ҳам сотганлар. Шу узун қаторда яна қайнатилган ва қовурилган гўшт, сиҳли кабоб, картошкали, гўштли гўммалар, палов, қовурилган балиқ билан ҳам савдо қилинган. Ёз кунлари улар орасида муздек ичимлик сув сотувчилар ҳам кўп бўлган.

Бозорда от ва эшаклар устига ортилган ўтин сотиб юрган кишиларни ҳам кўриш мумкин эди. Улар ўтинларни тоғли ва чекка қишлоқлардан келтириб сотганлар. 1869-1870 йиллардаги қиш ойларида бир боғ ўтин Самарқанд шаҳар бозорида 9-10 сўм турган (Туркестанский сборник, 1872-73. С. 140).

Бозорда пул алмаштирувчи-саррофлар ҳам бўлиб, улар мис, кумуш тангаларни қоғоз пулларга алмаштирганлар. Маҳаллий пуллар - Бухоро, Қўкон мис тангаларидир. Бухоронинг олтин ва кумуш тангалари ҳам Самарқандда пул муомаласида биринчи ўринда турган. Бир сўм қоғоз пул чаққанда мисга 6-7 тийин, кумушга 8-10 тийин қилиб алмаштирилган (Туркестанский сборник, 1872-73. С. 143-144).

Шоҳизинда томонга қараб кетган кўчада жойлашган дўконларда хилма-хил моллар сотил-

ган. У ерда шакар, чой, шамлар, матолар, рўмоллар, чиннилар, пичоқлар, қайчилар, ойналар, кўзойнақлар ва бошқа хил атторлик моллари сотилган. Бу қаторда сотувда қимматроқ моллар кўп бўлган. Улар орасида оврупоча моллар ҳам бўлиб, улар билан руслар савдо қилишган. Л.Ф. Костенконинг (1868 йил) ёзишича, қимматбаҳо моллар сотиладиган растада маҳаллий савдогарлар билан бирга ўз моллари билан кириб келган руслар ҳам савдо қилганлар.

Кўринаётирки, рус сотувчилари маҳаллий савдогарларга қараганда маҳсулотларни қимматроқ сотганлар. XIX аср охирларига келибгина маҳаллий савдогарлар ҳам нархларни баланд кўя бошлаганлар.

Шаҳар бозорида чарм билан савдо қилувчилар ҳам кўп бўлиб, улар чармни сариқ, қизил ва қора рангларга бўяб сотишган. Эчки терисидан ишланган чармлар қиммат бўлганлиги учун бозорга камдан-кам тушган, уларни асосан бойлар харид этишган. Маҳаллий халқ чармдан ҳар хил халатлар, камзуллар, костюмлар тикиб бозорларда сотганлар.

Бибихоним мадрасасига бориш йўлидаги кичик бозорчада гилам, буғдой, нон, арқон, кўчатлар, қоплар, палослар ва ҳар хил ип билан савдо қилганлар. Чор ҳукумати Самарқандни босиб олганидан сўнг гилам ва палослар нархи ошиб кетган. Сабаби руслар гилам ва палосларни кўпроқ харид қилганлар. Маҳаллий халқ бу бозоргача кичик ҳажмдаги гилам ва палослар, арқонлар, ип ва ип-газлама маҳсулотларини келтириб сотганлар. Иккинчи кичик бозорча Бибихоним мадрасаси ҳовлисида жойлашган бўлиб, унда нон ва тозаланмаган пахта билан савдо қилинган.

Учинчи кичик бозорчада хўжалик маҳсулотлари билан бирга ҳўл ёғоч сотувда бўлган. Бу учта кичик бозорчадан кейин Самарқанднинг бедана бозори жойлашган бўлиб, унда асосан ёш болалар савдо қилганлар. Бу ерда оддий беданалар 1-2 тийин, сайроқи ва урушқоқлари эса 2-4 тийингача сотилган (Иванов, 1872-73. С. 151). Урушқоқ беданаларни уларнинг кўзлари, оёқлари ва бошларига қараб ажратганлар.

Бедана бозорчасидан кейин дўконлар билан ўралган майдонда эски ва янги аралаш моллар сотилган. Бу маҳсулотлар бир-бирларидан ажратилган дўконларда сотилиб, у ерда тайёр устбош, ёстиклар, кўрпа-тўшак ва ҳар хил уй-рўзғор буюмлари мажуд бўлган.

Бозорнинг ҳамма жойида турли тамадихоналар, чойхоналар жойлашган. Бозор ичида одамлар ўз молларини қўлда кўтариб, отга, туяга, эшакка ортиб ҳам юрганлар. Самарқанд бозори шунчалик тиқилинч бўлганки, пиёдалар тўхтаб-тўхтаб юришга мажбур бўлганлар. Бозорда одамларнинг «пўш», «пўш» деган овозлари, бақирик - чақириқлари эшитилиб турган.

Регистон майдонидан Шоҳизинда масжидига бориш йўлида, бозор ичида учта карвонсарой жойлашган бўлиб, улар пишиқ ғиштлардан қурилган (Иванов, 1872-73. С. 151). Бу карвонсаройлар атрофини савдо дўконлари ўраб олган бўлиб, унда улгуржи ва чакана савдо билан шуғулланишган. Бу ерда маҳаллий моллар билан бирга рус ва инглиз матолари, шойиларини ҳам сотганлар. Бу мато ва шойилар ранг-баранг бўлган. Карвонсаройларнинг иккитаси бири-бирига ўхшатиб қурилган бўлиб, биттаси шакл жиҳатидан фарқ қилган. Бу карвонсаройларнинг атрофи девор билан ўралиб, уларнинг орқасида дўконлар жойлаштирилган.

Карвонсаройлар эскитдан қурилган бўлиб, улар ичида бир неча ўнлаб дўконлар бўлган. Ҳиндлар карвонсаройида 50 тадан 20 тагача дўконлар жойлаштирилган. Ёпиқ карвонсаройда 270 та савдо қилувчи раста қурилган. Самарқандда ҳаммаси бўлиб 34 та карвонсарой бўлган. Карвонсарой ва бозорчалардаги дўконлар сони 712 та бўлган. Бозордаги жами дўконлар ва устахона-дўконлар 2414 тани ташкил этган.

Савдо ишида карвонсаройлар муҳим аҳамиятга эга бўлган. Савдо-сотикнинг ривожланиши карвонсаройларнинг сонига қараб ҳам белгиланган. Карвонсаройлар пишиқ ғиштдан қурилган катта квадрат шаклидаги икки қаватли ҳовлилардан иборат бўлиб, биринчи қавати мол сақлайдиган омборлар ва иккинчи қавати эса меҳмонхона – хужралардан иборат бўлган. Йирик савдогарлар бирор шаҳарда доимий савдо қиладиган бўлсалар ўзларининг шахсий карвонсаройларини қурганлар. Д. Гребенкин маълумотича, Самарқанд шаҳри бозоридаги нарх-наво чекка туманлар бозорларидаги маҳсулотларнинг нархларини белгилашда асос бўлган (Гребенкин, 1872-73. С. 216).

Умуман, манбалардан маълумки, Самарқанд шаҳрида савдо ўзига хос бир хусусиятга эга

бўлганлиги билан ажралиб турган. Чунки, Самарқандда савдо қадимдан авлоддан-авлодга ўтиб келган касб турларидан бири ҳисобланган.

Фойдаланилган адабиётлар

Хаников Н. Самарқанд // Туркестанский сборник. СПб., 1868. Т. 7.
Иванов Д.Л. Русская земля Самарқанд // Туркестанский сборник. СПб., 1872-73. Т.67.
Туркестанский сборник. СПб., 1872-73. Т.67.
Костенко Л.Ф. Поездка в Самарқанд // Туркестанский сборник. СПб, 1869. Т.24.
Иванов Д.Л. Русская земля Самарқанд // Туркестанский сборник. СПб, 1872-73. Т.67.
Гребенкин А.Д.Таджики // Туркестанский сборник. СПб., 1872-73. Т. 57.

Sh.T. Holikulov, A.E. Kurahmedov - Specifics of Trade in Samarkand at the end of the 19th – beginning of the 20th century

In his article the author put forward his scientific opinion about the trade of the city, which is based on precious information of the past. Particularly, he has scientifically elucidated through the information from “Turkestanskiy sbornik”, which consisted of 594 pages, the versatile development of trade of Samarkand city and entering the goods even to margin settlements and the basis of putting prices for them. In general, the author gave his scientific ground on peculiarities of the trade in Samarkand city during the time of Tsarist oppressive government and the trade passing from generation to generation as one of the professions.

*Michael Alram
(Österreich)*

EIN SCHATZFUND HEPHTHALITISCHER DRACHMEN AUS BAKTRIEN

Kürzlich wurden mir von einem Sammler 30 Drachmen zur Ansicht übergeben, die er um 1980 bei einem afghanischen Händler in Deutschland erworben hatte. Nach Auskunft des Händlers sollen die Münzen aus einem Schatzfund stammen, der angeblich in Baktrien (Nord-afghanistan) gefunden worden war. Die Zusammensetzung des vorliegenden Ensembles, wie auch die Patina der einzelnen Stücke lassen die Herkunft aus einem Schatzfund als durchaus wahrscheinlich erscheinen. Ein Stück ist eine originale Drachme des Sasanidenkönigs Peroz (457-484), während die 29 restlichen Exemplare als Imitationen nach dem Vorbild des Peroz anzusprechen sind, die von Göbl 1967 den eigentlichen Hephthaliten zugeschrieben wurden (Göbl 1967, 287. Emission).

Sasaniden, Peroz (457-484)

1. 4,12g, 3h, 28mm
kdy pylwcy pylwcy / AS SNS III, Typ IIIb/1c

Hephthaliten (Göbl 1967, 287. Emission)

Gruppe 1

Variante 1a (Av: zwischen Mondsichel und Kronenkappe ein Punkt)

2. 4,12g, 3h, 28,4mm Überprägung, Unterprägung unkenntlich
ēbo M / baxlo
3. 4,01g, 3h, 27,2mm Überprägung, Unterprägung unkenntlich
ēbo M / baxlo
4. 3,99g, 5h, 27,8mm
ēbo M / baxlo
5. 3,99g, 3h, 28mm
ēb M / baxlo
6. 3,68g, 3h, 29,1mm Rv: Stempelschaden
ēbod(?) M / baxlo

Variante 1b (Av: wie 1a, jedoch im Feld l., über dem Diademband Mondsichel)

7. 3,65g, 3h, 27mm
ēbod(?) M / baxlo

Variante 1c (Av: wie 1a, jedoch im Feld l., über dem Diademband Tamgha S 2)

8. 4,24g, 3h, 28,6mm Überprägung, Unterprägung unkenntlich
ēb M / baxlo

Variante 1d (Av: wie 1a, jedoch im Feld l./r., über den Diadembändern S-förmiges Zeichen)

9. 3,99g, 3h, 28,7mm Überprägung (?), Unterprägung unkenntlich
anepigraph M / baxlo

Variante 1e (Av: wie 1a, jedoch im Feld l. Stern, im Feld r. Mondsichel)

10. 4,09g, 3h, 28,2mm
anepigraph M / baxlo
11. 3,49g, 3h, 27mm Av/Rv: Stempelschäden
anepigraph M / baxlo

Variante 2 (Av: zwischen Mondsichel und Kronenkappe Dreipunkt)

12. 4,10g, 4h, 31mm Randkerbe (4h)
ēbo M / baxlo
13. 4,08g, 3h, 28,3mm Av: Stempelschaden; stempelgleich mit Nr. 15
ēb M / baxlo
14. 4,07g, 4h, 28,5mm
eb M / baxlo
15. 4,05g, 4h, 27,6mm Av: Stempelschaden; stempelgleich mit Nr. 13
ēb M / baxlo
16. 4,03g, 3h, 28,7mm Überprägung, Unterprägung unkenntlich
ēbo M / baxlo
17. 4,01g, 3h, 28mm Überprägung (?), Unterprägung unkenntlich
ēbo M / baxlo
18. 4,01g, 4h, 27,9mm
ēbo(?) M / baxlo
19. 4,00g, 3h, 26,7mm Av: Stempelschaden
ē (?) M / baxlo
20. 3,92g, 3h, 27,9mm
Av-Leg unkenntlich M / baxlo
21. 3,87g, 3h, 28mm
ēb M / baxlo
22. 3,78g, 3h, 28,9mm
ēbo(?) M / baxlo
23. 3,60g, 3h, 29,2mm
ēbo(?) M / baxlo

Gruppe 2

Variante 3a (Av: zwischen Mondsichel und Kronenkappe Dreipunkt; Legenden defekt, großteils Trugschrift)

24. 3,93g, 3h, 27,5mm Av: stempelgleich mit Nr. 26 und 29
25. 3,92g, 3h, 29,2mm Av/Rv: Stempelschäden
26. 3,91g, 3h, 28,6mm Av: stempelgleich mit Nr. 24 und 29
27. 3,88g, 3h, 28mm Av/Rv: Stempelschäden
28. 3,84g, 3h, 29,5mm Rv: stempelgleich mit Nr. 29
29. 3,77g, 2h, 29,3mm Av: stempelgleich mit Nr. 24 und 26; Rv: stempelgleich mit Nr. 28

Variante 3b (Av: zwischen Mondsichel und Kronenkappe ein Punkt; Legenden defekt, großteils Trugschrift)

30. 3,75g, 3h, 28,6mm

Die Peroz-Drachme ist vom Typ SNS IIIb/1c und stammt aus der Münzstätte Ctesiphon in Asuristan, im Westen des Sasanidenreiches, die unter Peroz zu den produktivsten Münzämtern zählte (Schindel 2004, I, p. 402).

Die hephthalitischen Imitationen sind typologisch in zwei Hauptgruppen zu scheiden: **Gruppe 1** trägt im Avers auf 2h (rechts auswärts) die baktrische Legende *ēb*, *ēbo* oder *ēbod*(?), die von Nicholas Sims-Williams – in Anlehnung an Humbach 1996 – überzeugend als Abkürzung des Hephthalitennamens gelesen wurde (Alram 2002, p. 150 f.; Alram – Lo Mucio 2006, p. 134, Fn. 21). Das Bild zeigt die bekannte Büste des Peroz mit seiner dritten Krone (Typ IIIb), die ab etwa 474 zum Einsatz kam (Schindel 2004, I, p. 390-392 sowie p. 395-399). Neu sind die vier Kugeln, die außerhalb des Bildkreises auf 1h / 4h / 7h und 11h in den Stempel geschnitten sind und das Gepräge auf den ersten Blick von den sasanidischen Originalen unterscheidet. Im Revers ist im linken Feld nach dem Vorbild der Peroz-Drachmen des Typs 1e das Pehlevi-Zeichen „M“ zu lesen, das ursprünglich vielleicht als Ligatur von M und P (für *MLKA pylwey*) zu verstehen war (Schindel 2004, I, p. 394 mit Fn. 1739). Im rechten Feld ist an Stelle der sasanidischen Münzstättenabkürzung der Name der hephthalitischen Münzstätte *baxlo* / Balkh (rechts einwärts) geschrieben. Das Bild mit dem Feueraltar und den beiden „Assistenzfiguren“ folgt wiederum dem Vorbild des Peroz, allerdings haben die Figuren jeweils ihren linken Arm zum Feueraltar erhoben, während auf dem sasanidischen Original in der Regel stets die Rechte erhoben ist. Bemerkenswert ist die Tatsache, dass in den sasanidischen Münzstätten des Peroz Averstyp IIIb überwiegend mit Reverstyp 1c gekoppelt ist, und nur in einer Übergangsphase gemeinsam mit Typ 1e erscheint, der in erster Linie mit dem vermutlich älteren Averstyp IIIa verwendet wird (Schindel 2004, I, p. 399; Bd. III/2, p.288). Folgt man den durchaus überzeugenden Ausführungen von Schindel 2004, dann wurde der von den Hephthaliten vorzugsweise imitierte Typ IIIb/1e unmittelbar nach der Freilassung des Peroz aus der hephthalitischen Gefangenschaft im Jahre 474 ausgegeben (Schindel 2004, I, p. 415-417), während Typ IIIb/1c ab ca. 477 bis zum unrühmlichen Schlachtentod des Sasanidenkönigs gegen die Hephthaliten im Jahre 484 zu datieren ist (Schindel 2004, I, p. 398 f.).

Gruppe 2 unterscheidet sich von Gruppe 1 vor allem durch die zunehmend verwilderten Bilder. Der Grundtyp bleibt zwar unverändert, doch sind die Legenden in der Regel fehlerhaft, meist nicht mehr lesbar und verkommen schließlich zu reiner Dekoration (Trugschriften).

Innerhalb der **Gruppe 1** erlauben typologische Details eine weitere Untergliederung: Bei *Variante 1* ist im Avers – dem sasanidischen Vorbild folgend – zwischen der Mondsichel und der Kronenkappe stets ein einfacher Punkt gesetzt, während bei *Variante 2* ein Dreipunkt an die Stelle des Punktes tritt. Zusätzlich begegnen bei *Variante 1* noch verschiedene Beizeichen: *Variante 1b* zeigt über dem linken Diademband eine kleine Mondsichel, *Variante 1c* an der selben Stelle ein Tamgha (S 2 nach Göbl 1967), über das noch zu sprechen sein wird, *Variante 1d* je ein S-förmiges Zeichen über den Diadembändern und schließlich *Variante 1e* über dem linken Diademband einen Stern und über dem rechten eine Mondsichel.

Innerhalb der **Gruppe 2** überwiegt *Variante 3a*, die zwischen Mondsichel und Kronenkappe wieder einen Dreipunkt zeigt. Hier sind auch zahlreiche Stempelverbindungen zu beobachten, die diese Münzen als eine zusammengehörige Ausgabe ausweisen. *Variante 3b* mit einem Punkt zwischen Mondsichel und Kronenkappe ist an den Schluss gereiht, da sie stilistisch etwas aus dem Rahmen fällt. Das Aversbild ist von feinerer Zeichnung als bei *Variante 3a*, dagegen erscheint der Reversstempel als ziemlich flau und verbraucht. Von der Averslegende ist nur mehr ein sinnloses Zeichen über das rechte Diademband gesetzt, der Pehlevibuchstabe „M“ im Revers ist deutlich angegeben, dagegen sind von der Münzstätteninsignatur (*baxlo*) nur mehr Reste erkennbar.

Die Gewichte der einzelnen Drachmen bewegen sich in **Gruppe 1** zwischen 4,24 und 3,49 Gramm. Das Medialgewicht liegt bei 3,95 Gramm, wobei die Mehrzahl der Stücke stets über 4 Gramm wiegt. Im Vergleich dazu liegt der Peak bei den originalen Peroz-Drachmen zwischen 4,10 und 4,14 Gramm (Schindel 2004, I, p. 106, Tab. 35 und p. 112 f.), die hephthalitischen Imitationen bewegen sich damit also durchaus im Rahmen ihrer sasanidischen Vorbilder. In **Gruppe 2** schwanken die Gewichte zwischen 3,93 und 3,75 Gramm, und das Medialgewicht beträgt nur mehr 3,85 Gramm; hier gibt es auch kein einziges Stück, das über 4 Gramm wiegt.

An dieser Stelle sei noch darauf hingewiesen, dass bei den Drachmen der **Gruppe 1** immer wieder Spuren auf den Geprägten zu beobachten sind, die darauf hindeuten, dass es sich bei den betreffenden Stücken um Überprägungen handeln könnte. Allerdings sind die Unterprägungen bei keinem der verzeichneten Fälle identifizierbar.

Unklar ist, wann nun die hephthalitische Eigenprägung in Balkh tatsächlich eingesetzt hat. Einen sicheren *terminus post quem* liefert die dritte Krone des Peroz, die nach seiner Freilassung aus der Gefangenschaft im Jahre 474 auf den sasanidischen Drachmen erscheint. Eine Zäsur stellt das Jahr 484 dar, als Peroz im Kampf gegen die Hephthaliten fiel und dabei vielleicht auch die mit dem König ziehende Münzstätte in die Hände seiner Gegner fiel (Schindel 2004, I, p. 410 und 417 mit Fn. 1848). Einen weiteren chronologischen Anhaltspunkt liefert *Variante 1e* (Schindel 2004, II, Tf. 148, E37 publiziert): für die dort verwendeten Beizeichen Stern und Mondsichel sind die Drachmen des Kawad I. aus dessen 1. Regierung (488-496) Pate gestanden, die im linken Feld, über dem Diademband einen Stern und im rechten Feld, über der Schulter eine Mondsichel tragen¹. Die gleichen Beizeichen – allerdings mit vertauschten Seiten – sind auch auf einer Kupferemission der Khalaj zu finden, die im Avers die Büste des Peroz imitiert und die wohl in das 6. Jahrhundert zu datieren ist (Alram – Lo Mucio 2006). Den chronologischen Schlusspunkt setzt die Vernichtung des Hephthalitenreiches durch Sasaniden und Westtürken um 560 n. Chr., womit ein sicherer *terminus ante quem* für die Ausgabe unserer Imitationen gewonnen ist. Weitere chronologische Anhaltspunkte geben die von Nicholas Sims-Williams publizierten baktrischen Dokumente aus dem Archiv des Khars von Rob (im nördlichen Hindukush), die zeigen, dass die sasanidische Präsenz in Baktrien erst mit der Niederlage des Peroz im Jahre 484 zu Ende gegangen ist (Sims-Williams 1999, bes. p. 253-257). In einem Dokument, das in das Jahr 239 (= 462/463 n. Chr.²) datiert ist, ist ein „Peroz Shahanshah“ ausdrücklich genannt, der wohl mit dem Sasanidenkönig zu identifizieren ist (Sims-Williams 2000). Dazu kommt jetzt noch ein numismatischer Beleg in Form eines goldenen Schüsseldinars nach kushano-sasanidischem Vorbild, der wohl in Baktrien geprägt wurde und im Avers Peroz mit seiner 2. Krone zeigt³ sowie die baktrische Umschrift *Pirōzo šauano šao* trägt⁴. Die hephthalitische Präsenz in Baktrien ist in den Dokumenten aus Rob dann bereits für das Jahre 260 bezeugt (Sims-Williams 2000 (102, 103)). Folgt man der neuen Chronologie von Sims-Williams, so müssen diese Dokumente, die Steuerleistungen an die Hephthaliten betreffen, noch im Jahr der Niederlage des Peroz 484 n. Chr. ausgestellt worden sein.

Für die chronologische Einordnung der hephthalitischen Eigenprägung in Balkh ist schließlich auch ein Schatzfund von Bedeutung, der im Zuge des internationalen Symposiums „Ancient Coins and the Culture of the Silk Road“, veranstaltet vom Shanghai Museum im Dezember 2006, von Zhang Qinjie vorgestellt wurde. Der Schatz, von dem allerdings nur ein Teil gerettet werden konnte, wurde in der Nähe der Stadt Ping Chen (Provinz Shanxi) gefunden und setzt sich aus 37 Drachmen des Peroz, einer Drachme des Kawad I. aus dessen 1. Regierung (488-496) sowie aus einer hephthalitischen Imitation der hier besprochenen *Variante 1e* (Nr. 10) zusammen und unterstreicht, dass die hephthalitische Eigenprägung in Balkh wohl bald nach der Niederlage des Peroz eingesetzt haben muß.

Abschließend soll noch kurz auf *Variante 1e* näher eingegangen werden, die im linken Feld des Averses, über dem Diademband ein Tamgha (S 2 nach Göbl 1967) trägt, das besonders prominent auf den Kupfermünzen der Herrscher von Samarkand begegnet (6. bis 8. Jhdt.) und in der Literatur daher auch häufig als *nishan* von Samarkand angesprochen wurde (Smirnova 1981). Über dieses Tamgha, das nicht nur auf Münzen sondern auch auf archäologischen Artefakten aus Sarmatia, Sogdiana und Tokharistan sowie in Petroglyphen aus dem oberen Indusgebiet begegnet, hat Ilyasov 2003 eine profunde Studie vorgelegt (Ilyasov 2003, p. 135-141). Auf Münzen begegnet dieses Tamgha erstmals auf einer Drachmenemission der Alchon, die auch von Kupfermünzen begleitet wird, die im Revers das Tamgha als Hauptmünzbild tragen (Göbl 1967, Emissionen 33-35 bzw.; Vondrovec 2005. Parallel dazu sind die Emissionen 39, 37). Diese Ausgaben schließen unmittelbar an jene Emissionen an, die von den Alchon noch mit umgeschnittenen Originalstempeln Shapurs II. (309-379) und Shapurs III. (383-388) aus der Münzstätte „Kabul“ hergestellt worden waren (Vondrovec 2005, Emissionen 36A, 36, 36B, p. 253.; Alram 1996, p. 521- 526). Daraus hatte schon Göbl 1967 über-

zeugend geschlossen, dass den Alchon wohl eine sasanidische Münzstätte im Raum Kabul in die Hände gefallen war⁵. Der Beginn der Alchonprägung im Raum Kapisa-Kabul sollte in jedem Falle noch in der Regierungszeit Shapurs III. erfolgt sein. Folgt man Schindel 2004, so könnte der Verlust des „Kabuler“ Münzamt „vielleicht ins Jahr 384 oder Anfang 385 datieren“ (Schindel 2004, I, p. 282-284). Auf einer dieser ersten Emissionen der Alchon ist vor die Büste Shapurs II. ein neues Tamgha in den Stempel geschnitten (S 1 nach Göbl 1967) (Vondrovec 2005, Emission 36), das sich zu einem charakteristischen Kennzeichen der späteren Alchonprägung in Gandhara und NW-Indien entwickelt und von Khingila über Toramana bis in die Zeit Mihirakulas immer wieder auf den Münzen dieses indischen Zweigs der Hunnen begegnet. Tamgha S 2 hingegen ist in dieser Prägegruppe später nicht mehr vertreten, sieht man von einem erst kürzlich bekannt gewordenen Drachmentyp des Khingila aus Gandhara ab, auf dem im Avers hinter der Büste des Königs Tamgha S 2 zu sehen ist (CNG Mail Bid Sale 69, June 8, 2005, p. 130; Göbl 1967, Emission 59, 66; Ilyasov. 2003, p. 137 f. Emission 156; Göbl 1967).

Die weitere Geschichte des Tamghas S 2 führt uns zu Emission 32, die sich nach Stil und Fabrik deutlich von Emission 33 unterscheidet und typologisch in ihren Grundzügen dem Vorbild Wahrams IV. (388-399) folgt. Der Avers zeigt stets eine Königsbüste mit geflügelter Mauerzinnenkrone nach dem Vorbild Wahrams IV (Schindel 2004, I, p. 285 f.). Als Kronenaufsatz fungiert jedoch eine Mondsichel, die einen kleinen Globus umschließt. In der sasanidischen Reichsprägung ist diese charakteristische Kronenzier erst ab Wahram V. (420-438) zu beobachten (Schindel 2004, I, p. 346 f.), könnte aber auch von den kidaritischen Drachmenemissionen aus Gandhara beeinflusst sein, die in diesem Fall der sasanidischen Reichsprägung vermutlich vorauslaufen (Göbl 1967, 14. Emission). Der Reversstyp folgt wieder Wahram IV. und ist stilistisch an dessen Marwer Produktion angelehnt (Schindel 2004, I, p. 495-501). Für die chronologische Einordnung von Emission 32 von besonderer Bedeutung sind zwei Überprägungen, die von Klaus Vondrovec und Nikolaus Schindel festgestellt werden konnten: ein Stück ist auf eine Drachme Wahrams IV. aus der Münzstätte Marw geprägt (Schindel 2004, II, Taf. 40, A46), ein weiteres über eine Drachme des Yazdgerd I. (399-420) geschlagen⁶. Die Produktion von Emission 32 könnte daher spätestens im ersten Viertel des 5. Jahrhunderts erfolgt sein, und ihr Umfang dürfte doch größer gewesen sein, als ursprünglich angenommen. Wir kennen heute zumindest vier Varianten des genannten Grundtyps, die in insgesamt 16 Stück auf uns gekommen sind⁷. Variante 1 zeigt im Avers, vor der nach rechts gerichteten Königsbüste, eine zweizeilige baktrische Legende, die zuletzt von Nicholas Sims-Williams als *g/tobozino/a šauo* (korrupt) gelesen wurde⁸. Variante 2 trägt die verkürzte Legende *g/tobozin*, und an Stelle des Königstitels in der Innenzeile ist nun Tamgha S 2 zu sehen. Dieses ist auch im Revers auf 12h / 3h / 6h / 9h über den Bildkreis in den Stempel graviert (Vainberg 1972, Taf. 27, 1; Göbl 1981, Emission 32A; Ilyasov 2003, p. 136). Variante 3 trägt die Königsbüste nach links gewandt; vor die Büste, ins linke Feld ist Tamgha S 2 gesetzt, von der Legende sind nur mehr unklare Buchstabenreste vorhanden. Variante 4 zeigt wieder die Rechtsbüste des Königs ohne Tamgha; die baktrische Legende ist korrupt und mag als *xoddēo* (?) für *xoadēo* („Herr, König“) gelesen werden. Kürzlich ist auch noch eine Kupfermünze aufgetaucht, die im Avers – wie auf den Drachmen – die gekrönte Büste nach rechts zeigt und im Revers Tamgha S 2 als Münzbild trägt. Der Typ gehört eindeutig zu Emission 32 und ist wohl gemeinsam mit den Drachmen ausgegeben worden. Das Stück stammt aus dem riesigen Fundkomplex von Kashmir Smast in Pakistan (North West Frontier Province) und befindet sich in der Sammlung Aman ur Rahman (Dubai)⁹. Für die Lokalisierung von Emission 32 ist ein Beleg von Bedeutung der im nördlichen Tokharistan, im Gebiet von Termez gefunden wurde (Vainberg 1972, p. 133-138; Ilyasov 2003, p. 136, 139). In diesem Zusammenhang ist auch auf eine Hypothese von Edward Rtveladze 1999 zu verweisen, der die Legende als *šauo Gobozone* gelesen hat und in *Gobozone* eine Ortsbezeichnung für Gabaza/Gazaba vermutet, eine Region, die er im westlichen Surkhan Darya-Gebiet lokalisiert (Rtveladze 1999, p. 104-109; Ilyasov 2003, Fn. 18). Über die Richtigkeit dieser Hypothese ist hier nicht zu entscheiden, vom numismatischen Standpunkt aus ist lediglich anzumerken, dass ein Fundbeleg alleine noch keine sichere Grundlage darstellt, die Gobozone-Emissionen zwingend in Nordtokharistan anzusiedeln, man muß hier in jedem Falle auf neue Evidenzen warten.

Die nächste Emission mit dem S 2 Tamgha stammt sicher von den Hephthaliten und ist in Balkh geprägt worden (Nr. 8). Wie oben dargelegt, folgt sie dem Vorbild des Peroz und ist vermutlich Ende des 5. oder zu Beginn des 6. Jahrhunderts entstanden. Gleichfalls von den Hephthaliten stammen jene Ausgaben, die im Avers das Hüftbild eines Fürsten im Kaftan zeigen, der in seiner erhobenen Rechten einen Drinkbecher hält. Die baktrische Legenden sind einem zunehmenden Verwilderungsprozess ausgesetzt, auf den besseren Exemplaren ist jedoch eindeutig *ēbo* bzw. *ēbo – dalo* (?) zu lesen (Alram 2002). Das Reversbild zeigt eine Königsbüste nach sasanidischem Vorbild und weist in die Zeit der 2. Regierung Kawads I. (499-531); ebenso sind wieder Elemente der Kidariten-Prägung enthalten, woraus sich nicht zuletzt verwandtschaftliche Beziehungen zu den Goboizino-Emissionen ergeben. Darüber hinaus ist auf einigen Ausgaben das Tamgha S 2 vor die Königsbüste gesetzt (Ilyasov 2003, p. 153-154).

Den numismatischen Schlusspunkt für das Vorkommen von Tamgha S 2 setzen die schon erwähnten Kupferprägungen der Herrscher von Samarkand, wobei hier der Schwerpunkt bei den Geprägten nach chinesischem Vorbild liegt, die von den Ikhshiden im 7. und 8. Jahrhundert ausgegeben wurden (Smirnova 1981; Zeimal 1994; Zeymal 1996).

Fassen wir zusammen, so zeigt die numismatische Evidenz, dass Tamgha S 2 zuerst auf Münzen der Alchon im Raum Kabul gegen Ende des 4. Jahrhunderts begegnet. Damals scheint der Stamm der Alchon aus zwei Clans bestanden zu haben, die auch zwei unterschiedliche Herrschaftszeichen – Tamgha S 1 und Tamgha S 2 – verwendeten. Von Kabul aus wanderte Tamgha S 1 mit dem Hauptstamm der Alchon ostwärts nach Gandhara und NW-Indien, wo es auf den Münzmissionen Khingilas, Toramanas und Mihirakulas immer wieder prominent begegnet. Dagegen ist Tamgha S 2 später vorwiegend in Baktrien und Tokharistan belegt, wo es ab dem späten 5. Jahrhundert vor allem auf Geprägten der Hephthaliten zu finden ist. Nur der große Khingila hatte auf einer seiner Drachmenmissionen in Gandhara auch Tamgha S 2 verwendet. Mit aller gebotenen Vorsicht kann daraus der Schluß gezogen werden, dass Alchon und Hephthaliten doch eine gemeinsame Wurzel hatten, auch wenn sie in unterschiedlichen Herrschaftsbereichen operierten.

In diesem Zusammenhang sei auch auf zwei Bullen aus Kafir Kala (bei Samarkand) verwiesen, die vermutlich aus dem 5. Jahrhundert stammen und das Tamgha S 2 tragen: Eine Bulle zeigt ein dreiviertel frontales Brustbild eines hunnischen Fürsten mit Blütenkrone mit dem Tamgha im rechten Feld, die zweite Bulle trägt nur das Tamgha im Bild (Cazzoli – Cereti 2005, Figg. 10, 11). Die hunnische Präsenz im Raum Samarkand wird schließlich noch durch eine weitere Bulle unterstrichen, die erst kürzlich publiziert wurde und gleichfalls aus dem 5. Jahrhundert stammt: das Bild zeigt die dreiviertel frontale Büste eines Fürsten nach kushano-sasanidischem Vorbild, der sich in der baktrischen Umschrift als „... lord Ularg, the king of the Huns, the great Kushan-shah, the Samarkandian, of Afrigan(?) family“ bezeichnet (Aman ur Rahman – Grenet – Sims-Williams 2006). Die Autoren haben das Siegel mit guten Argumenten mit den Kidariten in Zusammenhang gebracht, von denen wir auch Münzen aus Gandhara kennen, auf denen ihr Name genannt ist.

So haben ab dem ausgehenden 4. Jahrhundert Alchon, Kidariten und Hephthaliten der Herrschaft der Sasaniden in Zentralasien und NW-Indien ein schrittweises Ende bereitet. In der Folge haben sich die einzelnen Clans in Sogdiana und Tokharistan sowie in Gandhara und NW-Indien festgesetzt und ihre Herrschaft zum Teil nebeneinander ausgeübt (F. Grenet in Aman ur Rahman – Grenet – Sims-Williams 2006, p. 127 f.; Grenet 2002; Ilyasov 2003, p. 138-141). Über die organisatorischen Strukturen dieses „Hunnenreiches“ und die Beziehungen der verschiedenen Herrscherclans und Teilgebiete zueinander wissen wir allerdings noch recht wenig Bescheid. Hier können wir nur auf neue Funde hoffen, die noch mehr Licht in dieses faszinierende Kapitel zentralasiatischer Geschichte bringen. Die Münzbilder, die nicht zuletzt der herrscherlichen Selbstdarstellung dienten und die Identität ihrer Auftraggeber spiegeln, zeigen einerseits ein starkes Bemühen um Kontinuität zu den sasanidischen und kushano-sasanidischen Vorgängern. Andererseits tragen sie aber auch individuelle Merkmale: dazu zählen vor allem die charakteristischen Turmschädel der Alchon, sowie eben die Tamghas, die Herkunft und Zugehörigkeit der neuen Herren unmissverständlich auszudrücken vermochten.

Remarker

- ¹ SNS III, Typ I; vgl. auch Typ Ic des Kawad I. aus dessen 2. Regierung (499-531) mit je einem Stern über den Diadem-bändern; geprägt ab dem 19. Regierungsjahr (507 n. Chr.).
- ² Ich beziehe mich hier auf einen Vortrag von Nicholas Sims-Williams mit dem Titel „First results of the Bactrian chronology project“, den er im Dezember 2006 im Zuge des Symposiums „Ancient Coins and the Culture of the Silk Road“ in Shanghai gehalten und den Beginn der sog. Baktrischen Ära von 233 auf das Jahr 223/224 verschoben hat (die Publikation ist in Vorbereitung).
- ³ SNS III, Typ IIa, geprägt zwischen ca. 458 und 474 n. Chr.
- ⁴ Das Stück stammt aus der Sammlung Aman ur Rahman (Dubai) und wurde von Nicholas Sims-Williams und Joe Cribb bekannt gemacht (persönliche Mitteilung); ein zweites Exemplar identischen Typs, allerdings mit verderbter Averslegende, befindet sich in einer Londoner Privatsammlung.
- ⁵ Zu den sasanidischen Ostmünzstätten, die unter Shapur II. eingerichtet worden waren vgl. Schindel 2004, I, p. 232-238 (Shapur II.), p. 256-257 (Ardashir II.) und p. 273-274 (Shapur III.) sowie seine historischen Kommentare.
- ⁶ Das Stück befindet sich in der Sammlung Aman ur Rahman (Dubai); die Publikation ist in Vorbereitung.
- ⁷ Allein in der Sammlung Aman ur Rahman (Dubai) sind 12 Stück dieses Typs vorhanden.
- ⁸ Für seine Hilfe sei ihm an dieser Stelle herzlichst gedankt.
- ⁹ Für die Bereitstellung der Fotos sei ihm herzlich gedankt. In diesem Zusammenhang sei auch auf einen weiteren Kupfermünztyp verwiesen, der angeblich in Dalverzin-tepe gefunden wurde, heute jedoch als verschollen gilt; der Typ soll im Avers ein frontales Herrscherbild und Tamgha S 2 tragen; dazu zuletzt Ilyasov 2003, p. 136, der noch ein weiteres Exemplar aus dem Tal des Surkhan Darya erwähnt.

Bibliographie

- Aram 1996. M. Aram, Alchon und Nezak. Zur Geschichte der iranischen Hunnen in Mittelasien. La Persia e l'Asia centrale da Alessandro al X secolo (Roma, 9-12 novembre 1994). Accademia Nazionale dei Lincei. Atti dei convegni Lincei 127. Roma 1996, p. 517-554.
- Aram 2002. M. Aram, A Rare Hunnish Coin Type. *Silk Road Art and Archaeology* 8, 2002, p. 149-153.
- Aram – Lo Mucio 2006. M. Aram, C. Lo Mucio, A New Coin Type of the Khalaj?, *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 1, 2006, p. 129-133.
- Aman ur Rahman – Grenet – Sims-Williams 2006. Aman ur Rahman, F. Grenet, N. Sims-Williams, A Hunnish Kushshah. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 1, 2006, p.125-131.
- Cazzoli – Cereti 2005. S. Cazzoli, C. Cereti, Sealings from Kafir Kala: Preliminary Report. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 11/1-2, 2005, p. 133-164.
- Göbl 1967. R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. 4 Bd. Wiesbaden 1967.
- Grenet 2002. F. Grenet, Regional interaction in Central Asia and Northwest India in the Kidarite and Hephthalite periods. *Indo-Iranian Languages and Peoples (Proceedings of the British Academy 116)*. London 2002, p. 203-224.
- Ilyasov 2003. J. Ya. Ilyasov, On a number of Central-Asian Tamghas 1. *Silk Road Art and Archaeology* 9, 2003, p. 131-157.
- Rtveladze 1999. E. V. Rtveladze, “Gazaba – Gozbon”. *Istoria materialnoi kultury Uzbekistana* 30, 1999, p. 104-109.
- Schindel 2004. N. Schindel, *Sylloge Nummorum Sasanidarum*, Bd. III/1 und III/2, Shapur II. – Kawad I./2. Regierung. Wien 2004.
- Sims-Williams 1999. N. Sims-Williams, From the Kushan-Shahs to the Arabs. *New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions. Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands* (M. Aram, D. Klimburg-Salter edd.). Wien 1999, p. 245-258.
- Sims-Williams 2000. N. Sims-Williams, *Bactrian Documents from Northern Afghanistan I: Legal and Economic Documents (Studies in the Khalili Collection, III)*. Oxford 2000.
- Smirnova 1981. O. I. Smirnova, *Svodnyi katalog sogdiiskikh monet*. Moskau 1981.
- SNS III. s. Schindel 2004.
- Vainberg 1972. B. I. Vainberg, Nekotorye voprosy istorii Tokharistana v IV-V vv. (v svyazi s zapusteniem Kara-tepe). *Buddiiskii kultovyi tsentr Kara-tepe v Starom Termeze*. Moskau 1972, p. 129-154.
- Vondrovec 2005. K. Vondrovec, Die anonymen Clanchefs: Der Beginn der Alchon-Prägung. *Numismatische Zeitschrift* 113/114, 2005, p. 243-258.
- Zeimal 1994. E. V. Zeimal, The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.). *Bulletin of the Asia Institute* 8, 1994, p. 245-267.
- Zeymal 1996. E. V. Zeymal, Münzen von der Seidenstraße. *Weihrauch und Seide. Alte Kulturen an der Seidenstraße* (W. Seipel ed.). Wien 1996, p. 358-380.

M.Aram - Ephtalite Coins Treasure

The starting point of my presentation is a small part of a coin hoard which was acquired by a collector from an Afghan dealer in Germany in 1990. The hoard which is said to be discovered in northern Afghanistan consists of 30 drachms, one of the Sasanian king Peroz (457-484), the others are imitations following the model of Peroz and were attributed by Robert Göbl to the Hephthalites (Göbl 1967, Issue 287). According to their Bactrian inscriptions (*ēbod*, *ēbo*, *ēb* for *ēbodalo*, “Hephthal”) these coins were struck without doubt by the Hephthalites in the mint of Balkh (*baxlo*) in ancient Bactria. Based on a detailed typological analysis two main

groups with some unpublished variants can be distinguished. Of special interest is *variant 1e* (group 1) which shows in the left field of the obverse a star and in the right field a crescent. These astral symbols are clearly copied from the coinage of Kawad I. (1st reign, 488-496) and provide an important chronological marker for the beginning of the Hephthalite coinage in Bactria. In this context another coin hoard is of interest too: it was found in China near the city of Ping Chen (Shanxi province) and consists of 37 drachms of Peroz, one drachm of Kawad I. (1st reign) and one Hephthalite imitation from Balkh (*variant 1e*). In its structure the hoard underlines that the Hephthalites started to mint their own coins not long after their victory over Peroz in 484 C. E.

Finally I would like to draw your attention to *variant 1c* of our coin hoard: In the left field of the obverse we can see tamgha S 2 according to Göbl's (1967) classification. As I have stated elsewhere, Hunnic coinage started in the region of Kapisa/Kabul in the late fourth century when a Sasanian mint was captured by a Hunnic tribe who re-engraved Sasanian coin dies of Shapur II (309-379) and Shapur III (383-388) with the Bactrian legend *alxanno*. This may have happened around 385 A.D. In a second stage two different tamghas were added, one (tamgha S 1) became the characteristic symbol of the Alchon tribe who ruled in Gandhara and northwest India from the late 4th to the middle of the 6th century – their most prominent leader was the great Khingila. The other tamgha (S 2), however, was used only on one single issue (silver and copper coins; Göbl 1967, Issues 33-35) and disappeared soon afterwards. In later times (6th to 8th centuries) this special tamgha becomes the device of the rulers of Samarkand and is found prominently on their copper coinage. Moreover, from archaeological evidence we know that this symbol was also used in Sogdiana and northern Tokharistan at the end of the 4th and in the 5th century and it is also found as petroglyphs together with Sogdian inscriptions in the upper reaches of the river Indus. Jangar Ilyasov has recently put together all relevant information in his excellent article "On a number of Central-Asian Tamghas 1", published in *Silk Road Art and Archaeology* 2003.

As Ilyasov rightly pointed out this tamgha occurs on a series of silver drachms (Göbl 1967, Issue 32) which copies the coin type of the Sasanian king Wahram IV (388-399) and bear the Bactrian inscription *g/tobozino/a šauro* (corrupt). One of these coins was found in the Termez region. New coins of this type from the collection of Aman ur Rahman (Dubai) show some unknown variants as well as one overstrike on a drachm of the Sasanian king Yazdgerd I (399-420) which gives an important new *terminus post quem* for the dating of this issue. It can be also proven that issue 32 was accompanied by copper coins: one was found in Kashmir (Pakistan, North West Frontier Province) and show tamgha S 2 on the reverse.

Finally, we now definitely can link tamgha S 2 with the coinage of the real Hephthalites: as stated above it is used on the Hephthalite silver drachms minted in Balkh (*variant 1c*) and is also found on rare Hephthalite drachms showing a prince with a drinking cup; on some specimens of this type we can read *ēbo - dalo* on the obverse and on the reverse Tamgha S 2 is depicted.

Дж.Я. Ильясов
(Узбекистан)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАМГИ САМАРКАНДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

В последние годы вновь усилился интерес к среднеазиатским знакам – тамгам или нишанам, что отразилось в ряде публикаций отечественных и зарубежных исследователей (Яценко, 1999; Пуясов, 2003). Помимо специальных работ, посвященных тамгам, они рассматриваются в нумизматических штудиях, служа основой для различного рода классификаций. Подчеркнем, что поскольку в таких отраслях нумизматики, как согдийская и чачская, чтения согдийских легенд разными исследователями различаются порой в очень значительной степени, тамги остаются главным критерием для объединения монетных выпусков в те или иные группы и типы.

Автор недавно предпринял попытку проанализировать происхождение так называемого "самаркандского знака" или тамги S 2 по классификации Р. Гёбля (Пуясов 2003. Р. 135–141; Ильясов 2004а. С. 14–16). Изучение географических и хронологических аспектов распространения данной тамги позволяет рассматривать некоторые важные вопросы истории нашего региона в период поздней античности и раннего средневековья. Недавно ставшие известными новые данные позволяют еще раз вернуться к проблеме.

Тамга с центральным элементом в виде круга с тремя "усами", два из которых обращены вверх, а третий – вниз, помещалась на монетах Самаркандского Согда на протяжении VI–VIII вв., и известна на 18-ти монетных типах.

А.И. Наймарк разделяет их на четыре хронологические группы, самая ранняя из которых датируется им концом VI – первой третью VII в. Основываясь на иконографических, палеографических и технологических критериях, он пересмотрел последовательность выпуска первых пяти монетных типов, установленную О.И. Смирновой, и предложил несколько иной порядок, согласно которому самой ранней группой были монеты, опубликованные О.И. Смирновой под номерами 33–36 и включенные ею в группу № 2 (Смирнова 1981. С. 96–98). Это монеты, на лицевой стороне которых помещен бюст правителя с волосами до плеч, одетого в двубортный кафтан, а на обороте – тамга S 2 в окружении согдийской надписи раздельным письмом. Анэпиграфные монеты с портретом и тамгой S 2, которые О.И. Смирнова считала наиболее ранними и датировала V?–VI вв., отнесены А.И. Наймарком к 5-й группе, завершающей серию из пяти монетных типов, после которой осуществлялся выпуск двуязычных монет по образцу китайских “кай юань тун бао”, а затем следуют выпуски монет с квадратным отверстием и двумя тамгами, одна из которых – неизменно тамга S 2. Вторым знаком – это трискеле на монетах Шишпира, Танука, Авархумана, Урка Вартармаука и Мастича Унаша, выпускавшихся с 630-х до 698 г., и варианты ромбовидной тамги на монетах Тукаспадака, Тархуна, Уграка и Тургара, которые были в обращении с 698 по 750-е годы. Завершают серию типы монет с портретами на л.ст., на которых тамга расположена горизонтально под надписью на об.ст.; на более раннем типе это надпись согдийская, на более позднем – арабская. И последний пример использования рассматриваемой тамги дают фельсы самаркандского наместника Ал-Аш’аса б. Йахьи, битые в Самарканде в 144 г.х. (761-762 гг.), на которых она также расположена горизонтально (Наумарк, 2005. С. 227–230).

Подобное постоянство в использовании тамги S 2 в пределах Самаркандского Согда не оставляет никаких сомнений в том, что его по праву называют самаркандским знаком. Более того, А.И. Наймарк пришел к выводу, что в VII–VIII вв. этот знак уже утратил значение родовой или династийной тамги, превратившись в знак или символ Самаркандского владения как административно-политической единицы. Аналогичный вывод он сделал и в отношении знаков на монетах Пенджикента – это не родовая тамга, поскольку трое правителей, последовательно занимавшие пенджикентский трон в VII–VIII вв., не принадлежали к одной семье, а, скорее всего, знак города Пенджикента (Наумарк 2005. С. 226–227; иную интерпретацию см.: Ильясов, 2004б). Данные выводы кажутся довольно убедительными; важно и то, что А.И. Наймарк специально подчеркивает, что для более раннего периода, то есть V–VI вв., интерпретация знаков как своего рода городских гербов им не предлагается.

Как бы не трансформировалось значение знаков с течением времени, происхождение и первоначальное их значение как родо-племенных и династийных тамг сомнений не вызывает. Следовательно, изучение хронологии и путей распространения тех или иных знаков может помочь в получении некоторых исторических данных для регионов и периодов, для которых очень мало сведений письменных источников.

Итак, по данным нумизматики, “самаркандский знак” появляется в Самарканде лишь в конце VI в. Однако в других, подчас очень далеких от Самарканда регионах, тамга S 2 встречается и в гораздо более раннее время. Например, она имеется в числе сарматских знаков из Причерноморья, опубликованных С.А. Яценко. Там эта тамга украшала зеркало-подвеску II в. н.э. из погребения 106 могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Яценко, 2001. С. 39, рис. 18).

Раньше, чем в Согде, эта тамга появляется и в некоторых среднеазиатских владениях. Среди материалов I–III вв. н.э. с территории Кангюя (из района Средней Сырдарьи, памятник Ак-Тобе 2), есть нанесенный на керамический сосуд знак, который является вариантом тамги S 2 с нижним крючком, повернутым в обе стороны (Древности Чардары, 1968. С. 61, рис. 20: 13).

Тамга S 2 в своем классическом начертании представлена на жженных кирпичках из храмового комплекса V–VI вв. на городище Канка в Ташкентском оазисе.

Тамга S 2 встречается и к югу от Самаркандского Согда. В Южном Согде (Кашкадарьинский оазис, замок Аултапа) на керамическом сосуде V–VI вв. встречена ее разновидность (Смирнова, 1981. С. 23, рис. 5).

Тамга S 2 проставлена на серебряных и медных монетах “иранских хуннов” эмиссий 33–35, несущих бактрийскую надпись „алхон“ и чеканившихся, по предположению Б.И. Вайнберг, не ранее времени правления сасанидского шаханшаха Шапура III (383–388) (Вайнберг 1972. С. 132), то есть в пределах конца IV в. Она же имеется на двух драхмах, битых в подражание Варахрану IV (389–399), одна из которых найдена в районе Термеза, а вторая куплена в Кундузе (Северный Афганистан). Время выпуска этих монет, вероятно, конец IV – начало V вв., они считаются чеканом хионитов группы „Гобозико“, правивших в Северном Тохаристане с конца IV в. до 40-х гг. V в.

В Северном Тохаристане тамга S 2 встречена также в Чаганиане. Она, вместе с бактрийской надписью, процарапана до обжига на керамическом сосуде, найденном на территории некрополя рядом с цитаделью городища Дальварзин-тепа (Шурчинский район). Надпись на дальварзинском сосуде с тамгой S 2 по палеографии датирована V в. н.э. (Ртвеладзе, Тургунов, 2001. С. 130–132).

Значительное скопление знаков S 2 обнаружено в верховьях реки Инд, в горных ущельях Каракорума (в основном, у моста Шатиал), где они часто сопровождают согдийские и бактрийские надписи, оставленные купцами и паломниками на пути в Индию. По палеографии основную часть согдийских надписей Каракорума датируют IV–VI вв. н.э. К. Йеттмар связывает появление надписей и знаков с хионитами, которые, по всей вероятности, контролировали и защищали пути от Согдианы до Инда (Jettmar, 1989. P. XLVII–XLIX).

Итак, легко убедиться, что знак, появившийся на самаркандских монетах в конце VI в., а в VII–VIII вв. ставший, возможно, гербом Самарканда, стал использоваться к северу и к югу от Согда намного раньше; в частности, в тохаристанском монетном чекане – в конце IV – начале V вв. Объяснение этому факту мы попытались найти, предположив, что географическое и хронологическое распределение тамги S 2 отражает перемещения кангуйского по происхождению клана – носителя данной тамги – в пространстве и времени (Pyasov, 2003. P. 135–141, 153–154, pl. I: 12–35; Ильясов 2004а. С. 14–16).

Время от времени появляются новые интересные данные, подтверждающие наши представления о том, что картина распространения и использования тамги S 2 была довольно сложной и не укладывается в простое клише “самаркандского знака”. Такого рода новые данные были опубликованы недавно М. Альрамом. Он издал три монеты, объединенные им в эмиссию 287A; одна из которых, хранящаяся в Национальном историческом музее Узбекистана (бывший Музей истории народов Узбекистана им. Айбека), публиковалась неоднократно. Две другие монеты опубликованы им впервые и позволили более уверенно определить исторический контекст данной эмиссии (которая, кстати, не совсем удачно обозначена М. Альрамом как 287A – дело в том, что Б.И. Вайнберг предложила эту нумерацию для другого типа монет еще в 1972 г., см.: Вайнберг, 1972. С. 140). Они выпускались в период между концом V – серединой VI в., и, судя по аббревиатуре НВ (= эбодало) на л. ст. монеты № 1, относились к эфталитскому чекану. Для нашей темы важен тот факт, что на об. ст. монеты № 3 из этой эмиссии, слева от имитации портрета сасанидского шаханшаха (Кавад I?), помещена тамга, судя по фотографии, аналогичная знаку S 2 (Alram, 2002. P. 149–152, fig. 3).

Недавно, благодаря любезности А.В. Кузнецова, нам стали известны две новые медные или бронзовые анэпиграфные монеты, относящиеся к абсолютно новым типам; одна из них происходит с городища Афрасиаб, вторая – с городища Канка в Чаче. Не вдаваясь в подробности, отметим, что на их л.ст. представлен бюст правителя в три четверти (на одной из монет, возможно, парный портрет), голову которого венчает полумесяц, в то время как на об.ст. изображена сцена сражения правителя со львом. Справа от сражающихся помещена интересующая нас тамга S 2. В отличие от широко известных “нахшабских” монет, на л.ст. которых имеется бюст длинноволосого правителя в профиль, а на оборотной стороне изображение этого же правителя, поражающего льва, на новых монетах правитель помещен справа, а лев – слева. Исследование этих монет и определение их места в монетном чекане раннесредневековой Средней Азии еще предстоит, но предварительно их можно датировать V–VI вв. К хионитскому и эфталитскому контексту, в котором, помимо самаркандского, фигурирует тамга S 2, они

добавляют чачские и кешские акценты, правильно оценить которые могут помочь новые находки.

Нам представляется, что в переходах тамги S 2 из кангюйской в хионитскую, эфталитскую и, в заключение, в согдийскую символику, отражена этно-политическая история среднеазиатского региона. Можно проследить, как кангюйский клан попадает в состав хионитской конфедерации, затем переходит под эгиду эфталитов, а в период господства тюрков тамга этого клана трансформируется в символ Самарканда. О том, что местные правители отличались большой гибкостью и хорошо приспосабливались к меняющимся военно-политическим обстоятельствам, говорит пышная титулатура владетелей Роба (Сев. Афганистан), ставшая известной благодаря находке хорошо сохранившегося архива и переводам Н. Симс-Вильямса. В ней приведены иранские имена в сочетании с местными (хар, хидев), эфталитскими (эбодало иабго) или тюркскими (хакан, тапаглиг ильтебир и др.) титулами (Sims-Williams, 1999. P. 255–256). Вероятно, и родовая тамга могла сохраняться при поглощении, точнее, подчинении одного этноса другим (особенно, родственным), и даже при переходе власти к представителям другого этноса, если новые господа желали продемонстрировать определенную преемственность и легитимность своей власти. Отсюда недалеко и до превращения династийного знака в символ самого владения или города.

Использованная литература

- Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. (в связи с запусением Кара-тепа) // Буддийский культовый центр Кара-тепа в Старом Термезе. М., 1972.
- Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Ильясов Дж. О тамге самаркандских правителей // *San'at*, 2004а, № 3–4.
- Ильясов Дж.Я. Об этнической принадлежности правителей Пенджикента // *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. 7. Ташкент, 2004б.
- Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. Находки захоронения в хуме с надписью на Дальварзинском некрополе // *Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год*. Самарканд, 2001.
- Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
- Яценко С.А. Знаки–тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Alram M. A Rare Hunnish Coin Type // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 8. Kamakura, 2002.
- Пьясов J.Я. On a number of Central-Asian Tamghas // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 9. Kamakura, 2003.
- Jettmar K. Introduction // *Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies*. Vol. 1 (Text). Rock Inscriptions in the Indus Valley. Mainz., 1989.
- Naymark A.I. The Meaning of “Tamghas” on Sogdian Coins // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Археология, история, этнология, культура. Санкт-Петербург, 2005.
- Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs // *Coins, Art and Chronology*. Wien, 1999.

J.Я. Пьясов - About the Origin of the Tamgha of Samarkand Rulers

On the coins of Samarkand rulers which were issued from the end of the 6th until the second half of the 8th centuries one can find a special sign or tamgha which is known as a “sign of Samarqand”, or Tamga S2 after R. Goebel. Certainly, tamgha S2 is a symbol of Soghdian capital in the 6th–8th centuries, but we can find it in other Central Asian regions long before this time. For instance, this sign can be found on the pendant–mirror from the Sarmatian burial of the 2nd century AD (Belbek IV burial ground, south-western Crimea); on the ceramics of the first centuries AD from South Kazakhstan; on the 5th–6th century bricks from Qanqa site in Tashkent region; on the silver and copper coins, bearing the Bactrian inscription “Alxon” and “Gobozik”, dated from the end of 4th – 5th century; on the large ceramic vessel of the 5th century from Dalvarzintepa site (Surkhandarya) with Bactrian inscription, and so on. Geographical and chronological distribution of this tamgha can help us to find some rare information about Central Asian history in the Chionite and Hephthalite periods.

МОНЕТНАЯ ПОЛИТИКА СУЛТАН АХМАДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Денежное обращение эпохи Тимуридов достаточно хорошо изучено. Особенно подробно оно было исследовано в сфере меди Е.А. Давидович для центрального и южного Мавераннахра (Давидович, 1983). Автору статьи удалось выявить особенности в монетной политике северо-восточного Мавераннахра (Шпенева, 1997). Систематическое изучение кладового материала из Ферганы и Шаша дало новые данные о медном чекане центрального Мавераннахра.

В рассмотренных кладах впервые были обнаружены медные монеты Самарканда и Бухары 870-х гг.х., которые дают возможность говорить о ранее неизвестной монетной эмиссии с 873/1468-69 878/1473-74 гг., предпринятой в связи с вступлением на престол Султана Ахмада.

На этих новых монетах были зафиксированы два уже известных типа надчекана и несколько совершенно новых, свидетельствующих о проведении ряда денежных мероприятий в первые два десятилетия правления Султан Ахмада и позволяющих определить направленность действий в монетной политике.

В 873 г.х. в походе погибает Абу Саид и престол в Самарканде получает его старший сын Султан Ахмад.

Вступление на престол отмечено новым выпуском медных монет. Для Бухары известен чекан 873 – 875 и 878 гг.х. Тип монет Бухары 873 г.х. повторяет серийные монеты 832 г.х., на л.ст. есть круговая легенда. На бухарских монетах 874 г.х., меняется форма картуша – вместо круглого шестигранный, орнаментальное же его обрамление остается прежним. На некоторых экземплярах есть круговая легенда, а на других она сознательно заменена точками. На оборотной стороне дата цифрами для 874 г.х. и словами для 875 г.х. (рис 1/2).

Описание монет Бухары и Самарканда

Тип Бухара 873/1468-69 г.

Л.ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, наименование монетного двора Бухары. Кругом в шести внешних отсеках картуша «адлия зарб фулус» (повторен тип 832 г.х.).

Об.ст. В поле дата словами после «фи алтарих»

Тип Бухара 874/1469-70, 875/1470-71, 878/1473-74 гг.х.

Л.ст. В шестигранном картуше, обрамленном орнаментом, наименование монетного двора. На некоторых экземплярах 874 г.х. кругом в шести внешних отсеках картуша «адлия зарб фулус»

Об.ст. В поле дата цифрами. Для 875 г.х. после вводной формулы плетенка и дата словами.

Тип самаркандских монет

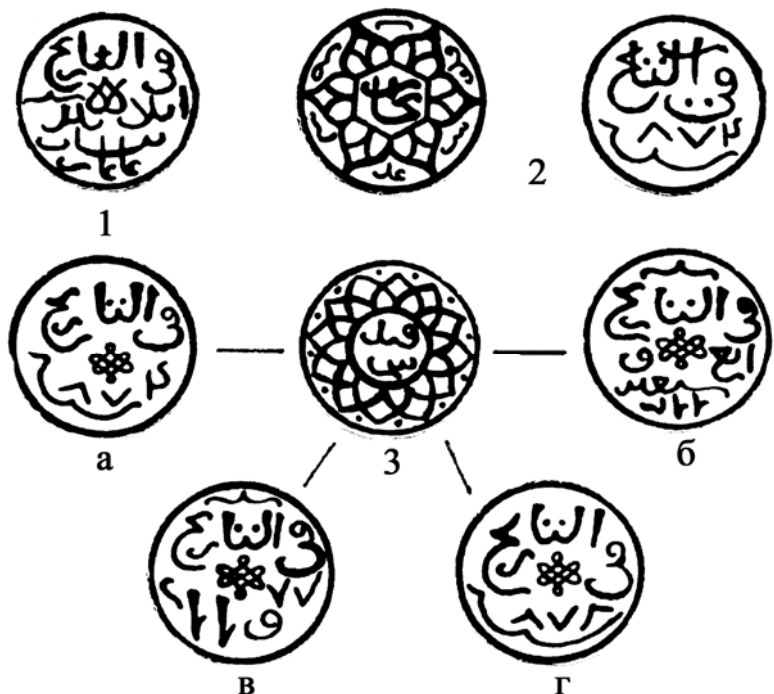

Рис. 1. Реконструкция типов монет Бухары и Самарканда: 1. Бухара 832 г.х. об. ст.; 2. Бухара 874 г.х. л. и об.ст.; 3а, б. Самарканд 874 г.х. л. и об.ст.; 3 в. Самарканд 877 г.х. л. и об.ст.; 3 г. Самарканд 878 г.х. л. и об.ст.

очень похож на выпуск 832 г.х., причем круговая легенда, так же как и на бухарских, на одних экземплярах есть, а на других заменена на точки. На оборотной стороне дата то цифрами, то словами, то в сочетании друг с другом (рис. 1/3).

Тип Самарканд 874/1469-70, 876/1471-72, 877/1472-73, 878/1473-74гг.

Л.ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, наименование монетного двора. Некоторые экземпляры 874 г.х. в шести внешних отсеках имеют надпись аналогичную 832 г.х., но на большинстве монет она заменена на точки.

Об.ст. В поле после вводной формулы плетенка и дата цифрами. Бывает дата словами – для 874 г.х. (рис.1/3б). На нескольких экземплярах 874 г.х. вместо привычной вводной формулы слово «фулюс», затем в центре плетенка и дата словами. Для 877 г.х. характерно сочетание сотен словами с десятками и единицами цифрами (рис1/3в). Для 878 г.х. – дата цифрами (рис 1/3 г).

Монеты 870-х гг.х. впервые были зафиксированы в кладах из северо-восточного Мавераннахра. Их общее количество пока составляет около 200 экземпляров. Они более мелкого диаметра ($D = 1,5 - 2$ см.), чем предыдущие выпуски ($D = 2,5 - 3$ см), да и по весу они отличаются от других монет. Их гистограмма, сделанная по материалам двух кладов, показывает довольно большой весовой разброс от 1,8 до 3,3 г. Четкий треугольник не получается, но выделяется вершина 3,1 г. Скорее всего, этот выпуск осуществлялся эльмарко, с заданным расчетным весом где-то 3,1 – 3,3 г. Монеты с такой стопой известны для более позднего времени – это типы 22 и 23 Самарканда 917 г.х. и типы 13 и 15 Бухары того же года. Чеканены они Бабуром, овладевшим с помощью кизилбашей Мавераннахром. Но в этом случае имело место постепенное снижение веса, произведенное в интересах фиска (Давидович Е.А. с.282.). Здесь же правительство Султан Ахмада с 874 г.х. стало выпускать монеты значительно меньшего размера и веса, чем ходившие в это время. Можно было бы предположить, что это какие-то меньшие кратные основного номинала. Но это не так, поскольку на них впоследствии появляются надчеканы с термином «данги, утверждающим, что они являются основным номиналом.

Таким образом, чекан более мелкой и легкой монеты, но получившей статус основного номинала, был предпринят с целью извлечения сверхприбыли.

Таковую же направленность имели и последующие действия правительства в области денежного обращения. Это проведение только в Самарканде пяти акций надчеканивания в довольно короткое время.

Надчеканы в шестигранном картуше с надписью «данги Самарканд», произведены между 874 и 897 гг.х. Проставлены как на монетах 870-х гг.х. так и на монетах Бухары 832 г.х. Вероятно, это было не очень продолжительное узколокальное мероприятие. Одной из многочисленных его целей могло быть стремление подтвердить для основного номинала, которым в это время являлись монеты нового выпуска, курс «данги», поскольку у населения могли возникнуть сомнения относительно этих монет.

О том, что не все благополучно, свидетельствует и надчекан в квадратном картуше с надписью «хуб Самарканд», зафиксированный на монетах Бадахшана.

К этому же времени, между 870-ми гг.х. и 897 г.х., предположительно отнесен и надчекан в чечевицеобразном картуше с надписью «зарб Самарканд». Определить очередность проведения этих акций пока не представляется возможным.

Если первые три мероприятия носят узколокальный характер, то следующее надчеканивание контрмарками в чечевицеобразном картуше с надписью «нимданги» и наименованием монетного двора (Андиган, Бухара, Карши, Самарканд, Термез, Шахрухия) имело общегосударственный масштаб и призвано было дать рынку монеты половинного достоинства. Эти контрмарки, известные раньше на монетах 823 г.х., предположительно относились к реформе Улугбека (Давидович. С.122). Теперь выявленные и на экземплярах 832 г.х. и 870-х гг.х. дают возможность отнести их производство к начальному периоду правления Султан Ахмада. Но тогда получается, что монеты 823 г.х. полвека хранились где-то на монетных дворах и затем, в качестве половинного номинала, были пущены в обращение. Любопытно также, что в ферганских и шашских кладах обнаружены и надчеканы Балха этого же типа. Известны случаи, ко-

гда Балх принимал участие в единовременной акции надчеканивания вместе с Мавераннахром, несмотря на политическую ситуацию - это типы 9 и 17 1 группы 1 разряда (Давидович, 1983).

Следующим абсолютно аналогичным мероприятием является проставление шестигранных контрмарок с надписью «нимданги» и наименованием монетного двора - Андиган, Самарканд, Термез, Хисар, и Шахрухия. Выявленные пока только на монетах 823 г.х., они на нескольких экземплярах перебили надчеканы в чечевицеобразном картуше. Т.е. они произведены позже чечевицеобразных, хотя, если судить по надписи, выполняли те же функции.

Обнаружение монет нового ранее неизвестного выпуска 870-х гг.х., а также фиксация на них надчеканов, позволяет говорить о том, что в сфере меди в начале правления Султан Ахмада происходит усиление эксплуатации монетной регалии.

Использованная литература

Давидович Е.А. Денежное обращение средневековой Средней Азии. М., 1983.

Шпенева Л.Ю. Денежное обращение Ферганы и Шаша в эпоху Тимуридов: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1997.

L. Ju. Shpeneva - Monetary Policy of Sultan Ahmad During the First Years of His Ruling

This paper describes the first discovery of copper coins stamped in Samarkand and Bukhara during the second half of the 15th century. This well-known monetary emission follows Sultan Ahmad's succession to the throne as the elder son of Abu Said. Analysis of the coins shows that Sultan Ahmad's government began from 874 stamping lighter and smaller coins to those common at the time. This was linked to fiscal interests and was simultaneous with an increase in the coins in circulation. The coins marked "Samarkand dangi" thus confirm the new state of affairs and testify to the government's policy of strengthening monetary and regal exploitation.

В.Н. Настич
(Россия)

ЕЩЕ О САМАРКАНДСКОМ ЧЕКАНЕ ТЕМУРА И ПЕРВЫХ ТЕМУРИДОВ

Степень изученности эпохи Темура и Темуридов несоразмерно мала по сравнению с той значительной ролью, которую сыграло это государство в истории мировой цивилизации. Особо это заметно в такой высокоинформативной отрасли исторического источниковедения, как нумизматика. До сих пор не существует ни корпуса известных монетных типов темуридского чекана, ни сколько-нибудь подробного обзора основных музейных собраний, а те несколько десятков разрозненных публикаций, изданий отдельных кладов или альбомов с почти случайным подбором материала, которые доступны современному исследователю, не покрывают этого дефицита даже в малой степени. Научная релевантность некоторых изданий также оставляет желать лучшего¹. Между тем потребность в разработке такого ценного комплексного исторического источника назрела уже давно, и в наши дни этот дефицит ощущается особенно остро.

Анализ доступного нумизматического материала показал, что далеко не в самом благополучном состоянии пребывают, в частности, наши представления о раннетемуридском чекане Самарканда, который при более внимательном рассмотрении оказывается гораздо более обильным, разнообразным и сложным, чем представлялось до сих пор. Ниже приводится интегральный обзор основных «номиналов» монет столичных эмиссий при Темуре и его первых преемниках (до начала правления Шахруха), известных автору по публикациям и *de visu*¹. Объем настоящей работы не позволяет рассмотреть подробно каждый из них, поэтому основное внимание уделено неизданным монетным типам, выявлению среди них новых вариантов, дат и других особенностей, которые могут иметь системный характер. Там, где возможно, приведены метрологические данные.

Суюргатмыш и Темура (771–790/1370–1388).

Золото

1. **Динары** Самарканда 781 и 783 гг.х. Упомянуты в «Инвентарном каталоге» А.К. Маркова (Марков, 1896, С. 563, № 336 и 339). К сожалению, ни проверить эти данные, ни выяснить внешний вид и метрологическую характеристику монет мне не удалось, поскольку собрание восточных монет Эрмитажа в наши дни по разным причинам недоступно.

Серебро

2. **Крупные монеты** Самарканда с датой 783 (указана цифрами). Диаметр обоих экземпляров — 33 мм, вес — 9,22 и 9,19 г³. Описание сделано по карандашной протирке одного из двух известных экземпляров (рис. 1):

Л.ст. В поле — мусульманский (суннитский) символ веры (т.н. калима) «Нет Бога, кроме / Аллаха, Мухаммад — посланник / Аллаха <...> (неразборчиво) / Самарканд»; в ячейках картуша — выпускные сведения (частично неразборчивы): «Чекан Самарканда в году (слова фи и сана переставлены местами) 783 <...> (стерто?)». Внешний ободок линейно-точечный.

Об.ст. В фигурном ободке — имя *Soyurğatmış* с искаженным арабским титулом ас-султан (в виде *سولطان* с формулой *yağlıđı*, характерной для тюркской лексики и переводимой как «повелением, распоряжением», арабская invocacia, имя и титулы *amir Temür gürägän*, где первое слово арабское («амир, повелитель»), а последнее, разделенное между строками — очевидно, монгольское (буквально «зять» — указание на не прямое родство с великоханской семьей); в последней строке — лексема *وونمكا*, обычно трактуемая как монг. *öge-mänu* «моё слово». Таким образом, всю надпись можно перевести так: «Распоряжением правосудного султана Суюргатмыша, да увековечит Аллах его власть! — моё, амира Темура гурагана, слово».

Вес монет определенно восходит к 2 шаритатским мискалам, однако не вполне ясно, какой денежно-весовой стандарт лежит в основе этой эмиссии: является ли она попыткой «реанимации» чагатаидского серебряного динара, слегка утяжеленной репликой двойного динара гератского чекана династии Куртов или же пробным выпуском 1½-го достоинства в системе танга-и темури? Как бы то ни было, исключительная редкость монет говорит о весьма ограниченном тираже: возможно, это была действительно пробная либо презентационная эмиссия, не предназначенная для массового обращения.

3. **Дирхамы** (иначе **мири**) с указанием даты цифрами. Вес — около 1,55 г с незначительными отклонениями в обе стороны.

Л.ст. В поле, в квадратной рамке из точек — калима и дата цифрами; в сегментах — указание монетного двора на фарси: зарб / шахр / самар / канд «чекан города Самарканда». Всё в точечном ободке.

Об.ст. В фигурном 4-лопастном картуше угловатым «куфиобразным» почерком: «Распоряжением Суюргатмыша — моё, амира Темура гурагана, слово». Внешний ободок точечный.

Дирхамы этого типа встречаются во множестве разновидностей по форме и расположению отдельных слов и цифр даты, почерку надписей и рисунку внешнего ободка на об.ст.

Приводимые в литературе данные о чеканке дирхамов в 774–789 гг.х. подтверждаются далеко не для всех годов этого диапазона: кроме того, что некоторые даты вообще не фиксируются, на многих монетах выявляются различные искажения, затрудняющие их реальную датировку: в частности, «предположительные» даты [7]78 или 780 при более внимательном рассмотрении оказались графической разновидностью 785 г.х. С учетом этого и некоторых других наблюдений, я склонен полагать, что эмиссия дирхамов с именами Суюргатмыша и Темура могла быть ограничена только 782–786 годами хиджры с очевидным максимумом в 785 г.х.

4. **Дирхамы (мири)** без указания даты. По основным параметрам соответствует типу 3, но на л.ст. слова калимы в ином расположении, а легенды об.ст. переданы более плавным почерком, близким к стилю насхи.

Медь

5. **Фулус.** Именной чекан амира Темура с указанием монетного двора «Самарқанд». Вес монет колеблется в широких пределах от 1,5 до 3,5 г, диаметр также различный — от 18–20 до 24–27 мм.

Л.ст. В центре — тамга Темура (3 кольца круглой формы) в 3-лепестковом картуше различного рисунка, по сторонам картуша — зарб / самар / канд «чекан Самарканда». Всё в линейно-точечном ободке.

Об.ст. В центральном квадрате — амир / Темур, в сегментах дата словами. Внешний ободок линейно-точечный. Известные даты чеканки — 784–787 с очевидным максимумом в 785 г.х.

6. **Фулус.** Оформление, как у типа 5, но в сегментах дата цифрами. Известные даты — 785 и 787, вес — от 0,67 до 2,89 г, диаметр — от 18 до 25 мм. Среди недавних находок (предположительно из южного Поволжья) выявлен самаркандский фулус этого типа 78× г.х. с джучидским надчеканом в виде сильно искаженного слова ('адл или 'али?); слов, обозначающих единицы, в дате не сохранилось. Кроме того, существуют монеты с указанием даты словами или цифрами (рис. 2), перечеканенные из анонимных пулов Хорезма различных типов; в частности, выявлены «хосты» 750 и 767 г.х. (находки на плато Устюрт⁴ и в Отрарском оазисе (Настич, 1987. С. 250–251, клад 8)). Известная дата — 785, вес — от 2,09 до 3,01 г, диаметр — от 18 до 23 мм.

7. **Фулус.** Оформление, как у типа 5, но в сегментах л.ст.— не указание монетного двора, а имя Темура (?). Автору известны 2 экземпляра с фрагментарно сохранившимися легендами (Настич, 1981. С. 310, № 291; С. 322, № 23). Вес — 1,89 и 2,11 г, диаметр — 22–23 и 25 мм.

Вопрос о том, как в реальности назывались медные монеты этих ранних выпусков и каково номинальное соотношение между монетами разного веса и размера, до сих пор не выяснен: были ли это фалсы (мн.ч. фулус, также собирательно для обозначения медных денег вообще), пулы, данги и ним-данги, медные динары или, как в более позднее время, ‘адли? Поэтому здесь за ними пока сохраняется обобщенное название фулус.

Монеты, перечеканенные из пулов Хорезма, несут на себе название «Самарқанд», однако «сырвевая база» для их изготовления, сам факт перечеканки, а в определенной мере и локализация находок говорят скорее о хорезмийском производстве этих перечеканов. Иными словами, в данном случае формула зарб Самарқанд — не указание реального монетного двора, а просто элемент оформления монет унифицированного (общегосударственного?) облика. Исходя из этого, нельзя исключать вероятности производства монет этого типа и в других городах Средней Азии.

Махмуд и Темур (790–807/1388–1405).

Махмуд-хан скончался в 800/1398 г., однако его имя проставлялось на монетах вплоть до смерти самого Темура в 807/1405 г.

Серебро

8. **Танга** без указания года или со стертой датой. Упомянута М.Е. Массоном в составе клада фальшивых монет Темура и Халил Султана, найденного в Ташкенте в 1965 г. (Массон, 1969, № 8–9, С. 52–53, табл. 1, № 3).

В свое время Б.Д. Кочнев, очевидно, доверяя атрибуции своего учителя, назвал самаркандские танги Султан-Махмуда и Темура «исключительно редкими» (Кочнев, 1996. С. 15–16) и тем самым как бы признал факт их существования. Между тем, насколько известно, с тех пор не обнаружено ни одного нового экземпляра — ни подлинного, ни фальшивого. В публикации М.Е. Массона вместо изображения монеты приведен рисунок фигурного картуша, который абсолютно идентичен хорошо известному чекану Шемахи от имени Махмуда и Темура, а за «Самарқанд» им могли быть приняты фрагменты надписи в сегментах, содержавшие дату словами (на известных нам экземплярах обычно искажена или стерта). На этом основании мне представляется, что определение М.Е. Массона ошибочно в принципе, и Самарқанд, в отличие от многих других городов, монеты «тангового» достоинства при Темуре вообще не чеканил. Впрочем, версия о существовании такой танги еще окончательно не закрыта, поэтому за ней сохраняется отдельный номер описания.

9–13. **Дирхамы (мири)** весом около 1,55 г с незначительными отклонениями в обе стороны. Выпускались ежегодно с 790 по 802 г.х.⁵, представлены несколькими типами и вариантами, последовательно сменявшими друг друга:

9. Почти во всем подобны дирхамам Суюргатмышы и Темура типа 3.

Л.ст. В квадрате из точек — калима и дата цифрами, но без слова ; **в сегментах** — указание монетного двора на фарси: «чекан города (шахр) Самарқанда».

Об.ст. В 4-лопастном картуше в 4 строки более динамичным почерком стиля насхи — «Распоряжением султана Махмуда — моё, амира Темура гурагана, слово».

«Официальная» дата эмиссии этого типа — 790; на всех известных мне монетах ноль передан не точкой, как положено в арабском письме, а в виде крупного кружка; между цифрами даты бывают помещены 1 или 2 точки декоративного характера. Встречаются также дирхамы с именами Махмуда и Тимура, чеканенные штемпелем л.ст. типа 3 с датой 785 (рис. 3).

10. Несколько вариантов общего типа, различающиеся в деталях оформления.

а) **Л.ст.** В линейно-точечном квадрате — калима, название монетного двора и дата цифрами; в сегментах — имена 4 «праведных» халифов: Абу Бакр / ‘Умар / ‘Усман / ‘Али.

Об.ст. Как у типа 9. Известны с датами 791, 792 и 793.

б) **Л.ст.** Как 10а.

Об.ст. Надписи, как у типа 9, в центре — тамга Темура из 3 колец. Известны со всеми датами от 791 до 795.

в) **Л.ст.** Надписи, как у варианта 10а, но в центре между словами Мухаммад и расул — маленький кружок.

Об.ст. Как 10б. Известная дата — 795, вес значительно ниже среднего — 1,16 г.

г) **Л.ст.** Надписи, как у варианта 10а, в центре — мелкая 5-лепестковая розетка.

Об.ст. Надписи, как у типа 9, но в центре — 7-лепестковая розетка. Известная дата — 795, вес 1,33 г.

д) **Л.ст.** Надписи, как у варианта 10а, но в центре 3 кольца (тамга Темура).

Об.ст. Надписи, как у типа 9, но в центре между амир и Темур — маленький кружок. Известная дата — 796, вес 1,49 г.

е) **Л.ст.** Надписи, как у варианта 10а, но в центре — вертикально расположенная 3-лопастная плетенка. Квадратная рамка и внешний ободок точечные.

Об.ст. В центре 7-лепестковая розетка, как у варианта 10г. Известная дата — 796, вес сильно заниженный — 1,12 г.

ж) **Л.ст.** 3-лопастная плетенка, как у варианта 10е.

Об.ст. Надписи, как у типа 9, но в центре 3 кольца, слитые в одну фигуру. Известны со всеми датами от 796 до 799.

11. **Л.ст.** В точечном обрамлении — калима, расположенная в виде квадрата, в центре 3 строки — указание монетного двора и дата 799 цифрами, между которыми часто бывают помещены 1 или 2 точки.

Об.ст. Как у варианта 10ж (с 3 слитыми вместе кольцами в центре).

12. Встречаются в 2 вариантах:

а) **Л.ст.** Вверху и внизу — калима почерком стиля сулси, в центре более мелким шрифтом — указание монетного двора в 3 строки — зарб / канд / самар (!), по обе стороны от которого две крупные 8-лопастные плетенки; по сторонам — имена 4 «праведных» халифов.

Об.ст. Сверху ас-султан Махмуд хан, снизу ал-амир Темур гураган, между ними дата 800 словами — фи сана / саман ми'а, фланкированная двумя крупными 8-лопастными плетенками, как на л.ст. По сторонам легенд и плетенок — орнаментальные пальметки. Всё в линейно-точечном ободке.

б) В таком же оформлении, как и вариант 12а, но дата 800 словами фи сана / саман ми'а помещена на л.ст., а указание монетного двора в форме зарб / канд / самар — на об.ст.

13. Также в 2 вариантах:

а) **Л.ст.** Общее оформление, как у типа 12, но дата 801 цифрами; нуль передан маленьким кружочком, иногда с 2 точками сверху.

Об.ст. Указание монетного двора в 3 строки зарб / канд / самар, как у варианта 12б, расположенное параллельно строкам с именами Махмуда и Темура.

б) **Л.ст.** Как вариант 13а. **Об.ст.** Оформлена наподобие 13а, однако указание монетного двора помещено в нормальном порядке — зарб / самар / канд и развернуто на 90° вправо (концами слов вверх), перпендикулярно строкам с именами Махмуда и Темура. Известные даты — 801 и 802.

Встречаются мири, чеканенные штемпелями л.ст. варианта 13а с датой 801 и об.ст. варианта 12а с датой 800; таким образом, они лишены указания монетного двора, но датированы дважды — цифрами на л.ст. и словами на об.ст.

14. $\frac{1}{2}$ дирхама (ним-данг). Известные даты — 794, 796 (Марков, указ. работа. С. 565, № 374 и 379) и, возможно, 801 (Бурнашева, 2006. С. 24–25). Мне известны в натуре до 12 экземпляров минимум 4 различных видов, в т.ч. без указания года чеканки (обследованы мною в 1983 г.), два из которых в общих чертах фрагментарно повторяют типы 10 и 12 самаркандских дирхамов Махмуда и Темура; один экз. односторонний, содержит только надпись амир / Темур во все поле изящным лигатурным курсивом; остальные выглядели иначе, но их графическая фиксация у меня, к сожалению, не сохранилась, восстановить их внешний вид по памяти затруднительно, а фото в издании Р.З. Бурнашевой 2006 г. (Бурнашева, 2006. С. 24–25) слишком рас-

плавчатые. Размеры монет этой группы, указанные в публикации, — от 10 до 12 мм, вес (после очистки со значительной потерей массы в окислах) — порядка 0,40–0,45 г.

Махмуд, Темур и наследник Мухаммад Султан (803–807/1402–1405).

Серебро

15. **Дирхамы (мири)** нескольких разных видов.

а) **Л.ст.** Внешне и по содержанию надписей похожа на тип 10; обрамление и надписи в сегментах (?) не сохранились.

Об.ст. В поле — 4 строки лигатурным почерком, близким к стилю тавки: Султан Махмудхан / амир Темур гураган / амир-зада (передано с ошибкой —] / (مداندریما) Мухаммад Султан]; последнее имя на рассмотренном экземпляре обрезано, но восстанавливается по монетам других вариантов (см. ниже). Внешний ободок не сохранился. Известная дата — 803 (рис. 4).

б) **Л.ст.** Как тип 10, но в простой линейной рамке. Сегменты с надписями не сохранились; предполагается, что в них должны быть имена 4 «праведных» халифов.

Об.ст. Надпись как у варианта 15а, но 3 строками. Внешний ободок не сохранился. Известная дата — 807.

в) **Л.ст.** Как у варианта 15б. **Об.ст.** То же, но в центре над словом гураган помещен маленький линейный квадратик. Известная дата — 807.

16. **Дирхамы (мири).** **Л.ст.** Надписи размещены в виде двух квадратов: во внешнем — калима, читаемая против часовой стрелки; во внутреннем — указание монетного двора и дата цифрами; в самом центре — маленький линейный квадратик. Всё в линейной рамке, за которой имена 4 «праведных» халифов.

Об.ст. С квадратиком в центре, как у варианта 15в. Известная дата — 807. Вес целых экземпляров — от 1,48 до 1,59 г.

Мухаммад Джахангир и Халил Султан (807–811/1405–1408).

Серебро

17–19. **Танга** трех разных видов с одинаковым содержанием надписей, но в различном внешнем оформлении.

17. **Л.ст.** В поле — калима, размещенная в виде квадрата по часовой стрелке, начиная снизу, выполненная массивным геометрическим письмом прямоугольных очертаний; внутри квадрата мелким шрифтом — указание монетного двора зарб / канд / самар (!). По сторонам калимы — имена 4 «праведных» халифов основанием наружу (по часовой стрелке). Всё в линейно-точечном ободке.

Об.ст. В поле надпись 5 строками изящным почерком группы сулс — «Мухаммад Джахангир, / в году восемь / [который] полагается на Возлюбленного, Воздающего (ал-халил ад-дайян). Амир Халил Султан, / и восемьсот / да увековечит Аллах его власть!»; строки 2 и 4, содержащие дату словами мелким шрифтом, фланкированы 8-лопастными плетенками. Всё в двухлинейном ободке. Известная дата — 808, вес — 6,67 г.

18. **Л.ст.** Калима в 3 строки массивным геометризovanым куфи, между строк которой мелким шрифтом — указание монетного двора, 2 строки которого фланкированы 6-лучевыми звездочками; по сторонам — имена 4 «праведных» халифов. Всё в линейно-точечном ободке. **Об.ст.** Как у типа 17. Всё в линейно-точечном ободке. Известная дата — 809⁶, вес — 5,8 г.

19. **Л.ст.** Калима письмом куфического стиля (слово Аллах вынесено на самый верх), между строками которой — указание монетного двора мелким шрифтом; по сторонам — имена 4 «праведных» халифов. Справа и слева от слов зарб и Самарканд иногда бывают помещены колечки или крупные точки.

Об.ст. Как у типов 17 и 18, но с иным расположением элементов даты (слов, обозначающих единиц вместе с сотнями в строке 4). Слова даты фланкированы 4-лопастными плетенками. Всё в линейном или линейно-точечном ободке. Известные даты — 809 и 810; слова, обозначающие единицы, обычно передаются в редуцированной форме без точек — ٢٠٠ вместо тис' и соотв. ٢٠٠-٢٠٠ вместо 'ашар). Вес — от 5,06 до 6,27 г.

20–23. **Дирхамы (мири)** нескольких видов:

20. **Л.ст.** В квадратной рамке — калима в 3 строки куфическим письмом, в сегментах — имена 4 «праведных» халифов.

Об.ст. В поле курсивным почерком стиля насхи (ободок не сохранился): «Султан Мухаммад Джахангир. / Чекан / Гарант эпохи (نامزلامنا) / Халил Султан, / Самарканд / да увековечит Аллах власть их обоих (807 / !امهكله)». Против слов зарб и Самарканд — крупная точка и колечки. Известная дата — 807.

21. **Л.ст.** Надписи и обрамление, как у типа 20 (внизу стерто).

Об.ст. Необычно мелким шрифтом в 5 строк: «<...> (начало стерто) амир (?) Мухаммад Джахангир. / Чекан / <Гара>нт эпохи амир Халил Султан / Самарканд / <...> (стерто)». Слова зарб и Самарканд фланкированы 6-лопастными плетенками. Внешние ободки линейно-точечные. Дата стерта или не проставлена (рис. 5). Вес целых экземпляров от 1,46 до 1,60 г.

22. **Л.ст.** В линейно-точечной рамке — зарб // Самарканд между 3 строками калимы, как на тангах типа 19.

Об.ст. надпись почерком стиля сулси «Султан Мухаммад Джахангир. / Гарант эпохи амир Халил Султан / 808» без указания монетного двора. Ободок не сохранился. Известная дата — 808.

23. **Л.ст.** Близка дирхамам Махмуда и Темура (тип 10), но надписи в точечной рамке и более курсивным почерком; цифры дат «вниз головой», нуль в виде точки.

Об.ст. «Султан Мухаммад Джахангир. / Гарант эпохи амир / Халил Султан»; внутри слова аз-заман — 3 кольца, слитые в одну фигуру. Известные даты — 808 (всегда изображена как ٧٠٧и 809 (наподобие 705, но последняя цифра явно представляет из себя девятку, перевернутую ножкой вверх).

24. $\frac{1}{2}$ **дирхама (ним-данг)**. Известный нам экземпляр чеканен штемпелями дирхама 808 г.х. (тип 22), но дата не попала на кружок (рис. 6); еще два упомянуты в публикации Р.З. Бурнашевой (Бурнашева, 2006. С.24). Диаметр 11–12 мм, вес 0,50 г.

Медь

25. **Фулус ('адли)**. **Л.ст.** В квадратной рамке крупными буквами — Мухаммад Джахангир / амир Халил Султан; в сегментах — пальметообразные украшения. Внешний ободок линейно-точечный (на многих экз. утрачен).

Об.ст. Указание номинала, монетного двора и даты словами. Ободок отсутствует или утрачен. Известны с датами 808–810, диаметр — от 17 до 22 мм, вес — от 1,0 до 2,6 г.

Мухаммад Джахангир (811/1408).

Серебро

26. **Танга 811 г.х.** **Л.ст.** В квадратной рамке — калима в 3 строки письмом стиля насхи, в сегментах по часовой стрелке — имена 4 «праведных» халифов. Внешний ободок линейно-точечный.

Об.ст. В линейно-точечном ободке характерным «тимуридским» насхом: ал-мутаваккил 'ала / ал-малик ал-кабир / зарб Самарканд / ас-султан Мухаммад Джахангир / фи сана 811 «уповающий на / Владыку Величайшего / чекан Самарканд / султан Мухаммад Джахангир / в году 811». Слова зарб Самарканд фланкированы 4-лопастными плетенками (рис. 7).

Эта чрезвычайно редкая танга, известная с единственной датой 811, интересна тем, что выпущена от имени одного Мухаммада Джахангира и не упоминает его соправителя Халил Султана (Кочнев, 1996, № 7–10.С.78; Кочнев, 1996. С. 15–16; Худяков, 2002. С. 75–77).

Следующий тип медной монеты известен мне в единственном экземпляре. Он полностью лишен каких-либо атрибуционных признаков, поэтому неясно, к какому правителю его отнести.

Медь

27. **'Адли 811 г.х.** Анонимный чекан. **Л.ст.** В поле, в линейно-точечном ободке — название номинала (? — араб. عدل, буквально «справедливый; правильный; полноценный»), упоминание монетного двора и дата словами: сана / 'адл Самарканд / ихда 'ашара ва-саманими'а.

Об.ст. В таком же ободке — сложная 8-лепестковая розетка с фестонами и звездчатой фигурой в центре (рис. 8). Диаметр 23–26 мм, вес 3,78 г. Из письменных источников известно, что год 811/1408–09 был далеко не самым спокойным в истории Самарканда (Бартольд, 1964. С. 71–77).

Не кроется ли ответ на вопрос о принадлежности данного экземпляра в определенно неслучайном отсутствии в его оформлении имен, графических символов, религиозных и политических атрибутов? Иными словами, не относится ли эта эмиссия к краткому периоду «междоцарствия» перед приходом к власти амира Шахруха (807–850/1405–1447), от имени которого монетная чеканка начинается в Самарканде в том же 811 г.х.?

Кстати, на самых ранних самаркандских тангах Шахруха (по крайней мере на всех доступных мне экземплярах) дата 811 передана как 181. При Шахрухе широко применялась практика надчеканивания монет прежних выпусков (в т.ч. Темура и Халил Султана — см. выше, тип 19) (7) с фискальными или регистрационными целями; в надчеканах упоминаются Самарканд, Кеш и еще один город (возможно, Герат). Начиная с 812 г.х., известны и медные фулусы ('адли или 'адлийа) самаркандского чекана, в том числе с родовой тамгой Темура в виде 3 колец. Эти и последующие монетные эмиссии городов Средней Азии обычно связываются с экономической деятельностью сына Шахруха, улусного амира Улугбека; но это уже тема отдельного фундаментального исследования и другой публикации.

Примечания

1. Достаточно упомянуть работы И. Тухтиева, специально посвященные тимуридской нумизматике (Ташкент, 1992 — на узб. яз.; Кумм, 1377 ш. — на перс. яз.), изобилующие грубыми ошибками в описаниях и определениях монет, вследствие чего пользоваться ими как источником информации и даже просто справочным изданием по меньшей мере проблематично. То же, к сожалению, касается и альбома монет династии Тимуридов (Ташкент, 1996), и 4 красочных томиков «подарочного» каталога древних и средневековых монет Средней Азии из собрания Узбекского Национального банка (Ташкент, 1997–2001).
2. Источниками информации, помимо опубликованных, послужили неизданные археологические материалы, а также нумизматический Интернет-сайт www.zeno.ru и ряд частных коллекций, в связи с чем приношу искреннюю благодарность Л.Л. Галкину (Москва), В.А. Беляеву (Санкт-Петербург), О.А. Батракову (Ульяновск) и А.А. Атаходжаеву (Самарканд).
3. Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа, инв. № 30848 и 46451 (чеканены одной парой штемпелей). Автор обязан этим сообщением хранителю тимуридского собрания Отдела нумизматики ГЭ, ныне покойной М.Б. Северовой.
4. Материалы археолога Л.Л. Галкина.
5. Монеты этого типа в целом представлены во многих собраниях, однако отдельные варианты известны мне в единичных экземплярах.
6. По сообщению Г.А. Худякова (К истории двух монет 811 г.х./ 1408–09 г. // Редкие монеты Центральной Азии. Вып. 3. — Ташкент, 2002 (на правах рукописи), С. 74), ему известны танги с датами 807, 808 и 810 (очевидно, имеются в виду этот и следующие типы), однако вероятность первой из них вызывает сомнения: во всех случаях, когда мне удалось это проверить, слово, обозначающее единицы либо четко снабжено двумя точками над первым зубцом, либо без точек, но с выраженным первым зубцом, в чем с гораздо большим основанием должно видеть тис' «девять», чем саб' «семь»; отсутствие же в списке Г.А. Худякова даты 809, похоже, и есть результат того, что он читал эту дату только как 807. Кроме того, в чтении легенды об.ст. на этих тангах допущена ошибка: одно из слов Г.А. Худяков читает как аман «во время (эпоху)», тогда как на самих монетах этого слова нет, но если бы оно там и было, то означало бы «безопасность, гарантия». Очевидно, автор перепутал эту легенду с надписью на дирхамах того же периода с формулой аман аз-заман «гарант эпохи» (см. описание, типы 20–23).
7. Вопреки мнению Г.А. Худякова (указ. работа, с. 78), считавшего, что «надчеканов Шахруха на монетах Халил Султана и Мухаммад Джахангира не встречается и это понятно», якобы вследствие их полного изъятия и переплавки, такие монеты существуют.

Использованная литература

- Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 563, № 336 и 339; С. 565, № 374 и 379.
- Настич В.Н. Каталог монет городища Отрар-тобе (1979–1985 гг.) // В кн.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987. С. 250–251, клад 8.
- Настич В.Н. Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971–1977 гг.) // В кн.: К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). — Алма-Ата, 1981. С. 310, № 291; С. 322, № 23.
- Масон М.Е. К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил Султана // ОНУ, 1969, № 8–9. С. 52–53, табл. 1, № 3.

- Кочнев Б.Д. Новый клад серебряных монет Темура и Темуридов // Амир Темур ва унинг дунё тарихидаги ўрни. Самарканд, 1996. С. 15–16.
- Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV–XVIII вв. — Туркестан, 2006. С. 24–25. Предположение автора о возможной чеканке этих монеток в Отраре ничем не обосновано.
- Кочнев Б.Д. Монетное дело в государстве Амира Темура и Темуридов // ОНУ. 1996. № 7–10. С.78; он же. Новый клад... С. 15–16; Г.А. Худяков, указ. Работа. С. 75–77.
- Бартольд В.В. Улугбек и его время // Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964. С. 71–77.

V. N. Nastich - More Data on the Samarkand Coins of Temur and the first Timurids

This article deals with monetary circulation under the Temurids. The author underlines the high degree of highly informative nature of numismatics as a discipline and the fact that up till now no complete corpus of Timurid coins exists. The article also deals with the complete emissions of coins from the time of Temur to that of Shahrukh. From 812 (hegira) onwards, copper stamps of fulus are produced in Samarkand with the three circled home stamp of Temur. These and other later productions are linked to the economic activity of Shahrukh and Ulughbek.

*Н.Н. Хабибуллаев
(Узбекистан)*

ТАЙНА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ САМАРКАНДСКОЙ БУМАГИ

Среди уникальных ремесел, принесших Самарканду мировую известность на торговых дорогах Великого шелкового пути, пересекавших Евразию, важное место принадлежит производству бумаги. Это показатель не только мастерства ремесленников, но и отражение особой роли древнего города в развитии науки и культуры средневекового Востока.

Как справедливо отмечал известный ученый-востоковед Адам Мец, производство самаркандской бумаги произвело в IX-X вв. настоящий переворот на Востоке, освободив эту отрасль ремесла, продукция которой пользовалась большим спросом, от монополии одной страны – Египта, производившей тогда дорогой папирус. Средневековый автор ас-Са’либи, в частности, сообщал, что производимая в Китае и Самарканде бумага вытеснила из употребления египетский папирус и пергамент, на которых писали наши предки. Последующее открытие самаркандцами более дешевого тряпичного сырья, освободившего зависимость отрасли от бамбукового тростника и тутового шелкопряда, выдвинуло самаркандскую бумагу на первое место по качеству и дешевизне на всем средневековом Востоке.

Однако в конце XVIII столетия производство самаркандской бумаги постепенно начало угасать. Поскольку со временем она приобретала кремовый оттенок, то люди стали отдавать предпочтение белой и более дешевой фабричной бумаге, завозимой из России, хотя новейшие исследования ученых подтверждают, что белый цвет бумаги оказывает вредное влияние на зрение.

Известно, что Самарканд был первым местом на Среднем Востоке, где производилась бумага, сделанная вручную с помощью водяной мельницы. Позже, благодаря арабам и культуре исламского мира, технология ее изготовления распространилась на Запад – от Ближнего Востока (XI в.) до Испании (XII в.), а затем и по всей Европе.

О способе изготовления наиболее древней, самаркандской бумаги, можно судить по данным, дошедшим до нас в трактате XI в., автором которого считаются зиридский султан Му’изз б.Бадис или его сын Тамим.

Есть все основания полагать, что способы производства бумаги, как в Средней Азии, так и в других странах Востока, были схожими. Из содержания указанного произведения явствует, что автор труда описывает процесс изготовления писчей бумаги в одной из арабских стран. По мнению ученых, начиная с китайского способа, он, в целом, не претерпел коренных изменений, и они правы, называя способ выработки бумаги китайско-самаркандским.

Дошедшее до нас с XI в. описание изготовления бумаги, является пока единственным более или менее полным рецептом ее выделки. Из описания мы видим, что данный процесс осуществляется не мастером, а сторонним наблюдателем. Этот вывод можно сделать на основании

того, что сочинение, как считают европейские исследователи Мартин Леви, Карабачек и Эндрюс, было написано султаном Му'изз б.Бадисом или его сыном Тамимом, которые, безусловно, не принимали непосредственного участия в самом производственном процессе. Возможно, автор трактата либо сам наблюдал, как делают бумагу, либо ему рассказал об этом некий мастер. В обоих случаях, когда автор был сторонним наблюдателем или слышал обо всем этом из чужих уст, были опущены нюансы, которые, как мы полагаем, играют немаловажную роль в процессе изготовления бумаги. Во-первых, автор пишет, что после того, как конопляное волокно размягчают негашеной белой известью, ее месят руками. На наш взгляд, любой мастер должен был знать, что нельзя месить раствор таким образом, следует либо чем-нибудь обернуть руки, либо месить каким-нибудь инструментом, так как негашеная известь разъедает кожу. Во-вторых, одним из не менее важных моментов является определение готовности самой бумажной массы перед отливкой бумаги. Этот момент автором не отмечен. В-третьих, процесс отливки бумаги – одна из наиболее сложных операций – к сожалению, автором подробно не описан. Об этом сказано лишь одна фраза: «Если это проведено хорошо, то массу оставляют в форме до тех пор, пока она не будет готова».

Из изложенного следует, что этот трактат, несмотря на то, что написан не мастером, все же представляет большую ценность для исследователей и расширяет наши возможности восстановления бумаги старинного образца.

Какие же материалы, методы и технологии применялись при изготовлении самаркандской бумаги? Она тогда изготавливалась из тутовой коры, хлопка, а также из отходов хлопкового и шелкового производства, волокна шелкопряда, корня молодого тутовника и других ингредиентов. Для особой пикантности в «бумажное молочко» добавлялись кукурузные рыльца, шерстяные и шелковые нитки, а также цветочные лепестки. К тому же это было не только безотходное производство, но и экологически чистое. Весь процесс производства одного листа от начальной стадии сырья до готовой продукции занимал около часа.

При производстве бумаги сначала измельчались до кашицеобразного состояния кора деревьев или другое сырье, что затем вымачивалось в воде. После этого добавлялся клеящий раствор, готовившийся из природного клея, который собирался на коре деревьев – урюка, черешни или вишни. Образованная таким образом, перемешанная масса выливалась в ванны, из которых с помощью сетки (типа циновки, изготовленной из камыша или конских волос) извлекались осевшие на них слои сырья – будущей бумаги. Ее толщину варьировалась в зависимости от объема той массы, которую зачерпывал мастер. После этого листы бумаги выдерживались под прессом, потом сушились и крахмалились. Следующий этап – вальцовка-глянцевание (для получения гладкой и блестящей поверхности) производился ручным способом. Бумага заглаживалась с помощью лощила, изготовленного из полудрагоценного камня – агата. Использовалось и другое сырье, добавлялись хна, розовые лепестки и розовая вода, а также шелковые разноцветные нити. Все это создавало не только уникальное сочетание приятного цвета и запаха, но и придавало еще большую презентабельность.

Бумага для рукописей окрашивалась в разные цвета и тона. Рецепты окраски писчей бумаги были разнообразными и, зачастую, сложными. Однако цветная бумага использовалась, как правило, для художественного оформления рукописей. Обычные рукописи, главным образом, на плотной сероватого оттенка бумаге типа *кагаз-и нимкатани*. При этом почти все они были написаны на бумаге восточного, т.е. в данном случае, местного производства. Число рукописей среднеазиатского происхождения, изготовленных на бумаге европейского производства, невелико, по времени они, в основном, относятся к XIX – началу XX в.

Вот как в трактате Кади Ахмада, написанном в 1015 г.х. (1606 г.), цитируется стих каллиграфа Маулана Султана-Али:

Как хороша самаркандская бумага!

Не отвергай, коль мудр ты.

Писание на ней получается ясным и красивым,

Только бумага должна быть чистой и белой.

Известный узбекский писатель, великий мыслитель и ученый Алишер Навои называл бума-

гу «крыльями, разносящими по миру мысли мудрецов».

Между тем Бабур в своем знаменитом произведении «Бабур-намэ» отмечал, что «лучшая бумага в мире получается из Самарканда».

Рецепты изготовления бумажных листов хранились как огромная государственная тайна. Но уже и тогда существовал так называемый промышленный шпионаж.

В 650 г. бежавшие из китайского плена воины, работавшие на бумажных «фабриках», стали заниматься изготовлением бумаги в Самарканде, которую получали из старых льняных тканей, причем этот процесс шел довольно успешно и она даже стала вытеснять все другие сорта бумаги. Ею пользовались все, начиная от простолюдина и кончая учеными и государственными деятелями. Так, на пестрых базарах среднеазиатских городов нередко можно было увидеть следующую картину: писарь на глазах клиента изготавливал бумагу и, положив лист ее, еще не пересохший, на спину клиента, строчил какую-нибудь жалобу или донос.

В VIII в. искусством получения «хранительницы истории» владели уже многие восточные страны. Этому способствовали военные набеги. К примеру, в 712 г. арабы захватили Самарканд и вместе с другими трофеями вывезли отсюда тайну изготовления бумаги. После этого в завоеванных арабами странах – Сицилии, Испании и Сирии уже появились разнообразные бумажные фабрики.

Таким образом, с созданием бумаги и рукописной книги на Востоке связаны многие десятки языков и письменностей, что служило важным звеном при передаче разных идеологических доктрин древности и средневековья, орудием, обеспечивающим преемственность культурных ценностей народов Средней Азии. Это, в свою очередь, позволяет уже сегодня ученым воссоздать картину исторического прошлого народов Востока, раскрыть их значительный вклад, вложенный в сокровищницу мировой цивилизации. Именно здесь содержится тот огромный материал, который позволит со временем создать энциклопедию культуры народов Востока, столь важную для правильной оценки путей и результатов развития человечества.

Кроме того, изучение и восстановление старинных рецептов самаркандской бумаги даст возможность дальнейшего усовершенствования процессов ее производства, разработки и изготовления особых сортов бумаги, которые могут быть использованы для специальных изданий и важных документов, а также в лабораториях в процессе реставрации манускриптов, находящихся в разных рукописохранилищах.

N.N. Hobibullaev - Secrets of the Making of Paper in Ancient Samarkand

Paper making is one of the crafts that made Samarkand famous the world over. Indeed, it was here that Samarkand was the first city of the Middle East where paper was produced. The author describes the different stages of paper production, as well as the materials, methodology and techniques of production with the help of water mills. The makers added pigment to the raw material as well as coloured silk filaments. These components created the unique colour and smell of the paper from Samarkand. There existed many different designs and variations in tone and hue so as to create paper adapted to different uses, both for special circumstances and for everyday use (in this case the paper was thick and grey and called kagaz-i nimkatani). The techniques of paper making were kept secret.

*Д. Султонова, З.А. Мухторов
(Ўзбекистон)*

«МУҚАДДАС ҚОҒОЗ» ЁХУД САМАРҚАНД ҚОҒОЗИНИНГ ҚАЙТА ТИКЛАНИШИ

Самарқанд шахрининг ўтмиши ва бугунги кундаги ютуқлари унинг жаҳон цивилизациясидаги ўрни ҳақида ҳикоя қилади. Самарқандда қадим замонларданок маърифатпарварлик ғояларининг парвариш топанлиги, бу ерда ёзилаётган диний, дунёвий, илмий, бадий қўлёзма-китоблар, олиму уламолар ўртасидаги ёзишмалар, давлатлар ҳокимиятларидаги иш юритиш ва бошқа фаолиятлар Мовароуннахрнинг марказий

шахарларидан бири бўлган Самарқандда қадимданок қоғоз ишлаб чиқаришнинг шаклланиши ва ривожланишини тақозо этган.

Самарқандда қоғоз ишлаб чиқариш айнан қайси даврдан бошланганлиги хусусида бирон-бир маълумотга эга эмасмиз ва бу ҳунармандчиликнинг илдизлари илк ўрта асрларга бориб тақалиши эҳтимолга яқин. Ўрта асрларга, хусусан Сомонийлар даврига келиб Самарқанд энг ноёб қоғоз ишлаб чиқариш марказига айланди. Самарқанд қоғози ўзининг сифати ва нафислиги билан донг таратади. Кейинроқ Заҳриддин Муҳаммад Бобур ўз эсдаликларида: “Энг яхши қоғоз Самарқандда ишлаб чиқарилади. Қоғоз тегирмонининг ариғи Кониғилдан оқиб келади. Кониғил Сиёх Об (Сиёб) дарёси бўйида кўплаб қоғоз тегирмони бор эди”, деб ёзади. Бу қоғоз навлари турлича бўлган. Улардан бирининг номи “қоғози абрешемий” бўлиб, ўта сифатлилиги, тозаллиги, нафислиги билан барчани ўзига ром этган. Ипақдан тайёрланган бу қоғоз навига, айниқса, европалик савдогарлар кўпроқ харидор бўлишган. Самарқандда тайёрланган иккинчи қоғоз нави “қоғози нимкатоний” деб аталган. Уни тайёрлашда ипақ ва канопдан фойдаланилган. Бундан ташқари, Самарқандда қоғознинг яна бир неча, бизга номаълум бўлган навлари ҳам ишлаб чиқарилган.

Архив материалларидан, ўрта асрлар қўлёзмалари, илмий-амалий манбалардан унумли фойдаланган самарқандлик тадбиркор З.А. Мухторов, қадимий Самарқанд қоғозини қайта тиклашга киришди. 1998 йил 23 июнда тадбиркор “Кониғил Мерос” хусусий қоғоз ишлаб чиқариш корхонасини ишга туширди. Корхона илк бор қўлбола Самарқанд қоғозини пахта толасидан тайёрлаган бўлса, кейинчалик у зиғир, ипақ толасидан ҳам ишлаб чиқарила бошланди. Ушбу лойиҳа ЮНЕСКО ва Япониянинг ЛСА ташкилоти ҳомийлигида амалга оширилган бўлиб, Самарқандда йўқолиб бораётган қадимий, анъанавий халқ санъатини қайта тиклашни ривожлантиришга қаратилган.

Тарихдан бизга маълумки, Сиёб ариғи бўйида қатор тутзорлар бўлган ва тут дарахти пўстлоғидан Самарқанд қоғози яратилган. Айтишларича, бу ерда 2 мингга яқин сув тегирмонлари ишлаган. Улар кейинчалик йўқ бўлиб кетган. Бугунги кунда Кониғил қишлоғида қўлда қоғоз ишлаб чиқаришга мўлжалланган ягона сув тегирмони сақланиб қолган бўлиб, у тахминан 300 йил аввал фаолият кўрсатган қоғоз устасининг тегирмони ўрнида ўрнатилганлиги ҳам эътиборга лойиқдир. Элчи Руи Гонсалес де Клавихонинг кундалигида тилга олинган ана шу Кониғилда тикланган сув тегирмони атрофида қўлда қоғоз ишлаб чиқариш жараёнини чет эл давлат арбоблари келиб кўрдилар ва ҳайрат билан кузатдилар.

Самарқанд қоғозининг қайта тикланиши учун деярли 10 йилдан буён жон қуйдираётган тадбиркор “Кониғил Мерос” фирмаси асосчиси Зариф Мухторов оқ қоғоз ва Самарқанд қоғозини солиштириб кўриб, бу ҳақда шундай дейди: “Ўша пайтларда Самарқандда тут новдасининг пўстлоғи мағзидан, баъзан эса унга атиргул гулбарги шарбати қўшиб хушбўй қоғозлар ҳам ишлаб чиқарилган. Қоғознинг ранги оч-сарикдан то қизғиш малла тусгача бўлиб, маълумотларга қараганда, тўқ ва зарғалдоқ ранғи ҳосил қилиш учун қоғоз қоришмасига турли нисбатда хино қўшилган”. Корхонага нуфузли давлат ташкилотларидан махсус буюртмалар тушмоқда. Яқинда Фонд Форум Ўзбекистон ташкилоти раҳбарияти томонидан франциялик меҳмонларга “таклифнома” ёзиш учун минг донга Самарқанд қоғози варағини тайёрлаб беришга буюртма тушди. Бундай қоғозлардан самарқандлик рассомлар миниатюра чизишда, таъмирчилар эса қўлёзмаларни таъмирлаш ва тайёрлашда кенг фойдаланишмоқда. Реклама сифатида корхонамизга ташриф буюрган ҳар бир хорижлик сайёҳларга Самарқанд қоғозидан намуна тухфа этамиз.

Самарқанд ипақ қоғозининг тикланиши – “абадий қоғоз”ни яратиш, яъни қўлёзмалар умрини минг йилларга узайтиришга имкон беради. Бунинг учун тутзорларни кўпайтириш лозим. Мана, истиқлолимиз шарофати билан Самарқанднинг дунёга машҳур бўлган қоғози қайтадан дунё юзини кўрди. Бу технологик жараён ҳозирда қўл меҳнати билан бажарилмоқда, лекин келажакда бу ишга замонавий технологияларни жалб этиш режалари ишлаб чиқилмоқда. Лекин ўшанда ҳам Самарқанд қоғозининг қадимий хусусиятларини сақлаб қолиш асосий вазифа бўлиб қолади. Келгусида, Самарқанд қоғозини кенг тарғиб этиш, кадриятларимизни тиклашнинг бир йўналишидир.

Ҳозирги кунда ипак курти толасидан тайёрланаётган Самарқанд қоғози XIII-XIV асрларда ишлаб чиқарилган қоғозлардан ўз сифати билан қолишмайди. Келажакда ипак қоғоз ишлаб чиқариш бўйича Самарқанд шаҳри ўзининг анъанавий қадимий шухратини тиклаб олишига ишонамиз. Матбуот ва ахборот агентлиги маъсуллигида Самарқанд юбилейига бағишлаб нашрдан чиқариладиган рангли, безакли китоб-альбомлар, буклет ва открыткалар, плакатлар намуналари келажакда маҳаллий Самарқанд қоғозига нашр этирилса уларда ўзгача бир мазмун, қадимий бир шукуҳ пайдо бўлуради.

D. Sultanova, S. A. Muhtorov - The “Holy Paper” or Restoring Paper Produced in Samarkand

This article considers the rise of paper production in Samarkand, which turned the city into one of the great producers of paper in the Medieval period. Samarkand was at that time one of the centres of trade, science and culture and paper was one of the great exports of the city. Today, paper production is being started once again according to traditional methods.

*О.П. Кобзева
(Ўзбекистан)*

**РОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В ФОРМИРОВАНИИ
ЭТНИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЗАРАФШАНСКОЙ ДОЛИНЫ**

Изучение Великого шелкового пути европейскими учеными началось 130 лет назад, когда в 1877 г. в Берлине была опубликована монография Ф.Ф. фон Рихтгофена «Китай. Именно в этом научном труде сложная система дорог, соединявшая в древности и средневековье евразийский континент была названа “Шелковым путем”, а торговля, которая осуществлялась по ним «шелковой торговлей» (Richtgofen, 1877).

К первому тому монографии прилагалась карта, относящаяся к 128 г. до н.э. Основываясь на хронике династии Хань, сочинениях древнегреческих и древнеримских авторов и собственных наблюдениях, ученый наметил несколько древних караванных дорог, одна из которых приходила по городам Лоулань, Аксу, Хотан, Кашгар, Ош, Коканд, Самарканд, Бухара, Мерв и т.д. Таким образом, впервые Ф.Ф. фон Рихтгофеном были обозначены на карте Великого шелкового пути крупные города, в том числе и Самарканд. Сегодня, используя археологические данные, можно сказать, что одна из этих дорог была северным направлением Великого шелкового пути. Пересекая Окс (Амударью), долину реки Шерабад, через железные ворота и Кеш эта дорога вела в древний Самарканд (Смаракансу), который в это время (рубеж н.э.), по сравнению с Бухарой, оставался наиболее привлекательной целью, как для купцов из Китая, так и для различных мигрантов (а в более позднее время, в средние века, для персидских и арабских купцов). Рихтгофен упоминает также о возникновении вдоль трасс торговых факторий согдийцев (современные ученые полагают, что это произошло в I в. до н.э.).

Основывая фактории, согдийцы селились там семьями и проживали долгое время. Колонии согдийцев существовали до IX-X вв., самые большие из них были в таких китайских городах, как Чаньань, Ланчжоу, Дуньхуан (до 1000 чел.).

Французский китаевед П. Пельо (1878-1945), специалист по истории и языкам народов Центральной Азии, анализируя китайские письменные источники, установил, что в 627-644 гг. несколько согдийских поселений возникло вокруг озера Лобнор. Одно из них было основано на месте покинутого китайского города вождем из царства Кан (т.е. Самарканда) Кан-Яньтянем. Следует вывод о том, что в VI-VII вв. шел активный отток согдийского населения из долины Зарафшана в целом и Самарканда в частности. Это явление, т.е. “великая согдийская колонизация шелкового пути” было обусловлено не только экономическими факторами, (известно, что согдийцы были лучшими торговцами на этом пути в раннем средневековье), но и в вторжении на территорию Средней Азии тюрок, которые после захвата Самарканда и ожесточенного сражения под Бухарой (563 г.) стали контролировать самое крупное из полунезависимых раннефеодальных государственных образований Средней Азии – Согд.

В конфедерацию дехканов Согда, по мнению академика Мухаммеджанова А.Р., входили ихшиды Самарканда, бухар-худаты Бухары, а также правители Кеша и Нахшеба (современные Шахри-

забз и Карши). Каждое из этих владений имело своего правителя и дружину чокаров, но большинство из них все же были подчинены власти ихшидов Самарканда, хотя и имели право чеканить свою собственную монету.

Известно, что самаркандцы экспортировали по Великому Шелковому пути стеклянные и зеркальные изделия, вооружение, горный хрусталь, сердолик, ткани, серебро, золото, медикаменты, львов, леопардов, карликов, фокусников, танцовщиц. От них народы Восточного Туркестана и Китая научились искусству виноделия. За счет прохождения через Самарканд главного ответвления Великого шелкового пути Согд был многолюден, многоязычен и веротерпим.

В китайских династийных хрониках Суй шу и Тан шу упоминается, что согдийцы «... искусны в торговле. Многие иностранцы приезжают к ним для торгога» и «... родившемуся мальчику язык намазывают каменным медом, а на ладони кладут клей, чтобы он был сладкоречив и крепко держал денежку»,... «мужчина достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде бывает, где только предвидит выгоды...» (Бичурин, 1950. Т. 2).

Этническую пестроту Самарканда подчеркивали посланцы из разных, подчас весьма удаленных от Средней Азии стран.

Вместе с торговыми караванами шли и религиозные проповедники.

В VI-VIII вв. население Согда исповедовало зороастрийскую религию и буддизм. Более слабо распространилось здесь манихейство, шаманизм, буддизм.

В начале XX в. состоялся ряд экспедиций японских исследователей во главе О. Сесином (Козуй Отани) по трассам Великого шелкового пути. Цель экспедиций была доказать, что буддизм проник в Корею и Японию через Среднюю Азию.

Известно, что уже в период правления великого царя Ашоки (273-239 гг. до н.э.) буддизм становится государственной религией индийского царства Маурьев (322-184 гг.), а затем распространяется посредством Великого шелкового пути и в Средней Азии, в т.ч. Согде.

Значительная роль ряда регионов Средней Азии - Бактрии, Согда в распространении буддизма подтверждается сведениями китайских письменных источников. Эти данные неоднократно использовали в своих работах П. Пельо, Э. Шаванн, Г. Масперо, О. Франк, Е. Цюрхер. Китайские источники называют шестерых согдийских монахов-буддистов: Кан Изюй, Кан-Сэн, уэй Бао-и, Кан-мэн, Кан Фа-ши, Кан-Чин (III-IV вв.). Все они переводили на китайский язык сутры, обращали в буддизм, строили монастыри и ступы, толковали Трипитаку и т.д. Вопрос о распространении буддизма в Согде до сих пор окончательно не разрешен. Находки буддийской скульптуры в Южном Согде, головы Будды под Самаркандом и буддийского святилища в Санзаре свидетельствуют, возможно, о том, что здесь проживала небольшая община индийцев-буддистов (Ртвеладзе, 1999).

О христианстве в Средней Азии говорит в своей работе «Памятники минувших поколений» Абу Райхан Беруни (Беруни, 1973).

При патриархе Ахае (410-416 гг.) христианская община Самарканда так выросла, что там была учреждена митрополия. В Самарканде и в Бухаре (Наршахи, 2004), также были христианские церкви и монастыри. У арабского географа Ибн-Хаукаля (X в.) есть описание христианского селения Вазгрэд (поселение Коштета I, VII-VIII вв.) район Ургута, Самаркандской области. Ибн-Хаукаль еще в X в. нашел там много иранских христиан (очевидно, это были иранцы и сирийцы). Согдийские правители-ихшиды, принявшие христианство, чеканили монету (находки в Пенджикенте, Афрасиабе, Варахше и т.д.) в центре обработанной стороны которой был помещен несторианский крест. Согдийцы распространили христианство в Восточном Туркестане и Китае.

Город Самарканд стал одним из центров манихейства. В Самарканде, в частности, одно время находилась резиденция главы манихеев, а согдийский язык к концу VII в. становится официальным языком восточной манихейской церкви. Манихейские храмы найдены в Пенджикенте, а манихейские монастыри явились прототипами мусульманских хонака.

В Согд из Вавилона возможно через Ахеменидскую Империю, переселились евреи. Вторая волна миграции евреев в Среднюю Азию связана с жестоким подавлением восстания Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.) против римлян и истреблением евреев во время правления императора Марка Аврелия.

К сожалению, нет письменных источников о присутствии евреев в Самарканде и Бухаре в раннем средневековье, но сомневаться в том, что они проживали там, не приходится. Через Согд евреи (в т.ч. еврей-купцы) по дорогам Великого шелкового пути достигли Восточного Туркестана.

Начиная с VII в. в этническом составе Согда произошли качественные изменения. Здесь поселились арабы, карлуки, огузы и другие тюркские племена, затем татаро-монголы, использовавшие

для своих вторжений те же старые трассы шелкового пути.

Долину Заравшана посетили в то же время венецианские купцы - «старшие» Поло: отец (Николо) и дядя (Маффео) знаменитого Марко. Из Константинополя через Крым, Волгу, через земли Золотой Орды, Хорезм они прошли вверх по долине Амударьи до низовьев Заравшана и вверх по нему до Бухары. Поло посетили также Самарканд. Их рассказы, в т.ч. об этнической пестроте Самарканда, нравах и обычаях его жителей, были обработаны и записаны Марко Поло в «Книге о разнообразии мира».

В 1355 году после восьми лет странствий домой в Италию вернулся служащий Флорентийского торгового дома Барди Франческо Паголотти. Он прошел тысячи китайских ли, арабских фарсахов и европейских миль Шелкового пути. Венцом его путешествия стал фолиант «Практика торговли, или сочинение о далеких землях, торговых мерах и других предметах, сведения о которых необходимы купцам всех стран». В книге отражены, в том числе, особенности среднеазиатской торговли и упоминается город Самарканд.

Подводя итог, мы можем сказать, что Великий шелковый путь сыграл огромную роль в миграционных процессах древности и средневековья.

Таким образом, «этнические проникновения» в долину Заравшана по трассам Великого шелкового пути осуществлялись 3 способами:

- насильственный (военные захваты);
- экономический (торговля);
- миграционный (переселение)

Все они одновременно несли в себе культурную и духовную традицию тех или иных народов.

Использованная литература

- Richtgofen F.F. (fon) Ergebnisse eigenes Reisen. – Berlin: D. Reimer Verlag. 1877.
Бичурин Н.Я. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 2.
Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. – Энциклопедический справочник. –Ташкент, УзМЭ. 1999.
Беруни Абу Рейхан. Избранные сочинения. –Ташкент, 1973.
Наршахи. История Бухары. –М., 2004.
Дреж Ж.П. Марко Поло и шелковый путь. – М., 2006
Whitfield S. Life along the Silk Road . –London: John Murray (Publishers). 2004.

АМИР ТЕМУР ВА ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДА МАРКАЗИЙ ОСИЁ ҲУДУДИДАГИ УЙҒОНИШ

*Ж. Яхшиликков
(Ўзбекистон)*

АМИР ТЕМУР БУЮК БУНЁДКОР ШАХС

Амир Темури номи инсоният тарихида қолдирган омиллардан бири у кишининг бунёдкор шахс сифатида, мамлакат ободончилиги ва эл-юрт фаровонлиги йўлида кўрсатган фаолиятидир.

Амир Темури мўғуллар босқини даврида вайронага айланган Самарқанд, Бухоро, Термиз, Марв каби қадимий шаҳарларни, бир қанча катта-кичик қалъа ва истехкомларни қайта тиклади. Шаҳарлар теварак-атрофларида маъмурий бинолар, сув иншоотлари қурилиб, боғу бўстонлар барпо этилади, минглаб гектар кўриқ ва бўз ерлар ўзлаштирилиб, суғорма деҳқончилик майдони кенгайтирилади.

Амир Темури ҳукмронлиги даврида Кеш (Шаҳрисабз) шаҳрининг ободонлигига катта эътибор берилди, унинг мақсади она шаҳрини Марказий Осиёнинг маънавий қалбига айлантириш эди.

Дунёга донғи кетган Оқсарой ўз даврида жуда маҳобатли, гўзал бино бўлиб, баландлиги 74 метр ва мингдан ортиқ хонаси бўлган, ҳар бир хоналарининг безаклари бири-биридан фарқ қилиб, ажралиб турган. Бу бино ҳозирги даврдаги йигирма қаватли бинога тенглашади. Санъатшунослик фанлари докторлари Л.И. Ремпель ва Г.А. Пугаченковаларнинг фикрича, худди шу ҳолат, яъни архитектуранинг янги тасвирий воситаларини қидириш ўша даврда бутун Шарқда тенгги бўлмаган ҳашамат, дабдабага эришган (История искусств Узбекистана с древнейших времен до сер. XIX в., 1965. С. 309).

Дарҳақиқат, Самарқанд салтанат пойтахтига айлантирилгандан кейин кўплаб саройлар, масжидлар, мадрасалар, мақбара ва хонақоҳлар қурилди. Амир Темури ўғитларида таъкидланишича, «Ҳар бир шаҳарда масжидлар, мадрасалар, хонақоҳлар қуришни, мусофир, йўловчилар учун йўл устига работлар бино қилишни, дарёлар устига кўприклар қуришни буюрдим» (Амир Темури ўғитлари, 1992. 19-бет.) - деб таъкидланади.

Амир Темури юқоридаги фикрини давом эттириб, шундай дейди: «Хароб бўлиб ётган ерлар эгасиз бўлса, холиса тарафидан обод қилинсин. Агар эгаси бўлса-ю, (лекин) обод қилишга қурби етмаса, унда турли асбоблар ва керакли нарсалар берсинлар, токи ўз ерини обод қилиб олсин» (Амир Темури ўғитлари, 1992. 19-бет.) - деб изоҳлайди. Шаҳар ташқарисида боғ-роғлар барпо этилди. 1403-1404 йилларда Самарқандда бўлган Испания элчиси Руи Гонсалес де Клавихо Темурининг олиб бораётган бунёдкорлик ишларидан ҳайратда қолган эди. Худди шу даврда Шохизинда меъморий ёдгорлиқлари гуруҳининг Шодимулк оға, Амир Хусайн, Ширинбека оға, каби қатор ажойиб мақбаралари, жоме масжиди, Гўри Амир даҳмаси ва бошқалар бунёд қилинди. Шуни алоҳида таъкидлаш керакки, мўғуллар босқини даврида бутунлай вайрон этилган ва аҳолиси томонидан ташлаб чиқилган Самарқанд шаҳри Темури ҳукмронлиги даврида ўзининг қадимги ўрнидан бирмунча жануброқда янги-дан қайта қурилади. Қурилишга Амир Темурининг энг яқин саркардаларидан бири Оқ Буға бошчилик қилади.

Шаҳар атрофида Оҳанин, Шайхзода, Чорсу, Қоризгоҳ, Сўзангарон ва Феруза каби номлар билан юритилувчи олтита дарвозали мустаҳкам қалъа девори билан ўраб чиқилади. Ўша даврда янгидан қад кўтарган Самарқанд шаҳрининг ғарбий қисмида давлат маҳкамаси учун Арки Олий қурилади. Бу янги арқда Темурининг қароргоҳи Кўксарой ва Бўстонсарой бунёд қилинади. Манбалардан маълум бўлишича, Кўк сарой тўрт қаватли бўлиб, гумбазлари ва деворлари зангори кошинлар, нақшинкор ва гулдор парчинлар билан қоплангани учун шу ном билан аталган.

Ўша даврларда амалга оширилаётган бунёдкорлик ишларининг бориши ҳақида Шарафуддин Али Яздий шундай дейди: «801 йил рамазон ойининг 4-куни якшанбада моҳир меъморлар ва сўз санъатида беназир усталар бахтли соатда ва юлдузлар учун қулай пайтда шаҳар жомеъ масжидига асос солинди. ...Озарбайжон, Эрон, Ҳиндистондан 500 тоштарош масжиднинг ўзида ишлар, бошқалари эса тоғда тош йўниб, шаҳарга жўнатиш билан банд эди. Бутун ер юзидан пойтахтга... турфа санъат мутахассисларининг уюшмалари ва мусаввирлар тўпланишди. Курилиш ишларини назорат қилишни Темур шаҳзодалар ва амирларга топширдилар... Курилишга шахсан ўзи келди ва ўша кезлари вақтининг кўп қисмини шу яқин атрофда - Хоним мадрасаси ва Туман Оға мақбарасида ўтказди... Бино баландлиги бинокорларнинг маҳорати янглиғ кўк гумбазига етишгунча ва ҳовли озодалиги... жаннат боғларининг чиройини унуттирар даражада бўлмагунча давом этди...

Осмон гумбази бўлмаганда бу гумбаз ягона бўларди, Сомон йўли бўлмаганда пештоқ ягона бўларди. Деворлар туташган тўртта бурчакнинг ҳар бирида минора қад кўтарди. Муаззинлар дунёнинг тўрт томонига қараб азон айтишади. Масжиднинг етти хил маъдандан қўйилган буюк дарвозаларининг овози етти иқлимдаги мўминларни тангри уйига чорлайди. Деворлари ички-ташқи тарафидан ва равоқ атрофи тошга ўйилган битиклар билан безатилган... Минбар бағоят гўзал қилиб безатилди, меҳроб темирдан ясалди» (Шарафуддин Али Яздий, 1996. 276-277-бетлар).

Амир Темур ўз даврида мамлакатни обод қилишда илм-фан вакиллари ғояларига таянган ва уларга тез-тез мурожаат қилиб турган. Бу ҳақда Амир Темур ўз ўғитларида: «Илм ва диннинг машҳур кишилари ўз маслаҳатлари билан подшоҳларга ёрдам бериб келганлар. Сизлар эса менга нисбатан бундай қилмаяпсизлар. Менинг мақсадим - мамлакатда адолат ўрнатиш, тартиб ва тинчликни мустаҳкамлаш, фуқаронинг турмушини яхшилаш, юртимизда қурилишни кучайтириш, давлатимизни ривожлантиришдир. Сизлар бу ишларни амалга оширишда менга ўз маслаҳатларингиз билан кўмаклашингиз керак» (Амир Темур ўғитлари, 1992. 39-40-бетлар) - деб уқтиради.

Амир Темур шаҳарлардаги қурилишлардан ташқари, Самарқанд атрофида ўзининг хешу акробаларига атаб кўпгина кўркам кўшқлар, гўзал боғлар қурдирди. Моҳир меъмор, тажрибали соҳибкорларнинг ақл-заковати, меҳнатию маҳорати билан барпо этилган Боғи Дилқушо, Боғи Чинор, Боғи Баланд, Боғи Нав, Давлатобод, Боғи Шамол каби чорбоғлар ва улардаги гўзал кўшқлар ўша давр боғдорчилик санъатининг намуналаридандир. Манбаларда таъриф этилишича, шаҳар атрофи ўша вақтларда Самарқанднинг энг гўзал ва энг ҳашаматли қисми ҳисобланган.

Темур бошлаб берган бунёдкорлик анъанага айланиб, бундай ишлар ворислари томонидан давом эттирилди. Темурий шаҳзодалардан тортиб нуфузли амирлару вазирлар, вилоят ва улус ҳокимлари ўз шахсий мулк ва маблағларининг каттагина қисмини марказий шаҳар ва уларнинг теварак-атрофида шоҳона кўшқу саройлар қуришдан ташқари, хайрия ишларига - масжиду мадрасалар, хонақоҳу шифохоналар, ҳаммому бозор расталари, работу карвонсаройлар, сув иншоотларию боғ-роғлар ва бўстонлар барпо этишга сарф қилганлар. Айниқса улар эътиқод, илм ва маърифат масканлари - масжидлар ва мадрасалар, шифохона ва хонақоҳларнинг сарфу харажати учун катта-катта экин ерлари, тегиримон, обжувоз, мойжувоз ва дўконлар каби қўзғалмас мулкларни вақф қилиб, мударрис олимлару толиби илмлар, зоҳидлар ва машойихларга маошлар белгилайдилар.

Кишилиқ жамияти тарихида бунёдкорлик ғоялари юртни обод, халқ ҳаётини фаровон қилишдек олижаноб мақсадлар билан ажралиб туради. Улар инсоният цивилизацияга эришган даврлардан буён жамият ҳаётининг энг эзгу ғоялари сифатида яшаб келмоқда. Президент Ислоҳ Каримовнинг «Ўзбек том маънода бунёдкордир», деган сўзларида ҳам ана шу боқий ғоялар ўз ифодасини топган. Бунёдкорлик халқимизга ота-боболаримиздан меросдир.

Фойдаланилган адабиётлар

История искусств Узбекистана с древнейших времен до сер. XIX в. М., 1965.
Амир Темур ўғитлари. Тошкент, 1992.

J.Yaxshilikov - "Amir the Temur — the Great Founder ".

The article deals with the historical data on the creative activity of Amir Temur. It discusses the numerous constructions built in Samarkand during the Temur's period such as powerful fortress walls, mosques, madrasahs, services buildings, streets, public baths, magnificent gardens, etc. The author also focuses on the creative reconstruction works carried out during the Independence period. For the 660th anniversary of Temur the majestic monument of this great founder was built in Tashkent and Samarkand cities.

Б.Э. Йўлдошев
(Ўзбекистон)

АМИР ТЕМУРНИНГ ҲАРБИЙ САРКАРДАЛИК САЛОҲИЯТИ

Халқимиз тарихида инсоний камолоти ва ижтимоий фаолияти билан довруғ қозонган, миллатимиз фаҳри бўлмиш улуғ зотлар кўп. Бу ўринда француз тарихчиси Жан Поль Руннинг Амир Темур тўғрисида куйидаги фикрини эсламоқ жоиздир.

“Темурга тенг келадиган кам топилди, Темурдан ўтадиганлар эса топилмаса керак. Унинг номи Искандар, Доро, Чингизхон, Бонапартлар билан ёнма-ён туради. Темур инсоният тарихининг буюк сиймоларидандир”.

Амир Темур темирдек мустаҳкам тартиб ва интизомга эга бўлган қўшин ташкил этган эди. Амир Темур лашкарида асосий қўшин турларидан ташқари: 1) понтончилар (кўчма кўприклар қуриш ишлари билан шуғулланувчилар); 2) нафтандозлар (Грегориан ёки юнон оловини отувчилар); 3) қамал қилиш машиналари ва тош отувчи қурооллар учун ишлатишни билладиган жангчилар; 4) тоғларда олиб бориладиган жанглار учун тик қияликларга чиқа оладиган, тоғлик ерларда бўладиган жангларга кўниккан, тоғ аҳолисидан ташкил топган махсус қўшинлар мавжуд бўлган.

Шуни алоҳида таъкидлаш керакки, Соҳибқирон лашкари нафақат Мовароуннахр аҳолиси шу билан бир қаторда зарб этилган мамлакатларнинг фуқаролари ҳисобига ҳам тўлдирилган. Чунончи “Тузуқларда” куйидаги сатрларни ўқиймиз: “Ғаним томонидан бизнинг қўлимизга ҳар қандай сипоҳий асир бўлиб тушса, уни ўлдирмасинлар. Унга ихтиёр берилсин. Агар навкарликни қабул қилса, навкар қилсинлар, йўқ эса уни озод этсинлар”.

Амир Темур қўшинлари ўнликлар (“айл”), юзликлар (“хўшун”), мингликлар (“хазора”) ва ўн мингликлар (“туман”) га бўлинган. 10 минглик лашкарларни бошқариш учун “Туман оғаси”, минглик “Мирихазора”, юзликни “Хўшунбоши” ва ўнликни бошқариш учун “Айлбоши” каби ҳарбий мансаблар ташкил қилинган.

Амир Темур ўз замонасида қудратли ҳарбий куч соҳиби бўлиш билан бир қаторда мухороба услуб ва йўриқларни мукамал эгаллаган ажойиб саркарда эди.

Ҳарб илмининг даҳоси Амир Темур жанг бўладиган ерни танлашда куйидагиларга эътибор берарди, хусусан: 1) сув; 2) лашкарни жойлашиш ва сақлаш учун қулай бўлган жой; 3) жанг учун танланган ерда душман устидан устунлик қилиш мумкин бўлиши ва айниқса, юз ва кўзга қарши куёш тушмаслиги; 4) жанг майдони кенг ва текис бўлиши. Амир Темурнинг фикрича тажрибага эга моҳир саркарда жанг олдидан жанг майдонини синчиклаб кўздан кечириши, душман хусусиятларини унинг қайси тарафдан устун эканлигини ўрганиши, ўз нуқсонларини тез орада йўқота олиши, душман алоҳида ажратилган қисмлар билан ҳужумга ўтаётганини ёки бор қўшинларини бирваракайига жангга киритганлигини кузатиши, унга қарши ишонч билан ҳаракат қилиши, муваффақиятга эришиш учун унинг махфий режалари бор-йўқлигини билиши керак эди. Амир Темурнинг айтишича, душман ҳужум қилиши ёки чекинмоқчи эканлигини, ҳужумни такрорламоқчилигини ёки биринчи ҳужум билан қаноатланаётганлигини кузатиш ва тезда уқиб олиш катта санъат ҳисобланарди. Унинг айтишича, саркарда жанг пайтида ўзини йўқотмаслик керак. Амир Темур қоидаларига кўра лашкарбоши душман қўшини сонини билиб олгач, унга қарши ўз қўшинларини тўғри қўя билиши, душман нима қилаётганини кузатиши, душман ўқчилари, найзабозлари, қиличбозларининг ҳолати

қандайлигини билиши, улар жангга бирваракайига ёки қисмларга бўлиниб, аста ёки шиддатли равишда киришаётганлигини кўра билиши, жанг майдонидаги ҳужум ва чекиниш бўлган кириш ва чиқиш жойларини белгилаши ҳамда душманнинг жанг қилиш тартиби ва кўзлаган мақсадини фаҳмлай олиши керак эди. У душман айёрликларига учиб, қуршовга тушиб қолмаслик учун эҳтиёткор бўлиши лозим эди. “Ҳали биронта ҳам халқ тўғри сарфланишни билмай тартибсиз тактик ҳаракатларсиз, фақат ўзидаги жасорат даражаси билан узун-юлуқ жанг қилаётган бир пайтда,-деб ёзади М. Иванин, Темурнинг тўғри сафланган, бир неча йўналишдан иборат мунтазам тартиб билан жангга кирувчи, кучли заҳирага эга бўлган интизомли армияси бор эди”.

Амир Темур ўзининг жаҳонгирлик юришларида кўз кўриб, қулоқ эшتماган жанговар услуб ва ҳийлалар ишлатган.

1391 йили Темур қўшинлари Самара билан Чистополь ўртасидаги Қундузча дейилган жойда Тўхтамиш лашкари билан тўқнашади. Рақибга нисбатан бирмунча кўпроқ суворийларга эса бўлган Тўхтамиш ўз лашкарини анъанавий мўғул уруш санъатига биноан жангга солди. Лашкарнинг маркази кучли бўлиб, унинг икки ёйиқ қаноти ҳал қилувчи зарба берилганидан сўнг душманни икки ёқдан қуршаб олиши зарур эди. Бироқ, Амир Темур ўз қўшинини бутунлай янгича жойлаштириб, етти қўл (корпусга) бўлиб, ҳужумга одатдагидек аввал отликларини эмас, пиёдаларни ташлайди. Душман устига ёпирилган Мовароннаҳр қисмлари Тўхтамиш қўшинни қўл жангига мажбур қилдилар, натижада ёғий суворийлари ҳатто, жангга кира олмай ҳам қолдилар. Етти қисмнинг бирига қўмондонлик қилган Амир Темур жангда иштирок этмай, балки уни кузатиб, қаерда аҳвол танглашса, шу заҳотиёқ ўзи бошқарган қўшинлари билан душман устига ташланар ва уни сафдан чиқарарди.

1398 йили Амир Темур лашкарини Ҳиндистон сари бошлайди. Ҳиндистон ҳукмдори Султон Маҳмуд қўшинлари сафида ўн минг зирх-совутли суворий, қирқ минг яхши қуролланган навқар ҳамда темир қалқонлар билан жиҳозланган юзлаб жанговар филлар бўлиб, уларнинг устига ёғоч кажавалар ўрнатилган, ҳар бир кажавода эса бир неча камонбоз ва найзабоз ўтирар эди.

Фил қаторлари орасидан “ёнар кўзалар” (ўт олдирувчи гранаталарнинг бир тури) отувчи аскарлар (раъдандозлар) жой олар, бир неча кишидан иборат бўлинма учувчи тахш (темир учли узун портловчи ўк) отишга ихтисослашган эди.

Амир Темур филларга қарши курашишнинг зарур чораларини кўрди. Соҳибқирон амри билан филлар ҳужуми кутилаётган чизиқ бўйлаб чуқур хандаклар қазилди, похол ортилган юзлаб туялар шай этилган бўлиб, уларнинг юқларига ўт қўйилган, филларга қарши солиш мўлжалланмоқда эди.

Бундан ташқари у темирчиларга ўткир тиғли учбурчак шаклидаги темир санчиқлар ясаттирдиким, улар қандай ҳолатда ҳавога отилишидан қатъий назар, ерга тушган бир қирраси албатта, тикка туриб қоларди. Суворийлар яшин тезлигида от қўйиб, бу санчиқларни филлар келиши кутилаётган йўлларга қадаб чиқишди.

Жангда Мовароуннаҳр суворийлари берган кучли зарба рақиб лашкарлари сафини тўзитиб юборди. Парчалаб ташлаган ҳинд аскарлари тумтарақай бўлдилар. Отлиқ аскарлар найза отиб, қилич солиб филларни шунчалар қонга беладиларки, хартумлари кесилган, тилинган ва найзалар илма-тешиқ қилган жониворлар тартибсиз чекина бошладилар ва бу билан ҳинд лашкарлари жанговар сафини бутунлай бузиб юбордилар.

Миср ва Сурия султони Барқуқ вафотидан сўнг тахтни эгаллаган ўғли Фараж Амир Темурнинг келишувчилик сиёсатидан бош тортди, унга очикдан-очик қарши чиқиб, Бағдод султони ва қора-қуюнлу туркман Ўрдаси билан иттифоқ тузди. Бундан хабар топган Амир Темур бир ҳарбий ҳийла ўйлаб топдики, буни на султон Фараж, на унинг маслаҳатчилари ҳаёлларига ҳам келтирмаган эдилар. Амир Темур ўз суворийларига Дамашқ остоналарига “чекиниш” ҳақда буйруқ берди. Дамашқдек катта шаҳарни қамал қилиб туриш мушкуллиги сабабли Соҳибқирон ўз душманларини юқоридаги ҳийла билан ҳал қилувчи муҳосарагача ушлаб туришга ва вақт-вақти билан уларга ёлғон ғалаба нашидаларини инъом этиб туришга қарор қилган эди. Амир Темур ўз лашкарини Дамашқнинг шимоли-шарқда жойлашган Гуфа боғи

майсазорларига кўчиришга аҳд қилди. Рақиб кўшини лашкаргоҳини ўзгартириш пайтидаги тартибсизликни кўрган Сурия ва Миср суворийлари ғанимга илк зарба бериш учун шаҳар дарвозаларидан чиқадилар. Амир Темур кўшинлари чекинаяпти, деб ўйлаган шаҳар аҳолиси эса қўлларида пичоқ ва таёқлар билан Амир Темур аскарлари кетидан югуришди. Ғазабланган аҳоли кўшиннинг чиғдовулига ҳужум қилганидан хабар топган Амир Темур воқеалар ўзи тузган режа бўйича бораётганига ишонч ҳосил қилди. Амир Темур лашкарининг қарнай-сурнайлари наъра тортиб, туғлар баланд кўтарилган, катта миқдордаги кўшин кўз очиб юмгунча ўз жанговар таркибини тиклаб, ажиб ва мукамал бир ҳолатни эгалладиларким, сурияликларнинг қаршисида муҳорабага тўла шай кўшин пайдо бўлди. Жанг қонли ва муросасиз кечди ҳамда Дамашк кўшиннинг қолдиқлари ва ақлдан озаётган аҳолининг шаҳар дарвозалари томон қочиши билан яқунланди.

Хулоса қилиб айтганда, Амир Темур кўп жанг қилди ва ҳаммасида ғолиб чиқди, мағлубиятни билмади.

Соҳибқироннинг ҳарбий юришлари ҳақидаги таърифу тавсифлардан кўриниб турибдики, ул зот ҳарбий санъатнинг ўша давр нуқтаи назаридан юқори даражада ва ўта малакали эканлигидан далолат беради.

*И. Каримова, Б. Ўроқов
(Ўзбекистон)*

АМИР ТЕМУР ИЛМ-ФАН ВА МАДАНИЯТ ҲОМИЙСИ

Ўзбекистоннинг бугунги озодлигини мустаҳкамлаш даврида Амир Темур биз учун буюк давлат асосчиси сифатида қадрлидир.

Амир Темурнинг ҳаёти ва фаолиятида икки давр яққол кўзга ташланади. Биринчиси, (1360-1385) Мовароуннаҳр мўғул хонлигидан озод қилиб, ягона марказлашган давлат тузиш, ўзаро урушларга барҳам бериш. Иккинчиси, (1386-1405) эса икки йиллик, уч йиллик, беш йиллик деб аталувчи юришлари билан характерланади.

Темур даврига оид илк манбалардан бири ҳуқуқшунос Ғиёсиддин Али ибн Жамол ал Илом Яздийнинг «Рўзномаи-ғазовоти Ҳиндистон» асари бўлиб, бунда Амирнинг Ҳиндистон юришининг кундалиги берилган. Бу «Кундалик» шахсан Амир Темурнинг топшириғи билан олим томонидан 1399-1403 йиллар оралиғида ёзилган.

Ушбу «Кундалик» Амир Темурнинг Ҳиндистонга қилган алоҳида юришига бағишланган бўлиб, бизгача етиб келган мукамал қўлёзмалардан биридир. «Кундалик» баландпарвоз, Амир Темур шахсини мадҳия қилишга бағишланган бўлишига қарамай, унга танқидий кўз билан қаралса, Амир Темур ҳарбий ютуқларининг илдизини, унинг урушларда ва шаҳарларни қамал қилишда қўллаган стратегия ҳамда тактикасига оид усулларини, ҳинд халқининг Амир Темур кўшинларига кўрсатган қаршиликлари тўғрисида муҳим хабарларнинг шоҳиди бўламан. Булардан ташқари Амир Темур замондошлари ҳамда сафдошлари тўғрисида, Самарқанд ва бошқа шаҳарлар ҳақида ҳам қизиқарли маълумотлар мавжуд.

Амир Темур ўз даврининг қабул қилинган адабий қолипларини рад этиб, ўз истилолари тарихини тўғри, содда, ҳаммага тушунарли услубда, ахлоқ-одоб доирасида ёзилишини талаб қилар эди.

Бутун жаҳон жамоатчилигига сир эмаски, Амир Темур ва темурийлар илм-фан, маданиятнинг ривожига улкан ҳисса қўшдилар, натижада Марказий Осиё маданияти ривожига ниҳоятда муҳим аҳамиятга эга бўлган давр сифатида тарихда муҳрланди.

Амир Темурнинг тарих олдидаги хизматларидан бири унинг ҳарбий истеъдодида, атоқли саркардалигида яққол намоён бўлади. У замонаси учун энг қудратли ва интизомли армияни барпо этишга, ҳарбий қисмларни жанг пайтида оқилона бошқаришга, пайдо бўлган ҳар қандай ғоя ва тўсиқларни тадбиркорлик билан енгишга, кўшиндаги жанговарлик руҳини, Ватанга муҳаббат ва садоқат туйғусини доимо юксалтириб боришга муваффақ бўлган. Амир Темур жаҳон тажрибасида биринчи бўлиб, ўз армиясида тўп ишлатишни жорий этди ва Шарқда ар-

тиллерияни таркиб топишига ҳамда ривожланишига катта ҳисса қўшди.

Миллий маданиятимиз муҳолифлари Амир Темур ва темурийлар даврида ўлкамизда фан ва маданиятнинг равнақ топганлигини соҳибқироннинг ҳарбий сафарлари чоғида хорижий юрталардан фан, адабиёт намояндаларини кўчириб, Самарқандга олиб келганлиги билан боғлайдилар. Бу нарса ҳеч қандай мантикка тўғри келмайди.

Амир Темурга қадар Туронзаминда дунёни ўзларининг қомусий илмлари билан лол қолдирган ал-Хоразмий, ал-Форобий, Беруний, Ибн Сино, ал-Бухорий каби буюк аллома ва сиймолар етишиб чиққан. Амир Темургача ҳам жуда кўп мамлакатларни забт этиб, минглаб усталар, олимларни ўз юртига асир қилиб олиб кетган жаҳонгирлар бўлган, аммо, у ерларда маданий ҳаётда ўзгариш деярли бўлмаган.

Илм-фан ва маданият салтанат учун маънавий озуқадир. Буни Амир Темур яхши биларди. Шунинг учун ҳам у олим ва фозил кишиларни ўзига дўст тутган, уларнинг иззат-хурматини ўрнига қўйган, давлатни идора қилишда уларнинг кенгаши ва маслаҳатларидан фойдаланган.

Амир Темур ва темурийлар замонида айниқса, тарих фани тараккий этди. Низомиддин Шомий ва Шарафуддин Али Яздийларнинг “Зафарнома”си, Ғиёсиддин Али Яздийнинг “Рўзномаи ғаззоти Ҳиндистон”, Ҳофизи Абрунинг “Зайли Зафарнома” Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг “Бобурнома” асарлари ўша замоннинг яхши илмий маҳсулидир.

Темур ва темурийлар замонида хуснихат билан кўчирилган китоблар, биноларга ёзилган нақшин хатлар сақланган. Айниқса, сангтарошлар, ёғоч, металл ва тошга ўйиб хат ёзувчи моҳир хаттотлар кўп бўлган.

Шу ўринда "Темур тузуқларида" куйидагиларни ўқиймиз: "Сайидлар, уламо-ю машшойих, оқилу донолар, муҳаддислар, хабарчилар (тарихчилар)ни танланган эътиборли одамлар ҳисоблаб, иззату хурматларини жойига қўйдим. Ҳақимлар, табиблар, мунажжимлар ва муҳандислар, салтанат қорхонасига ривож берувчилардир. Уларни ўз атрофимга тўпладим" (Темур тузуқлари. 55-56 бетлар).

Тарихчи Ибн Арабшоҳ ҳақиқатни тан олишга мажбур бўлган: "Темур олимларга меҳрибон бўлиб, саййиду шарифларни ўзига яқин тутарди. Уламолар ва фозилларга тўла-тўқис иззат кўрсатиб, уларни ҳар қандай кимсадан батамом муқаддам кўрарди. Уларнинг ҳар бирини ўз мартабасига қўйиб, ўз икрому хурматини изҳор этарди. Темур тарих (китоб)лари худонинг раҳмати ва саломи бўлган анбиёлар қиссаларини, подшоҳлар сийратлари ва ўтган салафлар ҳақидаги ҳикоятларни қунт билан тинглар эди" (Ибн Арабшоҳ. Амир Темур тарихи. 2-китоб. 71-бет).

Амир Темур юртида илм-фан аҳли учун яратган шарт-шароит, ғамхўрлик туфайли илм-фанга хавас қўйган ижодкорлар ўз ихтиёри билан Самарқандга кела бошлаганлар. XIV асрнинг ўрталарида Қозизода Румий Туркиянинг Бурса шаҳридан ўз ихтиёри билан Самарқанд шаҳрига келган. Хусомиддин Иброҳимшоҳ Кермоний сингари табиб, Мавлоно Аҳмад каби фалакиётшунос ва бошқа олимлар чет мамлакатлардан олиб келинган.

Амир Темур саройида уламолардан Мавлоно Абдуҷаббор Хоразмий, Мавлоно Шамсуддин Мунший, Мавлоно Абдулло Лисон, Мавлоно Баҳриддин Аҳмад, Хўжа Афзал, Алоуддин Коший, Жалол Ҳокий ва бошқа олимлар фаолият кўрсатишган. Амир Темур илм-фаннинг риёзиёт, меъморлик, илми нужум, адабиёт, тарих, мусиқа соҳаларини ривожлантиришга катта эътибор берган.

Хиротнинг равнақи Шохрух ва Хусайн Бойқаро фаолияти билан боғлиқ. Бу ерда адабиёт, шеърят, тарихга қизиқиш катта эди. Алишер Навоийнинг гувоҳлик беришича, Шохрух адабиётни ниҳоятда қадрлаган, дунёвий фанлар ичида тарихни кўпроқ ёқтирган ва Ҳиротга қатор тарихчиларни чорлаган. Ҳиротнинг бадий ижод маркази бўлишида Бойсункур Мирзонинг хизматлари бениҳоя каттадир. Вазирлик лавозимини эгаллаган бу шахзода ёзувчилар, шоирлар ва рассомларга ҳомийлик қилди. У сарой кутубхонасига асос солди.

Шохрухнинг хотини Гавҳаршодбегим ҳомийлигида 1432-1433 йилларда Ҳиротда хонако, мадраса ва жоме масжидлари бунёд этила бошлади. Гумбази сабз деган бу меъморчилик обидаларини қуриш учун 21 йил сарф қилинган.

Темурийлар даврида шеърят ва адабиёт айниқса равнақ топган. Ўзларининг баракали ва

серкирра ижод дурдоналари билан Қутб Хоразмий, Хўжандий, Сайфи Саройи, Дурбек, Хайдар Хоразмий, Атойи, Саккокий, Лутфий, Хусайн Бойқаро ва бошқалар бу даврда жаҳон маданияти тараққиётига муносиб ҳисса қўшдилар. Ва ниҳоят, эски ўзбек адабий тилининг асосчиларидан бири, ўзбек мумтоз адабиётининг чўққиси, шеърят мулкининг султони, буюк давлат арбоби Алишер Навоийнинг ижод гулшани майдонида парвоз этганлиги билан биз ҳақли равишда фахрланамиз.

Амир Темури ислом ҳимоячиси сифатида юргизган сиёсати соясида суфийлик тариқати ўлка ҳаётида катта мавқега эга бўлади. Буни биз Баҳоуддин Накшбанд ва унинг издошлари фаолиятида ёрқин кўрамиз. Бу тариқатни самарали давом эттирганлардан бири Хўжа Убайдуллоҳ Аҳрордир. У ижтимоий фаолиятдан ташқари ижодкорлик илми билан ҳам машғул бўлган. Унинг асарлари эларо шуҳрат топган. Бу "Фикрот ул-орифин" ёки "Воридот" деб аталади (тасаввуф илмига оид); "Рисолаи волидия" ёки "Муҳтасар" (одоб-ахлоққа бағишланган); "Рисолаи хуроия" (шоир рубойисига шарҳ); "Руқоот" (мактублар)дир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Каримов И.А. Амир Темури давридаги бунёдкорлик ва ҳамкорлик руҳи бизга намуна бўлаверсин. 4 - жилд. Тошкент, 1996.
- Каримов И.А. Амир Темури ҳақида сўз. Тошкент, 1996.
- Темури тузуқлари. Тошкент, 1991.
- Низомиддин Шомий. Зафарнома. Тошкент, 1996.
- Аҳмедов Б. Амир Темури: ривоят ва ҳақиқат. Тошкент, 1996.
- Аҳмедов Б. Амир Темурини ёд этиб. Тошкент, 1996.
- Амир Темури ва Темурийлар даврида маданият ва санъат. Тошкент, 1996.
- Ҳидоятлов Г. Менинг жонажон тарихим. Тошкент, 1992.
- Аҳмедов Б. Улуғбек (эссе). Тошкент, 1989.
- Каримов Ш., Шамсутдинов Р. Ватан тарихи. Тошкент, 1997.

*Anita Bersellini, Abbas Shermoukhamedov
(France, Uzbekistan)*

AMIR TIMUR'S ROLE IN BECOMING AND DEVELOPMENT OF SAMARKAND

Great Timur's role in becoming and development of city of Samarkand is extremely great. Really, if to look at historical documents during Timur's board in Samarkand unprecedented rates there was a construction of unique constructions, the science, culture and international trade developed. We shall make historical digression. With destruction of force of Golden Horde northern trading road connected the Near and far East, has been liquidated also all caravan's trade has been reoriented on the south. Caravans from China to the Near East again have headed through Otrar, Tashkent, Samarkand, Balh, Herat and Sultania for the Shooting gallery and Force. All stream, of cargoes has rushed on the roads which are taking place through Maverannakhr. Receipts from trade became the important part of incomes of empire of Timur. Timur for the first time in the state scale has solved safety issues of trading ways and safety of a life of merchants. On roads the full order has been established, and merchants could without fears travel on her. The ambassador of Spain Clavikho De Gonsales who has made travel from Trebizond up to Samarkand for four months, found, that all country was in the world under board and Timur's rule. From Tabriz on all Khorasan's road at stations held constantly ready horses for ambassadors and couriers, security guards who safeguarded ambassadors and merchants, their luggage's on transport were on duty. In Samarkand merchants from Syria, Hungary, Genoa, Turkey, Baghdad, Ormused were going to, and accompanied by ex-court caravans went through Meshed and Balkh in Maverannahr. From here there was a stream of fabrics, glasses, metal products. From India there was a road through the Ghindu-khush, Balkh. On her brought a nutmeg, a carnation, amber and cinnamon. From kipchak's grounds through Syr-Darya carried furs, leather products, a canvas. On caravan ways from the east, from the river Huang He, on edge Tarimsk of pool carried from China most expensive of the foreign goods - silks, jewels, including agate, pearls, medicines and porcelain products. Timur's empire received from this trade huge profit. The customs

and taxes were raised in all caravan's cities and units of roads. With not Moslems the duty raised twice big, than from Moslems. The most part of these receipts was received by Samarkand. It is no wondered therefore, that he tried to guarantee to merchants safety of their goods. In case the goods have been plundered in territory of his empire, all provinces where the merchant has been plundered should compensate to him losses in the double size, and to Samarkand to pay in the fivefold size from the lost sum. If to present, as the West-European merchants informed, that the governor of Azerbaijan from one Tabriz received the income many times over exceeded incomes of most powerful the European states it is possible to understand, what huge receipts went annually in imperial treasury from trading duties. Timur has shown the state approach in the decision of extraction and processing of mineral resources and has declared all mineral resources a state ownership and has distributed the monopoly for operation of deposits of jewels. All mines Badakhshan where were extracted a ruby, and sapphire, have been taken under his protection, and all extracted was delivered to empire, and then after processing - under the overestimated prices was sent on the market. Thus, on a foreign market the raw material was not exported, and there were finished goods as ornaments and the Samarkand handicraftsmen had the big income and the order for manufacturing of ornaments and number of workshops all grew. Can be Timur was the idea of competitiveness of the goods and to creation of new workplaces which we represented as something new in 20 century is incorporated.

All caravan's trading ways converged in Samarkand, capital of empire. The city became a crossroads of Asia, the center of continent. In the Middle Century geographers and historians divided Asia depending on an arrangement to it. On Timur's plan, Samarkand should represent adequately his powerful empire and to begin the most beautiful city of the world. On size and luxury he should surpass all that could think up human imagination. Timur's all best aspirations here have concentrated. With this purpose around of Samarkand a number of small settlements which names of large cities of the world - Baghdad allowed, Damascus, Cairo, Shiraz, Sultania and even Paris, transformed later in Pharish has been created. Timur's creative activity in Samarkand had for him mainly political value. All constructions made at him, should amaze imagination and inform up to descendants force and power of his empire. And merchants should take away from Samarkand together with the goods and impression about overwhelming greatness of empire of Timur and hopelessness of resistance to his will. New constructions should surpass all former constructions in the sizes, eclipse already existing a monument both other epoch. And Timur's greatness was showed that he did not destroy creation of great architects. All huge state should participate in erection empire majestic Samarkand. Through deserts and mountain passes transports, груженные the goods and everything hurried to Samarkand, that it was possible to take out for his ornament. From India there were caravans of elephants with treasures from the devastated and plundered temples and palaces of Punjab and Delhi. From Damascus and Baghdad, from Anatoly and Ormised, from coast of Volga and from Caucasus day and night moved the carts transporting building materials. Amir Temur especially patronized the international trade, becoming governor Maverannahr in 1370. He supported preservation of the Great silk way and restoration of his lines through territory Maverannahr. With connection of Khorasm trade which a stream went through markets of Urgench, now again has been directed through Samarkand - capital of empire of Amir Temura.

At the end of 70th years Timur directs the look to Khorasan. Through him there was a main way from Maverannahr and China to which in Balkh the road from India incorporated. Along these roads there were rich markets, is especial in Herat where it was possible to find the goods of the Mediterranean and Khorasan: silk and cotton fabrics, brocade and scarfs, felt and carpets; magnificent turquoise from Nishapur, aromatic substances: pomegranates, a grapes, pistachios and almonds; and also the steel made in Herat, khorasan's gold and silver, rubies and glaze from Maverannahr. In these markets it was possible to buy horses, mules, sheeps and camels. Within Amir Temur's board there is a strengthening trade relation to China. Caravan's trade between Central Asia and China has received new stimulus. On the data contained in Chinese source: "Mines Shelly" (" the Note about events within board of the Min's emperor "), during the period between 1368-1398 of embassy from Amir Temur there arrived to China nine times. As gifts to China horses, camels, a velvet, swords and an armor have been sent. From its part Chinese emperor has sent gifts from jewels. Also it is known,

that in 1394 Amir Temur sends emperor of China the letter with kind wishes in support of "gift" as 200 horses. For the period of 1403-1449 to China the profit of 33 embassies from Samarkand and Herat. Persons, who came to China ambassadors of the various states were released from payment of duties besides his free-of-charge gave a lodging for the night, rendered necessary services and various amusements during all time of their stay in China were arranged. One of subjects of export from Central Asia on the Great Silk way to this period was the fabric *zandachi* - production of the workshop which was settled down in settlement Zandana near to Bukhara. Received the name in a place of development, she was delivered through Bukhara in a number of the countries, including to Caucasus and to Russia. Since XVI century trading - diplomatic communications of Central Asia and China have started to weaken appreciably. The reasons for that was opening sea ways, amplification of interfeudal wars, an aggravation of political attitudes between the states Sheibanid in Central Asia and Sefevid in Iran, civil strife's in Semirechie. Isolation of the Central Asian cities from shopping centers of other countries had a consequence significant decline caravan trade. In XIX century when the attention of Europe has been inverted to Turkestan, the Great Silk way already for a long time became a legend and with secret mission under orders of queen of England through snow-covered passes Karakorum to Central Asia has been sent Muhamed-Khamid. He should reconnoiter oases in Takla Makan. It was the period of collision of interests of colonial powers - Russia and England which competed in strengthening the possession and expansion of sphere of influence in Asia. And the first problem was investigation of district and drawing up of maps. At Englishmen the interesting idea has appeared: To use индийцев which under a kind of merchants could cross without special work borders on a way to Turkestan. So Muhamed-Khamid has received the task and has gone to Yarkend. He could not finish the task as was ill and has died, However he managed to make some records in which data on a route through Takla Makan contained, considered as a legend, and about deserted, covered by sandy dunes, cities in desert, near to Khotan. The end of XX century is characterized unique on the geopolitical importance and scales by changes in the world, All world becomes complete and interdependent system. XXI century will be a century of globalization in the international attitudes. In these conditions process of integration of the states of the Central Asia, expansion of participation in the international programs is necessary for considering not only as historical inevitability, but also as the powerful factor of stability, stability, both separate regions, and all world. One of indispensable conditions of development of a society is scientific, cultural information interchange and trade between peoples and civilizations. Achievements of culture were distributed due to contacts between peoples and in it Timur's role and cities of Samarkand where and now the new cycle of development in conditions of the new historical validity begins is great. And thus a special role in this process played caravan roads; in particular the Great Silk way which connected China, India, Central Asia, Middle and the Near East, the Mediterranean and Samarkand was a core of this way. Revival of the Great Silk way and role of Samarkand has huge value not only for the Central Asia, but also for all worlds.

The literature

- Karimov I.A. Performance at final session of 155-th session of Executive advice of UNESCO // the National word - 1998, on Nov., 7.
- A history of peoples of Uzbekistan in 2 parts, under A.Askarova's edition -T.:Fan, 1993.
- Khidojatov G.A. My a native history, 1993;
- The Great Silk way, the National word №185, revives 1999.
- Askarov A.A. History of Uzbekistan (since the most ancient times up to V b.a. - T.: Uzbekistan, 1997.
- Babadasova T.I. On ancient cities of Uzbekistan. - M: Profizdat, 1988.
- Berezikov E. Legends and secrets of Uzbekistan. -T.: Literature and arts,1991.
- On the Central Asian lines of the Great Silk way. Sketches of a history and culture. - T.: Fan, 1990.
- Successors of the Silk way. Uzbekistan - Stuttgart -London: Hansjorg mayer, 1997.
- Radkevich B.A. A great silk way, - M.: Agropromizdat, 1990.
- Sagdullaev A.S. Baktris legend. - T.: Uzbekistan, 1990.
- Sagdullaev A.S. Fiery arrol. - T.: University, 1993.
- Sagdullaev A.S. Kostetskij V.A., Norkulov N.K. History of Uzbekistan (since the most ancient times up to V b.a) - T.:Shark, 1998.
- Khukhem X. The master of seven constellations. - T.: Adolat, 1995.
- Shefer E. Golden peaches of Samarkand. The book about foreign wonders in empire Tan. - M.: GRVL, 1981

Р.Б. Бердиев
(Ўзбекистон)

АМИР ТЕМУР ҲОМИЙЛИГИДА САМАРҚАНДА ИЛМ-ФАН БИЛАН ШУҒУЛЛАНГАН ОЛИМЛАР ФАОЛИЯТИ ТАРИХИДАН

Ўзлигини англашга бел боғлаган ҳар бир халқ ва миллат аввало, буюк аждодлари, сиёсий, ҳарбий арбоблари ва улуғ алломаларининг мамлакат, қолаверса жаҳон тарихида тутган ўрни, хизматларини эъзозлашни ўрнига қўяди. Ана шундай кишилардан бири - бу буюк соҳибқирон Амир Темурдир.

Илм-фан ва маданият салтанат учун қанчалик зарурлигини ҳис қилган Амир Темур олим ва фозил кишиларни ўзига дўст тутган, давлатни идора қилишда уларнинг кенгаши ва маслаҳатларидан фойдаланган. Темур мўғул истибдоди даврида тушкунликка учраган тарихий-маърифий урф-одатларни қайта тиклаб, илм-фан ва маданиятнинг ҳам жонкуяр ҳомийси бўлиб майдонга чиқди. Амир Темурнинг илм-фан ва олимларга қай даражада муносабатда бўлганлигини унинг «Тузуқлари»да келтирилган маълумотлардан ҳам билса бўлади.

Шу билан бирга Амир Темурнинг қайси мамлакатни забот этмасин, у ердан олиму фозиллар, элга танилган санъат аҳлини ва турли-туман касб-ҳунар эгаларини Самарқандга олиб келганлиги тарихдан маълум. Масалан, Ибн Арабшоҳнинг «Ажойиб ул-мақдур фи тарихи Таймур» («Темур тарихида тақдир ажойиботлари») номли асарида ана шундай олимлардан баъзилари ҳақида қисқа, лекин ўта қимматли маълумотлар келтирилган. Масалан, «Ўз салтанати кунларида Темур Самарқандга фақиҳ олимлардан мавлоно Абдулмаликни ҳосил этган эди – у «Ҳидоя» соҳиби (Бурҳониддин ал-Марғиноний)нинг авлодидан бўлиб, мударрислик қилар, шатранж ва наррдан таълим берар ҳамда ягона бир ҳолатда шеър ва назм этарди». Шунингдек, «Темурнинг муҳаққиқ (олим)лардан мавлоно Саъиддин ат-Тафтазонийни - у 791 йилнинг муҳаррам (1389 йил январ) ойида Самарқандда вафот этди ва Саййид Шариф Муҳаммад Журжонийни - у Шерозда вафот этди ҳамда муҳаддис олимлардан Шайх Шамсуддин Муҳаммад ибн ал-Жазорий (Темур уни Румдан олиб келган) ва бошқаларни Самарқандга олиб келди» (Ибн Арабшоҳ, 1992. 85-87-бетлар).

16 ёшидан араб тилини, тафсир, фикҳ, мантик, ислом ақидаларини мукамал ўрганган файласуф, фикҳшунос ва қомусий олими бу - Саъиддин ибн Умар ат-Тафтазоний бўлиб, у асли Хуросоннинг Нисо шаҳри яқинидаги Тафтазон деган жойда таваллуд топади. Илм-фан соҳасида замонасининг ягона кишиси бўлган Тафтазоний Темур саройида ўтказилиб туриладиган илмий баҳсларнинг фаол иштирокчиси бўлган қомусий олим эди (Катюкова, 2002. С. 47).

Тафтазоний ҳақида академик Б. Валихўжаев ҳам қуйидагиларни ёзиб қолдирган. Мас: «Саъиддин Маъсуд ибн Умар ат-Тафтазоний (1322-1390) ўз даврининг қомусий билимли аллома мударрисларидан бўлиб, у соҳибқирон Амир Темур таклифлари билан 1374-1375 милодий йилда Самарқандга келиб, Идигу Темур мадрасасининг мударриси сифатида фаолият кўрсатди. Саъиддин ат-Тафтазоний мударрислик фаолияти билан бир қаторда илмий асарлар («Мифтоҳ ул-улум», «Мухтасар ал-маоний», «Ал-мутаввал», «Шарҳ рисола ал-шамсия», «Шарҳ ақоид ал-Насафия») ҳам ёздики, улар нафақат Самарқанд мадрасаларида, балки узоқ йиллар давомида асосий ўқув қўлланма сифатида Ўрта Осиё ва бошқа давлатларнинг мадрасаларида ҳам фойдаланилиши билан бирга қатор шарҳларнинг ёзилишига ҳам асос бўлганлар (Валихўжаев, 2001. 50-51-бетлар).

Али ибн Муҳаммад Саййид Шариф Журжоний (1339-1413) машхур файласуф, мантикшунос, астроном, шеършунос ва тилшунос олим бўлиб, унинг туғилган жойи баъзи манбаларга (Яхшиликов, Аҳадов, 1999. 78-бет) кўра Журжон вилоятининг Тоғу кишлоғи деб кўрсатилса, Ибн Арабшоҳ асарига ёзилган изоҳда (Ибн Арабшоҳ, 1992. 163-бет., 1276-изоҳ)

эса унинг Шерозда туғилганлиги ва 1388 йилда Темур Шерозни забт этганида Журжонийни Самарқандга олиб келганлиги келтирилади.

Ёшлигидан илм-фанга қизикқан Журжоний дастлаб Ҳиротга сўнгра Туркияга боради ва таникли файласуф Муҳаммад Фанорийдан мантиқ илмидан сабоқ олади. Кейинчалик Журжоний Шерозга келиб, «Дорушишифо» мадрасасида дарс беради. 1387 йилда юқорида айтганимиздек Темур Шерозни забт этгач, Журжонийни бошқа олиму хунармандлар қатори Самарқандга олиб келади. Самарқандга келгач, олим илм-фан билан шуғулланиш билан бирга Идигу Темур мадрасасида мударрислик қилади.

Унинг «Шарҳ ул-мулаххас», «Усул ул-мантиқия», «Таржимон ал-Қуръон», «Фан ул-муаммо», «Одоб ул-мунозара», «Рисолаи вужудия» ва бошқа асарлари мусулмон Шарқидаги барча мадрасаларда талабалар томонидан мутолаа қилиб келинган ва улар учун дастур вази-фасини ўтаган. Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, у Мовароуннаҳр ва Хуросонда яшаган олимлар (Ибн Сино, Асириддин Абхарий Насриддин Тусий) нинг мантиққа бағишланган рисола-ларига шарҳлар ёзган, уларнинг ғояларини ривожлантирган. У ўзининг фалсафий қарашларида борлиқ, осмон сайёралари, тўрт унсур ҳақида сўз юритиб, барча нарса ва ҳодисалар сабабий боғланганлиги, уларни ақл ёрдамида билиш мумкинлигига ишонади (Яхшиликков, Аҳадов, 1999. 79-бет.).

Шундай қилиб, Идигу Темур мадрасасида 18 йил самарали фаолият кўрсатган Журжоний Темур вафотидан кейин Шерозга бориб, у ерда Темурийзода Искандар мирзо (1409-1415) ҳузурида мавлоно Натанзий, мавлоно Ҳайдар Хоразмий каби олимлар билан бирга илм-фан билан машғул бўлди. 1413 йилда Шерозда вафот этди (Валихўжаев, 2001. 53-бет.).

Темур саройида ҳадисчи олимлардан шайх Шамсуддин Муҳаммад ибн ал-Жазарий ҳам бўлиб, у 1350 йилда Дамашқда туғилган. Кейин Румга келган. Темур Боязидни енггач, уни Румдан Самарқандга олиб келади. Ибн Арабшоҳ берган маълумотга кўра у Шерозда вафот этган. Икки таълимот билимдони Шайх Шамсуддин Муҳаммад ибн ал-Жазарий (1350-1449) Самарқандда самарали ижод қилиб, Мовароуннаҳрда илм-фан тараққиётига муносиб ҳисса қўшди.

Шунингдек, Амир Темур саройида ўз даврининг туркча, форсча, арабчада «малик ул-каломи» бўлган машҳур котиб Аҳмад ибн Шамс ул-Аимма, яъни мавлоно Шамсуддин Мунший, моҳир ҳаттот Хожи Бандгир Табризий, машҳур табиблардан Ҳусомиддин Иброҳимшоҳ Кирмоний ва мавлоно Жамолуддин, мусиқа илмида устоз бўлган Абдулқодир ал-Мароғий ва унинг ўғли Сафиуддин, куёви Насрийн, Қутб ал-Моусулий, Ардашер ал-Чанги ва бошқалар (бу ерда Ибн Арабшоҳ кўплаб шатранжчилар, сангтарошлар, мисгарлар, наққошлар ва боғбонларни мисол келтиради) фаолият юритганлар. Улар ўз соҳасининг моҳир кишилари эди.

Шундай қилиб, Темур даврида Самарқандда фаннинг барча соҳалари гуркираб ўсди, табиий ва гуманитар фанлар соҳасида бир қатор буюк олимлар етишиб чиқди, улар жаҳон фани ва маданиятига муносиб ҳисса қўшдилар. Айниқса, бу даврда атоқли манбашунос Б. Аҳмедов таъкидлаганидек, тарих фани ҳам тараққий этиб, Шарафуддин Али Яздий, Ҳофизи Аbru, Тождиддин ас-Салмоний, Низомиддин Шомий, мавлоно Абдужаббор, Ғиёсиддин Али Яздий ва бошқалар тарихнавислик соҳасида баракали ижод қилдилар.

Фойдаланилган адабиётлар

Темур тузуклари. Тошкент, 1991.

Ибн Арабшоҳ. Амир Темур тарихи. Тошкент, 1992.

Катюкова Т.В. История науки. Ташкент, 2002.

Валихўжаев Б. Самарқандда Олий таълим-мадрасайи Олия-Университет тарихидан лавҳалар. Самарқанд, 2001.

Яхшиликков Ж., Аҳадов Ш. Темурийлар маънавияти Тошкент, 1999.

R.B. Berdiyev - From the History of Activity of Samarkand Scholars Under the Support of Amir Temur

Amir Temur valued the science for governing the state, considered well-educated and skillful persons to be his close friends and he used their advice for ruling the state; he also sponsored them. These features of Temur are expressed in this article. The activity of the Eastern scholars of the end of the 14th — beginning of the 15th

century are discussed in the article. The characteristic of the scientific environment is given by Amir Temur's court yard. The authors also shows the role of such great scholars as Saduddin Taftazoniy, Mir Sayyid Sharif al-Jurjoniyy, Shayh Shamsuddin Mukhammad ibn al-Jazoriyy, Mavlono Shamsuddin Munshiy, Tojiddin al-Salmoniy and others.

*Ж. Ҳасанбоев
(Ўзбекистон)*

АМИР ТЕМУРНИНГ САМАРҚАНД МАДАНИЯТИ ВА РАВНАҚИДАГИ РОЛИ

Буюк саркарда, адолатли шоҳ Амир Темур Марказий Осиёда мўғулларнинг 150 йиллик хукмронлигини тугатиб, буюк давлат тузган ва уни дунёга танитган, шунингдек, Мовароуннаҳрда фан ва маданият равнақининг асосини яратган шахс сифатида машҳурдир.

«Темурнинг ҳокимият тепасига келган дастлабки ойларидаёқ, унинг саъй-ҳаракати билан Самарқанд қалъаси бунёд этилди. Шаҳар баландлиги саккиз метрлик девор билан ўраб олинди. Унинг раҳбарлиги остида Шоҳизиндада жуда катта таъмирлаш ва қурилиш ишлари олиб борилди. Масалан: Туркон оға, Ширин бека оға, Амир Бурундуқ мақбаралари, шаҳар марказида бунёд этилган Рухобод ва Гўри Амир мақбаралари, Кўксарой, Бўстонсарой ва Жоме масжиди шулар жумласидандир. Янги кўчаларнинг икки тарафига турли моллар ишлаб чиқарувчи ва савдо қилувчи икки қаватли дўконлар қурилди. Самарқанд теварагидаги бунёд этилган Миср, Дамашқ, Бағдод, Шероз ва Султония деб аталган шаҳарчалар билан Боғи Шамол, Боғи Беҳишт, Боғи Давлатобод, Боғи Чинор, Боғи Дилқушо, Боғи Баланд каби ажойиб чорбоғлар Шаҳрисабзда Оқ сарой, махобатли қасрлар ва мақбаралар қурилди.

Амир Темур нафақат Мовароуннаҳр ва Туркистонда, балки бошқа мамлакатларда ҳам қалбалар, қасрлар, шаҳарлар қурдирди. Бағдод ва Дарбанд шаҳарларини таъмирлади. Самарқанд ўзига хос тасвирий санъат билан дунёга машҳур бўлди. Шаҳарда Гунг хожа Абдулҳай устод Шамсиддин Боғишамолий, Жунанд наққош каби йирик намояндалар яшаб ижод этдилар.

Амир Темур саройида Мирали Табризий, Амир Саййид, Шариф Журжоний, Саъдиддин Тафтазоний, Хожа Муҳаммад Парсо каби олимлар хизмат қилган.

(Манбалар: 1. Миср Саййид Шариф Раҳим, Тарихи Раҳим. 2. Хондамир. Ҳабиббус-сийр. 3. Собрание восточных рукописей. АН УЗССР).

Мирали Табризий. Амир Темур даврининг етук ҳаттоти.

Мирали замониғача таълиқ хати қўлланилади. Мирали настаълиқ хатини ихтиро қилади ҳамда таълиқ хатига нахс (бекор қилиш) қаламини уради. Шунинг учун ҳам хатига насхи таълиқ номи берилади. Унинг икки шогирди бири Мавлоно Жаъфар бўлиб, Шоҳрух Мирзо саройи хатотларининг пешвоси ҳисобланса, иккинчиси Мир Абдулҳай китоби санъат иншо тарихида тенгсиз бўлган. У Султон Абдусаид саройида хизмат қилган.

Амир Саййид Шариф Журжоний (1339-1413) йирик файласуф, фикҳ олими Шерозда сўнгра Амир Темур саройида хизмат қилган. У Шархут-тазкиратул Назрия (Насриддин Тусийнинг «Астрономия тўғрисида рисоласига шарҳ») ва бир неча асарларга шарҳ ёзган. Саъдиддин Тафтазоний – фикҳ олими. У «Шарҳи рисолаи шамсия», «Шарҳи танқиҳ» асарларини ёзган.

Шаҳобиддин Абдуллоҳ ибн Лутфиллоҳ ибн Абдурашид ал-Харавий (1430) бўлиб, уни Ҳофиз Абу лақаби билан аташган.

Амир Темур Ҳиротни эгаллагач, Ҳофиз Абуруни сарой котиби вазифасига тайинлаган.

Шоҳрух саройида у сарой тарихчиси бўлиб қолди. У жуғрофияга оид китобидан ташқари, «Мажма ат-таворихи султония» номли 4 жилдли тарих китобини ёзади. 4-қисми Амир Темур тарихига, 3-қисми эса Марказий Осиё тарихига бағишланган.

Кутубхонада улўғ алломалар ижоди ҳақида библиографиялар тузилган. Масалан файласуф ва табиатшунос Абу Бакр Муҳаммад ибн Зоқир Розий ижодига бағишланган «Библиография» (фихрист), Ҳожи Ҳалифанинг «Китоб ва фандаги шубҳанинг бартараф этилиши» библиографияси ва бошқалар кутубхона мулки эди. «Китоб бебаҳо хазина. Ер қимирлаб

қаср кулаб тушиши, азим шаҳарлар бир зумда йўқ бўлиб кетиши мумкин. Наҳрлар издан чиқиб қуриб қолиши ҳоллари илгари ҳам бўлган, хазинани қароқчи олиб кетиб, давлат бир фулуссиз қолиши ҳам мумкин. Аларни вақти билан тиклаб олса бўлур. Аммо китоб йўқ бўлиб кетса, уни ҳеч қачон тиклаб бўлмайду»- деб ёзади олим. Шунинг учун ҳам Соҳибқирон Кўксаройдаги кутубхонани таъмирлаш, китобларни сақлаш учун етарлича маблағ ажратган.

Амир Темур ўзи забт қилган мамлакатлардан кўплаб нодир китобларни кўплаб Самарқандга жўнатган. Бу ҳақда рус тарихчиси А.Л. Куннинг «Придание в библиотеке Темура. Материал для статистики Туркестанского края» - асарида қуйидагилар баён этилган. Арман вилояти Темур томонидан забт этилгач, Талв монастири қошидаги университетнинг кўп китоблари, қўлёзмалари Самарқандга юборилган. Китобларни Темур Самарқандда соқчи ёрдамида сақлаган. Бу китоблардан фойдаланиш айрим одамларгагина насиб бўлган.

Темур кутубхонаси аввал Кешда сўнг Самарқандда бўлган. 1580 йилдан сўнг бу кутубхона Бухорога, Машҳадга кўчирилган. Бухоро амири кушбеги Дивонбеги Останакулнинг таъкидлашича, Бухородаги китоблар уйғур, форс, эрон, пушт, араб тилларида бўлган. Бу кутубхона китобларидан бизнинг замонамизгача етиб келганларидан бири Усмон Қуръонидир. Бу китобни 1876 йил Кауфман император кутубхонасига топширган.

Темурийлар даврида Самарқандга машҳур Темур кутубхонасидан ташқари сарой ва хусусий масжид, мадраса, хонақоларда, мазор масжидларида ҳам кутубхоналар бўлган. Ундан ташқари машҳур Шайх Муҳаммад Парсо (1419 йил вафот этган) томонидан ташкил этилган умумий жамият фойдаланиши мумкин бўлган кутубхона ҳам ишлаган. Бу кутубхона Бухорода бўлиб, унда 100 минг қўлёзма асарлар сақланган. Унда ахлоқ-одобга оид форс, араб тилларида ёзилган, дунё тарихи ҳақида тиббиётга, философияга оид адабиётлар сақланган.

Улуғбек замонида кутубхона иши янада ривожланади. Расадхона қошидаги кутубхона икки каватли, расмлар билан безатилган бинога жойлашган. Бу кутубхонанинг 15 минг том китоб фонди фаннинг турли соҳаларига бағишланган. Кутубхонада Улуғбекнинг «Астрономия» жадвали ҳам сақланган.

Шоҳрух Мирзо замонида китоб чоп этиш ва таъмирлаш ишлари яхши йўлга қўйилган. Унинг кутубхонасида Ҳофиз Абрунинг жуғрофияга оид асари арабчадан форс тилига кўчирилиб сақланган. Дунё тарихига оид китоблар, жумладан, Рашидиддиннинг «Йилномалар тўплами», «Темур тарихи» ва бошқа адабиётлар кутубхонанинг катта бойлиги ҳисобланади.

Шоҳрух Мирзо, Бойсунқур Мирзо Ҳиротда катта маданий-маърифий ишларни амалга оширганлар. Улар Ҳиротда бир неча мадраса ва жуда катта кутубхона ташкил этганлар. Бойсунқур Мирзо 40 га яқин ҳаттот, саҳход (муковаъи) варрох (коғоз тайёрловчи), наққош, лавах (лавах чизувчи) ва бошқа ҳунар эгаларини тўплаган. Улар хушнафис ҳаттот Мавлоно Жаъфар Табризий бошчилигида қўлёзмаларини йиғиб, кўчириб, безаш ва тарқатиш билан шуғулланганлар. Бойсунқур Мирзо «Шоҳнома»нинг 41 нусхасини тўплаган. У шоир сифатида ҳам машҳур бўлиб, мадрасада таълим ишларини ташкил этган. Унинг маърифат ва таълим-тарбия соҳасидаги ишлари ҳақида М.М. Дьяконов шундай ёзади: «Навоий, Жомий ва Беҳзод яшаб ижод этган давр, XV асрнинг иккинчи ярми эди. Бунда Ҳиротнинг маданий юксалиши ва гуллаб-яшнашига сабаб бўлган шоҳ Шоҳрух эди».

Амир Темур Самарқандни Мовароуннаҳр ва Хуросон давлатининг пойтахти сифатида илм-фан, санъат ва маърифат марказига айлантиришни орзу қилган эди. Шунинг учун Соҳибқирон Самарқандда «Бибиҳоним», «Муҳаммад Султон» мадрасаларини шахсан ўзи қурдирган. Унинг бу соҳадаги ишлари ўғли Шоҳрух ва набиралари Улуғбек Мирзо, Бойсунқур Мирзо ҳукмронлиги даврида янада ривожлантирилган. Улуғбек Самарқандда Амир Темур мақбараси, Шоҳизинда ансамбли қурилишини поёнига етказди. Сўнгра 1417 йилда Бухорода мадраса қурдиради. Улуғбек мадраса пештокига «Билимга интилиш ҳар бир мусулмон аёл ва эркакнинг бурчидир» - деб ёздириб қўйган.

ЎЗБЕК МУМТОЗ АДАБИЁТИДА СОҲИБҚИРОН АМИР ТЕМУР СИЙМОСИ

Соҳибқирон Амир Темурнинг улуғвор сиймосини тасаввур этишда мозийда яратилган катор тарихий-бадий солномалардаги, эпик ва лирик асарлардаги, тазкира, манокиб ҳамда шеърий хроникалардаги материаллар, талқин ва лавҳаларнинг аҳамияти ҳам каттадир. Чунончи, ўша замоннинг машҳур муаррихларидан Шарафуддин Али Яздий ўзининг «Зафарнома» асарида Улуғбекнинг иниси Иброҳим Султоннинг ташаббуси ва буйруғи билан Амир Темур шахси ва тарихига доир жамики воқеаномалар, насрий ҳамда шеърий асарлар тўпланиб, синчиклаб ўрганиб чиқилганлигини, шулар асосида «Зафарнома»ни ёзишга муваффақ бўлганлигини айтади. «Зафарнома»дан илҳомланган маликул калом шоир Мавлоно Лутфий туркий тилда, Абдурахмон Жомийнинг жияни – истеъдодли шоир Хотифий эса форс–тожик тилида «Зафарнома», «Темурнома» дostonларини, жангномаларини яратган эдилар. Демак, Соҳибқирон ҳақидаги бадий хроника, дoston, насрий ва назмий асарларни яратиш тарихи XIV–XV асрларга бориб боғланади.

Мавлоно Лутфийдан сўнг соҳибқирон сиймосига оид муҳим илмий-адабий талқинларни, бадий чизгиларни биз ҳазрат Алишер Навоий асарларида учратамиз. Алишер Навоийнинг «Ҳайрат ул-аброр», «Мажолис ун-нафоис», «Муҳокамат ул-луғатайн» каби асарларида Амир Темур сиймосини ёрқин тасаввур этишга ёрдам берувчи мўъжаз қайдлар, бадий лавҳалар мавжуд. Масалан, «Ҳайрат ул-аброр»нинг вафо ҳақидаги саккизинчи мақолатида келтирилган (икки вафодор ёр ҳақидаги) тўрт улуснинг хони Темур Кўрагон иқлимларни фатҳ этишга қаттиқ киришиб, Ҳиндистонда жанглар олиб бораётганда ногаҳондан икки бечора севишганининг бир-бирларига ўта вафодорликларини, бир-бирлари учун жонларини фидо қилишга ҳам тайёр эканликларини кўриб, уларнинг ҳам, халқнинг ҳам гуноҳидан кечганлиги ифодаланади.

Шунингдек, «Фарҳод ва Ширин» дostonида ҳам Мирзо Улуғбек шарафига айтилган мадҳий байтлар муносабати билан унинг улуғ бобосини хотирга олади. Навоий бу ўринда Улуғбекнинг инсофли ҳукмдор ва буюк олим сифатидаги фазилатларининг илдизи, замини Темурхон насли шарофати эканлигидан ҳам деб билади. Буюк шоир Амир Темур наслинасаби жаҳонга ажойиб иқтидор эгаларини ҳаётаётганлигини таъкидламоқчи бўлади:

Темурхон наслидин султон Улуғбек,
Ки, олам кўрмади султон анингдек...

Менинг назаримда ҳазрат Алишер Навоий «Садди Искандарий»дек монументал шоҳ асарни яратиш жараёнида анъанавий Искандар ва унинг атрофидаги донишмандлар, олиму фузалолар образини яратаётганда Амир Темур шахсидаги, фаолиятидаги ибратли томонлардан ҳам албатта фойдаланган.

XVI асрнинг бошларида хоразмлик ўзбек шоири Муҳаммад Солиҳ томонидан яратилган «Шайбонийнома» тарихий дostonининг «Самарқанд шахрининг элига Бобур Мирзо ёлбориб, ўтган–кечгонларидин сўзлагони» сарлавҳали 28-бобида ҳам Шайбонийдан енгилиб, Самарқанд қамалида қолган Бобурнинг ўз бобоси Темурни ва наслинасабини хотирга олиши, уларнинг руҳларидан мадад олиб ёғийга қарши туриш эпизоди келтирилади. Бу эпизодда жумладан:

Отоларимни кўра қолғонсиз,
Иззу жоҳимга назар солғонсиз.
Авбаком шоҳи жаҳондур Темур,
Хусрави маъдалат осор Темур...
Истабон руҳларидин ҳиммат,
Тортингиз банди учун бир захмат –

каби таъсирли маснавий байтлар мавжуддир. Шундай байту мисраларни биз кейинги аср шоирларидан Амирий ва Нодиралар ижодида ҳам учратамиз. Шоира Нодира бир байтида

Ўзининг темурийзодалар наслидан, Бобур авлодидан эканлиги билан фахрланади:

Саъдат хонадани, шоҳи Бобур насли покиман,
Худоё, раҳмат айла, барча аждоди изомимни.

У бошқа бир шеърида ҳам набиралик бўлганлигини Амир Темур зоти покининг шарофатидан деб билади:

Бир хумоюн тифл Бобур наслидин бўлди аён,
Навниҳоли бўстони Теури соҳибқирон.

Соҳибқирон Амир Темур ҳақида майдонга келган йирик кўламдаги асарлардан бири насру назм аралаш ёзилган «Темурнома» жангномаси десак бўлади. Бу асарнинг туркий тилдаги ижодий вариантини яратган Салоҳиддин Хожа Тошкандий ўз китоби ниҳоясида «Фақир муаллиф ҳазрат Амир Темур раҳматуллоҳ алайҳа дostonларини кўп мўътабар нусхалардан неча меҳнат ва машаққатлар чекиб форсий тилидан турк тилига таржима қилдим», дейди.

Қайд қилмоқ лозимки, Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сидан кейин яратилган кўпгина тарихий-бадий солномаларда ҳам у ёки бу воқеа муносабати билан соҳибқироннинг ҳайратомуз фазилатлари, илму ирфон аҳлига, дину ислом аҳкомларига садоқати, бунёдкорлик ишлари ҳақида ажойиб ва ғаройиб қайдлар, маълумотлар келтирилади: «Амир Темур Кўрагон Ҳиндистонни олгандан кейин (у ерда ўлжа олинган) олтин, инжу ва қийматлик тошларни тўксон бир филга юклаб олиб келтирди ва истадиким, пойтахти бўлган фирдавсмонанд Самарқандда бир жомеъ бино қилгай». 801 ҳижрий, 1399 милодийда кучли ва тез ишли усталарни дунё теварагидан йиғиб ишни бошлади. Ва шундай бир масжиди жомеъ бино қилдики, саҳнининг соф ишланиши ҳушёр диллардан ҳам мунавварроқ ва баланд кунгураларини ой муқарнасидан безакли, фирузасимон кошинлари ложувард, осмонранг, офтобга жиллоли зарнигор нақшлари билан гўзал чарх гумбазларига баробар, баланд овозалик дарвозаси, кимки бу ер (Хонаи Каъба)га кирди, омонлик топди, оятининг калити билан очилди. Ҳар бир юксак тоқлари фалак пештоқида қад кўтарди.

Жоменинг равоқи устида ёзилгандирким, «Амир Тарағай ўғли буюк ҳокон Амир Темур Кўрагон 801 йилда ушбу жоменинг солинишига амр қилди».

Шундай қилиб, туркийзабон ва форсийзабон шоиру адиблар, муаррихлар, фозилу фузалолар яратган асарларда буюк бобомиз соҳибқирон Амир Темурнинг ёрқин сиймосини, кишилиқ тарихи олдидаги шавкатли, сўнмас хизматларини улуғловчи бадий, тавсифий илмий талқинлар анча. Буларнинг ҳаммаси мозийдаги аждодларимизнинг, иждокор кишиларимизнинг буюк инсонга бўлган эътиқоди ва ҳурматининг ифодасидир. Бу мавзу ҳали кенг ва чуқур тадқиқ этилиши лозим.

R.Orzibekov - The Image of Temur in the Uzbek Classical Literature

The article is dedicated to the character of the great Amir Temur and his literal and artistic figure created by the classical poets of the Uzbek literature such as Lutfi, Alisher Navoi, Babur, Sheybani and others.

*З.Э. Раунова
(Ўзбекистон)*

БОБУРИЙЛАР СУЛОЛАСИ АЁЛЛАРИ

Ҳиндистонда улкан салтанатга пойдевор солиб, бетакрор маданият асосчиси бўлган буюк давлат арбоби Бобурнинг бувиси Эсон Давлатбегим – Қутлуғнигор хонимнинг онаси, ўз замонасининг ақлли ва тадбиркор аёли бўлган. Бек ва амалдорлар ҳар вақт унинг маслаҳати билан иш кўрганлар. Бобур шундай ёзади: “Хотунлар орасида раъи ва тадбирда менинг улуғ онам Эсон Давлатбегимча кам бўлмай эрди, бисёр оқила ва мудатбира эди. Кўпроқ иш-кучларининг машварати била бўлур эди...”

1526 йилдан 1858 йилгача бўлган узоқ, даврда Эсон Давлатбегимнинг зукколиги, ишбилармонлиги, нафосати Бобурийларга мансуб аёллар томонидан давом эттирилди.

Бобурийлар Ҳиндистонда 322 йил ҳукмронлик қилгани тарихдан маълум. Ўша даврда Заҳририддин Муҳаммад Бобур билан бирга Ҳиндистонга борган ўзбеклар бу мамлакатда яшаб

қолган. Ҳиндистонда ўзбек ва ҳинд аёллари тотув, баҳамжиҳат яшаганлар. Шарқ аёлларига хос фазилатлар – назокат, ифбат, орийат, майинлик улар учун бегона бўлмаган.

Бобурнинг опаси Хонзодабегим, қизи Гулбаданбегим, набираси Зебунисо ва бошқа теурий маликалар илмда етук, камолотда танҳо, сиёсат ва давлат ишларида уддабуро ва доно аёллардан эдилар.

Зебунисонинг оташин шеърлари, Гулбаданбегимнинг “Хумоюннома” асари аёлларнинг ўткир заковатидан дарак беради.

Айни вақтда Бобурийлар хонадонидagi аёллар жамият ишига, мамлакатнинг ижтимоий, сиёсий ва маданий ҳаётига салмоқли ҳисса қўшганлар. Бобурнинг севиқли хотини Моҳимбегим сарой аёллари ичида энг доно ва билимдони бўлган, ички ва ташқи сиёсат бобида шохга маслаҳатлар бериб турган. Бобурнинг севиқли қизи Гулбаданбегим “Хумоюннома” асарини ёзиб, унда Ўрта Осиё, Ҳиндистон ва қисман Афғонистон тарихининг муайян бир даврини ёритган ягона аёлдир. Унинг бу соҳадаги фаолиятига европалик тарихшунослар ҳам тан беришган.

Жаҳонгир шохнинг рафиқаси – Меҳринисобегим билимдон, тадбиркор аёл эди Меҳринисо Шахзода Салим (Жаҳонгир шохнинг ёшликдаги номи) саройида катта эътиборга сазовор бўлган, у Нуржаҳон (“Саройнинг Нури”), кейинчалик эса бутун Ҳиндистонга “Жаҳоннинг Нури” деган ном билан машҳур бўлади.

Темурнинг умр йўлдоши Бибихонимга ўхшаш Ҳиндистонда Нуржаҳон ҳам катта мақбара бунёд эттирди. Шохжаҳоннинг севиқли қизи Жаҳонаро қўлигул меъмор бўлиб Агра шаҳрида ўз лойиҳаси ва ташаббусига кўра «Моти Масжит» курдиради.

Нуржаҳон шунчалик эътиборга сазовор бўладик, Жаҳонгиршох банд бўлган вақтларда у давлатни бир ўзи бошқарган.

Шохжаҳон севиқли рафиқаси Мумтоз Маҳалнинг васиятларини бажаради: кейинги 36 йиллик умрида уйланмайди ва «Тож Маҳал» (“Саройнинг тожи”) мақбарасини бунёд эттиради.

Атоқли ҳинд ёзувчиси Кришнан Чандр: «Тож Маҳалдан гўзал бинони табиатнинг ўзи ярата олармиди?... Гўё бутун Ҳиндистоннинг муҳаббати асарлардан бери жамулжам бўлиб ялтирок оқ мрамрдан либос кийган ва бу заминда қад кўтарган».

Мумтоз Маҳал вафот этиш чоғида Шохжаҳонга ғамхўрлик қилиб туришни катта қизи Жаҳонаробегим зиммасига юклайди.

Жаҳонаробегим ўз даврида Ҳиндистоннинг машҳур аёлларидан бири бўлиб, ночор яшовчиларга хайрихоҳлик қилади, онасининг васиятини - отасига ғамхўрлик қилишни унутмади. У форс тилидан ташқари араб ва ҳинд тилларини яхши билар эди. Малика онаси Мумтоз Маҳал сингари шеърятга муҳаббат қўйган, кейинчалик шеърлар ҳам ёзиб турган. Мақтаб қурилишларига эса ўз ҳисобидан маблағлар ажратган, Жаҳонаро ўн тўрт ёшида отаси Шохжаҳоннинг тахтга ўтириш маросимида иштирок этади. Мазкур маросимда Шохжаҳон қизига 40 минг дона ёқут жавоҳирлар инъом этиб, йилига 606 минг рупия нафақа тайинлади.

Онаси Мумтоз Маҳал ҳаётдан кўз юмгач, шох оиласини бошқариш 17 яшар Жаҳонаро зиммасига тушади. Шохжаҳоннинг қизига бўлган меҳри янада ортади. У Мумтоз Маҳалнинг барча бойликлари ва мулкларини Жаҳонарога топширади.

Жаҳонаронинг саройдаги таъсир-эътибори орта бориб, аста-секин онаси Мумтоз Маҳалнинг мавқеини эгаллай бошлайди. Жаҳонаро сиёсат, давлатни бошқариш ва дипломатия масалаларида отасига маслаҳатлар бера бошлайди, давлат микёсида бир неча фармонлар чиқаради. Унинг меъморчилик, ободончиликка бўлган қизиқиши бобокалони Бобурдан қолган эди. У Аградаги Жоме масжиднинг тарҳини тузади. Деҳли, Сурат, Амбала, Баҳол ва Панипат шаҳарларида карвонсаройлар қуриб берди. Кашмирда “Паримаҳал” (“Парилар саройи”) номли ажойиб сарой бунёд этди.

Ўрта Осиё халқларида оқила, фозила аёлларнинг фаолияти ўчмас из қолдирган. Оташнафас шоирларнинг ўтли ғазаллари ёруғ нур бўлиб, инсоният тафаккури яратган минглаб санъат асарлари хазинасини ёритиб туради.

БИБИХОНИМНИНГ ДАВЛАТ БОШҚАРУВИДАГИ ФАОЛИЯТИГА ОИД

Шарқда ҳукмдор бўлган сулолалар тарихида аёлларнинг мавқеи юксак бўлган. Амир Темур салтанатида аёлларга бўлган ишонч, ҳурмат ва эътиқод ўз ифодасини топган. Ислом шароитида ҳам аёллар алоҳида ўрин тутганлар.

Пайғамбаримиз Муҳаммад алайҳиссалом «аёлларни эъзозланг, уларга ҳайвонга қилингандек муомала қилманг. Ёдингизда бўлсин, жаннат оналар оёғи остидадир» деб марҳамат қилган эканлар. Шунингдек, ул зот аёлларни иззат қилиш, уларга ғамхўр бўлиш, уларни илмли, маърифатли қилиш ҳақида такрор, даъват қилганлар.

Шарқда, умуман бутун дунёда, машҳур кишиларга баҳо беришда уларнинг аёлларга бўлган муносабатлари энг муҳим ва адолатли ўлчов бўлиб хизмат қилган. Тарихий манбаларда Ўрта Осиё мамлакатлари тарихида йигирмадан ортиқ ҳукмдор аёллар ҳоқон ва хон сифатида сиёсатда, давлатни бошқаришда чет эл душманларига қарши курашганликлари кўрсатилган. Ҳатто, «Авесто» бизнинг ҳудудумизда ҳукмдор аёллар бўлганлигидан хабар беради. Фарғоналик лашкарларнинг бир қисмини аёллар ташкил этган. Осиё халқлари тарихида аёллардан чиққан биринчи генерал Курбонжон додхо “Олой маликаси” номи билан машҳур бўлган эди. Амир Темур салтанатида аёлларга бўлган ишонч, ҳурмат ва эътиқод юксак бўлган.

Испания қироли Генрих III нинг Самарқанд ҳукмдори Амир Темур ҳузурига юборган элчиси Руи Гонсалес де Клавихонинг Амир Темур саройидаги аёллар ҳаётига оид саҳифалари алоҳида эътиборга лойиқдир.

Биргина Темур ва темурийлар сулоласига мансуб аёллардан айримларини санаб ўтаемиз.

Буюк соҳибқирон Амир Темурнинг рафиқаси Сароймулкхоним, Ҳиротда Шохрух Мирзонинг рафиқаси Гавҳаршодбегим, Халил Султон Мирзонинг суюкли хотини Шодимулк хотун, Султон Ҳусайн Бойқаронинг хотини Хадичабегим, Заҳриддин Муҳаммад Бобур шохнинг кизи Гулбаданбегим, Умаршайх Мирзонинг тўнғич кизи Хонзодабегим, Бадахшон ҳукмдори Сулаймон Мирзонинг хотини Ҳарамжаҳонбегим (Меҳринисо), Шохжаҳоннинг севикли хотини Мумтоз Маҳал Аржуманд бону, Аврангзеб Жаҳонгирнинг кизи Зебунисобегим шулар жумласидандир.

Бу маликалар ҳақида анчагина ёзма ва тош босма асарларида қизиқарли маълумотлар мавжуд. Масалан, Низомиддин Жомийнинг “Зафарнома”, Ибн Арабшоҳнинг «Ажойиб ул макдур фи ахбори Таймур», Ҳофизи Абрунинг “Зубдат ут-таворихи Бойсунғири», Камолиддин Абдураззоқ Самарқандийнинг “Матлаи саъдайн ва мажмуаи баҳрайн» ва бошқа асарлари Темурий маликалар фаолиятига оид қимматли маълумотлардан иборат.

Темурий маликалардан Бибихоним фаолиятига оид айрим саҳифалар ҳақида қисқа айтиб ўтаемиз.

Сарой мулкхоним Чиғатой улуси хонларидан Қозонхоннинг кизи. 1355 йилда Мовароуннаҳр ҳукмдори Амир Қазағоннинг невараси Амир Ҳусайн Бибихонимни ўз никоҳига олди. 1370 йилда Соҳибқирон Амир Темур жангда Амир Ҳусайнни енгиб, уни қатл қилдиргач, Мовароуннаҳр ҳукмронлигини ўз қўлига олади ва Бибихонимни ўз никоҳига киритади.

Амир Темур малика Бибихонимни ўз никоҳига киритгунча ҳарамида бошқа хотинлари ҳам бор эди. Лекин, хон авлодига мансуб Бибихоним ҳарамдаги барча маликалардан улугроғи ҳисобланиб, Катта хоним ёхуд Бибихоним деган унвонга муяссар бўлади.

Бибихоним замонасининг юксак, идрокли, тадбиркор, фаросатли ва беназир аёли эди. У мамлакатнинг сиёсий-ижтимоий, иқтисодий ва маданий ҳаётдан яхшигина хабардор бўлган, салтанат ишларида доно маслаҳатлари билан қатнашиб турган аёл эди. Айниқса, илм-маърифатга алоҳида эътибор ила қарар, толиби илмларга ҳомийлик қилар эди.

У соҳибқирон ҳарбий юришларида кўпинча Амир Темур билан бирга юрган.

Амир Темур унинг оқилона маслаҳатларига ўзида қандайдир эҳтиёж сезиб турган.

Нақл қилишларича, Амир Темур Эронга қарши уруш бошлаганда, Исфохоннинг қамали кўпга чўзилиб қўшинни озуқа билан таъминлашга маблағ етишмай қолган вақтда Самарқандга чопар йўллаб, Бибихонимга мактуб жўнатади ва Бибихонимнинг берган маслаҳати билан бу муаммони ҳал қилади.

Амир Темур саройида жорий қилинган тартибга кўра чет эллик элчиларни қабул қилиш маросимларида ҳукмдор ёнида хотинлари ҳам иштирок этишган.

Клавихонинг ёзишича, 1404 йил 8 сентябр душанба куни Амир Темур Самарқанд четидаги Дилкушро боғида элчиларни қабул қилади. Қабул маросимида ҳукмдор Амир Темурнинг ёнида Бибихоним бошлиқ бошқа хотинлари ҳам ўтирганлар. 1404 йил 17 октябр жума куни Бибихоним ҳам катта зиёфат беради.

Нақл қилишларича, Бибихоним кунлардан бир куни ўз жамғармаси ҳисобига савоблик учун худо йўлида бир мадраса бино қилдиришга эри Амир Темурдан ижозат сўрайди.

Ҳукмдордан рухсат бўлгач, отаси Қозонхон томонидан совға қилинган бир жуфт олмосни сотувга қўйиб, бу маблағни мадраса қурилишига сарфлайди.

Бибихоним қурдирган мадраса XIV аср охири ва XV аср бошларида Самарқанддаги мадрасалар орасида улкан ва маҳобатлилиги жиҳатидан ажралиб турган. Мадрасага замонасининг етук мударрислари тайинланиб, улар толиби илмларга диний ва дунёвий илмлардан дарс берганлар.

Бибихоним мадраса толиби илмларининг аҳволидан тез-тез хабар олиб, уларга ҳомийлик қилиб турган. Афсуски, Бибихоним мадрасаси узоқ турмади. У XVII-XVIII асрларда иқтисодий инкироз даврида бузилган.

Юқорида айтиб ўтилган қайдлар, айниқса бошқа тарихий даврлар билан таққослаганда, Темур ва темурийлар аёлларининг давлат бошқарувида ҳамда мамлакат ҳаётида муҳим ўрин тутганлигини тўла тасдиқлашга асос беради.

М. Муҳитдинова
(Ўзбекистон)

ШАРҚ АЁЛЛАРИ (Бибихоним тимсолида)

Самарқанднинг кўҳна мозийдан хабар берувчи тарих зарварақларини варақлар эканмиз, ижтимоий ҳаётнинг барча соҳаларида эркаклар билан бир қаторда аёлларнинг буюк жасорат соҳибалари сифатида тараннум этиб келинганлигини гувоҳи бўламиз.

XIV асрнинг иккинчи ярмидан XVI асрнинг биринчи чорагигача Ўрта Осиё, Шимолий Афғонистон, қисман Эрон ҳамда Ироқ мамлакатларида Темур ва темурий шаҳзодалар ҳукмронлик қилганлар.

Шаҳзодалар сингари темурийлар сулоласига мансуб маликалар орасидан истеъдодли сиёсатшунослар, етук олима, оқила маслаҳатгўй ва хассос шоиралар етишиб чиққан. Ана шундай маликалардан бири Сароймулкхоним-Бибихонимдир.

Сароймулкхоним Чиғатой хонадонига мансуб бўлиб, мўғул хонларидан Қозонхоннинг қизидир. У 1341 йилда туғилган. Сароймулкхоним 5 ёш бўлганида Қозонхон тахтидан азл этилиб, қатл қилинади. Сароймулкхоним балоғатга етгач, 1355 йилда Мовароуннахр ҳукмдори Амир Қазағоннинг набираси Амир Ҳусайн уни никоҳига олади.

1370 йилда Амир Темур Амир Ҳусайнни енгиб уни қатл қилдиргач, Мовароуннахр ҳукмдорлигини ўз қўлига олади. Амир Ҳусайннинг хотинларидан 4 таси (шуларнинг орасида Сароймулкхоним ҳам бор эди)ни 3 ой муддат ўтгач, ўз никоҳига олади. Бибихоним ўз замонасининг юксак идрокли, фаросатли тадбиркор ва ақл-заковат соҳибаси, хусн-латофат маликаси эди.

Амир Темур Эронга қарши юриш бошлаганда, Исфохоннинг қамали узоқ чўзилиб, қўшинни озуқа билан таъминлашга маблағ етмай қолади. Ниҳоят, Амир Темур Самарқандга чопар йўллаб Сароймулкхонимга мактуб жўнатади. Мактуб қисқа бўлиб, «Қўшиннинг

захираси тугади, хазинадан зар юборинг» дейилганди. Сароймулкхоним мактуб билан танишгач, мактубнинг орқа томонига «Улуғ амир, зарингиз тугаган бўлса, сиёсатингиз ҳам тугади-му?» -деб ёзади ва уни чопарга тутказади.

Амир Темур мактубни олгач, Сароймулкхонимнинг кинояли замзамасини ўйлаб-ўйлаб, ниҳоят бир қарорга келади ва лашкаргоҳда сўйиб ейилган қўй, қорамол, от ва туя суякларини ўша куниёқ йиғдириб, турли ҳажмларда қирқтириб, катта ҳажмдагисига катта қиймат, кичигига кичик қиймат белгилаб, унга пўлат мухрини қиздириб тамға бостиради ҳамда муваққат (муомаладаги) пул ўрнига муомалага киритишга фармон беради. Натижада, қўшни шаҳар ва қишлоқларда суяк пулга қўшин учун озиқ-овқат сотиб олинади ва тез кунда Исфаҳон шаҳри таслим бўлгач, суяк пуллар зар билан алмаштирилади.

Испания кироли Генрих III нинг элчиси Руи Гонсалес де Клавихо «Амир Темурнинг Самарқанддаги саройига саёҳат» китобида ёзишича, 1402 йил 8 сентябр куни Амир Темур уни «Дилкушо» боғида тантана билан кутиб олади. Унинг ёнида Бибихоним бошлиқ барча хотинлар юзларига парда тутган ҳолда ўтирган эдилар, дейди.

Бибихоним ўз ҳисобидан мадраса қурдиради, шунинг учун бу мадраса «Мадрасаи хоним» деб аталади.

1405 йил 18 февралда Соҳибқирон Амир Темур Ўтрорда вафот этгач, Самарқанд тахтига унинг набираси Халил Султон Мирзо ўтиради. Ибн Арабшоҳнинг маълумотига кўра Халил Султон Мирзонинг хотини Шодимулк бегим 1408 йилда Сароймулкхонимни заҳарлаб ўлдирган.

Бибихонимнинг жасади ўзи қурдирган макбарага «тош тобут»да мўмиёланиб, дафн қилинган.

Амир Темур, Улуғбек, Мироншоҳ, Шохрух Мирзоларнинг қабрлари 1941 йилда профессор Герасимов бошчилигидаги илмий экспедиция аъзолари томонидан очилган ва текширилган. Шу билан бирга Сароймулкхонимнинг қабри ҳам очилиб, жасадни текшириш учун Тошкентга олиб борилган, кейинчалик яна Самарқандга олиб келиб қўйилган.

Соҳибқирон Амир Темур Сароймулкхонимдан фарзанд кўрмаган, аммо соҳибқирон ўз ўғли Шохрух Мирзони, суюкли набиралари Муҳаммад Султон Мирзо, Халил Султон Мирзо, Улуғбек Мирзо ва бошқаларни бевосита зукко Сароймулкхоним тарбиясига топширган эди.

*А.Ф. Файзуллаев
(Ўзбекистан)*

УЛУГБЕК И ЕГО МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Основная методология Улугбека в области исследований небесных и земных явлений - уважение к предыдущим ученым и критическое отношение к данным прошлых наблюдений. Он создал новую свою обсерваторию и заново определил координаты видимых 1018 звезд и на основании полученных результатов сделал теоретические обобщения. Таблицы рассматривал как закономерность изменения и развития событий в Космосе и на Земле. Проблемы взаимоотношений эр и календарей - проявление взаимоположений Солнца, Луны и Земли. Предсказание солнечных и лунных затмений как возможность человеческого познания природных явлений. Астрономия должна помогать людям, совершенствованию общественной жизни.

Проблемы календарей и эр. Главная причина календарной проблемы в прошлом и в XXI веке - невозможность выразить год в целых сутках. Поэтому с течением определенного промежутка времени поправка к календарям носит естественный характер. Что касается эр, то в истории их тоже было много. Крупные события в истории человечества отмечались в разных эрах. Конечно, всегда был актуален вопрос перехода из одной эры в другую. Улугбек впервые в истории более точно определил метод взаимоперехода эр хиджры, румов, малики, китайской, уйгурской и др. Своим методом составил 21 таблицу как средство взаимоперехода. Улугбек внес свой вклад в решение данной проблемы, но надо отметить, что календарная

проблема окончательно не решена и в XXI в.

Методы определения астрономических величин. А) Метод определения угла между перпендикулярами к небесному экватору и эклиптике Солнца. Значения этой величины определяли Эратосфен, Гиппарх, Птолемей, ал-Хорезми, ал-Фергани, ал-Баттани, Беруни, Гуйей. Во всех случаях эту величину нельзя было точно вычислить в связи с изменением времени. Как отмечает Улугбек, «наибольшее склонение по нашему наблюдению получилось равным $23^{\circ}31'$ ». Согласно формуле Ньюкомба, отклонение Улугбека очень незначительно.

Б) Метод определения синусов и тангенсов. Как писал Улугбек, «синус одного градуса, на котором основаны построения таблицы синусов и тангенсов, до наших дней никто не определил способом доказательства. Все ученые заявляют, что не нашли практического способа его нахождения и ухитрились добиться хотя бы приблизительного решения. Мы вдохновлены способом доказательства для изложения составили отдельную книгу. И на основании найденных, способом доказательства составили таблицу».

В) Поправка метода Птолемея. «Птолемей вычисляя своим методом, допустил упрощения и пренебрежительность. Если хотим исследовать более точно, то по этим часам заново определим истинное положение Солнца и видимое положение Луны. Мы основываемся на этом», утверждал Улугбек.

Г) Способы без таблиц. Улугбек высказывал, что «Если прямое восхождение известно и мы хотим найти градусы соответствия практическим вычислением без таблиц, то пользуемся нашими тремя способами».

Д) Составлены таблицы широт и долгот небесных тел.

Е) Метод определения географических координат городов. Улугбек вычислил своим методом широты и долготы 238 городов мира. В том числе Самарканда ($39^{\circ}50'$ и $97^{\circ}30'$) и Бухары ($39^{\circ}37'$ и $92^{\circ}16'$). Отметим, что метод определения азимута Улугбека отличается от метода Беруни.

Методы определения затмений Улугбеком. Солнечные и лунные затмения - важные природные явления, которые являлись в течение всей истории человечества объектом исследования науки и религиозного мировоззрения. Т. Опольцер составил список 8 тысяч солнечных и 5 тысяч 200 лунных затмений с 1208 г. до н.э. по 2151 г. н.э. Улугбек своими методами составил таблицы появления таких затмений в геоцентрической системе. Он считал, что «когда истинное противостояние происходит в определенное время суток и расстояния градуса противостояния от узла будет $12^{\circ}28'$, то имеет место лунное затмение», «табличный способ. Напротив градусов соединения и часов расстояния истинного соединения берут параллакс по долготе и параллакс по широте и получили часы начала затмения и часы завершения солнечного затмения».

У Улугбека и других астрономов в прошлом координаты небесных тел брались в геоцентрической системе. Потом эклиптические координаты. Теперь вертикально-экваториальные и горизонтально-экваториальные параллаксы. Для определения времени затмений Солнца и Луны исходной пункт один и тот же - сегодняшние данные, конечный пункт - само затмение. А путь может быть разный - геоцентризм или гелиоцентризм. И возможен переход от одной системы к другой. Это не значит, что обе системы идентичны. Современная теория затмений как продолжение улугбекской теории основана на классической механике Ньютона, небесной механике Лапласа и развивалась трудами Лагранжа, Гаусса, Бесселя, Ньюкомба, Михайлова.

Признание заслуг Улугбека в мировой науке. Мирзо Улугбек известен в истории мировой науки как один из великих астрономов. Его научные труды издавались в разных странах и о нем писали многие высокоавторитетные ученые мира. Вершиной такого признания, как нам кажется, являются гравюры Яна Гевелия (1611-1687) «Атлас звездного неба», изданный в Польше в 1673 г. Изображены две гравюры. В первой 10 великих астрономов разных эпох и народов, хотя таких астрономов гораздо больше. Они: Тимокарис (III в. до н.э., грек), Гиппарх (II в. до н.э., грек), Птолемей (II в. до н.э., грек), Ал-Баттани (850-921, араб), Улугбек (1394-1449, узбек), Вильгельм (1532-1592, немец), Коперник (1473-1543, поляк), Тихо Браге

(1546-1601, датский), Риччиали (1598-1671, итал.). Все они стоят. Во второй гравюре 6 астрономов. Улугбеку отведено первое место рядом с музой астрономии Уранией.

Использованная литература

Улугбек Мухаммад Тарагай. Зиджи джадиди Гурагони. Новые Гурагановы астрономические таблицы. Ташкент, 1994.

Ян Гевелий. Атлас звездного неба. Ташкент, 1978.

Щеглов В.П. Полное солнечное затмение 21 сентября 1941 года. Ташкент, 1941.

Михайлов А.А. Теория затмений. М., 1945.

Файзуллаев А.Ф. Улуг ўзбек астрономи (Улугбекнинг туғилганига 545 йил тўлиши муносабати билан) // Қизил Ўзбекистон. 1941 йил 4 апрель.

Кары-Ниязов Т.Н. Астрономическая школа Улугбека. Ташкент, 1971.

*Э. Хайдаров, А.Д. Кабулова, П.С. Хайдаров
(Ўзбекистан)*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕСКОНЕЧНОСТИ ОТ «АВЕСТЫ» ДО «ЗИДЖИ» МИРЗЫ УЛУГБЕКА

Проблемы, связанные с идеей бесконечности всегда были и остаются актуальными для философии, космологии, математики, физики и других отраслей человеческого познания. Идея бесконечности всегда была методологической основой развития не только самой философии, но и естественных наук. Многие выдающиеся открытия в математике, физике и космологии были связаны именно с разрешением различных проблем бесконечности. Ретроспективный историко-философский анализ развития представлений о бесконечности за указанный период даёт нам определённую возможность для углубленного понимания проблем, связанных с различными проявлениями бесконечности материи, математических объектов и познания.

В одном из величайших творений человечества «Авесте» отмечается, что «время» из всего существующего в мире отличается тем, что оно как одно из проявлений бесконечности существует само по себе в виде вечности, которая не имеет ни начала, ни конца. У него нет творца, ибо оно, будучи основанием самого себя, порождает все сущее, в том числе и богов добра и зла. В этой вечной борьбе двух начал, люди должны сохранить гармонию природы и общества своими добрыми мыслями, добрыми словами и добрыми делами.

Известно, что наиболее развитое представление о бесконечности в древности было создано древнегреческими философами. Надо отметить, что человечество в лице древнегреческих философов впервые попыталось познать природу самой бесконечности, что привело их к гениальным выводам и одновременно к трудноразрешимым проблемам познания материи и её всеобщих атрибутов. Кстати, до сих пор передовые умы всех времён, так ещё и не сумели окончательно разрешить эти проблемы.

Из положений Парменида (530-470 гг. до н.э.) о единстве мира и его сплошной вещественности, вытекало утверждение о невозможности бесконечного деления тел. Как бы пытались логическими рассуждениями доказать это положение, ученик и друг Парменида – Зенон Элейский (490-430 до н.э.) выдвинул ряд оригинальных апорий. Не разъясняя суть этих апорий, хотим отметить, что в них гениально выявлен ряд трудно разрешимых или вообще не разрешимых логических построений, связанных с признанием или отрицанием существования актуальной и потенциальной бесконечности материальных тел, пространства и времени. Нам кажется, что Зенон, впервые в истории философии, оригинальными логическими рассуждениями доказал, во-первых, реальное существование актуальной и потенциальной бесконечности, их взаимосвязь, и, во-вторых, показал ошибочность утверждений, в которых одно из этих видов бесконечности абсолютизируется, а другое игнорируется.

Аристотель (388-322 до н.э.) привёл многочисленные убедительные логические рассуждения против идеи существования атомов вещества, движения, пространства и времени. Он фактически создал своеобразное оригинальное учение о потенциальной бесконечности. По Аристотелю, нельзя получить бесконечность ни путём неограниченного присоединения конечных

тел друг к другу, ни неограниченным их делением. Он пишет, что «для числа имеется предел в направлении наименьшему..., для величин же наоборот: в направлении к меньшему она превосходит все своей малостью...» (Аристотель. Физика. 1937. С. 65). Можно сказать, что Аристотель впервые дал определение понятию бесконечности, обосновал идею о бесконечной делимости тел и, отвергая идею о существовании актуальной бесконечности, на многие века затормозил развитие математики.

Наш соотечественник Абу Наср Фараби (870-959), во многом дополняя мысли Аристотеля о бесконечности, считал, что бесконечность, как движение, время и небытие, является недостаточно разработанной проблемой философии. Абу Райхон Беруни (973-1048) в переписке с Ибн Синой (980-1037) отмечал, что утверждение о делимости тел до бесконечности, более порочно, чем утверждение о существовании неделимых материальных частиц.

Пытаясь выяснить отношение Мухаммада Тарагая Улугбека (394-449) к проблемам бесконечности, мы ни в одном источнике не сумели выявить таковое. Наше представление об этом отношении, главным образом, основано на «Зиджи джедиди Гурагони» и книги Т.Н. Кары-Ниязова «Астрономическая школа Улугбека». Из вышеуказанного мы пришли к следующим выводам:

а) исходя из того, что Улугбек был правителем государства, идеология которого целиком и полностью основывалась на фундаментальных мировоззренческих идеях ислама, поэтому он не мог открыто высказать свои взгляды о бесконечности мира, материи и её всеобщих форм;

б) будучи хорошо знакомым с трудами Беруни, он не сомневался в том, что Космос не ограничен только видимыми звёздами;

в) полученное с непревзойдённой для того времени точностью расчёты многих параметров и постоянных математических и астрономических объектов (например, $\sin 1^{\circ}=0,017452406437283571$, широта обсерватории Улугбека $39^{\circ}36'28''$, наклонение эклиптики $23^{\circ}30'17''$ и др.), свидетельствуют о его приверженности к атомизму;

г) полученное совместно с Гиёсиддином Коши значение величины «пи» с точностью до 17 знака (после запятой), является по существу практическим признанием идеи о непрерывной, бесконечной делимости всего сущего.

E. Haydarov, A.D. Kabulova, P.S. Haydarov - The Major Stages of Worldwide Development of Knowledge About the Endlessness from the “Avesta” to the “Zij” by Mirza Ulughbek

The idea of dimensionless was always the main problem of philosophy, mathematics, physics and other subjects. The holy book of Zoroastrians “Avesta” and the “Zij” written by Mirza Ulughbek contain ideas on this issue.

*М.Қ. Қодиров, Б.М. Маҳмудов
(Ўзбекистон)*

УЛУҒБЕК ДАВРИ ФАНИ ТАРИХИДАН

Бутун рўйи заминнинг сайқали ҳисобланган азим шаҳримиз Самарқанднинг қадим-қадим вақтларданок шуҳрати оламга ёйилган эди. Айниқса, соҳибқирон Амир Темур даврида Самарқанд шаҳар сифатида янада юксалиши, унинг илм-маърифати, ўша даврлардаги илғор саноати, хунармандчилиги, санъатининг ривожланиши бутун жаҳон аҳлини лол қолдирди.

Ўзи жуда кекса, лекин ҳамиша навқирон ва гўзал Самарқанднинг илм-фан нури билан фаровонлигини, унинг шуҳрати жаҳонга дostonлигини жуда кўплаб шоирлар қуйладилар. Масалан, олим ва шоир Орифжон Икромов Самарқанд мавзусини алоҳида меҳр ва муҳаббат билан қуйлаган эди:

Толе достонида сен ҳам азизсан,
Кўркам юртлараро сен ҳам лазизсан.
Сен дунё беазаги – муқаддас шаҳар,
Яшнайвер, табаррук зиёратгоҳим,
Навқирон диёрим жон Самарқандим.

1979 йил Японияда ўтказилган халқаро конференцияда Япония Фанлар академиясининг Президенти проф. Саппоро Миякининг «Самарқанд – нафақат жаҳон цивилизациясининг маркази бўлиб қолмай, аллома Мирзо Улуғбек асос солган фалакиёт илмининг ҳам марказидир» деб айтган сўзлари Самарқандни халқаро миқёсдаги салоҳияти тўғрисидаги фикрларини яна бир бор тасдиқлади.

Соҳибқирон Амир Темурнинг набираси Мирзо Улуғбек Самарқандда бутун бир астрономик мактабга асос солди. Буюк давлат арбоби ҳамда беназир аллома Мирзо Улуғбек ўзининг куч-қадратини урушларга эмас, балки илм-маърифатни, маориф ва маданиятни ривожлантиришга қаратди. У Самарқанддан унча узоқ бўлмаган Кўҳак тепалигида, Обираҳмат ариғининг бўйида уч ошёнли, ғоят улкан ва ҳашаматли расадхона барпо қилди. Бу расадхона ўз замонасининг такомиллашган асбоб-ускуналари билан жиҳозланган эди.

Улуғбек Самарқандда табиий фанлар билан ўзи бевосита шуғулланди. Машҳур математик ва астрономларни ўз атрофида тўплаб, илмий тадқиқотларга кенг йўл очиб берди. Мирзо Улуғбекнинг расадхонаси ва илмий ишлари олим замондошларини ҳайратда қолдириб, уларни диққат-эътиборини ўзига қаратди ва тез орада етук мунажжимнинг шон-шуҳрати бутун жаҳонга ёйилди.

Мирзо Улуғбек ижодига назар ташлар эканмиз, унинг жаҳонда биринчи бўлиб илм хазинасини тебратиб, уни фаннинг ноёб дурдоналари билан бойитган, жаҳон олимларини ҳайратда қолдириб, уларнинг олқишига сазовор бўлган ҳамда биринчи бўлиб Самарқандда академия ва унинг расадхонасига асос солган, унда астрономик кузатишларни ўтказиб, катта аниқликка эга бўлган, илмий натижаларга эришган ва янги илмий йўналишга асос солган олим эканлигига ишонч ҳосил қиламиз.

Ҳандаса илмида Улуғбек Мирзодек кишини мингларча мадрасалардан ҳам топиб бўлмайди, деб ёзади тарихчи олим Абдураззоқ Самарқандий:

Чун Улуғбек Мирзо дар илми хандаса,

Нотавон ёфт дар хазорон мадраса.

Осмон сирларини очган ва уни кишилар кўзига ойнадек равшан қилган Улуғбекнинг Бухоро, Гиждувон ва Самарқандда мадрасалар қурдириши, Бухоро мадрасасининг пештоқиға «Илмга интилиш ҳар бир мусулмон эркак ва аёлнинг бурчидир», Самарқанд мадрасасининг пештоқиға эса юлдузлар тўла осмонни тасвир қилиши, унинг илмга, фаннинг ривожланишига катта аҳамият берганидан далолат беради.

Мирзо Улуғбек томонидан Самарқандда ўзига хос «Академия» яратилди. Маълумки, «академия» сўзи милoddан аввалги V асрда жаҳоншумул аллома Афлотун томонидан киритилгандир. Ўшанда у асос солган фалсафа мактаби шундай аталар эди. Худди шундай илмий муассаса XV асрда Самарқандда Мирзо Улуғбек томонидан ташкил қилинди.

Уни энг аввал машҳур ёзувчи, файласуф ва тарихи олим Вольтер (1694-1778 йй.) эътироф этган. Мовароуннаҳрда Амир Темурнинг ўрнига тахтга чиққан машҳур Улуғбек Самарқандда биринчи академияга асос солди. Ер қуррасини ўлчашни буюрди ва астрономик жадвалларни тузишда иштирок этди. (Вольтер. Танланган асарлар. Женева, 1769, 199-саҳифа). Ҳа, Вольтер ҳақ гапни айтган. Ўша вақтларда Самарқандда ҳам ўзига хос академия бўлган. Мирзо Улуғбек атрофида уюшган юздан ортиқ олимни ўз бағрига олган, номи жаҳонга машҳур расадхонаси шу вазифани ўтаган. Улуғбекнинг Самарқанд ва Бухородаги мадрасалари ўз замонасининг дорилфунунлари эди. Бу мадрасаларнинг дарсхоналарида илоҳиёт илмларидан ташқари риёзиёт (математика), хандаса (геометрия), илмий ҳайъат (астрономия), тиббиёт (медицина), тарих, жўғрофия, илмий аруз (поэтика) сингари дунёвий илмлар ўқитилган. Самарқанд илмий марказининг фаолияти Улуғбекнинг «Зижи жадиди Кўрагоний», «Тарихи арбаъ улус», Мавлоно Гиёсиддин Жамшиднинг «Талхис аль-мифғох», Қозизода Румийнинг «Шарҳи мулахис фи-лайъа», Алоуддин Али Кушчининг «Рисола дар илми фалакиёт» асарларида акс эттирилган.

Улуғбек бошчилигида расадхонада олиб борилган илмий кузатишларнинг ҳисоблаш натижаси ҳозирги замон ҳисоблашларидан жуда оз фарқ қилади. Масалан, Куёш ва Ой ҳаракатини ҳисоблашга тааллуқли бўлган эклиптика текислигининг экваторлигига олмаганлигини $23^{\circ}30'17''$ деб топган бўлса, унинг хатоси ҳозирги назарий ҳисоблаш ($23^{\circ}30'149''$) га нисбатан 32

секунддир. Йил ва ойлар, кун ва ҳафталар, саналарнинг келиб чиқиши ва уларнинг бир-бирига муносабатлари масаласида, юлдуз йилини Улуғбек 365 кун, 6 соат, 10 минут, 8 секунд деб ҳисоблаган бўлса, ҳозирги назарий ҳисоблаш (365 кун, 6 соат, 9 минут, 6 секунд)га нисбатан, унинг хатоси 1 минут 2 секунддир.

Мирзо Улуғбекни «Тарихи арбаъ улус» китобидан ташқари Самарқанд расадхонасида эришилган илмий тадқиқотларнинг натижалари юлдузлар ва сайёралар ҳаракатига бағишланган бўлиб, бу янги астрономик жадвал «Зижи жадиди Кўрагоний» бўлиб, бу асарда 1019 юлдуз вазияти кўрсатиб берилган.

Улуғбек Мирзонинг илмий меросини мукамал ўрганиш, унинг тадқиқотларини замонавий усуллар билан давом эттириш пайти етиб келди. Илм маскани азим Самарқандда, Самарқанд Давлат университетининг Мирзо Улуғбек номидаги астрофизика кафедрасида амалга оширилмоқда. Мирзо Улуғбекнинг «Ворисларимга муҳим ишни топшираман» деб айтган сўзлари самарқандлик астрофизикларни коинот сирларини чуқур ўрганишга илхомлантирмоқда.

Бугунги кунда университетимизда физикавий ва астрономик илмий тадқиқотларни олиб бораётган олимларни Мирзо Улуғбек ишларининг рамзий маънодаги давомчилари деб айтишга ҳақлимиз.

Фикримизнинг далили сифатида шуни айтиш лозимки, ҳозирги пайтда Самарқанд Давлат университетининг экспериментал базасида объективининг диаметри 48 сантиметрли радиотелескоп ўрнатилиб, ишга туширилган. Бу албатта, Улуғбек илмий ижодини ўрганишда ва уни ривожлантиришда муҳим омил бўлиб хизмат қилади. Бу телескоп фақат таълим соҳасидагина эмас, балки унинг ёрдамида долзарб илмий тадқиқот ишларини ҳам амалга ошириш мумкин. Шунингдек, у тегишли мутахассисларнинг малакасини оширишда ҳам муҳим аҳамиятга эга.

Сўзимизнинг хулосаси сифатида шуни айтиш жоизки, қадим замонларданоқ илм-фан, маърифат ўчоғи бўлиб келган азиз шаҳримиз Самарқанд бугунги кунда ҳам мустақил республикамизнинг нуфузли илм марказларидан бири бўлиб қолмоқда.

*М. Оллаёров
(Ўзбекистон)*

МИРЗО УЛУҒБЕКНИНГ МУНАЖЖИМЛИК МАКТАБИНИНГ ФАЛСАФИЙ–МАНТИҚИЙ АСОСЛАРИ

Мунаққидлар одатда, Мирзо Улуғбек асос солган академияни фақат мунажжимлик мактаби тарзида талқин қиладилар. Лекин мазкур академиянинг тадқиқотлари тизимида фалсафа ва мантиқ илми етакчи мавқени эгаллаган. Шу боис, Улуғбек таъсис этган ва раҳнамолик қилган Самарқанд мунажжимлик мактаби айни вақтда фалсафий-мантиқий мактаб ҳам ҳисобланади.

Улуғбек академиясида математика, геометрия, фалакиёт, тарих, мусиқашунослик илмлари соҳасида тадқиқот ишлари олиб борилганки, бунда фалсафа ва мантиқ илмлари дастури амалий аҳамиятга эга бўлган. Аниқроқ қилиб айтганда, фалсафа ва мантиқ қайд этилган фанлар йўналишида олиб борилган фундаментал тадқиқотларда билиш методи – усули бўлиб хизмат қилган.

Шунга кўра ана шу иккала фан ривожига катта эътибор берилади ва бунинг натижаси ўларок, Улуғбек академияси қошида фалсафа-мантиқ мактаби юзага келади. Аммо мавжуд илмий адабиётларда ушбу мактабнинг шаклланиши, унинг вакиллари ҳақида деярли фикр билдирилмайди ва бу борада тадқиқот ишлари олиб борилмаган.

Шуни таъкидлаш керакки, Улуғбек академиясининг шаклланишида унинг фалсафий-мантиқий йўналишидаги юксак салоҳиятга эга бўлишида бобоси Амир Темурнинг илм-фан, маданият равнақиға катта эътибор берганлиги ва бунга халқ руҳини уйғотувчи куч, деб қараганлиги муҳим роль ўйнайди.

Соҳибқирон ҳокимиятни қўлга олгандан сўнг ўша даврнинг машҳур олимлари, файласуф, мантиқшуносларини Самарқандга келишлари ва бу ерда илмий ишларини олиб боришларини

истаб, уларга таклифномалар юбортиради (Фалсафа. Қомусий луғат, 2004. 128-392 -бетлар).

Ўз даврининг таниқли файласуфлари, мантиқшунослари Тафтазоний, Журжоний ва бошқалар ана шу таклиф бўйича Самарқандга келадилар.

Шуни таъкидлаш лозимки, Самарқандга йиғилган олимлар, файласуф, мантиқшунослар Форобий, Ибн Сино, Беруний, Муҳаммад ал-Хоразмий, Абдуллоҳ Хоразмийларнинг илмий-назарий, фалсафий қарашларининг давомчилари бўлиб, улар кейинчалик Улуғбек академияси, фалсафий мактабининг асосланиши ва унинг ривожига улкан ҳисса қўшадилар.

Муҳаммад ибн Умар Саъдиддин ат-Тафтазонийнинг (1322-1392) фалсафа, хусусан, мантиққа оид «Таҳзиб ал-мантиқ ва л-калом» («Мантиқ ва каломга сайқал бериш»), «Ал-мутававал» («Кенг талқин»), «Рисола фи завол ал-мусаллас» («Уч бурчакнинг бурчаклари ҳақида рисола») асарлари, Мир Саййид Шариф Журжонийнинг (1339-1413) «Усули мантиқийа» («Мантиқ усули»), «Суғро» («Кичик далил бўла оладиган ҳукм»), «Авсат дар мантиқ» («Мантиқда ўрта хулоса») мантиқий рисолалари Улуғбек ва унинг шогирдларининг илмий қарашларини шаклланишида назарий-методологик асос бўлиб хизмат қилади. Чунки ҳар икки мутафаккирнинг юқорида зикр қилинган асарлари моҳият эътибори билан ҳозирги фалсафий атама билан айтганда гносеология - билиш назариясига оид бўлиб, уларда илмий-мантиқий билишнинг усуллари хусусида фикр юритилади.

Агар Улуғбекнинг асарлари, хусусан, «Зижи Кўрагоний» асари таҳлил қилиниб қараладиган бўлса, унинг қатъий мантиқий метод-усулларга асосланган ҳолда ёзилганлигига ишонч ҳосил қилиш мумкин. Фикримизнинг далили сифатида унинг ана шу асаридан биргина хулосавий муҳокама (ҳукм)ни олиб қарайлик: «Агар ҳақиқатан Ернинг қуёшга юзма-юз бўлиб туриши кечаси ёки куннинг иккинчи ярмида, аниқроғи соат 2-ю 20 мин содир бўлса, шунингдек юзма-юз бўлиш градуси $12^0 28^1$ дан кам бўлмаса, унда қуёш тугилиши рўй беради» (Улуғбек, 1976. С. 410). Мазкур муҳокама хулоса, биринчидан, дедуктив-силлогистик, яъни мантиқий хулоса бўйича чиқарилган ва иккинчидан, у шартли (имплектив) ҳукм шаклида таърифланган.

«Зижи Кўрагоний» фақат астрономияга оид беқиёс ноёб илмий рисола бўлиб қолмасдан, айна пайтда теран фалсафий мазмунга эга бўлган рисоладир. Унда оламнинг тузилиши, унинг вақт ва фазода чексизлиги, шунингдек, олам ва одам муносабати каби фалсафанинг азалий муаммолари ўзига хос услуб, атамаларда баён этилади.

Мазкур асар дунё юзини кўрган пайтдан бошлаб турли мамлакат олимлари томонидан ўрганилиб, жуда кўп тилларга таржима қилинган, унга шарҳлар ёзилган (Ашраф Аҳмад, 1994. 33-бет).

Лекин ҳозиргача «Зижи Кўрагоний» фалсафий асар сифатида тадқиқ қилинмасдан келинмоқда.

Улуғбекнинг Жамшид Коший, Аловуддин Али Қушчи, Гиёсиддин Жамшид каби ҳаммаслақ касбдош шогирдлари ўз устозлари каби фалакиёт илмининг билимдонлари бўлиш билан бирга зукко файласуф, мантиқшунос ҳам бўлганлар.

Фикримизнинг тасдиғи сифатида Али Қушчининг «Рисолаи дар фалакиёт» асари хусусида қисқача тўхталамиз. Ушбу асар муқаддима ва уч бобдан иборат бўлиб, муқаддима олам-табиатнинг тузилиши, ундаги барча нарса, ходисалар ўзаро алоқадарликда, доимий ҳаракатда эканлиги ҳақида фикр юритилади. Асарнинг барча боблари ана шу фалсафий ғоя орқали талқин қилинади.

Али Қушчининг талқинига кўра ҳамма нарсалар иккига бўлинади: осмон, юлдузлар олами ва Ер жисмлари. Кейингиси тўрт унсур-ўт, ҳаво, сув, тупроқдан келиб чиққан. Табиат минераллар (маъданлар), наботот ва ҳайвонотдан иборат бўлиб, улар бир-бирлари билан ўзаро боғлиқдирлар. Барча нарсалар ҳаракатда бўлиб, муайян белгили вақтларда қўшилиб, янги нарсалар ҳосил қилади. Ва бундай жараён ички қаршиликлар, зиддиятларда кечади (Мўминов, 1972.78-бет).

Али Қушчининг ушбу фалсафий фикрлари бугунги кунда ҳам ўзининг назарий-методологик аҳамиятини йўқотган эмас.

Мухтасар қилиб айтганда, Мирзо Улуғбек мунажжимлик мактаби мақсад моҳиятига кўра

олам ва одам сир-асрорларини, олий ҳақиқатни англаш маскани бўлиб, унда фалсафий, мантикий илмлар дастури амалий вазифани ўтаган.

Фойдаланилган адабиётлар

Фалсафа. Қомусий лўғат. Тошкент, 2004.

Улуғбек. Зидж Курағони. Рукопись Института востоковедения АН Уз // Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1976.

Ашраф Аҳмад. Улуғбек Муҳаммад Тарағай. Тошкент, 1994.

M. Ollayarov - Philosophical-Political Basis of Astronomical School of Ulughbek

This article is about the astronomical school of Mirza Ulughbek, the philosophy and logics of which was the basic unit for the deeper lament of methodological and fundamental investigations.

Ф.Ш. Шамукармова
(*Узбекистан*)

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
МИРЗО УЛУГБЕКА В УЗБЕКИСТАНЕ В 20-80-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

В 20–80-е годы XX в. историческая наука Узбекистана прошла сложный путь развития, сопровождавшийся позитивными и негативными тенденциями. Одна из положительных тенденций этого периода заключалась в том, что исследователей и специалистов различных отраслей знания привлекала к себе история науки Центральной Азии. В центре их внимания стояли вопросы, связанные с изучением истории развития математических, астрономических и естественных наук в эпоху средневековья, в частности, жизни и творчества отдельных ученых-энциклопедистов и их научной деятельности. В этом направлении особое значение приобрело изучение научного наследия одной из ярких личностей периода средневековья, государственного деятеля, внука Амира Темура и величайшего ученого-энциклопедиста, основателя самаркандской научной школы Мирзо Улугбека (1394-1449), определившего небывалый для средневекового общества расцвет научной мысли в данном регионе, имевший огромное значение для мировой цивилизации.

Изучение научного наследия Мирзо Улугбека имеет многовековую историю. Широкий спектр вопросов, касающихся его жизни и деятельности, нашел отражение в исследованиях представителей западноевропейской, российской, отечественной востоковедческих и исторических школ. Но именно в Узбекистане, на его Родине, и особенно в течение 20-80 годов сложился значительный объем публикаций по данной проблеме. Исследования этого периода характеризовались, с одной стороны, существенными прорывами в его изучении, и, с другой стороны, сопровождалась неадекватной оценкой исторических событий, связанных с именем Мирзо Улугбека. Научные изыскания делились на два типа: 1) комплексные исследования (В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, М.Е. Массон, Т.Н. Кары-Ниязов, Н.И. Леонов, Б.А. Ахмедов (Бартольд, 1964. С. 23-177); 2) исследования того или иного аспекта его наследия (Из истории эпохи Улугбека, 1965. С. 199). Проведена масштабная работа по изучению и сохранению архитектурных памятников этого периода (Массон, 1968. С. 44) и, особенно, самаркандской обсерватории. В изучении этих вопросов были задействованы представители как общественных, так и естественных наук.

Начальный период советской власти характеризуется относительным затишьем в исследовании научного наследия Мирзо Улугбека. Причина этого, по нашему мнению, заключалась скорее в необходимости прохождения периода накопления материала по данному вопросу, нежели в отсутствии научного интереса к жизни и деятельности Мирзо Улугбека.

Относительная активизация в исследовании данного вопроса отмечена в 40-х годах XX столетия. Так, публикации археолога В. Чейлытко (Чейлытко, 1940), астронома В.П. Щеглова (Щеглов, 1940) и М.Е. Массона (Массон, 1941. С. 48), в известной степени стимулировали интерес к данной проблеме. В частности, В.П. Щеглов особо акцентирует внимание исследователей на том, что хотя «большинство астрономических работ Улугбека переведены и изданы на

западно-европейских языках, много вопросов, относящихся к его деятельности, остаются до сих пор неизученными». Исходя из этого, он отмечает о необходимости консолидации усилий историков, археологов и астрономов в изучении научного наследия среднеазиатского ученого. К этому времени только труд В.В. Бартольда считался фундаментальным исследованием жизни и научной деятельности Улугбека.

В 1941 г. были проведены очередные археологические раскопки на обсерватории Улугбека и одновременно с этим, в июне было произведено вскрытие усыпальницы династии Темуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде. Оба указанных мероприятия этого года были приурочены к празднованию 500-летнего юбилея Алишера Навои. Результаты вскрытия гробниц нашли отражение в работах Т.Н. Кары-Ниязова и М.М. Герасимова (Герасимов, 1949. С. 163-166).

Одним из важных и дискуссионных вопросов в изучении наследия Улугбека являлось определение главного инструмента обсерватории (секстант или квадрант?). Этому были посвящены работы Г.Д. Джалалова и Т.Н. Кары-Ниязова (Джалалов, 1947. С. 247-253; Кары-Ниязов, 1947. С. 127-136).

В 1948 г. под руководством В.А. Шишкина (Шишкин, 1949. С. 36-45) были проведены очередные археологические раскопки на обсерватории Улугбека, в результате был воссоздан полный план фундамента здания, что положило конец дискуссии относительно внутренней планировки обсерватории, и определило ошибочность некоторых предположений.

50-е годы характеризовались изучением отдельных положений основного научного труда Улугбека «Зиджи джадиди Гурагоний» (Новые Гурагановы астрономические таблицы). Новые данные дало и археологическое изучение обсерватории (Шишкин, 1953. С. 3-100; Нильсен, 1953. С. 101-128). Деятельность научной школы Улугбека (Юшкевич, 1951. С. 455-488; Щеглов, 1953. С. 224-229; Джалалов, 1955. С. 85-100) и его сподвижников (Джалалов, 1957. С. 141-158) получила более глубокое освещение.

Важным событием стало издание в 1950 г. монографии Т.Н. Кары-Ниязова «Астрономическая школа Улугбека» (Кары-Ниязов, 1950), который с позиции точных наук, охарактеризовал деятельность самаркандской научной школы XV в. и определил вклад виднейших ее представителей в развитие естественных наук. Впервые научные комментарии к «Зиджу» были даны на основе современных достижений астрономической науки.

Сравнительный анализ данных, приведенных в труде Мирзо Улугбека с материалами некоторых аналогичных исследований того периода был осуществлен Г.Д. Джалаловым (Джалалов, 1955. С. 85-100). Кроме того, в отличие от других исследователей, считавших, что таблицы были завершены в 1437 г., он считал, что это было сделано на 10 лет позже.

С момента первых раскопок обсерватории остро стоял вопрос ее внешнего облика. Первый проект реконструкции был сделан Б.Н. Засыпкиным в 1944 г. (Кары-Ниязов, 1950. С. 85-91). После раскопок 1948 г., получив новые данные, он переработал его. По его мнению, обсерватория имела цилиндрическую форму. Таких же взглядов придерживался и В.А. Нильсен (Нильсен, 1953. С. 101-128). Своё несогласие с предложенными проектами реконструкций Б.Н. Засыпкина и В.А. Нильсена, выразил Г.Д. Джалалов.

60-е годы были также плодотворными в исследовании научной деятельности Мирзо Улугбека (Савицкий, 1960. С. 40-44). Особенно много работали над этим представители естественных наук (Матвиевская, 1962. С. 125).

Популяризации знаний способствовала и работа Н.И. Леонова (Леонов, 1960. С. 120), в которой были обобщены достижения восточных астрономов XV в., в том числе и Мирзо Улугбека.

Наиболее заметным событием 60-х годов явилась публикация сборника научных статей, как естественного, так и гуманитарного профилей, в котором нашел отражение широкий спектр вопросов научной деятельности Мирзо Улугбека, политической (Ахмедов, 1965. С.5-66), социально-экономической (Давидович, 1965. С.274-299) истории Мавераннахра и культуры (Пугаченкова, 1965. С. 227-255) его эпохи.

Через 17 лет после первого издания книги «Астрономическая школа Улугбека» Т.Н. Кары-

Ниязова вышел новый переработанный вариант с учетом новых данных (Кары-Ниязов, 1967. С. 375). В нем была расширена историческая ретроспектива событий, предшествующих и сопутствующих правлению Мирзо Улугбека, усилен анализ его научных концепций, внесены новые детали в освещение истории формирования и развития самаркандской астрономической школы. Все это усилило и историческую и астрономическую базу исследований и возвело его в ранг лучших произведений о Мирзо Улугбеке.

Успешно развивалось в это время и археологическое изучение памятников эпохи Улугбека. В конце 60-х годов особенно обострилась проблема сохранения остатков обсерватории. Она решалась на государственном уровне и была поводом для бурной полемики, но в конце концов было принято решение о проведении реставрационно-консервационных работ под руководством Я.Г. Гулямова и Ю.Ф. Бурякова (Гулямов, Буряков, 1968. С. 69-71). В связи с этим еще острее встал вопрос о реконструкции обсерватории Мирзо Улугбека, в решении которого важную роль сыграли исследования Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1969. С. 107-131), предложенный вариант.

Монография Г. Собирова (Собиров, 1973), где на материалах рукописных трактатов по математике и астрономии XV–XVII вв., показано развитие научной мысли в Средней Азии, степень влияния самаркандской школы на развитие науки и культуры Ирана, Турции и Северной Индии, значительно расширило представление о мировом значении школы Мирзо Улугбека. В монографии представлены биографические сведения и перечислены научные труды сподвижников и последователей Мирзо Улугбека, сделан обзор их основных научных результатов, определены пути проникновения их научного наследия в Западную Европу и Россию. Отдельное место Г. Собиров уделит истории изучения «Зиджа».

Многие другие темы: произведения Беруни «Канон Мас'уда», преемственность научной школы Улугбека, полемичный вопрос об авторстве трактата об определении синуса 1^0 , влияние астрономии на развитие других наук в сред-невековье и другие, были освещены в публикациях П.Г. Булгакова (Булгаков, 1979. С. 163-175), А. Ахмедова и Б. Розенфельда (Из истории эпохи Улугбека, 1979. С. 130-142), В.П. Щеглова, Г.П. Матвиевской, Н.И. Невской, Д.Ю. Юсуповой, Е.А. Полякова, С.Х. Сираждинова, А. Буриева (Щеглов, 1979. С. 143-151).

Наконец, в рассматриваемое время центром пристального внимания историков-востоковедов стал труд Мирзо Улугбека «Тарих-и арба улус» - («История четырех улусов») (Ахмедов, 1979. С. 36).

В 80-е гг. XX в. исследования научной деятельности Мирзо Улугбека и его школы продолжались, все больше дополняя историографию проблемы новыми данными.

По-прежнему остро стоял вопрос и о реконструкции или консервации обсерватории. Архитектор М.С. Булатов, пытался привлечь внимание общественности к проблеме сохранения и разумного использования остатков обсерватории. Именно его проект в 1985 г. был признан компетентными ведомствами наиболее приемлемым (Матвиевская, Соколовская, 1997. С. 102), но и к сожалению, финансовые средства не были найдены, вследствие чего памятник был законсервирован.

Знаменательным событием было четвертое издание «Атласа звездного неба» Яна Гевелия, под редакцией и со вступительной статьей В.П. Щеглова (Гевелий, 1981). Ведущий астроном республики, основатель современной астрономической школы Узбекистана, осветил западную и российскую историографию (XVII – начала XX вв.) улугбековских исследований.

Характеризуя в целом научно-исследовательскую литературу 20-80-х годов, посвященную изучению научного наследия Мирзо Улугбека и прослеженную нами в рамках десятилетий, следует отметить, что каждое из них вносило значительный вклад в изучение проблемы, в каждое десятилетие в научный оборот вовлекался значительный фактический материал, позволяющий осветить различные аспекты научной деятельности ученого.

Вместе с тем, идеологический прессинг не мог не отразиться на характере работ и применяемых учеными методологических подходах. В то же время следует отметить, что в отличие от оценки государственной деятельности Мирзо Улугбека, исследования его научной деятельности носили объективный характер.

Использованная литература

- Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965.
- Ахмедова А., Розенфельд Б. Кто был автором трактата об определении одного градуса // ОНУ. Ташкент, 1975. № 10.
- Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. М., 1964. Т. II. Ч. 2.
- Булатов М. Мирзо Улугбек: свет сквозь столетия // Звезда Востока. Ташкент, 1982. №2.
- Булатов М. Обсерватория Улугбека // Архитектура СССР. М., 1985. № 1.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф. К планировке обсерватории Улугбека по материалам раскопок // ОНУ. Ташкент, 1968. № 2.
- Джалалов Г.Д. Гияс ад-Дин Чусту (Каши) – крупнейший астроном и математик XV века // Ученые записки Ташкентского госпединститута. Вып. VII (Физмат). Ташкент, 1957.
- Джалалов Г.Д. К вопросу о составлении планетных таблиц самаркандской обсерватории // Историко-астрономические исследования. (Далее ИАИ) М., 1955.
- Джалалов Г.Ж. Секстант, как главный инструмент обсерватории Улугбека // Астрономический журнал. М., 1947. Том. XXIV. Вып. 4.
- Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.
- Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965.
- Кары-Ниязов Т.Н. Астрономическая школа Улугбека. Изб. труды. Т. VI. Ташкент, 1967.
- Кары-Ниязов Т.Н. Астрономическая школа Улугбека. М., 1950.
- Кары-Ниязов Т.Н. О некоторые результатах, полученных обсерваторией Улугбека / Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов в 1963 году. М., 1960.
- Кары-Ниязов Т.Н. Обсерватория Улугбека в свете новых данных // Труды научных сессий АН УзССР. Ташкент, 1947.
- Кары-Ниязов Т.Н. Улугбек и Савай Джай Сингх // Физико-математические науки в странах Востока. Вып. I. М., 1966.
- Кравцов Д. Где же скрыта библиотека Улугбека? // Правда Востока. 1962, 10 октября;
- Леонов Н.И. Научный подвиг самаркандских астрономов XV в. М., 1960.
- Масон М.Е. Обсерватория Улугбека. Ташкент, 1941.
- Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968.
- Массон М.Е. Регистан и его медресе. Ташкент, 1926.
- Матвиевская Г.П. К истории математики Средней Азии. Ташкент, 1962.
- Матвиевская Г.П., Соколовская З.К. Улугбек. М., 1997.
- Мирзо Улугбек. Ташкент, 1925.
- Нильсен В.А. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде // Труды Института истории и археологии. Т. V. Обсерватория Улугбека.
- Пугаченкова Г.А. Архитектура обсерватории Улугбека // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1969. Вып. IV.
- Рацек В. Тайна Нияз-тепе // Правда Востока. 1962, 26 октября.
- Савицкий А.П. Заметки о памятнике Улугбеку // Труды ТашГУ. Вып. 169. Исторические науки. Кн. 34. Материалы по истории Средней Азии и Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Собиров Г. Творческое сотрудничество ученых Средней Азии в Самаркандской научной школе Улугбека. – Душанбе, 1973.
- Файзуллаев А.Ф. Вопросы познания в «Зидж»е Улугбека // ОНУ. Ташкент, 1969. № 3.
- ЦГА РУз, ф. 394, оп. 1, д. 3, л. 23а, 34-39, 49, 388, 391; д. 28, л. 380-382.
- Чейлытго В. Наскальные изображения у «Гамерлановых ворот» // Правда Востока. 1940, 8 октября, № 234.
- Шишкин В.А. Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 г. / Известия Академии наук УзССР. Ташкент, 1949. № 3.
- Шишкин В.П. Обсерватория Улугбека и её исследование // Труды института истории и археологии. Т. 5. Обсерватория Улугбека. Ташкент, 1953.
- Щеглов В. Астроном Улугбек // Правда Востока. 1940. № 278.
- Щеглов В. П. Разыщем плиты от квадранта Улугбека // Земля и Вселенная. М., 1980. № 5.
- Щеглов В.П. К вопросу о географических координатах и азимуте секстанта обсерватории Улугбека в Самарканде // Астрономический журнал. М., 1953. Т. XXX. № 2.
- Щеглов В.П. Как я работал над книгой «Ян Гевелий Атлас звездного неба» / Избранные труды. Ташкент, 1989.
- Щеглов В.П. Самаркандская обсерватория Улугбека // Земля и вселенная. М., 1967. № 4.
- Юшкевич А.П. О математике народов Средней Азии в IX–XV веках // Историко-математические исследования. М.-Л., 1951. Вып. IV.
- Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933.
- Ян Гевелий. Атлас звездного неба / Редакция и вступительная статья академика АН УзССР. Ташкент, 1981.

F.Sh. Shamukaramova - Uzbek Investigations on the Features of Mirza Ulughbek's Scientific Heritage

In the 1920-1980s a great number of scientific publications dealing with Ulughbek's scientific heritage were published in Uzbekistan. Investigations of this period are characterised by concrete achievements but also by an inadequate evaluation of historical events related to Mirzo Ulughbek. These investigations were unavoidably ideologically biased and had methodological defects although they did succeed in maintaining an objective nature.

These investigations were unavoidably ideologically biased and had methodological defects although they did succeed in maintaining an objective nature.

*Н.К. Чориев
(Ўзбекистон)*

ШАРҚ УЙҒОНИШ ДАВРИ ВА УЛУҒБЕК АКАДЕМИЯСИ

Улуғбек [1394 йил 22 март - Озарбайжон худудидаги Султония шаҳри - 1449 йил 27 октябрь - Самарқанд] Шарқ ўрта асрлар Уйғониш даври тараққиётининг етук вакили, буюк сиёсий давлат арбоби, подшоҳ, математик ва астроном олим.

Улуғбек 1409 йилдан бошлаб, отаси Шохрух Мирзо томонидан Мовароуннаҳр ва Туркистон мамлакатларининг ҳокими этиб тайинланди ва мамлакатни мустаҳкамлашга жиддий киришди. У 1409-1449 йиллар орасида, қарийб 40 йил давомида давлат сиёсий арбоби - Мовароуннаҳр ва Туркистон ўлкасининг ҳокими сифатида адолатли фаолият юритди. Шу билан бирга илм-фанга нисбатан ҳам катта эътибор қаратди. У 1417-1420 йиллар орасида Самарқанд вилоятининг ҳозирги Регистон майдонида ўз давридаги талабалар ва келажак авлоднинг илм олиши мақсадида, катта мадраса биносини қуришга фармон берган. Улуғбек мадрасаси қурдириб битказилгандан сўнг унинг очилиш маросимида Мавлоно Муҳаммад Хавофийни Бош Мударрис [ректор] этиб тайинлади.

Улуғбек мадрасасининг фаолият бошлаганидан тўрт йил ўтгандан сўнг, 1424 йил кошонлик математик ва астроном олим Ғиёсиддин Жамшид Кошийнинг таклифига биноан, Самарқанд вилоятининг Қўҳак тепалигидаги Обираҳмат ариғи ёқасида катта расадхона қуришга буйруқ берди. Улуғбек расадхонаси 1429 йилда мукамал битказилиб, илмий фаолиятга кирди. Бу расадхонада Улуғбек раҳбарлигида шу даврнинг етук математик ва астроном олимлари:

1. Улуғбек [22.03.1394 - 25.10.1449] - шоҳ, математик ва астроном олим.
2. Ғиёсиддин Жамшид ал - Коший [вафоти 1440] - математик ва астроном олим.
3. Али Қушчи [1402-1474] - математик ва астроном олим.
4. Салоҳиддин Мусо ибн Муҳаммад ибн Маҳмуд Қозизода Румий [1360-Румнинг Бурс шаҳри - 1430/37] - математик ва астроном олим. Улуғбекнинг устози.
5. Мўйиниддин ал-Коший [XV аср] - математик ва астроном олим. Ғиёсиддин Жамшид Кошийнинг жияни бўлиб, Улуғбек таклифига биноан 1416 йилда Ғиёсиддин Жамшид, Муҳаммад ибн Умар Чағминий ва бошқа олимлар билан бирга Самарқанд шаҳрига келган.
6. Мансур ибн Мўйиниддин ал-Коший - математик ва астроном олим.
7. Низомиддин ал-Биржандий [XV аср] - математик ва астроном олим. «Шарҳи «Зижи Курагоний» асарининг муаллифи.
8. Мирам Чалабий [вафоти 1525] - математик ва астроном олим ва табиб.
9. Маҳмуд ибн Умар Чағминий ва бошқа математик-астроном олимлар илмий изланишлар ва коинот юлдузлари ҳамда фазовий сфераларнинг доиравий ҳаракатларига оид илмий кузатишлар ва изланишлар олиб борганлар.

Улуғбек илмий раҳбарлиги ва Ғиёсиддин Жамшид бошчилигида мазкур математик ва астроном олимлар билан бирга астрономия илмининг энг катта комусий асари «Зижи Курагоний» асари ёзиб тугатилди.

Улуғбек раҳбарлиги даврида Самарқанд шаҳрида Мадрасаи Олия ва расадхонанинг бунёд этилиши натижасида Шарқ Уйғониш даврининг илмий-маданий тараққиёти юксалди. Улуғбек ва Ғиёсиддин Жамшид Кошийнинг илмий раҳбарлигида форс тилида ёзилган «Зижи Кураго-

ний» асарида оламнинг эклиптикаси [минтақат ул - бурж - буржлар жойи], экватори, фазовий сайёраларнинг доиравий ҳаракати, туну куннинг алмашуви, Қуёш таквими, 1118 юлдузларнинг номи ва ўрни ҳақида маълумот келтирилган ва Улуғбек илмий мактабининг математик ва астроном олимларининг илмий кузатишлари натижасида 1 йил 365 куну 6 соату 10 минуту 8 секунд ҳажмида белгиланган эди. Бу ҳисобни Ньюкомбнинг 1 йилни 365 куну 9 минуту 6 секунд даражасида белгиланган илмий маълумоти билан таққосланганда Улуғбек ва унинг илмий мактабининг олимлари юксак аниқликка эришилганликлари ёрқин намоён бўлади. Шу билан бирга, Улуғбек академиясининг математик ва астроном олимлари синус, косинус, тангенс ва котангенснинг илмий даражаларини топиб, уларнинг илмий жадвалини тузганлар. Бу олимлар тригонометрик функцияларнинг 1 даражали синусини аниқлаш учун итарацион алгоритмни кашф этганлар. Улар «Пи» сонининг энг аниқ қийматини топганлар. Шунинг учун ҳам самарқандлик тазкирачи олим Давлатшоҳ Самарқандий ўзининг «Тазкират уш - шуаро» [Шоирлар зикри] номли асарида «Улуғбек хандаса илмида Уқлидусга ва нужум илмида Батлимусга ўхшар эди», деб юксак баҳо берган.

Улуғбек ва унинг мактабида фаолият юритган олимлар «Зижи Курагоний»ни ёзишида қадимги Ҳинд мамлакатадаги нужум илмига бағишлаб ёзилган «Синдҳинд» асари, қадимги юнон астроном олими Птолемей [Батлимус] нинг «Ал-Мажастий» китоби, Муҳаммад ал-Хоразмийнинг «Зижи Маъмуний» асари, Абу Райҳон Берунийнинг «Қонуни Маъсудий» си, Умар Хайёмнинг «Зижи Маликшоҳий» китоби ва Насриддин Тусийнинг «Зижи Элхоний» номли астрономик асарлари асосий манба бўлиб хизмат қилган.

«Зижи Курагоний» асарида фазовий жисмларнинг ўрни ва ҳаракатлари ҳақида, нисбатан мукамал маълумотлар келтирилган бўлса-да, аммо унда анъанавий тарзда Птолемей томонидан асосланган геоцентризм назарияси сақлаб қолинган.

Абдурахмон Жомий қаламига нисбат берилган форс тилида ижод қилинган қуйидаги машҳур байтда ҳам унинг математика, геометрия ва астрономия илмлари бобида моҳир олим бўлганлигига ишора этилган:

Чун Улуғбек ба илми хандаса,

Ёфт натвон дар ҳазорон мадраса!

Таржимаси: Улуғбекдек мумтоз олим хандаса илми бобида, минглаб мадрасаларни излаганда ҳам топилмайди!

Улуғбекнинг ноёб истеъдодга эга бўлганлиги ва «Зижи Курагоний» асарининг мазмун-моҳияти ҳақида туркий мумтоз адабиётининг асосчиси Алишер Навоий ўзининг «Фарҳод ва Ширин» достонида ижод этган «Улуғбек мадҳияси» номли махсус бобда шундай тавсифни келтирган:

Темурхон наслидин Султон Улуғбек,

Ки олам кўрмади султон анингдек.

Анинг абнойи жинси бўлди барбод,

Ки давр аҳли биридин айламас ёд.

Валек, ул илм сори топди чун даст,

Кўзи олдинда бўлди осмон паст.

Расадким, боғламиш зеби жаҳондур,

Жаҳон ичра яна бир осмондур.

Билиб ул навъ илми осмоний,

Ки ондин ёзди «Зижи Курагоний».

Қиёматга дегунча аҳли айём,

Ёзарлар анинг аҳкомидин аҳком!...

Мирзо Улуғбек адолатли шоҳ ва илм аҳлининг ҳомийси бўлганлиги билан бирга илм ва шеърятга ниҳоятда мухлис шахс эди. Алишер Навоийнинг «Мажолис ун - нафоис» асарида келтиришича, Улуғбек баъзан шеър назмига ҳам майл этар эди. Улуғбек форс тилида қуйидаги байтни айтган экан:

Ҳарчанд мулки ҳусн дар зери нигини туст,

Шўхи макун, ки чашми бадон дар камини туст!

Таржимаси: Қанчалик давлат узуги қўлингда бўлса ҳам, ҳазил ва шўхлик қилмагилки, ёвуз кишиларнинг кўзлари сен томон қаратилган!

Мирзо Улуғбек даврида Самарқанд академияси - Улуғбек мадрасаси ва Улуғбек расадхонаси асосида ташкил топди ҳамда «Зижи Курагоний» номли қомусий асари тимсолида математика ва нужум илмларининг доират ул-маорифи вужудга келди.

Улуғбек ҳукмронлиги даврида Марказий Осиё мамлакатида Самарқанд илмий-маданий муҳити тараққий этди. Бу даврда турли илмлар: мантик, фалсафа, математика, физика, астрономия, кимё, биология, геодезия, география, тарих, минерология, адабиёт ва бошқа диний ва дунёвий илмлар ривож топди. Унинг даврида меъморий санъат ва архитектура соҳаси ҳам жадал суръатда юксалди. Улуғбекнинг буйруғига мувофиқ Самарқанд шаҳридаги Улуғбек мадрасаси, Улуғбек расадхонаси, Шоҳизинда ансамбли, Бухоро шаҳри ва Ғиждувон туманидаги Улуғбек мадрасалари, Шаҳрисабздаги Улуғбек масжиди ва бошқа меъморий санъатнинг нодир намуналари бунёд этилди.

Фойдаланилган адабиётлар

Мирзо Улуғбек. Илми нужум, Зижи жадиди Курагоний, Тўртинчи китоб. (Таржимон, изоҳлар муаллифи ва нашрга тайёрловчи Ашраф Аҳмад). Тошкент, 1994.

Мамадазимов М. Улуғбек расадхонаси. Тошкент, 1994.

Ҳомидов Ҳ. . Олис - яқин юлдузлар. Тошкент, 1990.

Суханварони сайқали рӯи замин, (Гартибдихандагон: Т. Зехни ва С. Саъдиев). Душанбе, 1973.

Фалсафа қомусий луғат (Тузувчи ва масъул муҳаррир Қ. Назаров). Тошкент, 2004.

Фалсафа изоҳли луғат. Тошкент, 2004.

*М.Н. Абдуллаева, З.Р. Кадырова
(Ўзбекистан)*

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ШКОЛЫ УЛУГБЕКА

Культура - сложный социальный феномен, включающий в себя совокупность ряда общественных явлений. И вполне естественно, что культурный климат воздействует на социальные моменты.

Наука не может развиваться в отрыве от эстетического, этического освоения мира. Те или иные факторы жизнедеятельности людей могут рассматриваться с точки зрения их красоты, моральной и духовной ценности.

Школа Улугбека, внесшая весомый вклад в развитие мировой цивилизации, показала значения нравственно-этических норм, эстетического подхода в освоении действительности. Мировая наука средневековья (XV в.) получила самые точные данные при наблюдениях звездного неба, которые были изложены в «Зидже Улугбека».

С общеметодологических позиций объяснение данному феномену можно найти в преемственности развития астрономической науки, мощным научным, интеллектуальным потенциалом школы Улугбека, особенностями инструментальной оснащённости, а также методами познания, использованными в исследовании звездного неба.

Объект исследования – звезды, их расположение и движение. Астрономические наблюдения, позволяющие найти законы движения звезд, зависят как от субъекта, так и от объекта исследования, от условий, созданных на Земле и расположения небесных светил. Так, необходимо знать «несколько определенных обстоятельств, соответствующих определениям, касающихся сущности планет и лишь в том случае, когда они достигают того положения, могут вести наблюдения» (Из истории науки эпохи Улугбека, 1979. С. 56).

Наиболее адекватное представление о движении светил получают при 30-ти летнем цикле непрерывных, стационарных наблюдений в определенном пункте с известной долготой и широтой. Астрономы ведут постоянные сравнения наблюдений всех времен с теориями и системами, придуманными для обоснования этих наблюдений. В своих астрономических таблицах они отражают законы движения небесных тел. Но астрономические наблюдения невозможно

понять, не зная астрономии того времени, необходимо знать также теории и иметь переводы астрономических таблиц, основанных на наблюдениях того времени.

Наблюдения, приведенные астрономами, имели ценность только в случае объяснения позиций теории, которой пользовался наблюдатель. Без этой теории они не представляют научной ценности. Герменевтический подход, используемый астрономами, позволяет правильно интерпретировать данные наблюдений. Суть герменевтического толкования в астрономии хорошо изложена Беруни (Беруни, 1973. С. 55-56). Взаимосвязь эмпирического и теоретического знания уже на ранних стадиях развития астрономии имела существенное значение для получения адекватного знания.

Выявление детерминированной связи создает возможность точности в наблюдениях, чего нельзя наблюдать в явлениях, подверженных большим флуктуациям.

Европа на протяжении XVII - начала XVIII в по «Зиджу...» Улугбека сверяла уровень и точность своей науки. Тригонометрические таблицы из «Зиджа ...» Улугбека заслуживают внимания и с точки зрения современной вычислительной математики. М.В. Чертов внимательно проанализировал методы составления таблицы синусов, фигурирующих в зиджах, в том числе и в комментариях ал-Бирджанди к «Зиджу...». Полученный исторический материал использован им для обучения школьников и студентов основным приемам программирования (Чертов, 1993. С. 120-135).

Высокий интеллектуальный потенциал ученых школы Улугбека позволил им найти решения многих математических задач задолго до их появления в Европе. Основой становления и развития астрономической школы Улугбека являлась преемственность. Наука – это коллективная деятельность, которая невозможна без постоянного обмена информацией между учеными. В школе Улугбека обмен происходил, во-первых, между предшественниками и их последователями, в силу чего существовала преемственность в развитии научных знаний и шло накопление знаний. Во-вторых, происходит обмен информацией в пространстве - между учеными одного поколения. Средством хранения и передачи информации явилось создание Зиджов. Диалог и дискуссии, как один из методов познания, создают возможность формирования интеллектуальной научной среды для развития творческих способностей личности. Ярким примером этому может служить научное творчество Али-Кушчи, воспитанника этой школы и, в дальнейшем, благодаря его научной деятельности, достижения этого периода стали достоянием Европы. Если выдающиеся достижения ученых средневековой Средней Азии стали достоянием мировой цивилизации начиная с XII в., то этого нельзя сказать о столь же выдающихся успехах представителей школы Улугбека. Замечательное достижение ал-Каши, состоящее в открытии десятичных дробей и применения их в вычислительной практике, не достигло Европы. В конце XVI оно было создано заново, так было и с извлечением корней с помощью метода, который сейчас носит название Руффини - Горнера, правилом возведения двучлена в любую натуральную степень, известным нам как бином Ньютона, использованием терминов «положительной и отрицательной» и т.д. (Розенфельд, 1979. С. 142). Применяемые методы исследования отличались также своеобразием и множественностью (Файзуллаев, 1969. С. 43-45). Применялись методы последовательных приближений, доказательные и т.д. Особое место занимает метод интерполяции, с помощью которого производятся опосредованные вычисления величин. Сам Улугбек разработал несколько способов определения широты любой местности Земли, метод определения углового расстояния между светилами и другие. Благодаря наличию научного метода наука, предстает как коллективный вид деятельности, в которой накапливаются результаты, умножая друг друга.

Основным средством наблюдения был квадрант. Помимо двойного квадранта было немало и других астрономических инструментов. Самаркандская школа, по утверждению Э.С. Кеннеди, достигла самой высокой точности наблюдений в дооптический период.

Уточняя наклон эклиптики к экватору, они ошиблись на 30", у Птолемея - 10'; а у ат-Туси - 2"; определили длину звездного года с ошибкой в 1 мин.

Точность измерения определяется диалектической взаимосвязанностью данных, полученных при помощи квадранта, и методами математических исчислений. Без научного творчества

получаемые данные сводились бы просто к механическому собиранию фактов. Столь точные данные по составлению каталога и таблиц, можно объяснить высоким интеллектуальным уровнем представителей школы Улугбека - Кази-заде ар-Руми, Гийас ад-Дин Джамшид ал-Каши, Али ад-Дин Али ал-Кушчи, Мирим Чемби, Низам ад-Дин ал-Бирджанди, а также использованными математическими исчислениями и сооруженным измерительным прибором.

Многие научные работы, выполненные представителями школы Улугбека, отличались тонкостью и изяществом. Так, например, «Трактат об окружности» заслуженно считается шедевром приближенных вычислений, причем не только по результату, содержащему значение с семнадцатью верными десятичными знаками, но и по изяществу и простоте оценок, экономному выбору запаса точности промежуточных данных и т.д.» (Матвиевская, 1997. С. 68).

Познавая природные явления, сотрудники школы стремились к совершенству, как в теоретической, так и в практической области познания. Идеал совершенства связан с возвышенным представлением об изучаемом объекте исследования. Построение астрономических инструментов, создание математических формул, строительство самого здания обсерватории основывалось на высокой культуре, особенного эстетического видения создаваемого.

Человек, сумевший изящно и просто выразить сложные математические исчисления, испытывает чувство возвышенного. Такая личность не только эстетична, но обладает высоконравственными идеалами. Возвышенное отражает в себе субъективную целесообразность и она создается через соотношение между воображением и разумом (И. Кант).

Эстетика возвышенного содействует раскрытию нравственной ценности личности.

Интерес к научному, светскому знанию, ведущая роль разума как в интеллектуально-образовательной, так и в религиозно-этической деятельности, социально-политической, социально-культурной среде в целом детерминировали развитие естественных наук на Востоке (IX-XV вв.). Выдающиеся достижения данного периода характеризуются не только высоким уровнем логико-методологических подходов, но и нравственно-этическими нормами, которыми руководствовались мыслители и эстетическим видением реальности.

Использованная литература

Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.

Беруни Абу Райхан. Канон Маъсуда. Москва, 1973.

Чертов М.В. Обучение основным приемам программирования на некоторых исторических примерах // Вопросы теории, истории и методики. СПб., 1993.

Розенфельд Б.А. Влияние самаркандской школы Улугбека на развитие математики и астрономии за пределами Средней Азии // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.

Файзуллаев А. Вопросы познания в «Зидж»е Улугбека // ОНУ, № 3. Ташкент, 1969.

Матвиевская Г.П., Соколовская З.К. Улугбек. Москва, 1997.

M. N. Abdullaeva, Z. K. Kadirova — Aesthetic Aspects of the Theory of Reflection Under Ulughbek's School

This article uses the "Ulughbek Ziji" in order to evaluate the theory of Reflection in its aesthetical aspects. The great intellectual potential of the scholars of Ulughbek's school made it possible for them to solve many mathematical problems far before they were solved in Europe. The school representatives strived to reach perfection both theoretically and in practice, in the domain of knowledge and cognition. Their ideal was linked with an elevated imagination on the subject matter under investigation. Their interest towards a scientific, secular knowledge was based on intellectual reasoning leading to the development of natural sciences in the Soghd during this period.

Frederique Beaupertuis-Bressand
(France)

THE TIMURID CULTURAL FLORESCENCE

I'll present in broad terms and briefly the cultural context which will create the conditions for the emergence of prominent figures as Mir Alisher Navai, this great poet and writer, founder of classical Chagatai literature that we celebrate today.

Let's go back to the end of the fourteenth century :

Timur, the founder of the Turco-Mongol Timurid dynasty which reigned from 1370 to 1506, one of the greatest conquerors of Asia, was both destroyer and builder.

He whom nomad ancestors have spent their lives in tents would make Samarkand the capital of an empire, adorned with grandiose monuments .

He has been a great patron of arts , and his politics consisting of sparing after battles the best artists and craftsmen and giving them the means to innovate and use their creative genius to embellish his capital would result in the creation of a very original and syncretic art. This Timurid art experienced its apogee first at the end of the fourteenth century under Timur and Ulug Beg, his grand son, the Prince astronomer, in Samarkand , carried on under the descendants at the end of the fifteenth century in Khorassan , especially in Herat under the reign of Husayn Bayqara., the last Timurid prince. This period of intensive cultural activity is called “ the Timurid renaissance”.

Husayn Bayqara (1438 1506.)

Mirza Sultan ibn Mansur ibn Bayqara ibn Umar Shaikh , known as Sultan Husayn Bayqara, great great grandson of Timur, reigned 40 years in the second half of fifteen century on a reduced Timurid empire, essentially the Khorassan, his capital was Herat

Husayn Bayqara who was really a worldly man, with a very high level of personal culture, refined, a good poet in Chagatai(he wrote with the pen name of Husaini) assembled at his court the best talents , and one of the contemporary writers, Davlatshah, wrote that “his rule was characterized by a general preoccupation with artistry and the fostering of art”.

It is interesting to see how the descendants of Timur , all these Turkish Princes members of the hereditary military elite, became more interested in patronizing the arts than spending time on the battlefields.

Paradoxically, in this period of political disintegration of the Timurid empire, Herat experienced an exceptional florescence and became the cultural capital of the entire Eastern. Islamic world. How can we explain that fact?

Maria Subtelny (1), specialist of that period, made a very good analysis of the socio-economical conditions which prevailed at that time and she explains the role of socioeconomic institutions and of the fiscal system prevailing at that time (system of soyugal , grants of revenue producing land , these revenues being immune from taxation with no interference from the central government and also the system of vaqf, pious endowments, a way to reward members of the religious establishment) and she shows the impact of this system on the broadening of the social bases of patronage. Actually, according to her, that system created the preconditions and context for an extensive cultural patronage.

Cultural patronage was therefore no longer the exclusive prerogative of the Timurid princes, as it used to be under Timur who was the unique patron in a very centralized state.

At the end of the 15 century, we have a society quite different from the one prevailing under Timur and if the Timurid Prince is still very much involved in patronage, many wealthy individuals around him, not necessarily belonging to the elite., become prominent patrons and, Mir Ali shir Navai is one of those.

So who was Ali Shir , this prominent figure so close to the Timurid Prince Husayn Bayqara?

Ali Shir Navai (1441-1501)

Mir Ali Shir, whose pen name was Navai, this famous Chagatai poet, was the scion of a cultured Turkish family of Uighur scribes (bakhshis) who had been working for the Timurid chancellery for a long time (the historian Kwandamir wrote that Ali Shir ‘s ancestors had already close ties with the family of Omar Cheikh, one of Timur’s son, they had ties of fosterbrotherhood –kukaltashi)..

Ali Shir was the foster brother of Husain Bayqara, they have been educated together from childhood and when Husayn Bayqara took the power in 1469 , he promoted Ali Shir to the rank of emir but Ali Shir soon resigned and avoided political functions .

Actually, although he did not belong to the hereditary military Chagatai clan, he had the royal favor and occupied a very peculiar and prominent position of confidant and intimate of the Sultan(mukarrab-ihadrat-i sultani), being therefore closer to the throne than any great political figure.

Sources indicate that “he must have been one of the wealthiest men of this time”, and he used his

personal finance to patronize numerous cultural activities, encouraged many artists and donated 370 monuments to Herat.

The author of *Tarikh-i rashidi*, Muhammad Haidar, wrote that “it was Ali Shir who was responsible for the careers of the most talented people of the time”.

It is true that Ali Shir personally and financially supported matchless painters and miniaturists like Behzad, Shah Muzaffar, calligraphers like Sultan Ali Masshadi, gilders, well known historians like Khwandamir and Mirkhond, many great singers, musicians and composers, writers and poets like Djami, his spiritual master he really admired. He was in a way the most influential figure at the court of Hosayn Bayqara.

But if he was a prominent patron and philanthropist, taking great care of people’s welfare, he is remembered mainly for his literary work in Chagatai, Eastern Turkic literary language, then called Turki, and in a way the continuation of the Karakhanid and Khorezmian languages. There were already good poets writing in Chagatai as Lutfi (2), Sakkaki, Atai, Gadai and the Prince Ulug Beg but Ali Shir Navai was considered as the best poet by his contemporaries.

He forged Chagatai into an instrument of poetic expression, giving it its classical form. His models were Persian masters, Nizami, Amir Khosrow Dilhavi and Djami, -we must not forget that Persian was the court language and the literary language par excellence. He also wrote in Persian under the pen name of Fani (diwan).

I won’t give the list of his works as we have speakers specialists of Chagatai literature in this room, but I will mention only a few one out of the 30 works he wrote: his famous *Khamsa*, a biography of contemporary poets writing in Chagatai (*Madjalis al-nafa’is*) and the treatise comparing the merits of Persian and Chagatai languages (*Muhakamat al-lughatayn*).

We can say that Navai’s works had an influence on later Central Asian writers, beginning with Babur, founder of the Moghol dynasty who wrote his famous *Babur Name* in Chagatai and also on the development of Uzbek language itself, - Navoi being considered as the founder of Uzbek literature and also on Azeri, Turkmen, Uygur, Ottoman Turkish literatures.

The name of Ali Shir Navai is tightly associated with the extraordinary surge of cultural and artistic activity that occurred under the reign of the last Timurid Prince in Khorassan Hosayn Bayqara and with the refinement of mystical poetry reflecting the high level of spirituality of that time.

Literature

1. Maria Eva Subtelny, “Socioeconomic bases of Cultural patronage under the later Timurids”, *International Journal of middle east STUDIES*, Vol 20, n 4, 1988, pp 479-505
2. Lutfi translated in chagatai the “Zafer name “ of Sheref ed din Ali Yazdi

Д. Салоҳий
(Ўзбекистон)

АЛИШЕР НАВОЙИ САМАРҚАНДА

Рубъи маскуннинг сайқали дея таърифланмиш азим шаҳар Самарқанд тарихимизда ўтган кўпгина мутафаккирлар тақдирида ёрқин из қолдирган. Қадимул айёмдан, милоддан аввалги VIII асрлардан буён бу муқаддас юртга қараб йўл олган илм ва маърифатталабларнинг, устоз ва муршидталабларнинг қадамлари тингани йўқ. Шеърят мулкининг соҳибқирони Амир Низомиддин Алишер Навоийни ҳам ҳаётининг энг масъулиятли даврларида шу шаҳар меҳр билан ўз бағрига олган эди. Бунинг натижаси сифатида эса Самарқанд бир умр шоир қалбида нодир инжудек таассурот қолдирди, дилбар инсонларининг сиймоси эса ширин хотира бўлиб муҳрланиб қолди.

Алишер Навоий Мовароуннахрнинг маркази бўлмиш Самарқандни жаннатларга тенглаштириб “Самарқанди фирдавсмонанд” деб атайди. Унинг тасавурида Самарқанд – жаннат, атрофидаги ариқлар ҳам жаннат ариқлари. Руди Кўҳак (Зарафшон дарёсининг) суви асал билан тенгдир.

Ҳазрат Навоийнинг 24-25 ёшларида Самарқандга қилган сафарлари, бу ерда кечирган

ҳаётлари, бу сермашаққат, аммо фараҳли йилларнинг шоир кейинги ижодларига таъсири масалалари самарқандлик олимлар томонидан анча муфассал тадқиқ этилган. Ўтган асрнинг ўрталарида академик Воҳид Абдуллаев улуғ шоиримизнинг Самарқанддаги ҳаётлари ва фаолиятлари ҳақида фундаментал тадқиқот яратди. Бу тадқиқот бугунги кунга қадар ҳам ўзининг юксак илмий қимматини йўқотгани йўқ. Унинг навоийшуносликдаги аҳамияти шундан иборатки, буюк шоир ҳаёти даврларининг Машҳад, Ҳирот (Самарқандга келгунга қадар), Астробод тафсилотлари муфассал ёритилмаган. Фанимиз бу соҳада умумий маълумотлар билан кифояланмоқда. Бунинг ўзига хос сабаблари ҳам бор, албатта. Навоий Машҳадда жуда ёшлик даврларида бўлган. Унинг бу ердаги фаолияти асосан ўқиш-ўрганишдан иборат бўлиб, куршаган адабий-маърифий муҳит ҳақида ўз асарларида маълумотлар қолдирган. Астрободда эса шоир бор-йўғи бир йил бўлган. Шунинг учун унинг бу давр ҳаёти тафсилотларини ёритишнинг мушкуллик жиҳатлари бор. Самарқандда эса шоир онгли ҳаётининг энг жўшқин даври кечди. У бу ерга машҳур шоир бўлиб келди. Самарқанд ҳокими Аҳмад Ҳожибек Вафойи уни ўз мартабасига муносиб тарзда иззат-икром қилди, самарқандлик йирик олимлар унга дарс берганларида алоҳида эътибор билан муносабатда бўлдилар. Аммо, энг муҳим ва жиддий бир масала борки, бу Самарқанднинг ҳазрат Навоийнинг Машҳадда шайх Камол Турбатий, Паҳлавон Муҳаммадлар воситасида шакллана бошлаган фалсафий-маърифий, диний-тасаввуфий қизиқишлари бир ўзанга тушишига йўл очган, бу соҳадаги дунёқароши шаклланишига имкон яратган шаҳарлардан бири эканлигидир. Академик Ботирхон Валихўжаевнинг илмий асосланган мантикий хулосаларига кўра, ҳазрат Навоий Ҳиротдан чиқиб кетишни ният қилар эканлар, қайси шаҳарни танлаш ўзларининг ихтиёрларида эди. Ул зот Камоли Турбатийдек, Паҳлавон Муҳаммаддек дўсту ёрлари бор бўлган ер Машҳадни танлашлари ҳам мумкин эди. Бунинг устига, шоир Ҳиротдан кетишни ният қилган пайтлари отахонлари Саййид Ҳасан Ардашер ҳам Машҳадда эди. Аммо, Навоий Самарқандни танладилар. Чунки, бу ерда ақли камолга етган, қаламининг шуҳрати кенг ёйилган ёш шоирни меҳригё сингари ўзига тортиб турган янги илм – илми ирфон дарғаси, муршиди комил Ҳазрати Носуриддин Хожа Убайдуллоҳ Аҳрори Вали бор эдилар. Навоийнинг Самарқанддаги таҳсил йиллари, ул зотни кўрмаган маънавий, адабий муҳит, шоир ва Абуллайсийлар хонадони, шоирнинг машғулотлари ва билим доираси, адабий фаолияти, унинг Ҳиротга қайтиши ва Самарқанд билан доимий муносабатда бўлиши, Навоийнинг самарқандлик издошлари каби мавзулар академик В.Абдуллаев илмий тадқиқоти ва “Навоий Самарқандда” деб номланган монографиясида кенг таҳлил этилган бўлса, кейинги йирик навоийшунос олим Б.Валихўжаев шоир фаолиятининг янги тафсилотларига аҳли илм эътиборини тортди. Олим Навоийнинг шайх Хожа Аҳрори Вали назарига тушиши, унинг илтифотларига мушарраф бўлиши, йирик фақих Хожа Фазлуллоҳ Абуллайс Самарқандий ва унинг оиласи билан муносабатлари, Самарқандда яратилган ёки бу шаҳар билан боғлиқ асарлари хусусида фикр юритади. У ўзигача яратилган тадқиқотларни тўлдиришга, янги илмий фактлар билан бойитишга интилар экан, шоирнинг нақшбандия тариқатига расман кириши ҳам Самарқанд билан бевосита боғлиқ эди, деган фикрни ўртага ташлайди. Унинг кузатувларига кўра, шоир ўзининг пири, шайх Нуриддин Абдурахмон Жомий билан ҳам Самарқанд сафарида, карвон йўлларида учрашган эди.

Навоийнинг Самарқанддаги адабий-илмий фаолияти ҳали жуда кўп тадқиқотлар учун мавзу бўлиши мумкин. Навоийшунослик соҳасида изланишлар олиб борувчилар шоирнинг бу ерда аниқ ва табиий фанларни ўрганиш бўйича қилган саъй-ҳаракатлари, қизиқишлари доираси ҳақида чуқурроқ фикр юритмоқлари, унинг мактуботи (ёзишмалари)даги Самарқанд билан боғлиқ тафсилотларга аниқлик киритишлари, Самарқанддаги қадамжолари харитаси хусусида ўйлаб кўрмоқлари лозим кўринади. Шоир шеърлятида осмон жисмлари, сайёралар билан боғлиқ чуқур илмий мулоҳазалар кўзга ташланади. Бу унинг Мирзо Улуғбек расадхонасида олган таълими самаралари эмасмикин? Шоир асарларида қимматбаҳо тошлар, жавохирлар ҳақида ҳам теран илмий тушунчалар, ташбеҳлар, бадиий лавҳалар учрайди. Бу бевосита Навоийнинг бирор жавҳаршунос устози ҳам бўлгандир, деган тасаввур уйғотади.

Ҳазратнинг ўз даври мафкураси бўлмиш диний-фалсафий таълимот олишини назарда

тутиб, йирик нақшбандий пир тарбиясига умид боғлаб Самарқандга келгани аниқ. Аммо, нега Хожа Ахрори Вали хузурида илм ҳосил қилиб, унинг “фарзандим” деган илтифотига ҳам сазовор бўлиб, тариқатга расман кирмади? Йирик муршидга мурид бўлмади? Балки, бу ҳодисани 1471 йилгача кечиктирди ва Ҳиротга келгач, Ҳазрати Жомийга мурид сифатида қўл берди?

Бу каби қатор саволларга жавоб топиш учун ҳали самарқандлик толиби илмлар ихлос билан жуда кўп изланишлар олиб боришлари лозим.

Алишер Навоий Самарқандни ўзи учун камолот даргоҳи деб билди. У Самарқандда бўлганидан фахрланар ва жону дили билан севган бу шаҳар анъаналарини умр бўйи ҳамма ерда топишни орзу қилар эди. В.Абдуллаев қайта-қайта таъкидлаганидек, “унинг онгида умр бўйи хаёлдан ўчмайдиган бир муборак ният пайдо бўлди, у шундан иборат эдики, Самарқанд ўз салобати билан ҳунармандчилик, меъморчиликнинг бебаҳо санъат ажойиботлари мужассамланган шаҳар экан, бу шаҳарнинг хуснига доғ туширмаслик, уни янада обод этиш, иложи бўлса, бу ўлканинг ҳам, Хуросоннинг ҳам шаҳарларини яна шу шаҳарга ўхшатиб безатиш, обод этиш мақсади эди”.

Самарқанд ҳам башарнинг покиза фарзанди Алишер Навоийни навқирон йигитлигида қанчалик катта меҳр билан ўз бағрига олган бўлса, унга, унинг халқпарвар ижодига боқий ихлос ва садоқат кўрсатиб келди. XX аср бошларида йўлга чиққан “Самарқанд навоийшунослик мактаби” деб номланмиш зўр нурли қарвон зам-зама билан йўлида давом этмоқда. Унга йил сайин умидли янги кучлар, ёрқин истеъдодлар қўшилмоқдалар. Қадимий маърифат бешиги, қарийб тўрт юз йиллик мустаҳкам пойдеворга эга бўлган Самарқанд Давлат университети буюк мутафаккир номини муборак муҳрига туғро қилгандир. Унинг энг кичик талабасидан тортиб мўйсафид профессорига қадар Ҳазрат Навоий номларини эхтиром билан тилга оладилар. Эзгуликнинг боқийлигига бир мисол шу эмасми?!

Шундай экан, Навоий ва Самарқанд мавзуси ҳам боқий бўлиб қолаверади, унинг бебаҳо ижодиёти хазинаси дурдоналари у севган ва ардоқлаган юрт фарзандлари томонидан кашф этилаверади.

D. Salokhiy - Alisher Navoi in Samarkand

This paper describes Alisher Navoi's visit to Samarkand between 1464 and 1469. Here the great Uzbek poet and statesman was acquainted with Khodzha Akhror Vali, the famous religious leader of the Timurid period, who became his spiritual supervisor. Alisher Navoi also perfected his knowledge of the natural sciences, philosophy and logics.

*P.P. Назаров
(Ўзбекистан)*

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕ АМИРА ТЕМУРА

Держава Амира Темура занимала обширные территории, населенные многими этносами, этническими группами и союзами племен: весь Мавераннахр, Иран, Ирак, Азербайджан, Афганистан, часть Индии и т.д. Поэтому вопрос развития этнических процессов и межэтнических отношений был очень актуален.

Как отмечал академик И.М. Муминов: «Тимур и сам был тюрк и господствующая часть его подданных были тюрки по народности» (Муминов. 1968. С. 33). Но при этом следует отметить, что держава Амира Темура была полиэтническим, многонациональным государственным образованием. В нем проживали представители самых различных народов: тюрки, иранцы, арабы, афганцы, монголы, китайцы, индийцы, калмыки и др., которые к тому же исповедовали самые различные религии - ислам суннитского и шиитского толка, зороастризм, буддизм, различные формы язычества и т.д.

Да и сами тюрки были далеко неоднородны, составляя конгломерат разных родов и племен: кипчаки, карлуки, барласы, огузы, уйгуры и т.д. Так, Улугбек по отцу был из барласов, по матери – из кипчаков (Ахмедов. 1965. С. 7). Амир Темур вел борьбу за власть с амирами племен арлатов, джалаиров, каучинов, пользовавшимися большим влиянием в чагатайской

среде. Наиболее упорное сопротивление Амиру Темуру оказывали джалаиры. Амир Темур опирался в первую очередь на своих соплеменников барласов, а также на найманов и дуглатов (История Казахстана. 2001. С. 206).

Вопросы протекания этнических процессов и межэтнических отношений играли большую роль в политике Амира Темура и Темуридов. По мнению В.В. Бартольда, «... блеском их державы воспользовались их соплеменники, чтобы поднять значение» тюркского этноса, его языка и культуры (Бартольд. 1966. С. 197). Амир Темур унаследовал и соединил две системы государственного управления – тюркскую и арабо-персидскую, на основе их синтеза он смог создать собственную эффективную систему правления (История Казахстана. 2001. С. 208).

При дворе Амира Темура было развито полиязычие. Сам Амир Темур владел тюркским, персидским, монгольским языками (История Казахстана. 2001. С. 207).

Джамалиддин Карши в XIV в. писал о своем старшем современнике, шейхе Хусам ад-дине Асими, что он писал стихи на трех языках: на арабском – красноречивые, на персидском – остроумные, на тюркском – искренние (Бартольд. 1966. С. 195). Кроме этих трех языков (арабского, персидского, тюркского), как языков поэзии, науки, управления, использовались и другие. Например, «до самого конца XV в. мы находим при дворе Тимуридов уйгурских писцов», «факт использования уйгурского алфавита в канцеляриях Амира Тимура и Тимуридов был известен» (Бартольд. 1973. С. 66, 118, 208).

Не только языки, но и другие культурные феномены различного этнического происхождения активно использовались в период Темуридов. Как следует из сочинения «Зафарнома», на мероприятиях по поводу свадеб и других важных событий в жизни Темуридов исполнялись тюркские, персидские, монгольские, китайские, арабские песни и танцы (Муминов, 1968. С. 11). При его дворе исполняли музыку самых разных народов: «А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные и играли, и пели на мотивах по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса монголов, по законам (пения) китайцев и размерами алтайцев» (Векслер, 1965. С. 101).

В «Уложении Тимура» есть целый ряд правил и постановлений, регулирующих те или иные стороны этнических процессов и межэтнических отношений. Среди этих правил и постановлений необходимо отметить следующие: «Правила для колен и орд тюркских, арабских и для всех иностранцев, которые укрывались у меня», «Постановление для расширения моего государства», «Постановления для поддержания сношений и получения сведений о состоянии государств, областей, народа и армии», «Правила обращения с туземцами и колонистами каждой области» и т.д.

В Самарканде в эпоху Амира Темура проживали мастера из Ирана (Исфагана, Шираза и т.д.), Ирака, Египта, Малой Азии, Азербайджана и т.д. Среди них были зодчие, оружейники, ювелиры, резчики по дереву и т.д. Во всех городах Темуридской державы (прежде всего Самарканде и Герате) «жили и трудились выдающиеся поэты и музыканты, ученые и художники, архитекторы и каллиграфы. Многие из них были выходцами из других стран» (История народов Узбекистана, 1992. С. 169). Духовный наставник Амира Темура Саид Барака был по происхождению арабом из Мекки (Бартольд, 1966. С. 51). Под Самаркандом находится селение Димишк (Думшук, Думушк), по преданию основанное Амиром Темуром и населенное арабами - сирийцами из Дамаска. Это селение упоминается, в частности, в «Записках» Ф. Исфакани (Записки Бухарского гостя, 1988. С. 20).

Жена Амира Темура – Туркан-ага, и жена Улугбека – Ога-бегим – были по происхождению из рода Чингизидов, что позволило как Амиру Темуру, так и Улугбеку носить титул «гурган» - зять (История народов Узбекистана, С. 154, 158).

В войсках Амира Темура наряду с уроженцами Центральной Азии служили представители и других народов: иранцы, афганцы, турки, монголы, татары, арабы и т.д. Например, на службе правителей Самарканда, Ташкента, Андижана и т.д. постоянно состояли конные отряды монголов, кочевых узбеков и т.д. (История народов Узбекистана, С. 162).

Наряду с кочевниками – основными поставщиками кавалерии в армию Амира Темура – воинскую службу проходили также представители оседлых народов зависимых стран

(Бартольд, В.В. Т.У. С. 176). Из них формировалась пехота, артиллерия (тупчи), проводники (качарчи), разведчики (хабаргири) и т.д. (История народов Узбекистана, С. 154). Так, в походе на Китай участвовали отряды из Мавераннахра, Туркестана, Хорезма, Балха, Бадахшана, Хорасана, Систана, Мазандерана, Кума, Азербайджана, Ирака (Ахмедов, 1965. С. 13).

В «Уложении Тимура» отмечается, что на протяжении всего периода своего правления он проводил политику популяризации своего государства и своего войска в покоренных областях: «Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа... Во всех делах, касающихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости» (Уложение Тимура, 1992. С. 71).

Клавихо отмечал, что в государстве Амира Темура, и особенно в его столице – Самарканде – проживало много людей самого различного этнического происхождения: арабские ткачи, оружейники, гончары, стекольщики, турецкие каменщики, ювелиры, а также выходцы из Ирана, Китая, России, Европы, Индии, Кавказа и т.д. «Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город... Между ними было много разных племен: турок и арабов, мавров и других народов, армянских христиан и греков-католиков, и наскоринов, и якобитов».

В битве с Баязедом Амир Темура взял в плен не только турок, но и воинов самых различных национальностей – более 20 тысяч сербов, много армян и других христиан (Бартольд, 1966. С. 427). Многие исследователи утверждали, что в войске Баязеда «самым распространенным языком... был славянский» (Бартольд, 1966. С. 427). По рассказу Ибн Арабшаха, в Малой Азии проживало 30-40 тыс. семей «черных татар» («кара татар»), которые кочевали между Амасьей и Кайсарией. После победы над Баязедом Амир Темура увел их в Центральную Азию (Бартольд, 1966. С. 560). Также он переселил в свою державу значительное число представителей народов Кавказа, в частности - армян.

По мнению В.В. Бартольда, один из наиболее выдающихся Темуридов – Улугбек «был проникнут идеей общечеловеческого прогресса, независимого от религиозных и национальных различий; в предисловии к астрономическим таблицам проводится замечательный взгляд, что к самым прочным результатам приводят занятия наукой, т.к. на них не отражается смена религий, национальностей и языков» (Бартольд, 1966. С. 196). Среди друзей и коллег Улугбека были анатолийские турки Кази-заде Руми и Хасан Челеби, иранец Гиясуддин Кашани, таджик Камал Бадахши и т.д. Сам Улугбек прекрасно владел как родным тюркским языком, так и арабским и персидским языками (Вороновский, 1965. С. 118).

В целом этнические процессы и межэтнические отношения периода Амира Темура и Темуридов представляли собой яркий пример развития полиэтнического, поликультурного социума.

Использованная литература

- Мунинов И.М. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии. Т., 1968.
Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Т., 1965.
История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.
Бартольд В.В. Обращение сочинений. Т. У1. М., 1966.
Бартольд В.В. Соч. Т. У111. М., 1973.
Векслер С.М. Очерк узбекской музыкальной культуры до ВОСР. Т., 1965.
История народов Узбекистана. Т., 1992. Т. 1.
«Записки Бухарского гостя» Фазлаллаха Исфакхани (начало XVI в.) // История Узбекистана в источниках. Т., 1988.
Уложение Тимура. Ташкент, 1992.
Цит. по: Мунинов И.М. Указ. Соч.
Фома Мецопский. История Тимур-ланка и его преемников. Баку, 1957. С. 62
Вороновский Д.Г. Астрономы Средней Азии от Мухаммеда ал-Хаваразми до Улугбека и его школы (IX – XVI вв.) // Из истории эпохи Улугбека. Т., 1965.

Nazarov R.R. – Ethnic Processes and Interethnic Relations in Epoch of Temur and Temurids.

The state of Amir Temur's borrowed the extensive territories occupied by many ethnoses, ethnic groups, tribes and the unions of tribes: all Maverannakhr, Iran, Iraq, Azerbaijan, Afghanistan, a part of India, etc. Therefore the question of development of ethnic processes and interethnic relations was very actual. In this article such questions as ethnic structure of the population of the state of Temur and Temurids, changes of the

ethnic structure, mutual relation between various ethnic groups, influence of culture of various ethnic groups on culture of all state are considered. As a whole ethnic processes and interethnic attitudes of period Temur and Timurids, represented a vivid example of development of multiethnic, multicultural society.

*А. Камарзода
(Узбекистан)*

ВКЛАД САМАРКАНДА В РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОКА

В истории мировой цивилизации есть древние города, играющие большую роль в развитии литературы и искусств в Европе: Афины, Рим, Париж, а на Востоке - Багдад, Дамаск, Бухара, Шираз, Табриз, Худжанд и другие. В их числе и Самарканд, который является жемчужиной Востока.

Развитие литературы, особенно сокровищ персоязычной литературы средневековья, связано с этим древнейшим городом. Уже в VI-VII вв. были сложены стихи о Самарканде. В X веке, в эпоху Саманидов, в Самарканде жил и творил родоначальник таджикской классической поэзии Абуабдулло Рудаки.

Еще до XV в. в Самарканде жили и творили такие крупные литературные деятели, как Рашиди Самарканди, Сузани Самарканди, Низоми Арузи Самарканди, Али Шатранджи Самарканди, Захири Самарканди и многие другие.

При Амуре Темуре и Темуридах Самарканд стал центром литературной и культурной жизни большого региона. Поэты этого времени были хорошо подготовлены по различным теоретическим проблемам художественного слова, что особенно явственно сказалось на творчестве таких классиков поэзии, как Абдурахман Джами и Алишер Навои.

Именно в Самарканде родоначальник узбекской классической поэзии Алишер Навои выработал свои литературоведческие воззрения и начал детально анализировать художественные произведения своих собратьев по перу.

В литературоведении этого периода не только разрабатывались важнейшие проблемы поэтики, но и изучалась история литературы. Самаркандец Давлатшах ибн Бахтишах составил "Тазкират-уш-шуаро" (Антология поэтов), содержащую сведения о 160 поэтах X-XV вв.

При Амуре Темуре и Темуридах произведения создавались, в основном, на узбекском и таджикском языках, многие поэты были двуязычными. Слава Самарканда как центра научной и литературной жизни была широко известна на Востоке. В город приезжали не только виднейшие ученые, но и различные поэты из Бадахшана, Карши, Андижана, Бухары, Ташкента, Шираз, Герата и других городов. Выдающийся поэт Абдурахман Джами (1441-1492) побывал в Самарканде три раза. Он установил тесный контакт с самаркандскими поэтами и учеными. Жизнь и творчество выдающегося узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои также тесно связана с Самаркандом. В Самарканде Навои настойчиво расширял свои познания в области астрономии, географии, поэтики, истории, литературоведении.

Пребывание Алишера Навои в Самарканде сыграло большую роль в возмужании и росте его художественного мастерства и литературно-критических взглядов.

Среди литературных произведений этого периода можно особо отметить сочинения, в которых раскрывается жизнь и деятельность торгового и ремесленного слоев населения города.

В XVI - первой половине XIX вв. Самарканд по-прежнему оставался крупным городом. В этот период литературное творчество было развито, главным образом, в ремесленно-торговой среде. Интересные собрания, диспуты с участием известных поэтов, ученых происходили в медресе, частных домах, лавках ремесленников и торговцев, на базарах.

По сведениям Мутриби, которые он приводит в своей антологии "Тазкират-уш-шуаро" в Бухаре того времени было около 350 поэтов, многие из которых являлись уроженцами Самарканда или воспитанниками учебных заведений Самарканда. Выдающийся поэт XVII века Малехо Самарканди в своей антологии «Музокир-ул-Асхоб» (1692) называет около 200 поэтов

Мавераннахра, большую часть которых составляли выходцы из Самарканда или чье творчество происходило в нем.

О литературной жизни XVIII-XIX столетий в Бухарском ханстве (в том числе, Самарканде) и литературных кругов соседних регионов имеются сведения в ряде антологий. Среди названных в этих антологиях поэтов много и самаркандцев.

Во второй половине XIX и начале XX века в Самарканде жили и творили поэты и писатели: Саидахмад Васли, Саидахмад Сиддики Аджи, Мирзо Акрам Фикри, Абдуджалил Писанди, Накибхон Туграл, Ибрагим Джурат и другие, которые затрагивали актуальные темы, выступали с передовыми просветительскими идеями, стараясь поставить литературу на службу народу.

В этот период основатель новометодной школы в Самарканде Абдукадыр Шакури (1875-1943) составил и издал в качестве учебного пособия «Сборник рассказов», в который включил переведенные им на таджикский язык басни И. А. Крылова и рассказы Л.Н. Толстого.

Популяризации художественной и научной литературы на русском, узбекском и таджикском языках способствовало создание в Самарканде в 1894 году типографии. А в 1905 году было начато издание газеты «Самарканд», которая служила и для публикации литературных произведений. В последующие годы в Самарканде издавались и другие газеты и журналы, в которых активно публиковались самаркандские литераторы.

В литературный кружок видного поэта того времени Саидахмада Васли, входили многие поэты: Ходжи Муин Шукрулло, Абдугани Джавдат, Ибрагим Джуръат, Тамхид, Хилъат, Джомеъ, Сипанди, Ходи, Роджи, Мирзо Акрам Фикри и другие. Многие из них творили на двух языках. Для участия в литературных диспутах часто прибывали поэты из Ташкента, Коканда, Худжанда, Бухары и других городов региона.

Зарождение узбекской драматургии и театра также связано с Самаркандом. В этой области активно творили Махмудхожа Бехбуди и Ходжи Муин Шукрулло.

В 20-30-годы благодаря Садриддину Айни – родоначальнику новой таджикской и узбекской литератур, который жил и творил в Самарканде с 1920 года до конца своей жизни (1954 г.), город являлся центром литературной жизни не только Узбекистана, но и всего молодого Таджикистана.

В первой половине XX века в Самарканде жили и творили Абдурауф Фитрат, Мирзо Кукандбой Абдухоликзода, Шокир Сулаймон, Пайрав Сулаймони и многие другие поэты и писатели, которые внесли большой вклад в развитие узбекской и таджикской литератур.

В Самарканде начали свою литературную деятельность видные таджикские писатели и поэты Абдусалом Дехоти, Хабиб Юсуфи, Фотех Ниязи, Хасан Ирфон, Гани Абдулло, Самад Гани, Шамси Кимов, Обид Исмати, Саидризо Ализода, Туракул Зехни, Хабиб Ахрори, Фазлиддин Мухаммадиев, Болта Ортикзода, Шоди Ханиф, Насим Раджаб, Сафия Носирова, писатель и литературовед Расул Ходизода, ученые-литературоведы Рахим Хошим, Холик Мирзозода, Шавкат Ниязи, Джура Бакозода, Хамрокул Шодидулов и другие, которые являются уроженцами Самарканда, а также узбекские поэты и писатели Хамид Олимжон, Шараф Рашидов, Саид Назар, Раъно Узакова, Исмаил Акрам, Мардонкул Мухаммадулов, Барат Байкабулов, Нормурод Нарзуллоев, Хайдар Ях., Асад Дилмурод, Хуршид Даврон, Амон Матчон и многие другие.

Самаркандская литературная школа, созданная Садриддином Айни, впоследствии продолжала свои традиции во главе со знатоком восточной литературы академиком Вахидом Абдуллаевым и его учениками Рахимом Мукимовым, Ботиром Валиходжаевым.

Плодотворно работал литературный клуб, который возглавлял знаток восточной классической литературы, двуязычный поэт Ориф Гулхани. В его доме часто собирались поэты и писатели, ученые, работники искусства, которые слушали и обсуждали свои новые произведения, обменивались творческим опытом.

В XX столетии в Самарканде создавались литературные произведения и на языках других народов.

Русскоязычные поэты и писатели С. Бородин, Е. Березиков, К. Новоселова, В. Данко, В. Микрюков ученые-литературоведы В. Ларцев, В. Благонравов, и многие другие считали Самарканд своей родиной.

В Самарканде жили и творили многие писатели и поэты, пишущие на бухарско-еврейском языке. Среди них Юнатан Кураев (Коргар), Яхиел Акилов, Бенсион Каландаров, Якуб Каландаров, Михаил Завул, ученые-литературоведы Юрий Бабаев, Натан Маллаев, ученый-историк и поэт Михоэл Абрамов и многие другие. В Самарканде также жили и творили писатели и поэты Олтонгли, Шакир Селимов, Иса Абдураман и другие, которые издавали свои произведения на крымско-татарском языке.

Среди современных писателей Самарканда, плодотворно работающих над созданием новых книг - Нусрат Рахмат и Адаш Истад, поэты Душан Файзи, Джамол Сирожиддин, Ориф Ходжи, Олкор Дамин, молодой романист Уйгун Рузиев, русскоязычные поэты Вячеслав Микрюков, Замир Валиев и другие.

Работают литературные кружки при Самаркандском отделении Союза писателей Узбекистана и Самаркандского госуниверситета, в ряде школ Самарканда издаются сборники стихов и рассказов самаркандских авторов в Ташкенте и Душанбе.

На развитие литературы оказывают большое влияние областные газеты «Зарафшон» (на узбекском языке), «Овози Самарканд» (на таджикском языке) и «Самаркандский вестник» (на русском языке), а также издательство «Зарафшон», которое издает, в основном, книги самаркандских поэтов и писателей.

Ныне в Самарканде существует ряд мемориальных литературных музеев писателей, которые включены в карту достопримечательных мест Самарканда. Это дома-музеи Садриддина Айни, Орифа Гулхани, Саидризо Ализода, Ходжи Муин, Фотех Ниязи. Они являются местом сбора поэтов и писателей, поклонников литературы.

Силами самаркандских литераторов в Самарканде часто организуются международные конференции и семинары по проблемам литературы, в работе которых участвуют писатели и ученые из ближнего и дальнего зарубежья.

Одним словом, литература является неотъемлемой частью культурной жизни Самарканда со средних времен и до наших дней.

A. Kamarzada - Contribution of Samarkand to Development of Literature of the East

This article is devoted to the 2750th anniversary of Samarkand. The author determines the place and the role of literal society of Samarkand in restoration and development of world literature and literal ideas beginning from the 10th century to the present time. The author focuses on the development of two languages (Uzbek and Tajik) and literature, which were carried by people of Samarkand. The article is written on the basis of rich material obtained during the centuries.

*Р.Г. Назарьян
(Узбекистан)*

«БАХАРИСТАН» АБДУРАХМАНА ДЖАМИ И ЕГО МЕСТО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРОЗЕ ВОСТОКА

В блестящей плеяде средневековых персоязычных поэтов одно из первых мест, несомненно, принадлежит Абдурахману Джамии. Человек этот, оставивший яркий след в литературе, прославил себя и как выдающийся филолог, музыковед, философ и теолог.

Великий хорасанец – почти вся его жизнь прошла в Герате – прекрасно владел всеми жанрами восточной поэзии. Его творческое наследие весьма разнообразно: оно включает в себя газели и рубаи, месневи и муамма, касыды и кит’а. Три дивана его газелей как бы венчают собой классическую поэзию на языке фарси, делают Джамии ее завершителем.

Однако широкую известность на Востоке приобрели не только его стихи, но и прозаическое произведение «Бахаристан» («Весенний сад»). Это сочинение, созданное Джамии незадолго до смерти, стоит как бы особняком в его творчестве. Существует несколько версий о при-

чинах, побудивших знаменитого и повсеместно прославленного семидесятитрехлетнего поэта, обратиться вдруг к художественной прозе.

Одни исследователи, не мудрствуя лукаво, объясняют этот феномен весьма просто: дескать, престарелый поэт как бы составил для своего малолетнего единственного сына «книгу для чтения», своеобразный сборник этических и эстетических иллюстраций к канонам средневековой эпохи, поданных в увлекательной и доходчивой художественной форме. И хотя суждение это действительно находит свое подтверждение в авторском предисловии Джами к «Бахаристану», возникает все же некоторое сомнение в исчерпанности высказанного довода – неужто только отцовское чувство подвигло известного поэта на столь рискованный шаг?

Будучи признанным на всем Востоке автором поэм и касыд, рубаи и газелей, Джами, впервые обратившись к новому для себя поприщу прозы, пошел на явный риск. Он мог потерять свою славу в случае творческой неудачи, мог и просто не закончить задуманную книгу в связи с преклонным возрастом. Но самая главная опасность заключалась в том, что гератский стихотворец «замахнулся» на авторитет Саади Ширази, автора знаменитого «Гулистана» («Розового сада»), который в то время «почитался совершеннейшим образцом художественной прозы на языке фарси» (Занд, 1984). Можно предположить, что Джами, достигнув вершины поэтической славы, намеренно решился помериться силами с Саади, равновеликому как в своих стихах, так и в прозе.

В средневековой персоязычной литературе существовала традиция поэтических состязаний – назира. Суть ее состояла в том, что мастера слова создавали своеобразные «ответы» на уже известные сочинения своих предшественников. При этом они, сохраняя художественную систему, приемы, метрику и рифму своих визави, стремились превзойти этих поэтов или, в крайнем случае, не опуститься ниже их художественного уровня. В означенную эпоху обращение к чужим сюжетам и темам, уже использованным в литературных творениях предшественников, вовсе не считалось зазорным и было весьма распространено как на Востоке, так и в Европе.

Джами, будучи сыном своего времени, тоже не чуждался этой традиции: его известные философские касыды «Бездна тайн» и «Полировка духа» являются «ответами» («назира») на аналогичные сочинения Амира Хосрова Дехлеви, который, в свою очередь, тоже «отвечал» на более ранние касыды Хакани. Есть в творческом наследии Джами и газели, тоже представляющие собой назира на произведения гениального лирика XIV века Хафиза Ширази. К тому же вполне очевидно, что собрание поэм Абдурахмана Джами «Хафт авранг» («Семь престолов») тоже представляет собой назира на знаменитые «Хамсе» («Пятерицы»), как того же Амира Хосрова Дехлеви, так и Низами Гянджеви, правда, несколько выбивающиеся из привычной традиции.

По утверждению одного из исследователей литературы средневекового Востока, традиции «ответов» проникли в персоязычную художественную прозу уже в XII веке.

В качестве примера можно назвать две книги «Синдбаднамэ» и четыре книги «Калилы и Димны», принадлежащие разным авторам. Все названные произведения представляли собой образцы так называемой «обрамленной повести», в которой прозаический текст перемежался стихотворениями: яркой иллюстрацией сказанному может служить широко известное сочинение «Тысяча и одна ночь». Как в арабской, так и в персидской литературе средневековья для наименования подобных творений пользовались термином «садж».

Некоторые исследователи склонны связывать возникновение саджа с появлением «Гулистана» Саади. Однако, как нам представляется, Саади лишь несколько видоизменил существовавшую и до него форму, превратив ее тем самым в самостоятельный жанр. Его «Розовый сад» стал недостижимым образцом названного жанра, ибо никто из персоязычных поэтов не владел столь виртуозно рифмованной прозой, как Саади. Уже при жизни автора «Гулистан» пользовался на Востоке широчайшей известностью и популярностью, а первый «ответ» на него был создан лишь почти столетие спустя.

Автором его был Муин ад-дин Джувайни, сочинение которого называлось «Нагаристан» («Картинная галерея»). Однако же, несмотря на усилия своего создателя стать равным Саади, назира эта явно не удалась и оставила читателей совершенно равнодушными: вряд ли и

теперь кто-либо, кроме историков средневековой литературы, знает о существовании «Нагаристана», да и самого Джувайни. Характерно и то, что Джами, восхваляя Саади как своего великого предшественника, даже не упоминает Джувайни, хотя «Бахаристан» обнаруживает явное знакомство с его сочинением. Следует предположить, что гератский поэт просто не считал автора «Нагаристана» достойным того, чтобы его имя было упомянуто в «Розовом саде» рядом с именем Саади.

Из этого со всей очевидностью следует, что Джами полагал себя первым «ответчиком» на творение Саади, которое...

*Не «Гулистан», а сад средь кущей рая,
Где даже пыль, трава его сухая
Благоухает, будто амброй вея,
Где главы – двери в райские аллеи...*

«Вдохновившись благословенными речениями шейха Саади и следуя его утонченным стихам, - писал в предисловии к «Бахаристану» Джами, он предпринял попытку «сочинить несколько страниц в его стиле и составить несколько глав в его духе, чтобы поведать их внимающим и подарить отсутствующим».

Если провести сопоставительный анализ названных произведений, то можно утверждать, что «Бахаристан» Джами не просто назира (ответ) на гениальное творение Саади. Гератский поэт явно вступает в творческое состязание со своим великим предшественником из Шираза на поприще прозы, и его создание никоим образом нельзя считать лишь подражанием, ибо оно, смеем заметить, конгениально «Гулистану». И потому этот творческий поединок гигантов средневековой художественной мысли скорее напоминает состязание – мушоиру, в которой вовсе нет надобности определять победителя.

Примечания

Сказки «Тысячи и одной ночи» повсеместно именуемые арабскими, на самом деле являются блестящей литературной мистификацией малоизвестного французского литератора.

Использованная литература

Занд М. О «Весеннем саде» и его создателе // Абдурахман Джами. Весенний сад. «Ирфон», Душанбе, 1984.

R. G. Nazaryan — “Baharistan” of Abdurahman Jami and its Place in Medieval Eastern Prose

Abdurahman Jami is one of the most brilliant Persian poets. He became famous as a linguist, philosopher and theologian. He was also famous for his verses and prose works such as “Baharistan”, Spring garden, which he wrote at the end of his life. A detailed comparative analysis of his work shows that it was not just a copy of a similar poem by Saadi, his well known predecessor from Shiraz, and that neither work can be considered superior to the other.

ЎЗБЕКИСТОН ФАНИ ВА МАДАНИЯТИНИНГ ЖАҲОН ЦИВИЛИЗАЦИЯСИДА ТУТГАН ЎРНИ

Д. Юсупова
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНДЛИК ОЛИМЛАРНИНГ ЖАҲОН МАДАНИЯТИГА ҚЎШГАН ҲИССАСИ

Ер юзининг сайқали деб аталган муаззам ва мўътабар Самарқанд жаҳон фани ва маданияти тараққиётига улкан ҳисса қўшган буюк сиймоларни ўз бағрида тарбиялаб камолотга етказди.

Бугунги кунда биз VIII асрдаёқ Самарқанда туғилиб, замонасининг фалсафий мафкурасини кўрсатиб берувчи асарларнинг муаллифлари, машхур муҳаддис, хофиз ва бошқа донишманд кишилар ҳақида маълумотга эгамиз.

IX асрнинг иккинчи ярмида эса Мовароуннахрнинг маданий ҳаётида янги давр бошланади. Халифалик ҳукмронлиги тугаб, мустақил Сомонийлар давлатининг қарор топиши билан маданий ҳаётнинг жонланиши учун кенг йўл очилади. Бу давлатнинг энг йирик шаҳарлари, жумладан, Самарқанд илмий ва маданий марказ сифатида тез суръатлар билан тараққий қилган.

Сомонийлар давлатининг ташкил топиши ва Хоразмнинг юксалиши сиёсий барқарорлик ва иқтисодий кўтарилиш, маданий ҳаётнинг равнақиға имкон берди. Бу даврда Самарқандда илм аҳлининг ҳаммаси ҳам қози, имом бўлавермай, улар орасида дунёвий илмлар - табобат, ҳандаса, математика, кимё, фалакиёт, фалсафа, мантик, тарих ва бошқа соҳалар бўйича мукамал билим орттирган олимлар ҳам етишиб чиққан.

Амир Темур ва Темурийлар ҳукмронлик қилган даврларда мамлакатда маълум даражада қарор топган осойишталик туфайли қадим замонлардан давом этиб келаётган анъаналар асосида илм-фан ва маданият янада жонланди ва кейинги даврларда ривожланишига замин яратилди.

Самарқанд тарихи, аҳолисининг ўтмиш ҳаёти, фани ва маданиятининг тараққиёт жараёни билан боғлиқ бўлган бу ерда яшаб ижод этган олим ва хаттотларнинг юзлаб қўлёзмалари бизгача етиб келган.

Самарқандлик олимлар ижтимоий фанлар билан бир қаторда аниқ фанлар билан ҳам шуғулланганлар ва фаннинг ҳар икки соҳаси бўйича асарлар ёзиб қолдирганлар. Масалан, IX асрда Самарқанд Сўғдида яшаб ижод этган мусиқашунос ва араб аруз вазнида биринчи бўлиб форс-тожик тилида шеър ёзган Абу Ҳафс Сўғдий, IX асрда яшаб ижод қилган машхур қонуншунос ва бир қанча тарбиявий асарларнинг муаллифи Абу Лайс Самарқандий, XI-XII асрларда Самарқандда яшаб ижод этган, Самарқанд тарихи ҳақида араб тилида ёзилган «Китоб ал-қанд фи тарих Самарқанд» асарининг муаллифи Нажмиддин Абу Ҳафс Самарқандий, Амир Темур томонидан Самарқандга таклиф қилинган исломшунос олим Саъдуддин Тафтазоний ва бошқалар ўз даврларда ижтимоий фанлар тарққиётида катта из қолдирганлар.

Самарқандлик олимлар қадимдан астрономия, математика, табобат ва география каби аниқ фанларни зўр қизиқиш билан ўрганганлар. 865-866 йилларда Мавороуннахрда юлдузлар илми билан шуғулланган Муҳаммад ибн Аҳмад Самарқандий, Сулаймон ибн Исма Самарқандий, Абу Муҳаммад Ато Самарқандий, шунингдек, Мирзо Улуғбек астрономия мактабининг намоёндалари – Қози-зода Румий, Ғиёсуддин Жамшид Коший, Али Қушчи, Мирам Чалабий ва XII-XIII асрларда яшаб ижод қилган математик олимлар – Шарафуддин Самарқандий ва Шамсуддин Самарқандийлар шулар жумласидандир.

Марказий Осиёда, жумладан, Самарқандда табобат илми билан шуғулланиш жуда эрта бошланган. Хусусан, Шарқ ва Ғарбга машхур бўлган бухоролик олим Ибн Сино (980-1037) ва Тошкент яқинидаги Овлиқ қишлоғидаги етишиб чиққан Илоқий (ваф. 1068 й.)ларни келтириш мумкин. XII асрнинг машхур табиби ва доришуноси «Қарободин» номли фармакологияга оид

асарнинг муаллифи Бадруддин Самарқандий ўзининг мураккаб дориларга бағишланган ушбу асарида Ибн Синонинг «Қонун фи-т-тибб», Абу Бакр ар-Розийнинг (865-925) «ал-Ҳовий», «ал-Комил» ва бошқа Шарқ олимларининг кўпгина тиббий китобларидан кенг фойдаланган бўлиб, Самарқандлик машҳур табиб Нажибуддин Фаҳруддин Розийнинг замондоши бўлган. У табобат илмини юнон олими Гиппократ (м.авв. 460-377 йй.), арабийнавис Али ибн ал-Аббос ал-Мажусий (ваф. 994-995 й.) ва Ибн Сино асарларини мутолаа қилиш орқали ўрганган эди. У ҳар бир касаллик учун қандай таом истеъмол қилиниши ва ҳамда дориларни тайёрлаш усулларига оид бир неча асар яратган.

XV-XVI асрларда Марказий Осиё шаҳарларида, айниқса, Самарқандда узоқ вақт яшаб ижод қилган табиблардан бири Султон Али Хуросоний 40 йил давомида беморларни даволаган ва иш жараёнида ортирган тажрибалари асосида тиббиётга оид иккита қўлланма ёзиб қолдирган.

Географияга оид асарларнинг муаллифи Хожи Абдуррахмон Қорий Самарқандий ва машҳур таржимон – олим Мирзо Самарқандийлар қаторида айрим фикҳ, ҳадис олимлари ҳам яшаб ижод қилганлар. Уларнинг асарлари мактаб ва мадрасаларда қўлланма сифатида ўқитилган.

Нажмуддин Абу Ҳафс Самарқандий, Гиёсуддин Жамшид Коший, Улуғбек, Али Кушчи, Абдурраззоқ ибн Исҳоқ Самарқандий, Давлатшоҳ Самарқандий, Фазлуллоҳ ибн Рузбехон Исфаҳоний, Саййид Роқим Самарқандий ва бошқа самарқандлик олимларнинг асарлари XVII асрдан бошлаб олмон, француз, инглиз, турк, рус, ўзбек тилларига таржима қилиниб, илмий тадқиқотларга кенг жалб этиб келинмоқда. Хуллас, самарқандлик олимлар ўз фаолияти билан жаҳон маданиятига салмоқли ҳисса қўшганлари, шубҳасиз.

D. Yusupova - Contribution of the Samarkand Scholars to the World Culture

In this article the author describes the life and activities of Samarkand scholars (lawyers, mathematicians, astronomers, geographers, physicians, historians, and cultural workers), people who lived and worked in the 8th-19th centuries in Samarkand; their contribution to the development of the world culture is studied. An overview is given on information about the most fruitful scholars from Samarkand, where the author elaborates a chronological table with the names of scholarly works and brief comments on the them. All given data is in the chronological order and classified according to subjects.

*P. Сулейманов
(Ўзбекистан)*

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИВОПИСИ СЕВЕРНОЙ СТЕНЫ ДВОРЦА САМАРКАНДА VII ВЕКА

Еще раз стоит остановиться на содержании живописи северной стены дворца Афрасиаба. Она отличается сравнительно хорошей сохранностью. Что касается толкования содержания сцен этой живописи, то первое принадлежит Л. И. Альбауму, опубликовавшему живопись. Она сугубо материалистична и предполагает, что сцены северной стены отражают события, связанные с путешествием посланцев Китая в Самарканд ко двору Вархумана (Альбаум, 1975. С. 60-73).

Вторая и последняя версия живописи северной стены принадлежит М. Компарети и С. Кристоферетти С. Эта версия опирается на содержание западной части живописи, изображающей лодку с головой орла или грифона, в которой плывут женщины. Изображение второй лодки плохо сохранилось, можно лишь понять, что она еще у причала, в ней сидят мужчины и что-то еще загружают в нее (Альбаум, 1975, рис. 18-21, табл. 25-29). Авторы считают, что северная стена дворца Афрасиаба изображает сцены празднования дня кораблей-драконов, который в середине 7 в. совпал с празднованием дня Навруза у согдийцев (Compareti, Cristoforetta, 2005).

Авторы пишут о том, что с поздниханьской (III в.) эпохи в Китае известен праздник лодок-драконов, который согласно китайской легенде связан с преданием о трагической судьбе Ку

Юана – одного из министров царства Чу, жившего в эпоху воюющих царств (453-221 гг. до н.э.). Оклеветанный своими противниками при дворе и несправедливо наказанный правителем Ку Юан утопился в реке. В дальнейшем была осознана эта несправедливость. Поиски его тела в реке не дали результатов. В честь этого события люди стали бросать в реку еду, чтобы отвлечь рыб от останков Ку Юана. С тех пор в Китае в пятый день пятого месяца по лунному календарю ежегодно повторяется это жертвоприношение водной стихии, особенно в конце весны – начале лета. В этот день организуются гонки лодок в виде драконов, и люди бросают в воду рисовые лепешки, завернутые в листья бамбука (Compareti, Cristoferetti, 2005).

Авторы предполагают, что сцены лодок с пассажирами на левой половине и сцены охоты на правой половине северной стены живописи центрального зала раннесредневекового дворца Афрасиаба в Самарканде, известного как дворец Вархумана, могли изображать правителя Танского Китая в момент участия его в традиционном китайском празднике лодок-драконов. Отмечается также, что в этом китайском празднике слились воедино различные древнекитайские ритуалы, связанные с культом водной стихии.

На этой основе предполагается, что в один из годов третьей четверти VII века незадолго до первого захвата арабами Самарканда дни согдийского праздника Навруза и китайского праздника лодок-драконов совпали, что и было отражено на южной и северной стенах живописи.

Однако в живописи северной стены есть детали, противоречащие гипотезе о празднике лодок-драконов. Основная лодка, в которой находятся десять женщин, имеющая носовую часть, украшенную головой животного, изображает не голову дракона – водного мифического существа, а голову грифона с большим орлиным клювом, и, судя по ярко-желтому цвету, голова и шея этого, безусловно, фантастического существа позолочена (Альбаум, 1975, табл. 37). Корпуса обеих лодок окрашены в красный цвет. Причем в сцене присутствуют фигуры двух плывущих в воде коней, традиционно использовавшихся до 20 в. при переправе через Амударью в качестве тягловой силы. Сами авторы отмечают, что кони не участвуют в празднествах драконов-лодок Китая. Следует также отметить, что охота на хищников – традиционное праздничное развлечение аристократии и ритуал поминовения, связанный с культом предков скифо-сарматских и тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Также учитывая вышеотмеченные противоречия, можно предположить и другое истолкование сцен северной стены дворца Афрасиаба, связанное с влиянием митраизма на китайский буддизм, а также с тематикой заупокойных культов.

Вторая левая половина картины с лодками, в которых сидят пассажиры, тоже находит свои эквиваленты истолкования в ритуалах и мифологических представлениях китайцев танского времени. Я имею в виду культ буддийского божества Амитабы, Амиты или Миты.

В IV-V вв. после смерти знаменитого основателя крупнейшего буддийского монастыря в Саньяне Дао-аня, известной фигуры в развитии буддийской философии, в Китае ему наследует его выдающийся ученик Хуэй-юань. Он тоже был пропагандистом учения Будды в Китае, но в отличие от своего учителя он установил культ Амитабхи, Будды Западного рая или Чистой земли. В начале V в. Хуэй-юань совершает обряд поклонения Будде Амитабе, после чего начинается распространение амидизма в Китае, а затем Корею и Японию. Большинство специалистов культ Амитабы в буддизме считают влиянием на буддизм древнеиранского божества света Митры, хотя божество Митра или Михра был известен индоариям задолго до Будды, но затем был заменен близким по функциям божеством Индрой.

Вопрос древнеиранских митраистских корней в буддизме Китая подробно рассмотрен в специальной статье Е.Б. Поршневой (Поршнева, 1977). В своей статье автор подчеркивает, что сама этимология имени Будды Амитабхи означает бесконечный свет, что полностью отвечает сущностному содержанию Митры. Считается, что культ Митры проникает в буддизм сначала в Непале и затем переносится на почву Китая (Zurcher, 1959).

Существенным отличием культа Амитабы было учение о загробном воздаянии за подвижничество в этом мире. Амита считался хозяином рая, который находился в западных землях. Е.Б. Поршнева приводит описание гравюры из книги Я. Грота, где представлен «корабль спасения», наполненный пассажирами, плывущими сквозь море, покрытое лотосами, в рай Ами-

ты, расположенный далеко на Западе (Поршнева, 1977. С. 208). Попутно отметим, что на живописи северной стене дворца Афрасиаба обе лодки с пассажирами отправляются в западном направлении по водной стихии, украшенной цветущими лотосами.

Подписи гравюры гласят, что Будда Амида принимает добродетельных в рай, которые должны возродиться на Западе во владениях Амиды. Отмечается, что рай Амиды как загробное воздаяние есть выход из круга перерождений и достижения бессмертия на том свете. Здесь, подчеркивает автор, ясно проявляется сущность загробного воздаяния, типичная для митраизма. То есть рай был вознаграждением за нравственные подвиги людей на этом свете, что тоже перекликается с сущностью Митры – хранителя нравственности.

Амитаба как и иранский Митра, бывший спутником Анахиты, имеет свою спутницу – богиню милосердия Гуань-инь, которая ранее была бодхисатвой Авалокитешварой. По средневековой китайской легенде Гуань-инь возникла из луча света из правого глаза Амиды. Именно Гуань-инь, богиня милосердия и сострадания, управляла «кораблем спасения», переправляя души приверженцев Будды Амиды в Западный рай (Doze, 1911-1938 по Поршневой, 1977. С. 209). Целый ряд эпитетов Гуань-инь соответствует характеристике Анахиты, что приводит Е. Б. Поршневу к выводу о влиянии образа Анахиты на китайскую Гуань-инь, особенно это касается водной сущности ее и подательницы жизни. Хотя отмечено, что в танское время образ Гуань-инь встречается в изображениях Дуньхуана еще редко (Меньшиков, 1980).

В лодке с орлиной головой на носовой части в сцене северной стены дворца Афрасиаба среди десяти женщин, плывущих в лодке, центральная, увеличенная персона, обращенная анфас зрителю, в то время как остальные персонажи обращены к ней, и могла быть образом Гуань-инь, переправляющей души усопших через водную стихию в Западный рай. Возможно даже, под раем подразумевался Самарканд, отличающийся прекрасной природой, который символизировала сцена западной стены зала дворца Афрасиаба.

В свете этой версии толкования левой части изображений северной стены дворца Афрасиаба вспоминается истолкование сцен южной стены дворца, где по Ю.А. Мотову были изображены мистерии, посвященные культу Митры и Анахиты (Мотов, 1999).

О сюжете правой половины сцены северной стены дворца Афрасиаба следует отметить, что сцены царской охоты были всегда одним из популярных изобразительных сюжетов на древнем и средневековом Востоке. Скорее всего, здесь следует видеть царскую охоту правителя Танской державы, как считают М. Компарети и С. Кристоферетти. В это же время сцены царской охоты известны как в настенной живописи Пенджикента, Варахши, так и в торевтике Ирана (Луконин, 1977, рис. 164-167).

Вероятно, и сцена с лодками на воде, и сцена охоты были связаны с заупокойным культом предков.

В настенной буддийской живописи танского времени в эпоху создания живописи дворца Афрасиаба повсюду в Китае и в пещерных храмах Дуньхуана были распространены композиции с фигурой Будды Амитабы, в центре, окруженном сонмом святых (Меньшиков, 1980. С. 169).

Можно допустить, как и в случае предположения Ю.А. Мотова, что на северной стене изображены персонажи, разыгрывавшие священные мистерии, посвященные божествам Будды Амитабе и его спутнице Гуань-инь, так как никаких атрибутов божеств или каких-либо иконографических признаков их они не имеют. Во всяком случае, персонажей с коронами или другими инсигнициями власти в живописи дворца Афрасиаба не сохранилось, лишь центральная крупная женская фигура, которая могла символизировать роль Гуань-инь, имеет на лобной части головного убора четырехлепестковую розетку (Альбаум, 1975, рис. 21).

Характерно, что все пассажиры этой лодки, за исключением кормчих, находящихся на корме и носовой части с веслами, и двух музыкантов на корме, сопровождающих пассажиров, имеют прически с шиньонами, украшенными по бокам крыльями, как на коронах правителей сасанидов-эфталитов и небесных или венценосных персонажей живописи Пенджикента и Варахши. Эти крылья в виде ромбиков с оперением, возможно, генетически были связаны с архаическим обычаем украшать голову парой перьев хищной птицы, самый ранний пример чему

дает загробный костюм принца из сакского кургана Иссык в Семиречье. Но в данном случае они могли свидетельствовать о приобщении этих персонажей к сонму бессмертных в рае на западе.

Использованная литература

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 2000.
Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
Меньшиков Л.Н. Амиабха//Мифы народов мира, т.1, М., 1980.
Меньшиков Л.Н. Гуань-инь //Мифы народов мира, т. 1, М., 1980.
Мотов Ю.А. Изображение мистерии праздника Михраган в настенных росписях Афрасиабского дворца // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. Алматы, 1999.
Поршнева Е.Б. Трансформация древнеиранского культа бога Митры в раннехристианских сектах и тайных обществах средневекового Китая//Китай: история, культура и историография. М, 1977.
Compareti M., Cristoforetti S. Proposal for a New Interpretation of the Northern Wall of the “Hall of Ambassadors” of Afrasiab // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года. Санкт-Петербург, 2005.

R. Suleymanov - To Interpretation of Painting on the Northern Wall of the Samarkand Palace of the 7th century

This article proposes the new interpretation of the wall paintings on the northern wall of the palace at Afrasiab Site (Samarkand). The author suggests that the scenes of hunting and the boat with a griffon's head at the front should be linked to ancestor worship and burial cultic themes. It may also be possible that these scenes show figures representing sacred mysteries dedicated to Buddha Amitaba and his companion Guan-in. Some of the characters in the boat have decorative hairdos with wings at the side. It is likely that these characters were closely linked with the eternals in paradise, which are familiar in the West.

*Г. Бабаяров, А.В.Кубатин
(Узбекистан)*

К НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ ПРАВЯЩЕГО РОДА САМАРКАНДА ИЗ НАДПИСЕЙ В РОСПИСЯХ АФРАСИАБА

Живопись Афрасиаба, являющаяся ярким образцом изобразительного искусства Средней Азии эпохи раннего средневековья, дает ценные сведения не только о культурной жизни, но также и о социально-политической ситуации той эпохи.

Настенные росписи Афрасиаба, хотя и являлись объектом изучения ряда исследователей, но до сих пор остались не решенными некоторые связанные с ними вопросы. В частности, остается дискуссионной интерпретация согдийских надписей имеющих на поле халата одного из персонажей. Особое место среди них занимает имя правителя с его родовым именем.

Первый исследователь этих надписей, В.А. Лившиц сначала прочел имя личности, упомянутой в качестве правителя Самарканда под вопросом как *'βrγwm'n 'wnγw MLK'* - “хуннский (?) царь Авархуман” (История Самарканда, 1969. С. 138; Лившиц, 1973. С. 25-26; Альбаум, 1975. С. 54). Позже он посчитал нужным читать это выражение как *'βrγwm'n 'wnš'γw MLK'* - «царь Авархуман (из рода) Унаш». По его мнению, чтение слова *'wnš'γw* как “Унаш” имеет под собой основание. Так как это слово, является этнонимом, его параллель встречается в китайских источниках в виде *Вын шу*, которое является родовым именем царей Согда (Лившиц, 1973. С. 25-26; Альбаум, 1975. С. 54-55; Исхоқов, 1989. С. 79). В.А. Лившиц также нашел этот этноним на согдийских монетах и предложил вместо предлагавшихся чтений О.И. Смирновой легенды на одной из монет *mrtn'wy'n MLK'* или *m'stn 'wyn? ('wy'n?) / MLK'* – «царь Мастан-~?» или «Мастан царь ~» (Смирнова, 1981. С. 126, № 168) читать как *m'stc 'wnš* – «царь Мاستич (из рода) Унаш” (Лившиц, 1973. С. 25-26; Livsic, 2006. Р. 61-62). Это мнение В.А. Лившица было поддержано рядом исследователей и до сих пор имеет место в некоторых работах (Наумарк, 2004. Р. 227). В частности, данное сведение о роде Унаш нашло отражение в работах Л.И. Альбаума, М. Исхакова и др. (Альбаум, 1975. С. 54-55; Исхоқов, 1989. С. 79). Однако в свое время некоторые исследователи не были полностью согласны с чтением В.А.

Лившица. Так, Б.Г. Гафуров в своем произведении “Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история”, хотя и приводит перевод надписи Афрасиаба, сделанный В.А. Лившицем, однако оставляет открытым место, где должен быть перевод выражения *'wɲw MLK'* (Гафуров, 1972. С. 251-252).

Не так давно В.А. Лившиц в подтверждение своего вышеупомянутого мнения о надписях Афрасиаба приводит дополнительные данные. Так по его мнению, одно из древних названий *Su-t'e* (Согд) *Wen-na-sha* (Выньнаша), упомянутое в китайских хронике Чжоу-шу (629 г.), можно сопоставить с *'wnš'w/'wnš* – “Унашу (или Уншу)” надписей из Афрасиаба (Livsic, 2006. P. 62, p. 1).

Ясность в чтение и интерпретацию надписей Афрасиаба вносят сведения китайских источников и нумизматический материал.

Так, сведение о происхождении правителей Кана (Самарканд), правивших в первой четверти VII в., которое имеется в китайских источниках, было зафиксировано первоначально в хронике Бей-ши (636 г.) и повторяется в хрониках Суй-шу (659 г.) и Тан-шу (945 г.) (Бичурин, 1. С. 274, 281). Один из первых переводчиков китайских хроник Н.Я. Бичурин это сведение перевел следующим образом «Собственно владетель прозывается Вынь; происходит из Дома Юечжи» (Бичурин, 1950, II. С. 271, 280-281, 310). Во французском переводе Э. Шаванна оно приведено как “Le nom de famille du prince est *Wen*. C'étaient à l'origine des *Yue-tche*” (Chavannes, 1903. P. 133). Из специалистов-китаеведов, проводивших исследования по этим источникам, А.Г. Малявкин и Ю.А. Зуев приводят имя правящего рода в форме Вэнь (Малявкин, 1981. С. 77, 257, к. 570; Зуев, 2002. С. 60). Э. Экрем в турецком переводе также приводит это имя в виде *Wen* (Ekrem, 2003. S. 127-128). В хронике Синь Тан-шу («Новая хроника государства Тан») сведение о роде Вэнь приводится в следующем виде: *jün xing Wen ben Yue zhi*, дословный перевод которого «фамилия государя Вэнь (он) происходит из Юэчжи» (Xin Tang-shu, 1958. С. 16969 (1555)). Все эти данные свидетельствуют, что название рода правителей Самарканда в китайских источниках транскрибируется как Вэнь.

Сведение же о Выньнаша, имеющееся в хрониках Чжоу-шу и Бей-ши в хронологическом отношении более древнее чем упоминание о роде Вынь, и оно дается как название страны. Это сведение у Н.Я. Бичурина приводится в следующем виде:

“Владение Судэ находится от Луковых гор на запад; в древности называлось Яньцай и Выньнаша; лежит при большом озере, от Канюя на северо-западе, от Дай в 16 000 ли. Некогда хунны убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события” (Бичурин, 1950, II. С. 260).

В свое время, как отметил Ю.А. Зуев, другое название Согда как Выньнаша (или Вэньнаша) больше не упоминается нигде. По поводу же его географической локализации в своей книге «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» он приводит ряд сведений, свидетельствующих что Вэньнаша и Согд—две разные страны (Зуев, 2002. С. 58-59). Название Вэньнаша реконструируется Ю.А. Зуевым как *Хварнаша, где Хварна/Хварана – «эманация Солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей», а знак *ша* (*ša*) воспринимается как неполная транскрипция персидского шахр – «страна, город», т.е. полное его название Хварна-шахр (Зуев, 2002. С. 61). Надо отметить также и то, что Ю.А. Зуев в своем вышеупомянутом труде о правящем роде Вэнь пишет следующее: «Мнение К.Сиратори, что знак *вэнь* отражал имя собственное, справедливо лишь по отношению к обозначенной фамильной принадлежности правителя Согдианы в Самарканде Вэнь/*Хвар. Эта фамилия действительно существовала у юечжи ханьского времени; она была царствующей» (Зуев, 2002. С. 61). Реальным прототипом транскрипционного знака *вэнь* (<*иэ̃н), использованного для записи имени правящего рода Самарканда, считает скифское или авестийское слово *hvar* - «солнце», на основании того, что в китайской транскрипции постоянно транскрипционным конечным *-n* передается исходный *-r* (Зуев, 2002. С. 54, 60).

Обращаясь к китайским источникам, надо учесть то, что вышеупомянутое сведение о роде Вэнь не связано непосредственно с Авархуманом. Так, хроники “Суй шу” (636 г.) и “Бэй ши” (659 г.) были написаны до времени правления Авархумана. В данных хрониках сведения

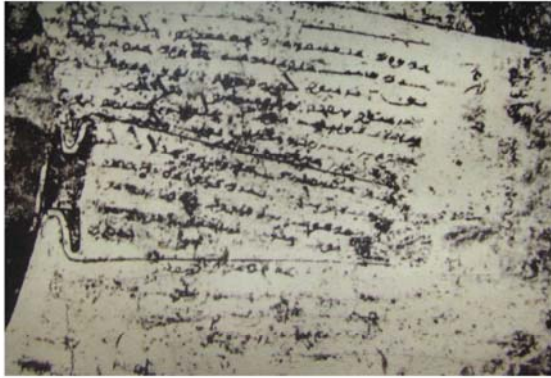

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

о Кане (Самарканде) ограничиваются годами правления китайского императора Да-йе (605-617). Авархуман же стоял во власти в 650-655 годах и первые сведения о нем нашли отражение в хронике Тан-шу (945 г.), где он именуется Фохумань, и в период Юн-вей (650-655) поставлен губернатором (Бичурин, 1950, II, С. 311; Chavannes, 1903. P. 135). Это позволяет говорить о том, что Авархуман сел на престол Самарканда в 650-х годах. По мнению Л.И. Альбаума, Авархуман был, видимо, первым правителем новой династии Самарканда (Альбаум, 1975. С. 36). В.А. Лившиц правителя, имя которого зафиксировано на монетах как

Мастич (по О.И. Смирновой возможно чтение Мастан) считал возможным непосредственным преемником Авархумана (Альбаум, 1975. С. 55). К этому мнению можно присоединиться, так как, между правлением Авархумана (650-ые годы) и основателем последующей новой династии Тукаспадаком имеется временной промежуток почти в 50 лет. То есть, в хронике Тан-шу, Дусоботи (Тукаспадак) в качестве правителя Самарканда упоминается в связи с событиями 696-698 годов (Chavannes, 1903. P. 135). Скорее всего, в промежутке между Авархуманом и Тукаспадаком могли править по меньшей мере один или два правителя. Однако, в письменных источниках имена этих правителей не зафиксированы. Только более достоверно, на наш взгляд, правление в период между ними Мастича (или Мастана), имя которого зафиксировано

на монетах. Потому что одна из тамг () на монетах Мастича отличается от тамг на монетах ихшидов Самарканда, правивших начиная от Тукаспадака (690-е годы) до Тургара (738-750). Это дает основание считать, что Мастич правил перед ними.

Если обратить внимание на палеографические особенности написания слова, отражающего имя рода Авархумана в надписях, то его можно прочесть в форме *'wnw*, вместо предложенного В.А. Лившицем чтения *'wnšw* – Унаш. Так как палеография четвертой буквы данного слова более соответствует *γ* (х, q) гимелу, чем *š* шину (см. Рис.1), что характерно и для монетных легенд, где отражено вышеупомянутое родовое имя. Надо отметить, что в согдийской орфографии основным отличием *š* шина от *γ* гимела, является его более крупный размер. Учитывая также такой факт, что первая и вторая буквы этого слова *'* (алеф) и *w* (вав), и их сочетание в начале слова во многих алфавитах, созданных на основе арамейского, в частности, в согдийском обозначает гласные звуки *-и* и *-о* и краткие гласные в середине слов не получают в них графического отображения на письме (Иоганнес, 1979. С. 166-167, 411), то имя рода Авархумана можно прочесть как *on^oq*. То есть, можно считать, что написание в надписях Афрасиаба слова *'wnw*, является отражением древнетюркского этнонима *On Oq* (др. тюрк. Он Ок – “десять стрел”) в согдийском письме. Надо отметить, что конечная буква этого слова *w* вав является окончанием винительного падежа (Альбаум, 1975. С. 54) или, как говорит В.А. Лившиц, орфографическая особенность присущая этим надписям, например *cy'nkw*, *twr'ntšw* и др. (Livsic, 2006. P. 61). Обращает внимание и то, что в орхонских памятниках древнетюркского рунического письма данный этноним написан в близкой к согдийской

орфографии форме как *On^oq* (см. Малов, 1951. С. 30, 38; Кляшторный, 1985. С. 164-265). В этой же форме как *On^oq* данный полиэтноним зафиксирован в памятниках VII – VIII веков из Семиречья (Кочкорская долина), центра племенного объединения Он Ок, т.е. Западно-Тюркского каганата (Кляшторный, 2003. С. 295-297). Надо отметить, что в статье Ф. Тиерри дается чтение согдийских легенд на некоторых тюркешских монетах как *on^oq t^amğa*, однако требующих еще дальнейшего подтверждения (Thierry, 1999. Р. 328). Кроме этого, палеографические особенности легенд на монетах Мастича (или Мастан), не дают возможности для чтения второго слова как Унаш. Если обратить внимание на последнюю букву данного слова, то можно видеть *γ* гимел, а не *ʃ* шин (см. рис. 3), что позволяет читать легенду на монетах данного типа как *m^ostc/n^o wny MLK* – “царь Мастич/Мастан (из рода) Он Ок”.

Монеты, на которых нашли отражение словосочетания “царь Авархуман” и “царь Мастич (из рода) Он Ок” в отличие от монет, чеканившихся позже имеют тамгу Самарканда () и трискелес (). Эти же тамги имеются на так называемых монетах Вузурга (Смирнова, 1981. С. 108, №78-100). По поводу чтения и интерпретации легенды на монетах этого типа среди исследователей не имеется единого мнения (Исхоков, 1989, б. 83-86; Наймарк, 2004. С. 227-228). Сравнение легенд на значительном количестве экземпляров монет этого типа не дает возможности читать ее как Вузург. Мы считаем более вероятным читать имя правителя на этих монетах как *tnwk* – «Тнуга» или «Тонуга», которое можно отождествить с именем правителя Самарканда Тонгой (T'ong-ngo), отправившего в 645 году посольство в Китай (Chavannes, 1903. Р. 156; Chavannes, 1904. Р. 12, п. 3). Надо отметить, что сведения китайских источников о Тонге противоречивы (Chavannes, 1903. Р. 156, 156, п. 1; Chavannes, 1904. Р. 12, п. 3). Имя этого правителя можно интерпретировать на тюркской основе как Тоҗа / Tonga – «леопард, герой» (ДТС. С. 575), которое у древних тюрков означало и титул, встречающийся в орхонских надписях и китайских источниках (Оркун, 1986. С. 62-63; Бичурин, 1950, II. С. 272; Liu, 1958. Р. 169). Надо также отметить, что монеты с легендой *'wrk wrtrmwk* ? *MLK* – «царь Урк Вартрамук ?», чтение и принадлежность которой до сих пор до конца не решены, также имеют схожую тамгу и трискелес, как на вышеупомянутых монетах Самаркандских правителей (Смирнова, 1981. С. 217-218, № 657-732; Naumark, 2004. Р. 228).

Начиная с Тукаспадака, на Самаркандских монетах трискелес исчезает. Это факт, скорее всего, свидетельствует о смене династии. Об этом также имеются косвенные сведения в китайских источниках (Смирнова, 1970. С. 170). Если считать, на основании тамги и знака, имеющихся на монетах, Тонгу, Авархумана и Мастича представителями из одного дома, то как же можно будет объяснить такой факт, что Шишпир чеканил монеты с такими же знаками. Возможно, между Шишпиром и ними были родственные связи. Хотя мы не исключаем возможности, что между ними не было родственных связей, а Шишпир, который был родом из Кеша воспринял традицию чекана монет с трискелесом.

По сведениям китайских хроник, Шишпир отправил посла в Китай в 642 году (Бичурин, 1950, II, с. 316), Тунга же в качестве правителя Самарканда отправил посла в Китай через три года после него, т.е. в 645 году (Chavannes, 1903. Р. 156; Chavannes, 1904. Р. 12-13). При этом надо отметить, что об этом факте в переводе Бичурина нет упоминаний.

Если мы остановимся на сведениях о происхождении Авархумана, то в них нет упоминания о его принадлежности дому Чжаову. Сведения о принадлежности правителей Кана (Самарканд) дому Чжаову впервые зафиксированы в “Суй шу” (636 й.). Эти сведения Суй-шу повторяются в Бей-ши (659 й.). По нашему мнению, из правителей Самарканда Чжаову Шифуби и Гюймучжи происходили из этого дома. В хронике Тан-шу, когда идет речь правителях Самарканда, правивших после, начиная с 640-х до 750- годов, правящий дом Чжаову не упоминается. Хотя, в этой же хронике, в качестве правителей того времени упоминаются правители Бухары (Ань) Чжаову Ша, Чжаову Биси (656-566 годы), правитель Кеша Чжаову Шиагье (660-годы) (Бичурин, 1950, II. С. 312, 316). Исходя из этих сведений, можно предположить, что в этот временной промежуток в Самарканде правила другая династия, происхож-

дение которой связывается с западными тюрками.

Так, по мнению Л.И. Альбаума, предположительно между 40-50-ми годами VII в., после бегства западно-тюркского кагана Юкук-хана (Иби Дулу; 638-642; ум. 653) из Семиречья через Согд в Тохаристан один из его сподвижников, возможно, из рода дулу, захватил власть в Самарканде и объявил себя его единым правителем, но только Вархуману (Авархуман) удалось узаконить это положение и присвоить титулы правителя Самарканда и царя Согда (Альбаум, 1975. С. 29, 38). Также Л.И. Альбаум считал, что самым первым из новой династии владетелей, правивших в Самарканде, был, видимо, Вархуман (Альбаум, 1975. С. 36). Так как племя дулу входило в племенное объединение Западно-Тюркского каганата Он Ок, то и происхождение Авархумана непосредственно связано с ним. Однако на основании выше упомянутых сведений китайских хроник и нумизматического материала, мы предполагаем, что основателем новой династии был не Авархуман (650-655), а Тунга (645).

Итак, на основании вышеупомянутого материала можно сделать следующие предварительные выводы:

- имя рода Авархумана на надписях Афрасиаба более приемлемо читать не как Унаш, а как Он Ок, которое является названием западно-тюркского племенного объединения;
- сопоставление чтения этого имени, предложенного В.А. Лившицем как Унаш с сведениями китайских источников, где оно упоминается как Вын и с названием Выннаша не может быть приемлемо. Так как сведения китайских источников о них хронологически не соответствуют реалиям данной эпохи, а относятся к более раннему времени;
- сведения китайских хроник, согдийские надписи и нумизматический материал позволяет предположить, что во второй половине VII века в Самарканде существовала династия, непосредственно связанная с западно-тюркским племенным объединением Он Ок и его основателем был, возможно, Тонга.

Использованная литература

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Т., 1975.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1953.
- Гафуров Б.Г. Таджики, древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Исхоков М. Ўлмас обидалар. Ўзбекистон халқларининг қадимий ёзма ёдгорликлари бўйича таджикотлар. Т., 1989.
- Иоганнес Ф. История письма. М., 1979.
- История Самарканда Том 1. Т., 1969.
- Лившиц В.А. Надписи на фресках из Афрасиаба // Тезисы докладов на сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л., 1965. С. 5-6.
- Лившиц В.А. Правители Согда и «цари хуннов» китайских династийных историй // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН (Автоаннотации и краткие сообщения). Л., 1973. С. 25-26.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
- Малаякин А.Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003
- Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции, Вып. 6. СПб., 1903.
- Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Ankara, 2003.
- Liu Mau-tsaï. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I. Buch, Texte. Wiesbaden 1958.
- Livsic V. The Sogdian Wall Inscriptions on the Site of Afrasiab // Royal Nauruz in Samarkand Proceedings of the Conference Held in Venice on the Pre-Islamic Paintings at Afrasiab. Rivista Degli Studi Orientali. Nuova Serie Vol. LXXVIII, Supplemento N. 1 (2004). Ed. M. Comparetti, E. de la Vaissiere. Pisa-Roma, 2006. Pp. 59-75.
- Naymark A.I. The meaning of "tamghas" on Sogdian coins // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого. СПб., 2-5 ноября 2004 г. СПб., 2004. С. 225-231.
- Orkun H.N. Eski Türk Yazıtları. Ankara 1986.
- Thierry F. Sur les monnaies des Türgesh // Coins, Art and Chronology. Ed. M. Alram and E. Deborah. Wien, 1999.
- Xin Tang-shu. Bei-jing, 1958, juan. 221 (xia), c. 16969 (1555).

G. Babayarov, A. Kubatin - To the New Interpretation of the Ruling Family Name from Inscriptions at the Afrasiab Painting

This paper proposes a new interpretation of one of the Soghdian signs inscribed at the bottom of the dressing-gown of one of the figures represented on the Afrasiab wall-paintings. B.A. Livshits suggested that the name

should be read as “king Avarhuman of Unash” but the authors suggest that it would be much more likely to read it as On Ok - “ten arrows”. Furthermore, the Chinese chronicles, Soghdian signs and numismatic data allow the authors to suggest that a dynasty of Western Turkic origin ruled Soghd at this period, was known as On Ok and its founder was probably Tonga.

*М. Исхаков
(Узбекистан)*

К ИСТОКАМ КОРЕЙСКОГО АЛФАВИТА

Изобретение корейского буквенно-фонетического письма по традиции приписывается королю-просветителю Сечжону (1418-1450 гг.) из династии Чосон и относится к 1444 году.

Данное культурно-историческое событие, по словам известного корееведа Л.Р. Концевича, рассматривается как “прорыв со стороны корейцев на уровень буквенно-слогового алфавита” (Концевич, 2001. С. 7), в дальнейшем достигшего уровня чистого фонетического письма, учитывающего сложную фонологическую систему корейского языка.

Создание корейского алфавитного письма, несмотря на вековое влияние дальневосточного иероглифического ареала, можно рассматривать как феноменальный факт в условиях номинальной зависимости Кореи от Китая минской династии. В связи с этим можно констатировать, что новое письмо послужило мощным толчком на пути национального возрождения и борьбы за реальную независимость корейского народа.

Хотя и заслуга создания корейского алфавита приписывается королю Сечжону, на самом деле создатели его могли использовать опыт ряда восточных письменностей, отличавшихся от китайской иероглифики. Что касается китайского письма, то оно было не пригодно для точного воспроизведения материала корейского языка, в корне отличного от китайского.

Учитывая такое положение, в условиях укрепления корейской государственности и роста самосознания ханьгук сарам (корейского народа), король Сечжон издал в 1446 году особый эдикт “Хунмин чоньым хэре” (“Наставление народу о правильном произношении”), в котором пишется: “Звуки речи в нашей стране в отличие от Китая не передаются надлежащим образом (т.е. “не составляют одно общее с ...”) письменными знаками. По этому [среди] неосведомленных людей много таких, кто хочет [что-то] сказать, но никак не может выразить своих мыслей [на письме].

Сожалая по этому поводу, я заново создал двадцать восемь знаков. Желая лишь, чтобы всем людям было легко овладеть [ими] и удобно пользоваться каждый день” (Концевич, 2001. С. 87).

Как видно из этого, Сечжон действительно сыграл важную роль в повороте истории письменной культуры. Но при этом следовало бы обратить внимание на его оборот “я заново создал двадцать восемь знаков”, что указывает, как мы полагаем, на его роль реформатора уже известной в Корее практики письменной культуры, базировавшейся на алфавитной системе.

В связи с этим, считаем уместным привести разные мнения ученых относительно генетических основ корейского письма. Так, Л.Р. Концевич возражает по поводу высказываний о том, что буквы корейского алфавита изображают положение органов речи при произношении тех или иных звуков, т.е. речь идет здесь о подражающем изобразительном характере графических форм букв. Как бы исправляя такое объяснение, Л.Р. Концевич выдвигает следующее: Формы букв представляют “условные символично-артикулярные референты ... например, образ рта в виде квадрата для обозначения м (□), образ отверстия гортани в виде окружности - для передачи гортанного О, знак в виде жирной точки для гласного “а”, как символ купола неба, горизонтальная черточка для “ы” в значении “земля”, вертикальная черточка для “и” - в значении “человек”. Исходные понятия для данных гласных звуков связывают с тремя первоприродами в китайской натурфилософии, под которыми подразумевались небо, земля и человек” (Концевич... С. 7-8).

Однако такое толкование вряд ли оправдывает себя. Тем более, в условиях стремления максимального отрыва от традиций китайской иероглифики, корейские создатели письма не могли обратиться к китайской философии.

К тому же, следует заметить, что весьма сомнительно само по себе артикуляционно-символическое толкование графических форм корейского алфавитного ряда в целом.

Французский ученый А. Фабр в одном из своих выступлений попытался сформулировать четыре подхода к изучению корейского письма: националистическим он называет подход ряда ученых, склонных подчеркнуть исключительность корейского алфавита; универсалистский подход. При этом ученые рассматривают историю корейского письма в свете общих закономерностей письмотворчества; фонетический подход. Этот вариант толкования поддерживается, в основном, корейскими учеными, которые считают алфавит равным по значению букв фонетической транскрипции. При этом они не принимают во внимание разницу между транслитерацией и транскрипцией корейского текста; психоаналитический подход к истории корейского алфавита. Этот подход имеет особые свойства, учитывающие национальный характер, социально-психологические аспекты и др. при функционировании письма в обществе.

Как видно из вышеизложенного, ни в одном из подходов нет конкретного указания на генетические основы корейского алфавита. В то же время корейское письмо ни в коей мере нельзя считать “одноразовым” изобретением. В процессе сложения алфавита, несомненно, был использован опыт ряда письменностей Востока, таких как тангутское, киданьское, чжурчженское, вьетнамское, японское силлабическое кана, брахми, тибетское, монгольское пагба, уйгурское буквенно-фонетическое письмо и др.

Однако до сих пор не была установлена генетическая линия корейского алфавита, ведущая к исходному базису - согдийскому и производным от него уйгурскому и монгольскому. Участие монгольского и манчжурского влияния в основе алфавитного ряда невелико. Как показывают наблюдения, основные графические формы алфавитных знаков корейского письма тяготеют к ранним (или т.н. лапидарным) формам согдийского письма, получившего статус международного письма, наряду с согдийским языком, на трассах Великого шелкового пути на протяжении почти тысячелетия до арабского завоевания в Центральной Азии.

Проводя палеографические сопоставления отдельных графических единиц корейского алфавита, можно придти к выводу о влиянии на корейское письмо, как было выше отмечено, более раннего типа согдийского письма. Так, например, буква «к» (ㄱ - корейского алфавита) берет свое начало от арамейского через посредство согдийского и уйгурского.

Второй знак корейского согласного ряда передаёт звук «н», пишется как ㄴ. В согдийском же этот знак, в силу того что письмо пишется справа налево в начальной позиции имеет продолжение налево, тогда как корейский дукт - слева направо.

Третий знак корейского алфавита в согласном ряду имеет форму ㄷ и обозначает звук т. Этот знак в согдийском языке раннего этапа имеет другую форму, т.е. корейская форма трансформирована и расположена в перевернутом виде.

Буква р корейского ㄹ косвенно связана с ранней формой р в согдийском лишь в верхней части буквы. Нижняя, завершающая часть корейского р несомненно связана с уйгурской передечей р с диакритическим “крючком” внизу для звука л от согдийского р.

Буква м в корейском в виде стилизованного квадрата восходит к ранней, докурсивной форме м в согдийском.

Особый интерес представляет сопоставление буквы “с” в корейском с согдийском “с” курсивного этапа: согдийское буква / корейская ㅅ. В некоторых почерковых стилях согдийская “с” даже точно совпадает с корейским.

Буква ч (dj) в корейском имеет форму ㅈ.

В системе гласных буква ㅏ графически близка к (а) в согдийском варианте, опять же с разницей зависящей от направления и дукта письма. Другие гласные, как ясно из таблицы,

являются вариациями от а: (а), ㅏ (я), ㅑ (о) ㅓ (йо) ㅕ(о) ㅗ(йо) ㅛ(у), ㅜ(ю), ㅡ(ы-зуб на зуб) ㅣ (и).

Эти же гласные выступают в сочетаниях 애 (э) 얘 (йэ) 에 (е) 외 (ви) 와 (ва) 워 (во) 왜 (вэ) 위 (ве) 개 (ке) 네(не) 레(рйе) 도(тве) 후(хви) и т.д.

Во всех этих сочетаниях действуют сгруппированные знаки для передачи буквенно-слоговых единиц. Такой способ привел к максимальной экономии средств в корейском письме по сравнению с обычными силлабариями типа шумеро-аккадского, японского силлабария кана и др., где из-за обилия графических знаков (почти для каждого слога) письмо являлось делом лишь посвященных людей профессионалов.

Что касается знаков для гласных, по традиции их связывают с корневым знаком – вертикальной черточкой для “и”: ㅣ. Все остальные гласные являются графическими вариациями от буквы “и”: ㅏ ㅣ, ㅑ ㅣ, ㅓ ㅣ, ㅕ ㅣ, ㅗ ㅣ, ㅛ ㅣ, ㅜ ㅣ, ㅡ ㅣ.

Дифтонги также базируются на этих же вариациях, лишь с тем отличием, что имеют удвоенные штрихи слева, справа или снизу от основы: ㅑ уа, ㅓ уо, ㅗ уо, ㅛ уи, ㅜ Һ уе, ㅡ Һ уе.

В этих знаках основной графемой является вертикаль и горизонталь, на базе которых сложились формы чистых гласных и смешанных (дифтонгоидов). К примеру “а”- ㅏ, в данном случае восходит к “а” в согдийском, чем к символу человек в китайском, лишь с той разницей, что согдийская форма рассчитана на левое соединение в строке. Буква “и” - вертикальный знак, имеет точное соответствие с “и” в согдийском из “й” согдийского квазиалфавита (К вопросу о генетических связях корейского алфавитного письма, 2006).

Таким образом, есть все основания для предварительного вывода о том, что корейская алфавитная система большей частью сложилась как результат долговременных культурных взаимоотношений между центральноазиатским и дальневосточным регионами. В частности, Корея, имея близкие дипломатические отношения с метрополией согдийских колоний, еще в раннем средневековье начала перенимать письмотворческий опыт у согдийцев. Ярким примером тому может послужить прибытие корейского посольства в Самарканд в связи с восшествием на трон царя Согда Вархумана около 655 г. н.э. (Альбаум, 1975). Следовательно, исторические корни корейского алфавита уходят в древность и раннее средневековье и имеют прямые отношения к согдийскому и производному от него - уйгурскому. Что касается реформы короля Седжона, то она сводится к систематизации имеющегося опыта и внедрению алфавита в жизнь специальным королевским эдиктом.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Корейское письмо хангыль является одним феноменальных буквенно фонетических и буквенно-слоговых систем письма на Дальнем Востоке.

2. Хангыль, сохраняя внешний облик, напоминающий дальневосточные идеографические письменности, внутренним своим содержанием входит в число алфавитных письменностей мира.

3. Генетически корейское письмо уходит вглубь истории и связано с 22^х знаковой квазиалфавитной системой согдийского письма, игравшего важную историко-культурную роль в международных отношениях по Великому шелковому пути в древности и раннем средневековье.

4. Некоторые орфографические нормы корейского письма, можно полагать, переняты от уйгурской и монгольской традиций, где выработалась система подробного огласованного текста при помощи ключей-немых букв добавленных к произносимым букво-звукам спереди.

Использованная литература

Концевич Л.Р. Корееведение. М., 2001.

К вопросу о генетических связях корейского алфавитного письма. (Тезисы доклада). The 6th international Conference on Korean Studies. Central Asian. Association for Korean Studies. Almati. 2006.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

M. Iskhakov - To the Origins of the Korean Alphabet

Introduction of the Korean literal phonetic letters traditionally attributed to Sech John (1448-1450), king and enlightener from Choson dynasty dated to 1444. But, the system of the Korean alphabet mainly appears as a result of long-term cultural inter-connections between Central Asian and Far Eastern regions. In particular, Korea having close diplomatic relations with metropolises of Soghdian colonies in the early Middle Ages began imitating letter creation experience of Soghdians, while reforms of the king Sech John were limited by systematization of the experience gained and the alphabet introduction into the life by special decrees.

**Угур Орал
(Туркия)**

САМАРҚАНД ШАҲРИНИНГ ИККИ РУМИЙ ШАКЛЛАНИШИДАГИ ЎРНИ

Минг йиллар ичида Осиё ва Европа қитъаларининг маркази, буюк Туркистоннинг юраги бўлган Самарқанд шаҳри мағриб ва машрикка минглаб алломалар етказиб бериб, Шарк маданиятини шаклланишига ўз ҳиссасини қўшган. Бундай алломалардан икки зот:

- Қозизода ва Жалолиддин Румийлар тарихга Румий тахаллуси билан киришган бўлса-да, ўз фаолиятини Самарқанд шаҳрида ўтказганлар ёки уларнинг ҳаёт фаолияти шаклланишига Самарқанд шаҳри улкан таъсир этган.

Булардан биринчиси – улкан математик ва астроном Салоҳиддин Мусо ибн Муҳаммад ибн Маҳмуд ёки Қозизода Румийдир.

Қозизода Румий ҳозирги Туркияда, Мармара денгизи ёнидаги Бурса шаҳрида таваллуд топган. Унинг падари бузруквори “Хожа Афанди” тахаллуси билан маълум бўлиб, кўп йиллар Бурса шаҳрида қозилик ловозимида ишлаган ва истеъдодга кўра қозилиқдан олимликка мойил бўлган. Дадасининг касби ва туғилган жойи Салоҳиддинга кейинчалик тахаллус бўлиб қолган. Қозизода Румий туркча манбаларда хижрий 755-765 (милодий 1354-1364 йиллардан) туғилган, деб тахмин қилинган (Хашимов, 2000. 192-193б.)

Қозизода дастлабки илмларни Бурсада олади ва унинг биринчи билимларини ўргатган устози Шамсиддин Фонарий бўлади. Унинг севикли билимлари математика ва астраномия бўлган. Ёшлик чоғидан Мовароуннаҳр ва Хуросонда илм-фаннинг юқори эканини эшитиб, у ерга боришга қизиқади. Турк тарихчиси Солиҳ Закий бу тўғрисида шундай маълумот беради:

“Мавлоно Фанорийдан Хуросон ва Мовароуннаҳр уламосининг ўлими риёзидаки овозаи шуҳратини эшита эшита, ниҳоят икмоли таҳсил учун у жониба четмакка қарор вермиш”. Салоҳиддин оила аъзоларининг кетишига монелик қилишини билиб, сир тутати. XIV аср охирида Қозизода Бурсадан чиқиб Хуросонга бориб туради ва у жойда пойтахт Самарқанд шаҳрини эшитади ва унга интилади. Самарқандга келган Амир Темурнинг сарой астрономи Мавлоно Аҳмаддан астраномия ва математика фанларидан янги маълумотлар олади ва ўзининг чуқур билимларини кўрсатиб, Мовароуннаҳр ва Хуросон олимлари орасида “Қозизода Румий” номи билан машҳур бўлади.

Қозизода Румий Амир Темурнинг севикли невараси Улуғбекка устозлик қилиб, унга астраномия ва математикадан дарс бериб, бу фанларга шаҳзодада чуқур меҳр уйғотади. Шу сабабли буюк Улуғбек ўзининг шоҳ асари “Зижи Курагонийда” Қозизода Румийни меҳр билан “устозим” деб тилга олади.

Шоҳликни қўлга олган Улуғбек Самарқандда 1417-1420 йилларда мадраса таъсис этиб, Қозизодани у ерда раис улмуалимин насабига тайинлайди ва унинг дарсларига ўзи ҳам иштирок этади.

Улуғбек Жамшид Кошийдан “Зижи Элхоний” ва Марафадаги астрономик кузатишлар

ҳақида эшитиб, Самарқандда расадхона барпо этиш ва астрономик кузатишлар ўтказишга қарор қилади. Расадхона қурилишига Қозизода Румий ва Жамшид Коший бошчилик қилади. Қурилиш тугаши билан Жамшид Коший вафот этади ва ишларга раҳбарлик қилиш Қозизода Румий вазифасига айланади.

Қозизода Румий Самарқандда жуда кўп шогирдлар етиштиради. Булар ичида энг қобилиятлиси ва севиклиси Улуғбек бўлиб, ундан бошқа шогирди Фатхуллоҳ Шервоний бўлган.

Қозизода Румий Улуғбек вафотидан кейин Кичик Осиёга, Қастомону шаҳрига кетади ва мударрислик билан шуғулланади. Қозизода Самарқандда уйланади, ўғиллик бўлади ва унга Шамсуддин Муҳаммад деган исм беради. Бу ўғлига у Али Қушчининг қизини олиб беради, бу никоҳдан бўлажак йирик олим Мирам Чалабийнинг отаси Қутбуддин оламга келади. Қозизода Румийнинг қаламидан ўн бешдан ортиқроқ асарлар бунёд бўлади. Самарқанд шаҳри билан ҳаёт фаолиятининг бир қисми боғлиқ бўлган иккинчи Румий бутун Шарқда машхур бўлган олим, файласуф ва “Шоирлар шоири” Жалолиддин Румийдир.

Жалолиддин Румий ёшлик чоғларини Балх шаҳрида отасининг “уломалар султони” деб тан олинган, шайх Бохааддин Валед Муҳаммад Аҳмад Хатибнинг уйида ўтказади. Буюк шайхнинг уйига унинг муридлари тез-тез келиб туришар, булар ичида энг севикли мурид Зарафшон воҳаси Самарқанд шаҳридан келган олим ва савдогар Шарафиддин Лал эди. Шарафиддин Лал ўзини устозига “тикилган соя”, деб ҳисоблар эди. Бу сафар устозининг уйига борган Шарафиддин Лал, ўзи билан қизи Гавҳарни ҳам олиб боради. Ўша вақтда Жалолиддин 12 ёшда бўлган эди. Бу вақтда Мовароуннаҳр устидан Чингизхон босқини ўтади ва Шарофиддин Лал оиласи билан Туркиядаги Леренда (Қараман) шаҳрига кўчиб кетади. Шу сабабга кўра Жалолиддин оиласи ҳам Туркияга кўчиб ўтган эди. Уни икки ёшида отасининг муриди қизини кўрган Жалолиддин уни излаб топади ва у 17 ёшида, 1225 йилда Гавҳарга уйланади. 1226 йилда Жалолиддин Гавҳар хонимдан дастлабки фарзанд кўради ва уни отасининг исми билан Валед деб аташади 1227 йил улар иккинчи ўғил кўришади ва уни Алауддин деб аташади.

Самарқанд шаҳрининг оқил ва доно қизи Гавҳар тез орада Жалолиддин ҳаётидан муҳим жой олади. Лерендада етти йил яшаганларидан кейин Жалолиддин Қуния шаҳрига ўтади ва у ерда буюк олимлик даражасига етади. Унинг бу даражага етишга севикли ёри ва доно ҳамроҳи Гавҳар катта роль ўйнайди. Лекин Қунияда тез орада Гавҳар вафот этади. Жалолиддин иккинчи марта уйланади ва у хотинидан яна бир ўғил ва бир қиз кўради. Лекин биринчи муҳаббатига содиқ қолган Жалолиддин Гавҳарни умр бўйи куйлайди ва вафотидан сўнг Қунияда Гавҳар ёнига дафн этилади.

Фойдаланилган адабиётлар

М. Хашимов. Религиозные и духовные памятники Центральной Азии. Алматы, 2000.
Газета «Сугдиёна» 2003 й. № 131.

Halil AÇIKGÖZ
(Türkiye)

MEVLÂNÂ'NIN MESNEVÎ'SİNDE 'SEMERKANDLI KUYUMCU VE CÂRİYE HİKÂYESİ'

Tebliğimizin konusu, Semerkand'ın kuruluşunun 2750. yıl dönümü münasebetiyle Semerkand edebiyatına Hz. Mevlânâ'dan bir örnek ile katılmaktır. Hz. Mevlânâ, Mesnevî'sine bir Semerkand hikâyesiyle başlamış olmakla dikkatimizi çekmiştir.

Eski çağlardan beri Semerkand ve çevresinde yaşayan insanların hayat tecrübeleri etrafında önemli bir edebiyat vücuda gelmiştir. Semerkand, Arap-Fars edebiyatına olduğu kadar Osmanlı sahası Türk edebiyatına da mitolojik motifleri, efsâneleri, destanları, rivâyetleri ile girmiştir. Semerkand, orta-şark klâsik edebiyat geleneğinde, hatta pek çok Avrupalı ve Asyalı yazarın yanında XX. yüz yılın modern yazarı Amin Maalof gibi yazarlara bile ilham kaynağı olan bir şehirdir.

Mesnevî'nin, ilk hikâyesi olarak karşımıza çıkan 'Semerkandlı Kuyumcu ve Cârîye

Никъевеси' (Mesnevî, 35-247. beyitler) çeŝitli bakımlardan önemli bir yere sahiptir. Burada diđer cephelerinden farklı olarak bir cariyenin Semerkand'lı bir kuyumcuya aşkı dile getirildiđi için tebliđimizin esas konusunu teşkil etmiştir.

Mesnevî'de yer alan '**Semerkandlı Kuyumcu ve Cârîye Никъевеси'** özet olarak şöyledir:

"Pâdişah ava çıktıđında bir cârîye görür. Ona âşık olur. Cârîyeyi satın alır. Bir müddet sonra cârîye hastalanır. Devrin bütün hekimlerine haber gönderilir. Gelen tabipler cârîyenin hastalığına derman olamazlar ve hastalığı daha da artar. Pâdişah, cârîyeyi iyi edecek doktora armađanlar vaad eder. Bir gece rüyasında bir pîrn görür. Bu pîrn padişaha, cârîyeye derman olacak tabibin geleceđini müjdelер ve ertesi gün o tabib saraya gelir.

Bu tabip önceki tabiplerin tedavi usulünün yanlış olduđunu söyler. Cârîyenin derdi maddî deđil mânevîdir. Tabip, cârîyenin Semerkand'da Köprü Başı'nda Gatfer Mahallesi'nde yaşıyan bir kuyumcuya âşık olduđunu öğrenir. Durumu pâdişaha anlatır. Tavsiyelerde bulunur. Pâdişah da tabibin tavsiyesiyle kuyumcuyu elçiler göndererek sarayına davet eder ve hazinedar başı yapar. Cârîye ve kuyumcuyu evlendirir. Her iki çift mutlu yaşar. Ama bir gün tabibin tavsiyesiyle pâdişah kuyumcuya bir şerbet ikram eder. Bu şerbet kuyumcunun gün geçtikçe yüzünün çirkinleşmesine, sađlıđının bozulmasına sebep olur. Cârîye kuyumcudan sođur. Kuyumcu ölür."

Esasen Mevlânâ'nın metodu, kendi yaşadığı devirden önce ve devrinde anlatılan hikâyelerin anlam dünyasını analiz ve şerh etmektir. "Semerkandlı Kuyumcuya Âşık Olan Cârîye Никъевеси"nin kahramanları Semerkand'lıdır.

Hз. Mevlânâ, Semerkand'dan iki yer ismi de zikreder: Köprü Başı ve Gatfer Mahallesi.

Klasik Osmanlı edebiyatında Semerkand ismine öncelikle Farsça yazılmış olsa da Hз. Mevlânâ'nın meşhur eseri Mesnevî'sinde, hem de ilk hikâyesinde rastlanmaktadır. Acaba bunun özel bir anlamı var mıdır?

Osmanlı sahası aydınları hem Farsçasından hem de şerhlerinden bildikleri Mesnevî'nin ilk hikâyesiyle bir Semerkand edebiyatıyla de yüz yüze gelmiş olmaktadır.

*A.Хакимов
(Узбекистан)*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ САМАРКАНДА
(по материалам изобразительного и прикладного искусства
в коллекции Государственного музея истории культуры
Узбекистана г. Самарканда)

Самарканд в историко-культурном контексте представляет собой территорию, выходящую за пределы современных границ города и включающую в себя более широкое понятие согдийской цивилизации. Эта культура формировалась на протяжении многих веков и оставила богатейшее художественное наследие – истинные шедевры изобразительного и прикладного искусства, многие из которых хранятся в коллекции Государственного музея истории культуры Узбекистана в Самарканде.

Древний и античный периоды.

К концу II-го тыс. до н. э. - первой половине I-го тыс. до н. э. на территории среднеазиатского Междуречья складываются крупные историко-географические области: Бактрия, Согд, Хорезм и Фергана, где формируются локальные варианты искусства и художественного ремесла.

О высоком уровне развития гончарного ремесла и ювелирного искусства в Согде в этот период свидетельствуют экспонаты Самаркандского музея, найденные на юге Узбекистана и в Самаркандском регионе (керамические сосуды культового, бытового и парадного назначения и бронзовые браслеты из поселений Муминабад, Чакка, а также золотые серьги из Афрасиаба).

К середине I тысячелетия до н.э. происходит дальнейшее развитие Согда, связанное с урбанизацией региона и проникновением традиций эллинистического искусства. Черты эллинско-

го влияния сохранила среднеазиатская античная керамика, широко представленная в коллекции музея. Это типично греческие по форме керамические изделия – амфоры, ойнохойи, крatersы, кубки, чаши, найденные на городищах Согда.

Одним из важных свидетельств распространения в Согде эллинистических традиций являются многочисленные изображения эллинских богов (Герakла, Диониса, Афины и др.) и различных персонажей греческой мифологии (Сатиры, Эроты и др.) в памятниках этого времени. В этом смысле огромную ценность представляет коллекция терракотовых статуэток музея, являющаяся одним из богатейших собраний среднеазиатской мелкой пластики – статуэток, наделов и т.д., наиболее ранние образцы которой датируются II в до н.э. а поздние – VII-VIII в н.э.

Искусство этого периода предстает как симбиоз культуры классического Востока (древнего Ирана, Египта), местных бактрийских традиций и особенностей сако-скифского степного искусства. О связях региона с искусством стран классического Востока в этот период свидетельствуют предметы импорта – таковы, например, геммы с изображением древнеиранского божества Гопатшаха. Высокие традиции гончарного ремесла сохраняются – об этом свидетельствуют многочисленные тонкостенные кубкообразные сосуды из древнего Согда – городища Афрасиаб. Развитый технологический уровень обработки металла демонстрирует так называемый сакский шлем VI в до н.э., обнаруженный в Самарканде.

Великолепные произведения скульптуры и разнообразные изделия керамики III-IV вв. представлены материалами из городища Еркурган. Особый интерес представляет раскрашенная скульптура, передающая местный этнический тип с характерным узором на щеках, что нередко встречается на лицах правителей, запечатленных на согдийских монетах.

Древний и античный периоды в искусстве Узбекистана отмечены взаимодействием различных религиозных, культурных и художественных традиций, общей толерантностью в восприятии инокультурных традиций, что достаточно полно отражено в памятниках Самаркандского региона.

Искусство раннего средневековья – V-VIII вв.

В искусстве Согда наблюдается расцвет изобразительного искусства – монументальной живописи, скульптуры, резного ганча, дерева (Афрасиаб, Пенджикент, Варахша) и ремесел – торовтики (серебро с позолотой), керамики, коропластики, ткачества, ювелирного искусства. В последующие периоды вплоть до XX века в искусстве региона скульптура и живопись не получают развития и доминирующими изобразительно-пластическими формами являлись архитектура, ремесла и миниатюра.

В Согде, также как и раньше в Бактрии, благодаря религиозной терпимости, формировалась культурная толерантность. Здесь наблюдаются следующие формы этнокультурного симбиоза: тюрко-согдийский и согдо-иранский как преобладающие, а также согдо-китайский, согдо-византийский, согдо-индийский, согдо-арабский. Во всех случаях согдийский компонент не поглощается, а представляет собой формы культурного и художественного своеобразия. Культура Согда примиряет динамику искусства степей и канонизм и статику сасанидского искусства.

Наиболее ярко локальные черты искусства проявляются в настенной живописи, скульптуре и коропластике (терракота, рельефы и навершия оссуариев и т.д.) – в Самаркандском музее хранятся десятки оссуариев и свыше 700 образцов мелкой пластики, которые созданы в основном в Согде – начиная с II в до н.э. по VIII в н.э.

В таком виде как торовтика, изделия которого являлись предметом торговли и обмена, были весьма подвижны, трудно определить место изготовления и, соответственно, локальные особенности согдийского стиля. Благодаря исследованиям Я. Смирнова, И. Орбели, К. Тревер, Г. Григорьева, Л. Ремпеля, В. Даркевича и особенно Б. Маршака, удалось достаточно аргументировано идентифицировать согдийский металл.

Для понимания особенностей собственно согдийской торовтики очень важны блюда – так называемые ложчатые чаши из клада на Мунчак тепе (близ Беговата) и Чилека (близ Самарканда). В составе клада из Чилека находилась еще одна уникальная серебряная литая чаша IV

-V вв., хранящаяся в Самаркандском музее, которую связывают с эфталитским искусством. Эта находка - редкий случай обнаружения изделия торевтики в пределах государства эфталитов.

С установлением власти Тюркского каганата активизировались политические, торговые и культурные взаимоотношения согдийского и тюркского населения. В искусстве наблюдается своеобразный тюрко-согдийский симбиоз. В то же время территория Согда сохраняла определенную самостоятельность в рамках каганата. В этот период в политической истории и торговых взаимоотношениях усиливается роль согдийцев.

Наиболее ярко локальные черты согдийского искусства проявляются в настенной живописи и скульптуре, коропластике (терракота, рельефы и наверхия оссуариев). Самым ярким явлением раннесредневекового искусства была, безусловно, настенная живопись. Основным лейтмотив этой живописи – борьба с силами зла и тьмы, воплощенная в различных тематических и сюжетных вариациях. Сюжеты росписей подтверждают их светский характер. Одним из шедевров раннесредневекового искусства являются росписи Афрасиаба, оригиналы которых хранятся в филиале Самаркандского музея – Музее Афрасиаба.

Раннесредневековая пластика в музее представлена как объемной скульптурой, так рельефными изображениями из дерева и ганча, широко представленным на таких памятниках как Варахша, Афрасиаб и др. Психологически выразительна и профессионально выполнена глиняная с раскраской скульптура V века из городища Кувекурган.

Особую отрасль пластики представляют небольшие терракотовые фигурки с изображениями различных божеств, а также рельефы и фигурные наверхия на различных бытовых (кувшины, вазы) и культовых изделиях. Крупнейшим центром коропластики того времени становится Самарканд, а главным объектом искусства - мужские статуэтки.

К числу оригинальных памятников этого периода относятся оссуарии или астоданы – специальные культовые керамические костехранилища, применяемые в погребальных обрядах огнепоклонников. В Самаркандском музее представлена большая коллекция согдийских оссуариев, имеющих различные формы – прямоугольные, овальные. Они украшались рельефными изображениями на вертикальных стенках. Лишь иногда крышка оссуария оформлялась в виде небольшой фигурки человека. Оссуарии Согда датируются в основном V-VII вв и сцены изображения на них связаны с божествами и персонажами зороастрийской религии.

Несмотря на широкий спектр связей культуры и искусства Согда с сопредельными регионами, известные памятники позволяют выделить как основные три доминирующих направления связей согдийского искусства – северо-восточное (степной, тюркский компоненты и традиция танского Китая), южное (Бактрия - Тохаристан, связанное с эллинистическим и индобруддийским искусством) и западное (Хорезм и соответственно отражающим преимущественно влияние парфянских и ирано-сасанидских традиций).

Искусство развитого средневековья – IX—нач. XIII вв.

В VII - начале VIII вв. н. э. на территорию Центральной Азии вторглись арабы. Начался длительный процесс распространения ислама. Наступает новый период в искусстве среднеазиатского междуречья - Мавераннахра. Монументальная роспись и скульптура предшествующих веков, начиная с VIII века, постепенно исчезает. Изобразительная культура уступает место орнаментальному искусству, которое становится одной из доминант мусульманской эстетики, определяя особенности стиля художественного ремесла и оформления архитектурных сооружений. Со временем орнаментальный узор становится доминирующим.

С конца VIII- нач. IX вв. в городах Мавераннахра появляется и получает широкое распространение глазурованная или поливная керамика. В этот период сформировались ведущие центры керамического искусства. Главным центром поливной керамики Мавераннахра становится Афрасиаб (Самарканд) - в Самаркандском музее хранится самая богатая в мире коллекция афрасиабской поливной керамики. В изделиях афрасиабской керамики наиболее часто встречаются растительные побеги, цветы и плоды граната, тюльпаны, розы и др. цветы. Нередко в растительный узор превращаются буквы эпиграфических надписей, а также хвосты и клювы птиц. На многих изделиях господствует геометрический орнамент в виде плетенок,

квадратов, треугольников, что было связано с активным развитием в этот период математических наук и включением орнамента в архитектурный декор.

В музее широко представлены бронзовые изделия X-XII вв. разнообразных форм и различного назначения - прямоугольные подносы, кувшины с шаровидным туловом и граненым горлом, небольшие цилиндрические чернильницы и ступки, полусферические чаши и бронзовые зеркала. К XII веку они украшаются стилизованными изображениями реальных зверей и птиц, фантастических крылатых сфинксов и козлов, львогрифонов и человекоголовых птиц, вплетающимися в узорный орнамент. Уникальна бронзовая шкатулка XII в. с сюжетными сценами из поэмы Шах-наме, представленная в экспозиции музея и свидетельствующая о сохранении в городской среде эпических традиций раннего средневековья.

Наряду с чеканкой в музее хранятся ювелирные изделия из бронзы и серебра – браслеты, подвески, кольца, перстни и т.д., предметы из кости – гребни, пуговицы, уникальные шахматные фигурки, великолепные изделия из стекла – кувшины, сосуды, разнообразные формы парфюмерных предметов.

Резьба по дереву и ганчу IX-X вв. представлена в музее фрагментами резных деревянных колонн из Оббурдона и уникальными ганчевыми панелями из Афрасиаба, демонстрирующими орнаментальные принципы искусства первых веков ислама.

Нашествие орд Чингизхана в начале XIII века опустошило среднеазиатский оазис, были разрушены многие города, наступил сильный экономический кризис.

Искусство эпохи Амира Темура и Темуридов – XIV- начало XVI вв.

Высокое развитие прикладного искусства в XIV-XV вв. основывалось как на местных традициях, так и на достижениях мастеров всего Среднего Востока. Декоративная орнаментика достигла в этот период виртуозности.

В керамике вырабатывается совершенно новый стиль, возникший под влиянием дальневосточного фарфора, с нанесенными кобальтом по белоснежному фону в свободном рисунке. Фарфоровидная керамика, изготовленная среднеазиатскими мастерами на основе местного материала – кашина, производилась в различных городах - Бухаре, Шахрисабзе, Ургенче, но центром ее был Самарканд. Поливные сине-голубые блюда Самарканда представляют образцы темуридской керамики на том его этапе, когда происходит отход от копирования импортированной орнаментики и поиск собственных элементов узора. Мастера, изготавлившие глазурованную посуду, занимались и производством архитектурно-облицовочных изразцов, широко использовавшихся в памятниках архитектуры эпохи Темуридов. Коллекция музея включает великолепные образцы как бытовой, так и архитектурно-облицовочной керамики с преобладанием сине-голубого колорита.

В этот период вырабатываются различные виды тканей. Хорошо сохранившийся детский халат XV в., обнаруженный археологами на комплексе Шахи-зинда, хранится в экспозиции музея, является одним из ранних образцов среднеазиатской ткани и дает представление о характере одежды того периода.

В области художественной обработки металла изготавливаются подносы, чаши, кувшины разнообразных форм. В музее хранятся инкрустированные серебряной нитью изделия из меди и бронзы этого времени, обнаруженные в составеклада на Регистане.

Искусство позднего средневековья – XVII-XIX в.

Во второй половине XVII- начале XIX вв. на территории Среднеазиатского междуречья практически прекращается развитие миниатюры, снижается уровень архитектуры. Лишь прикладные искусства развиваются стабильно – мастера-ремесленники, основываясь на традиционных приемах и технологиях, и в этот период создают уникальные произведения из керамики, дерева, кости, камня.

Новый импульс получает чеканка и ювелирное искусство. В музее представлена большая коллекция разнообразных изделий чеканки Самарканда. Ассортимент изделий достаточно широк – это разнообразные формы кувшинов (офтоба, дастшуйя, куза, кумган), круглые, прямоугольные и квадратные подносы, хозяйственная посуда для хранения продуктов и культовая посуда (чилкалид) и др.

Изяществом узоров и богатством цветового решения впечатляют изделия художественного текстиля самаркандских мастериц – ручной вышивки, набойки, кураков и абровых тканей.

Строгость ритмов и четкость узорных линий отличает лучшие образцы самаркандской набойки, широко представленных в экспозиции музея. Великолепны и экспонирующиеся в музее кураки – аппликативные панно.

Самым распространенным видом народного искусства в XIX веке являлась ручная вышивка, традиции которой живы и в настоящее время. Почти во всех городах и селах существовали центры вышивок, среди которых особой славой пользовались самаркандские изделия. Мастерицы использовали домотканые полотна и применяли природные красители. К сожалению, во второй половине XIX века использование фабричных анилиновых красителей резко снизило качество ручной вышивки. Ассортимент вышивки включал как крупные панно, так и небольшие изделия. Одним из наиболее впечатляющих образцов является огромное самаркандское сюзане XIX века с 63 круглыми розетками, экспонирующееся в одном из залов Самаркандского музея.

Сине-голубые керамические изделия самаркандских мастеров XVI-XVIII вв. являются своеобразной классикой. Они отличаются совершенством форм и безукоризненным орнаментальным оформлением. Однако к началу 20 столетия резко сократилось количество мастеров, утеряны и многие технологические секреты. Не сохранились и образцы самаркандской школы керамики конца XIX - начала XX века.

Во второй половине XIX века декоративно-прикладное искусство сохраняло преемственность традиций и локальное своеобразие отдельных школ художественного ремесла народов Узбекистана, среди которых особое место занимает народное искусство Самарканда, имеющее глубокие исторические корни.

A.Khakimov - Art Heritage of Samarkand (Masterpiece of Applied Art)

The historical and cultural context of Samarkand embraces much larger territory than the current boundaries of the modern city, thus including the entire concept of Soghd civilization. The proposed paper represents an overview of the main stages of Soghdian art evolution from ancient times to the 19th century. The paper attempts to determine peculiarities of the Soghdian art and cross links cultural traditions of Soghd with other cultural regions of East and West throughout different historical periods. The author reviews in details the collection of Samarkand museum masterpieces of antique and medieval sculpture, wall painting, terracotta, products from metal, ceramics, textile, carpets and embroidery.

*С.М. Бабаев, М.А. Аҳмедов
(Ўзбекистон)*

АМИР ТЕМУР ВА ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИ ОБИДАЛАРИ МЕЪМОРЧИЛИК ҲУСУСИЯТЛАРИ

Ўрта Осиёни араблар истило қилганининг дастлабки йилларида бу ерга ташриф буюрган тарихчилар ва сайёҳлар Мовароуннаҳр шаҳарларининг уч қисмдан, яъни арк ёки кўҳандиз, шаҳристон ёки мадина ва савдо-хунармандчилик қисми-работдан ташкил топганлигига эътиборни қаратишади. Баъзи ҳолатларда шаҳристон иккига – ички шаҳар ва ташқи шаҳарга бўлинган. Арклар илк ўрта асрларда шаҳристондан ташқарида жойлашган бўлса (Бухоро, Панжикент), кейинчалик кўп ҳолатларда улар ўзаро бирикиб, арклар хатто шаҳристон худудига кириб кетган. Бунга мисол тариқасида ўрта асрлардаги Бухоро ва Самарқандни кўрсатиб ўтиш мумкин. XIII асрга келиб, Самарқандни мўғуллар истило этган чоғида унинг арки ҳозирги Афросиёб деб аталадиган ички шаҳристон қалъаси мудофаа деворлари ичида бўлган.

Бу ички шаҳар тўрт қатор, ярим ҳалқасимон мудофаа деворларидан ташкил топган. Ҳар бир ҳалқа сиртида чуқур мудофаа хандақлари бўлган. Афросиёбнинг жанубида эса ҳозирги Сиёб бозоридан бошлаб Рухобод мавзеигача, шаҳарнинг жанубий дарвозасидан ташқарисидаги савдо-хунармандчилик худуди-работи мавжуд бўлган. Работнинг ўзи ҳам икки қисмдан – ички ва ташқи работлардан ташкил топган ва ички работ ташқи шаҳар деб аталган.

Бунга мисол тариқасида ўрта аср манбаларида, жумладан, “Самария”да Абди Дарун хонақоҳини шаҳар деворидан 1300 қадам ичкарида ва Абди Бирун хонақоҳини қалъа деворидан 500 одим ташқарида ҳамда Шердори берун деб номланган Нодир девонбеги мадрасасини ҳам шаҳар (яъни работ) ташқарисида жойлашган деб ёзилган.

Тарихий манбаларда Самарқанд шаҳар харобаларининг Афросиёб атамаси XVIII-XIX асрдан бошлаб қўлланилганлигини кўрамиз. Таниқли сўғдшунос олим В.А. Лившиц “Афросиёб” сўзи сўғдча “Паршваб-Парсиаб” сўзларидан келиб чиққан бўлиб Сиёб устида, Сиёб юқорисида деган маънони англатади деган фикрда. Кейинчалик бу атама турк шоҳи Алп Эртунга ёки Алп Артунга номига муқояси қилиниб, Афросиёб деб аталиб кетилган бўлса керак.

Ўрта асрларда яшаб ўтган араб тарихчи, жуғрофиячи олимлари Макдисий, Ёкут, Ибн Ҳавқал, Ибн Баттута ва бошқалар Самарқанднинг ниҳоятда гўзал ҳамда Мовароуннаҳрнинг энг йирик шаҳарларидан эканлигини эътироф этишган. Ўша даврда Самарқанд шаҳри нафақат Афросиёб қалъаси ва унинг Руҳободгача ёйилган работи ҳудудинигина эгаллаб қолмасдан, балки бизга тарихий асарлардан маълум бўлган Девори Қиёмат номли машҳур девор ҳалқаси ичида жойлашган бўлган. Бу деворнинг жануби-ғарбий томони ҳозирги Самарқанд давлат меъморилик қурилиш институти ва Молия-иқтисодиёт коллежи жойлашган ҳудуддан ўтган. Бу ҳудуд ўша пайтларда Лолазор ва Нуробод деб аталган. Мазкур тарихий атамалар ҳозиргача сақланиб қолган. В.В.Бартольд ва Садриддин Айнийлар фикрига қараганда мана шу мавзеда XIX асргача ўша деворнинг бир қисми сақланиб қолган ва у Девори Кўндаланг деб аталган.

Шундай қилиб, IX-XII асрлардаги Самарқанд шаҳри ҳақида гап борганида унинг нафақат Афросиёб кўрғони, балки Девори Қиёмат ичидаги кўплаб работ, маҳаллот, ҳаййот, кичик кўрғон (диз)ларни ҳам ўз ичига олганлигини эътироф этиш керак.

Самарқандга 1333 йили ташриф буюрган Ибн Баттута бундай ёзади: “Самарқанд дунёнинг йирик ва гўзал шаҳарларидан бири ҳисобланади. Мазкур шаҳар кир ювувчилар ариғи соҳилида жойлашган. Бу каналдан боғлар ва экинларни суғориш учун чархпалаклар билан сув чиқарилади. Кечки намоздан кейин шаҳар халқи мана шу ариқ бўйига дам олиш ва сайр қилиш учун чиқишади. У ерда ўтириш учун ўриндиклар ва мева ҳамда бошқа хўрокворлар сотиш учун дўконлар ўрнатилган. Шаҳарда кўплаб саройлар, самарқандликларнинг маҳоратини кўрсатувчи йирик иморатлар борки, уларнинг катта қисми шаҳарнинг ўзидек вайрона аҳволда ётибди. Шаҳарда на девор ва на дарвозалар мавжуд.”

Илк арабзабон манбалардан ҳисобланадиган Ибн ал-Фақиҳнинг “Китоб ал-булдон” асарида Самарқанд шаҳри ҳақида қуйидагича маълумот келтирилган: “Самарқанд шаҳри ташқи деворининг узунлиги ўн икки фарсахдир. Унинг ўн иккита дарвозаси бўлиб, ҳар бир дарвозадан бошқасининг оралиғидаги масофа бир фарсахга тенг. Девор тепаларида тиргоҳлар ва жангчилар учун миноралар қилинган. Ўн иккита дарвозанинг барчаси ёғочдан, икки табақали қилиб ишланган. Дарвозахонанинг охирида, кирадиган дарвоза қаршисида яна шундай дарвоза бор ва уларнинг оралиғида қоровулхона жойлашган. Экинзор далалардан ўтиб, сиз работда тўхталасиз, у ерда иморатлар мавжуд. Работ ва унинг ичидаги суғориладиган ерлар олти минг жарибга тенг ва унинг ичидаги кишлок, боғ ва боғчалар девор билан ўраб олинган, юқоридаги ўн икки дарвоза мана шу деворда ўрнашган. Шундан сўнг сиз беш минг жариб ерни эгаллаган шаҳарга кирасиз. Бу ернинг тўртта дарвозаси бор... Кейин сиз ичкари шаҳарга кирасиз, унинг майдони икки минг беш юз жариб. Бу (ички) шаҳарда жоме масжиди, кўҳандиз ва ҳоким қароргоҳи жойлашган. Шаҳардан оқар сув ўтади. Катта девор ичида эса сойлар ва каналлар бор. Кўҳандизнинг боши ва охирида темир дарвоза ўрнатилган.”

Ибн ал-Фақиҳнинг маълумотларини археологик ва тарихий маълумотлар билан тўлдириб, илмий мушоҳада ўтказиб, анча аниқлик билан Самарқанднинг X-XII асрларга оид планировкасини тахминан тиклаш мумкин. Ибн ал-Фақиҳ таърифлаган шаҳарнинг ташқи девори асослари биз юқорида айтиб ўтганимиздек баъзи ерларда сақланиб қолган. Ички работ ёки ташқи шаҳар деб номланувчи шаҳарнинг иккинчи қисми асосан Темурийлар давридаги Самарқанд ҳудудини эгаллаган. Ўша пайтларда унинг 4 та дарвозаси бўлган экан. Муаллиф зикр этган шаҳарнинг учинчи қисми эса Афросиёб қалъасига мос келади. Унинг ҳам тўртта

дарвозаси бўлган. Ал-Истахрий ички шаҳар дарвозаларининг номларини ҳам келтирган: шарқдагиси Хитой дарвозаси, ғарбдагиси Навбахор (Навбега), шимолдагиси Бухоро ва жанубда Кеш дарвозалари. Ал-Истахрий ва Ал-Умарийлар Жўйи Арзис номли кўрғошиндан қилинган осма қувур ёки тарнов (нов)ли сув ўтказгич ҳақида маълумот беришиб, бу жой номини Рас ат-Тоқ, яъни Тоқ (арка) нинг бошланиш жойи деб номлашади. У ички шаҳарнинг Боб ул-Кис (Кеш ёки Қарши дарвозаси)га туташ бўлганлиги ва мана шу жойда катта бозор ташкил қилинишини маълум қилишади.

Ибн ал-Фақиҳ Самарқанд ичкари шаҳрини 2,5 минг жарибга тенг деб ёзади. Бир жарибни 900 м^2 деб олсак, ичкари шаҳар, ҳозирги Афросиёб қалъасининг ҳудуди $2,5 \text{ минг таноб} \times 900 \text{ м}^2 = 2250000 \text{ м}^2$ бўлади. Бир гектар 10000 м^2 эканлигини ҳисобга олиб 2250 минг кв.м. ни унга тақсимласак 225 га (гектар) чиқади. Бу ҳозирги маълумотлар (219 га) га жуда ҳам яқин. Шундан келиб чиқиб, Самарқанд шаҳрининг X-XII асрлардаги ташқи шаҳристони 5 минг жариб ёки 450 гектар ва унинг работи 6 минг жариб ёки 540 гектар, работ деворининг узунлиги 12 фарсах ёки 84 км атрофида бўлганлигини аниқлаш мумкин.

Ибн Баттута Самарқандга 1333 йил, яъни Амир Темур шаҳар қалъасини таъмирлашидан сал кам 40 йил олдин келган. Бу кўп катта сана эмас. Демак, унинг маълумотларидан фойдаланиб, Амир Темур дастлаб Самарқанд атрофини девор олдириб, (1370-1371 йилларда) курган қалъаси қанақа бўлганлигини аниқлаш мумкин. Ҳозиргача фанда кенг фойдаланиб келинаётган М.Е.Массон тахмин қилган темурий шаҳар асосан XIV аср охири ва XV аср бошларида шаклланган деб ҳисобланади. Унда Амир Темурнинг дастлабки шаҳарсозлик фаолияти, яъни 1370-1371 йиллардаги қурилган шаҳар қалъаси кўрсатилмаган. Шунингдек, бу олим чизмада тиклаган ўрта асрлар Самарқанд девор ва дарвозаларининг баъзилари XVIII асрда бу ерда Шохмурод ибн Дониёл олиб борган қурилиш фаолиятига тегишли бўлиб, унинг Амир Темур қурдирган девор ва дарвозалардан фарқи кўрсатилмаган. Соҳибқирон 1370-1371 йилларда дастлаб XII асрнинг шаҳри Бирун ҳудудига мос тушадиган ерни Ибн ал-Фақиҳ таърифлаган мўғуллар бузиб ташлаган қалъа сифатида тиклайди. Унинг ўша пайтда тўрт дарвозаси ҳамда чорсуси бўлган ва шаҳар анъанавий рубъа ёки қитъа шаклидан ташкил топган. Амир Темур XIV аср охиридан то умрининг охири (1405 й.) гача шаҳарни кенгайтириб, янги кўчалар очтирди.

Самарқанд шаҳри кўрғонининг XIV асрнинг 60-йилларида бузилиб кетганлиги Шомийнинг “Зафарнома” сида ҳам таъкидланган.

Амир Темур Самарқанд шаҳрида ўз пойтахтини ташкил қилган пайтида илгари қалъани таъмирлаган. Унинг маркази ва контурлари XIX аср топографик харитасида яққол кўриниб турибди. Самарқанд қалъаси дастлаб Соҳибқирон ва унинг фарзандлари даврида қурилган Кеш, Ҳирот, Андижон, Бинокет, Марв, Бухоро, Байлақон шаҳарлари каби арк ва марказда иккита катта кўча кесишган шаҳристонли шаҳар кўринишида бўлган. Буни ҳозирги давргача бизга етиб келган шаҳар структурасида кўриш мумкин. Бундай шаҳар кўриниши Мовароуннаҳр шаҳарсозлигида рубъа ёки қитъа деб номланиб, шаҳарнинг тўрт даҳага бўлинишини англатади. Шаҳристондан шарқроқда, Оби Машҳадга туташ ҳудудда Амир Темур кўғирчоқ хон қилиб кўтарган Суюрғатмиш ва Султон Маҳмуд работлари жойлашган бўлган. Унинг шимолий қисмида эса Туман оқанинг работи ва шимолроқда, Шохизиндага туташ ергача Бибиҳонимнинг онаси Ўлжа ойим чарбоғи ва кейинчалик макбарага айлантирган кўшк жойлашган бўлган. Бу работлар девор билан ўраб олинганлиги ва шаҳардан ихота қилинганлиги учун бу ҳудуд Дари Занжир, яъни занжирланган эшик деб юритилган.

Кейинчалик Амир Темур мавқеи ошиб боргач шаҳар ҳудуди ҳам кенгая борди. Жумладан, 1380 йилларда Соҳибқирон шаҳарнинг жануби-шарқидаги Рухобод мавзесини, унга туташ шаҳарнинг чақар (харбий горнизони) ерларини шаҳар ҳудуди таркибига киритди. Унга туташ бўлган аҳоли ерларини сотиб олиб, Муҳаммад Султон учун бинолар мажмуаси ва чорбоғ бино қилди. Испания элчиси Руи Гонзалес Клавихонинг гувоҳлик беришича, 1404 йилда Оҳанин дарвозасидан Чорсу дарвозасигача бутун шаҳарни кесиб ўтадиган катта кўча қурилиши бошлаб юборилди. Унинг бир бошида Оҳанин дарвозаси ёнида Бибиҳоним номи билан боғланган Жоме масжиди ва қарама-қаршисида шу номли мадраса кўчанинг бошқа бошида

эса Муҳаммад Султон мадрасаси ва хонақоҳи жойлашган эди. Кўча чорсуни кесиб ўтганлиги туфайли жанубдаги дарвоза Чорсу деб номланган. Шаҳар маркази - Чорсуда Туман оқа тоқи-савдо гумбаси жойлашган эди. Бу ёпиқ бозор яна Тими кулоҳфурушон деб ҳам номланган.

Шу тариқа илгариги рубъа ёки китъа кўринишидаги шаҳар кенг тармоқланган бутун бошли структурага айланди.

**S.M. Babaev, M.A. Ahmedov - The Architectural Specifics
of the Monuments of the Amir Temur and Temurides Epoch**

The paper is dedicated to historical topography of towns. The authors analyse written sources of Arabic and Persian origin of that period dealing with towns; in particular, its component parts, streets, buildings, etc. They also compare these facts with the data gained from archeological excavations. On the basis of such observations the peculiarities of territorial growth of towns are given. It is marked out that Amir Temur's contribution was great in the 14th century Samarkand's development. Besides this, the authors marked out several historical objects (gates, architectural complex, etc.) known according to written sources.

*A.S. Уралов
(Ўзбекистон)*

**САМАРҚАНД ШАҲРИНИНГ ЎРТА АСРЛАРДАГИ
ДАВОЛАШ ВА ШИФОБАХШ МУАССАСАЛАРИ**

Самарқанд ҳақида ёзилган тарихий ва илмий асарларда шаҳарнинг ўрта асрлардаги даволаш ва шифобахш муассасалари ҳақида жуда кам маълумотлар берилган. Ўтмишда бундай муассасалар қаторига бемористон (касалхона), дор уш-шифо (шифо уйи), дорихона, ҳаммом, табиий иссиқ ва минерал чашмалар қошида қурилган гармобалар кирган.

Ёзма манбалар Зарафшон воҳасида жамоат шифохоналарининг X-XI асрлардан бошлаб шаклланганлиги ҳақида маълумот беради. Бу Сомонийлар ва Қорахонийлар даврига тўғри келиб, Бухоро ва Самарқандда кўплаб иқтидорли табиб ва олимлар фаолият кўрсатишган. Улар орасида Шарқнинг машҳур қомусий олими ва табиби Ибн Сино ва унга табобатдан дарс берган устози Абу Мансур ал-Қумрий (999 йили вафот этиб, Бухорода дафн этилган) ҳам бўлиб, улар нафақат илмий, балки амалий табобат билан ҳам шуғулланганлар. Жумладан, Ибн Сино Бухоро, Гурганж ва Хамадон касалхоналарида ишлаган. Ибн Сино даврида Бухорода алоҳида қурилган касалхона бўлганлигини тасдиқловчи тарихий маълумотларга эга бўлмасакда, бироқ, бундай тиббий муассаса Самарқандда XI асрда қорахоний ҳукмдор Иброҳим Тафғачхон Бағраҳон томонидан қурилган.

Тафғачхон вақф ҳужжатларига кўра, касалхона шаҳар даҳаларидан бирида жойлашган бўлиб, бир ёнидан масжид билан, қолган томонлардан дарахтлар ва уй-жойлар билан чегараланган бўлган. О.Г. Большаков касалхона қурилган жой ҳақида фикр юритиб, у ҳозирги Регистон майдонига яқин бўлган Сўзангарон кўчаси йўналишига тўғри келган, деб тахмин қилади. Вақфда кўрсатилишича, шифохона биносининг ҳовлиси, тўрт томони ва кўчага қараган битта дарвозаси бўлган. Демак, шифохона режасининг тузилиши тўрт томони берк ички ҳовлили бино кўринишига эга бўлган. Бу эса кишини ўз навбатида Самарқанд шифохонаси ўзининг меъморий-режавий ечими бўйича ўша даврда нафақат Марказий Осиёда, балки бутун ислом шарқида кенг тарқалган мадраса биносининг меъморий тузилишига яқин бўлган, деб хулоса қилишга ундайди. Мадраса, карвонсарой, масжид биноларига хос ички ҳовлили бундай режавий ечим шифохоналарга ҳам жуда мос келган, чунки у “палата”ларни ички ҳовлига қаратиб жойлаштиришга ва турли тиббий хизмат турларини ташкил қилишга имкон туғдирган. Бундан ташқари, ички ҳовлида кун давомида соя-салқин ва дам олишни ташкил қилишга қулай шароит яратилган.

Самарқанд шифохонасида малакали табиблардан ташқари кичик тиббий ходимлар, қон олувчилар, ошпазлар, имомлар, ҳовлига қаровчилар ҳамда гўрковлар ишлаган. Демак, шу хизматларга мос равишда турли хоналар, жумладан касаллар учун хужралардан ташқари ошхона, мачит, дорихона, табибларнинг йиғилиши учун жамоатхона ва бошқа ёрдамчи

хоналар бўлган. Самарқанд шифохонаси қошида юқоридаги вақфда кўрсатилишича, қатнаб даволанувчи касаллар учун кичик шифохона (“нимак бемористон”), яъни дармонхона ҳам ташкил қилинган. Шифохона низомида бу ерда нафақат касаллар, балки ночор ногиронлар, мажруҳлар, қаровсиз қариялар ҳам манзил топадилар, деб айтилган. Самарқанд шифохонасининг қанча вақт фаолият кўрсатганлиги номаълум, аммо у XIII асрда Чингизхон босқини даврида яқсон қилинган кўринади. Ҳозирги даврда бу бинодан, афсуски, нишона ҳам қолган эмас.

Тарихий манбалардан маълумки, соҳибқирон Амир Темур ҳам ўзининг Самарқанд аркида шифохона таъсис этган. У алоҳида бино тарзида қурилган ва кенг жамоатчиликка мўлжалланган бўлмаса-да, ҳукмдор оиласи, Самарқанд олимлари, зодагонлари ва ҳарбийларни даволашда муҳим роль ўйнаган. Шифохонада ўша даврнинг таниқли табиблари ва олимлари ишлаган.

Самарқанд шаҳридаги жамоат шифохонаси каби даволаш муассасалари Марвда, Хоразмнинг қадимий пойтахти Кўҳна Урганч ва Бухорода ҳам қурилган. Ушбу шифохоналарда ички касалликларни дори-дармонлар билан даволаш бўлимларидан ташқари бошқа бўлимлар ҳам бўлган бўлиши мумкин. Чунки ўша давр табиблари беморларни даволашда турли усуллардан: дори-дармонлар, жаррохлик, массаж, бальнеодаволар, парҳез, “музикатерапия”, яъни куй оҳанги, кўшиқ ва турли ўйин (ракс)лар кучидан ҳам фойдаланганлар.

Самарқанд, Кўҳна Урганч ва Марв шифохоналарига ҳамда XI аср Тафғачхон вақф хужжатларига асосланиб, Ўрта Осиёда бу даврга келиб жамоат касалхоналарининг барча вазифалари ва эҳтиёж талаблари аниқланган, ўзига хос ҳуқуқий тартибга эга бўлган муассаса тарзида тўлиқ шаклланган, деган хулосага келишимиз мумкин. Шуниси кизиқарлики, ўша даврларда ҳам ҳозирги замондаги шифохоналардагидек “консилиум” усулига амал қилиниб, оддий табиблар беморларни даволашда юқори малакали табиблар билан кенгаш ўтказиб турган. Касалхоналар таркибида масжид, дорихона, табибларнинг йиғилиши ва маслаҳатлашиши учун махсус жамоатхоналар бўлган.

Археологик маълумотларга биноан, Марказий Осиё шаҳарларида, хусусан Зарафшон минтақасида тиббий дориворлар тайёрлаш, улар билан савдо қилиш илк ўрта асрлардаёқ йўлга қўйилган. Жумладан, археологлар 1984 йили Бухоро яқинидаги қадимги Пойкент шаҳри харобаларидан VIII асрга тегишли алоҳида қурилган дорихона биносини топганлар. Бинонинг тарҳи тўртбурчак шаклида бўлиб, асосан иккита кетма-кет жойлашган катта хона ва улар ичидаги бир неча бўлинмалардан иборат. Археологларнинг фикрича, катта хоналарнинг бири кимёвий услубда дори-дармонлар тайёрлашга мўлжалланган бўлиб, иккинчисида дорилар, доривор хомашёлар ва идиш-анжомлар сақланган. Хоналарнинг биридаги бўлинмада зинапояли кенг супа жойлашган бўлиб, унда эҳтимол келган касалларга тиббий ёрдам кўрсатилган, бошқача айтганда, бу бўлинма “амбулатория” вазифасини бажарган бўлиши мумкин. Дори тайёрланадиган хонанинг остида узунлиги 6,3 метрли ертўла ҳам бўлиб, у тайёр дори-дармонларни ва турли хил бузилувчи маҳсулотларни сақлашда ўзига хос “совутгич” вазифасини бажарган. Пойкент дорихона биноси ҳозирча Зарафшон воҳасида топилган шу хилдаги ёдгорликларнинг ягона тимсолидир.

Тарихий манбаларнинг далолат беришича, ўрта аср Шарқида давлат томонидан ташкил этилиб, жамоага хизмат кўрсатган биринчи дорихона милоднинг 754 йилида Бағдодда очилган. Бундай дорихоналар кейинчалик бошқа мусулмон ва Ғарбий Оврўпа мамлакатларида ҳам ташкил этилган. Шундай дорихоналар қаторига Пойкент дорихонаси ҳам кирган. Алоҳида қурилган махсус дорихоналардан ташқари шаҳар бозорларида дори-дармонлар билан савдо қилувчи махсус дўконлар ва уй дорихоналари ҳам бўлган. Бундай дорихоналар Ибн Сино даврида халққа хизмат кўрсатадиган “дорихоналар тармоғи”ни ташкил қилиб, беморларни дори-дармонлар билан таъминлаб турган. Марказий Осиёда сайёҳлар, меҳмонлар, савдогарларга тиббий ёрдам кўрсатиш мақсадида йирик қарвонсаройлар қошида ҳам амбулаторияли дорихоналар ташкил этилган. Жумладан, Навоий шаҳри яқинида жойлашган “Работи малик” қарвонсаройи харобалари хоналарининг биридан топилган турли дори-

дармонлар солинган шиша ва сопол идишлар, тиббий пичоқ, қайчи ва шунга ўхшаш жаррохлик анжомлари фикримизнинг далилидир.

Бундан ташқари, ўрта аср Шарқ мамлакатларида деярли ҳамма шифохоналар ўз дорихоналарига эга бўлганлар. Бухородаги “Дор уш-шифо”, Ҳиротдаги “Шифоия”, Миср ва Бағдод, Табриз ва Ҳамадондаги ўрта аср шифохоналари қошидаги дорихоналар шулар жумласидандир.

Халқ саломатлигини мустаҳкамлашга нафақат шифохона ва дорихоналар, балки ҳаммомлар ҳам хизмат қилган. Тархий ва археологик маълумотларга биноан, Самарқанд шаҳрида ҳаммомлар илк ўрта асрлардаёқ шакллана бошлаган. Қадимги Самарқанд (Афросиёб) ҳудудидан топилган IX-X асрларга тегишли ҳаммомлар ҳамда сўнги ўрта асрларда Қорахонийлар даври, Амир Темур ва Темурийлар даври ҳаммомлари бунга мисолдир.

XIX асрнинг - охири XX асрнинг бошларида Самарқандда 9 та ҳаммом бўлиб, уларни жойлашиши, хизмат кўрсатиш доираси ва бошқа бинолар билан қурилиш хусусиятларига қараб асосан икки гуруҳга бўлиш мумкин: бозор ва гузар ҳаммомлари. Бозор ҳаммомлари бозорлар ёнида, савдо бинолари ва кўчаларга туташ, алоҳида ёки улар билан бирга меъморий комплекс тарзида қурилган ва умумшаҳар миқёсида хизмат кўрсатган. Бундай ҳаммомлар шаҳар фэйзи ҳисобланиб, аҳолига кўрсатилган савдо хизматини шифобахш-гигиеник хизматлар билан тўлдирган.

*Н.Б. Немцева
(Ўзбекистан)*

ИСТОКИ МЕДРЕСЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

При археологических исследованиях в 60-е годы XX в. в ансамбле Шахизинда в Самарканде было открыто точно датированное, одно из самых ранних в Средней Азии медресе, известное по письменным источникам. Это было ханифитское правительственное медресе Кусамийа XI в., построенное у главной святыни города – «Машада Кусама» первым тюркским правителем Западного Каганата из династии Караханидов Ибрахимом Тафгач - Бугра - ханом к 1066 г. Тафгач Бугра хан (правил 1040–1068) с самого начала образования Западного Каганата сделал своей столицей Самарканд (Кочнев, 2006. С. 193, 197). В конце своего правления он построил в стольном городе дом для больных (дар ли-л марда) и «приказал основать около святыни (ал-машхад) мадрасу, которая станет местом собрания людей науки и религии» (Буниятов, Гасанов, 1994. С. 48-62).

Почти одновременно в Александрии (Египетской) был обнаружен вакф на это медресе от 1066г., переведенный сначала на французский (М. Хадр, К.Казн), а затем на русский язык (О. Большаков, Дж. Буниятов, Т. Гасанов).

В те же годы несколько списков того же вакфа 1066 г., хранящихся в Ташкенте (фонды Института востоковедения АН РУз), были переведены и сопоставлены с материалами археологических работ в Шахизинде (О.Д. Чехович, Н.Б Немцева). Этот комплекс письменных и археологических данных позволил впервые, на документальной основе рассмотреть одно из самых ранних медресе Средней Азии, изучить вопросы генезиса, ранние архитектурные формы медресе, внутреннюю структуру, программу обучения в медресе и т.д. (Немцева, 1974. С. 99).

Медресе Кусамийа было выстроено с западной стороны дороги-улицы (коридор Шахизинды), напротив «машада Кусама» в ансамбле «кош». Главный фасад медресе был обращен на восток, к «машаду», северный - в сторону канала (фаркин по вакфу), протекавшего от главного распределителя Джуи-Арзис у южных Кешских ворот в сторону Шахизинды.

Здание имело дворовую четырехайванную планировочную композицию, занимало площадь около 55х44-45 м. Главный восточный фасад имел характерную для таких сооружений фронтальную композицию (дл. 44-45 м). На центральной оси фасада находился входной портал, по его сторонам – крылья стен, завершенные угловыми башнями-гульдаста. Эта типичная фронт-

тальная композиция к XI в. окончательно сформировалась, как показывает целый ряд памятников зодчества Средней Азии (Рабат-и Малик, Дая-хатын и др.), в медресе Кусамийа XI в. она представлена в законченной, сложившейся форме.

Фасад, сохранившийся на высоту 0,7-2,80 м (часть фасада вмурована в мавзолей Безымянный-2 конца XIV в.), был облицован парным шлифованным кирпичом с поперечными фигурными вставками-«бантиками» - типичным декоративно-облицовочным приемом для XI-XII вв. Верхние части фасада и входного портала, судя по находкам, украшала резная неполивная терракота с богато насыщенным растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом.

Внутренний план здания заключал просторный (около 20x30 м), вымощенный квадратными плитами двор, с айванами на осях, застроенный по сторонам худжрами для проживания студентов и учебными классами. По углам, судя по вскрытому, видимо, располагались крупные квадратные залы - дарс-хана, мечеть, библиотека, названные в вакфе. Интерьер вскрытого юго-восточного зала был покрыт полихромной росписью по ганчу и вымощен квадратными шлифованными плитами.

В медресе Кусамийа, как следует из вакфа 1066 г., обучались студенты, исповедующие толк Абу-Ханифы, изучалось богословие (Коран, Сунна, Шариат) и светские дисциплины (назван адаб – литература, этика), имелась библиотека.

Внешние стены медресе были построены на основательных фундаментах из сборного материала (жженный кирпич, пахса, галька). Внутренние стены были установлены на «заливки» толщиной в 50-70 см, что обеспечило идеально ровную поверхность. Этот древнейший в Средней Азии строительный прием (многократная заливка котлована под строительство), сохраняется до сего дня в народном жилье.

Медресе Кусамийа показывает, что уже в середине XI в. на территории Мавераннахра сложился архитектурный тип здания медресе, основная планировочная композиция которого развивалась в последующем в классических медресе XV-XVII вв. всей Центральной Азии и Хорасана (медресе Самарканда, Бухары и Гиждувана, Герата и Харгирда).

После монгольского нашествия в XIII в. и перемещения Самарканда с городища Афрасиаб на территорию рабада медресе Кусамийа как городское учебное заведение уже не функционировало, но использовалось как пристанище для паломников (завийа) при почитаемой загородной святыне. Именно в такой роли застал здание медресе Ибн Баттута в 30-е годы XIV в. По планировочным данным (кельи для жилья) медресе оптимально отвечало функции завийи. Медресе использовалось как завийа вплоть до конца XIV в. Только при Темуре во время массовой застройки ансамбля Шахизинда, медресе было частично разобрано на кирпич, а на главный фасад (юго-восточное крыло) был установлен мавзолей Безымянный-2 конца XIV в. Основание главного портала с выходом в коридор ансамбля Шахизинда сохранялось вплоть до 2004 г., когда было уничтожено во время бесконтрольной реконструкции ансамбля.

Данное сообщение касается истории сложения медресе, как высшего учебного заведения на мусульманском Востоке, с кратким обзором того огромного наследия и опыта в развитии образовательных школ на территории Евразии с глубокой древности, которые предшествовали появлению средневековых медресе и явились основой организационной формы и программы обучения, уклада жизни и норм морали в медресе. Такой обзор необходим хотя бы потому, что в отдельных работах появились неверные заявления, будто мусульманские медресе не имели ни параллелей, ни предшествующего опыта (С. Хмельницкий).

Медресе на Среднем и Ближнем Востоке, в том числе в Средней Азии, появились в конце IX-начале X в. (письменные источники не содержат более ранних известий), широкое распространение получили в XI-XII вв. и в последующие столетия.

В средние века это был единственный высший общеобразовательный институт в исламском мире, где готовили служителей культа, учителей начальных школ, а также служащих государственного аппарата. Медресе заканчивали ведущие ученые Арабского мира.

Программа обучения в ранних медресе включала обязательное богословие и светские дисциплины. Богословие традиционно включало изучение Корана, хадисы, фикх, мусульманское

право – шариат. Светские науки - арабскую грамматику, юриспруденцию, филологию, логику, математику, астрономию, географию, историю и ряд других дисциплин, отражавших состояние науки на том или ином этапе.

Симбиоз теологических дисциплин в соответствии с конфессией и светских наук в учебных заведениях Евразии – древнейшая традиция, сложившаяся еще в жреческих храмах Египта и Шумера, монастырских школах Индии и Китая, которая в средние века была унаследована ранними мусульманскими медресе X-XI вв. и первыми Европейскими Университетами XI в.

Ко времени появления высшей мусульманской школы в X в. в странах Арабского Халифата уже существовал многовековой опыт важнейшей области культуры и индикатор цивилизованности общества - система образования, методика, приобретенный опыт обучения, основанный на местной традиции и контактах с внешним миром. Развитие процессов образования складывалось на широкой территории континента при постоянном взаимодействии и взаимовлияниях, торгово-экономических и культурных связях, особенно активных с эпохи открытия Великого шелкового пути.

Особенно отчетливо общие моменты в системе обучения проступают со времен сложения мировых религий – иудаизма, буддизма, христианства, ислама и связанных с этими конфессиями разных течений, главное из которых - монашество и распространение монастырей разного типа. Именно при монастырях появились первые школы-общежития, в которых, кроме богословия, давалась и общеобразовательная грамота.

Уже при первом знакомстве с проблемой бросается в глаза несомненная схожесть в организационных формах, методах и программах обучения в монастырских школах и медресе. Это сходство настолько выразительно, что не оставляет сомнений об общих путях развития образовательной системы в Евразии.

Параллели прослеживаются и в совместном проживании студентов и преподавателей в медресе и монастырях, в «закрытости» этих учреждений, в аскетическом образе жизни в медресе, близком монастырскому, в существовании специальных уставов, регламентирующих жизнь студентов в медресе и монастырских школах, в программе обучения, где обязательными являлись религиозные и светские дисциплины, начиная от элементарной грамоты (обучение письму, счету и чтению) до высших достижений в астрономии, математике, географии и других науках. Монастырские школы, как и медресе, были разных уровней, масштаба и значимости (крупные и мелкие, городские или сельские, правительственные, частные и т.д.) и степень просвещения в них соответственно была разной. В данном случае рассматривается лишь общая тенденция.

Первые учебные заведения еще до монастырских школ возникли в странах Древнего Востока (Шумер и Аккад, Вавилон и Ассирия, Египет, Индия, Китай) за несколько тысяч лет до н.э. Это были школы разных уровней. Существовали жреческие школы при храмах, дворцовые школы для обучения знати, школы писцов для нужд административно-хозяйственного управления (Токарев, 1965). В этих государствах храмовое жречество владело огромными богатствами, располагало большой политической властью, было хранителем всех научных знаний, имело многочисленные архивы документов и библиотеки.

Средоточием науки в древнем Двуречье середины 2-го тыс. до н.э., кроме храмовых школ, были так называемые «Э-дубба» - тип светской школы – Академии, где готовили, главным образом, писцов. «Писец» было почетным званием образованного человека. Вавилоно-Ассирийская наука имела относительно высокий уровень (Дьяконов, БСЭ. С. 218).

В древней Греции и Риме жречество не играло самостоятельной роли – должность жреца была выборной. Высшие для своего времени школы возникли в VI-V вв. до н.э. в Афинах и Риме. Примерно в середине 1-го тысячелетия до н.э. в Греции возникли гимназии – государственные учебно-воспитательные школы, которые потом были учреждены и на эллинском Востоке. В древней Греко-Бактрии в 60-е годы XX в. Французской археологической миссией раскопан гимназий в Ай-ханум III-II вв. до н.э. (северный Афганистан), устроенный по типу греческих учебно-воспитательных заведений (Пичилян, 1991. С. 200-213).

Зачатками высшего образования можно считать кружки около крупных ученых Греции, по

имени которых именовались школы. Эти будущие кафедры в университетах, центры высшего образования - сосредотачивались в крупных городах с большими библиотеками (Александрия, Родос, Пергам, Антиохия, Оронт). Знакомили с правом, философией, историей, поэзией. Школы открывали путь к политической карьере.

Система греческого образования легла в основу римского, затем европейского и арабского образования.

В странах азиатского Востока (Китай, Индия, Япония) школы развивались под влиянием господствующих там идеологий – конфуцианства, даосизма, буддизма, синтоизма, индуизма, ислама. Как и всюду в древности и средневековье, монополия на образование принадлежала церкви.

В этих странах, как и в Египте, школы существовали при крупных храмах. В Индии храмовые школы предназначались, главным образом, для детей высших каст - брахманов и кшатриев. Существовали специальные кастовые школы брахманов, выпускавшие профессиональных жрецов. Кроме чтения и письма, в этих школах изучались тексты священных книг, эпические поэмы, мифология, грамматика, литература, история, философия, математика, астрономия, медицина.

При буддийских монастырях, кроме начальных и средних школ, действовали высшие богословские школы, в которых изучались также математика, астрономия и др. науки. В монастырях переписывались книги и рукописи. Монастырские школы имели свои особенности, но было и много общих черт с первыми мусульманскими медресе и университетами средневековой Европы.

С принятием буддизма в VI в. н.э., монастырские школы появились в Японии. В начале VIII в. в Японии была сделана попытка создания государственных школ. В школах изучали китайскую классику, философию, законы, историю, математику. При феодальных богатых домах сложились клановые школы – изучали рыцарское военное дело, классическую литературу, математику, этикет.

Общеобразовательные школы при монастырях и церквях были характерны для христианской Европы и России.

В арабском Халифате на первом этапе обучения главным было исламское богословие и законоведение. Становление новой государственности в Халифате требовало, в первую очередь, укрепления религии и основанных на ней порядков, законов и нравственных устоев. Эти «новые» нормы в мусульманском государстве полностью или частично опирались на старые, устоявшиеся законы античного и древнего мира - Вавилонии, Ассирии, Египта, Греции и, главным образом, Рима. Вся структура исламского общества при всей его специфике, в том числе система образования, явились продолжением той культуры, которая исторически складывалась и развивалась на территории Евразии с давних времен.

В первые столетия хиджры преподавание исламского богословия и правоведения проходило в мечетях, при которых складывались большие библиотеки.

Известно, что до второй половины IX в. в школах при мечетях учились дети не только мусульман, но также дети евреев и христиан (Бартольд, 1966. С. 111). Это показатель того, что мусульманское богословие не было подавляющей программой. При Аббасидах были школы «дабиристан». Судя по названию - (дабир – чиновник) это были светские школы, где готовили чиновников. Каждая более или менее значительная мечеть имела библиотеку. Существовал обычай завещать свои книги мечетям. Есть предание, что начало библиотеке в мечети Мерва положил еще иранский правитель Йездигерд III в середине VII в., который привез туда свои книги (Мец. С. 145). Библиотеки Мерва славились и позже. В городе было 12 библиотек общественного пользования (вакфные), одна из них имела 12 тыс. томов. Ученые, внося залог, держали у себя дома до 200 книг (Йакут. С. 509).

В IX–X в. в Арабском Халифате сами правители, везири и богатые вельможи были книголюбями, тратили на книги огромные деньги, выстраивали книгохранилища (хазинат ал-хикма) – «сокровищницы мудрости», где могли заниматься люди. Часто те, кто работал в библиотеках, содержались за счет хозяина. Ученость была в почете, книги ценились выше, чем другое

имущество. Существовали отдельные крупные библиотеки, при которых создавались особые «Дома знаний», одни для богословских диспутов, другие для обучения студентов (Мец. С. 145-149).

Халиф Маъмун (813-833) получил широкую известность, как крупный деятель культуры, содействовавший развитию науки и просвещения. Под его покровительством развернулась переводческая деятельность, начавшаяся еще в VIII в. при Мансуре (754-775), благодаря чему выдающиеся произведения древнегреческой и эллинской науки и философии стали доступны арабоязычным ученым (Беляев, 1965. С. 215). В это же время продолжалось усвоение иранской и индийской культуры, что расширяло представления арабов об окружающем мире. В начале IX в. при халифе Маъмуне в Багдаде был учрежден «Дом мудрости» с богатым собранием рукописей и воздвигнута обсерватория в окрестностях этого города. При непосредственном участии этого просвещенного халифа мусульманская догматика подверглась влиянию античной философии, было разработано мутазилитское вероучение (рационалистическое направление), объявленное официальной идеологией (Беляев, 1965. С. 215).

Кади Ибн Хиббан (ум. 965) завещал Нишапуру дом с библиотекой и жилыми помещениями для приезжих ученых и стипендии на их содержание.

Возникла, наряду с библиотеками, новая форма научных учреждений, в которых хранение книг сочеталось с обучением или оплатой выполненной в их стенах работы. В X в. в Халифате появились в связи с этим и новые названия – не «Сокровищница мудрости», как раньше, а «Дом науки» (дар ал-илм). «Дом науки» с библиотекой, где имелись книги по любой отрасли знаний, учредил поэт и ученый Ибн-Хамдан (ум. 935) в Мосуле. Доступ к ним был открыт всякому, кто стремился к знаниям, а неимущим выдавалась бумага. В Басре была в X в. библиотека, где читатели и переписчики получали пособие. Другой везир в начале XI в. в западной части Багдада основал «Дом науки» с великолепной библиотекой, где хранилось до 100 экземпляров одного только Корана, а всего было 10 400 других книг. Поэт и глава алидской знати ар-Ради (ум. 1015) основал «Дом знаний» для студентов (талабат ал-илм) и назначил им содержание. Везир ибн-Киллис держал свою частную Академию и расходовал на ученых, переписчиков и переплетчиков до 1000 динаров. При сложении медресе в X в. преподавание богословия и правоведения по-прежнему параллельно проходило и в мечетях. В мечети Нишапура - ученом центре всего Востока, собиралось до 500 слушателей, в Багдаде— до 300–700 (Мец. С. 148-150).

Все упомянутые выше учебные заведения в Арабском Халифате, в том числе мечети, в которых проводилось обучение, с их порядками, уставами и программами были той непосредственной образовательной средой, на основе которой в арабских странах складывались первые медресе.

С конца IX - начала X в. в странах ислама возникают специальные высшие учебные заведения – медресе (ар. мадраса, от глагола дараса - изучать). В еврейском этому слову соответствует мидраш - учение, толкование закона. Предполагается, что слово «мидрас» было известно арабам еще до ислама. В преданиях о времени Мухаммада (Табари, IX в.) говорится о еврейском «бейт мидрасе» в Медине (Бартольд, 1963. С. 225).

Появление медресе было вызвано не столько возраставшей потребностью знаний, как считает А. Мец (в мечетях собиралась многочисленная аудитория в 500 и более слушателей), сколько изменившейся методикой преподавания. Обычная манера чтения лекций вытеснялась толкованием (тадрис) и диспутами, для которых мечеть была не подходящим местом (Мец. С. 148-150). При этом огромная роль библиотек и мечетей, как учебных и научных центров, сохранялась на всем протяжении второго тысячелетия н.э.

В программе медресе X-XII вв., кроме духовных наук и правоведения, большое место отводилось также преподаванию адаба - курса, вобравшего в себя ряд отраслей рациональных, эстетических и литературных знаний и в определенной мере отражавшего научное мировоззрение и нравственные нормы интеллигенции IX-XII вв.

Самое раннее письменное известие о медресе в Средней Азии принадлежит Наршахи, который в «Истории Бухары» сообщает о медресе Фарджек (Бартольд, 1963. С. 226), сгоревшем в 937 г. при большом пожаре в Бухаре. В Самарканде при Саманидах было 17 медресе, органи-

зованных сектами мутазилитов и керрабийцев. В.В. Бартольд в связи с этим, высказал предположение, что родиной первых медресе является Средняя Азия или шире – Центральная Азия, что медресе появились на крайнем востоке Халифата под влиянием буддийских монастырей – вихара.

А. Мец на основании письменных источников считал местом появления первых медресе Нишапур – крупнейший научный центр Хорасана, средоточие учености Востока. Существуют многочисленные сообщения о медресе X-XI вв. в Нишапуре. Самое раннее из них датировано началом X в. (912 г.). По сообщению Йакута, обучение в этом медресе начиналось с чтения и разночтений Корана. Утби говорит о медресе «Сабуни» в Нишапуре, где хранился огромный коллективный труд по толкованию Корана, составленный по распоряжению сеистанского Халафа (943 –1003), истратившего на это 20 000 динаров. Мукаддаси сообщает о медресе Мавераннахра, о медресе Мерва, в которых каждому преподавателю было назначено содержание. Газневидский историк Бейхаки сообщает о 20 медресе с вакфами в Хутгальяне.

Махмуд Газневи (ум. 1030 г.), после совершения 12 –го индийского похода (1018-19 гг.), воздвигнул обширное медресе при соборной мечети в Газне. Помещения медресе от земли до потолка были заполнены сочинениями выдающихся ученых «по наукам древним и новым». Эти сочинения были вывезены из библиотек царей, как добыча из разных областей света, в том числе из Ирака (Бартольд, 1963. С. 349).

В Исфагане сельджукским везиром Низам ал Мульком (XI в.) было построено медресе с удивительным минаретом. На территории северо-западного Ирана (Харгирд, Рей) еще в XX в. сохранились руины двух медресе XI в. (Э. Диц, А. Годар).

Определенную роль в формировании медресе сыграли исламские толки, сложившиеся к X в. Самым распространенным толком в Средней Азии был «ханифитский», но были и шафииты. В шафиитской соборной мечети Гурганджа (Куня Ургенча) в начале XIII в. министр Шихаб ад-дин Хиваки, имевший обширные познания во всех науках, преподавал в пяти медресе. При шафиитской соборной мечети он устроил библиотеку, подобной которой «не было ни раньше, ни позже», как сообщают источники (Бартольд, 1963. С. 238).

Средняя Азия X-XII вв. славилась именами крупных средневековых ученых – энциклопедистов - Фараби, Ибн Сина, Беруни, Хорезми, Бузджани, ал-Балхи, ар-Рази, Наршахи, которые передвигались по городам всего мусульманского Востока для изучения наук и получения знаний в медресе, частных школах, в библиотеках.

В XI в. при хорезмшахе Маъмуне-2 ибн Маъмуне (1009-1017) в Гургандже была создана знаменитая «Академия Маъмуна», где группировался большой круг ученых. Украшением этой Академии был Беруни и Абу Али ибн Сино.

Отрывочность и случайность дошедших до нас редких письменных известий о первых медресе тысячелетней давности не дает еще оснований помещать «родину медресе» в том или ином городе Арабского Халифата. Наверное, правильнее было бы исходить из общего уровня культуры, в том числе образовательной, в регионах, где зарождались школы обучения всех ступеней. Во всяком случае, Бухара и Самарканд в Мавераннахре, Нишапур и Мерв в северном Хорасане, Багдад и Дамаск Ближнего Востока с их древнейшей культурой в одинаковой степени могут быть главными преемниками и продолжателями древней образовательной культуры на мусульманском Востоке.

Следует отметить некоторое сходство в программе обучения и организационных формах в ранних медресе и первых университетах Европы, которые появились в XI-XII вв. (Италия, Франция, Испания, Португалия, Англия). Студенты и преподаватели жили в специальных зданиях - колледжах, там же проходило обучение (как в медресе и в монастырях). В университетах как в монастырях и медресе существовали строгие уставы, регламентирующие жизнь студентов, в программе обучения, кроме факультетов по разным наукам, в обязательном порядке был богословский факультет. В средние века сходство имелось и в методике обучения в медресе и университетах – лекции + диспуты. Позже пути развития медресе и университетов все более отличались.

Роль первых медресе в средние века была чрезвычайно велика. При неизменном и обяза-

тельном изучении богословских наук, медресе, наряду с библиотеками при научных центрах, являлись проводниками, ретрансляторами некоторых достижений науки. Соотношение богословия и светских наук в медресе на протяжении средних веков менялось. В позднее средневековье духовное образование в рамках ортодоксального ислама занимало все большее место, пока не стало единственным направлением.

В небольшом кратком обзоре по истории образования в древнем мире и в средние века я попыталась показать тот огромный культурный потенциал в странах Европы и Азии, который был унаследован и на основе которого в средние века сложились первые мусульманские медресе X-XI вв. Появление медресе было естественным продолжением развития одной из важных сторон общей цивилизации средневекового общества - системы образования, которая складывалась на длительном протяжении времени и уходит в глубину веков.

Использованная литература

- Кочнев Б.Д.. Нумизматическая история Караханидского Каганата (991-1209). София, 2006.
Буниятов Дж., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994.
Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // Афрасиаб, в. III. Ташкент, 1974.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
Дьяконов И.М. Вавилоно-ассирийская культура // БСЭ. Т. 4.
Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
Бартольд В.В. Ислам. Соч. т. VI. М., 1966.
Адам Мец. Мусульманский ренессанс.
Йакут. Словарь, IV.
Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский Халифат в раннее средневековье. М., 1965.
Халимов Н.Б. Памятники Ургенча. Ашхабад, 1991.

N. B. Nemtseva - The Origins of Medresahs in Central Asia (Short Overview)

The medresah of Kusaniya dated to the 11th century in the Shah-i Zinda complex is considered to be one of the earliest and best dated constructions. According to a waqf document of 1066, students studied here and learned religion as well as other disciplines; there was also a library. An important role in the formation of medresahs was played by Islamic orders formed during the 11th century such as the Hanafites and the Shafiites. An overview of education in the ancient and medieval periods shows the great cultural potential of European and Asian countries on the base of which the first Muslim medresahs emerged in the 10th-11th centuries.

*Ш. Фатуллаев-Фигаров, Р. Амензаде
(Азербайджан)*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН - АРХИТЕКТУРА

В многоликом пестром зодчестве стран Востока архитектура средневекового Азербайджана предстает как крупное художественное явление, на самостоятельной творческой основе которого в средние века появлялись шедевры градостроительства и монументального зодчества, самобытного народного жилища, составляющие достойный вклад в мировое культурное наследие.

Проявление культурной общности, а также высокий профессиональный авторитет зодчих азербайджанцев способствовали возведению под их руководством или с их непосредственным участием монументальных строений не только на Родине, но и во многих городах Востока, в том числе в Багдаде, Герате, Сарай-Берке, Самарканде, Конье, Шахрисабзе, Мешхеде, Исфахане, Сивасе, Стамбуле, Бурсе, Дивриги. Однако имела место также обратная связь, иначе говоря, на формирование монументальных сооружений Азербайджана и их творцов определенное влияние оказывали строительные достижения других стран, взаимный контакт с которыми был весьма силен.

Завоевания Темура (1387-1405) в его неустанном стремлении превратить свое государство в самое могущественное на Востоке предопределило мощный всплеск культуры Мавераннахра конца XIV—начала XV века. Этому в немалой степени способствовало духовное объединение народов в созданной «Железным хромцем» великой державе. Общность исторических -

судеб средневекового Азербайджана и Центральной Азии имеет глубокие корни, она определяется, в основном, многовековым вхождением в различные крупные государства, общностью религии, языка.

По «высочайшему повелению» Темура возводятся великолепные крупномасштабные, насыщенные декором монументальные строения. Особую парадность архитектурно-художественному образу сооружений придавали объемные, с глубокими эйванами пештаки, замкнутые мощными устоями. Они стали наиболее эффектными элементами общей архитектурной композиции, корни которых, как справедливо указывают ученые Центральной Азии, следует искать в Азербайджане, в монументальных строениях Ильханидов. Их «количественные» параметры не уступают самым крупным монументальным сооружениям Темуридской эпохи. Однако чрезмерные абсолютные размеры, крайне нерациональные в регионах с высокой сейсмичностью, в известной степени «виновны» в утрате многих шедевров зодческого искусства, как в Центральной Азии, так и в Азербайджане.

При сопоставлении главных отличительных особенностей пештаков Центральной Азии конца XIV – начала XV века и порталных композиций Азербайджана в последних можно выделить: а) стройность, вытянутость пропорционального строя, с соотношениями 1:1,5, 1:2, 1:2,5; б) отсутствие реваков, кунгра; в) богатство пластической разработки архитектурных членений; г) антропоморфный масштаб проемов порталов монументальных сооружений (Амензаде, 1981. С.21).

На базе высоких традиций центральноазиатского зодчества, в тесном контакте местных и пришлых мастеров утвердился «новый стиль» (Ибн Арабшах) единой художественной школы (Пугаченкова, 1965. С.309). Вклад в нее зодчих Азербайджана довольно значим, однако их талант был не растворен, но органично влит полнокровной творческой струей в создание шедевров центральноазиатского зодчества.

Имена и нисбы мухандисов, мемаров, кашисазов, наггашей, бендгиров, создателей архитектурных шедевров не все дошли до нас. Те, кто известны, увековечены традиционно на портале (мавзолей Туман-ака, 1405 г., Шах-и Зинда, Самарканд, арх. Шейх Мухаммед ибн Ходжабек Тебризи), порой дважды (дворец Ак-Сарай, 1380-1404 гг., Шахрисабз, Мухаммед Юсиф Тебризи) (Ремпель, 1961. С.293, 303). О «камнесечцах» из Азербайджана, участвовавших в возведении комплекса мечети Бибаханым в Самарканде (1399-1404) упоминает придворный историограф Темура Молла Шереф ад-Дин Йезди (Якубовский, 1933. С.44). По-видимому, речь идет о двухстах каменщиках, трудившихся на строительстве ее портиков (Стирлен, 2003. С.68). В перечне, приведенном Л.Голомбек и Д.Вилбером в «Тимуридской архитектуре Ирана и Турана» (1988), названы семь мастеров из Тебриза, оставивших свои «подписи» в одном только Самарканде (Стирлен, 2003. С.60).

Как явление исключительное отмечает Г.А. Пугаченкова декорированные азербайджанскими специалистами резные наборные мозаики мавзолея Абу-Саида в Мехне, принадлежавшего по сути двум эпохам (XI-XV вв.), а общий стиль художественных росписей, идентичный украшениям мавзолея Ольджайту в Султание, относится «к числу выдающихся образцов архитектурной живописи», шедеврам полихромно-живописного стиля на всем Среднем Востоке (Пугаченкова, 1958, С.365, 366).

Истоки композиции ханегах следует искать в функциональной необходимости строений, набор которых обусловлен требованиями и порядком религиозных предписаний, определявших рядом детерминирующих признаков (Стародуб, 1989. С. 272). Мавзолеи (пир-эпоним) квадратные, круглые, октогональные, являющиеся идейно-смысловым ядром комплексов, конструктивно взаимоувязаны, главным образом, с мечетью. Варьировка темы заключается во взаиморасположении основных элементов, определяемых композицией сооружения. Это не исключает, но подтверждает, в частности, один из наиболее часто встречающихся композиционных приемов органического сочетания мавзолея и поминальной мечети - лишь миновав мечеть, возможно было преступить порог мавзолея.

Отметим, что грань их непосредственного смыкания акцентируется порталной композицией, что можно проиллюстрировать плоскостно решенными, изысканными членениями порталом

в ханегах на Алинджа-чай, пространственно развитым своеобразным «переходом» в виде многоярусной, декоративно насыщенной сталактитовой конхи, подчеркнутой в экстерьере П-образным ленточным обрамлением в культовом комплексе Шейха Сефи (Ардебиль).

Принцип композиционного сочетания двух архитектурных единиц имеет множество примеров в ханегах Центральной Азии. Комплекс Шейха Сейфеддина Бохарзи (XIII-XIV вв.), с древней частью гурханой, мавзолеем Шейха ордена Нашбендия, к которой позднее были пристроены купольная зиаратхана и фланкированный башнями пештак, представляет композиционно единый архитектурный организм (Пугаченкова, 1965. С.247).

В ханегах организующим центром является двор (ханегах Пир-Хусейна), периметрально застроенный одно-, двухъярусными сооружениями, примечательных многообразием сводчато-купольных перекрытий, составлявших пространственно сложные, но исключительно гармоничные композиции. В объемном построении композиции, господствует схема прямоугольника обводных стен, далее к куполу (шатру, пирамиде) основных строений, наконец, к круглоствольной игле минарета и порталной композиции, часто с симметрично вздымающимися башнеобразными минаретами. Наиболее крупномасштабные ханегах имели, возможно, два и более двора. На существовавший в Султанье огромный - в «1000 домов» (худжр) ханегах, в котором было, по-видимому, несколько дворов, с величественным порталом и парными минаретами указывает Хафиз-е Абри, особо подчеркивающий ансамблевый характер застройки в сочетании с медресе и «дар-уш-шифа» (Мортазев, 1980. С.318).

На основании бухарских вакфных документов XVI века была проделана попытка реконструировать ханаку с многодворовым типом архитектурной организации комплекса (Маньковская, 1980. С. 129). В центральноазиатских ханегах XV-XVII веков довольно распространена композиционная схема с крупным подквадратным или крестовидным центральным залом зикрханы и размещенными в углах двухъярусными худжрами, изредка с двух-, трехсторонней галереей (ханака в Файзабаде) (Юсупова, 2000. С.26).

Большую ценность представляют вакфные документы ханегах в Ра'бе Рашиди (Тебриз). На их основании была (Ш.Блейр) сделана попытка реконструировать ханегах, сооружение с центральным помещением, большим количеством жилых и служебных камер, соединявшихся дихлизами, с крупным архитектурным акцентом фасада монументальным порталом. Здесь были указаны: «суфайи бузург» - большой эйван, «сахн» -помещение для собраний суфиев, «табхане» - зимний зал, «танаби» - летняя комната, «шаханшахи» - лоджии для гостей, «сарайча», «дихлиз» - объединяющие крытые вестибюли (Стародуб, 1989. С. 272).

Композиционные принципы ханегах Шейха Шихабетдина Ахари в Ахаре (Южный Азербайджан), окончательно сформировавшегося, возможно, в XVII веке находят прямые аналоги в ханеке Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане (1399-1404). На огромном бронзовом котле для воды, выполненным для ханаки Ходжа Ахмеда и связанным, таким образом, уже в самом замысле с его архитектурой, указано имя Абд-ал-Азиза сына Шараф ад-Дина Тебризи. Это сложносоставные комплексные сооружения, состоящие из разнородных строений, связанных общим идейным замыслом - мечети, джамаатхана, китабхана, худжры и др., под сенью их садов собирали суфийскую элиту.

В ханегах Шейха Шихабетдина Ахари, в сгруппированных вокруг двора строениях осуществлена архитектурная разработка сложно-организованного пространства. Часть из них имеет двойную высоту, другая разместилась в обоих ярусах. Объединяющими оба ханегах чертами является сосредоточение основных строений в правой от главной, продольной оси стороне, столь выразительно отмеченной на фасадной композиции ханегах в Ахаре, расположение винтовых лестниц в башнях, обступающих порталы обоих ханегах, наличие нескольких «приглашающих», архитектурно-организованных входов. В комплексах на главную ось «нанизаны» последовательно порталная композиция, примыкающая к ней купольная зикрхана (11,0x11,0 м в ханегах Шейха Шихабетдина, 18,2x18,2 м в ханеке Ходжа Ахмеда Ясави), ориентированная на Кыблу, и, как бы осеняющая святочитимые могилы - с очерченной мраморной оградкой некрополя во дворе ханегах Шейха Шихабетдина, мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (Туякбаева, 1989. С. 10, 12). Принципиальное отличие заключается в том, что связую-

щим ядром последнего является центральный зал джамаатханы, тогда как в ханегах Шейха Шихабетдина господствует дворовая организация композиции.

Объемно-пространственное решение ханегах Азербайджана обуславливалось номенклатурой помещений (строений), взаимосвязанных единым идейным замыслом, с дворовой организацией композиции. Безусловно, имелось и иное, принципиально отличное решение, с центральным организующим залом и группировавшимся вокруг него комплексом функционально разнородных помещений.

Многообразные творческие связи, взаимопроникновения и взаимовлияния с другими странами были обусловлены этно-исторической общностью народов, сплетенных судьбами, их духовным и языковым родством, эстетической сходственностью вкусов. Тесным культурным контактам благоприятствовало вхождение огромных регионов в единые социально-политические системы, которые перманентно трансформировались. Взаимодействие, как правило, не затрагивало суверенитета архитектурных школ, однако культурный синтез, в известной степени, обеспечивал взаимное проникновение, что подтверждается единой стилистически родственной линией развития зодчества этих регионов.

Использованная литература

- Амензаде Р.Б. Сравнительный анализ порталных композиций Азербайджана и Средней Азии в «Проблемы развития архитектуры и искусства в Советском Азербайджане», Баку, 1981.
- Пугаченкова Г.А., Л.И. Ремпель. История искусств Узбекистана. Ташкент, 1965.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961.
- Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Ленинград, 1933.
- Анри Стирлен. Искусство ислама. Москва, 2003.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализации. Москва, 1958.
- Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия//Суфизм в контексте мусульманской культуры. Москва, 1989.
- Мортазеви М. Некоторые проблемы истории эпохи Ильханидов. (фарс), Тебриз, 1979.
- Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (XI - начало XX в.), Ташкент, 1980.
- Юсупова М.А. Бухарская школа зодчества XV-XVII веков (особенности и динамика развития). Автореф. дис...д-ра архитектуры» Москва, 2000.
- Тюябаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. Алма-Ата, 1989.

Sh. Fatullaev-Figarov, R. Amenzade - Central Asia and Azerbaijan: Architecture

This article considers the high professional authority acquired by Azeri architects and the way in which they directed the construction of monumental buildings in many cities throughout the East. The most characteristic constructions of the Temurid period were peshtaks with large aywans. Based on powerful pillars, they are a fundamental part of many constructions. It is considered in the article that their roots lie in Azerbaijan.

*Mu Sa - Wang Feng
(China)*

THE WORLD'S SAMARQAND AND SAMARKAND'S WORLD

Abstract: Among the numerous cities of Uzbekistan, Tashkent and Samarqand are two absorbing sister cities. The former is the capital of the Republic of Uzbekistan where all the streets show the Islamic and central Asia metropolis' style without no exception. The latter, the second largest city in the Republic of Uzbekistan, is a famous city on the old Silk Road where all the palaces are invariably permeated with the glorious past of Uzbekistan. The history of Tashkent and Samarqand is actually the miniature of the whole history of the Republic of Uzbekistan,

Thus, although the studies on Samarqand in eastern and western countries have experienced several centuries silence, suspicion and dismay, today, people have shown great concerns over them gradually. Recently, in Russian, China, American, France, Britain, Italy, and some Islamic countries, marked improvements and development have been made in both research scale and quality. The interest in Samarqand is still at a height in Russia, China, Iran and America. This situation suggests an era of researching on and rebuilding Samarqand would probably come. Therefore,

both the history, current situation and the 2750th anniversary of the founding of Samarqand present us a research task on Samarqand's world and the world's Samarqand. That means, besides the analytical studies on Samarqand, we should conduct fore sighted comprehensive studies and collect both the documented and unrecorded historical materials in the new and wider fields. We should also sort out these materials completely and represent the history based on researching and sorting out the documents and historical materials comprehensively.

*М.А. Рейтова
(Узбекистан)*

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ РОСПИСИ АФРАСИАБА И ВОПРОСЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ

В результате многолетних археологических раскопок на городище Афрасиаб были выявлены уникальные образцы монументальной живописи на лёссовой основе. Город за период своего многовекового существования неоднократно разрушался до основания и застраивался вновь. Несмотря на это, в различных частях городища при археологических раскопках были обнаружены росписи. В одних случаях это небольшие фрагменты, в других же – целые залы. Первые находки росписей были сделаны в 1913 году (Вяткин, 1928). Они относились к IX-X вв. и до нашего времени не сохранились. Основная часть росписей была обнаружена в период систематического исследования городища, которое началось в пятидесятых годах прошлого столетия.

Знаменательным событием в археологическом исследовании городища Афрасиаб явилось открытие в 1965 году настенных росписей, украшавших стены одного из парадных залов дворцового комплекса, датируемого VII-VIII вв. (Альбаум, 1975). Это была одна из самых значительных находок росписей не только в Узбекистане, но и на территории всей Центральной Азии. Общая площадь сохранившихся расписных стен составляла около 110 кв.м. На четырех стенах помещения находились многофигурные композиции, повествующие о светской жизни правителя. Находка этого уникального материала, вопросы его успешной реставрации и дальнейшего сохранения в музейных условиях явились причиной для создания в республике специальной реставрационной мастерской, в дальнейшем реорганизованной в отдел по реставрации и консервации археологических материалов в составе Института археологии АН РУз.

После вскрытия, полевой консервации и копирования живопись парадного зала была засыпана. И только через семь лет началось ее поэтапное снятие со стен, когда были подготовлены специалисты-реставраторы и отработаны методы реставрации росписей (Абдуразаков, Камбаров, 1975). Всего за двадцать лет работы коллектива реставраторов настенные росписи четырех стен парадного зала были полностью отреставрированы, смонтированы на щиты и выставлены в Музее основания города Самарканда, где для них специально был спланирован зал, аналогичный тому, в котором первоначально находились росписи.

За время археологического исследования центрального раскопа на городище Афрасиаба были обнаружены и другие помещения, стены которых были украшены различными росписями. Наиболее сохранившейся была часть росписи на северной стене помещения IX. Здесь были изображены мужчина и женщина, сидящие под аркой. В поднятых руках они держали алтарные чаши с полыхающим в них огнем. Верхняя часть стен была расписана фризом с изображением вазы с фруктами и парнообращенных друг к другу павлинов.

Другой находкой является живопись на стене вестибюля, примыкавшего к парадному залу дворца самаркандского правителя. Она была обнаружена при раскопках этого комплекса в 1981 году. Размер сохранившейся стены с расписной штукатуркой составлял 8,4x1,7 м. Сохранность этих росписей была значительно хуже, чем росписей самого зала. Красочный слой живописи во многих местах полностью стерт или утрачен вместе со штукатуркой. Тем не менее, нам удалось проследить сюжет. Скорее всего, на стене была изображена сцена охоты. На голубом фоне сохранилось изображение лошади. Рядом с ней фиксируются пятна желтого

цвета с черными колечками. Возможно, что это изображение животного – леопарда. Недалеко от изображения лошади был нарисован большой розовый предмет, похожий на кристалл. Б.И. Маршак в частной беседе высказал предположение, что, вероятнее всего, это стилизованное изображение горы. В итоге можно предположить, что на стене изображена сцена охоты в горах.

Нижнюю часть стены украшает бордюр в виде разделительной ленты из крупных белых перлов на черном фоне, под которой нарисованы завитки листьев аканта. В целом живопись вестибюля по своему оформлению перекликается с росписями центрального зала – тот же голубой фон, сюжетные сцены, аналогично прописанный бордюр.

Совсем иную роспись мы встречаем в помещении, функционировавшем в третьей четверти восьмого века. Оно находилось в одном из домостроений квартала знати, образовавшегося на месте дворцового комплекса в первой половине VIII в. Помещение 7 б входило в состав культового комплекса и было домашней молельной (Ахунбабаев, 1999). Роспись сохранилась на западной стене комнаты. Размеры сохранившейся живописи – 2,95x1,05-0,8 м. В процессе расчистки выяснилось, что данная стена дважды покрывалась живописью. Верхний слой живописи сохранился достаточно хорошо. Первоначальная же роспись практически стерта. Можно лишь отметить, что она была нанесена на ганчевую основу. Живопись была монохромной. На стене едва видны красные пятна в виде кругов диаметром 5-6 см.

Живопись второго слоя выполнена достаточно примитивно. На стене нарисованы два больших куста граната с крупными плодами, между которыми находится какое-то строение. Роспись нанесена на ганчевую основу. Художником в основном использован красный цвет и лишь мелкие листья на ветках прописаны желтой краской.

Таким образом, на одном раскопе мы встречаемся с росписями, относящимися к двум разным историческим периодам – доарабскому и исламскому. Стили и мировоззрения отражены в тематике росписей и технике их исполнения. Досконально прописанная, яркая, сочная в красках полихромная живопись доарабского времени и монохромный, схематически выполненный рисунок исламской эпохи.

Образцы росписей эпохи раннего средневековья (VII в.) были встречены при раскопках жилого квартала города (раскоп Р-29). Живопись сохранилась на двух стенах небольшого помещения. До нас она дошла в очень плохом состоянии. Красочный слой очень слабый и потертый. Во многих местах он практически держался только на корешках проросших растений. Грызуны прорыли в стенах норы, что в значительной степени повредило роспись. Живопись была полихромной. Используемые древним мастером пигменты – красный, желтый, черный, белый, темно-красный.

Несмотря на плохое состояние красочного слоя, проведенная расчистка и прорисовки росписей позволили определить сюжет. На южной стене помещения с большим трудом можно различить человеческие фигуры. Наиболее четко прослеживаются контуры фигуры женщины в светлой одежде, голова которой повернута вправо. Волосы, заплетенные в мелкие длинные косички, ниспадают на ее плечи и грудь. Правая рука согнута в локте и поднята вверх.

Справа от нее расположена еще одна человеческая фигура. Из-за плохой сохранности росписи трудно определить мужчина это или женщина. Человек резко наклонился вперед и пронзает мечом какое-то животное. Прическа у второго персонажа такая же, как и у первого – волосы заплетены в мелкие черные косички. На втором плане частично сохранились две бегущие фигуры. Одна из них в желтом платье, подол которого украшен полосой в виде темно-красного меандра. Различима также верхняя часть торса второй бегущей фигуры.

Еще более худшей сохранности оказалась живопись западной стены. В верхней части с трудом прослеживаются две фигуры. Хорошо сохранились три пары черных косичек от их причесок. Одежда представлена размытыми пятнами. Также видны пальцы руки, держащие кисть другой руки. Изображения выполнены красным и черным контуром на ярко-красном фоне, от которого сохранились лишь отдельные пятна. Размер сохранившейся росписи 1,65x7 м. После полевой консервации и снятия со стен все эти фрагменты живописи хранятся в фондах Института археологии АН РУз.

Находки росписей караханидского периода были сделаны в 1985 г. при исследовании северо-западного фаса крепостных стен замковой части цитадели городища. Они были датированы концом XII-началом XIII в. Фрагменты живописи были обнаружены в кусках штукатурки, залежавших пластом в пахсе стены на глубине 6 м от уровня земли (Иневаткина, 1999). Они были сильно разбиты и встречались лишь мелкими обломками. Однако эта находка позволила сделать вывод, что роспись стен одного из помещений парадного здания цитадели в эпоху Караханидов была сюжетной.

Среди обнаруженных пятнадцати фрагментов выделялся один – с миниатюрным изображением лица женщины. Второй фрагмент, хорошо стыковавшийся с первым, был частью ее одежды. В росписи использовалась позолота. Ею был украшен рукав голубого платья. Остальные куски расписной штукатурки слишком фрагментарны, чтобы судить о сюжете. Это голубые цветы на белом фоне, не слишком понятные рисунки на красном фоне с позолотой. Однако, несмотря на фрагментарность кусков, эта находка была очень важной, так как она подтвердила исследователям информацию о существовании сюжетной росписи в исламский период на Афрасиабе. До сих пор мы имели только письменные упоминания, но не сам конкретный, оригинальный материал.

Спустя пятнадцать лет, в 2000 г. многочисленные фрагменты монументальных росписей караханидского периода были обнаружены при раскопках дворца Абу Муслима. Совместной узбекско-французской экспедицией проводились раскопки павильона, расположенного в северной части дворца. Живопись, украшавшая стены павильона, размеры которого составляют 12x12 м, датируется второй половиной XII – началом XIII вв. За пять полевых сезонов было расчищено, закреплено и извлечено из завала более 700 фрагментов расписной штукатурки. Поскольку стены павильона не сохранились, то все фрагменты лежали в завале, в разном положении и на разном уровне от пола двора.

Основная часть фрагментов расписной штукатурки еще в древности была полностью или частично покрыта ганчевой обмазкой. На некоторых кусках мы видим вторичную роспись. В настоящее время почти все фрагменты расчищены от слоя обмазки. Это позволило выявить отдельные сюжетные сцены и композиции, проделать работу по реконструкции живописи на стенах павильона (Karev, Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World, V. 22, 2005).

Расчистка этих фрагментов позволила раскрыть великолепную, красочную живопись. В росписи использованы широкая палитра красок, их яркие, сочные тона и полутона. Древним художником мастерски использованы сочетания голубого, синего, серо-голубого, красного, розового, желтого, оранжевого, коричневого, бордового, серого, белого и черного цветов, а также позолота. В живописи мы видим искусное сочетание растительного и геометрического орнамента, эпиграфику, зооморфные (собаки, барсы, зайцы, кони, птицы) и антропоморфные изображения. В этих росписях представлены как миниатюрные, так и крупноплановые композиции. Одни из них повествуют о светской жизни правителя, другие представляют собой мифологические сюжеты. В одних сценах мы видим пляшущих людей, в других – персонажей, стреляющих из лука и скачущих на лошади. На данном этапе реставрации из множества кусочков живописи собираются четыре отдельные композиции.

Многие куски росписи разбиты на мельчайшие осколки, поверхность которых деформирована. Из этих кусочков, как мозаику, приходится собирать единый фрагмент. Дополнительную трудность в процессе расчистки создает вторичная обмазка росписи толстым и очень плотным слоем ганча, в который добавлен растертый в порошок органический наполнитель. Степень сохранности и состояние нового ценного материала стала причиной поиска новых подходов в реставрации. Были разработаны способы расслоения двухслойных росписей, введены определенные операции по выпрямлению поверхности деформированных фрагментов. Также были разработаны новые составы искусственной штукатурки, которая наносится в несколько слоев в зависимости от конкретного состояния куска росписи. Все эти работы еще раз подтверждают положение, что каждый фрагмент живописи требует индивидуального подхода в его реставрации. Большое количество проводимых реставрационных процессов не должно влиять на

художественную ценность находки и как-то изменять подлинность авторского произведения.

Несомненно, что обнаруженные росписи являются уникальной находкой. Они ценны для исследователей временем своего создания, разнообразием сюжетов, оригинальностью композиций. Существование на одном памятнике росписей доарабского и исламского периодов предоставляет специалистам прекрасную возможность изучения и сравнения существовавших школ живописи, тем более, что росписи XII-XIII вв. мало известны на территории Центральной Азии. Анализируя живопись, мы можем проследить вопросы преемственности или различия в традициях живописной техники, а также получить ценные материалы по многим другим аспектам.

Использованная литература

Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда // Археологический очерк. - Ташкент, 1928.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. - Ташкент, 1975.

Абдуразаков А.А., Камбаров М. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. – Ташкент, 1975.

Ахунбабаев Х.Г. Дворец Ихшидов Согда на Афрасиабе. - Самарканд. 1999.

Иневаткина О.Н. Фрагмент сюжетной живописи конца XII-начала XIII в. из цитадели Самарканда // Материальная культура Востока. М., 1999.

Yuri Karev. Qarakhanid wall painting in the citadel of Samarkand: First report and preliminary observations // Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. V. 22 (2005).

M.A. Reutova - Monumental Paintings of Afrasiab and Questions of their Preservation

On ruins of the Afrasiab site during the many years of excavations there were found a unique model of monumental painting on wooden base. Questions of its successful restoration and further preservation in museum conditions became the reason for of the creation of special department at the Institute of Archaeology in Samarkand. In 2000 there were discovered more then 700 fragments of paintings of Karakhanids period during the excavations of the palace of Abu Muslim. A degree of reservation and condition have become the reason for searching for new ways of restorations.

А.А. Абдуразаков
(Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ХИМИКО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГО-АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ САМАРКАНДА

Начиная с середины 50-х годов прошлого столетия для изучения исторических объектов Самарканда, наряду с методами исследования общественных наук, стали широко привлекаться возможности научного арсенала естественных и технических наук. Одним из первых для изучения химических составов цветных оконных стекол из мавзолея Ишратхана (XV в.), был использован количественный химический анализ (Кудрина, 1958) и количественный спектральный анализ - для архитектурных глазурей (Балабан, Рахимов, 1955). С тех пор накопился значительный химико-аналитический материал, который позволяет решить ряд важнейших проблем археологической технологии, и в том числе, результаты исследования средневековых стекол и глазурей памятников Самарканда.

Самарканд был одним из крупных городов Центральной Азии, где очень рано возникло стеклоделие и производство глазурей. Наиболее ранние находки из стекла и стекловидной пасты обнаружены на городище Афрасиаб и относятся к середине I тысячелетия до н.э. (Тереножкин, 1950; Буряков, Тагиев, 1968).

Широкое развитие стеклоделие в Самарканде получило в раннее средневековье (V-VIII вв.). В это время значительно возрастает количество разнообразной посуды, бытовых предметов, украшений из стекла. Остатки печей, слитки и куски оплавившихся стекол, стекловаренные тигли свидетельствуют о местном изготовлении стеклянных изделий. Следы стекольного производства обнаружены не только на территории городища Афрасиаб, но и в его окрестностях (Тереножкин, 1950; Бурякова, Буряков, 1973; Кызласов, 1959; Шишкина, 1973, 1986).

Некоторая часть стеклянной посуды доарабского времени (нач. VIII в.), обнаруженная в раскопе Р-6 в северной части городища Афрасиаб, была подвергнута химическому анализу

(Кабанов, 1971; Абдуразаков, 1993). По содержанию основных химических компонентов, присутствующих в стеклах, в количестве 3% и более, они относятся к четырем химическим типам (таблица 1). В них определялись также и минеральные красители: в синих и синеватых стеклах - окись кобальта, коричневых - закись марганца и в зеленоватых - окись и закись железа.

В стеклоделии Самарканда крупные изменения происходят в средневековый период (IX - нач. XIII в.). Многочисленные находки, связанные с его производством, отмечены на южной окраине города, начавшую осваиваться с VIII в. Эта территория и уже в IX-X вв. превратилась в крупный ремесленный пригород Самарканда – рабад (Бурякова, Буряков, 1973). Здесь функционировали керамическое, стеклоделательное, железообрабатывающее производства и обработка цветных металлов. Для обеспечения деятельности отмеченных отраслей требовались специальные огнеупорные тигли, выдерживающие высокую температуру и агрессивное воздействие шихты и шлаков. Во время раскопок очень часто попадались огнеупорные тигли белого и серого цвета с отощителем - крупным белым кварцевым песком (Бурякова, Буряков, 1973). По-видимому, Самарканд, как Ахсикет в Фергане, был одним из столичных городов, где изготовлялись тигли не только для собственных нужд, но и для широкой реализации на рынке.

Современная площадь Регистан, располагавшаяся в рабаде, почти повсеместно была усеяна остатками перечисленных производств. По мнению М.Е. Массона, у северо-западного минарета медресе Шердор в XI-XII вв. находился квартал ремесленников, изготавливающих стеклянную и глиняную утварь (Массон, 1968). Многочисленные находки стекла и следы его производства отмечены и в других местах рабада и города вообще (Бурякова, Буряков, 1973; Гулямов, 1941; Вяткин, 1926).

Однако по-прежнему наиболее крупные центры стеклоделия все еще находились на территории городища Афрасиаб. Здесь находки стекла, относящиеся к IX - XII в., отмечались в 22 пунктах, расположенных в разных частях городища. В некоторых местах были выявлены следы стеклодельного ремесла и остатки стекловаренных печей IX-X и X-нач. XI вв. (Шишкина, 1986). Стекло широко вошло в быт населения Афрасиаба и охватило различные сферы его деятельности. Среди стеклянной продукции, выработанной на городище Афрасиаб с конца VIII и до начала XIII в., встречаются изделия 30 типов из 40 известных Центральной Азии (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963).

Учитывая чрезмерное накопление продукции стекольного производства в разных частях городища, нами было осуществлено исследование химических составов находок из отдельных раскопок с целью выявления уровня развития стеклоделия и взаимосвязи составов в пределах всего города и его места в истории центральноазиатского стекла (Абдуразаков, 1990). По содержанию в них основных стеклообразующих компонентов была проведена их химическая типология. Анализированные стекла вместе с доарабскими экземплярами принадлежат к восьми химическим типам. Преобладающая часть стекол Афрасиаба шестикомпонентные и принадлежат к первому химическому типу. К нему относятся 32 образца из 61 анализированного стекла (т.е. 52,5%). Причем данный состав обнаружен почти во всех частях Афрасиаба, что не случайно. Он является традиционным центральноазиатским составом, сложившимся здесь с античного периода. Начиная с этого времени, он начал вырабатываться на многих памятниках Центральной Азии. На Афрасиабе данный состав производился лишь с VIII по XII в.

Стекла второго состава обнаружены на территории раскопок Р-6 и р-23 и датируются с VIII по XI вв.

Третий четырехкомпонентный состав обнаружен на трех объектах городища и датируется в пределах X - XI вв. Подобные стекла в небольших количествах встречались раньше и на других памятниках Самарканда (Кулдортепа, Кальтепа).

Стекла четвертого типа, хотя и малочисленны среди стекол Афрасиаба, но они были широко распространены на других памятниках Центральной Азии. Этот состав можно считать вторым традиционным составом, выработанным в местных стеклодельных мастерских, начиная с эпохи бронзы и раннего железа до позднего средневековья.

Пятикомпонентные стекла пятого типа также являются распространенным составом, но

они появились на месте значительно позже - в раннем средневековье. На Афрасиабе их найдено мало - только в двух раскопах из десяти и датируются в пределах IX-XI вв.

Шестой состав редкий и встречен пока только на Афрасиабе.

Стеклообразные изделия седьмого и восьмого химических типов, по-видимому, носят экспериментальный характер и появились в ходе разработки основных (1 и 2) составов и получения цветных стекол путем ввода окиси железа и закиси марганца.

На основе исследования химических составов стекол из разных точек городища Афрасиаба можно сделать некоторые выводы. Открытие одного состава почти во всех частях Афрасиаба указывает на существование здесь крупного центра стекольного производства, снабжавшего стеклянными изделиями жителей всего города и удовлетворявшего потребности разных социальных слоев общества. Возможно, что в черте города существовал не один, а несколько центров стеклоделия, где пользовались идентичными рецептами и едиными сырьевыми ресурсами. Большое разнообразие химических составов в пределах одного центра свидетельствует также о высоком уровне местного стеклоделия и хорошем знании мастерами ремесленниками составов и технологии, использовавшихся в других местах.

Дальнейшее развитие стеклоделия на Афрасиабе было приостановлено нашествием монголов и на этой территории оно больше не возродилось. Спустя некоторое время, особенно при Амуре Темуре и Темуридах город сместился на новую территорию, где раньше располагался ремесленный пригород Самарканда. В связи с этим находки стекла и следы его производства, относящиеся к последующим векам, в основном встречались на площади современного Регистана и близлежащих территориях (Бурякова, Буряков, 1973; Бурякова, 1978; Массон, 1958; Шишкин, 1964; Давидович, 1953).

Химическая типология, выполненная по высокому содержанию главных стеклообразующих окислов стеклянных изделий позднесредневекового периода. Как установлено, в период Амира Темура и Темуридов в Самарканде встречаются стекла прежних составов и, главным образом, традиционные. В мавзолее Ширин-бика-ака (XIV в.), оконные стекла относятся к двум химическим типам – $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$ и $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$. В мавзолее Ишратхана (XV в.) оконные стекла принадлежат к трем химическим типам – $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (четыре образца), $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Fe}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ и $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ (два образца). Стекла Регистана (XIV- XV вв.) относятся к $-\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Ab}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ и $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$. Фрагмент посуды XV-XVII вв. с района медресе Шердор имеет состав $-\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Ab}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$, который известен в Самарканде с более ранних периодов.

Подводя итог химической типологии позднесредневековых стекол, можно констатировать бытование прежних местных составов стекол. Из перечисленных одиннадцати химических типов стекол, 8 вырабатывались на месте в прошлом, начиная с античности по средневековому домонгольскому периоду. Для производства стекол, главным образом, использовались кварцевый песок и зола местных щелоченосных растений. Исключение составляют лишь оконные стекла мавзолея Ишратхана (XV в.), которые вырабатывались из кварцевого песка и природной соды. Об этом свидетельствует отсутствие в составе стекол данного памятника окиси калия.

Как и прежде, список минеральных красителей почти не изменился, лишь добавилось красное стекло – медный рубин. Для голубого, желтого и бирюзового стекла применялась окись меди; для зеленоватого и зеленого цветов - окись железа, голубых и синих - окись кобальта, фиолетового - окись марганца. Важным достижением мастеров этого периода является освоение впервые технологии производства медного рубина (Абдуразаков, 1996). Окраску медного рубина получают при помощи закиси меди (Cu_2O). Варка медного красного стекла весьма трудное дело. Во время варки к закиси меди может присоединиться кислород и тогда она переходит в окись меди. Чтобы избежать подобного нежелательного явления, в шихту, кроме закиси меди, кладут вещества, отнимающие у нее кислород. К ним относятся оловянные опилки, закись олова, винный камень. Для получения медного рубина берут от 200 г до 2 кг закиси меди на 100 кг песка в шихте. При варке желательно, чтобы атмосфера в печи была восстановительная - с избытком газа и с недостатком воздуха (Безбородов, 1936). Если внимательно

рассмотреть химические типы стекол эпохи Амира Темура и Темуридов, то легко можно убедиться в том, что составы стекол знакомы с предыдущих времен - из них 1-3 и 5-6 имели распространение в Центральной Азии с эпохи бронзы и раннего железа, а 7 - с античности. Некоторые составы, в частности 4 и 8, - также являются местными самобытными. Их основу составляют стекла 3 и 5 типов с той лишь разницей, что в их шихту в качестве красителей дополнительно введена окись железа.

Бурное развитие строительства архитектурных памятников в эпоху Амира Темура потребовало использования опыта мастеров - стеклоделов предыдущей эпохи. Из местных составов первые пять были широко использованы в производстве цветных оконных стекол. Наряду с ними также были освоены новые технологии на базе местных ресурсов. Рецептура стеклянных изделий, выработанная в предшествующие века, была внедрена в новую область - производство глазурей для облицовки архитектурных памятников. Для составления шихты глазурей использовались не только составы ранее известных стекол и минеральные красители, но специально усовершенствовались путем ввода новых химических соединений, в частности окиси свинца. Такое новшество позволило значительно понизить температуру варки стекол и сделало их более легкоплавкими. Кроме того, окись свинца значительно улучшает оптические свойства глазурей, они становятся более прозрачными и блестящими.

Таким образом, в Самарканде стеклоделие развивалось почти непрерывно, приостановившись лишь при монгольском нашествии. Основу ремесла составили стекла, имеющие глубоко самобытные корни. Первоначально эти составы использовались для изготовления украшений и посуды, затем они перешли в производство оконных стекол и далее прочно вошли в состав глазурей архитектурных памятников Самарканда.

Использованная литература

- Кудрина С.А. Анализы цветного стекла из мавзолея Ишратхана // Мавзолей Ишратхана. Под редакцией М.Е. Массона. Ташкент, 1958.
- Балабан П.И., Рахимов М.К. Средневековые глазури Узбекистана // Стекло и керамика. Москва, №5, 1955.
- Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК, вып. XXXIII, Москва - Ленинград, 1950.
- Буряков Ю.Ф., Тагиев М.М. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба // Общественные науки в Узбекистане, №8. Ташкент, 1968.
- Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда // Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.
- Кызласов Л.Р. Исследования на Ак-Бешиме в 1953 - 1954 гг. // ТКАЭЭ, т. II. Фрунзе, 1959.
- Шишкина Г.В. Городской квартал VIII— XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.
- Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда, Ташкент, 1986.
- Кабанов С.К. Изображение Шивы на оссуарии // Советская археология, №2. Москва, 1972.
- Абдуразаков А.А. История стеклоделия Средней Азии в древности и средневековье (основные этапы). Дисс. докт. ист. наук. Самарканд, 1993.
- Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968.
- Гулямов Я.Г. Мавзолей Биби - Ханым. Экспедиция ИЯЛИ Уз ФАН СССР и Музея А. Навои в 1941 г. Рукопись хранится в ИИА АН УзССР.
- Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище былого Самарканда, Самарканд - Ташкент, 1926.
- Абдуразаков А.А. Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
- Абдуразаков А.А. Сравнительное изучение химических составов средневековых стекол из разных частей Афрасиаба // ИМКУ, вып. 23. Ташкент, 1990.
- Бурякова Э.Ю. К стратиграфии площади Регистан // ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978.
- Массон М.Е. Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишратхана // Мавзолей Ишратхана. Ташкент, 1958.
- Шишкин В.А. Гури-Мир // Научные труды ТашГУ, Новая серия, вып. 232, Археология и антропология, книга 48. Ташкент, 1964.
- Давидович Е.А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда // Труды САГУ, вып. 61, гуманитарные науки, книга 6. Ташкент, 1953.
- Абдуразаков А.А. Амир Темура даврида шишасозлик ва кошинкорлик соҳасидаги янгиликлар // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, №4-5. Тошкент, 1996.
- Безбородов М.А. Общая технология стекольного производства, Москва, 1936.

**A.A. Abdurazakov - Some Results of Chemical-Analytic Study
of Archeological-Architectural Sites of Samarkand**

In order to search deeply historical objects like medieval glass and glaze of Samarkand the author widely uses chemical-analytical way of investigation. Wide range of chemical components within one centre testifies the high level of local glass working as well as a master's good knowledge of the content and composition, technology. Recipe of glassware was worked out by previous ages and was introduced into the production of glaze facades of architectural monuments.

*Ж. Рахматов, М. Ҳолимов, Ш.К. Муродов, Т.Р. Рихсибоев
(Ўзбекистон)*

**САМАРҚАНДДАГИ ТАРИХИЙ ОБИДАЛАРНИНГ
ГЕОМЕТРИК ТАҲЛИЛИ**

Дарҳақиқат, ўтмиш қадриятларимиз халқимизнинг бебаҳо маданий меросидир. Қўхна Самарқанд, Бухоро, Хива каби шаҳарларда аجدодларимизнинг асрлаб тўплаган тажрибалари жамланган, бобокалонларимизнинг ижодий меҳнатлари мужассамланган. Бу шаҳарларнинг меъморчилик ёдгорликлари гумбазларнинг чиройли қилиб безатилганлиги, баланд пештоқлари ва минораларига битилган ёзувлари неча асрлардан бери одамзод ақл-идроқини лол қолдириб келмоқда.

Ана шундай ҳашаматли бинолар ўтмишида қай усулда, қай тартибда қурилган, уларнинг лойиҳалари бўлганми, усталари кимлар бўлган, деган савол туғилади. Бундай биноларни қуришда қатнашган уста ва меъморлар чизмаларни, геометрия, математика, материаллар қаршилиги ва астрономия илмларини пухта эгаллаб, ўзларининг мактаблари бўлган. Меъморлар қурилмоқчи бўлган иморатлар лойиҳасини ва хатто, макетини ҳам тузганлар.

Тарихчи Ғиёсиддин Алининг ҳикоя қилишича, Самарқанддаги жоме масжидининг лойиҳаси бўлган «801 йил рамазон шариф ойининг тўртинчи кунда (1399 йил 10 май) масжид учун пойтахтнинг энг яхши жойи танланди. Машҳур уста ва меъморлар бу улкан иморатнинг лойиҳасини туздилар ва энг саодатли дақиқада унинг пойдеворини қура бошладилар».

Қадимий меъморчилик ёдгорликларида гумбаз, айланма зина (винтсимон коноид), пештоқ, равоқ, муқарнас (сталактитлар) ва бошқа сиртлар мавжуд бўлиб, бинокорлар тарихида кўплаб учрайдиган бундай мураккаб қурилмаларни бунёд қилиш математик ҳисобларни ҳамда геометрик сиртларни тасвирлашни талаб этади.

Гумбаз ва айланма зиналар-коноидлар меъморчиликда эгри сиртлар деб юритилади.

Маълумки, бундай эгри сиртлар архитектура ва қурилиш ишларида айланма зиналарни ясашда, яъни кўп қаватли биноларни биринчи қаватдан юқори қаватга чиқадиган ва тушадиган йўллар-пандусларни қуришда коноидлар бўлса, эшик ва дераза устки қисмларини ёпишда, цилиндр миноралар дарчаларни ҳосил қилишда турли эгри сиртлардан кенг фойдаланилади.

Одатда, сиртлар чизиқларнинг маълум бир геометрик қонуни асосида қаракат қилиши натижасида ҳосил бўлади. Ўз ҳаракати билан сирт ҳосил қилувчи чизиққа эса ясовчи чизиқ дейилади.

Сиртлар ясовчиларининг турларига қараб, чизиқли (тўғри чизиқли) ва эгри сиртларга бўлинади. Чизиқли сиртлар, ўз навбатида, ёйиладиган ва ёйилмайдиган сиртлардан иборат. Ёйиладиган сиртлар конус, цилиндр ва қайтиш қирраси бўлган сиртлардир. Ёйилмайдиган чизиқли сиртлар эса тўғри чизиқнинг йўналтирувчи икки чизиқ бўйича бирорта текисликка доимо параллелигини сақлаган ҳолда ҳаракат қилишидан ҳосил бўладиган сиртлардир. Шу билан бирга яна қийшиқ сиртлар ҳам учрайди. Улар цилиндроид, коноид, қийшиқ текислик ёки гиперболик параболоид ва винт сиртлар бўлиб, куйида уларни изохлаб ўтамыз.

Цилиндроид - йўналтирувчилари бир текисликда ётмаган иккита эгри чизиқдан иборат ва параллелизм текислиги бўлган чизиқли сирт.

Винтсимон цилиндроид - тўғри чизиқли ясовчининг йўналтирувчи иккита винт чизиқ бўйича параллелизм текислигига параллел ҳолда ҳаракатланиши натижасида ҳосил бўлади. Бундай сиртлар қурилиш ишларида кенг қўлланилади. Масалан, цилиндроидлар

Самарқанддаги тарихий обидаларнинг гумбазлари, равоклари ва сув чиқариб юборувчи ҳамда оқимни йўналтирувчи конструкцияларда ишлатилган.

Коноид-йўналтирувчилардан бири тўғри чизикли, иккинчиси эгри чизикли параллелизм текислиги бўлган сиртдир. Агар йўналтирувчи эгри чизик сифатида винт чизик олинса, ҳосил бўлган сиртга винтсимон коноид дейилади.

Қийшиқ текислик ёки гиперболик параболоид-йўналтирувчиларининг иккаласи ҳам тўғри чизик бўлиб, ясовчиси эса параллелизм текислигига параллел ҳолда ҳаракатланганда ҳосил бўладиган сиртдир.

Гиперболик параболоиднинг икки системали ясовчиси бўлиб, улардан бир хил система ясовчилари ўзаро кесишмайди, турли система ясовчилари эса ўзаро кесишади. Гиперболик параболоид қурилиш ишларида саноат аҳамиятига эга бўлган иншоотларнинг томларини ёпишда кенг қўлланилади.

Самарқанд архитектура ёдгорликлари ўзларининг цилиндрик барабанли заминига таяниб, муқарнаслар (сталактитлар) билан безатилган баланд сферик куббалари арихитектура элементларининг кўплиги ва ўлчамларининг улканлиги билан ажралиб туради. Бибиҳоним масжидининг гумбази ана шундай қурилиш ишларининг намунаси ҳисобланади. Гумбаз асосини ташкил қилган цилиндрик барабаннинг диаметри 18 м.га тенг. Гумбаз қолдиғи билан ҳозирги вақтдаги ер сатҳи оралиғи 36,65 м.дир. Бибиҳоним масжидининг геометрик орнаментлари турли-туманлиги билан ажралиб туради. Рангли гумбазларнинг умумийлиги ва асосий гирих чизикларининг ётик, тикка тушган ва 45° бурчак бўйлаб йўналишлари туфайли ёдгорлик фасади бир бутун ягоналик касб этади.

Бибиҳоним масжиди хақида манбаларда: «Унинг гумбази, агар осмон гумбази бўлмаганда яккаю ягона бўлиб эди, арки ҳам агар Сомон йўли бўлмаганда яккаю ягона бўлиб қоларди», деб ёзиб қолдирилган.

Самарқанддаги Шоҳизинда, Ҳазрати Хизр масжиди, Шердор мадрасаси ҳамда Тиллақори мадрасаларининг қурилишида ҳам кўплаб гумбазлар ишлатилган. Гўри Амир мақбарасидаги цилиндрик барабан устида улуғвор сфера ва конус шаклдаги гумбаз бўлиб, у бошқа гумбазлардан анчагина фарқ қилади. Кўп қабарикли, баҳайбат гумбазли цилиндрик шаклдаги барабанни кўтариб турган саккизоёқли призма бино ҳажми композициясининг асосини ташкил этади. Гумбаз остки қисмининг диаметри 15 метр, баландлиги 12,5 метр бўлса-да, оғирлиги сезилмайди. Бунинг сабаби шундаки, унинг гумбази 64 қабаригдан иборат. Гумбазнинг вазни ажойиб ишланган шарафа орқали мустаҳкам асос—барабанга тушади.

XIV-XV асрларда бинокорликда икки қаватли (ички ва ташқи) куббалар ясала бошланган. Булар Ширинбека оқа, Туман оқа, Гури Амир ва бошқа мақбара ва мадрасаларда учрайди. Масалан, Ширинбека оқа мақбарасининг кошинкор гумбази ва унинг ўн олти қиррали асоси-барабан яққол кўзга ташланиб туради.

Гумбазли бинолар билан бир қаторда, миноралар ҳам тарихий ёдгорликларга зеб бериб туради. Миноранинг ички қисмида жойлашган айланма зиналар (винтсимон коноидлар) минораларга чиқиш учун қурилган. Бу хил винтсимон коноидлар Ўрта Осиё тарихий ёдгорликларида, жумладан, Самарқанд тарихий ёдгорликларида кўплаб ишланган.

Гўри Амир мақбараси ҳовлисининг тўрт бурчагидаги тўртта минорадан биттаси ҳам бутунлигича сақланиб қолмаган. Кейинчалик иккита минора қайтадан тикланган бўлса-да, ўзининг дастлабки баландлигига кўтарилмади. Бу миноралар ичидаги айланма зинаполярларнинг аниқ ясалиши, бобокалон меъморларимизнинг юксак санъатини намойиш қилиб келмоқда.

Ташқи кўриниши жиҳатидан кесик конус шаклига эга бўлган миноралар Регистон майдонидаги Улуғбек ва Шердор мадрасаларида учрайди. Улардаги гулдасталар эса цилиндрик сиртни эслатиб, ички қисмларида винтсимон коноид (айланма зина) билан бир бутун қилиб ясалган. Бундай айланма зиналар Бибиҳоним мадрасаси, Давлатбека даҳмаси, Гўри Амир, Ҳазрати Хизр масжиди каби тарихий обидаларда ҳам ишлатилган.

Бобокалонларимиз ўз даврида амалий ва хандасавий графикадан яратган мактабини қайта тиклаш биз, амалий геометрия ва муҳандислик графикаси мутахассисларининг ҳозирги кундаги долзарб вазифаларидан бири ҳисобланади.

Фойдаланилган адабиётлар

Камолов А. Қадимги меъморчилигимиз геометрияси. Тошкент, 1973.
Зоҳидов П.Ш. Меъмор олами. Қомуслар бош таҳририяти. Тошкент, 1996.
Ҳаққулов А. Самарқанд меъморчилик санъати. Самарқанд, 1995.

С.С. Булатов, Р. Маймаков
(Ўзбекистон)

ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДАГИ МЕЪМОРИЙ БЕЗАКЛАРНИНГ ФАЛСАФИЙ ҒОЯЛАРИ

Регистон майдонидаги Улуғбек мадрасаси, Шердор мадрасаси, Тиллақори масжид-мадрасаси Самарқанд меъморлари ижодий даҳосининг нодир намунаси бўлиб, бу уч муборак дорулфунуннинг ҳар бири, меъморчилигимиз дурдоналари ҳисобланади.

Самарқанд ҳокими, саркарда, ватанпарвар, фидоий инсон - Ялангтўшбий Баҳодирнинг Регистон майдонида қурдирган Шердор ва Тиллақори мадрасалари Ўрта Осиё меъморчилик санъатининг классик намунасидир. Ялангтўшбий Баҳодир ким бўлган ва ўзидан қандай маънавий мерос қолдирган?

«Ялангтўшбий Баҳодир Саидқул ўғли, Ялангтўшбий, оталиқ Нуротада Самарқанд - Аштархонийлар давридаги ҳарбий – мулкдор зодагонларнинг йирик вакили. Олчин қабиласидан. Нурота ҳокими оиласида туғилган саркарда, 1626 йилдан Самарқанд ҳокими. Шу йили унга оталиқ унвони берилади.

Ялангтўш Баҳодир ободончилик, қурилиш ишларига катта эътибор берган. Жумладан, Самарқанддаги Шердор мадрасаси (1619-1636), Тиллақори масжид-мадрасалари (1646-1660), Махдуми Аъзам масжиди, хонақоси (1618) ва бошқаларни қурдирган» (Ўзбек Миллий энциклопедияси, 2005. 10-том). 1619-1636 йилларда Шердор мадрасасини қурдиради. «Ялангтўш кудратининг рамзи мадраса равоғига қараб турган икки қуёш тагида охуларга ҳамла қилаётган шерлар тимсолида ифода этилган. Мадраса самарқандлик меъмор Абдужаббор (1) лойиҳаси бўйича 17 йил давомида қурилган, уни меъморий безак устаси Муҳаммадбос зийнатлаган» (Самарқанд, 1986, 118-бет).

Мадраса икки қавватлидир. Бош тарҳидаги пештоқнинг икки ёнига гулдаста ишланган. Мадраса пештоқи симметрик қилиб рамзий нақшлар билан безатилган, қизғиш зарҳал шер нозик оқ охуни қувиб кетаётгани тасвирланган. Одам киёфали Қуёш эса зарҳал ёғду билан ҳошияланган. Улар атрофига нақшу нигорлар чизилган. Қизиғи шундаки, кўпгина олимларимиз ўзларининг асарларида "Ислом дини авж олган бир даврда, гарчи ҳар қандай жонзот, хусусан, одам тасвири қатъиян ман этилган, деб юритганлар (Зоҳидов, 1996. 230-бет). Ваҳоланки, муқаддас китобимиз Қуръони Каримда ва Ҳадиси Шарифда" ман этилган жойи йўқ. Фақат санамларни яшаш таъқиқланган. Шунинг учун биз тирик мавжудотларни тасвирлаш ман этилган, деган фикрга қўшилмаймиз. Сабаби шундаки, сақланиб қолган тарихий хужжатлар бу фикрни инкор этади.

XV-XVII асрларнинг турли адабий ва тарихий асарлари (масалан, XV-XVII асрдаги "Шоҳнома" нинг жуда кўп қўлёзмалари, XV асрдаги "Зафарнома" ва бошқалар) даги миниатюралар дунёвий ҳаёт, меҳнат ва манзараларини тасвирлайди. Деворларига турли жониворлар расми тасвирланган, лекин йўқ бўлиб кетган меъморчилик обидалари бундан гувоҳлик беради.

"Меъморчилик ёдгорликларининг баъзи фасадларида жонли мавжудотлар тасвирланган кошинли ва сирли намоёнлар ҳозирга қадар сақланиб қолган. Масалан, Шаҳрисабздаги Оқсарой (1380-1405 йил) пайтоғи шерлар расми солинган намоёнлар билан безатилган. Анов масжиди (1456 йил) пештоғининг равоғи тепасида аждарлар тасвирланган тимпан бўлган. Бухородаги Нодирбеги мадрасаси асосий фасадининг айвони юқорисига лайлақлар расми солинган ва ҳоказо" (Крюков, 1965. 9-бет).

Уста мулла Абдужаббор нафақат нақш тилини, балки гўзаллик фалсафасини, рамзийликни билган ва мустақил ижодкор уста бўлган. У бундай тасвирнинг улкан бино пештоғида ишла-

ниши билан меъмор қандай мақсадни назарда тутган экан? Бу масалада ҳозиргача бирор аниқлик йўқдир. Шу ҳақида тўхталиб ўтмоқчимиз.

Таниқли олим, академик Пўлат Зоҳидов ўзининг "Меъмор олами" китобида Шердор мадрасасининг беага ҳақида шундай дейди: "Самарқандлик олим Абу Тоҳирхўжа XIX асрнинг 30-йилларида ёзган "Самария" китобида Шердор мадрасаси пештоғидаги тасвирларни бир оз бошқача талқин қилади. У тасвир мазмунини мусулмон астрологиясида кенг тарқалган осмондаги юлдуз буржлари билан боғлаб таърифлайди. Абу Тоҳирхўжанинг айтишича, хуршид - куёш шакли Шер буржи (юлдузлар туркуми) билан қўшилиб кетган: оҳуни тутмоқчи бўлган Шер ҳамласини куёш нурларининг тиғи қайтармоқда. Гўёки, нур-зиё офатни даф этмоқда. Ҳар ҳолда, ижодкорлар чуқур ғоявий фикрни рамзий таҳлитда беришгани кўриниб турибди. «Лекин, - дейди Пўлат Зоҳидов, - ҳозирча, тасвирнинг талқини ҳақида бошқа бирор аниқ тарихий маълумотга эга эмасмиз" (Зоҳидов, 1996. 230-231-бет). Ҳақиқатдан ҳам Шердор мадрасаси пештоқидаги безатилган нақш композицияси қиёмида талқин қилиб берилмаган. Чунки нақшни ўқиш тили алифбоси бизгача етиб келмаган. Ҳозирда эса нақшларни тили алифбоси тузилмаган. Шердор мадрасаси пештоқидаги безак мураккаб композиция бўлиб, уни таҳлил қилиш ва ундан тўғри хулоса чиқариш учун санъатшунос олим бир қанча илм турларидан хабардор бўлиши лозимдир. Масалан, безакни таҳлил қилиш учун олим нақш санъатини юқори даражада билиши шу қатори астрология, психологияни икки тармоғи бўлмиш «Физиогномика» (қиёфа илми), ранг психологияси, рамзийликни, дунёвий ҳамда ғайб илмидан хабардор бўлишни талаб этади. Демак, меъмор-наққош Абдужаббор юқорида айтиб ўтилган илмлардан хабардор бўлгани ўз исботини топди. Баҳодир Ялангтўш ақл-заковатли инсон бўлиб, ўз бойлигининг кўпгина қисмини халқ фаровонлиги учун сарфлаган. Масалан, Шердор, Тиллакори мадрасалари ва бошқалар мисол бўла олади.

Шердор мадрасасини беаган меъмор наққош Абдужаббор ва наққошлар юқоридаги илм турларини пухта билганлар. У ўз халқи учун сармоясини аямади. Ватанпарвар инсон узокни кўзлаб, халқини зиё (илм) олишга ундайди. Зиё орқали инсонларни руҳий покликка, руҳий поклик орқали комилликка эришади, деган фалсафий фикрни илгари суради. Шунинг учун меъмор Абдужаббор олдига шундай вазифа қўядики, бўлажак мадраса пештоғига шундай тасвир ишлаш керакки, бу нақш биринчидан, безак қалбидаги гўзалликни акс эттирсин. Муқаддас китобимиз Қуръони Каримда айтилганидек, «Оллоҳ гўзалликни яхши кўради» деган фалсафий ғояни кўтаради. Чунки, атроф-муҳит ҳам гўзал бўлишга чақирин кераклигини тушунтиради. Иккинчидан, бу тасвир орқали инсонларни зиёли бўлишга, яъни зиё орқали руҳий поклик билан комилликка эришиш мумкинлигини кўрсатиш, учинчидан, менинг ҳақимда, яъни нақш тили билан яшаган давримни ҳамда менинг суратимни ва сийратимни баён этгин, деб Абдужаббор олдига вазифа қилиб қўяди. Абдужаббор ушбу вазифани етук наққошлар гуруҳи билан маслаҳатлашиб, ажойиб, мукамал композиция тузадилар ва ўз олдларига қўйилган мақсадга эришадилар.

Хулоса қилиб айтганда, асрлар давомида улкан маданий бойлигимиз, хусусан, ўзбек миллий халқ амалий безак санъатининг кенг тарқалган турларини, ўзига хос томонлари, мактаблари, бажариш технологияси, услублари, уларни яратган усталарнинг муборак номларини йўқотишга ҳаққимиз йўқ. Ана шу сабабли бу ноёб санъат дурдоналарини сақлаш, илмий ўрганиш, уларни ёшларга ўргатиш ва келажак авлодга етказиш муҳим вазифамиздир.

Фойдаланилган адабиётлар

Ўзбек Миллий Энциклопедияси. 10 – том. Тошкент, 2005.

XVII асрда яшаб ўтган меъмор Абдужаббор. Шердор мадрасасининг меъмори (1619-1636). Самарқанд. Ғафур

Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1986. 118-бет.

Крюков С. Регистон. Тошкент, 1965.

Зоҳидов П. Зеб ичра зийнат. Тошкент, 1985.

Зоҳидов Г. Меъмор олами. Тошкент, 1996.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАНЬ В САМАРКАНДЕ В XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Самарканд - один из древнейших очагов мировой цивилизации, где интенсивно шёл процесс урбанизации и формировалась своеобразная городская культура Востока.

Интересна страница истории городской культуры общественной бани, появившейся на Востоке с VIII в н.э. и широко распространившейся в IX-X вв. (Филанович, 1982. С. 40). Надо сказать, что домашние бани появились в Средней Азии еще в III в. до н.э. В Самарканде общественная баня появилась в VIII-IX вв., а в IX в. в городе функционировали две отдельные мужские и женские бани (Большаков, 1973. С. 230) (в северо-западной и центральной части городища Афрасиаб (Шишкина, 1973. С. 143). К X в. относится баня в восточном квартале города. В 1912 г. на городище Афрасиаб раскопаны развалины бани, которая находилась к юго-восточной цитадели (XI в). Построена была из жженого кирпича. Пол бани был выложен из кира (Шишкина, 1969. С. 61; Пугаченкова, 1949. С. 242), по предположению В.А. Шишкина, «с той системой отопления, когда дымоходы проходят под полом, нагревая его» (Шишкин, 1969. С. 61).

В настоящее время на Афрасиабе известны пять бань: на севере, северо-западе, востоке и в центре городища (Шишкина, 1973. С. 143).

Центральный элемент бани – главный моечный зал (мион-сарой) с нишами на осях: по одну сторону от него располагаются входной вестибюль, раздевалка, комната отдыха, по другую – холодные и горячие мыльни с проникающими к ним бассейнами для подогретой или холодной воды.

Бани в общественной повседневной жизни среднеазиатского города играли роль санитарно-гигиенических учреждений и комфортабельных мест отдыха. В силу этого многие из них в позднее средневековье получали богатое архитектурно-декоративное оформление. Такова, например, возведенная Улугбеком «Баня Мирзы» с полами, выстланными мозаикой из разноцветных камней (Пугаченкова, 1976. С. 51), настенными росписями, с суфой (лежаком). Построенная к северо-востоку от медресе Улугбека, она считалась самой лучшей и красивой не только в Мавераннахре, но и в Хорасане (Веймарн, 1946. С.11). Имелись бани с отдельными номерами, где были очажки с паровнями (лахчайи кури олов), котлы для воды, комнаты отдыха. Большая общественная баня XVI в. «Хаммоми чап» находилась между медресе Шейбанихана и воротами Аханин (Мукминова, 1985. С. 97) (известна под названием «Хаммоми Ходжа Низамиддин») (Чехович, 1974. С. 104).

В Самаркандском вакфном документе 1546 г. упоминается о существовании по улице подковщиков (куч-и такачийон) общественной бани (Чехович, 1974. С. 341). В 1572 г. на крепостной площади Арк построена гармоба-баня, для строительства которой были приглашены известные специалисты-мастера меъмори-гармкори-строитель бани, умевшие также сохранять воду в водоемах и умеренное тепло в помещениях. За короткое время «искусные мастера мухандиси соорудили здание бани, в которой была сохранена умеренная температура. Пол был настлан из тонких мраморных плит. Наккоши - мастера по художественному оформлению внутреннего убранства приложили все силы и способности, чтобы их мастерство привлекало внимание посетителей». Она представляла собой восьмигранный комплекс с высоким мионсараем, разукрашенный глазурованными плитами. Остатки ее обнаружены археологом Э.Ю. Буряковой (Бурякова, 1984. С. 18-19).

Описание автора «Таърихи Ракими» и исследования архитектора В.Л. Ворониной приводят к единому выводу, что «строительство бани в Средней Азии в основе своей – народное искусство. Бани возводились мастерами-специалистами по традициям, переходящим из поколения в поколение» (Воронина, 1951. С. 117).

Автор «Таърихи Ракими» также сообщает о строительстве большой бани в Самарканде,

осуществленном в 1574 г. неким Джуванмард Али-ханом (Ахмедов, 1985. С. 133).

Существовали также бани при мечетях (тахорат-хона – помещение для омовения перед молением при мечетях). В Самарканде в XIX в. их было около ста (Писарчик, 1974). А. Вамбери изучая быт и нравы народов Средней Азии, писал, что в узбекских банях плата сравнительно ничтожная, а иногда даже гостей пускают в баню бесплатно (Вамбери, 1877. С. 98-104).

Одна из крупнейших бань Самарканда известна под названием «Хаммом-и бозори сандук» (в махалле Таги-шур). В отличие от обычных она имела центральный зал с двумя плавучими ограждениями. По утверждению В.Л. Ворониной, эта баня была «выстроена уже очень давно, не раз ремонтировалась и некоторые купола реставрировались заново из кирпичей современного стандарта» (Воронина, 1951. С. 127).

Сохранившиеся древние бани Самарканда, Бухары, Шахрисабза, Балха и др., датировка которых (без учета поздних ремонтных переделок) восходит по преимуществу к XV-XVI вв., имеют иную планировку, «в них обычно топочному устройству соответствует расположение крупных бассейнов для горячей воды в центре, для холодной и теплой воды - вправо и влево от него» (Пугаченкова, 1949. С. 245).

Обычно баня состояла из семи помещений, каждое из которых венчал отдельный купол-гумбаз. Это характерная черта большинства бань в мусульманских странах Востока. Не являлись исключением и бани немусульманских народностей, населяющих Среднюю Азию. Примером может служить баня бухарских евреев, построенная в середине XIX в. в Самарканде. Баня начиналась с раздевальни - люнгихона. В ней же люди отдыхали после купания. Промежуточная проходная комната служила для омыwania ног посетителей (пойшуйхона). Далее находился главный или центральный зал бани - мионсарой (катта гумбаз), от которого в разные стороны расходились мыльни с горячей (гармхона) водой и холодной (хунукхона) водой. Существовала и особая комната со специальным возвышением (суфа). Это был, как бы, отдельный номер для желающих воспользоваться услугами банщика, принять массаж или удалить волосы с тела. Посетители именовали этот кабинет «воджиб-хона» или «жойи хос» (Назарьян, 1999. С. 57).

В бане можно было заниматься косметикой. Как сообщает А. Вамбери, «дама выходит из бани наряженная» (Вамбери, 1877. С. 126).

Для извещения о готовности приема посетителей употребляли буг (труба из красной обожженной глины или из рога горного козла с одним узким, другим расширяющимся концом, с ручкой в верхней части).

Для варки мыла использовали говяжье, баранье сало. Заваривая в золе с добавлением растительного масла, делали щелок, вываривали его, получали поташ (ишкар). Беднейшее население использовало шитта (осадок, отходы, образующиеся при варке мыла).

На берегу р. Сиаб с весны до глубокой осени специальные прачки (джамашуй) занимались стиркой (джомашуй-и).

В конце XVIII - середине XIX вв. в Самарканде действовали более десяти бань¹: «Кози» (в гузаре Урмитани, в конце ул. Восточная); «Кошхауз» (в гузаре Кош-хауз, ныне ул. Кош-хауз); «Пули сафед» (в гузаре Пули сафед, по ул. Регистанская); «Махаллаи Яхудиен» (по ул. Худжумская)²; «Панджаб» (в центре эрони кишлок); «Пои кавок» (в гузаре Янги Хайрабат); «Арк» (в гузаре Мотуриди); «Биби-ханым» (в гузаре Имом Восе); «Бозори сандук» (в гузаре Таги-шур)³; «Кухна» (или Али Сино) на базаре «Дар» (в гузаре Хаузи Сангин).

Таким образом, самаркандские бани были не только произведением народного искусства и важным элементом городской культуры, но играли роль санитарно-гигиенического учреждения города.

Примечания

¹ В настоящее время действуют две бани – в Махаллаи Яхудиен (ныне «Шарк») и Эрони кишлок. Остальные разрушены в конце XIX начале-XX вв., в 1934-1935 гг. в связи с расширением улиц и благоустройством города, строительством современных бань.

² В конце 90-х XX в. баня была реконструирована и теперь принадлежит частному предпринимателю.

³ Снесена в апреле 1969 г.

Использованная литература

Филанович М.И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента // Общественные науки в Узбекистане.

- 1982, №3.
- Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973.
- Шишкина Г.В. Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II. – Ташкент, 1973.
- Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. I. – Ташкент, 1969.
- Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т.1 – Ашхабад, 1949.
- Шишкина Г.В. Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба. – Вып. II – Ташкент, 1973.
- Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ведущие тенденции и черты. – Ташкент, 1976.
- Веймарн Б. Регистан в Самарканде. – М., 1946.
- Мукминова Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV-XVI вв. – Ташкент, 1985.
- Чехович О.Д. Предисловие // Самаркандские документы XV-XVI вв. М., 1974.
- Бурякова Э.Ю. Самарканд Арки // Фан ва турмуш, 1984, №3.
- Воронина В.Л. Об узбекских банях // Советская этнография, №1 М.-Л., 1951.
- Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. письменные памятники. Ташкент, 1985.
- Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XIX-XX вв. Душанбе, 1974.
- Вамбери Г. Очерки и картины восточных нравов. – СПб., 1877.
- Назарьян Р. Бани в еврейском квартале. См. Годы, люди факты... Ч II. Самарканд, 1999.

S.I. Sharipov - From the History of Public Baths in Samarkand in the 16th-first half of the 19th centuries

The article deals with the interesting pages of the urban cultural history, i.e. public baths. They were of a great value in social, daily life of the Central Asian towns as establishments of sanitary and comfortable resting places. Accordingly, the majority of these baths were decorated beautifully. Usually, a bath consisted of seven rooms each of them having a separate dome as its ceiling called 'gumbaz'. There were special tubes called 'buch' made of red burnt clay of mountain billy-goat's horns with the two endings. At the end of the 18th – mid. 19th centuries there were more than ten baths in Samarkand. Entrance fee was comparatively small and sometimes even free of charge.

*М.А. Юсупова
(Узбекистан)*

НЕКОТОРЫЕ СУФИЙСКИЕ ОБИТЕЛИ САМАРКАНДА (к вопросу эволюции архитектуры)

С распространением в Средней Азии суфизма, в IX в. здесь появились два вида суфийских обителей, которые имели разный генезис и архитектуру, но в последующем, в процессе эволюции приобрели сходные структуру и значение. Первый вид – это возводимые до начала XX в. и сохранившиеся в многочисленных образцах здания хонако. Второй – это специальные рабаты для суфиев, бытовавшие в Средней Азии в IX–XII вв. и известные нам лишь по письменным источникам.

Эволюция архитектуры суфийских обителей, а также хронологическая трансформация их функций были тесно связаны с трансформациями и ритуальной практикой самого учения суфизма (Юсупова, 1997. С. 51-59; Yusupova, p.121-132).

Рабаты ширибаты изначально – это военно-миссионерские укрепления арабов. Со временем в Средней Азии они трансформировались большей частью в торгово-гостиничные сооружения типа караван-сараев, и в меньшей – в обители суфиев. Рабаты для суфиев наиболее активно здесь строились в IX в., причем “возводили их как в городах, так и в сельской местности, горах и пустынях, преимущественно на караванных путях” (Камалиддинов, 1993. С. 128). Автор XII в. ас-Сам’ани называет многие рабаты для суфиев, в их числе рабат Муазза ибн Йа’куба (834 г.) в Насафе, ал-Мурабба’а, выстроенный в Самарканде в период правления Исмала Самани, и многие другие.

По данным Сам’ани “строительством рабата ал-Мурабба’а” в Самарканде управлял шейх ал-Бабкисси (ум. 872-873 гг.) (Камалиддинов, 1993. С. 81, 128). Ш. Камалиддинов предположительно локализует это сооружение в квартале Бабкисс у Кешских ворот, указывая, что нисба строителя – шейх ал-Бабкисси, вероятно, происходит от названия квартала, где он жил и по-

строил вышеуказанный рабат.

В источниках упоминаются еще два рабата Самарканда – рабат Хамзы и рабат ал-Амир в квартале Баб Дастан. Постройку последнего Ш. Камалиддинов отождествляет с хонако или рабатом, выстроенными на средства Низам ад-Даула, и локализует ее на юге Афрасиаба, вблизи улицы Дарб Минара и медресе Тамгачхана (Камалиддинов, 1993. С. 85). Как уже отмечалось, эти рабаты не сохранились. Однако архитектуру суфийских обитателей Самарканда мы можем рассмотреть на примере сохранившихся хонако.

ХОНАКО изначально – это место проведения религиозных обрядов, диспутов, приют для суфиев, не имеющих жилья. С конца X в. хонако перерастает в суфийский центр со складывающимся институтом "наставник – ученик" (пир – мюрид). Впервые упомянутые в IX–X вв. хонако Мавераннахра и Хорасана, вероятно, представляли собой оставленные манихеями (в Самарканде) и керрабийцами сооружения монастырского типа с периметральной застройкой внутреннего двора. Нередко шейх устраивал хонако в собственном доме, вблизи которого его затем и хоронили, как это было с суфиями Хакимом аз-Займуни в Бухаре, Абу Саидом в Мехне и др. Либо, наоборот, хонако формировалось рядом с уже существовавшей могилой суфия.

В XI–XIV вв. широко распространились суфийские братства и домусульманский культ святых могил. Захоронения суфийских шейхов становятся объектом поклонения и паломничества. Рабаты и хонако в Средней Азии (а также в ряде сопредельных регионов) приобретают синонимическое значение и сходную структуру.

В подтверждение этого можно привести следующий факт. В вакфном документе XI в. упоминается хонака ал-Амира Низам ал-Даулы, которую, как было отмечено, исследователи отождествляют с рабатом ал-Амир (Камалиддинов, 1993. С. 81). Следовательно, в Самарканде в XI в. для обозначения одной и той же суфийской обители иногда могли использовать оба термина, это свидетельствует о том, что рабат и хонако уже в этот период стали ближе по функции и их становилось все сложнее дифференцировать.

В целом хонако этого периода представляли собой комплекс сооружений, возведенных поэтапно вокруг тенистого двора с водоемом. Комплекс в полном или усеченном составе включал ряд следующих построек: мавзолеем святого; ритуальный зал (сама' или зикрхона) и/или небольшую мечеть (иногда обе функции сочетались в одном зале); жилище шейха и его семьи; комнаты для чтения Корана и обучения; кельи мюридов; странноприимные худжры с бесплатным приютом и пищей и др. Таковы были хонако при мавзолее Сайфадина Бохарзи в Бухаре и др. Такую же структуру имел комплекс у могилы Кусама ибн-Аббаса в Самарканде, хотя, справедливости ради, отметим, что он был скорее мемориально-культовым. Эти и многие другие суфийские и несуфийские мемориально-культовые комплексы Средней Азии марокканец Ибн-Батутта, посетивший их в XIV в., называет привычным на его Родине термином "завия" (Ибрагимов, 1988. С. 92–93).

В XV–XVII вв. демократичный и аскетичный изначально суфизм претерпевает трансформацию. Суфии все активнее вмешиваются в государственную политику, сотрудничают с властями, принимают крупные пожертвования и обогащаются за счет них. С усилением культа святых бывшие хонако дворового типа при могилах шейхов превращаются в мемориально-культовые центры, а само значение хонако распространяется не на весь комплекс зданий, а на входящее в него сооружение с обрядовым залом суфиев – сама или зикрхона (Yusupova, 1999. P. 124).

В XV в. еще продолжают строить крупные портално-купольные залы хонако, примыкающие к небольшому, более древнему в своей основе мавзолею и расположенные с ним на одной или на параллельной оси. Нередко подобные хонако имели прямоугольный, вытянутый по входной оси план, что характеризовало его как здание с глубинной или продольно-осевой композицией плана. Таковыми были в XV в. хонако, выстроенные на одной оси с меньшим по размерам мавзолеем – гурханой святого – хонако Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре, а также хонако, возведенное Мирзо Улугбеком на одной оси с меньшим по размерам мавзолеем ученого-богослова Ходжи Абди Даруна в одноименном комплексе дворовой структуры под Самаркандом.

С конца XIV–XVII вв. распространяется и становится преимущественным тип отдельно стоящего, более монументального по архитектуре портално-купольного хонака с крупным подквадратным или крестовидным залом-зикрхона в центре и худжрами, устроенными по его сторонам или углам. Такие крупные хонака в основном возводились в культовых комплексах при могиле суфия, похороненного в дахме (погребальная платформа в виде параллелепипеда). Например, в Бухаре таковыми были хонака у могилы Баха ад-Дина Накшбанда, Хазрати Имам, в Самарканде – это хонака у могил Ходжа Абди Бируна (XV в.), Ходжа Ахрара (XV в.), Ходжа Абди Даруна (XVII в.) и многие другие.

Иногда здания отдельно стоящих портално-купольных хонака украшали ансамбль центра города и нередко составляли композицию "кош" (визави) с противоположным зданием медресе. К примеру, в Самарканде в конце XIV в. в композиции "кош" были выстроены портално-купольное хонака и медресе Мухаммад Султана, объединенные прямоугольным двором (позже с юга ко двору был пристроен мавзолей Гури Эмир и образован одноименный комплекс). Хонака Улугбека, описанное Бабуром как здание "с грандиозным куполом" (Бобурнома, 1989. С. 45), также было сооружено в XV в. напротив медресе Улугбека на площади Регистан в Самарканде. Позже на месте этого хонака было возведено медресе Шердор. В продолжение этой традиции в Бухаре в XVII в. одно напротив другого (с обширным хаузом между ними) были выстроены – хонака и медресе Надир Диван Беги в ансамбле Ляби-Хауз.

Хонака, сооруженное главой ордена Накшбандия Ходжа Ахраром во второй половине XV в. в его суфийском комплексе под Самаркандом, вероятно, имело портално-купольную объемную композицию и продольно-осевую схему плана (Шваб, 1974. С. 79). Отметим, что после смерти Ходжа Ахрар (ум. 1490 г.), как и многие предшествующие ему главы ордена (Абд ал-Халик Гиждувани, Баха ад-Дин Накшбанд), следуя предписаниям Корана, был скромно захоронен в дахме под открытым небом во дворе вблизи своей хонаки. Позже здесь сложился мемориально-культовый комплекс, а двор с погребением, застроенный по периметру различными сооружениями, согласно традиции, стали называть "хазира". Ко двору с хаузом с юга примыкала дахма Ходжа Ахрара; с севера – торцевой стеной с порталом во двор было обращено медресе Надир Диван Беги (XVII в.), вобравшее в себя располагавшуюся здесь старую хонаку Ходжа Ахрара; с востока находились колонные мечети; с запада – службы и ограждающая стена, с дарвазаханой в ее северной части (Шваб, 1974. С. 79).

Спустя какое-то время, в дахме под открытым небом стали хоронить не только суфийских шейхов, но и придворную знать и самих правителей. Последние, выражая свое смирение, часто завещали похоронить их не в монументальных мавзолеях, а скромно в платформе во дворе "в ногах" своего пира или давно ушедшего главы ордена. Например, ханы Мавераннахра XVI в. Абдулазиз I и Абдуллахан II захоронены в отдельной дахме "в ногах" у могилы Баха ад-Дина Накшбанда.

Существовали также хонака в комплексах, где к монументальному по архитектуре ритуальному залу с двух или трех сторон прилегал колонный айван. В Мавераннахре наиболее ранним из фрагментарно сохранившихся было хонака Ходжа Порсо с трехсторонним айваном 1407 г. (Государственный исторический архив Узбекистана. Л. 290). Такими же по архитектуре в XVI в. были хонака Ходжа Зайн ад-Дина в Бухаре, хонака с Пушку и др. На рубеже XVI–XVII вв. строились такие же хонака с айваном, но не с купольным, а с колонным залом. Это, например, хонака Шояхси в Бухаре с перекрытием зала на деревянных колоннах.

Более монументальное воплощение этой идеи можно увидеть в одном из Самаркандских хонака. Так, близ Самарканда в селении Дагбид в комплексе Махдуми Азам в XVII в. было сооружено редкое по своему типу и превосходное по "архаичному" конструктивному решению хонака. Там зал был также колонный, как в Шояхси в Бухаре, но это была уже тяжеловесная столпно-купольная конструкция перекрытия из жженого кирпича. Вблизи хонака также находились дахма с захоронением шейха Махдуми Агзама и небольшое кладбище с захоронениями последователей в "ногах" пира (Буряков, Иваницкий, 1984. С. 45).

В настоящей работе мы рассмотрели лишь несколько известных хонака Самарканда. В це-

лом данная тема требует дальнейшего углубленного и всестороннего изучения и анализа, с привлечением новых археологических и натуральных исследований, сведений исторических источников и проч. Можно лишь заключить, что в зодчестве Самарканда имели место почти все существовавшие в Мавераннахре типы хонако, что самаркандская школа зодчества внесла значительный вклад в эволюцию архитектуры суфийских обителей Средней Азии.

Использованная литература

- Захириддин Бобур. Бобурнома. Тошкент, 1989.
- Буряков Ю.Ф., Иваницкий И.Д. Новый археологический материал по истории Дагбита // ОНУ, 1984. № 2.
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Камалиддинов Ш.С. "Китаб ал-Ансаб" Абу Са'ада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Маньковская Л.Ю. Ханака, такия, завия // Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980.
- Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.
- Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
- Шваб Ю.З. Композиция комплекса построек Ходжа Ахрара в Самарканде // Сб. материалов по итогам научно-исследовательских работ архитектурного факультета ТашПИ за 1970–1973 гг. Ташкент, 1974.
- Государственный исторический архив Узбекистана. Вакуфный документ на хонако Ходжа Порсо. Ф....л. 290 а. Пер. Б. Бабаджанова.
- Юсупова М.А. Архитектура хонако эпохи Темуридов (К эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ, 1997. № 3-4.
- Yusupova M.A. The Architecture of Sufi Complexes in Bukhara. // Bukhara :The Myth and the Architecture. (A publication of the Aga Khan Program for Islamic Architecture at Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge – USA) – Rome: "Art. Aldo Palombi", 1999.

M.A. Yusupova - Some Sufi Houses of Samarkand (to the Question of Evolution of Architecture)

It is stated in the article that due to spread of Sufism in Central Asia in the 9th century the two types of Sufi temples appeared, both having had different genesis, architecture and importance. They were called Khanaqah and Rabat. Rabats from the very beginning mainly were considered to be military-missionary forts, but later on they were transformed into trade-hotel establishments of the caravanserai type; Khanaqah was a place specifically made for Sufis and for conducting their religious rituals. Later on these places served as memorial-cult complexes looked like portal dome construction with a large quadrangular or cross-like hall – 'zikkhana' – in the centre and with 'khujra' along its sides.

*Н.А. Абдувахидова, И. Саттарова
(Узбекистан)*

ИЗ ИСТОРИИ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ ДАНИЯРА

Древний Самарканд упоминается в средневековых источниках как «Богом хранимый город» и это название дано ему не случайно. Самарканд известен своими священными местами, кладбищами и мавзолеями. Одним из таких мест является мавзолей Ходжи Данияра (пророка Даниила), который расположен на восточной окраине городища Афрасиаб - на берегу канала Сиаб.

Феномен святого места заключается в том, что он с одинаковым почтением возвеличивается мусульманами, христианами и иудеями. Мусульмане называют его пророком ходжа Дониер, христиане пророком Даниилом, иудеи пророком Даниэлем.

Даниил («судья бог», «бог мой судья»), был легендарным еврейским праведником и пророком-мудрецом, приключения и видения которого описаны в библейской книге, носящей его имя («Книга пророка Даниила»). Святой Даниэль упоминается в Библии как четвертый пророк. Он родился в Иерусалиме в 603 году до н.э. и происходил из рода царей Давида и Соломона. Источники сообщают о том, что Даниэль был среди пленников царя Вавилонии Новоходоносора, который захватил Израиль в 586 году до н.э. Чтобы не нарушать иудейские предписания питания, Даниил воздерживался от царских яств, ел только овощи и пил только воду. Бог да-

ровал Даниилу разумение «всяких видений и снов». Таким образом, мудрость Даниила трактуется как божья награда за набожность. Оба эти качества служат предпосылкой дальнейшим эпизодам легендарной биографии. В «пророческих» главах «Книги Даниила» предсказывается приход мессии («сына человеческого»), впервые в Библии относительно ясно выражена идея страшного суда, вера в воскресение праведных мертвых. Здесь также отразились представления об ангелах-заступниках определенных народов. Мессианские идеи «Книги Даниила» оказали глубокое влияние на первоначальное христианство; обозначение «сын человеческий» стало в евангельских текстах постоянным самоназванием Иисуса Христа. В Вавилоне Даниил прославился как предсказатель и чудотворец. После прихода к власти Ахеменидов Даниил находился на службе у ахеменидского царя. По одной из легенд он был сатрапом Согда и умер здесь в Самарканде.

Известная в мире первоначальная могила пророка Даниила находится в городе Сузы, на юго-западе Ирана, где он был похоронен в 531 году до нашей эры. Древний город Сузы упоминается в Ветхом Завете как место, где жил пророк Даниил. Могила пророка Даниила расположена внутри белого здания на берегу реки, протекающей через древний город Сузы.

В раннем средневековье могила пророка Даниила высоко почиталась христианами-несторианами. В VI веке сасанидский царь Хосров Парвиз пожертвовал святыне значительные суммы денег. Византийский император Маврикий просил разрешить перенести в Константинополь мощи пророка Даниила, однако значительные массы христианского населения сасанидской империи мольбой и слезным плачем просили не допускать этого.

По преданию Амир Темур перенес из Передней Азии мощи пророка Даниила или часть земли с его могилы в Самарканд. Объяснялось это тем, что в эпоху Амира Темура легенда гласила: дух и погребение чудотворца Даниила обеспечивают благоустройство и процветание города, где он захоронен, а также спасает его жителей от различных невзгод и катаклизмов. Легенда гласит, что во время похода в Месопотамию и Малую Азию в 1399-1404 годах Амир Темур, вопреки обыкновению выдающегося полководца, не смог взять Сузы штурмом. От богословов государь узнал, что город защищают мощи пророка. Тогда Темур будто бы договорился с осажденными, что не будет подвергать их имущество разорению, если ему позволят увезти в Самарканд часть священных мощей, для того чтобы они охраняли столицу его империи от любых бед. Многим кажется более вероятным, что Амир Темур, скорее всего, привез в Самарканд горсть земли из священного места в Сузах, а позже приказал воздвигнуть мавзолей.

Исследования, проведенные в годы независимости на территории, прилегающей к могиле, позволяют предположить, что на этом месте с древней эпохи существовало священное место со святым источником родником. В X-XII вв. здесь существовала мечеть, построенная из жженных кирпичей. Именно в эпоху Амира Темура были сооружены сагана, мавзолей, поминальная мечеть и, видимо, айван и худжры для обслуживания персонала и посетителей. В XVI веке эти здания пришли в упадок. В XVII веке, вероятно, при правителе Самарканда Ялангтуш-бие мечеть была отреставрирована и просуществовала до первой половины XIX века, когда на её остатках было построено новое здание – мечеть с айваном (Мухиддинов, 2003).

По поверьям, для исполнения особых желаний паломникам нужно было каждую пятницу посещать гробницу Ходжи Данияра. Существует предание, что Ходжа Абди Дарун говорил: «пророк из пророков Божьих перешел реку Джейхун и достиг города, который называется Самаркандом. Население Самарканда оказывало ему уважение. Он поселился здесь и умер в Самарканде. Он был искусный гадальщик. Его по-арабски называли Табба наби (пророк Табба). Пророк сказал: «Я Мухаммад, сын Абдуллы совершенство познания мира сокровенного обрел у его могилы». И каждый, кто желает сделаться одаренным откровением, тому следует каждую пятницу, после пятничного намаза прислуживать на мазаре того пророка. Условие относительно хождения вокруг мазара таково: хождение это следует совершать один раз в каждую пятницу.

В 1870-х годах могила пророка Данияра была покрыта речными камнями. Вокруг могилы были поставлены шесть тугов - шестов, обозначавших могилы святых людей. Рядом с ней на-

ходились маленький айван и мечеть. В 1900 году было построено здание мавзолея, а поминальная мечеть была отремонтирована. Рядом с ним была также построена христианская часовня, впоследствии уничтоженная при советской власти. Сам мавзолей в годы советского режима оказался в заброшенном состоянии.

В годы независимости Узбекистана были проведены большие работы по благоустройству территории вокруг мавзолея и восстановительные работы в нем самом. Надгробие пророка было выложено ониксом и черным мрамором. Над священным родником было возведено купольное помещение. К нему была проведена 250-метровая асфальтированная дорога, возведены входные ворота в комплекс, также построена трехуровневая лестница к основному зданию. В 1996 г. это святое место посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II.

В настоящее время мавзолей Ходжи Данияра представляет собой постройку высотой 160 см и длиной 18 метров.

Это святое место до сегодняшнего дня действует, посещают его мусульмане, христиане и иудеи. Святое погребение пророка Данияра является одним из примеров религиозной толерантности народа Узбекистана, истоки которой уходят вглубь веков.

N.A. Abdvakhidova, I.Sattarova - On the History of the Mausoleum of Khodja Daniyar

Samarkand is famous for its sacred places, cemeteries and mausoleums. One of such a prominent place is known as Khodja Daniyar Mausoleum located in the eastern outskirts of the Afrasiab Site. According to a legend, Amir Temur transported the holy Daniel's remains from Asia Minor. During the Temur's epoch the 'saghana', mausoleum and mosque were constructed. In the 17th century probably under the Yalangtush-biy ruling the mosque was reconstructed and existed up to the first half of the 19th century, when it renewed. Nowadays, this social place is visited by Muslims, Christians and Jews. The sacred burial of Khodja Daniyar is one of the examples of religious tolerance among Uzbekistan's population and its roots go deep into the ancient times.

*Ф.С. Алиева
(Ўзбекистон)*

«ПАНЖОБ» МАДРАСАСИ МЕЪМОРИЙ ЁДГОРЛИГИ ТАРИХИДАН

Илм-фан аҳиллари бой маданият меросимизни ўрганишда, миллий кадриятларимизни тиклашда катта хайрли ишларни амалга оширмоқдалар. Шу қаторда меъморчилик меросини ўрганишга ҳам катта эътибор берилмоқда.

Маълумки, Самарқанд шаҳри азал-азалдан маърифат, маданият ва барча жабҳада ўзига хос ва мос тараққиёт бешиги бўлиб келган. Шунинг учун ҳам ўрта асрларданок ҳақли равишда «Ер юзининг сайқали» деб аталиб келинаётган Самарқандни олиму фузалолар, улуғ алломалар, сайёҳлар яна «Қадимги Шарқ боғи эрами», «Замин чехраси», «Жаҳон гулшани», «Шарқ марвариди» деб ҳам таърифлаганлар. Улуғ бобокалонларимиздан бири Абу Тохирхожа ўзининг «Самария» китобида «Подшоҳлар ул замин тупроғини (Самарқандни) кўзларига сурма каби сурар эдилар» деса, Беруний замондоши Абу Мансур Солиби ўша даврда Самарқандимизнинг ҳаётбахш кўркини таърифлаб «У дунёда жаннат бор, лекин бу дунёнинг жаннати Самарқанддир. Самарқанд ер юзининг марваридидир» деган эдилар. Самарқанд қадим-қадимдан ўзгалар, бошқалар учун очик шаҳар бўлиб унда турли этник ва диний қарашларги, мансуб одамлар қўним топган, тинчлик осойишталикда яшаган.

Самарқанд ўтмиши ва келажаги шу юртда яшаб, ижод қилаётган, улуғ бунёдкорлик ишларида банд бўлган халқ билан бевосита боғлиқдир. Кўп миллатли халқимиз ўзаро мувозанатларни бузмаган ҳолда ахил-иноқ биродар бўлишиб, бир ёқадан бош чиқаришиб ўз келажаклари, орзу-умидларини ўзлари яратмоқдалар.

Республика ҳукумати Ўзбекистон халқлари кадриятлари ва маънавий меросига катта эътибор бериб келмоқда. Президент И.А. Каримов шундай дейдилар: «Бугун янги ўзбек давлатини барпо этар эканмиз, биз тарихдан ажодлар меросидан, уларнинг руҳи покидан, Туркистон халқларининг кадриятларидан, маънавий меросидан, санъатидан баҳраманд бўлишимиз табиийдир» (Каримов И., 1994. 129-бет.).

Бу сўзлар Самарқанд заминида қурилган ўтмиш меросининг дурдоналаридан бири «Панжоб» мадрасасига ҳам тааллуқлидир.

Самарқанд шаҳридаги Фирдавсий кўчасининг охирида жойлашган «Панжоб» мачити ва мадрасаси XIX аср охири XX асрнинг бошларида шу ҳудудда яшаган этник гуруҳ-эронийлар авлодлари томонидан қурилган.

«Панжоб» мадрасаси ва мачитининг тарихини ўрганиш мақсадида унинг тарихини билувчи нурунийлар билан қилинган суҳбатлардан шу маълум бўлдики, мадрасанинг қурилиши учун ажратилган майдон Мулла Хўжа бобо Абдуохунбекнинг вақф асосида олинган ерида жойлашган (Али Багиров 1918 йили туғилган). Мадраса қурилиши 1886 йилдан бошланган бўлса-да, баъзи сабабларга кўра вақтинча тўхтатилган. XX асрнинг бошларида маҳаллий аҳолининг ёрдами билан битказилган. Мадрасанинг қурилишига Шайх Муҳаммад Қозим раҳбарлик қилган. мадрасанинг тарқини эса бош меъмор Хўжа Абдураим ва уста Комил Бухорий тузган ва қурилиш ишларини олиб борганлар.

Мадраса қурилиши учун ишлатилган ғиштлар шу ернинг тупроғидан олинган бўлиб, усто Хўжа Боғир ва Хўжа Қозимлар томонидан тайёрланган. Мадрасанинг хужралари ганч билан пардозланган бўлиб, пастки қисми эса шахмат усулида «санг-фарч» қилинган, яъни пишиқ ғиштлар билан терилган, эшиклари эса турли хил шаклларда безак бериб ясалган. Мадраса ҳудудининг шарқий қисми ўртасида, атрофи кўкаламзор этилган, ҳовуз мавжуд бўлиб, уни аҳоли «сари-ҳовуз» деб аташган. Ҳовузнинг атрофи чинор, терак ва мевали дарахтлар билан ўралган. Мадрасанинг шимолий қисмида «ичкари ҳовли» ёки хўжалик ишларига тегишли ҳовли мавжуд эди.

«Панжоб» мадрасаси 1908 йилдан бошлаб ишга туширилган. «Бу ерда ўсмирлар диний ва дунёвий билим олишарди ҳамда шу мадрасада талабаларга Шайх Муҳаммадқул риёзиётдан, Шайх Ғулом Ҳасан «сарфу-нахв» (араб тили)дан, Мулло Аҳмад эса фикҳ ва мантиқдан ёшларга дарс берардилар» деб хотирлашади кексалардан Мулло Али Аҳмедов ва Али Багировлар.

1924 йилгача мадраса яхши ҳолатда сақланиб келинган эди, лекин 1924 йилдан кейин мадрасанинг иморатидан темир йўл ишчилари учун ётоқхона сифатида фойдаланилган. 1939-1943 йиллар давомида мадрасада касб-хунар ўқув юрти жойлашган. Кейинчалик бу бинода қурилиш корхоналардан 12-қурилиш бошқармаси 3-ишчи таъминот бўлимининг дўкони, почта идораси каби майда турли хил ташкилотларга фойдаланиш учун бериб келинган.

Ўша йилларда шаҳарнинг бирорта маъмурий органлари бу тарихий ёдгорлик билан қизиқмаган. Ўтган асрнинг 80-90-йилларида меъморий ёдгорликка эътибор берилди бошланди. Мадраса 1980 йилларда икки маротаба таъмирланди. Таъмирдан олдин унинг ўлчови ва режаси чизилган. Таъмирлаш ишларидан кейин мадраса олдинги кўринишига келтирилган ва 1982 йилда вилоят тарихий ёдгорликларини муҳофаза қилиш жамияти томонидан рўйхатга олинган.

«Панжоб» мадрасаси биносида 1990 йил 10 март куни этник гуруҳ «эронийлар миллий-маданий маркази» иш бошлади. Марказнинг ташкил топиши тарих ўқитувчиси Нурмадат Мамадалиев ва профессор Эркин Ходжиев, нафақадаги ўқитувчилар Али Ибрагимов ва Мамараҳим Халимовлар ташаббускор бўлдилар. Марказ фаолият кўрсатган даврда республикамизнинг мустақиллик байрами, Самарқандда яшовчи эронийларнинг тарихи, урф-одатлар ва расм-русумларини ўтказиш бўйича тадбирлар ўтказилди. Марказга Тожикистон Фанлар академиясининг академиги Ғулом Алиев, СамДУ академиги Ботирхон Валихўжаев, Ўзбекистон халқлари тарихи кафедрасининг профессори М.М. Абрамов, доц. Ф.С. Алиева, «Саодат» журналининг адабиёт ва санъат бўлимининг бошлиғи Зулфия Мўминовалар, ташриф буюрдилар.

Марказ қошида 110 кишини ўз сафларида бирлаштирган «Панжоб» халқ дастаси ташкил этилди. Даста иштирокчилари Исмоил Алиев, Носир Боғиров, Хожикурбон Холов, Жаводбек Козимов ва бошқалар ўзларининг дастурлари билан туман, шаҳар миқёсидаги концертларда катнашдилар.

«Панжоб» мадрасаси атрофида яшовчи ёшлар учун форс тили ва араб тилини ўргатиш гуруҳлари очилди. 1993 йилда марказга Эрон Ислом Республикасининг Президенти Али Ак-

бар Ҳошимий-Рафсанжоний ва Ўзбекистон Республикасининг Президенти И.А. Каримов ташриф буюрдилар. 1994 йилнинг май ойида «Панжоб» миллий – маданий марказининг номи «Панжоб» маданий-маърифий маркази деб ўзгартирилди ва у 2001 йилнинг ноябр ойигача фаолият кўрсатди. 2001 йилда Темирийўл ва Боғишамол туманларидаги қатор маҳаллаларнинг таклифлари билан шаҳар ҳокимият томонидан мадраса биносини тўлиқ капитал таъмирлаш ва маданий – маърифий ишларини давом эттириш «Тўрт паҳлавон» масъулияти чекланган жамият зиммасига юклатилди. Жамият раиси Равшан Ғуломов раҳбарлигида 2001 йилдан 2002 йилнинг апрел ойигача мадраса ҳудуди ва туташ жойлари қайта таъмирланди ва реконструкция қилинди. Мадраса орқасидаги бўш жойда 1999 йилдан фаолият кўрсатаётган масжид ҳовлисига бир хужра кенглигида йўлак очилди. Ҳар бир хужрага иситиш тизими ва водопровод ўтказилди. Таъмирланган хужралардан 14 таси Эрон Исломи Республикаси Қизил ярим ой жамиятининг Самарқанд тиббий-ижтимоий маркази учун ажратилди. 2003 йилда Қизил ярим ой жамиятининг Самарқанд тиббий-ижтимоий маркази бошқа бинога кўчирилди.

Ҳозирги вақтда мадраса биносида инглиз, форс тилларини, зардўзлик ва гилам тўқишни ўргатиш гуруҳлари очилган ва улар фаолият кўрсатиб турибди. Мадраса биносидан мамлакатимиз ҳаётидаги барча байрамлар, кекса авлодлар билан ёшлар ўртасида учрашувлар, ҳар йили бир марта «Меҳрибонлик» уйларида тарбияланувчи етим болаларнинг суннат тўйлари ўтказилиб турилади. Бино ёшлар билан доим гавжум. Мадраса биносининг бир қисмида шаҳар кутубхонасининг шохобчаси ва кўча томонида 45-почта алоқа бўлими фаолият кўрсатмоқда.

2003 йилнинг сентябр ойида Эрон Исломи Республикаси Қизил ярим ой жамиятининг тиббий-ижтимоий маркази мадраса биносига кўчиб ўтди.

Хулоса қилиб таъкидлаш лозимки, истиқлолимиз туфайли республикадаги барча миллатларнинг сонидан қатъий назар, улар томонидан яратилган тарихий-маданий ёдгорликлар ўлкамиз тарихининг бир бўлаги сифатида бўлиб, тарихимизни янада чуқурроқ ўрганишда муҳим манба ҳисобланади ва барча миллатларнинг ватанимизда озод ривожланиши учун янги имкониятлар мавжудлигини исботламоқда.

Фойдаланилган адабиётлар

Каримов И.А. Биздан озод ва обод Ватан қолсин. Тошкент, 1994.

Мулло Али Аҳмедов 1920 йили туғилган, Али Багиров 1918 йили туғилган.

Акт технического состояния медресе Панжоб 1982 г. (Глав НТУ по охране памятников. Министерство культуры РУз).

Зоҳидов П.Ш. Меъмор санъати. Тошкент, 1978.

Ф. Набераев
(Ўзбекистан)

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ САМАРКАНДА

Мы живём в удивительное время – время перемен, надежд и свершений. Постепенное улучшение благосостояния населения г. Самарканда создает необходимые условия для развития массового жилищного и гражданского строительства, которое сегодня сопровождается не только заметным ростом числа объектов, но и качественными изменениями в самой их архитектуре. В застройке города значительно выросло количество объектов нестандартных, обладающих необычным, интересным художественным (архитектурным) образом. Некоторые из этих объектов, отличающиеся индивидуальностью и своеобразием, напоминают особняки и дворцовые постройки былых времен, часто романтических.

К таким объектам можно отнести и жилой дом по ул. Узбекистанская, 47 в г. Самарканде. Лет десять назад, здесь располагалось обычное здание. Новый владелец, до того как начать реконструкцию, пригласил одного из лучших архитекторов города. Конечно же, дом был выбран не случайно. Сама улица, на которой расположен объект, является одной из улиц «Нового города» - европейской части Государственного историко-архитектурного музея-

заповедника Самарканда. Здесь сохранились уникальные особнячки, отели, банки, церкви, библиотеки, гимназии, жилые дома начала прошлого века (построенные известными архитекторами Г.М. Сваричевским, М.А. Тумановым, Е.О. Нелле, Б.Н. Кастальским, И.А. Лемке и др.), парки с прудами, сады и т.д. И автору нашего дома, безусловно, в целом удалось вписать свой объект в архитектурный контекст улицы. Обладая выразительным силуэтом, крутым и мощным объемом, здание привлекает к себе внимание.

Примером удачной стилизации под архитектуру конца XIX – начала XX века является реконструкция фасада жилого дома по ул. Махмуда Кашгари, 79. Неприметное раньше, скорее близкое к трущобному, здание теперь стало своеобразным, похожим на расположенные рядом памятники архитектуры, стало «аккомпанировать» им. Данный участок улицы вдруг приобрел некую стилевую завершенность, улица сама стала больше похожа на улицу-памятник, какой собственно и считается.

Другой пример – жилой дом по улице Фирдавси, 71. Здесь можно почувствовать, как строитель дома откровенно любит, можно без преувеличения сказать даже – наслаждается красотой архитектурных форм прошлого, трепетно воспроизводя полуколонны с каннелюрами, сложные коринфские капители и другие детали, стараясь соблюсти пропорции и добиваясь несомненного успеха на пути к красоте и гармонии.

Дом в кишлаке Андижони Самаркандского тумана напоминает образы греко-римской классики. Здесь приятно удивляет не только стремление воспроизвести известные архитектурные элементы в их деталях и пропорциях, но и стремление придерживаться требований общей архитектоники и т.д. И такой ряд объектов можно продолжить и дальше. Это несколько жилых домов по ул. М. Кашгари, это частный дом в кишлаке Янгиобод Самаркандского тумана и т.д.

Совершенно привычным стало понятие «евроремонт». Означая собой известное явление, оно сегодня даже для неспециалистов не требует расшифровки.

Интересно то, что аналогичные явления наблюдаются и в других регионах республики, и сегодня можно говорить об этом уже не просто как о единичных фактах или явлениях, но уже как об определенной, достаточно устойчивой объективной тенденции, наблюдающейся в современной архитектуре.

Интересно, что описанные стилевые явления не ограничиваются «ренессансом» только европейских стилей. Точно такой же бум переживают стили среднеазиатские или восточные. Примером тому может быть здание новой мечети в махалле Бахшибой кишлака Арабхана Пастдаргомского тумана. Мечеть возведена из сборных железобетонных конструкций, предусмотренных для строительства одноэтажных промзданий. Четыре его минарета собраны из сборных железобетонных колец, используемых для строительства колодцев инженерных коммуникаций. Однако, несмотря на это, строителям здания удалось добиться достаточно выразительного силуэта здания и нестандартного (где-то, на первый взгляд, даже сказочного) художественного образа объекта.

Конечно же есть и отрицательные примеры. Здание гостиницы «Шер-Дор» по ул. Махмуда Кашгари производит впечатление неприкрытой эклектики и мешанины элементов всевозможных стилей среднеазиатской (и не только) архитектуры, отражая полный сумбур в представлениях заказчика, который на разных этапах строительства, видимо, обращался к разным усто. В результате получилось то, что получилось – полукупол-декорация, минареты-«культы», окна-иллюминаторы, фасад, отделанный поливной керамической плиткой и «приправленный» современным козырьком, скульптурными львами и пр., и пр. А главное, все это совершенно не вяжется с архитектурой улицы в целом, с архитектурой стоящего напротив готического польского костела.

Наблюдая все эти явления, мы задались вопросом: если существует такая тенденция, если наши современники хотят строить объекты в известных исторических архитектурных стилях и жить в таких объектах, то почему бы нам не использовать эти тенденции в полезных направлениях? Например, размещая их в строго определенных зонах, для стилевого воспроизведения (реставрации) утраченных частей памятников градостроительства, в охранных зонах памятников архитектуры, на территории историко-архитектурных заповедников. Наверное, есть опре-

деленная целесообразность в том, что путем своевременного координирования, направления действий множества заказчиков, строящих или реконструирующих свои объекты в исторических зонах, выдачи им стилиевых рекомендаций (включаемых в архитектурно-планировочные задания), можно (практически «бесплатно») воссоздать ранее утраченные участки исторических частей городов. Например, так называемую «фоновую застройку», а то и отдельные градостроительные акценты, таким образом, формируя определенные «стилевые зоны», дотягивая существующую застройку до уровня произведений архитектуры, создавая и воссоздавая ансамбли. И это особенно актуально для Самарканда, исторический центр которого включен в Списки всемирного наследия ЮНЕСКО и подлежит сохранению и реабилитации. При этом историческая часть Самарканда состоит из трех крупных (разных по стилиевому доминированию) «суперзон»: Древнего города (Афра-сиаба), Старого (тимуридского, средневекового) города и Нового города (европейского типа). Каждая из этих частей города, в течение своей истории (после периода наибольшего расцвета) претерпев определенные, не всегда положительные деформации, ныне требует восстановления и реставрации...

Самаркандская областная государственная инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры в содружестве с органами архитектуры города и области в течение последних нескольких лет уже практикует выдачу заказчикам, реконструирующим свои объекты на территории историко-архитектурного музея-заповедника, своих технических условий.

При этом можно констатировать возросшую на сегодняшний день актуальность профессиональных требований к архитекторам, практикующим в Самарканде, по знанию истории мировой и среднеазиатской архитектуры, стилей архитектуры, умению оперировать понятиями, методами, приемами архитектуры разных эпох, школ и направлений. Наряду с мобилизацией усилий органов архитектуры, хокимиятов, правоохранительных органов и других властных структур (при координирующей роли органов охраны памятников) по усилению градостроительной дисциплины, предотвращению самовольного строительства, все это может оказаться тем волшебным ключом, который позволит нам вести серьезный разговор о возможности возрождения исторической части Самарканда. Если это так, то мы на пороге великих свершений.

F. Naberayev - On a Few Stylistic Tendencies in Contemporary Uzbek Architecture

The article is dedicated to the new phenomena in architectural image of contemporary Samarkand; some private houses are appearing among typical buildings of the city, and they look like non-standard architectural solution in the style of the old palaces and residences of the past. The author gives examples of successful styling typical of the end of the 19th-beginning of the 20th century architecture. So far, it is recommended to instruct the builders on reconstruction or construction of future buildings to follow stylistically reproducing best parts in the city's architecture.

*М.С. Мадиримова
(Ўзбекистон)*

МУСТАҚИЛ ЎЗБЕКИСТОННИНГ МАЪНАВИЙ ЮКСАЛИШИДА ЗАРДУШТИЙЛИК ҚАДРИЯТЛАРИНИ АҲАМИЯТИ

Ўзбекистон мустақиллигини мустаҳкамлашда ва эркин демократик, фуқаролик жамият қурилишида устувор вазифа этиб, халқни маънавий юксалиши қўйилган. Бу вазифани амалга ошириш учун пировард мақсад - озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт бунёд этиш белги-ланган. Бу ғояни тарихий, фалсафий илдизлари қадимги Турон халқларини маънавий бойликларига бориб тақалади. Жумладан, қадимги Суғдиёна, Хоразмда зардуштийликнинг ниҳоятда юксак маънавий қадриятлари мавжуд бўлган. Қадимги даврдан бугунги кунгача инсонни дунёда умргузаронлик қилишини юксак тамойили: “Эзгу фикр, эзгу сўз, эзгу амал” дан бошқа мукамалроғи яратилмади. Бугун тафаккурни янгиламасдан янги фуқаролик жамият қура олмаймиз, муомала маданиятимизни такомиллаштирмасдан миллий тарбия — ўзликни асраб-авайлаб, сақлаб қололмаймиз, Ватан равнақига ўзимизни эзгу амалларимиз билан фидоийлик қилмасак фаровон ҳаёт бунёд этолмаймиз.

Эзгу фикрлаш деганда инсон ёлгон, тухмат, ғийбат, хасад, адолат, нафрат каби иллатлардан узоқда бўлиши, меҳр-мурувват, эътибор, масъулият нуқтаи назаридан фикр юритиши лозим ва ана шу яхши фикрлар, эзгу сўзлар ила, яъни чиройли хулқ-одоби билан бировни камситмасдан, хурматини жойига қўйиб суҳбат ҳамда муносабат қуриши, уларни амалий ишлар билан қўллаб-қувватлаши даркор. Айнан ана шу бағрикенглик маънавий юксалишнинг асосий ил-дизларидан биридир.

Ҳаёт инсон учун берилган нодир қадрият, омонатдир ва уни эъзозлаш, сермазмун ўтказиш инсонни ўзига боғлиқ. Бу ҳаёт фалсафаси зардуштийликда табиатни, хусусан ер, сув, олов, ҳавони эъзозлаб, уларни яхши кўриб, муқаддас деб ҳисобланган ҳамда деҳқончилик, чорвачилик билан шуғулланиш улуғланган, меҳнатсеварлик, тадбиркорлик ва уларнинг натижаси ўлароқ бойлик, фаровон ҳаёт, ёруғ мустақкам уй-жойлар, аҳил-иноқ оилалар қўллаб-қувватланган. Аксинча, ерни яхши кўрмаган унда ишламаган инсонлар бошқа бировларни эшиги олдида қўл узатиб тиламчилик қилиб юришга маҳкум бўлади, деб ҳисобланган.

Бугунги бозор иқтисодиёти шароитида ҳам эски иллатлардан бўлган боқимандачилик тафаккуридан воз кечиб, тадбиркорлик ва ишбилармонлик миллий - маънавий қадриятларга таяниш лозим. Давлатимизда баракаси кўп оилалар кўпайса, Ватан обод бўлиб бораверади. Бу борада жамиятимиз тараққиёти учун масъулиятлилик, интизомлилик, ҳалоллик, ижтимоий адолат сифатлари ниҳоятда зарур.

Зардуштийлар сув ҳаёт манбаи бўлганини яхши англаб, уни эъзозлаб, унга ҳеч нарса ташламаганлар, тозалигини, софлигини кўз қорачиғидай асраганлар. Ҳозирги кунда сувни тежамасдан унга керак бўлмаган нарсаларни ташлаб, экологик муҳитни бузиш ҳолатлари ҳам ёмон иллатлардан биридир.

Ўзбекистон Қаҳрамони, халқ шоири Эркин Воҳидовнинг қуйидаги эзгу фикрларини ифодалаган эзгу сўзларига риоя қилиш халқимизнинг маънавий юксалишида катта аҳамиятга эгадир: «Бир боғ яратинг-унга эзгулик деб ном беринг, у боғда бир гул экинг – унга гўзаллик деб ном беринг, уларга сув юборинг ва унинг номини меҳр-мурувват деб қўйинг».

Мозийдан келган садога кулоқ солсак қадимги заминда яшаган инсонлар табиатга ниҳоятда яқин бўлганлар ва Она-замин инъом этган барча саховат, унсурларни қадирлаб, азизу муқаррам этиб эъзозлаганлар. Бу ҳислатлар эса инсонлар қалбини поклиги, ҳалолиги адолатпарварлиги ва кўнгилларини ободлигини билдиради. Мустақил Ўзбекистон аҳолисининг аксарияти ёшлар бўлган, кўп миллатли халқининг маънавий юксалишида ушбу фазилатлар катта аҳамиятга эга бўлиб, ҳуқуқий давлат, демократик жамият барпо этишга хизмат қилади.

Ж. Бахронов
(Ўзбекистон)

УЙҒОНИШ ДАВРИДАГИ ЮКСАЛИШДА САМАРҚАНДНИНГ ЎРНИ

Милоддан аввалги V асрдан бошлаб яратилган тарихий-географик асарларда Суғдиёна, Афросиёб, Мароқанд номлари билан қайд этиб келинадиган шаҳар тарихида Шарқ Уйғониш даври ҳам муҳим ўрин тутдики, Президентимиз И.А. Каримов шулардан келиб чиқиб: “Самарқанд ҳақли равишда дунё цивилизациясининг бешиқларидан бири ҳисобланади”, деди ифтихор билан (“Шарқ тароналари” халқаро мусиқа фестивалининг очилиш маросимидаги табрик сўзи. “Халқ сўзи”, 1997 йил 27 август).

Уйғониш даврининг моддий инъикоси яққол зуҳр топган соҳалардан бири – меъморчилик (архитектура) ва тасвирий санъатнинг ҳолатини олиб қарайлик. X асрнинг 60-70-йилларида Самарқандда бўлган араб сайёҳи Ибн Хавқал бу ҳақда шундай ёзади: “Мен унинг қалъасига кўтарилдим ва кўз олдимда инсонга камдан-кам насиб бўладиган ажойиб кўриниш содир бўлди: кўм-кўк дарахтлар, ажойиб саройлар, сув оқиб турган ариқлар... Самарқанд – катта бозорларга эга бўлган энг йирик шаҳарлардагидек, қатор маҳаллалар, ҳаммомлар, саройлар, карвонсаройлар жойлашган шаҳардир. Унга қисман кўрғошиндан қилинган канал суви оқиб киради. Бош мачит Шахристонда, ундан пастроқда эса қалъа жойлашган, улар ўртасидан катта

йўл ўтади. Шахристоннинг Асфазор деган қисмида сомонийлар томонидан қурилган саройнинг бинолари жойлашган. Самарқанд бинолари ёғоч ва лойдан қурилгандир. У Мовароуннахрнинг нафис одамлари (зиёлилари) тўпланган шаҳар бўлиб, уларнинг энг яхшилари шу шаҳарда таълим олгандир (История Самарқанда, 1969. С. 146-147).

Муаллиф бу ўринда, яъни шаҳар қурилишида асосан ёғоч ва лойдан фойдаланилганини баён этганида янглишган кўринади. Негаки, Сугдиёнада девор қуришда кўпроқ тўртқирра (квадрат) шаклдаги пишиқ ғиштдан фойдаланиш бу даврда анъанага айланганлигини археологик қазилар ёрқин исботлаб бермоқда. Шу далилларга асосланган М.М. Хайруллаев ёзадики: “Бу даврда пишиқ ғиштнинг кенг ишлатилиши биноларнинг кўркамлигини янада оширган. Бу давр санъатининг яна бир характерли томонларидан бири – деворга солинган расмларда, фаянс ва кулолчилик буюмларида турли ҳайвон, қушлар расмининг ифодаланишидир. Бу расмлар ҳам ўзининг эстетик завқ кўзғатиши, соф ва тоза ишланганлиги билан диққатни тортади... Механика илми (ал-хийла) ва математиканинг бир қисми сифатидаги геометриянинг ... айрим қоидаларидан қурилиш архитектурасида кенг фойдаланилганини кўрамыз. Масалан, X аср муаллифи Абул Вафо ал-Бузжоний ўзининг “Геометрик қоидаларнинг хунардандарга керакли томонлари ҳақида китоб” асарида турли геометрик усуллар ёрдамида ҳар хил нақшлар, бино безаклари ясаш йўллари, қурувчи усталарнинг тажрибалари, бадий усуллар ҳақида ҳикоя қилади” (Ўрта Осиёда илк Уйғониш даври маданияти, 1994. 29–бет).

Ўша даврда, Мовароуннахрнинг бошқа йирик маданий марказларида бўлганидек, Самарқандда ҳам қадимги сўғд, урхун ёзувлари ўрнига араб алифбосининг тарқалиши асосида китобот иши шаклланган. Китоб ёзишнинг қучайиши хаттотлик санъатининг, уни безаш, нақшлар билан кўркам қилиш эса мусаввирликнинг ривож топишига, кутубхоналар ва китоб бозорларининг шаклланишига олиб келиб, маърифат ҳамда маданият ривожидида муҳим босқич вазифасини ўтади. Аммо, бу билан китобот ишининг бадий адабиётни тараққий қилдиришдаги бекиёс аҳамиятига соя ташламоқчи эмасмиз. Айни шу касб-ҳунар туфайли маънавий маданиятнинг энг бой, ранг-баранг соҳаларидан бўлмиш ёзма бадий адабиёт шаклланиб, у ўз даврнинг дунёқараши, ижтимоий онгнинг муҳим томонларини акс эттирди.

Шуниси муҳимки, Уйғониш даври ёзма адабиёти, унинг Шарқ, хусусан Мовароуннахрда кенг тарқалган тури – шеъриятни илмий талқин қилиш ҳам Самарқандда камолга етди. Бу ҳақда XII асрнинг таниқли файласуфи Арузий Самарқандий “Нодиротлар тўплами ёки тўрт мақола” номли махсус асар яратиб, унда шеърият жамият ҳаётида муҳим роль ўйнашини, шоирлар ўз давридаги ижтимоий-сиёсий интилишларни, инсоний ахлоқ-одоб, турли ҳис туйғуларни ифодалашларини баён қилади ва ёзади: “Шеърият, бу – санъатдир. Шоир руҳан соф, кўнгли кенг, тўғри, хушёр бўлмоғи лозим. У турли илмлардан бохабар, турли хил урф-одатлар билан таниш бўлмоғи керак, чунки ҳар бир шеър ҳар қандай илм учун фойдали бўлганидек, ҳар бир илм ҳам шеъриятда ўз ифодасини топиши мумкин”.

Бу мисралар ўша давр шеърият, умуман бадий адабиётдан қандай маънавий фазилатлар талаб этганлигини кўрсатади. Абу Абдулло Рудакий (IX асрнинг охири - X аср боши), Аҳмад Дақикий (942-979), Сўзани Самарқандий (вафоти 1173) каби самарқандлик мутафаккир шоирлар Уйғониш даврнинг бу талабларини юксак тутдилар ва ўз ижодларида Шарқ гуманистик адабиётини бағоят ривожлантирдилар. Масалан, Рудакийга мансуб “Калила ва Димна”, “Даврони афтоб”, “Синдбоднома” каби дostonларда ижтимоий адолатсизликни қоралаш, инсон ва унинг ақл-заковатини улуғлаш, илм-фаннинг аҳамияти каби масалалар муҳим ўрин тутди. Унинг шеърлари содда, жарангдор, халқ учун тушунарли, мазмунан чуқур, ниҳоятда таъсирчандир. Самонийлар саройида яшаб, асосан қасидалар битган, уларга куй басталаб ижро этган Дақикий, демократик йўсиндаги ҳажвий асарлар яратган Сўзани Самарқандийнинг ижоди ҳам давр руҳини моҳирона ифодалаган.

J. Bahronov - The Role of Samarkand in Development of Renaissance

The author explains the main orientation in developing of the city of Samarkand in the 10th-12th centuries. The given facts are based on historical sources and important conclusions are made.

ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОГО РЕНЕССАНСА

Над проблемами гражданского общества задумывались ученые и прогрессивно мыслящие люди на протяжении многих веков, в том числе, и на Востоке. Так, в произведениях Фараби, Ибн-Сино, Беруни, Ходжиба и многих других восточных ученых–энциклопедистов нашли свое отражение идеи, созвучные с проблемами гражданского общества.

К гражданскому обществу, открытому для дальнейшего прогресса и справедливости, человеческая цивилизация идет давно, поэтому для адекватной оценки формирования гражданского общества или правового государства целесообразно соотнести наши результаты в деле формирования гражданского общества с теми его характеристиками, которые выработало человечество на протяжении многих веков. Но прежде чем рассмотреть эти характеристики, отметим связь гражданского общества с идеями правового государства. Государство становится правовым именно потому, что оно попадает под власть права. С этой точки зрения можно, по видимому, говорить, что праву принадлежит приоритет перед государством и вслед за Дюги утверждать, что «государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву» (Гаджиев, 2003. С. 293-294). В правовом государстве четко и точно определены как формы, пути и механизмы деятельности государства, так и пределы свободы граждан, гарантируемые правом.

«В сугубо юридически-правовом смысле право и закон призваны установить и обеспечить справедливость» - пишет К.С. Гаджиев - Тем не менее нельзя безоговорочно принять позицию тех, кто считает, что право и закон регулируют внешнее поведение, в то время как нравственность - исключительно внутреннее поведение. Нормы права призваны, прежде всего, фиксировать взаимные претензии и обязанности, вытекающие из спонтанно формирующихся в гражданском обществе отношений» (Гражданское общество, 2001. С. 18).

Именно на таких позициях стояли мыслители Восточного Ренессанса во взглядах на правовое государство. С идеей правового государства связывались поиски более совершенных и справедливых форм общественной жизни.

Для подтверждения этой мысли обратимся к примерам. Мыслитель X - начала XI века Аль-Маари видел пороки современного ему общества и исповедовал социально-политические взгляды, имеющие много общего с понятием «гражданское общество» (Гражданское общество. С. 19). Идеи о равноправии всех людей исследовал выдающийся философ Абу-Бакр Закария ар-Рази. Исходя из этого, он рассматривал проблемы общественного устройства. Он отмечал, что «бог создал всех людей равными и никому из них по отношению друг к другу не дал преимуществ». Таким образом, мыслитель, считая всех людей равными, предлагал выбирать из них достойных по знаниям и способностям. Он также отмечал недопустимость противоборства различных религиозных течений. «Выбор отдельных избранных в качестве пророков ведет к тому, что каждая группа (партия) следует только своему пророку, а остальных объявляет обманщиками и относится к ним враждебно. В результате возникают религиозные распри и религиозные кровопролития, в которых гибнут массы людей» (Гражданское общество. С. 21).

В этих рассуждениях мыслитель подходит к одной из важнейших мировоззренческих предпосылок формирования гражданского общества - толерантности, то есть терпимости по отношению друг к другу людей различных убеждений.

Не менее интересны взгляды выдающегося мыслителя эпохи Восточного Ренессанса Абу Наср Аль Фараби. В своих социально-этических трактатах Фараби рассматривает такие вопросы как происхождение, сущность и формы государственного правления. Содержание и структура поднимаемых вопросов свидетельствуют, что в центр своего социального учения, Фараби ставил проблемы взаимосвязи человека, общества, их права и обязанности по отношению

друг к другу, что тесно перекликается с проблематикой гражданского общества и, в конечном итоге, правового государства, так как ни одно правовое государство не может развиваться без формирования и развития гражданского общества.

Интересны также высказывания о справедливости в обществе другого знаменитого мыслителя X века Ибн-Сино. «Составляя свод законов - пишет Ибн-Сино - правитель должен учесть нравственные особенности народа и те вековые традиции, которые побуждают к справедливости. Ибо справедливость – лучшее украшение человеческих поступков» (Гражданское общество. С. 24).

В многовековой истории государственности Узбекистана, насыщенное динамическими событиями время характеризуется, прежде всего, главной целью прогресса – построить гуманное демократическое правовое государство, сформировать справедливое гражданское общество, тем более, что идеи, созвучные правовому обществу выстраданы многими поколениями народов Востока.

Использованная литература

Гаджиев К.С. Политическая философия. - М., 2003.

Гражданское общество. – Ташкент, 2001.

Шарифходжаев М. Формирование открытого гражданского общества в Узбекистане. - Ташкент, 2002.

D.B. Vafaeva - Ideas of a Legal State in Works of Thinkers of the Eastern Renaissance

The paper deals with problems of civil society in works of thinkers of the East. Al-Farabi, Ibn Sina, al-Beruni, Yusuf Has Hadjib and others closely dealt with problems of civil society. Especially, the author remarks that there is close connection between images of civil society and ideas on formation of such a society. It is stressed that some of them (for example, Abu Bakr Zakariya ar-Razi) was close to the problems of tolerance, i.e ability to tolerate each other and those with different conviction.

У. Ҳолиқов
(Ўзбекистон)

XIV-XVI АСРЛАРДА ШАХМАТ ЎЙИНИНИНГ ЎРТА ОСИЁ МАДАНИЯТИДА ТУТГАН ЎРНИ

Темурийлар даври маданиятида шахмат ўйинининг ўзига хослигига баҳо берар эканмиз, биз аввало Амир Темури яшаб ўтган даврда ижод этган буюк алломаларимиз ҳаёти ижоди билан танишиб чиқмоғимиз лозим.

XIV асрнинг иккинчи ярмига келиб Амир Темури Мовароуннаҳр тахтини эгаллайди ва XIV асрдан бошлаб, Ўрта Осиёда маданият яна тараққий эта бошлайди. Қисқа вақт ичида ажойиб шоирлар, олимлар ва машҳур шатранж усталари ҳам пайдо бўла бошлагани диққатга сазовордир. XV асрнинг энг зўр устаси Али Шатранжий бутун Темури замонасида ном чиқарган. Мерреининг кўрсатишича, XV асрда битилган машҳур шатранж рисоласи Али Шатранжий қаламига мансубдир.

Нихоятда ўткир хотирага эга бўлган Темури шахмат ўйинига ишқибоз бўлган. Тарихий манбалардан маълум бўлишича, “бу ўйинда юксак санъатга эришган”. Темури билимдонликда суҳбатдошларини ҳам таажжубда қолдирган.

Абулфатх Аҳмад китобининг топилиши, Али Шатранжий рисоласи Абулфатх ёки ундан олдин Ўрта Осиёда яшаб ижод этган бошқа муаллифлар таъсири остида ёзилган, деган хулосага даъват этади. Али Шатранжий рисоласидаги “Шатранжи кабир” (“Катта шахмат”) тафсилоти Абулфатх Аҳмад китобидаги баённинг худди ўзгинасидир. Али Шатранжий замонида “Шатранжи кабир”нинг худди шу варианты Темурининг севган ўйини бўлган.

Али Шатранжийда Абулфатх Аҳмад рисоласидан бошқа яна кўпгина китоблар ҳам бўлган. Али Шатранжий эса, аксинча, ҳамма муаллифларни бирма-бир айтиб ўтган. Бу борада у ас-Сулий китобидан фойдаланган кўринади. Мансубаларнинг 60 тадан 19 таси Али Шатранжий ижоди, қолганлари эса қадимги ўртаосиёлик шахматчилар: Раброб, Хоразмий, Абулфатх ижодидир.

Тарихчи Хондамир ўзининг “Ҳабиб ус-сияр фи ахбори афродил башар” асарида XIV асрнинг иккинчи ярмида Табризда, кейинчалик Эрон ва Озарбайжонда яшаган Ҳожа Али Табризийни ўша даврда шухрат топган шахматчи сифатида таърифлайди: “У шатранж илмидан шунчалик вокиф эдики, уни устод деб атардилар. Ҳатто, ғойибона ҳам худди ҳозиронадек гўзал ўйнарди. У Амир Темур мажлисларида ҳамиша ўйнарди” (Абулфатх Аҳмад).

- Манбаларда маълум бўлишича, - дейди М. Муҳиддинов, Ҳожа Али бир вақтда тўрт киши билан тўрт тахтада ғойибона ўйнай олган. Ҳолбуки, бу даврларда Европада бу усул билан иккита тахтада аранг ўйнаганлар. Ҳожа Али Табризий Амир Темурнинг фармони билан уста шатранжчи сифатида Самарқандга олиб келинган, Али Шатранжий Самарқандий номи билан шухрат топган.

Бу фикрни тасдиқловчи яна бир маълумот бор. Ибн Арабшоҳнинг 1436-1437 йилларда ёзган “Ажойиб алмақдур фи аҳрори Темур” (“Темур ҳақидаги хабарларда тақдир ажойиботлари”) асарида XV аср Самарқанд шахматчилари ва умуман, шахмат ҳақида баъзи баҳслар ва ҳикоялар келтирилган. 1401-1408 йилларда Самарқандда яшаган Ибн Арабшоҳ мохир шахматчиларнинг баъзилари билан шахсан таниш бўлган. Унинг айтишича, Муҳаммад ибн ал-Ҳиёний ва Зайн ал-Яздий каби фозиллар шахмат усталари фақиҳ ва ҳадис олими алоуддин ат-Табризий эса уларнинг алломаси бўлган (Муҳиддинов, 1976. 66-бет).

...Амир Темур Алоуддинга “мен мулк сиёсатида тенгсиз бўлганимдек сен шахмат оламида ягонасан” деб таъриф берган.

Ибн Арабшоҳнинг ёзишича, Амир Темур Али Шайхий билан катта шахмат ўйини ўйнаган. Али Шайхий Шофеий мазҳабида бўлиб, фақиҳ ва тарихчи олим, хушрўй, ҳақ сўзли киши бўлган. У бир вақтнинг ўзида тахтага қарамасдан, ғойибона икки рақиб билан ўйнар ва ҳисоблаб кўриб ўзи томонида қандай доналар, рақибларида қандай доналар борлигини билар экан.

Қадимий шатранж-шахмат маданиятининг юксалишига Алишер Навоий ҳам маълум даражада ҳисса қўшган.

У «Мажолис ун-нафоис» асарида ўша давр илғор кишилари қаторида шатраж устодларини ҳам бирин-кетин тилга олган. Алишер Навоий олтинчи шеърини дастони «Лисонут-тайр»да у мажозий образлар ва уларнинг образли саргузаштлари орқали объектив борликни эътироф этган, инсонни кўкларга кўтарган. Бу асарда реалистик ҳикоялар ҳам бор. «Шатранжи кабир ҳикояти» шулар жумласидандир. Таниқли навоийшунос олимларимиздан Абдуқодир Ҳайитметов унинг

Икки шатранж ўйнагучи устоз
Арсан шатранжга айлаб кушод.
Икки жонибдин бўлиб оромгир,
Тўқдилар ўртада шатранжи кабир...

сатрлари билан бошланган шу ҳикоясини қисқача таҳлил этиб, бу ҳикояда шатранжни усталлик билан тавсифлаганлигини, Алишер Навоий икки томоннинг бир-бирига қарши юришларини харбий урушларга ўхшатганлигини ва харбий терминлардан кенг фойдаланганини айтади.

Навоийнинг ўзи шатранж ўйнаганлиги ҳақидаги бирон-бир ишончли яхлит манба ҳозирча учрамади. Лекин юқоридаги ҳикоянинг мохирона ёзилганлигига ҳамда ўша даврнинг устоз шатранжчиларига берилган таърифларга қараб Навоий фақат кузатувчигина бўлмасдан, бу ўйинни ўзи ҳам севган ва яхши билган деб дадил айта оламиз. Навоийнинг «Мажолис ун-нафоис» номли тазкирасида ўша замоннинг маданияти кенг акс эттирилган. Бу асарда ўша замоннинг энг кўзга кўринган шатранж усталарига берилган таъриф-тавсифлар, баҳолар Навоий замонида шатранж маданияти аҳоли ўртасида қадрланганлигининг яққол далилидир.

Алишер Навоий ўша вақтларда икки хил шахмат: шатранжи кабир ва шатранжи сағир мавжуд эканлигини айтибгина қолмай, юқорида зикр этилганидек, «Шатранжи кабир ҳикояти» ни битган. Шатранжи кабирда (катта шахматда) сипоҳлар орасида айик (даббоба), зурофа куннофа (туя)лар ҳам бўлган. Амир Темур ана шундай 100-112 хонали шатранжда ўйнашни афзал кўрган. Шатранжи сағир эса 64 хонадан иборат тахтада ўйналадиган одатий шахматдир.

*М. Рахимов
(Ўзбекистан)*

САМАРКАНД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ўзбекистан является одной из уникальных стран мира в отношении исторических ценностей, богатой традициями и обычаями, высокой и всемирно признанной культурой и искусством. Историко-культурное значение Самарканда безгранично и город является наиболее ценным и известным достоянием не только Узбекистана и Центральной Азии, но и всего мирового сообщества. Историческое призвание города как жемчужины мира по сей день актуально. Как и многие узбекистанцы, во время зарубежных поездок я неоднократно убеждался, что Центральная Азия и Узбекистан, прежде всего, ассоциируются с нашими известными городами - Самаркандом, Бухарой, Хивой, Ташкентом.

Современный мир находится на одном из сложных этапов своего развития. Мы являемся свидетелями различных международных, региональных, межгосударственных конфликтов, явно чувствуется отсутствие широкого международного взаимопонимания и толерантности. Принятая ещё 1996 году Декларация ЮНЕСКО «О принципах терпимости», призывает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявление человеческой индивидуальности. Терпимость - это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира» (Tolerance - the threshold of peace, 1997. P.133-134). Однако в реальности мы наблюдаем обратные процессы.

В утверждении международной толерантности большую роль играет историческое наследие и культурное разнообразие разных стран мира. Как известно, терпимость составляет отличительную черту узбекского народа, поскольку исторически Узбекистан, как и вся Центральная Азия, является родиной представителей разных языков и культур, местом мирного сосуществования различных религий.

Толерантность также является основой внутренней и внешней политической стратегии Узбекистана. Неслучайно на заседании Исполнительного совета ЮНЕСКО в Ташкенте в 1998 году была принята Ташкентская Декларация «Культура мира и деятельность ЮНЕСКО в государствах-членах», предложенная нашей республикой. Концепция культуры мира, разработанная по инициативе ЮНЕСКО, является реакцией на насущные требования нынешней международной обстановки. Декларация считает, что переход человечества в новое тысячелетие знаменует собой исторический поворотный пункт, когда мужчины и женщины должны взять на себя обязательства со всей решимостью избавиться от таких воззрений и форм поведения, которые в прошлом слишком часто были источником войн, насилия и социальной несправедливости и принять такие воззрения и формы поведения, которые позволяют перейти к будущему, основанному на культуре мира. Следовательно, заключительное заседание исполнительного совета ЮНЕСКО и принятие Ташкентской Декларации стало важной вехой на пути в третье тысячелетие без войн и насилия, в тысячелетие, в котором основу человеческих, межгосударственных отношений составят идеи культуры мира и прогресса.

В своем выступлении перед участниками заседания Исполнительного Совета И.А Каримов особо отметил, что: «...идея культуры мира служит... той основой, на которой и будет строиться философия общечеловеческого развития XXI века. И сегодня она призвана пробуждать к солидарности и сотрудуничеству во имя сохранения мира и стабильности» (Правда Востока, 1998, 7 ноября). Ташкентская Декларация была логическим продолжением провозглашения Генеральной Ассамблеей ООН 2000 года, международным годом культуры мира, отдавая ведущую роль в его проведении ЮНЕСКО.

В этой связи культурное наследие является важной и богатой исторической традицией. Самарканд, безусловно, занимает ключевое место в распространении идеи толерантности, ведь с древнейших времен город являлся местом мирного обитания различных этносов и этнических групп, а также представителей мировых религий – Ислама, Христианства, Индуизма. Многие уникальные исторические памятники Самарканда одновременно почитаются представителями различных религиозных конфессий. Как известно, Самарканд, наряду с Бухарой и Хивой, включен в Список мировых культурных ценностей ЮНЕСКО, что делает его достоянием всего человечества (World Heritage List by the World Heritage Committee as at 1990-1998).

В течение десятилетий, особенно в годы независимости, Самарканд был местом проведения различных международных конференций, семинаров, симпозиумов, выставок и экспозиций, содействующих всемирному культурному обмену и пропаганде культуры Узбекистана и Центральной Азии мировой общественности. В частности, начиная с 1997 года под эгидой ЮНЕСКО в Самарканде проводятся поистине замечательные события мировой музыки - музыкальные фестивали - «Шарк тароналари», где участвуют представители десятка стран мира: Японии, Китая, Индии, Ирана, Израиля, Монголии, России, США, Франции, Великобритании, Германии, Австрии, Греции, Мексики.

Музыкальные фестивали «Шарк тароналари» имеют большое значение в широкой пропаганде уникального музыкального искусства народов Востока, способствуют дальнейшему сохранению музыкальных традиций, духовных ценностей, воспитанию дружбы, братства и сотрудничества между народами.

Одним из важных направлений международного сотрудничества Узбекистана является изучение, сохранение и широкая популяризация центральноазиатской цивилизации. Как известно, празднование 600-летия великого ученого и государственного деятеля Мирзо Улугбека (1994 г.), 660-летие гениального полководца Амира Темура (1996 г.), 2500-летие легендарных городов Бухары и Хивы (1997 г.), 1225-летие мыслителя, султана хадисов Имам ал-Бухори и 1200-летие крупнейшего ученого Ахмад Ал-Фаргони (1998 г.), 1000-летие героического эпоса «Алпомыш» и 800-летие великого сына узбекского народа Ж. Мангуберди (1999 г.) были широко отмечены в мировом масштабе. Данные мероприятия привлекли внимание мировой культурной и научной общественности к Узбекистану, что способствовало не только определению роли и вклада великих предков и городов-жемчужин в мировую цивилизацию, но и содействовало широкому знакомству мировой общественности с нашими достижениями в области возрождения духовных и исторических ценностей и активизации процессов сближения культур и духовного взаимопонимания народов мира.

В 1996 году в своей речи в честь юбилея Мирзо Улугбека в Париже Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор подчеркнул, что во время своего посещения Бухары и Самарканда был очарован их прекрасными памятниками истории и архитектуры. Особенно, сказал он, меня поразила обсерватория Улугбека в Самарканде, точность астрономических расчетов, сделанных этим крупнейшим ученым средневекового Востока (Правда Востока, 1997. 24 июня).

Мировое значение Самарканда определяется также открытием в городе в 1996 году Международного института исследований Центральной Азии (МИЦАИ). Данный институт был открыт в рамках монументального исследования ЮНЕСКО - «Шелковый путь—путь диалога» по изучению истории цивилизаций Центральной Азии, которое проводилось в рамках всемирной декады ООН (1988-1998). Институт призван внести свой вклад в изучение истории Центральной Азии, дать объективную оценку процессам, происходящим в Центрально-азиатских странах, ставших на современный путь развития. Следует отметить, что договор о создании МИЦАИ был подписан представителями Китая, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Республики Корея, Пакистана, Таджикистана, Турции, Франции, Ирана и Узбекистана (Народное слово, 1995, 7 июля). Членами МИЦАИ являются государства-члены ООН и его специализированные учреждения, признающие Устав МИЦАИ (ТА МИЦАИ, 1995, ст. 3), что дает возможность институту стать крупным международным центром изучения Центральной Азии.

МИЦАИ вносит большой вклад в изучение цивилизаций Центральной Азии, открывает миру ещё скрытые от нас страницы великого прошлого народов Центральной Азии. Вместе с

тем, Институту необходимо также оказывать должное внимание в изучении исторических перемен, которые происходят сегодня в центральноазиатских странах, вставших на путь обновления и прогресса.

Как известно, Самарканд является главным туристическим объектом Центральной Азии. Начиная с 1993 г., наряду с другими городами, в Самарканде, совместно со Всемирной торговой организацией (ВТО) и ЮНЕСКО проводились международные туристические семинары, направленные на развитие и совершенствование культуры туризма в Узбекистане и дальнейшее превращение Узбекистана в один из центров мирового туристического бизнеса. В частности, в октябре 1994 года ВТО и ЮНЕСКО организовали международный семинар в Самарканде на тему: «Развитие туризма на Великом шелковом пути». В ходе заседания был обсужден и принят текст Самаркандской Декларации. В этом документе, одобренном представителями более чем двадцати стран, признанными лидерами в деле организации и развития международного туризма, выражена убежденность, что возрождение традиций Великого шелкового пути отвечает интересам народов мира и будет способствовать расширению сотрудничества между странами.

Можно отметить, что возрождение и развитие культурного туризма, направлено не только на популяризацию великого исторического наследия Узбекистана, но и на развитие перспективного туристического бизнеса в Узбекистане, что в будущем должно стать одним из источников благосостояния и процветания страны.

Следует также отметить роль Самарканда в установлении мира и стабильности в Центральной Азии. В частности, в сентябре 2002 г. в городе состоялась встреча экспертных групп и представителей международных организаций, на которой было принято решение о подписании в Семипалатинске (Казахстан) в сентябре 2006 г. соглашения о создании по инициативе Узбекистана в Центральной Азии- Зоны Свободной от ядерного оружия.

Таким образом, можно отметить, что Самарканд является крупнейшим мировым культурным и историческим центром. В настоящее время город играет значительную роль в развитии международного сотрудничества между народами Центральной Азии и зарубежными странами в различных областях современной науки и культуры. В целом многостороннее культурное сотрудничество Узбекистана свидетельствует о гуманизме и миролюбивости Узбекистана, направленного на развитие и укрепление международной духовной солидарности, что должно являться основой развития человечества в третьем тысячелетии.

Использованная литература

- Tolerance – the threshold of peace. UNESCO publishing. - Paris, 1997.
Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заключительном заседании 155-й сессии Исполнительного Совета ЮНЕСКО //Правда Востока. - 1998. 7 ноябрь.
World Heritage List by the world Heritage committee as at 1990-1998. - Paris, 1999.
Правда Востока, 1997. 24 июня.
Народное Слово, 1995. 7 июля.
ТА МИЦАИ. Самарканд (Устав Международного института исследований Центральной Азии 1995 г. ст. 3.).

M. Rakhimov - The Role of Samarkand in Strengthening International Tolerance

Samarkand, as an ancient city of Uzbekistan and Central Asia has played an important role in development of international tolerance among the nations. The paper attempts to analyze of Samarkand's contribution to the establishment and development principals of tolerance and peace from the past to the present. Also, it analyzed the role of Samarkand in contemporary bilateral and multilateral cooperation in Central Asia and foreign countries.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Успешно реализуемая в Узбекистане масштабная Национальная программа по подготовке кадров способствует ускорению процессов интеграции образовательной системы республики в мировом пространстве. Создание правовых, кадровых, научно-методических и материальных условий реформы на первом этапе, а также усовершенствование содержания учебных программ, эффективное внедрение новых информационных и педагогических технологий на втором этапе осуществления Национальной программы и преобразования, происходящие ныне, направлены на формирование совершенной личности, свободомыслящей, гражданина и патриота своей Родины, преданного идеалам независимости. Воспитание личности, способной сознательно участвовать в общественно-политической жизни, активно влиять на социальные процессы, ответственной за судьбу страны, - главный приоритет Национальной программы по подготовке кадров.

Сегодня на всех уровнях системы образования реализуется целенаправленная система мер по формированию национальной идеологии, обеспечиваются условия для её осмысления молодым поколением. Огромная роль в формировании «духовно богатой и нравственно цельной, гармонично-развитой личности, обладающей независимым мировоззрением и самостоятельным мышлением, опирающейся на бесценное наследие наших предков и общечеловеческие ценности» отводится в образовательном процессе социально-гуманитарным дисциплинам. «Необходимо, - указывает Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, - чтобы наша богатая история, культурное наследие стали духовным богатством наших соотечественников..., ибо именно высокая духовность открывает путь в великое будущее». Органы и учреждения системы непрерывного образования, глубоко сознавая, что процесс формирования личности довольно сложный и длительный процесс, в своей работе опираются на богатые культурно-исторические и духовно-нравственные традиции и менталитет узбекского народа.

Узбекская модель системы образования, уникальный опыт происходящих преобразований в системе образования по выполнению Национальной программы по подготовке кадров, принятой по инициативе Президента Узбекистана И.А. Каримова в 1997 г. и привлекающей внимание других государств, не была бы достаточной, если бы не учитывались мировые достижения в этой сфере.

Современный мир переживает период глобализации, эпоху всестороннего объединения человечества в едином пространстве информации и коммуникаций, превращения всей планеты в единый экономический рынок. В этих условиях происходит международная интеграция образования. Важной чертой развития образования является его глобальность. Эта черта отражает наличие интеграционных процессов в современном мире, интенсивных взаимодействий между государствами в разных сферах общественной жизни. Образование из категории национальных приоритетов переходит в категорию мировых приоритетов.

Учитывая происходящие в образовании процессы в мировом масштабе и интеграцию в него Узбекистана, для дальнейшего эффективного развития всей системы образования следует рассмотреть и изучить ряд предложений:

придание системе образования гибкости и оперативности, мобильности образовательно-профессиональных программ; внедрение в систему непрерывного образования принципов и механизмов дифференциации образования, которое обеспечивает максимальный учёт индивидуальных особенностей молодёжи;

- в нынешних условиях существует необходимость пересмотра системы повышения квалификации педагогических кадров. Для этой цели возможно создание самостоятельного Института повышения квалификации путем объединения функционирующих сегодня всех институтов, филиалов, факультетов, отделений повышения квалификации по всем направлениям нау-

ки;

- учитывая, что во всём мире существует определённая система: бакалавриат, магистратура, докторантура следует внести коррективы в действующую в республике систему образования;

- актуальна проблема трудоустройства молодых специалистов после окончания вуза, решение которой видится в следующем: определить государственный заказ на подготовку специалистов путем сбора заявок министерств, компаний, предприятий, составить двусторонний договор с этими организациями, в котором оговариваются обязательства по приёму специалистов на работу и обязанности специалиста вернуться к работодателю по завершении учебы.

По оценкам экспертов, в 2010 году количество пользователей Интернет в мире превысит 2 млрд. человек. Учитывая всё больший интерес молодёжи Узбекистана к Интернету и, к сожалению, меньшее внимание к книгам, решение этого вопроса видится в создании Национальной электронной библиотеки.

Принимая во внимание глубокие исторические корни духовности узбекского народа, нравственные принципы, традиции, национальную идею государственной независимости, под которой понимается реальная гибкая и мобильная система мировоззренческих, духовных и нравственных ориентаций народа и государства, учитывая все национальные и историко-традиционные особенности Узбекистана, целесообразно функционирование в нашем государстве гуманитарного университета. Подготовка высококвалифицированных кадров в таком вузе обеспечит бы педагогами весь первый блок социально-гуманитарных дисциплин, составляющий ныне 25 процентов программы. Кроме того, уникальный опыт духовности и просветительства Узбекистана имеет всемирное значение и является ярким примером для других народов и государств.

Строительство правового демократического государства диктует необходимость в том, чтобы обеспечить высокую ответственность в осуществлении конкретных практических мер и введении эффективных механизмов, целенаправленных действий всех государственных структур общественных организаций, направленных на достижение стратегической цели – реализацию национальной идеи «Узбекистан – государство с великим будущим».

*С.Х. Хуррамова
(Узбекистан)*

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА В ОБРАЗОВАНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сегодня, когда в нашем обществе осознана необходимость к гуманистическим приоритетам развития, весьма важное значение имеет анализ исторических истоков гуманистической традиции, корней её преемственности и современного понимания ценностей гуманизма. Не случайно принятая в 1997 году в Узбекистане Национальная программа по подготовке кадров направлена в первую очередь на всестороннюю гуманизацию и гуманитаризацию образования. Существование принципа гуманизма во всех аспектах человеческой деятельности является доказательством стремления личности к достижению высоких нравственных идеалов и моральных норм. Гуманизм не просто провозглашает своим основным принципом любовь и уважение к человеку, но и ставит вопрос о создании подлинно человеческих условий в самом обществе, необходимых для гармонического развития личности.

История Узбекистана, и особенно история её древней столицы, известного в мире научного и культурного центра Самарканда, показывает, насколько глубоко и значимо было изучение и применение принципа гуманизма в научно-педагогической деятельности знаменитых ученых-энциклопедистов эпохи Восточного Ренессанса. Выдающиеся ученые мира, писатели, поэты, художники, общественные деятели, такие как Кази-Заде Руми, Мирзо Улугбек, Али Кушчи, Джамшид Каши, Алишер Навои, Джамии и другие, жили и плодотворно трудились в Самарканде. Бесценное наследие этих великих мыслителей и в настоящее время является мо-

гучим фундаментом современной науки, культуры и искусства Узбекистана. Прогрессивные мыслители этого периода выступали против реакционной морали, считая человека свободным от природы, признавая ведущую роль воспитания в формировании личности, понимая важную роль семьи и коллектива в воспитании человека.

Насколько гуманны были взгляды великих ученых, свидетельствуют суждения Мирзо Улугбека, приведенные в его знаменитом произведении «Зидж»: «Благодетельных характером и редкостных великодушием, пронизывающих (взглядом) грудь пронизательных вельмож и мудрецов мы просим, поскольку делать упушения и совершать ошибки свойственно человеческой природе, то, если будут найдены (таковые) – свести их (пером) мускусоподобным и пером жемчугоподобным и то, что исправимо – исправить. Ежели что-либо выходит за пределы поправимого и улучшаемого, то его облачить покровом прощения и прикрыть, и быть всепрощающим, но не порицающим; покрывающим недостатки, но не извергающим зловония...» (Антология педагогической мысли Узбекистана, 1986. С. 109). Данный фрагмент завершает предисловие Улугбека к «Зиджу». Фрагмент вносит определенный штрих в личностную характеристику Улугбека. Из него можно видеть, что Улугбек как ученый отличался большой скромностью, признавая и собственные недостатки. Труды Улугбека пронизаны идеями всеобщего добра, они побуждают к совершению добрых дел во имя будущих поколений.

Основоположник узбекской литературы, мыслитель, учёный, поэт, художник, музыкант, государственный деятель Алишер Навои осуждал произвол и насилие феодалов, считал, что страной должен править гуманный, просвещенный и справедливый человек. В поэтических и прозаических произведениях А. Навои широко представлены вопросы воспитания и обучения. Его педагогические взгляды глубоко гуманистичны. В поэме «Возлюбленный сердце» Алишер Навои отмечает: «Вежливость от неуважения к людям отучает, человека от насмешек и издевательства спасает. Она воспитывает в природе человека человечность, как следствие вежливости в естестве людей появляется человеколюбие. Если вежливость приносит столько плодов младшим, то старшим она приносит их в несколько раз больше. Вежливость даёт любви красоту, по руслу вежливости люди приходят к дружбе» (Навои, 1970. С. 147). Большое внимание Навои уделял вопросам формирования нравственной личности и воспитания молодежи. Он осуждал принуждающие методы воспитания как в школе, так и дома, выступал против жестокости и насилия. Навои призывал прививать молодому поколению любовь к Родине, уважение к человеку – самому высокому и ценному дару Вселенной.

В истории педагогической и философской мысли проблема гуманизма всегда занимала важнейшее место. И в настоящее время, изучая духовное наследие прошлого, опираясь на многовековой исторический опыт человечества, можно констатировать, что принцип гуманизма в современную динамичную эпоху приобретает ещё большую значимость и актуальность, без воздействия которого человечество просто не сможет выжить. На самом деле в эпоху существования противоречивых идеологий, политических, военных конфликтов, угроз безопасности со стороны различных противоборствующих сил, только соблюдение принципа гуманизма во всех отношениях может привести к сохранению мира, стабильности и процветания. Поэтому в наше время широкую популярность и применение в образовании приобрела философия ненасилия, сущностью которой является закон любви и принцип гуманизма в человеческих отношениях.

Использованная литература

Алишер Навои Собр. соч. Т. 10. Ташкент, 1970.
Антология педагогической мысли Узбекистана. Ташкент, 1986.

S.H. Hurrarova - The Principle of Humanism in Education: Traditions and Modernity

In present time important meaning has the analysis of historical sources on traditions of humanism and modern understanding of human values. In this article the works of the famous scientists of the period East Renaissance are discussed, and investigated problems of humanism. It is necessary to note, that presently, wide popularity and application in education was obtained by philosophy of nonviolence, which is based on the law of love and principle of humanism.

МУСТАҚИЛЛИК ЙИЛЛАРИДА САМАРҚАНД ХАЛҚ ТАЪЛИМИ ТИЗИМИДАГИ ЎЗГАРИШЛАР

Жамиятда юксак маънавий фазилатларни камол топтириш, миллий мафқурани шакллантириш, ёшларни бой маданий меросимиз, тарихий анъаналаримизга, умуминсоний кадриятларга хурмат, Ватанга муҳаббат, истиқлол ғояларига садоқат руҳида тарбиялаш мамлакатимизда амалга оширилаётган барча ислохотларнинг хал қилувчи омилидир.

Ўзбекистон ҳукумати таълимга ислохотларнинг барча босқичлари учун ҳам устувор соҳа деб қараб келмоқда. Мустақиллик йиллари «Ўзбекистон Республикасининг таълим тўғрисида»ги қонуни ва «Кадрлар тайёрлаш миллий дастури» қабул қилинди. Президент Ислам Каримов ташаббуси билан таълимни ислоҳ қилиш чоралари ишлаб чиқилиб, унда умумий ўрта таълим ўрнига махсус касб-хунар коллежлари, академик лицейлар ташкил қилиб, ўқишни танлашнинг ихтиёрийлиги белгиланди.

Азим шахримиз Самарқандда мустақилликнинг 15 йиллигида таълим-тарбия тизимини ислоҳ қилиш, кадрлар тайёрлашни замон талаблари даражасига кўтариш соҳасидаги ишларни амалга ошира бориб, Самарқанд шаҳрида умумий ўрта таълим мактаблар сони 65 та бўлиб уларда ўтказиладиган дарслар Давлат таълим стандартлари асосида олиб борилди. Шаҳардаги 65 умум ўрта таълим мактабларидан 56 таси янги усулда қурилган мактаблардир. Улардан 23 тасида янги русумдаги «Пентиум» русумли компьютерлар билан таъминланган. Ундан ташқари шаҳар умумтаълим мактабларида дурадгорлик, токарлик устахоналари мавжуд бўлиб, ёш ўқувчиларга тўғарақлар орқали турли хил хунар ва касбларни ургатиш учун машғулотлар ўтказилади. Самарқанд шаҳар умумтаълим мактабларида ишлайдиган ўқитувчилар сони 3375 та бўлиб аксарияти олий маълумотлидир. Самарқанд шаҳридаги 65 умумтаълим мактабларидан 61 тасида спорт зали ва спорт майдончаларида спорт машғулотлари ўтказилади. Бундан ташқари Самарқанд шаҳрида 2 та тир спорт мажмуаси мавжуд бўлиб, шаҳарда спортнинг ҳамма турлари бўйича спорт машғулоти ўтказиш учун спорт анжомлари, спорт зали, спорт майдонлари жиҳозлари билан таъминланган ёшларни жисмоний жиҳатдан чиниққан соғлом баркамол авлодни тарбиялашда катта ишлар қилинди.

Самарқанд шаҳрида таълим тизимини такомиллаштириш учун Самарқанд шаҳар таълим Бошқармаси ташаббуси билан маҳалла оқсоқоллари ёки маҳалла комитети аъзосининг иштироки ота-оналар вакили ва мактаб ўқитувчисидан иборат «Педагогик кенгаш» аъзолиги ташкил қилинган.

«Педагогик кенгаш»нинг жадвали асосида мактаб ўқитувчилари ҳар бир кварталда очик ҳисобот дарсини беради. Очик ҳисобот дарсида ўқитувчи янги педагогик технологияни қўллаб таълим мазмуни, дарс мазмунини бойитиб ўқувчилар ўртасида ҳар чоракда олиб борилган дарсда тарбиявий ишларнинг якуни ҳақида ҳисобот беради.

Натижада ўқитувчининг дарс беришдаги масъулияти ва ўқувчилар билан тарбиявий ишларнинг олиб борилишидаги самарадорлиги ошганлиги аниқланади.

Таълим соҳасидаги давлат сиёсатининг асосий принципларидан бири сифатида ўрта махсус, касб-хунар таълимининг йўналишини академик лицейда ёки касб-хунар коллежида ўқишни танлашнинг ихтиёрийлиги принципини амалга ошириб, Самарқанд шаҳрида 15 йил ичида 11 та академик лицей ташкил қилинган бўлиб, 6632 ўқувчиси 668 нафар ўқитувчидан иборат таълим-тарбия ўчоғи ташкил қилинган.

Самарқанд шаҳрида 26 та касб-хунар коллежлари қурилган бўлиб, унда таълим оладиган 28515 нафар ўқувчиси ва уларга таълим тарбия берадиган 2221 та ўқитувчилари Давлат таълим стандартлари асосида дарс бериб келмоқдалар.

Умумтаълим дастурлари кейинги таълим турлари - ўрта махсус, касб-хунар ва олий таълим тизими дастурлари билан ўзаро уйғунлашиб узлуксиз таълим тизимини ташкил этади.

Академик лицей ва касб хунар коллежлар учун бир хил бўлган умумтаълим дастурлари асосида машғулотлар ўтказилади. Академик лицейларда ўқув фанлари буйича чуқурлаштирилган таълим дастурлари асосида билим оладилар.

Касб-хунар коллежларида йуналишлар буйича чуқурлаштирилган касб хунар дастурлари асосида билим оладилар. Самарқанд шаҳримизда қурилган Академик лицейлар ва касб-хунар коллежларининг моддий техника базаси чиройли ва жуда гўзал кўринишида бўлиб, жахон андозасига жавоб беради. Бу илм масканлари чиройли, юкори дид билан замон талабларига жавоб берадиган тарзда жиҳозланган бўлиб, комил инсонни тарбиялашга тўлиқ жавоб берадиган шароит ва имкониятлар мавжуд. Улар ўқув хоналар, спорт заллари, ўқув куруллари, кутубхоналар, компьютерлар билан таъминлангандир. Шундай қилиб, кадрлар тайёрлаш дастурининг асосий мақсади комил инсон ва баркамол авлодни тарбиялашга қаратилган вазифани бажаради.

H.M. Mamarahimov - Development of Public Education in Samarkand During the Independence of Uzbekistan

The organization and development of Secondary Educational System is described in this article. There are 56 secondary schools, 11 lyceums and 26 colleges since Independence. All these schools, lyceums and colleges were build in a new style. Schools, colleges and lyceums have a high technological equipment, computers. There are 6632 pupils and 668 teachers in lyceums. There are 28515 pupils and 2920 teachers in colleges.

*C. Мирсоатова
(Ўзбекистон)*

МУСТАҚИЛЛИК ЙИЛЛАРИДА САМАРҚАНД ВОҲАСИ АРХЕОЛОГИЯСИНИНГ ТАРАҚҚИЁТИ

Мустақиллигимизнинг дастлабки кунлариданоқ Президентимиз Ислон Каримов тарихчилар олдида қилган чиқишларида жуда долзарб бўлиб турган халқимиз тарихи ва унинг маданиятини чуқур ва холисона ўрганишни, ҳамда уни кенг жамоатчиликка етказишни вазифа қилиб қўйдилар. Натижада илгари маълум бўлмаган ва қўп ҳолларда таҳқиқланган тарихнинг янги саҳифалари аста-секинлик билан очила бошланди (Каримов, 1998а; 1998б).

Самарқанд шаҳри Марказий Осиёнинг қоқ марказига жойлашган. Шаҳарнинг бундай географик ўрни унинг тарихий тараққиётига, моддий маданиятини ривожига ўз таъсирини ўтказмасдан қолмади. Бу ерда шаклланган маданиятни кўрадиган бўлсак, унда дунёнинг шарқу-ғарбига хос бўлган маданиятларни акс этганлигини кўриш мумкин. Шу билан бирга бу ерда шаклланган маданият ҳам турли мамлакатлар ва халқларга ўз таъсирини ўтказган.

Тарихий тараққиётнинг бундай ўзига хослиги, бу ерда шаклланган қадимги Самарқандни дунёнинг турли қисмларида маълум ва машҳур бўлишига олиб келди. Натижада бутун дунёда унинг тарихи ва маданиятини ўрганишга қизиқиш аста-секинлик билан ортиб борди. XIX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб эса Афросиёб ёдгорлигида Россиялик зиёлилар, тарихга қизиқувчи ҳарбийлар томонидан қазилма ишларини ўтказиш бошланган эди (Шишкин, 1969).

Самарқанднинг бой тарихи ва унинг маданиятини ўрганилишини бошланганлигига 100 йилдан ошиқ вақт ўтган бўлсада, унинг ҳаққоний тарихини ўрганиш мустақиллик йилларидан бошлаб янги поғонага кўтарилди. Афросиёбда дастлабки олиб борилган археологик изланишлар ҳаваскорлик қазилмаларидан нарига ўтмаган бўлса, XX асрнинг ўрталарига келиб бу ердаги қазилмалар методик жиҳатдан ўзининг юкори поғонасига чиқди, фақат Самарқанд воҳасида эмас, балки бутун Ўрта Осиёда археологик изланишларнинг сони кескин ошди (Шишкин, 1969а; 1969б; Григорьев, 1940а; 1940б).

Мустақилликнинг дастлабки ўтиш давридаги моддий қийинчиликларни енгиллаштириш, археология фанини, экспедицияларни моддий таъминотини яхшилаш, уларни мураккаб, ҳозирги замон техникалари билан таъминлашда чет эллик илмий муассасаларни имкониятларидан фойдаланиш, қўшма лойиҳалар тузиш ва уни ҳозирги замон талаблари даражасида

амалга ошириш тажрибаси кенг йўлга қўйилди.

Жумладан, Самарқанд воҳасини ибтидоий давр тарихини ўрганиш мақсадида АҚШ нинг Коларада университетининг олимлари билан биргаликда ўтказилган экспедиция Самарқанд билан Кеш воҳаси ўртасидаги Қоратепа тоғларининг устидаги Ангиллак ғоридан илгари маълум бўлмаган тош даври қоятош суратларини топишди (Сулейманов, Глантц, 2006). Самарқанд воҳасининг барча ғорлари ҳозирги замон техник воситалари ёрдамида тўлиқ планга туширилди.

Ўзбекистон-Германия олимлари томонидан олиб борилган экспедиция эса Самарқанд воҳасининг жануби-ғарбий қисмларидан бронза куйишда ишлатиладиган турли компонентлар қазиб олинган шахтани топишди. Бу шахтани ўрганиб кўрилганда уни илк темир даврдан бошлаб ишлатила бошланганлиги тўғрисида янги маълумотлар олинди. Бу нарса илгари Зарафшон воҳасининг ғарбий қирғоғида маълум бўлган Тўқайтепадаги бронза даври устахонасидан кейинги металлургия хунармандчилиги ривожланган энг муҳим пунктлардан бири ҳисобланади (Аванесова, 1994).

Мустақилликкача бўлган даврда Самарқанд воҳасининг археологик харитасида илк темир даврининг дастлабки босқичлари мутлақо маълум эмас, айниқса ўзида фақат шу давр қатламларини акс эттирган алоҳида ёдгорликнинг ўзи йўқ эди. Бу даврни ўрганишда Ўзбек-Француз экспедицияси олимлари томонидан олиб борилган ишларнинг аҳамияти катта бўлди. Айниқса бу воҳада Кўктепа ёдгорлигининг топилиши, Самарқанд воҳасидаги илк темир даври маданияти тўғрисида тўлиқ тасаввурни ҳосил бўлишига ва муҳими урбанизация жароёнларини дастлабки босқичлари тўғрисида дастлабки нуқтаи-назарларни пайдо бўлишига имкон берди (Исамиддинов, 2002).

Илк темир даврининг дастлабки даврданок бу ерда ўтроқ деҳқончиликка асосланган маданиятни ривожланганлигини кўрамиз. Буни археологлар Ўрта Осиёнинг деярли барча суғориладиган воҳаларидан топиб ўрганишга муваффақ бўлишган. Кўктепа ёдгорлиги эса, Ўрта Осиёнинг қоқ ўртасида жойлашганлиги сабабли илк темир даври археологик комплексларини пайдо бўлиши, уни тараққиёти ва илк урбанизация жароёнларини бошланиши бўйича янги маълумотларни олишга муваффақ бўлинди.

Кўктепада олиб борилган янги изланишлар Самарқанд воҳасининг моддий маданиятини тараққиётини даврлаштириш муаммоларига аниқликлар киритишга имкон берди. Айниқса эллинизм даври комплексларини пайдо бўлиши масаласида, Самарқанд воҳасига турли даврларда кириб келган кўчманчи чорвадор аҳолининг оқимини даврлаштириш муаммоларига аниқликлар киритилди (Исомиддинов, 2002).

Кўктепа билан бирга Самарқанд шаҳрида олиб борилган археологик изланишлар Самарқанд шаҳрининг ёшини илгари аниқланганлигидай 2500 йил эмас, балки 2750 йил эканлиги аниқланди, шаҳарнинг кейинги даврдаги урбанизация жароёнларига аниқликлар киритилди. Илк ўрта аср ва ўрта асрларга оид сарой ва ибодатхоналар, масжидлар топиб ўрганилди.

Кейинги йилларда Самарқанд воҳасида Ўзбек-Италия қўшма экспедицияси ҳам иш олиб борди. Бу экспедиция бутун воҳадаги археологик ёдгорликларни ҳозирги замон техник воситаларни қўллаган ҳолда компьютерлаштириш масалалари билан шуғулланмоқда. Натижада ҳар бир ёдгорлик тўғрисидаги маълумотлар барча олимларни тўғри ва ҳаққоний хулосалар чиқариши учун асос бўлишига имконият яратилади.

Ўзбек-Италия қўшма экспедицияси воҳадаги илк ўрта асрларга оид энг муҳим ёдгорлик Кофирқалада ҳам қазилма ишлари олиб боришмоқда. Бу ерда олиб борилган ишлар натижасида Суғд ҳукмдорлари қароргоҳини асосий қалъа қисмидан кўплаб муҳрларни топилиши бу худудни илк ўрта асрлардаги сиёсий ҳаётини, иқтисодини ва маданий ҳаётини ойдинлаштиришга имкон беради.

Худди шу экспедиция томонидан Зарафшон тоғларининг шимолий ва ғарбий этакларида олиб борилган археологик изланишлар чорвадор аҳолига хос кўплаб қабристонларни янги техник воситалар ёрдамида планини чизишга, уни бошқа ёдгорликлар системасида аниқ топографик жойлашуви, яъни аниқ географик харитаси тузилди.

Шундай қилиб, мустикаллик йилларида Самарқанд воҳаси ёдгорликлари ва унинг асосий шаҳри Самарқандни тарихи ва маданиятини ўрганиш бўйича катта ва ижобий ишлар қилинди. Қилинган бу катта ишларни умумий натижаларини энг йириги Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллигини ЮНЕСКО томонидан тасдиқланганлиги ва уни бутун жаҳон жамоатчилиги томонидан байрам қилинишидир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Каримов И.А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. Тошкент, 1998а. 5 сон.
Каримов И.А. Жамиятимиз мафқураси халқни-халқ, миллатни-миллат қилишга хизмат этсин. Тошкент, 1998б.
Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК 11-14 апреля 1995 г. СПб., 1995.
Бердимуратов А., Раимкулов А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантелини С. Результаты исследований Узбекско-итальянской экспедиции в Самаркандской области // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Ташкент, 2004.
Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ. Т. II. М., 1940 а.
Григорьев Г.В. Поселения древнего Согда (по данным исследования городищ Самаркандского района) // КСИИМК. Вып. VI. М.-Л., 1940б.
Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
Сулейманов Р.Х., Гланц М. Раскопки грота Ангилак // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Ташкент, 2004.
Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. Сб. Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969 а.
Шишкин В.А. Калаи «Афрасиаб». Вып. I. Ташкент, 1969б.

*К. Шадманов
(Узбекистан)*

ПЕРЦЕПЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПОЙ ЦЕННОСТЕЙ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ МАВЕРАУННАХРА IX-XII ВЕКОВ

Центрально-азиатской философской мысли и науки IX-XIII веков по праву принадлежит видное место в развитии Европы. Культурно-философское влияние этого региона, как известно, пережило само историческое время. Поэтому цивилизация Центральной Азии, ее культура, философия, литература и наука, обеспечившие ее же средневековый Ренессанс, вызывает живой интерес у людей современной эпохи.

Это традиционное культурно-духовное наследие наших величайших предков – мыслителей-просветителей и учёных прошлого – оказывает мощное, непреходящее воздействие на идеологию суверенного Узбекистана в целом, его национальное сознание при многих позитивных инициативах, которые выдвигают новые стратегии образования, включающие также и кардинальное изменение отношения к философскому знанию как важнейшему компоненту общей и индивидуальной культуры.

В свете этих обстоятельств особую актуальность и значимость обретает постановка целого ряда назревших проблем, решение которых, по справедливому замечанию Президента И.А.Каримова, связано с «правдивым освещением истории как основного источника формирования национальной идеологии»¹. Прежде всего, это необходимость адекватного осознания и сохранения в современной духовной культуре, а также в каждодневной практике, особой, ничем не заменяемой ценности классического философского наследия, в том числе европейского, способного, как и в предыдущие эпохи, основательно влиять на формирование высокой духовности как на уровне отдельной личности, так и на уровне социальной группы, нации, общества в целом².

Это очень важная постановка вопроса, если учесть, что XX век охарактеризовался невиданными ранее активными атаками философского дилетантизма на отмеченное классическое содержание философии и бесчисленными попытками заменить собственно философское знание его произвольными, но, при этом, активно внедряемыми в массовое сознание, субъективистскими интерпретациями.

В последние годы во всём мире культура и философская мысль Центральной Азии и прежде всего древней узбекской земли привлекает всё большее внимание как специалистов-учёных, так и самых широких читательских кругов. Интерес этот не случаен, так как нити, связывающие современную культуру со средневековой, не только не ослабевают, но всё более укрепляются. Меняющийся в исторической перспективе образ средневековых мыслителей вызывает живой интерес у человека XXI века, что обусловлено выявившимися в них ещё в те времена высокими общечеловеческими гуманистическими и духовными качествами. В результате, многие традиционные и, на первый взгляд, хорошо изученные проблемы средневековой культуры, в том числе философии, представляют перед нами своими новыми гранями, изучение которых было малодоступно ещё совсем недавно – в годы тоталитаризма.

Весьма важная по своей значимости средневековая эпоха, особенно IX-XIII века, открывает перед учёными широкие горизонты для исследования.

Сравнительный анализ культур Востока и Запада занимает важное место в мировой компаративистике. Значение подобного анализа состоит, в частности, в широкой исторической перспективе, которую он открывает, стимулируя обобщения всемирно-исторического характера. Серьёзное внимание сравнительному анализу культур Востока и Запада уделяют и узбекские исследователи, особенно в сфере истории философии, литературоведения. Именно прежде всего в этих областях знания у нас в стране были обобщены некоторые важные принципы сравнительного изучения объектов культурно-исторического процесса. Мы имеем в виду дифференциацию различных видов сравнительного изучения в зависимости от того, каков источник общности сравниваемых объектов - обусловлена ли она – эта общность – единством происхождения, разными взаимовлияниями или же наличием некоторых общих законов функционирования и развития объектов.

Несмотря на значительный прогресс в разработке методологических проблем сравнительного изучения истории за последние десятилетия, остаются нерешёнными некоторые проблемы, имеющие фундаментальное значение. К их числу, прежде всего, относится проблема эквивалентности сравниваемых объектов. Очень остро ощущается потребность в решении этой проблемы при сравнительном изучении культур Востока и Запада, выявления их типологических особенностей.

Центрально-азиатская философская мысль и наука IX-XIII вв. – это закономерный этап развития европейской и всей мировой культуры в целом, этап, имевший свои уникальные по тем временам специфические, неповторимые типологические особенности. Для их вычленения важным ориентиром могут служить такие факторы, как:

а) в Центрально-азиатском регионе IX-XIII вв. существовала стабильная языковая и конфессиональная общность в рамках единого государственного образования (при всей полиэтничности Халифат имел одно главное этническое ядро – мусульман, в её культурной жизни преобладал арабский язык);

б) здесь господствовала мусульманская религия;

в) в регионе этот период всегда сохранялась устойчивая государственность и централизованное управление;

г) восточную философскую мысль IX-XIII вв. по сравнению со средневековой Европой отличала более прочная связь с наукой; в ней был сильнее выражен дух рационального мышления и здравого смысла;

д) как по своему географическому, этническому и экономическому положению Центральная Азия была своеобразным «золотым мостком» между Востоком и Западом, так и в культурно-философском развитии Европы средних веков она была связующим звеном между Востоком и Западом.

При этом происходил плодотворный синтез культур Востока и Запада. Что же касается философии региона то в своём развитии она соприкасаясь с античной, прежде всего греческой, культурной и, став, таким образом, продолжателем учения Аристотеля и систематизатором естественных наук своего времени, философская мысль и наука периода мусульманского Ренессанса способствовали взаимному обогащению культур Востока и Запада и, тем самым уско-

рили развитие гуманизма Возрождения как общеевропейского явления. Следует отметить, что и сама античная культура в определённой степени питалась из восточных источников, так как средиземноморье, объединившее цивилизации Европы, северной Африки, ближнего Востока и Центральной Азии, несмотря на специфику всех этих регионов, было единой колыбелью в истории народов Запада и Востока.

Примечание

¹ Каримов И.А. Узбекистон демократик тараккиётнинг янги боскичида // Бизнинг максимиз – жамиятни демократлаштириш ва янгилаш, мамлакатни модернизация ва ислох этишдир. – Т.:Узбекистон, 2005,-Б.144.

² Каримов И.А. Идеология национальной независимости – убеждение народа и вера в великое будущее// Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Т.8.-Т.: Узбекистан, 2000.-С.490-492.

K. Shadmanov - Perception by Medieval Europe of Philosophical Heritage of the 9th-13th centuries Maverannahr

The article is dedicated to Central Asian cultural-philosophical thought of the Central Asian Renaissance, i.e. 9th-13th centuries. It is emphasised that cultural-philosophical thought of that region had greatly influenced the medieval and Renaissance Europe, its culture, philosophy, literature and science. Also, historical-typological specificity of the period, i.e. the Renaissance of Central Asian cultural-spiritual thought and knowledge as compared to that of Middle Age European state of culture and spirituality thought, has been clarified. It is discussed here that due to the achievements of spirituality, philosophy and science in Central Asian 9th-13th centuries it become possible to raise sharply formation and further development of cultural upraise in medieval and Renaissance Europe.

САМАРҚАНД МАНБАШУНОСЛИГИ ВА ТОПОНИМИКАСИ

А.Р. Муҳаммаджонов
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНДНИНГ ТАРИХИЙ ТОПОНИМЛАРИ ҲАҚИДА

Самарқанд Рим шаҳрининг тенгдоши, тарихда ўзининг аслий пойдеворида барқарор камол топган, жаҳондаги энг қадимги умри боқий шаҳарлардан бири, Амир Темур Соҳибқирон давлатининг пойтахти, Мотуридий, Улуғбек, Абдураззоқ Самарқандийдек қатор номдор олиму фузалоларни вояга етказган, илм-фан ва маърифат марказининг номидир. Тарихда Самарқанд номи билан шуҳрат топган бу шарофатли маскан ёзма манбаларда қатор турли шакл ва шамойилларда қайд этилади.

Муғ тоғидан топилган сўғдий ҳужжатларда шаҳар Самарканд (Смирнова, 1970. С. 15-24), қадимги Юнон ва Рим муаллифлари асарларида Мараканда, Марганда ва Марганди (Квинт Курций Руф, 1940. С. 69; Арриан, 1962. С. 138) шаклларида қайд этилади. Араблар эса уни Самарой деб атаганлар (Наршахий, 1966. 28-97-бетлар). Италиялик сайёҳ ва адиб Марко Поло (1254-1324 й.)нинг китобида шаҳар Самарқан, Сармакан ва Санмаркан шаклларида тилга олинади (История Самарканд, 1969.С. 317). Форсчада Самарқанд дейилган (Наршахи, 1966. 28-бет).

Хитойнинг қадимги ва ўрта аср йилномаларида Самарқанд шаҳар, вилоят ва уларнинг ҳукмдорлари ҳам Кан ёки Самоган, Лимоган, Сивингин ва Саймаэркан шакллардаги атамалар билан таърифланади (Бичурин, 1950. 310-бет). Абу Райхон Беруний, Маҳмуд Кошғарий ва Заҳириддин Муҳаммад Бобур асарларида Самарқанд "Семирқанд" яъни "семиз шаҳар" маъносини билдиради, деган фикр баён этилган. Бобур мазкур шаҳарни таърифлар экан, "Мўғул ва турк улуси Семирқанд (Семизқанд) дерлар" деб ёзади (Бобур, 1960. 104-бет). Булардан ташқари, турли даврларда битилган тарихий манба ва китобларда шаҳар номи Самариана, Сараманка, Саканна, Санманган, Самакиён, Сумрон, Шамаркан, Самарой, Симроят каби шаклларда ҳам қайд этилади (Қораев, 2005. 101-бет). Бу атамаларнинг асоси, шубҳасиз, ўтмишда тарихан мазмундор маълум бир маънони англатган. Шу боисдан, фанда Самарқанд топонимининг юзага келиши ва семантикаси борасида турли хил нақл ҳамда фикр ва мулоҳазалар келтирилган. Айрим хорижий топонимистлар шаҳар номи санскритга самария - "йиғин" ёки "анжуман" сўзидан олинган деган фикрни айтганлар.

"Тарихи Табарий", "Самария" ва "Ғиёс ул-луғот" асарларининг муаллифлари ёзишларича, "Самар"- подшонинг номи бўлиб, "қанд" эса туркий тилда "шаҳар" деган маънони англатган. Демак, Самарқанд - Самар шаҳри демақдир. Уларнинг яна бир фикрича, Яман подшо зодагонларидан бўлмиш Шамар Сўғд аҳолиси билан жанг қилиб, шаҳарни бузиб вайронага айлантирган. У қайта бошдан тикланиб, Шамарқанд номи билан юритилиб кетган. Учинчи фикрларича эса шаҳар худудида Самар исмли эътиборли шахс томонидан қазилган булоқ бўлган. Аҳоли ушбу булоқ атрофида йиғилиб, ўрнашгани сабабли булоқбоши мавзеи Самарқанд, яъни Самаркан номи билан аталган экан (Абу Тоҳирхожа, 1991; Самарқандий, 1994. 1-2-бетлар).

Ўрта аср ёзма манбаларида Самарқанднинг барча тарихий номлари ва уларни пайдо бўлиши, шаклу талаффузлари тўғрисида келтирилган маълумотлардан аён бўлишича, шаҳарнинг асли номи бу масканни бино қилган ёки фатҳ этиб, вайронага айлантирган, сўнгра уни қайта тиклаб булоқ сувлари билан ободонлаштирган шахснинг исми асосида шаклланган. Аммо мазкур атамалар шаҳар тарихининг турли босқичларида авлодлар лаҳжасида ёки Самарқандга ташриф буюрган ўзга юрт намояндalари томонидан ўзгартирилиб, баъзан ўз тилларига таржима этилиб истеъмом қилинган. Натижада, Самарқанд топонимининг қатор синонимик номлари яратилган.

Бу борада қадимги Юнон тарихчилари, жумладан Искандар Зулқарнайнинг Шарққа томон

харбий юришларида катнашган Аристовулнинг македонияликлар кўпгина жой номларининг бир қисмини ўз тилларига ағдариб, қолганини бирмунча ўзгартириб юбордилар каби мазмундаги таъкидлари айниқса эътиборлидир (История Самарқанда. С.61). Дарҳақиқат, фикримизча, қадимги "Самарқанд" атамасининг бош бўғинидан "с" ҳарфи талаффуздан туширилиб, атама аввалда "Марқанда" кейинчалик эса "Марганда ёки Марганди" каби шаклларда бузилиб қайд этилган. Илк ўрта аср Хитой манбаларида эса топонимнинг биринчи бўғини "самар" иборасидан бутунлай воз кечилиб, атама қисқагина "Кан" шаклида ифодаланган. "Кан" нафақат шаҳарни, балки у қад кўтарган мавзени ҳам англатган.

Абул Ҳаким Самарқандийнинг "Қандия" китобини ўзбекча нашрининг таржимони ва ношири К.Каттаев "Самар" сўзининг туб маъноси шахс номини эмас, балки бошқа бир сифат билан боғлиқ (Самарқандий, 2-3-бетлар), деган фикрни айтиб, "Навоий асарлари луғати"да "Самар" сўзига берилган талкинларга асосланиб (Навоий асарлари, 1972. 544-бет), Самарқанд - мевазор, машхур, афсонавий шаҳар каби маъноларни билдиради, деб ёзади (Қандия, 3-бет).

Самарқанд топоними гарчи, қадимги ва ўрта аср ёзма манбаларида хилма-хил шаклларда ифодаланиб, унинг семантикаси борасида турлича талкин этилган бўлса-да, бироқ, бу тарихий атамалар қачон юзага келган ва уларнинг ҳар бири қандай лексемалар бирикмасида шаклланиб, мантиқан тўғрироқ маънони англатиши борасида фанда ҳамон илмий жиҳатдан асосланган муайян илмий концепция ўз талқинини топмаган. Чунки, Самарқанд топонимлари, гарчи шаклан бир-бирига ҳамоҳанг бўлса-да, уларнинг ҳар бири ушбу қадимий ҳудуднинг табиати ва унда қад кўтарган иншооту масканларининг қаду ҳажмига монанд шаклларда талаффуз этилган, ўтмишнинг тадрижий таракқиёти босқичларида эса уларнинг морфологияси ҳам, туб маъноси ҳам маълум даражада ўзгариб мукаммаллашиб борган.

Шубҳасиз, шаҳарнинг ўтмишдаги табиати - чашма, сой, кўкаламзор боғ-роғлари билан уйғунлашган тарихий жараёнларнинг умумий манзараси ҳаёлан кўз олдига келтирилса, шаҳар ҳудудининг сершоҳ табиати унинг баракатидан фойдаланиш йўлида амалга оширилган ўзгаришларнинг акс садоси биргина Самарқанд номининг ўзида янграгандек туйилади. Дарҳақиқат, мазкур номдор шаҳар қисқа давр ичида бирданига яп-яланг жойда қад кўтармаган. Дастлаб аҳоли ҳаёт учун энг зарур табиат имкониятлари - сувлоқ, овлоқ, майсазори дарахтзорлар мавжуд жойларда ўрнашган. Аввал кўноқ, макон ва манзил барпо этиб, уларни доимий тураржой - "кат", яъни кишлокқа айлантиришган. Шу боисдан бўлса керак, Самарқанднинг тарихий номлари қаторида "Сармакон" атамаси қайд этилади. Бундай шаклда топоним икки бўғин: "сар" ва "макон" каби бўғинларга ажралиб, у "маконбоши" маъносини англатади. Агарда атама "сар-ма(с)-кан" ёки "сар-ма (рғ)-кан" шаклларида уч бўғинда, яъни Сармаскан ва Сармарған деб ифодаланиб, шарҳланса, у вақтда мазкур атаманинг аввалгиси "Катта булоқ боши" ва сўнгиси эса "Кўкалак (яшиллик) бошидаги чашма" каби маъноларни билдиради. Ҳақиқатан ҳам қадимдан Самарқанд ҳудудида Сангин - Чашмасиёб, Санграсон - Новадон, Обираҳмат ва Обимашат каби серсув булоқлар ҳамда уларнинг оқар жилғаларидан ҳосил бўлган обихаёт манбаи мавжуд бўлган. Бу чашмалар кўпгина хасталиклар учун шифобахш ва табаррук ҳисобланган. "Самария" китобида бу борада "Самарқанд элининг эскидан қолган бир қиликлари (одати) бордирким, ажам йилининг (1) сўнги душанба оқшоми (Наврўзнинг охириги душанбаси)да ушбу ариқ (Обираҳмат) ёқасига йиғилишиб чўмиладилар ва таҳорат қиладилар. Табаррук юзасидан ушбу сувдан оладилар" (Самария. 21-бет), деган сўзлар таъкидланади. Байрамона кечган бундай эътиқодий оқшомдан сўнг, "Гуноҳ тўқилди", "Қозон тўлди" ва "Бой бўлди" деб юритиладиган анъанавий йиғинлар ўтказилган (История Самарқанда. С. 42).

Келтирилган далилий маълумотлардан аён бўлишича, Самарқанднинг илк пойдевори катта булоқ бошида, кўкаламзор ерда қад кўтарган. Шу боисдан, унинг тарихий топоним ва гидронимлари қаторида "Сарма (с) кан" ва "Сарма (рғ)кан" каби шакллардаги атамалар ҳам қайд этилган. Шаҳарнинг қадимги харобалари - Афросиёб ёдгорлигида кейинги йилларда амалга оширилган археологик қазилардан аниқланишича, бу кўҳна маскан мил.авв. VIII асрда илк бор лўмбоз лойли ихота марзаси билан ўраб олинган (Исомиддинов, 2000. 15-бет). Гирди ихотали бу улкан тураржойнинг шарқидан Обимашад, шимолидан эса Обираҳмат ва

Сиёҳоб сувлари оқиб ўтган. Бу сув тармоқлари тарихда мазкур ҳудудда қад кўтарган энг қадимги қишлоқ ҳадлари учун табиий ихота ҳандақ вазифасини ўтаган. Бу табаррук сувлар қишлоқ ташқарисидан уни ўраб оққани боис, улар Обимаскат деб юритилган. Кейинчалик бу гидроним аҳоли тилида Обимашҳад шаклида талаффуз этилиб кетган.

Абу Тохирхожанинг ёзишича, "Обимашҳад булоғи... шаҳардан икки мил (5 чақиримча) узоқликдан, жануби-шарқий томондан чиқиб, шаҳар девори ва Афросиёб кўргони тагидан ўтиб, Сиёҳобга қуйилади. Аббос ўғли Кусам бу булоқнинг ёқасида шаҳид бўлиб, унинг яқинига кўмилгани сабабли "Машҳад" (шаҳид бўлган ер) деб аталган" (Самария, 21-бет).

Самарқанднинг асосий сув манбаларидан ҳисобланган Обимашҳад гидроними, фикримизча, аслида уч бўғин: "об+ мас(т)+ кат" шаклларидаги лексемалар бирикмаси негизида юзага келган. Сўнгра эса унинг иккинчи бўғинидаги "ст" "ш" ҳарфи, учинчи бўғинидаги "к"- "х" каби ҳарфи билан талаффуз этилиши натижасида ушбу гидронимнинг шакли ҳам, мазмуни ҳам ўзгариб кетган.

Атаманинг аслий шаклидаги бош бўғини "об" форс-тожик тилида "сув", иккинчи ва учинчи бўғинларидаги сўғдийга "мас" ёки "маст"- "катта" ёки ("улуғ") ва "кат" сўзи "қишлоқ ёки кўрғон" каби маъноларни англатган. Бундай мулоҳазаларнинг исботи тарзида Бухоро вилояти топонимлари рўйхатида қайд этилган Пирмаст тумани ва қишлоғининг номи - катта девор; Дехимаст, Дехимаст боло, Дехимаст Кўрғон: катта қишлоқ, юқори катта қишлоқ, Кўрғоннинг катта қишлоғи (Материалы к исторической географии Средней Азии. 2002. С. 50, 106). Тошкент шаҳрининг тарихий топонимлари қаторида тилга олинган Кўймас - катта кўча ёки катта маҳалла, Пулимас - катта кўприк; шунингдек, Банокат, Бинкат, Бискат, Дехкат, Жабғукат, Нукат, Тункат, Харашкат, Хотункат каби шакллардаги қатор топонимлар (Қораев, 137-бет) тасдиқий мисол тариқасида солиштириш имконини беради.

Демак, «Обмаскат» шаклида мазкур атама «шаҳид бўлган жой» маъносида эмас, балки «Катта қишлоқ суви ёки булоғи» сифатида талқин этиш, лисоний ва тарихий жиҳатдан мантқан асослидир. Дарҳақиқат, серсув булоқлар бошидаги кўкаламзорлар кўламида қарийб 220 га майдонда гирди ихота марза билан ўралган бу қадимги маскан, шубҳасиз, улуғворлиги жиҳатдан «маскат», яъни Катта қишлоқ номига ҳамоҳангдир. Афросиёб ёдгорлигининг остки қатламларида қайд этилган ашъвий топилмалар мажмуаси мазкур энг кўҳна истехкомли қишлоқни мил.авв. VIII-VII асрларга мансуб эканини, археологик ашъларнинг радиокарбон санаси эса 2690 ± 50 йилга тенглигини кўрсатмоқда (Исомиддинов, 2000. 15-бет).

Милоддан аввалги VII аср бошида Маскат атрофи бўйлаб қалинлиги 7-8 м.ли гувала девор, мил. авв. VI-V асрларда эса қалинлиги 12 м.ли йирик хом ғиштлардан узун йўлакни ниҳоятда мустаҳкам мудофаа деворлари барпо этилади. Сўнгра, Афросиёбнинг шимолий қисмида 19 га майдонда ниҳоятда мустаҳкам истехкомли ҳукмдор қароргоҳи «куҳандиз-арк» қад кўтариб, бу қадимги маскан шаҳар қиёфасини олади. Археологик қазималардан маълум бўлишича, шаҳар ичида турли хил хунармандчилик маҳаллалари, кўча-кўй, ибодатхона, бозор, гузар ва суғориш тармоқлари пайдо бўлади. Натижада шаҳар ҳаёти гавжумлашиб, ички ва ташқи савдо муносабатлари кенгайди. Унинг қадимги қарвон йўли - Буюк ипак йўли чорраҳасида жойлашгани туфайли Турон музофотида унинг мавқеи ортиб, Шарқ ва Ғарб мамлакатларида шуҳрат топади. Унинг номи ҳам мукамаллашиб, қадимги Самарқанд атамаси аввал Самарқанд, сўнгра эса Самарқанд шаклларида талаффуз этилади.

Мазкур топонимнинг юзага келиши, шубҳасиз, тасадифий ҳодиса бўлмай, балки у Туроннинг ўтроқ дехқончилик ўлкалари аҳолиси ҳаётининг тадрижий тараққиётида шаклланган шаҳар маданияти ва унинг ривожини билан уйғунлашган тарихий жараёнга узвий боғлиқ ҳолда кечган. Ҳолбуки, шаҳар қад кўтараётган замондаёқ «Самарқанд» номи тилга олинди, оммаллашиб, шуҳрат топа бошлаган.

Самарқанд топоними морфологик жиҳатдан икки бўғинли бўлиб, унинг бош бўғини «самар» ибораси сўғд, форс-тожик ва ўзбек тилларида кенг истифода этилган. Бу сўз «машхур, танилган, самарали» ва баракали каби маъноларни англатган. Иккинчи бўғини «канд, қанд ва кент» лексемалари эса катта ёки улкан қишлоқ, шаҳар, ўлка тушунчаларини билдирган. Бундан икки хил шакллардаги иборалар бирикмасидаги «Самарқанд» машхур ва

шуҳратли шаҳар сифатида тасвирланган. Шу боисдан, бундай номдор Самарқанд тарихда «сайқали рўйи замин», яъни «Ер юзининг жилоси» сифатида таърифланиб келинган.

Самарқанд шаҳрининг асрий фазилатли шуҳрати туфайли ўрта асрлардаёқ Ўрта Осиё ва унга туташган бир нечта мамлакат ҳудудларида қатор шаҳар, қишлоқ, жой ҳамда ороним ва гидронимлар (Қораев, 1970. 101-102-бетлар) Самарқанд, Самарқандак каби шаклларда юритилган. Хуллас, Самарқанд топонимининг қатор синонимик атамаларини топонимистик, лингвистик ва тарихий таҳлилидан маълум бўлишича, мазкур шаҳар «Саримаскан» - Катта булоқ бошида, кўкаламзор-марғий ерда катта қишлоқ шаклида қад кўтарган. Ҳудудига монанд у Маскат деб юритилган. Маскатнинг гирди ихота ва мудофаа деворлари билан ўраб олиниб, унинг шимолий қисмида Сиёбнинг чап соҳили бўйлаб мустаҳкам истехкомли ҳукмдор қароргоҳи - «куҳандиз-арк» бино қилинган, у шаҳар кийфасида рағнақ топган. Унинг шуҳрати ортиб, «Самарқанд» яъни, машҳур шаҳар номи билан таъриф этилиб, жаҳонга донғи кетган.

Изоҳлар

Ажам йили – куёш йили. Йил боши баҳордан, 21-22 мартдан ҳисобланиб, Наврўзга тўғри келади.

Фойдаланилган адабиётлар

- Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского. Древние авторы о Средней Азии (III в. до н.э. - III в. н.э.). Ташкент, 1940.
Арриан. Поход Александра. М.-Л., 1962.
Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.
История Самарканда. В двух томах. Т. I. Ташкент, 1969.
Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950.
Каримова Н. Китайские источники о городах-государствах Центральной Азии в XIV-XVII вв. / Шарқшунослик фани мустақиллик йилларида, анжуман материаллари. Тошкент, 2006.
Захриддин Муҳаммад Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960.
Қораев С. Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. Тошкент, 2005.
Абу Тохирхожа Самарқандий. Самария. Тошкент, 1991.
Абул Ҳакими Самарқандий. Қандия. Самарқанд, 1994.
Навоий асарлари луғати. Тошкент, 1972.
Исамиддинов М.Х. Генезис городской культуры Самаркандского Согда. Самарканд. 2000.
Населенные пункты Бухарского Эмирата (конец XIX- нач. XX в.). Материалы к исторической географии Средней Азии. Ташкент, 2002.
Қораев С.. Географик номлар маъносини биласизми? (топонимик луғат). Тошкент, 1970.

A.R. Muhamedjanov - About the Historical Toponyms of Samarkand

According to well-known written sources (Arabic, Persian, Chinese, Greek and the old Uzbek) all variants of script and pronunciation of city names are given in the article; alongside with this, their interpretation variants by medieval historiographers and modern researches are also discussed here. According to the author, most preferable variants for Samarkand are the following – “Famous City” or “Place at a large spring source”. Under the meaning of a “source” they meant famous water springs near Afrasiab, Chashmasiyob, Novadon, Obirahmon, Obimashat.

*Ш.С. Камолiddин
(Ўзбекистан)*

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИЯ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

В топонимической науке твердо установлен тот факт, что территория обитания того или иного народа, как в настоящем, так и в прошлом, может быть определена с помощью топонимических ареалов (Агеева, 1979. С. 74). Топонимия является чрезвычайно ценным источником, своего рода «языком земли», который зачастую дает для разрешения проблем этногенеза больше, чем десятки городищ или могильников, или скудные сбивчивые свидетельства древних авторов. «Язык земли» не поддается фальсификации. Здесь ничего не придумаешь, ничего

не сочинишь. Поэтому географические названия являются своего рода документальным источником, и по своей сути сходны с археологическими материалами (Мурзаев, 1982. С.43–44).

Одними из древнейших топонимов являются названия иранского происхождения, сохранившиеся на территории Средней Азии повсеместно, как на равнинах Турана, так и в горах Памира, но гораздо меньше их в горных районах Внутреннего Тянь-Шаня, в Семиречье и степных районах Казахстана. Однако нельзя утверждать, что иранские названия самые древние в регионе (Караев, 1991. С.130). Имеется множество топонимов, о которых пока невозможно судить с определенностью, позволяющей установить их языковую принадлежность (Мурзаев, 1957. С.43; Мурзаев, 1982. С.106). В южных широтах северного полушария исконная топонимия начала формироваться в глубокой древности (Қораев, 1980. С.16).

Названия тюркского происхождения, имевшие распространение на территории Средней Азии еще в глубокой древности, составляли значительную часть средневековой и продолжают составлять подавляющую часть современной топонимии этого региона. В эпоху раннего средневековья они составляли вторую по численности группу названий после топонимов восточно-иранского происхождения, а в средние века составляли наиболее мощный слой топонимии Средней Азии, где многие города и селения имели по два названия: согдийское и тюркское.

Началом активного формирования западно-иранской (персидской) топонимии на территории Средней Азии был период арабского завоевания (Хромов, 1980. С.136). Именно в это время входят в употребление новые персидские топоформанты *-дех* и *-абад* со значением «селение», получившие распространение в Средней Азии вместе с ново-персидским языком (*фарси*) западно-иранского происхождения (Бартольд, 1963а. С.210). К этому же времени относится и появление в Средней Азии топонимов с участием западно-иранских топоформантов *-ан*, *-кирд* (*-гирд*, *-джирд*), *-диза* (*-диз*), *-руд*, и *-стан* (*-истан*) (Хромов, 1974. С. 10–15). Собственно арабские элементы в топонимии незначительны и встречаются, главным образом, на юге Узбекистана и в Зарафшанской долине (Караев, 1991. С.130). Началом проникновения персов в Среднюю Азию можно считать 21/642 г., когда войска Сасанидов потерпели поражение от арабов при Нихаванде, после чего персы были вынуждены бежать за Амударью (Gibb, 1923. P.15; Frye, 1975. P.96).

Известно, что названия урочищ, как и других природных физико-географических объектов – гор, озер, рек и т.д., - в отличие от названий населенных пунктов характеризуются сильной устойчивостью (Никонов, 1978. С.88; Агеева, 1979, С. 74–76; Караев, 1987. С.104–130). Названия большей части географических объектов Средней Азии, зафиксированные в письменных памятниках, имеют тюркское происхождение. Любое географическое название существует не только с момента его фиксации в источниках. Сотни, а может быть, и тысячи лет до этого оно могло функционировать в устной речи. Кроме того, далеко не все древние топонимы оказались зафиксированными в письменных источниках (Караев, 1985. С.27).

Тюркская топонимия зафиксирована не только в северных, но и в центральных и южных районах Средней Азии. Между Самаркандом и Хутталаном находилась горная область ал-Буттам или Буттаман (Hudud al-‘Alam. P.115), к которой относились города Худжанд и Усрушана (Беруни, 1973. С. 471). В согдийских документах она упоминается в форме *pyttm'n*, что является заимствованием с согдийского и принадлежит к древнему досогдийскому топонимическому слою (Смирнова, 1961. С. 223).

На карте Средней Азии греческого путешественника Василио Ватаче (1730 г.) река Зарафшан обозначена как река *Carasui*, в нижнем течении которой на ее левом берегу находился город *Carasol* (Камолиддин, 2005. С. 40–41). Из этих данных следует, что в то время река Зарафшан была больше известна под тюркским названием Карасу, а в ее нижнем течении находился город Каракуль. В основе топонима Каракуль, существующего до сих пор, лежит древний гидроним Каракул, что означает «черное озеро». В X в. в области Бухары упоминается озеро Самджан (Сам-хваш, Аваза, Баргин-и Фарах) (al-Istakhri. P.306; Hudud al-‘Alam. P.72), которое называлось также тюркскими названиями Каракул и Дингиз Наршахий. С.25; Лурье, 2004. С.192). Согласно карте Ибн Хаукала, река Согда (Зарафшан, Карасу) впадала в озеро Харахаза (Ibn Naukal, P.462, map; Федчина, 1967. С.11), в этом названии можно видеть искаженную

форму гидронима Каракул. Это же название упоминается на карте Птолемея в форме *Characharta* (Tabulae Geographicae). Из этих данных следует, что в области Бухары еще в начале н.э. наряду с ирано-язычным населением проживало также тюрко-язычное, и это озеро уже тогда имело свое тюркское название. Можно предположить, что тюркское название реки Согда (Карасу), зафиксированное на позднесредневековой карте, было столь же древним как и название Каракул и употреблялось среди тюркоязычного населения Согда еще в первых веках н.э. Следует отметить, что в настоящее время название Зарафшан носит только нижнее течение реки, тогда как ее верхнее и среднее течение называется Карадарья. Примечательно, что в основе гидронимов Каракул, Карасу и Карадарья лежит тюркское слово *кара* – «черный». Один из рукавов реки Зарафшан ниже Самарканда называется Ак-дарья. Названия, обозначающие различные цвета краски (белый, черный, красный и т.д.) относятся к наиболее ранним слоям исторической топонимии. Одним из древнейших гидронимов Средней Азии является Тум (а), который в форме *Dumos* зафиксирован на карте Птолемея в качестве одного из двух основных притоков Йаксарта (Tabulae Geographicae). Происхождение этого названия связывается с енисейскими языками, и этимологизируется как Черная (река), что подтверждается тюркской калькой названия этой реки – Кара (дарья) (Яйленко, 1990. С.40). В долине Кашкадарьи (Южный Согд) одним из древнейших является гидроним Думо, зафиксированный в форме *ду-мо* в китайских источниках IV–VI вв. (Бичурин, т. 2. С. 274; Кюннер, 1961. С.178, прим. 16), а также в «Зафар-наме» Шараф ад-дина ‘Али Йазди в форме Тум суви как название одного из арыков в окрестностях Карши (Яздий, с. 163; Йаздий, С.54). Происхождение гидронима Тум (а), также связывается с енисейскими языками, и этимологизируется как Черная (река) (Яйленко, 1990. С.40).

Предполагается, что древнеиранское название Согда (*Sugda, Suguda*), буквально означающее «сожженная», т.е. ритуально очищенная огнем страна (Хромов, 1989. С. 89; Грантовский, 1975. С. 85), является калькой еще более древнего топонима Туран, происхождение которого связывается с енисейско-кетским словом *тур-(тул-)* – «чистый», и суффиксом *-ен* (Яйленко, 1988. С.132; Яйленко, 1990. С.41–42) или с осетинским *сугдак* – «священный» (Менгес, 1979. С.132).

Название города Самарканда происходит от авест. *Zmār-kanta* – «скрытый под землей» или согд. *Smāra-kanta* – «город камня» (Tremblay, 2004. Р. 130–131). В XI в. считали, что название города происходит от тюркского Семизканд, что означает «тучный город» (Беруни, 1973. С. 471; Кошгарий, т. 1. С. 330). По преданию, Самарканд был назван по имени основавшего его йеменского царя Самара ибн Африкиша (Шамара ибн ал-Хариса) (Кандия. С.240–241; Махмуд ибн Вали. С.53) или тюркского хана по имени Самар (Абу Тохирхожа, С.16). На европейских картах XIII в. упоминается город *Samarcha* или *Samarcan* в Хазарии (Chekin, 1989. Р. 8–10). Название Самар или Самур в средние века носила также река, протекавшая в западном Приуралье (Путешествие, С.66; Шомий, С.161), город (Самур) в Туркестане (*Hudud al-‘Alam*. Р.88), река в горах Эльбурса (Самур) (Йаздий, л. 166б) и правый приток реки Селенги (Самар или Самур) в Сибири (Рашид ад-дин, т. 1. С.176; ал-Бакуви. С.107). Название этой реки (Самар суйи), также как и других рек этого региона (Йаик, Ийик, Идил, Эртиш и др.), скорее всего, имеет тюркское происхождение. Происхождение этого гидронима происходит от тюркского этнонима *субар* с фонетическими вариантами *суар, сумер, самар, савир, сабир, сибир* и др. (Zekiyeu, 2002. S.425–432). Среди урало-алтайских народов Центральной Азии, Урала и Сибири встречается этноним *саман/шаман/самай/самар*, происхождение которого связывается с южными регионами, откуда он был занесен в их среду в глубокой древности носителями алтайской языковой общности (Василевич, 1965. С.139–145). В средние века Самарканд называли также Йарийан (Баевский, 1980. С.86). На древнетюркском языке слово *йар* означает «овраг», «прореха» (Кошгарий, т. 3. С.156, 309, 366). В средние века на южном берегу озера Иссык-куль упоминается город Йар, который был столицей владетеля племени *джикил* (Караев, 1985. С.33). По некоторым данным, Самарканд носил также название Фил (*at-Tabari*, ser. II, Р. 1240). Такое же название в доисламское время носила крепость Фир (Фил) в окрестностях Ката в Хорезме (*at-Tabari*, ser. II, Р. 1238, 1239, 1281; Бируни, 1957. С.48).

В средние века в Самарканде упоминается квартал у начала моста (*кантара*) Гатифар (ан-Насафи, с. 200; 345). Это был большой и красивый квартал, расположенный в самом городе (ас-Сам‘ани, т. 7, с. 10; т. 9. С.112–113). Квартал с кладбищем Гатифар упоминается также в вакфном документе XI в. (Khadr, 1967. P.326) и более поздних источниках (Кандия, С.265, 277; Абу Тахир Ходжа, С.180). В XV в. упоминается улица Ку-йи Пул-и Гатифар, расположенная близ ворот Шейх-заде (Самаркандские документы, С.188). Этот квартал находился около моста Гатифар, перекинутого через арык Навадан. По мнению В.Л.Вяткина, он был расположен на западном берегу Навадана и примыкал к тимуровской цитадели с северной стороны (Вяткин, 1902. С.18). По данным О.Д. Чехович, он находился на восточном берегу Навадана, к югу от Афрасиаба, недалеко от Регистана (Самаркандские документы. С. 394). Название моста Гатифар, возможно, имеет отношение к имени вождя эфталитов Гатифара, погибшего в 563–567 г. в сражении с тюрками предположительно в Согде (Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986. С.92). Около моста Гатифар было расположено кладбище, где находился мазар святого Ходжи Гатифара (Кандия. С.275).

В средние века в городе Самарканде упоминается базар по названию Сикайя-Баши (Khadr, 1967. P.317). Этот топоним образован из двух слов – арабского *сикайя* – «оросительная система», и тюркского топоформанта *-баши* – «голова», «начало». Это название переводится как «начало оросительной системы» (Khadr, 1967. P.317). С участием этого топоформанта образованы также такие топонимы, как Куприк-баши (Начало моста) и Тегирман-баши (Начало мельницы) (Караев, 1988. С.60–61). В горах Тянь-Шаня упоминаются город Кочинар (Кучкар)-баши (Кошгарий, т. 3. С.392; Беруни, 1973. С.473) и город Ат-баши (Беруни, 1973. С.473). Этот топоформант также встречается часто в составе гидронимов в значении «верховье», «исток» (Донидзе, 1969. С.166; Субаева, 1961. С.302). Топоформанту *-баши* соответствует персидский топоформант *сар* и арабский *ра’с* имеющие те же значения. При помощи топоформанта *сар* образованы такие топонимы, как Сар-и Пул (Начало моста) и Сар-и Асийа (Начало мельниц) (Байхаки, с. 336), а при помощи арабского *ра’с* – топоним Ра’с ал-кантара (Начало моста). Предполагается, что тюркский топоним Куприк-баши является калькой арабского Рас ал-кантара или персидского Сар-и Пул. Предполагаемая согдийская калька этих названий (Yitk-sar) в источниках не упоминается (Lurje, 2001. P.25). Если учесть, что арабская и персидская формы возникли в исламское время, можно предполагать, что тюркская форма, так же как и в других топонимах, образованных при участии слова *баши*, была первичной и существовала еще в эпоху Тюркского каганата. После арабского завоевания с нее были калькированы арабское *ра’с*- («начало») и персидское *сар*- («начало»). Арабские названия не смогли вытеснить местные тюркские названия Средней Азии, тогда как тюрки оказали большое влияние на топонимию Малой Азии, где они тюркизировали многие географические названия, вытеснив армянские, греческие и семитские (Schanzlin, 1936. P.282, 284).

Один из городских кварталов средневекового Самарканда назывался *Кайджундак* (ан-Насафи, с. 345 (№ 618)). Это название состоит из трех компонентов: *кай* (приставка), *джунд* (основа) и *-ак* (аффикс). Во втором из них можно видеть арабское слово *джунд* – «войско». Третий компонент представляет собой тюркский уменьшительный аффикс *-aq* (*-uq*, *-iq*, *-q*, *-akh*) (ДТС, С.660), относящийся к древнейшей доиндоевропейской языковой семье, следы которой сохранились в тюркских языках (Толстова, 1978. С.7). В иранских языках этот аффикс распространен в форме *-ak* (Хромов, 1974. С.16). Аффикс *-aq* встречается также в согдийской топонимии (Лурье, 2004. С.58), вероятно, под влиянием тюркского языка. В источниках имеются прямые указания на языковое различие в употреблении этих двух аффиксов. Так, автор XII в ас-Сам‘ани отмечает, что селение Андак (Andāq) на фарси называлось Андак (Andāk) (ас-Сам‘ани, т. 16. С.359). В Средней Азии известно множество топонимов, образованных при помощи тюркской формы этого аффикса (*-aq*), такие как этнонимы Баджнук, Булак, Играк (Ограк), Уграк, Йамак, Йарук, Кенджак, Киник и Чарук, город Барйук и гора Бишбармак-кух в Семиречье, Дарнук, Сугнак (Сунах) и Тартук в бассейне Сырдарьи, река Чирчик и город Вардук в области Чач, перевал Арук-турук в Ферганской долине, округ Бардак в области Бухары, селение Шайшак в области Термеза, перевал Кавак-арт в горах Ферганской

долины, рабат Джармак в области Газны и город Джармак в стране *токуз-огузов*, река Азгирак, город Карнак, местность Варак и пастбище Тайзак и город Кадах в Туркестане, города Дамурнах, Банхдух и Мастнах в стране *кимаков*.

В средние века в Самарканде находилась «улица у стены» (*ха'ит*) *Каусахан* (ан-Насафи, с. 402 (№ 736), которая упоминается также в вакфном документе XV в. в форме *Кусаха* (Самаркандские документы, С.190). Название этой улицы образовано от слова *куса*, которое относится к разряду прозваний, применяемых для описания характерных особенностей внешности людей, и используется в отношении мужчин, не имеющих растительности на лице и на всем теле, т.е. мужчин без бороды и усов (ас-Сам'ани, т. 10. С.494). Можно предположить, что большинство жителей этой улицы были людьми, имевшими прозвание Куса. Известно, что отсутствие растительности на теле является одной из характерных особенностей северных и восточных народов. Еще Геродот отмечал в составе скифов и савроматов категорию людей *enarees* – «женоподобных мужчин», что объяснялось отсутствием волосяного покрова на их теле. Греко-латинские источники также называли хуннов «женоподобными» (Петров, 2004. С.17). Исходя из этих данных, нам представляется, что в данном случае речь идет, скорее всего, о восточных тюрках. Следовательно, квартал Каусахан мог быть основан и населен именно тюрками, обосновавшимися здесь еще в эпоху Тюркского каганата, ряды которых впоследствии пополнялись за счет вновь прибывавших выходцев из Исфиджаба, Фараба, Тараза и Кардара, а, начиная с XI в., когда Самарканд был превращен в столицу государства Караханидов, сюда также стали стекаться тюрки из Баласагуна, Кашгара, Хотана, Йарканда и других городов Восточного Туркестана.

Один из кварталов Самарканда назывался Варсанан или Варсанин (ан-Насафи, с. 195 (№ 320); al-Sam'ani, F.596 R), так же назывались и ворота в стене рабада (al-Istakhri, P.317). В самаркандском документе XVI в. упоминается квартал Варсин, расположенный в пригороде Самарканда темуридского времени (Самаркандские документы, С.346). Селение с таким же названием Варсин упоминается в области Насафа (al-Sam'ani, f. 580 R). Происхождение этого топонима, так же как и топонима Варсан в Азербайджане (Masoudi, vol. 2, p. 75; Вторая записка, с. 37), можно связывать с тюркским этнонимом *варс* (*варсак/варсаг*) (Мирзаде, 1988, с. 97–100).

В городе Самарканде локализуется монетный двор Харлух Орду, функционировавший в 423–428/1031–1037 гг. при Караханиде Али-тегине. Здесь выпускались серебряные дирхемы и медные фельсы (Федоров, 1972.С.358–360).

В «Суй-шу» говорится о владельце государства Кан (Самарканд), который жил в городе Алудди, расположенном на реке Са-бао (Бичурин, т. 2. С.281). Предполагается, что название Алудди является китайской передачей тюркского названия Алукдик (Бернштам, 1951. С.74). В памятнике в честь Тонъюкука упоминается гора Бангилак, в которой имел местопребывание «сын Тинэси», т.е. владелец Согда (Малов, 1951. С.69).

Название города *Иштихан*, расположенного в области Самарканда (at-Tabari, ser. II, P.1441; al-Istakhri, P.316, 323, 343; Ibn Naukal, P.461, 463, 521), этимологизируется от Согд. *'lty-* (третий) и авест. *xvniia* (дом) (Tremblay, 2004. P.125), что представляется мало убедительным. На наш взгляд, с большей вероятностью его можно связывать с именем Иштихан эпохи Тюркского каганата (at-Tabari, ser. II. P.1598).

В области Самарканда в средние века упоминается город Науканд (al-Sam'ani, f. 571V), в названии которого имеется тюркский топоформант *-kand* (*-kent*), означающий «город», «селение» (Lurje, 2003. P.199). В эпоху раннего средневековья он был наиболее продуктивным наряду с согдийским топоформантом *-ked* (*-kath*), с которым он имел одинаковое происхождение. В средневековых источниках упоминается целый ряд топонимов, содержащих в своем составе топоформант *-kand* (*-kent*) (Лурье, 2004. С.88). В доисламское время этот топоформант был наиболее употребительной моделью топонимии населенных пунктов и широко использовался, как согдийским, так и тюркским населением Средней Азии. После арабского завоевания продуктивность топоформанта *-ked* (*-kath*) сходит на нет, но зато вместо него при образовании новых топонимов еще более активно начинает использоваться его тюркский эк-

вивалент *-kand* (*-kent*) (Хромов, 1974. С.9). Поэтому топонимы, образованные с участием этого топоформанта, упомянутые в средневековых источниках, следует считать тюркскими (Lurje, 2003. P.202). После исчезновения согдийского языка многие топонимы с участием *-kath* были заменены на *-kand* (*-kent*), что связывается с тюркизацией населения (Лурье, 2004. С.110). Наглядным примером этому служат топонимические кальки. Так, средневековый город Чач (Шаш) назывался по-тюркски Ташканд, т.е. Каменный город (Беруни, 1973. С.470, 472; Бируни, 1963. С.271; Кошгарий, т. 1, с. 414; т. 3, с. 164), а город ал-Карийа ал-Хадиса или Дех-и Нау – Йаниканд (Йангикент), т.е. Новое Селение (Hudud al-‘Alam. P.122; Беруни, 1973. С. 472; Кошгарий, т. 3. С.164). Поэтому в XI в. Махмуд Кашгари отметил, что слово *канд* по-тюркски означает «город» (Кошгарий, т. 3. С.164).

Название селения Туз в области Самарканда (ас-Сам‘ани, т. 3, с. 102) можно связывать с тюркским словом *туз* – «ровный, равнина» (ДТС, С.602). С этим же словом связывается (Бобоёров, 2005, с. 126) название селения Тусикас в области Самарканда (ас-Сам‘ани, т. 3, с. 105).

Название города Тухсанджкат в области Самарканда (ас-Сам‘ани, т. 2. С.368) связывается с тюркским этнонимом *тухси* (Бобоёров, 2005. С.126). Название самаркандского селения *Фаррухшаз* (at-Tabari, ser. II. P.1540) могло быть связано с тюркским титулом *шаз*. На основе тюркского языка этимологизируются также такие топонимы Самаркандского Согда как Сагардж (ас-Сам‘ани, т. 8. С.10–11), Гузканд, Йугнак (al-Sam‘ani, f. 603A), Савиндж, Барсун, Бармасун и др. (Новая страница, С.14).

В согдийских документах с горы Муг (начало VIII в.) упоминаются топонимы Алмалык и Сары, локализующиеся в верхней части Зарафшанской долины (СДГМ, 1963. С.101, 107). В этих же документах упоминается топоним Ахшикат (СДГМ, 1963. С.101–102), который этимологизируется как «белый город» (СДГМ, 1963. С.30, 101; Қораев, 1978. С.30), вероятно от тюркского *ак* (*су*) и согдийского *кат*. Кишлак с названием Хушекат существует до сих пор в Айнинском районе Согдийской области Таджикистана (Ходжаева, 2003. С.34). Этот топоним сопоставляется также с названием авестийской горы Ишката (Бушков, 1998. С.62–63). Название селения Кум, около которого была расположена крепость афшина Панча Деваштича (at-Tabari, ser. II, P.1447), также как и название одноименной речки, левого притока Зарафшана, происходит от тюркского слова *кум* – «песок». Тюркские топонимы разбросаны по всему верхнему течению реки Зарафшан (Хромов, 1975. С.20) и долине Ягноба (Хромов, 1967. С.78).

Таким образом, историко-лингвистический анализ данных исторической топонимии Самаркандского Согда показывает, что тюркские названия являются одними из древнейших на этой территории, что в свою очередь, свидетельствует о том, что тюрки проживали здесь с глубокой древности, составляя часть местного оседлого населения..

Примечания

1. К таковым, например, относятся Бухара, Самарканд, Амуд, Хива, Чач и др.
2. В документе XI в. дается несколько иное чтение – ‘Ахира, что, по всей вероятности, следует читать как Гатифар, и отмечается, что здесь находился базар Самаркандского Согда.
3. В средние века наличие бороды и усов являлось одним из главных критериев, определяющих человека в качестве правоверного мусульманина, и отличающим его от женщины. Отсутствие волосяного покрова от природы причислялось к числу недостатков мужчины и отмечалось наряду с другими его характерными особенностями специальным термином – *куса*, так же как слепой, одноглазый, краснощекий, длинный, толстый и т.п. В сочинении ас-Сам‘ани приводятся биографии нескольких лиц из числа ученых Мерва, Басры и других городов, имевших нисбу ал-Каусадж, т.е. Безволосый. По имени одного из них в XII в. одна из улиц Мерва называлась улицей ал-Каусадж.
4. Эту особенность можно наблюдать у многих народов Центральной Азии, Сибири и Восточной Азии. Однако в данном случае речь идет, судя по всему, именно о тюрках, поскольку из всех этих народов только они играли существенную роль в истории Средней Азии домонгольского периода, и, следовательно, могли составлять часть населения средневекового Самарканда.
5. Известно, что тюрки составляли значительную часть военных сил, придворных чиновников и всей администрации в государстве Саманидов.
6. В сочинении Абу Хафса ан-Насафи приводятся биографии целого ряда ученых, выходцев из Исфиджаба, Тараза и других городов тюрков, живших в Самарканде.

7. Титул *шаз* (*шад*), образованный от одного корня с титулом *ихшиз* (*ихшид*), древнеиранского происхождения, но в эпоху раннего средневековья он употреблялся, главным образом, среди тюрков.

Использованная литература

- Абу Тахир Ходжа. Самария. Описание древностей и святынь Самарканда / Перевод с персидского В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 6. Самарканд, 1898.
- Байхаки, Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041) / Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К.Арендса. М., 1969. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3.
- ал-Бакуви, 'Абд ар-Рашид. Китаб талхис ал-асар ва 'аджа'иб ал-малик ал-каххар (Сокращение книги о «памятниках» и чудеса царя могучего) / Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложение З.М. Бунятова. М., 1971.
- Беруни, Абу Райхан. Канон Мас'уда (книги I–V) / Вступительная статья, перевод и примечания П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельда при участии М.М. Рожанской (перевод и примечания) и А. Ахмедова (примечания) // Избранные произведения. Т. 5 (часть 1). Ташкент, 1973.
- Бируни, Абу Рейхан. Индия. / Перевод с арабского А.Б.Халидова и Ю.Н. Завадовского. Комментарии В.Г. Эрмана и А.Б. Халидова // Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963.
- Бируни, Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Перевод с арабского и примечания М.А. Салье // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.-Л., 1950–1953.
- Вторая записка Абу Дулафа / Издание текста, перевод, введение и комментарии П.Г.Булгакова и А.Б.Халидова. М., 1960 (ПЛНВ, Тексты. Малая серия, V).
- Шарафуддин 'Али Яздий. Зафарнома / Сўз боши, табдил, изоҳлар ва кўрсаткичлар муаллифлари А. Ахмедов ва Х. Бобобеков. Тошкент, 1997.
- Кандия Малая / Перевод с фарси, предисловие и примечания В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области, вып. 8. Самарканд, 1906.
- Махмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент, 1960–1963.
- Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.- Л., 1951.
- Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / Введение, перевод, примечания, указатели Б.А.Ахмедова. Ташкент, 1977.
- Абу Бакр Мухаммад ибн Жаббар Наршахий. Бухоро тарихи / Форс тилидан А.Расулев таржимаси, муҳаррир А.Ўринбоев. Тошкент, 1993.
- ан-Насафи, Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад. Китаб ал-канд фи зикр 'улама' Самарканд / Изд. Назар Мухаммада ал-Фарйаби. Мадина: Мактабат ал-Каусар, 1991.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий под редакцией И.Ю. Крачковского. М.- Л., 1939.
- Рашид ад-дин, Собрание летописей. В 3-х частях / Перевод с персидского Л.А.Хетагурова, О.И.Смирновой, Ю.П. Верховского и А.К. Арендса. М.-Л., 1946–1952.
- ас-Сам'ани, Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад. Ал-Ансаб // Изд. 'Абд ар-Рахмана ибн Йахйя ал-Му'аллими ал-Йамани. В 10 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1981.
- Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д. Чехович (ППВ XXXI). М., 1974.
- Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы / Чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. М., 1963.
- Низомиддин Шомий. Зафарнома / Форс тилидан Ю.Хакимжонов таржимаси, таржимани кайта ишлаб нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир А.Ўринбоев. Тошкент, 1996.
- Шарафиддин 'Али. Зафарнома Яздий. Мовароуннаҳр воқеалари (1360–1370) / Масъул муҳаррир, сўз боши муаллифи ва нашрга тайёрловчи А.Ўринбоев, таржимон О.Бўриев. Тошкент, 1994.
- Hudud al-'Alam, the regions of the world, a persian geography, translated and explained by V. Minorsky. London, 1970.
- Ibn Naukal, Abu-l-Kasim an-Nasibi, Opus geographicum, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 2, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967.
- al-Istakhri, Abu Ishak al-Farisi, Viae regnorum, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967.
- Macoudi, Les prairies d'or, text et traduction C.Barbier de Meynard, t. I – IX, t.2, Paris: Societe Asiatique, 1861–1877.
- al-Sam'ani, 'Abd al-Karim, The Kitab al-Ansab, reproduced facsimile from the manuscript of British Museum with an introduction of by D.S.Margoliouth, Leiden-London, 1912.
- at-Tabari, Abu Djafar Mohammed ibn Djarir, Annales, ed. M.J. de Goeje, I–III series, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1964.
- Tabulae Geographicae Cl. Ptolemaei ad mentem auctoris restituta et emendatae, per Gerardum Mercatorem illustriss. Ducis cliviaecosmographum, Colonia Lalendis Julij, 1583, VII Tab. Asiae.
- Агеева Р.А. Топонимия как источник изучения истории заселения края // Топонимика на службе географии. М., 1979.
- Ахмедов Т.М. Некоторые древнетюркские слова в татском языке // СТ, 1971, № 6.
- Баевский С.И. Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI – XV вв.) // СНВ, вып. 22, книга 2. М., 1980.

- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. Т. 2. Часть 1. М., 1963.
- Бернштам А.Н. Древнетюркский документ из Согда // ЭВ, вып. 5, М.-Л., 1951.
- Бобоёров Г. Ўзбекистон худудида Қорахонийлар давригача бўлган қадимги туркий топонимлар // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. 1–қисм. Тошкент, 2005.
- Бушков В.И. К проблеме топонимов авестийских гимнов // ЭО, 1981.
- Василевич Г.М. Этноним *саман/самай* у народов Сибири // СЭ, 1965, № 3.
- Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968). В 2-х томах. М., 1974–1975. Т. 2.
- Донидзе Г.И. Гидронимические термины в тюркских языках // Ономастика. М., 1969.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Камалиддин Ш.С. О географической карте Василио Ватаче // *Moziydan sado*. 2005, 3 (27).
- Караев С.К. Древнетюркские названия Средней Азии // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV – XIX вв. Ташкент, 1987.
- Караев С.К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // СТ, 1985, № 6.
- Караев С.К. Иранско-тюркские топонимические параллели Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. (ТД). М., 1988.
- Караев С.К. Топонимия Узбекистана (Социолингвистический аспект). Ташкент, 1991.
- Қораев С. Географик номлар маъноси. Тошкент, 1978.
- Қораев С. Топонимика – жой номлари ҳақидаги фан. Тошкент, 1980.
- Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии. Диссертация . . . кандидата филологических наук. СПб., 2004.
- Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Мирзаде Ч.Х. Топонимы Азербайджана в средневековых арабских географических сочинениях. Баку, 1988.
- Мурзаев Э.М. География в названиях. М., 1982.
- Мурзаев Э. Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957.
- Мушкетов И. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. Т. 1. Петроград, 1915.
- Никонов В.А. Заметки по оронимии Киргизии // ОСА. М., 1978.
- Новая страница из жизни А.З. Валиди. Составление, предисловие и примечания Р.Н. Шигабдинова. Перевод на русский язык с копии текста оригинала А. Захидий. Токио, 2001.
- Петров К.И. Древнегреческие и древнеримские сочинения // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). Бишкек: Илим, 2004.
- Смирнова О.И. Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII в. // СНВ, вып. 2. География, этнография, история. М., 1961.
- Субаева Р.Х. О названиях рек и озер Среднего Поволжья // Известия Казанского филиала АН СССР, серия энергетики и водного хозяйства, вып. 3. Казань, 1961.
- Толстова Л.Х. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- Федоров М.Н. Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба (К истории монетного двора Харлух Орду) // СА, 1972, № 3.
- Федчина В.Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
- Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хаара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. Душанбе, 2003.
- Хромов А.Л. К истории толкования топонима «Сугд» // Ономастика Узбекистана. ТД II Республиканской научно-практической конференции (Карши, 14–16 сентября 1989 г.). Ташкент, 1989.
- Хромов А.Л. Некоторые особенности формирования топонимии Средней Азии в IX – XIII вв. // Ономастика Востока. М., 1980.
- Хромов А.Л. О структурных особенностях иранской топонимии Мавераннахра в период IX – XIII вв. // Восточная филология, вып. 3. Душанбе, 1974.
- Хромов А.Л. Очерки топонимии и микропонимии Таджикистана. Вып. 1. Душанбе: Ирфон, 1975.
- Хромов А.Л. Тюркские названия в микропонимии Ягноба // Известия АН ТаджССР. ООИ. Душанбе, 1967, № 3 (49).
- Яйленко В.П. Енисейцы – кеты в этнической истории древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (Материалы). Вып. 1. М., 1990.
- Яйленко В.П. Палеоазиаты и этническая история древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. (ТД). М., 1988.
- Chekin L.S. Samarcha, City of Khazaria, in: *CAJ*, vol. 33, 1989.
- Frye R.N. The Golden Age of Persia, London: Phoenix Press, 1975.
- Gibb H.A.R. The Arab conquests of Central Asia. – London, 1923.
- Khadr M. Deux actes de waqf d'un Qarahaniide a'Asie Central avec une introduction par Claud Cahen, in: *Journal Asiatique*, 1967, tome CCLV.
- Lurje P.V. Arabosogdica: Place-names in Transoxiana as written in Arabic script, in: *Manuscripta Orientalia*, vol. 7, No. 4, December 2001 (Sankt-Petersburg).

- Lurje P.B. The element *-kath/kand* in the place names of Transoxiana, in: *Studia Iranica*, 32, fascicule 2, 2003.
Schanzlin G.L. The Turks in history and geography, in: *The Moslem World*, XXVI, 3 (July 1936).
Tremblay X. La Toponymie de la Sogdiane et le traitement de xoet foen Iranien, in: *SI*, t. 33, 2004, fascicule 1.
Zekiyeв Mir Fatih. On ve Orta Asya, Kafkasya, Karadeniz'in Kuzeyi, Idil-Ural, ve Bati Sibirya'daki eski Turkler, in: *Turkler, Yeni Turkiye yayınlari*, cilt 1. Istanbul, 2002.

Sh.S. Kamoliddin - Ancient Turkic Toponyms of the Samarkand Soghd

It is stressed in the article that names of Turkic origin make major part of toponyms of Central Asia. Any geographical name exists not only from the moment of its fixation in sources known, but probably, it could function much earlier in oral speech. Arabic names could it oust local Turkic names of Central Asia. Historical linguistic analysis of data gained from historical toponyms of the Samarkand Soghd shows that Turkic names are considered to be one of the ancient names at the territory which, in turn, testifies the fact that Turkic people lived there from the oldest times making up its part as a local settled population.

*Х.Ю. Муҳитдинов
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНД НОМИ ТЎҒРИСИДА

Оламнинг энг қадимги шаҳарлари – абадий шаҳарлар бу Рим ва Афина ҳисобланади. Уларнинг пайдо бўлиши милоддан аввалги VIII асрнинг ўрталаридаги, аниқроғи анъанавий санага кўра, Рим милоддан аввалги 753 йил ва Афина ҳам милоддан аввалги VIII асрнинг биринчи ярмига тўғри келади.

Эски шаҳарнинг шимолий қисмида Афросиёб тепалигида қадимий Самарқанднинг харобалари жойлашган. Милоддан аввалги VIII асрда қадимий Турон салтанати, Афросиёб давлатининг пойтахти, маъмурий бошқарув маркази бу ерда жойлашган эди.

Ўрта асрлар ёзма манбаларга бу жой “кўхандиз” деб аталган, бу сўзнинг маъноси “эски қалъа” демакдир. Яъни, бу ном Самарқанд шаҳрининг қадимги қисмига нисбатан ўз-ўзидан эмас, Самарқанд шаҳрининг қадимий жойи бузилиб фаолият кўрсатишдан тўхтагандан сўнг пайдо бўлиши мумкин эди. Мўғуллар босқинидан сўнг эса фақат Амир Темур даврида унинг марказий бошқарув тизими – қалъаси Тепакўрғонда қад кўтаради. Шу вақтда Афросиёб қалъаси харобалар Афросиёб номи билан аталгани тарихан тўғри мантиқий хулоса беради. Қалъа Афросиёб номини мўғул-тотор истилосидан сўнг йўқотган бўлса керак, деган хулоса ҳам шу фикрлардан келиб чиқиши мумкин. Давлатчилигимизнинг Амир Темур томонидан тикланишидан сўнг бу ном “Кўхна қалъа”га қайтарилган деган хулоса ҳам ўз-ўзидан шаклланади. Яъни, ўрта асрларда Самарқанд шаҳрининг асосчиси Афросиёб эканлиги қайта-қайта таъкидланади ва бизгача етиб келган қадимги маълумотларга таянсақ, шаҳримизнинг асосчиси Афросиёб бўлиб чиқади.

Ҳақиқатда “Тарихи Табарий” (IX аср)¹, “Шоҳнома”, (XI аср)². “Бухоро тарихи” (X-XII асрлар)³ каби ишончли ёзма манбалардаги маълумотларни келтирсак, юқоридаги фикрнинг исботи тўлароқ бўлиши аниқ.

Шуни қайд этиш керакки, “Шоҳнома”да Абулқосим Фирдавсий ва “Бухоро тарихи”да Наршахий, Абу Али Муҳаммад ибн Балъамийнинг (X аср) “Тарихи Табарий” асаридан фойдаланганлари аниқ, бу ҳолатда бирламчи асар “Тарихи Табарий” бўлиб чиқади.

Аввал шу асардан Афросиёб ҳақида қисқача маълумот келтирмоқчимиз. Турон – Туркистон, Самарқанд ўтмишида шу шахснинг ўрни ниҳоят улуғлиги ҳақида далиллар кўп ва улар Афросиёбни афсонавий шахс эмас балки тарихий сиймо эканлигини яққол исботлай оладилар.

Табарийнинг маълумотларига қараганда Афросиёб буюк турк султони, Турон давлатининг шоҳи. Бу салтанатнинг ҳудуди ҳозирги Ўзбекистон, Тожикистон, Афғонистон, Қирғизистон ва Туркманистоннинг катта қисмини ишғол этган. Турон ҳудуди то Нишопур шаҳригача Афросиёб тасарруфида бўлиб, мамлакат пойтахти аввал Балх шаҳри (Афғонистон) бўлган, кейинроқ Эрон шоҳи Манучеҳр билан келишгандан сўнг Амударёдан шимолга Самарқандга ёки унинг атрофларига кўчирилган.

Табарий ва кейинроқ Фирдавсий ўз “Шохнома” асарида Афросиёбни бунёдкор, курувчи шахс, гўзалликни севадиган киши сифатида кўрсатган. Ҳеч бир муаллиф уни золим, жоҳил деб айтмаган. У - қаттиққўл, адолатпеша, ўз сўзида устувор турк султони - Эрон шохларидан қолишмаган.

Буюк шахс Афросиёб катта шаҳар ва қалъалар қурдирган. Гангдич, Сиёвушгирд, Самарқанд, Бухоро, Термиз, Балх, Марв, Қочарбоши, Сафеджоб каби қатор шаҳарлар Афросиёб ҳукмронлиги даврида мавжуд бўлган. Уларнинг ҳаммаси Туронда – Туркистонда жойлашган. Кўп шаҳарли салтанат – тамаддун – цивилизацияга тааллуқли мамлакат ҳисобланади. Тамаддунли мамлакат – бу давлатчиликка эга мамлакат ҳисобланади. Барча маълумотларда Афросиёбнинг тарихий шахс бўлганлиги муаммоси ўз ечимини топаётир. Табарий асарида ва “Шохнома”да Афросиёб ҳақидаги маълумотларни ўқиётганда киши бундай тўла акс эттирилган сиймони афсонавий дея олмайди. У тарихий шахс эканлигига тан беради. Самарқанд номи ана шу шахс фаолияти билан боғлиқлиги сабабли биз Самарқанд номини у шахс билан боғлашга мажбурмиз. Афросиёб пойтахти бўлган шаҳар ҳам шу номни олган. Агар Афросиёбнинг тарихий шахс эканлиги исботланаётган бўлса, яна бир муаммо Афросиёбнинг қайси давр, замон ва саналарда яшаганлиги муаммоси пайдо бўлади. Унинг аجدодлари, отаси, ака ва укалари, фарзандлари қариндошлари номлари маълум, энг қадимий аجدодлари шох Фаридун, Турлар эканлиги ҳам исботланган. Афросиёб яшаган давр, замонни аниқлаш учун бирор илмий таянч нуқтаси борми, деган савол туғилади.

Бу саволга ўша юқорида кўрсатилган манбалардан жавоб топиш осон ва агар уларни ҳозирги замон тарихшунослиги далиллари билан солиштирилса, Афросиёб яшаган вақтини тахминий бўлса-да аниқлаш мумкин, деб биламиз. Ҳам “Тарихи Табарий”да ва ҳам Фирдавсийнинг “Шохнома” асаридаги Манучеҳршоҳ – Пешдодийлар сулоласи намояндаси ҳақидаги хабарда Афросиёбнинг Турондаги ҳукмронлигининг энг қудратли даври ҳисобланади. Афросиёб Манучеҳр билан 10 йил курашдан сўнг сулҳ битиб, Амударёнинг жанубий қисмини Балх шаҳри билан Манучеҳрга беради.

Ёзма манбалар Манучеҳршоҳни Сулаймон пайғамбар ва Довуд пайғамбарлар билан бир вақтда ҳукмронлик қилган деб кўрсатадилар. Манучеҳр тахтда ўтирган йили Мусо Пайғамбар таваллуд топади (Тарихи Табарий, 1992) ва Манучеҳршоҳ ҳукмронлигининг 60-йилида (у 120 йил подшолик қилган) Мусо пайғамбарликка чикди ва Мисрга кирди, деб ёзади Табарий. Тарихдан маълумки, Довуд ва Сулаймон қадимий Яхудий – Исроил подшолигининг ҳукмдорлари ҳам эдилар ва милоддан аввалги X асрда яшаганлар, Мусо эса улардан олдин ҳатто Саул шу подшоҳнинг асосчисидан ҳам олдин тахминан мил. аввалги XIII-XII асрларда яшаган. Шундай қилиб, бу келтирилган анъанавий маълумотларни асос қилиб олсак, унда Афросиёб (анъанага мувофиқ 1000 йил ҳукмронлик қилган) Сулаймон, Довуд, Сауллардан ҳам олдин Манучеҳр билан бир вақтда мил. аввалги XI асрдан олдин яшаганлиги аниқланади.

Ҳар ҳолда, тамаддунимизнинг тарихини саналашда бу маълумотларга асосий таянч нуқта деб қаралса, келажак тарихий изланишларга анча фойда келтиради, деб ўйлаймиз.

Энди Самарқанд номининг келиб чиқишига ўз фикримизни билдирсак. Аввалда манзилгоҳ ва кейин қадимий шаҳар Афросиёбда бўлиб, Афросиёб деб аталган деб ҳисоблаймиз. Аммо ёзма манбаларда, асосан юнон-рим тарихчилари шаҳарнинг номини “Мароканда” деб ёзганлар. Сўғдий ҳужжатларда Самарқанд Самараканса - Smarakansa деб киритилган. Ундан ташқари сўғд ёзувлари битилган матнлар Афросиёбнинг ўзидан ҳам топилган. Ихшид Вархуман (653-659 йиллар) саройининг қадимшунослик изланишлари натижасида қўлга киритилган деворий суръатларда ҳам Муғ тоғидан топилган (VIII аср боши) архив ҳужжатларида ва бошқа манбаларда учрайди¹). Уларда Самарқанд Смараканса талаффузида берилган. IX асрда сўғд тили ўз ўрнини форсий-дарий тилига берганлиги сабабли шаҳар номи Смараканса Самарқандга айланган. Мароканда эса ҳар хил талаффузларда: Мароканд, Мароканда, Маракунда ва Смараканда антик адабиётида келтирилган ва шу Смараканса сўзи асосида пайдо бўлган, деб тушунсак дуруст бўлади. Шу нарса маълум бўладики, бу ном икки қисмдан иборатдир, яъни Самар ва Қанд.

Агар сўзнинг иккинчи қисми Қанднинг сўғдшунос олимлар томонидан шаҳар маъноси билан таржима қилинган бўлса ва уни барча олимлар эътироф қилсалар-да, сўзнинг биринчи қисмига аниқ маъно, мазмун топилмаган, гарчи бу муаммо атрофида олимлар кўп асрлардан бери изланишлар олиб борсалар-да. Ҳатто Табарий бу сўзни араб саркашлари Шамар (Самар) номи билан боғлаб, шаҳарнинг номини Самарқанд, яъни Самарқозган (яъни бузган) деб келтиради ва бу фикрга ҳеч қандай асос йўқлиги барча тарихчи олимларга аён, чунки араблар шаҳарни 712 йили босиб бузганлар, шаҳар эса Самарқанд тарихи номи билан 1000 йилдан ортиқ вақт давомида мавжуд эди. Бошқа манбалардаги маълумотлар ҳам бу сўзнинг этимологиясини очиб беролмайди. Лекин, Самарқанд Афросиёб номининг давоми, уни бунёд этган ҳукмрон номи ва фаолияти билан боғлаш лозим эканлиги ҳаммага аён.

Афросиёб сўзи эса сўғд тилидан таржима қилинганда Сиёб устида жойлашган жой, манзил, макон, ер деб шу маъноларни беради. Бу фанда аксиома сифатида ўрнашган фикрдир. Афросиёб шахс номи сифатида – Сиёб тўрида жойлашган ернинг эгаси, соҳиби, ҳукмрони, шаҳрдор деган маънога эга, деб шарҳ берилса, тарихий ҳақиқат қайтадан тикланаётгандай кўринади.

Ўшанда Самар сўзини ҳам ўша Самар сўзидан келиб чиққан ва маъноси, баланд, ўсадиган, обод маъносини тушунтирувчи қадимий сўғдий туркий сўз деб тушунсак хато бўлмайди. Яъни унда Самарқанд баландда жойлашган, шаҳар маъносини англатади ва Самар сўзи унда баландликка ишора деб тушунилади. Самарқанд “Баланд шаҳар” деб таржима қилинса, тарихий ҳақиқат тикланади, десак хато бўлмайди.

Энди Афросиёб – шахсий ном масаласига қайтсак. Албатта, юкорида келтирилган далиллар уни Буюкшоҳ, Салтанат, Турон Империяси сарвари деб кўрсатадилар, бу ном унга азалий ота-боболари макони номи Афросиёбдан қолган деб қарасак, хато бўлмайди. Яъни, аввал манзилгоҳ – Афросиёб пайдо бўлиб, кейин уни омма сарвари Афросиёбга берилган, кейин эса Афросиёб подшолиги даврида Афросиёб – баланд шаҳар - Самарқанда, Самарқанд, Самарқанд – номини олади. Унда Самарқанд номи тарихий Афросиёб билан боғланади. Афросиёб бунёдкор шахс сифатида кўп шаҳарлар солган ва ундан ҳам кўп шаҳарлар эгаси бўлган. Бу шаҳарлардан Сиёвушгирд, Гангдидж, Сафеджоб, Қочарбоши каби шаҳарлар жойлари ҳалигача олимлар томонидан аниқланмаган. Қашқадарё вилоятидаги Ерқўрғон, Самарқанднинг Челақ шаҳри яқинида кашф этилиб ўрганилаётган Кўктепа каби археологик ёдгорликлар, катта шаҳарлар харобалари ана шу аниқланмаган шаҳарларнинг иккитасининг қолдиқлари бўлиши мумкин, десак тўғри бўлади. Бу Сафеджоб ва Қочарбошилардир. Келажак илмий тадқиқотлар бу муаммони ҳам ечадилар, деган умиддамиз. Самарқанд шаҳрининг қадимий қисми Афросиёб, деб номланиши тарихий ҳақиқат билан боғлиқдир.

Фойдаланилган адабиётлар

- В.А. Лившиц. Согдийский язык. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
Абу али Муҳаммад ибн Муҳаммади Балъами. Тарихи Табарий. 1-жилд, Душанбе, 1992.
Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1991.
А. Фирдавсий. Шахнаме. 1 жилд, Душанбе, 1976.
Абу Тохирхўжа. Самария. Тошкент: Камалак, 1991. В.А.Лившиц. Согдийский язык. Основы языкознания. Средне Иранские языки. М., 1981.
И.В. Пьянков. Мараканда. Вестник древней истории М., 1970.

H.Yu. Muhiddinov - On the Name of Samarkand

The article deals with the all known medieval Arabic and Persian written sources on the origin of the Samarkand's name as they are reflected in numerous legends. As to the author of the article, he is inclined to the version of a “High city”.

АФРОСИЁБ ТОПОНИМИ ҲАҚИДА

Афросиёб Самарқанднинг қадимий харобаси саналади. Бу ном тарихий манбаларда қадимий Самарқандга нисбатан фақат XVII асрдан бошлаб учрайди (Ўзбекистон Миллий энциклопедияси, 2000. 1-том. 518-бет). Афросиёб топоними антропоним асосида шаклланган. Чунки милoddан олдинги VII ва эрамининг II асрларида ҳукм сурган сак-скиф турк давлатининг асосчиси Афросиёб бўлиб, у ғарб адабиётида Мадай Қора, турон адабиётида Алп Эр Тўнга, форс-тожик адабиётида Афросиёб деб аталган (Раҳмон, 1993. 4-бет).

Афросиёб – Алп Эр Тўнга Марказий Осиё, Оврўпадаги кўпгина мамлакатларни ишғол қилиб, уларни Скиф давлати остида бирлаштирган тарихий шахс, ҳокондир.

Алп Эр Тўнганинг номи тарих варақларидан ўчиб кетмади. Унинг шаънига қўшиқлар битилди, марсиялар тўқилди.

XI асрда яшаган Маҳмуд Қошғарий “Девону луғотит-турк” асарини ёзиш учун қабилалар яшайдиган ўлкаларни кезиб чиқаркан, Алп Эр, Тўнгага бағишланган марсияларни халқ оғзидан ёзиб олади. Абдурауф Фитрат шу марсияларни тартибга келтириб, ўзининг “Энг эски турк адабиёти намуналари” китобида нашр этди.

Манбаларда кўрсатилишича, Эрон шоҳи Кирёвушнинг ўғли Сиёваршан (Сиёвуш) Афросиёбнинг куёвидир (Авесто, 1991. 21-22 бетлар).

Геродот маълумотига кўра, скиф ҳокони Прототей, сўнгра унинг ўғли Мадай 28 йил (653-625) шохлик қилган (Геродот, 1972. С.45).

Оссурия тарихига оид китобларда Мадайнинг қайси авлодга мансублиги кўрсатилади (Рагозина, 1902. 466-бет). Абу Райҳон Беруний ўзининг “Қонуни Масъудий” асарида Афросиёбни тарихий шахс сифатида кўрсатиб, уни Турон подшоҳи деб кўрсатади (Беруний, 1973. 137-бет).

Маҳмуд Қошғарий туркларнинг улуғ хони Афросиёбни Тўнга Алп Эр деб атар эди, у йўлбарс каби кучли, баҳодир одам демакдир, дейди (Қошғарий, 1963. 379-бет). Худди шу хилдаги фикр Юсуф Хос Ҳожибнинг “Қутадғу билиг” асарида ҳам учрайди (Ҳожиб, 1997. 102-103-бет). Афросиёб – Алп Эр Тўнганинг тарихий шахс эканлигини муфассал асослаган фикрлар пайдо бўлди (Абдурахмонов, 1995. 24-30-бетлар). Маккор Кирёвуш Афросиёб – Алп Эр Тўнгани милoddан олдинги 626 йилнинг кузида ўлдиради (Раҳмон, 1993. 4-бет).

Афросиёб топоними “афра” ва “сиёб” қисмларидан иборат. Бу қисмларнинг маъносини турлича изоҳлайдилар. Афро қисми бир неча маънода қўлланилади.

1. Афро сўзи арабча бўлиб, у от демак. Форс - тожик адабиётида учровчи қаҳрамонлар номига от - асп сўзи қўшиб айтилган: Гўштасп, Аржасп («Шоҳнома»), Демак, Афросиёб - қора от, қора отлик мазмунини беради. Афросиёб номидаги сиёб асли сиёҳ бўлиши керак, у ўзбекча қора демак.

2. Афро сўзи форсча афроздан келиб чиққан бўлиши мумкин. Унда афроз - баландлик, юксаклик маъносига эгадир. Шундай экан, топоним афро + сиёҳ + об қисмларидан иборат. Афросиёб - Қорасув анҳори тепасида, юксаклигида жойлашган кўрғон. Самарқанднинг Афросиёб шаҳарчаси Сиёҳ -об - Қора сув анҳори тепасидадир. Бундан ташқари, сиёб - қора сўзида баландлик маъноси ҳам бўлган (Нафасов, 1989. 45-бет; Ўринбоев, 2003. 20-бет).

3. Афра //фра// фар - тожикча бўлиб, у нур, гўзаллик, мажозий маънода шохларга хос дабдаба, шону шавкат, ҳайбат маъносидадир (Фарҳонги забони тоҷики, 1969. 410-бет). Бундан Афросиёб - дабдабали, шон-шуҳратли, ҳайбатли қора шох демак.

Ғарб адабиётида Афросиёб Мадай қора деб аталган экан, бунда у ранг маъносида қўлланилмаган. Қора - кучлилик, баҳодирлик, ишонч белгиси сифатида мажозий маънога эгадир. Шунинг учун халқ тилида қуйидаги жумлаларни учратамиз. “Мен сизни қора қилиб келдим (сизга умид боғлаб мадад сўраб келдим)”, “узоқдан бир қора кўринди”. Қорахоний, қорахитой номларида эса катта, буюк, улуғ деган маъноларни беради.

Хуллас, Афросиёб топонимининг этимологиясини тўғри аниқлаш жараёнида уни

мифологик образми, тарихий шахсми деган саволларга янада аниқлик киритиш мумкин. Шу жараёнда Афросиёб тепалиги номи орқали тиллар алоқаси масаласига, Самарқанд ёши билан алоқадир муаммоларга ойдинлик киритиш мумкин.

Фойдаланилган адабиётлар

- Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. Тошкент, 2000, 1-том.
Насимхон Раҳмон. Турк хоқонлиги. Тошкент, 1993.
Зардушт. Авесто // Санъат, 1991, 10-сон.
Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
Рагозина З.А. История Ассирии. СПб., 1902.
Беруний Абу Райхон. Қонуни Масъудий// Танланган асарлар. V жилд. Биринчи китоб. Тошкент, 1973.
М. Кошғарий. Девону луғотит-турк. Тошкент, 1963.
Юсуф Хос Ҳожиб. Қутадғу билиг. Тошкент, 1997.
Абдурахмонов А. Алп Эр Тўнга. Тошкент, 1995.
Нафасов Т. Қишлоқларимиз нега шундай аталган? Тошкент, 1989.
Ўринбоев Б. Асрлардек барҳаёт номлар. Самарқанд, 2003.
Фарҳонги забони тоҷики. М., 1969.

B. Urinboev, D. Urinboeva - On the toponymics of “Afrasiab”

The paper is about etymology of the word “Afrasiab”. It is analyzed as a toponym and from the point of view of anthroponymics. Three variants of it are suggested taking into consideration the Arabic, Persian and Tajik languages.

Ш.А. Аҳадов, К.Ф. Ғаниев
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНД ШАҲРИ ТАРИХИЙ МАНБАЛАРДА

Самарқанд шаҳри нафакат Марказий Осиёда, балки бутун жаҳонда энг қадимий шаҳарлардан бири бўлиб, умумбашарий маданий тараққиёт тарихига эга бўлган муҳим сиёсий маданий марказлардан биридир.

Самарқанд шаҳри ҳақида кўплаб тарихий, этнографик, археологик манбалар бизгача етиб келган ва бу ҳақда қадимий асарларда кенг маълумот ёзиб қолдирилган. Ана шундай тарихий манбалардан айримларига тўхталиб, Самарқанд шаҳри номи ва тарихи ҳақида баъзи фикр ва мулоҳазаларни билдиришни лозим деб ҳисобладик.

Ривоятларда Самарқанд шаҳрининг ташкил топганлигига 4 минг йил бўлганлиги эслатилади. Жумладан, “Самария” муаллифи Абу Тоҳир Хожа ўз китобида Самар исмли киши атрофдаги халқни йиғиб жойлашиб қолиб, бу жойнинг номини “Самаркент”, яъни “Самарқишлоқ” деб келинганлиги ва араблар даврида эса “Самарқанд” деб аталганлигини таъкидлайди. Ушбу маълумот “Бурхоне Котъе” номли китобида ёзилиб қолдирганлигини, бу китоб муаллифи эса Муҳаммад бин Халаф исмли шахс бўлиб, у 1651 йилда Ҳиндистонда тузилган луғатдан олинганлигини эслатади. Шу билан бир қаторда ушбу ривоят Самарқанд номи ҳақидаги фикрни қувватлаб, турк қавмларидан Самар исмли хон номи билан “Самаркент” деб аталган, туркча “Кент” - шаҳар деб аталиши ва кейинчалик бу сўз араб-чалашиб “Самарқанд” бўлиб кетган, деб кўрсатади.

Иккинчи бир ривоятда сайёҳ Абу Исҳоқ Иброҳим ал-Истаҳрийнинг “Масолик ул-мамолик” (“Ўлкаларнинг йўллари”) номли асарида (X аср) Самар исмли бир йигит Фарғона ва Қошғар томонидан келиб, хон бўлган ва маҳаллий халққа душманлик қилиб, шаҳар дарвозаларини бузган ва қазиб ташлаган. Шу сабабли шаҳар “Самар қазди” маъносида бўлиб, форсча “Самарқанд”, араблар шаҳарни босиб олгандан кейин “Самарқанд” деб аталиб кетган, дейилади.

Учинчи бир ривоятда Абу Жаъфар Муҳаммад бин Жарир Зайди Табарийнинг (838-922) “Тарихи Табарий” (араб тилида) номли асарида Самар отлик хон ушбу шаҳарни бино қилдирди ва шу шаҳарда “қанд” деган турк аймағи (қабила) яшаган ва “Самарқанд” деб араблар босқинидан кейин аталди, деб ёзган.

Тўртинчи ривоятга кўра эса Самар исмли бир киши шаҳарнинг бир четида бир булок қазиган. Халқ ўша булок атрофида ўрнашиб, ўша жой шаҳарга айланган ва "Самарқанд" деб аталган.

Яна бир ривоятда эса Амин Аҳмад Розий деган киши томонидан 1593-1594 йилларда Эронда "Ҳафт иқлим" (Етти иқлим) китоби ёзилган бўлиб, бу китобда Яман Туббаъи ёки Малики Яман унвонлари билан исломга қадар ҳукмрон бўлган яҳудий (мусавий) ҳукмдорлар томонидан Самар исмли киши ушбу шаҳарнинг деворини бузган, араблар келгандан кейин "Самарқанд" дедилар, деб ёзадилар.

"Осор ул-Билод" ва "Ахбор ул-Ибод" номли Закариё бин Муҳаммад ал-Қазвинийнинг 1275 йилда ёзилган асарларида эса Самарқанд кўрғонини Кайкубод ўғли Кайковус солдирган, мазмундаги маълумот учрайди, яъни шаҳарнинг биринчи иморатини, Самарқанд кўрғонининг иккинчи иморатини Яман ва Арабистон подшоҳларидан Малик Туббаъ солдирган эмиш, учинчи иморати "Девори қиёмат"ни қадимий девор ва унинг жанубидаги қисми "Девори қўндаланг" Малик Искандар, яъни Искандар Зулқарнайн (эр. авв. 336-323 йиллар) томонидан қурдирилган, дейилади.

Тўртинчи иморат - Самарқанд иморати, кўрғон ва деворлари Амир Темур томонидан қурилганини Бобур "Бобурнома" да эслатади.

Самарқанд қадимий шаҳар бўлиб, турк Афросиёб Ираж ўғли Манучехрни енгиб, Турон юртини олганда, бу шаҳар Турон заминнинг пойтахт шаҳри бўлган, Афросиёб ҳам бу шаҳарни пойтахт қилиб ўрнашиб қолган. Демак, Самарқанд Турон заминининг биринчи пойтахт шаҳри бўлган. Кейинги даврларда ҳам Самарқанд сиёсий, маданий марказий шаҳар бўлиб, жаҳонга Самарқанд номи билан танилиб кетган.

Кўплаб тарихий манбалар, ўрта ва кейинги асрларда ёзиб қолдирилган китобларда Самарқанд тарихи ҳақида, Самарқанд шаҳри номи билан боғлиқ кўплаб ҳукмдорлар ҳақида қимматли маълумотлар берилади. Жумладан, Абулқосим Фирдавсийнинг "Шоҳнома"да, Алишер Навоийнинг "Садди Искандарий" номли асарларида қадимий Самарқанд шаҳри ва унинг ҳукмдори Афросиёб ҳақида қимматли маълумотлар бор. Масалан, Абулқосим Фирдавсий "Шоҳнома"да Самарқанд ҳукмдори, шоҳ Афросиёб ва унинг қизи Манижа билан Эрон шаҳзодаси Бежанлар ўртасидаги муносабатларни бевосита милоддан аввалги VII-VI асрларга доир воқеалар, деб таъкидлайди. Турон заминида Алп Эр Тунга - Афросиёб кучли марказлашган давлат ташкил этган, маркази Самарқанд шаҳри бўлган. Афросиёб ҳукмронлигига бутун Турони замин – Аму-Жайхун дарёси бўйларида Узок Шарқ, Сибир, Кавказгача бўлган ҳудудлар бирлаштирилиб, Эрон доимо туркийларнинг душмани бўлиб келганлиги ва даҳшатли жанглар бўлиб ўтганлиги таъкидланади. Эрон подшоҳлари Афросиёб – Алп Эр Тўнгани очиқ жангда енга олмай, фирибгарлик йўли билан пинҳона заҳарлаб ўлдиришгани ҳақида маълумот берди. Бу фожиали воқеа милоддан аввалги 626 йилда куз фаслида рўй беради.

Ҳазрат Алишер Навоий эса ўзининг "Садди Искандарий" асарида "қўшиннинг боронғори (ўнг қаноти) Самарқанддан то Хитойгача бўлган Шарқ мамлакатларининг халқларидан иборат бўлиб, бунинг ичида юз минг ўзбек билан мўғул ва юз эллик минг қалмоқ бор ва ҳаммаси олти юз минг кишидан иборат уруш ва жанг қаҳрамонларидан ташкил топган эди" (Навоий, 1978. 69-бет), деб Доро I бошчилигида Искандар Македонскийга қарши олиб борган жангда иштирок этган туронзаминлик, шу жумладан, самарқандликлар ҳақида маълумот беради.

Яна бир қатор тарихий манбаларда, жумладан Нажмиддин Умар ибн Муҳаммад ибн Аҳмад ан-Насафийнинг айрим асарларида, яъни "Ал-қанд фий зикри уламои Самарқанд" ("Самарқанд уламолари хотирасига доир қанд") китобида Самарқанд, дунёга машҳур олиму уламолар шаҳри эканлиги, яна бир "Китоб ал-қанд тарихи Самарқанд" номли асарида эса Самарқанд араблар босқинига қадар ҳам қарийб 2,5 минг йиллик тарихга эга эканлиги ҳақида ёзади.

М.Е. Массоннинг фикрига қараганда, Самарқанд Муҳаммад пайғамбар динидан олдин ҳам 1200 йиллик тарихга эга бўлган.

Самарқанд шахрининг қадимийлигини исботлайдиган ва ундан кейин пайдо бўлган бир қатор Самарқанд шахрига яқин қадамжойлар, шаҳар қўрғонлари, жумладан, Ҳазрати Довуд (милоддан аввалги X асрда) ва Хожа Дониёр (милоддан аввалги VII асрда) қадамжой-мақбаралари, Пойариқ тумани, Челак шахри яқинидаги Кўктепа қўрғони (милоддан аввалги VIII асрда - 2700 йиллик тарихига эга) ва бошқа бир қатор тарихий жойлар Самарқандимизнинг энг қадимий – кўхна тарихга эга бўлган шаҳар эканлигидан далолат беради.

Фойдаланилган адабиётлар

Абулкосим Фирдавсий. Шоҳнома. Тошкент, 1976.
А. Иброҳимов. Биз ким ўзбеклар. Тошкент, 1999.
Алишер Навоий. Сади Искандарий. Тошкент, 1978.
М.Е. Массон. Падающий минарет. Ташкент, 1968.

Sh. Akhadov, K.G. Ganiev - History of the City of Samarkand in Sources

The paper deals with information on Samarkand ever registered in written sources of the Eastern medieval authors on history, geography and literature. Legends are also interpreted in the article.

*А. Отаҳўжаев
(Ўзбекистон)*

МУҒ АРХИВИДА САМАРҚАНД БИЛАН БОҒЛИҚ МАЪЛУМОТЛАР

Сўғд ёзма манбалари орасида 1932-1933 йилларда топилган Муғ архиви ўзига хосдир. Хужжатлар VII аср охирида - VIII аср бошларидаги Сўғднинг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаёти ҳақида бирламчи манбалардан ҳисобланади. Архив шахсий мактублар, дипломатик ёзишмалар, шартнома ва битимлар, тақвим рўйхати, хўжалик ва ҳисобот қайдларидан иборат (Фрейман. 1962, С.92; СДГМ I. 1962. С.222; СДГМ II. 1963. С.132; СДГМ III) бўлиб, аксарияти Панч ва маркази Панжикент (рпс, рпсунд) ҳукмдорлари Чакин Чур Билга Бичут ўғли (ск'уп сwr вулк'' ZKn рсwtt BRY) ва Деваштич (дуw'ктус) номлари билан саналанган. Воқеалар нафақат Панч вилояти, балки бутун Сўғд (swгд) ва Самарқанд (sm'ркнд) билан узвий боғлиқликда кечади. Сўғднинг араб истилоси даври тарихини ойдинлаштириш ишига ёрдам берадиган мазкур архив Панч ва Самарқанд ўртасидаги муносабатларнинг реал ҳолатини акс эттиради.

Хужжатлар Сўғд тарихи ва тахт учун дахлдор бўлган тўрт шахс Тархун (trгwn), Гурак ('wгrk), Афарун ('ргwn) ва Деваштич фаолиятини таҳлил этишимизга имкон беради. Дастлаб, А.А. Фрейман Тархунни “тархон” (trг'n) унвони деб тушуниб, уни Деваштичга тегишли деб билади (Фрейман. 1962. С.43). Бироқ, кейинчалик бу хатони бошқа сўғдшунослар тўғриладила ва улар алоҳида шахслар эканлиги аниқланди.

Дастлаб, Nov 3 ва Nov 4 рақамли никоҳ битими ва мажбуриятлар тўғрисида хужжатда акс этирилган подшо Тархун (trгwn MLK), ҳақида у 700-710 йилларда Сўғд подшоси бўлган. Унинг номидан тангалар зарб этилган (Смирнова, 1963. С.72-75). Хужжатлар Тархун бошқарувининг сўнгги 10 йилида тузилган. Тарихда Тархун шахсига ханузгача холис баҳо берилган эмас. Шу ўн йил давомида у араб истилосига қарши курашган етакчи фигуралардан биридир. Гоҳ ўзи, гоҳ бухороликлар, гоҳ турклар билан иттифоқда тинимсиз жангларда бўлган. Сарой аҳли унинг араблар билан битимини хиёнатга йўйгач, Тархун бу иснодга чидолмай, ўз жонига қасд қилган (История ат-Табари (1229), 1987. С.132) ёки уни қасдан ўлдиришган. Ўз вақтида А.Ю. Якубовский унинг турклардан эканлигини “бунга шубҳаланиш мумкин эмас” (Якубовский. 1941. 7-бет) лигини таъкидлаб ўтган эди. Қолаверса, Тархунгача ўлкада Турк хоқонлигининг деярли 150 йиллик ҳукмронлигини назардан қочирмайлик. Тархундан сўнг Сўғд тахтида сулолавий бошқарув бошланди.

Тархун ўлгач (710 йил), Сўғдда арабпараст зодагонлар гуруҳи пайдо бўлди. Б.Ф. Ғафуров фикрича, гуруҳ раҳбарларидан бири Деваштич бўлган (Ғафуров, 1989. С.16). Биз бу фикрга қўшилишдан йироқмиз, чунки Деваштич Тархуннинг балоғатга тўлмаган икки ўғилларини

араблар панохидан сақлаб, Панжикентга олиб кетган. Аксинча, арабпарастлар орасида Тархун фарзандларини тахтнинг қонуний ворислари эканлигидан фойдаланиб, тахтни эгаллаган Тархуннинг укаси Гуракка қарши қўйиш нияти бўлган (Крачковская, Крачковский., 1934. С.70). Деваштич эса саройдаги парокандаликнинг олдини олди. Қолаверса, кейинчалик унинг ўзи шу болаларга ҳомийлик қилиб, Самарқанд тахтига даъво қилиши мумкин эди. Бу пайтда Қутайба ибн Муслим ўз мавласи бўлган Тархун учун ўч олишни баҳона қилиб (История ат-Табари, (1249). С.141), кенг кўламдаги ҳарбий ҳаракатларни бошлаб юборди.

Гўё Тархуннинг болалари амакиси Гурак ихтиёрида эмас, балки поччаси, Панч ҳокими Деваштич ҳомийлигида қолган. Шу боис Деваштични қўлаб, Гуракнинг кучини қирқиш мумкин бўларди (Исҳоқов. 1992. 36-бет). Бу Гуракка нисбатан ҳаракатни оқлашга баҳона эди. Гурак Сўғдда иттифоқчи топа олмай Турк ҳоконидан ёрдам сўради. Инал ҳокон бошчилигида Сўғдга йўл олган қўшин, Самарқандга етиб келолмай, Қутайба пистирмаси томонидан тормор этилди (История ат-Табари (1244-1249). С. 138-141). Бу Гуракнинг мағлубияти ҳам эди. У Қутайба билан нотенг шартнома имзолашга мажбур эди (Смирнова, 1960. С. 70-74). 712 йилги бу шартнома самарқандликларни турк ҳокони ёрдамида арабларга қарши курашига сабаб бўлди. Қутайба бу вазиятда ҳам ҳийла билан мағлубиятдан қутулиб қолди. Чунки, Сук бошчилигидаги сўғд элчилари ҳоконлик қароргоҳига боргач, Тўнжук бошчилигидаги турклар “сўғд халки (яшайдиган юрт)ни тартибга солиш учун” юриш қилиб, Темир Қапуғчага етиб келган эдилар (Гафуров, 1989. С.18). Аммо Деваштич Тархундан сўнг тахт даъвогари бўлиб қолаверди. Шу боис, Тархунга тегишли айрим ҳужжатлар унинг қўлида сақланган. Энди Деваштич ҳақида, у гарчи тахт даъвогари бўлса-да, ўз номидан тангалар зарб этмаган. Катта хотини, Тархуннинг, қолаверса Гурак ва Афарунларнинг ҳам опаси ёки синглиси Панч маликаси Нана номидан тангалар зарб қилдирган (Лившиц, 1979. С.65). Деваштичнинг бу қариндошлик алоқасини, М. Исҳоқов фикрига қўшилган ҳолда, Деваштич Йудахшитак ўғли подшолар сулоласи – чжабу-ябғулардан бўлмаган, дейишга асос бўлади. Аммо Деваштич ҳам юқори табақа вакили (История ат-Табари.,(1446). С.189) бўлиб, унинг шажараси Микол хонадони Баҳром Гўр (V аср) авлодларига боғланади (Лившиц, 1979. С.66). Деваштичнинг ҳужжатларда хутов (gwt'w), хвабу (gwbw – MR'Y', MR'Y) ёки ихшид ('gsud- MLK) (СДГМ II. С. 200-203) унвонлари билан номланиши бу шахснинг Сўғдда ўз ўрни бўлганлигини исботлайди.

Деваштич тақдири Муғ архиви I.1 ҳужжати тафсилотида ёритилади. Унга амир Абдурахмон ибн Субҳ номидан ёзилган мактубда у - sm'gkндс MLK swгдук MR'Y" - “Сўғд подшоси, Самарқанд ҳукмдори” деб араблар томонидан эътироф этилади. Бу билан араблар Гурак ва Деваштич тарафдорлари қарама-қаршилигидан фойдаланишга, улардан бирини йўқ қилишга бел боғлаган кўринади. Мактуб асабий тарзда ёзилган. Унинг сўнгида: (22-қатор) агар мабода амирнинг буйруғини ҳозироқ бажармасанг, тез орада (23-қ) амирдан янги бошқа-бошқа фармонлар келади (СДГМ II. С.110; Исҳоқов. 1992. 34-бет) дейилади. Бу таҳдиддан сўнги Деваштич араблар билан мураса қилиб бўлмаслигини тушуниб, ўз тарафдорлари билан кўзголон кўтаради. 720-722 йиллардаги бу ҳаракат Гурак томонидан қўлланмади ёки иттифоқчилар Чоч ва Фарғона (А-14 ҳужжати) дан етарли ёрдам бўлмади. Деваштич яна битимга рози бўлди. Саид Харашийнинг хуфия буйруғи билан 722 йил кузида Деваштич Гуракнинг қароргоҳи Рабинжондаги зардуштийлар қабристонида қатл этилди. Кесилган боши маҳсус чопар билан баркашда Бағдодга, халифа Хишомга юборилди. Чап қўли Тохаристондаги Сулаймон Абуссарийга жўнатилди. Танаси зардуштийлар ибодатхонасига михланди (История ат-Табари, (1448). С.189-190). Шу йўл билан Саид Хараший асосий рақибларидан бирини маҳв этди. Сўғдни эса бир курашчидан айирди. Шундай қилиб, 708 йилда Тархун томонидан Панчга ҳоким қилиб тайинланган Деваштич озодлик учун кураш йўлида ҳалок бўлди.

Сўғд тарихининг йирик вакилларида бири Гурак ('wgrk) номи ҳужжатларда бевосита зикр этилмаса-да, В-17 ҳужжатидаги “ғуанак” (гw'nk) – “гуноҳкор, ярамас” ибораси (СДГМ II. С.117-118) эътиборни тортади. Унга кўра, “ғуанак”ка юборилган фарғоналик (вг'nk) лашкар-бошининг асир олиншини Афарун ва Деваштичларнинг Гуракка бўладиган ҳар қандай ёрдамни кесишга ҳаракат, деб тушуниш мумкин. Улар наздида Гурак тахтга нолайиқ –

“гуноҳкор ва ярамас” - хоиндир. Ўзлари эса хун-турк (гwn) ва чин-уйғур (сун)лардан ёрдам кутади. “Чин” атамасини В.А. Лившиц “хитойликлар” деб беради. Бу асосли эмас. Хитойнинг бу даврда Сўғд сиёсатига аралашувига турклар ва турғашлар асло йўл қўймас эди. Ўша давр геосиёсати шундай хулоса қилишга асос бўлади. Лекин, Гурак ўз сиёсий маҳорати боис Сўғд тахтида 738 йилгача хукмронлик қилди.

Хужжатларда зикр этилган яна бир тарихий шахс Афарундир. Агар Насафийнинг “Қандия” асаридаги “...Гуракнинг икки биродари бор, бирининг номи Гархун ва бирининг номи Афарун” (Бартольд, 1968. С. 305) деган жумлаларга эътибор қилсак, бу учала шахснинг кимлигини аниқлашга имкон беради. В.А. Лившиц Афарун айнан хужжатлардаги Афарун эканлигини нима учундир рад этади (Лившиц, СДГМ II. С.119, прим. 17). Ф. Грене ва Эттген де ла Вейс-сиер эса, В-18 хужжатида Хохсар ҳокимини Афшин (‘вкуп) деб нотўғри ўқиб, тарихий воқеаларни чалқаш талқин қилганлар (Grenet, dela Vassieve. 2002. p.155-163). Аслида “Қандия” ва архивдаги Афарунлар битта шахс бўлган. Буни Муғ архивдаги хужжатлар билан исботлашга ҳаракат қиламиз; В-17 хужжатида: “Хукмдор Деваштичдан, Хохсар (г’гsr) ҳокими Афарунга бекиёс эҳтиром бўлсин”, деган сатрлар бор. Хохсар, Самарқанддан 2 фарсах масофада, Дарғом рустоклигидаги қишлоқ бўлиб (СДГМ II. С.118), уни Насафийнинг “Қандия” асаридаги: “Гурак шаҳар (Самарқанд)дан 4 фарсах узоқликда шаҳар-қасабача бино қилди. Уни Фарнат деб номлади ва биродари Афарунга бахшида қилди” (Бартольд, 1968. С.305), деган жумлалар билан қиёсласак, Афарунга тегишли мулк Хохсар – “Булоқ боши”да бўлган деган мулоҳазани беради. Хохсар Деваштич учун ҳам ғарбдаги таянч ҳисобланган. Шу боис, у бу ҳудуд ва унинг ҳокими билан алоқани узмаган. Қолаверса, Афарунга оид хужжатларнинг архивда сақланиши унинг Самарқанд саройига яқин шахслардан эканлигини далиллайди. Афарун Деваштич ва Гурак ўртасида воситачи бўлган кўринади. Унинг қайси томонга оғиши вазиятни белгилаган. В-9 хужжатга кўра Руст (rwst) вилояти ҳам Афарунга қарашли бўлган. У юқори лавозимли шахслардан бири Зкатчга ёзган мактубида ўзини Руст ҳокими (rwstyk гwв) деб таништиради (СДГМ II. С.157-159). Демак, мақом борасида Деваштич ва Афарун тенг бўлиб, алоҳида вилоятларни бошқаришган. В-17 хужжатида кўра Деваштич Самарқанд сафари олдида Руст ва унинг маркази Хохсарда тўхтаб ўтиш учун Афарундан ўзининг хавфсизлигини сўраб, мурожаат қилган. Деваштич ўз ҳарбий режалари билан Афарунни таништириб: «Мен сендан кўп вақт беҳабар қолдим. Ўзингни эҳтиёт қил. Барча кучсиз хукмдорларни бўйсундириб, ёнингда тўхтаман. Сен менинг хавфсизлигимни таъминлайсан... чопарлар бу ерга тушиб келишди. Кўплаб қўшин, хунлар ва чинлар (турклар ва уйғурлар – А.О) келди. Фарғона ҳокими Гўанак (Гўрак – А.О.) қа юборилган ҳарбий бошлиқ (кукн)ни асир олдик. Яшринма, хабарлашиб турайлик» (СДГМ II. С.117-118) мазмунида мактуб юборган. Бу билан Деваштич Афарунни ўзига иттифоқдош, дўст деб билган. Иккисининг тақдири бир-бирига боғлиқ эди.

Самарқанддаги ҳокимият арабларга 712 йилдан сўнг деярли тобе бўлди. 721 йилда Хурсонга Саид ал-Хараший ноиб бўлди. Гурак батамом уни итоатига ўтди, қаршилик кўрсатмай қўйди. Норози аслзода – савдогарлар Карзанч бошчилигида Фарғона томон йўл олди. Оқибат Хўжанд фожеаси рўй берди (История ат-Табари, (1440-1447). С.185-189). Афарун эса Деваштичга келиб қўшилди. Унгача ҳам Деваштич Афарунга ғамхўрлик қилиб турган. В-17 хужжатидаги: «(16) Қандай яшаяпсан, нима билан бандсан (17), нега яшириниб юрибсан? Агар ёнингда (биз билган) кимлардир бўлса (18), бу ҳақда менга маълум қил. Агар қандайдир хабар бўлиб, ёнингда (19) ўтишим зарур бўлса, албатта бораман; V. (1) сенга ёрдам-таянч керак бўлса, хабар қил, мен албатта одам жўнатаман (2) шу (шарт билан): (юборган) одамларни ва ўзингни эҳтиёт қил» (СДГМ II. С.117-118) ва В-18 хужжатида: «(2) агар аҳмоқлик ва қайсарлик қилсанг (3) ўзингни эмас, менинг уйимни хонавайрон қиласан»- (СДГМ II. С.124) дейилишида асос бор эди. Ҳам опа (сингил) сифатида малика Нана, ҳам почча (куёв) сифатида Деваштич Гуракдан умид узган Афарун тақдирига бефарқ қарамаганлар. 721 йилда Афарун Панжга келиб, Деваштич гуруҳига қўшилган. Қум жангидан сўнг Абгор (Муғ) қалъасидан паноҳ топишган. Айни пайтларда тахминан 720, 721-722 йилларда Деваштич ўзини подшо деб эълон қилган кўринади. Сўғд араб ва мустақил қисмга бўлинган (Смирнова, 1963. С.10).

Қамалдан сўнг Деваштич таслим бўлиб, шартномага кўра 100 оила озод қилинган (Кадырова, 1965. С.78). Улар орасида эҳтимол Афарун ва Тархуннинг 2 фарзанди бўлиши мумкин.

Хулоса қилиб айтганда, Муғ архиви илк ўрта асрлар Сўғд тарихининг сиёсий, иқтисодий ва ижтимоий моҳиятини очиқ берувчи муҳим манбалардан биридир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Фрейман А.А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. Вып. I. М.: ИВЛ, 1962.
Согдийские документы с горы Муг I (СДГМ). Юридические документы и письма// Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. Вып. II. М.: ИВЛ, 1962.
СДГМ II, Хозяйственные документы.// Чтение, перевод и комментарии М.Н. Богомובה и О.И.Смирновой. Вып. III. М.: ИВЛ, 1963.
Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
История ат-Табари. Ташкент, 1987.
Якубовский А.Ю. Ўзбек халқининг юзага келиши масаласи ҳақида. Тошкент, 1941. 7-б.
Гафуров Б.Г. Таджики. Кн. II, Душанбе, 1989.
Крачковская В.А., Крачковский И.Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. М., 1934.
Исхоков М.М. Унутилган подшоҳликдан хатлар. Тошкент, 1992.
Смирнова О.И. К истории Самаркандского договора 712 года // КСИВАН, т. XXXVIII. 1960.
Лившиц В.А. Правители Панча // НАА, 1979, 4. С. 65.
Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Соч. V. М., 1968.
Grenet F., dela Vassieue E. The last days of Panjikent // Silk Road art and avcheology, 8-Kamakava, 2002, p.155-163.
Кадырова Т. Из крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане. Ташкент, 1965. С. 78.

A.Atakhodjaev - Information About Samarkand in Documents Found on the Mugh Mountain

Documents, which were found on the Mugh mountain give important information about the early Middle Age Soghd including Samarkand. As we know, Samarkand was a strategic center of Soghd, therefore fighting for throne of Samarkand had political and spiritual meaning. In this article the author analyzes struggle for throne of Samarkand in the period of Arab's conquest among Tarkhun, Gurek, Afarun and Divashtich – relatives of the Royal family.

З. Муқимов
(Ўзбекистон)

СЎҒД ҲУЖЖАТЛАРИ ҲУҚУҚНИ ЎРГАНИШ МАНБАИ СИФАТИДА

Ўзбекистон Республикаси доираси, жумладан Самарқанд Сўғди инсоният маданиятининг, айниқса давлат-ҳуқуқий маданиятининг ҳам бешиқларидан биридир. Унинг тарихийлиги ҳам ҳар ҳолда Бобил ва Ҳиндистонникидан кам эмас. Шу кунларгача ёзма манбаларнинг бизгача кам етиб келганлиги, борларининг ҳам жиддий ўрганилмаганлиги қадимги даврдаги бой ҳуқуқий меросимиз ҳақида сохта тасаввур туғдириб келди. Фақат Сўғдгина эмас илк ўрта асрларда Ўрта Осиё доираси ҳам кўп динлар ёйилган шу жиҳатдан Сўғд ҳуқуқи бир томондан конфессионал – ҳуқуқ бўлса, иккинчи томондан партикуляр – кўп хиллик турли-туман ҳуқуқий манбаларининг ҳаракатда бўлиши билан характерланади.

Бу ерда зардуштийлик, яҳудий, буддавийлик, насронийлик ҳамда манихейлик каби диний-фалсафий юридик оқимлар бўлганлиги учун ўша даврда ҳукмрон бўлган туркий халқлар турли динларга, жумладан, табиат ва осмон руҳи, ота-оналар руҳига сиғиниш ҳоллари ҳам бўлган. 551-744 йиллар Сўғд доираси Турк ҳоконлиги таркибига кириб 15 га яқин ярим мустақил мулклардан иборат бўлиб, туркийларда ёзма қонунчилик ва ривожланган одат ҳуқуқлари ҳаракатда эди. «Канн (Самарқанд)да «Турк қонунномаси» амалда бўлиб, у ибодатхонада сақланган. Жазо бериш вақтида у қўлга олиниб, шунга асосан жазо тайинланган», дейилади Хитой сулолалари тарихида (Бичурин, 1950. С. 271-280). Бундан бошқа «Яҳудийлар ҳуқуқининг Муқаддас китоби Тору», насронийлик ҳуқуқининг ёдгорлиги Ишобахт қонунлари, манихейликнинг ҳуқуқи, Монастир ҳуқуқининг манбаи Виная, буддавийликнинг «Ману

конунлари», «Дхармашастралар» ҳамда, асосан, Зардуштийларнинг Авестоси, дин ва ҳуқуқнинг манбаи сифатида ҳаракатда бўлган.

Эрамизнинг 620 йилида Гор (ҳозирги Фирузобод) шаҳрида яшаган Ваҳрамнинг ўғли Фараҳварт томонидан тузилган Сосонийлар давридан бизгача етиб келган юридик казуслар тўпламидан иборат бўлган ягона Суднома «Минг суд қарори китоби» (Matakdani Xazar datastana) ҳам амалда бўлган. Булар ҳаммаси илк ўрта асрларда ҳам Ўзбекистон доирасида ривожланган ҳуқуқий тизим бўлганлигини кўрсатади. Шу давр ҳуқуқининг ўрганиш манбаи сифатида сўғд ҳужжатлари хизмат қилади. Бу тўплам Сўғд ҳоқими Диваштичнинг архивидан иборат бўлиб, 1933 йилда Муғ тоғидаги қалъа харобаларидан деярли 1280 йилдан кейин топилган ва дастлаб археолог ҳамда тилшунос олимлар А.Н. Бернштам, А.А. Фрейман, О.И. Смирнова ва М.Н. Боголюбовлар томонидан яғноб тили ёрдамида ўрганилиб, рус тилига таржима қилинган (Фрейман, Лившиц, 1962-1963). В.А. Лившиц юридик ҳужжатлар ва хатлар ҳамда молиявий ҳужжатларни алоҳида тадқиқ этиб, глоссарий билан чоп эттирди (Лившиц, 1962). Жами 76 та суд-нотариал ҳужжатларнинг 74 таси сўғд тилида, биттаси қадимги руний ҳарфларида туркий ва яна биттаси араб тилида ёзилган. Туркий тилдаги ҳужжатнинг кўп қисми ўчиб кетган. «Менинг фикримча, - деб ёзади А.Н. Бернштам, - бу Диваштич хизматида бўлган киши томонидан йилқи подаларига қараш билан боғлиқ хизмат ёзишмасидан иборат бўлса керак» (Древнетюркский документ из Согда, 1951. С.71). Ҳужжатларнинг бир қисмини ўзбек олими М. Исҳоқов ўзбек тилига таржима қилиб, чуқур ўрганган (Исҳоқов, 1992) ҳамда сўғд тилидан ўзбек тилига ўтган сўзларни келтириб, туркий халқларининг Сўғдда тутган мавқеини ёритиб берган. Ушбу ҳужжатлар ва археология, тангашунослик маълумотлари VII-VIII асрларда Сўғднинг ижтимоий-сиёсий тузуми ҳамда ҳуқуқий муносабатлари тўғрисида қимматли маълумотлар беради. Ҳужжатларнинг тарихий-ҳуқуқий аҳамияти кам ўрганилган. Улар орасида Панж ҳоқимига юборилган хатлар, вилоятлардан келган маълумотлар, молия-ҳазина ҳужжатлари, турли тилхатлар, мулк ижараси, никоҳ шартномаси, Панжакент ҳукмдори Чакин Чур Билга 707-708 йилларда ер сотиб олганлиги ҳақидаги ва бошқа ҳужжатлар бор.

Ижарага оид шартномалар орасида Сўғд подшоси Диваштичнинг тегирмонлари, ариқ ва сувларини ижарага бериш тўғрисидаги шартномаси, айниқса, диққатга сазовордир.

Шунга кўра, у ўзининг уч тегирмонини Махнан деган кишига ҳар йили 460 кафча (3680 кг) га яқин ун ҳақ сифатида тўлаши эвазига уч йиллик муҳлат билан ижарага беради. Ҳар ойда маълум миқдорда тўланиши лозим бўлган бу ҳақ ҳисобидаги ун ўз вақтида берилмаса, шартнома бузилган саналиб, Диваштичнинг амалдорлари унинг бажарилишини турли йўллар билан таъминлаши лозим эди.

Шартноманинг бажарилиши учун Махнаннынги ўғилларигина эмас, балки қариндош-уруғи ҳам жавобгар ҳисобланган. Шартнома уч гувоҳ ҳузурида тузилган. Ҳужжатлар ичида энг каттаси 90 қатордан иборат терига ёзилган никоҳ шартномаси бўлиб, никоҳ гувоҳномаси ва куёвнинг келин томон олдидаги мажбуриятларидан иборат бу икки ҳужжатнинг бирида турк насабли киши Уттакиннинг сўғд аёли бўлмиш Дуғдгунча (лақаби Чата)га уйланиши расмийлаштирилган, иккинчисида куёв Уттакиннинг Дуғдгунчани турмушга бераётган ва айни вақтда ҳомийси бўлган эри Навкет (Фрейман, Лившиц, 1962-1963. 29-бет) шаҳрининг ҳоқими Чер олдидаги мажбуриятлари баён этилган. Унга кўра, Уттакин ўз хотинини қул қилиб сотмаслик, қарз эвазига бермаслик, бошқа бирор кишининг қарздорига айланишига ва бирор киши томонидан таҳқирланишига йўл қўймаслик мажбуриятини олади. Агар у Чатани қўйиб юборса ёки Чата у билан яшашни истамай қолса, уни зиён-заҳматсиз Черга етказиб бериши лозим. Акс ҳолда куёвга 100 динорий кумуш дирҳам товон тўлаш мажбурияти юкланган. Шуниси қизиқки, Навкет ҳоқими хотинларидан бири бўлган Чатанинги ҳам эри, ҳам васийси ҳисобланган ўша киши - Чер уни бошқа эрга беришга ҳуқуқли бўлган. Мазкур никоҳнинг ана шу хусусиятини ўрганган Сўғдда никоҳ полигамия шаклида уч кўринишда: тўла ҳуқуқли никоҳ, васийлик остидаги ҳамда ёрдамчи никоҳларнинг В.А. Лившиц Сосонийлар Эронига ана шу учала никоҳ шакли ҳам маълум бўлганлигини кўрсатиб, бу ҳолни Сосонийларнинг оила ва никоҳ ҳуқуқидан ўтганлиги ҳақида фикр билдиради (Согдийские документы с горы Муг. С.29). Марказий Осиё узоқ вақт Эрон ҳукмронлиги остида

бўлганлигидан иккала томонда ҳам бир динга - зардуштийликка эътиқод вужудга келганлиги ҳисобга олинса, олимнинг фикри тўғрига ўхшайди.

Юқорида айтилган шартномага кўра, агар Уттакин билан Чата орасидаги никоҳ бекор қилинса, аёл ўзининг тўй совғасини қайтариб олади. Уттакин, шунингдек, Чатанинг ижозатсиз бошқа хотин ёки хизматкор аёлга уйланмаслик, яқинлашмаслик мажбуриятига эга. Агар у бунга хилоф иш қилса, Чатага 30 дирхам миқдорида (ўша даврда катта пул бўлган) товон тўлаши, шундан кейин у ёқтирмаган хотини Чатани кўйиб юбориши мумкин бўлган. Бундан ташқари, агар Уттакин бирор бир ҳаракати учун қуллик ёки қарам ҳолатига тушиб қолса, хотини ўз озодлигини сақлаб қолавериши, худди шундай аҳволга хотини тушиб қолса, эри бунинг учун жавоб бермаслиги, эр-хотин бир-бирининг жиноятлари учун масъул эмаслиги ҳам таъкидлаб ўтилади. Никоҳ шартномаси “қонуний ҳаракатлар содир этиладиган жойда” унинг бошлиғи Вахгукон ўғли ҳузурда учта гувоҳ иштирокида 710 йил 25 мартда Сўғд подшоси Тархун ҳукмронлигининг 10-йили тузилганлиги қайд этилган. Тадқиқотчи Ю. Якубов: «Никоҳ маросими шартнома худоси Митра ибодатхонасида, унинг ҳайкали олдида ўтказилган, чунки никоҳ Сўғдда муқаддас ҳисобланган», - деб жуда тўғри кўрсатади (Якубов, 2002. С.38). Демак, Турк хоқонлиги даврида Сўғдда юридик ҳужжатларни махсус белгиланган шаклда тузиб, расмийлаштирадиган маҳкама ва мансабдор шахс бўлган, деб ҳисоблашимиз мумкин.

Эр-хотиннинг бир-бирига нисбатан ҳуқуқлари никоҳ шартномасидан келиб чиққан. Жумладан, Уттакин Чатани севиқли хотини сифатида ҳурмат ва эҳтиром кўрсатиб, озик-овқати, кийим-кечаги, безак-тақинчоқлари билан таъминлаган ҳолда сақлаши, Чата ҳам эрини ҳурмат ва эҳтиром билан асраши, буйруғини ўзига қонун деб ҳисоблаб, унга амал қилиши лозим бўлган.

Никоҳ иккала томоннинг хоҳиши билан бекор қилиниши мумкин бўлган. Агар никоҳ эр ташаббуси билан бекор бўлса, хотинини биргалиқда топилган нарсалар ва товон пули билан бошқа шартларсиз кўйиб юборган. Ажралиш хотин ташаббуси билан бўлса, у эрининг кийим-кечакларини қолдириб ва у олиб берган тақинчоқларни ҳам ташлаб кетган. Шундан кейин иккаласи ҳам бошқа киши билан турмуш қуриши мумкин бўлган.

Мазкур ҳужжатнинг мазмуни шуни кўрсатадики, Сўғдда мусулмончиликнинг ёйилишига қадар кўп хотинлилик (полигамия) мавжуд эди, никоҳнинг учта шакли бўлиб, улар ҳуқуқий ҳамда мулкий жиҳатдан бир-бирдан фарқ қилган. Яъни: а) тўла ҳуқуқли никоҳ, бунда аёлга кўпроқ ҳуқуқ берилган; б) васийлик остидаги никоҳ, юқоридаги никоҳ шартномасига кўра аёлни эрга берган Чер никоҳдан кейин ҳам унинг васийси бўлиб қолаверган; в) ёрдамчи никоҳ, бундай никоҳ фақат тўла ҳуқуқли никоҳга киришган хотин рухсат берсагина тузилиши мумкин бўлган.

Юқоридаги никоҳ шартномаси васийлик остидаги никоҳ шаклига киради. Чунки Уттакин никоҳни бекор қилса, Чатани унинг васийси бўлган Черга эсон-омон топшириши лозим. Мазкур никоҳ шартномасининг яна эътиборли жойи шундаки, унга асосан сўғд оила ҳуқуқида хотин билан эр тенг ҳуқуқли юридик масъул шахслар деб қаралган.

Бу ҳолатлардан қуйидаги хулосаларни чиқаришимиз мумкин.

Мусулмончиликка қадар бўлган даврда қадимий турк халқларида она уруғи имтиёзли ҳисобланиб, уларнинг ҳуқуқлари барча қонуний чоралар билан қўриқланган. Ижтимоий ва юридик ҳаётда аёлнинг ҳуқуқлари муҳофаза этилганлиги туркий одат ҳуқуқлари ва Сўғддаги мавжуд ҳуқуқнинг умумий томонини ташкил қилади.

VI-VIII асрлардаги Сўғд юридик-нотариал ҳужжатлари Турк хоқонлиги ва унинг таркибига кирган Сўғдда ҳуқуқнинг ривожланганлигини кўрсатади. VII асрларда бу ерда махсус суд-нотариал органлари мавжуд бўлиб, юридик ҳужжатлар гувоҳлар олдида ёзма шаклда тузилиб, муҳр билан тасдиқланган. Қадимги Сўғд подшоларининг ўзлари ҳам кўплаб ер, сув мулкларига эга йирик феодаллар бўлган.

Бизнинг фикримизча, Сўғдда мавжуд бўлган «тўла ҳуқуқли никоҳ» худди Рим ҳуқуқидаги «Сине Ману» никоҳига ўхшаб кетади. Бундай никоҳ шакли ўша даврдаги давлатлар: Рим ёки Сўғдга кўпроқ яқин бўлган Сосонийлар Эронидан кўчириб олинган бўлиши мумкин. Сўғддаги

никоҳ ўзининг фуқаролик ҳолати далолатномаси сифатида, шартнома шаклида, давлатнинг махсус ташкилоти – қонуний ҳаракатларни содир этиш жойида тузилганлиги бу ерда оила ва никоҳ ҳуқуқи ривожланганлигидан гувоҳлик беради. Ушбу ҳужжатларни таҳлил қилиш мамлакатимизда тарихан ташкил топган ва ривожланиб борган ҳуқуқий тизимларнинг бошқа Шарқ мамлакатлари билан умумий қонуниятларга эга эканлиги, бошқа ҳуқуқий тизимларнинг илгор қоидаларини рецепция – қабуллаш ва, ўз навбатида, уларга таъсир кўрсатган, деган хулосага келишга имкон беради.

Тарихий-ҳуқуқий фан, жамият тарихи, археология фанлари ютуқларисиз, уларга таянмасдан ривожлана олмайди. Бунга тарихчи, археолог ва семантик (қадимий тилларни ўрганувчи) олимлар томонидан ушбу ҳужжатларнинг топилиб, илмий жамоатчиликка ҳавола этилганлиги яққол мисол бўла олади.

Турк хоқонлиги одат ҳуқуқларигагина эмас, балки қонунчилик тўпламига ҳам эга эди. Бу тўплам асосан, жиноят ва жазо масалаларини тартибга солган. Шу сабабли оила ва никоҳ қонун ҳужжатлари бир-бирини тўлдириб, ўша даврда ягона ҳуқуқий манбалар тўпламини ва ҳуқуқий тизимни ташкил этган деб ҳисоблашимиз мумкин. Бу фикрнинг исботи учун Хитой манбаларидан Кан ҳақидаги қуйидаги маълумотни келтириш мумкин: “Улар (Кан аҳолиси)нинг оила ва никоҳ ҳамда дафн маросимлари туркларникидан фарқ қилмаган” (Бичурин, 1950. С. 271-280). Бу ҳол арабларгача бўлган даврдаёқ турклар ва сўғдийлар ўртасида қонунчилик ҳамда урф-одатларда яқинлик, умумийлик шаклланганлигини кўрсатади.

Фойдаланилган адабиётлар

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех томах. Т. 11. М.-Л., 1950.

Фрейман А.А., Лившиц В.И. и др. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 1, 3. М., 1962-1963.

Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Юридические документы и письма // Чтение, перевод и комментарий. М., 1962.

Древнетюркский документ из Согды (Предварительное сообщение) // «Эпиграфика Востока». М., 1951.

Исхоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. Бир туркум Сўғд ҳужжатларининг ўзбек тилига таржимаси ва изоҳлар. Тошкент, 1992.

Якубов Ю. Брачные обычаи таджиков в Согде. Душанбе, 2002.

*А. Аҳмедов
(Ўзбекистон)*

ШАМСИДДИН САМАРҚАНДИЙ ВА УНИНГ «АШКОЛ АТ-ТАЪСИС» АСАРИ

Олимнинг тўлиқ исми Саййид Шамсиддин Муҳаммад ибн Ашраф ал-Ҳусайний ас-Самарқандий. Туғилган, вафот этган йиллари, таржимаи холи ҳақида аниқ маълумот сақланмаган. Унинг тўлиқ исмидаги кунясига кўра, у асли Самарқанддан эканлиги кўринади. Фақат у XIII асрда Насриддин Тусийнинг (1201-1274) Мароғадаги расадхонасида ишлаганлиги маълум (Матвиевская, Розенфельд, 1983. С. 422-423). Самарқандий ҳақида баъзи маълумотларни унинг «Ашкол ат-Таъсис» асаридан олиш мумкин. Рисоланинг бошида Самарқандий Насриддин Тусийнинг «Таҳрири Уқлидис» асарини эслатиб, унинг даврида бу асар кенг маълум бўлганлигини айтади. Иккинчи тарафдан, Тусий 1256 йилгача исмоилийларнинг бошлиғи бўлмиш Алоуддин Муҳаммаднинг «Қалъатул мавт» («Ўлим қалъаси»)да асирликда бўлганлиги маълум. «Таҳрири Уқлидис»ни Тусий асирликда 1248 йили ёзган ва у 1256 йили асирликдан халос бўлганидан сўнг асари шуҳрат қозонган. Бундан Самарқандий Мароғада XIII асрнинг иккинчи ярмида ишлаган деган хулоса келиб чиқади.

Самарқандийнинг фалсафа, илоҳиёт, мантик, фикҳ, математика ва астрономия билан шуғулланганлиги маълум. Унинг қаламига қуйидаги асарлар мансуб: «Адолат китоби» (Китаб ал-қистас») 1288 йили ёзилган, «Мантиқ ҳақида нуқтаи назар китоби» (Китаб айн ан-назар фил-мантиқ), «Муҳокама қилиш қоидалари ва ҳар қандай таълим олаётган учун керак бўлган мунозара олиб бориш усуллари ҳақида рисола» (Рисала фи адаб ал-бахс ва туруқ ал-мунозара

аллати йахтаж илайха куллу мута'аллим), «Илохий мактублар» (Ас-саха'иф ал-илахиййа) 1291 йили ёзилган ва 1306 йили шархланган (Brockelmann, 1937-1944. P. 468), «Мубоҳаса ҳақида мулоҳаза» (Айн ан-назар фи 'илм ал-жадал), «Ақидалар» ('Ақоид) (Snter, 1900. P. 157).

Самарқандий фалсафа ва мантиқдан ташқари математика ва астрономия билан ҳам шуғулланган. Унинг қаламига ушбу астрономик асарлар мансуб: «Астрономия ҳақида тазкира» (Ат-тазкира фил-хай'а) (Snter, 1900. P. 157), «Турғун юлдузлар тақвими билан амал» (А'мали тақвими қавакиби сабита) бу асар 1267-1277 йилларга тақвим бўлиб, форс тилида ёзилган ва 1323 йили юнончага таржима қилинган (Sarton, 1950). У қуйидаги математик асарларни ҳам ёзган: «Булулларнинг кўриниши ва ҳисоб навлари ҳақида китоб» (Китаб анва' ас-саҳаб ва анва' ал-ҳисоб), «Асосланган теоремалар» (Ашкол ат-та'сис) бу асар фанга арабча «Ашкол ат-таъсис» номи билан кирган. Муаллифнинг турғун юлдузлар тақвимида бошқа барча асарлари араб тилида ёзилган.

«Ашкол ат-таъсис» рисолаши Шарқда узок муддат давомида кенг маълум бўлган ва XV асрда икки марта шархланган. Биринчи шарх «Шарҳи «Ашкол ат-таъсис»ни Қозизода Румий (вафоти 1430 й.) 1412 йили Самарқанддалигида ёзган. Қозизоданинг бошқа асарлари каби бу шарҳи ҳам кенг қўлланилган ва геометриядан бошланғич қўлланма вазифасини ўтаган. Ундан бироқ кейин шогирди Абул Фатҳ Муҳаммад ал-Ҳодий ҳам ўз шарҳини ёзган.

Самарқандийнинг рисолаши Қозизода Румийнинг ва шогирдининг шарҳлари билан бирга икки марта – 1852 ва 1857 йиллар Истамбулда Ҳожи Али Ризо босмаҳонасида литография усули билан нашр этилган. Ҳозирги кунда дунё кутубхоналарида рисоланинг ўзи, шарҳларининг ва литографик нашрининг нусхалари сақланади. Асарнинг V постулат исботига доир таржимасини Б.А. Розенфельд (Розенфельд, Юшневич, 1961. С. 587-602) ва французча таржимасини Ҳ. Дилган (Dilgan, 1960. P. 191-196) нашр этган.

Асарнинг литографик нашрларидан тўлиқ русча таржимасини амалга оширдик. Таржима жараёнида асарнинг қўлёзмаларидан (ЎЗР ФА ШИ, №№3373-III; 305 б) ва Қозизода Румий ва ал-Ҳодий шарҳларининг қўлёзмаларидан (Санкт-Петербург, ИВ АН Россия, № В 821; Гос. Публ. библ. им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, №№ 133/3, 241/2; ЎЗР ФА ШИ №№6806, 13191) фойдаланилди.

Асарнинг қўлёзма ва нашр нусхаларини солиштириш шуни кўрсатдики, уларнинг матнида деярли фарқ йўқ.

Самарқандийнинг «Ашкол ат-таъсис» асарида планиметрия асослари баён этилади, қисман геометрик алгебра ва арифметика масалалари ҳам кўрилади. Муаллифнинг айтишича, ўз олдига мақсад қилиб «ҳисоблаш илмларига, яъни арифметика, алгебра, геометрия, геодезиянинг исботлаш усулларида бошланғич қўлланма бўладиган рисола ёзишни» қўйган.

Шу мақсадни олдига қўйганидан сўнг Самарқандий Аристотел-Форобий усулига кўра фанлар таснифини келтиради (Хайруллаев, 1967. 215-б.). Самарқандий бу ерда математика фанининг назарий фан эканлигини таъкидлайди: «Математика шундай фанки, унда моддий нарсалар билан иш кўриб, уларнинг моддийлигидан тажридлини керак».

Шундан сўнг 24 та таъриф келтирилади, улар асосан Евклид «Негизлари» I китобининг ҳамма таърифлари, II китобининг 1-таърифи ва XI китобининг 1, 2-таърифларидан иборат. Самарқандийнинг айтишича, унинг қисқа асарида Евклиднинг барча таърифларини келтиришнинг ҳожати йўқ, у келтирган таърифларнинг ўзи кифоя. Бироқ, Қозизода Самарқандийга эътироз билдириб, XI китобдаги икки таърифнинг келтирилишига ҳожат йўқ, чунки рисолада стереометрик масалалар кўрилмайди, дейди.

Самарқандий теоремаларнинг исботлари жараёнида яна бир неча таъриф келтиради. Масалан, ўзининг 28-теоремасини исботлашда у «Негизлар» VI китобининг 5-таърифини келтиради.

Самарқандий бурчаклар, учбурчаклар ва тўртбурчакларнинг тўлиқ таснифини келтиради. Самарқандий келтирган тасниф ва чизмалар Насриддин Тусий «Таҳрири Уқлидис»нинг Рим нашридаги тасниф ва чизмаларга мос келади (Euclidi, 1594). Самарқандий Евклиднинг трапецияга берган таърифини танқид қилади ва уни фақат икки тарафи параллел бўлган тўртбурчак деб таърифлайди.

Таърифлардан сўнг постулатлар келтирилади, улар орасида Евклиднинг V-постулати келтирилмайди. Бу эса Самарқандий аксиоматикани V постулатсиз тузиш тарафдори эканлигини кўрсатади. Самарқандий V постулатни теорема шаклида исботлашга уринади.

Постулатлардан сўнг Самарқандий ўрта асрлардаги Шарқ геометриясига зид ўлароқ аксиомаларни келтирмайди. У аксиомаларни фақат улар ишлатиладиган жойларда келтиради.

Сўнгра муаллиф теоремаларнинг исботига ўтади. Самарқандий рисоласида 35 теорема келтирилган, улар Евклид «Негизлар»ининг 48 жумласини ўз ичига олади. Булар Евклид «Негизлар»и I китобининг 7, 23, 42, 44, 45, 48 жумлаларидан бошқа жумлалари ва II китобининг 1, 2, 4, 5, 6 жумлалари, VI китобнинг 1 жумласидир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII-XVII вв.). М., 1983.
- Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Bd.I-II, Leiden, 1937-1944.
- Suter H. Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke, Leipzig, 1900.
- Sarton G. Introduction to the history of science Baltimore, 1927; repr. 1950.
- Розенфельд Б.А., Юшневич А.П. Доказательство пятого постулата Евклида у Сабита ибн Корры и Шамс ад-Дина ас-Самарқанди: Историко-математические исследования. Вып. XIV. М., 1961.
- Dilgan H. Demonstration du V postulat d'Euclide, Traduction de L'ouvrage Aschkal-ut-Tecsis de Samarkandi par H. Dilgan. Rev. Hist. Sei. Appk., 13, 1960.
- Хайруллаев М.М. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. Ташкент, 1967.
- Euclidi Elementorum geometricorum libri tredecim. Ex traductione doctissimi Nasiridini Tusini nunc primum arabice impressi. Romae, 1594.

У. Уватов
(Узбекистан)

«ИСТОРИЯ АМИРА ТЕМУРА» ИБН АРАБШАХА

Среди письменных источников, относящихся к эпохе Амира Темура и Темуридов особое место занимает фундаментальный труд известного арабского историка Ибн Арабшаха (1398-1450) «Аджаиб ал-макдур фи тарихи Таймур» («Чудеса предопределения в истории Темура»), более известный под названием «История Амира Темура». В отличие от многих сочинений придворных историков той эпохи, труд Ибн Арабшаха является по сути уникальным памятником, объективным и беспристрастным, порой критическим жизнеописанием Амира Темура - создателя сильной, независимой державы на огромной территории. Бывший родом из Дамаска, Ибн Арабшах несколько лет (1401-1408) жил в Самарканде, здесь же получил полноценное образование и был близок ко дворцу Амира Темура, постоянно чувствовал благосклонное отношение правителей. Поэтому, как отмечает сам Ибн Арабшах, в основу его книги легли как личные наблюдения и воспоминания автора, так и рассказы современников Амира Темура, участников его походов, свидетелей многих его дел. Написанный в 1437 г. в Дамаске на арабском языке труд Ибн Арабшаха как один из ценнейших источников эпохи Амира Темура и Темуридов, начиная с XVII века был переведён на французский, латинский, турецкий (весьма сокращённо) и английский языки. Однако, следует отметить, что перечисленные переводы труда Ибн Арабшаха были осуществлены без необходимых научных комментариев, поэтому в научном отношении их нельзя считать полноценными. Впервые осуществлённый нами перевод «Истории Амира Темура» Ибн Арабшаха на узбекский язык, изданный в двух томах в Ташкенте (1992), снабжён научными комментариями. При переводе были использованы Каирское издание (1887) труда Ибн Арабшаха, а также фотокопия рукописи этого сочинения, хранящаяся в фонде Каирской национальной библиотеки.

Глубокое изучение и перевод труда Ибн Арабшаха на узбекский язык позволили выявить немало ценных сведений, характеризующих политическую, социально-экономическую и особенно культурную жизнь Мавераннахра эпохи Амира Темура и Темуридов, оставшихся вне поля зрения исследователей. То обстоятельство, что труд Ибн Арабшаха до сих пор полностью не был изучен, в определённой мере обусловлено, по нашему мнению, отсутствием его

полного перевода на узбекском и русском языках, а также тем, что это произведение написано рифмованной прозой, имеет чрезвычайно витиеватый и сложный стиль, что затрудняло свободное использование его учёными разных специальностей.

Учитывая изложенное и имея ввиду большую научную ценность «Истории Амира Темура» Ибн Арабшаха в изучении истории эпохи Темура и Темуридов, нами осуществлён его перевод на узбекский язык с комментариями и издан в двух книгах (1992).

Книга состоит из введения, исследовательской части, перевода с арабского на узбекский язык текста сочинения, комментариев к переводу, списка использованных источников и литературы, а также указателя имён собственных, географических и топографических названий.

Во введении книги рассматривается традиция создания трудов по историографии на арабском языке, значение этих трудов в истории народов, и в этой связи определяется место и значение «Истории Амира Темура» Ибн Арабшаха.

Исследовательская часть состоит из восьми разделов. Освещается жизнь и деятельность Ибн Арабшаха как историографа, литератора и переводчика. Характеризуется его главное сочинение «История Амира Темура», приводятся сведения о рукописях, изданиях и переводах на другие языки, степени его изученности как источника, стиле изложения, анализируются основные сведения, приведённые в сочинении. Как уже отмечалось, сочинение Ибн Арабшаха является важным источником для изучения не только жизни и деятельности Амира Темура и Темуридов, но и всей эпохи их правления, содержащим ценнейшие исторические, этнографические, географические и другие сведения. В труде Ибн Арабшаха много оригинальных сведений об известных учёных, астрономах, мухаддисах, медиках, каллиграфам, живших и творивших в эпоху Амира Темура и Темуридов. Особую ценность представляют конкретные сведения Ибн Арабшаха о простых искусных мастерах и умельцах того времени, чьим кропотливым трудом и тонким искусством были созданы прекрасные памятники средневековой архитектуры, большая часть которых сохранилась до нашего времени, их грандиозность и великолепие служат наглядным свидетельством великого таланта их создателей. Эти сведения Ибн Арабшаха чрезвычайно важны для историков-искусствоведов, так как подобные факты в других источниках почти не встречаются.

Сообщает Ибн Арабшах и о страсти Амира Темура к большим шахматам, которые он считал хорошим способом для совершенствования человеческого ума и развития мысли. Характерны сведения Ибн Арабшаха о выдающемся шахматисте (мастере большого шатранджа) при дворе Амира Темура Алааддине ат-Табризи, которого историк лично знал. Вместе с тем, автор приводит описание доски «больших шахмат» («шатрандж кабийр») и схемы расположения фигур на ней, что весьма важно для изучения истории шахмат в эпоху Амира Темура.

Так, автор, приводя имена многих учёных, живших в Самарканде в тот период, сообщает важные даты и факты из жизни того или иного учёного. Например, он упоминает о таком крупном учёном, как Саъдаддин ат-Тафтазани, составившем в Самарканде свой знаменитый комментарий к труду известного хорезмийского учёного Абу-л-Касима аз-Замахшари (1075-1144) «ал-Кашшаф». Ибн Арабшах сообщает подлинную, принятую в исторической литературе дату смерти Саъдаддина ат-Тафтазани - месяц Мухаррам 791 г.х. (январь 1389 г.). В «Истории Амира Темура» приводятся сведения о жизни таких крупных учёных, как Саййид Шариф ал-Джурджани (1339-1413), скончавшемся в Ширазе, и Шамсиддине Ибн ал-Джазари (1350-1429), у которых учился сам Ибн Арабшах, когда был в Самарканде. Кроме того, в труде Ибн Арабшаха приводятся имена известных чтецов Корана, музыкантов, каллиграфов, секретарей (катибов), врачей и крупных должностных лиц того времени, а также и лаконичные характеристики многих из них.

Достоверность сведений, приведённых Ибн Арабшахом, обусловлена тем, что автор лично общался с известными историческими лицами и потому рассказывает как очевидец событий и фактов. Например, Ибн Арабшах рассказывает об астрономе Мауляна Ахмаде, который в 808 г.х./1405-1406 гг. говорил ему, «что он произвёл астрономические вычисления на 200 лет». Также являются ценными сведения автора об уйгурской письменности, которой, как он пишет, широко пользовались в тот период на различных уровнях. Одним словом, в труде Ибн

Арабшаха немало ценных сведений, касающихся различной стороны культурной жизни эпохи Темура и Темуридов.

В книге Ибн Арабшаха приводятся разнообразные сведения, характеризующие строительные сооружения эпохи Амира Темура. Он рассказывает о Соборной мечети, ныне известной под названием мечети Биби-ханым в Самарканде, дворцах с великолепными садами, а также о селениях, построенных вокруг Самарканда и носивших названия крупнейших городов Востока - Миср (Каир), Димишк (Дамаск), Багдад, Султанийа и Шираз.

«История Амира Темура» примечательна и обилием фактических материалов о личности самого Амира Темура, его внешности, человеческих качествах, отличительных чертах. Эти сведения считаются весьма важными, так как в других источниках подобные факты не приводятся.

Комментарии к переводу состоят из нескольких частей. Большинство из них относятся к географическим названиям, так как труд Ибн Арабшаха изобилует ими. Следует отметить, что при составлении географических комментариев, широко использованы труды крупных востоковедов, специальная литература, а также известные географические труды арабских и персидских авторов (Йакут ал-Хамави, Ибн Баттута, Хамдаллах Казвини и др.).

В комментариях приведены дополнительные сведения об исторических личностях, сыгравших определённую роль в истории народов Центральной Азии и Среднего Востока. В примечаниях объяснены также политические, социально-экономические и военные термины.

В комментариях особое внимание уделено разъяснению исторических фактов, событий и явлений, при этом широко привлечены арабские, персидские и другие источники, относящиеся к истории Темура и Темуридов. Для того, чтобы яснее представить действительную картину жизни той эпохи, необходимо сравнительное изучение фактов, приводимых различными авторами. С учётом этого важного момента в комментариях к переводу текста особое внимание было обращено на сравнительное рассмотрение фактических данных, приведённых различными авторами.

«История Амира Темура» Ибн Арабшаха - это, без преувеличения, ценнейший источник, который ещё требует своего всестороннего и детального изучения. Особенно интересно и ценно у Ибн Арабшаха описание тех фактов и событий из жизни и деятельности Амира Темура, которые изложены и освещены у персоязычных авторов: Низамиддина Шами, Шарафиддина Йазди и других. Сравнение описания событий в официальной историографии с критическим освещением Ибн Арабшаха часто помогает разобраться в том, как протекали они на самом деле и какое впечатление они произвели на современников.

Вышеизложенные факты наглядно свидетельствуют о том, что «История Амира Темура» Ибн Арабшаха является одним из ценных источников для освещения истории Амира Темура и Темуридов, это подтверждается тем, что в настоящее время сведениями Ибн Арабшаха широко пользуются учёные разных специальностей.

U. Uvatov - The “History of Amir Temur” by Ibn Arabshah

The fundamental work by Ibn Arabshah “Adjab al-makdur fi tarihi Taymur” (History of Amir Temur) occupies a special place amongst the written sources of the period of Amir Temur and the Temurids. It’s translation into Uzbek by the author of this article in 1991 and subsequent study has enabled the characterisation of many elements concerning the social, economic and cultural life of Maverannahr during this period. It includes information about famous scientists, doctors, calligraphers, master craftsmen, architectures and about Amir Temur himself.

Bert G. Fragner
(Austria)

**HOW TO WRITE HISTORIES OF LITERATURE?
THE IMPACT OF DAWLATSHAH SAMARQANDI'S TAZKIRAT
ASH-SHU'ARB (1487) ON LATER ATTEMPTS TO DESCRIBE THE
HISTORY OF EASTERN LITERATURE"**

1. "Orientalism": European perceptions of the "East"

Since early modern times, in European literature there is a fair amount of examples of literary reception of what became famous as "Oriental" subjects borrowed from Central Asian or Middle Eastern authors and poets, or following simply any kind of allusions to that part of the world. Philipp Marlowers "Tamburlaine" may be mentioned in this connection, and also the text-books to some of Mozart's famous operas – as, for instance, the "Entführung aus dem Serail" and the "Magic Flute", the latter containing a lot of themes referring directly to ancient Egyptian and Iranian mythology – sometimes one may get the impression that Mozart's imagination of Free Masonry (to which the Magic Flute was obviously devoted) must have been very similar to Manichaean liturgical rituals, nothing to say about the fact that the high-priest called Sarastro reminds everybody immediately of the creator of Avesta, i.e. Zaratushtra.

Still until the time being, "Der West-Östliche Diwan", a collection of German lyrical poetry written by Johann Wolfgang von Goethe in the early nineteenth century, remains unique. Until Goethe, no Western poet had put up the challenge of entering an immediate poetic dialogue with authors not only having lived centuries ago but, also having belonged to an entirely different cultural background, obeying poetic and aesthetic patterns which were not at all those of a Central European poet of the post-baroque spiritual world of humanism and enlightenment. This is not the place to underline Goethe's admirable ability of deep understanding of the structures, the "spirit" and the poetics of Oriental lyrical traditions. Even superficial inspection will prove that Goethe, in his famous "Diwan", has dealt mainly with and reflects mainly the works of classical Persian poets, and there is evidence in abundance of modern contemporary interest mainly by intellectuals of Middle Eastern and Central Asian origin in Goethe's manifold ways of finding almost empathic access to the deeper knowledge of Persian poetry, and particular to the oeuvre of Hafiz-i Shirazi and Mawlana Jalal ad-Din Rumi (or Balkhi, respectively).

Anyway – this paper will not deal further with Goethe himself, nor with his oeuvre. I aim rather on raising the quest for the person who made Goethe acquainted with his "East" and particularly with the kind of classical Persian poetry which had inspired Goethe so deeply.

**2. Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall – the "Father"
of Oriental Studies in Austria**

This person was an otherwise not at all unknown scholar of Austrian origin having been employed in diplomatic and later in administrative service by the Habsburgian state all over his life: Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall. He was born in a semi-rural environment in today's Austrian South-East, the province of Styria, in 1774 (so we understand therefore that he was an early compatriot of Arnold Schwarzenegger!). Following his father's outspoken intentions, he entered in Vienna, the Habsburgian metropole, the so-called Imperial Academy of Oriental Languages, at the age of fifteen years. From 1789 until 1797, he spent eight years of his youth at this Academy where he was trained, among others, in his linguistic proficiency of Arabic, Persian and Turkish – which meant to an Austrian at that time first of all "Ottoman Turkish".

It deserves to gain some deeper understanding in the particular structures of training at the Vienna Academy of Oriental Languages, at the end of the eighteenth century.

The second Ottoman siege of Vienna (1683) had passed by, victorious for the Habsburgs, thanks to multiple support from various Christian powers, and among them, first of all to the Polish army under king Jan III, Sobieski. In the following decades, mainly under military leadership of Prince Eugene of Savoy, the Austrians could not only strongly fortify their military positions in confronta-

tion with the Ottomans in South-East Europe but, also on the political and above all, the diplomatic stage. Gathering informations and intelligence activities were therefore of essential necessity in the late seventeenth and the eighteenth centuries' "Great Game" (I beg your permission for this comparison!) between the Habsburgs and the Ottomans: Anyway, this was really a "Great Game" and would deserve such a denomination thoroughly – not only referring to these two empires but, having had its immediate effect on the whole European political playground of that period involving Spain and France (the latter as an important ally of the Ottomans), Poland and Lithuania and, in a later phase, Russia and Sweden.

Up to Prince Eugene, intelligence business was mainly restricted to the military sector, and here it was by far based on the linguistic permeability of the South-Slavic speaking subjects both in Habsburg and Ottoman services, not to forget the mutual activities of Hungarian insurgents against Habsburgian rule over the lands of St. Stephen's Crown, and moreover, Greeks, Albanians and even Armenians.

As, since the beginning of the 18th century, Habsburgian activities against and towards the Ottomans became more and more diversified, the character of collecting informations also started to gain new shapes and methods. In this connection, one important consideration has to be done: *In toto*, the Ottomans may have had a greater number of individuals of Western origin at their disposal who were well familiar with Western languages, standards and styles of living, and general conditions of countries situated West to Ottoman border-lines on European soil. Ottoman society was structural much more open in its ability to pick up immigrants from the West, to host renegades and neophytes who brought all their cultural experiences from earlier phases of their lives with them, and in many cases offered themselves with readiness to the concerned Ottoman authorities. There might have been a lack of permeability in the direction of the other way round: Particularly in the non-military fields, Habsburg intelligence might have much less relied on such pragmatic connections as the Ottomans were in a situation to do. Anyway, it happened as early as in 1674, that a certain Giovanni Battista Podestò got licenced to teach Oriental languages in Vienna, even outside the until then strictly maintained environment of Vienna's university – the "Alma Mater Rudolphina". Eighty years later, the Empress Maria Theresia signed the founding document for a highly specialized "Academy of Oriental Languages" young Joseph Hammer attended to about twenty-five years later.

We do not yet know all details about the curriculum the institution Hammer-Purgstall (as he was named due to a legal process of formal adoption) received his training throughout a period of studies not less than eight years. But, there are some statements to be done.

At this academy, language training was a condition sine qua non. May be not by didactic methods but, by aims teaching of Oriental languages was very "modern" or, at least, efficient at that time: A scholastic perception of grammar was accompanied by thorough studies of mainly classical literature – poetry and prose – and, of cameralistic texts which enabled successful students to gain deep insight in bureaucratic and institutional aspects of Ottoman administrative bodies, at any level. Moreover, a deep conviction about higher education within the own culture should also coin the king's way to understanding Ottoman civilization: Based on the idea that a sound and well-educated understanding of internal European was to be grounded on an all-encompassing humanistic education, the graduates of the Vienna Academy of Oriental Languages were expected to learn all aspects of Ottoman cultivated upper-class ways of life through an analogous eye-glass. When Hammer-Purgstall stepped, after his graduation 1797 first time on Ottoman soil as a so-called "Sprachknebe" (literally: a "language-boy") at the Austrian legation in Constantinople, he had passed a thorough scholarly training in all aspects of Ottoman culture as it was perceived and understood by the academic institution in Vienna – including language training.

Which language? What was "the" language of the late eighteenth-century Ottoman Empire, at least according to the understanding by the authorities of the Vienna "Oriental Academy"? They followed a concept which was perceived to be the linguistic base of the Ottoman societal elites: the so-called "elsine-i selase" – the "Three Languages". This concept was probably corroborated by Ottoman social evidence, by far. Its aim was obviously that, for understanding and mastering the highest degree of linguistic raffinedness among the Ottoman dominant social layers, "fasih dil" or "fasih

Туркце” was an indispensable tool – a language based on elementary Turkish structures but by far enriched by and composed of Arabic and Persian elements. In fact, for practising this highest and most elitarian level of Ottoman Turkish a certain standard education in Arabic could not be avoided. This went even more for a sound knowledge of literary Persian which was mainly to be learned by studying classic Persian literature, and first of all poetry. Some observers may have gone even as far as to proclaim a hypothesis according to which this high level of literary Ottoman Turkish was not anymore to be regarded as a variety of Turkish but rather as an artificial offshoot of literary Persian (including a high percentage of Arabic vocabulary) in some kind of Turkish disguise.

By applying Edward Said's concept of “Orientalism” to this very specific situation, one may argue that it might have been particularly those people of the Viennese Academy of Oriental Languages who had, step-wise, developed a generalizing pattern of “Islamic-Oriental culture” which was modelled along their concrete ideas about and perceptions of the Ottoman Empire and its socio-cultural conditions. I try to follow the consequences of this mode of interpretation employed by the Hammer-Purgstall-like style of learnedness but, we shall then also try to design an alternative way of interpretation.

Let us, provisionally, summarize: In his early age of fifteen years, young Hammer-Purgstall had entered an enormously pragmatic institution in imperial Vienna, the “Academy of Oriental Languages” (or, usually abbreviated as “Oriental Academy”) which turned out later on as the so-called “Konsular-Akademie” the immediate successor of which is nowadays the “Diplomatische Akademie”, a twentieth and twenty-first centuries institution of world-wide high reputation designed for the education of professional diplomats from anywhere in the world. The primary aim of this institute of very specialized learning was to train experts for a deep understanding of various humanistic aspects of Ottoman socio-cultural life, the main didactic means of which was to instruct their adepts in highly refined practical linguistic skills by studying literature – Turkish and Arabic, and in the field of belle lettres, also the works of Persian poets which at least according to the conviction of the authorities of the Academy did serve as an undisputable model for any literary production in Ottoman Turkish.

There cannot be any doubt about the fact that Hammer-Purgstall did internalize this conviction without any reduction. A recurrent and tragic aspect of the rest of his life was coined by the fact that throughout his life, he did not anymore concentrate on nurturing his career as a bureaucrat in Habsburg's services – as foreseen by his educators and by the educating institution – he was obviously, since a very early phase of his life as an expert in Middle Eastern affairs, deeply fascinated by the scholarly aspect of his education at the Academy. After his graduation, he saw his own success as a learned scholar in Oriental Studies as the real and spiritual coronation of his career as a bureaucrat and by far as superior to any administrative position – on which he nevertheless relied heavily, by existential reasons, and also by his demand for social prestige, in Austria.

After eight years of profound studies and perception of “the” Orient (which, as seen from an Austrian perspective, was more or less entirely an “Ottoman Orient”) he was eventually sent to the region the knowledge of which was his most moving incentive for all this time: in the year 1797 he was detached to Constantinople as a “Sprachknabe” – an attaché – at the service of the Austrian legation to the Ottoman court. Within only a short time, he communicated with all important Orientalist representatives of the world of learning of his time, in Constantinople, started gathering a respectable collection of Oriental manuscripts and early prints, and dived deeply into this new “World”. He left his official location – Constantinople – in favour of accompanying the British seafarer Sir Sidney Smith on board of the “Tiger” in fighting the French maritime forces under Napoleon's command. After his return to Constantinople, another permanent fight started which he never could really overcome: Whilst he turned out to be an excellent scientific networker having had correspondence with a respectable number of important Orientalist scholars of his time – among them, above all, Silvestre de Sacy in Paris but, also the Polish/Austrian scholar and expert for Arabian philology Count Rzewuski and many others – he saw himself soon as a target and even victim of various intrigues played against him within the cameralist system of Habsburgian state administration. Until 1807 he served as Consulate General in today Romanian Jassy but was called back to Vienna in the same year. Some

years later, more or less on his own risk he managed to repatriate a great number of manuscripts which were carried to Paris by Bonapartist troops, thanks to his deep embeddedness within the world of learning, at that time. This was not immediately honoured by the Austrian authorities who employed him eventually only as “Hofdolmetsch” and a “Kanzleirath” from 1811 onwards without having made him a serious and ordinary member of the cameralist system. Throughout the following decades, he should remain to be judged as politically suspicious by many representatives of the ruling layer, in Austria, because of his personal and very emotional inclinations toward literature and historical research, from the side of Metternich's apparatus of political control and censorship notwithstanding the fact, that he also enjoyed Metternich's personal grace, to a certain, and limited extent. The reason for this apparently paradoxical situation may have been rooted in Metternich's possible conviction that Hammer-Purgstall was politically seen rather naïve than really suspect.

Furthermore, Hammer-Purgstall never refrained from adhering to his romantic ideals of humanistic scholarship and learnedness, and therefore he continued both: literary activities as an author but, also and particularly in the field of literary criticism and literary history which was – in his view – tightly connected with above all Persian philology (obviously more than Arabic and Turkish), and research in history what meant to him mainly studies in the history of the Ottoman Empire to which he devoted his ten volumed opus magnum “Die Geschichte des Osmanischen Reiches”. This was later accompanied by a two-volumed history of the Ilkhans of Persia.

What made him so valuable to Goethe were, among others, a number of important works: The six volumed *Fundgruben des Orients* (literally “the mines of Oriental culture”), the first full German translation of Hafez's Divan, and the *Geschichte der schönen Redekünste Persiens*, an all-encompassing historical description of Persian poetry and literature, including an anthology of translations of important specimens of literary texts – thus an important forerunner of scholars like Hermann Ethé, E.G.Browne, E. Bertels and Jan Rypka – an important point I shall return to because it is the main topic of this paper!

German translations of the Arabic Diwan of al-Motanabbi and the Turkish one of the Ottoman poet laureatus Baqi followed, accompanied by a huge anthology of Ottoman Divan poetry. His last years he devoted to a German translation of the Tarikh-e Vassaf, the first volume was published still at his life-time, whilst the rest had fallen into oblivion until the Seventies of the last century when his manuscript was rediscovered.

Being kept outside the sacred territory of Vienna's university throughout life-time, and at the same time remaining suspicious within the frame of the Metternichian bureaucratic system of control and supervision, Hammer-Purgstall invested many years of his life and a fair amount of energy into a project which served his (modest) critical and scholarly intentions as well as his desire for academic recognition: Together with a number of friends, and more, and sometimes less sympathetic intellectuals and bureaucrats of the time he supported intensely the idea of the foundation of an Austrian “Imperial Academy of Sciences” which came into existence in the year 1847, but just one year before the the Great European Revolution of 1848. It must have been a great feeling of satisfaction as he was eventually appointed its first President.

It was mainly the “Fundgruben”, not to forget his translations of Hafez's Divan furthermore the “Geschichte der schönen Redekünste Persiens” (“the history of Persian fine literature”), which contained a huge amount of translations of Persian poetry. If we take into account that in the first half of the nineteenth century German was, together with French, the foremost language of learnedness in Europe, his translations rendered a still yet uncalculable service to the understanding and to the popularity of Persian poetry in the European public, of his time.

The literary quality of his productions were not at all really number one. A good generation later, Friedrich Rückert – a student of his – was in a situation of developing this knowledge much further by his own literary and artistic potential whilst Hammer's translations do not really survive until our days, as literary productions. But there cannot be any doubt that he was the one carrying the first time the message of incomparability and uniqueness of Persian poetry, into the Western world.

There remain some critical remarks to be done:

Notwithstanding his pragmatic training during his early youth and the fact that he had regarded

himself as a practical Orientalist relying strongly on his own eye-witness which he gained during his stay in the Ottoman Empire (mostly on European soil) we have to take into account that he had never spent any time in Iran proper. Hammer-Purgstall did never trespass the Iranian borders, and he did not even spend “an hour among the Persians”, nothing to say about a year, like E.G. Browne. It is therefore not a weak argument to take into consideration that what he transmitted to Goethe was not really an immediate perception of Persian authors and poets but, rather the result of a complicated filtering process exacted by the complexity of Ottoman culture, at his life-time.

As for studying Hafez's poetry, he had access to the huge Turkish commentary on Hafez's Divan by the great Bosnian scholar Sudo-i Bosnevo from Sarajevo which, curiously enough, remained widely unknown in Iran until the rather recent publication of its Persian translation in Iran, much more than a century-and a-half after Hammer-Purgstall. Persian poetry was in toto well embedded into the cultural mental furniture of highly educated Ottoman subjects, and this was precisely what Hammer-Purgstall was prepared to meet before he went to Constantinople, and this was it what he perceived throughout the following years of his stay and, after that, until the rest of his life.

This had long-time consequences in the world of learning, mainly in Europe.

Oriental Studies in Europe had a strong tradition in being closely attached to Christian theology, already throughout centuries. Untying Oriental Studies from theological activities was a strong incentive to many representatives of this field of learnedness, in many European countries, among others also in Germany. The great scholarly model was obviously the development of Oriental Studies in France due to the foundation of the *École spéciale des langues orientales vivantes* in Paris, and the leading figure of identification and integration in this field was Silvestre de Sacy. At the very beginning of the nineteenth century, within the lands of German language and culture Hammer-Purgstall was, without any doubts, a leading and almost popular figure in the field of Oriental Studies, mostly due to his translations. But there were obviously two different programmatic paths of overcoming with the traditional pattern of understanding Oriental Studies as somewhat like auxiliary *ancillae* to theology and Bible Studies: Hammer-Purgstall thus combining romanticism with the bureaucratic pragmatism by which he was coined due to his academic education perceived the study of literature, i.e. poetry and artistic prose-writing as a basic requirement of understanding alien cultures. Mastering linguistic skills was to him therefore first of all an instrument in approaching literature and literary monuments which he assumed to be the main prerequisite to develop a humanistic understanding of Islamic Culture which was to him more than anything else Ottoman culture.

Therefore he took over the undisputed model for studying the history of Persian literature, Dawlatshah Samarqand's *Tazkirat ash-shutarar* as the basic structure for his *Geschichte der schönen Redekünste Persiens* and coined by this way an until recently still operating model for the authors of the main histories of Persian literature, like Hermann Ethé, Bertels, Machalski, Arberry, E.G. Browne, Rypka, and even Zabihollah Safa!

3. Dawlatshah Samarqandi and his meaning to Hammer-Purgstall

In some respect, Dawlatshah was a strong innovator in perceiving history and the historical traditions of the literature of Central Asia, Iran, the Caucasus and India. This was not at mere random: As early as in the ninth century a literary movement came into existence which the American historian Marshall G. Hodgson would have characterized as an “Islamicate literature”.

The author of the apparently oldest Persian *Tazkira* was Muhammad `Awfi from Marv who wrote his *Lubab al-albab* in the early 13th century. The next person to pick up this particular literary model was Dawlatshah from Samarqand whose *Tazkirat ash-shutarar* was compiled and finished in the year 1487. What is or was a *Tazkira*? It is the combination of two hitherto independent literary genres to be found more or less everywhere in the so-called classical period of Islamic culture: the biographic compilation and the anthology. The idea was that the author of a *Tazkira* started collecting a number of poets, tracing back their life-times and presenting a number of what the *muzakkir* perceived to be their best verses. From the 16th century onward, the *Tazkira* turned out to become a very successful literary genre, not only in the Persian speaking realm of the Islamic Lands but, also in various Turkic languages and later on even in the languages of Indian Muslims, as, e.g., Urdu, Sindhi, Panjabi and Bengali. *Tazkires* in languages like Pashto or Kurdish have also found some popularity. There are

Tazkiras with rather literary character, and others which concentrate rather on the biographical aspects but, the ideal Tazkira is, until today, supposed to be balanced by showing both aspects, in equivalence.

In my view, it was not by mere chance that the Tazkira gained popularity from ca. 1500 onward. This was the period in which obviously many intellectuals and literati became aware of the fact, that Persian literature from the Islamic East has shown more and more different features, from early classics (what was later named as “Khorasani”-styled poetry versus “Iraqi”-styled verses, and in post-Mongol times (since the middle of the thirteenth century) new poetic styles came into existence. The so-called Timurid style resembled by far what was called “Indian”-styled poetry. And it deserved more and more to show various examples from different times and ages. In due course, the *Tazkira* became a more and more fashionable kind of literary text.

It deserves to be mentioned that the person to whom Dawlatshah has dedicated his famous work was Mir `Ali-Shir Navro, who is, by the way, mentioned *expressis verbis* in Dawlatshah's work. Moreover, Navro did not hesitate to write a *Tazkira* himself: His *Majlis al-mur minon*, another masterpiece in the realm of book-writing, contained – as it goes almost without saying – also Dawlatshah's name. The *Tazkira* remained by far to be first of all a Persian feature, until, in Ottoman Turkey this phenomenon became remarkable too. It goes without saying that also in the Ottoman Empire this literary genre gained wide distribution as its translation into Ottoman Turkish proves. Under the title *Safinetush-Shurara* this Ottoman text was even printed in the Ottoman Empire, in the year 1843. If we take into consideration how popular Navro used to be over centuries among Ottoman intellectuals and learned peoples, it appears quite plausible that Samarqand's text must have been wide-spread all over the lands of the Ottoman emperor.

These explanations make clear that Hammer-Purgstall although he never had a possibility of visiting Samarqand became nevertheless well acquainted with Samarqand's *Tazkira* when he stayed in Constantinople in the first years of the nineteenth century, in Austrian diplomatic service.

Soon after his return to Vienna, he compiled his *Geschichte der schönen Redekünste Persiens* in German. For a long time there was a prejudice to be found everywhere among Orientalists that this first history of Persian literature was nothing else than a German adaptation of Samarqand's Persian original. This is obviously due that most Orientalist researchers in our time do not anymore read German as a scientific language sufficiently. Moreover, Hammer-Purgstall's oeuvre was mostly perceived as more or less outdated, particularly his studies on Oriental literature. We thank the literary criticist Nima Mina from the School of Oriental and African Studies, who pointed out to the fact that Hammer-Purgstall did by far not simply copy Dawlatshah Samarqand's text from 1487 but, gave the textual material an entirely new and historical structure. This was quite obviously the reason for the fact that, throughout the nineteenth and even early twentieth centuries many specialists in Persian and Turkic literatures followed the pattern of Hammer-Purgstall's as given in his “*Redekünste*”. In an indirect way, Dawlatshah Samarqandi is therefore to be positioned at the very beginning and in an early phase of a strong Western tradition of how to compile and write the history of Persian, and eventually Oriental literature in general. In fact, we may argue that there was a chain of tradition from Dawlatshah via Navro who made Dawlatshah popular not only in Central Asia but, also in Iran and in the Ottoman Empire. And it was there, in the Ottoman Empire, where about three-hundred years later the Austrian diplomat Hammer-Purgstall picked up this tradition and transferred it into the realm of Western learnedness.

4. Hammer-Purgstall's position among German Orientalists

From the side of some of his German scholarly colleagues, he was strongly criticized because they postulated as the main program for the then “new” Oriental Studies an entire orientation according to the model of Classical Philology.

Heinrich Friedrich von Diez (1815) was the very first to lay harsh criticism on Hammer-Purgstall blaming him for his poor philological capabilities, according to his high scholarly expectations. But, these expectations were still guided against Hammer-Purgstall's intentions to establish Oriental Studies as a discipline of its own right, not anymore bound to theological activities which were the accurate field of the Protestant theologian Diez. In fact, Hammer-Purgstall replaced Diez's demand for the

study of Hebraic and Arabic in order to accompany bible studies, by introducing his understanding of literature and the combination of this item with cameralistic aspects, in order to write Oriental history, which to him was mainly literature and history understood as coined by Ottoman culture. This is the immediate background to Hammer-Purgstall's polemic that he postulated the "Three Languages" of the Ottomans, the *elsine-i selase*, to function as the future back-bone of the meaning of "Oriental", instead of "the traditional combination of Hebraic, Khaldaic, Aramaic, and Arabic" as he put it into his own wording. This was, by the way, also the program of the "École sp̄ciale" in Paris, and it seems at a first glance that Hammer-Purgstall had followed the French model, successfully.

Anyway: the second important critic did not anymore insist on maintaining the theological character of Oriental Studies but, required the methodic and systematic skills of Classical Philology referring to Oriental languages which in his view Hammer-Purgstall did master only poorly, if at all: Heinrich Leberecht Fleischer. Fleischer blamed him, similarly to Diez, for his philological weaknesses but, not anymore withstanding the Paris model; contrary. He blamed him for his lack in philological proficiency in the sense of this new model.

Things got even more complicated: Friedrich Schlegel, and his brother August Wilhelm Schlegel intended the establishment of Sanskrit in Oriental Studies at German universities. Hammer-Purgstall's model was therefore challenged by two serious scholarly frontiers: by the Semitist wing which rooted in Diez and became transferred into modernity by those Fleischer stood for; and by the Indian, Indo-Europeanist and, in the long run, Iranist challenge as well.

Hammer-Purgstall's model resembled in many respects his romantic and retrospective understanding of humanism as it was not untypical among Austrian intellectuals under Metternich's reign, in the imperial centre. In terms of belles lettres this position is represented as best by Franz Grillparzer who was, before 1848, a strict enemy of any kind of then modern nationalism, according to his famous saying "Der Weg der neueren Bildung geht von Humanit̄t iber Nationalit̄t zur Bestialit̄t".

Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall's concept of a cultural world coined by the interaction of the "Three Languages" fits perfect as the Ottoman reflection of Grillparzer's imagination of the eve of Habsburgian Central Europe in which Metternichian oppression and practised lack of freedom challenged the rise of nations in their fight for independence and emancipation. Hammer-Purgstall's imagined Orient can obviously in many respects been interpreted as an imagined "parallel-action" to his home-country.

Nevertheless, his positions found a number of immediate or indirect followers, even until our days! It is first of all those who stand for a concept rooted in cultural history who stand willingly or unwillingly in Hammer-Purgstall's tradition. According to them, it is not "Islam" which can be regarded as the base of the territories of "Islamic Culture" but, rather a complex system of socio-cultural elements which shape the basic structure of this macro-unit in a global-history perspective, which we call the "World of Islam" just because of lacking a better fitting term. Marshall G. Hodgson, by coining the concept of "Islamicate Cultures" is clearly a representative of the latter's position, and thus an immediate heir of Hammer-Purgstall's position.

But there is one important point: Since Hammer-Purgstall gained his personal and pragmatic vision of his imagined "World of Islam", this greater unit was, in his imagination, by fare modelled after the Ottoman reality as he had it experienced and interpreted throughout the couple of years he spent on Ottoman soil. To Hammer-Purgstall, Hafez was therefore not so much a representative of a particular Iranian culture but, much more part of the cultural and spiritual furniture of Ottoman life-style, of the eighteenth and nineteenth centuries.

As representatives of a strong contrast to this position, we may perceive those scholars who insist on an "Iranian" character being the basic element in defining main characteristics of the larger cultural field within which Iran is to be subsumed, since early times. As we easily can understand, this perception is entirely alien to Hammer-Purgstall's ideas of "the Orient". These various and different and until today rivalizing positions in mapping mentally the Iranian World within larger territorial units take their offspring in the later and critical understanding of Hammer-Purgstall's early concept as he had learned it at his student's days at the Vienna Academy of Oriental Languages.

It deserves to be aware of the roots of this kind of "thinking the Orient", some of them to be found

in Hammer-Purgstall's eminent contributions to learnedness. His look on Iranian culture was permanently filtered by his personal experience of Ottoman conditions. As a good symbol, Hammer-Purgstall's gravestone in Weidling, an idyllic village close to Vienna, may serve: This stone was, according to his personal orders and designs, manufactured by Ottoman craftsmen and then shipped along the river Danube, to Vienna. By far, it resembles Ottoman tombstones. At the stonemason's side, we find inscriptions in seven European languages. The facing inscription bears a Muslim standard text, followed by poems from Baqi, Hafez, and al-Mutanabbi. Anyway: The Turk and the Arab are represented by only one poem each but, Hafez has two! To summarize: At this monument, Hafez is perceived as important but, as an integral part of an altogether entirely Ottoman arrangement!

Can there be an additional model serving as an explanation of his sight of the setting as he had perceived it at the beginning of the nineteenth century?

As I had proposed in my booklet about "Persophonia" some six years ago, it might be attractive to perceive the seventeenth and eighteenth centuries Ottoman Empire not so much as a coining element but, as a coined one. It might have been rather an already peripheral part of a greater Persophone world of stable cultural communication, based among others on the permeability of usage of the Persian language as a means of global communication on one hand, and the transcontinental acceptance of the aesthetic values transported and transmitted by Persian poetry, from Bosnia in the West via the Caucasus, the Iranian Highlands, until the Subcontinent in the South-East and Central Asia in the East, on the other hand. If we take this model as reasonable, at least, it might be plausible to understand Hammer-Purgstall as the then contemporary interpreter of this kind of "Persianate" culture which was not yet submerged by the development of early manifestations of what should later on become stabilized as modern perceptions of national cultures, in Turkey, in Iran, in Turkey, and in the Central Asian republics.

In this case Hammer-Purgstall's view of the area beyond the Ottoman borders toward the lands of Asia would not be anymore to be marked as "Ottomanist". Instead of this interpretation, I offer also the possibility that he may have followed rather a "Persianate" concept of understanding the Ottoman Empire, perhaps only unconsciously. In this case, his message to Goethe would have been much less "Orientalist" than some of us may have assumed, at a first glance. If there might be something about this aspect to remain as a matter of consideration, I leave this to further scholarly and intellectual discussion.

*Ali Ghopur
(China)*

SAMARKAND IN UYGHUR CLASSIC DOCUMENTS

Samarkand was mentioned as one of the ancient cultural centers in central Asia for the first time in "Diwan Lugat Turk". Since then, it has been widely recorded as a center of culture, religion and crafts in Uyghur classic works in recent centuries.

Since 999AD, the history of Samarkand and Kashgar has mixed together. With the changes of world political map and borders of countries, the cultural exchange between Samarkand and Kashgar had gradually reduced.

In Uyghur classic works, Samarkand was described in two different ways: center of culture (science, trade, religion, crafts) and symbol of love. Therefore, Uyghur people shows their adoration by going to Samarkand for studying, religious education, trading, craftsmanship and visiting the mosque, scholars and graves. On the other hand, the apple of Samarkand was symbolized to the sense of aestheticism, beauty and passion for love.

Uyghur classic works that Samarkand was mostly and detailedly mentioned included historic works such as Tarihi Rashidi, "Tarihi Shah Mahmud Juras", "Tarihi Kashgar", "Tarihi Hamidi", "Tarihi Aminiye", "Tarihi Wakia Kashgar", religious and social - works such as "Tazkira'i Azizan" "Tazkira'i Afak Khoja", literature works such as "Historical Works of Uyghur Classics" and legends, love stories, autobiographies.

The similarity in language writing, tradition, psychological condition, habits and customs absorbed lots of scholars, businessmen and passionate lover. Samarkand met their material and spiritual needs as a cultural center.

According to the authoritative works "Tarihi Kashgar", "Tarihi Hamidi", the scholars and common people gathered in Samarkand and Buhara or in Kashgar for academic exchange if there was any uneasiness or turmoil. The scholars in Samarkand and Central Asia came to Kashgar, the "Second Buhara", if a new emperor who is well-educated has the throne in Kashgar.

From the end of 15th to the middle of 20th centuries, the scientists and religious scholars enhanced, even consolidated the friendship between the two nations and cities by their academic and cultural exchanges.

From 1934 to November, 1936, total of 307 students were sent to Central Asian countries, including Samarkand city, for studying by the Xinjiang local government for the first time, 46% of whom were Uyghur students. They all made great contribution to the development of modern Uyghur culture; after returning back. Therefore, role of Samarkand in Uyghur culture should not be ignored in the cultural exchange

In summary, there is one more important reason that; should not be ignored except the strong economic and cultural exchanges between two areas. That is the similarity in culture. The inevitable connection in history, geography, economy, culture, etc. has caused the mutual psychological dependence of two nationalities naturally,

*3. Раҳмонкулова
(Ўзбекистон)*

СЕЙДИ АЛИ РАИСНИНГ “МИРЪОТУЛ МАМОЛИК” АСАРИ БУХОРО ХОНЛИГИ ВА УСМОНИЙЛАР ДАВЛАТИ ЎРТАСИДАГИ СИЁСИЙ АЛОҚАЛАРНИ ЎРГАНИШДА МУХИМ МАНБА СИФАТИДА

Ўрта Осиё хонликлари билан Усманийлар давлати ўртасидаги ижтимоий-сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқалар узоқ тарихга эга. Улар доимо бир-бирлари билан узвий алоқалар олиб бориб, тарих ришталарини мустаҳкам боғлаб турганлар. Айнан ана шу тарихий алоқалар натижаларини давлатлар ўртасидаги ижтимоий-сиёсий ва маданий муносабатларни манбалар асосида атрофлича ўрганиш ва уни боғлаб оммага етказиш бугунги куннинг муҳим ва долзарб вазифалардан бири ҳисобланади.

XVI асрда ўзбек давлатчилигидаги Шайбонийлар сулоласи Усманий султонлар билан ўзаро муносабатлар ўрнатиб, душманларига қарши биргаликда кураш олиб борганлар.

Усманийлар султони Салим I (1512-1520)нинг Бухоро хонлиги билан иттифоқ тузиш ҳаракатлари элчилик алоқаларининг ривожланишига ижобий таъсир кўрсатган.

Бухоро хонлиги ва Усманийлар султонлари ўртасидаги сиёсий алоқалар тарихига оид бир қатор манбалар бизгача етиб келган. Шулардан бири Сейди Али Раиснинг “Миръотул мамолик” (Мамлакатлар кўзгуси) асаридир. Сейди Али Раис XVI асрда яшаб ижод этган турк муаллифидир. У Ўрта Осиёга “Котиби Румий” номи билан танилган. Сейди Али Раис географияга оид “Мухит” асарининг ҳам муаллифидир (Крачковский, 1957). Шунингдек, у Али Қушчининг асарларини ҳам турк тилига таржима қилган ва уни танитган. Сейди Али Раис Усманийлар давлати ҳарбий денгиз флотининг асосчиси, назариячиси ва машҳур турк адмиралидир. У 1548 йилда Усманийлар султони Қонуний Султон Сулаймон (1520-1566) нинг Эронга қилган ҳарбий юришларида, 1552 йилда Кипр жанглирида ҳам қатнашади. Сейди Али Раис шу жангларда кўрсатган катта ҳарбий маҳорати туфайли Қонуний Султон Сулаймоннинг чексиз ҳурматиغا сазовор бўлиб, кейинчалик Ҳалаб султони қилиб ҳам тайинланади (Азимжонов, 1963. 8-б.)

Сейди Али Раис Миср командири қилиб тайинланиб, Португалиянинг Сувайш каналидаги флотига қарши курашиш учун юборилади. Аммо жангда турк флоти мағлуб бўлиб, у қолган кемалари билан Шимолий Ҳиндистонга боради. Сейди Али Раис Ҳиндистонда бўлиб,

Захириддин Муҳаммад Бобурнинг ўғли Хумоюн Мирзо билан учрашган (Абдуллаев, 1999. 185-б.). Сейди Али Раис Синд, Панжоб, Афғонистон, Ўрта Осиё, Хуросон, Озарбайжон ва Эрон орқали йўл босиб, тўрт йиллик машаққатлардан сўнг, 1556 йилда ватанига етиб келади ва “Мирьотул мамолик” асарини ёзади.

1555 йилда Сейди Али Раис Сангардак тоғидан ошиб Шаҳрисабзга, сўнгра эса Самарқандга келганлиги ҳақида ёзади. У Наврўз Аҳмадхон (Бароқхон) билан ҳам учрашади. Наврўз Аҳмадхон Сейди Али Раисга Усманийлар султони Қонуний Султон Сулаймон бир қанча ўқчилар ва қалъа тўплари юборганлиги ҳақида айтиб ўтади.

Сейди Али Раис бу асарида мамлакатдаги сиёсий вазият, Абдулатифхоннинг вафоти, Бухоро тахтини эгаллаш учун олиб борилган курашлар тўғрисида маълумот беради. Асарда Наврўз Аҳмадхон Самарқанд, Шаҳрисабз, Бухорони эгаллагани ва Шаҳрисабзда бўлиб ўтган жангда турк аскарларининг бир неча бошлиқлари ҳалок бўлганлиги ҳақида ҳам тўхталиб ўтилади.

Қонуний Султон Сулаймон 1551 йилларда Абдулатифхонга Аҳмад Човуш орқали маълум бир миқдордаги ўқчи ва отлиқ аскар юборган (Budak, 1995. 82 с.). Улар етиб келганида мамлакатни Наврўз Аҳмадхон бошқармоқда эди. Наврўз Аҳмадхон ҳокимиятни қўлга киритган, Қонуний Султон Сулаймонга Абдулатифхон (1540-1551)нинг вафот этганлигини ва Истанбулдан 300 та ўқчи ва отлиқ аскарларнинг етиб келганлигини маълум қилиб, элчи юборади.

Наврўз Аҳмадхон Сейди Али Раисга кетишига рухсат беради ва у билан бирга Аҳмад Яссавий авлодидан бўлган Садри Олам Шайхни элчи қилиб жўнатади. Наврўз Аҳмадхон кейинроқ 1556 йилда элчиси Қутлуғ Фулодий орқали жўнатган мактубида Бухорони эгаллагани ҳақида ёзади ва Сафавийларга қарши юриш учун ёрдам сўрайди (Kilis, 1999. 530 с.). Лекин Усманийлар давлати Сафавийлар билан 1551 йилда Амасия шартномасини имзолагани учун ёрдам қила олмаслигини билдиради. Усманийлар султони агарда Сафавийлар Ўрта Осиёга ҳужум қилгудек бўлса, бунга ҳам қарши эканлигини маълум қилади. Эрон -Усманийлар муносабатлари шох Таҳмасп (1525-1576)нинг вафотига қадар дўстона давом этади.

Сейди Али Раис Самарқандда Абу Мансур Мотурудий, Хожа Аҳрор қабрларини ва Шоҳи Зиндани зиёрат қилади. Зарафшондан ўтиб Гиждувонга келади ва Абдухолиқ Гиждувоний қабрини ҳам зиёрат қилиб, Бухоро шаҳрига келади. Бухорода ўн беш кун бўлиб, Баҳовуддин Нақшбандий, Чорбакр, Сайид Мирқуллол, Исмоил Сомоний, Ҳазрати Айюб, Хоразмда эса Паҳлавон Маҳмуд, Нажмиддин Кубро, Замахшарий қабрларини зиёрат қилади.

Сейди Али Раиснинг “Мирьотул мамолик” асари XVI асрдаги Ўрта Осиё тарихига оид сиёсий, иқтисодий, элчилик алоқалари, географик, этнографик маълумотларни берувчи муҳим манбадир. “Мирьотул мамолик” асари Бухоро хонлиги ва Усманийлар давлати ўртасидаги сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқаларни ўрганишда муҳим манба вазифасини ўтайди.

Фойдаланилган адабиётлар

- Крачковский И.Ю. История арабской литературы. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1957.
Азимжонова С. Сейди Али Раис ва унинг “Мирьотул мамолик” асари ҳақида. Тошкент, 1963.
Абдуллаев Ф. Маърифат фидойиси. Шарқшунослик. 1999. 9-сон.
Сейди Али Раис. Мирьотул мамолик. Тошкент, 1963.
Budak M. Osmanli – Ozbek iliskilerini baslanisi // Avrasia etyudlari. 1995. N4.
Kilis R. Osmanli-Ozbek iliskileri (1530-1555). Nurk Kulturi, sayi 437. 1999. XXXVII.

XIX АСРНИНГ БИРИНЧИ ЯРМИГА ОИД ХОРИЖ МАНБАЛАРИДА САМАРҚАНД

Аввалги асрларда бўлганидек, XIX асрда ҳам Ўрта Осиё давлатлари, жумладан, Бухоро амирлигига Россия ва Европадан турли элчилик миссиялари, ташкил қилинган сайёҳлар ташриф буюриб турган. Уларни Ўрта Осиёнинг табиий географияси, йўллар, сув манбалари, аҳолининг урф-одатлари ва бошқа кўплаб маълумотлар қизиқтирган ҳамда улар ўз ҳисобот ва сафар кундаликларида ушбу масалаларни қайд қилиб борганлар. Биз ушбу мақолада XIX асрнинг биринчи ярмида Бухоро амирлигига ташриф буюрган А. Борнс ҳамда Е.К. Мейендорфларнинг асарларида мавжуд бўлган Самарқандга оид маълумотларни таҳлил қиламиз (Мейендорф, 1975; Борнс, 1850).

Е.К. Мейендорф Россия империясининг расмий элчилик миссияси таркибида 1820 йилда, А. Борнс Ост-Индия савдо кампаниясининг вакили сифатида, 1831-1833 йилларда афғон савдогари қиёфасида, жосуслик мақсадида Бухоро давлатига ташриф буюрган.

Бевосита Самарқанд хусусида маълумот тўплаш мазкур муаллифларнинг мақсадида кирмаган бўлсада, улар ўз асарларида Самарқанд ҳақида ҳам баъзи маълумотларни келтириб ўтишган.

Е.К. Мейендорф ўз асарида дастлаб Миёнқол воҳасидаги шаҳарларни санаб ўтиб, сўнгра Самарқанд хусусида тўхталади. Унинг ёзишича, Миёнқол воҳасида Кармана, Пайшанба, Зиёуддин, Хатирчи, Каттақўрғон, Янгикўрғон, Қаршиқелдикўрғон, Челак шаҳарлари жойлашган. Булар бекликларнинг марказлари ва йирик аҳоли масканлари бўлиб, муаллиф уларни шаҳарлар сифатида қайд қилади. Унумдор ерда жойлашган мазкур шаҳарлар анча кенг ҳудудларни эгаллаган бўлиб, бадавлат ўзбеклар бу шаҳарларда ўз уйларига эга бўлишган ва у ерларга улар ёзда ўз чорваларини боқиш мақсадида борганлар (Мейендорф, 1975. 90-бет).

Е.К. Мейендорфнинг таъкидлашича, Бухоро хони ҳар йили Самарқандга ташриф буюрган. Аслида бу даврда Бухоро ҳукмдорлари амир унвони билан юритилган. Ҳукмдорлар тахтни эгаллаши учун дастлаб Самарқанддаги кўктошга ўтказилиши лозим бўлган. Бу мовий тусли, тўртбурчак шаклдаги мрамартош бўлаги бўлиб, ўша пайтда Мирзо Улуғбек мадрасасида жойлашган. Унинг устига оқ кигиз қопланган. Хонни ушбу кигизга ўтказиб, тўртала бурчагидан уламо, фуқаро, фузало ва саййидлар ушлаб уч марта кўтаришган. Ушбу маълумот ўта муҳим бўлиб, ҳукмдорни тахтга кўтаришда аҳолининг барча асосий табақаси вакиллари қатнашганлиги, жумладан, қуйи қатлам ҳисобланган фуқаро вакиллари ҳам четда қолмаганлигини кўрсатади. "Айтишларига қараганда, ушбу тошдан махсус тахт ясашга уринишлар ҳам бўлган. Кўктош Ғозғон тоғидан қазиб олинган" (Мейендорф, 1975. 90-бет).

Манбада қайд қилинишича, XIX асрнинг биринчи чорагида Самарқандда 50 мингга яқин аҳоли истиқомат қилган. Бу ердаги масжид ва мадрасалар Бухородагиларга нисбатан чиройлироқ бўлиб, уларга оқ мрамардан ишлов берилган. Амир Темурнинг ушбу қадимий қароргоҳидан унча узоқ бўлмаган жойда мрамар кони топилганлигини қайд қилар экан, муаллиф Самарқанддаги иншоотларнинг олд қисми Бухородаги сингари кошинкор сирпарчинлар билан қопланганлигини ҳамда аҳолининг фикрига таяниб, Самарқанд кошинлари Бухородагига нисбатан гўзалроқ эканлигини таъкидлайди (Мейендорф, 1975. 90-бет).

Амир Темур ва Темурийлар замонида бунёд этилган Самарқанд обидалари бутун дунёга машҳур эди. Уларнинг узоқ асрлар мобайнида сақланиб қолганлиги муаллифни ҳайратга солган. У Амир Темурнинг яшма тошидан ишланган қабри Самарқандда ҳалиям мавжудлигини, мазкур шаҳардан Улуғбек расадхонаси қолдиқлари бесамар қидирилаётганлигини қайд қилар экан, Темурийлар цивилизацияси ўзбекларнинг варварлиги қаршисида чекиниши муқаррар эканлигини таъкидлайди (Мейендорф, 1975. 90-бет). Гарчи, Шайбонийларга нисбатан муаллиф варварлар сифатида ёндашган бўлса-да, аслида, ўзбек ҳукмдорларининг аксарияти илм-фан ва бунёдкорлик ҳомийси бўлганлиги тарихдан маълум.

Умуман, муаллифларнинг амирлик шаҳарлари, хусусан, Самарқанд шаҳри ҳақидаги маълумотлари бир-бирига унчалик тўғри келмайди. Жумладан, Е.К. Мейендорф Бухоро давлатида кўплаб йирик шаҳарлар мавжуд бўлганлигини, уларнинг орасида Самарқанднинг алоҳида мавқега эга эканлигини таъкидласа, А. Борнс Бухоро давлатида 150 минг аҳолига эга бўлган пойтахтдан бўлак йирик шаҳарлар мавжуд эмаслигини, Самарқанд ва Балх аллақачон аҳамиятсиз провинциал шаҳарлар даражасига тушиб қолганлигини, 10 минг аҳолига эга бўлган Қарши шаҳри эса аҳамияти жиҳатидан улардан ўзиб кетганлигини таъкидлайди (Борнс, 1850. 265-бет).

Самарқанд атрофидаги шаҳарларни тасвирлар экан Е.К. Мейендорф Самарқанддан шимолда доимий тарзда кучли қўшинли гарнизонлари бўлган Ўратепа, Зомин ва Жиззах фортлари (кальалари) ҳамда Жом, Қоратепа ва Янгиқўрғон шаҳарлари жойлашганлигини қайд қилади (Мейендорф, 1975. 90-бет). Аслида Жом ва Қоратепа шаҳарлар тоифасига кирмаган.

Муаллифнинг таъкидлашича, Самарқанддан шарқда, Зарафшон дарёси бошланишига яқин жойда кичкина Фан шаҳарчаси жойлашган. Маҳаллий аҳолидан олган маълумотларига таянган Е.К. Мейендорф Зарафшон дарёси Қорақўлга қадар бирорта ҳам кўл ҳосил қилмаслигини, бу эса араб географларининг маълумотларига зид эканлигини, ушбу дарё бўйлаб Фулғор, Муғиён ва Каштут шаҳарлари жойлашганлигини ёзади (Мейендорф, 1975. 90-91-б.). Албатта йирик қишлоқларни "шаҳар" деб атаганда муаллиф адашган.

Е.К. Мейендорф маълумотларига кўра, ўша кезларда Самарқанднинг шимолдан оқиб ўтувчи дарё (Зарафшон) Кувондарё деб аталган. Ўзининг қуйи оқимида ушбу дарё иккига бўлиниб, шимолий ўзани Вобкентдан ғарб томондаги далаларга сингиб кетган. Бухоро яқинида Зарафшон дарёси жанубга бурилиб, Амударёга 40 чақирим қолганда Қорақўл кўлини (Денгизкўл) ҳосил қилган. Кичик каналлар орқали ундан оқиб чикувчи сувлар Чоржўйга қадар етиб борган (Мейендорф, 85-бет). Мазкур каналлар орқали далалар суғорилганлигига асосланиб, ўша кезларда Денгизкўл чучук сув манбаига эга бўлганлиги ҳақидаги хулосага келиш мумкин.

Муаллифнинг қайд қилишича, Самарқанддан жанубда Ургут, Панжикент, Урмитан, Қоратепа ва Катилас шаҳарлари жойлашган. Қарши ёки Нахшаб қамраб олган ҳудудига кўра, анча йирик шаҳар бўлиб, у асосий савдо йўлида жойлашган. Ҳиротдан ёки Кобулдан келадиган карвонларнинг бир қисми Қаршида тўхтаб, шу ердан Бухорони четлаб ўтиб, Самарқандга йўл олганлар (Мейендорф, 91-бет).

Бухоро мамлакатининг ғарбий қисмида ўрмонлар мавжуд эмаслиги боис қурилиш ашёлари борасида ва кемасозликда доимий қийинчилик юзага келиб турган. Манбаларда қурилиш учун ишлатиладиган ёғоч Самарқанд атрофидаги тоғли ўрмонлардан олинганлиги қайд қилинади.

Самарқанд атрофидан оқиб ўтувчи дарёлар хусусида А. Борнс ҳам маълумот бериб ўтади. Унга кўра, Самарқанд дарёси (Зарафшон) ўзининг қуйи оқимида Окс (Амударё) тарафга тўғри бурчак остида оқади, аммо дарёгача етиб бормади. Самарқанднинг жанубидан оқиб ўтувчи ва Қарши вилоятини суғорувчи учинчи дарё (Қашқадарё) ҳам шундай хусусиятга эга (Борнс, 222-223-бет).

Муаллифнинг қайд қилишича, муҳимлиги жиҳатидан Сирдарёдан кейинги дарё бу Кўҳак ёки Зарафшон дарёсидир. "У Самарқанд шарқидаги баландликлардан бошланиб, Самарқанд ва Бухоронинг шимол тарафидан оқиб ўтади ҳамда Қорақўл ҳудудига бориб кўл ҳосил қилади. Одатда бизнинг хариталаримизда акс эттирилганидек, у Оксга қуйилмайди. Мазкур дарё ўзининг юқори оқимида ҳосилдор Самарқанд музофоти ерларини суғоради, сўнгра бу шаҳардан қуйида, Миёнқолда дарё суви каналларга ажралади ва бу шоли етиштиришга имкон беради. Ҳар йили уч ёки тўрт ой мобайнида Бухорода дарё ўзани қуриб қолади, шу даврда мазкур шаҳар ва ундан қуйидаги мамлакат катта қийинчиликни бошдан кечиради, чунки уларнинг сув таъминоти айнан шу дарё билан боғлиқ. Кўҳак суви қуйиладиган кўл Денгиз деб аталиб, у ўта чуқур ва аҳолининг таъкидлашича йил давомида суви мутлақо қамаймайди" (Борнс, 231-232-бет).

Муаллиф ўз асарида Бухоро давлатининг маҳаллий аҳоли томонидан 9 та табиий ва маъмурий-сиёсий бўлақларга бўлиниши қабул қилинганлиги, уларнинг орасида Самарқанд

бешинчи ўринда туриши ва унинг бешта тумандан иборат эканлигини қайд қилади (Борнс, 223-224-бет).

Шунингдек, манбада Самарқанддан 60 мил жанубда Қарши жойлашган бўлиб, у қўшни Шаҳрисабз вилоятдан оқиб келувчи дарё (Қашқадарё) томонидан ташкил топган воҳа эканлиги ва ушбу дарё суви билан суғорилиши қайд қилинади (Борнс, 224-б.). Муаллиф келтирган маълумот тахминий бўлиб, аслида Самарқанддан Қаршига қадар бўлган масофа 140 км.ни ташкил қилади.

А. Борнс ўз асарида Бухоро ва Самарқанднинг табиати ва мусаффо хавоси хусусида ҳам тўхталиб ўтади. Унга кўра, бу ерда осмон хамиша мусаффо, оч зангори тусда бўлиб, ҳеч қачон булутлар бўлмайди. Тунлари сомон йўли яққол чарақлаб туради, юлдузлари ғайритабиий шуъла сочади ва ҳатто тўлин ойли тунларда ҳам горизонтнинг энг четидаги юлдузларни бемалол кўриш мумкин. Бу астрономик кузатишлар олиб бориш учун ўта қулай ажабтовур мамлакат эканлигини эътироф этар экан, муаллиф машҳур Самарқанд расадхонаси бу борада катта имкониятларга эга бўлганлигини таъкидлайди (Борнс, 229-бет).

А. Борнс ўз асарида бу ерларда шакар ўрнини босувчи ажойиб шакарсимон модда мавжудлигини, у таранжабин (шакар янтоқ) деб аталиб, туя озукаси, яъни хори шўтур бутасидан ажралиб чиқишини, август ойи охирида мазкур бута гуллаган пайтда унинг остига мато ёйиб, қоқиб олишларини, унинг Қарши ва Самарқанд яқинидан кўп миқдорда йиғиб олиниши ҳамда ушбу ўлкада истеъмол қилинадиган барча ширинликлар ва мурабболарга ишлатилиши ва четга ҳам олиб чиқилишини қайд қилади (Борнс, 241-б.). Бу ерда ҳам муаллиф адашган кўринади, чунки таранжабин аслида янтоқдан олинади.

Хуллас, кўриб чиқилган манбаларда келтирилган Самарқандга оид маълумотлар унча кўп бўлмаса-да, улар муҳим аҳамиятга эга. Мазкур маълумотлар ҳудуднинг ўрганилаётган даврдаги тарихий географияси, топоним ва гидронимлари ҳамда аҳолининг урф-одатларини ўрганишда қимматли манба ҳисобланади. Фақат ушбу манбаларда келтирилган маълумотларни танқидий таҳлил қилиш орқалигина кўриб чиқилаётган давр манзарасини тўғри акс эттириш мумкин. Айниқса, манбаларда келтирилган шаҳарлар аҳолисининг нуфузи хусусидаги маълумотлар нисбий характерга эга. Чунки у даврда статистик маълумотлар олиб борилмаган. Шунга қарамасда, мазкур манбаларни уларга замондош бўлган маҳаллий манбалар билан қиёслаб ўрганиш мазкур давр хусусидаги тарихий билимларни бойитишга хизмат қилади.

A. Yakshiyev - Samarkand in Foreign Sources of the first half of the 19th century

This paper is based on the works of E. K. Meindorph and A. Burnes and concerns the investigation of Samarkand in the 19th century. These works describe the population of the city, its ethnic structure and its specific constructive features. It also includes a historico-geographical description of the Samarkand oasis.

Б. Йўлдошев
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНДДАГИ ЖАДИД АДАБИЙ ҲАРАКАТИДА ҲОЖИ МУЪИННИНГ ТУТГАН ЎРНИ ҲАҚИДА

Маълумки, XIX асрнинг охири ва XX аср бошларида қадимги Мовароуннахр минтақасида жадидчилик ҳаракати авж олган эди ва бу тушунча ўша давр сиёсий ва маданий ҳаётида мустақкам ўрин эгаллади. Мазкур давр жадидчилик таълимоти ўзбек адабиёти намояндаларидан Бехбудий, Ажзий, Авлоний, Ҳожи Муъин, Мунаввар Қори, Фитрат, Васлий ва тожик адабиёти намояндаларидан Айний, Асирий, Мирзо Сирож, Иброҳим Журъат кабиларнинг ижодида ўз аксини топди. Аммо энг муҳими шундаки, жадидчилик ҳаракатининг бу вакиллари асосан Самарқандда, қисман Бухорода фаолият кўрсатдилар ҳамда Зарафшон воҳасида тил, маданият, санъат, адабиёт равнақига муносиб ҳисса қўшганлар. Ана шундай вакиллар орасида Ҳожи Муъин Шукуруллаев ҳам алоҳида ўрин тутди.

Маърифатпарвар шоир ва журналист Ҳожи Муъин 1883 йилда Самарқанд шахрининг

Рухобод маҳалласида хизматчи оиласида дунёга келган. 12 ёшида ота-онасидан етим қолган бўлажак маърифатпарвар дастлаб эски мактабда, кейинчалик мадрасада таҳсил кўрди. 1903 йилдан ўзи очган янги усул мактабида ўқитувчилик қила бошлади. У “Самарқанд” газетасида (1913-1914), “Ойна” журналида (1914-1915) адабий ходим бўлиб ишлаган ҳамда Самарқанд журналистикаси, матбуоти ривожига сезиларли ҳисса қўшган. 1914 йилда ёш шоирнинг “Гулдастаи адабиёт” номли шеърини тўплами нашр этилади. Шундан кейин у кўпроқ драматургия ва театр санъати билан қизиқади. Ҳожи Муъин Нусратулло Қудратулло ўғли билан ҳамкорликда ёзган тўрт пардали “Тўй” пьесаси ўша даврда жуда катта шон-шухратга эга бўлди. 1915 йилда унинг “Янги мактаб ва эски мактаб” номли уч пардали пьесаси ҳам сахна юзини кўрди. Хотин-қизлар ҳаётига бағишланган тўрт пардали “Мазлума хотин” пьесаси 1916 йилда яратилган бўлиб, бир неча йиллар Тошкент ва Самарқанд театрлари сахнасида тушмай келди. Шуниси эътиборлики, Ҳожи Муъиннинг “Мазлума хотин” пьесаси 1920 йилда машҳур археолог олим В.Т.Вяткин томонидан рус тилига таржима қилиниб, ўша йили Самарқанддаги рус театрида ҳам намойиш этилган. Унинг бир пардали “Кўкнори” деб номланган сахна асари ўша даврда жадиличлик, маърифатпарварлик ғояларини халқ онига сингдиришда алоҳида аҳамиятга эга бўлди.

Ҳожи Муъин 1916 йилда мардикорликка олиниб, Сибирга юборилади, у ерда бир неча йил машаққатли ҳаёт йўлини босиб ўтади. Маърифатпарвар шоир ва драматург Ҳожи Муъиннинг октябр тўнтаришигача ёзган бир қанча шеърлари, публицистик мақолалари “Ойна”, “Самарқанд”, “Туркистон вилояти газетаси”, “Вақт”, “Шўро” (Оренбург), “Таржимон” (Қрим), “Насриддин” (Боку) каби матбуот нашрларида эълон қилинган ҳамда жадиличлик, маърифатпарварлик ғояларининг жаҳон бўйлаб кенг қулоч ёйиши учун хизмат қилган эди. Ана шу далилнинг ўзиёқ Ҳожи Муъиннинг маърифатпарварлик ва жадиличлик фаолияти нақадар кенг қамровли бўлганлигини кўрсатади.

Маълумки, 1918 йилдан Самарқандда “Меҳнатқашлар товуши” номи билан ҳозирги “Ўзбекистон овози” газетаси нашр этила бошланган эди. Ана шу газетанинг дастлабки сонларини чиқаришда маърифатпарвар журналист Ҳожи Муъиннинг алоҳида хизматлари бор. Шунга кўра, биз Ҳожи Муъинни ўзбек журналистикасининг асосчиларидан бири дейишга ҳар жиҳатдан ҳақлимиз. Шунингдек, Ҳожи Муъин 1922 йилда “Зарафшон” газетасининг, 1924 йилда “Машраб” ҳажвий журналининг нашр этилишига ҳам асос солганлардан бири саналади. Шу йилларда Ҳожи Муъин ташаббуси билан Самарқандда “Овози тожик” номли тожик тилидаги газетани нашр этиш йўлга қўйилган. 1926 йилдан бошлаб у “Мулла Мушфиқий” номи билан ҳажвий журналнинг нашр этилишига ҳам бош-қош бўлган.

Кузатишлар шуни кўрсатадики, Ҳожи Муъиннинг ўша даврларда матбуот саҳифаларида 300 дан ортиқ фелъетон, ҳажвий шеърлари, хабар ва мақолалари, саёҳатномалари эълон қилинган эди. Бу асарлар Ботурбек, Таёқ, Машраб, Мулла Жунбул, Дамдузд сингари йигирмага яқин маҳфий таҳаллуслар билан эълон қилингани учун уларни тўплаш, саралаб ва қайта нашр этиш иши ҳозирги кунга қадар мушкул муаммолигича қолиб келмоқда. Ана шу эзгу иш амалга оширилса, ўзбек журналистикаси тарихини, Самарқанддаги жадиличлик тарихини янада кенгроқ ва чуқурроқ ўрганиш соҳасида муҳим қадам бўларди.

Ҳожи Муъин 20-30-йилларда мамлакатимизда маърифатпарварлик ғояларини тарғиб қилиш, ёш шоир ва журналистларни тарбиялаш соҳасида ҳам жуда катта ишларни амалга оширган. У катта ёшдаги кишиларнинг саводини чиқариш учун “Ўқитувчи” деб номланган алифбо-қўлланма ҳам нашр эттирган эди. Бу асар 1923 йилнинг ўзидаёқ ўн беш минг нусхада чоп этилган ва мамлакатимизда катта ёшдаги кишиларнинг саводини чиқаришда муҳим аҳамият касб этган эди.

Шундай қилиб, маърифатпарвар шоир, драматург, журналист, Самарқанднинг асл фарзанди Ҳожи Муъиннинг серқирра фаолиятини чуқурроқ ўрганиш 20-30-йиллар ўзбек адабиёти, драматургияси, журналистикаси, маданияти, маорифи, умуман, жадиличлик тарихининг янги очилмаган қирраларини аниқлашга имкон яратади, деб ҳисоблаймиз.

*Д.А. Алимова
(Узбекистан)*

МАХМУДХОДЖА БЕХБУДИЙ И ЕГО САМАРКАНДСКИЙ ЖУРНАЛ «ОЙНА»

В жизни известного просветителя и политического руководителя национально-прогрессивного движения джадидизма Махмудходжа Бехбудий сплелись и отразились все перипетии джадидской мысли XIX - начала XX столетия, стремившейся к поискам «рационального мировоззрения», критически проверявшей все учения и выстрадавшей свой особый путь развития. Его феномен - это не просто литературный и просветительский, а звено историко-философского развития. Нельзя сказать лучше, чем сказал старейший востоковед Л. Азиззода ещё в 1926 г: «Если в Узбекистане следует увековечить третье лицо в науке и культуре после Навои и Улугбека, несомненно, это должен быть памятник Бехбудий» (Маориф ва ўқитувчи. 1926. № 2).

Эти слова по праву ставят Махмудходжу Бехбудий в ряд величайших гуманистов и мыслителей Востока, какими были Улугбек и Алишер Навои. Но Бехбудий значителен не только и не просто как деятель науки и культуры, он был причислен по своей значимости к этому рангу ещё и потому, что мыслил, как и они - в мировом масштабе. Он сумел спроектировать будущее своей родины и, если его проекцию наложить на современную концепцию развития Узбекистана, то будет целый ряд важнейших точек соприкосновения.

В натуре и деятельности М. Бехбудий, человека, несомненно, талантливого во многих отношениях, прожившего всего 45 лет, сочетались высокий уровень знаний, стремление применить свои силы для просвещения народа с предприимчивостью, трезвым расчетом в практических навыках. Это не просто теоретик просветительства и его устный пропагандист, это практик, создавший по всему Туркестану целую систему практического распространения знаний. Он владел собственным издательством, названного в честь его отца «Нашриёти Бехбудия», целой сети книжных магазинов в Бухаре, Коканде, Намангане, Ташкенте, Андижане, Самарканде, причем в Самарканде магазин располагался в его же собственном доме. Библиотека «Бехбудия» была открыта им в русской части Самарканда. Она была не просто библиотекой в ее современном понимании, а библиотекой-магазином, где посетители могли купить книги, изданные в Стамбуле, Египте, Бейруте, Казани, Бахчисарае, Баку, Оренбурге, Иране, Индии, Афганистане, Петербурге и, конечно же, в Туркестане (Бехбудий, 1914). По свидетельству современника эта библиотека после смерти М. Бехбудий стала самой большой библиотекой в Туркестане по обилию в ней ценных книг и библиографических редкостей (Наука и просвещение. 1922. № 1). Здесь можно было приобрести разные издания Корана и хадисов, книг по различным научным направлениям на фарси, турки, арабском и русском языках, а цены были установлены гораздо ниже обычных. Организация такого импорта книг из разных стран требовала широких материальных возможностей, международных связей, предприимчивости и деловитости.

Но, главным детищем М. Бехбудий был журнал «Ойна», который является ярчайшим памятником его идей и кипучей деятельности. Первый номер журнала вышел 20 августа 1913 г. и издавался до 1915 года. Журнал выходил еженедельно, объем каждого номера был в пределах 24 страниц. С 47-го номера начали помещаться фотоиллюстрации. Они в большинстве своем воспроизводили архитектурные памятники Самарканда и пункты остановки путешествия М. Бехбудий, имелись также несколько фотографий Исмаила Гаспринского. Примечателен внешний вид журнала. Он удобного формата и имел традиционный для чтения шрифт арабской графики. Супербложка и последние страницы отведены для рекламы и информации на русском языке. Название же на обложке дано на четырех языках: узбекском, таджикском, арабском и русском: «Ойна», «Кузгу», «Миръат», «Зеркало». Что же это такое «Ойна»? Махмудходжа Бехбудий отвечает: «Зеркало — это то, в чем человек видит себя, получает представление о собственном облике. Красный или желтый, черный или белый цвета, превалируя в

нем, являются результатом какого-то физического или душевного состояния... И человек начинает искать пути воздействия (на свое здоровье)... (Ойна, 1913. № 1). Но этого мало, ибо истинным зеркалом человека является другой человек. Дружба - зеркала друг друга. И только человеку дано искусство создавать зеркала (Ойна, 1913. № 1. С. 25). В стихах кокандца Махмудходжи Ризаи-заде, посвященных «Ойна», значение журнала для людей выражено так:

Ты зеркало, в котором видим мир,
Ты путеводитель для тех, кто ищет путь.
Твои слова о различных науках —
Знания, лучи в сердцах людей.
Глаза мира стали зрячи, взглянув в тебя, ибо
Ты попугай красноречия для простого народа,
Ты зеркало Александра Македонского, ты - сама необходимость.
Ты — цель тех людей, кто стремится к совершенству
(Ойна, 1913. № 1. С. 13).

В идее создания «Ойна» Бехбудий опирался на опыт своих учителей. Известно, что и И. Гаспринский до издания газеты «Гаржимон» издавал листки под названием «Мирьоти жадид» — «Новое зеркало», а Кори Абдурашид Ибрагимов в 1902-1909 гг. издавал журнал реформистско-регионального толка «Мирьот-Кузгу», в Азербайджане в 1910 г. издавался художественный журнал под таким же названием (Бальдауф, 1913. № 21).

В том, что название журнала дается на нескольких языках выразилась языковая концепция М. Бехбудий, считавшего, что необходимо знать иностранные языки и для обучения, и для развития науки и культуры, и для всего прогресса. Недаром в первом же номере журнала была помещена его статья «Икки эмас, тўрт тил лозим» (Ойна, 1913. № 1. С. 13).

В первом номере журнала после программной статьи «Туркистон», написанной на узбекском языке, следующая по значимости статья «Ойна чист?» — («Что такое зеркало?») публикуется на таджикском языке. Ряд фундаментальных просветительских статей М. Бехбудий, философских, публицистических статей А. Фитрата, Мирзо-зода, Ходжи Муина, публикации из других печатных органов, корреспонденция с информацией из разных точек края и зарубежья на таджикском языке имеются в каждом номере журнала. Например, «Чугрофия чист?» («Что такое география?») — Бехбудий (Ойна, 1913. № 2. С. 20), «Хаёт ва ғояи хаёт» («Жизнь и идея жизни», можно перевести и как «Существование и идея жизни»), «Манфаат» - («Благо» или можно перевести: польза, выгода) - А. Фитрата (Ойна, 1913. № 4, 6, 8 и др.); Мирзо-зода публикует большое исследование «Илм ва тараккий» («Наука и прогресс») (Ойна, 1914. № 17. С. 313), «Жавоб ва масъалаи мактаб» («Ответ на вопрос о школе») - Ходжи Муина (Ойна, 1913. № 7. С. 182), «Дар дунё чи қадар халқанд?» («Сколько в мире людей, народов») (Ойна, 1913. № 4. С. 98).

Показательно и письмо студентов - туркестанцев, обучавшихся в Индии. Они благодарят редакторов «Вақт» Фатиха Карими и «Ойна» Махмудходжу Бехбудий за присылаемые газеты и журналы: «Студенты из Бухары и её окрестностей, не владеющие тюркским языком, нуждаются в информации с Родины на языке фарси» (Ойна, 1914. № 51. С. 1225).

Некоторые исследователи считают, что «Ойна» был запрещен после года издания. Однако, еще в 49-ом номере редакция предупреждала своих читателей о том, что журнал закрывается из-за финансовых затруднений, сокращения числа подписчиков. В беседе с Г. Андреевым он признается: «В прошлом году я насчитывал 300 подписчиков, а к началу второго года издания их осталось только всего 200. Да и то больше всего подписчиков дает Фергана (более 100), наша Самаркандская область около 50. Таким образом, мне пришлось терпеть на первых порах лишь одни убытки» (Андреев, 1915). Далее слова Бехбудий объясняют и другие моменты, по причине которых выход журнала был затруднен — это необходимость экономии, а также отсутствие подходящих сотрудников в журнале. «Я сотрудничаю исключительно один» (Андреев, 1915), — жаловался М. Бехбудий. Не исключено, что переутомление и нездо-

ровые также вынудили редактора сложить с себя обязанности. В журнале отмечалось, что М. Бехбудий страдает неврологическим и желудочным заболеваниями. Естественно, это было следствие больших умственных перегрузок. Г. Андреев тоже отмечал желтый болезненный цвет лица собеседника, его больные глаза.

Еще одной причиной решения М. Бехбудий закрыть журнал могло быть чрезмерное давление цензуры. Журнал подвергался «чистке» военным цензором. В одном из последних номеров редакция помещает объявление, в котором объясняет задержку выхода журнала из-за цензуры (Ойна, 1914. № 49. С. 1165). Но сколь кратко бы ни издавался «Ойна», он сделал свое дело, став рупором идей Бехбудий. Если в начале своей деятельности он был одинок, то уже к 1913 г. он имел мощную поддержку в лице педагогов джадидов Самарканда, Бухары, Коканда, Ферганы, Ташкента и многих других городов Туркестанского края, родителей учащихся, передовых людей Турции, Индии, арабских стран, России, помогавших ему периодическими изданиями, книгами. Это был мощный источник сил для 39-летнего М.Бехбудий, прилагавшего невероятные усилия по выпуску журнала.

Изучая содержание «Ойна», мы пытались проверить правомерность высказывания Г. Андреева о том, что Махмудходжа Бехбудий издавал журнал «Ойна» несколько юмористического характера. Однако большинство статей сатирического и публицистического плана, как правило, носят проблемный характер. Вместе с тем, последующие слова просветителя, по воспоминаниям Г. Андреева, объясняют многое, обнаруживая мудрость тактики М. Бехбудий.

«Сущность взглядов журнала аналогична с прекратившейся газетой «Самарканд». Но путь к свету я здесь избрал другой. И из обличительной тактики перешел на сатирическую, юмористическую, думая, что злым смехом можно больше пробрать, чем бранью и громкими словами проповеди» (Андреев, 1915).

О высокой популярности журнала свидетельствуют письма и телеграммы, направляемые сюда и посвященные самым разным сторонам жизни. Например, в 51-ом номере «Ойна» за 14 апреля 1914 г. были опубликованы письма российских мусульман из Казани и Бухары, студентов, обучающихся в университете Индии, свидетельствующие о широком диапазоне распространения журнала. Но письма свидетельствовали и о том, что общество просыпается, в них была просьба продолжить издание журнала. Значит журнал занял большое место в духовной жизни своих современников.

Темы журнала разнообразные: экономика, политика, культура, наука. Первая статья 1-го номера называется «Туркистон» и принадлежит перу М. Бехбудий. Для современного историка несомненный интерес вызовут определения автора относительно древних географических границ Осиеи Васат (Средняя Азия) и Турон-замин (Земля Турана).

Охарактеризованы и общественно-политические структуры Туркестана, даны названия вилютов, уездов, данные переписи населения за 1902 г. Публикации журнала классифицируются по тематике и жанру на научно-познавательные: «Что такое география?», «Обсерватория Улугбека», «Земля», «Солнце», «История и география»; литературные (ознакомление читателей с литературой других народов, заимствования из других периодических изданий, более всего из татарских). Журнал широко освещал новые процессы в культурной и социальной жизни общества («Новый банк в Андижане», «В Самарканде электрический трамвай», «Железная дорога в Бухаре»). Содержится также информация о кино, театрах, новых библиотеках и читальных залах. Особое место занимают научные статьи по общественным дисциплинам, большинство которых принадлежит перу самого Бехбудий. Диапазон корреспонденции из зарубежных стран весьма широк: от Японии до Америки.

Кроме того, «Ойна» систематически информировал о жизни мусульман Индии, Китая, Индонезии, России. Публикации «Ойна» часто чередовались четверостишиями Омара Хайяма, любимого поэта М.Бехбудий.

Статьи, посвященные кумиру джадидов Исмаилу Гаспринскому, составляли самые сердечные страницы журнала. Сам Махмудходжа Бехбудий называл его не иначе как «хазрат», что означает высшее почетное лицо с точки зрения духовности, науки и воспитания.

И журнал «Ойна», и вся жизнь М. Бехбудий были посвящены главной цели – служению прогрессу, просвещению народа. Практически нет отрасли, к которой бы они не обращались. Об этом свидетельствует и само содержание «Ойна», и авторские статьи, и книги М. Бехбудий.

Использованная литература

- Азиззода Л. Бехбудий // Маориф ва ўқитувчи. 1926. № 2.
М. Бехбудий. Китобат-ул-атфол. Самарқанд. 1914.
М.Ф. Махмудхужа Бехбудий // Наука и просвещение. 1922. № 1, август-сентябрь.
Бехбудий М. Ойна чист? // Ойна. 1913. № 1. С. 25. / Перевод с таджикского в оригинале: «Ойна... бар вай инсон назар афканад, худро мебинад, ва аз чи гунагии холок ва қиёфе ва вахче ки иборат аз сурхи ва зарди ва саёхи ва сафеди аст, ва ҳосил шудаи аз таъсири моддий ва маънавий аст, воқиф ва огоҳ мешавад. Ва пас ба илоз мекушад. Ойнаи одами одаме аст... Дўстон ойнаи акдигаранд... Ва яке аз хоси инсон ойнасо зист».
Бальдауф И. Махмудхўжа Бехбудий Фаластинда. // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1913. № 21. 21 май.
Ойна. 1913. № 2.
Статьи А. Фитрата составляют сериал в нескольких номерах. 1913. № 4, 6, 8 и др.
Ойна. 1914. № 17.
Ойна. 1913. № 7.
Ойна. 1913. № 4.
Ойна. 1914. № 51.
Андреев Г. Самаркандский журнал «Ойна» и его редактор-издатель Махмуд-Ходжа Бехбудий // Туркестанские ведомости. 1915. 17 сентября.
Ойна. 1914. № 49.

*А.А. Аширов
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНДНИНГ ЗИЁРАТГОҲЛАРИДА ТОЛЕРАНТЛИК

Жаҳондаги барча халқлар қатори ўзбек халқи ҳам кириб келган ХХІ асрга катта ишонч ва умидлар билан қадам қўймоқда. Ҳозир Ўзбекистон деб аталувчи ҳудуд, яъни бизнинг ватанимиз нафақат Шарқ, балки умумжаҳон цивилизацияси бешикларидан бири бўлганини бутун жаҳон тан олмақда. Айнан мазкур замин ғоят хилма-хил динлар, маданиятлар ва турмуш тарзлари туташган минтақа бўлиши билан бирга турли турли маданиятлар ва дин вакилларининг муқаддас саждагоҳи бўлган. Ушбу минтақа ислом дини ва тасаввуф тараққиётига буюк хизматлар қўшган буюк алломалар имом Бухорий Аҳмад Яссавий, Нажмиддин Кубро, Бурхониддин Марғиноний, Мотуридий, Абдуҳолик Ғиждувоний, Баҳоуддин Нақшбанд, Хожа Убайдуллоҳ Аҳрор, Махдуми Аъзам сингари улуғ зотларни етиштириб берган муқаддас жойдир.

Тарихдан маълумки, Самарқанд шаҳри қадимдан ўзининг тарихий обидалари билан машҳур бўлиши билан бирга ўзига хос зиёратгоҳ шаҳар ҳам ҳисобланган. Ушбу ҳудудда шунчалик кўп улуғ қадамжолар ва зиёратгоҳлар мавжудки, бошқа юртларда бунчалик кўп ва машҳур авлиёлар, уламолар, алломалар зиёратгоҳлари ва қадамжойларнинг мажмуасини топиш амри маҳолдир. Бу ерда дунёга машҳур исломий уламолар номлари билан боғлиқ зиёратгоҳлар шунингдек, исломгача бўлган диний қарашлар билан боғлиқ қадамжойлар, Мовороуннаҳр заминига исломни олиб келган шахслар ва уларнинг авлодлари, давлат арбоблари, тариқат вакилларининг қабрлари ва қадамжойлари, шунингдек исломий зиёратгоҳлар билан бирга исломгача бўлган ўзаро уйғунлашган кўринишларини учратиш мумкин.

Шуни таъкидлаш керакки, Самарқанд зиёратгоҳларини мавқеига қараб маҳаллий ва умуммиқийёсдаги муқаддас жойларга ажратиш мумкин. Жумладан, Самарқанд вилоятидаги Хўжа Рўшнои, Бибимушкулқушод, Дониёрбек чашмаси каби зиёратгоҳлар асосан шаҳар аҳолиси томонидан зиёрат қилинадиган маҳаллий муқаддас жойлар ҳисобланади. Самарқанд шаҳридаги Шоҳизинда мажмуи, Амир Темур мақбараси, Чўпонота, Хазрати Довуд қадамжойи каби зиёратгоҳлар Тошкент вилоятидаги Занги ота, Туркистон шаҳридаги Аҳмад Яссавий, Фарғонадаги Шоҳимардон, Ўшдаги тахти Сулаймон каби зиёратгоҳлар эса Марказий Осиё мусулмонларнинг муқаддас жойлари бўлган. Диншунос олим С.А.Токаревнинг таъкидлашича,

ислом динини кириб келиши ўзи билан янги мафкурани ҳам олиб келди. Натижада Марказий Осиёдаги маҳаллий культлар ўзгаришга учради. Барча жойда маҳаллий авлиёларга топиниш кенг ёйилган. Гарчанд улар мусулмон номлари билан аталсада, аслида қадимги маҳаллий худолари ҳомийлари билан боғлиқ бўлган (Токарев, 1976, С. 534).

Дарҳақиқат Самарқанд шаҳридаги Ҳазрати Дониёр, Ҳазрати Довуд, Аработа, Остонабобо, Жўшота, Муротота, Биби Мушкулкушод каби зиёратгоҳлар пайдо бўлиш тарихига кўра исломдан олдинги культлар ва пайғам-барлар номлари билан боғлиқ бўлиб, уларнинг баъзилари иудазим, нас-ро-нийлик динларида ҳам қайд этилган. Шу боис ушбу зиёратгоҳларни турли дин вакиллари эътиқодларидан қатъий назар зиёрат қилишлари анъанага айланган.

Зиёрат одатига кўра зиёратчилар доимо муқаддас даргоҳларга ўзгача тавозе билан муносабатда бўлишган. Зиёрат жараёнида маҳаллий аҳоли ўзларини қийнаётган саволларга жавоб топиш ҳаракат қилган ва маълум бир вақт дунё ғам ташвишларидан озод бўлиб, руҳи енгил тортган. Улар азиз авлиёларнинг руҳлари билан ғойибона фикрлашишга ҳаракат қилишган. Шунингдек, касал одамлар зиёрат орқали турли хилдаги касалликларига даво истаганлар. Умуман олганда, зиёратдан сўнг одамлар кўпинча руҳий енгиллик сезганлар. Маҳаллий аҳолининг зиёратгоҳ ва қадамжойларга бўлган муносабати шунчалик баланд бўлганки, зиёратгоҳлар, мазорлар, қадамжойлар олдидан ўтаётган ҳар бир инсон бирор бир транспортда бўлсалар ундан тушган ва ўша зиёратгоҳни зиёрат қилиб сўнгра йўлида давом этадилар.

Маҳаллий аҳоли оммавий равишда зиёратгоҳларга апрель-май ва август-сентябрь ойлари борадилар. Шунингдек, самарқандликлар орасида ҳафтанинг маълум кунлари махсус зиёрат қилинадиган кунлар тариқасида белгилаб олинган бўлиб, асосан чоршанба ва шанба кунлари азиз авлиёлар қабрларини, муқаддас қадамжойларни зиёрат қилиш энг маъқул кунлар, яъни зиёрат кунлари ҳисобланади. Чунки, бу кунлар аҳоли орасида муродбахш кунлар деб билинади.

Зиёратчиларнинг асосий қисмини доимо бирор бир қийин вазиятларга тушиб қолган, ишлари юришмаган, ўзлари ёки яқинлари касал бўлиб қолган инсонлар, шунингдек, бахти очилмай қолган йигит ва қизлар фарзандсиз оилалар, фарзанд тилаб ёки ишлари юришиб кетган вақтда миннатдорчилик билдириш мақсадида, қолаверса, шукроналик белгиси сифатида келувчилардан иборат. Зиёратга келувчиларнинг кўпчилиги асосан аёллар ташкил қилади. Самарқанд зиёратгоҳлари бўйича олиб борган кузатувларимиз натижасида шу нарса маълум бўлдики, ушбу худудда жойлашган барча зиёратгоҳларга келувчи зиёратчи аёллар миллати ва келиб чиқишидан қатъий назар муқаддас қадамжойлар ҳовлисига киришларидан олдин ушбу зиёратгоҳга ҳурмат юзасидан бошларига рўмол ўрайдилар.

Зиёратгоҳлардаги бажариладиган кўплаб расм-русумларнинг таҳлили шундан далолат берадики, бажариладиган удумларнинг айримлари келиб чиқиши исломгача бўлган эътиқод ва қарашлар билан боғлиқдир. Жумладан, мақбара ёки қабрни айланишда ушбу ердаги азиз авлиёлар руҳига эътиқод, яъни, анимизм изларини, қабрлар ёки зиёратгоҳдаги бошқа буюмларни тавоф қилишда ушбу ерда ётган азиз авлиёлар билан ғайритабиий алоқа, мулоқотга интилишни, турли латталар боғлашда эса нафақат назр-ниёз қилишни, балки, зиёратчи билан эътиқод объекти ўртасидаги афсунгарлик алоқасини, қурбонлика қилишда исломий ва исломгача бўлган эътиқодларнинг уйғунлашувини кўришимиз мумкин.

Вилоят худудидаги Нуробод тумани Оқсой қишлоғидаги ҳазрати Довуд қадамжойига кўпроқ темир билан алоқада бўлган одамлар, яъни темирчилар, шофёрлар, чилангарлар, заргарлар келганлар. Самарқанд шаҳридаги Дониёр пайғамбар зиёратгоҳига кўпроқ совунгарлар ва тўқувчилар келишган, Чўпонота зиёратгоҳи эса чорвадорлар кўпроқ келадиган муқаддас жой бўлган. Дарҳақиқат, Самарқанд худудидаги баъзи зиёратгоҳлар асосан маълум бир касбдаги, яъни савдогарлар, хунармандлар, тўқувчилар ва деҳқонларнинг пири сифатида қадрланган. Бундан ташқари, ҳар бир хунарнинг алоҳида ҳомий пирлари ҳам бўлган. Жумладан, ҳазрати Нух алайҳисалом ер юзида дастлаб қўлига болта олиб биринчи кемани ясаганлиги боис дурадгорлар пири, Дониёр пайғамбар эса совунгарлар ва тўқувчилар пири,

Бободехқон ва Ҳазрати Хизр деҳқончилик ва қутбарақа келтирувчи хомий куч, Момо ҳаво ва Анбар она доялар пири, ҳазрати Али ғассоллар ва ювғичлар пири ҳисобланган. Чунки юқори таъкидлаганимиздек, ушбу пайғамбар ва авлиёлар ўша касбларнинг пирлари деб қаралган. Шунинг учун ҳам бу зиёратгоҳларга кўпроқ касбларига қараб, миллати ва элатидан қатъий назар доимий равишда гуруҳ-гуруҳ, маҳалла-маҳалла бўлиб келганлар. Улар асосан янги иш бош-ла--ёт-ганларида ўзлари билан пирларга атаб турли ҳайвонлар олиб келишган ва қурбонлик қилиб зиёрат амалларини бажарадилар.

Марказий Осиё, жумладан Зарафшон воҳаси ҳудудида ҳам азиз авлиёлар қабри жойларига ерлар ва муқаддас қадамжолар асосан зиёрат маскани бўлиш билан бирга баъзида турли миллат ва элат вакилларининг ўзаро алоқа қилувчи, бир-бирлари билан ўзаро муносабат ўрнатувчи жой ҳам ҳисобланган. Кўплаб са-марқандликлар ҳафтанинг ҳар чоршанба куни борадиган «Биби муш-кулқушод», «Хўжа рўшнои» ва «Дониёр Чашмаси» зиёратгоҳларида ўзига хос этнослараро муносабат акс этганига гувоҳ бўлиш мумкин. Зиёратчиларнинг аксарият қисмини шаҳар ва шаҳар атрофидаги турли миллат вакиллари ташкил этади.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, Самарқанддаги муқаддас зиёратгоҳлар азалдан самарқандликларнинг мўътабар ва муқаддас даргоҳларидир. Ҳар бир фуқаро оилада ёшлигидан зиёратгоҳларга ижобий муносабатда бўлиш руҳида тарбияланади. Зиёратгоҳлар кишилар онгида эзгулик манбаи ҳар бир халқ вакилини меҳр мурувватга чорловчи муқаддас жой вазифасини ўташи билан бирга зиёратгоҳларда ўзига хос диний бағрикенглик ёрқин намоён бўлади.

Фойдаланилган адабиётлар:

Токарев С. Религия в истории народов мира. М. «Политическая литература», 1976. С. 534

A. Ashirov - The Tolerance During the Visits of Holy Places of Samarkand

In this article here discussed and made research on the religious historical places of Samarkand on the basis of ethnographic materials. The author also tried to give facts concerning the traditions and rituals and relating with cultural objects of the region analyzed them. Besides, the ethno cultural relations and traditions, as the author proposes and wanted to show the factor of the emergence and existence of tolerance among people during the visits of Holy Places of Samarkand.

*Д.Н. Раджабова
(Ўзбекистан)*

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СТРАНИЦАХ САМАРКАНДСКОГО ЖУРНАЛА «ОЙНА»

На рубеже XIX-XX веков джадидизм как идейно-политическое течение, стал оказывать растущее влияние на духовную жизнь туркестанского общества и политические процессы в крае, способствовавшие подъёму национального самосознания народа, его устремленности к свободе и демократическим преобразованиям. Проводником прогрессивных идей, замыслов и чаяний джадидов послужил издаваемый в Самарканде журнал «Ойна» («Зеркало»), со страниц которого они предлагали народу своё видение будущего обустройства родины, исходя из настоящей потребности системной модернизации общества. Свои устремления к обновлению и прогрессу джадиды, в первую очередь, связывали с широким вовлечением в преобразовательные процессы молодёжи как наиболее активной части общества, определяющей будущее нации и страны (Ойна, 1914. № 41). Джадиды стремились к тому, чтобы из рядов молодёжи Туркестана были подготовлены квалифицированные кадры для промышленности и сельского хозяйства, зрелые ученые, правоведы, деятели культуры, способные служить Отчизне (Ойна, 1913. № 1. С. 12-14). Поэтому в идеологии джадидизма в центре внимания оказалась задача идейного обеспечения предпосылок роста социальной активности молодёжи, реформы образования и её практического воплощения.

В идеологии образовательной политики джадидизма приоритетное значение придавалось

решению задачи по интеграции Туркестана в мировое культурно-образовательное пространство. Как, в частности, писал редактор журнала Махмудходжа Бехбудий, нациям, не вбирающим в себя новейшие достижения науки и техники, уготована участь прозябающих на задворках мировой цивилизации (Ойна, 1914. № 13. С. 202). Поэтому, в отличие от традиционной системы обучения в джадидских школах особое значение придавалось светскому образованию, освобождению религиозных воззрений от схоластики, овладению учащимися культурным наследием не только Востока, но и Запада. Джадиды призывали мусульман меньше тратить чрезмерные средства на различные акции бытового характера, которые лучше использовать для обучения детей в школах и высших учебных заведениях Мекки, Медины, Египта, Стамбула и России (Ойна, 1913. № 7. С. 154).

В тесной связи с подготовкой учебно-методической литературы джадиды организовали просветительские общества, создавали библиотеки и читальни, занимающиеся пропагандой печатной продукции (ЦГА РУз. ФИ-1, оп. 4, д. 13-16, л. 42). О необходимости организации и деятельности такого рода общественных объединений указывает М. Бехбудий на страницах журнала (Ойна, 1913. № 7. С. 155).

Многие опубликованные статьи были посвящены сюжетам деятельности джадидов по использованию духовного потенциала национальной культуры в воспитании у молодёжи высоких нравственных качеств и моральных устоев. В них раскрываются активные усилия представителей джадидского движения по созданию узбекского профессионального театра, построенного по европейским образцам, в котором они увидели мощное средство идеологического воздействия на широкие народные массы, пропаганды идей просветительства и восстановления национальной государственности (Ойна, 1914, № 23. С. 256; № 29. С. 550-553). На мировоззрение молодёжи тех лет оказала огромное воздействие пьеса Бехбудий «Падаркуш» («Отцеубийца»), о постановке которой сообщается на страницах «Ойна» (Ойна, 1913. № 10. С. 234), где отстаивались национальные ценности, проповедовались идеи джадидизма.

Со страниц журнала джадиды первыми указали на тесную взаимосвязь плачевного положения народных масс, отсталости Средней Азии от мировых процессов, застоя экономики и духовной жизни края с неравным положением женщины в семье и обществе.

Джадиды стремились внести современную струю в систему национального образования. В том числе, путём организации женских новометодных школ усилить дело просвещения женщины. Прежде всего они стали предпринимать усилия по совместному обучению девочек и мальчиков, а также созданию отдельных женских новометодных мактабов. Одной из таких школ стала школа, открытая в Самарканде Абдулкадыром Шакури (ЦГА РУз. ФИ-1, оп. 31, д. 943, л. 23).

Журнал «Ойна» явился распространителем мировоззренческих представлений джадидов о путях женской эмансипации не только для самаркандских, а также и для туркестанских читателей. Приоритетное место отводилось тем публицистическим, поэтическим или сатирическим произведениям, в которых говорилось о повышении социального статуса женщины в семье и обществе, создании семьи, основанной на любви, равенстве и уважении; ликвидации многожёнства; развёртывании отвечающей запросам времени системы обучения женщин, повышения уровня их знаний, в частности, в области здравоохранения и семейной педагогики, чётком распределении прав и обязанностей родителей и детей в семье; обеспечении фактического равенства женщин в правах с мужчинами; совершенствовании духовно-нравственного обмена женщин путём их активного вовлечения в просвещение и науку; придании ещё большего значения роли матери, женщины в воспитании молодёжи; создании необходимых условий участия женщин в государственной и общественной жизни края (Ойна, 1914. № 47-52; 1915, № 1).

Исходя из сформировавшейся ранее идеологии джадидизма, национальные демократы добивались практического создания правовых основ превращения женщины-мусульманки в равноправного члена общества, предоставления ей возможности посредством участия в выборных акциях участвовать в общественном и государственном переустройстве страны, в управ-

лении краем (Ойна, 1914. № 4. С. 81-83).

Таким образом, туркестанские джадиды посредством национальной периодической печати, в частности, журнала М. Бехбудий «Ойна», издаваемого в Самарканде, сумели поднять уровень национального самосознания широких народных масс, вдохновив их идеями национального освобождения и важности модернизации туркестанского общества.

Использованная литература

Ойна, 1913. №№ 1, 7, 10, 13.
Ойна, 1914. №№ 13, 16, 23, 41, 47-52.
Ойна 1915. № 1.
ЦГА РУз. ФИ-1, оп. 4, д. 13-16, л. 42.
ЦГА РУз. ФИ-1, оп. 31, д. 943, л. 23.

D.N. Radjabova - The Questions of Modernization of the Society on the Pages of the “Oyna” Samarkand Journal

This abstract is about the Journal “Oyna”(Window) printed in Samarkand and which is one of the key objects of the Turkistanian Jadids. The pages of the journal used to have information about education, young educated personnel and attracting youth to groups, about national theatres, national publications, the role of women in development of society and governmental policy. Publications of Hoja Behbudiy was about developing ideas of national independence in Turkistan’s society.

*P.C. Мардонов
(Узбекистан)*

КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ ИМАМА АЛ-БУХАРИ

На мусульманском Востоке среди всех измерений его духовной, интеллектуальной и общественной жизни понятие «илм» - «знание» занимает центральное положение. Историки восточной культуры пишут даже о «торжестве знания» в исламе. Один из них, Ф. Роузентал, так и назвал свою книгу, посвященную этой теме. «Настойчивость по отношению к «знанию», - пишет автор, - несомненно, сделала средневековую мусульманскую цивилизацию весьма продуктивной в смысле учености и науки, благодаря этому она внесла свой самый прочный вклад в историю человечества. «Знание», как ее центр, также укрепило мусульманскую цивилизацию, оградило ее от всего, что не подпадало под представление о приемлемом знании. Мы видим, как много может быть достигнуто благодаря слиянию интеллектуальных и духовных ценностей в одну доминирующую концепцию...» (Роузентал, 1978. С. 330).

Распространено мнение, что развитие наук, в частности, рационалистической философии, на мусульманском Востоке происходило благодаря особой гуманной политике ряда средневековых просвещенных правителей. Таковые, разумеется, были и оставили заметный след в истории ближне- и средневосточной цивилизации. Но будь дело лишь в этом, благоприятность условий сильно зависела бы от соответствующих пространственно-временных параметров истории Востока. Между тем, одни правители сменялись другими, на место оседлой правящей элиты приходили кочевники, их вытесняли иные завоеватели, а идеологическая обстановка при этом в течение IX-XVI веков (то есть семи столетий!) существенно не менялась.

Почему все складывалось именно так ?

Понятие «илм» вовсе не изобретение арабских или иранских философов – последователей греческой мудрости, которые, начиная с IX века, распространяют ее на Востоке, оно появлялось задолго до этого – еще в Коране. Ф. Роузентал досконально изучив все варианты употребления «илм» в арабских источниках, пришел к выводу, что в Коране оно изначально приравнено к «вере» - «дин». «Кто верует, тот знает, а кто знает, тот верует», - много раз встречаем это утверждение в священной книге ислама. «Илм» обозначало и светское, и религиозное знание.

Большое почтение к «знанию», высказываемое в Коране, предопределило с самого начала благожелательное отношение мусульманской общины к науке и философии.

Ислам призывает людей к знанию, творчеству и развитию. Например, в 12 аяте суры «Толпы» повелевается: «Скажи: разве сравниются и те, которые знают и те, которые не знают? Поистине, вспоминают обладатели разума!». В 40 аяте той же суры сказано: «Скажи: О народ мой, творите по вашей возможности!». В 20 аяте суры «Ангелы» отмечено: «Не сравнится слепой и зрячий, мрак и свет, тень и зной» (Коран, 1986). Большая мудрость скрывается в этих аятах. Здесь наука, знание уподобляется свету, а невежество, незнание – тьме, ученый считается зрячим, а невежда – слепым. И народ творящий создал всемирную мусульманскую культуру, одним из корифеев которой является имам ал-Бухари. Он - один из основателей науки о хадисах.

Наука о хадисах является чисто мусульманской наукой, именно в ней с наибольшей яркостью проявляется их мудрая сущность. Всем, кто глубоко изучает науку о хадисах, приходится сталкиваться с целым рядом областей научных знаний, выработанных в течение истории ислама – этика, социология, законодательство, политика, экономика. У исследователя хадисов не остается сомнений в том, что вся исламская культура после Корана основополагается на этой науке. Хотя мусульмане и пользовались плодами греческой, иранской, индийской культуры, понятие об исламской культуре всегда было тесно связано с Кораном и хадисами.

В основу науки о хадисах легли: слова и речи, произнесенные пророком, его деяния, его сны, бодрствование, движение, молчание, великодушие, старания, молитвы, его биография, подходы, шутки, внимание, его еда, напитки, желания, его отношение к семье, содержание своего коня, его письма к мусульманам и язычникам, договоры и взгляды – в общем, все, что он делал и говорил. Все это было передано четырью тысячами мужчин и женщин из числа его сподвижников (сахабам). Сподвижники сопровождали пророка двадцать с лишним лет: в Мекке до хиджры, а потом в Медине после хиджры. А потом в Мекке после возвращения из Медины. Кроме этого, существовали еще предписания шариата, которые выучивались наизусть, различные вопросы о молитвах, о дозволенном и запрещенном, которые задавали пророку люди. Таким образом, до того, как все эти предания были собраны в книгах, они длительное время передавались из уст сахабов к табиинам (современники сподвижников пророка).

IX век н.э. был веком процветания науки о хадисах. В этот период началась работа по уточнению хадисов, чтобы избежать всевозможных наслоений и примесей, комментариев и толкований их сподвижниками и современниками. Вместе с тем, тщательной проверке подвергались и сами передатчики хадисов. Хадисы были разделены на три категории: «сахих» (подлинные), «хасан» (приемлемые), «даиф» (слабые). Ал-Бухари предъявлял к передатчикам хадисов очень строгие требования и считал подлинными только те хадисы, которые соответствовали целому ряду условий. Эта его строгость в выборе хадисов и дала ему право считаться самым крупным ученым своего времени. После того, как ал-Бухари закончил работу по проверке хадисов и их передатчиков, по очистке их от различных наслоений, он принялся за составление сборников хадисов с толкованиями. Эта его работа может послужить прекрасным примером для ученых. Истолковав хадисы так, как это подобает делать «муджтахидам» (ученым, достигшим наивысшей ступени знаний в юридических и богословских науках), он открыл читателям путь в науку «фикх». Его книги стали не просто сборниками хадисов, но и основными пособиями по теологии.

После того как ал-Бухари собрал хадисы, которые были известны ученым его страны, он начал свои знаменитые путешествия по городам Востока – Балх, Мерв, Багдад, Басра, Куфа, Дамаск и др., где занимались сбором хадисов. Он собрал все предания о пророке во всех уголках мусульманского мира. Путешествия его продолжались 16 лет, в течение которых он часто испытывал и трудности, и невзгоды, хотя и переносил их стойко, как полагается истинному ученому.

Но разобраться в хадисах, передававшихся в течение многих лет из уст в уста без всякого разбора и проверки, была еще не самая большая трудность. Самая тяжелая работа была впереди – отбор подлинных хадисов и их систематизация. Надо было изучить историю и биографии передатчиков хадисов, оценить их по достоинству, уточнить, встречались ли они друг с другом в свое время, выяснить, какова их репутация, можно ли доверять им как передатчикам.

Исследования осложнялись тем, что один и тот же хадис был известен в нескольких странах и предстояло сравнить его формулировки и т.п. И несмотря на все эти трудности, ал-Бухари смог собрать в своих книгах много тысяч подлинных хадисов.

А теперь посмотрим, что же такое подлинный хадис. Ал-Бухари неуклонно следил, чтобы цепь передатчиков от него до того сподвижника, который слышал этот хадис от самого пророка, не была разорвана. Это значит, что этот сподвижник должен был лично встречаться с первым передатчиком, первый передатчик со вторым и т.д. до самого ал-Бухари. Каждый из них должен был обладать двумя качествами:

- а) быть морально устойчивым и никогда не совершать ни малых, ни больших проступков;
- б) должен отвечать за точность передаваемого хадиса, а это значит, что передаваемый хадис должен был быть им записан или выучен наизусть.

Ал-Бухари был первым в истории ислама ученым, который придавал такое большое значение точности хадисов. Он отличается от других исследователей своеобразным методом выведения законов и положений исламского шариата. В своей книге «Сахих» он собрал самые достоверные хадисы и распределил их по главам в соответствии с построением законодательных книг. Такое расположение материалов создавало определенную систему, которая облегчила мусульманам пользование книгами по шариату. Хадисы, вошедшие в эту книгу, включают как религиозные вопросы, так и вопросы социальной жизни. По этой книге имам ал-Бухари обучал многих своих учеников. Каждое положение он подкрепил высказываниями сподвижников пророка и своей точкой зрения. Если иджтихад (самостоятельное толкование аятов Корана и Сунны) является основой для выведения законов исламского шариата, то имам ал-Бухари в этом вопросе достиг вершины совершенства, какой не достигал ни один ученый ни до, ни после него. Имам ал-Бухари пользовался уникальным методом, и это отличает его от других ученых.

Таким образом, мы можем отметить два направления деятельности, выделяющих имама ал-Бухари среди других известных мусульманских теологов. Первое направление деятельности – это установление им четких критериев, которые он сделал обязательным для себя, в выборе хадисов пророка и в принятии их истинности и правдивости. Второе направление представлено его замечательной научной деятельностью, направленной на классификацию и систематизацию текстов хадисов с тем, чтобы любой исследователь с наименьшими затруднениями и с наибольшей пользой мог найти необходимый для него текст.

Природа одарила Исмаила ал-Бухари врожденными способностями, надежной и удивительно прочной памятью. Конечно, все великие люди, как известно, отличались одаренностью, но одного таланта не достаточно, к этому природному дару еще нужно приложить колоссальный труд и постоянное старание. Он выучил наизусть столько хадисов, сколько еще не знал никто. От более поздних передатчиков известно, что имам ал-Бухари знал наизусть несколько десятков тысяч изречений пророка и имен их передатчиков.

Трудолюбивый, неустанно ищущий и требовательный к себе ал-Бухари всей своей жизнью и деятельностью заслужил уважение и является примером для всех поколений ученых. Вся жизнь имама ал-Бухари это стремление к знаниям. Он сумел достичь своей цели – оставил нам труды, свои книги, прославленные человечеством на века, книги, которые будут освещать нам путь в жизни, воспитывая нас.

С давних времен Европа гордилась своими учеными, а также методами и исследованиями, проводившимися в области ряда прикладных наук. Мы вряд ли преувеличим свои возможности, если осмелимся доказать, что часть этих методов намного раньше была разработана и использована имамом ал-Бухари.

Имам ал-Бухари на протяжении всей жизни защищал престиж науки, всемерно заботясь о том, чтобы подобно рабыне наука не склонялась перед султанами и эмирами. Он всегда старался служить людям, стремясь удовлетворить их тягу к знаниям, и этим снискал себе научное признание. Исходя из того, что равно принадлежит всем без исключения, что нельзя отдавать предпочтение, он никогда не искал личных выгод, а высоко нес знамя науки и знаний, так как он черпал свои силы и славу не в залах эмирских дворцов. Он всегда свято берег интересы

науки о хадисах и сохранил их для грядущих поколений.

Таким образом, метод имама Бухари в применении к исследованию хадисов и их источников был и остается высоким образцом научных исследований. Поэтому справедливо мнение, что шариат основан на хадисах, собранных этим великим имамом. Его знаменитая книга считается второй по достоверности после священного Корана.

Использованная литература

Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978.

Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986.

R.S. Mardonov - Classification and Systematisation as Research Method of Imam al-Bukhari

In the Muslim East, amongst the many measures of religious and social life, the term “ilm” or “knowledge” occupies a central place. The development of science and particularly the notion of mystic philosophy did not only occur under the patronage of educated governors but also on the basis of the deep historical roots of this idea. In the Koran the term is equivalent to “gun” “faith” and in Arabic sources it means both secular and religious knowledge. Al-Bukhari was the greatest figure of the 10th century amidst those who systemised the knowledge of the Hadiths. His merits lie not only in gathering the hadiths but also in the specific methodology which he designed to classify them and evaluate their reliability. The method of Imam al-Bukhari today still remains a model of scientific research.

*A.K. Муминов
(Казахстан)*

САМАРКАНДСКАЯ СРЕДА ТЕОЛОГОВ (VIII-XII ВЕКА)

Формирование и развитие одного из двух значительных богословских направлений (Матуридийя и Аш‘арийя) в суннитском исламе имели место в Самарканде. Эволюцию теологии в этом городе можно разбить на три периода:

доматуридитский период (IX в.);

период Абу Мансура ал-Матуриди и его современников (X в.);

период возрождения (вторая половина XI-XII вв.).

После появления монографии немецкого исследователя Ульриха Рудольфа «Ал-Матуриди и суннитская теология в Самарканде» (1997), ее переводов на русский и узбекский языки (1999, 2001) открываются новые перспективы более глубокого изучения проблем теологии в этом важном интеллектуальном центре Средней Азии.

Для подробного анализа зарождения и развития этой школы определенное значение имеют сочинения, составленные в этой среде. До сих пор к исследованиям привлекались по первому периоду всего одно сочинение, а по второму периоду – 4 сочинения самаркандских авторов. Для характеристики состояния теологии в таком важном научном центре этого явно недостаточно. По этой причине расширение источниковедческой базы исследований приобретает немаловажное значение.

В ходе недавних наших поисковых работ были обнаружены четыре теологических труда самаркандских авторов: «ал-Фава’ид» ‘Али ибн ас-Са’ид ар-Рустуфагни (умер около 961 г.), «Байан асл мазхаб ахл ас-сунна ва-л-джама’а» (второе название «Ашр маса’ил мин асл ад-дин») Абу Бакр ал-‘Ийади (X в.), «Сифат ас-сунна ва-л-джама’а» анонимного автора, «Шарх джумал усул ад-дин» Ибн Йахйя (X в.). Кроме этого, к исследованиям можно привлекать источники, изданные в прежние годы.

Сравнительное изучение трактатов теологов первого периода (сюда также можно добавить «ар-Рисала ила ‘Усман ал-Батти» Абу Ханифы, «ал-Фикх ал-абсат» Абу Мути’ ал-Балхи) с хадисами, заключающимися в «ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд» Абу Хафса ан-Насафи (ум. в 1142 г.) показывает, что мурджи’итские идеи в учениях ранних ханафитов подвергались яростной критике со стороны традиционистов (ахл ал-хадис). В качестве ответа этим нападениям появляются хадисы в защиту положений ханафитов. Такое противостояние в конечном итоге привело в IX в. к застою и замедлению развития рационалистической теологии в Самар-

канде.

По истечении застойного периода в Самарканде наблюдается деятельность нескольких групп теологов – «мудрецов» (хукама’; Абу Бакр Мухаммад ибн ал-Йаман ал-Хаким ас-Самарканди, Абу-л-Касим ал-Хаким ас-Самарканди), ал-Джужджанийа (Абу Бакр ал-Джужджани, Абу ‘Абдаллах ибн Аби Бакр ал-Джужджани, Абу Мансур ал-Матуриди, Абу-л-Хасан ар-Рустуфагни), ал-‘Ийадийа (Абу Ахмад ал-Ийади, Абу Бакр ал-Ийади, Абу Салама ас-Самарканди), традиционистов (Мухаммад ибн Ахмад аз-Захаби ал-Хаддади). Идеиная борьба этих групп богословов нашла свое отражение в жанре теологической литературы «Наука об учениях различных школ» (ма‘рифат ал-мазахиб).

Феномен ал-Матуриди состоит в том, что он с позиций «середины» систематизировал воззрения своих предшественников, устранил их противоречия, в оригинальной форме решил многие проблемы, создал цельное теологическое учение. Благодаря спекулятивной теологии ал-Матуриди Мавараннахр впервые вошел в историю теологии (калам). Она была изложена в трудах мыслителя «Китаб ат-таухид» и «Китаб ат-та’вилат». При этом ал-Матуриди опирался на фундаментальные положения ханафитской богословско-правовой школы, в учении которой, как известно, нет строгого разграничения между собственно правовыми и теологическими вопросами.

Период, последовавший после смерти ал-Матуриди (ум. в 944-45 г.), характеризуется всеобщим преследованием карматов-исма‘илитов, кризисом власти Саманидов (874-999). Политизация теологической науки привела к репрессиям властей против некоторых групп богословов, предпринимаемых ими под прикрытием «карматской опасности», навешиванию ярлыков «карматского агента», постепенному сокращению круга рассматриваемых ими вопросов, в конечном итоге, ко второму застойному периоду в истории среднеазиатского калама. Именно на этот период приходится деятельность последних представителей классической самаркандской школы – Абу Наср ад-Дабуси, Мухаммад ибн ‘Абд ал-Карим ал-Миги и Мухаммад ибн ал-Валид аз-Захид ас-Самарканди.

Резкое противостояние между шафи‘итами-аш‘аритами и ханафитами, имевшее место в XI-XII вв. в хорасано-мавараннахрском культурном ареале, вынудило последних искать опору в учении своих предшественников. Упадочное состояние теологических школ ханафитов в Ираке и Хорасане заставляло надеяться только на помощь Мавараннахра. Ответ на запросы времени был найден в учении ал-Матуриди, который создал цельную и глубоко обоснованную доктрину. Главным систематизатором и интерпретатором стал самаркандский теолог Абу-л-Му‘ин ан-Насафи (ум. в 1115 г.). При нем теологическое учение самаркандской школы под названием «ал-Матуридийа» сначала было принято бухарской школой, затем становится общеханафитской доктриной. В общей сложности новым третьим поколением среднеазиатских богословов в целях переизложения и систематизации ал-Матуридийа было составлено около 30 сочинений.

В конце нашей статьи следует констатировать, что изучение истории среднеазиатской теологии вступает в новую фазу. Теперь первостепенной задачей становится установление аутентичных теологических текстов путем проведения тщательного текстологического и кодикологического анализа большого круга источников. Также необходимо локализовать и определить эпоху составления группы источников, известных в научной литературе под названием «псевдо-тексты».

На повестке дня стоит осуществление критического издания 24 теологических трактата и переиздания с учетом всех рукописных списков 14 сочинений среднеазиатских богословов. Это, несомненно, создаст надежную базу для активизации исследований в этой области.

Важно отметить, что для воссоздания полной картины теологических взглядов всех групп, действовавших в Самарканде, необходимо привлечь к исследованиям труды традиционистов (мухаддисов), правоведов (факихов) и аскетов-суфиев (зуххад, мутасаввифа). Решение неизученных вопросов развития теологии в таком важном центре мусульманской науки, как Самарканд несомненно внесет достойную лепту в изучение общемусульманской теологии.

МОВАРОУННАХРДА ҲАДИС ИЛМИНИНГ РИВОЖЛАНИШИ ВА УНИНГ ШАРҚ МАЪНАВИЯТИДАГИ ЎРНИ ТАРИХИДАН

Бухоро, Самарқанд, Хива, Термиз, Насаф, Марғилон, Фарғона, Шош (Тошкент) каби қадимги шаҳарларимизнинг номини эшитмаган инсон даҳлдор бўлган бу шаҳарлардан жаҳоний миқёсда шуҳрат қозонган кўплаб алломалар, донишмандлару мутафаккирлар етишиб чиқиб, ўз асарлари ва таълимотлари билан башарият ҳаётини нурафшон қилишдек улуғ бир ишга хизмат қилганлар. Мана шу “Мўйсафид” шаҳарларимиздан бири бўлган Самарқандимизнинг номи жаҳон аҳли томонидан алоҳида бир меҳр, алоҳида бир эҳтиром билан тилга олинади. Чунончи, кўхна тарих китобларининг қайси бир саҳифасини varaқламанг бу қутлуғ заминдан етишиб чиққан, кўплаб олиму-уламолар, фозилу-фузалоларнинг табаррук номларини учратасиз.

Ҳаёт фалсафасини қарангки, бу зоти шарифларнинг ҳаёти ва бой илмий маънавий мерослари асрлар оша Мағрибда ҳам, Машриқда ҳам алоҳида қизиқиш ва изчиллик билан муттасил равишда ўрганилар, асарлари турли тилларга таржима қилинар, бир сўз билан айтганда, улар жаҳон илму-ирфон аҳлининг доимий эътиборида ва дилида бўлиб келдилар. Ачинарли томони шундаки, ўз таълимотлари-ю асарлари билан дунёни лол қолдирган бу буюк сиймолар киндик қони тўкилган ўз юртларида номаълум, бегона-ю бечора эдилар.

Собиқ тизимнинг чиркин сиёсати туфайли халқимиз, кенг жамоатчилик уларнинг асарлари тугул исми шарифларини ҳам билмасдилар, улар меросидан бебаҳра эдилар. Лекин ҳаётда адолат деган буюк бир тушунча ҳам бор. Оллоҳнинг назари тушган юртимизда бундан 15 йил муқаддам том маънода тарихий бир воқеа юз берди. Ўзбекистон ўз мустақиллигига эришди.

Мустақиллик йиллари давомида ҳаётимизнинг турли жабҳаларида улкан тарихий аҳамиятга молик кўплаб ўзгаришлар содир бўлди. Мана шу улуғвор ўзгаришлар силсиласида бой тарихимиз, турли хил маънавий кадриятларимиз, узоқ ўтмишда оламшумул аҳамиятга эга асарлар яратган буюк алломаларимизнинг табаррук номларини тиклашда салмоқли ишлар амалга оширилди ва оширилмоқда.

Халқимизнинг қаддини тоғдек кўтарган бу улуғвор ишлар Республика Ҳукумати шахсан Президентимиз Ислом Каримов раҳбарлигида собитқадамлик билан амалга оширилаёттир. Фикримизнинг ёрқин далили сифатида Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллик юбилейини кўрсатишимиз мумкин.

Сайид Аҳмад Зайний Даҳлоннинг "Ислом фатҳлари" ва Жалолиддин ас-Суютийнинг "Халифалар тарихи" каби манбаларда келтирилишича, дастлаб Ислом дини бизнинг ўлкаларга ҳижратнинг биринчи асрида (630/-650) халифа Усмон ибн Аффон даврида етиб келган. Аммо ислом динининг кенг доирада тарқалиши Умавийлар (651/-671) халифалиги даврига тўғри келиб, араб саркардаси Саид ибн Усмон бошчилигида (655/-675 йилда) Амударё орқали Бухоро, Самарқанд, Шош (Тошкент), Насаф (Қарши), Термиз каби шаҳарларни фатҳ этади.

Таассуфки, ислом лашкарлари қайтгач, йилдан-йилга диндан қайтиш ҳоллари кўпая борди. Натижада умавийлар халифаси Абдулмалик ибн Марвон (-94/-714) машҳур ислом саркардаси Қутайба ибн Муслимни ўлкага юборди. У яна бу диёрларда қайтадан ислом байроғини тиклади. Бу ўлка халқлари қалбларида ислом динига бўлган ҳафсаласизлик йўқолгандан кейин саркарда Бухоро ва Самарқандда муаллимлардан қолдириб, қайтиб кетади. Шу тариқа Мувароуннаҳрда ислом динининг ривожига орта боради.

Исломий илм ва фанга бўлган қизиқиш қизғин тус олди. Ниҳоят, исломий илмлар олтин даври бошланади. Бу даврлар тарихчи олимларнинг асарларида нозик нуқталар билан ифода-ланган. Бу асрда Абу Жаъфар ал-Кабир (209/-825), Муҳаммад ибн Башшор (167(723-252)866 йил), Имом ал-Бухорий (194-(810-256)870 йил), Абу Исо ат-Термизий (209(825-279)893), Юсуф ал-Форобий (231(846-320)932), Абдуллоҳ ибн ал-Муборак (118(734-181)797), Исҳоқ ибн Роҳувайҳ (161 (717-238)854 йил) каби буюк уламолар дунёга келиб, ислом фанларининг

ривожига катта хисса қўшдилар. Буларнинг ишларини давомчиси сифатида, издош шогирдларидан: Хайсам ибн Кулайб аш-Шоший (330/942), Абу Бакр Муҳаммад ибн Исмоил Қаффо Шоший (291-903/366/978), имоми Доромий ас-Самарқандий (181/797-255/869), Абу Мансур ал-Мотуридий, Ибн Хиббон ас-Самарқандий (354-970), Абул Қосим Замахшарий (467-1083/536-1154), Абуллайс Самарқандий (369/976), Абул Баракот Аҳмад ан-Насафий (462-1078-537/1153) каби жаҳонга машхур фозил зотлар етишиб чиқди.

Ислом илмининг асосларидан бўлган "ҳадис илми" диёримиздан чиққан уламолар томонидан ҳам ўрганилиб, самарали натижаларга сазовор бўлган.

Саҳобалар давридан бошлаб ислом уламолари ҳадисларни жамлаш, уларни ёд этиш ва одамларга етказиш ишига куч-ғайрат билан киришганлар. Улар билган, эшитган ҳадисларини бошқаларга етказишда жуда эҳтиёткорлик қилиб, имкони борича уларни соф ҳолда сақлаб, бирорта ўзгаришсиз нақл қилишга ҳаракат қилишган. Зеро, ҳадислар Қуръондан кейинги иккинчи манба эканлигини улар яхши билганлар. Саҳобалардан кейинги тобеинлар ҳам ҳадисларни соф ҳолда ривоят қилишда худди олдингилардек ҳиммат кўрсатдилар.

Ҳар бир ровийдан ҳадис қабул қилишда ўзига хос шартларга риоя қилиб, далиллардан тўла ишонч ҳосил қилмагунча ҳеч қандай ривоятни қабул қилмас эдилар. Саҳоба ва тобеинлар ўзларидаги бор ҳадисларни текшириб, пухталаб олиш ва янгиларини ўзлаштириш мақсадида узок вақт сарфлардилар. Шу тариқа наслдан-наслга қараб улуғ салафлари йўлидан оғишмай илм байроғини баланд кўтариб келдилар.

Ҳадисларни ёзиб қоғозга тушириш масаласига келсак, Муҳаммад пайғамбарнинг қирқ нафарга яқин котиблари бўлиб, улар нозил бўлган ваҳийларни, яъни Қуръон оятларини мунтазам ёзиб борганлар. Аммо ҳадислар пайғамбар даврларида тўла бир тўплам шаклига келтирилмаган эди. Бунга сабаб, бир тарафдан саҳобаларнинг хотиралари жуда кучли бўлганлиги ва ёзув куролларининг етишмаслиги бўлса, иккинчи тарафдан ҳадис ёзувлари оятларга аралашиб кетмасин, деган эҳтиёткорлик эди. Аммо ўзига ишонган қорилар ёки хотираси суёт кишилар ҳадисларни ўзлари учун ёзиб боришган. Пайғамбарнинг ўзлари баъзи ҳадисларни ёзиб боришни буюрганликлари тўғрисида саҳиҳ ривоятлар ҳам бор. Албатта бу ҳолат оятларга аралашиб кетиш хавфи йўқ даврлардагина бўлган.

Саҳоба ва тобеинлар ичида асосан пайғамбар вафотларидан кейин ҳадис китоблари кўплаб чиқа бошлади. Айниқса, одил халифалардан Умар ибн Абдуазиз (61/677-101/717 й.) ўз даврида ҳадисларни тўплаб, китоб шаклига келтиришга катта аҳамият берди. Чунки ҳадисларни ёд биладиган ҳофизларнинг кундан-кунга камайиб боришлари ва ҳақнинг ботилга аралашиб кетиш хавфи шундай тадбирни тақозо қилар эди.

Барча ислом диёрларининг уламолари бу хайрли ишни кенг соҳада амалга оширишга ўтдилар. Улар ҳадисларни ҳар хил қўшимча ёки сохталаштирилган турларидан тозалаш борасида кўп меҳнат қилганлар. Шу тариқа ҳадисларни тўплам шаклига келтириш масаласидаги ихтилоф ва низолар барҳам топди. Ҳатто уларни ёзиб китоб ҳолида кўпайтиришни уламолар жоиз деб билдилар. Шундай қилиб, ҳадис китобларини таълиф этиш ишлари кундан-кунга гуллаб-яшнаб тараққий эта борди. Бу улуғ масъулиятли ишга ишончли, ростгўй ва собитқадам зотлар бел боғлаб киришдилар. Доктор Муҳаммад Ужож ал-Хатийбнинг "Ас-Сунна қабла ат-тадвийн" - "Жамлашдан аввал сунна" китобида келтирилишича, биринчи бўлиб ҳадис тўпламида муаллифлик қилган зот Маккада Абу Муҳаммад Абдул Малик ибн Абдулазиз ибн Журайж (150/766й.)дир. Ундан кейин Яманда Маъмар ибн Рашид (96 /712- 153/76'1), Шомдан Ибн Амр ал-Авзойи (88/704-157/773й.), Кўфадан Суфён ас-Саврий (97/713-161/777), Хуросондан Абдуллоҳ ибн ал-Муборак (118/734-181/797й.) каби муҳаддислар чиққанлар.

Хижрий II аср бошларига келиб, ҳадисларни турли хусусиятларга қараб ҳар хил тартибда ёзиш ҳаракати бошланди. Жумладан, Аҳмад ибн Ҳанбал (/164/780-241/857й.) каби баъзи муҳаддислар «муснад» услубида ёзганлар. Унда саҳобаларни исломга киришдаги тартиблари бўйича жойлаштирилган. Масалан, ўнта «жаннатий» деб башорат берилган саҳобалар биринчи келтирилади. Биринчи бўлиб бу ишни Абу Абдуллоҳ Муҳаммад ибн Исмоил ал-Бухорий (х -194/м/м-810 х-256/м-870), кейин Имом Муслим ибн Ҳажжож (204/820-261/875 й.), сўнг Абу Довуд Сулаймон ибн Исо ат-Термизий (209//825-279/893). Аҳмад ибн Шуайб ан-Насоий

(/215/831-303/919 й.), Абу Мансур ал-Мотуридий бошлаганлар. Улар бугунги кунга қадар машхур олти саҳиҳ тўплам сифатида тан олинадилар.

Хуллас, ҳадис илми ҳақида гапирадиган бўлсак, аввал ҳадис ўз ичида нима маъноларни мужассамлаштирганлиги ҳақида тўхталиш керак. «Ҳадис» сўзи араб тилида «янги», «янги нарсани айтиб бериш», деган маъноларга эга бўлса, Муҳаммад пайғамбарнинг диний сўзи (турли шароитларда шариат аҳкомларига оид айтган сўзи, хатти-ҳаракатлари, пайғамбар қилган ва саҳобалар орқали нақл қилинган фаолиятлари, тақризлари) пайғамбар ҳузурида ёки ғойиблигида саҳобалар айтган сўз ёки бажарган ҳаракатлардан хабардор бўлгач, буларни рад этмаганликлари, демакдир.

Юқорида айтиб ўтганимиздек, ҳижрий 40-йилга келиб ҳадисларни жамлаш халифа Умар ибн Абдуазиз ташаббуси билан бошланган эди.

Шунга кўра кўпгина уламолар ҳадисларни саҳиҳ ва носаҳиҳларини аниқлашга бел боғладилар. Чунки, бу носаҳиҳ ҳадисларни аралашиб кетишига қуйидагилар сабаб бўлган эди:

- кўп ҳадисларни билувчи саҳобаларнинг вафот этганликлари;
- сиёсий ихтилофлари;
- ўз қавмига, қабиласига тарафдорлик;
- гўё динга фойда етказишлик мақсадида тўқима ҳадисларни айтишлари;
- фикҳий масалалардаги ихтилофлар;
- ҳоким ва амирларга хушомадгўйлик.

Шундай шароитларда ўзларининг ҳаётларини «саҳиҳ» ҳадисларни тўплашга бағишлаган машхур муҳаддислар дунёга келди. Уларнинг самарали меҳнатлари туфайли ислом оламида тан олинган дастлабки саҳиҳ ҳадислар тўпламлари пайдо бўлди.

Бу соҳада бизнинг диёримизда ҳам кўпгина ишлар қилинганлиги ҳақида тарихий манбаларда, жумладан, бу борада Хужжатул Ислом ал-Ғаззолий шундай дейди: Тақийиддин ан-Надавийнинг «Илми рижал ал-ҳадис» - «Ҳадис кишилар илми», Абдурахмон Атарнинг «Маолим Ассунна Аннабавия» - «Пайғамбар суннатдан чиқиб ислом оламида машхур бўлган муҳаддислар ва уларнинг асарлари» исломнинг энг ишонарли манбаларидан ҳисобланган.

Жумладан, Имом ал-Бухорийнинг «ал-Жомий ас-саҳиҳ» - «Ишонарли тўплам», «ал-Адаб ал-Муфрад» - «Араб дурдоналари», Термизийнинг «Сунан ат-Термизий» - «Термизийнинг сунналари», «Шамоилю Муҳаммадия» каби тўпламларини фахрланиб тилга олсак арзийди.

Диёримиз муҳаддислари «ҳадис илми» услубининг бир неча йўналишларида асар яратганликлари бизларга тарихий манбалардан маълум бўлиб, ҳозирда улардан энг кўп мурожаат қилинувчи адабиёт сифатида кенг фойдаланилади.

Агар биз бир кишининг маънавий етуклиги ҳақида бирор-бир илмий асар яратмоқчи бўлсак, энг аввало унинг ўз шахсияти ва бошқа шахсиятлар билан уйғунликда яшай билишини, руҳий мадад учун намуна бўлишини тушунмоғимиз керак. Ислом дини асрлар давомида халқимизнинг эътиқоди ва маънавий ҳаётининг дастуриламали бўлиб келди. Шу боис бугун биз қураётган янги жамиятда ислом дини айрича ҳурмат-эътиборга эга. Бинобарин, жамият билан ислом дини манфаатлари ўртасида муштаракликни мустаҳкамлаш шу куннинг асосий вазифалари сирасига киради.

Шарқ фалсафаси ҳеч қачон инсонни Оллоҳ билан бир сафга қўймаган. Абу Мансур ал-Мотуридийнинг фалсафаси ана шу фикрга асосланади. Ал-Мотуридийнинг илоҳиётшуносликдаги энг буюк хизматлари шубҳасиз қуйидагилар билан асосланади.

У ақл юритиш қобилиятини аниқлашда инсонни марказий ўринга қўйди. Инсонда эркин танлаш ҳуқуқи борлигини кўрсатиб берди. Қадриятларнинг «Худо бандаларига бир нарсада қобилият бермай туриб, уларни ўша нарсага амр қилмайди», деган фикрини аста-секин бирлаштириб, ўрта бир қараш яратди.

Ал-Мотуридий Кўфа намояндаларининг буюк мутафаккири ва илоҳиётшуноси Абу Ҳанифа илмий меросининг аслини сақлаган ҳолда, унинг фикрларини ривожланпиришга интилди. Х асрда ашъарийлар билан бўлган баҳс-мунозаралар Мовароуннаҳрдаги ҳанафийлар мазҳабининг асосий маърузасига айланди ва Абу Мансур ал-Мотуридий нуфузли шахс сифа-

тида майдонга чиқди.

Ислом фани асрлар давомида ҳаёт фалсафаси бўлганини, у жамият аъзоларини энг юксак инсоний фазилатлар эгаси қилиб тарбиялашни, инсонпарварлик, халқпарварлик, адолат, ҳалоллик, бошқа миллатлар динларига эҳтиром, олижаноб ахлоқни тарғиб этишини яхши англаб етмоқ керак. Ислом тарихидаги ҳадисларимиздан хабардор бўлиб, ватандаги уламоларимизнинг ислом тараққиётига ва унинг Шарқ маънавиятига қўшган буюк ҳиссасини билмоқ ҳар биримиз учун муҳимдир.

Демак, бу масалага ҳар тарафлама ёндашмоғимиз зарур. Яна ҳам аниқроғи, исломни фақат диний таълим сифатида олиб қарамасдан, балки, жамият тараққиётининг йирик маънавий жиҳати деб билмоғимиз зарур. Унинг ҳам илмий, ҳам маънавий тарафларини ўрганиб, тарихимиздаги ўрнини аниқ белгилаб, ҳаққоний равишда халқимизга етказмоғимиз жоиз.

Фойдаланилган адабиётлар

Сайид Аҳмад Зайний Даҳлон. Ислом фатҳлари. Қозон, 1960.

Жалолиддин Ас-Суютий. Халифалар тарихи. Тошкент, 1968.

Доктор Муҳаммад Ужаж Ал-Хатийб. Ас-Сунна қабла ат-тадвийн. Дамашк, 1978.

*Нодирхон Ҳасан
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНДЛИК ИККИ ЯССАВИЯ ШАЙХИ ҲАҚИДА

Маълумки, қадимдан илм ва маданият маркази бўлиб келган кўҳна Мовароуннаҳр диёридан, хусусан, Самарқанддан кўплаб етук алломалар, машҳур мутасаввиф олимлар ва таниқли шоиру адиблар етишиб чиққанлар. Уларнинг ҳаёту ижодларига доир маълумотларни турли тарихий манбаларда, тазкира ва манокӣбларда учратиш мумкин.

Пири Туркистон Ҳожа Аҳмад Яссавий асос солган яссавийлик тариқатининг одобу аркони ва қонун-қоидаларига бағишланган бир қанча тарихий манбаларда ҳам Самарқанду Бухородан чиққан мутасаввиф сиймолар ҳақида қизиқ маълумотлар ўрин олган. Жумладан, XVI асрда яшаб ижод этган йирик яссавия шайхи, мутасаввиф ижодкор Султон Аҳмад Ҳазинийнинг яссавийшуносликка доир "Жавохир ул-аброр", "Манбаъ ул-абҳор ва "Жомий ул-муршидин" асарларида кўплаб нақшбандий ва яссавий улуғлари қаторида Ҳожа Убайдуллоҳ Аҳрор, Камол Иқоний, Мавлоно Қосим Калон, Шайх Маҳмуд Хилватий-Завроний, Шайх Ходим, Мавдуд Шайх, Дарвиш Шайх, Жамол Шайх, Шайх Худойдод, Қосим Шайх, Шайх Матин, Мавлоно Валий Кухзарий, Мулла Амин, Сулаймон Ғазнавий Бухорий, Жамоллидин Кошғарий, Сайид Мансур Бухорий каби Аҳмад Яссавийнинг самарқандлик издошлари ҳурмат билан тилга олинган.

Тарихдан маълумки, Шайх Худойдод Азизон Аҳмад Яссавий тариқатининг етук намояндаси, мутасаввиф олим ва сўфий шоирдир. Яссавийлик тариқати қайта жонланган XV аср охири ва XVI аср бошида яшаган Шайх Худойдод 1461 йил Карманада сўфий оилада таваллуд топган, Самарқанд, Бухоро ва Ғиждувон мадрасаларида таълим олган. Илм ва риёзати туфайли юксак мартабаларга эришган. У йигирма уч ёшида жаҳрия-яссавия тариқатининг машҳур арбоби, яссавийликнинг ўн саккизинчи халқабошиси ва ўз даврининг "қутб ул-ақтоб"и бўлган Шайх Жамоллидин Азизонга мурид бўлади. Шайх Жамоллидин Шайх Худойдоднинг илми, риёзати, таквоси, садоқати ва истеъдодини юксак кадрлаб, уни яссавия тариқатининг Самарқанддаги мухтор, ишончли вакили этиб тайинлайди. Шайх Худойдод 1496 йил Самарқанднинг Шероз туманидаги Ғазира мавзеъида мадраса ва хонақоҳ барпо этиб, умрининг охиригача ушбу масканда фаолият кўрсатади ва 1532 йил 73 ёшда вафот этади. 1816 йил шайхнинг зурриёди Абдулхайхожа улуг бобосининг мозори устига олий хонақоҳ қурдиради (Тоҳирхожа, 1991. 60-б.).

Ҳазинийнинг қайд этишича, Худойдод бошқарган "зухур тариқи (яъни яссави) муҳити аъзам каби оламни ихота қилади" (Жаво-аброр, 25а). Ҳазиний таъбири билан айтганда, ўз замонасида камдан-кам учрайдиган ноёб истеъдод эгаси бўлган Шайх Худойдод Ғазирада

яшаган вақтларда тақво ва риёзатда юксак мартабаларга эришади ҳамда кўплаб нуфузли шогирдлар тайёрлайди ("Жавоҳир ул-аброр", 118 а). У атрофидаги кишиларни инсониятни севишга ва барча махлуқотга нисбатан раҳм-шафқатли бўлишга, эзгуликка, жўмар-дликка, ахлоқан комил бўлишга, пайғамбарлар, азизу авлиёлар, устоз ва ота-оналарга ҳурмат-эҳтиром кўрсатишга, ҳалол, меҳнат билан кун кечирини даъват қиладики, булар айни яссавия тариқатининг муҳим талабидир. Бу борада Шайх Худойдоднинг ўзи шахсий намуна кўрсатар, ҳузурга келган кишиларни ким бўлишидан қатъи назар тенг кўрар, уларнинг ҳурматини жойига қўяр эди. Унинг камбағалпарварлиги, саховатпешалиги ҳамда кашфу кароматлари халқ орасида кенг тарқалиб, обрў-эътибори тобора ошиб боради.

Шарафуддин Роқимий "султон ут-тариқат бурҳон ул-ҳақиқат, қутб ул-ақтоб, ғавс ул-автод" дея мадҳ этган (Роқимий, 1998. 85-б.). Шайх Худойдоднинг нуфузи ўз замонасидаги кўпгина ҳукмдорларнинг наздида ҳам жуда баланд бўлган. Ҳазинийнинг қайд этишига кўра, Мовароуннахрнинг барча султону ҳоконлари унинг тасарруфи остига кирган эканлар ("Жавоҳир ул-аброр", 25 а). Чунки, Шайх Худойдод ўз фикр-қарашлари билан халқни чин эътиқодга, ҳалол меҳнатга, меҳру муҳаббатга чақирган бўлса, ҳукмдорларни адолатга, раҳм-шафқатга, тинчликка даъват этган, жамият, халқ манфаати ва осойишталигини ўйлаган. Хуллас, Аҳмад Яссавий бошлаб берган яссавийлик таълимотини Шайх Худойдод ўз даврида Самарқандда фаол давом эттирган ва ривожлантирган.

Ҳазиний Худойдоднинг яссавийлик анъанасига биноан етиштирган кўплаб шогирду муридлари ҳақида баҳс юритар экан, уларнинг маънавий мақомини куйидагича таърифлайди: «Худойдоддан кейин (тариқатбоши бўлиб) ҳурматли дарвеш, Ҳақ йўлининг нигоҳбони Шайх Матин келди. Ундан кейин дарвешлар орасида маънавий муршид, кучли шайх муҳтарам Мулла Амин бўлди... Ҳазрати Султон (Аҳмад Яссавий) тариқати Мулла Амин туфайли жонланди» ("Жавоҳир ул-аброр", 118 б). "Улар орасида Хожа Мулло ягонаси эди ва Худойдоддан кейин ҳам ҳазрати Хожа Мулло сажжодага ўтирди. Ундан кейин Валий Кухзарий иршод ижозати олди. Худойдод Дарвеш Шайхга ҳам иршод ижозати берди. Дарвеш Шайх Мовароуннахрда ягона улўғлардан бўлди. Унинг Шаҳобиддин исмли халифаси фано бобида Шаҳобиддин Сухравардийга издош эди. Худойдод нури унинг юзида жилваланди. Халифаларнинг хотами ҳам у эди..." ("Жомий ул-муршидин", 58 а-б).

Худойдод бошқа тариқат вакиллари билан, хусусан, нақшбандия тариқатининг Муҳаммад Қози, Маҳдуми Аъзам, Хожа Ислон Жуйборий каби атоқли намояндлари билан самимий муносабатда бўлган. Жумладан, Хожа Ислон Жуйборий билан учрашуви чоғида унга зикри арра талқин этганлиги ҳам бунини ёрқин далилидир.

Ҳазинийнинг ёзишича, баъзи мутаассиб уламолар Худойдоднинг ҳузурга келиб қутбият даражасини талаб этадилар. Шайх Худойдод эса бундай нодон "мункиру мутаъажжиблар" даъвосидан таажжубланади ва уларга қарата:

Ғайри Ҳақ ҳар қиз ки-он мақсуди ту аст,

Тиғи ло бар каш ки он маъбуду ту аст ("Жавоҳир ул-аброр", 86 а-б),

(маъноси: Ҳақдан бошқа ҳар нарсаки, сенинг мақсадинг эрса, унинг бошига «ла» қиличини ур, зеро у сенинг яширин бутингдир) байтини ўқийди.

"Жомий ул-муршидин"да ёзилишича, Шайх Худойдоднинг вафоти пайтида муридлари йиғлайдилар, Шайх ҳайрон бўлиб «нега йиғлаяписизлар, холбуки менинг ўлганимга (яъни, нафсимда ўлиб — фано бўлиб, Аллоҳ, ҳузурда тирилган — боқий бўлганимга) бир қанча йиллар бўлган-ку» дейди. Бу фикр эса унинг аллақачон комил инсон бўлиб етишганидан дарак беради (57 а).

Пири Туркистон таълимотининг давомчиларини таъриф тавсиф этар экан, муаллиф уларнинг илоҳий даргоҳга яқин валий кишилар эканлигини айтиш билан бирга муҳим бир жиҳатга диққатини қаратади. Яъни, яссавий шайхларининг панду насиҳат тарзида ҳикмат ёзганликлари, ўзига хос тасаввуфий, рамзий, адабий-шеърый истилоҳлар қўллаганликлари, шу йўл билан фикр-ғояларини таъсирли, бадий жиҳатдан пишиқ ва халқона ифодалаганликларини қайд этади. Шу ўринда Шайх Худойдод билан бирга Хожа Мулло, Мавлоно Вали, Дарвеш Шайх, Мулла Амин, Сулаймон Ғазназий Бухорий, Жамолиддин Кошғарий, Сайид Мансур Бухорий

каби яссавий издошларининг ижодий салоҳиятларини таърифлайди.

Ҳазинийнинг ёзишича, Худойдод бой адабий меросга эга. Унинг маноқибиде кўплаб туркий ва форсий ғазал, маснавий, ҳикмат ва бошқа турли манзумалар ўрин олган. Муаллиф Худойдоднинг ўн мисра шеърини келтиради. Унда ёзилишича, Худойдод кўнгилга қарата: «Эй дил, ўзлигиндан кеч, бир нафас нозу карашма қилмасдан Ҳаққа йўнал» дея хитоб этади ва зикри арранинг фазилатларидан баҳс юритади. Унингча, арракаш сўфийга бу зикр тури хуш бир жилодир. Дил ойнасини бу зикр мусаффо қилади... Муҳаббатнинг донидан кўнгил куши парвоз этади. «Сенинг сийнангда бир чолғу бор, Ҳу садоси билан ўша чолғуни чал. Эй Худойдод, хилватда мосивони эслама, зеро, хослар йўлида кўнгил кўзи йўл кўрсатувчига айланди» («Манбаъ ул-абҳор», 25 б).

Дарҳақиқат, кутубхоналаримиз ва шахсий китоб жамғармаларида сақланаётган кўплаб "Девони ҳикмат" нусхаларида Шайх Худойдоднинг яссавиёна ҳикматлари ҳам ўрин олганки, сўфий шоирнинг илмий-адабий мероси ва тарихий китоблардаги унга доир маълумотларни тадқиқ этиш ва нашр этириш вақти келди.

Шайх Худойдод барча тариқат арбоблари сингари кўплаб шогирдлар етиштирган. Шулар қатори карманалик Қосим Шайх Азизоннинг етук муршид бўлиб етишувида Шайх Худойдоднинг таъсири катта бўлган. Шайх Худойдоднинг вафотидан сўнг (1532) Қосим Шайх унинг халифаси этиб тайинланди ва яссавийлик силсиласининг ўн учинчи бўғини сифатида фаолият кўрсатди. Тарихий манбаларда ва халқ орасида "Низомиддин Қосим Шайх", "Ҳазрати Эшон", "Валоят шоир", "Кутб ул-авлиё", «Суғд ул-авлиё» каби номлар билан ҳам машҳур бўлган Қосим Шайхга халқнинг ихлос-этиқоди кучли эди. Чунки Қосим Шайх ўз нафсини тарбиялаган, юксак ахлоқ гўзаллигига эришган бир валий зот эди. Ҳасанхожа Нисорийнинг ёзишича, Қосим Шайх Азизон вужуддан кечиш ва мавжудни ўзидан дариг тутмаслик бобида баланд мартабага эришган. У фавқуллода кароматлари билан маънавий муҳтожларнинг эҳтиёжини қондирар, даражаларини кўтаришга интилар эди. Юксак фазилатлари билан тушқунликка тушганларга далда бўлиб, уларга маърифат ва ҳақиқатдан сабоқ берар эди. У зотнинг даргоҳи «бу ерга кирган киши омонлик топади» (Қуръони карим, 3/96) ояти каримасининг далили сифатида замона аҳлининг тасаллигоҳига айланган (Нисорий, 1993. 35-б.). Ҳазиний ҳам Қосим Шайхни "Ўз даврининг нодири... Машойихи асрнинг яғонаси ва авлиёи даҳрнинг фарзонаси, муқаддас шамоили қутб хислатли, тақво аҳлининг хужжати, муртазолар йўлбошчиси" каби таърифлар билан мадҳ этади. Шу боис Қосим шайхнинг даргоҳи гўё бир мажлисгоҳ бўлиб, атрофидаги Ҳақ эрлари ва зокиру ҳозирларнинг ҳисоби доимо мингдан ошар экан ("Жавоҳир ул-аброр", 118 б).

Ҳазиний Қосим Шайхнинг Мавлоно Вали Кухзарийдан ҳам таълим олганлигини хабар беради: "Қосим Шайх Худойдод етиштирган етмиш икки халифадан бири бўлган Мулла Вали Кухзарийнинг "Ҳақ йўлида қуловуз сифатида қолдирган етук шогирдидир" дея ёзади муаллиф.

Ҳазинийнинг ёзишича, Қосим Шайх издоши Саййид Мансурга: "Охиратдаги ҳисоб-китоб чоғида Парвардигори олам мандан: "Дунё охират зироатгоҳи эди, сен нажоту даражотинг учун дунё экинзорингдан қандай самара, не армуғон келтирдинг?" деб сўраса, нима деб жавоб бераман?. Ўйлаб қарасам, саксон беш йиллик умримда эътиборли бир амалим йўқ экан", дея ташвишланган ("Жавоҳир ул-аброр", 72 6-73 а; "Манбаъ ул-абҳор", 47 а-б). Бу эса Қосим Шайхнинг нечоғли покиза бир зот бўлганлигини кўрсатади.

Қосим Шайх Аҳмад Яссавий бошлаб берган турк машойихлари силсиласига муносиб издош бўлди. Зеро, у риёзат ва ҳимматда, кашфу кароматда, ўзининг хидоят даъватлари билан инсонларни тўғри йўлга бошлашда, толибларни сулук қоидалари билан яқиндан таништиришда катта хизмат кўрсатди. Ҳазинийнинг ёзишича, Қосим Шайх муршидлик ижозатини олгач, Мовароуннаҳрнинг барча азизлари унга мурид бўлдилар. Яссавийлик тариқати у туфайли ривож топди. У устози Шайх Худойдод йўлини ривожлантирди ("Жавоҳир ул-аброр", 59-60 б.).

Қосим Шайх нафақат маънавий-руҳоний ҳаётда, балки ижтимоий ҳаётда, хусусан, халқнинг оғирини енгил қилишда ҳам фаол қатнашди. У султонларни адолатга чақиришда,

ҳақ ва ҳақиқатнинг қарор топишида муҳим хизмат кўрсатди. Қосим Шайхнинг халқпарварлик ва сулҳпарварлик фаолияти соясида Зарафшон халқи фаровон ҳаёт кечирди. Шу боис "давлат арбобларию уларнинг хизматкорлари у зотнинг хизматида бўлиб, унга муриду мухлис бўлдилар" ("Жомиъ ул-муршидин", 59-60 б). Қосим Шайхга хусусан шайбоний султонларнинг ихлоси баланд бўлган. Шулардан бири, 16-аср иккинчи ярмида Мовароуннаҳрда ҳукмдорлик қилган Бухоро хони Абдуллахон иккинчининг (1557-1598) ҳаёт ва фаолиятига Қосим Шайхнинг сезиларли таъсири бўлди. Ушбу таъсир натижасида бир томондан Абдуллахон ўзининг саъй-ҳаракати билан Бухорони пойтахтга айлантириб, гуллаб-яшнатган бўлса, иккинчи томондан, у Қосим Шайхнинг тавсиялари билан ҳарбий-сиёсий ишларида ҳам муваффақиятлар қозонган. Ана шу муваффақиятлар эвазига хон улуғ пирига эҳтиром сифатида 1558 йил Карманада катта хонақоҳ қурдирган.

Қосим Шайх 1578 йил вафот этган ва ўз хонақоҳи ёнига дафн этилган. Қосим Шайх хонақоҳи XIX аср охиригача сўфий ва дарвишлар учун хизмат қилди. Хонақоҳ ва унга туташ ҳужраларда мадраса талабалари ҳам истиқомат қилиб, устозларидан сабоқ олишган. Бу бино XX аср бошида масжидга айлантирилди хусусан, жума кунлари зиёратчилар йиғиладиган бир марказга айланди. Бизнинг кунларимизгача етиб келган бу хонақоҳ бугун Самарқанднинг гавжум зиёратгоҳларидандир.

Қосим Шайхнинг таъсир доираси жуда кенг бўлган. Муҳаммад Тоҳир Эшон Хоразмийнинг авлиёлар тазкирасида Қосим Шайх ва унинг тариқат силсиласи давомчилари ҳақида сўз юритилади. Маълум бўлишича, Пирим Шайх, Олим Шайх, Иброҳим Туркистоний, Шермуҳаммад Шайх Хоразмий каби издошлари унинг вафотидан кейин яссавия силсиласини давом эттирганлар (ЎЗР ФАШИ, № 856/1. 84-б.).

Қосим Шайх ҳам бошқа яссавия вакиллари қатори Яссавия ҳикматнавислик анъанасига мувофиқ сўфиёна шеърлар ёзган. Унинг ижод намуналари ҳикмат тўпламларидан ҳам ўрин олган. Масалан:

Ҳақ, савдосин мунда қилғон ошиқ куллар,
Сафар қилиб борса онда роҳат кўрар.
Савдосиз ғофил куллар қонлар ютар,
Аё дўстлар, Ҳақ савдосин қила кўрунг.
Булҳаваслар даъво қилур Ҳақ савдосин,
Савдо қилмас қилдим теюр ҳавосидин,
Қутулмас ул нафс илгини балосидин,
Аё дўстлар, Ҳақ савдосин қила кўрунг.
Мискин Қосим Ҳақ савдосин қилмадинг сан,
Осий бўлуб бу дунёда юрудунг сан.
"Қул йа ибади!" оятига сигингил сан,
Аё дўстлар, Ҳақ савдосин қила кўрунг (ЎЗР ФА, № 178. 295 в.).

Хулоса қилиб шуни айтиш керакки, шайбонийлар сулоласи ўзининг бир асрлик ҳукмронлик даврида Мовароуннаҳр ижтимоий-маданий ҳаётида кўзга кўринарли из қолдирди. Бунда албатта шайбоний ҳукмдорларининг маънавий раҳнамолари бўлган Худойдоди Валий ва Қосим Шайх сингари яссавия машойихларининг ҳам ҳиссалари катта бўлган.

Ҳазиний ва бошқа муаллифлар асарларида келтирилган мазкур маълумотлар Шайх Худойдод ва Қосим Шайх каби самарқандлик алломаларнинг ҳаёту фаолиятлари ва тарихий хизматларини яқиндан билиш ва ўрганишда, уларни муносиб қадрлашда ёрдам беради. Зеро, ўтмиш аждодимиз илмий-адабий мероси ва фаолияти бугун ҳам кишиларимиз маънавиятини бойитишга, комил инсонни шакллантиришга, маърифий ва диний қадриятларимизни тиклашга хизмат қилади.

Фойдаланилган адабиётлар

Хожа Аҳмад Яссавий. Девони ҳикмат. ЎЗР ФА, Алишер Навоий номидаги Адабиёт музейи, № 178.
Ҳазиний. Жавоҳир ул-аброр, Манбаъ ул-абҳор, Жомиъ ул-муршидин.

- Муҳаммад Олим Шайх Азизон. Ламаҳот мин нафаҳот ул-қудс. Тошкент, 1909.
- Муҳаммад Тоҳир Эшон. Тазкираи Тоҳир Эшон. ЎзР ФА Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти, № 856/1.
- Абу Тоҳирхожа. Самария. Тошкент, 1991.
- Ҳасанхожа Нисорий. Музаққир аҳбоб. Тошкент, 1993.
- Яссавий ким эди. Тўплаб нашрга тайёрловчи ва сўз боши муаллифи Б. Дўстқораев. Тошкент, 1994.
- Бабаджанов Б. Политическая деятельность шейхов накшбандийа в Мавераннахре (I пол. XVI в.). Дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1996.
- Каттаев К. Шайх Худойдои Вали тарихи. Самарқанд, 1995.
- Шарафуддин Роқимий. Тарихи том. Тошкент, 1998.
- Тўраев Ҳ. Қосим Шайх / "Накшбандия" (Бухоро), 1998, 5-6-сонлар.
- Ҳазрати Азизон Шайх Худойдод Вали ҳаёт йўли, илмий ва адабий мероси. Самарқанд, 2001.
- Тошев Ф. Қосим Шайх Азизон // Ҳидоят, 2004/8. 30-32 б.

Nodirkhan Hasan - About the Two Yassawiya Sheikhs of Samarkand

This article describes the spread of the Yassawiya teaching within Central Asia by examining in particular the case of two of its members in Samarkand, Sheikh Khudaydod Azizon and Kasim Sheikh. It describes their literary and scientific heritage by examining the historical documents of the period.

Б. Аминов
(*Ўзбекистан*)

САМАРКАНДСКИЕ ШАЙХИ ЙАСАВИЙА

Как известно, орден йасавийа на протяжении шести столетий (XIII –XVIII вв.) действовал в качестве одного из главных течений на территории Мавараннахра, средней части Сырдарьинской долины и Северного Хорасана. В основе учения Ахмада Йасавий, если сослаться на его стихи (хикматы) из «Дивони хикмат» (Яссавий, 1992. 6, 13-14, 15-16-б.), прежде всего, преобладает принцип «ал-факру фахри» - «бедность, моя гордость»¹, основывающийся на хадис Пророка. Члены братства суфийских общин йасавийа практиковали громкий зикр, входящий в систему зикр-и джахрийа² и, в отличие от накшбандийа пользовались широкой популярностью среди кочевых тюркских племен. Поэтому не зря руководителей братства именуют как «машайх-и тюрк». Известно, что руководство в суфийском братстве, основанном Йусуфом Хамадани в Бухаре, после смерти шайха перешло к его третьему халифу Ахмаду Йасавий. Но вскоре он передал руководство 'Абд ал-Халику Гидждуваний, а сам вернулся в Йаси, собрал муридов из степного народа, построил ханаках и сформировал свое учение (Фитрат, 2000. 18-19-б.). Йасавийа в Мавараннахре называли также как орден джахрийа (Хафиз –и Танқш ибн Мир Мухаммад Бухари, 1983. С. 134, 271), султанийа и 'азйзан. По территориальному расположению основные места их действия находились вдали от культурных и политических центров, хотя отдельные шайхи йасавийа жили и действовали в столицах крупных держав.

Например, Хадим шайх (XV-XVI вв.) пребывал в городе Самарканде, Шайх Джамал ад-Дин жил в Бухаре и Герате (XV-XVI в.), Шайх Худайдад Таш Мухаммад оглы 'Азйзан Хваразми Бухари (Халифа Худайдад) (XVIII в.) и его ученики жили и распространяли учения йасавийа в городе Бухаре. Прослеживается отсутствие распространения тариката на отдельные области Средней Азии. Сюда можно отнести Ферганскую долину и города Восточного Туркестана, а также территорию Хорезма, где редко упоминается деятельность шайхов братства, кроме Хаким-ата (Д. Де Визе, 2003). Географию распространения братства йасавийа на территории современного Узбекистана в той или иной мере можно проследить, исследуя неизвестные и малоизвестные центры йасавийа в отдельных районах Самаркандской области, так как здесь оно получило большее развитие, чем в других регионах.

Суфийское братство йасавийа было распространено особенно среди кочевых и полукочевых тюркоязычных племен, проживавших в Мийанкале. Некоторые культовые и эпиграфические памятники региона свидетельствуют о центрах, руководителях и представителях тариката. Существуют разные мнения о распространителях учения йасавийа, связанные с деятельностью прямых, наследственных и ненаследственных потомков и последователей течения. Быту-

ют предания о проникновении йасавийа в Самаркандскую область через Садр ата и его последователей: его прямой мурид Имин-баба (Йамин-баба), а также его последователь шайх 'Али-шайх, и ученика последнего – Маудуд шайха (Катаев, 2000. 55-56-б.). По другой версии распространителем джахрийа в эти края является шайх Камал (Камал ад-дин) Икании - ученик Маудуд шайха, родом из города Икан (Икан) в Ферганской долине (Фитрат, 2000. 18-19-б.) или из города с таким же названием в Туркестане (Казахстан). Восхищенный талантом и способностями шайха Камала, его наставник отправил его в страну самаркандских тюрок, чтобы он распространял лучезарную доктрину йасавийа (Тоштемиров, 2000. 39-40-б.). По мнению Д. Де Визе, в расширении мавараннахрской ветви йассавайя главную роль сыграл Шайх Худайдад Вали (ум. в 1534 или 1537 г.), ученик бухарского Шайха Джамал ад-дина, жизнь и деятельность которого прошли в селении Газира (Джамбайский район Самаркандской области). Среди учеников Шайха Худайдада особо выделяется Касым шайх (ум. в 1578 г.), крупный представитель йасавийа, ученик шайха Худай-дада Вали, проживавший в Кармине, в центре исторической области Мийанкал, который сыграл значительную роль в политической и духовной жизни Мавараннахра. К нему часто обращался шайбанид Абдуллахан, и с его помощью ни один раз было заключено перемирие между враждующими сторонами - правителями удельных владений Самарканда и Ташкента с 'Абдуллаханом (Абдуллоном, 1969. 78-79-б.). Он строго придерживался традиций йасавийа и его главной целью было объединение общества и обеспечение хорошей жизнью разных слоев народа, сохранение мира и спокойствия в стране, недопущение ростовщичества и беспредела судей и служителей правопорядка. Его ученик из племени кунгират Пирим шайх (ум. 1597 г.) был наставником известного 'Алим шайха 'азизана (Мухаммад ал-'Алим ас-Сиддики ал-'Алави), автора «Ламахат мин нафахат ал-кудс», проживавшего в 1564-1635 гг. в селении 'Алибад. В генеалогической цепи 'Алим шайха встречается имя его деда Дарвиша шайха, известного шайха своей эпохи, мурида Худайдада шайха, похороненного на кладбище кишлака Дарвишика Пайарикского района, по другой версии его могила находилась в Али абаде (Тоштемиров, 2000. 41-42-б.). Первоначальное образование 'Алим шайх получил от своего деда, затем стал муридом упомянутого Дарвиш шайха. Источники свидетельствуют, что по инициативе 'Алим шайха в 1623 г. (1032 г.х.) на юго-западной стороне медресе Улугбека в Самарканде был построен купольный ханаках, а через пару лет он построил в Алибаде соборную мечеть, ханаках и медресе.

Намогильная плита - стела в центре кладбища 'Алим шайха, находящаяся на огромной дахме, информирует нас о генеалогии шайха, дает сведения об эпитетах и хронологии смерти автора «Ламахат»³. В результате прочтения текста эпитафии нам удалось уточнить его пышные эпитеты, раскрывающие сферу деятельности и способности шайха: «ал- 'Алим, ал-факих ал- 'амил ва-л мухаддис ал-муфассир ал-камил, сахиб ал-кашф ал-карамат». Представленная на намогильной плите генеалогия 'Алим шайха с исторической точки зрения интересна и имена предков, большинство из которых являются шайхами, требует дальнейшего сопоставительного изучения не только в историко-генеалогическом, но и в антропонимическом аспектах. Генеалогия на эпитафии представлена следующим образом: *Хазрат 'Алим шайх 'Азизан сын шайх ал-шуйух Мухаммада Мумин шайха Сиддики, и он сын кутб ал-актаб хазрата Дарвиш шайха сына Хаванд шах шайха сына Фатх Аллах шайха сына шайха Хаванд Шаха сына Фатх Аллах шайха сына Хайбат Аллах шайха сына 'Ала ад-Дин шайха сына Гаус ул-аулия шайха Зайн ад-Дина и он сын Шахаб ал-милла ва-д-Дин Абу Хафс 'Умар ас-Сиддики ас-Сухраварди.* Таким образом, генеалогическая цепь 'Алим шайха восходит к Абу Хафс 'Умар ас-Сиддики ас-Сухраварди. Возможно, это муршид Ахмада Йасави - хазрат шайх Шихаб ад-дин Сухраварди (Абд ал-Кадир ибн Мухаммад Амин, 2005. С. 21). Сюда можно добавить также, что духовная цепь пир (наставник) Тарагай бахадира (отца Амира Тимура) шайха Шамс ад-Дина Кулала ал-Киши восходит к Сухраварди (Тоштемиров, 2005. 43-б.).

На дахме, кроме стелы, расположены еще 4 намогильные плиты, имеющие форму параллелепипеда. На северных торцах эпитафий высечены имена потомков 'Алим шайха. Прочтены имена и даты смерти владельцев только трех эпитафий, а одно осталось пока не прочтенным из-за дефектности камня. Две каменные плиты с женскими именами, по нашему мнению, по-

священы двум дочерям 'Алим шайха: Мах Джан бигим (дата смерти не читается), и Мах бигим (г. см. 1057 г.х.). Другая надгробная плита принадлежит Хваджа Ас'аду ибн Хваджа 'Абд ал-Рашиду (дата смерти - 1057 г.х.).

После 'Алим шайха намечается отсутствие главы здешних представителей йасавийа. По его линии преемственности известен также маулана Мухаммад Шариф из Бухары (ум. в 1697 г.) (Д.Ди Визе. Йасавийа). Но в книге 'Абд ал-Кадира указаны еще две главные линии, идущие от 'Алим шайха к его мюридам Хаджжи Байраму и маулана Хваджа 'Усмону. От Хаджжи Байрама начинается и распространяется духовная цепь йасавийа в Турции. Мюриды и последователи маулана Хваджа 'Усмана играли значительную роль в Средней Азии, среди их числа должны быть названы хазрат Имла', Хваджа Худайдад Бухари и др. (Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. С. 17-18).

В процессе эпиграфических исследований в близлежащем к Айлавату селении Чалмуин нам удалось выявить имя еще одного шайха, погребенного на кладбище Дарвиш шайха - хазрата Бахшайиш шайха. На надгробной плите продолговатой формы под №1(143X20X10-12) высечены следующие, надписи:

№1

او لاد بخشايش عزيزان رحمن ابردى خواجه عزيزان سلطان خواجه عزيزان كمينه عبد الخالق خواجه سنة 1126

Потомки Бахшайиш 'азизана : Рахман Апарди (Берди) Хваджа 'азизан, Султан Хваджа 'азизан, покорнейший 'Абд ал-Халик хваджа, дата 1126 г.х. -1714 г.

№2 (136X22X20)

... او لاد بخشايش عزيزان درويش شيخ ابن عبد الخالق كمينه حضرت عبد الخالق ...

Потомки Бахшайиш 'азизана.; Дарвиш шайх ибн 'Абд ал-Халик покорнейший хазрат 'Абд ал-Халик

Итак, представленные имена шайхов являются потомками Бахшайиш шайха, одного из руководителей йасавийа в этом селении. Имя Бахшайиш шайха называется в энциклопедическом труде 'Абд ал-Кадира ибн Мухаммад Амина ал-Бухари как одного из мюридов Хваджа Худайдада⁴. Название кладбища связано с именем не того Дарвиш шайха, отца 'Алим шайха, о котором говорит местное население, а о другом потомке Бахшайиша, предположительно проживавшем в XVII-XVIII вв. Вероятно, здесь находится могила основателя генеалогии - Бахшайиша 'азизана.

Результаты исследований, проведенные осенью 2006 года на территории Пахтачийского района показали, что йасавийа существовало в Самаркандской области и в последующие столетия. Можно предполагать, что в эпоху мангытской династии шайхи йасавийа центром своего учения выбрали Карнаб-ата, недалеко от пустыни Карнаб. На территории крупного селения имеется необычное кладбище, площадью ок. 5-6 га. В северо-западном углу кладбища имеется дахма, окруженная стеной из шлакоблоков. Размеры квадратной дахмы: 3,37x3,37м, высота 0,9 м. Дакма сложена из прямоугольных каменных плит (85x95 см). В средней части дахмы вставлена стела из серого гранита (высота 120, ширина 62-60 и толщина 5 см). К северу от дахмы имеется еще одна стела из белого мрамора (длина - 73; высота - 18; ширина - 14 см). На территории кладбища вместе с двумя стелами зафиксированы 14 надгробных плит. Наиболее информативные стелы пронумерованы в нашем списке под номерами №13 и №14. Итак, переходим к расшифровке текстов этих надгробных плит.

№13

Высота - 74, шир. - 30, тол.- 30 см.

این قبر تاج الدین خواجه واد شادمان خواجه ولد منزلت نشان خواجه عبد الله القادر عزيزان قدس الله سرهم وجعل الجنة
مآواهم سنة ۱۲۲۳

Это могила Тадж ад-дйна хваджа сына Шадман хваджа сына знак достоинство (высокого чина) (манзалат нишан) Хваджа 'Абд ал-Кадира 'азизана

Да освятит Аллах их священные тайны и сделает место их пребывания раем, дата 1223 г.х. (1803 г.)

№14

Высота - 120, шир. - 62-60, тол. - 5 см.

بانی روضه منوره هو مقبره مطهره قطب الاقطاب حضرت قرب انا نور

بر عهد امر المؤمنین امیر حیدر سلطان سلم الله سنة ۱۲۲۳

مرقده قاضی تاج الدین خواجة ولد مرحومی میر شادمان خواجه میر اسد الولی ؟

Создатель озаренного сада и священной гробницы кутб ал-актаб Хазрат Карнаб ата, в эпоху амир ал-му'минин Амира Хайдара Султана, мир ему, в 1223 г.х.

Да озарит его могила, Кади Тадж ад-дин Хваджа сын умершего Шадман хваджа Мир Асад ал-Вали(?).

Карнаб ата, по данным эпиграфики, являлся историческим лицом и, возможно, он был во главе йасавийа в этом районе. Он жил в эпоху правителя мангытской династии Амира Хайдара (1800-1825 гг.). Для уточнения этой личности и равным образом *Хваджа 'Абд ал-Кадира 'азизана* и его потомков требуются дополнительные источники и сведения. Ата, 'азизан, как важные антропонимические элементы, служат в качестве веского показателя существования братства йасавийа в Карнабе.

Таким образом, можно предположить, где и на какой территории Самаркандской области вели свою деятельность шайхи йасавийа. Исследования и исторические сведения показывают, что отдельные селения и районы Самаркандской области, такие как Айловот, Кумушкент, Газира, Кунград, Дарвишик, Якан шайх, Пирим шайх, расположенные к северу от Карнаб ата и к юго-западу от города Самарканда, являлись центрами братства йасавийа. Исторические сочинения, эпиграфические исследования, проведенные ранее⁵, данные надписей намогильных плит и атрибуты культа святых свидетельствуют о суфийских центрах братства йасавийа в изучаемых районах.

На территории Самаркандской области в разные эпохи жили и действовали известные шайхи: Махдуд шайх, Камал шайх Икани (второй Ахмад Йасави), Саййид Ахмад шайх, Маулана Шамс Узганди, шайх Худайдад, Мухаммади Йар Нугай ата, Дарвиш шайх, 'Алим шайх, Пирим шайх, Мухаммад Му'мин шайх и др. Кладбища и мазары, носящие имена шайхов, обращают наше внимание на бывшие суфийские центры и месторасположения представителей тариката джахрийа⁶.

Примечания

1. Нестабильная политическая ситуация после крушения Саманидов в XI-XII вв., децентрализация государства, борьба за владения и земли в Средней Азии между удельными владетелями полукочевых и кочевых племен Караканидов, проникновение немусульман каракитаев с севера, а также господство в Бухаре религиозных слоев - садров принесли большие бедствия в стране и от этого сильно пострадал простой народ. Ярость и гнев народа ярко выразились в стихах Ахмада Йасави, и он выступает как сострадающий мистик полукочевых и кочевых тюркоязычных племен среднего течения долины Сырдарьи. Он в своих стихотворных премудростях рыдал вместе с нищим народом, выражал скорбь печальных и остро критиковал аристократические круги и поддерживающих их религиозных фанатиков и тех, которые испытывали жажду власти. По его словам наказание бедного за его грехи это от Аллаха, и такая мысль занимает особое место в его изречениях, и спасение - это не борьба против угнетателей, а всего лишь упование только на Бога, на своего муршида, идти за наставником, практиковать громкий зикр - джахр. По этой причине жизнь и деятельность самого основателя ордена служит ярким примером для йасавийских мистиков по достижении бзглетнего возраста, он жил в подземной чиллахане - анакаха.
2. Зикри джахрийа практиковался также в братствах кадирийа, кубравийа и 'ишкийа.
3. Впервые надписи стелы были эстампированы и прочтены Б. Бабаджановым.
4. Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амйн. Маджма' ал-ансаб ва-л-ашджар. С. 19
5. В 80-е годы прошлого века надгробные надписи этих районов были исследованы Б. Бабаджановым.
6. В Хатырчинском районе нами обследовано кладбище, где находится макбара Бадр ата. Но для выяснения дополнительных сведений мы должны рассмотреть другие источники. Намогильная плита на макбарате Бадр ата поставлена недавно, что не может дать нам исторических фактов.

Использованная литература

- Ахмад Ясавий. Девони хикмат. Тошкент, 1992.
Абдурауф Фитрат. Танланган асарлар. П жилд. Илмий асарлар, Тошкент, 2000.
Хафиз -и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы) // (Перев. с персидского, введение, примечание и указатели М.А. Салахетдиновой. Часть I. М., 1983.
Д.Де Визе. Йасавийа. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 2003.
Абдурахмон Тоштемиров. Челак тарихи. Тошкент, 2000.

Ҳофиз Таниш ибн Мир Муҳаммад Бухорий. Абдуллонома (Шарафномаи шохий). Тошкент, 1969.
Абд ал-Қадир ибн Муҳаммад-Амйн. Маджма' ал-ансаб ва-л-ашджар (Введ., пер. с арабского, персидского и тюркского языков, комментарии, подготовка факсимиле к изданию Ш. Вахидова, А. Мунинова, Б. Аминова // История Казахстана в персидских источниках. Т. II, Алматы, 2005.

B. Aminov - Th Samarkand Yassaviya Sheikhs

Soghd order of Yassaviya in the course of the 13th-18th cc. was one of the most important in Maverannakhr, Syrdarya province and Northern Khorasan. Members of that order practiced loud zikr; their slogan was – “my poverty is my proud”. Unlike Nakshbandiya brotherhood, the very order was popular among nomadic Turkic tribes including those living in Miyankala. Among the sheikhs of the order the figure of Alim Sheikh was predominant, and he was buried in the centre of the Alim Sheikh cemetery. From the epitaph one may clarify the sheikh's genealogy, his date of birth. Probably, burial place of its founder, Bahshayasha Azizan, may be here also. The investigation exposed the activity place of the sheikhs of Yassaviya in Samarkand province as well as their names as representatives of the Jakhriya tarikat.

*М. Бузруков
(Ўзбекистон)*

НИЗОМИДДИН ХОМУШ ХОЖАГОН – НАҚШБАНДИЯ ТАЪЛИМОТИНИНГ НАМОЯНДАСИ

Мирзо Улуғбек ҳукмронлиги даврида Самарқандда хожагон-нақшбандия тарикатининг пиру муршиди сифатида фаолият кўрсатган Ҳазрат Мавлоно Низомиддин Хомушнинг ҳаёти ва фаолияти тарихшунослигимизнинг ўрганилмаган саҳифаларидан биридир.

«Рашаҳот»даги «тўксон ёшор бўлиб эрдилар» (Сафий, 2004. 148-б.) деган маълумотга асосланиб Низомиддин Хомуш 1360-1450 йилларда яшаган дейиш мумкин. Амир Темурнинг сиёсат майдонига кириб келиши арафасида туғилган Хомушнинг асосий фаолияти Халил Султон, Мирзо Улуғбек ҳукмронлиги даврида Самарқандда кечган. Худди шу даврда тасаввуфнинг хожагон-нақшбандия тарикати бу ўлкаларда катта эътибор қозонди ва ижтимоий гуруҳларнинг барча табақалари орасида кенг ёйилди.

Носириддин Бухорийнинг ёзишича, Низомиддинда «истиғроқ» (инсоннинг шавқу-завқ, ҳаяжон билан ўзини билмас даражада фикрга, хайратга чўмиши – Б.М.) ва «ҳол»нинг (сўфий қалбда беихтиёр ўз-ўзидан пайдо бўладиган руҳий кечинма. Ҳол Ҳақ тухфаси ва ҳадяси бўлиб, инсоннинг иродаси ва ҳаракатига тобе эмас – Б.М.) ғалабаси одат бўлганлиги учун «Хомуш» лақабини олганлар (Бухорий, 1908. 57-б.).

Ботирхон Валихўжаевнинг фикрича, Низомиддин Хомуш Самарқандда туғилиб, бошланғич таълимни шу ерда олган (Валихўжаев, 1996. 48-б.). Аммо Самарқанд вилояти Тайлоқ туманига қарашли «Талаб-ато» қишлоғи кексалари, аждодларидан ўтиб келаётган нақл-ривоятларга асосланиб бу ерда дафн этилган Хомушни асли тошкентлик бўлиб, шажараси Шайх Зайниддин Кўйи Орифонга бориб тақалади дейишади. Демак, Хомуш Тошкентда туғилиб, дастлабки таълимни ҳам ўша ерда олган бўлиши мумкин.

Таҳсилни Бухоро мадрасаларида давом эттирган Хомуш ўқиб юрган вақтларида Бухоро уламоларидан бирининг мажлисида Хожаи Бузургвор – Баҳоуддин Нақшбандни кўрган (Жомий, 1910. 359-б.). Шундан сўнг у кишининг биринчи халифаси Алоуддин Аттор раҳбарлигида Хожагон тарикати ва Ҳазрати Хожаи Бузург сулукларининг назарий ва амалий моҳиятини чуқур ўрганган (Навоий, 2001. 275-б.).

Қомусий билимлар соҳиби, «Мирзо Улуғбекка риёзиёт илмидан сабоқ берган» (Ҳомидов, 1995. 138-б.) Саййид Шариф Журжоний (1339-1413) Алоуддин Аттор ҳузурига бориб «мани асҳобингиздин бир кишининг суҳбатига амр этингким, онинг суҳбати воситаси била бу мажлисга аҳлийят ҳосил этойин. Ва бу нисбат аҳлига муносибате ҳосил қилойин» деганда Аттор уни Хомушнинг суҳбатига ҳавола этади. Журжоний Хомуш «суҳбатининг баракотидан» ўз мақсадига етади (Сафий, 2004. 145-б.). Журжонийни Алоуддин Аттор ўзидан ташқари Баҳоуддин Нақшбанднинг яна учта халифаси турганда Хомуш суҳбатига ҳавола

қилиши унга билдирилган жуда катта ишончни ва Хомушни илму-тарикат бобида юқоридаги авлиёлардан кам бўлмаганлигини кўрсатади.

Низомиддин Хомуш Алоуддин Аттор ҳаётлигидаёқ (1400 й. в.э.) муршид сифатида ном қозонган ва пирининг илтифотиға сазовор бўлган эди (Сафий, 2004. 152-154-б.).

Мавлоно Низомиддин Хомуш Самарқандда эканликлари вақтида уларнинг атрофида ўша даврнинг кўзга кўринган олим, шоир ва уламолари тўпланиб, Мавлонони ўз муршидлари деб эътироф этганлар. Мавлононинг мухлислари қаторида Самарқанд шайх ул-исломи Хожа Исомуддин, уламолардан Мавлоно Саъдиддин Кошғарий, Мавлоно Қосим Анвор, Саййид Шариф Журжоний, Хожа Убайдуллоҳ – Хожа Аҳрор Вали ва бошқалар ҳам бўлганлар (Валихўжаев, 1996).

Низомиддин Хомушнинг Тошкент, Паркент шаҳарларида бир неча бор бўлиб, муридлар билан суҳбатлар қилганлиги, яъни хожагон-нақшбандия таълимотини мазмун-моҳиятини тушунтириб, тарғиб қилганлиги манбаларда келтирилган.

Низомиддин Хомушнинг фаолияти эндигона вужудга келган нақшбандия тариқатининг ёйилиши даврига тўғри келади. Хомуш нақшбандия таълимотини кенг ёйиш ва жорий этишда, уни асраб авайлаб, кейинги авлодларга етказиб беришда катта хизмат қилди ва ҳақли равишда ўз давридаёқ муаррих Хондамир томонидан «Мовароуннаҳр шайхи ва Нақшбанд таълимотининг асровчиси» дея эътироф этилди (Бартольд, 1964. С. 124).

Бизнингча, хожагон-нақшбандия тариқатининг йирик намояндаларининг турли шаҳарларда фаолият олиб бориши ҳам тариқатни кенг ёйиш мақсадидан келиб чиққан кўринади. Масалан, Алоуддин Аттор – Чағониёнда, Муҳаммад Порсо ва Алоуддин Ғиждувоний – Бухорода, Яъқуб Чархий – Халғатуда, Низомиддин Хомуш – Самарқандда, Саъдиддин Кошғарий – Ҳиротда ва ҳ.

Низомиддин Хомушнинг айнан тариқатнинг йирик вакили бўлмаган Тошкент воҳасига бир неча бор бориши ҳам шу мақсаддан келиб чиққан. Хомуш келажакини башорат қилган шогирди – Хожа Аҳрор (3; 304-305 б.) бу вақтда ҳали танилмаган эди. У ҳам ўз фаолиятини устозининг вафотидан сўнг Самарқандда давом эттиради.

Ҳирот шаҳрида фаолият олиб борган хожагон-нақшбандия тариқатининг пиру муршиди Саъдиддин Кошғарий ҳам тариқат илмини Хомушдан ўрганган бўлиб, унинг энг етук шогирди ҳисобланади.

Низомиддин Хомуш тариқат раҳнамоси сифатида ўша давр ижтимоий-сиёсий, мафкуравий ҳаётида ҳам фаол иштирок этган. Масалан, 1422 йили Улуғбек билан бирга Ироқ ва Озарбайжон юришидан ғалаба билан қайтган Шохрухни табриклаш учун Ҳиротга боради ва икки ой у ерда бўлади (Самарқандий, 1969. 304-б.).

Самарқандда Мирзо Улуғбек қурдирган ва расадхона битгунча ўзининг самовий кузатувлари ҳамда изланишларини олиб борган мадрасада Низомиддин Хомушни мударрислик қилгани манбаларда айтилган (Валихўжаев, 2004; Бухорий, 1993. 36-б.) бўлсада, ҳозирча унинг мударрислик фаолияти ҳақида маълумотга эга эмасмиз.

Низомиддин Хомушда хожагон-нақшбандия тариқати пирларига хос бўлган барча фазилатлар мужассам бўлган. У киши кароматфурушликка қарши бўлган ва шогирдларини ҳам шундай бўлишга ундаган.

Низомиддин Хомуш Тошкентда касаллик туфайли вафот этади (Сафий, 2004. 154-155-б.). Хожа Аҳрорнинг кўрсатмаси билан унинг шогирди Мавлоно Қосим касал ётган Хомушга қараган. Унинг айтишича, Хомуш кўп йиғлаган ва шундай деган: «Хожа (Аҳрор – Б.М.) бизни пир топдилар ва ҳар нимарсақим, бу муддат ҳаётимда пайдо қилиб эрдим, биздин олдилар ва бизни ахири корда муфлис (бечора, камбағал – Б. М.) эттилар. Бовужудким, Ҳазрати Хожа Алоуддин куддиси сирруху ниҳояти қувват ва камоли тасарруфда эрдилар, ҳар неча саъйе эттиларким, бу фақирға нисбат тасарруфе этсалар, эта билмадилар...

Низомиддин Хомушни нечанчи йилда вафот этганлиги манбаларда кўрсатилмаган. Биз у кишини 1450 йилда вафот этган деб ҳисоблаймиз.

Бизнингча, Хожа Аҳрор устози Низомиддин Хомуш тирик бўлганда, 1450 йилда Абдулло Мирзо ҳузурига келмасди. Ярим аср Самарқандда хожагон-нақшбандия тариқатининг

муршиди сифатида фаолият кўрсатган устозининг вафотидан сўнг, унинг ишларини давом эттириш ниятида Самарқандга келган ва бу ниятига кейинроқ Абу Саид Мирзо даврида эришган.

Айрим тадқиқотчилар Низомиддин Хомушни Улуғбек ўлимида ноҳақ айблайдилар. Биз эса уни Улуғбек ўлдирилганда Тошкентда бўлган деб ҳисоблаймиз.

Юқоридаги фикрларимиз Улуғбек ва Хомуш муносабатларини жиддий, ҳолисона тадқиқ этишни тақозо этади.

XV асрнинг биринчи ярмида Мовароуннаҳр ва Хуросонда, хусусан Самарқандда катта обрў-эътиборга, ҳурматга сазовор бўлган, ўша давр ижтимоий-сиёсий ва диний-мафкуравий ҳаётида ўзига хос ўрин туган Низомиддин Хомушнинг ҳаёти ва фаолиятини манбалар асосида ҳолисона ёритиш тарихшунослигимизнинг долзарб вазифаларидан бўлиб, ўша даврнинг кўпгина муаммоли, баҳсли ва ўрганилмаган томонларини очиб беришга хизмат қилади. Шунингдек, бу билан айниқса тасаввуф тарихидаги Баҳоуддин Нақшбанд ва Хожа Аҳрор фаолиятлари оралиғидаги бўшлиқ тўлдирилади. Қолаверса Низомиддин Хомуш нафақат ўтмиш маданиятимиз, маънавиятимизнинг буюк намояндаси, хожагон-нақшбандия тариқатининг пиру муршиди, балки бизнинг замондошимиз, янги маданиятимизни, миллий мафкурамизни қуришда, ёш баркамол авлодни шу мафкура руҳида тарбиялашда ҳамкоримиз сифатида ҳам ўрганилиши лозим.

Фойдаланилган адабиётлар

Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн. Тошкент, 1969.

Абдурахмон Жомий. Нафаҳот ул-унс. Лакҳнав. 1910. СамДУ кут. №42828.

Али Сафий. Рашаҳоту айнил ҳаёт. Тошкент, 2004.

Алишер Навоий. Насойим ул-муҳаббат. Тошкент, 2001.

Бартольд В.В. Улуғбек и его время. Соч. том 2, часть 2. М., 1964.

Бухорий С.С. Табаррук зиёратгоҳлар. Тошкент, 1993.

Валихўжаев Б. Мавлоно Хомуш. //Мерос, 1996, август № 12-13 (49).

Валихўжаев Б. Хожа Аҳрори Вали. Самарқанд, 1993.

Валихўжаев Б. ва бошқ. Хожа Аҳрори Валий. // Ўзбекистон овози, 2004 й. 13 апрел.

Носириддин Бухорий. Тухфат уз-зоирин. Бухоро, 1908.

Шарафуддин Роқимий. Тарихи томм. Тошкент, 1998.

Ҳомидов Ҳ. Қирк беш аллома ҳикояти. Тошкент, 1995.

М. Олтинов
(Ўзбекистон)

АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ҚУЙИ ЗАРАФШОН ВОҲАСИ ТАСАВВУФ МАЪНАВИЯТИ

Самарқанд шаҳри нафақат Марказий Осиёнинг, балки бутун Шарқ дунёсининг йирик маданий, илмий маркази сифатида Қуйи Зарафшон воҳасига ҳам кучли интеллектуал таъсир ўтказиб келди. Бу жараёни Амир Темур ва темурийлар даври мисолида нисбатан аниқроқ кўриш мумкин. Зеро, XIV асрнинг 70-90- йиллари – XV асрда Бухоро, Ғиждувон, Кармана, Нурота шаҳарлари Самарқанд билан ҳамкорликда янги ижтимоий, иқтисодий, маданий юксалиш даврига қўтарилдилар. Шундай экан, Қуйи Зарафшон воҳаси маънавий дунёсини Самарқанднинг маданий салоҳиятидан бўлак мукаммал ўрганиб бўлмайди.

Ана шу бебаҳо маънавий хазинани Самарқанд ва Қуйи Зарафшон воҳаси маданий, маънавий ҳамкорлигида таҳлил қилиб кўрамиз.

Қуйи Зарафшон воҳаси ҳам, унинг муҳим таркибий қисми ҳисобланган Самарқанд шаҳри ҳам мозийда ватанимизнинг йирик ва эрта ривожланган, маданийлашган минтақаларидан ҳисобланади. Уларнинг турли даврларда юксалган ҳар бир маданий қатлами ўзининг бетакрор хусусиятларига, кароматгўй, башоратчи авлиёларига, олим-фозилларига эга бўлган. Қуйи Зарафшоннинг IX-XII асрлар жаҳоншумул маданий, маънавий тараққиёти, нафақат XIV-XV асрлар, балки кейинги барча даврларнинг дунёвий ва исломий тафаккури учун маданий замин яратди. Гарчи барча даврларда ҳам тасаввуф илмида ягона глобал вазифа инсоннинг Ҳаққа яқинлашиши жараёнида қомилликка эришиш масаласи турсада, аммо муаммонинг ечими, механизми, технологияси ниҳоятда ўзига хосдир, бетакрордир. Алоҳида таъкидламоқчимизки,

Қуйи Зарафшон воҳасининг XIV-XV асрлар ва ундан кейинги даврлар ижтимоий, маънавий муҳитида тасаввуф илмининг улуғ авлиёлари Мавлоно Ориф Деггароний, Хожа Баҳоуддин Нақшбанд, Хожа Аҳрор Валиларнинг ўз салоҳиятлари, ўрни, ҳиссалари бор.

Ул пири комиллар Мовароуннаҳрнинг IX-XII асрлар тасаввуф институтини орифона моҳирлик ва тафаккур билан XIV-XV асрга олиб чиқиб, замон билан боғлади, омукталади, янги тасаввуфий, фалсафий ғоялар билан бойитдилар. Уни аҳоли орасига фаол тарғиб қилдилар, турмушга сингдирдилар. Натижада, жамиятда, одамларда янги кўтаринки руҳият пайдо бўлди. Шундай ижтимоий, маънавий фаол руҳият Мовароуннаҳрнинг сиёсий тақдирини ҳал қилиш учун кураш борган ўша қаттол, таҳликали замон учун жуда зарур эди.

Ориф Деггароний Карминий ва шогирди Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар ўз даврининг реформаторлари. Демокчимизки, Мовароуннаҳрнинг IX-XII асрлар тасаввуф маънавиятида айрим хурофий кўринишлар, таркидунёчилик, муриднинг Ҳаққа етаман деб жамиятдан ажралиб қолиши, жоҳиллик каби ҳолатлар мавжуд эди. Ул пири комиллар тасаввуфни ана шу хурофий қобидан тозалаб, инсон фаний дунёда ҳам моддий-маиший жиҳатдан яхши яшаши керак. Бунинг учун меҳнат қилиши зарур. Инсонларнинг меҳнати касб-корга асосланган, яъни ижтимоий ихтисослашган, профессионаллашган бўлиши шартлигини тарғиб қилдилар. Ориф Деггароний ва Баҳоуддин Нақшбандларнинг бу таълимотлари аҳолининг оммавий равишда ижтимоий ихтисослашган меҳнат билан банд бўлишларига олиб келди. Натижада аҳолининг моддий-турмуш шароити яхшилана бошлади. Ўз навбатида, жамиятнинг қайта юксалиши учун иқтисодий, сиёсий асослар шакллана бошлади.

Ҳазрат Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбанд таълимоти Ватан озодлиги, мустақиллиги ғоялари билан йўғрилган. У, Мовароуннаҳрда XIV асрнинг 50-60-йилларида мўғул ҳукмронлигига қарши тобора авж олаётган озодлик ҳаракатига ғоявий, маънавий даъват, мафкура бўлиб хизмат қилди.

Улуғ авлиёлар-қуддиса-сирриху Ҳазрат Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар таълимотининг марказида бугунги давлат сиёсати – шахс ижтимоий ҳимояси масаласи туради. Ул зоти шарифлар “агар бировнинг юкини кўтаришни истасанг, бутун жаҳон аҳли сенга дўст бўлғай”, - деб даъват қилдилар. Демокчиларки, ҳар доим одамларга, хусусан камбағал, бечора, дардман кишиларга моддий, маънавий ёрдам қил (юкини кўтар, ҳамдард бўл ва ҳ.), Ватан, халқ, дини ислом йўлида фидойи бўл, марҳаматингни, саховатингни аяма, шунда эл ҳурматига сазовор бўласан. Лекин сенинг бировга кўрсатган мурувватинг бетаъма, холисалиллоҳ, Оллоҳ йўлида бўлиши керак, уни ошкор, таъна қилма, ундан кибру-ҳаволанма... маъноларидаги ҳикматлар орқали инсонларни саҳий бўлишга чақирди. Шахсга саховат ва мурувват кўрсатиш кадриятларини жамиятнинг, ҳар бир инсоннинг ижтимоий бурчи даражасига олиб чиқдилар. Ул пири комилларнинг ўзлари ҳам деҳқончиликдан, ҳунармандчиликдан келган даромад ва шахсий жамғармаларини юзлаб моддий муҳтож одамларга тақсимлаб берганлар. Ижтимоий ҳимоя – шахсни тарбиялашнинг барча жамиятларга хос, оммавий тус олган воситасидир. Зеро, ижтимоий ҳимоя кадриятида муҳим маънавий, ахлоқий, тарбиявий имкониятлар мужассамлашган. Шунинг учун ҳам ижтимоий ҳимоя институти Ўзбекистон мустақиллиги шароитида давлат сиёсати даражасига кўтарилиб, янада янги маънавий, тарбиявий аҳамият касб этмоқда (Халқ сўзи, 2006, 8 декабрь).

Мавлоно Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбанд таълимотларида инсонни илм-маърифатли қилиш ҳикмати асосий талаблардан биридир. Ул зоти шарифлар мазкур омилни жамиятнинг юксалиши, шахснинг комиллик сари оммавий юз ўгиришининг энг қулай йўли деб билди. Шунинг учун ҳам кишиларни оммавий саводхонликка, амри маъруфга даъват этди. Унинг ҳосиласини XIV асрнинг 70-80 йилларида Мовароуннаҳр аҳолисининг илм-маърифатга интилиши жиддий суръатда фаоллашганида ҳам кўриш мумкин. Тасаввуф таълимотининг бу улуғ камарбасталари илм-маърифатли шахс ғийбат, ҳасад, дунёпарастлик... каби иллатлардан фориг бўлиб, Ҳақ Субҳанаҳу таолога яқинлашиши тезлашади. Бироқ бунинг учун жамият хурозод, моддий асослари мустаҳкам бўлиши керак, - деган истиқлолий хулосага келдилар.

Тасаввуф таълимотида шахснинг илм-маърифатли бўлишида зикр мактабининг аҳамияти таъкидланган. Бинобарин, ислом таълимотида ҳам, унинг тасаввуф тариқатида ҳам инсоннинг

қалбини тозалаб, Оллоҳга яқинлаштирувчи йўл-машаққатли ва пурҳикмат зикр мактабидир. Зеро, барча авлиёлар, пирлар зикри хуфия, зикри жаҳрия мактаблари дарсхоналарида Ҳаққа яқинлашганлар. Бирок, Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар жаҳрия мактабини ислоҳ қилиб, илми толибларга зикри хуфияда шуғулланишни тавсия этдилар. Чунки қаландар-дарвешлар, муридлар кўпроқ зикри жаҳрияда машғул бўлиб, жамиятнинг, кишиларнинг тинчлигини бузар, халакит берар эдилар. Бу муршиди-муридлар тасаввуфнинг Орифибиллоҳ юксаклигида туриб, “ҳақиқий мўминнинг тили ва дилидан ҳеч ким зарар кўрмаслиги керак”, - деган Ҳадиси Шарифга амал қилиб, мусулмонларни хуфёна мутуолаа билан машғул бўлишга чақирди. Зеро, жаноб Пайғамбаримиз Муҳаммад Мустафо с.а.в. Расули Акрам Набийи Ҳотамий Сарвари Мавжудод “хуфёна зикрнинг фазилати жаҳрия зикрникидан кўра етмиш марта ортиқроқдир” (Абу Исо Муҳаммад ат-Термизий, 1999) - деган эдилар.

Мавлоно Ориф Деггароний ва шогирди Хожа Баҳоуддин Нақшбанд таълимотида одамларни Оллоҳга муҳаббат ишқида тарбиялаш ҳикмати марказий ўринда туради. Ул пири соҳибкароматлар инсонлар қалб боғининг уста боғбонларидирлар. Зеро, улар кишилар қалбида Ҳаққа муҳаббат уруғини сепганлар, уни ҳар қандай нохуш бегона “ўтлардан” ҳимоялаб, асраб-авайлаб парваришлаганлар (Азимов, 2004. 22-бет). Ана шу ҳикматли мактаб воситасида одамларни ижтимоий қарахтликдан маънавий комиллик юксаклигига олиб чиққанлар. Ижтимоий ихтисослашган меҳнат соҳиби илоҳий ишқ уммонида бўлгандагина тил ва қалб уйғунлашади, моддий-маънавий манфаатдорлиги ошади деб таълим бердилар.

Ҳазрат Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар таълимотида инсонларни комилликка ўргатувчи тавба мактаби ҳам мавжуд. Бу ҳикматда икки қутбни кўрамыз. Бири – барча илоҳий ибодатларнинг ибтидосида тавба турганлиги бўлса, иккинчиси, киши билиб – билмай йўл қўйган хатолари учун Ҳақ Субҳанаҳу таолло олдида, шу камчиликларни такрорламаслик шарт билан, қалбдан тавба, пушаймон қилишдир. Зеро, яратганнинг ўзи бенуқсондир. Бандаси борки, ҳаётда катта-кичик гуноҳлар, камчиликларга йўл қўйганлар, ҳозир ҳам шундай. Тавба – илоҳий, ижтимоий, фалсафий, ҳуқуқий, социологик, педагогик, иқтисодий моҳиятга эга бўлиб, шахснинг маънавий покланиш омилдир. Пири комил Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбанднинг тавба ҳикмати пурмаъно, умрибоқий, жамиятимизнинг бугунги аъзолари учун ҳам хизмат қила оладиган мактабдир.

Мушоҳадамизнинг хулосаи мухтасарида таъкидламоқчимизки, Қуйи Зарафшон заминининг пурҳикмат, соҳибкаромат авлиёлари Мавлоно Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар тасаввуф илмининг, амри маъруф ва наҳйи мункарининг марказида асрлар оша энг долзарб муаммо – комил инсон, унинг маънавий юксалиш масаласи туради. Улар тасаввуф институтининг ҳам улуғ назариётчиси, ҳам тажрибали мураббийсидирлар. У – исломий ва дунёвий, миллий ва умумбашарий, соҳибқирон Амир Темур замонаси учун ҳам, миллий истиқлол даври учун ҳам зарур таълимотдир. Тасаввуфнинг бу икки пири комиллари Қуйи Зарафшон воҳаси дунёвий ва исломий маданиятининг янги мактабини яратдиларки, унда замонасининг шоҳлари ҳам, қувваи-ҳофиза соҳиблари олимлар ҳам, адабиёт тоғининг чўққилари ҳам, сиёсатчилар ҳам, оддий инсонлар ҳам таълим олиб келмоқдалар. Таъкидламоқчимизки, Амир Темур давлатининг тараққий этган моддий ва маънавий маданияти тасаввуф ғоялари билан йўғрилган эди. Тасаввуф таълимоти жамиятда давлат сиёсати даражасида кадрланиб, мафкурасига айланган эди. Мавлоно Ориф Деггароний ва Хожа Баҳоуддин Нақшбандлар яратган тасаввуф “қуёши” ҳали неча-нача замонлар яшаб, келажак авлодларнинг қалбини ёритиб, иситиб бораверади. Қуйи Зарафшон воҳаси ҳам, унинг 2750 навқирон ёшини шарқона тавозе билан нишонлаётган Самарқанди ҳам ўзи тарихан фирдавсмонанд фарзандлар ватани, пурҳикмат заминдир (Каримов, 1997. 171–174-бетлар).

Фойдаланилган адабиётлар

И. Каримов. Инсон манфаатларини таъминлаш, ижтимоий ҳимоя тизимини такомиллаштириш-устувор вазирамиздир //Халқ сўзи, 2006, 8 декабрь.

Абу Исо Муҳаммад ат-Термизий. Сунани Термизий. 1-жилд. Тошкент, 1999.

Садриддин Салим Бухорий, С.Азимов. Ҳазрат Мавлоно Ориф Деггароний. Бухоро, 2004.

И. Каримов. Хавфсизлик ва барқарор тараққиёт йўлида. 6-жилд. Тошкент, 1998.

О. Абдимўминов
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНД МУТАСАВВУФЛАРИ: ТАРИХ ВА ҲОЗИРГИ ЗАМОН

Тасаввуфда сўфийлик силсиласи узоқ мозийга хазрат пайғамбаримиз Муҳаммад с.а.в.га бориб тақалган ва шундан бошлаб тадрижий равишда тараққий этиб келган. Тасаввуф таълимоти XI – XV асрларда мазмунан ўзининг юқори чўққисига кўтарилди. Бунда албатта Хожа Юсуф Ҳамадоний, Хожа Абдуҳолиқ Гиждувоний, Аҳмад Яссавий, Сулаймон Боқирғоний, Баҳоуддин Нақшбанд в.б. каби улуғ мутасаввуфларнинг ҳиссалари бекиёс.

Шуни алоҳида таъкидлаш керакки, тасаввуф ва тасаввуфий ғоялар XIX – XX асрларда ҳам мавжуд бўлиб, собиқ шўро даврининг мудҳиш сиёсати туфайли ривож топмаган. Ваҳоланки, бугун Шарқ фалсафий тафаккурининг тамаддуни ҳисобланган тасаввуф илмини, таълимотини бутун дунё ўрганмоқда, ундан руҳий-маънавий озуқа олмақда. Жумладан, германиялик профессорлар Юрген Паул, Улрих Рудолфлар, туркиялик тасаввуфшунос олим Усмон Турорларнинг тадқиқотлари фикримиз далилидир (Юрген Паул, 1991; Улрих Рудолф, 2002; Усмон Турор, 1999).

Тасаввуф таълимоти – бу умри боқий маънавиятдир. У ислом дини билан биргаликда турли сиёсий-мафкуравий қатагонларга ҳам учраб... ҳамон омон яшаб келмоқда. Зеро, Ислом дини ва унинг ривожини учун ўта қалтис XIX-XX асрларда ҳам Ўрта Осиёда ўз даврининг йирик мутасаввуфлари, тасаввуф таълимотининг «олтин силсила»си давомчилари бисёр эди.

Зарафшон замини, хусусан Самарқанд диёрида дини ислом йўлида ўз тариқатларини тарғиб этган, нақшбандия сулуқининг йирик вакиллари Эшони Валихон Ургутий, Хожа Муҳйиддин Ургутий, Шайх Қутбиддинхон Эшон, Султонхонтўра Адо Аҳрорий, Нақибхон Тўғрал Аҳрорий ва бошқалар ана шундай улуғ муршиди комил мутасаввуфлардандурлар.

Эшони Валихон Ургутий нақшбандия тариқатининг йирик вакили, мутасаввуф аллома бўлиб Мавлоно Мир Муҳаммад Иброҳим Самарқандийнинг муриди бўлган (Комилов, 1996. 16-б.; Муҳиддин Ургутий, 2006). У кишидан иршод хатини олган. Эшони Валихон улуғ мутасаввуф, пири комил бўлганлиги боис, кўплаб маърифатли кишилар ул зотни ўзларига муршид деб билганлар. Жумладан, Саид Аҳмад Васлий Самарқандий ҳам Эшони Валихоннинг муриди бўлган. У кишига атаб «Назмул-силсила» номли китоб битган. Мазкур китобда ёзилишича, Эшони Валихоннинг сўфийлик силсиласи Ҳазрат Абу Бакр Сидикдан сарвари олам пайғамбаримиз Расули Акрам ва Ҳотами Набий Муҳаммад с.а.в. га бориб тақалади. Эшони Валихон Ургутий нафақат Самарқандда, балки Тожикистон, Афғонистон, Қирғизистон, Покистон, Эрон минтақаларини қамраб олган XIX-XX асрлар тасаввуф мактабини яратди. Бу мактабнинг диний-илмий, маънавий асосларини назарий ва амалий жиҳатдан асослаб, яхлит илмий-илоҳий концепциясини яратади. Улар валлиуллоҳ авлиё, нақшбандий пир сифатида шухрат топди. Эшони Валихон Ургутийнинг тасаввуф мактабини ул зот кабирнинг фарзандлари Шайх Муҳйиддин Хожа Ургутий ва Шайх Қутбиддин Эшон Ургутийлар юксалтириб XX аср тасаввуф институти даражасига олиб чиқдилар.

Муҳйиддин Хожа Ибн Абдул Вали қ.с. ҳам XX аср нақшбандия тариқатининг улуғ вакили, хориқуллода каромат соҳиби бўлиб, «Иршод-паноҳ», «Шайхи Жаҳон», «Эшони Ургутий» номлари билан машҳур бўлган. Тасаввуф таълимоти сирлари ва нақшбандия тариқати асосларини падали бузрукворларидан ўргандилар. У кишидан «нисбат нури» насиб этади (Комилов, 1996. 270-б.).

Шайхи Жаҳон Муҳйиддин Ургутий қ.с. улуғ мутасаввуф, Шайх ул – кабир, аллома инсон сифатида камол топган. Зоти Шариф ислом маънавияти учун ўта қалтис XX асрнинг биринчи ярмида яшаб, фаолият юритган. Қаттол шўро замонининг мудҳиш сиёсати туфайли аввал Афғонистонда, сўнгра Арабистонда яшашга, тариқатини тарғиб қилишга мажбур бўлади. Ватандан олисда фонийдан боқийга рихлат қиладилар. Афғонистон ва Арабистон ўлкаларидан

туриб фарзанди аржумандларига, фарзанди маънавийларига, муридларига, биродари динийга, биродари тарикатларига, тасаввуф таълимотини асословчи, диний ва тарикий, шеърий йўл-йўриқлар кўрсатувчи мактублар битади (Ургутий, 2006).

Иршодпаноҳ Муҳйиддин Ургутий кўплаб муридлар тарбият қиладилар, уларни камолот йўлига бошлаб, комиллик сари ундайдилар. Инсонларга жавонмардлик ва футувват, фақруфано, риёзату-оқибат йўлларини кўрсатади. Муҳйиддин Ургутийнинг зоҳир ва ботин илмида етук тўрт халифаси бўлган. Улар домла Абдулкабир Муфтийи Кармананий, домла Абдулазиз, домла Абдулғафур ҳамда Муҳаммад Иброҳимийлар бўлиб Муҳйиддин Ургутийдан иршод хатини олган, шариату тарикатда камол топган зотлар бўлишган.

Шайх Муҳйиддин Ҳазрат фалсафий, диний, ахлоқий, руҳий жиҳатдан ўта фикри теран, зийрак, зукко киши бўлганлар. Инсоннинг қалбида фақатгина Оллоҳга муҳаббат жўш урмоғи лозимлигини таъкидлаб шундай ёзади, «Маънавий муҳаббат, муҳаббат андозаси билан намоён бўлади. Худои таоллодан бу фақир умрининг оқибати бахайр, имони басаломат бўлишини сўраб қолинг» (Ургутий, 2006. 30-б.).

Самарқанд ўтмиши улуғ, бугуни ёруғ, келажаги порлоқ замин. Бу диёр ўзи табиатан пурҳикмат, серфазилят, бешигида авлиёлар ўсган замин.

Ўзбекистон мустақиллиги шароитида маънавиятимизнинг ажралмас узвий қисми бўлган тасаввуф таълимотини янада чуқур ўрганиш янгича илмий мушоҳадани талаб қилади. XIX – XX аср мутасаввуфлари тарихини чуқур тадқиқ қилиш Ватанимиз тарихини янада бойитади. Ёш авлод қалбида она-Ватанга муҳаббат, садоқат, буюк сиймолар шахсига нисбатан ҳурмат туйғусини шакллантиради. Замон ва макон талаб этаётган комил инсон шахсини шакллантиради.

Фойдаланилган адабиётлар

Юрген Паул. «Die politische und soziale Bedeutung der Naqschbandiya in Mittelasie im 15 jahrhundert». Berlin, 1991.

Улрих Рудолф. Ал-Мотуридий ва Самарқанд суннийлик илоҳиёти. Тошкент, 2002.

Усмон Турор. Тасаввуф тарихи. Тошкент, 1999.

Комилов Н. Тасаввуф. Биринчи китоб. Тошкент, 1996.

Саид Аҳмад Васлий. Назмул силсиласи. Тошкент, 2001.

Шайх Муҳйиддин Ургутий. Мактубот. Тошкент, 2006.

САМАРҚАНД ТАРИХ ЧОРРАҲАЛАРИДА. ЭТНОМАДАНИЙ АЛОҚАЛАР

Д. Дутураева
(Ўзбекистон)

ҚОРАХИТОЙЛАР ҲУКМРОНЛИГИ ДАВРИДА САМАРҚАНД (XII-XIII АСРЛАР)

1125 йили Хитойда киданларнинг Буюк Ляо империяси емирилгач, кидан уруғларининг бир гуруҳи Елюй Даши бошчилигида Ғарбга, яъни Ўрта Осиё худудига йўл олиб, бу ерда Қорахитойлар давлатига асос соладилар. Мовароуннаҳрда қорахитойлар ҳукмронлигининг бутунлай ўрнатилиши 1141 йили Самарқанд яқинидаги Катвон даштида Санжар султон бошчилигидаги салжук кўшини ва қорахитойлар ўртасида бўлиб ўтган жанг билан боғлиқдир. Бу жангда Санжар шу даражада талофат кўради-ки, бу хабар бутун мусулмон оламини қаттиқ ларзага солади. Низомий Арузи Самарқандий бу воқеа тўғрисида куйидагиларни ёзган: “Хита гурхони бутун олам султони Санжар билан жанг олиб борди... Самарқанд яқинида ва бу кун ислом кўшини учун шундай аянчли эдики, ҳаттоки, Трансоксания унинг ҳукмронлигига ўтди” (Chahar Maqala... 1921. p. 650). Ибн ал-Асир эса бу мағлубият ҳақида шундай дейди: “Улар (яъни, қорахитойлар – Д.Д.) 300 минг отлик билан чиқишди, Санжар ҳам уларга қарши ўз кўшини билан чиқди. Улар Мовароуннаҳрда учрашиб, даҳшатли жанг олиб боришди. Санжар ва унинг кўшини қочди, улардан 100 мингтаси ўлдирилган эди, шулардан 12 мингтаси саллал кишилар (1), 4 мингтаси аёллар бўлган, Санжарнинг рафиқаси эса асирликка олинган” (Ибн ал-Асир. 2002. С. 72). Бу воқеанинг акс-садоси Фаластин ва Сурияда мусулмонлар билан жанг олиб бораётган салибчиларга ҳам етиб борди. Ғарбий Европада эса 1141 йил воқеалари асосида афсона вужудга келади. Унда айтилишича, Шарқдан мусулмон оламига ҳужум қилиб, Фаластиндаги ўз диндошларига ёрдамга Иоанн исмли руҳоний подшо келмоқда. (Бартольд. 1968. С. 104). Хитой манбаларидан бири “Ляо ши” да хабар берилишича, Катвондаги жангдан сўнг Елюй Даши кўшини Самарқандда 90 кун мобайнида қолган. Ундан сўнг Самарқанд ва Бухоро оралиғидаги Цзи-жи-мань (ҳозирги Кармана) шаҳрига йўл олади. Айнан шу ерда Елюй Даши император, деб эълон қилинади (Токто... 2003, б. 85).

Г.Г. Пиковнинг фикрига кўра, қорахитойлар аввал Самарқанд худудларида қолишни режалаштирганлар. Аммо, яйловларнинг камлиги ҳамда ён-атрофнинг хатарлиги Елюй Даши Чу водийсига қайтишга мажбур қилган (Пиков. 1989. С. 83).

Катвондаги мағлубиятдан сўнг Санжар султон билан биргаликда Самарқанд ҳукмдори Маҳмудхон ҳам қочиб кетади. Маҳмудхоннинг Елюй Дашидан ҳадиксирашига сабаб бор эди. Негаки, 1137 йилда у киданларга қарши жангга чиқиб, мутлақ мағлубиятга учрагани (Grousset. 1970, p. 165). Бундан сўнг Маҳмудхон Санжар султон билан бирлашиб, қорахитойларга қарши сиёсат олиб борган. Умуман олганда, Маҳмудхон Санжар султонга доимо фидокорона хизмат қилган. Буни Маҳмудхон зарб қилган тангаларда нафақат ўзининг, балки Санжарнинг исми ва унвони ҳам қайд этилгани исботлайди (Давидович. 1957. С. 111). Шундай қилиб Маҳмудхон Самарқандни тарк этгач, Елюй Даши Самарқанд тахтини унинг укаси Иброҳим ибн Муҳаммадга топширади. У фақатгина расман ҳукмдор бўлганлиги Ибн ал-Асирнинг куйидаги маълумотидан ҳам кўриниб турибди: “У (яъни, Иброҳим ибн Муҳаммад – Д.Д.) ўзининг ҳукмронлиги даврида ҳеч қандай хавф-хатар туғдирмайдиган заиф ҳукмдор бўлган... 550 йили (1155-1156) у қарлуклар томонидан ўлдирилган” (Ибн ал-Асир. 2002, С. 77). Лекин, Иброҳимнинг кучсиз ҳоким бўлганлиги тўғрисидаги маълумотларга қарамай, унинг таъсир доираси нафақат Самарқандга, балки, Бухорога ҳам тарқалган бўлиши керак. Е.А. Давидович бу ҳодиса А.К. Марков (Марков. 1896) томонидан нашр қилинган, аммо, санаси аниқланмаган ва тўлиқ ўқилмаган бир Бухоро тангасида ҳам ўз исботини топган, деб таъкидлайди. Е.А. Давидович тангадаги ёзувни тиклаб, уни “Буюк ҳокон Иброҳим ибн

Мухаммад”, деб ўқийди. Тангада халифа Муктафи (530/1136–555/1160) номининг қайд этилиши унинг зарб қилинган санасини кўрсатади. Бу эса Иброҳим ҳукмронлиги даври (530/1141–550/1155-1156 йилларга) билан мос келади (Давидович. 1957. С. 111). Бухоро Иброҳим томонидан қайси йўл билан қўлга киритилганлиги номаълум. Чунки, 1141 йили Бухоро Елюй Даши томонидан Алп-тегинга топширилган эди.

Иброҳимдан кейин ҳам Самарқанднинг барча ҳукмдорлари (2) қорахитой гурхонининг ҳокимиятини сўзсиз равишда тан олганлар. Фақатгина, XII аср охири - XIII аср бошида Самарқанд тепасига келган Усмон ибн Иброҳим гоҳ Мухаммад Хоразмшоҳ, гоҳ қорахитой гурхонининг ҳокимиятини тан олган. Ибн ал-Асирнинг ёзишича, 604 (1207-08) йили Самарқанд султони илк бора Мухаммад Хоразмшоҳ билан бирлашиб, қорахитойларга қарши уруш олиб борган. 606 (1209-10) йили Хоразмшоҳ билан Усмон яна иттифоқ тузиб, қорахитойларни жангда тор-мор эттиришади (Ибн ал-Асирнинг. 2002. С. 83-84). Е.А. Давидович фикрига кўра, биринчи иттифоқда иккала томон ҳам тенг ҳуқуқли келишув тузган эди. Буни 605 (1208-09) йили зарб этилган Самарқанд тангалари ҳам тасдиқлайди. Ушбу тангаларда фақат Усмон номи зикр этилган. 606 (1209-10) йилда тузилган иттифоқ эса Усмонни Хоразмшоҳнинг устунлигини тан олишга олиб келди. 606 (1209-10) йили зарб қилинган Самарқанд тангаларида ҳам Усмон, ҳам Хоразмшоҳ номлари қайд этилган. Бундан ташқари 607 йили ҳам бу каби тангалар чиқарилган. Шундан келиб чиққан ҳолда, Хоразмшоҳ билан Самарқанд султонининг қорахитойларга қарши иттифоқ тузиши уч марта бўлган, деган фикрга келиш мумкин (Давидович. 1957. С. 113-114).

604 йилдаги Хоразмшоҳ билан бўлган биринчи иттифоқдан сўнг Усмон яна қорахитойлар томонига ўтган ва гурхоннинг қизига совчилар юборган. Аммо, рад жавобини олгач, яна Хоразмшоҳ томонига ўтган. Лекин, бу сафар Хоразмшоҳнинг устуворлигини тан олиб, Самарқанд тангаларига унинг номини киритган (The History... 1958). Гурхон буни эшитгач, Самарқандга бостириб келган ва аввал Усмонга узатишни истамаган қизини турмушга берган. Аммо, найман ҳукмдори Кучлук хон билан бўлган низоларнинг кучайганлиги туфайли, гурхон Самарқанд билан сулҳ тузиб ортга қайтишга мажбур бўлган (Бартольд. 1963. С. 427). Бу эса Усмон билан Мухаммаднинг яна бирлашишига олиб келди. Ва айнан бундан кейин 607 (1210-11) йили қорахитойларнинг Таянку бошчилигидаги қўшини Хоразм ва Самарқанднинг бирлашган армияси томонидан тор-мор эттирилади. Бу йили ҳам Усмон томонидан юқорида таъкидлаб ўтганимиздек, икки исмли тангалар зарб этилган. Жувайнийга кўра айнан шундан кейин Усмон Хоразмда қолиб, Хоразмшоҳнинг қизига уйланади (The History... 1958). Усмон Самарқандга қайтгач, Хоразм халоскорларининг ҳаракатларидан шу даражада ғаши келадикки, яна қорахитойлар томонига ўтиб кетади. Бундан хабар топган Мухаммад Хоразмшоҳ Самарқандга юриш қилиб, Усмонни асир олади ва уни қатл эттиради. Шу тариқа, Самарқанд Хоразмшоҳ қўлига ўтиб кетади (Бартольд. 1963. С. 430-431).

Юқоридаги маълумотларни таҳлил қилган ҳолда, қорахитойлар ҳукмронлиги давридаги Самарқанднинг сиёсий ҳаёти тўғрисида қуйидаги хулосаларга келиш мумкин.

Самарқанд ҳукмдори гурхон томонидан тайинланган, лекин бу ҳодиса фақатгина расмий кўринишга эга бўлган. Гурхон Самарқанднинг ички ҳаётига деярли аралашмаган. Ҳаттоки, Мовароуннахрнинг бошқа ҳудудларида ҳам бўлгани каби Самарқанд ҳукмдори ҳам ўз номидан тангалар зарб эттирган (3).

Самарқандда гурхоннинг вакили Самарқанд ҳукмдори билан ёнма-ён турсада, унинг асосий вазифаси гурхонга бериладиган ўлпоннинг вақтида тўланишини таъминлаш бўлган.

XIII асргача Самарқанд ҳукмдорлари гурхоннинг ҳокимиятини тан олиб, ўлпонни вақтида тўлаб келганлар. Ва қорахитойларга ҳеч қандай итоатсизлик қилмаганлар. Аммо, Усмон ҳукмронлиги даврида вазият ўзгаради. Усмон гоҳ Хоразмшоҳ, гоҳ қорахитойлар томонида бўлиб, охири Самарқанднинг Хоразмшоҳ қўлига ўтиб кетишига сабабчи бўлиб қолади.

Умуман олганда, қорахитойлар ҳукмронлиги даврида Самарқанд сиёсий ва иқтисодий ҳаётида ўз мавқеини йўқотмаган эди. Самарқандда хунармандчилик ва савдо-сотик ривожланиши давом этган.

Қорахитойлар даврида Самарқандни тавсиф этган Дао монахи Чан-Чунь бу шаҳар ҳақида

қуйидаги маълумотларни келтиради: “Бутун шаҳар олтин каби ярқираётган мис идишларга тўла, бозорларда эса дао кўйлагига ўхшаш ҳарбий кийимлар мавжуд. Пичоқ ва арралар олтиндан – товар ва ҳадялар учун; кийимларни нафис ва юпқа оқ жун матодан тикишади. Ажойиб қовунлар ва оқ тут мевалари: ох, қайси хитойлик уларни татиб кўра олар экан!” (Кафароф. 1886. С. 304-327).

Қорахитойлар империясида ички ва ташқи савдо-сотик муносабатлари юқори даражага кўйилган эди. Маълумки, гурхон ҳокимияти остида турли ижтимоий-иқтисодий поғоналарда турувчи халқлар ва уруғлар бирлаштирилган эди. Улар бир-биридан ўзининг хўжалик турмуш тарзи билан фарқлансалар-да, шу билан бирга бир-биридан жуда манфаатдор эдилар. Дехқонлар чорвага, чорвадорлар эса доимо дехқон маҳсулотларига зарурат сезиб турганлиги билан бир қаторда иккала томоннинг ҳам чет эл молларига эҳтиёжи бўлган. Шунинг учун империянинг кўплаб шаҳарларида бўлгани каби Самарқандда ҳам турли тилдаги савдогарларнинг сўзлари қулоққа чалиниб турган. Самарқанд савдогарлари Миср, Мағриб, Хитой, Олтин империя каби чет мамлакатларига ҳам ўз маҳсулотлари билан тез-тез чиқиб турганлар.

Шу билан бирга Қорахитой империясининг йирик шаҳарларини бирлаштириб турувчи кўплаб карвон йўллари ҳам бутун мамлакат бўйлаб ўтган эди. Ушбу йўллар орасида Самарқанддан Балхга, Ҳиротдан Самарқандга, Самарқанддан Исфижобга бўлган йўллар, у ерлардан эса Уйғур ерлари, Хитой ва Хотан худудларига бўлган йўллар жуда машҳур эди. Ушбу ўлкаларга келтирилган мол ва маҳсулотлар турлича бўлган: қурол-аслаҳа, қуллар, атир-упа, ипак, идиш-товоқ, қимматбаҳо тошлар, отлар, туялар, хўкиз, эчки, жун, тери ва бошқалар. Шунини айтиб ўтиш керак-ки, бир неча ўн минг динор миқдоридagi молга эга бўлган савдогар унчалик бой ҳисобланмас эди (Wittfogel, Feng Chia-sheng. 1946, p. 662).

Демак, мамлакатдаги иқтисодий ҳаёт ва савдо-сотик муносабатларининг ривожланганлиги, қорахитойлар ушбу худудда сиёсий барқарорлик муҳитини ярата олганлигидан далолат бермоқда.

Изоҳлар

1. Бу ерда қонуншунос олимлар назарда тутилмоқда.
2. Али ибн Ҳасан тегин (550/1155-56 – 559/1164-65), Масъуд ибн Али (559/1164-65 – 564/1168-69), Наср ибн Ҳусайн (564/1168-69 – 568/1172-73), Муҳаммад ибн Масъуд (568/1172-73 - 574/1178-79), Иброҳим ибн Ҳусайн (574/1178-79 - ?), Усмон ибн Иброҳим (XII аср охири – XIII аср боши – 609/1212-13)
3. Шунини таъкидлаш жоизки, систематик ва доимий тарздаги тангаларнинг зарб этилиши Мовароуннахрнинг фақатгина иккита шаҳрида кузатилган : Самарқанд ва Узжанд.

Фойдаланилган адабиётлар

- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V. М., 1968.
- Бартольд В.В. Кара-китаи и Хорезмшахи // Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Давидович Е.А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов // Нумизматич. сб. Труды гос. ист. музея. Вып., XXVI. М., 1957.
- Ибн ал-Асирнинг “Китаб ал-Камил фи-т-Та’рих” асаридаги ушбу маълумот «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Бишкек, 2002.
- Кафароф П.И. Путешествие даоского монаха Чан-чуня на запад (“Си-ю-цзи” или описание путешествия на запад) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1886. – Т. 4.
- Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989.
- Токто қаламига мансуб бўлган “Ляо ши” (“Ляо сулоласи тарихи”) асаридаги ушбу маълумот («Кыргыздардын жана Кыргызстандын тарыхый булактары». 2-том. Бишкек, 2003).
- Chahar Maqala of Nizami Arudi of Samarkand. (English transl. and notes by E.Browne). – L., 1921.
- Grousset R. The Empire of the steppes. New Jersey, 1970.
- The History of the world - Conqueror by Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Translation from the text of Mirza Muhammad Qazwini by J.A. Boyle, vol. I-II, Manchester, 1958
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. “History of Chinese society: Liao (907-1125)”, - in: Transactions of the American Philosophical Society, n.s., vol.36 Philadelphia, 1946.

ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИ МАНБАЛАРИДА САМАРҚАНД ШАҲРИ ВА ВИЛОЯТИНИНГ ТАБИАТИ ВА ХЎЖАЛИГИ ҲАҚИДА МАЪЛУМОТЛАР

Самарқанднинг кўп асрлик тарихида кулай географик ўрни, табиати, хўжалик ривожини учун шарт-шароити муҳим ўрин эгаллаган ва бу ўз навбатида, унинг йирик шаҳар бўлиб шаклланиши, Мовароуннаҳрнинг сиёсий, хунармандчилик ва савдо марказига айланиши учун зарур омил бўлиб хизмат қилган.

Темурийлар даврида Самарқанд Марказий Осиёнинг энг йирик шаҳри, сиёсий-маъмурий иқтисодий-маданий маркази, Амир Темур давлатининг пойтахти бўлган. Шу сабабдан, ўша давр ёзма манбаларида ҳам Самарқанд, жумладан унинг табиати ва хўжалиги ҳақида бир мунча кенгрок маълумот акс этган.

Темурийлар даври манбаларида Самарқанд вилоятининг тоғу текисликлари, иқлими ва сув тармоқлари хусусида ҳам маълумотлар бор. Ҳофизи Абру Самарқанд ёнидан ўтган тоғлаг (Туркистон тизмаси)нинг шарқдан ғарбга йўналганини, Кеш билан Самарқанд оралиғидаги қисми Олақасроқ аталиб, шу ерда тугагани ва тизманинг Самарқанд яқинидаги қисми шаҳар номи билан Самарқанд Ғарчистони деб аталишини қайд этган. Заҳириддин Бобур эса, уни Самарқанд вилоятида шу томонда жойлашган туман номи билан Шовдор тоғлари деган. Шу билан бирга Самарқандда кучсизроқ зилзила бўлиб туриши ва шу сабабдан, аҳоли уйларни синчли қилиб қуришларини ҳам ёзади. Самарқанд яқинидаги тепалик - Пуштаи Кўҳак ҳам машҳур жой саналган ва ўша давр манбаларида кўп эслатилган. Самарқанднинг иқлими хусусида эса, Заҳириддин Бобур қиш анчагина совуқ келишини айтади.

Самарқанд вилоятида, шаҳарнинг яқин-атрофларидан бошлаб талайгина ўланлар - майсалар билан қопланган ялангликлар бўлган ва "Бобурнома"да бешта ўланнинг тавсифи берилган.

Биринчи навбатда Кониғил ўланги қайд этилади ва у Самарқанд шаҳридан шимоли-шарқ томонда, бир шаръий фарсанг (6-7 км) масофада жойлашган, дейилган. Кониғил ўланги Афросиёб тепалигининг шимоли-шарқий томонида, Сиёб (Обираҳмат) ариғининг иккала қисми бўйлаб ястанган эди. Амир Темур етти йиллик юришдан қайтгач, Кониғил ўлангида катта тўй беради ва бу ҳақда ўша давр манбаларида батафсил ёзилган. Заҳириддин Бобур ҳам Самарқанд султонлари ҳар йили Кониғил ўлангига келиб бир-икки ой дам олишларини айтади.

Кониғилдан юқорирокда, Самарқанддан бир йиғоч йўл (тахм. 6-7 км) жануби - шарқда *Хон юрти ўланги* жойлашган бўлиб, Сиёб ариғи уни кесиб ўтиб, сўнгра Кониғилга борган. Дилкушо боғи билан Самарқанд шаҳри оралиғида эса *Бўдана цўруги ўланги*, Самарқанд шаҳридан икки фарсанг (тахминан 12-13 км) шимоли-ғарбда *Кўли Мағок ўланги* жойлашганди.

Оқар сувлар Самарқанд шаҳри ва вилоятининг хўжалик тараққиётида энг муҳим ўринда туради. Асосий сув тармоғи Зарафшон дарёси бўлиб, Ҳофизи Абру "География"сида Оби Кўҳак (Кўҳак суви) номи билан қайд этилган, унинг ўрта ва қуйи оқими, яъни Самарқанд шаҳридан то қуйилишигача бўлган қисми ҳақида маълумот берилган; суви суғоришда кенг фойдаланиши ва тошиб оққан йилларда Жайхун (Амударё)гача бориб етиши таъкидлаб ўтилган. Самарқанд шаҳрида эса, оқар сув бемалол эканлиги, маҳаллалар, бозорлар, кўчалар ва аксар хонадонларда оқар сувлар борлиги, ҳовлиларнинг бирортаси ҳовузсиз эмаслигини ёзади. Вилоят доирасида эса, унинг шаҳарга яқин қисмида бешта ариқ (Бозор ариғи, Маздохин ариғи, Оби Раҳмат ариғи, Каранд ариғи, Анҳори жадид ариғи (Янги ариқ) ва етмиш икки қаря (қишлоқ) қайд этилган.

Заҳириддин Бобур Кўҳак тепалиги этагидан оқиб ўтган Сиёб ариғи номини туркийга ўгириб "Қорасув" ("Кониғилнинг Қорасуви") деб ёзган ва унинг яна бир номи Обираҳмат эканлигини ҳам таъкидлаб ўтади.

Табиийки оқар сувларнинг кўплиги кишлок хўжалиги ривожини учун кенг имконият яратарди. Темурийлар даври манбаларида Самарқанд шаҳри ва вилоятининг кишлок хўжалигига оид маълумотлар нисбатан оз бўлса-да, бироқ айрим маълумотлар учрайди. Аввало таъкидлаш жоизки, Самарқанд вилоятининг иқлим шароити ҳам кишлок хўжалиги, айниқса боғдорчилик учун анча қулай бўлган.

Амир Темур ободончилик ишларига катта эътибор берган, янги ариқлар қаздирган, бўз ерларни ўзлаштирган, экин майдонларини кенгайтирган. Уша давр манбаларида биринчи ўринда боғларнинг кўплиги таъкидланган.

Клавихо деҳқончиликда пахта, бугдой, шоли ва айниқса катта майдонларда қовун кўп экилишини айтади. Чорвачилик соҳасида қўйчилик биринчи ўринда турган.

Ҳофиз Аbru Самарқанд вилоятида етти туманни тавсифлайди: Шовдор; Уратепа ва Штихан; Ёркат; Коранд; Ёр-Яйлок, Мутафарриқа, Дизак ва Шероз.

"Бобурнома"да тарихий воқеалар баёнида бир қанча кўрғонлар номлари эслатилади: Шероз, Ургут, Хожа Дийдор, Ёр-яйлок, Васманд. Янги яратилган кишлокларнинг баъзиларига забт этилган шаҳарлар номлари берилган.

Амир Темурнинг бунёдкорлик фаолиятини невараси Мирзо Улуғбек давом эттирди. Самарқанд шаҳри қалъаси ичида мадраса (Улуғбек мадрасаси), хонақоҳ, ёғоч ўймакорлиги ва нақшинкор қилиб қурилган масжид (Муқаттаъ масжиди), ўзига хос услубда бунёд этилган ҳаммом (Мирзо ҳаммоми номи билан машҳур бўлган) ва Пуштаи Кўҳақда расадхона, катта-кичик боғлар, кўшклар, турли иморатларни ўз ичига олган илмий мажмуа ҳам Улуғбек ташаббуси билан яратилган эди.

Темурийлар даврида иморатлар, айниқса кўшклар, аксари икки (баъзан уч) қаватли бўлгани сабабли, мавжуд сингли қилиб лойдан қуриш анъанасидан фарқли ўларок, пишиқ ғиштдан қурилганини Ҳофиз Аbru алоҳида таъкидлайди.

Темурийлар даври ободончилиги борасида Самарқанд шаҳри яқин-атрофида Амир Темур ва унинг авлодлари барпо этган ўндан ортиқ кўркам боғлар ҳақида ўша давр манбаларининг аксариятида қайд этилган.

Бу ҳолат сайёх Клавихонинг ҳам эътиборини тортган эди. Клавихо жами 8 та боғ ҳақида сўз юритади ва шундан тўрттасининг номини эслатади: Талисия ёки Кальбет - Гулбоғ (Боғи Давлатобод); Диликаха - Боғи Дилкушо; Байгинар - Боғи Чинор; Багино - Боғи Нав. Қуйидаги тўрт боғ - Боғи Дилкушо, Боғи Беҳишт, Боғи Нав, Боғи Чинорда испан элчилари расмий меҳмон бўлганлар ва булар Амир Темур яратган боғлар ичида энг ҳашаматлилари саналган. "Бобурнома"да Амир Темур салтанатида яратилган боғлар санаб ўтилганда, уларнинг жойлашган ўрни ҳам қайд этилган Боғи Бўлду ва Боғи Дилкушо шарк томонда; Боғи Чинор - жанубда, қалъага яқин ерда; Боғи Шимол ва Боғи Беҳишт - ғарб томонда; Нақши жаҳон боғи - Пуштаи Кўҳақнинг этагида, Обираҳмат ариғи бўйида. Бобур Самарқандда бўлган кезларда, яъни XVI аср бошида бу боғ тугаб, унинг номи ҳам сақланмаган экан.

Темурийлар даври ёзма манбаларида Самарқанд шаҳри ва вилоятининг табиати ва хўжалиги ҳақидаги маълумотлар таҳлилидан маълум бўладики, ўз даври нуқтаи назаридан мавжуд табиий шароит имкониятларидан боғдорчилик, деҳқончилик ва чорвачилик соҳаларида кенг фойдаланилган ва шу асосда катта бунёдкорлик ишлари амалга оширилган.

*Г.А. Азимова
(Ўзбекистон)*

XVI – XIX АСР БИРИНЧИ ЯРМИДА БУХОРО ХОНЛИГИДА КЕЧГАН ЖАРАЁНЛАРДА САМАРҚАНДНИНГ ТУТГАН ЎРНИ

Самарқанд шайбонийлар, аштархонийлар ва манғитлар давлатида кечган сиёсий жараёнларда муҳим роль ўйнаган. XVI аср бошларида Мовароуннаҳр ва унга туташ ерларни қурол кучи билан бўйсундирган Муҳаммад Шайбонийхон «отимизнинг эгари – бизнинг пойтахтимиз» деб айтсада, Самарқанд шаҳри ҳокимият тепасига келган янги сулоланинг бош шаҳри

вазифасини ўтади. Муҳаммад Шайбонийхон, XVI аср муаррихи Ҳофиз Таниш Бухорийнинг ёзишчи, ўғли Муҳаммад Темур султонни ўз меросхўри этиб тайинлади ва «унга хон унвонини бериб, Самарқандни бошқаришни унга топширди ва бу билан унинг обрўсини жуда баланд кўтарди». Бу хабарнинг тўғрилигини шу асрда яшаган муаллиф Фазлуллоҳ ибн Рўзбехон ҳам тасдиқлаб, шавкатли кўшин бошлиғи Шайбонийхонни пойтахт шаҳарда валиаҳд Муҳаммад Темур султон томонидан дабдаба билан кутиб олингани ҳақида хабар беради.

Шайбонийлар «гўзал Самарқанд шаҳрини яна адолатли ҳаракатлар ва хайрли ҳамда эътиборли ишлар манбаига айлантirdилар». Янги сулола вакилларининг барча ички ва ташқи сиёсати шу марказдан туриб амалга оширилди. Пойтахт шаҳарда ярим кўчманчи ўзбеклар ҳарбий аристократияси билан маҳаллий ҳукмрон доира вакиллари ва зодагонлар ҳамкорликда ҳокимиятни бошқаришни амалга оширдилар. Муҳаммад Шайбонийхоннинг нисбатан қисқа ҳукмронлиги даврида шаҳарда айрим соҳаларда жонланиш содир бўлди. Олий ҳукмдор пойтахт шаҳардаги қурилишларга алоҳида эътибор қаратди. Бу ҳукмдор томонидан мадраса барпо этирилган бўлиб, бу ҳақида унга замондош тарихчи, Шайбонийхон «шахсан ўзи қурдирган Мадрасайи Олийага» борганини қайд этиб ўтади. Муҳаммад Шайбонийхоннинг 1510 йилдаги фожиали ўлимидан сўнг, шайбонийлар орасидаги саросималикдан фойдаланган Захириддин Муҳаммад Бобурнинг Эрон шоҳи Исмоил Сафавийнинг кўмагига таяниб Мовароуннахрни кўлга киритиш борасидаги ҳаракатлари бесамар кетди. Бу курашда алоҳида фаоллик кўрсатган Муҳаммад Шайбонийхоннинг жияни Убайдулла султоннинг сиёсий мавқеи кучайиб борди. Убайдулла султон Муҳаммад Шайбонийхон томонидан бошқарув учун берилган Бухоро вилоятининг ҳукмдори Маҳмуд султоннинг ўғли бўлиб, 1512 йил у ва Бобур ўртасида «Бухоро яқинида жанг бўлиб ўтди. Убайдуллахон ғалаба қозонди». Бу ҳақида XVII аср муаллифи Муҳаммад Юсуф Мунший қуйидагиларни қайд этади: «Бобур кочди ва бутун Мовароуннахр шайбоний султонлар ҳукмронлигига ўтди. Улар унинг ҳамма вилоятларини ўзаро тақсимлаб олдилар, (бунинг натижасида) Убайдуллахонга ҳукмронлик учун Бухоро, Кармана ва Миёнқол тегди». Бу хабар XVI аср муаллифининг Мовароуннахр олий ҳукмдори бўлган Кучкунжихон (1510-1530) томонидан турли вилоятлар шайбонийлар сулоласи вакилларига улашиб берилгани ва «Убайдуллахоннинг меросий мулки бўлган Бухорони бошқаришни /Убайдуллахон/ ҳазратларига топширди, мукофот тарзида эса унга Қорақўл ва Қаршини ҳам берди» деган маълумотини тасдиқлайди. Шу тариқа Мовароуннахрнинг йирик вилоятларидан бири - Бухорода ҳукмронлик қилган Убайдулла султон 1533 йилда олий ҳукмдорлик унвонига эришгач, гарчанд расман пойтахт Самарқанд саналсада, давлатни Бухородан туриб бошқарди.

Шу тариқа, Самарқанд, давлат пойтахти ва ҳукмрон сулоланинг энг катта вакили - хон қароргоҳи сифатидаги ўз мавқеини сақлаб қолди. Қайд этиб ўтиш керакки, айна пайтда ҳар гал хон этиб тайинланган янги ҳукмдор ўзининг мулкӣ қароргоҳига давлат пойтахтига қараганда кўпроқ эътибор қаратар эди. Бу XVI аср муаллифининг қуйидаги сўзлари билан ҳам тасдиқланади: «Убайдуллахон балову офатларни дафъ қилувчи Бухоро шаҳри ободончилиги ва қурилишлари учун кўп саъй-ҳаракатлар кўрсатди».

Убайдуллахон ўлимидан сўнг Мовароуннахрда ҳукм сурган сиёсий парокандалик оқибатида марказий ҳокимиятнинг парчаланиш жараёни ва икки ҳокимиятчилик вужудга келди. Натижада Убайдуллахоннинг ўғли Абдулазизхон (1541–1550) Бухоро тахтида ўтирган бўлса, Самарқандда олий ҳукмдор сифатида Кучкунжихоннинг ўғиллари – аввал Абдуллахон I (1541 йил март – 1541 йил сентябрь), сўнгра Абдуллатифхон (1541–1551 йиллар) ҳукмронлик қилдилар. Ушбу сиёсий ҳолатга мувофиқ равишда Самарқанд Бухоро каби пойтахт шаҳар вазифасини адо этишни давом эттирди.

Якка ҳокимлик учун кураш натижасида Абдулазизхоннинг ўлимидан сўнг 1551 йил Самарқанд ҳукмдори Абдуллатифхон ҳамда Тошкент ва Туркистон ҳукмдори Наврўз Аҳмадхоннинг «ҳисобини аниқлаб бўлмайдиган беҳисоб» кўшини Бухорони кўлга киритиш учун юриш қилдилар. Абдуллатифхоннинг ўлимидан сўнг Самарқанд тахтига Бароқхон номи билан Наврўз Аҳмадхон (1551-1556 йиллар), Бухорода эса Убайдуллахоннинг набираси Бурхон султон тахтга ўтирдилар. Давлатни бошқарув соҳасида юзага келган бу ҳолатни XVI аср ўрталарида Ўрта Осиёга келган турк адмиралӣ Сейди Али Раиснинг қуйидаги сўзлари ҳам

тасдиқлайди. «...Самарқанд подшоҳи Абдуллатифхон вафот этиб, Барокхон Самарқандда хонлик тахтига ўтирган, Балхда Пирмуҳаммадхон, Бухорода эса Сайид Бурхонхон ўз номларига хутба ўқитганлар».

«Давлатни қўриқлаш, ҳамма қўшин ва аҳолининг аҳволи ҳақида қайғурмаган» Бурхон султоннинг ҳукмронлиги ҳам Барокхоннинг ўлиmidан сўнг узоққа чўзилмади. 1557 йил яқин амирлардан бири томонидан уюштирилган фитна оқибатида ҳаётдан кўз юмди. Шу даврдан бошлаб қатъиятли Абдулла султоннинг Мовароуннаҳр сиёсий ҳаётидаги аҳамияти ошиб борди. Унинг отаси шайбонийлардан Жонибек султоннинг ўғли Искандар эди. Мовароуннаҳрдаги марказлашган ҳокимиятни тиклашга бел боғлаган Абдулла султон 1557 йилда Бухорони эгаллади ва олий ҳукмдор этиб таркиб топган анъанага кўра Жонибек султон авлодидаги энг кекса вакил – Пирмуҳаммадхонни тайинлади (1557–1560 йиллар). Бунга қадар Балхда яшаб келган бу ҳукмдор қолган умрини ҳам шу шаҳарда ўтказди. Бухородаги ҳақиқий ҳокимият эса Абдуллахон қўлида тўпланганича қолаверди. 1560 йилда Пирмуҳаммад билан алоқасини узган Абдуллахон Бухоро тахтига отаси Искандархонни (1560–1583) ўтказсада, яна реал ҳокимият унинг қўлида қолди. Бу ҳақида Хожамқулибек Балхий куйидагиларни қайд этади: «Жонибек султоннинг ўғли Искандархон ўз ўғлининг ҳаракатлари натижасида шавкатли шаҳарда тахтга ўтирди. Хутба ва тангалар унинг номи билан безанди». Искандархоннинг ўлиmidан сўнг эса Абдуллахон Бухоро тахтига тўла қонли ворис сифатида ўтирди. Давлатни парокандалик ва сиёсий бошбошдоқликдан қутқаришга, ҳокимиятни марказлаштиришга ҳаракат қилган Абдуллахон катта ҳудудларни ўз ичига олган марказлашган давлат тузишга муваффақ бўлди. Унинг даврида Бухоро узил-кесил шайбонийлар давлатининг пойтахтига айланди. Бу ҳақида шу давр тарихчиси «Шавкатли шаҳар Бухорони у давлат пойтахтига айлантирди»,- деб ёзади.

Шайбонийлар давлатининг бир муддат пойтахти вазифасини ўтаган Самарқанд ҳам айрим жабҳаларда ривожланиш жараёнини ўз бошидан кечирган бўлсада, унинг бу борадаги одимлари Бухороникидан анча йироқда эди. Бу ерда ҳам Бухородаги каби катта қурилиш ишлари амалга оширилган бўлиб, Кучкунжихон томонидан Алайка-қўқалдошнинг Жума масжидида мармар минбар (1528 йил), Жувонмард Алихон томонидан ҳаммом (1574 йил), Қози Соқий мадрасаси, Шердор (1636 йил) ва Тилла-қори (1647-1660 йил) мадрасалари қурилди. Лекин шаҳар ўз ривожланишида пойтахт Бухородан анча орқада қолди.

XVII аср охирлари – XVIII аср биринчи ярмида эса Самарқанд Ўрта Осиё хонликларидаги сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ҳаётнинг таназзули оқибатида инқирозга юз тутган шаҳарлар жумласида оғир дамларни ўз бошидан кечирди. Бу инқироз аштархоний ҳукмдор Абулфайзхон (1711–1747 йиллар) даврида янада чуқурлашди. Муаррих Абдурахмон Толёев бу даврни куйидагича таърифлайди: “Қисқа қилиб айтганда ҳукмдорнинг... ҳукмронлик йилларида ҳамма томонларда исён ва ғалаёнлар келиб чиқиб, ўзбеклар бир-бирлари билан душман эдилар”. Абулфайзхон даврида ўзининг юқори нуқтасига чиққан инқирозни XVIII а. 20-й. Бухорода бўлган рус элчиси Ф.Беневени ҳам эслатиб, Тошкент, Хўжанд, Балх, Бадахшон, Ҳисор ва бошқа вилоятлар пойтахтлари билан деярли мустақил мулкларга айланганини кўрсатиб ўтган эди. Самарқанд мустақил Самарқанд давлатига айланди.

Сиёсий ва ижтимоий-иқтисодий ҳаётда юзага келган инқироз Бухоро хонлигида Абулфайзхоннинг обрўсини тушиб кетишига ва ҳокимиятнинг Манғит уруғи вакиллари қўлига ўтишига олиб келди. Биринчи Манғит ҳукмдори бўлган Муҳаммад Раҳим мамлакатда авж олган сиёсий бошбошдоқликка қарши қаттиқ кураш олиб боришга, мамлакатдаги иқтисодий ҳаётни изга солишга ҳаракат қилди. Марказий ҳокимиятга Нурота, Кобадийён, Бойсун, Ҳузур, Зарафшоннинг юқори оқимидаги айрим ерлар ҳукмдорларни тобе этган, Бухорога Панжикент, Ургут, Жиззах, Зомин ва Шахрисабз қабиларни бўйсундирган Муҳаммад Раҳим Самарқандга келганида даврнинг барча инжиқликларига дош берган, унинг қарама-қаршиликларини бошидан кечирган бу марказ бўшаб қолганининг гувоҳи бўлди. XVIII а. ўрталаридаги Самарқанд ҳақида ёзган, кейинги давр муаллифи: «Ўрта Осиёнинг бир вақтлар кўпчилик мусулмон Осиёсининг маданият ва сиёсат маркази бўлуб ўтган ва чиндан «Самарқанд фирдавсмонанд» сифатида арзийтурган бир йўсунда безанган Самарқанд кейинги замонларда бузулуб қуруқ бир чўлга айланган эди. Манғит амирларининг биринчиси бўлгон Раҳимхон Самарқанд музофо-

тини қўлга киргузамен деб келганда (х. 1166 (1752) йил бошларида) Самарқанд шаҳрида жон эгаси йўк эди, хатто Работи Хожабандий тўғони бузулгон ва Самарқанд сувдан маҳрум қолгон эди. Раҳимхон ушбу сафарида (х. 1166 й. жумод ас-соний ойида) Работи Хожа бандийни тузатиб Самарқандга сув оқизгон бўлса ҳам одам йўқлигидан обод бўлмади, - деб ёзган эди. Россиялик Иван Кириллов томонидан 1734 й. қайд этилган ушбу маълумот ҳам шаҳардаги бу ҳолатни тасдиқлайди. «Самарқанд аввалда шухратли ва кучли давлат бўлган. Ҳозирда эса... мадраса ва кўплаб арабча ва бошқа тилдаги китоблардан ташқари унда ҳеч нарса қолмагандир». 1790 йилда Ўрта Осиёда бўлган Новопатрасск митрополити Хрисанф ҳам шаҳардаги бу ҳолатни тасдиқлаб, «Самарқанд ҳозирда бўм-бўшдир, уни забт этган такаббур Бухоро ноиб қанчалик ҳаракат қилмасин, уни олдиндагидек аҳоли билан тўлдириш борасидаги унинг меҳнати бекордир», - деб қайд этади. Бундай аянчли ҳолга тушган шаҳар аста-секин аҳоли билан тўлдириб борилди ва XIX а. 40 - йилларида унинг сони 25-30 минг кишига етди.

Мураккаб сиёсий воқеалар мобайнида пойтахт шаҳар мавқеини Бухорога берган Самарқанд ҳокимият тепасига келган олий ҳукмдорларнинг шаҳарда жойлашган «кўк тошга ўтириш расмий маросими ўтказиладиган марказ сифатидаги аҳамиятини сақлаб қолди. Мир Муҳаммад Амин-и Бухорий дунё ҳукмронлигини орзу қилган турли ҳукмдорлар «Самарқандда ... кўк тошга ўтирар эдилар», - деб ёзар экан, Убайдуллахон аштархоний ҳам «мағрурона ва тантановор тарзда юриб, кўк тошга ўтирди... Бухоро ва Самарқанд амирлари ва рухонийлари бахтли ҳукмдорнинг тахтга ўтириши билан ўз табрикларини билдирдилар», - деб қайд этади.

Олий ҳукмдорнинг Самарқандда кўк тошга ўтириш анъанаси XIX асрни биринчи ярмида ҳам давом этди. Жумладан, Шохмуроднинг ўғли, онаси томонидан аштархонийларга бориб тақалувчи, Абулфайзхоннинг кизи томонидан набираси Амир Ҳайдар (1800-1826) ни ҳам мўғуллар одатига кўра оқ кигизда олий ҳукмдор этиб кўтарганлар ва Самарқандда кўк тошга ўтказиб, уни расман ҳукмдор этиб тан олганлар. Бу ҳолатни XIX асрнинг 20 - йилларида Бухоро хонлигида бўлган Е.К. Мейендорфнинг маълумотлари ҳам тасдиқ-лайди. Унинг ёзишича, олий ҳукмдор тахтга ўтириш маросимини ўтказиш учун Самарқандга бориши ва Мирзо Улуғбек мадрасасида турган кўк тошга ўтириши лозим эди. «У (кўк тош -Г.А.) тўртбурчак шаклида бўлиб, ҳар томонининг узунлиги бир ярим саржин, қалинлиги бир аршиндир. Бу тошни оқ кигиз ёпиб туради. Хон ўтиргач учларини уламолар, фуқаролар, фозиллар ва сайидлар ушлаган бу кигизни уч марта кўтарадилар».

Шундай қилиб, Самарқанд XVI-XIX асрнинг биринчи ярмида Бухоро хонлигида кечган жараёнларда муҳим ўрин тутди. Бу шаҳардан туриб дастлабки шайбонийлар давлат сиёсатини юритишга ҳаракат қилдилар. Аштархонийлар ва манғитлар сулоласи вакиллари ҳам бу шаҳарга катта эътибор қаратдилар. Мамлакатда юз берган сиёсий, ижтимоий-иқтисодий жараёнларнинг барча қарама-қаршиликларини ўз бошидан кечирсада қадимдан Буюк ипак йўлида жойлашган бу шаҳар ўзининг Ўрта Осиёдаги тарихий ўрни ва қиёфасини сақлаб қола олди.

G.A. Agzamova - Epy Role of Samarkand in the Life of the Bukhara Khanate in the 16th-19th centuries

The work is devoted to analysis and determination of Samarkand's role and place in political, social-economic life of the khanate of Bukhara. On the basis of the sources of the 17- first half of the 19th centuries it shows the role of this city as a center, where ceremony of Bukharian ruler's coronation on a special stone - "kuk tosh" - took place. The role of Samarkand in economic life of the khanate, condition of handicrafts and trade, level of cultural life's development are brightly revealed .

МАНҒИТЛАР СУЛОЛАСИ ДАВРИДА САМАРҚАНД

Айнан Муҳаммад Ҳакимбий ўғли Муҳаммад Раҳимхон (1715-1758) зиммасига янги манғитлар сулоласи ва давлатига асос солишдек шарафли бир вазифа тушган (Ражабов, 2005. 36-37-б.). 1756-1920 йилларда Бухоро амирлигини манғитлар сулоласи бошқарган. Муҳаммад Раҳимхон (1756-1758), Муҳаммад Дониёлбий оталиқ (1758-1785), Шоҳмурод (1785-1800), Ҳайдар (1800-1826), Мир Ҳусайн (1826), Мир Умар (1826-1827), Насруллоҳхон (1827-1960), Музаффархон (1860-1885), Абдулаҳадхон (1885-1910), Саид Олимхон (1910-1920) каби ўнта манғит амирлари Бухоро давлатини 164 йил давомида бошқаришди.

Манғитлар сулоласининг асосчиси ва биринчи ҳукмдори Муҳаммад Раҳимхон 1756 йил 12 декабрда Бухоро хонлиги тахтига расмий равишда хон бўлиб ўтиргач, ўз ҳокимиятига сиёсий тус бериш мақсадида Самарқандга йўл олади. Бу давр манбаларида шаҳар «Дорус-салтана Самарқанд» деб тилга олинади. Ургутлик сўфий ва тарихчи Ҳумулийнинг «Тарихи Ҳумулий» асарида келтирилишича, Муҳаммад Раҳимхон Самарқандга махсус келиб, машҳур Кўктош тахтига ҳам ўтирган. Ҳумулийнинг яна ёзишича, Муҳаммад Раҳимхон ҳали оталиқ мансабида ишлаган пайтидаёқ Кўктош тахтига ўтириш маросимини ўтказган эди. Аштархонийлардан Субҳонкулихон (ҳукмронлик даври: 1680-1702) вафотидан кейин Кўктош устига ҳеч ким тахтга ўтирмаган эди (Кюгельген, 2004. С. 268-269).

Хуллас, Муҳаммад Раҳимхон Бухоро хони бўлгач, мамлакатда пойтахтдан кейин иккинчи ўринда турувчи Самарқанд шаҳрига алоҳида эътибор билан қараган. Маълумки, Самарқанд шаҳри XVIII аср 20-йилларида тож-тахт учун бўлган курашларда (сохта хон Ражаб Султон – Ражабхоннинг хатти-ҳаракатлари) ва кўчманчи қозоқларнинг шаҳарга бостириб келиши натижасида бутунлай вайрон бўлган ва харобага айланган эди. Бу фожиалар шу қадар даҳшатли бўлганки, одамлар 1730 йилдан бошлабгина Самарқанд қалъасига қайтиб келишган ва ўзларига уй-жой кура бошлаганлар. Бироқ Эрон шоҳи Нодиршоҳнинг 1740 йилдаги босқинчилик юриши натижасида Самарқанд яна душман қўлига ўтади ва вайронага айланади. Муҳаммад Раҳимхон урушлар тўғрисида вайрон бўлган Самарқанддаги Дарғом каналини қайта тиклаттирган, шаҳар деворларини таъмирлашга буйруқ берган. Муҳаммад Раҳимхон Ҳисорни эгаллагач, бу ердан Самарқандга бир неча минг оилани кўчирган эди.

Амир Муҳаммад Дониёлбийнинг 12 баркамол ўғли бўлиб, улар ўртасида катта ўғли ва вориси Шоҳмурод (1741-1800) алоҳида ажралиб турган. Шоҳмурод 1780 йилдан Самарқанд ҳокими бўлган. Шоҳмурод Самарқанд шаҳрини тиклаш ва обод қилишга ўзининг катта ҳиссасини қўшган. Хусусан, у отаси вафот этгач, 1785 йил 9 июнда Бухоро амири бўлганидан сўнг Самарқандни ободонлаштириш ишларига алоҳида эътибор билан ёндашади.

Амир Шоҳмурод ҳукмронлик қилган қисқа давр (1785-1800 йй.) – атиги 15 йил ичида Бухоро ва Самарқандда кўплаб мадрасалар, масжидлар, хонақолар ва турли бинолар қурилган. Самарқанд ва Бухородаги бўшаб қолган мадрасалар бу даврда яна илми толиблар – муллавақчалар билан гавжум бўлган. Бу ҳақда манбаларда етарлича маълумотлар мавжуд. Шунингдек, Амир Шоҳмурод Самарқанд мадрасаларини тиклашда фаол қатнашган. Жумладан, 1455 йилда қурилиб, «Мадрасаи сафед» («Оқ мадраса») номини олган икки қаватли Хожа Аҳрор мадрасасини у қайта қурган. Бу мадраса Самарқанднинг жанубий қисмида, шаҳарнинг Сўзангарон даҳасига олиб борадиган катта кўчанинг ғарбий қисмида жойлашган эди. Бу бино Кўкалдош мадрасасининг қурилиш материаллари ҳисобига таъмирланган. Шоҳмуроднинг фармони билан Самарқанддаги Шайбонийхон ва Улуғбек мадрасалари таъмирланди ва қайта тикланди, қалъа ва шаҳар деворларининг бузилган қисмлари ҳам қайта тикланди. Ана шу даврда Шоҳизинда мақбараси зинапоясининг тепа қисмидаги ўзига хос арк-гумбаз тармоғи – Чартоқ биноси қурилди.

Шоҳмуроднинг ўзи қайта қуриладиган шаҳар тарҳини чизган. Шаҳардаги ариқлар ва томорқалар тозаланган (Ражабов, 2006. 36-38-б.). Сал кейинчалик Самарқанд мадрасаларида

тахсил олган Хумулийнинг ёзишича, Амир Шохмурод шаҳарда 24 та янги мавзе қурдириб, мамлакатнинг шарқий вилоятларидан бу ерга аҳолини кўчириб келтирган. Самарқанд шаҳридаги ҳар бир мадраса ва масжидга мударрис, муаззин ва имомни Амир Шохмуроднинг шахсан ўзи тайинлаган. Шаҳар марказида олти қиррали Чорсу – «Токи мусаддас» қурдиради. Чорсу баланд бурчакли бино бўлиб, унинг марказида баланд гумбаз ва ундан ажраладиган олти йўлак бўлган. Бу йўлақлар шаҳар дарвозалари Бухоро, Коризгоҳ, Сўзангарон, Феруза, Оҳанин ва Ҳайдарободга қараб кетган. Самарқанднинг олти асосий дарвозаси Амир Темур даврида ана шундай номланган. У Самарқанд яқинидаги Даҳбод мавзесида жойлашган Махдуми Аъзам зиёратгоҳини ҳам қайта барпо қилдирган (Кюгельген, 2004. С. 268-269).

1800–1826 йилларда Бухоро амири бўлган Амир Ҳайдар (1778–1826) отаси Амир Шохмуроднинг сиёсатини давом эттирди. Амир Ҳайдардан бошлаб Бухоро ҳукмдорлари ўзлари «сайид» («саид») унвонини ҳам кўшиб олишган. XIX аср бошларида Амир Ҳайдар Бухоро амирлигидаги марказий ҳокимиятга бўйсуннишдан бош тортди, айирмачилик (сепаратистик) кайфиятларни намоён қилаётган Шахрисабз, Китоб, Ургут бекликлари, Миёнқол ва Самарқанд ҳокимларига қарши жанглар олиб боришга мажбур бўлган. Бу пайтда душманлар қутқуси билан Амир Ҳайдарга қарши чиққан амакилари Умарбий ва Фозилбий Насаф (Қарши)ни эгаллашган, Самарқандда ҳам исён кўтарилган. Тарихчи Мирзо Салимбекнинг ёзишича, Амир Ҳайдар марказий ҳокимиятни мустаҳкамлаш учун Самарқандга Давлатбий девонбеги кушбегини (укаси Муҳаммад Ҳусайнбек ўрнига) тайинлаган. Давлатбий кушбеги 1814 йилгача Самарқандни бошқарган. Давлатбий кушбеги 1812 йилларда Шохизинда мажмуаси таркибида кичик мадраса қурдирган. Ундан кейин Самарқанд вилоятига Амир Ҳайдар сафдошларидан 4 киши: Аёзбий, Муҳаммадбий, Муҳаммад Сафарбий, Иброҳим Додхоҳ каби беклар ҳоким қилиб тайинланди.

Манғитлар сулоласининг еттинчи ҳукмдори бўлган Амир Насруллоҳ Баҳодурхон (1806-1860) даврида ҳам Самарқанд стратегик жиҳатдан амирликдаги муҳим шаҳарлардан бири ҳисобланган.

Манғитлар сулоласи даврида Самарқандда иқтисодий ўсиш кўзга ташланади. Хусусан, Амир Шохмурод ҳукмронлиги йилларидан бошлаб шаҳардаги иқтисодий ҳаёт сезиларли даражада жонланган. XVIII аср ўрталаридан то XIX асрнинг сўнгги чорагигача Самарқанд минтақада хунармандчилик ишлаб-чиқариши ва савдо-сотикнинг йирик маркази бўлиб қолди. Бу даврда Самарқандда гул солинган турли рангдаги шойи ва атлас газламалар, абр, ип ва шойи олача, занданийча, бўз ва гулдор газламалар, шойи рўмоллар ишлаб чиқарилган. Бу даврда фўта тўқиш ҳам кенг тарқалган эди. Масалан, XIX асрнинг 70-йилларига оид маълумотларга кўра, биргина Самарқандда фўта тўқийдиган корхоналар сони 40 та бўлган (Аъзамова, 2000. 21-б.).

Самарқанд ўзининг заргарлари билан ҳам шуҳрат қозонган эди. Улар кумуш ва мисдан, баъзан олтиндан ҳам аёллар учун безаклар, тақинчоқлар тайёрлашар, уларни қимматбаҳо тошлар билан қоплашарди. Заргарлар узангиларни, шу жумладан, эгар-жабдуқларни ҳам кумуш билан безатишарди.

Бир хил маҳсулот тайёрлайдиган хунармандлар ўзига хос уюшмаларга бирлашган. Битта уюшма аъзолари бўлган усталар одатда шаҳарнинг битта маҳалласида яшаган. Самарқандда Заргарон (заргарлик билан шуғулланувчи усталар), Сўзангарон (игна тайёрловчи усталар), Чармгарон (кўнчилар), Харротон (ёғоч йўнувчи усталар, дурадгорлар), Кулолон (кулоллар), Шарбатдарон (шарбат тайёрловчилар) ва бошқа ана шундай маҳаллалар бўлган. Амирлик пойтахти ҳисобланган Бухорода ҳам ана шундай усталар маҳоллалари азалдан мавжуд бўлиб, улар ҳозирги кунгача сақланиб қолган.

Темурийлар даврида бўлгани сингари манғитлар сулоласи даврида ҳам Самарқандда аъло навли сифатли қоғоз ишлаб чиқарилган. 1863 йилда Бухоро ва Самарқандда «турк ҳожиси» киёфасида бўлган венгриялик таниқли шарқшунос ва сайёҳ, айна пайтда Буюк Британия империясининг хуфияси Герман Вамбери (1832-1913) ўзининг асарларида Самарқанд ва Бухорода ўша пайтларда ишлаб чиқарилаётган қоғозга жуда юқори баҳо беради (Вамбери, 1865. С. 369; 1874. С. 383; 1873. С.226).

Г. Вамбери ўз асарларида Самарқанддаги хунармандлар фаолиятига жуда юқори баҳо берган. У Самарқанддаги жабдуқ ясовчи усталар ҳақида куйидаги фикрларни келтиради: «Самарқанд бозорларида сотиш учун машҳур чарм маҳсулотлар, дид билан ишланган эгарлар қўйилган, уларнинг беагаи ҳатто европалик устага ҳам шухрат келтириши мумкин» (Вамбери, 1865. С. 80).

Бу даврда Бухоро хонлигининг савдо-сотиқ алоқалари ривожланган. Чунончи, Самарқанд ва Бухородан Россия ва Ҳиндистонга, бошқа мамлакатларга шойи ва ип газмоллар олиб борилган. XVIII асрнинг охирида Самарқанд бозорларига Россия, Хитой, Ҳиндистондан турли буюмлар келтирилган. Ўз навбатида Самарқанд шаҳри ва унинг атрофларида етиштирилган қоғоз, олача чопонлар, сопол буюмлар, курук мева, қоракўл тери, от-уловлар бу мамлакатларга олиб борилган.

XIX асрнинг биринчи ярмида ички ва ташқи савдонинг янада ўсганлиги кўзга ташланади. Шаҳарда қарвонсаройлар ва дўконларнинг қўпайганлиги ана шундан далолат беради. Бу пайтда Самарқандда мавжуд бўлган айрим бозорлар бошқа шаҳарларда учрамаслиги мумкин эди. Масалан, айрим манбаларда «бозори барги тут» номи билан машҳур бозорлари бўлганлиги тилга олинади. Жумладан, XIX асрда Самарқандда бундай бозор мавжуд бўлиб, ипак қурти боқувчилар барг танқислиги сезилганда уни шу ердан сотиб олганлар. Шаҳардаги Шердор мадрасаси ёнидаги кўчат бозорида эса «бошқа дарахтлар билан бир қаторда тут дарахтининг «балхий» ва «хоразмий» навлари катта миқдорда сотилган» (Аъзамова, 2000. 42-б.).

Хуллас, Самарқанд шаҳри XIX асрнинг ўрталарида Бухоро амирлигининг иккинчи энг муҳим савдо ва хунармандчилик маркази ҳисобланарди. 1820 йил А.Ф. Негри миссияси таркибида Бухорода бўлган Е.К.Мейендорфнинг ёзишича, бу пайтда Самарқандда 50.000 киши яшаган (Мейендорф, 1975. С. 80). Қиёслаш учун шунини таъкидлаш лозимки, XIX аср бошларида Бухоро амирлигида тахминан 2 млн. киши, пойтахт Бухорода эса 60.000 киши яшаган. XIX аср ўрталарида Бухоро амирлиги бир неча вилоятлар ва бекликларга ажратилган. Амирликдаги энг йирик Бухоро ва Самарқанд вилоятлари эса туманлар ва бошқа кичик маъмурий бирликларга бўлиб идора қилинган. Самарқанд вилояти ва шаҳрини амир томонидан тайинланган ҳоким бошқарган.

XIX аср 50-йилларидан бошлаб Россия империяси Туркистон минтақасига бошқинчилик юришларини бошлади. Бу пайтда Бухоро амираи Насруллохоннинг ўғли Музаффархон (1819-1885) бўлган. Амир Музаффар қўшини билан генерал Романовский бошчилигидаги Россия ҳарбий кучлари ўртасидаги дастлабки тўқнашув Жиззах билан Ўратепа ўртасидаги Эржар (Майдаюлғун)да 1866 йил 8 майда бўлиб, унда Бухоро қўшини мағлубиятга учраган (Ражабов, 2003. 112-113-б.). 1868 йил 1 майда Самарқанд яқинидаги Чўпонота тепалигида рус подшоши қўшинлари билан самарқандликлар ўртасида қаттиқ жанг бўлди. Ниҳоят, чор Россияси армияси катта талафот бериб, шаҳарни эгалладилар. Туркистон ўлкаси генерал-губернатори генерал К.П. Кауфман шаҳар ва унинг атрофида жойлашган вилоятлардаги маҳаллий амалдорлар ўз ўринларида қолдирилганини, халқ бунгача мавжуд бўлган солиқларни подшо Россияси хазинасига топширмоғи лозим эканлигини эълон қилган. Самарқанд вилоятида генерал Н.Н. Головачёв бошлиқ ҳарбий-бюрократик ҳокимият ташкил қилиниб, меҳнаткаш аҳолини маҳаллий амалдорлар ва подшо маъмурияти томонидан эзилиши Самарқанд кўзғолонига сабаб бўлган. Бу кўзғолон 1868 йил 1-8 июнда Самарқандда кўтарилган. 1 июн куни амир Музаффарнинг тўнғич ўғли ва валиахд Абдулмалик Тўра (1848-1909) бошчилигидаги қўшинлар Шаҳрисабздан Самарқандга йўл олишган. Кўзғолонга дастлаб Китоб ва Шаҳрисабз беклари Жўрабек (1840-1906) ва Бобобек (1833-1898), кейинчалик Абдулмалик Тўра (Катта Тўра) раҳбарлик қилган (Мирза Абдал азим Сами, 1962. С. 51-53). Бу орада Зирабулоқ жангида амир қўшинлари руслардан мағлубиятга учраган (1868 йил 2-3 июн).

Садриддин Айний (1878-1954)нинг фикрича, Абдулмалик Тўранинг ҳаракати ва кўзғолончиларнинг жасорати туфайли Кауфман Бухорога ҳужум қилишдан воз кечишга ва сулҳ тузишга мажбур бўлган (Маликов, 2004. 477-б.). Хуллас, 1868 йил 23 июнда Самарқандда Россия-Бухоро сулҳ шартномаси имзоланган. Бу сулҳга кўра Бухоро амирлиги

Россияга тобе бўлиб қолган, Самарқанд шаҳри ва вилояти Россия империяси тасарруфига ўтган.

Шундай қилиб, Самарқанд шаҳри 1756-1868 йиллар оралиғида Бухоро амирлиги таркибидаги муҳим сиёсий, иқтисодий ва маданий марказ сифатида тараккий этган. Манғитлар сулоласи вакиллари ва шаҳар ҳокимлари Самарқандни ривожлантириш ва ободонлаштириш ишларига баҳоли қудрат ўз ҳиссаларини қўшишган. Юз йилдан ортиқ бўлган ушбу даврда, хусусан, Амир Шоҳмурод ва Амир Ҳайдар ҳукмронлиги йилларида шаҳар қиёфаси тубдан ўзгарган, Эски шаҳарнинг ҳозирги кўринишига айнан ўша пайтда асос солинган.

Фойдаланилган адабиётлар

- Ражабов Қ. Муҳаммад Раҳимхон-манғитлар сулоласи асосчиси // Бухоро мавжлари. 2005, 3-сон.
Анке Фон Кюгельген. Легитимация Среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). – Алматы: Дайк-пресс, 2004.
Ражабов Қ. Амир Шоҳмурод ёхуд «Амири маъсум» // Бухоро мавжлари. 2006. 1-сон.
Мирзо Салимбек. Кашкўли Салимий. Таворихи муттақадимин ва муттаахирин. Бухоро, 2003.
Аъзамова Г.А. Сўнги ўрта асрлар Ўрта Осиё шаҳарларида хунармандчилик ва савдо. Тошкент, 2000.
Герман Вамбери. История Бухары или Трансоксании съ древнейшихъ времяъ до настоящаго. Перевод А.И. Павловскаго. Т. I, II. СПб., 1873.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1865.
Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868.
Мейендорф Б.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
Ражабов Қ. Музаффар // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. Т. 6. Тошкент, 2003.
Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962.
Самарқанд тарихи. Т. I. Тошкент, 1971.
История Узбекистана. Т. III. Ташкент, 1993.
Маликов А. Самарқанд қўзғолони // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. Т. 7. Тошкент, 2004.

K. Radjabov - Samarkand During the Period of the Mangyt Dynasty

The article is devoted to the history of Samarkand (the middle of the 18th- the last quarter of the 19th centuries) during the Bukhara Emirate. Various inconsistent aspects of socio-political, socio-economical and cultural life of Samarkand, as well as the activity of different representatives of the ruling dynasty of Mangyts are described on the basis of the new scientific data.

Б.Ж. Эшов
(Ўзбекистон)

НУРОТА ВОҲАСИ ҚАДИМ ТАРИХИ ҲАҚИДА АЙРИМ МАЪЛУМОТЛАР

Юртимизнинг ўзига хос тарихга эга шаҳарлари жуда кўп. Улардан бири Нуротадир. Нурота географик жиҳатдан Ўзбекистоннинг марказида жойлашган.

Абу Бакр Наршахий “Нур ота” ёки “Нури Бухоро” номи билан тарих саҳифаларидан ўрин олган мазкур тарихий шаҳар ҳақида маълумот бериб, уни Бухоро таркибидаги тарихий жой сифатида қайд этади (Наршахий, 1966).

Меъморий ёдгорликлар асосан шайбонийлар даврига оид. Манғитлар сулоласи ҳукмронлик қилган кейинги даврларда улар қайта таъмирланган. Наршахийнинг ёзишича, Нурда жомеъ масжиди ва работлар бўлган.

Нур зиёратига бориб қайтганларни ҳожилар фазилатига эга бўлиши тўғрисида ҳам Наршахий ёзиб қолдирган. Нурнинг зиёратгоҳ бўлиши, бу жойдаги айрим объектлар билан боғлиқ. Муқаддас булок, балиқлар, тарихий обидалар, Саййидиддин Абул Ҳасан Нурий, Ар-Румий сингари тарихий шахсларнинг, шунингдек араблар истилоси даврида Мовароуннаҳрга келиб қолган ва шу тупроқда фанийликдан боқийликка кетган ҳамда Нурда дафн этилган тобеинлар қабрлари шулар жумласидандир.

Нурнинг қадимий тарихини Искандар Зулқарнайн истилоси билан боғлайдилар. Нур атрофидаги кишлоклардан бирида унинг ва онасининг рамзий мақбараси мавжуд ва бу ҳам муқаддас зиёратгоҳ саналади. Таъкидлаш жоизки, турли даврларга оид ёзма манбаларда ва

ривоятларда Нуротанинг қадимийлиги ҳақида сўз юритилсада, шаҳар ва унинг атрофлари тарихи илмий жиҳатдан етарлича ўрганилмаган. Ўтган аср 50-йилларининг бошларида Я.Ғ. Гуломов бошчилигидаги гуруҳнинг қисқа муддатли илмий изланишлари ҳамда 70-80 - йилларда Фанлар академиясининг Археология институти ходими О.М. Ростовцев олиб борган тадқиқотлар (Ростовцев, 1975. С. 98-103) бу соҳага бироз ойдинлик киритди.

Шаҳарнинг номланиши ҳақида. Ҳозирча илмий асосланмаган тахминларга кўра, шаҳарга македониялик Александр буйруғига кўра асос солинган бўлиб, у ўрта асрларда “Нур”, “Нури Бухоро” номлари билан машҳур бўлган. Ўрта асрлар муаррихлари Наршахий, Жувайний, Истаҳрий асарларида кўхна шаҳар “Нур” деб тилга олинган. Халқ орасида шаҳарнинг номи “Нур ато,” яъни “нур ато этилган” маъносидан келиб чиққан деган фараз ҳам юради.

"Нур" атамаси кўхна шаҳарнинг шаҳристон қисмидаги чашмага нисбатан пайдо бўлганлиги эҳтимолдан ҳоли эмас.

Манбаларда Нуротанинг ислом даври тарихи ҳақида кенгрок ёритилган ва узоқ мозийдаги турли воқеа ва жараёнлар шу жой билан алоқадордир. Шаҳарнинг ўтмишига эътибор қаратадиган бўлсак, бу ерда Салжукнинг авлодлари Тоҳрулбек, Довуд ва Йабхулар кўним топишган. Жанд аҳолиси билан зиддият юзага келгандан сўнг, уч ака-ука ўз лашкарлари, шунингдек, подаси билан Нур атрофига келиб ўрнашади. Албатта, уларнинг сомонийларга қарашли мулкда жойлашишига Бухоро амирларининг розилиги олингани шак-шубҳасиздир. Тарихчи Ҳамдаллоҳ Ғазвиний келтирган далилда айтилишича, бу воқеа 985 йилда юз берган (Сухарёва, 1974. С. 43-47).

Сўнгги сомоний амир Мунтасир Бухорони эгаллаб олган душманларидан мағлуб бўлгандан сўнг, ўз ҳарбий кучларининг қолган-қутганлари билан Нуротага келиб, мустаҳкамланиб олган ва шу ердан туриб Дабусия қалъасида жойлашиб олган рақибига ҳужум қилган.

Жамол ал-Қаршийнинг «Мулҳақат ас-сурах» асаридаги маълумотларда Нурота атрофларидаги салжуқийлар Бухоро амири томонидан қувгин қилинган дейилади. Аслида эса салжуқийлар қорахонийлар сикуви остида бу жойларни тарк этганлар (Ўзбекистон тарихи, 2003. 244-б).

1220 йилда Чингизхон Ўтрор орқали Бухоро томонга юриш қилганида Нуротани жангсиз босиб олган. Чингизхон Нурга Тоҳир Баҳодир бошчилик қўшинни жўнатган ва мазкур мўғул ҳарбий қисмлари 1220 йил январь ойида Ўтрор ва Нур орасидаги қарвон йўли орқали келиб, шаҳар аҳолисидан таслим бўлишини талаб этган. Нур аҳолиси эса Тоҳир Баҳодир билан музокара юритиб, ўз элчиларини Чингизхонга жўнатган.

Мўғул хони ҳарбий қўшинда Тоҳирга нисбатан нуфузи баланд бўлган Субутойга шаҳарни топширишни буюрган. Субутой буйруғи билан аҳоли ўз ҳаётий эҳтиёжлари учун зарур буюмлар, мол, озиқ-овқат олиб шаҳарни тарк этган. Шундан сўнг шаҳар талон-тарож қилинган. Чингизхон ташрифи вақтида эса талон-тарож қилинган нарсалар аҳолига қайтарилган ва нуроталикларга 1500 динор миқдорда тоvon пули тўлаш талаби қўйилган. Мўғуллар нуроталиклардан маҳаллий ҳоким Эл ҳожи бошлиқ 60 кишилиқ ҳарбий қисмни тузиб, Дабусия қалъаси қамалига жўнатган.

Руслар истилоси давридаги манбаларда, XIX асрнинг 60-йилларида Нурота беги Абдул Ғаффор ҳақида маълумотлар ёзилган. 1886 йилда Россия ва Бухоро орасидаги чегара Нурота чўли худудидан ўтказилган вақтда бу жараёнда Абдул Ғаффор билан бирга Зиёвуддин ва Хатирчининг бекалари ҳам иштирок этади.

Янада қадимгироқ тарихга, Нурота шаҳрининг пайдо бўлган даврига назар ташлайдиган бўлсак, ҳозирги Нурота худудлари қадимги Сўғдиёна вилояти таркибга кирган.

Қадимги тарихимизни тиклаш учун қимматли маълумотлар берувчи илк ёзма манбалар-«Авесто», аҳмонийлар миҳхат ёзувлари ҳамда грек-рим тарихчиларининг асарларида Сўғдиёна ва сўғдийлар ҳақида маълумотлар берилса-да, уларда айнан Нурота ҳақида маълумотлар учрамайди. Ҳозирги кунгача олиб борилган археологик тадқиқотларда ҳам Нуротанинг аҳмонийлар ёки грек-македон даври маданий қатламлари аниқланмаган.

Ўтган асрнинг 60-йилларида Я. Гуломовнинг Зарафшон ва Қашқадарёнинг қуйи

оқимларидаги қадимги ерларни суғоришнинг ўзига хос хусусиятлари ва гидрографиясига оид масалаларни тадқиқ этган (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966). Айниқса А. Муҳаммаджоновнинг антик ва ўрта асрларга оид суғориш масалаларига баҳишланган тадқиқотларини алоҳида қайд этиш лозим (Муҳаммаджонов, 1997).

Аҳмонийлар даврига оид суғориш иншоотларининг излари Бактрия, Хоразм, Марғиёна ва Суғдиёна худудларида аниқланган. Кўпчилик тадқиқотчиларнинг фикрича, тоғ олди текисликлари ва дашт худудларини суғоришда ишлатилган коризлар – ер ости каналлари айнан мана шу даврда пайдо бўлди. Хусусан, Полибий салавкийлар подшоси Антиох III нинг Парфия даштлари орқали ўтган ҳарбий юришлари ҳақида маълумот берганда ушбу дашт худудлари бир қанча қудуқлари бўлган ер ости каналлари орқали суғорилиб, бу каналлар «форслар даврида» бунёд этилгани ҳақида ёзади.

Ўзбекистоннинг мана шундай мураккаб суғориш иншоотларидан фойдаланадиган туманларидан бири Нуротадир. Бу ерда кориздан ҳозирги кунда ҳам фойдаланилади. Кориз – ер ости сув иншооти бўлиб, бундай суғориш иншоотини қуриш ниҳоятда оғир ва мураккаб бўлган. У машаққатли қўл меҳнатидан ташқари ер ости сувлари тўпланадиган қатлам, йил мавсумларида бу сувлар сатҳида рўй берадиган ўзгаришлар ва кориз чиқариладиган жой рельефидаги нишабликни жуда аниқ белгилашни талаб этарди. Нуротада ҳозирги кунда ер юзасига сув чиқариб турган кориз «калта кориз» деб номланиб, унда 50 та қудуқ бор.

Тадқиқот давомида Нурота қалъаси, шаҳар девори деб тахмин қилинаётган Девор Пироста ҳамда Нурота атрофидаги Пашшот қалъаси қолдиқларида қидирув-текширув ишлари олиб борилди.

Нурота қалъасининг тузилиши, деворлари ва улардаги миноралар (буржлар) қисман тадқиқ этилди. Қалъа деворининг ички йўлакларига элтувчи кириш йўллари - ғорлар сақланиб қолган. Қалъа девори паҳса асосида хом ғиштдан қад кўтарган ҳамда вақти-вақти билан таъмирланиб турилган. Хом ғиштларнинг ўлчамлари Суғдиёнадаги милоддан аввалги VI-IV асрларга оид Узунқир, Ерқўрғон, Чордара каби ёдгорликлардаги ғиштларга анча яқин экани аниқланди.

Хуллас, Нуротада олиб борилган қисқа муддатли қидирув-текширув экспедицияси бу худудда кенг камровли тадқиқотлар ўтказиш лозимлигини тасдиқлади.

Фойдаланилган адабиётлар

Наршахий М. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.

Ростовцев О.М. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда // ИМКУ, 1975, №12. С. 98-103.

Сухарёва О.А. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. Труды АН Тадж. ССР. Т. XXVII. 1974. С. 43-47.

Ўзбекистон тарихи. Муаллифлар жамоаси. Тошкент, 2003. 244-б.

Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966

Муҳаммаджонов А.Р. Ўзбекистоннинг қадимги гидротехника иншоотлари. Тошкент, 1997.

Х.Х. Самибоев
(Ўзбекистон)

МАҲАЛЛАНING ШАҲАР ТИЗИМИДАГИ ЎРНИ

Самарқанд шаҳрида қадимданок маҳаллалар жамоа ва авлод шаклида вужудга келган. Ҳозир ҳам айрим кўҳна гузарларда бир неча авлодлар маҳалла аҳолисининг аксарият қисмини ташкил қиладилар. Улар асосан қадимдан ота-боболардан қолган хунармандчилик касби билан шуғулланадилар.

Маҳалла типидagi фуқароларнинг жамоалари тўрт тарихий босқичга эга.

Биринчи босқич Самарқанд ва Мовароуннаҳрнинг бошқа шаҳарларида ҳукмронлик қилган сомонийлар ва қорахонийлар даврида вужудга келган Ғотфар, Чокардиза ва Факеҳ Абдуллайс маҳаллалари ташкил топиши билан характерланади.

Иккинчи босқич XIV-XV асрлардаги Амир Темур ва Темурийлар салтанатининг

хукмронлиги билан боғлиқ бўлиб, бу даврда Дари Занжир, Мирзо Пўлод, Қози Калон, Кўк масжид, Қўш Ҳовуз, Хўжа Зудмурод, Махдуми Хоразм, Мадрасаи Сафед, Хўжа Нисбатдор, Ҳовузи Сангин, Гўри Амир, Оксарой, Зингарон каби гузарлар ташкил топган.

Учинчи босқич XVI-XVII асрларда ташкил топган Мотруди, Зардўзи, Булбулак, Кулолон, Ялангбек, Боғи майдон, Заргарон.

Тўртинчи босқичда (XVIII-XIX асрлар) Ёмини, Оби Машҳад, Ойсабад, Чанговоли, Шохкаш, Қашқари, Даҳбеди, Юсуфбой, Сўфи Розик, Маддохи, Янги Ҳайробод, Хавоси-2, Боғи майдон-1, Боғи майдон-2, Хўжажон Хўжа, Шайхулислам, Кўлобод, Ургути-1 ва 2, Тошканди, Орифжонбой, Тошкент-3, Қози Абдурасул, Иброҳим Хўжа, Ҳавзи баланд, Муғўлиён-3, Хонақо, Пули Мирзо, Шаҳрисабз, Мўлиён, Тошканди-2 (Абдул Қосим), Хўжа Латиф, Мўлиён-2, Кафтархона, Қавола-1 ва 2, Гўри Амир, Намозгоҳ-1 ва 2, Бўстонихон, Ашур Мухаммад, Қўрғонча, Лаби Фор, Эски Қаландархона, Рухобод, Луччакон, Юсуф Ҳаррот, Қўлбача-1, Дониёрбек, Мулло Қаландар-1 ва 2, Чармгари (Тали Речак), Лолазор-1, Хўжақишлоқ, Пули Сафед, Дегчабирён, Хон Саид Имом, Вайсул Қаран, Қўлбача-2, Тали Регак-2, Тали Регак-1, Тали Регак-3, Нуробод ва Лолазор-2 ва 3.

Тўртинчи босқичга тегишли маҳаллалар 60 тани ташкил этиб, улардан 24 таси XVIII асрнинг иккинчи ярмида вужудга келган.

XIX асрнинг охирида Самарқанд шаҳрида жами 96 маҳалла бўлиб, уларда 55 минг аҳоли истиқомат қилган. Ҳар бир маҳаллада аҳоли сони 400 дан 800 нафарни ташкил қилиб, катта маҳаллаларда, жумладан, Яхудийлар маҳалласида 2300-2500, Лолазорда 2000, Қози Ғафурда 2000 дан кўп фуқаро яшаган.

Солиштириш учун оладиган бўлсак, 1988 йилда Самарқанд шаҳрида маҳаллаларнинг сони 160 та бўлиб, улардан 103 таси Сиёб туманига, 25 таси Боғишамол туманига ва 32 таси Темирийўл туманига қарашли эди.

Самарқанд вилоятининг маълумотлар китобчасида (1893 йил 1 нашри) ёзилишича, Самарқанд шаҳрининг русларга тегишли қисми 1871 йилда (74 б.) ташкил топган. Бу минтақада асосан рус миллатига мансуб фуқаролар истиқомат қилганлиги сабаб Эски шаҳарга хос маҳалла типигадаги жамоа вужудга келмаган эди.

Самарқанд шаҳри ўрта асрларда жануб томон кенгайиб борган.

1902-1906 йиллари Сиёб туманидаги маҳаллалар тўрт даҳага бўлинган – Қаландархона, Ҳайробод, Сўзангарон, Хўжа Аҳроп. Ҳар бир даҳанинг номи ва унга қарашли маҳаллалар шаҳар тизимини ташкил қилган эди.

Шўролар даврида маҳаллалар таркибини ўзгартириш сиёсати амалга оширилади. Натижада жамоаларнинг сони ортиб, уларни бошқаришнинг янги усуллари жорий қилинди. Жумладан, Ёмини таркибидан Ойсават, Мўлиён таркибидан Қаландархона, Қавола-1 дан Ашурчиркин ва Қўшчинор, Намозгоҳ-1 дан Урганжи, Дегрезон, Мулло Қаландардан Болои Қалъа ажратилди. Яхудийлар маҳалласи 7 қисмга бўлинди, Шайхлар маҳалласи Оби Машҳадга қўшилди, Лолазордан Девори Кўндаланг, Пули Мирзодан Тўқумдўзи ва Боғи баланд, жами 21 мустақил маҳалла ташкил топди.

Самарқанд шаҳрининг топографияси ва этник таркибига оид адабиётларда айрим маҳаллаларнинг номи тилга олинмаган. Масалан, Растваи Нав, Жўғихона, Фони, Жоми, Халифа Лаълибек. Бу маҳаллалар бузилган ва уларнинг жойида янги мактаб ва маъмурий бинолар қурилган. Халифа Лаълибек маҳалласида қурилган мактаб биниси Фони маҳалласига тегишли эди. Жўғихона Чокардиза қабристони бузилгандан кейин барпо бўлган бўлса, Жоми Каварзор таркибидан ажралиб чиққан жамоа ҳисобланади.

Маҳаллаларнинг тарихи уларнинг сони билан белгиланмайди. Давр ўтиши билан улар кўпайиши ёки камайиши мумкин, аммо уларнинг жамиятдаги ўрни - шаҳар ижтимоий тизимидаги мавқеи ҳисобланади.

Самарқанд шаҳрида шўролар олиб борган сиёсат маҳаллаларнинг тарихий тақдирига катта зиён келтирди. 30-йилларда бошланган саноатни индустриллаштириш, қишлоқ хўжалигини коллективлаштириш тадбирлари шаҳар ва қишлоқда яшаган маҳаллий аҳолини ишчи ва деҳқонга ажратиб, уларнинг ижтимоий таркиби бузилди.

Шаҳарнинг марказий минтақасида қадимдан яшаб келган аҳоли манзили бузиб ташланди, уларнинг ўрнида янги завод ва фабрикалар, хиёбонлар ва кўчалар барпо қилинди. Бунинг оқибатида қадимий маҳаллалар тугатилди. Жумладан, Вайдул Қаран, Таги Шўр, Пули Сафед, Шохқаш, Ғотфар, Чанговули, Заргари, Зингароннинг бир қисми урушдан кейинги 60-70 – йилларда қурилиш ва ободонлаштириш авж олиши билан бузилди. Аҳоли шаҳар теварагидаги колхоз далаларида янги уй-жой қуриб яшашга мажбур бўлдилар. Растваи Нав, Тўқумдўзи, Боғи баланд, Мотрид, Ҳавзи баланд, Шаҳрисабз каби маҳаллаларнинг фуқаролари қисман ёки умуман бошқа жойларга кўчиб кетишди.

Самарқанд шаҳри атрофидаги колхоз ерлари шаҳар тасарруфига ўтиши муносабати билан аҳоли ер участкаси олиб янги ҳовлилар кура бошладилар. Натижада янги маҳаллалар вужудга келди. Масалан, А. Қаҳҳор, С. Айний, Фуркат, Дўстлик, Улуғбек маҳаллалари ҳам шулар сирасига кирди.

Шўролар ҳукмронлиги даврида маҳалла типидagi ўзини-ўзи бошқариш жамоаларининг ижтимоий мавқеи пасайиб кетди. Маҳаллаларнинг турли атамалар билан номланишидан бошлаб, уларнинг тарихий номлари қайта-қайта ўзгартирилади. Маҳалла ўрнига квартал, оқсокол ўрнига кварталком, ёки домком каби русча сўзларни ишлатиш одатга айланди.

Шуниси ажабланарники, маҳаллаларнинг тарихий номи хоҳлаган шахслар, шаҳарлар, кишлоқлар билан аталиши, кўчаларнинг ҳам номини ўзгартиришга олиб келди.

XX асрнинг турли йилларида сиёсий сабаблар билан ўзгартирилган маҳалла номлари уларнинг жамиятдаги ижтимоий мавқеини сира пасайтирмади. Халқимиз авлодлар қолдирган бой ижтимоий қадриятларни асраб, шу билан бирга маҳалланинг ҳам тарихини сақлашга эришди. Ўлкамиз ўтмишининг таркибий қисми бўлган Самарқанд маҳаллалари тарихи фикримизнинг далилидир.

Н.Н. Samibayev - The Place of 'Mahalla' in the Urban System

The presented article deals with the foundation of mahalla (neighborhood/quarter) in Maverannahr. It is characterized from the point of view of the four stages: the Samanides and the Karakhanides period, the Amir Temur Period (14-15th centuries), the 16-7th centuries, and the 18-19th centuries.

А.Х. Пардаев
(Ўзбекистон)

XVIII АСРНИНГ ИККИНЧА ЯРМИГА ОИД САМАРҚАНД ШАҲРИ МАҲАЛЛАЛАРИ ТАРИХИ ВА АҲОЛИ ДЕМОГРАФИЯСИ ҲАҚИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Дунё халқлари тарихида илк шаҳарсозликнинг вужудга келиши, шаҳар ҳаёти ва маданиятининг қарор топиши жамият тараққиётидаги энг муҳим тарихий ҳодиса сифатида қабул қилинган. Чунки, шаҳар кишилиқ жамиятининг маъмурий бошқарув тизимлари жойлашган, ишлаб чиқариш кучлари ва муносабатлари шаклланган, моддий, маънавий ва маърифий турмуш тарзи - илм-фан, савдо-сотик каби долзарб сиёсий, ижтимоий-иқтисодий соҳалар ривожланган муҳим маданий маскандир.

Ўрта асрларда анъанавий тарзда уч қисм - арк, шаҳристон ва рабодлардан ташкил топган Ўрта Осиё шаҳарларининг тарихий топографияси кўлами ва хусусияти сўнгги ўрта аср - хонлиқлар замонида содир бўлган демографик ва урбанистик жараёнлар оқибатида тубдан ўзгарган. Унинг таркибий қисмлари мазмун ва моҳият жиҳатидан мукамалликка эришган. Аҳоли сонининг ўсиши ҳисобига шаҳар ҳудуди кенгайиб, рабодлар ҳам ягона умумий мудофаа девори билан ўраб олинган, натижада янги маҳаллалар вужудга келган.

Тарихий топографияга оид тадқиқотлардан маълумки, бу даврда шаҳар структурасига ўзгартиришлар киритилган. Шаҳарнинг маълум даражада мукамалликка эришувига унинг таркибий қисмлари маҳаллалар ва гузарлар сабаб бўлган.

Бу даврда шаҳар аввалгидек шаҳристон ва рабод қисмларига эмас, кўча-кўй, гузар, маҳалла, регистон, бозор, чорсу майдони каби шаҳарликлар истикомат қиладиган турар жой,

савдо - сотиқ ва хунармандчилик мавзеларига бўлинган. Хунармандчилик мавзелари ўз навбатида шаҳарнинг ишлаб чиқариш марказини, марказнинг асосини эса маҳаллалар ва гузарлар ташкил этган (Мукминова, 1976, 234с; 1984, 24с).

Шу боис, шаҳар маҳаллалари хусусиятларини тадқиқ этмай туриб, унинг аҳолисининг ижтимоий таркибини ва ҳаёт тарзини ўрганиб бўлмайди. Чунки, Ўрта Осиёнинг сўнгги ўрта асрлар шаҳарларида жамоат турар жойлари - маҳаллалар муҳим ўрин тутган. Маҳаллалар нафақат шаҳарнинг яхлит ҳудудий бирлигини ташкил этган, балки ундаги ўзига хос турмуш тарзини, ишлаб чиқариш, расм-русум ва урф-одат каби том маънодаги ижтимоий-иқтисодий шаҳар ҳаёти хусусиятларини белгилаган, маҳалла аҳли ҳақли равишда «шаҳар аҳолиси» деган мақомга сазовор бўлган.(Агзамова, 2002, 49-50с). Гузарлар эса ўз навбатида маҳаллаларнинг ажралмас, узвий таркибий қисми сифатида маҳаллаларнинг маъмурий бошқарув, маданий-маиший, маҳаллий аҳамиятга молик кичик савдо маркази бўлиб фаолият кўрсатган.

Ўрта Осиёнинг барча марказий шаҳарларида бўлгани каби Самарқанд маҳаллалари ҳам шаҳарнинг тирик организми мисоли асрлар оша ривожланиб келган. Катта бир тарихий давр ўрта асрлар, хусусан, хонликлар замонида Самарқанд шаҳри кенгайиб борган. Янги маҳаллалар ташкил топган кўчалар чиқарилган, ариқлар қазилган (Вяткин, 1902).

Аммо, хонликлар замонидаги Самарқанд маҳаллалари ҳамиша ривожланиш, тараққий этиш жараёнларини эмас, балки айрим ҳолларда турғунлик, ҳатто инқироз даврларини ҳам бошидан кечирган. Хусусан, XVIII асрнинг биринчи чорагидан бошлаб қарийб ярим аср мобайнида Самарқанд маҳаллалари турғунлик ва инқироз кўчасига кириб қолган, шаҳарда аксилдемографик жараён кучайган. Бунга қуйидаги сиёсий, ижтимоий – иқтисодий муносабатлар сабаб бўлган.

Тарихий манбалардан маълумки, 1722 йилда Шаҳрисабз беги Иброҳимбий кенагас бошчилигида бир гуруҳ беклар Самарқанд ҳокими Ражабхонни хон кўтариб, Абулфайзхон ва унинг амир-ул-умароси Муҳаммад Ҳақимбий оталиққа қарши исён кўтардилар. Ражабхон Бухорога қарши қўшин тортиб, Миёнқол, Каттақўрғон, Хатирчи бекликларини истило қилади. Муҳаммад Раҳимбий бошчилигидаги Абулфайзхон кўшинини енгади, лекин Бухоронинг қудратли мудофаа истеҳкомлари туфайли шаҳарни эгаллашга имкон топа олмайди.

Самарқанд ва Бухоро ўртасидаги уруш уч йил давом этган. Кейин эса Ражабхон 1723 йилда қалмоқлар (жунғор) ҳукмдори, хун-тайжчи Цеван Рабтандан қаттиқ зарба еган ва ўз ўлкаларини ташлаб Сирдарё томонга кетишга мажбур бўлган қозоқларни, улардан ҳарбий ёрдам олиш мақсадида, Зарафшон воҳасига чорлайди. “Самария” муаллифининг ёзишича, ... “қалмоқлардан қочиб Мовароуннаҳрга кўчиб келган қозоқлар билан қўшулуб, (Самарқанд беклари – А.П.) Бухоро кўшинини синдирадилар. Ўз рама ва подалари билан кўчиб келган қозоқлар ўзаро урушларда толонғон Самарқанд тевараги ва Бухоро музофатларида қўниб, қолган-қутғонини ҳам таладилар ва бутун боғ, бўстон ва экинзорларни ўз ҳайвонларига егуздилар. Етти йиллик бу талон натижасида Самарқанд эли очликқа учраб толонди, қирилди, ўлди ва кўчди. Шундай бўлиб, “Самарқанди фирдавс монанд” жаҳаннам намунасига айланди” (Абу Тохирхўжа Самарқандий, 1991. 6-б). Бу Самарқанд маҳаллалари инқирозининг илк босқичи, муқаддимаси эди.

Инқирознинг кейинги босқичи Эрон шоҳи Нодиршоҳ (1736-1747) истилоси билан боғлиқ. 1741 йилда Мовароуннаҳр Эрон шоҳи Афшар Нодиршоҳ томонидан босиб олинади. Талончилик ва шиалик мазҳабидан чўчиган халқ иккинчи маротаба катта – катта шаҳарларни ташлаб кетади. Бунинг устига Хива, Бухоро ва Самарқандда яшовчи шиа мазҳабидаги аҳоли (қуллар) озод қилиниб, ватанларига қайтарилади. Муаррихларнинг ёзишича, XIX асрнинг иккинчи ярмида Самарқандда бутун аҳолининг 20 фоизи қолган экан.

Манбаларда эътироф этилишича, манғит амирларининг биринчиси бўлган Раҳимхон Самарқандни қайта қўлга киргазаман деб келганда (1752 йил бошларида) Самарқанд шаҳри аҳолиси ниҳоятда кам сонли бўлган, ҳатто Работи Ҳожабандий тўғони бузилган ва Самарқанд оқар сувдан маҳрум бўлган эди. Раҳимхон Работи Ҳожабандийни тузатиб, Самарқандга сув чиқарган. Лекин одам камлигидан шаҳар обод бўлмаган.

Самарқанднинг XVIII асрнинг иккинчи ярмидаги ободонлиги Амир Шоҳмурод (1785-1800)

хукмронлиги давридан бошланган. “Самария”да қайд этилишича, “ушбу йилда Шоҳмурод Самарқанд шаҳрида 24 гузар (маҳалла) бино қилиб Ўратепа, Ховас, Зомин ва бошқа ёқлардан кўчурилиб келтирилган (оқ уйли этилган) кишиларни шу гузарларда ўрнашдурди. Самарқанд Чорсусидаги тоқ, Пойқовоқ, Шоҳизинда, Қаландархона ва Сўзангарон дарвозалари ушбу тарихда иморат қилинди”. (Абу Тоҳирхожа Самарқандий, 1991. 7-б).

Шунингдек, Шоҳмурод даврида Бухоро ва Самарқандда кўплаб мадрасалар, масжидлар, хонақолар ва турли бинолар қурилган. Хусусан, Зарафшон водийси деҳқончилигига катта эътибор қаратилиб, Зарафшон дарёсидан турли ариқлар (Қозонариқ, Тойман ариғи, Тўғузариқ), Оқдарё ва Қорадарёдан янги ариқлар чиқарилган ҳамда бошқа суғориш иншоотлари қурилган. Шоҳмуроднинг шахсан ўзи Самарқандни қайта қуриш тарhini чизган. Унинг даврида Самарқандда асос солинган янги маҳаллаларнинг аҳолиси асосан қўшни туман ва шаҳар - қишлоқлардан кўчириб келтирилганлиги сабабли Андижони (Андижонлик), Зомини (Зоминлик), Ёмини (Ёмлик), Хавоси (Хавослик), Тошканди (Тошкентлик), Урганжи (Урганчлик) каби номлар билан аталади.

Кўчирма қилиб келтирилган аҳолига “оқ уйли, ола байроқли” мақоми берилган. Бунинг маъноси шундаки, кўчирма қилинган аҳоли оқсоқолининг уйи ёки гузарининг марказий биноси оққа бўялиб, томига ола байроқ қадаб қўйилган. Чунки, кўчирма қилинганлардан ташкил топган маҳалла аҳолисига амирлик томонидан бир қатор имтиёзлар берилган. Хусусан, маълум муддат турли солиқлардан озод қилинган, савдо расталари, шаҳардан ташқари ҳудуддан деҳқончилик учун ерлар ажратилган. Оқ уй ола байроқ эса амир солиқчилари ва бошқа турли мутасадди амалдорлар учун муайян белги вазифасини ўтаган.

Кўчирма қилинган аҳолининг аввалги турмуш тарзи асосан деҳқончилик бўлсада, аста-секин ҳунармандчилик, савдо–сотик ишлари билан ҳам фаол шуғуллана бошлашган. Хусусан, Хавослик маҳалласида ҳунармандчиликнинг темирчилик соҳаси яхши ривожланган. Хавослик темирчилар ясаган меҳнат қуроллари – кетмон, белкурак, шоха, сихмола, ўрок, болға, омов тиши нафақат Самарқандда, балки қўшни шаҳар ва қишлоқларда ҳам жуда харидорғир бўлган. Тошкентлик маҳалласи аҳли эса ўз фаолиятларини асосан савдо – сотикқа йўналтирган бўлиб, уларнинг саъй – ҳаракати туфайли Самарқанд бозорлари бир қадар савдо моллари билан тўлган. Атторлик, базозлик каби майда савдогарчиликдан тортиб, турли ширинликлар, нонвойлик, пойафзал, гиламдўзлик, кийим - кечак, от - арава жабдуқлари, ёғоч ўймакорлиги маҳсулотлари савдоси билан асосан Тошкентлик маҳалласи аҳолиси шуғулланган (Пардаев, 2001. 114-116 –б.).

Хавос яқинидаги Навқанд қишлоғидан кўчирма қилинган Хайробод (Навқанд ёки Пайқовоқ) маҳалласи аҳолиси кавуш – маҳси, мўкки (тош тавон) сингари пойафзал тикиш, кўнчилик, тикувчилик, майда савдогарчилик билан шуғулланган (Абрамов, 1989. С. 37).

Шундай қилиб, ёзма манбалар ва этнографик маълумотлар ҳулосасига кўра, Самарқандда XVIII асрнинг биринчи ярмида содир бўлган шаҳар ҳаётининг инқирози ва кучли аксилдемографик жараёнларга Амир Шоҳмурод хукмронлиги даврида барҳам берилди. XVIII аср охири ва XIX аср бошида Самарқанд шаҳар ҳаёти, ишлаб чиқариш, савдо – сотик даражаси ва маданий маскан сифатида нуфузи жиҳатидан яна Бухоро амирлигининг марказий шаҳарларидан бирига айланади.

Фойдаланилган адабиётлар

Абрамов М.М. Гузары Самарканда. Ташкент, 1989.

Абу Тоҳирхожа Самарқандий. Самария. Ташкент, 1991.

Агзамова Г.А. Шаҳрисабз-иктисодий ва маданий ҳаёт маркази (XVI-XIX асрнинг биринчи ярми) // Шаҳрисабз шаҳрининг жаҳон тарихида тутган ўрни. Халқаро илмий конференция. Тошкент, 2002.

Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. Самарқанд, 1902.

Самарқанд тарихи. 2 томлик. Тошкент, 1972.

Мукминова Р.Г. Тўрт юз йил аввалги Тошкент. Тошкент, 1984.

Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976.

Пардаев А.Х. Самарқанд ва Жиззах маҳаллалари тарихига доир айрим мулоҳазалар // Зарафшон воҳаси ва унинг тарихидаги ўрни. М.Б. I- қисм. Самарқанд, 2001.

ХІХ АСР ОХИРИ – ХХ АСР БОШИДА САМАРҚАНД ШАҲРИДА МАЪМУРИЙ БОШҚАРУВ ВА ИЖТИМОИЙ-ИҚТИСОДИЙ АҲВОЛ

1868 йилда Самарқанднинг Россия империяси томонидан забт этилиши (Зиёев, 1998. Б. 257-268) нафақат Ўрта Осиё худудида, балки ислом олами ва Европада катта шов-шувга сабаб бўлди. Бухоро хонлиги аҳолисининг Самарқанд шаҳрини озод қилиш учун олиб борган кескин курашлари мағлубиятга учрагач, хонликнинг Россия империяси босиб олган ерларида Зарафшон округи тузилади (История Самарқанда, 1969. Т. I. С. 313-317).

1886 йилда «Туркистон ўлкасини бошқариш ҳақидаги Низом»нинг қабул қилиниши муносабати билан Зарафшон округи Самарқанд вилоятига айлантириб, унинг таркибига Каттақўрғон, Жиззах, Самарқанд ва Хўжанд уездлари киритилади, Самарқанд шаҳри эса вилоят маркази этиб белгиланади (Положение об управлении Туркестанского края, 1912. С. 427-446).

Самарқанд вилоят ва уезднинг маъмурий маркази сифатида белгилангач, шаҳарга кўплаб рус амалдорлари, ҳарбийлар кўчиб келадилар ва 1871 йилда улар учун шаҳарнинг янги қисми барпо этилади. Шу мақсадда ажратилган худудда маҳаллий аҳоли ерлари мажбуран сотиб олинади ва маъмурий бинолар қуришга киришилади. Янги қисмни қуришда маҳаллий аҳоли вакилларига арзимас иш ҳақи тўланиб, мажбуран ишлатилади ва қисқа фурсатда Янги шаҳарча барпо этилади. Ҳарбий казармалар билан ўраб олинган бу шаҳарча тез орада Самарқанд вилоятининг ҳарбий-маъмурий марказига айланади.

Самарқанднинг Янги шаҳар қисмида аҳоли йил сайин кўпайиб боради. Рус аҳолиси учун уй-жойлар, маъмурий бинолар, касалхона, хиёбон, кутубхона, таълим масканлари, ҳаммом, китоб дўкони, ибодатхоналар, 69 та турли дўконлар, банк, ҳарбийлар уйи, транспорт конторалари, музей ва бошқа маданий муассаса ҳамда маиший хизмат идоралари ташкил этилади (Масальский, 1913. С. 667), кўчаларни кўкаламзорлаштириш, ёритиш, тош йўллар ётқизиш ва ободонлаштириш учун катта маблағлар сарфланади (Конопка, 1913. С. 125).

Аммо Эски шаҳарда эса фақатгина маҳаллий аҳолини назорат қилиш ва итоатда сақлаб туришга, яъни полиция ва миршаблик учун маблағ сарфланади, шаҳар ободончилиги, тиббиёт, санитария ҳолати, қурилиш ва маданий ҳаётга мутлақо эътибор қилинмайди. Маъмурият Самарқанднинг Эски шаҳар қисмидан тўпланадиган солиқлардан тушган даромадни шаҳарнинг янги қисмининг қурилишига ва ободончилигига сарфлайди (Чабров, с. 15). Натижада асрлар давомида дунёга машҳур бўлиб келган шаҳарда санитар ҳолат, уй-жой қурилишлари, маданий обидалар, жамоат жойлари, кўчалар давр талабларидан орқада қолиб, руслар яшайдиган Янги шаҳар қисми ободлашиб, худуди эса кенгайиб боради.

Шунга қарамай, асрлар давомида ривожланиб келган анъанавий савдо марказлари – бозорлар, хунармандчилик устахоналари, масжидлар ҳамда аҳолининг асосий қисми шаҳарнинг эски қисмида жойлашганлиги боис, Эски шаҳар бу даврда ҳам ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётда ўз аҳамиятини йўқотмади. В. Масальскийнинг 1913 йилда келтирган маълумотларнинг кўрсатишича, Самарқанднинг Эски шаҳар қисмида 28 та карвонсарой, 1169 та дўкон, 6185 та хусусий уйлар, 4 та бозор, 14 та мадраса, 91 та мактаб, 105 та масжид бор эди (Масальский, 1913. С. 666). Шаҳар бозорларига яқин атрофдаги қишлоқ ва шаҳарлардан кўплаб харидорлар келган, чунки Самарқанд шаҳри Тошкент ва Фарғона худудларига маҳсулот тарқатадиган ўзига хос савдо омбори бўлиб, нафақат вилоятдаги, балки Туркистондаги йирик савдо-саноат марказларидан бири эди.

1888 йилда Красноводскдан Самарқандгача бўлган Каспий орти темир йўли, 1898 йилда эса Самарқанд-Андижон темир йўлларининг қурилиши шаҳарни Россия империясининг жанубий қисмлари ҳамда ўлкадаги йирик шаҳарлар билан яқиндан боғлади, айти пайтда Самарқандга рус саноатчилари ва сармоядорларининг фаол кириб келишига ҳамда вилоятда етиштирилган қишлоқ хўжалик маҳсулотлари ва бошқа хом ашёни Россияга олиб кетишга

катта имконият юзага келди. Самарқанд шаҳри ва уездида вилоятдан метрополияга маҳсулот олиб кетиш билан шуғулланувчи ўнлаб савдо-саноат фирмаларининг бўлимлари ва дўконлари фаолият кўрсата бошлади. Самарқанд шаҳрида уларнинг 117 та дўкони бўлиб (Заорская, 1915. С. 73), улар шаҳардан асосан пахта, ипак, гуруч, чорва маҳсулотлари, хўл мева, вино, чарм-тери, кишлоқ хўжалиги маҳсулотларини Россия шаҳарларига, рус мануфактураси маҳсулотларини эса вилоят аҳолисига етказиш билан шуғулланганлар. Самарқанд Туркистондаги энг йирик виночилик маркази бўлиб, унинг атрофи ва ичкарасида богдорчилик ва узумчилик кенг ривожланган эди.

Каспий орти темир йўли қурилгач, Самарқанд вилоятида рус сармоядорларининг кириб келиши фаоллашади ва шаҳарда саноат корхоналари кўпаяди. Бу корхоналар асосан хом ашёни қайта ишлашга ихтисослашган бўлиб, улар чой қадоқлаш, пахта тозалаш, ёғ-мой, кўнчилик, виночилик корхоналаридан иборат эди. Шаҳар аҳолисининг ички эҳтиёжларини қондиришда маҳаллий хунармандчилик маҳсулотлари муҳим ўрин тутса-да, ўлкада завод-фабрика маҳсулотларини кўпайиб бориши билан маҳаллий касибчилик устахоналари камая бошлайди. Агар 1888 йилда шаҳарда 1300 дан ортиқ турли устахоналардан ташқари 1969 та майда хунармандчилик ишлаб чиқариш корхонаси фаолият кўрсатди (История Самарканда, 1969. С. 309). 1907 йилга келиб уларнинг сони 963 тага тушиб қолди. Устахоналарнинг маълум қисми бирлашиб йириклашган бўлса, маълум қисми завод-фабрика маҳсулотлари билан рақобат қила олмай, ёпилади. Хунармандчиликнинг айрим турлари, масалан игна тайёрлаш умуман тугатилиб, ўрнига янги хунарлар, масалан чой қадоқлаш хунари юзага келади. Бу даврда Самарқанд ўлкада чой савдоси бўйича асосий ўринда турар эди.

Империя ҳукуматининг Туркистонда маънавий соҳада олиб борган мустамлакачилик сиёсатига қарамай, XX аср бошида қўшни мамлакатлар ва мусулмон оламида кенг тарқалган ижтимоий ва маданий ўзгаришлар Самарқанд шаҳрини ҳам четлаб ўтмади. Бу даврда Самарқандда Ҳожи Муин, Маҳмудхўжа Бехбудий, Сиддикий Ажзий, Абдуқодир Шакурий, Раҳматулло Исматуллаев каби маърифатпарвар зиёлилар яшаб, фаолият кўрсатдилар. Туркистонда жадидчилик ҳаракатининг етук намояндалардан бири бўлган Маҳмудхўжа Бехбудий мусулмон давлатлари ва Россия шаҳарларини кезиб, ўз мамлакатада таълим тизими ва моддий-маданий турмушнинг замон талабларидан ортда қолаётганлини англаб етади. У Раҳматулло Исматуллаев, Абдуқодир Шакурий томонидан ташкил этила бошланган янги усул мактаблари учун «Рисолаи асбоби савод», «Рисолаи жугрофияи Русия», «Рисолаи жугрофияи умроний», «Китобат-ул-атфол», «Амалиёти ислом», «Тарихи ислом» каби дарслик ва қўлланмалар яратади (Бехбудий, 2001. 373-б.), 1913 йилда маҳаллий театрга асос солиб, илк ўзбек драмаси «Падаркуш» асарини ёзади ва сахналаштиради.

1913-1914 йилларда Бехбудий «Самарқанд» номли маҳаллий газета нашрини йўлга қўяди. Рус, ўзбек ва тожик тилларида чоп этилган мазкур газета саҳифаларида халқ тараққиётга ва маърифатга даъват этилади, мавжуд ҳолат кескин танқид остига олинади. Ҳукумат газетанинг 45 та сони чиққач, ёпиб қўяди. Маҳмудхўжа Бехбудий тез орада маҳаллий тилдаги илк жариди - «Ойна» журналининг нашр қила бошлайди (Қосимов, 2002. 222-б.) «Ойна» журналининг қисқа фурсатда нафақат Туркистонда, балки Кавказ, Татаристон, Туркия, Афғонистон, Эрон ва Ҳиндистонгача тарқалади.

Бундан ташқари Маҳмудхўжа Бехбудий ўз ҳисобидан хусусий босмахона ва кутубхона - «Нашриёти Бехбудия» ва «Кутубхонаи Бехбудия»ни ташкил этади. У ўз босмахонасида жадид адабиёти намуналаридан ташқари Туркистон харитасини ишлаб чиқиб, чоп этади, кутубхонага эса мусулмон давлатлари ва қўшни мамлакатлардан китоб олиб келишга ҳаракат қилади.

Бу даврда ҳукуматнинг Туркистондаги таълим тизимини имкон қадар сиқиштириш сиёсатини олиб боришига қарамай, фан ва адабиёт соҳасидаги изланишлар буткул тўхтаб қолмади. Чунончи бу даврда Самарқандда география, астрономия, картография ва табиий фанлар бўйича чуқур билимларга эга бўлган Ҳожи Юсуф томонидан илк глобус ихтиро қилинади. Москва, Истанбул, Сурия ва Европа шаҳарларида 10 йил давомида отаси билан

саёхатда бўлиб қайтган, назарий ва амалий билимларга эга бўлган Ҳожи Юсуф яратган глобус ўз замондошлари томонидан юқори баҳоланади.

Шаҳардаги илғор фикрли зиёлилар мустабид тузум шароитидаги мавжуд аҳволни танқид қилиш, халқни маърифат ва тараққиётга даъват этиш билан чекланиб қолмай, Самарқанд шаҳрининг келажиги, унинг обод бўлиши ҳақида орзу қилганлар ҳамда бунинг учун нималар қилиш кераклиги ҳақида ўз мулоҳазаларини баён этганлар. Чунончи, ўша даврда яшаб, ижод қилган, араб, форс, рус тиллари ва адабиётини, мусиқа ва техникани ҳамда тикувчилик ва тўқувчиликни яхши билган, ўз ҳисобидан янги усул мактаби ташкил қилган маърифатпарвар Сиддиқий Ажзий ўз шеърларида ана шундай ғояларни илгари сурган. Ўзининг «Миръоти ибрат» номли шеърини асариди Сиддиқий Ажзий Самарқандни обод ва озод келажигини тасаввур қилиб, шаҳарда катта ва кўплаб иморатлар, кўплаб трамвай ва автомобиллар, «ойнаи -барк», яъни телевидение ҳамда телефонлар, ҳаттоки сўзлашганда ойнада акси кўринадиган телефонлар, ҳар ерда электр қандиллар бўлишини башорат қилади. Ўзининг «Хотима» номли шеърини асариди эса у тил, қонун, илм-фан ва давлатсиз миллатнинг истикболи йўқлигини алоҳида таъкидлайди (Қосимов, 2001. 202, 204-б.).

Самарқанд шаҳри Туркистонда кечган сиёсий жараёнларнинг қизгин ўчоқларидан бири эди. Шаҳардаги маҳаллий аҳоли орасида мустамлакачилик тузумига, ҳукуматнинг адолатсизлик сиёсатига қарши тез-тез норозилик чиқишлари бўлиб турган. Маҳаллий уламолар Россиядан ўлкани тафтиш қилиш учун юборилган сенатор Паленга бир неча маротаба ёзма мурожаат қилиб, шаҳардаги бошқарув тизими ва ижтимоий ҳаётда ўз диний ва миллий манфаатларини, анъаналарни тиклашни, адолатсизликларга чек қўйишни сўраганлар (РГИА, Ф. 1396). Шаҳар аҳолиси номидан тузилган 53 банддан иборат петицияда нафақат ижтимоий, диний ва миллий манфаатлар, балки сиёсий ҳуқуқлар ҳам талаб қилинган бўлиб, мусулмонларнинг Россия Давлат Думасида ва бошқарув тизимида рус аҳолиси билан тенг ҳуқуққа эга бўлиши лозимлиги талаб қилинган эди (Российский государственный исторический архив. Ф. 1396).

Самарқанд шаҳри, уезди ва вилояти аҳолиси 1916 йилда бутун Туркистонни қамраб олган, Россия императорининг маҳаллий аҳолини фронт орти ишларига сафарбар қилиш ҳақидаги фармони (Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, 1960) қарши кўтарилган умумхалқ кўзголовида фаол иштирок этиб, ҳукуматга қарши ўз норозилигини кескин намоён этган (ЎзР МДА, И-18).

Самарқанднинг руслар яшайдиган янги қисми ҳам империя ҳукуматида қарши муҳолифатда бўлган сиёсий кучлар марказига айланган эди. Бу ерда рус-социал демократлари ҳукуматнинг адолатсиз сиёсатини кескин танқид остига олган рус матбуоти «Самарқанд» газетаси нашр этила бошлади. Газета саҳифаларида ҳукуматнинг адолатсиз сиёсатини кескин танқид остига олиниши маъмурият томонидан тазйиққа учраб, тўхтатиб қўйилади. Аммо маъмуриятнинг тазйиқларига қарамай, газета турли номларда - «Русский Самарқанд», «Зарафшан», «Новый Самарқанд» каби номлар билан яна қайтадан тикланади (История Самарқанда, 1969. С. 313-317).

Ўрта Осиё тарихида муҳим ўрин тутган Самарқанднинг тарихи ва маданий меросига катта қизиқиш билан қараган рус шарқшунослари – В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, В.Л. Вяткин каби олимлар бу даврда қаровсиз қолган шаҳар тарихи, унинг моддий ёдгорликларини ўрганишга катта эътибор қаратиб, қатор тадқиқотлар олиб бордилар (Бартольд, 1904; Вяткин, 1902; Веселовский, 1887). Зеро, бир неча минг йиллик тарихга эга бўлган кўҳна Самарқанддаги бой маданий мероснинг таърифи ҳатто Европа мамлакатларига ҳам етиб борган бўлиб, жаҳон маданияти тарихида катта ўрин тутар эди. Аммо маъмуриятнинг маданий меросга эътиборсизлиги туфайли кўпгина ёдгорликлар бу даврда қаровсиз аҳволга тушиб қолди.

Бу даврда шаҳар ҳаётига кириб келган янгиликлар – илк босмаҳоналар, театр, матбуот, коммуникация, темир йўллар ҳамда саноат корхоналари, банк-кредит тизими, савдо-саноат фирмалари ва бошқалар Самарқанд ҳаётига замонавий шаҳарсозлик маданияти ва иқтисодий-молиявий муносабатларнинг янги шакллари олиб келди, аммо улардан асосан рус

аҳолиси, амалдорлари, сармоядорлари, ҳарбийлари ва уларнинг оилалари баҳраманд бўлдилар. Бу янгиликлар маҳаллий аҳолининг ўз салоҳиятини тўлиқ намоён этиш, ривожлантиришга эмас, балки энг аввало метрополия манфаатларини таъминлаш ҳамда мустаҳкамлашга, ўлканинг иқтисодий салоҳиятини имкон қадар ўзлаштиришга хизмат қилди.

Лекин матбуот, театр, нашриётлар, таълим тизими тараққиёти масалалари, ҳамда қўшни мамлакатларда содир бўлаётган ўзгаришлар жамиятнинг энг илғор вакилларининг ислоҳотлар зарурлигини англашида, тараққиёт ғояларини тарғиб этишда муҳим аҳамият касб этди ва бунда жамиятнинг фидоий, илғор фикрли вакиллари бўлган зиёлиларнинг роли катта бўлди.

**D.Kh. Ziyayeva - Politico-Public and Socio-Economic Changes
in Samarkand City at the End of the 19th-beginning of the 20th century**

The work is devoted to questions of administrative-ruling system and socio-economic situation in Samarkand at the end of the 19th-the beginning of the 20th centuries. The great changes which took place in city life are briefly described and the role of Samarkand as the center of economical life is shown.

Ш.С. Ғаффаров
(Ўзбекистон)

**ЧОРИЗМ ДАВРИДА САМАРҚАНД ВИЛОЯТИДА МУСТАМЛАКА
СИЁСИЙ-МАЪМУРИЙ ТИЗИМИНИНГ ЮЗАГА КЕЛИШИ**

XIX асрнинг ўрталаридан бошлаб Россия империяси бошлаган bosқинчилик сиёсатининг ўткир тиғи Ўрта Осиёга қаратилган эди. Бухоро амирлиги, Қўқон ва Хива хонликлари ўртасида бирлик йўқлиги, аксинча уларнинг ўзаро курашлар билан бандлигидан фойдаланган чоризм қўшинлари дастлаб Қўқон хонлигини забт этди ва ўзининг навбатдаги bosқинчилик ҳаракатини Бухоро амирлигига қаратди.

Чоризм истилочилари Бухоро амирлигига қарши уруш ҳаракатларини икки ҳарбий мавсумда - 1866 ва 1868 йилларда амалга оширди. 1868 йилги уруш мавсумида эса Самарқанднинг олиниси, амир қўшинларининг Зирабулоқда узил-кесил тор-мор қилиниши билан яқунланди. Бухоро амирлигидан тортиб олинган Хўжанд, Ўратепа, Жиззах, Самарқанд, Каттақўрғон 1868 йилда Туркистон генерал-губернаторлигининг Зарафшон округини ташкил этди.

Шуни алоҳида таъкидлаш жоизки, Россия империяси Ўрта Осиё хонликларини забт этганидан сўнг, Самарқанд шаҳри ва вилоятини буткул ўз таъсирига ўтказишга алоҳида аҳамият берган эди. Чунки, Амир Темур салтанати (1370-1405 йиллар) пойтахти Самарқанд XIV аср охири ва XV аср бошларида Осиё ва Овруро диққати қаратилган жаҳон миқёсидаги шухратга эга бўлган шаҳар эканлиги Петербург ҳуқумдорларига маълум эди.

1868 йилги Самарқанд қўзғолони бостирилгандан кейин кўп ўтмай Зарафшон округи ташкил қилинди (ЎЗР МДА. 1-Т-жамғарма, 16- рўйхат, 2264-иш, 7-варақ). Қисқа фурсатда «Зарафшон округини бошқаришнинг вақтли қоидалари» ишлаб чиқилиб, улар Туркистон генерал-губернатори томонидан тасдиқланди. Бу қоидаларга кўра Зарафшон округи маъмурий жиҳатдан икки бўлим - Самарқанд ва Каттақўрғон бўлимларига ажратилди. Округ бошлиғи лавозими вилоят ҳарбий губернатори мақомига эга бўлиб, унинг қўлида фуқаро ва ҳарбий ҳокимиятлар бирлаштирилди. Округ қароргоҳи қилиб Самарқанд шаҳри белгиланди. Бўлимлар бошлиқларининг ҳуқуқлари эса уезд бошлиқлари - туманбошиларга тенглаштирилди (ЎЗР МДА. 1-Т-жамғарма, 16- рўйхат, 2264-иш, 7-варақ). Чоризм амалдорларининг Зарафшон округига бунчалик эътибор қаратишларининг сабаби бор эди, албатта. Шу ўринда ўша даврнинг олий насабли бир амалдорининг Зарафшон округи аҳамиятига доир билдирган фикрлари диққатга сазовордир. «Агар биз Ўрта Осиё харитасига назар ташлаб, ҳудудларга бўлинишини кўрсак, шунда биз мулкларимиз учун Зарафшон округининг қандай катта аҳамиятга эгаллигини кўраемиз. Ғарб ва Жануб бўйича мутлоқ очиқ чегарамиз Бухоро томон суқилиб кирган ва ўта муҳим форпост сифатида унинг стратегик ва номигагина эмас, балки чин маънода Бухорога ҳукмронлик қиламиз. Ҳаёт ва маданият манбаи бўлган Зарафшон

дарёси бизнинг қўлимиздадир. Унинг сувларининг ярмисидан Бухоро ҳам фойдаланади. Зарур бўлган тақдирда ишора билан қўшнимизнинг талай ерларини куришиб қўйишга қодирмиз» (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 1-рўйхат, 2590-иш, 10-варақ).

Петербург амалдорлари Ўрта Осиёдаги ҳарбий ҳаракатлар тугагач, (1881 йил) Туркистон ўлкасида маъмурий ислохотлар ўтказишга киришдилар. Миллий давлатчиликнинг барча қўринишларини тугатишга ва рус идора услубини жорий этишга қаратилган «Туркистон ўлкасини бошқариш ҳақидаги Низом» 1886 йил 12 июнда Россия императори томонидан тасдиқланди (Туркистон чор Россияси ... , 2000. 193-бет.). Бу Низомга кўра Зарафшон округи тугатилиб, Самарқанд вилояти ташкил этилди (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 20- рўйхат, 513-иш, 17-варақ). 1876 йили мустақил ўзбек давлати Кўкон хонлиги - тугатилиб, ўрнига Фарғона вилояти тузилганидек, империячилар Самарқандни ҳам шу ҳолга туширишни ўйлашди. Чунки Самарқанд асрий ўзбек салтанати тимсоли - кўхна ўзбек давлатчилиги рамзи сифатида буткул барҳам топганлигини маҳаллий халққа кўрсатиши лозим эди.

1886 йилдаги қонун - «Туркистон ўлкасини бошқариш ҳақидаги Низом» шу мақсад учун қўйилган биринчи катта қадам бўлди. Низомга мувофиқ Самарқанд Туркистон ўлкаси вилояти сифатида империянинг ажралмас бўлагига айлантирилди. Самарқанд вилояти Жиззах, Каттакўрғон, Хўжанд ва Самарқанд каби уездларга бўлинди (ЎзР МДА. 11-рўйхат, 16-иш, 6-варақ). Самарқанд вилоят ҳарбий губернаторини ҳарбий вазир эмас, балки императорнинг ўзи тайинлайдиган бўлди. Унинг қўлида икки ҳокимият: фуқаровий ва ҳарбий ҳокимият бирлашди. У ҳам губернатор, ҳам вилоятда жойлаштирилган ҳарбий қўшинлар (дивизия ёки корпус) кўмондони ҳисобланар эди. Барча маъмурий, полиция ва суд ҳокимияти ҳам ҳарбий губернатор қўлида жамланди. Унинг қошида вилоят правленияси (бошқармаси) бўлиб, унда барча сиёсий, ҳарбий, суд ва хўжалик ишларига оид масалалар ҳал қилинган. Вилоят ҳарбий губернатори унвони генерал-майор ё генерал-лейтенантдан паст бўлмаган. Самарқанд вилоят ҳарбий губернатори ўрни келганда Туркистон генерал-губернатори вазифасини бажарган. Масалан, 1896 йилда Самарқанд вилоят ҳарбий губернатори генерал-лейтенант граф Ростовцев Туркистон генерал-губернатори вазифасини вақтинча бажариб турган.

Самарқанд туманлари-уездларини юқори унвондаги (капитан ва полковник) штаб офицерлари бошқаришган. Туманбоши-уезд бошлиғи бир вақтнинг ўзида шаҳар ҳокими ҳам бўлган (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 25-рўйхат, 89-иш, 161-варақ).

Уезд бошлиқлари - туманбошилар вилоят ҳарбий губернатори тавсияси билан Туркистон генерал-губернатори томонидан тасдиқлаган. Улар қўлида ҳам улкан ваколатлар бўлиб, уездлардаги маъмурий, полиция ва ҳарбий ҳокимият бирлаштирилган (ЎзР МДА. 17-жамғарма, 1- рўйхат, 806-иш, 3-варақ). Вилоят уездлари орасида Самарқанд уездининг мақоми катта бўлган. Самарқанд уезди бошлиғи-туманбошининг исталган фуқарони 7 кунгача қамаб қўйиши, истаган одамига жарима солиши каби ҳуқуқлари 1886 йилги Низомда қонун асосида белгилаб қўйилган. Туманбошилар, яъни уезд бошлиқларининг чекланмаган ваколатлари хусусида олий лавозимдаги рус амалдорларидан бири сенатор, граф К.К.Пален Туркистон туманбошиларини ўзбек хонликларидаги «бекларнинг худди ўзгиналаридир» (Всепопдан-нейшая записка, 1910. С.7), деб атагани ҳам бежиз эмас.

Туманбошилар рус армияси катта зобитларидан, асосан капитан ротмистрдан полковник унвонигача бўлганлардан тайинланган. Халқ уларни «ҳоким тўра» деб атаган.

Туманлар бир неча бўлимларга (участкаларга) бўлиниб, идора қилинган. Жабҳаларни кичик унвондаги (поручик, штаб-капитан ҳарбий зобитлар бошқаришган. Уларнинг ҳуқуқ ва ваколатлари ҳам «Туркистон ўлкасипи бошқариш ҳақидаги Низом»даги бўлим приставлари бандида аниқ кўрсатилган («Положение об управлении ...», 1916. С.43). Александр III томонидан 1886 йилда тасдиқланган бу «Низом»да бўлим приставларига маҳаллий аҳолидан исталган одамга жарима солиш (5 сўмдан 10 сўмгача) ва 3 кунгача ҳибсда сақлаб туриш ҳуқуқи берилган эди. Бўлим приставлари «ҳарбий - халқ бошқаруви»даги ҳарбий бўғиннинг энг сўнгилари бўлиб, уларга «халқ бошқаруви» амалдорлари - волост бошқарувчилари, қишлоқ оқсоқоллари, юзбоши ҳамда элликбошилар бўйсунтирилган («Положение об управлении ...», 1916. С.73).

Подшо амалдорлари қишлоқ бошқарувини «ерли» (туземное) ва «рус» каби икки тоифага ажратди («Положение об управлении ...», 1916. С.75). Рус амалдорлари «ерлилар» (туземец) атамаси билан Туркистондаги барча ўзбек, қозоқ, туркман, тожик, қорақалпоқ, араб ва дунганларни тушунган.

Петербургниң олий ҳарбий-сиёсий доиралари қишлоқ бошқарувини маҳаллий ва рус бошқаруви сифатида ажратиб, уни аста-секин умумимперия туридаги русча идора қилишга ўтказишни кўзлади. Миллий давлатчиликка мутлоқ ёт бўлган жуғрофий ислохотни бошлаб, волост, қишлоқ йиғини каби Россия қишлоқ идораси тартибларини ўлкага мажбуран жорий қилди. Волост бошқарувчиси - мингбоши, қишлоқ оқсоқоли, овул старшинаси аҳоли томонидан уч йилга сайланар, уларнинг номзодлари эса рус маъмурияти томонидан тасдиқдан ўтарди («Положение об управлении ...», 1916, статьи 73-120. С.53-57).

Сайловчилар йиғинида ҳар ўн хонадон ўн ўтовдан вакил иштирок этиб, улар ўнбоши сифатида қишлоқ оқсоқоли ёки овул старшинаси ва уларнинг номзодлари - муовинларини сайлашган. Волост бошқарувчиси - мингбошини эса ҳар бир 50 хонадон ёки 50 ўтовдан тайинланган вакиллар - элликбошилар йиғини сайлаган. Бу тартибга 1886 йилда бир неча ўзгаришлар киритилган. 1886 йилда кучга кирган янги қонунлар мажмуаси - «Туркистон ўлкасини бошқариш ҳақидаги Низом»га мувофиқ ўтроқ аҳолининг бир босқичли бошқарувини икки босқичликга айлантириб, оқсоқолларни волостларга бирлаштирилди. Овул жамоалари ва оқсоқоллар вакиллари йиғинни барча сайловчилар йиғилиши билан алмаштирилди. Элликбошиларни волост йиғинига ҳар 50 хонадондан вакил қилиб юборилиши бутун қишлоқ ёки овул йиғинидан ҳар 50 хонадондан вакиллар сайлаш билан ўзгартирилди. Рус маъмуриятига ҳарбий губернатор ва генерал-губернаторга сайлов бекор қилинган вақтда қишлоқ маъмурияти вакилларини бевосита тайинлаш ҳуқуқи берилди.

Волост бошқарувчисини ва унинг ноибини сайловчилар вакилларининг қурултойи сайлаган. Қурултой вақтини ва ўтказиладиган жойини туманбоши белгилаган. Сайлов ўтказилиши арафасида туманбоши ёки унинг ёрдамчиси рўйхат бўйича элликбошилар сонини аниқлаган, чунки қурултойда сайловчи вакилларнинг учдан икки қисми бўлмаса, у кучга қирмаган ҳисобланган (ЎзР МДА. 18-Т-жамғарма, 1-рўйхат, 2528-иш, 9-10-варақ).

Сайлов яширин овоз бериш йўли билан ўтказилиб, овозлар қутига ташланган соққалар воситасида аниқланган. Элликбошилар бирма-бир туманбоши олдида турган усти ёпиқ қутига яқинлашиб, ўзлари истаган номзоднинг исми-шарифларини айтишган ва қўлларидаги тақсимчадаги соққани қутига ташлашган. Бу маросим барчанинڭ кўз олдида очиқ бўлган ва унинг якунида ким кўп овоз олгани эълон қилинган. Овоз бериш натижалари қоғозда барча элликбошилар тамғаси ва имзоси билан муҳрланган ва туманбоши ёки унинг ёрдамчиси томонидан тасдиқланган (ЎзР МДА. 18-Т-жамғарма, 1-рўйхат, 2528-иш, 9-10-варақ).

Ҳарбий губернатор қурултойдаги сайлов натижасини кўриб номзодларни тасдиқлаган. У тасдиқламаса қурултой қайта тайинланган ёки лавозимга тўғридан-тўғри губернатор танлаган одам қўйилган. Шу йўсинда маҳаллий бошқарув тизими рус маъмурияти қўлида маҳкам сақланган. Волост қурултойи волост бошқарувчисига маош белгилаган, одатда унинг миқдори 300 сўмдан 500 сўмгача бўлган (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 12-рўйхат, 109-иш, 126-варақ).

Қишлоқ старшиналари, ноиблари ва старшина ёрдамчилари - оқсоқоллар қишлоқ жамоаси томонидан волост бошқарувчиси иштирокида бевосита сайланган. Уларни лавозимга туманбоши тасдиқлаган. Қишлоқ жамоаси йиғини уларга йилига 200 сўмдан маош белгилаган. Йиғин ариқларга қаровчи миробларни ҳам сайлаб, уларга маош тайинлаган. Катта ариқларни эса бевосита ҳарбий губернатор томонидан тайинланадиган ариқ оқсоқоллари бошқариб, улар ирригация мудирига итоат қилишган.

Рус маъмуриятининг «Низом»ига кўра аҳолига «ўз-ўзини бошқариш» ва «сайлов ҳуқуқини бериш» ғирт сиёсий лўттибозликдан иборат бўлиб, аслида барча иш тизгини уларнинг ўзида қолган. Худди шундай усул шаҳарлар бошқарувида ҳам ўз аксини топган эди.

Самарқандда вилоят ва туман бошқармалари жойлашган манзилгоҳлар шаҳарлар саналган. Қадимий шаҳарлардан ташқари маҳаллий аҳамиятга эга бўлган Жиззах ва Каттакўрғон каби шаҳарлар ҳам ривожланган (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 25- рўйхат, 26-иш, 31-варақ). Бу

шаҳарларда хунармандчилик корхоналари ва фабрикалар очган кишилик барча солиқлар ҳамда ҳарбий мажбуриятлардан озод этилган. Савдо-сотик, саноат, хунармандчилик учун қулайликлар яратилган. Бундай имтиёзларга Самарқанд вилоятининг Хўжанд, Жиззах каби шаҳарлари ҳам эришган эди (ЎзР МДА. 18-Т-жамғарма, 2528-иш, 9-10-варақ). Бу имтиёзлар шаҳарларнинг барча аҳолисига эмас, балки фақат рус миллатига мансуб шахсларгагина тааллуқли эди, холос. Олий ҳарбий-сиёсий доиралар «мусулмон аҳолисини кучайтирмаслик учун уларни имтиёзлардан маҳрум этиш ўринли бўлади» деб очиқ ёзишган.

Самарқанд вилояти бошқарувига Россия империяси ҳукмрон доиралари катта эътибор беришган. Ҳарбийлардан иборат олий бошқарувни губернатор, туманбоши, жабҳа приставлари амалга ошириб, уларнинг ҳаммаси олий ва катта офицерлар таркибидан танланган.

Самарқанд вилоятини 1886 йилдан 1917 йилга қадар 8 губернатор бошқарган, ўрта ҳисобда уларнинг ҳар бирига 3-4 йил муддатдан тўғри келган (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 33-рўйхат, 323,397,306-ишлар). Архив ҳужжатлари бу губернаторлар – А.Яфимович, Н.Ростовцев, М.Федоров, В.Мединский, А.Гескет, А.Галкин, Н.Ликошин кабиларнинг фаолиятига доир кенг маълумотлар беради (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 1-рўйхат, 2590-иш, 7-варақ). Уларнинг барчаси олий маълумотли, зодагон дворянлар бўлиб, айримлари ўлка тарихига доир илмий ва маърифий тадқиқотлар ҳам қилишган (Самарқанд вилоят губернатори ...1916).

Самарқанд вилоят ҳарбий губернаторининг маоши Россия губернияларига нисбатан 2 баробар юқори, яъни 15 минг рублгача бўлган (ЎзР МДА. 1-Т-жамғарма, 1-рўйхат, 2590-иш, 7-варақ).

Губернатор, туманбошилар ва приставлар мустамлака сиёсатини ўтказишда шафқатсиз бўлишган. Қуйи маҳаллий маъмурият эса волост бошқарувчиси - мингбоши, оқсокол, халқ судьялари - қозилар фаолиятини назорат қилишган.

Россия империяси губернаторларидан фарқли равишда Самарқанд губернатори барча маъмурий, полиция ва суд ҳокимиятини ўз қўлида жамлаган.

Ҳарбий губернатор қошида вилоят бошқармаси бўлиб, у империя губерна бошқармаси ҳуқуқига эга бўлган. Вилоят ҳаётининг барча масалалари шу бошқармада кўрилган.

«Туркистон ўлкасини бошқариш ҳақидаги Низом»га кўра ўлкада вилоят судлари ташкил қилиниб, уларга мировой судлар вазифалари юкланди.

Вилоят прокурори ва унинг ўртоғи (ўриндоши), суд терговчиси лавозимлари жорий қилинди. «Низом» расмий равишда судни ҳокимиятдан мустақил бўлишини қонунлаштирган бўлса ҳам амалда эса судлар ҳокимият исканжасидан чиқа олмадилар. Ҳарбий маъмуриятнинг кучли таъсирида қолавердилар.

Самарқанд вилоятида қонунчиликка оид яна бир янгилик 1898 йилда содир бўлди, яъни Чор ҳукумати 1864 йилги суд ислохотини мустамлака Туркистонда роппа-роса 34 йилдан кейингина амалга оширишга киришди. 1864 йил 20 ноябрда Россияда жорий этилган суд ислохотида судни қонунчилик ҳамда ижроия ҳокимиятдан бўлак қилиш, кўриладиган ишлардаги ошкорлик ва маслаҳатчилар иштироки каби бир қатор илғор буржуача тартиблар амалга оширилган бўлиб, бу ислохот натижасида жамиятда икки суд тизими дунёга келди. Биринчиси сайланиб кўйиладиган судьяли судлар - мировой судья ва мировой судлар қурултойи, иккинчиси эса тайинланадиган судьяли судлар - округ судлари ва суд палаталари эди. 1864 йилги суд ислоҳини, бошқа қонунлар каби, Туркистонда мустамлака қолипига тушириб, анчагина ўзгартиришлар билан қўлланди. Рус амалдорлари маҳаллий халқларнинг маданияти паст эканлигини» (Отчет по ревизии ... , 1910. С.11) таъкидлаб мировой судьяларни сайлаш ўрнига ҳукумат томонидан тайинлаб, мировой судлар қурултойи вазифасини округ судларига, мировой судларга тааллуқли шикоят ишларини эса суд палатасига юклашга қарор қилдилар.

Шундай қилиб, ўзбек давлатчилиги тимсоли бўлган Самарқанд вилояти Россия империяси губерниясига айлантирилди. Қадимий – Самарқанднинг асрлар давомида шаклланган миллий бошқарув тизими оёқ-ости қилиниб, унинг ҳудудида янги, маҳаллий шароитга мувофиқ зид бўлган сиёсий-маъмурий тизимида русча идора услуби жорий этилди.

Фойдаланилган адабиётлар

Ўзбекистон Республикаси Миллий Давлат Архиви

Туркистон Чор Россияси мустамлакачилиги даврида. Биринчи китоб. Тошкент: Шарк, 2000. 193-бет.

Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. графом К.К.Паленом ревизии Туркестанского края, СПб, 1910. С.7.

«Положение об управлении Туркестанского края», составитель Н.Ф.Абрамов. Ташкент, 1991б. С.43.

Самарканд вилоят губернатори Н.Ликошин «Туркистонда кечган ярим умрим» (СПб, 1916) китобининг муаллифи сифатида танилган.

Отчет по ревизии Туркестанского края произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К.К.Паленом, СПб, 1910. С.11

Ш.Д. Пиримқулов
(Ўзбекистон)

ХІХ АСР ОХИРИ ВА ХХ АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНДДАГИ ХОРИЖИЙ ТАДБИРКОРЛАР ФАОЛИЯТИ ТАРИХИДАН

ХІХ асрнинг иккинчи ярмида рус ҳарбийлари билан биргаликда Туркистон ўлкасига, шу жумладан, Самарқанд худудига ҳам хорижлик савдогарлар, саноатчилар ва тадбиркорлар кириб кела бошлади. Бу савдо ва саноат корчалонларининг Туркистонга келишдан асосий мақсади маҳаллий саноат ривожланишига ҳисса қўшиш эмас, балки ўлкани талаш, арзон иш кучи ва хом ашёдан фойдаланиб жуда катта бойликларга эга бўлиш эди.

Улар Самарқанд худудида катта қўламдаги тадбиркорлик ишларини амалга ошира бошладилар ва биринчи навбатда савдо соҳасини монополия қилиб олдилар (Саидкулов, 196. С. 162-163).

1868 йилдаёқ "Московские ведомости" газетаси буларнинг фаолияти тўғрисида "Уларнинг қатъиятлик билан савдо учун йўл очиши (Туркистон билан — П.Ш.) мақтовга сазовордир, аммо уларнинг ўз мавқеларидан фойдаланиб, ниҳоятда очкўзлик қилаётганлиги аблахликдир", - деб ёзганди (Туркестанский сборник, 1868. Т. 7, 1869. С.193).

Хорижий тадбиркорлар томонидан Самарқанд худудида узум етиштириш майдонлари кенгайтирилди. Бунда кўчириб келтирилган европалик аҳоли ва ҳарбийларнинг спиртли ичимликларга бўлган талаби ҳисобга олинган эди. Шунинг учун биринчи навбатда, турли ишлаб чиқариш қувватига эга бўлган вино, арок ва коньяк заводлари қурила бошланди. Арзон хом ашёга эга бўлган бу соҳа хорижлик корчалонлар учун битмас-туганмас бойлик манбаи эди. 1900 йилга келганда Самарқанд шаҳрида ўнга яқин спиртли ичимлик заводлари ишга туширилди (Саидкулов, 1970. С. 141).

Шунингдек, хорижлик саноатчилар томонидан пиво ишлаб чиқаришга ҳам кенг эътибор берилди. Самарқанд пиво заводи бутун Туркистон ўлкасидаги энг йирик пиво заводи бўлиб, завод Саксония фуқароси Отто Вогауга тегишли эди (Заорская, 1915. С. 384-385).

1888 йилда Қизил Арвотдан Самарқандга тортилган темир йўлнинг ишга тушиши билан (Суворов, 1962), Самарқанд шаҳрида Россия саноати учун хом ашё етказиб берадиган саноат корхоналарининг турлари кўпайди, айниқса, пахта тозалаш, тамаки, макарон ва ичак-човоқ тозалаш заводларининг сони ортди. Масалан, 1891 йилга келганда Самарқанд уездида 8 та пахта тозалаш заводи бўлган (Обзор Самаркандской области за 1891 год. С. 7). Пахта тозалаш заводларининг Самарқандда кўп қурилишига сабаб, Туркистон генерал-губернаторлигида энг кўп пахта ҳосили Зарафшон округидан олинар эди (Туркестанский сборник, 1870. С. 223).

Хорижлик тадбиркорлар томонидан 1879 йилда Самарқанд-Тошкент йўлидаги Сиеб дарёси ёқасида ун ишлаб чиқарадиган дастлабки сув тегирмони қурилди. 1891 йилга келиб шаҳарда ун заводларининг сони учтага етди (Обзор Самаркандской области за 1891 год. С. 16).

Ичак-човоқ тозалаш заводларининг кенгайтириши ҳам бевосита Европа саноати талабидан келиб чиққан эди. Тузланган, сифатли қўй ичаклари турли хил колбасалар ишлаб чиқаришда ниҳоятда қимматли хом ашё ҳисобланган. Бу ердан юборилган қўй ичаклари Россия, Европа мамлакатлари бозорларида сотилган. Европаликлар ундан мусиқа асбобларига тор ясашда фойдаланишган.

Самарқанддаги қўй тери заводи фаолияти ҳам диққатга сазовордир. Бу заводда ишлов берилган терилар Россия ва бир қанча Европа давлатлари бозорларида сотилган (Обзор Самаркандской области за 1891 год. С. 16).

XIX аср охири ва XX аср бошларида Самарқанд шаҳрига хорижий Шарқ ва Ғарб мамлакатлари тадбиркорлари оқиб кела бошладилар. 1893 йилда Туркистон генерал-губернаторининг рухсати билан Самарқандга катта гуруҳ-италияликлар, греклар ва немислар келди. Туркистон генерал-губернаторлиги томонидан хорижий тадбиркорларга Россия саноат корхоналари эҳтиёжи учун зарур бўлган маҳсулотлар ишлаб чиқарувчи завод ва фабрикалар очишга, савдо шаҳобчалари ташкил қилишга рухсат берилди. Келган италияликлар тоштарошлик ишлари билан шуғулланганлар. Италиялик тоштарошлардан Николо Кардини ва Жовани Де Тонилар ўзларининг тоштарошлик цехини ташкил этганлар. Греклар макарон ишлаб чиқариш билан шуғулланганлар. Грек мутахассисларидан Григорий Капо макарон ишлаб чиқариш бўйича ўзининг юқори малакага эга эканлигини кўрсатди. Немислар эса асосан пахта саноати билан шуғулландилар. Пруссия фуқароларидан Миндер ва Юговичлар Самарқанд ва Каттақўрғон шаҳарларида пахта тозалаш заводи қурдилар. Хорижий тадбиркорлар ўз завод, фабрикалари, ишлаб чиқариш корхоналари ва савдо шаҳобчалари учун хизматчи ходимларни ҳам ўз ватанларидан чақириб келишган. Масалан, XIX аср охирида бир гуруҳ австриялик ва саксониялик немислар Самарқанд шаҳридаги Отто Вогау пиво заводига мутахассис сифатида таклиф қилинганлар (Ўз МДА. Ф.И-1. Оп. 1. Д. 145. лл. 58, 60, 79, 98-99).

XIX аср охирларида европалик тадбиркорлар Самарқанд шаҳрида нашриёт ишларини ҳам йўлга қўйишга киришдилар. Улар томонидан шаҳарда типо-литография ишга туширилди. Чоп этишга тавсия этилган барча қўлёзмалар жуда қаттиқ цензурадан ўтказилар эди. Чоп этишга охирги рухсатни фақатгина Самарқанд вилояти ҳарбий губернатори берган.

Бундан ташқари савдо ва тадбиркорлик мақсадида Самарқандга Польша, Франция, Англия, Австрия ва бошқа мамлакатлар вакиллариининг ҳам тадбиркорлик мақсадидаги ташрифлари кучайди. Масалан, Самарқанд шаҳрида Австрия фуқароси Дуло ва польшалик Левинскийлар ўзларининг галантерия ва кийим-кечак магазинларига эга бўлганлар.

Шаҳримизга келган Туркия ва хитойлик тадбиркорлар асосан савдо билан шуғулланганлар. Масалан, Туркия фуқароси Ҳасан ўғли сут маҳсулотлари билан Хитой фуқароси Яндахва Канчи хитой дорилари билан савдо қилганлар. Самарқандга тадбиркорлик йўли билан европалик маданият ходимлари ҳам келишган. Маълумотларга кўра XX аср бошида Самарқанд шаҳрига Австрия фуқароси бўлган бир гуруҳ словак мусиқачилари ўзларининг санъатини намойиш этиш йўли билан даромад излаб келганлар.

Турли даврларда келган хорижий тадбиркорлар ва савдогарларнинг бир қисми кейинчалик Самарқанд шаҳрида муқим ўрнашиб қолдилар. Самарқанднинг кўп миллатли шаҳар сифатида шаклланишида уларнинг ҳам ўрни бор. Хорижий тадбиркорлар авлодларининг тақдири келгусида шаҳримиз тарихи билан чамбарчас боғланиб кетди. Юқоридаги келтирилган мисоллар дунё халқларининг тақдири бир-бирига боғланиб кетганлигини кўрсатадиган ёрқин далиллардан биридир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Саидкулов Т.С. Самарқанд во второй половине XIX - начале XX веков. Самарқанд, 1970.
Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией в 40-60-годы XIX века. М., 1963.
Туркестанский сборник. 1868. Т. 7. СПб., 1869.
Обзор Самаркандской области за 1891 г.
Саидкулов Т.С. Самарқанд во второй половине XIX - начале XX веков. Самарқанд, 1970.
Заорская В.В. и Александр К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. СПб., 1915.
Суворов В. Историко-экономический очерк развития Туркестана. Ташкент, 1962.
Туркестанский сборник. 1869 год. Т. 29. СПб., 1870.

САМАРКАНД ГЛАЗАМИ ЯПОНЦА НИ СИ ТОКУЖИРО

Ни Си Токужиро (1847-1912) – японский дипломат периода Мейжи, закончил Петербургский университет (1872-1875) и в 1878 году стал заместителем консула Японии в Российской империи, а спустя два года вернулся в Японию через китайские города Или и Шанхай. По пути на Родину он посетил Среднюю Азию. 18 августа 1880 года он прибыл в Ташкент, в конце августа посетил Самарканд, а 14 сентября прибыл в Бухару. Будучи в Самарканде он ознакомился с достопримечательностями и жизнью города, о которых поведал читателям Японии в своей книге «Записки путешественника по Средней Азии», изданной в Токио в 1896 году. С этими интересными воспоминаниями я хотел бы познакомить современных читателей.

О Самарканде Токужиро писал, что город находится в 6 км южнее реки Зарафшан. Она называлась еще рекой Согда или рекой Сандуканда. По преданию, когда Александр Македонский пришел сюда, население оказало ему сопротивление. Город был разрушен, но немного позже заново отстроен его наместником, которого звали Самару. В его честь город и называли Самаркандом. По другой версии, приведенной Токужиро, название города состоит из двух слов – Самару – фрукт, канд – сахар и название переводится как «фруктовый сахар». Раньше город принадлежал Бухарскому ханству и был по значимости вторым после столицы. Но в 1868 г. Россия присоединила этот край и учредила здесь столицу Зарафшанской области. Российское население застроило западную сторону города и он разделил его на две части: старый и новый, также как и Ташкент. Самарканд расположен на невысоких холмах. Внутри оборонительной стены имеются высокие и низкие дома, которые соседствуют друг с другом, а свободные от застроек земли засажены деревьями. В русской части города посажено так много деревьев, словно в лесу.

Традиционные дома самаркандцев были очень низкие, что делало город совсем непохожим на Бухару. В Самарканде много народу, он шумный и многолюдный. Самое красивое место находится вблизи Регистана. На площади величественные строения, среди них - несколько мечетей, медресе и минаретов. На площади много сравнительно богатых лавок. На рынке продаются много разных круп, фруктов и овощей.

Самарканд известен как город Тамерлана, в то время население его составляло, по рассказам аксакалов, примерно 1,5 млн. человек. Здесь собирались самые искусные мастера – ремесленники.

В Самарканде много старинных архитектурных памятников. На западе города на невысоком месте находится старая крепость, окруженная земляным рвом, длиной около 4 км. Внутри крепости находились дворец, мечеть, старые здания и кладбище. Все они составляли город – замок. Внутри дворца есть камень, который называется в народе «сиденье Тамерлана». Этот четырехугольной формы камень очень крепкий. Он стоит на кирпичном фундаменте, высота его примерно 1,20 м. Вокруг него находится скульптура. Камень имеет цвет известняка с черной полосой, местами вытертой, поэтому орнамент не ясен. Говорят, Тамерлан сидел здесь и его приказы отдавались на четыре стороны.

В своих записках Токужиро много рассказывал об исторических памятниках Самарканда и подробно описал из них наиболее знаменитые. Из мечетей города самая интересная – Бибиханум. Говорят, Тамерлан женился на принцессе из Китая, которую называли Ханым, по ее приказу была построена мечеть. При ее строительстве участвовали умелые мастера из различных мест Китая. Поэтому конструкция этой мечети немного отличается от местных. Она имеет четырехугольную форму и состоит из трех главных зданий. Интерьер мечети поражает своей красотой - четыре ее стены были украшены желто-синими ляпис-лазурными изразцами, нарисованными цветами и травой, покрытыми позолотой. Все это выглядит очень красочно, выразительно и привлекает взоры всех людей, посещающих мечеть. Внутри главного двора в центре стоит мраморная каменная подставка. Раньше она находилась перед окном Ханум и на ней

лежал кожаный Коран, который принцесса читала через окно, находясь внутри дома. Говорят, что возле главных ворот мечети стояло много бронзовых предметов с богатым орнаментом. Позже один из бухарских правителей использовал этот металл для чеканки своих медных монет.

Вторым примечательным памятником является Гур-Эмир. Там есть мечеть, внутри которой находится каменное надгробие Тамерлана. В восьмигранном по форме зале полы покрыты мрамором, а стены украшены позолотой и изречениями из Корана, написанными голубой краской. Орнамент в виде цветов и травы выполнен голубой краской и позолочен. Могильный камень Тамерлана, окруженный мраморной оградой, находится в следующей комнате. Длина камня примерно 2 м, ширина 90 см, он темно-зеленого цвета. На одной из его сторон написано церемониальное мусульманское изречение. Этот камень крепкий, той породы, из которой китайцы делают разнообразные изделия. Камень не местный, а привезен из Ярканда, что находится в Восточном Туркестане. Под полом гробницы есть комната, где похоронены Тамерлан, его жена, сыновья и его учитель. Захоронения находятся в саркофагах.

Вне оборонительной стены на северо-западе города есть мечеть Хазрети Шах-и Зинда, про которую Токужино пишет, что это остатки дворца Тамерлана, а сейчас здесь находятся две-три старые мечети. Внутри одной из мечетей есть темная комната, в четырех углах которой находятся знамя, бунчук, рог и другие предметы. Местные жители говорят, что здесь в течение 1200 лет живут духи, которые охраняют город от врагов. Жители глубоко верят в это, несмотря на то, что Самарканд уже побежден и покорен Россией.

Самарканд, как и другие города, находится внутри оборонительной стены. В городе находилось 4 411 домов, в которых проживали 35 910 человек. Интересные данные Токужино приводит и о ремеслах, которыми занимались жители Самарканда. Основное население работало в следующих многочисленных мастерских: по производству пряжи – 188 (кол-во мастерских); ткацкие мастерские по производству шелка и хлопкобумажных тканей – 58; обувные мастерские – 162; кузни – 56; красильные мастерские – 42; мастерские по деревообработке – 42; керамические мастерские – 37; цеха по производству восточных сладостей – 33; маслобойни – 34; цеха по обработке кожи – 30; шорные мастерские – 25; ювелирные – 23; цеха по производству кунжутного масла – 23; мастерские по изготовлению повозок (арбы) – 23; пошивочные мастерские – 20; мастерские по производству шерстяных веревок – 17; чугунолитейные мастерские – 12.

Главным местным производством был хлопок, который поставлялся в Россию. Рис, пшеницу и шелк-сырец отправляли в Бухару, а из нее привозили фрукты, красители и соль.

Самарканд и прилегающие к нему территории были богаты сельскохозяйственными продуктами. Люди из окрестностей города жили зажиточно. Среди среднеазиатских колоний Российской империи Зарафшанский край был единственным, который за счет собственных налогов мог обеспечить зарплаты своим чиновникам. Поэтому эта область имела большие экономические перспективы. В связи с этим Россия проводила политику по увеличению производства различных видов товаров и эта политика была успешной.

Например, в производстве шелка и других материалов начали учитываться традиционные вкусы населения. Появились широкие ткани, которые в России называли «самаркандским шелком» и очень ценились. В своих заметках Токужино остановился и на географическом описании края. Он отмечал, что Самаркандская область с востока, юга и севера окружена горами, и только на западе есть выход на равнину в направлении Бухары и Хивы. На юге существуют горные дороги, по которым можно попасть на южные Бухарские территории, а затем в верховья Амударьи и в Афганистан. Поэтому Самаркандский край очень важен со стратегической точки зрения.

Путешественником было подчеркнуто, что если между Россией и Англией возникли бы военные конфликты, то для России Самарканд стал бы главной военной базой в Средней Азии. Поэтому в 1878 году, когда произошел российско-турецкий конфликт, в западной части города Самарканда была построена крепость. Крепость была возведена на месте старой, которая была окружена очень широким рвом. Новая крепость построена в европейском стиле. Она была рассчитана на контингент численностью 2500 человек. Считалось, что этой военной си-

лы было достаточно для обороны Самарканда, а крепость самой надежной в колониальной Средней Азии.

В своих воспоминаниях путешественник описал климат и природу самаркандской местности. Зимой в Самарканде холодно, а летом жарко. Здесь растут тополь, карагачи. В русской части города есть ботанический сад с различными растениями, привезенными с юга Европы, Алжира, Австралии, Японии. В саду растения приспособились к местному климату. Например, японское горное лаковое дерево так хорошо приспособилось к местному климату, что его высаживают вдоль дорог и в маловодных районах. В горных районах, где мало растительности, начали сажать похожие на горное лаковое дерево сорта деревьев.

Западной Самарканда, примерно 80 км вдоль Зарафшана, есть селение Каттакурган. Из Самарканда путешественник выехал в Каттакурган, который находился западней, примерно в 80 км. Его население составляет примерно 4100 человек. Это крайний предел русской территории. Западнее него проходит граница с Бухарским ханством.

Западнее все земли принадлежат Бухарскому ханству, дорога по Зарафшану до столицы Бухары окружена тугаями. Зеленая полоса растений иногда прерывается. Здесь есть селения Зияддин и Кармана.

В своих заметках Токужиро приводит сведения и о других городах Узбекистана – Ташкенте, Коканде, Бухаре. Я хочу выделить некоторые отрывки из его книги, которые посчитал интересными для наших современников как небольшие, но запоминающиеся эпизоды о прошлом.

Ни Си Токужиро приводит много различных сведений о Бухаре, которые известны нам по другим источникам. Но хочется остановиться на описании встречи японского дипломата с бухарским эмиром, которая произошла в летнем дворце эмира в Карши. Эта крепость без стен построена на невысоком холме в северо-западной части города. В северной части крепости есть ров, на обоих берегах которого растет много деревьев. В ханском дворце эмир проводит 2-3 месяца каждый год летом и осенью. Токужиро встретился здесь с бухарским эмиром. «Этот дворец – пишет он, - обыкновенный дом, в нем есть приемная комната и тойхона. Из обстановки не было ничего примечательного, кроме красивых ковров».

Бухарский эмир Музафар был в возрасте примерно 57-58 лет, ростом средний, белокожий, глаза глубоко посажены, нос высокий, борода густая. Лицом больше похож на таджика, чем на узбека. Характер спокойный, гостеприимный. Этот эмир после восшествия на престол послал в разные стороны военные отряды, разбил кокандского и туркменского ханов, установил стабильность внутри своего ханства. Больше 19 лет он имел большой авторитет в Средней Азии, но в конце концов, был разбит российской армией. Сейчас эмир стал подчиненным туркестанского генерал-губернатора. Можно сказать, что это его судьба, но, наверно, он сам часто вспоминает минувшие дни. «И после встречи с ним у меня тоже возникли размышления», - пишет Токужиро.

Интересные сведения путешественник приводит о Ташкенте, но я хочу остановиться на его заметках о ташкентском базаре. Базар в Ташкенте большой, находится примерно в центре города. Под широким перекрытием расположены разные торговые лавки с многочисленным товаром. В глаза бросаются разноцветные ковры, разноцветно вышитая кожа и красочные ткани. Кроме хлопка-сырца и кожаных шапок и обуви, продаются золотые, серебряные, медные изделия, деревянные инструменты. Здесь все собрано вместе как в европейском Экспо, - подчеркивает японский дипломат, - но нет такого порядка. Рядом с базаром есть две-три улицы, по которым могут пройти лошади и верблюды. Они самые многолюдные. С обеих сторон этих улиц расположены разные лавки, в которых продаются дешевые товары. Здесь можно встретить пригородных сартов, русских и другие народы, разноодетых крестьян в своих нарядах, которые ведут ослов и верблюдов, так что перед лавками нет места для пешего человека. Все толпятся и еле-еле проходят сквозь толпу. Продавцы и покупатели громко кричат и жестикулируют. Здесь заключают сделки, продают и покупают. Людской гул усиливает рев разнообразного скота. Все это создает неопикуемый шум. Но, что удивительно, ссоры и споры случаются очень редко. Здесь все решается мирно, и перед лавками нет ни одного милиционера.

Чтобы пройти между людьми и скотом - лежащих на дороге верблюдов или ослов, нужно иметь определенный опыт и сноровку.

В заключение приведем один эпизод из записок Ни Си Токужиро о Кокандском дворце: "Бывший дворец Кокандского хана и медресе Мадарихана - это замечательное по архитектуре строение. Бывший дворец находится внутри города, окруженный кирпичной стеной с четырех сторон и садом внутри. Основной дворец построен из дерева и черепицы. Состоит из нескольких домов. Верхние и нижние этажи соединены длинными коридорами, окна иногда из разноцветного стекла. Баня построена из мрамора и была когда-то очень красивой, но сейчас стала арсеналом российской армии. Сад тоже стал запущенным и там уже нет ничего достойного для осмотра. Крепость Коканда давно известна в Средней Азии своим богатством и многолюдием. Она славилась и до настоящих дней золотыми украшениями, искусством песнопения, игрой на музыкальных инструментах, искусством танца (особенно популярными были танцующие мальчики и женщины). Интересно, что после развала государства прошло только пять лет, тогдашний многогаремный дворец с красивыми комнатами изменился и теперь используется русскими под арсенал, где штабелями хранятся снаряды. Вся эта картина наводит на размышления, но вид города и его многолюдность не напоминают о прошлом перевороте".

Я думаю, что заметки Ни Си Токужиро (ставшего впоследствии министром иностранных дел Японии) как очевидца жизни городов Средней Азии конца XIX века очень интересны своей информативностью и размышлениями философского характера.

Kato Kyudzo - Samarkand in the Eyes of a Japanese Ni Si Tokujiro

Ni Si Tokujiro (1847-1912) was a Japanese diplomat. In 1880 he has visited Samarkand and later has published his memories in the book called "Remarks of adventures by Middle Asia" (1896). Here is given the description of geographic settlement of the city. Also interesting is the description of the medieval architectural monuments and the local people's way of life. There are also given information about other cities: Bukhara, Kokand, Tashkent. The remarks about the life of cities of Middle Asia made by eye witness of their life with many ethnographic details. The book is valued for its content of information and philosophic thoughts.

*О.Ж. Ирискулов
(Ўзбекистон)*

XIX АСРНИНГ ИККИНЧИ ЯРМИ – XX АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНДНИНГ ШАҲАРСОЗЛИГИ ТАРИХИГА ДОИР

Шаҳарсозлик тарихини ўрганиш ҳозирги куннинг долзарб муаммосидир. Ўзбекистон катта, кичик, қадимий ва замонавий шаҳарлар мамлакатидир. 2002 йил 4 апрелда Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси "Ўзбекистон Республикасида шаҳар қурилиши кодексини тасдиқлаш ҳақида қонун" қабул қилди. Бу эса мустақил Ўзбекистонда шаҳарсозликни ривожлантириш учун қонуний асос яратди.

Самарқандни ривожлантиришнинг 2025 йилгача мўлжалланган тараққиёт дастури тайёрланмоқда. Мазкур дастурда бу шаҳарни туристик марказга айлантириш кўзда тутилмоқда. Шаҳар кўп қатламли ижтимоий таркиб ҳисобланади. XIX аср охирида Самарқанднинг истило қилиниши натижасида европа ва рус архитектурасини маҳаллий шаҳарсозлик анъаналарига кўчириб ўтказишга интилиш бошланди. Қадимий шаҳар таркибида янги марказлар вужудга келди. Аммо бу жараён узоқ давом этмади. Бошқа халқнинг анъаналари шаҳримизнинг архитектура қиёфасига жиддий ўзгариш кўрсата олмади. Шунга қарамай янги европача марказлар яратиш ғояси шаҳарсозлик фалсафасининг шаклланишига сезиларли таъсир кўрсатди. Ўтмишнинг долзарб ғояларини ўрганиш замонавий миллий шаҳарсозликнинг муҳим вазифаларидан биридир. Самарқанд шаҳри маданий-фалсафий изланишлар учун ниҳоятда муҳим материал беради. Хусусан, Самарқанд меъморчилиги ўзининг гўзаллиги ва маҳобати билан кишини ҳайратга солади. Ҳатто унинг меъморий иншоотлари ҳам эстетик безакдорлиги, пластик шакллари ва нақшкор безагининг гўзаллиги билан ажралиб туради. Шоҳизинда мақбаралар мажмуаси, Регистон ансамбли, Бибихоним масжиди ва Гўри

Амир мақбаралари жуда маҳобатли кўринади. Улар турар жойлар ва маҳаллалардаги иморатлардан баланд туради. Эски шаҳардаги маҳаллалар меъморчилиги ҳам Самарқанд кўрғига кўрк кўшиб, ўзига сайёҳларни жалб қилади. Маҳалла сўзининг маъноси О. Сухарева тамонидан очиб берилган. Самарқанд маҳаллалари тарихини СамДУ олими М.М. Абрамов ўз асарида ёритиб берган. Юқорида таъкидланганидек, Самарқанднинг кейинги даврдаги шаҳарсозлигида Европа муҳандислик илми билан бирга кириб келган илғор қурилиш ва меъморчилик ҳам алоҳида аҳамият касб этади.

Ушбу мақолада биз Самарқанднинг Янги шаҳар қисмида жойлашган Самарқанд бульвари тарихини қисқача ёритишга ҳаракат қилдик.

Абрамов бульвари Эски шаҳарнинг жануби-ғарбинини Янги шаҳар билан ажратиб турадиган радиус ва Самарқанднинг икки қисмини боғлаб турувчи магистрал йўл эди (Нильсен, 1988. С. 100). Асосий марказ бўлган Абрамов бульварининг кенглиги 128 метр, узунлиги 1044 метр бўлган. Ҳозирги вақтдаги кенглиги 113 метр, узунлиги эса 804 метрдир. Чунки XIX аср охирида Бульвар майдонида ҳозирги Ҳамид Олимжон номли театргача бўлган ҳудуд қарар эди. Бульвар жамоатчилик фойдаланадиган энг оммавий яшил хиёбондир.

Ҳозирги вақтда Бульвар шаҳарнинг энг муҳим ободонлаштирилган қисми ҳисобланади. Бульвар ўзининг моҳиятига кўра оддий кўчалар билан шаҳар хиёбонлари ўртасидаги майдонни эгаллайди. XIX аср охирида шаҳар қурилишида кўкаламзорлаштиришга катта эътибор берилди. Ҳамда кўкаламзорлаштириш тизимининг қуйидаги элементлари жорий қилинди:

- шаҳар аҳолисига хизмат қилувчи ям-яшил умумий шаҳар паркиннинг шаклланиши;
- микрорайон кўринишидаги боғ тизимининг шаклланиши. Бу кўриниш икки қисмдан: спорт ўйинлари оромгоҳи ва сокин оромгоҳдан ташкил топган;
- кичкина маҳаллаларга мўлжалланган боғларнинг шаклланиши.

Бульвар - аҳолининг дам олиши учун ҳамда пиёдалар юриши учун мўлжалланган хиёбондир (Нильсен, 1988. С. 101).

XIX аср охирида Самарқандда ушбу тизим элементларини ўзида мужассамлаштирган бульвар шаклланди. Бульварда уйлар ҳамда тротуарлар бўйлаб уч қатор йўғон танали дарахтлар экилди. Дарахтлар ораси яшил ўсимликлар билан қопланди. Бу уч қаторли яшил полосалар бульварнинг икки томонидаги йўлаклар бўйлаб шаклланган. Бульварнинг ўртасида эса беш қатор дарахтлар экилди. Бульвардаги бундай кўчат экиш ишлари XIX асрнинг 80 - йиллариданоқ бошланган эди. Бундай ташкилотчилик ишларига М.В. Невский раҳбарлик қилган. Чунки у подполковник бўлсада, ботаника илмидан хабардор эди. 1894 йилдан бошлаб Бульвардаги ва марказий паркдаги дарахт экиш ишларига инженер-полковник В.И. Корольков раҳбарлик қилган. Бульварда испан пихтаси, кўк арчалар, катта-катта дарахт ва буталар, ливан кедри, ҳар-хил чинорлар, Ғарбдан келтирилган оддий туя деб аталувчи дарахтлар, Шарқдан келтирилган биоталар ва бошқа дарахтлар экилган. Ана шу дарахт турларининг барчаси шаҳар кўрикхонасида сақланар эди. Ўша вақтда шаҳар кўрикхонаси ҳозирги Тарих факультети жойлашган бино ўрнида бўлган. Шундай қилиб, XIX аср охири - XX аср бошларида 6,5 гектардан иборат ям-яшил боғ, яъни Абрамов бульвари массиви шаклланди. У ўша даврда Бульварда маданий ва жамоатчилик иншоотлари қурила бошлади. Шундай иншоотлардан иккитаси ҳозирги кунда университетимиз билан боғлиқ бинолар ҳисобланади. Шунинг учун ушбу иншоотлар қурилиши ҳақида фикр юритишга ҳаракат қилдик. Биринчиси, ҳозирги кунда СамДУ ректорати жойлашган бинодир. Ушбу иншоот 1896 -1899 йилларда Бульварда қурилган унда ўша даврдаги рус-хитой банки жойлашган эди. Бу бино икки қаватли, деворлари устуни ва карнизларини ушлаб турадиган ойналар чизмаларида классик принциплар кўзга ташланади. Бинонинг кўриниши, айрим безаклари унинг сифатини ошириб кўрсатади.

Шундай иншоотлардан иккинчиси, бу ҳозирги кунда СамДУнинг биология факультети жойлашган бинодир. Бу меъморий бино 1902-1904 йилларда Г.М. Своричевский лойихаси асосида қурилган ва ўша вақтларда аёллар гимназияси вазифасини бажарган (Чабров, 1962. С. 97). Бу икки қаватли бино етарли даражада етук лойиха асосида қурилган бўлиб,

аудиториялардан, мажлислар зали ва бир неча хоналардан иборат. Дерезалари ярим ой шаклида қурилган бу бино ўша даврнинг энг мустаҳкам маданий иншооти ҳисобланар эди.

Хулоса ўрнида айтиладиган бўлсак, Самарқанд Бульвари шаҳарнинг энг серқатнов, гавжум талабалар оромгоҳидир.

Бульварнинг қурилиши Зарафшон округи генерал А.К. Абрамов даврида бошланган ва Абрамов Бульвари номи билан 1917 йилгача аталган. 1917 йилдан 1938 йилгача Всеобучая Бульвари дейилган. 1938 йил мартда Ўзбекистон ҳукуматининг қарори билан Максим Горький Бульвари деб аталган. 1991 йилдан бошлаб бу массивга Университет хиёбони деб ном берилди.

Фойдаланилган адабиётлар

Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана конца XIX - начала XX в. Ташкент, 1988.

Чабрав Г. Страницы истории Самарканда (1868-1916 гг.). Ташкент, 1962.

С. Тиллабоев
(Ўзбекистон)

ХІХ АСР ОХИРИ - ХХ АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНД ШАҲРИ

Шаҳарлар ва шаҳар маданияти жаҳон цивилизациясида ўрни катта ҳисобланади. Шу ўринда Ўрта Осиё ва унинг узоқ тарихга эга қўхна ва хашаматли шаҳарлари жаҳон цивилизациясида муҳим ўрин эгаллаганлигини айтиб ўтиш жоиз. Жумладан, Самарқанд, Хива, Қарши, Бухоро, Тошкент ва бошқа шаҳарлар қадимдан сиёсий, иқтисодий, маданият марказлар сифатида ном қозонган. Ўрта Осиё шаҳарлари жуда қадимдан илм-фан ва маданият бобида ҳеч муболағасиз дунёда энг илғор, тараққиёт масканлари бўлиб келган. Ушбу шаҳарлар қаторида Самарқанд шаҳри ҳам нафақат минтақада, балки дунё миқёсида иқтисодий, савдо, маданият ўчоқлари сифатида ўз ўрни ва салоҳиятига эга бўлган.

Самарқанд шаҳри дунёнинг энг қадимий маданий масканлардан бири бўлиб, азалдан деҳқончилик, чорвачилик, хунармандчилик мавжуд бўлиб, савдо-сотик тараққий этган.

Жаҳоннинг қадимги шаҳарлари қаторида Самарқанд шаҳри узоқ тарихий тараққиёт давомида маданият ва тараққиёт ўчоғи бўлиб, ўзининг буюк алломалари ва олимларининг кашфиётлари, хунармандчилик маҳсулотлари билан жаҳон илм-фани, маданияти ривожланишига салмоқли ҳисса қўшиб келган. Самарқандда ўз ижоди билан жаҳон маданияти, фан ва техника, ислом дини тараққиётига улкан ҳисса қўшган кўплаб буюк сиймолар яшаган.

Самарқанд шаҳри Ўрта Осиёнинг халқаро миқёсдаги савдо-сотик ва маданий алоқаларида ўзига хос тарзда алоҳида ўрин тутган. Ғарб билан Шарқни барча соҳаларда бирлаштириб турувчи муҳим магистрал савдо йўли ва маданият воситачиси бўлган Буюк ипак йўли тармоғининг Самарқанд шаҳридан ўтганлиги ушбу ҳудудни ҳар томонлама тараққий қилишига, четдан турли ишлаб чиқариш соҳаларидаги янгиликларни кириб келишига сабаб бўлган. Ташқи савдо алоқалари шаҳар ҳаётининг ривожланишига ўз таъсири кўрсатиб, ички савдо-сотик ишлари қўшни ҳудудлар билан ўзаро алоқаларининг тараққиётига олиб келган.

ХІХ аср иккинчи ярмида Россия империясининг олиб борган мустамлакачилик сиёсати натижасида Ўрта Осиёнинг катта қисми босиб олинади. Натижада Ўрта Осиёнинг бошқа босиб олинган ҳудудлари қаторида Самарқанд ҳам мустамлакага айлантирилди. Ўрта Осиёнинг босиб олинган ҳудудларида Туркистон генерал-губернаторлиги (1867 йил) ташкил қилинади.

1868 йилда Бухоро амирлигига қарашли босиб олинган ерларда маркази – Самарқанд шаҳри бўлган Зарафшон округи ташкил қилинади. 1887 йилда Зарафшон округи ўрнида Самарқанд вилояти ташкил қилинади. Вилоят Самарқанд, Каттақўрғон, Хўжанд ва Жиззах уездларга бўлинган (Положение об управлении Туркестанского края, 1886. С. 1). Зарафшон округи дастлаб Самарқанд ва Каттақўрғон бўлимларига бўлинган.

Ўлкадаги вилоятларнинг энг кичкинаси бўлган Самарқанд вилоятининг майдони 2000 кв.

верст бўлиб, у Саратов губернияси худудидан катта ҳисобланган.

Самарқанд вилояти маъмурий-худудий жиҳатдан уездларга, уездлар бўлимларга, бўлимлар участкаларга, волостларга, оксоқолликларга ва овулларга бўлинган (Ўзбекистоннинг янги тарихи, 2000. 203-б.). Бу даврдаги мустамлака бошқарув тизимининг қуйи бўғинида маҳаллий аҳоли вакиллари қишлоқ оксоқоли, волост бошлиғи, овул бошлиғи, мироб, кози, бий лавозимларида иштирок этганлар.

Мустамлака даврида маъмурий-худудий бошқарув тизимида ерлик аҳоли волост ва қишлоқ (овул)ларга бирлаштирилади. Қишлоқ (овул) таркиби 100-200 хонадон (ўтов)дан, волост эса 1000-2000 хонадон (ўтов)дан иборат қилиб белгиланган.

XIX асрнинг иккинчи ярмида мустамлакага айлантирилган Ўрта Осиёнинг бошқа худудлари каторида Самарқанд вилояти ҳам метрополиянинг хом-ашё базасига айлантирилди. Бутун сиёсий, иқтисодий, маданий соҳалар каби шаҳарлар ҳам мустамлака манфаатлари йўлида фойдаланила бошланди. Бунда энг аввало шаҳарлар мустамлака ҳукуматининг маъмурий марказлари, Россия империясининг марказий губернияларидан кўчиб келтирилган аҳоли, ҳарбий кучлари жойлаштирилган жой сифатида фойдаланилди. Бу даврда шаҳарлар икки қисмга бўлиниб, мустамлака ҳукумат маъмурий марказлари, кўчиб келган аҳоли ва ҳарбийлар яшайдиган қисми «янги шаҳар»лар номини олган. «Янги шаҳар»ларда мустамлакачиликка асосланган «янги» тартиблар жорий қилинади. «Янги шаҳар»ларнинг аксариятида темир йўл ўтказилиб, уларда темир йўл станциялари қурилган. Темир йўл станциялари атрофида янги аҳоли посёлкалари, маъмурий ва бошқа иншоотлар қурила бошланган.

Шаҳарлар даҳаларга бўлинган ҳолда бошқарилган. Ҳар бир даҳада 500-1000 хонадон бўлган. Ҳар бир даҳанинг полиция ва маъмурий-хўжалик ишларини оксоқоллар бошқарган. Оксоқоллар аҳоли томонидан сайланган. Ҳар 50 хонадон вакиллари томонидан битта элликбоши сайланиб, элликбошилар оксоқол ва унинг ёрдамчисини сайлаганлар. Сайланган оксоқол уезд бошлиғи томонидан тасдиқланган. Полиция ишларини кўрбошилар олиб борган. Кўрбошилар ўзига қарашли аҳоли сонига қараб ёрдамчилар олган. Оксоқол маъмурий-хўжалик ишлари бўйича уезд бошлиғига, полиция ишлари бўйича кўрбошига бўйсунган.

Шаҳарда оксоқоллар фаолиятини ҳарбий губернатор томонидан тайинладиган катта оксоқол назорат қилиб борган. Катта шаҳар оксоқоли ерли аҳоли вакилларида бири бўлиб, унинг қўлида шаҳар бўйича полиция ишлари мужассамлашган. Бошқарув соҳасида шаҳар оксоқолининг ҳуқуқлари волост бошлиғи ҳуқуқлари билан тенг ҳисобланган.

Бу даврда империянинг марказий губернияларида жойлашган тўқимачилик корхоналари учун хом ашё бўлган пахта кўпроқ етиштириш ва пахта экиладиган майдонларни кенгайтиришга ҳаракат қилинган. Бу кенгайтиришлар албатта, бошқа экин майдонлари ва яйловларнинг қисқариши эвазига амалга оширилган. Халқ хўжалигини бундай бир томонлама ривожланиши ўз навбатида салбий оқибатларни ҳам келтириб чиқарган. Қишлоқ хўжалигини бир томонлама ривожланиши эса пахтадан бошқа экин майдонларини қисқаришига олиб келган. Натижада бундай қишлоқ хўжалик маҳсулотларини қисқариши, уларнинг нархини ошиб кетишига сабаб бўлиб, маҳаллий эҳтиёжни четдан келтириладиган маҳсулотлар эвазига қондиришига тўғри келган. Бу ҳол дон экинлари, айниқса буғдой ва ундан тайёрладиган маҳсулотларда яққол кўринади.

Мустамлака даврида ишлаб чиқариш, қишлоқ хўжалиги, саноатнинг бир томонлама ривожлантиришга, яъни империя манфаатларидан келиб чиқилиши оқибатида, четдан келтирилган тайёр маҳсулотларнинг кўпайиши кўплаб маҳаллий хунармандчиликни ривожланишига салбий таъсир кўрсатиш билан бирга, хунармандчили айрим тармоқлари рақобат натижасида синишига сабаб бўлган. Бунинг оқибатида кўпчилик маҳаллий хунармандчиликнинг маҳсулотлари ишлаб чиқарувчилар ишсиз бўлиб қолган.

Чорвачиликда эса аввал чорва моллари боқилладиган яйлов ерларни ўзлаштириб пахта майдонларига айлантирилиши, чорва моллари учун ем хашак учун етиштириладиган экин майдонлари ўрнига пахта экилиши ўз навбатида чорва моллари сони, гўшт, сут ва бошқа маҳсулотларни камайишига олиб келган.

XIX иккинчи ярми ва XX асрнинг биринчи ярмида ҳам Ўрта Осиёга жаҳондаги илмий-техникавий кашфиётлар натижасида йўлга қўйилган янги технологиялар, илғор ишлаб чиқариш усуллари кириб келиши давом этиб, уларни ўзлаштириш ва амалга татбиқ этиш кенгайиб борган. Бу даврда четдан айниқса, Россиядан саноат маҳсулотларининг кириб келишининг кўпайиши натижасида маҳаллий хунармандлар томонидан тайёрланадиган айрим маҳсулот турлари рақобат натижасида синган. Бу даврдаги иқтисодий ўзгаришлар аҳолининг ижтимоий таркибини ҳам ўзгартириб юборган. Самарқанднинг XIX аср охири - XX аср бошларидаги ижтимоий-иқтисодий ўзгаришларга бу даврдаги жаҳон миқёсида ишлаб чиқариш тараққиёти, ўлкага Россия империяси орқали капиталистик ишлаб чиқаришнинг кириб келиши ва мустамлакачиларнинг ўлкадаги ўз манфаатларидан келиб чиқиб амалга оширган сиёсати таъсирини кўрсатади.

Бу даврда аҳолининг иқтисодий машғулоти асосан миллий-этник хусусиятдан келиб чиққан. Бунда ўтроқ аҳоли темирчилик, дурадгорчилик, нонвойчилик ва шу каби тармоқлар билан шуғулланган. Бундан ташқари аҳолининг қандай машғулоти тури билан шуғулланганлиги унинг ижтимоий ҳолатини кўрсатиб берган. Жумладан, аҳолининг камбағал қатлами ўтин тўплаш, тоғ-кон саноатларида ва ёлланма ишчи сифатида меҳнат қилганлар.

Бу даврда Самарқанд шаҳри Ўрта Осиё шаҳарлари қаторида тараққий этиб борган. Шаҳар худудида кўплаб корхоналар, савдо-сотик фирмалари, хунармандчилик корхоналари иш олиб борган. Бу даврдаги ишлаб чиқариш соҳаси асосан империя марказий губернияларида жойлашган тўқимачилик, саноат ва бошқа корхоналар учун бирламчи хом ашё кўринишидаги маҳсулотлар етказиб берувчи кўринишга эга бўлган корхоналар кўпайган. Ташқи савдода Россия билан алоқалар кенгайиб борган. Бу даврда деҳқончилик айниқса, пахтачилик ривожланиб, суғориш иншоотлари такомиллашиб, янги сув иншоотлари қурилган. Янги ерларнинг ўзгартирилиб борилиши оқибатида шаҳар аҳолисининг ижтимоий таркиби ҳам ўзгариб, аввал фақат чорвачилик билан шуғулланадиган аҳоли деҳқончилик билан шуғуллана бошган. Бунинг натижасида кўчманчи аҳолининг ўтроқлашув жараёни жадал суръатда давом этган.

Шаҳарда пахтачилик, ғаллачилик билан бирга пиллачилик, боғдорчилик, узумчилик кўпайган, тўқувчилик ривож топган. Иқтисодий ривожланиш, ички ва ташқи савдо-сотик алоқалари айниқса, Россия, Афғонистон, Эрон ва бошқалар билан кенгайган. Шаҳар аҳолисининг таркибида савдо ва хунармандчилик билан шуғулланадиганларнинг сони кўпая борган.

XIX аср охири- XX аср бошларида Самарқанд шаҳри Чор Россияси мустамлакачилиги даврида Туркистон генерал-губернаторлиги таркибида бўлган Самарқанд вилоятининг маъмурий маркази ҳисобланган. Бу даврда мустамлака ҳукмронлигига қарамасдан Самарқандда деҳқончилик билан бирга хунармандчилик, чорвачилик, савдо-сотик соҳалари, ишлаб чиқариш, маданият ривожланган. Шаҳар хунармандлари томонидан тайёрланган маҳсулотларга Россия, Миср, Эрон, Хитой, Туркия, Ҳиндистонда қизиқиш катта бўлган.

Фойдаланилган адабиётлар

Положение об управлении Туркестанского края. Т. II. Ч. 2. СПб., 1886.

Ўзбекистоннинг янги тарихи. 1-китоб. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. Тошкент, 2000.

Юфев В.И. Труд хлопковых хозяйств Туркестана. СПб., 1914.

Ф. Саиджонов
(Ўзбекистон)

XIX АСР ОХИРИ - XX АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНД ИШЛАБ-ЧИҚАРИШ КОРХОНАЛАРИ ТАРИХИДАН

XIX аср охири – XX аср бошларида Туркистон ўлкасининг жумладан, Самарқанд вилоятининг ер ости ва ер усти бойликларини метрополия манфаатларига мослаштириш жараёнлари авж олган бўлиб, ишбилармонлар бир соҳа билан чекланиб қолмасдан бойлик кўпайтириш мақсадида саноат ишлаб чиқаришнинг бир неча тармоқларига қўл уришган.

Вилоятда мавжуд саноат корхоналари Самарқанд, Хўжанд, Каттакўрғон, Жиззахда жойлашган бўлиб, 1905 йилда уларнинг сони 101 тага етган, 1908 йилга келиб эса Самарқандда 114 та саноат корхоналари фаолият юритган. Туркистондаги ёғ ишлаб чиқарадиган заводлардан Закаспий темир йўлларида 1909 йил 189, 723 пуд ёғ олиб чиқиб кетилган, Бухородан 16,453 пуд, Самарқанддан 44,829 пуд, Сирдарёдан 679 пуд, Фарғонанинг Хўжанд уезди ва Самарқанд вилоятидан 1,102,876 пуд ёғ олиб чиқилган (ЎзР МДА Ф-90, оп-1, д-21. С. 8), Истеъмолчилар жамиятига эҳтиёж эса XIX асрнинг 80 - йилларига тўғри келиб, биринчи «Истеъмолчилар жамияти» Ашхободда 1885 йил, Авлиё Отада 1891, йил Самарқанд ва Кўконда 1894 йил ва Андижонда 1895 йил дунё юзини кўрган (Сам. вил. архиви. Ф-1793, оп -1, д-54. С. 2).

Бозор муносабатлари ўз табиатига кўра мунтазам суратда кенгайиб жамиятлар, ширкат ва фирмалар пайдо бўлиб, улар ўз уставларини ишлаб чиқиб, Савдо Вазирлигининг ишлаб-чиқариш бўлими орқали Туркистон генерал-губернаторлигига мурожаат этишган. Жамиятнинг мақсади ва фаолияти давомида олиб бориладиган ишлар режаси, бу режаларни амалга ошириш учун сарфланадиган маблағ, фаолиятини қайси турдаги ишлаб чиқаришга қаратгани ва бу маҳсулотнинг халқ истеъмоли учун қанчалик муҳимлиги уставнинг бўлимларида ёритилган. Жумладан, Самарқанд вилоятида ўз фаолиятини олиб борган ширкат ва фирмалар тўғрисида маълумот берамиз. Самарқандда биринчилардан бўлиб шахсий ишлаб-чиқариш корхонасига эга бўлган шахс Д. Филатов томонидан 1868 йилда биринчи вино ишлаб чиқариш йўлга қўйилган (Обзор Самарқандской области, 1900. С. 12). Самарқанд вилоятида асосан Самарқанд уездида узумчилик билан шуғулланиш жуда кенг ривожланган – бўлиб умумий ҳосил йиғими 1894 йилда 6.264.000 пудга етган. Бу ҳосилдан 334, 243 пуди ёнги 5,3% вино ишлаб чиқариш учун ишлатилган. Д. Филатов Самарқанд вилоятида чуқур изланишлар олиб борган ҳолда об-ҳаво, иқлимни ўрганиб узумчилик билан шуғулланиб анчагина даромадга эга бўлган (Дылевский, 1912. С. 74-75). Унинг ўлкада 12 та вино-бакалейный ва гастрономик магазинлари фаолият юргизган. 1868 йилда Филатов Самарқанд атрофидаги 60 десятина ерни тоқзорга айлантириб 45 хил турдаги узумларни етиштирган. 1909 йилга келиб Филатов олий навли спирт ва ароқлардан ҳар йили 250.000 рубл атрофида даромад ола бошлаган. 1890 йилда эса коньяк ишлаб-чиқарган. 1905 йилдан Филатов газли ва мевали сувларни ишлаб-чиқариб 1909 йилга келиб 30.000 рублгача даромад олган. Унинг заводи 1881 йилда 1200 та, 1890 йилда 1600 ва 1900 йилда 2000 челақ вино ишлаб чиқарган бўлиб, 1900 йилга келиб Самарқандда 2 та вино ишлаб чиқарувчи ва 1 та коньячно-вынокуранный ва 1 та спирт ишлаб чиқарувчи корхоналарини йўлга қўйган (ЎзР МДА И-1, оп-17, д-728. С. 320-321). 1916 йил Самарқандда мавжуд бўлган вино ишлаб чиқарувчи заводлар: меросхўр Филатовлар, Абрамова, Иванова ва ака-ука Агриевларга, мева ва минерал ишлаб чиқарувчи заводлар Филатов, Гладышева ва Каскат Сатарянларга тегишли бўлган (ЎзР МДА Ф-20, Оп-1, Д-2025. С. 20-21). Кейинчалик 1922-1925 йилгача Филатов асос солган завод Самарқанд давлат «Турквино» трести деб номланган (Сам. вил. архиви. Фонд-105, ед. хр. 189. С. 5-6). Бошқа тадбиркорлар ҳам Самарқандда ўз ишларини очган, жумладан «В.Н. Жемчужников пива заводи». Устави 1905 йил 5 апрель куни тасдиқланиб, мақсади: Сирдарё ва Тошкент вилоятларида пиво ишлаб-чиқариш ва маҳсулотларини сотиш. «Туркистон кўмир ва тоғ конлари ишлаб чиқариш жамияти». Устави 1905 йил 25 июнда тасдиқланиб, мақсади: Кштут волости Самарқанд вилояти ва уездларидаги ер майдони 304 десятина ерда ишлаб чиқариш ва сотишни йўлга қўйиш. «Туркистон пахта тозалаш ва ёғ ишлаб чиқариш жамияти». Устави: 1894 йил 27 июнда тасдиқланган, 1906 йил 11 апрелда қўшимча пайлар очиш учун рухсат берилган. Мақсади: Самарқанд ва Каттакўрғон вилоятларида 2 та пахта тозалаш ва ёғ ишлаб-чиқариш заводларини йўлга қўйиш ва маҳсулотларни сотиш. «Пахта акционерлик жамияти» устави 1905 йил 11 мартда тасдиқланган, 1907 йил 1 июлда ўз акцияларни чиқаришга рухсат берилган. Мақсади: Самарқанд, Фарғона, Закаспий вилоятларида 10 дес. атрофидаги ер майдонларида пахта тозалаш заводларида иш юритиш (ЎзР МДА Ф-И 1, оп-17, д-796. С. 12-14). Самарқанд вилоятида ишлаб чиқаришнинг яна бир тури «Ичак»ни қайта ишлашни берлинлик бир савдогар ишбилармоннинг 500 рубл капитали билан ривожланди. Фақатгина бир маҳаллий

шахс томонидан хар бир қўй ичаги учун 2-3 коп белгиланган бу нарх маҳсулотни уйгача олиб келинганлиги учунгина эди, ичакнинг тан нархи эса умуман йўқ бўлган, уни қассоблар чиқинди сифатида ташлаб юборар эди. Ишбилармон ичак учун 3 коп, молнинг ичаги учун эса 5 коп нарх белгиланган ва унинг ишлари ўнгидан кела бошлаган бўлиб, «Кишечный король» лақабини олган. Оренбурглик йирик савдогар Э. Лзинскийнинг меросхўри 50.000 руб капитал билан ишга қаттиқ киришган, шунингдек ипакчилик вилоятда ривожланиб 1888 йилда 6642 пуд ипак етиштирилган бўлса, 1905 йилга келиб бу рақамлар 76384 пудга етган. 1886 йил соғлом ипак куртларини етиштириш ва жорий қилиш мақсадида курт уруғини етиштириш станциялари Самарқандда фаолият юргизган. 1887-1888 йилларда ипакчилик касби билан шуғулланувчилар сони Самарқанд уездида 972 киши, Жиззак уездида 50 киши, Каттакўрғон уездида 1.620 киши, Хўжанд уездида 6.137 кишидан иборат бўлган. Ипак курти пилласи ҳосили 1892 йилда 16.310 пудни, 1893 йилда 27.811 пудни, 1894 йилга келиб эса 46,360 пудни ташкил қилган. Вилоятда шойи тўқиш устахоналари эса 546 та бўлиб, 475 таси Хўжанд уездига, 71 таси эса Самарқанд уездларига тегишли бўлган. Шунингдек, Самарқанд вилоятининг Каттакўрғон уездида «Кустарно-кооператив» бўлими 1921 йил июль ойидан ўз фаолиятини Батынцев бошқарувида (20 та артель) бошлаган, унга 396 киши аъзо эди. Кооперативда тўқимачилик, темирчилик, совун ишлаб чиқариш, бўёқчилик, тери ишлаб чиқариш, куймачилик цехлари ва бошқа касб турлари мавжуд бўлган (Сам. вил. архиви Ф-1281, Оп-1, Д-2. С.32). 1907 йил Тарас Шевченко кўчаси 21 уйда «Луи Зальм и сыновья» тикувчилик фабрикасига асос солиниб, эркаклар, аёллар ҳамда болалар пальтоси ишлаб чиқарилган (Сам. вил. Архиви. Ф-1843, оп-1, д-108. С. 13).

Хулоса қилиб шуни таъкидлашимиз керакки, Туркистоннинг чор мустамлакасига айланишининг салбий оқибатлари олимларимиз томонидан чуқур таҳлил қилинган бўлсада, аммо ўлканинг яхлитлашуви савдо муносабатлари равнақига кенг йўл очиб берганини таъкидламай иложимиз йўқ.

Фойдаланилган адабиётлар

ЎзР МДА Ф-90, Оп-1, Д-21.

Сам. вил. архиви. Ф-1281, оп-1, д-2.

Обзор Самарқандской области, 1900.

Дылёвский А.А. Опыт обследования виноградников Самарқандской области. Ташкент, 1912.

F.Saidjonova - From the History of Industrial Plants in Samarkand at the End the 19th-beginning of the 20th century

The article deals with foundation of Joint-stock companies, firms, trade associations, artisan undertakings in Samarkand at the end of 19th – beginning of 20th centuries. The statutes of companies and their work are examined.

*Р.М. Абдуллаев
(Ўзбекистан)*

САМАРКАНД В 1917 ГОДУ : ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЫБОРЫ В ГОРОДСКУЮ ДУМУ

После февральских событий 1917 года политическая жизнь в Самарканде, как и во всем Туркестане, начала приобретать совершенно новые черты, связанные, прежде всего, с ростом национального движения и реальным функционированием многопартийной системы.

Февральская революция ускорила процесс размежевания и консолидации различных общественно-политических сил. Опубликованная 3 марта известная Декларация Временного правительства, в которой, в частности, было заявлено о введении в стране демократических свобод, вызвала мощную волну общественной активности, пробудив у многих небывалый интерес ко всему происходящему.

И, невзирая на то, что еще продолжалась первая мировая война, назревала угроза голода и все явственнее ощущались признаки экономического хаоса, значительная часть населения с воодушевлением откликнулась на декларируемые призывы, сулившие новые надежды и

возможности.

Самарканд – один из крупнейших политических, экономических и культурных центров Туркестана, в послефевральские дни становился свидетелем появления множества партий и общественных объединений – стремящихся, как можно скорее, заявить о своих намерениях в условиях постоянной трансформации политических событий 1917 года.

Общественно–политические организации, действующие в Самарканде в этот период, условно можно было разделить на общероссийские и национальные. Филиалы самаркандских общероссийских организаций (если говорить о них), в свою очередь, также подразделялись в основном на две различные группы: либеральной ориентации и т.н. революционной, выступавшие за установление социалистической республики. Одной из организаций либерального направления, игравшей заметную роль в политической жизни Туркестана, была конституционно-демократическая партия, которая уже в годы первой русской революции имела свои отделы в городах края. Так, самаркандский отдел партии был образован 22 августа 1906 года. В организационный комитет этого отдела входили 6 человек (Милишников, Дынин, Луе, Левинский, Ганшик и Шмайлов). Данной группе было поручено входить в непосредственные контакты с центральным комитетом партии конституционных демократов, а также представлять организацию при переговорах с официальными учреждениями и лицами (ЦГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 146, л. 3). Важнейшие программные положения филиалов конституционно–демократической партии в Туркестане были выработаны на основе программы центральной организации (ЦГА РФ, ф. 523, д. 408, л. 22). Либерально ориентированная часть русского населения Туркестана имела и свои печатные органы, газеты: «Голос народной свободы», «Среднеазиатская жизнь», «Туркестан», «Туркестанское слово» и др. На страницах этих газет публиковали свои материалы и многие самаркандцы, представлявшие интересы местных конституционных демократов (кадетов).

Надо сказать, что туркестанские кадеты прилагали значительные усилия для расширения социальной базы своей партии и надеялись заручиться поддержкой со стороны широких масс населения (в том числе и коренного). Туркестанский комитет Временного правительства, пришедший на смену старой администрации генерал–губернатора Куропаткина, был по своему составу преимущественно кадетским. Кадеты были и в составе комитетов общественной безопасности, которые стали повсеместно создаваться сразу же после прихода к власти представителей Временного правительства. Местные кадеты приняли также активное участие (летом 1917 года) в выборах в городские Думы, накануне которых повсюду выступали с лекциями и докладами, где пытались изложить основные положения своей программы. Однако эта программа, несмотря на ее некоторые очевидные либеральные установки, продолжала базироваться на имперских идеях - игнорирования естественных прав коренных народов Туркестана, связанных с реализацией принципа политического и национально–территориального самоопределения. Вместе с тем, данное обстоятельство не служило препятствием для активистов национального движения в крае, которые желали укрепить связи с этой общероссийской организацией. С местными и российскими кадетами достаточно тесно сотрудничали известные туркестанские прогрессисты - джадиды. В частности, одним из них был самаркандец Махмудходжа Бехбудий – виднейший представитель туркестанского джадидизма, издатель газеты «Самарканд» и журнала «Ойна», член президиума краевой организации «Шурои – Исломия» и участник всех, состоявшихся после февральской революции, общетуркестанских мусульманских съездов. Махмудходжа Бехбудий, будучи глубоко образованным, демократически мыслящим и толерантным человеком, до конца своих дней надеялся, что посредством этих контактов можно будет заручиться поддержкой либеральной части русской общественности в вопросах решения насущных политических, социально–экономических и культурологических задач, волнующих туркестанских мусульман. Туркестанские прогрессисты пытались вести диалог и с партией социалистов–революционеров (эсеров), отдел которой функционировал, в том числе и в Самарканде (Свободный Самарканд, 1917, 22 августа). Но и туркестанские эсеры не спешили соглашаться с прогрессистами в вопросе изменения политико–государственного статуса Туркестана и предоставления ему прав национально-территориальной авто-

номии в составе России.

С эсерами в этом вопросе солидаризировались и представители некоторых других групп т.н. европейского населения. Влияние эсеров в Туркестане чувствовалось, прежде всего, среди значительной части офицерства и простых солдат, а также городских рабочих. Для этих слоев населения в послефевральский период была установлена постоянная запись в члены партии и осуществлялась подписка на все партийные печатные органы, среди которых особой популярностью пользовались такие газеты, как: «Туркестанский голос», «Свободный Самарканд», «Знамя Свободы», и где часто публиковались известные туркестанские эсеры: В. Чайкин, М. Сосновский и др. Одним из важнейших событий в политической жизни Самарканда (как и всего Туркестана), в первые месяцы после февральской революции, была подготовка к выборам в городскую Думу, последние, как ожидалось, должны были впервые пройти на новой демократической основе, с участием кандидатов от недавно образовавшихся национальных политических и общественных организаций («Шурои – Исломия», «Шурои – Уламо», «Мирважул Ислом», «Иттифок», «Турк одами марказият фиркаси» и др.). В случае своей победы самаркандские эсеры обещали отстаивать в Думе широкую программу политических и социально-экономических преобразований, в том числе и реализацию земельной реформы, суть которой заключалась в передаче земли в общенародное достояние (Свободный Самарканд, 1917, 6 сентября). Растущий авторитет эсеров среди русского населения края позволил социалистам-революционерам опередить другие филиалы общероссийских партий Туркестана в ходе выборов в городские Думы. Так, к началу сентября 1917 года, по подсчету избирательных бюллетеней в самаркандскую городскую Думу прошли по списку №3 (партии социалистов – революционеров самаркандского отделения) – 10 гласных, а по списку №4 (самаркандской организации российской социал-демократической рабочей партии) – всего 2 гласных (Свободный Самарканд, 1917, 12 сентября). И уже на первом заседании самаркандской городской Думы, которое состоялось 20 сентября, ее председателем был избран эсер – М.С. Бродский (Свободный Самарканд, 1917, 21 сентября). В целом, по результатам выборов в городские Думы Туркестана, социалисты-революционеры проиграли лишь представителям национальных организаций, которые за короткий срок сумели консолидировать вокруг своих программных документов значительную часть мусульманского населения. Здесь необходимо подчеркнуть, что подготовка к выборам (в том числе в Самарканде) со стороны всех национальных организаций носила очень планомерный и целенаправленный характер. Лидеры национального движения, в соответствии с решениями первого общетуркестанского мусульманского съезда (апрель 1917 г.), приступили к широкой агитационной работе среди населения. В ходе ее организовывались публичные лекции, собрания и митинги, издавались прокламации, статьи в газетах : «Улуг Туркистон», «Хуррият», «Кенгаш» и др.

При этом ставилась цель – в доступном изложении ознакомить население как с самой техникой предстоящих выборов, так и с программными положениями национальных политических организаций и общественных объединений. Акцентировалось также внимание на важности для судеб туркестанских мусульман выдвижения в городские Думы лиц, способных достойно защищать их интересы. Все это оказывало влияние на развитие политического и национального самосознания местных народов и в определенной мере помогало им ориентироваться в сложной обстановке послереволюционного времени.

Туркестанские прогрессисты, несмотря на противодействие со стороны некоторых мусульманских традиционалистов, выступали за участие в выборах женщин коренных национальностей, а также были против раздела Думы (как предлагали представители русских общин) на мусульманскую и русскую части (Хуррият, 1917, 3 июля). В некоторых городах Туркестана мусульмане, выказывая свое доверие «европейцам», пошли, в ходе выборов, на формирование общего блока с ними. В частности, в Самарканде такой блок шел по списку №1 (национальные организации мусульманского населения, союз домовладельцев и беспартийных), где «европейцев» было более 30% (Свободный Самарканд, 1917, 12 сентября). И именно этот блок вышел победителем в борьбе за места в самаркандскую городскую Думу. Из 75 гласных самаркандской городской Думы, 41 были представителями «Шурои-Исломия» и дру-

гих национальных организаций (Хуррият, 1917, 19 сентября). Итоги выборов в городские Думы, которые многими в те дни воспринимались как прелюдия к выборам в Учредительное Собрание России (т.е. в новый Парламент), вызвали нескрываемый шок среди политизированной части русских граждан. Русскоязычные газеты края были заполнены материалами, в которых авторы пытались объяснить читателям причину такого исхода и предугадать последствия для «европейского» населения поражения большинства общероссийских партий в этой борьбе. В одной из них мы читаем: «Мусульманское население, как оказалось, явилось в избирательные участки в гораздо большем количестве, чем можно было ожидать. Состав Думы преимущественно будет мусульманский... По этому поводу обывателями уже высказывается много мнений, причем все они сводятся к одному вопросу. Не будет ли нанесен ущерб русской части города вообще и русской культуре в частности» (Туркестанский курьер, 1917, 2 августа).

Были и еще более резкие отзывы. Так, газета «Свободный Самарканд» писала в этой связи: «... Мы не можем быть равнодушны к тому, что европейцы, давшие мусульманам формулу голосования, сами равнодушно стоят в стороне, оставляя поле деятельности для талантливых учеников – мусульман... мы должны сказать, что мусульманская победа может явиться победой реакционных элементов» (Свободный Самарканд, 1917, 7 сентября). Неудача, постигшая общероссийские организации во время выборов, свидетельствовала о существовании серьезных разногласий между различными общественно–политическими силами в регионе и недоверия к программным положениям данных партий со стороны большинства представителей коренного населения. Такое отношение было вызвано тем, что в этих положениях, как уже отмечалось, не было четкого видения будущего политического, национально-государственного устройства России и Туркестана, которое могло бы вселить некоторые надежды в умы и сердца мусульман, жаждущих перемен.

Между тем, туркестанские социал–демократы в лице, прежде всего, большевиков сумели извлечь для себя необходимые уроки от того сокрушительного поражения, которое они потерпели в ходе выборов в городские Думы. Местные большевики, ведомые своими вождями (Тоболиным, Шумиловым, Бауманом, Бабушкиным и др.), с самого начала встав в оппозицию к Временному правительству, планомерно и усердно пропагандировали в рабочей и солдатской массе свои цели и задачи. Однако результаты выборов показали, что среди мусульман (и не только) большевики не пользовались серьезным влиянием. В своих взаимоотношениях с политизированными слоями туркестанских мусульман, а также различными партиями и общественными движениями большевики придерживались тактики раскола и привлечения к себе колеблющейся и неопределившейся части политических оппонентов. Ради захвата власти, они (большевики) не чурались неприкрытого популизма и жестких силовых методов, что «успешно» продемонстрировали в октябре 1917 года. Реакция местного населения на известные октябрьские события была откровенно негативной. В частности, 7 ноября самаркандская национальная организация «Иттифок», обсудив создавшееся положение и выразив свой решительный протест против «узурпации воли народа», постановила: «Власть в Туркестане должна быть конструирована не Советами рабочих и солдатских депутатов, имеющих за собой ничтожную часть населения края, а согласно желанию мусульманского большинства, которое развернет свои национально–политические требования в Учредительном Собрании» (Свободный Самарканд, 1917, 9 ноября). Свои несогласия с действиями большевиков выразили и другие организации и общественные объединения города: «Шурои–Исломия», самаркандский почтово–телеграфный союз, еврейская организация «Паолей – Цион», полковые и ротные комитеты самаркандского гарнизона, а также самаркандская городская Дума (Свободный Самарканд, 1917, 8 ноября). Тем временем большевики Туркестана, откровенно игнорируя эти протесты, смело приступили к реализации своих революционных замыслов, частью которых, как показали дальнейшие события, стали закрытие оппозиционных партий и решения о прекращении деятельности различных государственных институтов, в том числе и городской Думы.

1920 ЙИЛ АВГУСТ - СЕНТЯБРДА БУХОРО АМИРЛИГИНИ ТУГАТИШДА САМАРҚАНД ВА КАТТАҚЎРҒОН ҲАРБИЙ ГУРУҲЛАРИНИНГ ФАОЛИЯТИ

1920 йилнинг февралда Хива хонлиги тугатилганидан сўнг Шарққа борадиган муҳим стратегик дарвоза - Бухоро амирлигини ҳам тугатишни большевиклар ўзига бош мақсад қилиб қўйди. Бухорони босиб олишни тезлаштириш мақсадида Туркистон fronti қўмондони М.В. Фрунзе 1920 йил 31 июлда РСФСР ҳукумати бошлиғи В.И. Ленинга қуйидаги мазмунда телеграмма жўнатди:

«...Бухоро амири зўр бериб бизга қарши урушга тайёрланмоқда. У Афғонистон билан ҳарбий иттифоқ тузди. Амирлик шу тариқа яшаб турса бизнинг Шарқдаги сиёсатимиз қўл-оёқсиз қолади. Туркистон fronti Ҳарбий - Революцион Совети, Турккомиссия ва ўлкадаги бошқа ҳукумат аъзолари билан келишиб амирлик масаласини яқин кунларда ҳал қилишга келишиб олдик. Бу соҳада қуйидаги тайёргарлик ишларини амалга оширдик:

-1200 кишилиқ Бухоро қизил армиясини тузиш охирига етказилди, ҳукумат таркиби тузиб чиқилди. Барча органлар ва ҳукумат идораларига лойиқ кишилар танланди.

-Амирликни тугатишга бизнинг қизил қўшинларимиз тайёр. Бухоронинг халқаро вазияти ҳам яхши эмас. Жамол пошшо билан бўлган суҳбатдан шу нарса аниқ бўладики, Туркия томони амирликни тугатишга қаршилиқ қилмайди. Амонуллохон эса Афғонистондаги ички кураш билан банд. Бухорога ҳеч қандай ёрдам беролмайди. Эрон масаласига келсак у ердаги ишларни бизнинг дипломатларимиз ҳал қилади. Шуларни инобатга олиб қулай фурсатдан фойдаланиш учун марказ рухсат берса 20 августларда ҳал қилувчи ҳаракатларни бошлаймиз» (Шевцов, 1992. С.180-181; Военно-исторический журнал, 1940. С.72).

Марказ худди шуни кутиб тургандек Фрунзенинг телеграммасига жавобан РСФСР қуролли кучлар Бош қўмондони С.С. Каменев ва Бош штаб бошлиғи томонидан «Рухсат берилди» деган жавоб юборилди. Тегишли жавоб олингач, М.В. Фрунзе 1920 йил 12 августда амирликни яқсон қилиш мақсадида тўрт гуруҳдан иборат Самарқанд - Бухоро фронтини тузиш тўғрисида буйруқ берди. Фронтга – Чоржўй, Когон, Каттақўрғон ва Самарқанд гуруҳлари бирлаштирилди. Фронтнинг жанговорлик ҳолати қуйидагича эди: 7 минг пиеда, 2,5 минг отлиқ аскар, 5 та оғир тўп, 35 та енгил тўп, 200 та замбарак, 5 та бронепоезд, 5 та бронепоезд ва 11 та аэропландан иборат эди.

Ташкил этилган янги фронтнинг тўрттала гуруҳи олдида алоҳида-алоҳида вазифалар юкланди. Самарқанд ва Каттақўрғон гуруҳларининг вазифаси қуйидагича эди:

Самарқанд гуруҳи 3-Туркистон ўқчи полки, 7-Туркистон отлиқ полки, алоҳида Туркистон отлиқ бригадаси, инженерлар ротасидан иборат ҳарбий қисмлар билан 29-30 август кунлари Самарқанддан жанубга қараб Шахрисабз, Китоб, Қарши шаҳарларини эгаллаши керак. Мақсад амир чекинмоқчи бўладиган йўллар беркитилиши лозим.

Каттақўрғон гуруҳи ҳам 29-30 август кунлари ўзига бириктирилган ҳарбий қисмлар билан Хатирчи, Зиёуддин ва Кармана шаҳарларини ишғол этиши шарт (Хотамов, 1997. С.258).

Бухоро амирлигини яқсон қилишга тайёргарлик ишларини янада жадаллаштириш ва назорат қилиш мақсадида Туркистон фронтининг қўмондони М.В.Фрунзе фронт штабини Тошкентдан Самарқандга кўчирди.

Энди Самарқанд ва Каттақўрғон гуруҳларининг амирликни ишғол қилишдаги ҳарбий ҳаракатларига тўхталамиз.

Қарши шаҳри учун бўлган тенгсиз жанглار натижасида 29 август кечкурун Эски Қарши қалъаси олинди. Аммо бек ўзининг яқинлари ва хазинасини олиб шаҳарни ташлаб Шарқий Бухорога кетган эди. Қизиллар бек хазинасини қўлга кирита олмадилар. 29-30 август кунлари шаҳарда кучли ёнғин бўлди. Қарши шаҳрининг бозори, бек саройи, юзлаб хонадонлар ёниб кетди (Рашидов, 2003. Б.76).

30 август куни Қаршида янги ҳокимият тузилганлигини эълон қилиш учун В.В. Куйбишев ва Ота Хўжаевлар келишди. Улар бек ҳокимиятини ағдарилганлигини митинг иштирокчиларига эълон қилишди.

Самарқанд гуруҳининг 5-6 отлик-полки ва артиллерия дивизияси 29-30 августдаги жанглардан сўнг Омон-Қўтон, Тахта-Қорачи, Қайнар-Булоқда амир армиясини тор-мор этиб 30 августда Китоб шаҳрини ишғол этди. 30 август куни Шахрисабз ҳам қизиллар томонидан эгалланди (Рашидов, 2003. Б.86).

Шу тариқа Самарқанд гуруҳи амирликни тугатиш мақсадида ўз олдига қўйилган вазифасини бажарди. Каттакўрғон гуруҳи 29 август тонгида Хатирчи ва Зиёуддин шаҳарларини олиши керак эди.

Аммо қизиллар бу йўналишда амир сарбозларининг каттик қаршилигига дуч келиб, эрталаб эмас кундузи соат 17:00 ларда Хатирчини ишғол этдилар. Зиёуддин эса 30 август куни ишғол қилиниб қизилларнинг Амир Олимхоннинг туғилган шаҳри Карманага йўлни очиб берди. Кармана шаҳри эса Каттакўрғон гуруҳи томонидан 31 август куни ишғол қилиниб Бухорога қараб йўл очилди.

Чоржуй гуруҳи эса таркибда 4-ўқчи полк, 8-ўқчи полкнинг бир батальони, артдивизия, отлик дивизия ва туркманлар отряди ёрдамида 2 август куни эрталаб соат 4:00 да Чоржўйни эгаллагандан сўнг «Бухоро-Термиз» ва Амударё чизиғини кузатиб Афғонистон чегарасини назорат қилиши керак эди.

Асосий вазифа Когон гуруҳи зиммасига тушди. Унинг таркибига Янги Бухоро/Когон/ ва Қарши гарнизони, 4-отлик полк, 1-шарқий мусулмон полки ва 7-ўқчи полк кириб, гуруҳга Эски Бухоро қалъасини эгаллаш вазифаси юкланган эди. Операциянинг ўта махфийлигини таъминлаш мақсадида М.Фрунзенинг 27 августда 017 рақамли яна бир буйруғи эълон қилинди. У қуйидагича эди: «Каттакўрғондан Когонгача бўлган масофада юраётган эшелонларнинг барча ойналарига ғилоф тортилиб фақат томдаги туйнуклар очилсин. Вагонларга фақат РКП/б/ вакилларида ташқари ҳеч ким яқин келмаслиги огоҳлантирилсин». 29 августда 23 - бронепоезд Когондан 14 км жануби-ғарбдаги Манғит қишлоғига келиб тўхтади. Соат 5:00 ларда вагонлардаги аскарлар тушиб юкларни керакли омборларга жойлаштира бошладилар. Шунда ҳам аскарларнинг кўпчилиги қаерга келганини билмасди. Шу кундан бошлаб Когонга кириш йўллари очик бўлса-да у ердан ҳеч ким чиқмас эди» (Вопросы истории, 1993.С.4), деб хотирлайди шу воқеаларнинг бошида бўлган дивизия кўмондони В.Клементьев.

Эски Бухорони қўлга киритиш учун асосий зарбани Когон гуруҳининг чап қаноти Шайх Жалол ва Қорақўл дарвозалари орқали берилиши керак эди.

29 август соат 9:50 да бронепоезддан туширилган десант Обшор-махалла қишлоғини эгаллаб Шайх-Жалол дарвозасига яқинлашди, 31 август куни 10- ва 12-Туркистон ўқчи полки 4-отлик полк 28-бронепоезд, 53-автобронепоезд ва оғир артиллерия батареяси Қарши дарвозасига келиб тўхтади.

Қарши дарвозаси яқинигача келган темир йўлда турган 28-бронепоезд шаҳарни шафқатсизлик билан ўққа тутди. Шаҳар ўт ичида қолди, фақат августнинг охири кунлари ва сентябрнинг 1-2 - кунларида Бухоро шаҳрига 12 минг снаряд ва бир неча миллион патрон сарфланди (Война в песках, 1935. С.292). Бу кучлар билан белгиланган вақтда шаҳарни олиш мушкул бўлганлиги сабабли уни ҳаводан туриб бомбардимон қилиш керак, деган қарорга келинди ва 31 август куни Чоржўйдан келган 25-авиаотряд шаҳарни бомбардимон қилиши бошлади. Учувчи Фаусекнинг хотирлашича, «Когон яқинидаги аэродром Туркистон fronti тарихида мисли кўрилмаган қизиқ бир томошани эслатарди. Бу ерда самолётларнинг «Фарман», «Фарсель», «Сопвич», «Ньюпор», «Баузен» ва «Альбатрос» каби маркаларини кўриш мумкин эди".

Мана шу тариқа қадимий Бухоро ҳам ердан, ҳам ҳаводан бомбардимон қилина бошланди. Шаҳарнинг Қарши, Самарқанд дарвозалари остига порох/динамит/ кўмиб портлатиб юборилди ва вайрон бўлган деворлар орқали қизил армия кўшинлари шаҳарнинг ичкарасига кирдилар, кўча жанглари бошланиб кетди. Шаҳар аҳолиси айниқса аэропланлар ҳужумидан ваҳимага тушди. Амир Олимхон шаҳарни тўла вайрон бўлишидан сақлаб қолиш учун 31 август куни

Моҳи Хосса орқали Ғиждувон томонга қараб чекинди. Бундан хабар топган Бухоро аҳли эса ўз она шахрини, юртини ташлаб амир орқасидан кетишга мажбур бўлди.

1 сентябр куни кизил армия қисмлари шаҳарга кирди. Арк эгалланиб, ундаги бойликлар қўлга киритилди. Амирнинг қочишга улгурмаган онаси, синглиси, хотини ва уч ўғли, қариндошлари ва амалдорлари асир олинди.

Аммо Бухоро фожиаси шу билан тугамади. Шаҳарни бомбардимон қилиш ва аҳолини талаш давом этмоқда эди.

Шаҳар қамалининг бошлиғи Н.Зиновьев шундай хотирлайди: «Шаҳар асосан ёнгиндан кўп зарар кўрди. Кўчаларда ўликлар шунча кўп эдики, биз уларни йиғиб олишга улгурмас эдик» (Ғафуров, Рашидов, 1662. Б.10).

"Бухоро халқ инқилоби", деб номланган, аслида босқинчиликдан иборат бўлган ваҳшийлик давом этмоқда эди. Шаҳарни уч кун мобайнида 11 та аэроплан бомбардимон қилди. Унинг 1/5 қисми вайрон этилди (Вопросы истории, 1993.С.42). Қурулсиз кексалар, аёллар ва болалар устига «8 маротаба учиш қилиб бомбардимон қилган учувчи Ласкин Қизил байроқ ордени билан мукофотланди» (История гражданской войны ..., 1970. С.153).

Шўро аэропланлари 1 ва 2 сентябрь кунлари амирни қидириб топиш баҳонаси билан Бухоро атрофидаги қишлоқларни ва ажойиб обида, амирнинг ёзги саройи Ситораи Моҳи Хоссани ҳам бомбардимон қилишди.

Шу тариқа 1920 йил 2 сентябрда амирлик пойтахти Эски Бухоро босиб олинди ва амирлик ағдарилиб унинг ўрнига совет режими ўрнатилди.

Фойдаланилган адабиётлар

- Шевоцуков П.А. Страницы истории гражданской войны (Взгляд через десятилетия). М., 1992.
Военно-исторический журнал. 1940. №10.
Хотамов Н. Свержение Эмирского режима в Бухаре. Душанбе. 1997.
Рашидов У. Бухоро Халқ Республикаси (1920-1924 йилар). Бухоро, 2003.
Вопросы истории. 1993. №7.
Война в песках. Под ред. М. Горького, И.Минца, И.Ф Колесова. М., 1935.
Ғафуров М., Рашидов У. Бухоро Халқ Шўролар Жумхурияти тарихидан лавҳалар (1920-1924 йиллар). Тошкент, 1662.
История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. Ташкент, 1970.

И.М. Саидов
(*Узбекистан*)

ВКЛАД САМАРКАНДЦЕВ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ

Незабываемые страницы в историю вписал узбекский народ в годы Второй мировой войны. Став плечом к плечу в один ряд с другими народами антигитлеровской коалиции, он внес достойный вклад в уничтожение «коричневой» чумы. В сложное военное время, несмотря на давящие тиски тоталитарного режима, в полном объеме проявились лучшие вековые традиции и черты узбекского народа, его высокая гражданственность, милосердие, патриотизм, добрососедство и беспримерная отвага.

Как обоснованно подчеркнул еще в преддверии 50-летия исторической победы над фашизмом Ислам Каримов, – «события последних лет нашей истории, политические игры, которые нам пришлось пережить, клеветнические заявления о Второй мировой войне новоявленных «вождей», потерявших стыд и совесть, не смогли поколебать веру нашего народа в справедливость и правоту борьбы с фашизмом... Годы войны – это история Узбекистана. И мы не будем вырывать ни одной страницы из книги нашей истории» (Каримов, 1996. С. 74-75).

Обращаясь к истории участия народов Узбекистана и самаркандцев в борьбе с фашизмом в преддверии 2750-летнего юбилея города Самарканда, мы не только воздаем долг памяти и благодарности к тем, кто сражался за свободу и пал смертью храбрых на полях сражений во имя светлого будущего своей Родины, но и черпаем уроки, необходимые в настоящем для упрочения добрососедских отношений суверенного Узбекистана в мировом сообществе, укреп-

ления дружбы с народами СНГ. Ведь важнейший урок Второй мировой войны состоит в том, что победа над тёмными силами фашизма была обеспечена силой духа и подлинной дружбой всех народов – участников антигитлеровской коалиции.

Наконец, критическое научное переосмысление всего комплекса неоднозначных процессов сурового военного времени диктуется потребностью восполнения пробелов в отечественной историографии.

Мощным проявлением национального духа народа Узбекистана явилось его деятельное участие в борьбе против фашистских поработителей. Многотысячные митинги состоялись 23-24 июня в Самарканде и других городах республики (Узбекская ССР в годы ВОВ, 1981. С.50-61). В партийные организации и военкоматы г. Самарканда и области поступило 1316 заявлений с просьбой об отправке на фронт. К 4 августа 1941 г. число заявлений выросло до 2988, из них 613 подали женщины (История Самарканда, 1970. С. 192).

Чувство высокой ответственности проявили женщины Узбекистана, на плечи которых легла основная тяжесть работы в тылу. 2,5 тыс. женщин-фронтовиков Самарканда овладели различными производственными специальностями... (Шукурова, 1961. С. 34).

С особым подъемом труженики области отдавали свои сбережения в народный фронт обороны.

Широкий размах в Узбекистане приняло движение по сбору средств на строительство военной техники, главным образом, танковых колонн и эскадрилий боевых самолётов.

Ярким проявлением гуманитарной заботы о защитниках Родины стал сбор и изготовление населением тёплых вещей. На фронт посылались ватные куртки, полушубки, валенки, шарфы, перчатки, носки, шапки-ушанки, джемпера и т.д. И в этом есть доля труда тружениц Самарканда.

Побудительными мотивами высокого духовно-патриотического взлёта отнюдь не выступили призывы коммунистической партии и развёрнутая ею идейно-мобилизационная работа, хотя она и оказывала какое-то воздействие. Внутренние источники мощного патриотического порыва лежали гораздо глубже. Они крылись в том, что, говоря словами И.А. Каримова, «любовь к земле, к Родине – благородные чувства» составляют «извечные черты национального характера...» (Каримов, 1996). Они вошли в кровь и плоть узбекского народа. Сталинско-большевистский режим сумел деформировать общественное сознание, подавить какие-то отдельные стороны национального характера. Но не уничтожить их. И когда черная беда пришла в общий дом, когда появилась общественная потребность в милосердии и отваге, вековые национальные качества народа проявились во всей своей нравственной полноте.

Новейшие исторические исследования показали, что из Узбекистана участниками Второй мировой войны стали 1433230 человек. «На первый взгляд – как справедливо отмечал Президент независимого Узбекистана И.А. Каримов, - ... эта цифра может показаться небольшой. Но если учесть, что население Узбекистана в 1941 году составляло всего ... 6,5 миллионов человек, то отчётливо увидим, сколь великое испытание выпало на долю народа нашей республики».

Из приведённых данных видно, что на фронтах Второй мировой войны сражались 22% населения Узбекистана. А если взять в расчёт то, что половину населения составляли дети и пожилые люди, то будет ясно, что 40-42% трудоспособного населения оказались на войне. Такой высокий удельный вес сражающихся был характерен лишь для ограниченного числа стран – участников антифашистской коалиции.

Из общего состава воинов – узбекистанцев, выступивших с оружием в руках против захватчиков, 263005 погибли, 132670 пропали без вести, включая 34 тыс. погибших и пропавших каракалпаков, 395725 человек не вернулись на Родину, 60452 наших соотечественников стали инвалидами. «Это означает, - подчеркнул И.А. Каримов, - что из-за кровопролитной войны, по самым скромным подсчётам, 400 тыс. семей остались без кормильцев. А если учесть всех родственников, то окажется, что население всего государства оделось в траур» (Каримов, 1996. С. 74).

К 30 ноября 1941 года в Самарканд прибыл основной состав Военной артиллерийской ака-

демии. 3 декабря 1941 года 1637 офицеров уже приступили к учёбе. 31 декабря Академия произвела ускоренный выпуск 250 человек на должность артиллеристов миномётных батарей. К середине 1942 года в ней обучались 2349 офицеров – артиллеристов. В июне того же года из Академии в действующую армию отбыли 1185 выпускников (Фрунзовец, 1942, 25 июля).

Немало ярких страниц вписали воины – узбекистанцы в героическую эпопею освобождения Украины.

В боях по освобождению белорусского народа отличились сформированные в ТуркВО 14, 69, 194 дивизии, продемонстрировавшие высокую воинскую выучку и боевое мастерство, а среди награжденных был Намаз Мадияров из Самаркандской области (Архив МОРФ, ф. 14, оп. 440613, д. 10, л. 155-318).

В освобождении Прибалтики принимали участие самаркандцы гвардии рядовой Ядгар Нурматов, пулеметчик Джура Узакон, Сафар Ниязов и др.

Самаркандец Сайфулла Нуруллаев, бежавший из вражеского плена, вступил в партизанский отряд, действовавший в Яновских лесах в районе Люблино. Он вместе с боевыми друзьями подорвал 5 военных эшелонов на железнодорожной линии Люблин-Красник, где были убиты 50 и ранены до 140 фашистов. В южной Польше в группе «Борьба» сражался наш земляк Хаким Булатов. Из материалов исследования наглядно видно, что в период 1941-1943 гг. бежавшие из плена узбекистанцы стали активно пополнять ряды «сопротивленцев» во всех оккупированных гитлеровцами европейских странах.

Своего боевого друга самаркандца Ш. Саматова бойцы Корпуса добровольцев свободы называли итальянским именем Александро. В отряде он был разведчиком, возглавлял отделение. Шарип участвовал в дерзких операциях по добыче оружия у врага, взрывал казармы, поджигал военные склады. В одной из операций его схватили эсэсовцы и заключили в тюрьму «Сан-Виторе». Отважный партизан выдержал все пытки, но не выдал своих друзей. На 1 мая 1945 г. была назначена его казнь. Но 25 апреля Комитет национального освобождения Италии поднял народное восстание и освободил северные районы страны. Шарип вышел на свободу (Дядура, 1996. С. 150).

Правительство СССР и многих европейских стран высоко оценило беспримерное мужество и отвагу сынов и дочерей узбекского народа на фронтах боевых действий, отметив их высокими воинскими наградами. 120 тыс. воинов-узбекистанцев были награждены орденами и медалями, в их числе 70 тыс. бойцов и командиров узбеков. Звание Героя Советского Союза получили 338 узбекистанцев, 69 из них узбеки и 20 каракалпаков, 53 воина из Узбекистана награждены орденами Славы всех трех степеней (Хотира китоби, 1995. 136-б.).

Таким образом, подводя итоги, следует подчеркнуть, что вместе со всеми наградами страны славные сыны и дочери узбекского народа героически отстаивали свободу и честь Родины. Воинские части, сформированные в Узбекистане, отличались высокими боевыми качествами. Они храбро сражались на всех участках фронта.

Использованная литература

- Каримов И.А. Родина священна для каждого. Т. 3. Ташкент, 1996.
- Дядура Л.Т. Узбекистанцы – участники движения сопротивления фашизму // Исторический вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Материалы научно-теоретической конференции. Ташкент, 1996.
- Ефимов В.И. Патриотические подвиги трудящихся Самаркандской области в годы ВОВ. Самарканд, 1962.
- Шукурова Х. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщин. Ташкент, 1961.
- Вклад трудящихся Узбекистана в победу в ВОВ. Ташкент, 1975.
- Узбекская ССР в годы ВОВ. В 3-х томах. Т. 1. Ташкент, 1981.
- Герои Советского Союза – узбекистанцы. Ташкент, 1984.
- История Самарканда. Т. II Ташкент, 1970.
- Фрунзовец. 1942, 25 июня.
- Хотира китоби (Книга памяти). Ташкент, 1995.
- ААПРУз, Ф. 58, оп.18, д. 178, л. 72.
- РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 96, л. 44.
- Архив Министерства обороны Российской Федерации.

I.M. Saidov - Contribution of People from Samarkand to the Victory over the Fascism

In the article the creative contribution of people from Samarkand to the historic victory over the fascism in 1945 is described on the basis of the new documents gained with the modern conceptual approaches and ideology of national independence. A systematic analysis of the political reason of the World War II is carried out and the author tells about 'Samarkanders' in the struggle against fascist invaders on the fronts of the World War II. A special attention is paid to those who worked in the rear, evacuated citizens and children, human traditions of Uzbek people in the severe war time.

*Д.Х. Асланова, С.А. Исхакова
(Узбекистан)*

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

Углубление процессов либерализации экономики и модернизации общества, развитие рыночных форм хозяйствования, усложнение межотраслевых связей обуславливают необходимость совершенствования управления трудовым потенциалом. Изучение специфических закономерностей формирования трудового потенциала регионов Узбекистана имеет большое научно-практическое значение для выработки четкого механизма регулирования локального рынка труда.

Самаркандская область представляет собой крупный демографический и территориально-производственный регион Узбекистана, в котором на площади 16,8 тыс.квадратных километров проживают более 2,887 млн.человек. По численности населения Самаркандская область занимает второе место в республике, после Ташкентской области.

В динамике численности населения Самаркандской области наблюдаются устойчивые тенденции снижения темпов роста с 2,5% в 1991 году до 1,01% в 2005 году. Однако пока сохраняется довольно высокий абсолютный уровень прироста населения. Несомненным качественным сдвигом в развитии демографической ситуации является дальнейшее снижение смертности населения. За последние десять лет он снизился от 6,2 промилле в 1995 г. до 4,9 промилле в 2005 году. Коэффициент естественного прироста составил в 2005 году 16,9 промилле. Число умерших ежегодно в 4,0–4,4 раза меньше численности родившихся, что свидетельствует о мощном демографическом потенциале области.

Из общей численности населения области в 2005 году проживали 2145,3 тыс. человек (74%) в сельских населенных пунктах и 741,7 тыс. человек (26%) в городской местности. По сравнению с 1991 годом городское население увеличилось на 10%, сельское население на 41%. За 1991-2005 годы абсолютный прирост сельского населения был в 4 раза выше городского. Это привело к значительному увеличению доли сельчан в общей численности населения области. Если в 1991 году доля сельского населения составляла 69%, то в 2005 году она возросла до 74%.

Возрастная структура населения за последние 10 лет почти не изменилась. Как в 90-х годах, так и в настоящее время основную часть составляет население трудоспособного возраста (55,2%) и дети до 16 лет (38,5%). Население же пенсионного возраста составляет 6,3%. Половая структура населения изменилась: если в 90-х годах преобладающую часть населения составляли мужчины, то в настоящее время их удельный вес снизился и составляет 50%.

Самаркандская область располагает и в ближайшей перспективе будет располагать значительным трудовым потенциалом, что обусловлено, прежде всего, приростом численности населения трудоспособного возраста. Ежегодный прирост ресурсов в среднем за последние 10 лет составляет 1,1%. Следует отметить, что он неравномерен на протяжении всего периода. Так, если в 1992 году он составил 2%, то в 2003 году – 4%. В настоящее время трудовые ресурсы области составляют 1535,7 тыс. чел. или 53% населения области.

Самый низкий прирост трудовых ресурсов наблюдался в 1998-2000 годах (в 1998 г. вообще нет прироста трудовых ресурсов). Это объясняется тем, что в данный период произошёл значительный отток населения за пределы области. За последние годы изменилась и возрастная

структура трудовых ресурсов. Идет тенденция снижения доли работающих подростков и пенсионеров и увеличения трудовых ресурсов в трудоспособном возрасте.

Большая часть трудовых ресурсов размещена в сельской местности – (70,2%) и только 29,8% - в городах и городских посёлках.

По данным официальной статистики, на 1 января 2006 года экономически активное население составило 1048,3 тыс. человек (68% трудовых ресурсов), из которых занято в экономике 1046,5 тыс. человек.

На сегодняшний день Самаркандская область имеет молодое, быстро растущее население с достаточно высоким качественным трудовым потенциалом. Более 37% работающего населения составляет молодежь в возрасте 16-29 лет, 50,1% в возрасте 30-49 лет. В 2005 году в народном хозяйстве были заняты 27,7 тыс. пенсионеров (2,9% занятого населения), что значительно ниже соответствующего показателя по республике (3,3%)

На предприятиях и в организациях области трудятся в основном работники средней квалификации, 20,2% занятого населения имеют среднее специальное и 62,5% среднее и неполное среднее образование. Среди занятых всего лишь 17,3% имеют высшее образование, что свидетельствует о невысоком уровне образованности занятых в экономике. Приведенные данные показывают, что профессионально-образовательный уровень рабочей силы в области несколько ниже, чем по республике (19,4% - с высшим образованием). Заметно ниже и удельный вес лиц со средне-специальным образованием (в республике 23,1%). Основная часть работающих занята в сфере материального производства – 72% (в промышленности - 10,2%, в сельском хозяйстве – 36,4%, в строительстве – 5,0%, в транспорте и связи – 2,7%, прочих сферах материального производства – 6,2%) и 28% в сфере услуг. Такое соотношение совокупного спроса на рабочую силу представляется нерациональным. В развитых странах удельный вес занятых в производственной сфере не превышает 30-35% в общей численности занятых общественно полезным трудом. Это явилось результатом слабой ориентации на интенсивные факторы развития, недостаточного внедрения в производства достижения НТП и недооценки влияния социальной сферы на эффективность экономики.

Эти особенности формирования трудового потенциала Самаркандской области должны лечь в основу государственной политики занятости.

D.H. Aslanova, S.A. Iskhakova - Tendencies in Forming the Labor Potential in the Samarkand Province

The tendency and specific characteristics of formation of labor potential in Samarkand Province are analyzed in this article. It shows that Samarkand Province has a high labor potential and it'll keep it during the near future. Additionally, it analyzes the labor recourse education and the fields of their activities.

*И. Сувоңқулов
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНД ХОРИЖ ШОИР ВА АДИБЛАРИ НАЗДИДА

Шарқнинг кўрки бўлган Самарқанд жаҳон меъморчилигининг нодир обидалари билан беллашадиган архитектура ёдгорликларига бой. Айниқса, мустақиллик йилларида шаҳар гуллаб-яшнамоқда, Самарқанд фан ва маданиятнинг маркази ҳисобланади. Самарқанд шахрининг 2750 йиллиги нафақат юртимизда, балки бутун жаҳон миқёсида ҳам бой ва қадимий цивилизацияга катта ҳисса қўшган шаҳар сифатида қаралмоқда, Ушбу тарихий санага бағишланган илмий, тарихий, адабий, бадий асарлар, мақолалар эълон қилинган ва қилинмоқда.

Самарқанд мавзуси ўзбек шоир ва ёзувчиларининг мавзуи бўлиб қолмай, қардош халқлар маданияти ва адабиётида ҳам, шу жумладан хориж ёзувчилари ижодида ҳам муносиб ўрин олаётгани бежиз эмас.

Болгарларнинг истеъдодли шоираси Лилияна Стефанова - серқуёш Ўзбекистонимизнинг чинакам шайдоси. Шоиранинг ўлкамизга қилган саёҳатлари натижасида юзага келган «Сени эслайман Ўзбекистон» очерклар китоби ҳамда «Ишонч» шеърлар тўпламидан яхши хабардор-

миз. Бу китобларда она диёримизнинг гўзал табиати, ўзбек халқининг меҳнати, унинг урф-одатлари, меҳмондўст халқи нозик дид билан шоирона қаламга олинади. Л. Стефанованинг «Жонли саҳифалар», «Бибихоним» шеърлари бевосита Самарқандимиз тасвирига бағишланган яхши поэтик асарлардир. Қадим «донишмандларнинг ақл идроки», хушхат ҳаттотларнинг қўли билан яратилган асарларни кўриб, бизгача етиб келган ҳамда кўз қорачиғидай асраб – авайлаб сақланаётган маданий ва маънавий бойликларимиз, қўл ёзма китоблар - нодир мулклар шоиранинг «Жонли саҳифалар» шеърини безаган.

Самарқанд мавзусида яратилган болгар шоири Йордан Милевнинг «Шарқ достони» эътиборга лойиқдир. Бу дoston Самарқандда яхши маълум, яъни Бибихоним Амир Темур сафарга чиққанида у келганга қадар мадраса қурдириш билан боғлиқ халқ афсонаси асосида яратилган. Муаллиф кудратли саркарда Амир Темур, зебо Бибихоним ва ақлли меъмор образларидан фойдаланиб жуда ўқимишли, чинакам дoston яратишга муваффақ бўлган.

Муҳаммад Сайид Машғал - Афғонистоннинг етук шоири ва истеъдодли рассоми. У ҳам серкуёш Ўзбекистонимиз, гўзал Самарқандимиз, сулув табиатимизнинг мафтунлиги. «Самарқандда Темурийлар даврига мансуб мен кўрган қимматбаҳо осори-атиқалар ва тарихий обидалар қизиқарли ва қимматлики, сизлар ўша асарларнинг ҳар бири билан беҳад ифтихор қилсангиз арзийди ва мен бу ажойиб ўлканинг шундай азамат тарихий обидаларга эга экани бўлгани учун чин қалбимдаи табириклаيمان», деб ёзади Машғал ўз хотираларида.

Оммавий француз журналларида шундай фикрларни ўқиймиз: «Самарқанд тасаввурни жунбушга келтирадиган шаҳар бўлиб борапти. Кўзингизни юмиб «Самарқанд» сўзини талаффуз қилсангиз, худди эртақлардагидек тасаввурингизда гўзал ва сеҳрли манзаралар пайдо бўлади».

Чили ёзувчиси Пабло Неруда - «Мен жаҳондаги деярли ҳамма мамлакатларда бўлганман, лекин Ўзбекистонга ҳамиша хушвақт бўлиб бораман, у ерда менинг дўстларим кўп. Ўзининг ажойиб маданий ва қадимий ёдгорликлари билан дунёга машҳур бўлган шаҳрингиз менга жуда ёқиб қолди, айниқса, Регистон ҳайратда қолдирди. Бу архитектура ансамбли мусулмон Шарқида кўрган жамийки нарсаларимдан ошиб тушади. У Ўрта Осиё халқларининг юксак маданиятидан далолат беради.

Мен болалик чоғларимданок Сизнинг қадимий шаҳрингизда бўлишни орзу қилардим. Орзуим ушалганидан беҳад хурсандман. Одамларингиз жуда меҳмондўст!»

Юртбошимиз Ислон Каримов «Самарқанд ўтмиши шарафли, бугуни саодатли, келажаги абадий» - деб улуғлайдики, Самарқандлик бўлганимиздан, унинг нурли бағрида яшаётганлигимиздан, ишлаётганлигимиздан ғурурланамиз ва ифтихор қиламиз.

*Р.Ш. Холиқулов
(Ўзбекистон)*

МУСТАҚИЛЛИК ЙИЛЛАРИДА САМАРҚАНД ШАҲАР АҲОЛИСИНИ ИЖТИМОЙ ҲИМОЯЛАШ ЖАРАЁНЛАРИ

Мустақиллик йилларида Ўзбекистон тарихида янги давр бошланди. Унинг дастлабки йилларида собиқ Иттифок тузумидан қолган ижтимоий-иқтисодий танглик ҳолатлари учрай бошлади. Улар қуйидагиларда намоён бўла бошлайди: реал иш ҳақининг камайиши, ишлаб чиқариш суръатларининг пасайиши, ишсизликнинг ўсиши, жиноятчилик, нарқобизнес, террорчилик, коррупциянинг авж олиши.

Президентимиз И.А. Каримов таъкидлаганидек, «Бозор ислохотларининг муҳим таркибий қисми бўлган кучли ижтимоий сиёсатга етарли баҳо берилмаган жойда ижтимоий кескинлик ва қарама-қаршилик вужудга келишини бугунги кунда ҳаётнинг ўзи исботламоқда. Бу эса, ўз навбатида ислохотларни обрўсизлантириб қўйиши мумкин» (Каримов, 1998. Б. 163). Ана шуларни ҳисобга олиб Президентимиз 2007 йилни «Ижтимоий ҳимоя» йили деб эълон қилди ва бу ҳақда махсус Давлат Дастури ҳам ишлаб чиқилди.

Ижтимоий ҳимоя сиёсатини амалга оширишда Самарқанд шаҳридаги корхона ва ташкилот-

лар доимий тарзда ўз ҳиссаларини кўшиб келмоқда. Масалан: «Алпомиш» акциадорлик жамияти ҳамда «Шарклифт» Ўзбекистон – Россия қўшма корхонаси оғир иқтисодий аҳволга қарамай, ишчи хизматчиларга овқатланиш, истеъмол молларини сотиб олиш учун ҳар куни 600-700 сўмдан компенсация ажратган. Ёрдамга муҳтож ходимларга 10 минг сўм миқдорда ёрдам пули ва нафақага чиққан кекса ходимларга 12 млн сўмлик ҳажмда амалий ёрдам кўрсатилган (Вилоят Кенгашининг XVI сессияси материаллари, 1993. 26 ноябрь. 8-б.).

Самарқанд шахрининг Кимёгарлар кўрғонида эшитиш қобилиятини йўқотган болаларга мўлжалланган 61-махсус мактаб-интернатга «Зарафшон водийсув» бошқармаси томонидан 30 млн сўмлик моддий ёрдам кўрсатилди. Шунингдек, ушбу ташкилот кўмаги билан иссиқлик тармоғи таъмирлаб берилган (Халқ сўзи, 2002. 23 апрел). Ёки Самарқанд макарон ишлаб чиқариш фабрикаси томонидан «Обод маҳалла» йили муносабати билан хайрия тариқасида 241541 сўм маблағ ажратилган. 2003 йилда «Наврўз» байрами муносабати билан корхона томонидан шаҳардаги «Маърифат», «Хўжа Юсуф» маҳаллаларига байрам дастурхони ёзилиб, маҳаллани таъмирлашга 60 минг сўм пул ажратилди.

Ҳозирги ўтиш даврининг энг муҳим муаммоларидан бири ишсизлик. Расмий маълумотларга кўра, ишсизлик даражаси 1992 йилда 0,2%; 1993 йилда 0,3% га тенг бўлди (Доклад о человеческом развитии, 1998. С. 95). 1994 йилдан бошлаб ҳозирги кунгача 0,4-0,5% дан ортмади.

Мустақилликнинг дастлабки йилларида вилоятдаги шаҳар ва туман ҳокимлари меҳнат биржалари билан ҳамкорликда аҳолини иш билан таъминлаш масаласига катта эътибор берди. Аҳолини ижтимоий фойдали меҳнат билан банд қилиш мақсадида шаҳар ва туманларда 1992 йилдан 1996 йилгача 3,5 мингдан ортиқ янги ишчи ўринлари ташкил этилди (Ўзбекистон ҳудудлари мустақиллик йилларида, 1996. 88-б.) ва бу мақсад учун 28,7 млн сўм маблағ ажратилди.

1993 йилнинг дастлабки 10 оyi давомида Самарқанд шаҳри бандлик хизматига 4649 киши мурожаат қилган. Уларнинг 2900 нафарига ишга жойлашиш юзасидан маслаҳатлар берилган. 964 нафар фуқаро эса ишга жойлаштирилган, 160 нафар фуқарога ишсизлик нафақаси тайинланган. 55 киши ҳақ тўланадиган ижтимоий фойдали меҳнатга жалб қилинган. Бу жараён кейинги йилларда ҳам давом этиб, 1998 йилда Самарқанд шаҳри меҳнат органларига мурожаат қилган 4932 кишидан фақат 1308 нафари ишга жойлаштирилган, 550 нафарига ишсизлик мақоми берилган, қолганларига эса тегишли маслаҳатлар берилиб, иш изловчи сифатида рўйхатга олинган (Стат. Тўплами, 1999. 9-б.).

Республика Президентининг 1990 йил 28 июлдаги «Қишлоқ аҳолисини табиий газ ва ичимлик суви билан таъминлаш тўғрисида»ги фармонини бажара туриб вилоят қишлоқ ва шаҳарларида 1991-2005 йилларда катта ишлар қилинди. Бу даврда йилига ўрта ҳисобда 639 км газ, 198 км сув қувурлари ишга туширилди. Ўзбекистон Республикаси Президенти И.А. Каримовнинг 2007 йил февраль ойида Вазирлар Маҳкамаси йиғилишида сўзлаган нутқида бу соҳани янада ривожлантиришнинг устувор йўналишлари белгилаб берилди.

Кучли ижтимоий сиёсатнинг муҳим таркибий қисми бўлган аҳолига тиббий хизмат кўрсатиш соҳасида ҳам тубдан ўзгаришлар яшаш давр талабидир. Вилоятда кейинги йилларда ичтерлатма, кизамиқ, дифтерия, кутириш, камқонлик касалликлари бу неча бор ошган. Кўрилган тезкор чора-тадбирлар натижасида шаҳарда юқумли касалликлардан полиомиелит, қорин тифи, қоқшоқ, куйдирги ва ўта юқумли касалликлар вабо, ўлат учрамади. Сальмонилёз – 50%, ичбуруғ касаллиги – 2,3 марта, вирусли гепатит – 2,1 мартаба камайди. Бунда эмлаш тадбирлари катта аҳамият касб этди ва деярли 100%га етди (Вилоят Кенгашининг VI сессияси материаллари, 1997. 10-январ, 8-б.).

Юқоридаги айтиб ўтилган камчиликларга қарамасдан, мустақиллик йилларида Самарқанд шаҳри ва вилоятида аҳолини ижтимоий ҳимоя қилиш борасида сезиларли ишлар амалга оширилди. Бу соҳада келгусида «Ижтимоий ҳимоя» дастурига кўра янада ривожлантирилиб, катта ютуқларга эришилади деган умиддамиз.

Фойдаланилган адабиётлар

Каримов И.А. Хавфсизлик ва барқарор тараққиёт йўлида. Т.6. Тошкент, 1998.

СВХЖА. Вилоят Кенгашининг XVI сессияси материаллари. 1993, 26 ноябрь.

Халқ сўзи. 2002 йил, 23 апрель.

Доклад о человеческом развитии. Тошкент: Ўзбекистон, 1998.

Ўзбекистон ҳудудлари мустақиллик йилларида. Тошкент, 1996.

Самарқанд шаҳрининг ижтимоий-иқтисодий ривожланиши. 1998 йил кўрсаткичлари. Стат. тўплами. Самарқанд, 1999 йил.

Ж.Ҳ. Исмоилова
(Ўзбекистон)

ХІХ АСР ОХИРИ - ХХ АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНДДА ҲУНАРМАНДЧИЛИК ТАРАҚҚИЁТИ

Самарқанд қадимдан Ўрта Осиёнинг сиёсий, иқтисодий ва маданий ҳаётида катта мавқега эга шаҳарлардан бири ҳисобланади. Самарқанд шаҳри Буюк ипак йўли чорраҳасида жойлашгани учун бу ерда ҳунармандчиликни, айниқса ипакчилик, кулолчилик, қоғоз ишлаб чиқариш, каштачилик, кандакорлик каби соҳаларини ривожига катта таъсир ўтказган.

XVIII аср охири - XIX аср бошларида Ўзбекистонда ҳунармандчилик соҳасида янги кўтарилиш даври бошланди. Ип ва ипак газмолларни ишлаб чиқариш, пиллачилик, зардўзилик, каштачилик, заргарлик, кулолчилик, гиламдўзлик, металл, тери, ёғоч ва тошни бадиий безаш соҳалари қадимий анъаналарни ўзида мужассамлаштирган ҳолда тараққий этди.

Самарқанд шаҳри ҳаётида ипакчилик муҳим аҳамиятга эга бўлган. Турли хилдаги ип ва ипак газламалар, шойи, атлас, абр, олача, зандоний, банорас, адрас, беқасам каби матолар ўзининг сифати ва безаклари билан машҳур бўлган. 1912 йилда Самарқандда 237 та ипак ишлаб чиқарувчи устахоналар мавжуд бўлган. Абр нусхали атласлар асосан Фарғона водийсида, жумладан Самарқанд ва Бухорода ҳам ишлаб чиқарилган.

Тарихий манбаларда “бу ерда (Самарқандда) ипак қурти боқилган, бундан кўпгина ипак олинади, ипакдан эса зарли ва кумушли йўл-йўл парчалар, атласлар, бахмаллар тўқишади” – деган маълумотлар учрайди.

Тўқувчи усталар ўзларининг ишлаб чиқарган маҳсулотларига қараб, хусусан, бахмал тўқувчилар – бахмалбофон, кимхабгорон, белбоғ ва салла учун газмол тайёрловчилар – футабофон, рўмол тўқувчилар эса чахоргулбофон, читга гул босувчилар чахоргулбофонлар деб аталган (Самарқанд тарихи. Тошкент, 1971. 270-б.).

Матоларга гул босишда табиий бўёқлардан фойдаланилган. Қадимий анъаналардан ҳисобланган матога қолип билан гул босиш усули сақланиб қолган. XIX асрнинг биринчи ярмида гул босган матолар кенг тарқалган. Унинг асосий маркази Бухоро ҳисобланиб, унинг атрофидаги шаҳарларда, жумладан Самарқанд, Ургут ва бошқа жойларда босма қолип билан гул босган матолар, пардалар, дастурхон, кийим ўраш учун бўғжома ва х.к. ишлаб чиқарилган. Матоларга безак беришда қизил ранг алоҳида аҳамиятга эга бўлган. Қолиплар нок ва қайрағоч дарахтларидан ясалган.

Қимматбаҳо матоларни тўқиш кўп меҳнатни талаб этган. Самарқанд ўзининг Жон Али, уста Қўчоқ, уста Дўст Али, Назармухаммад Қосим, шунингдек Мулла Жамол Читгар, Лахури Читган каби моҳир усталари билан машҳур бўлган (История Узбекистана. Т. III. Ташкент, 1993. С. 390).

XIX-XX асрларда Самарқандда зардўзилик жуда ривожланган бўлиб, эркак ва аёллар либослари ва бошқа буюмлар зардўзлар қўлида санъат асарига айланган. Зардўзиликда асосан тўқ алвон рангли ва бошқа рангдаги бахмаллардан фойдаланилган. Зар ип ва ипак билан заргарлик безакларига тақлид қилган ҳолда қубба, қубба олмоси нақшлари тикилган.

Зардўзи усталар амир ва сарой аслзодалари кийимлари, тўнлари, ёстиқ жилдлари ва бошқа буюмларни тикишда бор маҳоратларини кўрсатганлар. Моҳир усталар зар, кумуш ип ва ипаклар билан байроқларга герб, рамзий белгиларни тикишган. Зардўзилик санъати нафақатгина

кийим-кечак, балки дўппилар, рўмол, пешонабанд ҳамда отга ёпиладиган ёлпўшлар, оёқ кийимлари, турли сумкалар (халтачалар) ва ҳ.к.да ўзини намоён қилган.

Ўзбек миллий кийимлари маҳаллий аҳолининг яшаш жойи ва урф-одатлари таъсирида бири-бирдан фарқ қилган. Аёлларнинг асосий кийими кўйлак бўлиб, улар узун ва паст томонга кенгайган ёки тўғри бичиқда бўлган. Кўйлак учун турлича матолар танланган. Асосан маҳаллий хунармандлар томонидан ишлаб чиқарилган бўз, шойи, атлас, адраслардан, қисман хориждан келтирилган қимматбаҳо матолардан ҳам фойдаланганлар. Аёллар матоларнинг ранги ва гулларига ҳам катта аҳамият берганлар. Келинлар учун албатта оқ рангли мато танланган. Ёш аёллар очик рангли, яъни пушти, қизил рангли гулдор кўйлакларни кийганлар.

Кўйлақдан кейин аёлларнинг иккинчи асосий либоси мурсак (халат) ҳисобланиб, у регионларга қараб турлича номланган. Масалан, Самарқандда *мунисак*, *калтача*, Бухоро ва Шаҳрисабзда *калтача*, Фарғонада мунисак, Хоразмда *мисак* деб аталган (Абдуллаев, Ҳасанова, 1978. 7-б.).

Асосан мурсаклар астар билан тикилган. Улар орасига юпқа қилиб пахта солинган. Мурсак турли матолардан, жумладан бахмалдан, маҳаллий хунармандлар ишлаб чиқарган матолардан, бўздан тикилган. XIX асрнинг охирларида мурсак аёлларнинг асосий кийимларидан бири ҳисобланган. Келинларнинг сарполарида 2-10 гача мурсак бўлган. Улар қимматбаҳо маҳаллий матолардан тикилган (Костюм народов Средней Азии, 1979. С. 7).

Кўйлақдан ташқари аёлларнинг асосий кийими чопон бўлган. Мурсакдан фарқли равишда унинг энглари узун ва паст томонга қараб торайиб борган. Худудимизнинг барча жойларида чопон кийилган ва уни турли номлар билан аташган. Чопонлар асосан адрас, бекасаб, шойи каби матолардан тикилган. XX асрнинг бошларига келиб янги матолар пайдо бўлди ва улардан камзул, костюм ва бошқа кийимлар тикила бошланди.

Камзул ҳам чопонга ўхшаган бўлиб, фақат унинг энглари тор ва узун, коматга ёпишиб турган. Уни бекасаб ва бошқа матолардан тикканлар. Бундан ташқари аёллар нимча ҳам кийганлар. Фарғонада уни камзур деб аташган. У бахмал, духоба ва бошқа матолардан тикилиб, кўйлак устидан кийилган.

XIX аср охири - XX аср бошларида қимматбаҳо металлларни қайта ишлаш энг ривожланган хунармандчилик соҳаси ҳисобланган. Аёллар тақинчоқларини ясовчи усталар узуксоз, зираксоз деб аталган. Ҳар бир заргарни ўзи ясаган нақшли қолип бўлиб, уни мис пластинкаларидан ясаганлар.

Заргарлик касби ва асбоб-ускуналар авлоддан авлодга ўтиб борган. Самарқандлик усталар ўзларининг кумуш, мис, олтиндан ясалган аёллар тақинчоқлари билан машҳур бўлган. Тилла баргак - пешонага тақиладиган безак бўлиб, тўрт бурчак шаклдаги нақшлар майда феруза тошлар ва осилма безаклар билан безатилган. Тақинчоқларни безашда ёкут, зумрад, дур, маржон, садаф, ҳақиқ каби тошлардан фойдаланганлар. Ундан ташқари рангли шишалар ва мино шишасидан тайёрланган эмаль билан ҳам безаганлар.

Заргарлар ҳатто от абзаллари ва қуроллар, пичоқ қинларини нафис ислимий нақшлар билан, рангли тошлар билан безашда ҳам катта маҳорат кўрсатганлар.

Кандакорлик санъати Самарқандда ўзига хос хусусиятга эга бўлган. Самарқандлик кандакорлар буюмларга саёзроқ бўртма ҳосил қилиб, нафис нақшлар билан безаганлар.

Бронза, мис, кумуш ва олтиндан ишланган турли обдаста, офтоба, патнис, туфдон, коса ва бошқа буюмлар ўйиб ишлаш, чизма, шабака усулида безатилган. Шунингдек буюмларни олтин ва кумуш билан безаб, рангли тошлар қадаганлар. XIX аср охир – XX аср бошларида Самарқандда кандакорликда архитектура иншоотлари тасвири қўлланила бошланди.

Самарқандда яратилган буюмлар, жумладан чойдиш ўзининг шакли билан Ўзбекистондаги бошқа вилоятларда жуда кам учрайдиган буюм ҳисобланган. Идишларнинг банди нақшинкор безак билан безатилган, нақшлардан кўпроқ чорбарг нусхаси кўп ишлатилган (Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана XIX-XX вв., 1986. С. 33). Мусаллас учун шаробдонлар ҳам ясалган (Каталог металлических и керамических. XVIII-XX вв. Ташкент, 2000. С. 261). Самарқандлик кандакорларнинг иши алоҳида ўзининг шакли ва ислимий безакларининг содда ва қайтарилмаслиги билан алоҳида ажралиб турган.

Кулолчилик иши хунармандчиликда энг ривожланган ва муҳим тармоқлардан бири ҳисобланган. Кулоллар томонидан ишлаб чиқарилган арзон сопол буюмлар лойдан ясалган ёғчироқ, ўйинчоқлар маҳаллий аҳолининг деярли барча табақасига манзур бўлган. Кулоллар уй-рўзғор учун буюмлар ишлашдан ташқари бинокорлик материаллари, қоплама плиталар, чиғирик учун кўзалар, тандирлар, қувурлар ва х.к. ишлаб чиқарганлар.

Самарқандда тайёрланган сопол буюмлар: кўза, коса, чироғдон ва х.к.лар анъанавий шаклларга эга бўлган. Оддий буюмлар зангори, яшил ёки сариқ рангда сирланган. Баъзи буюмлар оқ фонда кўк, алвон ва феруза рангли шўхчан гуллар билан безатилган.

Бухоро, Самарқанд кулоллари кўрғошин сирдан, безашда қалами ва чизма техникасидан фойдаланганлар. Буюмлар кўк-ҳаво ранг билан бўялгани учун Риштон сопол буюмларига ўхшаб кетган. Безашда ўсимлик нақшлари ёки геометрик олти-саккиз бурчакли юлдузлар ва доиралардан фойдаланган. Катта шаклдаги безаклар майда ўсимлик нақшлари билан уйғунлаштирилган. Таноб, қўш таноб, кунгура, туморча кунгура, панжагул, камчиндаста, чашми булбул каби нақш мотивлари мавжуд бўлган.

Самарқанд шаҳри ўзининг чинни буюмлари билан ҳам машҳур бўлган. XIX аср охирида самарқандлик Уста Қосим 11 йил давомида Машҳадда чиннисозлик хунарини ўрганиб келган ва устахона очган. Унинг ишини кейинчалик шоғирди Фозил уста давом эттирган. Тарихий манбаларда кўрсатилишича 6 нафар самарқандлик уста 1 йил давомида 220 мингта чинни буюмлар ясаганлар (Гребенкин, 1874. № 8, 9, 10).

Самарқанд ва унинг атрофидаги худудларда қадимдан сопол ўйинчоқлар яшаш урф бўлиб келган. Улар асосан от, кўчқор, туя, товук, шер, чўл чумчуқ каби жонзотлардан иборат бўлган. Ўйинчоқлар пиширилгач қизил, яшил, сариқ ва тўқ жигар рангларга бўялган.

XI аср охири – XX аср бошларида амалий санъат таракқиётида мураккаб қарама-қаршилиқлар даври бошланди. Тўқимачилик, каштачилик, гиламчиликда ўсимлик бўёқлари ўрнига кўпроқ анилин бўёқлари ишлатилди, попода кашта тикиш, кулолликда рухли сирлар қўлланилди.

Хунармандчиликнинг кулолчилик, каштачилик соҳаларида маҳобатли безаклар қўлланила бошланди. Майда гуллар ўрнига йирик нақшлар эгаллади. Россия ва Хитой чинни, металл буюмларининг безаклари маҳаллий усталарнинг услубларида ҳам ўз аксини топа бошлади.

XIX аср охири – XX аср бошларида маҳаллий аҳоли орасида каштачилик кенг тарқалган. Ўзбекистон худудининг ҳар бир вилоятини ўзига хос нақш усули ва тикиш чоки мавжуд бўлган.

Кашта тикишда ўсимликдан тайёрланган бўёқдан фойдаланилган. XIX охиридан анилин бўёқларининг қўлланила бошланиши ипларнинг сифатини салбий томонга ўзгаришига олиб келди.

Кашталарда асосан ислимий нақшлар, куш, ой, куёш, шунингдек ёмон кўздан асровчи рамзий белгилар пичоқ ва илон тасвирларидан фойдаланилган.

Кашта тикишда асосан босма, йўрма, кандахаёл, ироқи, бахмалчок, кейинроқ попоп чокларидан фойдаланилган. Маҳаллий аҳолининг уй-рўзғор учун керакли бўлган ва тўй маросимларида келинлар учун сеп бўладиган буюмлар: чойшаб, сўзана, гулкўрпа, кирпеч, зардевор (деворнинг юқори қисмини безаш учун), жойнамоз, бўғжома (буюмларни ўраш учун), рўйжо (тўй чойшаби), жияк ва х.к.ларга талаб жуда катта бўлган. Халқ орасида кашталарни бир қисмини тугатмасдан қолдириш урф бўлган. Бу “уйда тўйни тугамаслиги”, “уйдаги хурсандчиликни тугамаслиги учун” деган рамзий маънони билдирган (Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана XIX-XX вв. Ташкент, 1986. С. 52).

Каштачиликнинг машҳур тармоқларидан бири дўппидўзлик соҳасидир. Дўппи бош кийим сифатида ўзбек халқи миллий либосининг ажралмас қисми ҳисобланиб келган. Деярли барча Ўрта Осиё халқлари узок йиллар давомида турли хил дўппиларни кийишган.

Ҳар бир регионнинг ўзига хос дўппи тикиш услуби мавжуд бўлган.

Дастлабки дўппилар кўриниши учли, конуссимон бўлиб, салла ўрашга мосланган. Кейинчалик думалок, тўртбурчак, ясси ва бошқа шаклдаги дўппилар пайдо бўлган.

Турмуш тарзи ва шарт-шароитлар дўппиларнинг шакли ва нақшларига ҳам таъсир

кўрсатган. Самарқандда “қалпоқ”, бошқа ҳудудларда эса дўппи термини тарқалган. Дўппилар асосан мато ва ранг-баранг ипак, зар ва кумуш зардўзи иплари билан тикилган. Самарқандликлар кўпроқ “пилтадўзи” усулида дўппи тикишган.

XX аср бошларида Самарқандда дўппилар сидирға пушти, яшил, гунафша ранг ипак ва сатиндан тикилган. Уларнинг безаклари нозиклиги ва нақшларининг хилма-хиллиги билан ажралиб турган. Дўппининг рангларига келсак, қора, оқ, қизил, сарик, гунафша ва оқ ранглар билан уйғунлашиб кетган. Кўпроқ “Кўчқороқ” (бараньё рога) ёки тоғ эчкилари шакли туширилган дўппилар учраб турган. Бундан ташқари араб ёзувида тақлид қилиб қора фонда оқ йўл-йўл шакли, қора сатинга “чор гул” безаклари ҳам қўлланилган (Богословская, Левтеева, 2006. С. 100).

Самарқандда чуқур дўппилари ҳам кенг тарқалган. Аёлларнинг кумуш ва зар парчалардан тикилган дўппилари ўзининг ёрқин ранглари билан ажралиб турган. Дўппининг юқори қисми тўртта тенг бўлакка бўлиниб, оралари гул шохлари билан безатилган.

Хулоса қилиб айтганда, ҳозирги кунда ҳунармандлар халқ амалий санъати қадимий анъаналарини сақлаган ҳолда янгидан-янги санъат дурдоналарини яратмоқдалар.

М. Ўроқов
(Ўзбекистон)

ЗАРАФШОН ВОҲАСИНИНГ КОСИБЧИЛИК ҲУНАРИГА ОИД АТАМАЛАРИ

Кўп асрлик ривожланиш йўлини босиб ўтган ўзбек халқининг ҳунармандчилик моддий маданияти ўзига хос қадимий анъаналарга эга бўлиб Самарқанд, Каттақўрғон ва Бухоро амирлиги вилоятларида авлоддан-авлодга, устоздан-шогирдга мерос тарзда ўтиб, уларнинг ижтимоий ҳаётида салмоқли ўрин эгаллаган.

XIX асрнинг охири ва XX аср бошларида Зарафшон воҳаси қишлоқ аҳолисининг турлитуман ҳунармандчилик касблари мавжуд бўлганки, уларнинг барчасида ўзбек тилидаги маҳаллий терминлар қўлланилган. Буларнинг баъзилари ўрганилаётган даврда пайдо бўлган бўлса, баъзилари шу касбнинг вужудга келиши билан пайдо бўлган ва ҳозирда уларнинг кўпчилиги унутилиш арафасида турибди. Ушбу муаммолар бўйича ЎзР ФА муҳбир аъзоси, марҳум К. Шониёзов, профессорлар И.М. Жабборов, С. Иброҳимов, О.А. Сухарёва, Х.Тошев каби элшунос ҳамда тилшунос олимларимиз хайрли ишларга қўл урган эдилар.

Аммо ўзбек халқи ҳунармандчилик касбига оид терминларнинг ҳар бирида воҳа бўйича фарқ қилувчи лексик вариантлари мавжудки, уларнинг асл маъносини дарҳол била олмаймиз. Кўпинча терминлар шу ҳудудда яшаган маҳаллий халқ турмуши, яшаш шароити, машғулот ва жойларнинг номлари билан ҳам боғлиқ ҳолда содир бўлади. Айниқса косиб, темирчи, мисгар, заргарлар каби ҳунармандчиликка оид терминлари маҳалла ва жой номларида учрайди.

Шу жиҳатдан мустақил республикамиз ёшларида ўз тилига бўлган эҳтиёжи катта эканлигини ҳисобга олиб, косибчилик ҳунарига оид этнографик атамаларнинг луғатини туздик ва уларни ўқувчилар эътиборига ҳавола этамиз:

Бармоқ - Ўлчов бирлиги, бир бармоқ 1-1,5 см.

Бошлиқ - Теридан бичилган пойафзал юзаси.

Буранда - Пойабзал қисмлари учун чарм кесадиған асбоб. Тиғи пўлат тутқаси ёғоч. Фарғонада бу билан пичоқ қини учун ҳам чарм кесишган.

Бурвой - Пойабзалнинг конус шаклидаги қўнжи.

Бўғин - Қўл бармоғининг биринчи бўғини билан иккинчи бўғин оралиғи ўртасидаги масофа, тахминан 2-2,5 см га тенг.

Газан - Пойабзал қисмларини теридан бичиб ёки кесиб олиш учун ишлатилган. Тиғи учида эгри, танаси тўғри тўртбурчак шаклидаги махсус пичоқ.

Гил - Терини мустаҳкамлаш, рангли қилиб тайёрлаш учун ишлатилган, тоғ ва қирларнинг оқ, кул, малла тусдаги қотирилган тоза лойи.

Гулчун- Оёкнинг орқа томонини қоплаб турувчи учбурчак ёки тўғри тўртбурчак шаклида теридан бичилган пойабзал қисми, шунингдек, у муқкиларнинг беаги бўлиб ҳам ҳисобланган.

Гурдон – Иссиқ ҳолдаги териларни сақлаб юмшатиладиган ўра.

Дазгир – Косиб ва ямоқчиларнинг 1 метргача узунликда, иккала учи бир-бирига уланган доира шаклда теридан ишланган тасма асбоби бўлиб, тикиш вақтида пайабзалнинг чоки (милки) бузилиб кетмаслиги учун тиззада бу билан тортиб, раҳини бостириб қўйилган.

Дастшуй (дашшу) - Овқат олдидан қўл ювиш учун фойдаланилган идиш. Дастшуй сувдон, унинг қопқоғи ва палласидан иборат. Қопқоғи панжарасимон шаклда. Тошкентда «дошма», «дашшу» деб номланса, Фарғона водийсида «чилопчин», Хоразмда «белобча» деб юритилган. Буларнинг шаклан фарқи йўқ.

Дахсари қозон - Чўяндан ясалган ва сиғими икки пуд бўлган идиш. Бундай қозонга сув солиб иситилган ва оҳак ҳамда ишқорлар аралаштирилган. «Чўян қозон» деб ҳам юритилади.

Дори – Санниобга солинадиган ишқор, оҳак ва сув аралашмаларидан иборат суюқлик.

Дудхона – Ўрага ўхшаш бўлиб, териларни дудлаш ва киздириш учун ишлатилган жой.

Дупоя – Темирдан бўлган сандоннинг новча бўйли, думли бир тури. Думидан ерга қоқиб қўйиб тумшуғига-бошига пайабзал кийгизилган ва бунга нағал қоқиб текисланган.

Жом, жомлик - 250-400 грамм суюқлик сиғадиган сопол ёки мис коса ўлчови.

Жуфлама (жаплама эшик)- Ёғочдан ишланиб, дўконга кириш учун қўйилган бир табақали, безаксиз эшик.

Жўша - Тоғдан келтирилган қизғиш кесак бўлиб, терига ранг бериш учун ишлатилади.

Жўвак-Пойабзал қисмларини тикиш, пўпак тайёрлаш учун ипак толасидан эшиб тайёрланган сариқ, қизил ёки кўк тусдаги ип.

Зок - Терига қора тус берадиган ранг.

Илмак (илма) - Ҳалқачаларга ўхшаш безакли чок.

Ковсар кавуш - Тоштовонга ўхшаш қўнжсиз пойабзал-кавуш.

Капаки – Тўлқин шаклига ўхшаш чок, баҳя тикишга нисбатан энлик олинган.

Кели (келича)- Конус шаклидаги ичи қавак ғўла бўлиб, туз, шўр ва тарон моддаларини туйиш учун ишлатилган асбоб, ўғир.

Кава - Тикилган пойабзал милки (чоки)ни уриб қотириш ва текислаш учун болға ўрнида ишлатилган асбоб. У пўлат ва темирдан ясалган. Бир тутамча тутқаси бўлиб, уриладиган юзи кенг ва япалоқдир.

Кўз - Чармдастак кавушнинг ёнига безак сифатида қўйилган тўгаракли кичик металл.

Кўхнадўз - Этикдўз. Турли хил пойабзал тикувчи ва созловчи хунарманд.

Лаб - Кавушнинг оғзидаги айланаси.

Лавхур - Ошланган ва бўлинган чарм (хайвон) нинг бўйин томони.

Лаб олиш - Ошланган ва бўлинган терилар лабини тиғли пичоқ билан текислаш-қиртишлаш.

Лангар - Оловли рах уйнинг ёнидан бирлаштириб солинган айвон, кўпчилик меҳнат асбоблари ва буюмлари сақланадиган, териларга қисман ишлов бериладиган жой.

Либчўп - Терини силлиқлашда ишлатилладиган бир олчин узунликдаги таёқча.

Меш (меши)-Қўй терисидан ошланган тери. Қўнжнинг тизза тарафидан тикилган ярим доира шаклидаги бўлакча.

Мешгар - Меш териларни ошловчи маҳсус хунарманд, қўнчи.

Милк (чок) - Бичиқларнинг четларини бир-бирига 5-7 мм кенгликда бирлаштириб, шу кенгликни сақлаган ҳолда тикиб чиқилган жойи.

Муки - Ошланган тери (қизил қайиш) дан тикилган енгил ва ихчам, тумшуғи баландга қайтган ва шу жойига безак қадалган этик.

Наъл (нағал) - Нўғай этик ва кавушнинг пошнаси ейилмаслиги ҳамда тушиб қолмаслиги учун унга қоқиладиган ярим доира шаклидаги нишли темир.

Нимдос - Терилар сиртини новга солиш олдидан сидириб (қириб) олишда ишлатилган маҳсус ўроқ ранда. Нимдоснинг тери ўроқникига ўхшаш шаклдаги пўлат ёки темирдан дастаси бўлиб, уни бир киши икки қўл билан ушлаб олдинга тортиб ишлатган.

Ниш - Пойабзал товонига кўйиладиган, наълнинг ўзидан чиқарилган 1,5-2 см узунликдаги миши.

Нимча - Оғирлик ўлчов бирлиги, 500 г.

Нов - Териларни тузлаш ва эзиш учун ўртаси чуқур, сирти айлана ёки қиррали қилиб ишланган ёғоч идиш.

Нўғойдўз омбир - нўғой этик ва нўғой кавушлардаги тортма миш ёки наъл нишларини суғуриб олиш учун ишлатилган. Унинг оғзи ҳалқа шаклида бўлган.

Нўғой қолип - Нўғойнинг бошлиқ терисини текис ва ўз мувозанатида сақлаб қотириш ёки тикиш учун солиб кўйиладиган қўнжсиз, пошнасиз пойабзалга ўхшаш ёғоч ғўла.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки Ўзбекистон кишлоқ аҳолисининг ўзбеклари бир неча шевада сўзлашадилар. Тўпланган касибчиликка оид атамаларида ҳам шу ҳудуддаги шеванинг лексик хусусиятлари маълум даражада акс этган.

Дарҳақиқат, миллий хунармандчилик атамалари маҳаллий бобо-момоларимизнинг анъанавий тил санъати, удуми эканлигини билиб олиш ва у билан фахрланибгина қолмасдан ёшларимизга миллий кайфият, миллий-маънавий озуқа берадиган касб сифатида бу маданий меросимизни ардоқлаймиз. Тарихий нуқтаи назардан олиб қараганда касибчилик хунарига оид атамалар луғати ҳам ўзбек халқи тилининг асосий луғат хазинасига кўшилган муҳим сўз бойлиги бўлиб ҳисобланади.

Т.И. Дорошенко
(Ўзбекистан)

ВКЛАД В.Л. ВЯТКИНА В ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ САМАРКАНДА

Василий Лаврентьевич Вяткин (1869-1932) родился в г. Верном (ныне Алматы) в семье казака. После окончания Ташкентской учительской семинарии он был направлен в Самарканд в русско-туземное училище, преподавать русский и узбекский языки. Вскоре его пригласили переводчиком в Самаркандское уездное управление, где он служил делопроизводителем, советником, членом статистического комитета.

В 1896 г. В.Л. Вяткин основал Самаркандский музей. В 1903 г. его назначили смотрителем памятников Самарканда «как лицо, изучающее историю Средней Азии по мусульманским источникам и попутно вопросы по истории памятников, строительства, истории, а главное как лицо, знающее разговор и письменный язык местных народов» (Письмо Туркестанского генерал-губернатора Археологической комиссии от 29/31/III-1903 г.). Он составил план Самарканда и его окрестностей с нанесением памятников и остатков древних селений. В.Л. Вяткин оказывал помощь В.В. Бартольду в раскопках на Афрасиабе, проводил первые самостоятельные раскопки в местности Намазгох.

Много сил отдавал В.Л. Вяткин охране памятников старины. Начиная с 1903 года и до Октябрьского переворота, находясь в должности «смотрителя древностей» В.Л. Вяткин боролся не только с грабительскими раскопками частных лиц, но и с притязаниями петербургских чиновников от разграбления архитектурных шедевров Самарканда. Много здоровья и времени уходило у Вяткина на то, чтобы добиться от государственных органов разрешения и выделения средств на реставрацию архитектурных шедевров. Благодаря его упорству удалось предотвратить полную гибель мавзолея Ишратхана и снятие изразцов со здания ансамбля Шахи-Зинда для хранения их в музее Петербурга. В.Л. Вяткина глубоко возмущало такое чиновничье-барское отношение к культурным сокровищам Туркестана. По этому поводу он писал: «Мы надеемся, что не только содействия, но и разрешения не последует на плохое для Вас дело, как варварское калечение доставшихся нам от былых времен художественных наследий».

С 1905 г. основным объектом его исследований стало городище Афрасиаб. Он открыл и частично раскопал соборную мечеть Самарканда, цитадель и другие части городища.

В 1908-1911 гг. В.Л. Вяткин проводил раскопки и изучение остатков обсерватории Улугбека (XV в.). Им был открыт огромный каменный секстант, являвшийся главным инструментом обсерватории (ЦГА Уз. Ф-Р. 1591, оп. 1, д. 2, л. 1).

Исторические катаклизмы прервали раскопки, которые возобновились лишь в 1925-1930 гг.

В.Л. Вяткин изучал архитектуру Самарканда XIV-XVII вв. и посвятил ей несколько брошюр, опубликовал ряд трудов по истории Средней Азии, биографию Амира Темура, по истории Темуридов разных периодов.

В его личном фонде сохранился доклад Военному губернатору Самаркандской области о необходимости проведения ремонта мавзолея Гур-Эмир и медресе Надыр-диван беги, за 1912 г.

В 1916 году В.Л. Вяткин вновь обращается к Военному губернатору по вопросу создания комиссии для осмотра минарета медресе Мирза Улугбека.

Уже в советский период В.Л. Вяткин продолжал заниматься восстановлением памятников старины. В 1918 г. местные жители Самарканда увидели искривление знаменитого минарета Улугбека. Вечером в тот же день В.Л. Вяткин побывал у своего приятеля инженера Бориса Николаевича Кастальского. Б.Н. Кастальский предложил немедленно создать специальную комиссию для решения вопроса о судьбе минарета. Б.Н. Кастальский предлагал аккуратно разобрать минарет по кирпичику до основания, а затем заново восстановить его в том виде, как он был. Третий участник комиссии архитектор М.Ф. Мауер предложил попытаться выпрямить минарет без разбора, он настаивал, что после реставрации по проекту Б.Н. Кастальского памятник старины будет фактически уничтожен. В Горсовет г. Самарканда поступили сметы и заявки на материалы, требуемые для временного закрепления минарета в наклонном состоянии.

Вскоре во дворе медресе были вкопаны в землю глубокие деревянные якоря. Минарет на половине высоты опоясали досчатым корсетом, а двадцать четыре стальных троса, весившие 36 тонн, перехватили его накренившийся ствол. Еще немного и минарет «остановился», отойдя своей верхней частью от нормального положения все же на 1,8 метров. Позднее несколько раз приходилось заменять подгнившие якоря и переносить их на новое место, когда у минарета намечались изменения в направлении возможного падения.

В 1920 г. Самарканд посетили ответственные работники Главархива РСФСР и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. По предложению В.В. Куйбышева и М.В. Фрунзе была учреждена специальная Самаркандская комиссия по охране памятников старины и искусства «Самкомстарис» в составе трех секций: технико-строительной, художественной, археологической. Председателем после долгих уговоров согласился стать В.Л. Вяткин. Вместе с ним в строительной секции работали архитекторы Кастальский и Мауер и начинающий археолог М.Е. Массон. Все вновь занялись спасением падающего минарета Улугбека. К концу осени 1920 г. намечалось поступательное движение «падающего минарета», вызванное тем, что ослабли подгнившие якоря.

Археологическая секция «Самкомстариса» была самой маленькой по своему составу. Членами ее числились В.Л. Вяткин, И.А. Кастанье, а после него М.Е. Массон (Кастанье чисто формально и недолго) (ЦГА РУз. Ф-Р-2773, оп. 1, д. 138, л.10). В июне 1920 г. вновь были начаты большие земляные вскрытия на медресе Улугбека для выяснения состояния нижних подземных частей памятника у всех минаретов, а затем и в ряде других мест.

Первоначально предполагалось, что будет обкопан до фундамента падающий минарет, а кое-где в других пунктах намечалось заложить контрольные колодцеобразные шурфы. Однако вскрытия сразу же стали давать исключительно интересные данные и не только с точки зрения инженерно-технической, но и для истории самого памятника. Решили объем земляных работ увеличить. К началу третьего месяца было осуществлено уже 16 крупных шурфов у медресе Улугбека и один шурф у северо-западного минарета медресе Шер-Дор. Некоторые из шурфов достигали 11 метров глубины от современного уровня земли.

С 1920 г. много лет продолжалось обстоятельное изучение и спасение «падающего минарета» Улугбека. В соответствии с предложенной М.Ф. Мауером идеей, известным московским

специалистом инженером Владимиром Григорьевичем Шуховым был разработан второй проект спасения памятника. В 1927 году московский завод «Мосмет» прислал в Самарканд металлические конструкции, специально изготовленные с внесением его инженерами некоторых изменений, М.Ф. Мауер просмотрел все ответственные части арматуры и обнаружил ряд недостатков, которые при практическом выполнении проекта могли бы привести к пагубным последствиям. М.Ф. Мауер снова выехал в Москву. Завод, признав допущенную его инженерами ошибку и справедливость требований строгого самаркандского архитектора, за свой счет переделал отдельные части конструкции по заказу комитета. И, наконец, лишь в 1932 году установленную арматуру привели в действие. Огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплен на раме шатунами. Вся поврежденная его нижняя часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров была удалена. Ее заменили капитальной железобетонной кладкой. Прилагая усилия всего в 12 килограммов, короткими поворотами винта с паузами разной длины в течение нескольких часов ствол минарета медленно качнули в обратном падению направлении, и выпрямили.

Так в Средней Азии впервые был спасен от гибели средневековый минарет, архитектурный шедевр местного зодчества. Это был и последний проект Василия Лаврентьевича Вяткина. В 1932 г. он скончался.

Зачастую судьбы личных фондов, как и людей, бывают сложными. Такова и история личного фонда В.Л. Вяткина. После смерти ученого его архив длительное время находился у наследников. В 1939 году основная часть документов была передана Сурхандарьинскому краеведческому музею в г.Термезе. Некоторые материалы были использованы музеем, а большая часть этих ценных документов осталась невостребованной и в неопisanном виде была сложена в ящик. Позднее, согласно постановлению СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723 и распоряжению председателя Комитета по делам культпросвет учреждений при Совете Министров УзССР от 20 ноября 1947 г. за № 4014 материалы архива В.Л. Вяткина за 1904-1932 гг. из музея Термеза были переданы в ЦГА Узбекистана. Также было предложено всем, кто хранил его личные документы, передать их в Государственный архив Узбекистана. Некоторые материалы были сданы, но ряд документов остался в частных руках.

В 1962 г. по просьбе Академии наук Узбекистана, оставшийся архив В.Л. Вяткина передан из Термезского музея в Институт истории и археологии АН Узбекистана. Таким образом, личные архивы Академии наук пополнились ценными документами, рукописями. Часть материалов попала в ЦГА РУз, пополнив уже имеющийся личный фонд В.Л. Вяткина. В июне 1963 г. фонд вновь пополнился документальными материалами, представляющими большую научно-историческую ценность, их передал в ЦГА Узбекистана В.А. Шишкин.

В личном фонде В.Л. Вяткина отложились ценные рукописи о памятниках Самарканда, Бухары, Хивы, Мерва, Денау и других городов, дневники и записи о раскопках на Афрасиабе, в Термезе, Бухаре. Значительный интерес представляют выписки из восточных рукописей, касающиеся истории Средней Азии.

T.I. Doroshenko - V.L. Vyatkin's Contribution in Investigation and Preservation of Samarkand Monuments

V.L. Vyatkin contributed much to the investigation of ancient past of Samarkand. He graduated from the Teacher's Seminary in Tashkent; then he was sent to Samarkand to teach at the Russian-native lyseum Russian and Uzbek languages. V.L. Vyatkin is well-known as creator of the Samarkand museum, maker of the regional cultural monuments map; he investigated the Afrasiab site together with V.V. Bartold. He determined the location of the Ulughbek observatory, and he participated in the main instruments excavation works. In personal fund of V.L. Vyatkin there are a lot of written appeals addressed to the Samarkand district governor on necessity of preservation and restoration of historical monuments of Samarkand.

FROM BARCELONA TO SAMARKAND

The International Pluridisciplinary Archaeological Expedition in Bactria (IPAEB) is a joint project between the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan and the ERAUB research group of the University of Barcelona and is directed by Shakir Pidaev on the Uzbek side and Josep Maria Gurt and Sebastian Stride on the Catalan side. The team started work in 2006 on the site of Termez and in the Surkhan Darya province and works in close collaboration with all other teams and in particular with the MAFOuz de Bactriane directed by Shakir Pidaev and Pierre Leriche.

When we chose to set up a new archaeological mission in Central Asia the first reaction was “Why?”. Indeed, there is no tradition of Central Asian Studies in Catalonia or Spain and Central Asia appears to most people as a far away land which has nothing to do with their culture or history.

In Samarkand, on the contrary, Spain is perceived to have an important link to the city, thanks to Clavijo’s trip in 1402 and the magnificent description that he left of Amir Timur’s city. And here, in the Institute of Archaeology, there is an additional link to Spain, namely the fact that Juan Duke, a child refugee during the Spanish Civil War eventually married and settled in Uzbekistan where he spent his life working at the Institute of Archaeology.

In this article we will not attempt to present a detailed scientific investigation into a given field since our expedition has only just started work. What we will do is to lay out in a few paragraphs the reasons for which we have chosen to work in Uzbekistan, the aims of our expedition and the manner in which we hope to fulfil those aims.

Why Central Asia?

Most Western Europeans, including specialists, have long considered that the Mediterranean World is a coherent area whose history and culture form a clearly distinguishable unit which does not extend beyond the Near East. This perspective derives from the historiography of our discipline (which developed at a time when the European Nation States were being created) and from a generalised ignorance of the world that stretches East beyond the Euphrates.

It therefore comes as a surprise to many that the Antique and Early Medieval history of southern Central Asia runs parallel to that of much of the Iberian peninsula.

This is true from a purely historical point of view with events such as the Greek colonisation, the integration into a vast empire during the Roman / Kushan period, the invasions of the 4th and 5th centuries and finally the Arab conquest at the beginning of the 8th century.

But it is also true from many other perspectives including urbanism (with the emergence of major cities, their collapse after the end of the Roman / Kushan empire, the appearance of early Medieval castles and finally the reappearance of major cities after the Arab conquest) and pottery (with the same evolution of techniques and shapes in Bactria as in Catalonia).

Our first aim is therefore a general one: by studying the history and archaeology of Central Asia we want to show not only that this helps understand the history of Western Europe but that we share a single history and are part of the same cultural sphere.

A second concern is more directly methodological: if the Iberian peninsula and Central Asia share many elements, then by studying Central Asia we should be able to test our theories, methods and interpretations. The potential benefits of such an approach are immense. For example we hope to compare the efficiency of techniques in different environments (the application of georadar on Mediterranean and Central Asia sites), the application in Central Asia of models developed in order to explain the decline of urbanism in the post-Roman world, the commercialisation of the ceramic production on a local, regional and international scale, etc.

Finally a third reason is linked to the contemporary situation of this part of the world. The archaeology of Central Asia was studied exclusively by Soviet archaeologists during over 70 years. The results of their work are remarkable but remain very little known in the West because they were not

translated or diffused. Since the independence of the countries of Central Asia in 1991, the economic situation has been difficult and the former soviet school of archaeology has been through a major crisis with limited funds available and very few new vocations.

By collaborating closely with the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, the IPAEB, like other International Teams, can help both preserve and diffuse the results of the Soviet school of archaeology and that of our Central Asian colleagues to a wider audience.

Methodology

Because the European side of our team comes from a country that has never previously excavated or even studied Central Asia, many of the members of the IPAEB know almost nothing of Central Asia even though they are excellent scholars in their domains. Simultaneously, because of the contemporary situation, many of the Uzbek members of the IPAEB lack access to modern techniques and methodologies. Our respective skills and aims are therefore different and our main challenge is to succeed in building a true pluridisciplinary project within which these differences become advantages.

The focus of our project has been to apply a series of new techniques and methodologies (geophysical surveys, archaeometrical analysis of the ceramics, palynology, GIS, etc.) in order to approach historical and archaeological questions that were relevant both from Central Asian and Mediterranean perspectives.

The main lines of investigation chosen are as follows:

Geophysical survey of Chingiz Tepe

Despite the fact that the Kushan empire stretched over a vast area, from Central India to Central Asia and was considered as one of the four great empires of Antiquity alongside the Roman, the Han Chinese and the Parthian, we do not yet have an urban plan of a single major Kushan city. This fact alone justifies the decision to attempt to understand the plan of at least part of Ancient Termez.

In order to do this we have chosen to undertake a geophysical survey of Chingiz Tepe, an area of the city, which was relatively little disturbed by later occupations and where the Franco-Uzbek team have been working on the fortification walls and a number of major cultic buildings [see the articles in *La Bactriane au carrefour*, 2001.].

Archaeometry and the excavation of a ceramic kiln

So far no attempt has been made to trace the origins and distribution of the production of a given site or workshop and we have almost no data about the local and regional commercial systems which existed during the Kushan period. Because the ERAUB team is specialised in the analysis of ceramics and in particular that of the Late Imperial period, the analysis of Kushan period ceramics is a logical priority (they date from the same period, are derived from the same Hellenistic types and closely resemble those of the Western Mediterranean both in form and in technology). Previous work by Shakir Pidaev and Kenzo Kawasaki of the Japano-Uzbek Archaeological Expedition in Kara Tepe had enabled an area of ceramic production to be localised. We therefore chose to concentrate on this area and were able to dig a kiln situated there.

Palynology

No palynological study has yet been attempted in this area and we have extremely limited paleoclimatological data and no data on the anthropic impact on the environment. One of the major emphasis of the team has therefore been to undertake a palynological survey, not only at the site of Termez but also upstream, in the Bajsantau mountains where the conditions for preservation of pollen are better.

Information Systems

Finally, in order to integrate the data from the various sources as well as that from the work of our Uzbek, French and Japanese colleagues we have decided to create a GIS and a series of databases of the material from Ancient Termez. This work will be fully integrated into a larger project for the development of an Archaeological Information System of Central Asia, which is described in the attached document.

Preliminary results and work underway

The first season's work has proven extremely promising with a number of important field results and the promise of results from laboratory analysis over the coming months. These results are now published online and will also be made available in an article in *IMKU*.

During the 2006 season we collected a number of samples in the field, including charcoal, ash, soil and sherds from the excavation of the kiln at Termez ; soil samples and animal excrements from Termez, the terraces of the Amu Darya, the Sherabad Darya valley and the Bajsuntau mountains.

These samples have been exported from Uzbekistan to Barcelona in order to be analysed during the coming winter as follows:

Archaeometrical analysis

A total of 50 sherds from the excavation of the kiln will be analysed by E. Tsantini and V. Martinez. The analysis will be done by Scanning Electron Microscope, X Ray Diffraction and X-Ray Fluorescence. To our knowledge, it will be the first systematic analysis of this type undertaken on Kushan period sherds from any site in Central Asia, Afghanistan, Pakistan or Northern India. It will enable us to obtain a reference collection, which will then be compared with material from the site of Termez itself and from neighbouring sites.

Radiocarbon dating

Various samples were taken during the excavation of the kiln at the site of Termez in order to obtain radiocarbon dates of the period of abandon – and maybe – also of use of the kiln. These will provide important benchmarks for the excavation but also for the absolute chronology of Kushan pottery, a question, which remains much debated.

Palynological samples

The palynological samples will be analysed by Y. Miras during the year 2007 so as to evaluate the degree of preservation of pollen in the different environments where samples were taken (and thus the areas where a detailed palynological study can be undertaken and the quality of the results, which we can hope to obtain from such a study). It will also make it possible to propose a preliminary reconstitution of the environment in the vicinity of Ancient Termez and to collate the data obtained with the vegetation chart established by A. Maltsev.

The main field season will take place in September 2007 and will include the following parts:

Geophysical Survey

The results of the geophysical survey have proven satisfactory and will therefore be extended. In 2007, we plan to survey the rest of Chingiz Tepe using the georadar, and also to undertake a survey of the area surrounding the stupa of Zurmala where most specialists believe that a major Buddhist monastery could have been localised.

Excavation of Chingiz Tepe

The preliminary results of the geophysical survey of Chingiz Tepe make it possible to plan an excavation of the site in collaboration with the Franco-Uzbek Mission currently working there. The two main aims will be the verification of the hypothesis of a return of the fortification wall along the ravine situated to the South-East of the site and a test trench on a domestic area so as both to verify the geophysical data and excavate a precise stratigraphical sequence from which we can obtain material for archaeometrical and other types of analysis (including radiocarbon dating).

Excavation of the ceramic production area

The excavation of the ceramic production area, situated next to Kara Tepe, will be continued with the following aims:

- To date the period of construction of the kilns by excavating the previous levels of occupation
- To analyse in more detail the extension of the ceramic production area and to evaluate the number of kilns.
- To excavate at least one more kiln so as to evaluate the degree of standardisation of these
- To localise and excavate an area where discarded production from the kilns was dumped so as to obtain material, which we can definitively attribute to these kilns.
- To excavate the structures that were brought to light by the geophysical survey.

Survey of the sites in the Termez area

The analysis of the QuickBird satellite images and the catalogue of sites created for the Termez area that will be published by UNESCO, make it possible to plan a detailed survey of the area of Termez. This will include the following elements:

- Verification of the localisation of all the sites recorded in the gazetteer.
- Integration of the GIS of the Termez area with Google Earth thanks to a plugin.
- Installation of a version of this GIS at the Termez Museum, which will be used by the Uzbek Commission for the Preservation of the Cultural Heritage.
- Field study of the elements recorded on the QuickBird satellite images

Diffusion of the results

The IPAEB has chosen to follow a code of conduct as regards diffusion of the results of our work. This can be resumed as follows:

All material is made available to any scholar wishing to access it. This includes not only the final reports but also all the archives and the excavation material.

All results of fieldwork or laboratory analysis must be published within a period of one year at maximum.

The results should be linked to the work of other teams so as to ensure maximum diffusion and ease of use.

Digital publication should have priority over paper publication – even if reports should be made available in both formats if possible.

Copyright should remain in the hands of the team that undertook the work and not be passed over to a third party with commercial interests.

*Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов
(Россия, Узбекистан)*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СОГДА

Решение проблем этнической истории требует комплексного подхода. В работе рассматриваются актуальные проблемы этнической истории населения Зарафшанской и Кашкадарьинской долин, входивших ранее в состав античного и средневекового Согда, на основе антропологических данных с привлечением результатов естественных и гуманитарных дисциплин.

Население каменного века Зарафшанской долины, принадлежащее к западному ареалу внутри первобытной эйкумены, являлось носителем комплекса европеоидных признаков на разных стадиях их формирования. В настоящее время нет никакой возможности проследить морфологическую преемственность и генетическую связь между населением разных этапов на протяжении истории всего каменного века, хотя по археологическим данным эта связь кажется достаточно вероятной. Однако, если говорить о преемственности населения уже после эпохи формирования человека современного вида, то эта преемственность и с морфологической точки зрения выглядит весьма убедительной для территории Средней Азии, в том числе и долин Зарафшана и Кашкадарьи.

Согд, занимая ключевое положение в обширном Центральноазиатском регионе, был освоен и заселен человеком в палеолите. На территории будущей Согдианы с ранних этапов ее предыстории прослеживается стабильное развитие культур всех эпох человеческой цивилизации. Зарафшанская долина с древнейших времен была заселена европеоидным населением, известным по Самаркандской палеолитической стоянке (Гинзбург, Гохман, 1969). Это было подтверждено одонтологическими исследованиями (Зубов, Гохман, 2003). Краниологические материалы эпохи мезолита, полученные из погребения Замичаташ в Самаркандской области, позволяют утверждать о проникновении в среднее течение долины Зарафшана протоевропейских племен. Последние существенно отличаются от мезолитических племен долины Сурхандарьи (пещера Мачай).

Неолитическое население Зарафшана (Сазаган, Учтут) также характеризовалось европеоид-

ными особенностями, а именно, двумя его вариантами: средиземноморским и протоевропейским (Ходжайов, 2004). Оно имело тесные генетические связи с племенами южных областей Средней Азии - носителями джейтунской и гиссарской культур. Однако результаты исследований погребения из Замичаташа и учтутских неолитических шахт выявляют иной вектор генетических связей – неолитическое население Зарафшана сближается с носителями кельтеминарской культуры Присарыкамышья (Тумеккичиджик). Это подтверждает мнение, что долина Зарафшана была зоной контакта южных и северных европеоидов, по крайней мере, с эпохи мезолита.

Материальная культура и антропологические особенности населения эпохи энеолита наиболее ярко представлены в предгорной полосе Южного Туркменистана (Карадепе и Геоксюр). В степных районах культура энеолита стала известна благодаря материалам из многослойного поселения Саразм, расположенного между городами Самарканд и Пенджикент. Антропологический тип населения Саразма относится к тому же средиземноморскому типу, который выявлен в Южном Туркменистане (Ходжайов, 2004). Это подтверждается и общностью материальной культуры на указанных территориях (Исаков, 1987, 1991). Видимо, в эпоху энеолита часть населения Южного Туркменистана переселилась в области среднего течения Зарафшана, где и сформировался центр энеолитической культуры.

В эпоху бронзы в Средней Азии, как и ранее, преобладали упомянутые выше два комплекса европеоидной расы: протоевропейский и средиземноморский. Носители андроновской, тазабагыбской, кайраккумской и срубной культур характеризовались первым комплексом, а носители намазгинской, сапаллинской, заманбабинской, сазаганской и чустской культур – вторым.

Эпоха бронзы и раннего железа представлена значительным количеством памятников в Зарафшанской долине. Они включают поселения земледельцев, перерастающие в города, и памятники степной скотоводческой культуры. Во II тыс. до н.э. земледельческие племена юга в поисках плодородных земель продвигались в северные и восточные районы. Часть носителей культуры Сапалли в Древней Бактрии, двигаясь по течению Амударьи, достигла плодородных долин древнебухарского оазиса и приняла участие в формировании заманбабинской культуры.

Население Зарафшанской долины эпохи энеолита и бронзы имело различные и разнонаправленные генетические связи. Сложение саразмской культуры связано с продвижением энеолитических племен из прикопетдагской полосы Южного Туркменистана на север. Антропологический облик племен сазаганской и заманбабинской культур Зарафшана близок с южными земледельческими племенами Древней Бактрии и Маргианы. Что касается населения верховьев Зарафшана, то оно сформировалось в результате смешения местных земледельческих и пришлых групп степных скотоводов, которые обосновались в предгорных районах верховьев и степной части низовьев Зарафшана (могильник Дашти Казы в Пенджикентском районе) (Ходжайов, 2004).

В эпоху античности земледельческие племена занимали главным образом южные и центральные области Средней Азии, а кочевые – северные и северо-восточные. Однако четких постоянных границ между ними не существовало, так как они постоянно находились в тесных экономических, культурных и этнических контактах. Согд как область развитого земледелия, основанного на искусственном орошении, впервые упоминается в исторических источниках с середины I тыс. до н.э. На этой территории сосуществовали оседлоземледельческий и кочевническо-скотоводческий уклады, сельские поселения располагались по долинам рек и на равнинах, но в районах, граничащих с песками и горами, обитали скотоводческие племена. Жители его говорили на восточноиранском языке и мало чем отличались по культуре и быту от других среднеазиатских народов: бактрийцев, хорезмийцев и представителей сакских племен, изображенных на рельефах ахеменидского Ирана.

Во второй половине I тыс. до н.э. происходят существенные изменения в расовом и этническом составе населения Согда. В Западном Согде на границе земледельческих оазисов расселяются племена с ярко выраженной монголоидной примесью (курганские могильники Ля-

вандак, Куюмазар, Кзылтепа, Калкансай, Хазара, Шадыбек). Такая же ситуация фиксируется в Центральном Согде (Каттакурганское водохранилище, Саратепа, Сирлибай, Орлат), а также в Центральных Кзылкумах (курганские могильники Джужкудук, Кулькудук, Кокпатас). Как показали антропологические исследования, племена Западного Согда близки к кочевникам Тяньшаня, а Центрального – к скотоводам Приаралья. Что касается городского и сельского населения, то оно по-прежнему характеризуется европеоидными особенностями.

Хотелось бы отметить два важных события, приведших к существенным изменениям в антропологическом и, возможно, в этническом составе античного населения не только Согда, но и Средней Азии в целом. Во-первых, меняется характер взаимоотношений между Согдом и Бактрией в результате каких-то событий, возможно политических. Это привело к переориентации не только торгово-экономических, но и этнических связей между ними. В результате этих событий, начиная с середины I тыс. до н.э. население Согда становится близким по антропологическим особенностям к населению Ферганы и Чача (Ходжайов, 2000). Это утверждение подкрепляется и данными археологии, связанными с открытием оборонительных сооружений, таможенных постов на границе Согда и Бактрии в Дехканабадском районе Кашкадарьинской области.

Во-вторых, в последних веках I тыс. до н.э. отмечается массовое продвижение скотоводческих племен из районов Приаралья через Центральный и Южный Согд в Северную Бактрию (Ходжайов, 2000а). Об этом свидетельствуют антропологические материалы из Центрального (Орлат, Сырлыбай, Саратепа, Каттакурганское водохранилище, Афрасиаб, раскоп 35 за городской стеной) и Южного (Еркурган) Согда (Ходжайов, 2000, 2000а).

В эпоху раннего средневековья экономические и культурные связи земледельцев и скотоводов активизируются. Средняя Азия в этот период находится в составе тюркского каганата, затем входит в его западное объединение. Судя по письменным источникам, это сопровождается более глубоким внедрением кочевников как в городскую, так и сельскую земледельческую среду. В самом Согде, наряду с преобладающим ираноязычным согдийским населением, проживали компактные группы тюркского населения. Раннесредневековое население Западного и Южного Согда характеризуется в основном европеоидными чертами средиземноморской расы (Калкансай, курган 33, Пайкенд, Китаб, Карши). В то же время в Центральном Согде превалирует комплекс признаков расы Среднеазиатского междуречья. Монголоидная примесь оказалась более ощутимой среди населения Центрального Согда.

В характере взаимоотношений между оседлым и кочевническо-скотоводческим населением Средней Азии можно выделить два этапа: первый из них - эпоха античности, когда кочевые племена в основном проникали в города и крупные укрепленные поселения; второй - эпоха раннего средневековья, когда они оседали преимущественно в сельских местностях и вокруг городских центров. С этим процессом связано возрастание удельного веса монголоидного компонента во многих сельских округах. Городское же население, не испытывающее прежнего давления кочевников, растворяет в своей многочисленной массе ранее внедрившиеся племена с монголоидными особенностями. В целом же раннесредневековое население Средней Азии, в том числе и Согда, более европеоидное, нежели население предыдущей античной эпохи (Ходжайов, Ходжайова, 2001).

В эпоху развитого средневековья происходят большие изменения в материальной культуре населения Средней Азии. Археолого-антропологические данные фиксируют массовые продвижения племен с северо-востока. Антропологическими исследованиями установлено несколько волн движения племен. Материалы Чартакского могильника в Северной Фергане, Хон Яйлова в Восточной Уструшане, Кулагайтепы в Мианкале, Алтынтепы и Сигиртепы в Кашкадарье, Султанкалы в Мерве свидетельствуют о миграции кочевых племен европеоидно-монголоидного типа с северо-запада Иссыккуля на юго-запад Средней Азии (Ходжайов, 1987). Этот путь движения, вероятно, совпадал с основным караванным путем, проходившим через Семиречье, Южный Казахстан, Чач, Заамин, Джизак, Самарканд.

Выделяется другой путь, который шел из Чача на запад, затем севернее - через городище Утурликтепа, каравансарай Кальтепа (район Фариша), перевал в Зирабулакских горах на Са-

гардж (Сагинштепа), Чилек и через горы в Бухару. Археолого-антропологическое исследование могильника Утурликтепа в Сырдарьинской области показало картину обратного движения городского населения из Чача и Согда вглубь степных районов в связи с организацией торговых факторий, перерастающих в города. В целом эпоха Караханидов сыграла важную роль в формировании этнического состава населения Средней Азии, в частности Согда. Изменения в антропологическом составе населения в домонгольский период более ощутимы, чем в постмонгольский.

Антропология эпохи позднего средневековья изучена достаточно слабо. Полностью отсутствуют антропологические материалы из Западного и Южного Согда. Что касается населения Центрального Согда, то оно характеризовалось чертами расы Среднеазиатского междуречья, при этом монголоидная примесь присутствует в составе как городского, так и сельского населения.

Позднефеодальная история Мавераннахра характеризуется завоеванием оазисов кочевыми племенами, внедрением кочевников в города. Анализ краниологического материала, полученного из позднефеодальных городских некрополей и могильников сельских оседлых районов Западного и Центрального Согда, показал, что, начиная с XVI в., и городское, и сельское население испытывало влияние пришлое монголоидного населения. Этот процесс отчетливо фиксируется в большей степени в Бухарском Согде, чем Самаркандском (Ходжайов, 2006). Однако, выделяются в этом аспекте города Бухарского Согда, куда приходили отдельные не монголоидные группы, а европеоидные. В Бухаре, в отличие от других городов Мавераннахра, в том числе и Самарканда, отмечено проживание многочисленных выходцев из Среднего Востока, характеризующихся чертами переднеазиатской, хорасанской и закаспийской рас. Они жили в отдельных городских кварталах и почти не смешивались с местным населением.

Использованная литература

- Гинзбург В.В., Гохман И.И. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1969.
- Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных остатков человека с палеолитической стоянки Самарканд // Вестник антропологии. Альманах. М., 2003. Вып. 10.
- Исхаков А.И. Взаимодействие культуры ранних земледельцев Зеравшана с кочевниками-скотоводами // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987; Он же. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент, 1987.
- Ходжайов Т.К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии. Этнографическое обозрение. М., 2000, № 2.
- Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия: Этническая антропология Средней Азии. М., 2002а. Вып. 2.
- Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. Альманах. М., 2004. Вып. 11.
- Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения позднефеодальной Бухары (предварительные результаты) // Материалы международной научной конференции «Историко-антропологические исследования метисных и контактных групп населения на территории Евразии», посв. 115-летию со дня рождения В.В. Бунака (VI Бунаковские чтения) // Вестник антропологии. Альманах. М., 2006, вып. 14.
- Ходжайов Т.К. Антропология джетысарской культуры // Материалы международной научной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». Актобе, 2006а.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001.

T.K. Hodjaev, S.I. Mustafakulov - History of Formation of Anthropological Specificity of the Soghdian Population

Issues dealing with ethnic history of the Zarafshan and Kashkadarya Valleys population on the basis of anthropological data added by natural and the humanities disciplines. Soghd was populated in Paleolithic times already. That was a kind of Europoid population which, nevertheless, differed from Mesolithic tribes of the Surkhandarya valley. Zarafshan valley was a contact zone between southern and northern europoids starting

from Mesolithic epoch. In the Aeneolithic epoch majority of population of Southern Turkmenistan and Zarafshan valley were of two types- proto-europoid and the Mediterranean. The some composition is peculiar to the bronze epoch. Starting from the second half of I cent, B.C. mongoloid mixture is marked in Soghd. Later on, number of types of population was increased. In western Sogd, for example, there appeared a population having characteristics of front-Asian, Khorasan and Caspian races. These representatives of Middle East lived isolated.

*В.Д.Горячева
(Кыргызстан)*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКО-СОГДИЙСКОГО СИНТЕЗА В ТЯНЬШАНСКОМ РЕГИОНЕ

1. На современном этапе развития исторических знаний проблемы культурогенеза народов Центральной Азии выступают на передний план науки, поскольку необычайно повысился интерес к истокам народных традиций, национальному самосознанию, религии – актуальным вопросам, требующим переосмысления и новых подходов. Для древности и средневековья главными источниками остаются данные археологии.

Регион Тянь-Шаня издревле был связан с земледельческими культурами Средней Азии и Восточного Туркестана, входившими в тюркские государственные образования. Ставки, а затем и столицы каганатов размещались на территории современного Кыргызстана и Юго-Западного Казахстана: Суяб-Ордуцент, Навекат-Синьчэн, Тараз, Баласагун, Куз-Орду, Чигильбалык, Узгенд. Специфику культурогенеза этим городским центрам придает расположение их в зоне традиционных кочевий, но с использованием многовековых урбанистических традиций оседло-земледельческих народов. Это осложняет исторические реконструкции, возможные лишь по данным археологии и письменным свидетельствам.

О второй половине I тыс. н.э. принято говорить как об особой «древнетюркской государственности» и «древнетюркской цивилизации» в системе мировых сообществ. Если для каких-то аспектов истории и культуры тюркоязычных этносов «древнетюркская» (-ое, -ие) номинация методологически приемлема и оправдана (например, в языкознании или палеоэтнографии), то в историческом, а тем более археологическом смысле создается ложное представление о некоей общей тюркской цивилизации, тогда как в одно и то же время наряду с тюрками Центральную Азию населяли и создавали свои государства уйгуры, кыргызы, кимакокипчаки, монголы, татары, не говоря об ираноязычных потомках саков, усуней, юечжей, кангуйцев, согдийцев и т.д.

Поэтому, как справедливо пишет В.М. Массон, можно говорить о древнетюркском культурном пространстве, сложившемся во второй половине I тыс. н.э. в рамках нескольких крупных государственных образований (Политогенез степных обществ и кочевые империи, 2003. С. 101-112).

2. Археологические материалы Кыргызстана дают возможность проследить на Тянь-Шане наличие и взаимодействие трех рангов культуры – эпохального, регионального и локального (Горячева, 2001. С. 63-71; 2005. С. 101-107). Для раннего средневековья ключевым может быть охарактеризован социокультурный комплекс периода сложения феодальных отношений, образования крупных государственных объединений, массовых передвижений тюрков на запад и тюркизации ираноязычных этносов Средней Азии и т.д. На региональном уровне ярко проявляются процессы тюрко-согдийской интеграции культур, налаживания местного монетного дела и своеобразных товарно-денежных отношений, развития городов в контактных зонах кочевий, распространения мировых религий. Сложение каганатов, федераций тюркских племен и согдийских городов в оазисах Чу-Таласского междуречья, ярко выраженная урбанизация Притяньшанья и Ферганы с местными проявлениями в облике материальной и духовной культуры, образуют локальный тип раннесредневековой культуры.

Эта же схема может быть распространена и на период развитого средневековья с уже сложившимися институтами исламских государств (типа Караханидского, Газневидского, Сель-

джукидского каганатов), созданием крупных архитектурных школ и ремесленного производства в Средней Азии, развитием тюркоязычной литературы, наряду с арабо- и персоязычной на всем мусульманском Востоке. Ярким признаком регионального типа культуры является проявление тюрко-согдийского двуязычия и сложение древнетюркской народности, на базе которой шел дальнейший процесс этно- и культурогенеза народов Центральной Азии. В результате восприятия тюркского языка и культуры потомками ираноязычных саков и усунями (в основной массе скотоводов), согдийцами и тохаристанцами (земледельцев и торговцев) в сфере материальной и духовной культур, интенсивных процессов ассимиляции и интеграции была создана оригинальная синкретическая культура.

Такой разрез культуuroобразования находит подтверждение в новейших исследованиях теоретической археологии и этнологии, преодолевших автохтонические и миграционные подходы к проблеме культурогенеза и выдвинувших на передний план интеграционные процессы.

3. В исторической науке приобретают растущий авторитет школы и течения, тяготеющие к теоретическим обобщениям и методологическому синтезу. Встречное развитие двух наук привело к «наведению мостов» между историей и культурологией, к осознанию того, что «вся история культурна». Этот не совсем новый подход стал особенно важным в интерпретации артефактов, выступающих как знаки и своеобразные тексты изучаемой эпохи и отражающих стереотипы культуры. Поэтому в исторических исследованиях все большее значение обретает системное изучение культурно-исторических комплексов культурологическими методами, или «в русле культурологии» (Литвинский, 1991. С. 3-4).

На мой взгляд, культурологический подход – это новая методологическая парадигма. Уже в конце 80-х годов советские обществоведы (в ходе дискуссии) при всем различии точек зрения философов и историков все же пришли к выводу, что культурология и история культуры должны относиться друг к другу, как теоретическая и конкретно-историческая науки (Ковальченко, 1987).

Сложность определения методологии и конкретных методов культуры во многом была связана с материалом исследования, изучение которого потребовало обращения, в зависимости от поставленных задач, ко всему спектру социогуманитарных наук. Сложность также состояла в том, что сами содержания понятий «метод» и «методология» применительно к социогуманитарным знаниям до сих пор не отрефлектированы. Объясняется это тем, что научная методология стала предметом специального теоретического исследования лишь в XVII в. (в работах Р. Декарта, Ф. Бэкона, П. Гесиода, Г. Лебница) и соотносилась с естественными науками.

И только в XX в. развитие обществознания потребовало выявить своеобразие методов познания социокультурной реальности. Не менее значимой причиной было стремление отойти от марксистской ортодоксальности и от традиционного деления методов на две группы наук – «науки о природе» и «науки о духе», что на практике привело к нигилистическому отношению к гуманитарным знаниям. Усилиями и стараниями как русских, так и зарубежных ученых социогуманитарные знания были реабилитированы, а современную панораму работ по истории культуры теперь уже невозможно представить без методов и понятий социологии, психологии, антропологии, семиотики, теории информации. Сошлемся на авторитет одного из самых глубоких исследователей методологии и методики гуманитарных знаний Л. Баткина. Он утверждает: «автору исследования, имеющему дело с разнородными культурными феноменами... надо в известной степени выступать в роли литературоведа и социолога, и политика, и психолога, и искусствоведа, а также историка, философа и пр. Кажется, такой подход принято именовать междисциплинарным» (Баткин, 1994. С.288).

Я называю его полидисциплинарным, применяю в новом исследовании городской культуры Тяньшанского региона в эпоху тюркских каганатов (VI - нач. XIII вв.) с комплексом задач культурологического плана и основной целью: дать возможные реконструкции культурно-исторической картины развития общества в средние века в определенном регионе, во взаимодействии с окружающим его миром по материалам археологии с привлечением данных этнографии, исторической географии, вспомогательных исторических дисциплин.

4. Такое утверждение основывается на следующем: парадигма историко-культурного подхода – двусоставная, где история – изменчива; культура – постоянна. Прибегая к аналогии, культуру можно сравнить с генетическим кодом общества, определяющим его ценность, идентичность, способность к самопроизводству в развитии. Помимо общности целого ряда категорий, историю и культурологию объединяет единство источников информации и научных методов. Главными источниками информации для историков и культурологов являются памятники - «тексты», дающие необходимые конкретно-исторические данные, будь то археологические вещи, этнографические или фольклорные материалы, лингвистические и художественные работы и т.д.

Интенсивное развитие гуманитарных наук обогатило культурологию данными конкретных исследований, что способствовало выделению её в качестве самостоятельного предмета. В свою очередь, и в исторической науке в этот период приобрели растущий авторитет школы и течения, тяготеющие к крупным теоретическим обобщениям и методологическому синтезу. Встречное развитие двух наук привело к «наведению мостов» между историей и культурологией, к осознанию того, что «вся история культурна, а история есть как бы развернутая история культуры» (Разголов, 1994). Фундаментальным понятием в исторической науке является археологическая культура, в которой культура древних обществ в ее предметно-вещественных проявлениях полностью лежит в компетенции археолога – от полевых исследований до культурологических или исторических реконструкций в рамках «археологической культуры» (хотя и это понятие до сих пор остается предметом научных дискуссий).

5. Доминирующая в раннесредневековых городах согдийская культура дает совокупность этнической культуры – ядро в Согде и периферию. Она включает орудия труда, постройки, одежду, пищу, средства передвижения, жилище, нравы, обычаи, нормы обычного права, эстетические ценности, знания, верования, виды народного искусства. Все эти показатели морфологии культуры присутствуют при характеристике городов, где ярче всего проявляется тюрко-согдийский культурный феномен Центральной Азии.

В городах раннего средневековья тюркская культура сначала выглядит как субкультура (это ставка-орда в системе или вблизи городов, как дань палаточно-юртовой традиции). Но затем ситуация меняется вследствие ассимиляции местного населения, массового перехода тюрков к оседлости и приобщению к городской цивилизации.

Таков путь тюрков к цивилизации, понимаемый нами как «переход» в историческом развитии: от раннего к развитому средневековью (отмеченному тюрко-согдийским синтезом, исламскими новообразованиями и т.д.), через переходный период – тюркских завоеваний (с новыми импульсами к обогащению и созданию государственности).

6. Явление «исторических переходов» в культурологии рассматривается как «установление принципиально нового уровня состояния на исторической кривой развития социума», а становление новой цивилизации выступает «как сдвиг, скачок, обусловленный не просто глубокими, принципиальными изменениями, а изменениями взаимосвязанными, взаимообусловленными, осуществляющимися в особом их единстве... через качественные изменения в структуре общества». Урбанизация при этом выступала необходимым моментом перехода к стадийно-новому уровню – к цивилизации (Сайко, 2001. С. 48).

Поскольку городская культура в каганатах выступает как этническая (вернее – полиэтническая), то прослеживается смена парадигмы понятия этноса и его культуры (в концепциях Л.Н. Гумилева, Ю.В. Бромлея, В.А. Тишкова) и возможность применения методов культурной антропологии в палеоэтнологии Тянь-Шаня.

Таким образом, начиная с последней трети XX века гуманитарные знания усилиями русских и западных ученых обрели свою методологию, выработана система методов их изучения, определены подходы, что открыло новые перспективы и в изучении древних культур, в том числе тюрко-согдийского синтеза в Тяньшанском регионе.

Использованная литература

1. Политогенез степных обществ и кочевые империи // Проблемы политогенеза кыргызской

- государственности: Документы. Исследования. Материалы. Бишкек: Архи, 2003.
2. Горячева В.Д. Культурологические аспекты изучения древнего и средневекового Кыргызстана // *Central Asia and culture of Peace*. 2001. № 1-2 (10-11). Бишкек, 2001.
 3. Горячева В.Д. Согдийский культурный феномен Семиречья // *Интерпретация культурных смыслов: Культурологические исследования*. Вып. 5. СПб., 2005.
 3. Литвинский Б.А. Предисловие // *Проблемы интерпретации памятников культуры Востока*. М., 1991.
 4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
 5. Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 1994.
 6. Разголов К. Гуманитарные науки и культура // *Культурология в современном мире: опыт, проблемы, решения*. М., 1994.
 7. Сайко Э.В. Переход в социальной эволюции и роль города в ее историческом выполнении // *Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. - М., 2001.

V.D. Goryacheva - Cultural Aspect of Investigation of Issues of Turkic-Soghdian Synthesis in Tien-shan Region

At present the problem of cultural genesis of Central Asian peoples becomes prevalent, and archeology is considered to be the main source of investigation and deductions. In the new era people talk about "ancient Turkic statehood" in the system of the world community taking into consideration many-contoured urbanization traditions of settled-agricultural peoples of the region. Historically and archeologically there appear a false idea of some common Turkic civilization to be existed. But, this no true to the fact. On regional level process of the Turkic-Soghdian cultural integration is clearly seen throughout the medieval period. In early medieval towns Turkic culture is expressed like subculture; later on, it's marked by Turkic settlement and their attachment to urban civilization. Starting from the end of 20th century a special methodology has been worked out to define new approaches in investigation of ancient cultures, including Turkic-Soghdian synthesis in the Tien-shan region.

*А.М. Маликов
(Узбекистан)*

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ САМАРКАНДА И ХОРЕЗМА

Известно, что Хорезм с эпохи древности поддерживал тесные этнокультурные связи с населением долины Зарафшана, в том числе Самарканда. Усиление этих процессов наблюдается в раннем средневековье (V-VI вв.), когда источники сообщают об общности начала годов и месяцев согдийцев и хорезмийцев и их расхождении с персами. Названия лунных стоянок у согдийцев и хорезмийцев также во многом совпадали (Абу Рейхан Бируни, 1957. С.256,261).

В XII – начале XIII вв. с включением долины Заравшана в состав государства Хорезмшахов и последующие периоды связи между Самаркандом и Хорезмом укреплялись и расширялись. Определенные суфийские группы в Самарканде и Бухаре следовали тарикату хорезмийца Наджмиддина Кубро.

Большое значение в развитии этнокультурных связей играл процесс переселения хорезмийцев в долину Заравшана. Его усиление наблюдается после катастрофических походов Чингисхана в Хорезм, когда хорезмийцы были насильственно переселены во внутренние области Мавераннахра, в том числе и в долину Заравшана.

Вторая волна переселенцев приходится на вторую половину XIV века, что было связано с походами Амира Темура в Хорезм. Согласно ибн Арабшаху ученые из Хорезма участвовали в воспитании и просвещении внуков Амира Темура. Хорезмиец Абдулжаббор ибн Нумон ал-Хорезми был переводчиком Амира Темура в его дискуссиях с арабскими теологами (Ибн Арабшо, 1992, I. С. 229).

В создании культурных ценностей в городах Центрального Мавераннахра, в том числе в

строительстве архитектурных памятников, значительный вклад внесли хорезмийские мастера. Абдурразак Самарканди определенно указывал, что дворец Ак-Сарай в Шахрисабзе построили хорезмийские зодчие. Хорезмийцы участвовали и в возведении мавзолея Джахангира в Шахрисабзе. Форма его шатрового купола необычна для Мавераннахра, но традиционна в средневековом хорезмийском строительстве. Часть хорезмийских мастеров работали в Самарканде. Благодаря им и зодчим из Ирана в архитектуре Самарканда прочно закрепилась техника резных наборных мозаик (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 35). Мозаики мавзолея Ширинбек-ака (1385—1386) в комплексе Шахи-Зинда и по технике, и по орнаментным композициям близки к мозаикам мавзолея Тюрабек-ханум в Куня-Ургенче, хотя последние отличаются обилием красного цвета. Майолики мавзолеев "Безымянный I" и эмира Бурундука напоминают хорезмийские изразцы XIV в.

В резной мозаике, проникшей в Самарканд в конце XIV в. из Хорезма и Ирана, вначале растительная орнаментация вытеснила геометрическую, но затем, как и в резной терракоте, основу узора стал формировать гирих, а в заполнениях образованных им звезд и многогранников вводился растительный орнамент.

Изразцовое надгробие Куссама ибн Аббаса в комплексе мавзолеев Шах-и Зинда, вероятно, также изготовлено хорезмийскими мастерами в 80-х годах XIV в., так как общий стиль изразцов здесь типичен именно для керамической продукции Хорезма (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 249).

Вызывают интерес исследования этнографа Г.П. Снесарева, связывающего известную легенду о Биби Ханум со сходной по содержанию хорезмской легендой о Тюрабек Ханум. Он считает, что именно с ургенчскими мастерами в эпоху Амира Темура привнесены в Самарканд сюжеты хорезмских легенд, особенно те, которые отражают профессию строителей (Снесарев, 1979. С.161). Не исключено, что хорезмийцы также участвовали в постройке соборной мечети Биби Ханум.

Синтез усилий и таланта зодчих многих стран в столичном Самарканде привел к тому, что достижения строительной техники и методы архитектурной разработки, композиционные приемы и декор — все это как бы слилось в единый поток сложных процессов формирования новой синтезированной культуры. Более пристальное изучение этого процесса и определение роли, степени участия в нем хорезмийских мастеров — один из предметов дальнейших исследований культурного наследия эпохи Амира Темура.

В разные периоды происходили мирные переселения хорезмийцев в Самарканд. Так, например, последователь суфизма, поэт шейх Хусейн, родившийся в 1466 году в Хорезме, больше известный под именем Махдуми Хорезми, в 1518 году по просьбе своих мюридов переселился в Самарканд. Первоначально он жил в окрестностях города — в местности Гори Ошикон, затем переселился в медресе Амира Шахмалика. Позже вместе со своей семьей он жил к востоку от площади Регистан в квартале, позднее получившем название гузар (квартал) Махдуми Хорезми. В этом квартале до сих пор живут его потомки. Сам Махдуми Хорезми скончался в 1551 году в Алеппо (Сирия) во время совершения хаджа (Валихужаев, 1994. 77-79-бетлар).

Ухудшение экономических условий, непрекращающиеся политические междоусобицы побуждали хорезмийцев покидать свою родину. Как писал Абулгазихан в XVII веке: «Народ, живший в Ургенджском юрте, разлюбил эту сторону: у него не было уже других речей, кроме слов: «Уйдем отсюда». Когда явилась комета, многие, собравшись в толпы, пошли в Бухару, в Туркестан» (Абулгазихан, 1996. С.171).

Следующая большая волна переселения относится к периоду правления эмира Шахмурада (1785-1800). Она была добровольной и была связана с экономической и политической ситуацией внутри Хорезма. Эти переселенцы обозначали себя как урганджи — по названию древней столицы Хорезма. Являясь выходцами из разных районов Хорезма, они расселились по разным кишлакам каттакурганского отдела, были хорошими ремесленниками и в начале 1870-х годов насчитывали 700 человек. Они были хорошими ремесленниками (Гребенкин, 1872. С.109). В переписях 1924 года урганджи зафиксированы как единая группа без всяких родоплеменных подразделений.

В конце XVIII в. группа ургенджи основала близ города Самарканда одноименное село, где и проживает по настоящее время. По преданию они пришли в Самарканд 200-250 лет назад из Ургенча. Сначала переселились восемь семей, затем, постепенно к ним присоединились другие группы хорезмийцев.

Дед по материнской линии выдающегося просветителя, писателя Махмудхужа Бехбуди (1875-1919) - Ниязхужа был выходцем из Хорезма, переселившимся в Самарканд в эпоху Шахмурада (Косимов, 1999. 7-бет). Приблизительно в это же время на эти земли переселились туркмены хидир-эли, которые тоже были выходцами из Хорезма. В отличие от группы «ургенджи», которые перешли на местный говор узбекского языка туркмены хидир-эли сохранили огузский диалект и некоторые обычаи. В этнографическом плане многие ургенджи, приняв культуру самаркандского населения, сохранили лишь отдельные элементы культуры своих хорезмийских предков. Интересно, что и в городе Бухаре кварталы группы ургенджи и туркмен хидир-эли находились рядом.

Использованная литература

- Абу Рейхан Бируни, Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т.1. Ташкент, 1957.
Абулгази Бахадурхан. Родословная тюрков. Москва-Ташкент-Бишкек, 1996.
Валихўжаев Б. Хожа Ахрор тарихи. Тошкент, 1994.
Гребенкин А.Д. Узбеки // Русский Туркестан. Вып. 2. СПб, 1872.
Ибн Арабшоҳ. Ажойб ал-макдур фи тарихи Таймур (Амир Темур тарихида тақдир ажойботлари). 1 китоб. Тошкент, 1992.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
Снесарев Г.П. Тюркбек-ханым // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
Косимов Б. Карвонбоши // Махмудхужа Бехбудий. Тошкент, 1999.

О. Бўриев
(Ўзбекистон)

САМАРҚАНД ВОҲАСИ НАЙМАНЛАРИ ЭТНИК ТАРИХИДАН

Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихини, жумладан унинг шаклланишида фаол иштирок этган йирик этник бирлашма найманлардир.

Ўзбек найманлари муаррихлар Рашидиддиннинг “Жомеъ ат-таворих” (“Солномалар мажмуаси”), Шарафиддин Али Яздийнинг “Зафарнома”, Масъуд ибн Қўхистонийнинг “Тарихи Абулхайрхоний”, Ҳофиз Таниш ал-Бухорийнинг “Абдулланом”, (“Шарафномаи шоҳий”), Абулғозийнинг “Шажарайи турк”, шоир Турди Фароғийнинг шеърида ҳамда “Насабномайи ўзбек”, “Тарихи гузида, нусратнома”, “Асомийи наваду ду фирқайи ўзбек” (“Тўқсон икки ўзбек фирқасининг номлари”) каби манбаларда қайд этилган (Аҳмедов, 2001).

XIX-XX аср муаллифлари Н. Хаников, Ҳ. Вамбери, А. Гребенкин, Н.А. Аристов, А.П. Хорошхин, В.В. Радлов, Н. Ситняковский, И.П. Магидович, В.В. Бартольд, А.А. Семёнов, Б.Х. Кармишева, Б. Аҳмедов, К. Шониёзов, Х. Дониёров, М. Валиев, Қ. Кубаков, С. Қораев кабиларнинг асарларида ҳам найманлар йўл-йўлакай тилга олиб ўтилган, холос. Лекин ўзбек найманлари этник тарихи ҳақида ҳаттоки алоҳида илмий мақола ҳам ҳанузгача ёзилмаган.

XV аср 30-йилларида найманлар Даштикипчоқда Абулхайрхонни қўллаб-қувватлашган, сўнгра эса унинг невараси Шайбонийхон ҳам уларга таянган ва Шайбонийхон қўшинлари сафида хизмат қилганди (мазкур қўшинлар сўл томонини найманлар, манглай қисмини эса украш найманлар эгаллашган эди). “Таворихи гузида, нусратнома”даги 20 дан зиёд, “Шарафиддин Али Яздийнинг “Зафарнома”сида 44 та, Ҳофиз Таниш Бухорийнинг “Шарафномаи шоҳий” асаридаги 40 га яқин ўзбек қавмлари ичида ҳам найманлар тилга олинган. Шунингдек 1865 йилда Ҳ. Вамбери тузган 32, 1874 йилда А. Гребенкиннинг 20 ўзбек уруғлари рўйхатида ҳам найман этноними қайд этилган. Рашидиддин, Махмуд ибн Қўхистоний, Абулғозий, Н. Хаников, А.П. Хорошхин асарларида, “Насабномайи ўзбек”да,

ЎзР ФА Шарқшунослик институти қўлёзмалар жамғармасидаги манбаларда найман номи учрайди. 1924 йилда аҳоли рўйхатида ҳам найман уруғи қайд этилган (Этнический атлас Узбекистана, 2002. С. 303).

XIX асрнинг иккинчи ярмида ўзбек найманлари Зарафшон водийсида (63 қишлоқда), Фарғона водийсида, Сирдарё, Хоразм, Қорақалпоғистон, Қашқадарё ва Сурхондарё воҳаларида яшашган. Самарқанд вилоятида Найман, Найманча, Қоранайман, Равотнайманча каби қишлоқлар мавжуд (Қораев, 2005. Б.86).

1920-1924 йилларда ўтказилган аҳоли рўйхатида кўра Ўзбекистон худудида найманлар жами 53 минг кишини, Самарқанд вилоятида эса 43 мингга яқин кишини ташкил этган (ЎзСЭ, т. 9, 1977. Б. 471).

Элшунос олима Е.М. Пещереванинг маълумотича Қоратоғда Самарқанд вилояти Дахбед мавзесидан борган найманлар яшашган, чунки Дахбеднинг жануби ва жануби-ғарбий ҳудудларида асосан найманлар жойлашган эди. (Пещерева, 1959. С. 135).

Самарқанд вилоятида қипчоқлар ўтроқ ва ярми ўтроқ ҳолда яшовчи бошқа уруғлар найманлар билан ёнма-ён яшашган. Улар Пайариқ туманидаги Хоса, Маҳаммади, Чуқур, Мойлиболта, Томайрот, Қўтурбулоқ, Нарпай туманидаги Хўжақўрғон, Оқтепа, Қадим, Хўжақишлоқ, Чайқал, Бозоржой, Қорачиғатой каби қишлоқларда ўрнашган эди (Шониёзов, 1974. С. 115). Шунингдек Пастдарғом туманидаги: Милтиқчи (Уқрач найман), Димишқ Боло (Дашт найман), Димишқ Поён (Паст найман) (Қозоқ найман), Мианкау (Кўтарма), Найман (Жилонли). қишлоқларда ҳам найманлар яшашган 1880 йиллар охири Димишқ канали атрофидаги 12 та қишлоқда ўзбек найманлари (қозоқ гуруҳи) жойлашган эди.

Нуробод туманининг чўл ва тоғ олди қишлоқларидан куйидагиларда найманлар истикомат қилишган: Тепакўл, Эгрикулча, Сазоғон (Уқрач), Ингичка найман (Бурунсой), Арикли, Бойбича, Гумбаз (Бурунсой), Иброҳим ота (Уқрач), Уқрач найманлар бу ҳудудларга XVIII асрнинг охири чорақларида Зиёвуддиннинг шаркидаги ўрта асрдаги Дабусия шаҳри яқиндаги Қали қалъаси атрофларидан келиб қолишган (Этнографические очерки узбекского сельского населения, 1969. С. 24, 27, 30, 35, 36).

Найманларнинг шевалари турли-туман бўлиб, кўп ҳолларда яшаган жойлар аҳолиси тили ва шевалари билан аралашиб кетган. Самарқанд, Сирдарё ва Қашқадарё воҳаларидаги найманлар ўз шеваларида қипчоқлик хусусиятларини тўлиқ даражада саклаб қолишган (Дониёров, 1968. Б. 88).

XIX асрнинг охириларида ўзбек найманлари уч йирик уруққа бўлинган: кўштамғали, садирбеги, увахтамғали. Шунингдек найманларнинг бир қанча кичик гуруҳлари ҳам мавжуд бўлган: ағрин, айрончи, бадир, бия, боғонали, болтали, будалай, бурунсов, жағалбайли, жовтовон, жилонли (илонли), жумалақ (юмалок) бош, олти ота, олти ўғил, оқ тўнли, сегиз урув (саккиз уруғ), сари найман, тўртул (тўрт ўғил), тўрт тамғали, ургуч, украш, чанғали, чўмичли, ғозоёкли, қорачадат, қорасирак, қарғали, қилтамғали, қўлтамғали ва бошқалар.

Самарқанд вилояти Пастдарғом ва Нарпай туманларида истикомат қилувчи найманлар таркиби куйидагича бўлган: олти ўғил, пўлатча, улус, зарман, кичкидик, чимбой, қоранайман, захнайман. Шунингдек Хўжайли туманида ос-найман, оччили-найман, катанлар найман, ваҳимли-найман, турғоқ-найман, буйрак-найман, уйғур-найман, уйшун-найманлар гуруҳлари ҳам яшашган (Дониёров, 88-89-б.).

Зарафшон водийси саройларининг қипчоқ сарой таркибида чор кўса найманларини учратиш мумкин (Ташев, 1968. С. 16).

Академик К. Шониёзовнинг ёзишича, Зарафшон водийсида қипчоқларнинг қорақипчоқ тармоғида қоранайман гуруҳи мавжуд. Қоранайман ўзбек найманлари ва найман қирғизларининг энг асосий тармоқларидан ҳисобланади. XIX асрнинг биринчи чорағида Зарафшон қипчоқлари Бухоро ҳукмдори Амир Ҳайдар (1800-1926) зулмига қарши курашдаги ўзаро иттифоққа қоранайманлар ҳам қўшилган. XVIII-XIX асрларда Зарафшон водийсида чирқировук, чувуллоқ, болғали каби найман уруғлари водийдаги қипчоқлар таркибига ҳам кирган. Чирқировук, чувуллоқ каби найман қабилаларини Қарши воҳасидаги найманлар орасида ҳам учратиш мумкин.

Академик В.В. Радлов маълумотича юзларнинг найман эрганакли қавмида чолжувитлар бўлган. Найманлар Каттакўрғон шаҳри жануби, Жиззах шаҳри атрофларида яшашган. Қорапчи уруғида ҳам найман тармоғи мавжуд. (Радлов, 103-104-б., 227-б.).

Найманларнинг келиб чиқиши ҳақида тадқиқотчилар ханузгача бир фикрга келишмаган. Бир гуруҳ олимлар (И.Н. Березин, В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцев ва бошқ.) найманлар этногенезини мўғуллар билан боғлайдилар. Улар “н” сўзининг этимологиясини (мўғулча н-“саккиз”, “саккиз қабила”) ўз фикрларига далил қилиб кўрсатадилар. Иккинчи бир гуруҳ эса (Н.А. Аристов, Х. Ховорст, С.А. Омонжўлов ва бошқ.) найманларни турк деб ҳисоблайдилар.

Таниқли тадқиқотчи С.Қораев фикрича найман сўзи мўғулча саккиз деган маънони англатади (Қораев, 86-б.). Қабила таркибидаги тармоқлардан бири “сеғиз урув” (“саккиз уруғ”) деб ҳам аталади (Қораев, 148-б.). Манбаларда найманлар мўғул уруғлари деб ҳисобланар эди. Олимлар найман сўзи мўғулча “саккиз” маъносини англатади дейишади. Н. Аристов найман сўзи Сибирдаги Найма дарёси номидан олинган, бу қабила эса туркий деган фикрни билдиради. Сўнгги маълумотларга кўра найманлар асли туркий қабила бўлиб, саккиз уруғларни мўғуллар ўз тилига мослаб, найман деб атаганлар (Қораев, 206-б.).

Қадимги Шарқ кўлэзмаларида ҳамда Урхун ёзувларида “саккиз ўғуз” қабиласи иттифоқи тилга олинади. Улар яшаган ерларни X асрнинг ўрталарида, мўғуллар тилларида сўзлашувчи халқлардан бири – киданлар (ёки қора киданлар) ишғол этганлар. Саккиз ўғузлар киданлар томонидан тобъе этилган. Мўғул бўлмаган, аввалдан саккиз ўғуз деб аталувчи қабила бирлигини киданлар найман деб атай бошлаганлар. Демак, найманлар аслида туркий халқлардан бўлганлар.

Найманлар VIII асрнинг ўрталарида Байкал кўлининг жанубида яшаганлар. IX асрнинг ўрталарида улар Урхун дарёсининг юқори қисмидан то Торим ва Қора Иртишгача бўлган ерларни эгаллайдилар. Кейинчалик найманлар эгаллаб турган ерларнинг чегараси Хонгой ва Олтой тоғларигача етган. Улар шарқда керайитлар, шимолда қирғизлар, ғарбда қанғлилар, жанубда эса уйғурлар билан чегарадош бўлганлар. XII асрнинг ўрталарида найманлар кучайиб, Марказий Осиёда ўз ҳукмронликларини ўрнатадилар. Найманлар давлати XIII асрнинг бошигача, яъни мўғуллар истилосига қадар мавжуд бўлган. Найманларнинг охириги хони Таянхоннинг пойтахти Жаршиэнаур мавзесида (Қорақурумга яқин) жойлашган эди.

Абулғозийнинг “Шажараи турк” асарининг “Найман элининг зикри” фаслида шундай сатрлар бор: “Бу қадим эл турур. Бошлари ва моллари кўп бўлур эрди. Бурунқиларин билмаймиз. Анча бизнинг эшитганимиз бир подшоҳлари бор эрди, Қаркиш отли. Ул ўлгандан сўнг иниси бор эрди. Айнат отли ани подшоҳ қилдилар. Чингизхон замонида подшоҳларнинг оти Таянхон дер эрди. Ўғли бор эрди Кучлук отли. Юртлари мўғул юртинда бўлур. Қорақурум теган ерда ва экинлари бўлмас” (Абулғозий, Шажарайи турк, 1989. 37-б.).

Юқорида таъкидланганидек, XIII аср бошларида Ила дарёси соҳилларида яшовчи найманлар кучайиб, Кидан (Қора хитой) давлати ўрнида янги найман давлатини барпо қилишган. Уни найманлар бошлиғи Кучлук бошқарган. Найманлар Еттисувда ва Шарқий Туркистонда ислом динини қабул қилишган элатларни (қорақидан, қарлук, кипчоқ, қанғли ва б.) тобе этмоқчи бўлиб, улар устига ҳарбий юриш қилади. Найманлар бу ҳудудда яшовчи мусулмонларни таъкиб этиб, уларнинг овул ва қишлоқларини вайрон қилади, мол-мулкни талайди. Натижада мусулмонлар ўз юртларини ташлаб кетишга мажбур бўлишган. Қарлуқлар ва қанғлилар сардорлари найманлар зулмидан қутулиш мақсадида мўғуллар хони Чингизхондан мадад олишга интиланлар (Шониёзов, 2006. 382-б.).

XII асрнинг охириларида Чингизхон бошлиқ мўғуллар найманларга қарши ҳужум бошлайди. Бу кураш 20 йилдан зиёд давом этган. 1204 йилда қаттиқ жанглардан бирида Таянхон ҳалок бўлади. Найманлар эса мағлубиятга учраб, уларнинг катта бир қисми мўғулларга тобе бўлади.

Қозоғистон чўлларида кўчиб юрган найманларнинг бир қисми ўзбекларга қўшилиб, Шайбонийхоннинг Мовароуннаҳрга келган юришларида фаол иштирок этганлар. Найманлар Даштиқипчоқ ўзбеклари ичида энг нуфузлиси бўлиб, улар Абулхайрхонни қўллаб-қувватлаган ва Шайбонийхон таянган қабилалардан бири эди (Семёнов, 1954. С. 24, 29).

Мовароуннаҳрга келган этносларнинг ичида энг йирикларидан ҳисобланган

найманларнинг сони 30-50 мингдан то 200 минггача бўлиши мумкин (Шониёзов, 414-б.).

XV аср охири - XVI аср бошларида улар ҳозирги Ўзбекистон ҳудудларига кўчиб келиб ўрнашганлар. Даштиқипчоқ ўзбекларининг айрим гуруҳлари, масалан найманлар Мовароуннаҳр ва Хоразмни эгалламасдан анча олдин ҳам мазкур ҳудудларга келиб ўрнашган эдилар (Шониёзов, 410-411-б.).

Хуллас ўзбек халқи шаклланиш жараёнида фаол иштирок этган найманларнинг этник тарихини миллий мафкура йўналишида ҳолисона ўрганиш ҳозирги мустақиллик даври талабидир. Бу эса ўзбеклар этногенези ва этник тарихи бўйича салмоқли илмий тадқиқотлар яратишга, Ватан тарихи ва этнологияси саҳифаларини очилмаган қирраларини тўлақонли ёритишга ва халқимиз маънавиятини янада оширишга яқиндан ёрдам беради.

O. Buriev - From Ethnic History of Naimans of the Samarkand Oasis

Naimans are considered to be one of the largest nomadic tribes which took part in the ethno-genesis of the Uzbek people; this fact is fixed in numerous medieval written sources. History of Naimans has not yet been investigated up to level. Naimans live throughout the Samarkand district territory, mainly in agricultural regions; they don't contact with other ethnic group as to their origin, there are some foundations to consider them to belong to the Turkic group though Mongolized. In the middle 8th century Naimans lived not far from the Baikal lake, it's southern part; later on they were spread along the whole territory of Southern Siberia, Northern Mongolia and Central Asia, partly. They created their own statehood which was ruined in the 13th century by Chinghizhan. In late 15th – beginning 16th centuries they together with other Uzbek nomadic tribes participated in Maveraunnahr conquest.

*Б.Т. Турсунов
(Ўзбекистон)*

САМАРҚАНДДАГИ ЯХУДИЙЛАРНИНГ ИЖТИМОЙ – ИҚТИСОДИЙ ҲАЁТИ ТАРИХИДАН (XIX АСР ОХИРИ – XX АСР БОШЛАРИ)

Самарқанд аҳолисининг этник таркиби хилма-хил ва ниҳоятда мураккаб бўлиб, ҳозир шаҳарда 90 дан ортиқ миллат ва элат вакиллари истиқомат қиладилар. Уларнинг аксарияти маҳаллий аҳоли билан асрлар давомида елкама-елка меҳнат қилиб, ўзаро тинч – тотувликда яшаб келмоқдалар.

Яҳудийлар Марказий Осиё ҳудудида илк ўрта асрлардан яшай бошлаганлар. Яҳудийларнинг ўрта асрлардаги ижтимоий – иқтисодий фаолияти тарихига доир маълумотлар жуда сийрак. Аммо Самарқанднинг Россия империяси таркибида бўлган даври – XIX аср иккинчи ярми ва XX аср бошларига оид тарихий манбалар яҳудийларнинг ижтимоий – иқтисодий аҳоли тўғрисида кенг маълумот беради.

Бу даврда ҳам яҳудийлар асосан хунармандчилик, савдо ва тадбиркорлик соҳасида фаолият кўрсатган. Самарқандда яҳудийлар хунармандчиликнинг ипак калаваларни бўяш ва сотиш билан шуғулланганлар. 1893 йил Самарқандда турли чеварлик ишлари учун зарур бўлган рангли ипак калавалар савдоси билан машғул бўлган 31 кишининг $\frac{3}{4}$ қисмини маҳаллий яҳудийлар ташкил этган. Яҳудийлар маҳсулотни шаҳардаги маҳаллий ипак йигирув устахоналаридан сотиб олганлар. Уездларда ипак йигирув устахоналари деярли бўлмаган. Савдонинг ушбу тури билан шуғулланувчиларнинг йиллик савдо айланмалари ҳажми 800–900 рубл бўлиб, ундан олинган даромад 15 фоизни ташкил этган.

Рус мустамлакачилиги даврида яҳудийлар иқтисодий фаолиятининг яна бир тури бу мануфактура маҳсулотлари савдоси бўлган. Мануфактура маҳсулотлари гулдор ва ёрқин рангли чит, тик ва бўз матоларидан иборат бўлган. Самарқандда мануфактура маҳсулотлари савдоси асосан маҳаллий яҳудийлар қўлида бўлган.

Мануфактура савдоси билан шуғулланувчилар сони йилдан – йилга ошиб борган. Ушбу ҳолат мануфактура маҳсулотлари савдоси билан шуғулланувчиларнинг нисбатан кам миқдорда солиққа тортилганлиги ва рус маъмурияти томонидан мануфактура маҳсулотлари харидорлигирлигини ошириш мақсадида савдогарларга айрим имтиёزلарни берилганлиги би-

лан тушунтирилади. Агар Самарқандда 1896 йили савдонинг мазкур соҳаси билан 183 киши шуғулланган бўлса, 1898 йилга келиб уларнинг сони 232 кишига етган. Худудда юриб савдо қилиш ҳуқуқини берадиган гувоҳномаларни олиш учун 1896 йилгача улар йилига 19 рубл 20 копейк солиқ тўлаганлар, аммо 1897 йилдан бошлаб уларнинг маълум бир қисми 12 рубл солиқ тўлаб майда савдо билан шуғулланиш гувоҳномаларини олишган. 1898 йилда юриб савдо қилиш гувоҳномалари расмийлаштирилмаган.

Янги қонунга кўра, мануфактура маҳсулотлари билан савдо қилувчилар йилига 13 рубл 50 копейк ҳажмида солиқ тўлаб III даражали савдогарлик гувоҳномаларини олишлари шарт бўлган. Яхудий савдогарлари мануфактура маҳсулотларини кўтара савдо қилувчи маҳаллий савдогарлардан, шунингдек рус фирмалари ва савдо уйларидан насиёга олишган. Бунда улар маҳсулот умумий баҳосининг 10–15 % ни нақд тўлаб, қолган қисмини ойма–ой тўлаб борганлар. Яхудийларнинг насиёга маҳсулот бериш шартлари маҳаллий аҳолиникига нисбатан енгилроқ бўлган. Агар яхудийлар олинган маҳсулотлари учун ойига 1–1 ½% кўшимча маблағ тўлаган бўлсалар, маҳаллий аҳоли вакиллари 2–2 ½% тўлаганлар. Ушбу ҳолат яхудийларнинг савдодаги уддабуронлиги ва улар орасидаги бирдамликнинг кучли бўлганлиги билан изоҳланади. Савдо маҳсулотларини насиё олиш шартларидаги фарқ маҳаллий аҳолининг яхудийлар билан рақобатини қийинлаштирган. Яхудийларнинг савдо айланмалари ҳажми йилдан – йилга ошиб бораётган бир вақтда, маҳаллий савдогарларнинг сони қисқараверган.

Мануфактурачи савдогарларнинг йиллик савдо айланмалари ҳажми 20000 – 25000 рублга яқин бўлган. Маҳаллий савдогарлар 12–15% даромад қилган бўлсалар, яхудийларнинг даромади 20% гача етган. Туркистон ўлкасида мануфактура маҳсулотлари савдосида яхудийлар билан ҳатто «хукмрон миллат» вакиллари бўлган рус савдогарлари ҳам рақобат қила олмаганлар. Мануфактура савдоси билан шуғулланувчи маҳаллий яхудийлар кўлдан – кўлга ўтиб келаётган чит маҳсулотларини Москва баҳоларидан ҳам арзон сотганлар. Чунки яхудийлар узок муддатга насиё олинган мануфактура маҳсулотларини арзонроқ сотиб тезда нақд пулга эга бўлганлар. Яхудийлар бу маблағдан Россия саноати учун зарур бўлган хом ашёни олиб – сотишда фойдаланиб, насиёга олинган мануфактура маҳсулотлари пули ҳисобидан бир нечта тижорат операцияларини амалга оширганлар ва бундан катта даромад орттирганлар. Оқибатда яхудийлар орасидан кўплаб бой тадбиркорлар етишиб чиққан ва улар Туркистон ўлкасининг иқтисодий ҳаётида муҳим рол ўйнаганлар.

*С.М. Аминов
(Ўзбекистан)*

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ САМАРКАНДА

Самарканд, расположенный на перекрестке торговых путей, на протяжении всей своей почти трех тысячелетней истории был местом, где удивительным образом сплетались культурные традиции различных этносов. Определенное влияние на развитие экономики и культуры среднеазиатского региона и, в том числе, Самарканда сыграла еврейская диаспора.

Уже в первые века нашей эры в Средней Азии поселились евреи. Одно из самых ранних упоминаний о Среднеазиатских евреях относится ко второй половине XII века - «Книга путешествий» Биньямина из Туделы. В работах европейских ученых и путешественников XVIII–XIX вв. А. Вамбери, А. Борнса, Е. Эверсмана, Н. Ханькова содержатся более подробные сведения. Некоторые исследователи признают, что заселение евреями различных районов Средней Азии длилось веками, начиная примерно с VIII–VI вв. до н.э. с территории Ирана.

В XVII в. – первой половине XIX в., когда Самарканд находился в составе Бухарского ханства, где действовали антиеврейские ограничения, вошедшие в историю как «21 запрет». До первой половины XIX в. евреи Самарканда жили разрозненно в различных кварталах. 5 марта 1843 года в собственность самаркандской еврейской общины был приобретен земельный участок близ восточной городской стены. На этой территории создан еврейский квартал «махалла-и яхудион». В 1840–50-х гг. в Самарканде поселилось большое число евреев, бежавших из

Мешхеда.

После захвата Самарканда русскими войсками в 1868 году было значительно смягчено юридическое неравенство среднеазиатских евреев. В городе начали селиться ашкенази, их приток увеличился после ввода в строй Туркестанской железной дороги. В 1885–90 гг. в центре еврейского квартала Самарканда была построена большая синагога. К началу XX века в городе насчитывалось более 30 синагог. В Самарканде функционировало областное религиозное общество хасидов, насчитывавшее в 1914 году 853 человека.

В конце XIX века в официальных российских документах появился термин «бухарский еврей». Так именовали евреев, подданных Бухарского эмира, евреев же, проживавших на территории Туркестана – называли «туземные евреи».

После октябрьских событий 1917 года и связанных с ними политических изменений в Средней Азии термин «бухарский еврей» стал общим для всех местных евреев. В Самарканде были созданы еврейский культурный центр и средняя школа с преподаванием на иврите.

В 1926 г. численность еврейско-бухарской общины Самарканда составила 7740 человек, а в 1935 г. — 9832 человека; она оставалась самой большой общиной бухарских евреев. В Самарканде насчитывалось также несколько сот ашкенази. Работала средняя школа с преподаванием на бухарско-еврейском языке. По инициативе И.С. Лурье был создан Еврейский музей. Действовал театр, где ставились спектакли на бухарско-еврейском языке.

Традиционным и монополизированным занятием значительной части среднеазиатских евреев являлось красильное ремесло. Среди среднеазиатских евреев было много торговцев. Самаркандские купцы-коммерсанты принимали участие в торговых операциях с сопредельными странами. Среди них - Абрамовы, Фузайловы, Исахаровы, Ильясовы и другие. Вместе с тем, происходил переход среднеазиатских евреев к земледельческому труду. В 20-е годы XX века создаются еврейские сельскохозяйственные товарищества. В 1937 г. по Узбекистану было 15 еврейских колхозов, наиболее крупные из которых были в округе Самарканда.

В то же время, среди евреев были ювелиры, портные, парикмахеры, лекари; славились музыканты и танцоры. По всему Бухарскому ханству восхищались искусством профессиональных еврейских певиц – «созанда». В начале XX века ярко заявила о себе целая плеяда музыкантов, широко и надолго прославивших искусство Самарканда. Среди них Мурдахай Танбури, Камол хофиз, Кори Сирож, Михозль и Исроэль Толмасовы, братья Муллокандовы и т.д. Музыканты тесно сотрудничали с местными прославленными мастерами шашмакома. Так, вместе с Борухи Калхотом выступал и Ходжи Абдулазиз Абдурасулов. Одним из лучших певцов конца XIX – первой четверти XX в. был Леви Бабаханов. 1923 году он открыл в Самарканде кружок по изучению «Шашмакома».

С середины 1930-х гг. в Самарканде, как и во всей Средней Азии, развернулась кампания, направленная на искоренение культурной самобытности бухарских евреев. Прекратилось преподавание на еврейско-таджикском языке, закрылся театр. В Самарканде осталась лишь одна синагога. В результате «советизации» еврейского музея, проведенной в 1935 г., из него были изъяты экспонаты, связанные с религией, а в апреле 1938 г. музей был окончательно закрыт. Позднее власти ликвидировали еврейско-бухарский колхоз.

В годы Второй мировой войны в Самарканде среди эвакуированных были тысячи евреев из западных районов страны, оккупированных немецкими войсками. По данным переписи населения, в 1959 г. в Самаркандской области жили 14 496 евреев. В 1970 г. численность еврейского населения Самарканда составила 12 920 человек, Самаркандской области — 15 964 человека; в основном это были бухарские евреи. В 60-е годы начинается эмиграция евреев. В начале 1990-х гг. в Самарканде насчитывалось семь–восемь тысяч евреев. В настоящее время легально действуют общинные организации, работают синагоги.

Использованная литература

- Абрамов М.М. Бухарские евреи в Самарканде. Самарканд, 1993
Альмеев Р. Исследования и материалы по истории и этнографии бухарских евреев. Бухара, 1998.
Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент 1998.

- Гинзбург А.И. Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. М., 1995.
- Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Л., 1928.
- Назарьян Р. По страницам истории. Среднеазиатские евреи в Самарканде. Синагоги старого города // Годы, люди, факты: в 2-х частях. Самарканд. 1999.
- Поливанов Е.Д. К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка. Самарканд, 1989.
- Сухарева О. Бухара XIX–начала XX в. (Позднефеодальный город и его население) М. 1960.

S.M. Aminov - From History of Jewish Diaspora in Samarkand

In the article the questions about migration of Jews to Central Asia, forming of Jewish diaspora in Samarkand and their contribution to culture and economics are viewed.

*З.И. Иззатуллаев, З.Х. Умаров
(Ўзбекистон)*

ЎЗБЕКИСТОНДАГИ ДУНЁВИЙ, ҲУДУДИЙ ВА ЛОКАЛ ЭКОЛОГИК МУАММОЛАР, УЛАРНИНГ ИНСОН СОҒЛОМ ТУРМУШ ТАРЗИГА ТАЪСИРИ

Энди ҳеч кимга сир эмаски, XXI аср бошида ҳам «Инсон ва табиат» ўртасидаги мураккаб муносабатлар глобал – умумбашарий муаммолар инсониятга таҳдид солмоқда, бу эса бизнинг мамлакатимизни ҳам чеклаб ўтмайди. Чунки Республикамиз жуғрофий томондан юқори экологик хавфли ҳудудда жойлашган. Шу билан биргаликда Ўзбекистон Республикасининг ҳар бир фуқароси бу муаммодан четда бўлмаслиги лозим, чунки кўпгина давлатлар, муассасалар унга бу миллатники эмас деб қарайдилар, энг яхши ҳолатда уни – ҳудудий чекланган деб ҳисоблайдилар. Ўзбекистон Республикасининг Президенти И. Каримов дунё аҳлини дунёдаги экологик ҳолатнинг хавфсизлигининг олдини олиш ҳақида бир неча бор огоҳлантирган эди (Каримов, 1998). Бунга мисол, Орол фожияси аллақачон халқаро аҳамият касб этиб, бутун дунё муаммосига айлангани ва уни бартараф этиш учун фақат Марказий Осиё минтақасидаги давлатлар эмас, балки бутун жаҳон мамлакатлари аҳли биргаликда иш тутишлари лозимдир.

Республика Ўзгидрометининг кузатишлариغا қараганда, 2002 йил 35 шаҳар ва қишлоқ аҳолиси пунктларида, 2003 йил –34 шаҳар ва 2004 йил 31 тасида атмосфера ҳавосининг 14 та газ аралашмаси, 5 та оғир металллар ва бенз(а)пирен ҳамда ерга яқин ҳудудда радиоактивлик ифлосланишининг миқдори ўрганилган. Натижалар шуни кўрсатдики, бутун республика майдони бўйича атмосфера ҳавосининг сифати ва ифлосланиш даражаси нормадан зиёд ўзгармаган. Бироқ айрим шаҳарларда атмосферанинг даражаси – АИД ёки ИЗА (5) нормадан ошиқ бўлган: Тошкентда 8,38, Навоийда – 6,21, Нукусда – 5,18 ва ҳ.

2003 йилда Республикада автотранспорт ҳавога 67%, ишлаб чиқариш муассасаларидан эса 33% ташландиқ модда чиқарилган бўлса, Самарқанд вилоятида бу кўрсаткич 95 ва 5% ташкил этган. Бироқ 2002 йилга қараганда 2003 йилда Республикада ташландиқ моддаларнинг атмосферага чиқарилишининг умумий ҳажми 7,4% га камайган.

Ҳозирги кунда Республикада радиацион ҳолат энг танг ҳудудларга қуйидагилар киради: 1. Чоркесар аҳоли яшаш нуқтаси шахта сувлари, яшаш хоналардаги қурилма материалларида, ерда радоннинг концентрацияси ПДК дан юқори; 2. Алатанга, Каттасой каби уран кони атрофидаги яшаш ҳудудларда радон миқдори кўпдир; 3. Охангарон водийсидаги – Ангрен, Алмалиқ, Нуробод хоналарини иситишда ишлатилган кўмир қолдиқларидаги уран миқдори; 4. Учқудуқдаги уран кони атрофи ва бошқалар (Мониторинг окружающей природной среды, 2005).

Айни кунда Республикада 461 та қишлоқ хўжалигига тааллуқли собиқ аэродромлар аниқланган ва улар табиий атроф-муҳитнинг потенциал ифлослантириш манбаидир. Энг кучли ифлосланган майдонлар Сурхондарёда 30 та, Сирдарё ва Бухорода – 10 тадан, Хоразмда 11 ва Самарқанд вилоятида-9. Ушбу ҳудудларда хлорорганик пестицидлар билан ифлосланиш даражаси ижозат этилган меъёрдан 50 баробар ортик.

2003-2004 йилларда аҳолининг инфекциян касалликлари Республикада Тошкент ва Фарғона вилоятларида техноген юк остида юз берган ва ушбу ҳудудларда аҳоли ўртасида: бактериал дизентерия, сифилис, ОРЗ, қизилча касалликлари устунлик қилади; Навоий, Бухо-

ро, Сирдарёда илк бор бруцеллез аниқланган, Самарқандда эса – менингококклик инфекция, табобатхоналар ички инфекцияси қайд қилинган.

Ўзбекистон Республикасида экологик ҳолат энг оғир ҳудуд бу Орололди майдонлари ҳисобланиб, у Қорақалпоқистон Республикаси ва Хоразм вилоятидир. Биринчисида экологик ҳолати яхши тумани умуман йўқ. Муйнак тумани эса экологик ҳалокатли ҳудудга киради. Хоразм вилоятидан – Урганч, Хозарасп, Янгибозор туманлари ва Урганч шаҳри фавқулдда экологик ҳудудда жойлашган.

Республиканинг марказий зонада жойлашган Самарқанд вилоятида 47% аҳоли экологик вазият ижозат этилган зонасида ҳаёт кечиради.

Шундай қилиб комплекс баҳолаш натижасида Республиканинг 8% майдони экологик хатар зонасида жойлашган, у ерда 0,1% аҳоли яшайди, фавқулдда экологик ҳолат зонасида 29% майдонда – 12% аҳоли, кескин экологик ҳолат зонасида 37% майдонида 41% ва экологик ҳолат ижозат этилган зонанинг 26% майдонда, 47% аҳоли истиқомат қилади.

Юқоридагиларни таҳлил қилиб, қуйидагиларни таклиф этамиз:

Экологик хавфли ҳудуд, экологик офатли минтақаларни ҳар томонлама чуқур ўрганишни давом эттириш;

Маҳаллий ҳудудларда экологик экспертизани кучайтириш;

Экологик хавфли ва зарарли ишлаб чиқариш объектларни рўйхатга олиш;

Атмосфера ҳавосини яхшилаш учун шаҳарларга киришда ва ундан чиқиш нуқталарида ДАН томонидан экологик назоратни кучайтириш;

Республикада ойма-ой, шаҳарларда ҳар ҳафтада экологик ўзгаришлар радио-телевидение орқали эшиттириш ва матбуотда мунтазам эълон қилиб бориш;

Республикамиз атмосфера ҳавосининг иссиқлигини инобатга олиб шаҳарларнинг дам олиш масканларида, хиёбонларида қалин соя берадиган дарахт ўсимликларини (садақайрағоч, терак, каштанлар кабиларни) экишни жорий этиш;

Шаҳарларнинг кўп қаватли иморатларига ичимлик ва техник сувларни алоҳида–алоҳида етказиб бериш, транспортларни ювиш шаҳобчаларидаги тоза сувларни техник сувлар билан алмаштириш;

Шаҳар ва қишлоқларда соғлом экологик ҳолатни сақлашда маҳаллий қўмиталарнинг ва бу жараёнда аҳоли иштирокининг ролини кучайтириш;

Экин экиладиган ерлардан унумли фойдаланишда кичик фермер хўжаликларини бирлаштириш.

Хуллас, аҳолининг экологик маданиятини ошириш лозим.

*Л.А. Алибеков, С.Л. Алибекова, М. Жанига
(Ўзбекистан, Словакия)*

РОЛЬ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ АРИДНЫХ ЗОН (НА ПРИМЕРЕ САМАРКАНДА)

В формировании, становлении и в устойчивом развитии г. Самарканда большую роль сыграло его географическое положение и окружающая природная среда. Территория города, находясь в центре Зарафшанской долины, лежит на стыке двух ландшафтов: полосе равнинных и горных территорий. Природные условия этих различных ландшафтов усилили предпосылки концентрации в этой полосе хозяйства и населения, обусловленные самой природно-географической ситуацией, которая издавна использовалась человеком в его производственной деятельности.

В полосе стыка гор и равнин, т.е. в предгорье, где расположен г.Самарканд, орографические, климатические, гидрологические (наличие многочисленных постоянно действующих родников и ручьев) условия создают наилучшие предпосылки для развития многоотраслевого

хозяйства, и для жизни населения. Развитие и расширение г.Самарканда сложилось в полосе контакта гор и равнины средней части бассейна Зарафшана, на обширной подгорной равнине, удобной для развития самотечного орошения.

Средняя часть Зарафшанской долины, где расположен г.Самарканд окаймлена мощными горными хребтами, хранящими в своих недрах разнообразные минеральные ресурсы и строительные материалы, которые также способствовали развитию города Самарканда.

Горные хребты, окаймляющие Зарафшанскую долину, воздействуя на циркуляцию атмосферы, способствуют стабилизации климатических условий в течение всего года, преобладают ветры восточного (26-43%) и юго-восточного (32-35%) направлений, которые долину р. Зарафшан «проветривают» и заполняют чистым горным воздухом. Поэтому г. Самарканд и прилегающие территории отличаются сравнительно прохладным климатом.

Природные условия бассейна р. Зарафшан (особенно в среднем его течении) в четвертичное время были благоприятными для жизни первобытных людей, о чем свидетельствует изобилие археологических памятников различных эпох. В настоящее время их выявлено несколько сот – это города, крепости, поселения и стоянки.

В доисторические времена и на заре цивилизации человек обычно жил в пещерах, которые образовались в известняках. Северные склоны Зарафшанского хребта сложены из карстообразующих девонских известняков, поэтому эти горы отличаются изобилием древних карстовых пещер. Именно эти простые природные факторы (пещеры) определили места некоторых самых ранних поселений, возникших в те незапамятные времена, когда нашим предкам приходилось искать убежище от внешних врагов, в силу этого, северные склоны Зарафшанских гор, обрамляющих территорию Самарканда были заселены с глубоких времен. Среди них пользующиеся всемирной известностью как пещерная стоянка Аманкутан, Токаликсай и др.

Город Самарканд возник в месте, обитаемом в первобытную эпоху. Маломощные горные ручьи, образовавшиеся на северных склонах Зарафшанского хребта, стремились к пойме Зарафшана. Дикие заросли в низовьях ручьев и пойме Зарафшана изобиловали водой, топливом, дичью и плодами. Эти естественно-географические условия благоприятствовали заселению района Самарканда племенами охотников-собирателей эпохи позднего палеолита, неолита и земледельцами эпохи бронзы.

Именно характер ландшафта местности определил местоположение первых поселений, которое со временем превратилось в большой город.

Территория города Самарканда и прилегающие районы исключительно богаты подземными водами, залегающими на глубине от 1 до 20 м. По мере удаления от Зарафшанских гор, подземные воды приближаются к земной поверхности, а в наиболее пониженных участках долины выклиниваются в виде родников со значительным дебитом. В древние времена родники были основными водными ресурсами г. Самарканда. Об этом свидетельствует верхнепалеолитическая стоянка, обнаруженная на правом берегу ручья Чашмы Сиаб, питающегося из родников. Несомненно, родники, расположенные на территории, где намечалось строительство города, не могли не привлечь внимания древних градостроителей.

Кроме чрезвычайно выгодного географического положения, на многие стороны жизни и облика старого Самарканда повлиял густой лесной покров Зарафшанских гор. В древности горы между Шахрисабзом и Самаркандом были покрыты густыми лесами. Вероятнее всего, это был арчовый лес. Жизнь всех народов, населяющих места, где встречается арча, издавна связана с этим деревом. Именно арчовые балки по сей день, удерживают своды многих старинных зданий Самарканда. Когда люди научились плавить металл, то и здесь арча сыграла свою роль: при выплавке металлоизделий использовался арчовый уголь. По мере развития цивилизации арча находила все новые и новые применения.

В истории г. Самарканда воплотился вековой опыт народа, отразивший климато-географические условия города и окружающих его природных ландшафтов. Традиционный тип Самаркандских построек способствовал созданию благоприятной жизненной среды. Самарканд времен Амира Темура был образцом экологически благоприятных городов. Вокруг города шумели тринадцать садов – широкое зеленое кольцо.

Современная территория города Самарканда - особый, уникальный тип экосистемы (ландшафта), это по сути *антропоэкологическая система*, включающая природную первооснову, городское население и городскую среду с ее не только материальным субстратом, но и специфическим социокультурным пространством – интеллектуальным, языковым, коммуникативным.

Жители города Самарканда и прилегающих районов – носители разных культур, разного исторического опыта, населяющие разные ландшафтные ниши, выработали собственные, зачастую неповторимые формы социальной адаптации к среде обитания, свои самобытные «генетические коды», оригинальные способы жизнедеятельности, позволявшие - в конкретной историко-географической обстановке и до известных пределов поддерживать устойчивость. Все это - залог и императив его устойчивого, в меру возможностей, развития в условиях современного, все более глобализирующегося мира.

А.М. Шамсиев
(*Ўзбекистон*)

ЭКОЛОГИК ТАРБИЯ ВА УНИНГ АҲАМИЯТИ ҲАҚИДА

Экологик хавфсизликни таъминлаш ҳозирги куннинг долзарб муаммоларидан биридир. Ер юзиди бирорта ҳам давлат йўқки, у ерда экологик хавфсизлик масалалари тўла ҳал қилинган бўлсин. Чунки, илмий-техникавий ривожланиш ҳамда кишилар тафаккурининг глобализация томон жадал ўзгариши барча мамлакатларда кузатилмоқда.

Атроф – муҳитни ифлосланиши юқорида эслаб ўтилган ходисаларга кўп жиҳатдан боғлиқдир. Ишлаб чиқаришда экологик номукамал техника ва технологияларни қўлланиши, ишлаб чиқаришни поёнсиз жадаллаштириш табиийки, экологик муҳитга ўзининг салбий таъсирини кўрсатмасдан қолмайди. Бунинг устига кўпчилик аҳолининг экологик тафаккури илмий –техникавий ривожланишдан ортда қолаётганлигини таъкидлаб ўтиш лозим. Бунга кишиларнинг нафақат муаммони тушунмаслиги балки, тушуниб туриб тўғри муносабатда бўлмаслиги ҳам катта ташвиш уйғотади. Шу боисдан аҳолини экологик тарбиялаш ва унга қатъий риоя қилишни таъминлаш нафақат тиббиёт ходимларининг, балки барча ўқув юртларининг, ишлаб чиқаришга масъул кишиларнинг, турли соҳа вакилларининг, жамоанинг ва ҳатто, кенг жамоатчиликнинг ҳам муқаддас бурчидир.

Оммавий ахборот воситалари экологик муаммоларга гўёки, қандайдир вақт ажратгандай ва барча муаммоларни ёритаётгандай бўлиб кўринади. Аммо, бу масалада улар кўпинча бир томонламаликка йўл қўйиб келмоқдалар. Мисол учун инсоннинг ички экологик муаммоси деярли ёритилмайди. Табиийки, бу муаммо илгари ҳам бўлган. Лекин, фақат бугун ушбу муаммони бутун қўлами ва мураккаблиги билан кун тартибига қўйиш навбати етиб келди.

Республикамиз «Экосан» жамғармаси бошлиғи, профессор Ю. Шодиметов: “Кўрғошин қувурлар, керосин чирок, жинчироклар ўтмиш бўлиб қолди. Аммо, янги ифлосланиш манбалари, масалан, кўплаб дори-дармон ва пардоз воситалари пайдо бўлдики, гўё биз уларсиз яшай олмайдигандай”, - деб ташвиш билан таъкидлайди.

Дарҳақиқат ҳозирги пайтда дори –дармон воситаларини ишлаб чиқариш мислсиз даражада ортиб бормоқда. Тиббиёт ва фармакология соҳасидаги ютуқлар туфайли биз инсон организмнинг бутун фаолиятини бошқаришга қодир бўлган аллақанча дори-дармонларга эга бўлдик. Ҳаммамиз ҳам ўзимизни салгина нохуш сезсак, дарҳол дори-дармонларга ёпишиб кетамиз. Эндиликда бунга ҳатто ажабланмайдиган ҳам бўлиб қолдик.

Биз дори-дармонни дунёдаги жами бало-офатлардан қутқарадиган халоскоримиз деб, қарашга одатландик. Қани бирор кимса уларни зарарли деб кўрсинчи. Аммо, таассуф билан шуни айтиш лозимки, одам организмда асоратини қолдирмайдиган дорининг ўзи йўқ. Бинобарин дорини ичавериш оқибатидан ҳеч ким зарар кўрмай қолмайди. Ҳатто, шундай ҳам бўладики, дори янги ва ғайри оддий хасталик манбаига ҳам айланади. “Дори касаллиги” – фармакология ходисасининг ачинарли оқибатидир. Аллергиядан кўплаб кишиларнинг бугунги

кунда азият чекаётгани бунинг пировард натижасидир. Жаҳон Соғлиқни Сақлаш Ташкилоти (ЖССТ) маълумотларига кўра, ер юзидида ҳар беш кишидан биттаси ҳозирги вақтда аллергияга мубтало бўлган.

Экологик зарарли кимёвий бирикмалар кўп учрайдиган Марказий Осиё шароитида дориларнинг одам организмига зарарли таъсири янада кучаяди.

Айни пайтда бу борада илмий тадқиқотлар жуда секинлик билан олиб борилмоқда. Айниқса кимёвий фармакология воситаларидан оқилона фойдаланишни тарғиб қилиш ачинарли аҳволдир. Бундай аҳволдан чиқиш йўли одамларда экологик онгни шакллантиришдан иборатдир.

Экологик онгни шакллантириш эса ҳар қандай маънавий- маърифий таълим сингари, икки жиҳатни ҳисобга олади:

Табиатга нисбатан бевосита амалий фаолиятни ўзгартиришни;

Экологик тарбия жараёнида шахснинг фаол тахлилий ёндашувни шакллантириш катта ўрин эгаллайди.

Экологик тарбия – табиатга муайян қарашларни ҳосил қилишдангина иборат эмас. У аниқ жиҳатларга эга бўлиб, ҳар бир одамнинг муайян фаолияти билан узвий боғлиқдир.

Табиат муҳофазаси юзасидан аниқ амалий фаолият кўникмасини вужудга келтириш катта тарбиявий мазмунга эга. Шахснинг жамият билан табиат ўртасидаги ўзаро бир-бирига бўлган ижтимоий–экологик муаммоларини англаб етиши экологик тарбиянинг марказида туради.

Ҳозирги вақтда одамнинг табиатга муносабати “одамни одамга бўлган муносабати” сингари ахлоқий аҳамиятга эгадир. Бу ўринда экологик тарбия муҳим ўрин тутди. Бундай тарбия асосини эса ижтимоий ва шахсий манфаатларни уйғунлаштириш ҳамда одамда ўз атрофидаги табиатни муҳофаза қилиш ва бойитиш бўйича ички эҳтиёжни вужудга келтириш ётади.

Тарбиянинг пировард мақсади эса ҳар бир инсонда, айниқса ёшларда юксак экология маданиятини вужудга келтиришдан иборатдир.

Экология таълими узоқ вақт давом этадиган жараён бўлиб, фаол- таъсирчан, ҳужумкор тарздаги амалий кўникмаларни муттасил орттириб боришни тақозо этади.

Экологик таълимдан мақсад одамларнинг тафаккурида, уларнинг атроф муҳитга муносабатида теран ижобий ёндашувлар ҳосил қилишга эришиш, экологик жиҳатдан соғлом турмуш тарзини шакллантиришга кўмаклашиш, табиатдан фойдаланишнинг эҳтиёткорона усулларини кўллашдан иборатдир.

Экологик тарбия ҳамда экологик фикрлашни шу соҳадаги аҳволнинг ўзгариши бўйича доимий ва мунтазам йиғиб туриладиган ахборотларсиз, уларни тахлилий ёндашувсиз шакллантириб бўлмайди.

Хулоса қилиб айтганда, экологик тарбия кишиларни атроф муҳитга жиддий эътибор билан қарашга, уни асрашга ва шу йўл билан ўз саломатликларини мустаҳкамлашга хизмат қилади.

A.M. Shamsiyev - Environmental Education and its Significance

The article deals with ecological problems and its importance in forming ecological sense. Educating this sense among people will not bring ecological disorder, but in contrast it serves to maintain ecological safety in dwelling regions.

*С. Шодмонова
(Ўзбекистон)*

XIX АСР ОХИРИ XX АСР БОШЛАРИДА САМАРҚАНДА СОҒЛИҚНИ САҚЛАШ МАСАЛАЛАРИ

XIX асрнинг охири - XX аср бошларида Туркистонда, шу жумладан Самарқандда ҳам соғлиқни сақлаш муассасалари вужудга кела бошлаган эди. XIX асрнинг 90-йилларида Самарқанд вилояти аҳолисига 4 уезд врачлари (ҳар бир уездга биттадан), Самарқанд шаҳар врачлари, Самарқанд ҳамда Хўжанд аёллар ва болалар шифохонасининг 2 нафар аёл врачлари, 12 нафар фельдшер ва 1 нафар фельдшер аёл тиббий ёрдам кўрсатишган. XIX аср 90-йилларининг бо-

шида Самарқанд вилоятида 23.493 кишига тиббий ёрдам кўрсатилган, бу даврда вилоят аҳолиси 680.000 кишини ташкил этганини ҳисобга олсак, ҳар 29 кишидан бири тиббий ёрдам сўраб, врач ёки фельдшерга мурожаат қилгани кўринади (1). Бу эса вилоятда тиббиёт ходимлари умуман етишмаётганидан далолат беради. Аҳолига тиббий ёрдам кўрсатишнинг етарли эмаслиги натижасида ҳамда аҳолининг қашшоқлиги оқибатида бутун Туркистон каби Самарқанд вилоятида ҳам оғир юқумли касалликлар эпидемияси тез-тез бўлиб турган эди. Мисол тариқасида 1892 йилда рўй берган вабо касали оқибатида вилоятда 7872 киши вафот этган. Аҳолини тоза ичимлик суви билан таъминлаш, Туркистон халқи учун катта муаммолардан бири эди. Буни ўша даврда Туркистонда яшаган ва хизмат қилган турли мутахассислар ҳам бир неча маротаба кўтариб чиққанлар (1, 2, 3, 4). Биргина Тўрткўл волостида 1887-1892 йилгача 2189 киши турли касалликлардан айниқса, безгак касаллигидан вафот этганлар. 1887 йилда бу волост аҳолиси 7050 киши бўлган бўлса, 1892 йилда улардан 3133 киши тирик қолган эди (2). Шундай оғир касалликлар эпидемияга айланишига қарамасдан ҳукумат томонидан аҳолининг тиббий аҳолини яхшилаш учун жиддий чоралар кўрилмаган эди, тиббий ходимлар сони эса Россия империясидаги ички губернияларидагига нисбатан анча кам эди. XIX асрнинг 90-йилларида Самарқанд вилоятида 97.100 кишига 1 нафари врач, 34.000 кишига 1 нафари фельдшер тўғри келган. Самарқанд вилояти қишлоқларидаги тиббий аҳвол янада аянчли эди. Бутун вилоят қишлоқларида фақат 9 та тиббий ёрдам пунктлари бўлиб, уларнинг ҳар бирига йилига дори-дармонлар ва боғлама материаллари учун 150 р. ажратилган эди. Демак Самарқанд вилояти қишлоқ аҳолисига медикаментлар учун 0.290 копеек сарфланган (5). Вилоят шаҳарларида эса бир кишига бу мақсадда 5 копеекдан ошиқроқ маблағ сарфланган эди (1). Бу ҳолни 1898 йил сентябрь-октябрь ойларида Самарқанд уезди Искандар волостидаги Анзоб қишлоғида чума (ўлат) касаллиги тарқалган пайтда ҳам кўриш мумкин эди. Бу касаллик Анзоб қишлоғида сентябрь бошидан тарқалиб, бир ой ичида 357 киши касалликка чалинган эди, шулардан 219 киши вафот этган эди, фақат 4 киши (3 та эркак ва 1 та аёл) тузалиб кетган эди. 27 сентябрда уезд маъмурияти бундан хабар топган ва 3 октябрда у ерга уезд врачлари жўнатилган. Маълумотларни фоиз ҳисобида олганда, аҳолининг 63 фоизи бу касалликка чалинган, беморларнинг 97 фоиздан ошиғи вафот этган ҳамда 1 фоизигина тузалган эди (6). Касаллик бутун Туркистонга тарқалиб кетмаслиги учун унинг олдини олишга киришилади. Қишлоқда шифохона йўқлиги учун битта уй шифохона учун мослаштирилади. Кўрилган чоралар натижасида октябрь ойида касаллар сони камайди, агар сентябрда кунига деярли 10 киши қурбон бўлган бўлса, октябрда ҳаммаси бўлиб 20 киши касалга чалинган, шулардан 18 нафари вафот этган. 26 ноябрда карантин бекор қилинган эди (6). Шунини таъкидлаш жоизки, Анзоб эпидемияси аҳолининг қурбон бўлиши бўйича даҳшатли ҳисобланган 1720 йилдаги Марсель эпидемиясидан ҳам ошиб кетган эди, Марсель эпидемиясида Анзобдагига қараганда 2 баробар кам киши вафот этган эди.

Анзобдан ўлатга қарши олиб борилган ишлар, касаллик тарихи ва уни даволаш йўллари ҳақида воқеа иштирокчиси бактериологик тадқиқот олиб борган тиббиёт доктори Я.М. Финкелштейн "Туркестанские ведомости" газетаси саҳифасидаги мақоласида батафсил маълумот берган эди. Анзоб воқеасидан кейин Туркистондаги қишлоқларга тиббий ёрдам кўрсатишни биров кучайтиришга ҳаракат қилинган эди. 1898 йилда Самарқанд уездида Дағбит, Янгиқўрғон ва Жумабозорда фельдшерлик пунктлари очилган эди (3). Анзобдаги эпидемия аҳоли тиббий аҳолини яхшиламаслик қандай оқибатларга олиб келишини яққол кўрсатган эди.

XX аср бошларида ўлкада уезд врачлари билан бир қаторда участка врачлари лавозими ҳам жорий қилинган эди. 1905 йил 26 декабрь қонунга кўра, Сирдарё, Самарқанд ва Фарғона вилоятларида 44 участка врачлари лавозими жорий этилган бўлиб, хусусан Самарқанд вилоятида 10 участка врачлари иш бошлаган эди (7). Бу қонунга кўра, уезд врачлари зиммасида фақат суд-медицина ишлари қолдирилган эди. Лекин 1905 йил 26 декабрь қонунига кўра, амалга оширилган ишлар аҳолига тиббий хизмат кўрсатиш учун етарли эмас эди, чунки аввалгидек вилоят уездларида аҳолининг асосий қисми мавжуд шифохоналар жуда узоклиги

туфайли тиббий ёрдамсиз қолиб кетаётган эди. "Туркестанские ведомости" газетаси саҳифасида эълон қилинган "Ўлкада тиббий ёрдам кўрсатишни кучайтириш масаласига доир" номли мақоласи маълумотига кўра, 1913 йилда Самарқанд уездидаги Дағбит шифохонасига 69437, Ургут шифохонасига 141.569, Пендусакент - 10340, Каттакўрғон уездида Пайшамба 57641, Митан-49384, Жиззах уезди Янгиқўрғон шифохонасига 72080 киши, 3 мин 87961, Боғдон 82198, Хўжанд уезди Ўратепа 103113, Нов шифохонасига 83670 киши тиббий ёрдам сўраб мурожаат қилишган эди (8). Юқорида келтирилган маълумотлардан кўринадики, шифохоналар жуда кўп кишига хизмат кўрсатган, хизмат кўрсатиш доираси ҳам жуда катта майдонни ўз ичига қамраб олган эди, баъзи қишлоқлардан шифохонага етиб бориш учун узок йўл босиб ўтишга тўғри келар эди.

Шу даврда Туркистон шароити ҳисобга олинган ҳолда алоҳида аёлларга ҳам тиббий хизмат кўрсатиш ишлари йўлга қўйила бошлаган эди. 1885 йилнинг августида Самарқанд шаҳрида маҳаллий аҳоли аёллар ва болалари амбулаторияси ташкил этилган эди (9). Бу шифохонанинг ҳамма ходимлари аёллардан иборат бўлиб, унда врач аёл мудира вазифасини бажарган эди. Амбулаторияни молиявий жиҳатдан таъминлаш Самарқанд шаҳар бошқаруви зиммасига тушган эди. Беморларга дорилар амбулатория шароитида ҳамда уйга берилганда ҳам Самарқанд земство дорихонасидан бепул берилган. Ҳамма ҳаражатлар учун: ходимларнинг иш ҳақи, бинони иситиш, сув билан ҳамда канцелярия буюмлари билан таъминлаш учун йилига 2290 р. ажратилган. Бу шифохонанинг биринчи йиллик фаолияти ҳисоботи "Туркестанские ведомости" газетасининг бир нечта сонларида чоп этилган бўлиб, ҳажм жиҳатидан катта бўлган бу ҳисоботда Самарқанд шаҳри маҳаллий аёллари ва болаларига тиббий ёрдам кўрсатиш аҳволи тўғрисида қизиқарли маълумотлар берилган (10). Унда кўрсатилишича, 1886 йилда бу шифохонага 3213 аёл ва болалар мурожаат қилганлар, шулардан 2142 нафари аёллар, 1071 нафари болаларни ташкил этган. Бемор аёлларнинг миллий таркиби қуйидагича бўлган: ўзбеклар ва тожиклар 1756 киши, яҳудийлар 166 киши, қозоқлар 133 киши, форслар 78 киши, араблар 9 киши ташкил этган (10).

Шифохонага мурожаат қилган аёлларнинг 22,9 фоизи буқоқ касали билан оғриганларни ташкил этган, болаларнинг эса 9,43 фоизи бу касаллик билан оғриганларга тўғри келган (10). Иккинчи ўринда сифилис (захим) касаллигига чалинган беморлар мурожаат қилган бўлиб, улар умумий фоизнинг аёллар ва болалар ичида 13,7 фоизини ташкил этган эди. Бундан ташқари шифохонада кўз касалликлари, тери ҳамда ошқозон-ичак касалликлари, турли юқумли касалликларга чалинганларга тиббий ёрдам кўрсатилган эди. Аёл врачлар фақат амбулатория шароитида эмас, керак бўлганда беморларнинг уйларига ҳам бориб даволаганлар. Масалан, 1898 йилда Самарқандда 16 марта аёлларни кўриш учун врач чақирилган бўлса, 1899 йилда 40 марта чақирилган, баъзи беморларга бир неча мартабадан (2 -10 марта) тиббий ёрдам кўрсатилган эди (11).

Самарқанд шаҳрида мавжуд шифохоналардан ташқари тиббиёт ходимлари хусусий ҳолда ҳам аҳолига тиббий ёрдам кўрсатганлар. XX аср бошида Самарқандда турли мутахассислар газеталарда ўз фаолиятлари тўғрисида эълон берганлар. Айниқса, стоматологлар хусусий фаолияти кенг йўлга қўйилган эди. Бир қанча стоматологлар томонидан тишни даволаш ва олиш, олтин ва фарфордан тиш қўйиш ишлари амалга оширилган.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, XIX асрнинг охирида Туркистонда, шу жумладан Самарқандда шарқона табобат билан ёнма-ён европача услубдаги тиббий муассасалар вужудга кела бошлаган эди. Аммо бу соҳани ривожлантириш учун етарли маблағ ажратмаган, фельдшерларнинг касбий савияси анча паст эди.

Бунинг устига рус врачлари маҳаллий тилларни билмаслиги ҳам маҳаллий аҳолига тиббий ёрдам кўрсатишни қийинлаштирган эди. 1914 йилнинг 3 сентябрида "Садои Фарғона" газетасида чоп этилган, "Табибга муҳтожлик" мақолада ёзилишича, маҳаллий кишилар касал бўлиб қолса докторга ёрдам сўраб мурожаат этишга иккиланишига сабаблардан бири уларнинг тил билмаслигидир. Мақоланинг номаълум муаллифи маҳаллий аҳолидан доктор йўқлигидан афсус надомат чекар экан, болаларни мактабда ўқитмагандан кейин аҳвол шундай давом этишини тушунтириб, "биз учун неча юз мусулмон доктор бўлса камлик қилур", деб

ёзган (12) эди.

Использованная литература

- Васильев Н. Наша общая беда и как помочь ей. // Окраина. 1895. № 61, 62, 64, 66, 68, 71, 73. Самарканд // Туркестанские ведомости. 1893. 11 июль.
- Рисовые поля и лихорадки // Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд. 1902. С.163-179:
- П.В. О влиянии рисовых полей на здоровье населения / На рубеже. 1909. № 108.
- В.К. Медицинская помощь населению в Туркестане // Туркестанские ведомости. 1898. № 84.
- Финкельштейн Я.М. Чума в Анзобе // Туркестанские ведомости. 1898, № 97,98.
- Медицинское дело в крае // Ташкентский курьер. 1908. № 18.
- К вопросу об усилении врачебной помощи в крае // Туркестанские ведомости. 1914. № 100.
- Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в г. Самарканде // Туркестанские ведомости. 1885. № 37.
- Отчет о деятельности лечебницы для туземных женщин и детей в г. Самарканде за 1886 г. // Туркестанские ведомости. 1887, № 46,47.
- Пахомова Е. Из записной книжки женщины-врача / Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд. 1902. С. 84.
- Табибга мухтожлик. // Садои Фарғона. 1914 йил 3 сентябр.

*P. Leriche Ch. Pidaev
(France, Uzbekistan)*

LA SOGDIANE ET LA BACTRIANE, D'ALEXANDRE AUX SASSANIDES

Pour les auteurs arabes, la Sogdiane est constituée de la vallée du Zeravchan dans son cours moyen, mais certains y ajoutent également la région de Boukhara ainsi que le Kachka Daria avec les villes de Kech et Neseif (Bartold III, 487-488)

Dans la littérature actuelle les auteurs se sont affrontés pour définir l'extension de la Sogdiane antique. La plupart la limitent à la zone proche des steppes et des sables du Kizil Koum et du Kara Koum, d'autres considèrent qu'elle englobe les montagnes du Hissar jusqu'au Badakhchan.

Dans le sujet qui nous intéresse ici, ce problème représente un intérêt mineur, car ce ne sont pas les frontières qui sont ici en question. Ce que nous voudrions plutôt mettre en valeur, c'est le rôle relatif de ces deux entités géographiques dans l'Antiquité, en particulier à travers l'histoire de leurs capitales respectives, jusqu'à l'arrivée des Sassanides.

Cette période représente un moment très particulier dans l'histoire de l'Asie Centrale, dont les textes et l'archéologie montrent qu'elle aurait connu une période de puissance politique aux 8e-7e siècles av. n. è. Il y aurait eu alors un puissant royaume de Bactriane qui aurait protégé Zoroastre. Mais à la fin du 6e siècle, ce royaume aurait été annexé par Cyrus et, réduit à l'état de province de l'empire perse, la Bactriane y aurait joué un rôle éminent mais second. Après sa difficile et brutale conquête par Alexandre, la Bactriane-Sogdiane reste une simple province dans l'empire séleucide. Tout change avec la proclamation de l'indépendance du royaume de Bactriane en 250 av. n. è. par Diodote. La Bactriane devient alors un centre politique de première importance en retrouvant un statut d'état maître de ses destinées.

Cet état dure cinq siècles, jusqu'au moment où, au milieu du troisième siècle, Châpour Ier annexe ces régions dans le nouvel empire sassanide dont le centre est très loin vers l'Ouest, en Perside.

Au cours de ces cinq siècles d'indépendance, Sogdiane et Bactriane coexistent mais connaissent une évolution différente du fait de leur position géographique qui joue un rôle majeur dans la place que l'une et l'autre occupent dans le monde d'alors.

Sogdiane et Bactriane à la veille de la conquête d'Alexandre

Les textes nous apprennent peu sur la Sogdiane antique avant la conquête d'Alexandre. On constate seulement que, face à la richesse de la Bactriane, les régions périphériques paraissent moins favorisées.

Vers 518, Darius établit la liste des "nomes" et fixe les tributs:

- XII : Bactriens et (?) = 360 talents
- XVI Parthes, Chorasmien, Sogdiens, Ariens = 300 talents (Hérodote III, 90-94)

En 330, sous Darius III, à la veille de la conquête d'Alexandre, l'autorité du satrape de Bactres s'étend en Sogdiane.

Selon Arrien (III, 8. 3-6) : Bessos, satrape de Bactriane, commande aux Bactriens, Sogdiens et Saces. Diodore (XVIII, 3.3) qui nous donne liste des "Hautes Satrapies" en 323 regroupe clairement Bactriane et Sogdiane. Et P. Briant remarque qu'aucun satrape individualisé n'est jamais nommé". (p. 766-67).

Cela ne veut pas dire pour autant que les Sogdiens ne forment pas un ensemble différent des Bactriens. P. Briant p. 525 note la vigueur des langues bactrienne ou sogdienne et souligne que tous deux ont des usages différents de ceux des Perses (par ex : le décharnement des cadavres).

D'après les récits de la conquête de ces régions par Alexandre, et surtout des combats particulièrement sanglants qui se sont déroulés en Sogdiane, on observe que ces deux régions ont une structure économique et sociale différente.

En Bactriane, on note le poids de l'économie irriguée et le rôle des *hyparques* :

- ceux-ci se retirent dans leurs villages en Bactriane lorsque Bessos s'apprête à franchir l'Oxus vers le Nord (Q-C III, 28, 10 ; Arrien, III, 19.2).

- ils sont hostiles à Alexandre et s'inquiètent de leur convocation par Alx à un *sylogos* à Zariaspa (Bactres) (Arrien IV, 1.5). Cela suppose une circonscription territoriale, des archives qui sont consultées pour la grande parade que constituaient les *sylogoi*.

En Sogdiane, le tableau est nettement différent :

Bien sûr, « au même titre que Bactres, Maracanda abrite une résidence officielle (*basileia* tès Sogdianôn Khôras) (Arrien, III, 30, 6, *in* PB, p. 1052).

Mais (Quinte-Curce VIII, 1), Cleitos à Samarcande s'adresse à Alexandre : "Tu me donnes le gouvernement de la Sogdiane qui s'est tant de fois révoltée et qui, non seulement n'est pas domptée mais qui est indomptable. C'est-à-dire que tu me confines parmi des bêtes sauvages qu'on ne saurait apprivoiser..."

Quinte-Curce VIII, 1. 11-12 : "En ces contrées le faste barbare se traduit essentiellement par de magnifiques fauves qu'on enferme en bandes dans des parcs et des terrains boisés de vastes étendues. Pour cela, on choisit de vastes forêts que parent des sources nombreuses aux eaux éternelles ..."

Sogdiane et Bactriane à l'époque grecque

D'après les textes des historiens d'Alexandre, on observe que lors de l'offensive macédonienne, ni Bactres ni Maracanda n'ont résisté efficacement à Alexandre, mais que toutes deux lui ont servi de résidence d'hiver. Ce n'est qu'après avoir été reforifiées par les Grecs que ces deux capitales ont pu jouer un rôle militaire. Elles ont toutes deux soutenu un siège de Spitamène et, surtout, Bactres a résisté victorieusement durant trois ans au siège d'Antiochos III à la fin du 3e siècle.

Les recherches archéologiques

Les recherches archéologiques anciennes n'ont guère apporté d'information sur la Maracanda grecque, à l'exception du fait que les fortifications ont été restaurées, mais non remplacées (ce qui prouve que les Grecs pensaient qu'elle étaient suffisantes pour lutter contre des "nomades").

Les recherches entreprises depuis dix-huit ans par la mission Franco-Ouzbèque de Sogdiane ont montré que la seule preuve de la présence des Grecs à Maracanda est représentée par une muraille restaurée plutôt que construite sur un tracé antérieur, de grands silos de grains et une céramique qui montre une occupation épisodique de la citadelle.

D'autres grands sites sogdiens (Er Kurgan, Boukhara) ou de plus petites dimensions (Kindiklitepa dans l'oasis de Karchi) présentent des niveaux d'époque hellénistique et certaines maisons d'Er Kurgan ont été peintes selon la mode grecque. La céramique appartient surtout à la deuxième moitié du IIIe siècle, c'est-à-dire à l'époque gréco-bactrienne avec des formes d'imitation grecque. Quelques terres-cuites révèlent une influence grecque. Mais, comme l'a justement remarqué A. V. Sedov (1990), la présence de ce matériel n'implique pas nécessairement une présence grecque.

En Bactriane, les fouilles de Bactres ont longtemps été infructueuses et n'ont livré des vestiges grecs que récemment. Mais les recherches de terrain ont permis la découverte de plusieurs sites militaires grecs comme Dil'bergine, Jiga Tepe au Sud ou Kampyr Tepe, Termez, Khaytabad, Payon Kourgane, Karabag Tepe, ou Derbent au Nord. Et surtout, elles ont été en grande partie consacrées à

l'exploration de la grande cité d'Ai Khanoum, une incontestable capitale gréco-bactrienne.

De manière plus générale on constate une sorte de décalage dans l'occupation des sites entre les deux régions. Cette différence dans l'intensité de l'occupation grecque en Bactriane et en Sogdiane ne paraît pas être le résultat d'une quelconque prise de possession de la Sogdiane par les « Nomades » dont Euthydème aurait évoqué le danger dans ses négociations avec Antiochos III. On n'a, en effet, guère trouvé de tombes de nomades de cette époque en Sogdiane. Apparemment, les Grecs trouvaient moins de profit à exploiter le potentiel de la Sogdiane ouverte vers la steppe et faiblement urbanisée que celui de la Bactriane, grande région de terres agricoles irriguées par de nombreux cours d'eau descendant des montagnes de l'Indou Kouch ou du Hissar, fortement urbanisée et naturellement protégée au nord comme au sud par les montagnes.

Et il n'est pas indifférent de savoir que c'est à l'époque gréco-bactrienne qu'une barrière a été élevée entre la Sogdiane et la Bactriane le long de la ligne de crêtes des monts du Hissar avec une série de forts et un point de passage coupé par une puissante muraille à Derbent.

L'époque des invasions nomades et de l'empire kouchan

Vers 145 avant n. è., les Grecs abandonnent la région pour se retirer en Inde, au sud de l'Indou Kouch. C'est alors que Sogdiane et Bactriane passent sous la domination de peuples venus de la steppe et poussés vers le Sud par des conflits entre tribus de populations pastorales (Wou Souen) nomadisant dans les grandes steppes du nord et de l'Est (Tarim). C'est à ces populations qu'appartiennent les tombes aristocratiques découvertes à Kok Tepe en Sogdiane (princesse dite nomades) et à Tilia Tepe en Bactriane (cinq tombes royales). La grande richesse de ces tombes montre clairement qu'on a affaire à une domination assise sur le pillage.

On connaît très mal cette période des deux côtés du Hissar, mais il semble que l'occupation dite

nomade n'implique pas pour autant un déclin de ces régions. C'est, en effet, l'époque où la Bactriane se couvre d'une multitude de petits châteaux et où d'anciennes cités comme Kunduz retrouvent le rôle de capitale régionale qui était le sien au sein de la Bactriane achéménide. Les auteurs grecs et latins parlent alors de la « Bactriane aux mille villes ». Ce phénomène, dû sans doute à une sorte de féodalisation de la société bactrienne, révèle probablement une continuité des structures sociales de la Bactriane d'avant Alexandre avec un poids important des nobles, les *hyparques* des historiens d'Alexandre. Rappelons que ce sont ces nobles qui avaient soutenu Bessos avant de l'abandonner lorsque celui-ci décida de pratiquer la politique de la terre brûlée en Bactriane puis d'abandonner cette région pour se réfugier en Sogdiane.

Au début du Ier siècle de n. è., les Yue Tche, l'une des tribus qui occupent la Bactriane s'impose aux autres et fonde l'empire kouchan. C'est alors que la coupure politique entre Sogdiane et Bactriane se confirme, de part et d'autre de la barrière du Hissar. Ceci se traduit par une apparente divergence d'évolution entre ces deux régions.

En Sogdiane, le matériel archéologique marque une incontestable différence par rapport à la Bactriane, ce qui signifie probablement que ces deux régions sont indépendantes l'une de l'autre. On assiste peu à peu à un déclin progressif de la Sogdiane et certains sites comme Samarcande voient leur superficie diminuer au point qu'il a fallu construire de nouvelles murailles plus réduites.

En Bactriane, c'est un tableau très différent qui s'offre à nous à travers les recherches archéologiques : les forteresses grecques et post-grecques se transforment en villes, les capitales comme Bactres et Kunduz se renforcent et une capitale kouchane est fondée à Termez qui, de petit site défensif et religieux, devient une grande cité puissamment fortifiée et dont la superficie finit par atteindre trois cent cinquante hectares.

Un autre aspect traduit une profonde différence entre les deux régions : celui de l'expansion du bouddhisme. L'état kouchan a créé les conditions d'une circulation aisée entre le monde indien et les steppes de Margiane et de Sogdiane. C'est alors que le bouddhisme essaime vers le nord, au-delà de l'Indou Kouch, et se développe en Bactriane du sud comme du nord. Plusieurs monastères sont fondés à Termez ou à Zar Tepe, mais aussi plus au nord à Dal'verzine Tepe. S'appuyant sur ces bases, le Bouddhisme se diffuse ensuite vers le bassin du Tarim et la Chine, mais, curieusement, très peu en Sogdiane (surtout dans la boucle du Syr Daria), comme si celui-ci se heurtait au poids du zoroastrisme. Et c'est alors que se diffuse avec la nouvelle religion, l'art gréco-bouddhique né au Gandhara et en Bactriane qui donne naissance à l'art bouddhique proprement dit.

Après la conquête sassanide

Au cours de la période kouchane, il est clair que la Sogdiane a toujours été en retrait par rapport à la Bactriane. Avec la conquête sassanide, mais surtout avec le développement de la « Route de la Soie » les choses changent en profondeur. Jusque là, c'était le facteur de richesse agricole et de structure sociale locale qui avait fait la suprématie de la Bactriane et le relatif effacement de la Sogdiane. Désormais s'y ajoute celui de plus en plus important de voie commerciale.

C'est alors, en effet, que la Sogdiane profite de sa situation d'intermédiaire entre les empires romain et chinois entre lesquels les échanges de haute valeur se multiplient (soie, métaux précieux, ivoires, pourpre, verres etc). C'est alors au IIIe siècle de n. è. que des colonies de Sogdiens essaient sur toutes les étapes de la route de la Soie et s'installent en Chine. Les caravanes parcourent des routes de direction est-ouest et beaucoup moins de direction nord-sud en raison du fait que désormais les marchandises du monde indien s'exportent par l'Océan Indien où Rome a implanté des comptoirs comme celui d'Arikamedu où l'on a retrouvé des masses de céramique sigillée rouge fabriquée en Gaule. La route terrestre, plus onéreuse et plus périlleuse que la route maritime, est progressivement délaissée.

C'est aussi l'époque des invasions ephthalites, kidarites. Une période sombre s'ouvre pour la Bactriane.

Conclusion

De cette comparaison de l'évolution entre ces deux régions on peut conclure que par son potentiel agricole, sa structure économique et sociale, la Bactriane a longtemps joué le rôle de puissance supra-régionale face à une Sogdiane nettement moins développée et dont le rôle politique et très limité.

Mais avec le rôle du commerce international et des échanges, la Sogdiane mieux située sur les routes terrestres internationales est-ouest et moins enclavée que la Bactriane entre ses montagnes, connaît une prospérité qui échappe à la Bactriane et développe une civilisation brillante sous l'influence sassanide, ainsi qu'on peut en admirer les reflets à Pendjikent, Boukhara et Samarcande.

Tout comme de nos jours, la mondialisation des échanges à la veille de la conquête arabe a provoqué un bouleversement en profondeur, provoquant la crise de certaines régions jadis prospères (la Bactriane) et entraînant le développement d'autres régions jadis en retrait (la Sogdiane).

*Э.З. Нуриддинов
(Узбекистан)*

МЕСТО САМАРКАНДА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Республика Узбекистан, имеющая богатые культурно-духовные традиции и многовековую историю своего народа и государственности, может гордиться своим вкладом в развитие мировой цивилизации.

Однако, в процессе своего развития, она пережила различные исторические этапы и смогла сохранить культурно-духовное достояние узбекского народа, и передать весь его колорит современному поколению. При этом, традиции духовного творчества узбекского народа, культурно-исторические и архитектурные памятники, сосредоточенные в древних городах страны, занимают особое место в деле обогащения сокровищницы современной мировой культуры.

Одним из таких центров по праву является город Самарканд. Он получил всемирную известность благодаря той высокой роли, которую сыграл в истории народов Востока, являясь одним из древнейших центров городской цивилизации. Примечательно, что его культурно-историческое значение и географическое расположение на перекрестке караванных дорог Великого шелкового пути, позволяют рассматривать город как торговый центр, связующий страны и народы Востока и Запада не только в прошлом, но и в настоящем. Самарканд во все времена играл и играет роль своеобразного моста для поддержания дружественных взаимовыгодных политических и культурно-духовных связей между народами мира. И не будет преувеличением сказать, что Самарканд является второй столицей Узбекистана. Об этом свидетельствует тот факт, что ни один визит зарубежных делегаций не проходит без посещения древнего города.

Сегодня, когда Узбекистан занимает достойное место на международной арене, непременно велик вклад Самарканда в процессе развития политического, экономического и культурно-духовного сотрудничества республики со странами и народами мирового сообщества. Особенно знаменит Самарканд тем, что он занимает достойное место в современной мировой культуре, играя роль связующего моста в сближении духовных ценностей народов разных стран. За годы независимости нашей страны, он превратился в место проведения крупных международных культурных мероприятий.

Одним из ярких тому свидетельств служит организованный по инициативе Президента Ислама Каримова проведение в 1997 году в городе Самарканде Международного музыкального фестиваля «Шарк тароналари»¹. Значимым событием для первого фестиваля стало то, что в дни его проведения была организована научно-практическая конференция на тему «Общность музыкального искусства народов Востока». Она проходила в атмосфере оживленного диспута и творческой мысли. Итогом конференции стало принятие декларации, в котором нашла свое отражение идейная инициатива участников конференции о придании Международному музыкальному фестивалю «Шарк тароналари» статуса традиционного².

Вот уже в течении десяти лет ежегодно для участия в престижном Международном музыкальном празднике, в город Самарканд съезжаются представители творческих коллективов не только из стран Востока, но и западных государств. Несмотря на то, что представители Японии, Египта, Индии, Кореи, Пакистана, Индонезии, Малайзии, США, Германии, Греции, Франции и многих других стран исполняют произведения, отличающиеся и по своей форме, и

по содержанию, каждое из них отражает чувство подлинной человеческой любви. И каждый раз, в дни проведения этого мероприятия сцены, сооруженные на площади Регистан и по всему городу, привлекают к себе внимание тысяч поклонников восточной музыки. Песням и мелодиям, предложенным на фестивальном конкурсе, аплодируют тысячи самаркандцев - истинных поклонников искусства. Это является ярким свидетельством того, что музыка, так же как и любое произведение искусства, не имеет национальной принадлежности, она своей сутью служит общечеловеческим ценностям. Поэтому, ежегодное проведение фестиваля «Шарк тароналари» свидетельствует о мощном культурно-духовном потенциале нашей страны, о большой любви к искусству. Он демонстрирует приверженность народа Узбекистана к общечеловеческим ценностям, глубокому уважению к искусству и культуре всех народов мира. А древняя жемчужина Востока - Самарканд, оставаясь верным вековым традициям, продолжает свою миссию, занимая достойное место в развитии современной мировой культуры.

Практика международных отношений свидетельствует, что в деле скрепления уз дружбы и сотрудничества народов немаловажное значение занимает проведение различных культурных мероприятий. Среди них особое место отводится проведению «Дней культур», где в комплексе представляются культурно-духовные достижения народов.

Узбекистан неоднократно был местом проведения «Дней культур» зарубежных стран. Так, например, «Дни культуры» Японии в Узбекистане впервые проводились в 1996 году³, а в 2002 году они получили свое логическое продолжение в нашей республике⁴. Важно заметить, что мероприятия, запланированные в дни проведения «Дней культуры» Японии, имели широкий масштаб действий по всей республике. Самарканд не был исключением. Здесь состоялось несколько мероприятий. В частности, на площади Регистан свое искусство представил традиционно-музыкальный ансамбль с острова Окинава. Это дало возможность жителям города, ближе познакомиться с уникальными духовными особенностями окинавцев. Кроме того, во многих кинотеатрах города Самарканда был организован фестиваль японского кино, где демонстрировались лучшие художественные и мультипликационные фильмы. В целом, проведение «Дней культуры» Японии в Самарканде, дало возможность жителям города, ближе познакомиться с современным образом жизни и культурой японского народа.

Республика Узбекистан является не только местом проведения культурных мероприятий народов зарубежных государств, но и сама принимает активное участие в их проведении за пределами страны. При этом, большое значение отводится культурно-духовному зодчеству города Самарканда, который неоднократно представлял нашу республику за рубежом. Так, например, в 1995 году во Франции прошли «Дни Самарканда». Основная цель данного мероприятия была направлена на ознакомление французской общественности с древней историей, культурой, традициями, обычаями и современной жизнью узбекского народа⁵.

В ходе проведения Дней Самарканда парижане увидели выступления фольклорного ансамбля «Зарафшан», документальные фильмы об истории и культуре Узбекистана. Широко была представлена выставка фотографии, осветившая древние архитектурные памятники Самарканда, а также сегодняшнюю жизнь узбекского народа⁶.

О высоком статусе Самарканда в современной мировой культуре говорит и тот факт, что в зарубежных странах из года в год возрастает интерес к истории, культуре и современной жизни этого древнего города нашего края. Так, например, в Германии по первому телеканалу «АРД» в рамках просмотра передач из цикла «Сокровища мира и население человечества», инициированного совместно с ЮНЕСКО, в 2000 году прошла успешная демонстрация трехсерийного документального фильма «Три дороги в Самарканд»⁷.

Данная кинолента, подготовленная фирмой «Элонг Меконг Продакшн» при поддержке Информационного агентства «Жахон» и Посольства Республики Узбекистан в Федеративной Республике Германии, стала еще одним свидетельством возрастающего интереса немецких журналистов к богатой истории, культурному наследию и сегодняшней жизни Узбекистана. Этот фильм, рассказывающий о вехах истории города, дал телезрителям возможность совершить путешествие по его средневековым памятникам - медресе, мечетям, мавзолеям, украшенными голубыми куполами, создающими ощущение присутствия в стране восточных сказок

«Тысяча и одна ночь»⁸.

Таким образом, мы видим, что Республика Узбекистан, как суверенное государство занимает позицию активных действий на международной арене в деле укрепления и развития культурно-духовного сотрудничества народов стран мирового сообщества. А древние города страны, такие как Самарканд, своими культурно-историческими достопримечательностями занимают особое место в современной мировой культуре. Они вносят неоценимый вклад в процесс укрепления и взаимного культурно-духовного обогащения народов разных стран.

Примечания

1. Текущий архив Министерства по делам культуры и спорта // Справочно-информационный материал о международных культурных мероприятиях в 1997 году. С. 4.
2. Там же. С. 4-5.
3. Текущий архив Министерства по делам культуры и спорта // Отчет о международных культурных мероприятиях проведенных в Узбекистане в 1996 году. С. 3.
4. Там же. Справочно-информационный материал о международных культурных мероприятиях проведенных в 2002 году. С. 6.
5. Текущий архив Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей Республики Узбекистан с зарубежными странами // Папка культурного сотрудничества с Францией. С. 1.
6. Там же. С. 1-2.
7. Текущий архив Управления европейских стран Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. Папка №16. Германия // Информационный материал о культурном сотрудничестве Узбекистана и Германии в 2000 году. С. 2.
8. Текущий архив Управления европейских стран Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. Папка №16. Германия // Информационный материал о культурном сотрудничестве Узбекистана и Германии в 2000 году. С. 2-3.

МУНДАРИЖА

ШАҲАРСОЗЛИК ВА ДАВЛАТЧИЛИКНИНГ ИЛК ШАКЛЛАРИ

М.Ж. Жўрақулов, Д.М. Жўрақулова Самарқанд худудининг энг қадимги маданият тарихи саҳифаси.....	7
Н.У. Холматов Самарқанд худудида билан боғлиқ жойлар: Тош даври жамоалари моддий маданияти.....	10
Б.К. Сайфуллаев, Н.Х. Тошкенбаев Зарафшоннинг ўрта оқимидаги қадимий маданиятлар	13
А.С. Сағдуллаев Самарқанд қадимги урбанизация тизимида	17
М.Х. Исамиддинов Афросиёбда қадимги шаҳарнинг пайдо бўлиши масаласига доир.....	18
Ф. Грене, Ш. Раҳманов Афросиёбнинг илк мудофаа тизимининг ёши бўйича янги маълумотлар (мил. авв. VI асрнинг ўрталари ёки иккинчи ярми).....	21
Н. Алмазова Антик даврда Самарқандда тўқимачилик.....	23
В. Рузанов Афросиёбда антик ва ўрта асрларда рангли металлларга ишлов бериш	27
К. Рапен Темир даври Аҳмонийлар истилосигача Кўктепа.....	29
М.Х. Ҳасанов Қадимги Сўғдда шаҳар маданиятининг шаклланишига оид айрим янги маълумотлар.....	38
Ш.Б. Шайдуллаев Қадимги Сўғд худудида илк шаҳар маданиятининг шаклланиши ҳақида айрим мулоҳазалар ...	41
Х.-П. Франкфор Аҳмонийларгача ва аҳмоний даврига оид Самарқанддан топилган муҳрлар ва Темир даври Марказий Осиё тош ўймакорлиги	42
А.В. Омельченко Жанубий Сўғд шарқий қисмининг сиёсий тарихини тиклаш тажрибаси (мил. авв. IV аср охири – мил. IV аср).....	48
Г.А. Кошеленко Қадимги даврда Марказий Осиё тарихи бўйича янги ёзма ҳужжатлар.....	52
М.Х. Пардаев, Ф.Э. Тошбоев Сўғд цивилизацияси тизимида кўчманчи чорвадор халқларнинг ўрни.....	54
С.Р. Баратов Сўғд ва Хоразм архаик маданиятида умумий ва ўзига хос хусусиятлари.....	58
Ю.Ф. Буряков Сўғд ва Чоч. Қадимги Ўзбекистоннинг икки маданиятининг ўзаро алоқалари ва ўзаро таъсири	61
М.И. Филанович Илк ўрта асрларда Сўғд ва Чочнинг юқори даражадаги маданиятларининг ўзаро алоқалари.....	65
М. Този, А. Бердимуродов, Ф. Франческини, Д. Джорджетти, С. Мантеллини, Зарафшон воҳаси ўрта қисмининг археологик ҳаритаси: Самарқанд минтақасини ўзлаштириш тарихини ўрганиш стратегияси ва методлари	68
А. Бердимуродов, С. Мантеллини, Б. Матбобоев Кофирқалъа – Самарқанд ҳукмдорларининг ёзги қароргоҳи	73
Г.И. Богомолов Зардуштийлик дафн маросимлари тарихидан.....	77

А.А. Раимқулов	
Самарқанднинг қадимги динлари тарихидан (христианлик).....	81
А.А. Грицина, И.Д. Иваницкий	
Афросиёбдан топилган киртимукха	84
М. Хўжаназаров	
Самарқанд атрофидаги қадимги санъат обидалари	86
Ж.К. Мирзаахмедов	
Самарқанд (Афросиёб)нинг мўғуллар истилоси воқеаларига доир материаллар мажмуаси.....	89
Г.Б. Нормуродова	
Ўзбек давлатчилигининг ривожланишида Самарқанд шахрининг тутган ўрни	95

САМАРҚАНД БУЮК ИПАК ЙЎЛИДА. ХАЛҚАРО САВДО

Л.Б. Кирчо	
Марказий Осиёда савдо йўллари шаклланишининг бошланиши (мил. авв. IV-III минг йилликда Жанубий Туркменистон ва Зарафшон водийси аҳолисининг маданий алоқалари).....	97
Ў. Мавлонов	
Самарқанд Ўрта Осиё икки дарё оралиғининг қадимги йўллари тизимида	101
Г.Ф. Коробкова	
Қадимги ва ўрта асрлардаги Самарқанд Буюк ипак йўлида (Афросиёб хунармандчилиги манбалари асосида)	104
Э.В. Ртвеладзе	
Самарқанд Буюк ипак йўлида	109
Д. Жоржетти	
Самарқанд Шарқ ва Ғарб маданиятлари чорраҳасида	112
Сун Сян	
Самарқанд ва қадимги Ҳитой.....	118
Синру Лиу	
Самарқанд ва Ҳиндистон.....	118
Когучи Ясуо	
Сўғдийлар ва Сўғд маданияти Японияда	119
Такао Уно	
Ҳитойда Сўғд қабрларининг очилиши	125
Б. Абдулғозиева	
Ипак йўлидаги афсона ва дostonлар	127
М.-Ш. Қдирниязов	
Самарқанд ва Хоразм (Амир Темур пойтахтининг Хоразм билан алоқалари тўғрисида)	132
Д. Раҳмонова, Н. Кучимов	
Амир Темур даврида ташқи савдо ва бож сиёсати.....	135
Ш.Т. Холиқулов, А.Э. Қурахмедов	
XIX аср охири - XX аср бошларида Самарқанд шаҳар савдосининг ўзига хос хусусиятлари ...	137
М. Альрам	
Бактриядан Эфталит тангалари ҳазинаси.....	139
Ж.Я. Илёсов	
Самарқанд ҳукмдорлари тамғасининг келиб чиқиши тўғрисида	146
Л.Ю. Шпенёва	
Султон Аҳмаднинг дастлабки ҳукмронлиги йилларида пул сиёсати.....	150
В.Н. Настич	
Амир Темур ва илк Темурийларнинг Самарқандда зарб қилган тангалари тўғрисида.....	152
Н.Н. Ҳабибуллаев	
Қадимги Самарқанд қоғозининг ишлаб чиқарилиши сирлари	160

Д. Султонова, З.А. Мухторов “Муқаддас коғоз” ёхуд Самарқанд коғозининг қайта тикланиши	162
О.П. Кобзева Зарафшон водийси этник хилма-хиллигининг ривожланишида Буюк ипак йўлининг ўрни	164

АМИР ТЕМУР ВА ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДА МАРКАЗИЙ ОСИЁ ҲУДУДИДАГИ УЙҒОНИШ

Ж. Яхшилик Амир Темур буюк бунёдкор шахс	167
Б.Э. Йўлдошев Амир Темурнинг ҳарбий саркардалиқ салоҳияти	169
И. Каримова, Б. Ўроқов Амир Темур илм-фан ва маданият ҳомийси	171
Анита Барселлини, А. Шермухамедов Самарқанднинг қайта тикланиши ва шаклланишида Амир Темурнинг ўрни	173
Р.Б. Бердиев Амир Темур ҳомийлигида Самарқандда илм-фан билан шуғулланган олимлар фаолияти тарихидан	176
Ж. Ҳасанбоев Амир Темурнинг Самарқанд маданияти ва равнақидаги роли	178
Р. Орзибеков Ўзбек мумтоз адабиётида соҳибқирон Амир Темур сиймоси	180
З.Э. Раупова Бобурийлар сулоласи аёллари	181
Ф.Х. Ҳайдарова Бибиҳонимнинг давлат бошқарувидаги фаолиятига оид	183
М. Муҳитдинова Шарқ аёллари (Бибиҳоним тимсолида)	184
А.Ф. Файзуллаев Улуғбек ва унинг қоинотни билиш усуллари	185
Э. Ҳайдаров, А.Д. Қобулова, П.С. Ҳайдарова «Авесто» дан Мирзо Улуғбекнинг “Зижи” гача бўлган чексизлик тўғрисидаги тасаввурларнинг асосий тараққиёт босқичлари	187
М.Қ. Қодиров, Б.М. Махмудов Улуғбек даври фани тарихидан	188
М. Оллаёров Мирзо Улуғбекнинг мунажжимлик мактабининг фалсафий-мантикий асослари	190
Ф.Ш. Шомукарамова Ўзбекистонда XX асрнинг 20-80-йилларида Мирзо Улуғбек илмий меросини ўрганишнинг хусусиятлари	192
Н.К. Чориев Шарқ уйғониш даври ва Улуғбек академияси	196
М.Н. Абдуллаева, З.Р. Қодирова Улуғбек билиш назарияси мактабининг эстетик аспекти	198
Фредерик Брессан Темурийлар даври маданий равнақи	200
Д. Салоҳий Алишер Навоий Самарқандда	202
Р.Р. Назаров Амир Темур давлатида миллатлараро толерантлик	204

А.А. Қамарзода	
Шарқ адабиётининг тараққиётида Самарқанднинг хиссаси	207
Р.Г. Назарьян	
Абдурахмон Жомийнинг “Бахористон” асари ва унинг ўрта асрлар Шарқ шеърлятидаги ўрни.....	209

ЎЗБЕКИСТОН ФАНИ ВА МАДАНИЯТИНИНГ ЖАҲОН ЦИВИЛИЗАЦИЯСИДА ТУТГАН ЎРНИ

Д. Юсупова	
Самарқандлик олимларнинг жаҳон маданиятига қўшган хиссаси	212
Р. Сулаймонов	
VII аср Самарқанд саройи шимолий деворидаги суратлар таҳлилига доир	213
Г. Бобоёрров, А.В. Кубатин	
Афросиёб деворий суратлардаги ёзувлардаги Самарқанд хукмдорлари сулолари номларининг янгича таҳлилига доир.....	216
М. Исҳоқов	
Корейс алифбоси илдизларига доир	221
Уғур Ўрал	
Самарқанд шахрининг икки Румий шаклланишидаги ўрни	224
Халил Очиқгўз	
Мавлононинг маснавийида Самарқандли заргар ва жория ҳикояси	225
А. Ҳакимов	
Самарқанднинг бадиий мероси	226
С.М. Бабаев, М.А. Аҳмедов	
Амир Темури ва Темурийлар даври обидалари меъморчилик хусусиятлари.....	230
А.С. Ўролов	
Самарқанд шахрининг ўрта асрлардаги даволаш ва шифобахш муассасалари	233
Н.Б. Немцева	
Ўрта Осиё мадрасалари илдизлари.....	235
Ш. Фатуллаев-Фигаров, Р. Амензаде	
Маркизий Осиё ва Озарбайжон – меъморчилик.....	241
Му Са-Ванг Фенг	
Дунё Самарқанди ва Самарқанднинг дунёси.....	244
М.А. Реутова	
Афросиёбнинг монументал суратлари ва уларни таъмирлаш масалалари	245
А.А. Абдуразоқов	
Самарқанд археологик-меъморий ёдгорликларини кимёвий-аналитик ўрганишнинг айрим натижалари.....	248
Ж. Раҳматов, М. Холимов, Ш.К. Муродов, Т.Р. Рихсибоев	
Самарқандаги тарихий обидаларининг геометрик таҳлили.....	252
С.С. Булатов, Р. Маймаков	
Темурийлар давридаги меъморий безакларнинг фалсафий ғоялари.....	254
С.И. Шарипов	
XVI- биринчи ярми XIX асрнинг биринчи ярмида жамоа ҳаммомлари тарихидан	256
М.М. Юсупова	
Самарқанднинг айрим суфийлар хонақолари.....	258
Н.А. Абдувахидова, И. Сатгарова	
Хўжа Дониёр макбараси тарихидан	261
Ф.С. Алиева	
“Панжоб” мадрасаси меъморий ёдгорлиги тарихидан	263

Ф. Набераев	
Замонавий Самарқанд меъморчилигидаги айрим услубий ҳодисалар тўғрисида	265
М.С. Мадиримова	
Мустақил Ўзбекистоннинг маънавий юксалишида зардуштийлик қадриятларининг аҳамияти.....	267
Ж. Бахронов	
Уйғониш давридаги юксалишда Самарқанднинг ўрни	268
Д.Б. Вафоева	
Шарқ Ренессанси мутафакирлари асарларида ҳуқуқий давлат ғоялари	270
У. Ҳоликов	
XIV-XVI асрларда шахмат ўйининг Ўрта Осиё маданиятида тутган ўрни	271
М. Раҳимов	
Самарқанд ва унинг халқаро толерантликни мустақамлашдаги аҳамияти	273
Р.Х. Мургазоева	
Ўзбекистон Республикаси таълими тизимидаги интеграция жараёнларнинг айрим муаммолари тўғрисида	275
С.Х. Хуррамова	
Таълимда гуманизм тамойиллари: анъаналар ва ҳозирги замон	277
Х.М. Мамараҳимов	
Мустақиллик йилларида Самарқанд халқ таълими тизимидаги ўзгаришлар	279
С. Мирсоатова	
Мустақиллик йилларида Самарқанд воҳаси археологиясининг тараққиёти.....	280
К. Шодмонов	
Ўрта аср Европаси томонидан IX-XIII асрлардаги Мовароуннаҳр фалсафий мероси ва қадриятларининг қабул қилиниши	282

САМАРҚАНД МАНБАШУНОСЛИГИ ВА ТОПОНИМИКАСИ

А. Муҳаммаджонов	
Самарқанднинг тарихий топонимлари ҳақида	285
Ш.С. Камолиддин	
Самарқанд Сўғдининг қадимги туркий топонимияси	288
Х.Ю. Мухитдинов	
Самарқанд номи тўғрисида	296
Б. Ўринбоев, Д. Ўринбоева	
Афросиёб топоними ҳақида	299
Ш.А. Аҳадов, К.Ғ. Ғаниев	
Самарқанд шаҳри тарихий манбаларда	300
А. Отахўжаев	
Муғ архивида Самарқанд билан боғлиқ маълумотлар	302
З. Муқимов	
Сўғд хужжатлари ҳуқуқни ўрганиш манбаи сифатида	305
А. Аҳмедов	
Шамсиддин Самарқандий ва унинг “Ашкол ат-таъсис” асари.....	308
У. Уватов	
Ибн Арабшоҳнинг “Амир Темур тарихи” асари	310
Б. Фрагнер	
Адабиёт тарихи қандай ёзилади? Шарқ адабиёти тарихини тавсифлаш учун ҳаракатларга Давлатшоҳ Самарқандий “Тазкират аш шуайб” асарининг таъсири	313
Али Ғофур	
Уйғур мумтоз хужжатларида Самарқанд.....	320

З. Раҳмонкулова

Сейди Али Раиснинг “Миръотул мамолик” асари Бухоро хонлиги ва Усманийлар давлати ўртасидаги сиёсий алоқаларни ўрганишда муҳим манба сифатида 321

А.Ж. Яхшиев

XIX асрнинг биринчи ярмига оид хориж манбаларида Самарқанд 323

Б. Йўлдошев

Самарқанддаги жадид адабий ҳаракатида Хожи Муъиннинг тутган ўрни ҳақида 325

Д.А. Алимова

Маҳмудхўжа Бехбудий ва унинг Самарқанддаги “Ойна” журнали 327

А. Аширов

Самарқанднинг зиёратгоҳларида толерантлик 330

Д.Н. Ражабова

Самарқанддаги “Ойна” журнали саҳифаларида жамиятни янгилаш масалалари 332

Р.С. Мардонов

Таснифлаштириш ва тизимлаштириш Имом ал-Бухорий тадқиқот услублари сифатида 334

А.К. Мўминов

Самарқанд диншунослари муҳити (VIII-XII асрлар) 337

С.Ж. Мир-Жаъфаров, Ш. Маҳматмуродов

Мовароуннахрда ҳадис илмининг ривожланиши ва унинг Шарқ маънавиятидаги ўрни тарихидан 339

Нодирхон Ҳасан

Самарқандлик икки Яссавия шайхи ҳақида 342

Б. Аминов

Самарқандлик Яссавия шайхлари 346

М. Бузруков

Низомиддин Хомуш Хожагон – Нақшбандия таълимотининг намояндаси 350

М. Олтинов

Амир Темур даврида қуйи Зарафшон воҳаси тасаввуф маънавияти 352

О. Абдимўминов

Самарқанд мутасаввуфлари: тарих ва ҳозирги замон 355

САМАРҚАНД ТАРИХ ЧОРРАҲАЛАРИДА. ЭТНОМАДАНИЙ АЛОҚАЛАР

Д. Дутураева

Қорахитойлар ҳукмронлиги даврида Самарқанд (XII-XIII асрлар) 357

О. Бўриев

Темурийлар даври манбаларида Самарқанд шаҳри ва вилоятининг табиати ва хўжалиги ҳақида маълумотлар 360

Г.А. Агзамова

XVI-XIX асрларнинг биринчи ярмида Бухоро хонлигида кечган жараёнларда Самарқанднинг тутган ўрни 361

Қ. Ражабов

Манғитлар сулоласи даврида Самарқанд 365

Б.Ж. Эшов

Нурота воҳаси қадим тарихи ҳақида айрим маълумотлар 368

Х.Х. Самибоев

Маҳалланинг шаҳар тизимидаги ўрни 370

А.Х. Пардаев

XVIII асрнинг иккинчи ярмига оид Самарқанд шаҳри маҳаллалари тарихи ва аҳоли демографияси ҳақида айрим мулоҳазалар 372

Д.Х. Зиёева	
XIX аср охири - XX аср бошида Самарқанд шахрида маъмурий ва ижтимоий-иқтисодий аҳвол	375
Ш.С. Гаффоров	
Чоризм даврида Самарқанд вилоятида мустамлака сиёсий-маъмурий тизимнинг юзага келиши	378
Ш.Д. Пиримқулов	
XIX аср охири - XX аср бошларида Самарқанддаги хорижий тадбиркорлар фаолияти тарихидан	382
Като Кюдзо	
Самарқанд япониялик Ни Си Токужиро нигоҳида	384
О.Ж. Ирисқулов	
XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларида Самарқанднинг шахарсозлиги тарихига доир	387
С. Тиллабоев	
XIX аср охири – XX аср бошларида Самарқанд шахри	389
Ф. Саиджанова	
XIX аср охири – XX аср бошларида Самарқанд ишлаб-чиқариш корхоналари тарихидан.....	391
Р.М. Абдуллаев	
Самарқанд 1917 йилда: ижтимоий-сиёсий ташкилотлар ва шахар Думасига сайловлар	393
У. Рашидов	
1920 йил август-сентябрда Бухоро амирлигини тугатишда Самарқанд ва Каттакўрғон харбий гуруҳларининг фаолияти	397
И.М. Саидов	
Фашизм устидан қозонилган ғалабада самарқандликлар ҳиссаси	399
Д.Х. Асланова, С.А. Исҳоқова	
Самарқанд вилоятида меҳнат салоҳиятини шакллантиришнинг тенденциялари	402
И. Сувонқулов	
Самарқанд хориж шоир адиблари наздида.....	403
Р.Ш. Холиқулов	
Мустақиллик йилларида Самарқанд шахар аҳолисини ижтимоий-ҳимоялаш жараёнлари	404
Ж.Х. Исмоилова	
XIX аср охири – XX аср бошларида Самарқандда хунармандчилик тараккиёти	406
М. Ўроқов	
Зарафшон воҳасининг қосибчилик хунарига оид атамалари.....	409
Т.И. Дорошенко	
В.Л. Вяткиннинг Самарқанд ёдгорликларини ўрганиш ва сақлаб қолинишидаги хизмати	411
М. Гурт, Ш. Пидаев, С. Страйд	
Барселонадан Самарқандгача.....	414
Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафақулов	
Сўғд аҳолиси антропологик хусусиятларининг шаклланиши тарихи	417
В.Д. Горячева	
Тянь-Шань регионидаги турк-сўғд синтези муаммоларини ўрганишнинг маданий аспектлари.....	421
А.М. Маликов	
Самарқанд ва Хоразмнинг этномаданий алоқалари тарихидан.....	424
О. Бўриев	
Самарқанд воҳаси найманлари этник тарихидан	426
Б.Т. Турсунов	
Самарқанддаги яхудийларнинг ижтимоий-иқтисодий ҳаёти тарихидан (XIX аср охири - XX аср бошлари).....	429
С.М. Аминов	
Самарқанд яхудийлари жамоаси тарихидан.....	430

З.И. Иззатуллаев, З.Х. Умаров	
Ўзбекистондаги дунёвий, худудий ва локал экологик муаммолар, уларнинг инсон соғлом турмуш тарзига таъсири	432
Л.А. Алибеков, С.Л. Алибекова, М. Жанига	
Қурғоқчилик зоналарида қадимий шаҳарларнинг барқарор ривожланишида атроф-муҳитнинг таъсири	433
А.М. Шамсиев	
Экологик тарбия ва унинг аҳамияти ҳақида	435
С. Шодмонова	
XIX аср охири - XX аср бошларида Самарқандда соғлиқни сақлаш масалалари	436
П. Лериш, Ш. Пидаев	
Суғдиёна ва Бактрия, Александрдан Сосонийлартгача	439
Э.З. Нуриддинов	
Самарқанднинг ҳозирги замон дунё маданиятидаги ўрни	443

CONTENTS

URBANIZATION AND EARLY FORMS OF STATEHOOD

M.D. Djurakulov, M.D. Djurakulova History Pages of Samarkand Valley's Ancient Culture	7
N.U. Holmatov Material Culture of the Stone Age Population Groups on the Territory of Samarkand	10
B.K. Saifullaev, N.H. Tashkenbaev Ancient Cultures of the Mid-Stream of the Zarafshan River	13
A.S. Sagdullaev Samarkand in the System of Ancient Urbanization	17
M.H. Isamiddinov On the Emergence of the Ancient City of Afrasiab	18
F. Grenet, Sh. Rahmanov New Information on the Date of the Earliest System of Fortification at Afrasiab (middle or 2 nd half of the 6 th century B.C.).....	21
N.Almazova Weaving in Samarkand in Ancient Times.....	23
V.Ruzanov Metalworking in Afrasiab in Ancient and Medieval Times.....	27
C.Rapen Koktepa during the Iron Age before Achaemenid Arrival.....	29
M.Khasanov Several New Facts About the Formation of the Urban Culture of Ancient Soghd	38
Sh.B. Shaydullaev Some Thoughts on the Formation of Early Urban Culture in Ancient Soghd	41
H.-P. Francfort Trois Sceaux de Samarkand «Achemenide» et «Pre-Achemenide» et la Glyptique de L'Asie Centrale a l'Age du Fer	42
A.V. Omelchenko Reconstructing the Political History of the Eastern Part of Southern Soghd (end 4 th c. BCE – 4 th c. CE).....	48
G.A. Koshelenko New Written Documents on the History of Ancient Central Asia	52
M.H. Pardaev, F.E. Tashbaev Role of Nomadic Cattle-Breeders in the System of the Soghd Civilization	54
S.R. Baratov The General and Specific Characteristics of Archaic Culture of Soghd and Khorezm	58
Ju.F. Burjakov Soghd and Chach. Interactions and Mutual Influences Between the Two Ancient Uzbek Centers of Civilizations	61
M.I. Filanovich Interactions Between the Elite Subcultures of Soghd and Chach During the Early Medieval Period	65
M. Tosi, A. Berdimuradov, F. Franceschini, D. Giorgetti, S. Mantellini, B. Rondelli La Carta Archeologica Della Media Valle Dello Zeravshan: Strategie E Metodi Per La Storia Del Popolamento Nella Regione Di Samarcanda.....	68
A.Berdimuradov, S.Mantellini, B.Matbabayev Kafir Kala – the Rural Residence of the Samarkand Rulers	73
G.J. Bogomolov From the History of Zoroastrian Funeral Rite.....	77

A.A. Raimkulov	
From the History of Ancient Religions of Samarkand (Christianity).....	81
A.A. Gritsina, I.D. Ivanitski	
Kirtimukha from the Afrasiab Site	84
M. Khodjanazarov	
Ancient Sites of Art Around Samarkand.....	86
Dj.K. Mirzaakhmedov	
Complex of Materials dealt with Events of Mongol Conquest of Samarkand (Afrasiab).....	89
G.B. Normurodova	
Role of Samarkand in Development of Uzbek Statehood	95

SAMARKAND ON THE GREAT SILK ROAD INTERNATIONAL TRADE

L.B. Kircho	
Beginning of Forming of Trade Routes in Central Asia (cultural interactions of population of South Turkmenistan and Zarafshan Valley in the second half of the 4 th – 3 rd millennium B.C.).....	97
U.Mavlanov	
Samarkand's Role in the Ancient Trans-Regional Routes of Central Asia.....	101
G.F. Korobkova	
Ancient and Medieval Samarkand on the Great Silk Road (on materials of craftsmanship of Afrasiab)	104
E.V. Rtveladze	
Samarkand on the Great Silk Road.....	109
Dario Giorgetti	
Samarkand Crossroad of Cultures between East and West	112
Sun Xian	
Samarkand and Ancient China	118
Xinru Liu	
Samarkand and India	118
Koguchi Yasuo	
Soghdian Culture and Soghdians in Japan	119
Takao Uno	
Soghdian Tombs Excavated in China.....	125
B. Abdulgazyeva	
Legends and Myths on the Silk Road.....	127
M.-Sh. Kdirniyazov	
Samarkand and Khorezm (about relations of Amir Temur's capital with Khorezm)	132
D. Rahmonova, N. Kuchimov	
External Trade and Customs Politics During Amir Temur's Epoch	135
Sh.T. Holikulov, A.E. Kurahmedov	
Specifics of Trade in Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	137
Michael Alram	
Ein Schatzfund Hephthalitischer Drachmen aus Baktrien.....	139
J.Ya. Ilyasov	
About the Origins of the Tamgha of Samarkand Rulers	146
L.Ju. Shpeneva	
Monetary Policy of Sultan Ahmad During the First Years of His Ruling.....	150
V.N. Nastich	
More Data on the Samarkand Coins of Temur and the First Temurids.....	152
N.N. Habibullayev	
Secrets of Making of Paper in Ancient Samarkand.....	160

D.Sultanova, Z.A. Muhtarov	
The “Holy Paper” or Restoring Product in Samarkand.....	162
O.P. Kobzeva	
The Role of the Great Silk Road in the Formation of Ethnic Diversity in the Zarafshan Valley	164

RENAISSANCE IN CENTRAL ASIA DURING THE EPOCH OF AMIR TEMUR AND TEMURIDES

J. Yahshilikov	
Amir Temur, the Great Founder.....	167
B.E. Yuldashev	
Military Talent of Amir Temur	169
I. Karimova, B. Urakov	
Amir Temur, the Supporter of Science and Cultural Development	171
Anita Barsellini, Abbas Shermoukhamedov	
Amir Timur’s Role in Becoming and Development of Samarkand.....	173
R.B. Berdiyev	
From the History of Activity of Samarkand Scholars Under the Support of Amir Temur	176
J. Hasanboyev	
The Role of Amir Temur in Development of Culture of Samarkand.....	178
R. Orzibekov	
The Image of Temur in the Uzbek Classical Literature	180
Z.E. Raupova	
Women of Baburid Dynasty.....	181
F.H. Haydarova	
About the Activities of Bibikhanum in the Management of the State	183
M. Muhitdinova	
The Women of the East (on the example of Bibikhanum).....	184
A.F. Fayzullayev	
Ulughbek and His Methods of Study the Universe.....	185
E. Haydarov, A.D. Kabulova, P.S. Haydarov	
The Major Stages of Worldwide Development of Knowledge About the Endlessness from the “Avesta” to the “Zij” by Mirza Ulughbek	187
M.K. Kadirov, B.M. Mahmudov	
From the History of Science of the Ulughbek Epoch	188
M. Ollayarov	
Philosophical-Political Basis of Astronomical School of Ulughbek.....	190
F.Sh. Shamukaramova	
Uzbek Investigations on the Features of Mirza Ulughbek’s Scientific Heritage	192
N.K. Choriyev	
Eastern Renaissance and the Academy of Ulughbek	196
M.N. Abdullaeva, Z.R. Kadirova	
Aesthetic Aspects of the Theory of Reflection According to Ulughbek’s School.....	198
Frederique Beaupertuis-Bressand	
The Timurid Cultural Florescence	200
D. Salohiy	
Alisher Navoi in Samarkand	202
R.R. Nazarov	
Ethnic Processes and Interethnic Tolerance in the Temur’s State	205
A. Kamarzada	
Contribution of Samarkand in Development of Literature of the East	207

R.G. Nazaryan

“Baharistan” of Adburahman Jami and its Place in the Medieval Eastern Prose..... 209

**SCIENCE AND CULTURE OF UZBEKISTAN IN THE SYSTEM
OF VALUES OF THE WORLD CIVILIZATION**

D. Yusupova

Contribution of the Samarkand Scholars to the World Culture..... 212

R. Suleymanov

To Interpretation of Painting on the Northern Wall of the Samarkand Palace of the 7th century 213

G. Babayarov, A.B. Kubatin

To the New Interpretation of the Ruling Family Name from Inscriptions at the Afrasiab Painting 216

M. Iskhakov

To the Origins of the Korean Alphabet 221

Ugur Oral

The Role of Samarkand in Becoming of the Two Rumis..... 224

Halil Açikgöz

Mevlananın Mesnevisinde Semerkandli Kuyumcu ve Cariye Hikayesi 225

A. Khakimov

Art Heritage of Samarkand..... 226

S.M. Babayev, M.A. Akhemodov

The Architectural Specifics of the Monuments of the Amir Temur and Temurides Epoch..... 230

A.S. Uralov

Medical Treatment Facilities in Medieval Samarkand..... 233

N.B. Nemtseva

Origins of Medresahs in Central Asia 235

Sh. Fattulayev-Figarov

Central Asia and Azerbaijan: Architecture..... 241

Mu Sa-Wang Feng

The World’s Samarkand and Samarkand’s World 244

M.A. Reutova

Monumental Paintings of Afrasiab and Questions of Their Preservation 245

A.A. Abdurazakov

Some Results of Chemical-Analytic Study of Archaeological-Architectural Sites of Samarkand 248

J. Rahmatov, M. Holimov, Sh.K. Murodov, T.R. Rihsiboyev

Geometric Analysis of Historical Sites of Samarkand 252

S.S. Bulatov, R. Maymakov

Philosophical Ideas of Architectural Design of Temurid Period..... 254

S.I. Sharipov

From the History of Public Baths in Samarkand in the 16th – first half of the 19th centuries 256

A. Yusupova

Some Sufi Houses of Samarkand 258

N.A. Abduvahidova, I. Sattarova

From the History of the Hoja Dniyar Mausoleum..... 261

F.S. Aliyeva

From the History of the “Panjab” Medreseh Architectural Site 263

F. Naberayev

On a Few Stylistic Tendencies in Contemporary Uzbek Architecture..... 265

M.S. Madirimova

The Significance of Zoroastrian Values in Spiritual Rebirth of the Independent Uzbekistan..... 267

J. Bahronov

The Role of Samarkand in Development of Renaissance 268

D.B. Vafayeva	
Ideas of a Legal State in Works of Thinkers of the Eastern Renaissance	270
U. Holikov	
About the Role of the Chess in the Central Asian culture in the 14 th – 16 th centuries	271
M. Rahimov	
The Role of Samarkand in Strengthening of International Tolerance.....	273
R.H. Murtazayeva	
About Some Problems in Integration Processes of the Education System of the Republic Uzbekistan	275
S.H. Hurramova	
The Principle of Humanism in Education: traditions and modernity	277
H.M. Mamarahimov	
Reformations in the System of Public Education in Samarkand during the Independence of Uzbekistan	279
S. Mirsaatova	
Development of Archaeology of the Samarkand Oasis During the Independence	280
K. Shadmanov	
Perception by Medieval Europe of Philosophical Heritage of the 9 th -13 th centuries Maveraunnahr ...	282

TOPONIMICS OF SAMARKAND AND HISTORICAL SOURCES

Sh.S. Kamoliddin	
Ancient Turkic Toponyms of Samarkand Soghd	288
H.Yu. Muhitdinov	
On the Name of Samarkand	296
B. Urinboyev, D. Urinboyeva	
On the Toponymics of Samarkand.....	299
Sh.A. Ahadov, K.G. Ganiyev	
History of the City of Samarkand in Sources.....	300
A. Otakhodjajev	
Information about Samarkand in Documents Found on the Mugh Mountain.....	302
Z. Mukimov	
Soghdian Documents as a Source to Study Law	305
A. Ahmedov	
Shamsiddin Samarkandi and his Work “Ashkal-at-ta’sis”.....	308
U. Uvatov	
The “History of Amir Temur” by Ibn Arabshah	310
Bert G. Fragner	
How to Write Histories of Literature? The Impact of Dawlatshah Samarqandirs <i>tazkirat Ash-shutare</i> (1487) on Later Attempts to Describe the History of Eastern Literature“	313
Ali Ghopur	
Samarkand in Uyghur Classic Documents.....	320
Z. Rahmonkulova	
The Work “Miratul mamalik” by Seydi Ali as Subject to Study Political Relations between Bukhara Kaganate and Ottoman Empire	321
A.J. Yahshiyev	
Samarkand in Foreign Sources of the First Half of the 19 th century	323
B. Yoldoshev	
The Role of Hoja Mu’in in the Jadid Literature Movement of Samarkand	325
D.A. Alimova	
Mahmudhoja Behbudiy and his Samarkand Journal “Oyna”	327

A. Ashirov	
The Tolerance During the Visits of Holy Places of Samarkand.....	330
D.N. Radjabova	
The Questions of Modernization of the Society on the pages of the “Oyna” Samarkand Journal	332
R.S. Mardonov	
Classification and Systematization as Research Methods of Imam al-Bukhari	334
A.K. Muminov	
Samarkand Environment of Theologists (8 th -12 th cent).....	337
S.J. Mir-Jafarov, Sh. Mahmatmuradov	
From the History of the khadis science in Maverannahr and its role in the development of the Spiritual Culture on the East.....	339
Nodirkhan Hasan	
About the Two Yassawiya Sheykhs of Samarkand.....	342
B. Aminov	
The Samarkand Yasaviya Sheikhs	346
M. Buzrukov	
Nizamiddin Hamush Khojagon, the Representative of Naqshibandiyya School	350
M. Oltinov	
Sufi Spiritualism of Lower Zarafshan Valley during the Amir Temur Epoch	352
O. Abdimuminov	
The Samarkand Sufis: history and present	355

SAMARKAND ON THE CROSSROADS OF HISTORY ETHNO-CULTURAL RELATIONS

D. Duturayeva	
Samarkand During the Period of Karakhitays (12 th -13 th centuries).....	357
O. Buriev	
Culture of Samarkand During the Epoch of Sheibanides.....	360
G.A. Agzamova	
The Role of Samarkand in the Life of the Bukhara Khanate in the 16 th -19 th centuries.....	361
K. Rajabov	
Samarkand During the Period of Mangyt Dynasty	365
B.Sh. Eshov	
Some Data on the History of Nurata Valley	368
H.H. Samibayev	
The Place of Mahalla in the Urban System	370
A.H. Pardayev	
Some Thoughts on the History of Mahalla and Demography of Population of Samarkand City in the second half of the 18 th century.....	372
D.H. Ziyayeva	
Political-Public and Socio-Economical Changes in Samarkand City at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	375
Sh.S. Gafforov	
Formation of Colonial Political-Administrative System of Tsarism in Samarkand Province.....	378
Sh.D. Pirimqulov	
From the History of activities of foreign businessmen in Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th centuries.....	382
Kato Kyudzo	
Samarkand in the Eyes of a Japanese Ni Si Tokujiro.....	384

O.J. Iriskulov	
To the History of Urban Development in Samarkand at the second half of the 19 th – beginning of the 20 th century.....	387
S. Tillabayev	
Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	389
F. Saidjonova	
From the History of Industrial Plants in Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	391
R.M. Abdullayev	
Samarkand in 1917: socio-political organizations and elections to city Duma.....	393
U. Rashidov	
Activity of Military Groups of Samarkand and Kattakurgan in Liquidation of the Bukhara Emirate in July-August of 1920.....	397
I.M. Saidov	
Contribution of People from Samarkand to the Victory over the Fascism	399
D.H. Aslanova, S.A. Iskhakova	
Tendencies in Forming the Labor Potential in the Samarkand Province	402
I. Suvanqulov	
Samarkand in the Foreign Poetry	403
R.Sh. Holikulov	
Social Protection of Samarkand Population during the Independence	404
J.H. Ismailova	
Development of Craft in Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	406
M. Urakov	
Craft Words of the Population of Zarafshan Valley.....	409
T.I. Doroshenko	
Contribution of V.L. Vyatkin to Study and Preservation of Samarkand Sites.....	411
J.-M. Gurt, Sh.Pidayev, S.Stride	
From Barcelona to Samarkand.....	414
T.K. Hodjayov, S.I. Mustafakulov	
History of Formation of Anthropological Specificity of the Soghdian Population.....	417
V.D. Goryacheva	
Cultural Aspects of Investigation of Turkic-Soghdian Synthesis in Tien-Shan Region	421
A.M. Malikov	
From History of Ethno-Cultural Relations of Samarkand and Khorezm	424
O. Buriyev	
From Ethnic History of Naymans of the Samarkand Oasis	426
B.T. Tursunov	
From History of Socio-Economic Life of Jews of Samarkand (end of the 19 th – beginning of the 20 th cent.)	429
S.M. Aminov	
From History of Jewish Diaspora in Samarkand.....	430
Z.I. Izzatullayev, Z.H. Umarov	
Global, regional and local environmental problems in Uzbekistan, their impact on human healthy life style	432
L.A. Alibekov, S.L. Alibekova, M. Janiga	
Role of Environment in Sustainable Development of a City in Arid Region	433
A.M. Shamsiyev	
Environmental Education and its Significance	435
S. Shodmonova	
Questions of Health Care on Samarkand at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century.....	436

P. Leriche, Ch. Pidaev

To the History of Urban Development in Samarkand at the second half
of the 19th – beginning of the 20th century 439

E.Z. Nuriddinov

Samarkand at the end of the 19th – beginning of the 20th century 443

СОДЕРЖАНИЕ

УРБАНИЗАЦИЯ И РАННИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М.Д. Джуракулов, Д.М. Джуракулова Страницы истории древней культуры Самаркандского региона	7
Н.У. Холматов Материальная культура группы населений каменного века на территории Самарканда	10
Б.К. Сайфуллаев, Н.Х. Ташкенбаев Древнейшие культуры среднего течения Зарафшана	13
А.С. Сагдуллаев Самарканд в системе древней урбанизации	17
М.Х. Исамиддинов К вопросу о возникновении древнего города на Афрасиабе	18
Ф. Грене, Ш. Рахманов Новые данные о дате первой системы фортификации Афрасиаба (середина или вторая половина VI в. до н.э.)	21
Н. Алмазова Ткачество в Самарканде античного времени	23
В. Рузанов Цветная металлообработка на Афрасиабе в античном периоде и средневековье	27
К. Рапен Коктепа в период Железного века до прихода Ахеменидов	29
М. Хасанов Некоторые новые данные к становлению городской культуры в Согде	38
Ш.Б. Шайдуллаев Некоторые изображения о формировании городской культуры на территории древнего Согда	41
Х - П. Франкфор Три печати доахеменидского и ахеменидского периода из Самарканда и Центральноазиатская глиптика эпохи железного века	42
А.В. Омельченко Опыт реконструкции политической истории восточной части Южного Согда конца IV века до нашей эры – IV века нашей эры	48
Г.А. Кошеленко Новые письменные документы по истории центральноазиатского региона в древности	52
М.Х. Пардаев, Ф.Э. Тошбоев Место кочевых народов в системе цивилизации Согда	54
С.Р. Баратов Общие и особенные черты в развитии архаической культуры Согда и Хорезма	58
Ю.Ф. Буряков Согд и Чач. Взаимодействие и взаимовлияние двух культур древнего Узбекистана	61
М.И. Филанович Взаимодействие элитных субкультур Согда и Чача в раннем средневековье	65
М. Този, А. Бердимуратов, Ф. Франческини, Д. Джорджетти, С. Мантеллини, Б. Ронделли Археологическая карта среднего течения Зарафшана: стратегия и методы изучения истории освоения Самаркандского региона	68
А. Бердимуратов, С. Мантеллини, Б. Матбабаев Кафиркала – загородная резиденция самаркандских правителей	73
Г.И. Богомоллов Из истории зороастрийского погребального обряда	77
А.А. Раимкулов Из истории древних религий Самарканда (христианство)	81

А.А. Грицина, И.Д. Иваницкий Киртимукха из Афрасиаба.....	84
М. Хўжаназаров Древние памятники искусства округа Самарканда	86
Д.К. Мирзаахмедов Комплекс материалов к событиям монгольского завоевания Самарканда (Афрасиаба)	89
Г.Б. Нормуродова Роль Самарканда в развитии узбекской государственности	95

САМАРКАНД НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Л.Б. Кирчо Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Заравшана во второй половине IV-III тыс. до н.э.)	97
У. Мавланов Самарканд в системе древних путей Среднеазиатского Междуречья	101
Г.Ф. Коробкова Древний и средневековый Самарканд на Великом Шелковом пути (по материалам ремесленного производства Афрасиаба).....	104
Э.В. Ртвеладзе Самарканд на Великом Шелковом пути	129
Д. Джорджетти Самарканд на перекрестке Запада и Востока	112
Сунь Сян Самарканд и древний Китай.....	118
Синру Лиу Самарканд и Индия	118
Когучи Ясуо Согдийская культура и согдийцы в Японии	119
Такао Уно Раскопки согдийских погребений в Китае.....	125
Б. Абдулгазиева Легенды и мифы на Шелковом пути	127
М.-Ш. Кдырниязов Самарканд и Хорезм (о связях столицы Амира Темура с Хорезмом).....	132
Д. Рахмонова, Н. Кучимов Внешняя торговля и таможенная политика в эпоху Амир Темура	135
Ш.Т. Холикулов, А.Э. Курахмедов Своеобразие торговли города Самарканда в кон. XIX – нач. XX вв.....	137
М. Альрам Клад эфталитских монет из Бактрии	139
Дж.Я. Ильясов О происхождении тамги самаркандских правителей.....	146
Л.Ю. Шпенёва Монетная политика Султан Ахмада в первые годы его правления.....	150
В.Н. Настич Ещё о самаркандском чекане Тимура и первых Темуридов	152
Н.Н. Хабибуллаев Тайна изготовления древней самаркандской бумаги.....	160
Д. Султанова, З.А. Мухторов «Священная бумага» или восстановление самаркандской бумаги.....	162

О.П. Кобзева

Роль Великого шелкового пути в формировании этнического разнообразия Зарафшонской долины..... 164

РЕНЕССАНС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Ж. Яхшиликов

Амир Темура – великий созидатель..... 1

Б.Э. Юлдашев

Полководческий талант Амира Темура 169

И. Каримова, Б. Ураков

Амир Темура – покровитель науки и культуры..... 171

Анита Барселлини, А. Шермухамедов

Роль Амира Темура в возрождении и развитии Самарканда..... 173

Р.Б. Бердиев

Из истории деятельности ученых Самарканда под покровительством Амира Темура..... 176

Ж. Хасанбаев

Роль Амира Темура в развитии культуры Самарканда 178

Р. Орзибеков

Образ Амира Темура в узбекской классической литературе..... 180

З.Э. Раупова

Женщины династии Бабуридов 181

Ф.Х. Хайдарова

О деятельности Бибиханум в управлении государством 183

М. Мухитдинова

Женщины Востока (на примере Бибихоним) 184

А.Ф. Файзуллаев

Улугбек и его методы познания Вселенной 185

Э. Хайдаров, А.Д. Кабулова, П.С. Хайдаров

Основные этапы мирового развития представлений о бесконечности от «Авесты» до «Зиджи» Мирзы Улугбека..... 187

М.К. Кодиров, Б.М. Махмудов

Из истории науки эпохи Улугбека 188

М. Оллаяров

Философско-политические основы астрономической школы Улугбека..... 190

Ф.Ш. Шамукарамова

Особенности изучения научного наследия Мирзо Улугбека в Узбекистане в 20-80-е годы XX века..... 192

Н.К. Чориев

Восточный Ренессанс и академия Улугбека..... 196

М.Н. Абдуллаева, З.Р. Кадырова

Эстетические аспекты теории познания школы Улугбека..... 198

Фредерик Брессан

Культурный расцвет в эпоху Тимуридов..... 200

Д. Салохий

Алишер Навои в Самарканде 202

Р.Р. Назаров

Межэтническая толерантность в государстве Амира Темура 204

А. Камарзода

Вклад Самарканда в развитие художественной литературы Востока 207

Р.Г. Назарьян

«Бахаристан» Абдурахмана Джамии и его место в средневековой прозе Востока 209

**НАУКА И КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА В СИСТЕМЕ
ЦЕННОСТЕЙ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Д. Юсупова	
Вклад ученых Самарканда в мировую культуру	212
Р. Сулейманов	
К интерпретации живописи северной стены дворца Самарканда VII века	213
Г. Бабаяров, А.В. Кубатин	
К новой интерпретации имени правящего рода Самарканда из надписей в росписях Афрасиаба	216
М. Исхаков	
К истокам корейского алфавита.....	221
Угур Орал	
Роль Самарканда в становлении двух Руми.....	221
Халиль Ачыкгёз	
Рассказ о ювелире и его невесте в произведении Мавляна.....	225
А. Хакимов	
Художественное наследие Самарканда.....	226
С.М. Бабаев, М.А. Ахмедов	
Особенности архитектурных памятников периода Амира Темура и Темуридов	230
А.С. Уралов	
Лечебно-оздоровительные учреждения Самарканда в средние века	233
Н.Б. Немцева	
Истоки медресе Средней Азии.....	235
Ш. Фаттуллаев-Фигаров	
Центральная Азия и Азербайджан – архитектура.....	241
Му Са-Фанг Фенг	
Самарканд мира и мир Самарканда.....	244
М.А. Реутова	
Монументальные росписи Афрасиаба и вопросы их сохранения	245
А.А. Абдуразаков	
Некоторые итоги химико-аналитического изучения археолого-архитектурных памятников Самарканда.....	248
Ж. Рахматов, М. Холимов, Ш.К. Муродов, Т.Р. Рихсибоев	
Геометрический анализ исторических памятников Самарканда.....	252
С.С. Булатов, Р. Маймаков	
Философские идеи архитектурных орнаментов темуридского времени	254
С.И. Шарипов	
Из истории общественных бань в Самарканде в XVI – первой половине XIX вв.	256
М.А. Юсупова	
Некоторые суфийские обители Самарканда.....	258
Н.А. Абдувахидова, И. Саттарова	
Из истории мавлояея Ходжи Данияра.....	261
Ф.С. Алиева	
Из истории архитектурного памятника медресе «Панджаб».....	263
Ф. Набераев	
О некоторых стилевых явлениях в современной архитектуре Самарканда	265
М.С. Мадиримова	
Значение ценностей зороастризма в духовном возрождении независимого Узбекистана	267
Ж. Бахронов	
Роль Самарканда в развитии Ренессанса.....	268

Д.Б. Вафаева	
Идеи правового государства в произведениях мыслителей Восточного Ренессанса.....	270
У. Холиков	
О роли шахматной игры в XIV-XVI вв. в культуре Средней Азии.....	271
М. Рахимов	
Самарканд и его значение в укреплении международной толерантности	273
Р.Х. Муртазаева	
О некоторых проблемах в интеграционных процессах системы образования Республики Узбекистан	275
С.Х. Хуррамова	
Принцип гуманизма в образовании: традиции и современность	277
Х.М. Мамарахимов	
Реформы в системе народного образования в Самарканде в годы независимости Узбекистана.....	279
С. Мирсаатова	
Развитие археологии Самаркандского оазиса в годы независимости.....	280
К.Шадманов	
Перцепция средневековой Европой ценностей философского наследия Маварауннахра IX-XIII веков.....	282

ТОПОНИМИКА САМАРКАНДА И ИСТОЧНИКИ

А. Мухамаджонов	
Об исторических топонимах Самарканда.....	285
Ш.С. Камолиддин	
Древнетюркская топонимия Самаркандского Согда.....	288
Х.Ю. Мухитдинов	
О названии Самарканда	296
Б. Уринбоев, Д. Уринбоева	
О топонимике Самарканда	299
Ш.А. Ахадов, К.Г. Ганиев	
Город Самарканд в исторических источниках	300
А. Отахужаев	
Данные о Самарканде в Мугском архиве	302
З. Мукимов	
Согдийские документы в источник изучения права.....	305
А. Ахмедов	
Шамсиддин Самарканди и его произведение «Ашкол-ат-таъсис»	308
У. Уватов	
«История Амира Темура» Ибн Арабшаха	310
Б.Фрагнер	
Как пишется история литературы? Влияние произведения Давлатшаха Самарканди «Тазкират аш шуайб» на поздние попытки описания истории восточной литературы.....	313
Али Гофур	
Самарканд в уйгурских классических документах	320
З. Рахмонкулова	
Произведения Сайди Али «Миротул мамолик» в качестве изучения политических отношений между Бухарским ханством и Османской империей.....	321
А.Ж. Яхшиев	
Самарканд в иностранных источниках первой половины XIX века.....	323
Б. Йулдошев	
Роль Ходжи Муъина в джадидском литературном движении Самарканда	325

Д.А. Алимова	
Махмудходжа Бехбудий и его самаркандский журнал “Ойна”	327
А. Аширов	
Толерантность при посещении зияратгахов Самарканда	330
Д.Н. Раджабова	
Вопросы модернизации общества на страницах самаркандского журнала «Ойна»	332
Р.С. Мардонов	
Классификация и систематизация как исследовательские методы имама ал-Бухори	334
А.К. Муминов	
Самаркандская среда теологов (VIII-XII вв.)	337
С.Ж. Мир-Жаъфаров, Ш. Махматмуродов	
Из истории науки о хадисах в Мавераннахре и её роль в развитии духовности Востока	339
Нодирхон Хасан	
О двух Самаркандских шейхах Яссавия	342
Б. Аминов	
Самаркандские шайхи Йасавийа	346
М. Бузруков	
Низомиддин Хомуш Хожагон – представитель учения Накшбандия	350
М. Олтинов	
Суфийская духовность долины нижнего Зарафшана в эпоху Амира Темура	352
О. Абдимуминов	
Суфии Самарканда: история и современность	355

САМАРКАНД НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Д. Дутураева	
Самарканд в период господства каракитаев (XII-XII вв)	357
О. Буриев	
Сведения о природе и хозяйстве города Самарканда и области в источниках эпохи темуридов	360
Г.А. Агзамова	
Место Самарканда в событиях Бухарского ханства XVI – перв. пол. XIX вв.	361
К. Ражабов	
Самарканд в эпоху династии Мангытов	365
Б.Ж. Эшов	
Некоторые данные по истории долины Нураты	368
Х.Х. Самибаев	
Место махалли в системе города	370
А.Х. Пардаев	
Некоторые соображения об истории махалли и демографии населения города Самарканда во второй пол. XVIII в.	372
Д.Х. Зияева	
Политико-общественные и социально-экономические изменения города Самарканда конца XIX – нач. XX в.	375
Ш.С. Гаффаров	
Формирование колониальной политико-административной системы царизма в Самаркандской области	378
Ш.Д. Пиримкулов	
Из истории деятельности зарубежных предпринимателей в Самарканде в конце XIX – начале XX вв.	382
Като Кюдзо	
Самарканд глазами японца Ни Си Токужиро	384

О.Ж. Ирискулов	
К истории градостроительства Самарканда второй пол. XIX- нач. XX в.	387
С. Тиллабоев	
Самарканд конца XIX – нач. XX в.	389
Ф. Саиджонова	
Из истории промышленных предприятий Самарканда конца XIX – начала XX века	391
Р.М. Абдуллаев	
Самарканд в 1917 году: общественно-политические организации и выборы в городскую Думу	393
У. Рашидов	
Деятельность военных групп Самарканда и Каттакургана в ликвидации Бухарского эмирата в июле-августе 1920 года.....	397
И.М. Саидов	
Вклад самаркандцев в победу над фашизмом.....	399
Д.Х. Асланова, С.А. Исхакова	
Тенденции формирования трудового потенциала Самаркандской области	402
И. Суванкулов	
Самарканд устами зарубежных поэтов	403
Р.Ш. Холикулов	
Социальная защита населения Самарканда в годы независимости	404
Ж.Х. Исмоилова	
Развитие ремесла в Самарканде конца XIX – нач. XX в.	406
М. Уроков	
Ремесленные термины населения долины Зарафшана	409
Т.И. Дорошенко	
Вклад В.Л. Вяткина в изучение и сохранение памятников Самарканда	411
Ж.-М. Гурт, Ш. Пидаев, С. Страйд	
От Барселоны до Самарканда	414
Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов	
История формирования антропологических особенностей населения Согда.....	417
В.Д. Горячева	
Культурологический аспект изучения проблемы тюрко-согдийского синтеза в Тянь-Шанском регионе.....	421
А.М. Маликов	
Из истории этнокультурных связей Самарканда и Хорезма.....	424
О. Буриев	
Из этнической истории найманов Самаркандской долины	426
Б.Т. Турсунов	
Из истории социально-экономической жизни евреев Самарканда (конец XIX – начало XX в.).....	429
С.М. Аминов	
Из истории еврейской диаспоры Самарканда	430
З.И. Иззатуллаев, З.Х. Умаров	
Всемирные, территориальные и локальные экологические проблемы в Узбекистане, их влияние на здоровый образ жизни человека	432
Л.А. Алибеков, С.Л. Алибекова, М. Жанига	
Роль окружающей природной среды в устойчивом развитии городов аридных зон	433
А.М. Шамсиев	
Экологическое воспитание и его значение	435
С. Шодмонова	
Вопросы здравоохранения Самарканда конца XIX – нач. XX в.	436

П. Лериш, Ш. Пидаев	
Согдиана и Бактрия, от Александра до Сасанидов	439
Э.З. Нуриддинов	
Место Самарканда в современной мировой культуре.....	443

ЎзР ФА “Фан” нашриёти: 100047, Тошкент, акад. Я. Ғуломов кўчаси 70

Китоб макети ЎзР ФА Археология институтида тайёрланган

**ЎзР ФА Ишлар бошқармаси қошидаги кичик босмахона
100047, Тошкент, акад. Я.Ғуломов кўчаси 70**